Class D20
Book .U3717

YUDIN COLLECTION

16

ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Weber

С 16
761

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 5 руб.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1887.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

Буасье, Гастона. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья — — М. 1880 г. Ц. 2 р.

Бэна, А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго.* М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ *Э. Циммермана.* М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.

Вебера, Г. Всеобщая Исторія, Т. I, II, III, IV и V и VI. М. 1887 г. Ц. за 6 т. 29 р. 50 к.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. *А. Н. Веселовскаго.* М. 1881 г. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева.* М. 1879 г. Ц. 20 р.

Веселовскаго, А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантронъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философіи безсознательнаго, т. II. *А. Козлова.* М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.

Гиббона, Э. Исторія упадка и разруш. римской имперіи съ портретомъ автора. Пер. *В. Невѣдомскаго.* Т. I, II, III, IV, V, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова.* М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста, Руд. Исторія Государств. учрежденій Англіи, пер. съ нѣмецкаго *С. Венгерова.* М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера, Н. И. Очерки первобытной эконом. культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Пер. *Е. Корша.* М. 1874 г. Ц. 16 р.

Кольцова, А. В. Стихотворенія. Изданіе 9-е. М. 1887 г. Ц. 20 к.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Корша.* 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Цѣна 7 р.

(См. 3-ю страницу обложки).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Ukber, George
Useobshchaia
istoriia

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова
1887.

D20
W3717

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ русскому переводу . . . . . XIII—XXXIII.
Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи 1. о расахъ . . . . . —

II. Времена крестовыхъ походовъ и Гоэнштауфеновъ. (Второй отдѣлъ). 1

A. Нѣмецкое государство при Филиппѣ и Оттонѣ . . . . . —

1. Партіи и вожди ихъ . . . . . —
2. Иннокентій III. Итальянскія дѣла 6
3. Вмѣшательство папы въ борьбу за нѣмецкій престолъ . . 13
4. Побѣда Филиппа; смерть его 20
5. Правленіе Оттона IV 25

a) Возстановленіе государственнаго единства . . . . —
b) Походъ Оттона въ Римъ и полученіе имъ императорской короны 28
c) Отлученіе Оттона отъ церкви 32
d) Фридрихъ II въ Германіи. Послѣднее время царствованія Оттона 36

B. Могущество папы. Борьба римской церкви съ ересями . . 42

1. Папская власть. Католическая іерархія . . . . . —
2. Религіозная оппозиція 47

a) Павликіане и богумилы 49
b) Катары . . . . . —
c) Вальдійцы 51
d) Альбигойскія войны. Возникновеніе инквизиціи . . . 53
e) Стединги. Конрадъ Марбургскій 62

3. Нищенствующіе ордена 65
4. Церковная наука 71

a) Цвѣтущій періодъ схоластики . . . . . —
b) Упадокъ схоластики. Развитіе мистицизма 75

5. Четвертый крестовый походъ. Латинская имперія . . . 78

a) Взятіе Константинополя крестоносцами . . . . . —
b) Латинская имперія. Трапезунтская и никейская имперія. 85
c) Положеніе дѣлъ въ Сиріи. Походъ въ Египетъ . . . 91

C. Фридрихъ II и его время 99

1. Итальянскія дѣла. Отношенія Фридриха къ Гонорію III. . —
2. Отлученіе отъ церкви и крестовый походъ Фридриха . . 109

Стр.

3. Политическая дѣятельность Фридриха 119

a) Нѣмецкія дѣла . . . . . —
b) Учрежденія, введенныя Фридрихомъ въ сицилійскомъ королевствѣ 126

4. Годы дипломатической дружбы императора съ папой . . 130

a) Дѣйствія Фридриха въ средней и сѣверной Италіи . . —
b) Возвращеніе Фридриха въ Германію. Судьба Генриха. 136
c) Война Фридриха съ ломбардцами 142

5. Вторичное отлученіе Фридриха отъ церкви 148

a) Причины разрыва папы съ императоромъ . . . . —
b) Борьба Григорія IX съ Фридрихомъ 151

6. Борьба Иннокентія IV съ Фридрихомъ 161

a) Переговоры. Бѣгство Иннокентія. . . . . —
b) Ліонскій соборъ 167
c) Борьба гвельфовъ и гибеллиновъ 172
d) Избраніе Генриха Распе королемъ 177
e) Осада Пармы Фридрихомъ 180
f) Избраніе Вильгельма Голландскаго королемъ нѣмецкимъ. 183
g) Послѣднее время царствованія Фридриха. Характеръ его. 186

D. Погибель Гоэнштауфеновъ. Междуцарствіе въ Германіи . . 194

1. Германія и Испанія до смерти Конрада IV . . . . . —
2. Нѣмецкое королевство при Вильгельмѣ Голландскомъ . 202

a) Послѣднее время царствованія Вильгельма . . . . —
b) Нѣмецкіе города 204
c) Первые годы царствованія Оттокара 214
d) Покореніе прибалтійскихъ земель нѣмцами 219

1. Нѣмцы въ прибалтійскихъ земляхъ. Начало покоренія Пруссіи нѣмецкимъ орденомъ . . . . . —
2. Окончальное покореніе прибалтійскихъ земель нѣмецкимъ орденомъ 230
3. Манфредъ и Эццелино 237
4. Карлъ Анжуйскій. Погибель Манфреда 244
5. Междуцарствіе въ Германіи 254

a) Избраніе Ричарда Корнуэльскаго и Альфонса Кастильскаго королями нѣмецкими . . . . . —
b) Государственный бытъ Германіи во время междуцарствія 257
c) Богемско-австрійское государство Оттокара 268

6. Походъ Конрадина въ Италію. Смерть его 277
7. Владычество Карла. Сицилійская вечерня 288
8. Исходъ войны съ Сициліей 293

E. Востокъ и послѣдніе крестовые походы 300

1. Мусульманскія государства на востокѣ и монголы . . —

a) Ховарезмское царство. Чингизханъ . . . . . —
b) Сыновья и потомки Чингизхана 307

2. Послѣдніе крестовые походы. Общіе результаты крестовыхъ походовъ 313

Стр.

a) Состояніе Палестины въ половинѣ XIII вѣка. Крестовый походъ Людовика IX въ Египетъ 313
b) Крестовый походъ Людовика IX въ Тунисъ. Покореніе Сиріи мамлюками 323
c) Вліяніе крестовыхъ походовъ на ходъ исторической жизни въ Европѣ 329

F. Культура западной Европы въ XIII вѣкѣ 335
Литература . . . . . —
1. Общій ходъ развитія искусства 336
a) Поэзія . . . . . —
b) Музыка 339
c) Архитектура, пластика, живопись 350
2. Средневѣковая поэзія 357
a) Французская поэзія . . . . . —
1. Лирическая поэзія 360
2. Бретонско-французская эпическая поэзія 364
3. Нидерландская поэзія. Поэма о лисицѣ 374
b) Нѣмецкая поэзія во времена крестовыхъ походовъ . . 377
1. Послѣднія произведенія духовныхъ поэтовъ . . . —
2. Переходъ къ свѣтской поэзіи 482
3. Нѣмецкіе миннезингеры. Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде 385
4. Гартманъ фонъ Ауэ, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Готфридъ Страсбургскій 391
5. Нибелунги и Гудруна 395
6. Упадокъ эпической поэзіи. Дидактика. Историческая литература 404
a) Дидактика . . . . . —
b) Школа Готфрида. Школа Вольфрама 405
c) Легенды о святыхъ. Хроники въ стихахъ. . . . 408
3. Историческая литература во времена Гоэнштауфеновъ и крестовыхъ походовъ 409
4. Точныя науки въ XII и XIII столѣтіяхъ 420

III. Упадокъ феодальной системы и папской власти. Развитіе участія сеймовъ въ управленіи государствомъ.

Литература 426
A. Исторія Испаніи 427
1. Борьба христіанъ съ мусульманами . . . . . —
2. Завоеванія христіанъ 436
a) Кастилія . . . . . —
b) Арагонія и Каталонія 443
c) Португалія 446
3. Характеръ быта въ христіанскихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова 449
B. Исторія Англіи 455
1. Потомки Вильгельма Завоевателя . . . . . —

	Стр.
a) Англія при сыновьяхъ Вильгельма Завоевателя . . .	455
b) Царствованіе Стефана. Борьба за престолъ	464
2. Династія Плантагенетовъ	471
a) Генрихъ II	—
1. Генрихъ II и канцлерство Томаса Бекета	—
2. Кларендонскія конституціи	475
3. Томасъ Бекетъ въ изгнаніи	484
4. Возвращеніе Томаса Бекета въ Англію. Убійство его.	492
5. Примиреніе Генриха съ церковью	497
6. Экспедиція Генриха въ Ирландію	500
7. Мятежи сыновей Генриха. Покаяніе его. Законодательная дѣятельность въ его правленіе	505
8. Послѣднее время царствованія Генриха II	510
b) Ричардъ I	515
c) Англія при Іоаннѣ	519
1. Потеря владѣній во Франціи	—
2. Ссора Иннокентія съ Іоанномъ	522
3. Великая хартія	531
4. Послѣднее время царствованія Іоанна	537
d) Генрихъ III. Борьба за установленіе законнаго порядка.	540
1. Малолѣтство Генриха III	—
2. Внутреннее управленіе	544
3. Поборы римской куріи въ Англіи. Оппозиція имъ .	547
4. Послѣднее время царствованія Генриха III . . .	556
e) Англія при Эдуардѣ I, Эдуардѣ II, Эдуардѣ III . .	561
1. Царствованіе Эдуарда I. Покореніе Уэльза . . .	—
2. Покореніе Шотландіи	565
3. Возстаніе Уоллеса. Развитіе конституціоннаго правленія въ Англіи	572
4. Новый походъ Эдуарда I въ Шотландію. Смерть его.	576
5. Царствованіе Эдуарда II	580
6. Первые годы царствованія Эдуарда III	591
7. Развитіе парламентскаго правленія въ Англіи . .	594
C. Исторія Франціи до начала войны за наслѣдство престола .	601
1. Возростаніе могущества французскихъ королей при Филиппѣ II и Людовикѣ VIII	—
2. Царствованіе Людовика IX	609
3. Франція въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка	619
a) Филиппъ III и начало царствованія Филиппа IV . .	—
b) Борьба Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII	624
c) Климентъ V. Развитіе политическаго значенія горожанъ во Франціи. Погибель ордена тампліэровъ . . .	632
d) Смерть Филиппа IV. Результаты его правленія . .	645
4. Исторія Франціи отъ смерти Филиппа IV до начала англійскихъ войнъ	648
D. Германія послѣ междуцарствія	755

1. Избраніе Рудольфа Габсбургскаго. Положеніе новаго нѣмецкаго короля 656
2. Война Рудольфа съ Оттокаромъ 664
3. Основаніе могущества габсбургской династіи 675
4. Послѣдніе годы правленія Рудольфа 677
5. Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ Австрійскій . . . 687
6. Генрихъ VII 698

a) Положеніе новаго короля . . . . . —
b) Походъ Генриха въ Италію 701
c) Культура Италіи въ XIV вѣкѣ 717

7. Людвигъ Баварскій 730

a) Борьба Людвига Баварскаго съ Фридрихомъ Австрійскимъ . . . . . —
b) Возникновеніе швейцарскаго союза 733
c) Борьба Людвига съ папой 740
d) Походъ Людвига въ Италію 742
e) Правленіе Людвига въ Германіи 747
f) Послѣднее время правленія Людвига 753

Предисловіе къ русскому переводу.

Съ мыслью о переводѣ «Всеобщей Исторіи» Вебера на русскій языкъ соединялось намѣреніе дѣлать пополненія къ этому трактату. Возможно полагать, что оно стало до нѣкоторой степени удобоисполнимымъ. Если окажется, что дѣйствительно такъ, то работа, начинаемая теперь, будетъ продолжаема.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

1.

О РАСАХЪ.

Тѣ различія, по которымъ человѣческій родъ дѣлится на расы, существуютъ съ очень давнихъ временъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, большинство спеціалистовъ по антропологіи даже утверждало, что возникновеніе разницъ между расами совпадаетъ съ самымъ возникновеніемъ людей, что каждая раса—особый видъ, имѣющій свое особое происхожденіе. Въ ученыхъ трактатахъ это мнѣніе облекалось въ ученую форму, выставлялось выводомъ изъ научныхъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ, оно происходило изъ мотива, не имѣющаго ничего общаго съ научной истиной. Плантаторы рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣвероамериканскаго Союза стали опасаться, что законодательная власть Союза отмѣнитъ невольничество на всемъ пространствѣ Союза, какъ оно ужь было отмѣнено законодательными властями сѣверныхъ штатовъ въ этихъ штатахъ. Подобныя эпохи опасеній были переживаемы рабовладѣльцами англійскихъ колоній и нѣкоторыхъ другихъ колоній и государствъ. Но все то были дѣла очень мелкія по сравненію съ отмѣной невольничества въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза. Кому, кромѣ филантроповъ или малочисленныхъ людей очень прогрессивнаго образа мыслей, былъ интересенъ вопросъ о невольничествѣ въ государ-

ствахъ или колоніяхъ, не имѣвшихъ важности ни для кого изъ людей посоронних̀ъ этимъ малочисленнымъ странамъ или мелкимъ островамъ? Споры приверженцевъ и противниковъ рабства въ государствахъ, образовавшихся изъ прежнихъ испанскихъ владѣній въ Америкѣ, обращали на себя мало вниманія за границами этихъ слабыхъ государствъ. И какими учеными силами располагали защитники рабства въ нихъ? Понятно, что они имѣли очень мало вліянія на мысли большинства антропологовъ.—Были рабовладѣльческія колоніи у Франціи, но онѣ не имѣли сильнаго вліянія на политическую жизнь даже и самой Франціи.—Притомъ, рабовладѣльцы ихъ были увѣрены, что пока будетъ существовать во Франціи законное правительство, ихъ интереeы не будутъ подвергаться никакой опасности; имъ могло не нравиться, что есть во Франціи люди, говорящіе противъ рабства; они могли опровергать порицателей его; но знали, что эти хулители безсильны, и сами едва ли много интересовались своей полемикой съ ними; вели ее больше для удовлетворенія правилу, требующему не оставлять порицаній безъ отвѣта, чѣмъ по серьезной надобности возражать. Рабовладѣльцы англійскихъ колоній тоже не имѣли такого важнаго значенія, чтобы хоть сама Англія внимательно вслушивалась въ ихъ голоса. Совершенно иной характеръ получилъ вопросъ о невольничествѣ, когда аболиціонисты въ Сѣвероамериканскомъ Союзѣ пріобрѣли такое вліяніе на общественное мнѣніе въ свободныхъ штатахъ, что плантаторы южныхъ штатовъ стали опасаться отмѣны рабства законодательной властью Союза. Плантаторы южныхъ штатовъ составляли могущественнѣйшую изъ политическихъ партій въ государствѣ, которое ужь было однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ цѣломъ свѣтѣ и о которомъ предполагалось не одними его гражданами, но и большинствомъ серьезныхъ людей въ Европѣ, что скоро оно станетъ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ. Рабовладѣльцы давно правили этимъ государствомъ почти непрерывно; правили имъ совершенно непрерывно съ той поры, когда противники невольничества стали пріобрѣтать вліяніе, опасное для нихъ. Когда они серьезно встревожились за судьбу своихъ плантацій и увидѣли надобность защищаться отъ нападеній аболиціонистовъ, то нашлись у нихъ на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадныя силы, какъ нашлись послѣ на военную. Какъ при началѣ вооруженнаго столкновенія большинство спеціалистовъ по военному дѣлу стало на сторону рабовладѣльцевъ, такъ и въ ученой борьбѣ плантаторы располагали трудомъ людей, болѣе авторитетныхъ, чѣмъ антропологи аболиціонистовъ. Достаточно припомнить, что въ защиту рабства возвысилъ голосъ Агассизъ.

Рабовладѣльцы были люди бѣлой расы, невольники—негры; потому защита рабства въ ученыхъ трактатахъ приняла форму теоріи о коренномъ различіи между разными расами людей. Бѣлая раса вполнѣ обладаетъ тѣми качествами ума и характера, какія нужны для разумнаго управленія государственными дѣлами и обширными частными предпріятіями въ родѣ большихъ фабрикъ или сельскаго хозяйства въ большомъ размѣрѣ; негры по природѣ своей лишены не только способности къ политической жизни, но и способности разумно, трудолюбиво вести хозяйственныя дѣла, потому не могутъ быть гражданами благоустроеннаго государства, а должны работать подъ распоряженіемъ бѣлыхъ господъ; ихъ невольническое положеніе не только выгодно для ихъ хозяевъ, но представляетъ и для нихъ самихъ единственное избавленіе отъ нищеты; они такъ легкомысленны и лѣнивы, что безъ посторонняго принужденія не могутъ добывать себѣ сытную пищу и хотя бы небольшія удобства жизни; это мы видимъ въ Африкѣ; тамъ они бѣдствуютъ; у бѣлыхъ господъ въ Америкѣ они пользуются изобиліемъ. Невольничество — благодѣтельное для нихъ учрежденіе.

Южные штаты Сѣверо-Американскаго Союза были не первыя могущественныя общества, устроенныя на основаніи рабовладѣнія. Теорія, излагаемая учеными защитниками рабства въ южныхъ штатахъ, была не нова въ своей сущности: уже греки оправдывали свою власть надъ рабами тѣмъ, что масса рабовъ — люди другой природы. Это, говоритъ, напримѣръ, Аристотель: онъ дѣлитъ людей на разряды, изъ которыхъ одинъ самой природой предназначенъ владычествовать надъ другимъ, предназначеннымъ природой для рабства.

Интересы рабовладѣнія были не единственнымъ источникомъ господствовавшаго у грековъ (и у римлянъ) мнѣнія, что есть народы. которые предназначены природой къ рабству, какъ они предназначены къ свободѣ. Самолюбіе бываетъ и безкорыстное; защитники рабства въ древнемъ мірѣ держались своего ученія не только по разсчету выгодъ, но и по тщеславію. Подъ вліяніемъ уваженія къ общественному устройству и мыслямъ грековъ и римлянъ образованное общество новой Европы оставалось не чуждо склонности хвалить рабство и послѣ того, какъ оно исчезло въ ней. Спеціалисты по наукамъ о человѣкѣ раздѣляли эту склонность общества, къ которому принадлежали. Но и само оно и его спеціалисты по наукамъ о человѣкѣ перестали чувствовать живой интересъ къ разсужденіямъ этого рода, когда стало очевидно, что рабство въ Европѣ исчезло безвозвратно. Ученые защитники его повторяли привычныя старыя

мысли, но не имѣли влеченія много заниматься ими; вопросъ оставался приблизительно на той степени разработки, какую дали ему Аристотель и другіе греческіе защитники рабства. Вялыя повторенія старины, которыми ограничивались похвалы рабству въ XVIII вѣкѣ, мало соотвѣтствовали тогдашнему состоянію знаній о физической природѣ человѣка, гораздо болѣе высокому, чѣмъ во времена Аристотеля.

Но когда встревожились за свое рабовладѣніе плантаторы южныхъ штатовъ, ученыя разсужденія въ защиту рабства быстро получили такую разработку, какая была нужна для опроверженія мыслей партіи, сдѣлавшейся опасною для рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ. Это было въ первой половинѣ нашего вѣка. Ученіе объ отношеніяхъ между группами живыхъ существъ было основано тогда на мысли, что существа, имѣющія общее происхожденіе, имѣютъ потомство способное рождать дѣтей, въ свою очередь способныхъ имѣть дѣтей такихъ же плодородныхъ. Теорія сообразности рабства негровъ съ природой была сдѣлана выводомъ изъ этого ученія. Она приняла такой видъ:

Отъ сожительства бѣлыхъ мужчинъ съ негритянками или негровъ съ бѣлыми женщинами дѣти родятся не въ такомъ большомъ числѣ, какъ отъ сожительства бѣлыхъ мужчинъ съ бѣлыми женщинами или негровъ съ негритянками. Дѣти, родившіяся отъ сожительства людей бѣлой расы съ людьми черной, гораздо менѣе способны имѣть въ свою очередь дѣтей, чѣмъ люди бѣлой расы или черной расы. Такимъ образомъ средняя раса (мулатская) очень быстро вымираетъ, если число ея не поддерживается новыми рожденіями отъ сожительства бѣлыхъ людей съ черными. Мулаты и мулатки не способны поддерживать существованіе своей расы сожительствомъ между собою. Что слѣдуетъ изъ того?—Выводъ таковъ:

Сравнивая этотъ фактъ съ результатами, производимыми сожительствомъ самцовъ одного вида млекопитающихъ съ самками другого, мы находимъ, что разница между бѣлыми и черными людьми менѣе велика, нежели разница между лошадью и осломъ, но болѣе велика, чѣмъ разница между волкомъ и собакой. Дѣти жеребца и ослицы или осла и кобылы совершенно безплодны; дѣти волка и суки или кобеля и волчихи совершенно плодородны. Мулаты и мулатки не совершенно безплодны, какъ мулы и лошаки, но несравненно менѣе плодородны, нежели ублюдки отъ сожительства волковъ съ собаками.

Ясно, что какъ о волкахъ мы имѣемъ понятія иныя, чѣмъ о собакахъ, и отношенія наши къ нимъ не одинаковы; и что какъ нель-

зя требовать или ожидать отъ осла тѣхъ качествъ, которыми заслуживаетъ наше сочувствіе и уваженіе лошадь, такъ и о неграхъ мы не должны судить по тѣмъ понятіямъ, какія имѣемъ о бѣлыхъ, и общественное положеніе негровъ должно быть совершенно иное, чѣмъ положеніе бѣлыхъ.

Вообразимъ себѣ, что намъ необходимо, чтобы волкъ жилъ на нашемъ дворѣ; можемъ ли мы оставлять его на свободѣ, какъ оставляемъ собаку? Нѣтъ, этимъ мы только сдѣлали бы вредъ себѣ и погубили бы волка. Быть можетъ, онъ растерзалъ бы насъ; еще скорѣе, онъ бросился бы рѣзать домашній скотъ на нашемъ и сосѣднихъ дворахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ бы убитъ. Будемъ же держать его на цѣпи. Это будетъ счастье для него. Онъ будетъ сытъ у насъ, а у себя въ лѣсу онъ постоянно мучился голодомъ.

Плантаторы были такъ могущественны, что ссориться съ ними осторожные люди сѣверныхъ штатовъ считали дѣломъ очень опаснымъ. Они заявляли, что если законодательная власть Союза нарушитъ ихъ рабовладѣльческія права, ихъ штаты отдѣлятся отъ Союза и составятъ особую конфедерацію. Большинство населенія свободныхъ штатовъ пугалось этой угрозы, дѣлало уступки плантаторамъ, предоставляло имъ управленіе Союзомъ. Въ книгахъ уступчивость отражалась тѣмъ, что ученые сѣверныхъ штатовъ переходили на сторону защитниковъ плантаторской теоріи расъ. Такъ напримѣръ, самъ Агассизъ, сильнѣйшій боецъ за нее, былъ профессоромъ въ сѣверныхъ штатахъ, но совершенно подчинялся вліянію плантаторовъ. Само собою разумѣется, что когда люди принимаютъ чужія мнѣнія по боязни ссоры, большинство этихъ сговорчивыхъ прозелитовъ воображаетъ себя дѣйствующимъ не по какимъ нибудь предосудительнымъ мотивамъ, не по робости или житейскому разсчету, а по искреннему убѣжденію. Въ этомъ состоитъ извиненіе такимъ людямъ, какъ Агассизъ. Вѣроятно, ему воображалось, что онъ говоритъ по совѣсти, а не по раболѣпству.

Какъ ученые въ сѣверныхъ штатахъ подчинялись авторитету южныхъ защитниковъ рабства, такъ большинство европейскихъ ученыхъ подчинилось по вопросу о расахъ авторитету сѣверо-американскихъ ученыхъ. И дѣйствительно, какъ было не принять теорію о коренной разницѣ расъ? Мулаты и мулатки безплодны, ублюдковъ волка и собаки; это говорили сѣверо-американскіе ученые; они изучили факты на мѣстѣ. Слѣдовало вѣрить имъ.

Но слѣдовало бы также подумать о томъ, безпристрастны ли они, дѣйствительно ли они изучили факты, о которыхъ говорятъ съ та-

кою увѣренностью, добросовѣстно ли они передаютъ хотя бы тѣ факты, которые ясны, и безъ особеннаго изученія сами бросаются въ глаза. Европейскіе ученые не считали нужнымъ этого; они были бѣлые, плантатарское ученіе о расахъ льстило бѣлой расѣ; какая же охота была имъ сомнѣваться въ его основательности?

Сѣверные штаты робѣли плантаторовъ. Европа слышала, что плантаторы грозятъ расторженіемъ Союза; она знала, что результатомъ отпаденія была бы междоусобная война; междоусобіе помѣшало бы работѣ на хлопчатобумажныхъ плантаніяхъ, Европа терпѣла бы недостатокъ въ хлопкѣ. И что было бы, если бы война кончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ? Рабство было бъ отмѣнено; освобожденные негры не стали бы работать, потому что они лѣнивыя животныя, не желающія пріобрѣтать удобствъ жизни трудомъ, предпочитающія животную нищету работѣ. Бѣлые люди не могутъ работать на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, къ этому способны только негры—такъ говорили плантаторы, и Европа вѣрила имъ. Въ случаѣ побѣды сѣверныхъ штатовъ Европа останется безъ хлопка, подвергнется очень тяжелому экономическому бѣдствію; потому Европѣ надобно желать, чтобы сѣверные штаты продолжали подчиняться южнымъ и чтобы продолжало существовать въ южныхъ штатахъ невольничество. Такъ думало тогда большинство вліятельныхъ людей въ Европѣ.

Но бѣдствіе, котораго такъ опасались уступчивые люди въ сѣверныхъ штатахъ, которое пугало и Европу, произошло. Плантаторы отложились отъ Союза, началась междоусобная война, она длилась почти четыре года; подвозъ хлопка изъ южныхъ штатовъ въ Европу остановился; тѣ части Европы, въ которыхъ была развита хлопчато-бумажная промышленность, подверглись тяжкимъ, продолжительнымъ страданіямъ. Война кончилась отмѣною невольничества въ южныхъ штатахъ. Безрасудная часть плантаторской партіи мечтала о его возстановленіи. Большинство плантаторовъ скоро убѣдилось. что возстановить его нельзя. Вопросъ о невольничествѣ пересталъ имѣть политическое значеніе, сдѣлался предметомъ исключительно научнаго изслѣдованія. Что-же тогда оказалось? Факты свидѣтельствуютъ противное тому, что говорили о безплодіи мулатской расы ученые защитники невольничества, относительно плодородія мулаты и мулатки нисколько не отличаются отъ бѣлыхъ и черныхъ.

Предлогомъ говорить объ ихъ безплодіи служило то обстоятельство, что очень многія мулатки дѣйствительно или оставались безплодными, хотя имѣли сожительство съ мужчинами, или если рождали дѣтей, то дѣти ихъ умирали въ громадной пропорціи, не достигая

взрослыхъ лѣтъ. Но оказалось, что эти мулатки вели такой образъ жизни, который производитъ тѣ же самые результаты у женщинъ всякой расы, бѣлой ли, желтой ли или черной; а тѣ мулатки, которыя вели образъ жизни, удовлетворяющій общимъ для всѣхъ расъ условіямъ плодородія женщинъ и здороваго роста ихъ дѣтей, имѣли столько же дѣтей, какъ аріянки, монголянки или негритянки, ведущія такой же образъ жизни, и дѣти у нихъ выростали такими же здоровыми, какъ у женщинъ этихъ расъ.

Люди, не знающіе, какое вліяніе имѣетъ лживое общественное мнѣніе на мысли ученыхъ, дивились тому, что можно было съ такой беззаботностью о правдѣ утверждать, будто бы мулатки мало способны имѣть многочисленныхъ здоровыхъ дѣтей. Былъ курьезъ еще болѣе странный. На той степени плодородія ублюдковъ, при которой ихъ потомство могло бы существовать неопредѣленное число поколѣній, не уменьшаясь или даже увеличиваясь въ числѣ, очень часто былъ наблюдаемъ фактъ, что типъ этого потомства не устойчивъ: дѣти не сохраняютъ типа своихъ родителей-ублюдковъ, а возвращаются къ типу той или другой изъ расъ, отъ которыхъ произошли родители-ублюдки. Такъ напримѣръ, было замѣчаемо, что если отъ сожительства животныхъ бѣлой породы съ животными черной породы произошли пестрыя дѣти, то у этихъ пестрыхъ дѣтей лишь немногія дѣти будутъ пестрыя, а большинство будутъ или бѣлыя, или черныя. Едва ли факты этого рода анализированы съ достаточной точностью. Но предположимъ, что они совершенно достовѣрны. Ученые защитники невольничества переносили на мулатовъ и мулатокъ то наблюденіе, которое считалось достовѣрнымъ относительно пестрыхъ дѣтей, рождающихся отъ сожительства овецъ или собакъ разнаго цвѣта. Они говорили: мулатскій типъ не имѣетъ устойчивости; дѣти мулата и мулатки не походятъ на своихъ родителей, уклоняются отъ нихъ или къ бѣлому или къ негритянскому типу; дѣти тѣхъ, которые приблизились напримѣръ къ негритянскому типу, будутъ еще ближе къ нему, чѣмъ ихъ родители, и такимъ образомъ черезъ небольшое число поколѣній потомки мулата и мулатки становятся совершенными неграми.

Чтобъ опредѣлительно судить о плодородіи или безплодіи людей какого-нибудь типа, нужно имѣть статистическія свѣдѣнія. Понятно, что масса общества можетъ быть обманываема въ этомъ дѣлѣ самоувѣренностью тона спеціалистовъ; понятно и то, что спеціалисты, не имѣющіе подъ руками статистическихъ цифръ, могутъ быть вводимы въ ошибку довѣріемъ къ товарищамъ, говорящимъ самоувѣренно.

XX.

Но вопросъ о сходствѣ дѣтей съ родителями рѣшается безъ всякихъ ученыхъ пособій прямымъ наглядным впечатлѣніемъ. Каждому, живущему въ рабовладѣльческой странѣ, было превосходно извѣстно, что дѣти мулата и мулатки имѣютъ точно такое же сходство съ родителями, какъ дѣти бѣлыхъ людей или негровъ; что поэтому мулатскій типъ очень устойчивъ. Но обществу рабовладѣльческихъ земель угодно было пренебрегать этимъ своимъ знаніемъ и повторять пріятныя для него слова ученыхъ защитниковъ рабства, что дѣти мулата и мулатки не сохраняютъ типа родителей.

Какъ объяснить возможность такого противорѣчія наглядной истинѣ? Подлогъ былъ произведенъ способомъ очень безцеремоннымъ, но вполнѣ пригодившимся для полученія пріятной лжи. Мулаты и мулатки въ Соединенныхъ Штатахъ не составляли отдѣльнаго общества, не жили вмѣстѣ сплошными группами. Мулатъ или мулатка обыкновенно жили въ домѣ или хижинѣ бѣлаго или чернаго семейства. Мулатамъ чаще случалось быть любовниками или мужьями негритянокъ, чѣмъ мулатокъ; мулаткамъ чаще случалось быть любовницами бѣлыхъ или женами негровъ, чѣмъ любовницами или женами мулатовъ. Дѣти мулатки отъ негра въ большинствѣ случаевъ разумѣется имѣли типъ средній между отцомъ и матерью, то есть болѣе походили на негровъ или негритянокъ, чѣмъ ихъ мать. Дочери этихъ дочерей, становясь женами негровъ, имѣли дѣтей еще болѣе близкихъ къ негритянскому типу. То же самое, только въ обратномъ направленіи, происходило при сожительствѣ мулатки съ бѣлымъ, ихъ дочерей съ бѣлыми. Ступени генеалогіи, приближающей потомство мулатки къ бѣлому типу, были опредѣлены съ полной точностью, и по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ признаки были такъ ясны, что каждый въ рабовладѣльческой странѣ по одному взгляду съ достовѣрностью узнавалъ генеалогическую степень человѣка, имѣющаго типъ средній между мулатскимъ и бѣлымъ. Дочь мулатки и бѣлаго была терцеронка; дочь терцеронки и бѣлаго была квартеронка; признаки терцеронки были такъ рѣзки, что никто не могъ принимать ее ни за мулатку ни за квартеронку; каждый видѣлъ, что она терцеронка. Дочь квартеронки и бѣлаго уже трудно было отличить отъ бѣлой человѣку, не жившему въ рабовладѣльческой землѣ; когда ея потомки еще два или три поколѣнія имѣли дѣтей отъ бѣлыхъ, то ея потомство уже становилось трудно различимо отъ бѣлыхъ и для опытнаго наблюдателя. Въ десятомъ или двѣнадцатомъ поколѣніи они ужь становились неразличимы отъ бѣлыхъ и для опытнаго взгляда. Словомъ, дѣло шло по тѣмъ же законамъ, какъ при

сожительствѣ всякихъ людей какого-нибудь типа съ людьми какого-нибудь другого типа, какъ напримѣръ при сожительствѣ потомства испанца и француженки съ людьми французской національности или потомства каталонца и андалузянки съ людьми каталонскаго племени. А когда люди мулатскаго типа сожительствовали между собой, то ихъ типъ оставался прочень въ ихъ потомствѣ. Это было извѣстно всѣмъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ; но всѣмъ приверженцамъ рабовладѣнія угодно было повторять полезную для защиты невольничества ложь, будто бы мулантскій типъ неустойчивъ.

Теперь всѣ разсужденія о безплодіи мулатокъ, или о неустойчивости мулатскаго типа, отброшены серьезными антропологами, какъ пустыя выдумки ученыхъ, бывшихъ прислужниками рабовладѣльцевъ.

Классификація расъ остается до сихъ поръ очень шаткой въ своихъ подробностяхъ. Спеціалисты, справедливо признаваемые наиболѣе компетентными судьями по вопросамъ этого рода, не сходятся между собою въ томъ, сколько коренныхъ расъ должно считать. И послѣдователи извѣстнаго способа классификаціи не сходятся между собою въ мнѣніяхъ, къ той или другой изъ принимаемыхъ ими расъ причислить то или другое племя. Признаки, по которымъ слѣдуетъ дѣлить людей на расы, тоже остаются предметовъ споровъ.

Наиболѣе популярный признакъ расы—цвѣтъ кожи. Но есть очень авторитетные спеціалисты, находящіе, что онъ имѣетъ очень мало научнаго значенія. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что гораздо важнѣе разница по формѣ волосъ на головѣ; они дѣлятъ людей на три основныя расы: у одной изъ нихъ волоса имѣютъ въ поперечномъ разрѣзѣ круглую форму; эти волоса ни сколько не вьются; у другой расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ не очень стиснутый; эти волоса слегка вьются; у третьей расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ очень сплюслутый, такъ что волосъ походитъ на ленту съ закругленными коймами; такіе волоса курчавы, какъ овечья шерсть. Вообще эта классификація довольно близко совпадаетъ съ дѣленіемъ людей на желтую, бѣлую и черную расы. Она замѣчательна тѣмъ, что порядокъ расъ въ ней не тотъ, какъ въ классификаціи по цвѣту кожи, въ которой на одномъ концѣ порядка стоитъ бѣлая раса, на другомъ черная,—желтая занимаетъ средину между ними; въ классификаціи по формѣ волосъ головы масса народовъ, составляющихъ бѣлую расу, занимаетъ средину между народами желтой и и черной расъ.—Безъ сомнѣнія, несравненно бо́льшую важность имѣютъ различія формы головы. Ихъ можно подводить подъ двѣ разныя точки зрѣнія: съ одной—коренным принципомъ дѣленія прини-

мается собственно форма черепа, съ другой,—форма профиля. Но и по формѣ профиля и по формѣ черепа выводы относительно дѣленія людей на расы получаются приблизительно одинаковые; исключенія есть, но вообще овальный черепъ соединенъ съ такъ называемымъ кавказскимъ (или греческимъ, европейскимъ) профилемъ; угловатый черепъ—съ плоскимъ (китайскимъ, монгольскимъ) профилемъ; длинный и приплюснутый черепъ—съ негритянскимъ профилемъ. Форма черепа и профиля, какъ всѣми признано, несравненно важнѣе цвѣта кожи и формы волосъ головы, но нѣкоторые спеціалисты не считаютъ удобнымъ ставить ее важнѣйшимъ основаніемъ классификаціи расъ, потому что она менѣе устойчива, чѣмъ цвѣтъ кожи и форма волосъ. Такъ напримѣръ замѣчено, что дѣти американскихъ негровъ, купленныхъ въ Африкѣ, вообще имѣютъ очертаніе профиля менѣе далекое отъ арійскаго, чѣмъ ихъ отцы; съ каждымъ поколѣніемъ это измѣненіе развивается. Правда, что и теперь негры Соединенныхъ Штатовъ остаются все еще очень не похожи на арійцевъ чертами лица; но вообще они потомки африканскихъ негровъ лишь въ четвертомъ, много пятомъ поколѣніи. Въ самой Африкѣ очень велика разница профиля между племенами одинаковаго цвѣта кожи и одинаковой формы волосъ головы. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ профиль очень похожій на арійскій. Возможно, что причина этой разницы—неодинаковость исторіи племенъ. Тѣ, которыя имѣли очень долго жизнь менѣе бѣдственную, чѣмъ другія, и сдѣлались людьми нѣсколько болѣе развитыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, пріобрѣли формы головы, болѣе подобныя формамъ народовъ, давно вышедшихъ изъ дикаго состоянія; потомъ ихъ матеріальное и нравственное положеніе ухудшилось, но медленныя перемѣны въ чертахъ лица, производимыя пониженіемъ быта, еще не успѣли развиться вполнѣ, а понизившись до прежняго дикаго состоянія, эти племена еще сохранили черты прежняго болѣе высокаго развитія. Впрочемъ, кажется, что это объясненіе основано только на аналогіи; едва ли найдены какіе нибудь факты, прямо подтверждающіе его. Аналогія—аргументъ, не заслуживающій серьезнаго довѣрія.

По нынѣшнимъ понятіямъ вопросъ о происхожденіи расъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Не только такія группы живыхъ существъ, какъ волкъ, собака, и близкіе къ нимъ виды, или какъ лошадь и оселъ и очень сходные съ ними виды, но и всѣ млекопитающія несомнѣнно имѣютъ общее происхожденіе. Такимъ образомъ безплодіе сожительства млекопитающихъ разныхъ группъ вовсе не относится къ дѣлу, когда рѣчь

идетъ о томъ, имѣютъ ли они общее происхожденіе. Они всѣ имѣютъ его. Безплодіе свидѣтельствуетъ вовсе не о разницѣ происхожденія, а только о томъ, что разница въ устройствѣ организма сожительствующихъ существъ болѣе велика, чѣмъ было бы совмѣстно съ возможностью для нихъ имѣть дѣтей. Происхожденіе этой разницы чисто историческое. Если существа двухъ группъ имѣютъ отъ своего сожительства дѣтей, но ихъ дѣти безплодны, это значитъ, что ихъ организмы болѣе различны, нежели было бы совмѣстно съ рожденіемъ плодороднаго потомства.

Разныя расы людей производятъ на обыкновеннаго наблюдателя-неспеціалиста очень неодинаковое впечатлѣніе по цвѣту кожи, характеру волосъ головы, формамъ черепа и профиля; но онъ видитъ, что все это существа одинаковыя въ той же степени, какъ одинаковы, напримѣръ, разныя породы обыкновенной домашней (европейской, то есть собственно египетской) кошки или европейскаго медвѣдя. Это простое мнѣніе массы людей вполнѣ подтверждено теперь наукой.— Ни въ какой породѣ млекопитающихъ нельзя найдти два существа, которыя были бы безусловно одинаковы; у тѣхъ млекопитающихъ, которыя рождаютъ нѣсколько дѣтей въ одно время, дѣти, родившіяся одновременно, все-таки, нѣсколько отличаются одно отъ другого. Потому, когда рѣчь идетъ о тожествѣ организаціи питающихъ или двухъ млекопитающихъ одной породы, научный смыслъ словъ «ихъ организація тожественна» состоитъ не въ томъ, что между ними нѣтъ никакихъ разницъ, а только въ томъ, что разницы очень незначительны сравнительно съ элементами тожества.

Въ этомъ смыслѣ имѣемъ ли мы право сказать, что всѣ расы людей тожественны не только по своей организаціи, но и по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ? Въ XVIII вѣкѣ было сильно распространено между передовыми людьми мнѣніе, что должно сказать такъ. Они говорили о единствѣ человѣческой природы въ выраженіяхъ очень широкихъ и сильныхъ. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ мыслителей, воспитавшихся въ концѣ того періода, сохранили это убѣжденіе на всю жизнь. Напримѣръ Песталоцци и Гегель продолжали въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка говорить о тожествѣ людей безоговорочнымъ тономъ Руссо: каждый человѣкъ, родящійся здоровымъ, родится съ тѣми же склонностями, какъ всякій другой, что природная разница умственныхъ и нравственныхъ силъ людей, родящихся не больными, а здоровыми, очень невелика. Но лѣтъ черезъ десять или двадцать оставалось уже очень мало ученыхъ, которые не смѣялись бы надъ этимъ мнѣніемъ, какъ чрезмѣрно на-

ивнымъ. Пренебреженіе къ нему было однимъ изъ частныхъ результатовъ ненависти къ теоріямъ XVIII вѣка. Но время ненависти прошло, и новыя поколѣнія стали находить, что мыслители XVIII вѣка были менѣе наивны, чѣмъ казалось поколѣніямъ, ненавидѣвшимъ его. Однимъ изъ результатовъ этой перемѣны было возникновеніе того направленія, которое теперь стало господствующимъ въ естествознаніи. По примѣненію къ частному вопросу о человѣческихъ расахъ его можно характеризовать такъ: разницы между расами проникаютъ всю организацію; не только форма черепа и профиля или ступни ноги у каждой расы своя особенная, но и каждая кость, каждый мускулъ, каждая железа имѣетъ у каждой расы свои особенности; не только переднія полушарія головного мозга имѣютъ у каждой расы нѣкоторыя особенности, имѣетъ ихъ и каждый нервъ желудка или ноги. Но всѣ эти разницы довольно незначительны сравнительно съ элементами тожества въ организаціи всѣхъ расъ.

Естествознаніе приняло господствующее теперь направленіе еще очень недавно; натуралисты еще не очень пожилыхъ лѣтъ учились по книгамъ противоположнаго направленія. Дѣло только начинается и, какъ далеко пойдетъ оно въ своемъ развитіи, нельзя сказать опредѣлительно. Но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ быстро ослабѣваетъ въ наукѣ значеніе разницъ между расами. Спеціалисты не какіе нибудь люди особой породы; огромное большинство ихъ, подобно огромному большинству всякихъ другихъ людей, подчиняются общественному мнѣнію, которое вырабатывается подъ преобладающимъ вліяніемъ событій. Потому дальнѣйшій ходъ этого, какъ и всякаго другого ученаго дѣла, очень много зависитъ отъ хода событій. Говорятъ иногда, что мысли натуралистовъ имѣютъ основу совершенно твердую, такъ что не могутъ поддаваться требованіямъ общественнаго мнѣнія. Конечно, не только астрономія, но и физіологія должны быть названы системами понятій очень прочныхъ сравнительно съ теоріями политическихъ и общественныхъ наукъ. Но припомнимъ факты изъ исторіи не то что физіологіи, а самой астрономіи. Пусть очень простительно было Тихо де Браге изобрѣтать свою систему для того, чтобъ уклоняться отъ научной надобности признать систему Коперника. держаться которой было бы для него, если не такъ опасно, какъ для Галилея, то все-таки неудобно. Но какія серьезныя непріятности могли угрожать французскимъ астрономамъ конца XVII и начала XVIII вѣка, если бъ они приняли теорію Ньютона? Неудобствъ отъ этого не было имъ никакихъ; но они были французы; они жили во французскомъ обществѣ; оно предпочитало астрономическую систему

своего соотечественника Декарта системѣ англичанина Ньютона; и нѣсколько десятилѣтій большинство французскихъ астропомовъ отвергало теорію Ньютона, защищало теорію Декарта.

Между спеціалистами по антропологіи много споровъ о томъ, какія разницы должны быть принимаемы за основаніе классификаціи людей по расамъ, сколько коренныхъ расъ должно считать, къ какой расѣ или къ какой помѣси расъ должно относить то или другое племя. Но факты, которые совершенно достовѣрны, охватываютъ огромное большинство человѣческаго рода. Для людей, ищущихъ въ антропологіи рѣшенія важныхъ историческихъ вопросовъ, эти безспорные факты достаточны.

На сколько именно расъ дѣлятся люди, это вопросъ, не имѣющій очень большого значенія для исторіи человѣчества. Важны только три расы: бѣлая, желтая и черная или раса съ вьющимися волосами головы, прямыми волосами и волосами, подобными шерсти, или раса съ овальнымъ черепомъ, рельефнымъ профилемъ, не выдающеюся впередъ нижней челюстью, раса съ угловатымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижней челюстью, невыдающейся впередъ, и раса съ приплюснутымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижнею челюстью, сильно выдающейся впередъ. Эти три расы составляютъ вѣроятно болѣе девяти десятыхъ частей общаго населенія земного шара. Если принимать какія нибудь другія расы за коренныя, то всѣ вмѣстѣ онѣ и незначительны числомъ и сравнительно не важны историческимъ значеніемъ. И ни объ одномъ изъ народовъ или племенъ, занимающихъ важное мѣсто въ нынѣшнемъ составѣ рода человѣческаго, нѣтъ сомнѣній, къ какой расѣ должно отнести его; точно также нѣтъ этого сомнѣнія почти ни объ одномъ изъ народовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи человѣчества, если до насъ дошли сколько нибудь точныя извѣстія о его наружности. Этого достаточно для изслѣдователя или разсказчика всеобщей исторіи. Если о какомъ нибудь народѣ, имѣвшемъ довольно важное значеніе въ исторіи человѣчества, намъ неизвѣстно съ полной достовѣрностью, къ какой расѣ принадлежалъ онъ, то неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній о немъ заключается не собственно въ недостаткѣ извѣстій о его наружности, а вообще въ недостаточности извѣстій о немъ.

Всѣ расы произошли отъ однихъ предковъ. Всѣ особенности, которыми отличаются онѣ одна отъ другой, имѣютъ историческое происхожденіе. Но какую степень устойчивости имѣютъ онѣ?—Не всѣ одинаковую. Цвѣтъ кожи негровъ очень устойчивъ. Едва ли можно полагать, что черезъ двадцать поколѣній негры, живущіе въ странѣ

русаго народа, имѣющаго очень бѣлую кожу, могутъ стать имѣющими кожу значительно менѣе черную, чѣмъ имѣло первое поколѣніе. Желтая кожа и бѣлая кожа гораздо быстрѣе принимаютъ оттѣнки, сближающіе ихъ по цвѣту. Собственно говоря, цвѣтъ кожи монгола, ставшаго свѣтлымъ, сохраняетъ свою особенность колорита, не одинаковъ съ цвѣтомъ кожи очень смуглаго человѣка чистой арійской расы; многіе люди монгольской расы имѣютъ очень свѣтлую кожу, но всматриваясь, всетаки можно видѣть, что это не бѣлый цвѣтъ, а только посвѣтлѣвшій желтый; и наоборотъ, у арійцевъ, очень смуглыхъ, всетаки видно, что цвѣтъ ихъ кожи—не желтый, а потемнѣвшій бѣлый. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ спеціалисты. И едва ли будетъ легковѣріемъ считать это правдой. Относительно формы черепа достовѣрно извѣстно, что съ развитіемъ умственной жизни людей какого-нибудь племени лобъ ихъ становится выше; съ этимъ соединено уменьшеніе длины нижней челюсти, такъ что измѣняется профиль, происходитъ увеличеніе такъ называемаго лицевого угла. Съ какой степенью быстроты можетъ происходить эта перемѣна и какой величины можетъ достигать она, еще не изслѣдовано опредѣлительнымъ образомъ. Но по личнымъ отрывочнымъ наблюденіямъ извѣстно много случаевъ, что лобъ правнуковъ имѣлъ гораздо болѣе высоты, чѣмъ у прадѣдовъ. У многихъ племенъ и народовъ замѣчено, что высшее сословіе имѣетъ болѣе развитый лобъ, нежели масса населенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это объясняется разностью происхожденія: встрѣчается много случаевъ, въ которыхъ достовѣрно извѣстна одинаковость происхожденія высшаго и низшаго сословій; тутъ очевидно, что разница профиля произведена различіемъ матеріальной и умственной жизни.

Бѣлые люди всегда считали свою расу лучше желтой расы и были расположены презирать черную. Люди этихъ расъ думаютъ о себѣ, кажется, очень неодинаково: есть много извѣстій, что монголы считали черты лица своей расы болѣе красивыми, чѣмъ профиль бѣлой расы; но много извѣстій и о томъ, что они признавали людей бѣлой расы болѣе красивыми, чѣмъ своихъ соплеменниковъ. Между неграми нѣкоторые также предпочитаютъ свою расу бѣлой, другіе бѣлую своей. То, что многіе изъ желтыхъ и черныхъ людей находятъ бѣлую расу болѣе красивою, чѣмъ свою, можетъ служить подтвержденіемъ высокаго мнѣнія бѣлыхъ людей о красивости своей расы. Но если огромное большинство желтыхъ и черныхъ людей имѣетъ лица некрасивыя на взглядъ бѣлыхъ, то слѣдовало бы разобрать, на сколько въ этомъ впечатлѣніи участвуютъ обстоятельства постороннія сущ-

ности вопроса, какъ напримѣръ то, что матеріальное положеніе желтыхъ и черныхъ людей хуже положенія бѣлыхъ и умственная жизнь ихъ менѣе развита. Могутъ ли желтые и черные люди при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ пріобрѣтенію красивости, дѣлаться очень красивыми на взглядъ бѣлыхъ людей? —Мы имѣемъ множество свидѣтельствъ бѣлыхъ путешественниковъ о томъ, что есть племена негритянской расы, имѣющія очень красивыя черты лица; эти племена встрѣчаются вдали отъ моря, гдѣ жизнь менѣе тяжела для негровъ, нежели въ приморскихъ частяхъ Африки. Всѣ бѣлые люди, бывавшіе въ Японіи, говорятъ, что многія японки очень красивы лицомъ. Цвѣтъ кожи, красивость лица—не такія особенности, которыя имѣли бы прямую связь съ умомъ и характеромъ. Относительно цвѣта кожи понятно само собой, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ дѣятельности головного мозга. Нельзя найдти никакихъ физіологическихъ причинъ, почему бѣлый, или желтый, или черный цвѣтъ кожи могъ бы считаться благопріятнымъ или неблагопріятнымъ для высокаго развитія умственной жизни или результатомъ какого-нибудь ея состоянія. Но у насъ есть сильное влеченіе предполагать хорошія умственныя и нравственныя качества въ людяхъ, красивыхъ лицомъ; и можно думать, что эта связь до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ: красивыя черты лица результатъ хорошей организаціи всего тѣла; хорошая организація тѣла не можетъ не быть признана основой для хорошей дѣятельности головного мозга. Но хотя эти условія и должны быть признаны коренными, развитіе нравственной и умственной жизни человѣка подвергается такимъ сильнымъ постороннимъ вліяніямъ, что результатъ чрезвычайно часто оказывается несоотвѣтствующимъ характеру личной организаціи. Людямъ красивымъ слѣдовало бы быть умными и добрыми; никто не собиралъ данныхъ о томъ, какова пропорція умныхъ и добрыхъ людей между ними,—болѣе ли велика она между ними, нежели между некрасивыми людьми (того же общественнаго положенія); но каждому изъ насъ извѣстно по личному житейскому опыту, что между красивыми людьми встрѣчается очень много недалекихъ по уму и не заслуживающихъ симпатіи по характеру. Люди очень некрасивые лицомъ должны были бы быть гораздо ниже красивыхъ по уму и качествамъ характера. Но каждому изъ насъ извѣстно, что многіе очень некрасивые люди очень добры и умны. Дѣло въ томъ, что наружность человѣка можетъ пострадать отъ вліяній, которыя не будутъ проникать въ глубину организма; профиль испортится, а головной мозгъ не пострадаетъ; наоборотъ, могутъ быть вліянія,

которыя испортятъ головной мозгъ, не испортивъ профиля. Вообще достовѣрныя свѣдѣнія объ умѣ и характерѣ человѣка мы до сихъ поръ не можемъ пріобрѣтать никакими разсужденіями по какимъ нибудь общимъ основаніямъ. Они пріобрѣтаются только изученіемъ поступковъ этого человѣка.

Это говорено было собственно по вопросу о связи красивости лица съ умственными и нравственными качествами. Иное дѣло придавленность передней части черепа; она конечно прямо показываетъ, что у человѣка мало развиты переднія части головного мозга. Потому, тѣ негритянскія племена, у которыхъ передняя часть черепа очень придавлена, конечно имѣютъ переднія части головного мозга мало развитыми. Но вопросъ вовсе не о томъ, низко ли нынѣшнее состояніе ихъ умственной жизни, а въ томъ, способны-ль они къ высокой цивилизаціи, можетъ ли развиться передняя часть головного мозга ихъ, подняться ихъ лобъ. Факты показываютъ, что можетъ.

Пока существовало невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ, полемика должна была идти о томъ, способны или неспособны негры быть гражданами благоустроеннаго государства. Теперь споръ объ этомъ сдѣлался излишнимъ. Они получили права гражданъ и пользуются ими точно такъ же, какъ тѣ части бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, которыя по несчастнымъ обстоятельствамъ своей исторіи находятся еще на низкой степени развитія. Нѣтъ никакой разницы между тѣмъ, какъ вотируетъ большинство ирландцевъ, переселившихся въ Америку уже немолодыми людьми, и большинство негровъ; тѣ и другіе одинаково поддаются происканъ интригантовъ. Какъ будутъ вотировать негры Соединенныхъ Штатовъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—мы не знаемъ, но люди безпристрастные говорятъ, что уже теперь, черезъ двадцать лѣтъ по пріобрѣтеніи права голоса, они пользуются имъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ вначалѣ.

Впрочемъ вопросъ о неграхъ утратилъ прежнее значеніе по ихъ освобожденіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ, гдѣ освобождены, они по закону пользуются всѣми или почти всѣми правами свободныхъ гражданъ, и если подвергаются какимъ нибудь стѣсненіямъ въ общественной жизни отъ обычаевъ, усвоенныхъ бѣлыми въ рабовладѣльческія времена, то эти стѣсненія замѣтно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ бѣлые теряютъ рабовладѣльческія привычки. Отмѣна невольничества на Кубѣ и въ Бразиліи—дѣло близкаго времени; въ томъ не сомнѣваются сами рабовладѣльцы.—Очень вѣроятно, что черезъ нѣсколько времени возникнутъ въ Африкѣ отношенія, при которыхъ

вопросъ о людяхъ негритянской расы получитъ очень большую важность: бѣлые съ юга и въ особенности съ запада надвигаются на ту часть Африки, которая населена неграми. Этими будущими отношеніями можно и теперь сильно интересоваться, но мы еще не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы предугадывать, какова будетъ участь негровъ въ Африкѣ при распространеніи владычества или очень сильнаго вліянія бѣлыхъ на ихъ земли.

Въ настоящее время изъ вопросовъ о расахъ наиболѣе важны относящіеся къ желтой расѣ. Она гораздо многочисленнѣе черной, притомъ никто не сомнѣвается въ способности желтыхъ людей имѣть большія благоустроенныя государства съ нынѣшнею принадлежностью большихъ державъ, многочисленнымъ хорошо дисциплинированнымъ войскомъ. Часто встрѣчаются разсужденія о томъ, не предстоитъ ли европейскимъ государствамъ очень большая опасность отъ Китая, населеніе котораго такъ многочисленно. По пропорціи числа войскъ во Франціи, Германіи, Россіи, Китай можетъ сформировать 15 или 20 милліоновъ войска, и если пріобрѣтетъ достаточныя денежныя средства, то можетъ послать на Европу 7 или даже 10 милліоновъ воиновъ. При нынѣшнихъ отношеніяхъ между европейскими государствами нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ они соединились для общей обороны; напротивъ, они стали бы держаться такъ, какъ государства древней Греціи при нашествіяхъ македонянъ. Есть въ Европѣ довольно много людей, предполагающихъ вѣроятность подавленія Европы китайцами. Эти страхи фантастичны: когда китайцы усвоятъ себѣ европейскія искусства на столько, чтобы войска ихъ стали не то, что очень хороши, а хотя бы только не хуже нынѣшнихъ турецкихъ, Китай уже не будетъ однимъ государствомъ. Теперь разныя племена китайскаго народа остаются соединены въ одно государство только потому еще, что не умѣютъ защитить свою самостоятельность отъ иноземнаго ига.

Но не фантастическій, а реальный интересъ имѣетъ вопросъ о желтой расѣ съ иной стороны: способна ль или неспособна пріобрѣсти очень высокое умственное и нравственное развитіе раса, къ которой принадлежитъ половина человѣческаго рода? До недавняго времени у европейскихъ ученыхъ владычествовали о желтой расѣ понятія презрительныя. Негры были не люди, а животныя; о расѣ, имѣвшей великихъ мыслителей, сдѣлавшей великія техническія открытія, нельзя было говорить такимъ тономъ, какъ о неграхъ; китайцевъ нельзя было не признавать людьми. Но они были люди низшей породы. Умственная и нравственная организація ихъ имѣла черты существен-

но отличныя отъ качествъ, составляющихъ истинное человѣческое достоинство бѣлой расы. Въ тѣ времена предполагалось, что фантазія—собственно человѣческое качество; животныя тогда не имѣли фантазіи; теперь имѣютъ; мы знаемъ, что она — одна изъ неизбѣжныхъ функцій мышленія, и что каждое существо, имѣющее какія-нибудь представленія, необходимо имѣетъ въ числѣ ихъ и нѣкоторыя представленія, соотвѣтствующія не дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, а комбинаціямъ ихъ, то есть представленія, принадлежащія области воображенія. Но въ тѣ времена не хотѣли знать этого; ученые забывали даже о томъ, что сами на одной страницѣ трактата писали о собакахъ и кошкахъ, видящихъ сны, а на слѣдующей страницѣ преспокойно писали, что животныя не имѣютъ воображенія; впрочемъ, въ тѣ времена животныя не имѣли и способности мыслить. О китайцахъ нельзя было сказать, что они лишены способности мыслить, но воображеніе у нихъ было чрезвычайно слабо. Они были способны только заботиться о матеріальныхъ выгодахъ, въ этомъ и состояло все ихъ мышленіе. Когда думаешь исключительно о своихъ житейскихъ дѣлахъ, то, разумѣется, для фантазіи тутъ очень мало простора. Вотъ именно въ такомъ состояніи находились китайцы: по свойству своей расы, думать только о житейскихъ дѣлахъ, они не имѣли надобности въ воображеніи, и природа не сдѣлала имъ никакого огорченія, лишивъ ихъ этой высшей человѣческой способности. Правда, результаты такой скупости природы относительно надѣленія китайцевъ человѣческими качествами были очень важны въ матеріальномъ отношеніи: лишенные фантазіи, китайцы, разумѣется, не могли создавать никакихъ идеаловъ, тѣмъ менѣе могли стремиться къ ихъ осуществленію; лишенные идеаловъ, они не могли представить себѣ ничего лучше той обстановки, въ какой жили, ничего лучше обычаевъ, какихъ держались; изъ этого происходитъ роковой законъ ихъ жизни: неподвижность. Китайская исторія вполнѣ подтверждала это: если европеецъ писалъ хоть десять строкъ, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ китайской исторіи, то въ этихъ десяти строкахъ непремѣнно находилось мѣсто для замѣчанія, что китайцы живутъ теперь точно такъ же, какъ жили за 2000 лѣтъ до нашей эры, что съ той поры не произошло никакой перемѣны въ китайскихъ обычаяхъ, никакого измѣненія въ китайскихъ понятіяхъ о вещахъ. Вообще очень странные люди были китайцы.

Это, впрочемъ, и было натурально, потому что желтая раса имѣла свое особое происхожденіе, различное отъ бѣлой. Люди, имѣющіе совершенно различное происхожденіе, разумѣется, должны были быть существенно различны между собой.

Но теперь—увы!—намъ, бѣлымъ, никакъ нельзя оставаться при мысли, что бѣлая и желтая расы — двѣ группы существъ разнаго происхожденія. Китайцы произошли отъ тѣхъ же самыхъ предковъ, какъ и мы.—Они не особенная порода людей, а люди одной съ нами породы; потому они должны подлежать тѣмъ же законамъ жизни и мышленія, какъ и мы, должны, между прочимъ, имѣть и фантазію. Говоря серьезно, трудно представить себѣ при нынѣшнемъ состояніи антропологіи возможность тѣхъ странныхъ мнѣній о китайцахъ, которыя еще недавно казались большинству ученыхъ разсудительными. При внимательномъ наблюденіи невозможно не видѣть, что желтые люди думаютъ и чувствуютъ совершенно то же, что бѣлые люди на подобной имъ степени развитія. Тѣ особенности, какія мы замѣчаемъ въ китайцахъ—не особенности китайцевъ, а общія качества людей даннаго историческаго состоянія и общественнаго положенія. Говорятъ, напримѣръ, что китайцы очень трудолюбивы и довольствуются очень малымъ. Это общія свойства людей, предки которыхъ съ давняго времени вели осѣдлую жизнь, жили своимъ трудомъ, а не грабежомъ, жили въ угнетеніи, жили бѣдно. Тѣ части каждаго изъ европейскихъ народовъ, которыя подходятъ подъ эти условія, точно такъ же трудолюбивы, какъ китайцы, точно такъ же довольствуются скуднымъ вознагражденіемъ. Точно то же оказывается и относительно другихъ, такъ называемыхъ, особенностей китайца; это—не особенности китайца, а общія качества всѣхъ людей, всѣхъ расъ, въ томъ числѣ и бѣлыхъ людей соотвѣтствующаго положенія.

Остается сказать въ частности объ одной изъ мнимыхъ китайскихъ особенностей, о такъ называемой неподвижности китайскаго быта и китайскихъ понятій. Китайская исторія имѣетъ тѣ же самыя черты, какъ исторія всякаго народа при такихъ же обстоятельствахъ. Теперь извѣстно, что жизнь каждаго цивилизованнаго народа подвергалась при нѣкоторыхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ упадку; самымъ обыкновеннымъ изъ этихъ понижающихъ цивилизацію фактовъ было опустошеніе страны нашествіемъ иноземцевъ. Въ крайней своей степени это бѣдствіе получало устойчивый характеръ подъ формой иноземнаго владычества. Въ исторіи западной Европы такими бѣдствіями были, напримѣръ, нашествіе гунновъ, потомъ набѣги венгровъ, наконецъ, нашествія турокъ. Развернемъ какой случится трактатъ объ исторіи западной Европы; въ каждомъ мы найдемъ одно то же совершенно справедливое замѣчаніе, что эти бѣдствія надолго роняли благосостояніе и культуру народовъ, подвергавшихся имъ. Для ясности сравнимъ китайскую исторію съ англійской. Ан-

глія не подвергалась иноземному завоеванію со второй половины XI вѣка. Населеніе Англіи имѣло время отдохнуть, оправиться и, поднявшись до прежняго уровня благосостоянія и культуры, сдѣлать новые успѣхи. Разверните исторію Китая и сосчитайте, сколько разъ въ это время подвергался онъ завоеванію варварами. Китайская исторія не неподвижность, а рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ нашествій и завоеваній варваровъ. Послѣ каждаго упадка китайцы оправлялись, успѣвали иногда подняться до прежняго уровня, иногда и выше его, но снова падали подъ ударами варваровъ. Почему варварамъ удавалось одолѣвать народъ цивилизованный и болѣе многочисленный, чѣмъ они, вопросъ требующій особаго разъясненія, но онъ относится не къ одной китайской исторіи: бывали покоряемы сравнительно малочисленными варварскими племенами и другіе цивилизованные народы; бывало это и въ западной Азіи, и въ Европѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди желтой расы имѣютъ какія нибудь природныя различія отъ людей бѣлой расы въ своей умственной и нравственной организаціи, потому что всякому наружному различію должно соотвѣтствовать какое нибудь различіе и въ устройствѣ головного мозга; но связь этихъ различій остается еще не изслѣдованной и потому ставить ее принципомъ объясненія какихъ нибудь опредѣленныхъ фактовъ умственной или нравственной жизни значитъ говорить на удачу безъ всякаго научнаго основанія. Чтобы видѣть, какъ шатки объясненія подобнаго рода, сдѣлаемъ обзоръ родства тѣхъ млекопитающихъ, которыя особенно хорошо знакомы всѣмъ намъ.

Лошадь довольно послушная служительница человѣка; оселъ близкій родственникъ ея, тоже служитъ намъ; но есть нѣсколько видовъ млекопитающихъ еще болѣе близкихъ лошади, чѣмъ оселъ, и однако же оказывающихся непокорными человѣку.—Изъ близкихъ родныхъ быка нѣкоторые болѣе или менѣе подчинились человѣку, какъ напримѣръ буйволъ и якъ, но американскій бизонъ до сихъ поръ остается неукрощеннымъ.—Мы сдѣлали домашнимъ животнымъ кошку, собака давно стала вѣрнѣйшимъ другомъ человѣка; гепардъ, напоминающій своимъ видомъ отчасти кошку, отчасти собаку, тоже служитъ человѣку. Но волкъ, гораздо болѣе близкій родной собакѣ, чѣмъ гепардъ, остается неукрощенъ. Словомъ, какое бы изъ млекопитающихъ, сдѣлавшихся нашими слугами, ни взяли мы, у него есть очень близкіе родственники, не захотѣвшіе служить намъ или оказавшіеся по своему характеру непригодными для нашей службы. А рядъ тѣхъ немногихъ млекопитающихъ, которыя служатъ намъ, состоитъ изъ представителей семействъ очень далекихъ одно отъ другого по своей органи-

зацiи; собака и кошка принадлежатъ къ двумъ разнымъ семействамъ отдѣла хищныхъ животныхъ; лошадь и оселъ къ отдѣлу однокопытныхъ, быкъ, овца и коза къ разнымъ семействамъ отдѣла жвачныхъ, слонъ и свинья къ разнымъ семействамъ отдѣла толстокожихъ.

До какой степени еще остается неуловима для насъ связь между умственными силами млекопитающаго существа и наружностью его, мы увидимъ, припомнивъ, какiя млекопитающiя (кромѣ обезьянъ) считаются самыми умными. Это слонъ, лошадь и собака. Есть множество животныхъ, занимающихъ въ зоологической классификацiи очень близкiя къ нимъ мѣста и однако же не заслужившихъ репутацiю особенно умныхъ. Одно изъ двухъ: или мы несправедливы къ этимъ животнымъ, которыхъ не считаемъ особенно умными, или классификацiя по наружнымъ признакамъ не даетъ достаточныхъ средствъ судить объ умственныхъ способностяхъ. Во многихъ случаяхъ вѣроятно мы несправедливы; такъ напримѣръ, оселъ по всей вѣроятности заслуживалъ бы считаться животнымъ очень умнымъ. Но во многихъ случаяхъ небольшiя наружныя разницы вѣроятно въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуютъ очень большимъ различiямъ въ умственныхъ способностяхъ и, наоборотъ, очень большiя разницы наружности не производятъ большой разницы въ умственныхъ силахъ.

При такомъ положенiи нашихъ знанiй о связи между наружными признаками и умственными силами, научная осторожность не допускаетъ ставить различiе между бѣлой и желтой расами принципомъ объясненiя какихъ бы то ни было фактовъ ихъ исторiи. До сихъ поръ еще остается сильна старая привычка объяснять историческiя разницы расовыми; но это методъ объясненiй устарѣлый и дающiй два очень дурные результата: во первыхъ, объясненiе, основанное на немъ, обыкновенно бываетъ само по себѣ ошибочно; во вторыхъ, успокоиваясь на этомъ фальшивомъ, мы забываемъ искать истиннаго объясненiя.

Во многихъ случаяхъ истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта отъ насъ фантастическимъ объясненiемъ факта посредствомъ расовыхъ отличiй. Такъ, напримѣръ, мнимая неподвижность быта и понятiй китайцевъ была бы безъ всякаго труда понята нами въ истинномъ ея видѣ, какъ рядъ паденiй цивилизацiи подъ гнетомъ варваровъ, если бы наше вниманiе не было отвлечено отъ этихъ бѣдствiй произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше извѣстнаго уровня цивилизацiи.

Остановимся пока на этомъ.

II. Времена Крестовыхъ походовъ и Гоэнштауфеновъ.

(второй отдѣлъ).

А. нѣмецкое государство при филиппѣ и оттонѣ.

1. Партіи и вожди ихъ.

Со времени Генриха III ни одинъ нѣмецкій государь не пріобрѣталъ такого могущества, какъ Генрихъ VI. Но и теперь, какъ тогда, всѣ результаты, достигнутые борьбой, быстро исчезли. Съ Генрихомъ VI было похоронено величіе нѣмецкой имперіи и династіи Гоэнштауфеновъ. Братъ его Филиппъ, образованный человѣкъ благороднаго характера, пользовавшійся особенной любовью его, получившій отъ него маркграфство тосканское и герцогство швабское и женившійся на его плѣнницѣ, дочери императора византійскаго Иринѣ, которую нѣмцы называютъ Маріей, шелъ съ 300 рыцарей изъ Италіи въ Германію, провожая своего племянника, ребенка Фридриха, котораго императоръ поручилъ ему отвезти въ Ахенъ для коронованія въ санъ нѣмецкаго короля. Въ Монтефіасконе (близъ Витербо) его настигъ вѣстникъ съ увѣдомленіемъ о смерти брата. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ поднялись въ Италіи возстанія, показывавшія, что всѣ силы, подавленныя энергіей покойнаго императора, устремятся свергнуть съ себя тяжелое иго. Филиппъ еще не успѣлъ выступить изъ Монтефіасконе, какъ уже подвергся нападеніямъ итальянцевъ и потерпѣлъ большой уронъ. Начались всходы кровавой жатвы, сѣмена которой были посѣяны свирѣпостями Генриха VI. Вся Апулія волновалась. Въ Сициліи національная партія громко требовала удаленія иноземцевъ. Императрица, всегда втайнѣ бывшая противницею иноземнаго владычества, выгнала всѣхъ нѣмцевъ, чтобы сохранить корону своему малолѣтнему сыну. Целестинъ III отлучилъ Филиппа отъ церкви, показывая тѣмъ, что становится во главѣ національнаго возстанія противъ нѣмцевъ. Филиппъ торопливо пошелъ въ Германію охранять

Броженіе въ Италіи по смерти Генриха VI.

тамъ права своего племянника и поддержать могущество своей династіи: умирающій императоръ назначилъ его опекуномъ малолѣтняго Фридриха, правителемъ нѣмецкаго государства, защитникомъ вдовствующей императрицы.

Генрихъ VI понималъ, что по его смерти династія подвергнется очень большимъ опасностямъ и не можетъ сохранить то положеніе, какого достигла при немъ. Это видно по его завѣщанію, которое было взято итальянцами въ числѣ добычи, доставшейся имъ послѣ сраженія при Монреале (въ 1200 году). Подлинность этого акта была подвергаема сомнѣніямъ, но теперь она положительно доказана. Желая сохранить за своимъ сыномъ королевство сицилійское, Генрихъ понималъ, что для этого необходимо примирить папу съ владычествомъ нѣмецкаго короля надъ южной Италіей, и потому постановилъ своимъ завѣщаніемъ, что если папа согласится признавать Фридриха II королемъ сицилійскимъ, то должны быть признаны за папой права леннаго господина этого королевства, наслѣдство Матильды должно быть возвращено римскому престолу, Равенна, Анкона, Бертиноро и Сполето должны быть признаны папскими ленами. Такимъ образомъ Генрихъ VI удовлетворялъ всѣмъ притязаніямъ римскихъ первосвященниковъ и кромѣ того отдавалъ папѣ верховную ленную власть надъ анконской маркой, чего даже и не требовали папы. Другою заботою умирающаго Генриха было охранить ребенка-сына отъ мщенія англійскаго короля; для этого онъ въ своемъ завѣщаніи освобождалъ Ричарда отъ обязанности быть вассаломъ нѣмецкаго короля и велѣлъ возвратить ему взятый съ него выкупъ. Но завѣщаніе Генриха VI осталось неисполненнымъ. Итальянцы свергли съ себя нѣмецкое иго и не имѣли надобности соображаться съ тѣмъ, какія уступки дѣлалъ имъ Генрихъ, какихъ не хотѣлъ дѣлать.

Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Изъ пяти сыновей Фридриха Барбароссы Фридрихъ и Конрадъ умерли раньше старшаго брата, и теперь оставались въ живыхъ только двое, Оттонъ и Филиппъ. Оттонъ получилъ бургундскія владѣнія своей матери; но большинство бургундскихъ владѣтелей не хотѣли признавать его власти, и онъ велъ съ ними войну. Имъ помогали епископы страсбургскій и базельскій и могущественный герцогъ Бертольдъ V Церингенскій. Подобно Конраду, Оттонъ былъ человѣкъ буйный и своими злодѣйствами возбудилъ противъ себя сильную вражду въ нѣмецкихъ князьяхъ. О характерѣ его можно судить изъ того, что онъ своей рукой убилъ Амадея, графа монбельярскаго, и Ульриха, графа пфиртскаго. Такой человѣкъ не могъ быть опорой для короля-ребенка, и всѣ надежды друзей королевской династіи сосредоточивались на Филиппѣ, который былъ въ то время еще юношей. Противники Гогенштауфеновъ думали отнять корону у ребенка, выбрать короля изъ другой династіи; кандидатомъ большинства южно-нѣмецкихъ князей былъ Бертольдъ Церингенскій. По обширности своихъ владѣній онъ принадлежалъ къ могущественнѣйшимъ князьямъ Германіи, а его династія пріобрѣла себѣ общее уваженіе заботливостью о развитіи благосостоянія своихъ подданныхъ (VI, стр. 571).

Адольфъ Кельнскій и Бертольдъ Церингенскій.

Адольфъ, архіепископъ кельнскій, принадлежавшій къ роду графовъ бергскихъ, члены котораго часто бывали избираемы на кельнскую каѳедру, человѣкъ честолюбивый и алчный, немедленно по смерти

Генриха вступилъ въ сношенія съ рейнскими и вестфальскими князьями и епископами, подобно ему не желавшими, чтобъ установилась наслѣдственность престола. Онъ велъ съ ними переговоры о томъ, чтобы выбрать другого короля вмѣсто ребенка-Фридриха. Они предложили корону Бернгарду Асканскому, герцогу саксонскому; онъ не принялъ кандидатуры; тогда они обратились съ предложеніемъ короны къ Бертольду, разсчитывая получить большія денежныя награды отъ этого князя, имѣвшаго очень много денегъ. Они собрались въ Андернахѣ и отправили своимъ посломъ къ Бертольду епископа страсбургскаго. Бертольдъ принялъ кандидатуру и далъ своихъ племянниковъ, графовъ Конрада и Бертольда Урахскихъ, въ заложники того, что сдержитъ свое обѣщаніе пріѣхать въ Кельнъ, гдѣ соберутся князья, которые хотятъ выбрать его королемъ, что, пріѣхавъ, онъ приметъ выборъ и коронуется. Но скоро онъ раскаялся въ своемъ обѣщаніи. Филиппъ явился въ Германію съ громадной суммой денегъ; на нѣсколькихъ съѣздахъ князей онъ пріобрѣталъ все больше и больше сторонниковъ своей династіи. Ея друзья стали убѣждать его принять корону. Онъ отказывался, говоря, что не хочетъ нарушать правъ племянника. Но князья отвѣчали, что присяга, данная ребенку, еще не крещенному, не имѣетъ силы, что обстоятельства очень трудны, потому ребенокъ не можетъ быть королемъ, что если Филиппъ не согласится занять престолъ, то партія Гоэнштауфеновъ ослабѣетъ и противники ея восторжествуютъ; эти доводы убѣдили Филиппа, и 8 марта 1198 г. на съѣздѣ князей въ Арнштадѣ онъ былъ избранъ королемъ.

Бертольдъ увидѣлъ, что не одолѣетъ могущественнаго соперника; онъ не имѣлъ дѣтей, потому былъ чуждъ династическаго честолюбія, не хотѣлъ рисковать и взялъ назадъ свою кандидатуру, получивъ за то отъ Филиппа должность королевскаго правителя въ Шафгаузенѣ и нѣкоторыя другія выгоды. Его племянники, бывшіе заложниками, успѣли черезъ нѣсколько времени освободиться.

Противники Гоэнштауфеновъ избираютъ Оттона.

Адольфъ Кельнскій и его политическіе друзья не отказались отъ намѣренія отнять корону у Гоэнштауфеновъ. Ричардъ, король англійскій, прислалъ въ Кельнъ уполномоченныхъ, обѣщавшихъ щедрое вознагражденіе тѣмъ князьямъ, которые изберутъ въ короли того или другого изъ сыновей Генриха Льва. Старшій изъ нихъ, Генрихъ, еще не возвратился тогда изъ крестоваго похода; а дѣло не допускало промедленія, потому рѣшено было выбрать его младшаго брата, Оттона. Въ апрѣлѣ 1198 Оттонъ былъ въ Кельнѣ провозглашенъ королемъ. Борьба между Гоэнштауфенами и Вельфами возобновилась. Оттонъ, любимецъ дяди, получилъ отъ него, какъ мы говорили, графство пуатусское. Но будучи избранъ королемъ нѣмецкимъ, онъ продалъ это графство, получилъ за него очень большую сумму, пріѣхалъ

въ Германію, былъ 9 іюня коронованъ въ Кельнѣ, пошелъ на Ахенъ, принудилъ сдаться стоявшій тамъ отрядъ воиновъ Филиппа и 12 іюля былъ помазанъ на королевскій санъ по старому обычаю въ ахенскомъ соборѣ. Черезъ два мѣсяца короновался въ Майнцѣ Филиппъ. Его коронаціонный праздникъ былъ болѣе блистателенъ.

8 сентября.

Междоусобіе.

Нѣмецкій народъ распался на двѣ партіи; оба короли были очень молодые люди; Оттонъ былъ признанъ въ сѣверной Германіи, въ Брабантѣ, во Фландріи; сильной опорой его былъ богатый, многолюдный городъ Кельнъ, надѣявшійся получать большія торговыя выгоды отъ союза съ Англіею. Большинство князей средней и южной Германіи было на сторонѣ Филиппа. Приверженцемъ его былъ и герцогъ богемскій, Пржемыслъ Оттокаръ, которому онъ далъ королевскій титулъ и почти полную независимость. Война между претендентами на нѣмецкій престолъ имѣла не тотъ характеръ, какъ борьба Фридриха Барбароссы съ Генрихомъ Львомъ. Правда, и теперь одинъ изъ соперниковъ назывался Гоэнштауфеномъ, другой Вельфомъ; но ихъ династическіе интересы имѣли мало значенія для князей, сражавшихся подъ ихъ знаменами. Сторонники Оттона бились не за него, а противъ принципа наслѣдственности престола. Онъ былъ не главою своей партіи, а только случайнымъ представителемъ ея интересовъ. Другое различіе этого междоусобія отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что теперь иноземные государи получили сильное вліяніе на нѣмецкія дѣла. Партія Оттона имѣла своей опорой короля англійскаго, а Филиппъ искалъ себѣ помощи у главнаго его противника, короля французскаго.

Оттонъ IV и Филиппъ Швабскій.

Оттонъ, третій сынъ Генриха Льва, провелъ дѣтство и юность у дяди во Франціи и Англіи. Онъ сталъ чужимъ своему народу. Онъ походилъ на Ричарда отвагой и физической силой, но также и вспыльчивостью характера, склонностью къ буйству. Онъ былъ высокъ ростомъ, превосходный наѣздникъ, мастеръ во всѣхъ военныхъ играхъ. Во французскихъ владѣніяхъ дяди онъ усвоилъ себѣ чужой языкъ и чужіе обычаи. Онъ любилъ не нѣмецкія пѣсни миннезингеровъ, а французскую поэзію трубадуровъ. Ричардъ, не имѣвшій дѣтей, любилъ его какъ сына, далъ ему, какъ мы говорили, графство пуатуское и титулъ герцога аквитанскаго, хотѣлъ женить его на дочери шотландскаго короля Маргаретѣ, которая считалась наслѣдницей престола, потому что король не имѣлъ сыновей. Но шотландскіе вельможи противились этому браку, а у шотландскаго короля родился сынъ, и Маргарета перестала быть наслѣдницей престола. Ричардъ бросилъ мысль женить племянника на ней и по смерти императора Генриха помогъ Оттону сдѣлаться королемъ нѣмецкимъ. Возвратясь на родину, Оттонъ остался въ душѣ чужимъ ей.—Филиппъ Гоэнштауфенъ представлялъ своимъ характеромъ рѣзкую противоположность порывистому, капризному, буйному рыцарю Оттону. Онъ былъ человѣкъ привѣтливый, добродушный, набожный; будучи въ дѣтствѣ предназначенъ сдѣлаться духовнымъ сановникомъ, онъ получилъ ученое воспитаніе. Отецъ, быть можетъ, хотѣлъ назначить его папой. Онъ уже былъ избранъ епископомъ вюрцбургскимъ, когда братъ сдѣлалъ его герцогомъ швабскимъ. Покинувъ церковную карръ-

еру, онъ сохранилъ любовь къ наукѣ и въ тревогахъ походной жизни не измѣнялъ любви къ родной поэзіи. Знаменитый миннезингеръ Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде часто жилъ при его дворѣ. Но король, по словамъ лѣтописцевъ, щедрый до расточительности, не оправдалъ ожиданій поэта, надѣявшагося наградъ отъ него. Вальтеръ напоминаетъ Филиппу слова Саладдина: „Руки царя должны быть какъ рѣшето“. Абель говоритъ: „Филиппъ походилъ на старшаго брата ростомъ, тѣлосложеніемъ, красивыми чертами лица, русыми волосами, и дѣйствія его во многомъ напоминали политическую дѣятельность Генриха VI. Онъ былъ не робокъ, но предпочиталъ путь переговоровъ войнѣ. Разница отъ Генриха состояла въ томъ, что и по врожденному характеру и по необходимости онъ часто поступалъ уклончиво и кротко въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ его братъ дѣйствовалъ сурово“. Прекрасный юноша Филиппъ и очаровательная Ирина (Марія) были примѣромъ супружеской любви и семейнаго счастья на престолѣ. Получивъ отъ брата владѣнія Матильды, Филиппъ былъ отлученъ отъ церкви папой, но неизмѣнно оставался человѣкомъ искренно благочестивымъ.

Положеніе партій.

Въ то время, когда умеръ Генрихъ VI и были выбраны два короля, нѣкоторые изъ важнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ князей Германіи находились въ Сиріи. Гюи Люзиньянъ, получившій отъ Ричарда королевство кипрское, умеръ. Генрихъ Шампанскій, въ пользу котораго Гюи отрекся отъ титула короля іерусалимскаго, тоже умеръ, и преемникомъ его титула сталъ Амори, братъ Гюи Люзиньяна. 1197. Нѣмецкіе крестоносцы помогали Амори защищать христіанскія владѣнія въ Сиріи отъ сыновей Саладдина и ихъ родственниковъ. Христіане стояли подъ Беритомъ, когда въ Сирію пришло извѣстіе о смерти Генриха VI; нѣмецкіе князья возобновили присягу на вѣрность его сыну и стали готовиться къ отъѣзду на родину. Они плыли туда порознь и вернулись домой одни раньше, другіе позже. Но и первые возвратившіеся уже нашли, что выбраны два короля. Каждый принималъ сторону того изъ нихъ, съ которымъ былъ въ родствѣ или отъ котораго надѣялся получить больше выгодъ. Оттонъ и Филиппъ съ одинаковой щедростью раздавали деньги, лены, титулы. Генрихъ, герцогъ брабантскій, принялъ сторону Оттона, потому что во время его паломничества жена его обручила дочь съ Оттономъ. Притомъ герцогъ брабантскій издавна былъ въ дружбѣ съ королемъ англійскимъ. Генрихъ, пфальцграфъ рейнскій, былъ правда родственникъ Филиппа по женѣ, съ рукою которой получилъ пфальцграфство. Но Оттонъ былъ братъ его, а онъ предпочелъ своего роднаго брата двоюродному брату жены. Германъ, ландграфъ тюрингскій, родственникъ Филиппа, принялъ однакоже сторону Оттона, давшаго ему много денегъ и города Нордгаузенъ и Зальфельдъ, принадлежавшіе къ числу непосредственныхъ владѣній нѣмецкаго короля. Но большинство князей, возвратившихся изъ Сиріи, признало королемъ Филиппа. Важнѣйшими изъ этихъ союзниковъ его были герцогъ Леопольдъ VII австрійскій, герцоги каринтійскій и меранскій, маркграфъ лаузицкій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій, графъ Адольфъ голь-

штинскій, старый врагъ Вельфовъ; почти всѣ духовные князья также были на сторонѣ Филиппа. Но особенно важно было для него то, что сталъ помогать ему возвратившійся изъ Сиріи полководецъ его отца и брата, Генрихъ Каландинъ. За Оттона была почти только сѣверо-западная Германія, но и тамъ четыре епископа и Вальрамъ, герцогъ лимбурскій, были сторонниками Филиппа. Главной опорой Оттона въ Германіи былъ, какъ мы говорили, богатый, многолюдный городъ Кёльнъ. При томъ онъ пользовался поддержкой короля англійскаго, и враги Гоэнштауфеновъ въ Италіи были его союзниками.

---

2. Иннокентій III. Итальянскія дѣла.

Избраніе Иннокентія III въ санъ папы.

Черезъ три мѣсяца по смерти Генриха VI умеръ 90 лѣтній старикъ папа Целестинъ III. Въ день его похоронъ, 8 января 1198, единогласно былъ избранъ папой кардиналъ-діаконъ Лотаріо, сынъ графа Тразамундо изъ династіи Конти, имѣвшей обширныя владѣнія, центрами которыхъ были города Сеньи и Ананьи. Лотаріо учился въ Римѣ, Парижѣ, Болоньѣ и рано пріобрѣлъ извѣстность своими трактатами по богословію и каноническому праву. Ему было только 29 лѣтъ, когда Климентъ III возвелъ его въ санъ кардинала. Целестинъ III не любилъ его и устранялъ отъ государственныхъ дѣлъ, потому что его мать была изъ фамиліи Скоттъ (Scotta), враждебной династіи Орсини. Онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ монастырскомъ уединеніи, гдѣ написалъ книгу «О презрѣніи къ міру». Онъ изображаетъ въ ней мрачными красками суету и бѣдственность человѣческой жизни. Презрѣніе къ суетѣ мірской сдѣлало его человѣкомъ суровой жизни, чуждающимся удовольствій; ученыя занятія развили въ немъ врожденную силу ума, имѣвшаго практическое направленіе. Онъ былъ одаренъ способностью ясно понимать положеніе дѣлъ, находить вѣрныя средства къ достиженію цѣли, идти къ ней спокойно, разсудительно и очень ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Ему было 37 лѣтъ, когда онъ былъ избранъ папой; онъ принялъ имя Иннокентія III. Человѣкъ чистой нравственности, простого образа жизни, искренно вѣрующій католикъ, хорошій проповѣдникъ, говорившій языкомъ ветхаго завѣта, знаменитый знатокъ каноническаго права, онъ сталъ управлять церковью, какъ правили военными и политическими дѣлами древніе римскіе государственные люди, разсудительно и энергично.

Цѣли Иннокентія III.

Положеніе дѣлъ въ Германіи было благопріятно возвышенію папской власти; два соперника воевали между собою за нѣмецкій престолъ; Иннокентій III ловко пользовался этимъ. Онъ началъ преобра-

зованіями въ римской области и въ церковныхъ дѣлахъ и постепенно расширялъ кругъ своей дѣятельности. Ближайшія цѣли его были: освободить городъ Римъ отъ подвластности императору, изгнать изъ Италіи иноземныхъ властителей, создать независимое папское государство, которое служило бы прочной матеріальной опорой для духовнаго господства папы. Окончательной цѣлью Иннокентія было подчинить всѣ государства христіанскаго запада владычеству паны и управлять западною церковью по римскому каноническому праву. Онъ хотѣлъ сдѣлать папскую власть національной итальянской властью и править всѣмъ западомъ въ духѣ понятій Григорія VII.

Винкельманъ говоритъ: «Иннокентій хотѣлъ поставить церковь въ совершенно новыя отношенія къ государству. Онъ не хотѣлъ признавать свѣтскую власть равноправною съ духовной, не довольствовался и тѣмъ уже довольно распространившимся мнѣніемъ: что духовная власть по своему достоинству выше свѣтской. Онъ полагалъ, что духовная власть пріобрѣтетъ независимость отъ свѣтской, только когда подчинитъ ее себѣ; эта мысль должна была имѣть окончательнымъ своимъ выводомъ соединеніе императорской короны съ папской. Замыселъ Иннокентія подчинить государей папѣ развился въ немъ вѣроятно благодаря тому случайному обстоятельству, что во время выбора его паной не было императора, и можно было предполагать, что императора долго не будетъ. Пользуясь этимъ, Иннокентій держалъ себя, какъ представитель императорской власти. Въ границахъ римско-нѣмецкой имперіи онъ по многимъ дѣламъ присвоивалъ себѣ права императора; а въ сношеніяхъ съ королями другихъ государствъ онъ принималъ тонъ леннаго господина, выказывая притязаніе считать ихъ своими вассалами, подобно тому, какъ Генрихъ VI хотѣлъ по своему императорскому сану стать леннымъ господиномъ другихъ королей. Стремленіе къ свѣтской власти надъ государями, не имѣющее себѣ другихъ примѣровъ въ исторіи западной церкви; забота о пріобрѣтеніи независимаго государства, которое служило бы опорой для власти надъ другими государями; притязаніе на такую же непогрѣшимость въ политическихъ дѣлахъ, какую приверженцы папы приписывали ему въ церковныхъ; совершенно безцеремонное употребленіе всяческихъ духовныхъ и мірскихъ средствъ къ подавленію противниковъ—таковы отличительныя черты первосвященничества Иннокентія III, сдѣлавшія его правленіе эпохой въ исторіи папской власти». Свое рукоположеніе въ санъ папы Иннокентій отложилъ до 22 февраля, когда католическая церковь празднуетъ основаніе римскаго епископства апостоломъ Петромъ. Онъ хотѣлъ этимъ показать, что считаетъ себя чѣмъ-то подобнымъ апостолу Петру. Въ рѣчи, написанной имъ для произнесенія на торжествѣ принятія папской тіары, Иннокентій говоритъ, что папа «занимаетъ средину между Богомъ и человѣкомъ, ниже Бога, но выше человѣка; онъ меньше Бога, но больше человѣка».

Иннокентій пріобрѣтаетъ власть надъ Римомъ.

Возложивъ на себя 22 февраля въ храмѣ Петра папскую тіару (епископскую митру, обведенную тремя коронами), Иннокентій отправился блестящей процессіей по украшеннымъ для этого праздника улицамъ Рима въ Латеранъ и сталъ раздавать народу подарки, въ которыхъ отказывалъ до своего посвященія; но давалъ подарки только тѣмъ гражданамъ, которые произносили присягу вѣрности ему. На слѣдующій день онъ принялъ присягу отъ префекта города и облекъ его въ пурпурную мантію. Это значило, что префектъ, бывшій прежде намѣстникомъ императора, становится теперь папскимъ сановникомъ. Потомъ Иннокентій отнялъ у римлянъ право назначать сенаторовъ,

присвоилъ эту власть себѣ, заставилъ сенаторовъ и всѣхъ сановниковъ города Рима присягнуть на вѣрность папѣ, принудилъ феодальныхъ владѣтелей римской области (Маритимы и Сабины) признать папу своимъ леннымъ господиномъ, пріучилъ народъ города Рима и вельможъ римской Кампаньи къ повиновенію.

Республиканцы, вождями которыхъ были Орсини, родственники Целестина III, подняли возстаніе въ Римѣ, прогнали Иннокентія, возвратили римлянамъ независимость, возстановили выборный сенатъ. Но они и родственники другихъ прежнихъ папъ ссорились между собой, потому республиканское правительство Рима ослабѣло и въ 1205 году заключило съ папой договоръ, по которому правителемъ Рима сталъ сановникъ, назначаемый папой; этотъ сановникъ назывался сенаторомъ.

Расширеніе свѣтской власти папы на всю среднюю Италію.

Подчинивъ себѣ Римъ и римскую область, Иннокентій возобновилъ притязанія прежнихъ папъ на наслѣдство Матильды и на другія земли, о которыхъ римская курія издавна говорила, что онѣ подарены папѣ Пипиномъ и Карломъ Великимъ. Нѣмецкіе короли, принявъ императорскій санъ, утверждали, что эти земли имперскіе лены, и со времени смерти Матильды ими дѣйствительно правили императорскіе вассалы. Иннокентій потребовалъ, чтобъ эти владѣтели признали себя вассалами папы. Въ Германіи шло междоусобіе, нѣмецкая власть въ средней Италіи упала, итальянцы ненавидѣли деспотизмъ нѣмецкихъ королей; благодаря всему этому, Иннокентій быстро достигъ своей цѣли. Онъ привлекъ на свою сторону патріотовъ средней Италіи, выставляя себя защитникомъ итальянской независимости. Онъ хотѣлъ соединить подъ управленіемъ папы всю среднюю Италію «отъ моря до моря и отъ Радикофано до Чеперано», провозглашая, что эти земли должны стать свободны отъ иноземнаго владычества; и дѣйствительно онъ успѣлъ подчинить себѣ владѣнія Матильды, анконскую марку, Романью и герцогство равеннское.

Низверженіе нѣмецкихъ правителей средней Италіи. 1198—1199.

Иннокентій III призывалъ населеніе средней Италіи свергнуть нѣмецкое иго; итальянцы вѣрили, что онъ желаетъ имъ независимости отъ нѣмцевъ и примкнули къ нему. Правителемъ герцогства сполетскаго и графства ассизскаго былъ Конрадъ Урслингенъ. Иннокентій потребовалъ, чтобъ онъ удалился; онъ отказался сложить съ себя власть; Иннокентій отлучилъ его отъ церкви, населеніе возстало противъ него; не получая помощи изъ Германіи, онъ увидѣлъ, что не въ силахъ подавить возстаніе, просилъ мира у Иннокентія, соглашаясь признать его своимъ леннымъ господиномъ; но населеніе области, которой правилъ онъ, не допустило никакой сдѣлки съ нимъ; въ мартѣ онъ уже принужденъ былъ объявить своимъ вассаламъ, что освобождаетъ ихъ отъ присяги, данной на вѣрность ему, и удалился въ Германію. Упорнѣе защищался опытный полководецъ Марквардъ Анвейлеръ, оказавшій Генриху VI большія услуги при завоеваніи королевства сицилійскаго, возведенный за это въ санъ рыцаря и сенешаля имперіи, назначенный правителемъ анконской марки и Романьи, получившій въ сицилійскомъ королевствѣ графство Молизе; человѣкъ хитрый, онъ хотѣлъ примириться съ Иннокентіемъ, вызывался признать себя вассаломъ папы и

платить ему дань. Иннокентій требовалъ, чтобъ онъ удалился; онъ взялся за оружіе. Папа отлучилъ его отъ церкви; онъ, разумѣется, остался равнодушенъ къ этому. Иннокентій объявилъ, что населеніе анконской марки и Романьи освобождается отъ повиновенія ему, но многіе города тѣхъ областей, какъ напримѣръ Озимо, Асколи, Камерино, Чезена, Форли не желали подчиниться папѣ и поддерживали Анвейлера. Иннокентій наложилъ на нихъ интердиктъ; они, не обращая вниманія на это, помогали Анвейлеру отражать папскихъ легатовъ, посланныхъ съ войсками противъ него. Онъ цѣлый годъ успѣшно противился папѣ; но дѣла сицилійскаго королевства потребовали его присутствія въ южной Италіи, и когда онъ ушелъ туда, папскія войска овладѣли анконской маркой. Романью они не могли покорить: архіепископъ равеннскій отразилъ ихъ и сталъ государемъ своей епархіи (такъ называемаго равеннскаго экзархата). Во владѣніяхъ Матильды нѣкоторые города тоже не хотѣли подчиниться папѣ; Иннокентій не сталъ принуждать ихъ къ покорности, отложилъ войну противъ нихъ до болѣе удобнаго времени. Населеніе средней Италіи единодушно желало свергнуть съ себя нѣмецкое иго, но имѣло мало расположенія подчиняться папѣ. Иннокентій дѣйствовалъ благоразумно и отказывался отъ того, чего не могъ пріобрѣсти безъ упорной войны. Тосканскіе города заключили между собою союзъ, подобный ломбардскому. Иннокентій убѣждалъ ихъ перемѣнить условія ихъ договора, сдѣлать въ немъ такія измѣненія, по которымъ предоставлялась бы ему довольно большая власть надъ Тосканой. Они не согласились, и онъ удовольствовался тѣмъ, что ректоры (правители) городовъ тосканскаго союза давали присягу охранять права и владѣнія римской церкви, не признавать никакого государя королемъ или императоромъ безъ утвержденія папы. Во всей средней Италіи императорская власть замѣнилась папской. Только Пиза осталась вѣрна династіи Гоэнштауфеновъ. Перуджія, Сполето, Ассизи, Фолиньо присягнули на вѣрность папѣ; другіе города средней Италіи предоставили ему нѣкоторыя почетныя права. Все это дѣло было кончено въ 1199 году. Тогда была близка къ осуществленію мысль, чтобы вся Италія образовала одинъ союзъ, главою котораго былъ бы папа, та мысль, къ осуществленію которой стремились впослѣдствіи Гвельфы. Ломбардскій союзъ поставилъ себя подъ покровительство папы, а въ сицилійскомъ королевствѣ, прежніе короли котораго называли себя вассалами папы, дѣла пошли теперь такъ, что Иннокентій пріобрѣлъ добровольно сильную власть надъ нимъ.

Тосканскій союзъ.

Въ маѣ 1198 Констанція велѣла привезти въ Палермо своего сына Фридриха, воспитывавшагося въ Фолиньо, и 17 мая онъ былъ коронованъ, какъ сицилійскій король. Ребенку было тогда три съ половиной года. Нѣмецкіе рыцари, получившіе отъ Генриха владѣнія въ сицилійскомъ королевствѣ, держали себя нагло; туземные вельможи стремились свергнуть съ себя ихъ иго; Констанція чувствовала себя безсильной; борьба туземцевъ съ нѣмецкими поработителями была опасна для Констанціи; потому она при всей своей гордости нашла надобнымъ поставить своего сына подъ покровительство папы. Но, вѣрная политикѣ своихъ предковъ, она не допускала папу вмѣшиваться въ управленіе церковными дѣлами королевства, удерживала власть надъ ними въ своихъ рукахъ. Иннокентій не хотѣлъ помогать ей, если она не откажется отъ управленія церковью; она принуждена

Королевство сицилійское.

была уступить ему въ этомъ, обѣщалась также платить тысячу золотыхъ монетъ въ годъ ему, какъ ленному господину королевства сицилійскаго. Онъ далъ инвеституру ея сыну, какъ своему вассалу. Но когда папскій легатъ пріѣхалъ въ Сицилію принять отъ ребенка-короля ленную присягу на вѣрность папѣ, Констанціи уже не было въ живыхъ. Она умерла 27 ноября 1198. Въ своемъ завѣщаніи она назначила папу, какъ леннаго господина, опекуномъ малолѣтняго короля, а правителями государства подъ контролемъ папы назначила архіепископа палермскаго и честолюбиваго канцлера Гвальтеріо, епископа троянскаго. Маркварду Анвейлеру показалось, что онъ можетъ захватить въ свои руки управленіе королевствомъ. Генрихъ VI въ своемъ завѣщаніи назначилъ его опекуномъ Фридриха и правителемъ острова Сициліи. Ссылаясь на волю покойнаго императора, онъ заявилъ, что беретъ въ свои руки управленіе Сициліей, и пошелъ съ войскомъ изъ анконской марки на югъ. Дипольдъ Фобургъ, получившій отъ Генриха VI графство ачеррское, утверждалъ, что покойный императоръ назначилъ его правителемъ Апуліи. Сицилійскіе и апулійскіе вельможи не признавали притязаній Маркварда и Дипольда. Эти цѣмецкіе полководцы соединились, къ нимъ примкнули другіе нѣмцы, имѣвшіе владѣнія въ королевствѣ, и они начали войну съ апулійскими вельможами.

Борьба за регентство 1198—1199.

Аббатъ монтекассинскій Роффредо принялъ сторону апулійскихъ вельможъ и папы. Буйныя полчища Маркварда опустошили владѣнія монтекассинскаго аббатства, взяли приступомъ и разграбили городъ Санъ-Джермано, осадили Монте-Кассино. Иннокентій отлучилъ отъ церкви Маркварда и всѣхъ повинующихся ему, далъ сражающимся противъ него отпущеніе грѣховъ, какое получали крестоносцы. Дипольдъ былъ взятъ въ плѣнъ графомъ казертскимъ, Марквардъ продолжалъ войну. Конрадъ Виттельсбахъ архіепископъ майнцскій, храбрый полководецъ, ѣздившій въ Палестину биться съ невѣрными, возвращался въ это время изъ Азіи; на пути къ Германіи онъ пріѣхалъ въ Апулію. Марквардъ, старый товарищъ его по оружію, вступилъ черезъ него въ переговоры съ папой, предлагалъ удвоить дань, которую обѣщалась платить Констанція и немедленно дать большую сумму, если папа признаетъ его правителемъ королевства. Иннокентій не согласился. Тѣ нѣмецкіе князья, которые были сторонниками Гоэнштауфеновъ, послали въ маѣ (1199 года) письмо папѣ, въ которомъ просили его принять „ихъ любезнаго друга и вѣрнаго королевскаго слугу маркграфа анконскаго, герцога равеннскаго, регента королевства сицилійскаго“—то есть Маркварда — подъ покровительство апостольской власти. Но и это письмо не подѣйствовало на Иннокентія. Марквардъ осенью переправился въ Сицилію и при содѣйствіи Гвальтеріо овладѣлъ Палермо, покорилъ всю Сицилію, награждалъ графствами и рыцарскими ленами своихъ приверженцевъ. Пизанцы поддерживали его; сицилійскіе сарацины усердно служили ему, и власть его надъ Сициліей упрочилась. По смерти того графа казертскаго, который взялъ въ плѣнъ Дипольда, новый графъ, сынъ прежняго, освободилъ этого полководца, сталъ помогать ему, женился на его дочери. Братъ Дипольда, Зигфридъ, женился на дочери Риччардо,

графа фондскаго; этотъ могущественный итальянскій вельможа также сталъ помогать нѣмцамъ. Во власти Дипольда и Зигфрида оставались многіе замки въ Апуліи. Нѣмцы дѣлали набѣги на владѣнія своихъ противниковъ.

Междоусобіе въ Апуліи и Сициліи 1200—1205.

Но Иннокентій твердо рѣшился прогнать нѣмцевъ изъ сицилійскаго королевства. Онъ хотѣлъ оставить королемъ Фридриха, но править въ его малолѣтство государствомъ, возбуждалъ сицилійцевъ противъ поваго Саладдина, какъ онъ называлъ Маркварда, говорилъ, что этотъ «врагъ христіанства» хочетъ при содѣйствіи служащихъ ему сарацинов отнять у Фридриха корону, послалъ въ Сицилію войско подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Джакопо (Іакова). Въ южную Италію пріѣхалъ мужъ Альбины, старшей дочери Танкреда, графъ Готье Бріэнскій; съ нимъ пріѣхали его жена и ея мать, вдовствующая королева Сибилла. Онъ, какъ мужъ Альбины, заявлялъ себя законнымъ владѣтелемъ княжества тарентскаго и графства Лечче, принадлежавшихъ Танкреду до вступленія на престолъ. Самъ императоръ Генрихъ въ договорѣ, заключенномъ съ королевой Сибиллой, призналъ эти владѣнія наслѣдственными въ потомствѣ Танкреда и обѣщалъ отдать ихъ сыну Танкреда, несчастному ребенку, котораго потомъ ослѣпилъ и замучилъ въ темницѣ. Иннокентій призналъ права Альбины и Готье на эти владѣнія, но взялъ съ Готье клятвенное обѣщаніе не отнимать королевскаго престола у Фридриха. Съ появленіемъ Готье Бріэнскаго въ Апуліи, война тамъ и въ Сициліи усилилась. Туземные вельможи распались на двѣ партіи. Они стремились уменьшить свою зависимость отъ центральнаго правительства, считали своимъ врагомъ каждаго, кто хотѣлъ ограничить ихъ самостоятельность. Многіе изъ нихъ полагали, что Марквардъ и Дипольдъ менѣе опасны для ихъ независимости, чѣмъ папа, желающій захватить въ свои руки управленіе королевствомъ; потому стали помогать нѣмцамъ. Канцлеръ королевства Гвальтеріо, его братья и родственники были непреклонными противниками папы. Джакопо послѣ двухъ неудачныхъ сраженій съ Марквардомъ разбилъ его въ упорной битвѣ между Палермо и Монреале (21 іюня 1210). Въ слѣдующемъ году Готье Бріэнскій и его апулійскіе союзники разбили Дипольда и его сторонниковъ подъ Капуей и подъ Барлеттой, овладѣли всей страной отъ Мельфи до Бриндизи и Отранто. Но эти побѣды не прекратили междоусобія. Въ тѣ времена было очень много авантюристовъ; французскіе и нѣмецкіе рыцари, жаждавшіе добычи, толпами шли и плыли на грабежъ въ Апулію, Сицилію. Марквардъ и Гвальтеріо, люди одинаково честолюбивые, ссорились до появленія Готье Бріэнскаго въ Апуліи; помирились, чтобъ общими силами обороняться отъ него, но черезъ нѣсколько времени поссорились опять. Война свирѣпствовала и въ Апуліи, и въ Сициліи; папа отлучалъ отъ церкви своихъ противниковъ; они разумѣется не обращали на это никакого вниманія. Наконецъ въ сентябрѣ 1202 года Марквардъ умеръ отъ каменной болѣзни. Мѣсто этого авантюриста

занялъ другой полководецъ, итальянскій вельможа Гульельмо Каппароне, сторонникъ нѣмецкой партіи. Онъ захватилъ королевскій дворецъ, короля-ребенка и королевскую печать, сталъ править Сициліей, называя себя «опекуномъ короля и сицилійскимъ военачальникомъ». Иннокентій нашелъ для ребенка Фридриха невѣсту, дочь короля арагонскаго; мать невѣсты хотѣла пріѣхать въ Сицилію съ отрядомъ
1202. арагонскихъ рыцарей; Иннокентій надѣялся, что она, сдѣлавшись правительницей Сициліи, предоставитъ ему значительную долю власти. Но отъѣздъ арагонской королевы замедлился, и междоусобіе продолжалось. Иннокентій говорилъ съ королями очень высокомѣрнымъ тономъ, заявлялъ притязанія на владычество надъ ними, но не могъ собрать порядочнаго войска, и власть его надъ итальянцами, выражавшими ему покорность на словахъ, была на дѣлѣ очень слаба. Не только въ римской Кампаньѣ, но и въ самомъ Римѣ были у него могущественные противники. Однажды онъ былъ даже выгнанъ изъ Рима; нашедши себѣ пріютъ въ Ананьи, онъ занемогъ такъ тяжело, что разнеслась молва о его смерти. Нѣмецкая партія въ южной Италіи одолѣвала его сторонниковъ. Дипольдъ былъ полнымъ господиномъ въ Салерно. Каппароне правилъ Сициліей, прогонялъ оттуда непріятельскіе отряды, не обращалъ никакого вниманія на папу и его проклятія. Гвальтеріо дѣйствовалъ то въ пользу Каппароне, то въ пользу папы, смотря по разсчетамъ своей личной выгоды. Готье Бріэнискій разбилъ Дипольда при Каннахъ, но вскорѣ послѣ того былъ разбитъ имъ близъ Геркулана, былъ раненъ, попался въ плѣнъ и умеръ отъ раны (11 іюня 1205). Войско папы и французской партіи разсѣялось. Иннокентій заключилъ миръ съ Ди-
1206. польдомъ и его сторонниками, снялъ съ нихъ отлученіе отъ церкви. Дипольдъ съ согласія папы поѣхалъ въ Палермо принять короля подъ свою опеку, но поссорился съ Каппароне и Гвальтеріо. Граждане Неаполя взяли ненавистный имъ городъ Кумы и «по милости божіей», какъ они выражались, разрушили его (25 февраля 1207). Дипольдъ, возвратившись въ южную Италію, разбилъ неаполитанцевъ; междоусобіе продолжалось; нѣмцы, генуэзцы, пизанцы грабили города, опустошали южную Италію. Конрадъ Марлей, получившій отъ императора Генриха графство сорское, дѣлалъ набѣги на владѣнія монте-кассинскаго аббатства и сосѣднія части римской области. Наконецъ апулійцы и папа одолѣли его, онъ былъ принужденъ от-
1208. дать графство сорское Ричардо, брату папы. Апулія избавилась наконецъ отъ нѣмецкаго ига; но Дипольдъ сохранилъ свое графство. Король-ребенокъ росъ подъ впечатлѣніями междоусобій, и умъ его рано созрѣлъ.

3. Вмѣшательство папы въ борьбу за нѣмецкій престолъ.

Иннокентій оказалъ большія услуги ребенку-королю сицилійскому. Онъ не могъ установить прочнаго спокойствія въ королевствѣ, но благодаря ему сохранялся хотя призракъ королевской власти. Права Фридриха не были совершенно забыты, государство не распалось на мелкія независимыя владѣнія. Притомъ Иннокентій заботился о воспитаніи ребенка, и, благодаря ему, Фридрихъ получилъ блестящее образованіе.

Услуги Иннокентія Фридриху.

Но, покровительствуя ребенку, бывшему королемъ сицилійскимъ, Иннокентій поддерживалъ въ Германіи враговъ его династіи. Филиппъ и Оттонъ оба старались пріобрѣсти поддержку папы. Иннокентій медлилъ признать права того или другого на престолъ, желая, чтобы междоусобіе въ Германіи длилось; оно было выгодно для него. Онъ хотѣлъ уничтожить связь между королевствомъ сицилійскимъ и Германіей, помѣшать установленію наслѣдственности императорскаго сана въ династіи Гоэнштауфеновъ. Потому онъ былъ расположенъ въ пользу Вельфовъ, естественныхъ союзниковъ его; но формальнымъ образомъ сохранялъ нейтралитетъ. Принявъ на себя опеку надъ Фридрихомъ, онъ не могъ явно ссориться съ партіей Гоэнштауфеновъ въ Германіи, потому что безъ ея поддержки не могъ бы защитить Фридриха отъ сицилійцевъ и апулійцевъ. Но ему не хотѣлось, чтобы Фридрихъ, будучи королемъ сицилійскимъ, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ королемъ нѣмецкимъ. Трудно было соединить съ притязаніями на заботливость объ интересахъ Фридриха отрицаніе его правъ на нѣмецкую корону. Папа выведенъ былъ изъ этого затрудненія нѣмецкими князьями гоэнштауфенской партіи: они измѣнили Фридриху и провозгласили королемъ Филиппа. Когда князья, присягнувшіе на вѣрность Фридриху, покинули его, то и папа свободно могъ не вступаться за его права.

Отношенія папы къ борьбѣ за нѣмецкій престолъ.

Иннокентій держалъ себя очень осторожно, но Филиппъ не могъ не замѣтить, что онъ желаетъ успѣха Оттону. Немедленно по своемъ вступленіи на папскій престолъ, Иннокентій отправилъ къ Филиппу посольство съ требованіемъ, чтобъ онъ освободилъ сицилійскихъ плѣнниковъ, которыхъ держалъ подъ стражею Генрихъ. Посолъ Иннокентія, епископъ сутрійскій, съ особенной настойчивостью говорилъ объ освобожденіи архіепископа салернскаго и семейства Танкреда. Кромѣ того папа требовалъ, чтобы Филиппъ, отлученный отъ церкви Целестиномъ, принесъ покаяніе, какое необходимо для принятія его въ лоно церкви. Филиппъ отвѣчалъ, что если онъ былъ отлученъ отъ церкви, то отлученіе не было объявлено ему правильнымъ порядкомъ; потому онъ не можетъ считать себя отлученнымъ; легатъ согласился не придавать публичности обряду покаянія Филиппа; подъ

этимъ условіемъ Филиппъ допустилъ легата совершить церковный обрядъ принятія его въ лоно церкви. Сицилійскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ Филиппъ освободилъ. Эта уступчивость не смягчила Иннокентія; онъ отнялъ кардинальскій и епископскій санъ у легата за его излишнюю снисходительность къ Филиппу и сослалъ его въ заточеніе на одинъ изъ пустынныхъ итальянскихъ острововъ, гдѣ онъ скоро умеръ отъ тоски. Когда сицилійскіе плѣнники, освобожденные Филиппомъ, пріѣхали въ Римъ, Иннокентій созвалъ народъ смотрѣть на нихъ; многіе изъ нихъ были ослѣплены Генрихомъ, и въ народѣ увеличилась ненависть къ нѣмцамъ. Ричарду, англійскому покровителю Оттона, Иннокентій всячески выказывалъ свое расположеніе, исполнялъ всѣ его желанія. Большинство нѣмецкихъ свѣтскихъ и духовныхъ князей было на сторонѣ Филиппа, но Иннокентій сообразовался не съ желаніями нѣмцевъ, а съ выгодами папской власти. Оттонъ и его приверженцы выражали такую почтительность къ Иннокентію, что онъ могъ надѣяться на большое усиленіе своей власти надъ Германіей въ случаѣ ихъ побѣды. Князья, бывшіе на сторонѣ Филиппа, очень оскорбили папу письмомъ, въ которомъ просили его не нарушать правъ нѣмецкой націи, вступались за Маркварда и Дипольда; они прибавляли, что Филиппъ скоро пойдетъ въ Римъ короноваться; это было прямой угрозой папѣ.

Междоусобіе въ Германіи 1198—1199.

Между тѣмъ война уже свирѣпствовала на Мозелѣ, на Рейнѣ, въ Тюрингіи, Саксоніи. Цвѣтущіе рейнскіе города Андернахъ, Боннъ, Ремагенъ были сожжены; ландграфъ тюрингскій взялъ приступомъ Нордгаузенъ и Зальфельдъ; воины его звѣрски свирѣпствовали надъ горожанами. Казалось, что возвращаются времена Генриха IV. Нѣмецкія войска обѣихъ партій страшно буйствовали, но чехи еще безпощаднѣй грабили, насиловали женщинъ и дѣвушекъ, жгли, рѣзали. Большинство князей было, какъ мы говорили, на сторонѣ Филиппа. Но вначалѣ Оттонъ одерживалъ успѣхи, благодаря усердію гражданъ Кельна, содѣйствію герцога брабантскаго и могущественной помощи Ричарда. Въ слѣдующемъ (1199) году Филиппъ сталъ брать перевѣсъ. Онъ покорилъ Страсбургъ, его приверженцы одерживали успѣхи въ другихъ мѣстностяхъ по Рейну. Но самой тяжелой потерей для Оттона была смерть Ричарда, который присылалъ очень много денегъ своему любимому племяннику. Онъ умеръ 6 апрѣля 1199. Многіе князья, помогавшіе Оттону только потому, что онъ давалъ имъ много денегъ, покинули его, когда прекратилась присылка денегъ ему изъ Англіи. Первый измѣнилъ Оттону Германъ, ландграфъ тюрингскій; онъ призналъ королемъ Филиппа, получивъ за это въ ленное владѣніе Нордгаузенъ и нѣсколько другихъ городовъ. На Рождество собраніе князей въ гостяхъ у Филиппа въ Магдебургѣ было такъ велико, что его окончательная побѣда казалась близкой.

Замыселъ Иннокентія подчинить Германію папской власти.

Иннокентій нашелъ, что не можетъ долѣе оставаться нейтральнымъ. Онъ понималъ, что если Филиппъ одолѣетъ Оттона, то пойдетъ въ Италію, возстановитъ тамъ нѣмецкую власть и уничтожитъ могущество папы. Потому Иннокентій рѣшился открыто принять сторону Оттона. Онъ мечталъ, какъ мы говорили, объ установленіи владычества папы надъ всѣми западными народами; анархія, господствовавшая почти во всѣхъ западныхъ земляхъ, дѣлала королей безсильными; Иннокентій надѣялся подчинить ихъ себѣ и, по примѣру Григорія VII, потребовалъ, чтобъ ему было предоставлено рѣшить споръ между Филиппомъ и Оттономъ.

Григорій VII говорилъ, что папа—солнце, императоръ—луна, получающая свѣтъ отъ солнца. Это астрономическое сравненіе употреблялъ и Иннокентій III. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ:

„Какъ на тверди небесной поставилъ Богъ два великія свѣтила, свѣтило большое для управленія днемъ и свѣтило меньшее для управленія ночью, такъ и на тверди вселенской церкви онъ поставилъ двѣ великія власти, большую для управленія душами и меньшую для управленія тѣлами; большее свѣтило— папское величіе, а меньшее — королевская власть. И какъ луна по своей величинѣ и природѣ, положенію и силѣ—меньшее свѣтило, получающее свѣтъ отъ солнца, такъ и королевская власть получаетъ свое сіяніе отъ папскаго величія“. Иннокентій прямо говорилъ просившимъ его помощи нѣмецкимъ посольствамъ, что папа, какъ намѣстникъ Христа Спасителя,—владыка вселенной, потому что чрезъ Христа цари царствуютъ и князья властвуютъ; королевская власть гораздо ниже папской, и рѣшеніе о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ быть королемъ, принадлежитъ папѣ.

Дѣйствія Иннокентія.

Въ маѣ 1199 года Иннокентій послалъ къ нѣмецкимъ князьямъ письмо, въ которомъ говорилъ, что дастъ свое апостольское покровительство тому изъ претендентовъ на нѣмецкую корону, который болѣе заслужитъ того своими чувствами и поступками. Всѣ знали, что онъ расположенъ къ Оттону, который передъ тѣмъ временемъ писалъ ему: «По смерти нашего дяди Ричарда вы наша единственная отрада и помощь». Но онъ остерегался компрометировать свой авторитетъ опрометчивымъ поступкомъ. Въ то время побѣда Филиппа еще не казалась близкой, потому что городъ Кельнъ, герцогъ брабантскій и графъ фландрскій сильно поддерживали Оттона. Филиппъ могъ бы быстро одолѣть Оттона только при содѣйствіи своего союзника, короля французскаго. Но Филиппъ Августъ былъ въ то время занятъ своимъ дѣломъ по разводу съ женой, навлекшимъ на него отлученіе отъ церкви. Иннокентію казалось, что онъ еще можетъ оставаться нейтральнымъ; ему было выгодно это; онъ разсчитывалъ, что чѣмъ дальше будетъ изнурять себя Германія междоусобіемъ, тѣмъ легче подчинится его рѣшенію.

Въ началѣ 1200 года возвратился изъ Сиріи Конрадъ Виттельсбахъ, архіепископъ майнцскій; онъ издавна пользовался очень большимъ уваженіемъ, пріобрѣлъ себѣ новую славу подвигами въ Азіи,

Попытка архіепископа майнцскаго примирить Оттона съ Филиппомъ 1200.

игралъ тамъ такую важную роль, что Левъ, князь Тарса, просилъ у него согласія на принятіе титула царя армянскаго и былъ коронованъ имъ. Притомъ Конрадъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Филиппомъ, и съ папой; онъ думалъ, что имѣетъ авторитетъ достаточный для возстановленія мира въ Германіи. Онъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими князьями, бывшими въ Сиріи, поклялся въ Беритѣ оставаться вѣрнымъ сыну умершаго императора Фридриху и, возвращаясь въ Германію, думалъ дѣйствовать въ пользу Фридриха; но убѣдился, что это уже стало невозможностью, что остался только выборъ между Филиппомъ и Оттономъ. По его убѣжденію, рейнскіе князья обѣихъ партій заключили между собою перемиріе и условились съѣхаться 28 іюля въ Андернахѣ, чтобы согласиться между собою въ томъ, кого слѣдуетъ признавать королемъ. Конрадъ поѣхалъ по порученію папы въ Венгрію склонять къ примиренію воевавшихъ между собою претендентовъ на венгерскій престолъ и думалъ вернуться къ времени андернахскаго съѣзда. Но здоровье старика было подорвано трудами и на обратномъ пути изъ Венгріи онъ умеръ. Его смерть была тяжелой потерей для Филиппа, потому что онъ былъ приверженецъ Гоэнштауфеновъ. Нѣсколько раньше Конрада умеръ братъ Филиппа, Оттонъ Бургундскій, а Филиппъ потерпѣлъ неудачу въ нападеніи на Брауншвейгъ. Все это ободрило его противниковъ.

Иннокентій пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ сторонниковъ между нѣмецкими епископами. 1200, 1201.

Оба претендента на престолъ старались передъ андернахскимъ съѣздомъ склонить папу на свою сторону. Онъ медлилъ высказываться при жизни Конрада; но со смертью этого архіепископа исчезла надежда на примиреніе партій, и папа долженъ былъ выйдти изъ своего притворнаго нейтралитета. Большинство нѣмецкихъ архіепископовъ и епископовъ было на сторонѣ Филиппа. Иннокентій старался склонять ихъ къ переходу на сторону Оттона. Конрадъ, епископъ гильдесгеймскій, бывшій канцлеръ Генриха VI, человѣкъ алчный, убѣдилъ вюрцбургскихъ канониковъ отдать ему и эту каѳедру по смерти прежняго епископа. Но соединеніе двухъ каѳедръ подъ управленіемъ одного епископа было воспрещено каноническимъ правомъ; Иннокентій III отлучилъ Конрада отъ церкви; онъ подвергался опасности лишиться обѣихъ каѳедръ, поѣхалъ въ Римъ, отказался отъ гильдесгеймскаго епископства, сохранилъ за собою вюрцбургское и возвратился въ Германію, обѣщавшись дѣйствовать въ пользу Оттона. Иннокентію удалось пріобрѣсти поддержку и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ, бывшихъ прежде сторонниками Филиппа. Въ Майнцѣ по смерти Конрада большинство канониковъ выбрало архіепископомъ вормсскаго епископа Ліутпольда, усерднаго приверженца Гоэнштауфеновъ. Выборъ происходилъ въ присутствіи Филиппа. Три или четыре каноника, бывшіе приверженцами Оттона, уѣхали въ Бингенъ, объявили, что свобода выбора была стѣснена Филиппомъ, избрали архіепископомъ Зигфрида Эпштейна. Оттонъ призналъ его архіепископомъ, папа

утвердилъ его въ санѣ; Оттонъ сталъ готовиться къ походу на Майнцъ.

Иннокентій разсудилъ, что можетъ теперь отбросить притворный нейтралитетъ. Онъ написалъ посланіе къ нѣмецкимъ князьямъ и отдѣльныя письма къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ этихъ актахъ онъ говоритъ, что Филиппъ, вѣроломно отнявшій нѣмецкую корону у своего племянника Фридриха, покровительствующій врагу церкви Маркварду, принадлежащій къ династіи, которая всегда была враждебна церкви и стремилась подавить свободу нѣмецкихъ князей, долженъ быть признанъ недостойнымъ престола, и должно признать нѣмецкимъ королемъ Оттона, человѣка умнаго, храбраго, законно избраннаго, преданнаго церкви, происходящаго и по отцу и по матери отъ династій благочестивыхъ. Оттону Иннокентій писалъ, что папская власть—солнце, а королевская власть—луна, совѣтовалъ ему надѣяться на Бога, который отвергъ Саула, избралъ царемъ Давида, и держать себя такъ, чтобы можно было отъ имени Божія сказать о немъ: «Я нашелъ человѣка по сердцу моему». Иннокентій явно принимаетъ сторону Оттона. Мартъ 1201.

Съ этими письмами поѣхалъ въ Германію легатъ папы, кардиналъ-епископъ пренестскій, Гвидо. На свиданіи съ нимъ и другими послами папы въ Нейсѣ Оттонъ подписалъ актъ, которымъ обѣщалъ оказывать повиновеніе и уваженіе папѣ Иннокентію и его преемникамъ, всѣми силами помогать установленію власти папы надъ всей Италіей, отъ рѣки По до границы сицилійскаго королевства, поддерживать права папы на верховную ленную власть надъ королевствомъ сицилійскимъ, дѣйствовать по отношенію къ тосканскому союзу, ломбардскому союзу и королю французскому сообразно волѣ папы. Гвидо 3 іюля въ Кельнѣ провозгласилъ по уполномоченію отъ папы королемъ нѣмецкимъ Оттона, отлучилъ отъ церкви Филиппа и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ поддерживать его. Въ своемъ отчетѣ папѣ Гвидо написалъ, что Оттонъ получилъ «милостію Божіей и папскою санъ короля»; этотъ отчетъ былъ прочитанъ созванному на Капитолій римскому народу; римляне воскликнули «Да здравствуетъ Оттонъ, императоръ римскій!» Нейсскій конкордатъ 1201.

Большинство нѣмецкихъ князей вознегодовало на униженіе, какому потвергаетъ нѣмцевъ Иннокентій. Гвидо приглашалъ князей на сеймы; огромное большинство князей отвергали эти приглашенія; многіе прогоняли пословъ Гвидо изъ своихъ владѣній. Очень значительное число духовныхъ и свѣтскихъ князей собралось 8 сентября въ Бамбергъ; тамъ былъ прочитанъ рѣзкій протестъ противъ дерзости кардинала Гвидо; всѣ присутствующіе князья подписали этотъ документъ и отправили къ папѣ. Иннокентій испугался и велѣлъ легату держать себя осторожнѣй. Негодованіе нѣмецкихъ князей.

Признавъ Оттона королемъ, Иннокентій сдѣлалъ очень много вреда нѣмецкому народу. Въ самой Германіи большинство князей осталось Многіе князья переходятъ на сторону Оттона 1202.

на сторонѣ Филиппа, не обращая вниманія на отлученіе отъ церкви, которымъ угрожалъ Гвидо. Но у Оттона были иноземные союзники. Короли датскіе, Кнудъ и Вальдемаръ, съ его согласія прогнали изъ Гольштиніи Адольфа Шауэнбургскаго и овладѣли этой областью. Оттонъ обручился съ дочерью герцога брабантскаго, который послалъ всѣ свои войска на помощь будущему зятю. Пржемыслъ Оттокаръ измѣнилъ Филиппу, отъ котораго получилъ королевскій санъ. Онъ прогналъ свою жену Аделу, съ которой жилъ уже 18 лѣтъ, и хотѣлъ жениться на дочери короля венгерскаго. Братъ Аделы, маркграфъ Дитрихъ мейсенскій, при содѣйствіи герцога саксонскаго убѣдилъ Филиппа объявить Оттокара лишеннымъ престола и отдать Богемію его племяннику Дипольду (Теобальду), жившему въ изгнаніи и находившемуся тогда въ Магдебургѣ. Оттокаръ перешелъ на сторону Оттона; папа утвердилъ его въ королевскомъ санѣ. Адела просила защиты себѣ у папы. Иннокентій, такъ усердно вступавшійся за святость супружескаго союза по дѣлу французскаго короля съ женою, съ которой онъ поступилъ, какъ Оттокаръ съ Аделой, не хотѣлъ навлекать на себя неудовольствіе Оттокара и оставлялъ просьбу Аделы безъ удовлетворенія; Адела наконецъ умерла; смерть ея вывела Иннокентія изъ неловкаго положенія.

Многіе духовные князья или перешли на сторону Оттона, или стали держать себя нейтрально; однимъ изъ мотивовъ перемѣны было то, что папа угрожалъ отлученіемъ отъ церкви сторонникамъ Филиппа; другимъ мотивомъ была любовь къ роднымъ. Оттонъ отказался отъ споліи, то есть отъ королевскаго права наслѣдовать движимое имущество духовныхъ сановниковъ (VI, 740). Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде, жившій въ это время при дворѣ Филиппа, съ горечью говоритъ о томъ, что нѣмецкіе князья измѣняютъ слову *). Іоаннъ, король англійскій, сначала выказывавшій мало расположенія къ Оттону, сталъ по просьбѣ Иннокентія помогать своему племяннику и далъ кельнскимъ купцамъ большія торговыя привилегіи въ Англіи; это усилило преданность Кельна Оттону.

Опустошеніе Германіи 1203.

Междоусобіе разгорѣлось съ новымъ ожесточеніемъ. Войска обоихъ королей буйствовали и свирѣпствовали; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было этихъ войскъ, дрались между собою областные князья. Въ Вестфаліи графы мекленбургскіе воевали съ графами арнсбергскими, въ Нидерландахъ графы гельдернскій и голландскій—съ герцогомъ брабантскимъ. Германъ, ландграфъ тюрингскій, измѣнившій прежде Оттону, измѣнилъ теперь Филиппу, вступилъ въ союзъ съ Оттокаромъ

*) Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Вальтеръ говоритъ: «Никогда не было такого вѣроломства въ Германіи; кто не вѣроломствуетъ, тотъ проигрываетъ. Прежде князья не знали этого искусства, теперь научились ему: прежде они не были лжецами, теперь почти всѣ обманываютъ».

и Зигфридомъ Эпштейномъ; чехи и войска архіепископа Луитпольда майнцскаго, у котораго Зигфридъ хотѣлъ отнять архіепископство, соперничали между собою въ грабительствѣ; тѣ и другія свирѣпствовали такъ, что, по словамъ современника, не могли бы злодѣйствовать хуже ихъ сарацины. Въ одинъ годъ было разрушено 16 монастырей и 350 сельскихъ церквей; чехи и нѣмцы одинаково разрушали ихъ, употребляли одежды съ престоловъ на попоны лошадямъ, насиловали и простыхъ сельскихъ дѣвушекъ, и монахинь, уводили людей въ рабство, привязывая плѣнниковъ къ хвостамъ лошадей.

Люди вообще привыкали буйствовать и злодѣйствовать. Филиппъ хотѣлъ отнять должность канцлера у Конрада, епископа вюрцбургскаго, державшаго себя двумысленно, и назначить канцлеромъ Генриха Глинденa, декана магдебургскаго Капитула. Братъ Конрада, Гебгардъ, напалъ близъ Гальденслебена на Генриха и ослѣпилъ его, чтобъ онъ сталъ неспособенъ къ должности канцлера. Филиппъ пошелъ съ войскомъ на Конрада. Иннокентій просилъ Оттона и Зигфрида Майнцскаго защитить Конрада отъ Филиппа, котораго называлъ «герцогомъ швабскимъ». Но раньше, чѣмъ пришла помощь, Конрадъ погибъ. Своей суровостью онъ возбудилъ много ненависти къ себѣ въ своихъ подданныхъ. Его судья Экгардъ казнилъ за грабежъ рыцаря, принадлежавшаго къ роду Равенсбурговъ. Двое изъ Равенсбурговъ убили Экгарда, напали на епископа въ самомъ Вюрцбургѣ, убили его на улицѣ, изрубили его тѣло.

Убійство епископа вюрцбургскаго.

15 августа 1202.

6 декабря 1202.

Вскорѣ послѣ этого убійства пріѣхалъ въ Вюрцбургъ Филиппъ. Духовенство и граждане съ похоронными гимнами принесли ему отрубленную руку и окровавленную одежду епископа и просили о правосудіи. Филиппъ расплакался отъ жалости, но преступленіе осталось безнаказаннымъ. Впрочемъ убійцы, мучимые совѣстью, сами поѣхали въ Римъ, упали къ ногамъ папы, обѣщались исполнить церковное наказаніе, какое онъ наложитъ на нихъ. Иннокентій велѣлъ имъ стоять нѣсколько дней на площади, имѣя на себѣ одежду кающихся грѣшниковъ и веревку на шеѣ; они должны были повторять это въ каждомъ нѣмецкомъ епископскомъ городѣ по дорогѣ отъ Рима до Вюрцбурга и дѣлать тоже по большимъ праздникамъ въ Вюрцбургѣ, подвергая себя при этомъ бичеванію, потомъ четыре года сражаться съ невѣрными въ Палестинѣ; на всю жизнь онъ отнялъ у нихъ право имѣть во владѣніи какіе нибудь лены. Но мы видимъ, что черезъ восемь лѣтъ они снова играли важную роль въ Вюрцбургѣ и едва не убили новаго епископа.

Въ 1203 году дѣла Оттона шли такъ успѣшно, что онъ могъ надѣяться на скорую окончательную побѣду. Король англійскій и датскій были его союзниками; король богемскій и ландграфъ тюрингскій признали его королемъ; угрозы легата заставили многихъ духовныхъ князей перейдти на его сторону. Онъ владычествовалъ во всей сѣверной и средней Германіи. Можно было полагать, что въ слѣдующемъ году онъ одолѣетъ Филиппа и на югѣ. Онъ писалъ папѣ, что

Успѣхи Оттона 1203.

обязанъ своими успѣхами покровительству святого отца: «Наше дѣло пало бы во прахъ, если бы не было поддержано вашею рукою и властью св. Петра. Мы всю жизнь будемъ помнить это». Но Иннокентій III не раздѣлялъ увѣренности Оттона въ скоромъ торжествѣ. «Положеніе нашего возлюбленнаго сына Оттона значительно улучшилось по милости Божіей, но еще не настолько упрочилось, чтобъ я могъ разсчитывать на скорую побѣду его,—писалъ Иннокентій въ апрѣлѣ 1204.

---

4. Побѣда Филиппа; смерть его.

Успѣхи Филиппа.

Дѣйствительно Оттону было еще далеко до торжества. Нѣмецкіе духовные князья были недовольны тѣмъ, что папа захватываетъ себѣ безграничное владычество надъ нѣмецкой церковью; стремится къ тому, чтобы на епископскія каѳедры были выбираемы указываемые имъ кандидаты, рѣшаетъ по своему произволу всѣ спорныя дѣла и руководится во всемъ лишь разсчетами своей выгоды; нѣмецкое духовенство говорило, что у папы одна мысль: достичь того, чтобы «все золото со всего свѣта текло ручьями и рѣками въ Римъ». Многіе свѣтскіе князья обижались высокомѣріемъ Оттона, другіе досадовали, что не получили отъ него выгодъ, какихъ ждали. Онъ надѣялся, что на сеймъ, происходившій на праздникъ Срѣтенія въ Фульдѣ, пріѣдутъ герцоги баварскій и австрійскій и архіепископъ зальцбургскій присягнуть на вѣрность ему, разсчитывалъ идти въ Швабію и одолѣть тамъ партію Филиппа; но вмѣсто того отъ него отложились и нѣкоторые изъ прежнихъ его приверженцевъ.

Ландграфъ тюрингскій, герцогъ богемскій, пфальцграфъ рейнскій, архіепископъ кельнскій, герцогъ брабантскій примиряются съ Филиппомъ.

Филиппъ съ большимъ войскомъ пошелъ въ Тюрингію, прогналъ оттуда чешскія войска, ландграфъ Германъ заперся въ Вейсензе, Филиппъ осадилъ этотъ замокъ; въ сентябрѣ Германъ и Оттокаръ увидѣли себя въ необходимости покориться Филиппу и дали ему заложниковъ вѣрности. Братъ Оттона Генрихъ, пфальцграфъ рейнскій, разсердился на то, что Оттонъ при дѣлежѣ наслѣдства не отдалъ ему Брауншвейгъ. Досада Генриха была такъ сильна, что онъ перешелъ на сторону Филиппа, который за это утвердилъ его во владѣніи пфальцграфствомъ рейнскимъ и назначилъ его фохтомъ (правителемъ) Гослара. Адольфъ, архіепископъ кельнскій, усердію котораго Оттонъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ въ королевскій санъ, соблазнился 5000 марокъ, предложенными ему Филиппомъ, и не слушая увѣщаній папы, призналъ Филиппа королемъ. Генрихъ брабантскій тоже обольстился выгодными предложеніями Филиппа, перешелъ на его сторону, объявилъ Оттону, что отказываетъ ему въ рукѣ своей дочери. Когда эти князья покинули Оттона, для всѣхъ стало ясно, что Филиппъ одолѣетъ.

Примирившись съ важнѣйшими изъ князей, поддерживавшихъ Оттона, Филиппъ разсудилъ вновь короноваться въ Ахенѣ; по обычаю мѣстомъ коронованія долженъ былъ быть Ахенъ, обрядъ коронованія долженъ былъ совершать архіепископъ кельнскій; только при соблюденіи этихъ условій корованіе считалось законнымъ.—Филиппъ съ женой пріѣхали въ Ахенъ и 2 января 1205 были коронованы архіепископомъ кельнскимъ

Коронованіе Филиппа въ Ахенѣ 1205.

Узнавъ объ измѣнѣ Адольфа, Оттонъ пошелъ на Ахенъ, но опоздалъ помѣшать коронованію Филиппа и увидѣлъ себя въ опасномъ положеніи. Вассалы архіепископа кельнскаго, графы юлихскій, гельдернскій, бергскій и другіе послѣдовали примѣру его и привели свои войска Филиппу; Оттонъ ушелъ въ Кельнъ, граждане котораго не боялись вступать въ битвы съ рыцарями. Генрихъ лимбургскій, оставшійся вѣрнымъ Оттону, начальствовалъ ими; папа отлучилъ Адольфа отъ церкви и низложилъ его. Кельнскіе каноники нашли правильнымъ распоряженіе папы и выбрали новаго архіепископа, Брунона. Лѣтомъ Адольфъ лимбургскій съ гражданами Кельна нападалъ на владѣнія вассаловъ кельнской каѳедры, измѣнившихъ Оттону; они грабили владѣнія, остававшіяся подъ властью кельнскаго капитула. Въ октябрѣ Филиппъ съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ Кельнъ, но укрѣпленія города были очень сильны: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ граждане построили новыя громадныя стѣны съ 12 фортами при воротахъ, съ 50 другими башнями; осажденные отбивались храбро, отразили всѣ приступы: Оттонъ своимъ геройствомъ ободрялъ воиновъ; осада не удалась, Филиппъ ушелъ. Лѣтомъ слѣдующаго года Гунцелинъ вольфенбюттельскій, начальствовавшій войсками Оттона въ Брауншвейгѣ, взялъ приступомъ Госларъ. Цѣлую недѣлю побѣдители вывозили изъ города имущество, отнятое у гражданъ. Госларъ былъ очень богатымъ торговымъ городомъ; отъ грабежа, которому подвергся теперь, онъ ужь никогда не оправился.

Война на нижнемъ Рейнѣ.

Взятіе Гослара 9 іюня 1206.

Осенью Филиппъ съ новымъ войскомъ пришелъ на нижній Рейнъ и осадилъ Кельнъ. Многіе изъ князей, оставшихся вѣрными Оттону, видѣли необходимость покориться Филиппу; къ числу ихъ принадлежалъ даже Генрихъ лимбургскій. Кельнское войско, сдѣлавъ вылазку, зашло въ болотистую мѣстность и было разбито; Генрихъ лимбургскій, котораго винили въ этой неудачѣ, приписывая ее предательству его, перешелъ на сторону Филиппа. Граждане Кельна увидѣли невозможность выдержать осаду и, при посредничествѣ герцога брабантскаго, заключили съ Филиппомъ договоръ, по которому городъ сохранилъ всѣ свои права. Благодаря тому, Кельнъ остался центромъ торговли рейнскихъ областей съ сѣверной Франціей, Англіей, Даніей, восточной Германіей, Венгріей, византійской имперіей. Оттонъ удалился въ свои наслѣдственныя брауншвейгскія владѣнія.

Борьба съ Филиппомъ стала безнадежной; духовные и свѣтскіе

Переговоры Филиппа съ папой 1206—1207.

князья, поддерживавшіе Оттона, спѣшили заявить свою преданность Филиппу. Папа нашелъ надобность примириться съ нимъ. Не только свѣтскіе, но и духовные князья Германіи признавали Филиппа королемъ, не обращая вниманія на то, что онъ отлученъ папой отъ церкви; авторитетъ папы падалъ отъ этого. Можно было полагать, что Филиппъ скоро пойдетъ въ Италію; при его появленіи поднялись бы всѣ враги папской власти, а ихъ было много. По этимъ соображеніямъ Иннокентій выказалъ готовность примириться съ Филиппомъ; человѣкъ набожный, тяготившійся отлученіемъ отъ церкви, Филиппъ обрадовался перемѣнѣ въ мысляхъ папы. Онъ уже раньше того предлагалъ Иннокентію миръ, обѣщаясь выдать за его племянника одну изъ своихъ дочерей и вмѣстѣ съ ея рукой отдать этому племяннику владѣнія Матильды. Думая, что дружба съ папой упрочитъ власть его въ Германіи, онъ соглашался на ту формальность, чтобы папа произнесъ рѣшеніе по дѣлу о законности его правъ на нѣмецкій престолъ.

Иннокентій отправилъ въ Германію патріарха аквилейскаго, нѣмца Вельфгера, бывшаго прежде епископомъ пассаускимъ. Цѣлью посольства было склонить Оттона къ добровольному отреченію отъ короны. Оттонъ не согласился на убѣжденія Вольфгера. Филиппъ возобновилъ свои увѣренія въ преданности папѣ. Иннокентій отправилъ въ Германію двухъ новыхъ легатовъ. Булла, обнародованная папой передъ отправленіемъ ихъ въ путь, говорила, что они ѣдутъ для возстановленія мира въ Германіи и описывала бѣдственное состояніе, въ какое приведена эта страна междоусобіемъ. „Христіане убиваютъ другъ друга и не идутъ въ святую землю противъ невѣрныхъ; справедливость, благочестіе, вѣра погибаютъ; ереси усиливаются; нивы опустошаются, возникаютъ голодъ и нищета, совершаются убійства, поджоги и святотатства, мужчины подвергаются смерти, вдовы грабежу, дѣвицы поруганію, бѣдные притѣсненію; по дорогамъ нѣтъ безопасности, и при безнаказанности всякихъ дурныхъ дѣлъ вся страна наполняется злодѣями“. Иннокентій назначилъ легатами Уголино, кардинала-епископа остійскаго, своего близкаго родственника, человѣка умнаго, краснорѣчиваго, и Льва, кардинала-пресвитера санта-крочскаго.

Весна 1207.

Продолженіе переговоровъ 1207—1208.

Вольфгеръ и новые легаты папы пріѣхали въ іюнѣ въ Шпейеръ къ Филиппу, были приняты имъ съ большими почестями, сняли съ него отлученіе, совершили богослуженіе въ его присутствіи. Ясно было, что Иннокентій рѣшился признать Филиппа королемъ, и дѣло это отлагается только до той поры, когда легаты найдутъ благовидное средство отнять у Оттона поддержку папы такъ, чтобы не уронить достоинство римскаго первосвященника. Оттонъ напрасно просилъ помощи у иноземныхъ государей; ихъ посольства пріѣзжали къ его сопернику съ увѣреніями въ дружбѣ. Филиппъ обручилъ одну изъ своихъ дочерей съ старшимъ сыномъ герцога брабантскаго, обѣщалъ королю богемскому, что отдастъ за его старшаго сына другую свою дочь; въ угожденіе папѣ установилъ въ Германіи налогъ для отправленія воиновъ и денегъ въ Сирію. Было заключено перемиріе

съ Оттономъ; Вольфгеръ, патріархъ аквилейскій, поѣхалъ къ нему въ Госларъ съ предложеніемъ Филиппа отдать за него свою дочь Беатрису, назначить ей богатое приданое и дать ему или герцогство швабское или королевство бургундское. Но все было напрасно. Посредники устроили личное свиданіе Оттона съ Филиппомъ, но и на этомъ свиданіи Оттонъ остался непоколебимъ, согласился только продлить перемиріе. Весной слѣдующаго (1208) года послы Оттона и Филиппа отправились вмѣстѣ съ легатами въ Римъ. Иннокентій видѣлъ, что не возможно поддержать Оттона, рѣшился покориться необходимости, признать Филиппа королемъ, хотѣлъ только добиться у него уступокъ, которыми обезпечивалось бы владычество римскаго первосвященника въ средней Италіи. Кромѣ того, надобно было рѣшить спорные вопросы по выборамъ архіепископовъ майнцскаго и кельнскаго. Брунонъ, утвержденный папой въ санѣ архіепископа кельнскаго, находился въ плѣну у Филиппа; Филиппъ освободилъ его; легаты папы сняли отлученіе съ его соперника, Адольфа, занимавшаго кельнскую каѳедру.

Борьба за бременскую каѳедру.

Переговоры между Филиппомъ и папой затянулись по поводу борьбы двухъ претендентовъ на бременскую каѳедру. Архіепископъ Гартвигъ умеръ 3 ноября 1207. Приверженцы Филиппа выбрали архіепископомъ Вальдемара, герцога шлезвигскаго, который уже раньше того былъ архіепископомъ, но на войнѣ съ королемъ датскимъ попался въ плѣнъ и тринадцать лѣтъ оставался въ ссылкѣ на островѣ Альзенѣ (VI, 734). Партія Оттона и короля датскаго избрала архіепископомъ другого кандидата, Буркгарда. Вальдемаръ, не дожидаясь рѣшенія папы, вступилъ въ управленіе архіепископствомъ бременскимъ; Иннокентій отлучилъ его отъ церкви; король датскій вошелъ въ архіепископство бременское, опустошилъ владѣнія графовъ, вассаловъ бременской каѳедры, поддерживавшихъ Вальдемара, и заключилъ союзъ съ Оттономъ. Филиппъ собиралъ въ Бамбергѣ и въ Кведлинбургѣ сильное войско, чтобы прогнать Оттона изъ его родовыхъ владѣній и оттѣснить датчанъ въ Ютландію.

Убійство Филиппа 1208.

Филиппъ защищалъ Вальдемара, отлученнаго отъ церкви Иннокентіемъ; это было непріятно папѣ, но не разстроило его отношеній къ Филиппу, который смягчилъ его досаду важными уступками по другимъ дѣламъ. Вольфгеръ и другіе два прежніе легаты Иннокентія поѣхали обратно въ Германію объявить, что Иннокентій призналъ Филиппа королемъ. Но событіе, котораго нельзя было предвидѣть, произвело переворотъ дѣлъ въ Германіи. Филиппъ ѣхалъ въ Бамбергъ, гдѣ собирались войска южной Германіи для похода на Оттона и короля датскаго; 21 іюня Филиппъ на пути туда отпраздновалъ бракосочетаніе Оттона, герцога меранскаго, съ своей племянницей, Беатрисой, дочерью и наслѣдницею его умершаго брата, пфальцграфа бургундскаго. Свадьба эта праздновалась въ замкѣ Бабенбергѣ, резиденціи епископа Экберта, брата жениха; послѣ обѣда король съ большой свитой поѣхалъ провожать новобрачныхъ; время

было жаркое. Онъ, утомленный зноемъ, пашелъ надобнымъ кровопусканіе, которое считалось тогда предохранительнымъ средствомъ отъ болѣзней, производимыхъ зноемъ. Ему пустили кровь изъ обѣихъ рукъ. Для отдыха отъ кровопусканія и отъ утомленія зноемъ, онъ прилегъ на постель и весело разговаривалъ съ своимъ канцлеромъ Конрадомъ, епископомъ шпейерскимъ, и съ Генрихомъ Вальдбургомъ, своимъ кравчимъ и камергеромъ. Въ три часа по-полудни подъѣхалъ къ дворцу съ отрядомъ воиновъ пфальцграфъ Оттонъ Виттельсбахъ, племянникъ того Оттона, который былъ полководцемъ Фридриха Барбароссы. Воины остались передъ дворцомъ; Оттонъ вошелъ во дворецъ и постучался въ дверь комнаты, гдѣ лежалъ Филиппъ. Король велѣлъ впустить его. Въ рукѣ у Оттона былъ обнаженный мечъ; это не возбудило подозрѣнія, потому что онъ часто забавлялъ короля, дѣлая шутливые жесты съ мечомъ въ рукѣ; король былъ не расположенъ смотрѣть на паясничество и сказалъ Оттону, чтобъ онъ не шутилъ; Оттонъ съ восклицаніемъ: «Теперь это не шутка!» бросился на лежащаго короля и ударилъ его мечомъ по шеѣ. Рана была очень глубокая, смертельная, король вскочилъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ. Когда Оттонъ бросился на короля, епископъ спрятался, Вальдбургъ хотѣлъ остановить убійцу, но Оттонъ ударилъ его мечомъ по нижней части лица и ушелъ, сѣлъ на коня, ускакалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что убійство было дѣломъ личнаго мщенія. Филиппъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ обѣщалъ Оттону, что женитъ его на своей дочери (вѣроятно Беатрисѣ), когда дѣвочка подростетъ; въ послѣднее время онъ взялъ назадъ слово и обѣщалъ отдать эту дочь за племянника папы. Современники, не зная этой причины отказа Оттону, объясняли его тѣмъ, что королю не нравился характеръ пфальцграфа, человѣка дѣйствительно буйнаго. Послѣ того Оттонъ получилъ отъ Филиппа другую обиду. Онъ сватался Гертруду, дочь герцога силезскаго Генриха и услышалъ, что король посовѣтовалъ Генриху отказать ему. Справедливъ ли былъ слухъ, дошедшій до Оттона, мы не знаемъ; но король до послѣдней минуты держалъ себя съ нимъ довѣрчиво, какъ человѣкъ, не знающій за собой никакой тайной вины передъ нимъ. Оттонъ не имѣлъ никакихъ сообщниковъ, но возникла молва, что епископъ бамбергскій, во дворцѣ котораго былъ убитъ Филиппъ, и его братъ Генрихъ, маркграфъ истрійскій, возбудили Оттона къ убійству и помогли ему бѣжать. Они торопливо уѣхали. Но невозможно придумать, какой выгоды себѣ могли они ожидать отъ смерти Филиппа.

Смерть королевы.

Одинъ изъ писателей того времени, монахъ Зальмансвейлерскаго монастыря говоритъ, взывая къ Филиппу: «Какъ блестящая звѣзда упалъ ты съ неба, драгоцѣнный камень между королями; закатилось солнце и настала ночь». Большинство нѣмецкаго народа было глубоко опечалено смертью Филиппа. Жена, съ которой онъ жилъ очень счастливо, была беременна; она поспѣшно уѣхала изъ Бамберга въ замокъ Гоэнштауфенъ и черезъ два мѣсяца умерла отъ родовъ (28 августа). «Роза безъ шиповъ, незлобивая голубица», какъ называлъ ее Вальтеръ фонъ-деръ-Фогелвейде, Ирина была похоронена въ Лорх-

скомъ монастырѣ. Единственнымъ представителемъ династіи Гоэнштауфеновъ остался 12-лѣтній мальчикъ, Фридрихъ, жившій далеко на югѣ, въ королевствѣ сицилійскомъ.

---

5. Правленіе Оттона IV.

а) Возстановленіе государственнаго единства.

Анархія.

Монахъ рацебургскаго монастыря, считавшійся святымъ, предвидящимъ будущее, предсказывалъ: «1208 годъ будетъ кончиной всего». Смятеніе, поднявшееся по смерти Филиппа, казалось исполненіемъ этого пророчества. Князья гоэнштауфенской партіи, собравшіеся съ войсками въ Бамбергѣ и Кведлинбургѣ, пошли въ свои владѣнія и приняли мѣры, чтобъ остаться господами тѣхъ замковъ и королевскихъ имѣній, которыя были ввѣрены ихъ охраненію. Король датскій упрочивалъ свою власть надъ захваченными имъ нѣмецкими землями. Короли англійскій и французскій желали извлечь выгоды себѣ изъ разстройства дѣлъ въ Германіи. Король Оттонъ старался привлечь къ себѣ князей, передшихъ отъ него на сторону Филиппа. На югѣ Германіи всякая законность пала; распущенныя войска разошлись буйными толпами по Франконіи, Швабіи, Эльзасу, грабили, рѣзали народъ. По берегамъ Боденскаго озера пылали селенія, къ безпорядкамъ присоединились физическія бѣдствія: страна страдала отъ засухи, народъ видѣлъ на небѣ страшныя знаменія *). Всѣ понимали, что государство распадется, если враждующія партіи не бросятъ спора и не поспѣшатъ признать обѣ кого нибудь одного королемъ. Многіе изъ князей гоэнштауфенской партіи думали провозгласить королемъ Фридриха; но 12 лѣтній ребенокъ, родившійся и воспитывавшійся вдали отъ Германіи, неизвѣстный нѣмцамъ, не могъ управлять государствомъ.

Признаніе Оттона королемъ 1208.

Князья гоэнштауфенской партіи пришли къ заключенію, что необходимо примириться съ Оттономъ. Альбрехтъ, архіепископъ магдебургскій, показалъ примѣръ другимъ. Получивъ большія уступки въ пользу магдебургской каѳедры, онъ призналъ Оттона королемъ. Оттонъ

---

*) Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде говоритъ:

«Очнитесь всѣ, приближается день, котораго ужаснутся и христіане, и евреи, и язычники; многочисленны знаменія, предвѣщающія его приближеніе. Свѣтъ солнца омрачился, безплодны остаются посѣвы на поляхъ; сынъ измѣняетъ отцу, братъ обманываетъ брата, обольщаютъ людей монахи, насиліе торжествуетъ, сила закона исчезаетъ. Очнитесь же, бездѣйствовать нельзя!»

сказалъ ему, что будетъ имѣть его первымъ своимъ совѣтникомъ, слѣдовать во всемъ его мнѣнію; это значило, что Оттонъ рѣшился держаться той политики, какой слѣдовали Гоэнштауфены. Онъ разсудилъ, что не долженъ дѣйствовать насиліемъ, и вступилъ въ переговоры съ бывшими своими врагами. Дѣло шло такъ успѣшно, что 22 сентября саксонскіе и тюрингскіе князья уже провозгласили единодушно Оттона королемъ на Гальберштадскомъ сеймѣ. Вслѣдъ за тѣмъ перешли на его сторону князья рейнскихъ областей и южной Германіи. Иннокентій говорилъ, что погибель Филиппа—судъ Божій; переговоры, которые велъ онъ съ Филиппомъ, ни мало не помѣшали ему объявлять теперь, что онъ оставался неизмѣнно вѣренъ Оттону, отъ котораго самъ получилъ новыя увѣренія въ преданности. Весною
22 марта 1209. Оттонъ утвердилъ въ Шпейерѣ нейсскій договоръ. Конрадъ, епископъ шпейерскій, имѣвшій большое вліяніе на князей Гоэнштауфенской партіи и бывшій канцлеромъ Филиппа, заявилъ свою преданность Оттону, отдалъ ему замокъ Трифельзъ, въ которомъ хранились знаки королевскаго сана; рыцари и воины, находившіеся на службѣ Филиппа, присягнули Оттону; маршалъ Генрихъ Каландинъ, главнокомандующій войскъ Филиппа, пріѣхалъ въ Брауншвейгъ заявить свою покорность Оттону и сообщить ему, что вассалы династіи Гоэнштауфеновъ будутъ вѣрно служить ему. Филиппъ Августъ склонялъ нѣкоторыхъ князей провозгласить королемъ Генриха, герцога брабантскаго; но потерпѣлъ полную неудачу. Осенью Оттонъ поѣхалъ въ южную Германію; его повсюду встрѣчали радостно; онъ пригласилъ князей собраться на сеймъ во Франкфуртѣ. Франконскіе, швабскіе, баварскіе князья пріѣхали туда.

Франкфуртскій сеймъ 1208. Князья всѣхъ нѣмецкихъ областей, собравшіеся во Франкфуртѣ, во второй разъ избрали Оттона королемъ. Онъ присягнулъ на Евангеліи защищать церковь и ея служителей, быть безпристрастнымъ судьей, охранять миръ. Канцлеръ Конрадъ подалъ ему знаки королевскаго сана. Когда онъ съ короной Карла Великаго на головѣ сѣлъ на престолъ, Конрадъ подвелъ къ нему старшую дочь Филиппа Беатрису, десяти-лѣтнюю хорошенькую дѣвочку; она упала къ ногамъ короля и со слезами просила наказать убійцъ ея отца. Князья были тронуты до слезъ и по единогласному рѣшенію ихъ король объявилъ Оттона Виттельсбаха и его сообщниковъ лишенными сана, имуществъ, осужденными на смерть и лишенными покровительства законовъ.

Смерть Оттона Виттельсбаха. По закону, требовавшему, чтобы судъ былъ производимъ въ области племени подсудимыхъ, приговоръ надъ Оттономъ и его сообщниками былъ повторенъ на аугсбургскомъ сеймѣ, происходившемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ франкфуртскаго. Многіе члены рода Виттельсбаховъ, желая омыть честь своей фамиліи кровью преступнаго родственника, пошли съ маршаломъ Каландиномъ исполнить приговоръ надъ нимъ. Они разрушили Андексъ, родовую резиденцію герцоговъ меранскихъ, опустошили

владѣнія Оттона; Людвигъ Виттельсбахъ, герцогъ баварскій, самъ велѣлъ разрушить родовой замокъ своей фамиліи, Виттельсбахъ. Оттонъ укрылся въ сельской хижинѣ близъ Регенсбурга; рыцарь Вольфъ, юноша, отецъ котораго былъ казненъ Оттономъ, и маршалъ Каландинъ нашли Оттона и убили его. Каландинъ отрубилъ голову убитаго и бросилъ ее въ Дунай. Епископъ Экбертъ и братъ его маркграфъ Генрихъ истрійскій, осужденные какъ сообщники Оттона, бѣжали, Генрихъ уѣхалъ въ святую землю, епископъ къ своему родственнику Андрею, королю венгерскому. Черезъ нѣсколько лѣтъ они были признаны невинными, и права ихъ были возстановлены.

На франкфуртскомъ сеймѣ Оттонъ объявилъ князьямъ, что беретъ Беатрису подъ свою опеку и женится на ней, когда она подростетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ женился на ней. Приверженцы Гоэнштауфеновъ совершенно примирились съ нимъ. Бракъ съ Беатрисой, наслѣдницей Филиппа, далъ ему очень большія личныя владѣнія: наслѣдство Беатрисы было громадное, въ немъ насчитывалось 350 замковъ. При содѣйствіи князей, утомленныхъ десятилѣтнимъ междоусобіемъ, Оттонъ возстановилъ въ государствѣ спокойствіе и законный порядокъ, прекратилъ разбои по дорогамъ, такъ что безопасно стало возить товары и торговля оживилась, старался обуздывать пороки духовенства. Иннокентій писалъ архіепископу камбрейскому: «Оттонъ какъ бы облекся въ новаго человѣка». Народъ вздохнулъ свободно; земледѣльцы возвратились на покинутыя нивы, изобильный урожай прекратилъ голодъ; нѣмцы надѣялись, что для нихъ начинается счастливое время; но спокойствіе скоро смѣнилось новыми бурями. Примиреніе.

По обычаю прежнихъ королей, Оттонъ отправился объѣхать государство. Проѣзжая по рейнскимъ областямъ и по Швабіи, онъ подвергалъ строгому суду нарушителей тишины. Маршалъ Каландинъ бралъ въ плѣнъ рыцарей и мелкихъ владѣтелей, обогащавшихся грабежомъ, Оттонъ осуждалъ ихъ на казнь. Одинъ изъ лѣтописцевъ говоритъ: «И отъ этого объялъ большой страхъ рыцарей и вельможъ, которые въ Германіи были главные разбойники». Строгость Оттона была по всей вѣроятности справедлива, но князья и рыцари южной Германіи видѣли въ ней не заботливость о возстановленіи порядка, а желаніе отмстить южнымъ нѣмцамъ за ихъ преданность Гоэнштауфенамъ. Многіе изъ выморочныхъ леновъ въ Швабіи и Баваріи Оттонъ роздалъ саксонцамъ или даже англійскимъ и французскимъ рыцарямъ, находившимся на его службѣ. Это также раздражало южно-нѣмецкихъ князей и рыцарей. Недовольство Оттономъ на югѣ Германіи.

Весною 1209 года Оттонъ созвалъ сеймъ въ Вюрцбургѣ; это былъ праздникъ примиренія партій и обрученія Оттона съ Беатрисой. Иннокентій прислалъ легатовъ дать каноническое разрѣшеніе предполагаемому браку; оно было нужно потому, что женихъ и невѣста находились между собою въ одной изъ тѣхъ дальнихъ степеней родства, которыя служатъ препятствіемъ браку по римскимъ каноническимъ Вюрцбургскій сеймъ. Май 1209.

законамъ. Послѣ обрученія невѣста была отвезена въ Брауншвейгъ и ввѣрена охранѣ пфальцграфа Генриха, покойная жена котораго, Агнеса, была двоюродная тетка ея. Можно было думать, что вражда между Гоэнштауфенами и Вельфами исчезла навсегда. Всѣ князья на Вюрцбургскомъ сеймѣ казались забывшими прежнія ссоры. Миланъ и другіе города Италіи прислали депутаціи съ заявленіями своей преданности Оттону, съ богатыми подарками и съ золотыми ключами, символами того, что ворота ихъ открыты для Оттона. Судя по всему, онъ долженъ былъ ожидать полнаго и мирнаго успѣха себѣ, отправляясь лѣтомъ въ Римъ для полученія императорской короны. Назначивъ на время своего отсутствія правителемъ королевства своего брата, Генриха, пользовавшагося довѣріемъ бывшихъ приверженцевъ династіи Гоэнштауфеновъ, Оттонъ съ большой военной свитой пошелъ черезъ Бреннеръ въ долину Адидже и 18 августа сталъ станомъ на берегу Гардскаго озера.

b) Походъ Оттона въ Римъ и полученіе имъ императорской короны.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Двѣнадцать лѣтъ не вступалъ въ Италію нѣмецкій государь. Итальянскіе города установили у себя республиканское правительство, но ссорились между собою. Миланъ, Піаченца, Брешія и другіе города, союзные съ Миланомъ, вели войны противъ Кремоны, Павіи, Пармы, бывшихъ при Фридерикѣ Барбароссѣ и оставшихся теперь враждебными ломбардскому союзу. Во многихъ городахъ шла ожесточенная борьба между политическими партіями: вельможи, переселившіеся въ города, получившіе въ нихъ право гражданства и построившіе себѣ укрѣпленные дворцы, подобные цитаделямъ, часто дѣлали попытки захватить власть въ свои руки (VI, 628).

Мы говорили (VI, 633), что правителемъ города былъ выборный сановникъ, называвшійся подестой, что въ большей части городовъ онъ избирался на годъ и что обыкновенно граждане приглашали на эту должность человѣка изъ какого-нибудь другого города. Очень часто случалось, что подестой избирали вельможу, что онъ имѣлъ сильныя связи въ кругу вельможъ, жившихъ въ городѣ, управленіе которымъ было ввѣрено ему. Въ этихъ случаяхъ нерѣдко бывало, что онъ пытался сдѣлаться государемъ города; такія попытки вели къ битвамъ на улицахъ. А если подеста не былъ могущественнымъ вельможей, то у него не было силы предотвращать вооруженныя столкновенія между партіями, на которыя дѣлились граждане.

Гвельфы и гибеллины.

Глубже всѣхъ прежнихъ церковныхъ и политическихъ дѣленій на партіи было новое, по которому весь итальянскій народъ отъ Альпъ до южнаго края Сициліи распался на двѣ великія партіи—гвельфовъ и гибеллиновъ. Всѣ отношенія общественной жизни въ Италіи под-

верглись вліянію этого дѣленія. Мы уже говорили о возникновеніи партій, принявшихъ имена гвельфской и гибеллинской. Названіями партій были взяты имена «Вельфы» и «Вайблинги», измѣненныя по итальянскому произношенію; но этимъ и ограничивалась связь итальянскихъ партій съ нѣмецкой династической борьбой; въ Италіи дѣло шло не о правахъ той или другой изъ нѣмецкихъ династій, воевавшихъ между собой: итальянскіе гвельфы и гибеллины были политическія, а не династическія партіи. Поводомъ къ распаденію Италіи на эти партіи безъ сомнѣнія послужила борьба Вельфовъ съ Гоэнштауфенами и вражда Иннокентія III къ Филиппу. Но уже и въ самой Германіи подъ династическими лозунгами скрывались политическія тенденціи князей, принимавшихъ тотъ или другой лозунгъ, а въ Италіи вовсе не было привязанности ни къ той ни къ другой нѣмецкой династіи (стр. 8). Иннокентій III задумалъ отдѣлить Италію отъ нѣмецкаго государства, присвоить себѣ ту власть, какую имѣли въ ней императоры, нѣмецкіе короли, сдѣлаться леннымъ господиномъ всей средней Италіи, рѣшителемъ споровъ на всемъ пространствѣ полуострова. Итальянцамъ пришлось выбирать, кого они будутъ признавать своимъ верховнымъ государемъ—папу или императора, императорскую или папскую власть будутъ они считать источникомъ своихъ правъ и привилегій. Та партія, которая дѣлала папскую власть центромъ своей политической жизни, была названа гвельфской, потому что папа былъ на сторонѣ Вельфа—Оттона IV; противники этой партіи были названы гибеллинами, потому что Вайблингъ Филиппъ былъ противникомъ Оттона, сторону котораго держалъ папа. Договоръ, заключенный Оттономъ съ легатами папы въ Нейсѣ и 22 марта 1209 года подтвержденный имъ въ Шпейерѣ, далъ папѣ возможность выставлять себя верховнымъ господиномъ итальянскихъ князей и городовъ, а Филиппъ сообразно преданіямъ и интересамъ своей династіи противился владычеству папы. Принявъ имена гвельфовъ и гибеллиновъ, итальянскія политическія партіи сохранили ихъ и послѣ того, какъ Гоэнштауфены исчезли, а Вельфы утратили значеніе въ Германіи. Любовь къ свободѣ и патріотизмъ были одинаково сильны въ гибеллинахъ и гвельфахъ. Тѣ и другіе съ одинаковой энергіей стремились упрочить независимость своихъ городовъ, благо и величіе Италіи. Гибеллины любили Италію не менѣе, чѣмъ ихъ противники. Гвельфы могли говорить, что имѣютъ главою своей партіи итальянца, живущаго въ Римѣ, древней столицѣ Италіи. Гибеллины полагали, что нѣмецкій государь менѣе опасенъ, чѣмъ папа. Впослѣдствіи времени часто примѣшивались къ политическимъ тенденціямъ личные разсчеты; могущественные люди становились на ту или другую сторону по соображеніямъ своихъ фамильныхъ и личныхъ интересовъ и страстей; но это всегда такъ бываетъ въ общественной жизни.

Партіи въ веронской маркѣ.

Когда Оттонъ пошелъ въ Италію, тамъ еще только возникало раздѣленіе на гвельфовъ и гибеллиновъ; его появленіе имѣло результатомъ быстрое развитіе этихъ политическихъ партій. Въ веронской маркѣ уже нѣсколько лѣтъ шла война, охватывшая всю страну отъ Тревизо и Виченцы до Мантуи и Феррары. Во главѣ одной изъ воевавшихъ сторонъ стояла

Династія Эццелино и династія Эсте.

династія графовъ Эццелино; во главѣ другой—династія маркграфовъ Эсте. Обѣ эти вельможескія фамиліи имѣли обширныя владѣнія, множество вассаловъ, массы подданныхъ, толпы приверженцевъ между свободными горожанами, крѣпкіе замки въ своихъ сельскихъ владѣніяхъ, укрѣпленные дворцы въ городахъ. Каждая была такъ сильна, что могла бы покорить себѣ всю веронскую марку и сосѣднія области, если-бъ не мѣшала этому другая. Предокъ фамиліи Эццелино былъ нѣмецкій рыцарь, пришедшій въ Италію съ Конрадомъ II; онъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ ничего, кромѣ своего боевого коня. За усердную службу Конрадъ далъ ему во владѣніе Онару и Романо, небольшіе имперскіе лены въ тревизской области; епископъ виченцскій отдалъ ему въ управленіе, такъ называемое адвокатство, Бассано и богатую область этого города. Потомки его расширили свои владѣнія. Правнукъ его, ходившій съ Конрадомъ III въ Палестину, получилъ по возвращеніи изъ крестоваго похода такъ много леновъ и адвокатствъ отъ сосѣднихъ епископовъ, что оставилъ своей династіи очень большую массу владѣній. Этотъ вельможа, участвовавшій въ крестовомъ походѣ Конрада III, былъ тотъ Эццелино Занка, который сражался съ Фридрихомъ Барбароссой какъ начальникъ войскъ ломбардскаго союза (VI,663). По заключеніи Констанцскаго мира онъ сталъ усерднымъ приверженцемъ императора. Еще выше поднялось могущество его династіи при Эццелино II Монахѣ, храбромъ воинѣ, который въ старости удалился въ монастырь, потому и получилъ названіе Монаха. Онъ былъ очень богатъ, имѣлъ сильныя родственныя связи, принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ междоусобіяхъ, происходившихъ въ веронской маркѣ. Главными опорами его могущества были города Тревизо и Виченца, избравшіе его своимъ подестой. Приверженцы его въ Виченцѣ назывались вварцами (Vivaresi); противникомъ его тамъ былъ графъ Угуччоне Конти, сторонники котораго назывались мальтраверзцами (maltraversi); эти партіи часто вступали въ битвы между собой.— Въ Веронѣ тоже боролись двѣ партіи; вождями одной были графы Санъ-Бонифаціо и вождями другой—Монтеке;

Санъ-Бонифаціи и Монтекки.

они также сражались между собой на улицахъ. Вожди побѣжденныхъ были изгоняемы побѣдителями, разрушавшими ихъ дворцы, конфисковавшими ихъ имѣнья; Черезъ нѣсколько времени побѣда переходила къ прежнимъ побѣжденнымъ.—Въ Феррарѣ была могущественная вельможеская партія, во главѣ которой стояли Салингверры; противники Салингверръ

Салингверры.

искали покровительства маркграфовъ Эсте; эта династія была, какъ мы знаемъ, итальянской линіей рода Вельфовъ (VI, 571). Самыми богатыми и знатными вельможами въ Падуѣ были Кампосампіэри. Дѣла, оскорблявшія

Кампосампіэри.

семейную честь, возбудили смертельную ненависть между ними и династіей Эццелино; партіи, враждовавшія между собой, были въ каждомъ городѣ сѣверной и средней Италіи. Важнѣе всѣхъ другихъ ссоръ въ веронской маркѣ и сосѣднихъ областяхъ была борьба между Эццелино и Эсте. На сторонѣ Эсте были въ Падуѣ Кампосампіэри, въ Веронѣ Санъ-Бонифаціо; на сторонѣ Эццелино были Монтекки и Салингверры. Борьба между Эццелино и Эсте была по всей вѣроятности поводомъ къ тому, что одна изъ политическихъ партій въ Италіи стала называться гибеллинской, а другая гвельфской. Эццелино были приверженцами Гоэнштауфеновъ, а Эсте были родственники Вельфовъ.— У Эццелино II Монаха было два сына и шесть

дочерей. Бракосочетаніями дѣтей онъ породнился съ очень сильными итальянскими династіями. Младшая изъ его дочерей Кунисца славилась красотой и была знаменита множествомъ любовныхъ приключеній. Однимъ изъ поклонниковъ ея былъ поэтъ Сорделло де Висконти, написавшій много стихотвореній въ честь ея.— Въ 1194 году восторжествовали въ Виченцѣ противники Эццелино. Послѣ упорной битвы на улицахъ города, часть котораго была сожжена въ ожесточеніи боя, они прогнали Эццелино. Черезъ четыре года онъ одержалъ побѣду при Кариньяно и возвратился въ Виченцу. Около того времени, какъ горѣлъ этотъ городъ, родился Эццелино III, тотъ будущій свирѣпый тиранъ, о которомъ такъ много разсказовъ у итальянскихъ лѣтописцевъ.— Въ годы борьбы между Оттономъ и Филиппомъ шла ожесточенная война между Эсте и Эццелино, Монтекки, которымъ помогалъ Эццелино II, были побѣждены въ Веронѣ. Война началась съ того, что Санъ Бонифаціо и сторонники этой династіи склонили 1207.
гражданъ назначить подестой маркграфа Аццо Эсте. Борьба была рѣшена кровопролитной битвой на улицахъ Вероны. Эццелино едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, Монтекки были скованные отведены въ замокъ Эсте, другіе сторонники Эццелино изгнаны изъ Вероны, имущества ихъ были конфискованы. Эсте одолѣлъ своихъ противниковъ и въ Феррарѣ, и въ Виченцѣ и осадилъ Эццелино въ Боссано. Но потомъ Эццелино сталъ одерживать успѣхи, прогналъ Эсте въ Виченцу и осадилъ этотъ городъ. Онъ стоялъ подъ Виченцей, когда Оттонъ перешелъ Альпы и потребовалъ, чтобъ Эццелино и Эсте явились на судъ къ нему въ Оссенидзо (близъ Веронскаго ущелья).

Оттонъ спѣшилъ въ Римъ получить императоскую корону, потому Оттонъ примиряетъ Эццелино и Эсте 1209.
желалъ какъ можно скорѣе прекратить междоусобіе въ веронской маркѣ. Онъ дѣйствовалъ энергично и благоразумно; благодаря тому успѣлъ примирить враждующихъ, хотя ихъ взаимное ожесточеніе было такъ велико, что они перерѣзались бы въ его присутствіи, если бы Каландинъ не употребилъ силы оружія, чтобы помѣшать ихъ схваткѣ. Аццо Эсте надѣялся на покровительство папы, отъ котораго получилъ въ ленное владѣніе анконскую марку, и потому держалъ себя гордо; это не понравилось Оттону. Оскорблять Аццо Оттонъ не хотѣлъ, держалъ себя любезно съ нимъ, удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ возвратить права и конфискованное имущество Монтекки и отнялъ у Бонифаціо владычество надъ Виченцею; но видно было, что онъ болѣе расположенъ къ Эццелину, выказывавшему бо́льшую почтительность къ нему. Взявъ ихъ обоихъ съ собою, Оттонъ пошелъ въ Миланъ, граждане котораго съ масличными вѣтвями въ рукахъ вышли на встрѣчу королю и пѣли пѣсни въ честь ему. Изъ Милана онъ пошелъ въ Мантую.

Оттонъ продолжалъ въ своихъ письмахъ увѣрять папу въ прежней преданности; но зоркій Иннокентій видѣлъ, что онъ, чувствуя свое положеніе окрѣпнувшимъ уже, не хочетъ держать себя съ прежнею уступчивостью. Уполномоченный Оттона Вульфгеръ, патріархъ аквилейскій, шедшій впереди короля, дѣйствовалъ во Флоренціи и Болоньѣ такъ, какъ дѣйствовали намѣстники прежнихъ императоровъ. Итальян-

Свиданіе Оттона съ Иннокентіемъ въ Витербо.

скіе города безпрекословно исполняли свои ленныя обязанности относительно Оттона, платили ему суммы, составившіяся по счетамъ неплатежа ленныхъ податей въ прежніе годы, встрѣчали его съ почетомъ, подносили ему богатые подарки, посылали отряды своихъ войскъ идти подъ его знаменами. Иннокентій скрывалъ свое недовѣріе, писалъ Оттону съ прежнимъ отцовскимъ доброжелательствомъ, поѣхалъ на встрѣчу ему въ Витербо, привѣтствовалъ его выраженіями нѣжной любви. Онъ просилъ у Оттона обѣщанія уйдти изъ римской области немедленно послѣ коронованія; Оттонъ отвергъ эту просьбу, Иннокентій не выказалъ неудовольствія и поѣхалъ съ канцлеромъ Оттона Конрадомъ въ Римъ дѣлать приготовленія къ коронаціи. Оттонъ 1 октября подошелъ къ Риму; съ нимъ было 6.000 латниковъ; войско расположилось станомъ на равнинѣ у Монте-Маріо. Римляне досадовали, что Оттонъ не прислалъ имъ подарковъ. Когда нѣсколько воиновъ пришли въ Римъ, народъ поднялъ драку съ ними. Сенатъ и нѣкоторые кардиналы не хотѣли допустить коронаціи. Иннокентій не послушался ихъ и 4 октября короновалъ Оттона въ храмѣ Петра. Римляне хотѣли помѣшать этому, взялись за оружіе. На мосту черезъ Тибръ и въ сосѣднихъ улицахъ начался горячій бой; онъ длился, когда послѣ коронаціи Оттонъ въ полномъ императорскомъ облаченіи съ короной на головѣ шелъ подлѣ папы, ѣдущаго на иноходцѣ, и держалъ стремя; продолжалась битва и во время коронаціоннаго пира.

Коронованіе Оттона. Битва съ римлянами.

c) Отлученіе Оттона отъ церкви.

Нѣмцы простояли нѣсколько дней у Монте-Маріо, потомъ пошли на сѣверъ. Согласіе между папой и Оттономъ разстроилось послѣ коронаціи: папа требовалъ, чтобы Оттонъ ушелъ немедленно изъ римской области, досадовалъ на то, что онъ остается подъ Римомъ. Когда Оттонъ пошелъ на сѣверъ, ссора обратилась въ открытую вражду, потому что императоръ требовалъ присяги на вѣрность во владѣніяхъ Матильды, и населеніе этихъ областей присягало ему. Получивъ императорскую корону, онъ уже не хотѣлъ соблюдать обѣщаній, данныхъ въ Нейсѣ и Шпейерѣ. По этимъ договорамъ за нимъ оставалось право получать во владѣніяхъ Матильды лишь небольшое количество продовольствія для войска, такъ называемый fodrum, при походахъ въ Римъ. Онъ теперь возстановлялъ всѣ права ленной власти надъ ними. Города, вельможи, епископы, монастыри владѣній Матильды вообще предпочитали власть императора владычеству папы. Отъ Витербо и Сполето до Флоренціи и Лукки почти всѣ города, многіе духовные и свѣтскіе владѣтели безъ сопротивленія давали присягу на вѣрность императору. Лишь въ немногихъ случаяхъ Оттону было надобно употреблять силу. Такъ напримѣръ, не хотѣли присягать ему граждане Монтефіасконе. Онъ безъ труда подавлялъ сопро-

Дѣйствія Оттона послѣ коронаціи.

тивленіе. Императорскія права были возстановлены во всей средней Италіи. Оттонъ наградилъ Пизу за преданность ея императорамъ, подтвердивъ и расширивъ ея привилегіи. Архіепископъ равенискій отдался подъ покровительство императора, прося у него защиты отъ притязаній папы; епископъ аскольскій пожелалъ получить инвеституру отъ него; Аццо Эсте, которому Иннокентій отдалъ анконскую марку, какъ папскій ленъ, тоже получилъ отъ императора инвеституру на владѣніе этой областью. Даже префектъ Рима Піэро присягнулъ на вѣрность императору. Оттонъ отдалъ герцогство сполетское нѣмцу Дипольду, владѣвшему въ южной Италіи графствомъ ачеррскимъ. Вообще Оттонъ поступалъ точно такъ же, какъ Генрихъ VI. Всѣ бывшіе приверженцы Гоэнштауфеновъ были въ милости у него; такъ напримѣръ, онъ выказывалъ очень большое расположеніе Эццелино, сопровождавшему его въ Римъ. Онъ отдалъ Салингверрѣ города Меличину и Арджелате, принадлежавшіе къ владѣніямъ Матильды.—Иннокентій былъ очень раздраженъ всѣмъ этимъ; ему съ насмѣшкой говорили, что онъ получаетъ награду себѣ, какой заслужилъ, что онъ самъ выковалъ мечъ, наносящій теперь ему раны. Онъ примѣнялъ къ Оттону библейскія слова. «И раскаялся Господь, что создалъ человѣка» (Книг. Быт. VI, 6). Онъ убѣждалъ Оттона вспомнить клятвы, данныя римскому престолу, оказывать должное повиновеніе папѣ, угрожалъ ему тѣмъ, что выставитъ противъ него Фридриха; Оттонъ не обращалъ вниманія ни на увѣщанія, ни на угрозы, жалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ слишкомъ большія уступки папѣ, хотѣлъ поправить эту ошибку. Когда онъ проходилъ по сѣверной Италіи, ломбардскіе города встрѣчали его съ той же преданностью, какъ прежде; это ободряло его твердо держаться своего намѣренія подавить притязанія папы. Договоръ, заключенный имъ съ Иннокентіемъ, противорѣчилъ присягѣ, которую давали нѣмецкіе короли при своемъ коронованіи: они клялись поддерживать права государства; Оттонъ далъ эту присягу и долженъ былъ измѣнить или ей, или договору съ папой. Онъ предпочелъ нарушить клятву, данную папѣ.

Оттонъ возстановляетъ императорскія права въ Италіи 1210.

Но у Оттона не было тѣхъ дарованій, какія были нужны для успѣха борьбы съ Иннокентіемъ III, человѣкомъ очень умнымъ. Удачи, которыя пріобрѣлъ онъ въ Германіи и въ Италіи, вскружили ему голову. Иннокентій послалъ ему письмо, въ которомъ назидательнымъ тономъ убѣждалъ его исполнять клятву, не нарушать правъ римскаго престола, «чтобы Богъ не уничтожилъ его и не искоренилъ отъ земли живыхъ»; на длинныя увѣщанія Оттонъ отвѣчалъ Иннокентію короткими словами, что въ духовныхъ дѣлахъ не намѣренъ стѣснять пастырскую власть папы, а въ свѣтскихъ дѣлахъ власть принадлежитъ исключительно императору, и онъ будетъ поддерживать императорскія права во всѣхъ частяхъ имперіи. Словомъ, Оттонъ дѣйствовалъ, какъ мы говорили, одинаково съ Генрихомъ VI. На эту

дорогу влекло его честолюбіе, убѣждали его идти ею и довѣреннѣйшіе его совѣтники Конрадъ, епископъ шпейерскій, и Вольфгеръ, патріархъ аквилейскій. Онъ возстановлялъ, какъ мы говорили, императорскія права во владѣніяхъ Матильды, хотѣлъ подчинить себѣ и южную Италію: его предокъ Лотаръ далъ инвеституру герцогу апулійскому (VI, 626); опираясь на этотъ фактъ, онъ хотѣлъ отнять возможность вредить ему у Фридриха, которымъ грозилъ ему Иннокентій, а у Иннокентія отнять надежду на поддержку со стороны короля сицилійскаго. Прежніе государи южной Италіи были сильнѣйшими защитниками папъ отъ императоровъ. Оттонъ хотѣлъ присоединить южную Италію къ своимъ владѣніямъ. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ Динольдомъ Ачеррскимъ и другими нѣмцами, имѣвшими владѣнія тамъ. Въ королевствѣ Фридриха шло междоусобіе; должно было полагать, что нетрудно будетъ завоевать его. Въ началѣ ноября 1210 Оттонъ перешелъ апулійскую границу и къ концу года уже покорилъ всю южную Италію. Владѣтель Капуи, графъ Піэро-Челано, отворилъ ему ворота этого города; архіепископъ капуанскій, братъ Піэро, вышелъ съ духовенствомъ на встрѣчу императору. Неаполь присягнулъ на вѣрность ему. Динольдъ сдалъ ему Салерно. Многіе вельможи и епископы выражали преданность ему; онъ готовился переправиться въ Сицилію и овладѣть Палермо. Пизанскія галеры стояли въ Мессинскомъ проливѣ, готовыя перевезти его войска; сицилійскіе сарацины и недовольные бароны обѣщались принять его сторону; успѣхъ казался вѣренъ; но въ это время пришло въ императорскій станъ извѣстіе, что папа отлучилъ Оттона отъ церкви.

Отлученіе Оттона отъ церкви; возстаніе въ Германіи 1210—1211.

Иннокентій долго медлилъ отлучить Оттона отъ церкви. Многочисленные приверженцы императора въ Римѣ совѣтовали папѣ быть осмотрительнымъ. Иннокентій предлагалъ отказаться отъ спора за владѣнія Матильды, если Оттонъ откажется отъ намѣренія завоевать королевство сицилійское. Только когда Оттонъ перешелъ апулійскую границу, Иннокентій отлучилъ отъ церкви императора и его приверженцевъ. Въ Италіи отлученіе осталось безсильнымъ. Оттонъ смѣялся надъ гнѣвомъ папы и шелъ дальше на югъ; но въ Германіи дѣла получили очень опасный для Оттона оборотъ. Многіе князья нашли удобнымъ для себя воспользоваться тѣмъ, что папа освобождалъ нѣмцевъ отъ вѣрности императору, клятво-преступнику. Письмо Иннокентія къ нѣмецкимъ князьямъ говорило, что если они не воспротивятся властолюбивымъ замысламъ Оттона, онъ станетъ поступать съ ними такъ же самовластно, какъ его дядя Іоаннъ, король англійскій, поступаетъ съ своими баронами; свои дѣйствія папа оправдывалъ ссылкой на примѣръ Самуила, который отвергъ Саула за его грѣхи и поставилъ на его мѣсто человѣка, болѣе благочестиваго. Альбрехтъ, архіепископъ магдебургскій, бывшій прежде усерднымъ приверженцемъ Оттона, первый измѣнилъ ему. Архіепископъ ходилъ

18 ноября 1210.

съ Оттономъ въ Италію и поссорился тамъ съ нимъ. По досадѣ на императора Альбрехтъ велѣлъ обнародовать въ своей митрополіи буллу папы, отлучавшую Оттона. Зигфридъ Майнцскій, подружившійся въ Римѣ съ папой, также обнародовалъ эту буллу, Оттокаръ Богемскій и ландграфъ Германъ тюрингскій, люди всегда готовые къ измѣнѣ, приняли сторону архіепископовъ майнцскаго и магдебургскаго. Герцоги баварскій и австрійскій, маркграфъ мейсенскій были давно недовольны Оттономъ; швабскіе князья съ радостью воспользовались случаемъ дѣйствовать въ пользу потомка родной имъ династіи. Правда, Фридрихъ никогда не бывалъ въ Германіи, но онъ былъ Гоэнштауфенъ, называлъ себя герцогомъ швабскимъ въ знакъ того, что не отказывается отъ династическихъ правъ; графиня Урелингенъ, бывшая его первой воспитательницей, научила его говорить по-нѣмецки; онъ любилъ пѣсни швабскихъ поэтовъ. Швабы имѣли тѣмъ больше расположенія къ Фридриху, что имъ не нравилась гордая холодность Оттона. Братъ Оттона Генрихъ, правившій Германіей въ отсутствіе короля, объявилъ архіепископа магдебургскаго мятежникомъ, а герцогъ брабантскій напалъ на владѣнія архіепископа майнцскаго; это нѣсколько остановило развитіе мятежа; иначе Оттонъ былъ бы низвергнутъ очень быстро; удержаться бы ему было бы тѣмъ труднѣе, что король французскій, примирившійся съ Иннокентіемъ, былъ расположенъ помогать противникамъ Оттона по своей враждѣ къ его дядѣ, королю англійскому.

Враги Оттона собрались осенью 1211 года въ Нюрнбергѣ, объявили низложеннымъ короля, отлученнаго отъ церкви, избрали королемъ Фридриха. Послы ихъ отправились въ Сицилію объявить Фридриху о его избраніи; междоусобіе вспыхнуло въ Германіи. Архіепископъ майнцскій былъ прогнанъ; тюрингскіе вельможи и рыцари взялись за оружіе на защиту Оттона и начали войну съ своимъ ландграфомъ. Избраніе Фридриха королемъ. Междоусобіе 1211—1212.

Узнавъ о мятежѣ въ Германіи, Оттонъ назначилъ Дипольда Ачеррскаго своимъ намѣстникомъ въ Апуліи и пошелъ въ Германію. Въ сѣверной Италіи уже возобновилось прежнее междоусобіе. Маркграфы монферратскій и салуцскій, маркграфъ Маласпина, тосканскіе и савойскіе графы, Эццелино, Салингверра, Миланъ и большая часть ломбардскихъ городовъ были на сторонѣ императора, но маркграфъ Аццо перешелъ на сторону папы; Павія, Кремона, Верона, нѣкоторые другіе города присоединились къ Аццо. Оттонъ собралъ сеймъ въ Лоди, объявилъ мятежниками Аццо и его сторонниковъ, отдалъ Эццелино Виченцу и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ веронской маркѣ, упрочилъ за собою расположеніе миланцевъ, въ февралѣ 1212 года возвратился въ Германію и въ мартѣ собралъ сеймъ во Франкфуртѣ. Туда пріѣхали многіе князья; тутъ были пфальцграфъ Генрихъ и герцогъ брабантскій, и герцогъ Людвигъ Возвращеніе Оттона въ Германію 1212.

баварскій, который велъ переговоры съ врагами Оттона, но бросилъ замыслы противъ него потому, что обручилъ своего старшаго сына съ дочерью пфальцграфа Генриха Агнесой, богатой наслѣдницей. Императоръ объявилъ низложеннымъ Оттокара богемскаго и отдалъ Богемію его сыну, Вратиславу, который желалъ отмстить отцу за свою мать Аделу, прогнанную Оттокаромъ и за годъ передъ тѣмъ (1 фев. 1211) умершую. Франкфуртскій сеймъ былъ многолюденъ, и Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде могъ говорить, что «корона, которую носитъ Оттонъ, сіяетъ свѣтлѣе всѣхъ другихъ, рука его сильна и богата, князья повинуются ему». Оттонъ отправился въ Брауншвейгъ, его невѣста Беатриса, жившая тамъ, стала уже взрослой дѣвушкой. Онъ отпраздновалъ въ Нордгаузенѣ свадьбу съ ней; но черезъ нѣсколько дней послѣ брака она умерла (11 августа). Фридрихъ въ это время ѣхалъ въ Германію возвратить себѣ родовыя отцовскія владѣнія и королевскую корону. Оттонъ осаждалъ въ Тюрингіи замокъ Вейсензе, когда получилъ извѣстіе о поѣздкѣ Фридриха. Слушайте новость», сказалъ онъ своимъ рыцарямъ: «Поповскій императоръ ѣдетъ, хочетъ прогнать насъ!» Онъ снялъ осаду и поспѣшно пошелъ на югъ прогнать Фридриха отъ германской границы.

d) Фридрихъ II въ Германіи. Послѣднее время царствованія Оттона.

Правленіе Фридриха въ Сициліи 1209—1212.

Фридрихъ росъ въ Палермо среди непрерывныхъ опасностей потерять корону и быть-можетъ жизнь: нѣмцы воевали съ сицильянцами; тѣ и другіе интриговали; во дворцѣ непрерывно шли коварные происки. Когда Фридриху исполнилось 14 лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ августѣ 1209) его женили на сестрѣ короля арагонскаго, Петра, вдовствующей королевѣ венгерской Констанціи, которая была старше его годами десятью, если не больше. Невѣсту провожалъ въ Палермо другой братъ ея, Альфонсъ, графъ прованскій; съ нею пріѣхала блестящая свита каталонскихъ и прованскихъ вельможъ; многіе изъ нихъ и самъ Альфонсъ умерли отъ эпидеміи, свирѣпствовавшей тогда въ Палермо. Мальчикъ, котораго женили на женщинѣ гораздо старше его, конечно не могъ полюбить жену; бракъ Констанціи былъ несчастенъ.—Когда принялъ правленіе Генрихъ VI, ему повиновались лишь немногія мѣстности Сициліи. Могущественные бароны жили какъ независимые государи въ своихъ замкахъ; сарацины, уцѣлѣвшіе въ горахъ, всегда были готовы грабить; церковныя должности раздавалъ папа. Черезъ нѣсколько времени Оттонъ овладѣлъ южной Италіей. Въ тяжелой школѣ жизни Фридрихъ рано возмужалъ умомъ. Наперекоръ возраженіямъ папы, продолжавшаго давать ему совѣты, онъ отнялъ должность канцлера у ненавистнаго ему Гвальтеріо и сталъ править государствомъ умно, твердо. Обстоятельства вынудили его признать за

папой тѣ права, которыя уступила Иннокентію Констанція. Но вообще онъ держалъ себя, какъ достойный наслѣдникъ Фридриха I и Генриха VI. Не напрасно Оттонъ видѣлъ въ юношѣ опаснаго соперника и хотѣлъ отнять у него королевство; но въ то время, какъ императоръ готовился переправиться въ Сицилію, Фридрихъ получилъ извѣстіе, что нѣмецкіе князья избрали его королемъ и приглашаютъ въ Германію получить корону и родовыя владѣнія. Онъ послѣдовалъ призыву. Въ числѣ картинъ, которыми украсилъ его отецъ залы палермскаго дворца, находилось изображеніе похода Фридриха Барбароссы въ святую землю. Разсказы о подвигахъ дѣда и отца увлекали фантазію юноши. Въ Германіи ожидали его опасности; жена и сицилійскіе вельможи совѣтовали ему не предпринимать поѣздки туда; но фамильныя преданія влекли его въ неизвѣстную страну, представлявшую для его подвиговъ просторъ, какого не имѣлъ онъ въ своемъ небольшомъ государствѣ, гдѣ непокорные бароны и папа не давали ему свободы дѣйствія. Какъ только ушелъ изъ Италіи Оттонъ, Фридрихъ сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Германію, чтобъ отнять нѣмецкую корону у противника, хотѣвшаго отнять у него сицилійскую корону.

Побѣда партіи Гоэнштауфеновъ въ южной Германіи 1212.

Въ мартѣ 1212 Фридрихъ, избранный императоръ римскій, какъ онъ называлъ себя, передалъ управленіе Сициліей своей женѣ, какъ опекуншѣ малютки ихъ сына, Генриха, уже коронованнаго въ колыбели, будущаго короля сицилійскаго, сѣлъ въ Мессинѣ на корабль и поплылъ на сѣверъ. Онъ заѣхалъ въ Римъ, успокоилъ папу, считавшаго опаснымъ для себя соединеніе сицилійской, ломбардской и нѣмецкой коронъ на одной головѣ, возобновилъ присягу на вѣрность папѣ, какъ ленному господину королевства сицилійскаго, увѣрилъ его, что съ безграничнымъ довѣріемъ будетъ слѣдовать его отеческому руководительству, утвердилъ Ричардо, брата папы, во владѣніи графствомъ сорскимъ, выдѣлилъ это графство изъ своего королевства, какъ папскій ленъ. Генуэзскія галеры, стоявшія въ гавани Остіи, повезли Фридриха и его спутниковъ въ Геную; изъ Генуи онъ, избѣжавъ подстерегавшихъ его миланскихъ и піаченцскихъ отрядовъ, пріѣхалъ, благодаря содѣйствію городовъ и вельможъ папской партіи, въ Верону; Іюль и августъ.
оттуда подъ охраной маркграфа Аццо прошелъ въ Тріэнтъ. Тѣ проходы черезъ Альпы, по которымъ обыкновенно ходили войска, были заняты врагами; Фридрихъ перешелъ Швейцарскія Альпы по крутымъ тропинкамъ и черезъ Санктъ-Галленъ спустился къ Боденскому озеру. Онъ съ 60 рыцарями неожиданно подъѣхалъ къ стѣнамъ Констанца въ то самое время, когда Оттонъ уже приближался къ этому городу. Епископъ Конрадъ отворилъ ворота Фридриху, не впустилъ въ городъ императора. Епископъ города Бари, находившійся въ свитѣ Фридриха, провозгласилъ Оттона отлученнымъ отъ церкви. Удачное начало повело къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Красота русаго юноши и привѣт-

ливость его очаровывали всѣхъ; слава имени Гоэнштауфеновъ привлекала къ Фридриху; онъ щедро раздавалъ и государственныя и свои родовыя имѣнья. Графы кибургскій и габсбургскій привели своихъ воиновъ подъ его знамена. Онъ уже съ довольно большимъ войскомъ пошелъ въ Базель; епископъ этого города Лутольдъ принялъ его сторону; король богемскій прислалъ въ Базельословъ объявить, что признаетъ Фридриха королемъ нѣмецкимъ; епископъ страсбургскій привелъ въ Базель 500 всадниковъ и пошелъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ внизъ по Рейну. Города и князья верхне-рейнскихъ областей признали Фридриха королемъ. Граждане Брейзаха прогнали императора и отворили ворота Фридриху.

Въ Гагенау пріѣхалъ къ Фридриху Зигфридъ, архіепископъ майнцскій (въ октябрѣ 1212). Конрадъ, епископъ шпейерскій, канцлеръ королевства, также перешелъ на его сторону, получилъ за это мецскую каѳедру и утвержденіе въ должности канцлера. Весь югъ Германіи принялъ сторону Фридриха; онъ заключилъ съ королемъ французскимъ союзъ противъ Оттона и короля англійскаго. Филиппъ Августъ прислалъ ему много денегъ за обѣщанную помощь противъ англійскаго короля. Фридрихъ роздалъ ихъ своимъ приверженцамъ и этой щедростью пріобрѣлъ себѣ много новыхъ усердныхъ друзей. На многолюдномъ франкфуртскомъ сеймѣ 6 декабря Фридрихъ былъ избранъ нѣмецкимъ королемъ и 9 декабря короновался въ Майнцѣ. На регенсбурскомъ сеймѣ 2 февраля 1213 присягнули ему баварскіе и австрійскіе духовные и свѣтскіе князья. Вся южная Германія теперь была на сторонѣ Фридриха.

Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, прославляя вѣрность Дитриха Мейсенскаго Оттону, говорилъ, что скорѣе ангелъ измѣнитъ Богу, чѣмъ маркграфъ мейсенскій императору. Но и Дитрихъ перешелъ на сторону Фридриха. Оттонъ въ Апуліи видѣлъ сонъ, что въ станъ къ нему пришелъ медвѣженокъ, очень быстро выросъ и прогналъ его. Этотъ сонъ теперь сбывался. Иннокентій извлекъ себѣ выгоду изъ покровительства Фридриху. Въ Эгерѣ 12 іюля 1213 г. Фридрихъ подписалъ договоръ, которымъ дѣлалъ папѣ всѣ уступки, какія были сдѣланы Оттономъ въ Нейсѣ, признавалъ принадлежащими римскому престолу всѣ тѣ итальянскія области, которыхъ требовали себѣ папы, вновь заявилъ, что королевство сицилійское находится подъ ленной властью папы, предоставилъ папѣ и духовенству полную свободу въ церковныхъ дѣлахъ, отказался отъ всякой власти надъ средней Италіей, такъ что тамъ осталось за нѣмецкимъ государемъ только одно ничтожное право получать продовольствіе для войска (fodrum), когда онъ идетъ въ Римъ принимать императорскую корону. Иннокентій установилъ въ Германіи налогъ для снаряженія крестоваго похода. Генрихъ фонъ деръ Фогельвейде въ одномъ изъ своихъ стихотвореній выставляетъ папу говорящимъ: „Я устроилъ такъ, что два нѣмца дерутся между собой за одну корону, государство ихъ бѣдствуетъ, а мы между тѣмъ наполняемъ свою кассу, нѣмецкія деньги сыплются въ нее. Римскіе мои духовные сановники, кушайте куръ, пейте вино, а дураки нѣмцы пусть постятся“.

Власть Оттона признавали теперь только нижне-рейнскіе князья и вассалы его родовыхъ имѣній. Изъ могущественныхъ князей на его сторонѣ оставался лишь герцогъ брабантскій, съ дочерью котораго онъ былъ обрученъ. Но Оттонъ не падалъ духомъ. Собравъ войско, онъ пошелъ во владѣнія архіепископа майнцскаго и взялъ его въ плѣнъ. Герцогъ брабантскій взялъ и ограбилъ городъ Люттихъ, епископъ котораго принялъ сторону Фридриха. Епископъ имѣлъ много союзниковъ; въ Нидерландахъ началась опустошительная война. Оттонъ пошелъ туда; король англійскій прислалъ ему войско. Силы Оттона были очень велики; говорятъ, что подъ его знаменами собралось до 100.000 воиновъ. Онъ пошелъ на короля французскаго, бывшаго союзникомъ Фридриха и врагомъ короля англійскаго. Но въ сраженіи при Бувинѣ (между Турне и Лиллемъ) былъ разбитъ. Мы разскажемъ объ этомъ походѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Множество воиновъ Оттона было убито; многіе другіе были взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали въ безпорядкѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находились графы фландрскій и булонскій, графъ Сользбери. Имперское знамя было захвачено французами. Съ этого времени слава нѣмцевъ упала у французовъ, говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ. Оттонъ пріѣхалъ въ Кельнъ и оставался тамъ почти цѣлый годъ, не имѣя силы дѣйствовать противъ Фридриха. Онъ занималъ деньги у гражданъ Кельна на свои домашніе расходы. Фридрихъ послѣ пораженія Оттона пошелъ на Мозель и Маасъ, принудилъ герцога брабантскаго покориться (въ ноябрѣ 1214), потомъ отправился въ королевство бургундское, принялъ тамъ присягу отъ князей и городовъ, назначилъ своимъ намѣстникомъ Гильома де Бо (Baux), князя оранжскаго (оранскаго). Возвратясь въ Германію, Фридрихъ заключилъ союзъ съ Вальдемаромъ, королемъ датскимъ, уступилъ ему области за Эльбой и по южному берегу Балтійскаго моря, пошелъ на среднюю Эльбу и на Салу, покорилъ тамъ князей, оставшихся вѣрными Оттону, и двинулся по направленію къ Брауншвейгу. Оттонъ пріѣхалъ защищать столицу своихъ родовыхъ владѣній; граждане Кельна, желавшіе заключить миръ съ Фридрихомъ, дали Оттону 600 марокъ, чтобъ ускорить его отъѣздъ. Когда Оттонъ удалился съ Рейна, всѣ князья и города нижне-рейнскихъ областей признали королемъ Фридриха. Коронація въ Майнцѣ не соотвѣтствовала обычаю, требовавшему, чтобы король короновался въ Ахенѣ; Фридрихъ пріѣхалъ теперь въ этотъ городъ, короновался тамъ съ полнымъ соблюденіемъ обычныхъ формъ и принялъ крестъ, то есть обѣщался предпринять крестовый походъ. Многіе князья дали вмѣстѣ съ нимъ это обѣщаніе.

Пораженіе Оттона при Бувинѣ. 1213. 27 іюля 1214. Январь 1215. 24 іюля 1215.

Коронованіемъ Фридриха въ Ахенѣ было отнято всякое значеніе у королевскаго титула Оттона IV. Въ ноябрѣ этого (1215) года на латеранскомъ соборѣ, на которомъ присутствовало 1500 духовныхъ

Послѣдніе годы жизни Оттона IV.

сановниковъ изъ всѣхъ западныхъ земель. Иннокентій провозгласилъ Оттона низложеннымъ и призналъ королемъ нѣмецкимъ Фридриха. Оттонъ держался въ Брауншвейгѣ, дѣлалъ оттуда походы на владѣнія архіепископовъ магдебургскаго и бременскаго, сжегъ Ашерслебенъ. Но это были напрасныя попытки поддержать упавшую власть. Пораженіе при Бувинѣ навсегда обезсилило Оттона. Весною 1218 года онъ занемогъ, ему дано было слишкомъ сильное лѣкарство, и 10 мая 1218 онъ умеръ на 43 году жизни. Онъ былъ храбрый воинъ, былъ не лишенъ любви къ справедливости, но не былъ человѣкомъ даровитымъ. Передъ смертью онъ пожелалъ примириться съ церковью, принесъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ противъ папы, и съ него было снято отлученіе, которому подвергъ его Иннокентій. Но до послѣдней минуты онъ продолжалъ считать себя законнымъ нѣмецкимъ королемъ и императоромъ и завѣщалъ брату, пфальцграфу Генриху, похоронить его въ императорскомъ облаченіи. Черезъ нѣсколько времени пфальцграфъ передалъ Фридриху находившіеся у Оттона знаки королевскаго сана, и у Фридриха не осталось теперь ни одного противника въ Германіи. Около этого времени умеръ Бертольдъ Богатый (VI, 572). Онъ не имѣлъ дѣтей; династія Церингеновъ прекратилась; ея родовыя имѣнья раздробились между родственниками по боковымъ линіямъ, а лены возвратились въ непосредственное распоряженіе нѣмецкаго короля. Они обнимали большую часть нѣмецкой Швейцаріи; въ составъ ихъ входили между прочимъ города Бернъ, Цюрихъ, Золотурнъ, Фрейбургъ. Фридриху это доставило возможность наградить своихъ друзей.

Отношенія Фридриха къ папѣ.

Фридриху нужны были усердные друзья, потому что онъ хотѣлъ сохранить въ своей династіи нераздѣльное владѣніе всѣми государствами, соединившимися подъ его властью. Онъ обѣщалъ Иннокентію, что когда получитъ нѣмецкую корону, то отдѣлитъ отъ нѣмецкаго государства сицилійское королевство, отдастъ его своему старшему сыну, Генриху, которому предоставитъ полную независимость. Но онъ вовсе не хотѣлъ исполнять этого обѣщанія, рѣшился удержать за собой королевство сицилійское, а Генриха сдѣлать своимъ наслѣдникомъ и въ Германіи, какъ въ сицилійскомъ королевствѣ. Какъ только умеръ Иннокентій, Фридрихъ вызвалъ свою жену съ сыномъ въ Германію и въ слѣдующемъ (1216) году на ульмскомъ сеймѣ объявилъ Генриха герцогомъ швабскимъ, а по смерти Бертольда Церингенскаго, бывшаго намѣстникомъ (ректоромъ) въ королевствѣ бургундскомъ, отдалъ Генриху и этотъ санъ. Фридрихъ понималъ, что, оставляя подъ своею непосредственною властью королевство сицилійское, онъ долженъ будетъ вести борьбу съ папой; и римскій епископъ уже начиналъ выражать неудовольствіе на него, выставляя благовидной причиной своей досады то, что Фридрихъ медлитъ исполненіемъ своего обѣщанія отправиться въ крестовый походъ. Предвидя борьбу

съ папой, Фридрихъ старался пріобрѣсти поддержку себѣ въ нѣмецкомъ духовенствѣ. Подобно Оттону и Филиппу, онъ отказался отъ сполій, то есть отъ права наслѣдовать движимое имущество епископовъ и аббатовъ и пользоваться доходами ихъ владѣній до назначенія преемниковъ имъ; это была важная уступка, потому что споліи составляли значительный доходъ. Фридрихъ сдѣлалъ нѣмецкому духовенству и другія уступки: далъ епископамъ право чекапить монету, установлять таможенныя пошлины на границахъ ихъ владѣній. Онъ предоставилъ новыя права и свѣтскимъ князьямъ, далъ формальное утвержденіе тому, что прежде было съ ихъ стороны узурпаціей; уступки эти были такъ значительны, что отъ нихъ сильно измѣнилось отношеніе князей къ низшему дворянству, рушился государственный порядокъ, уменьшилась королевская власть. Правда, Фридрихъ не дѣлалъ въ этомъ случаѣ нововведеній, а только утверждалъ фактическое положеніе дѣлъ; но всетаки большую разницу съ прежнимъ составило то, что узурпаціи получили теперь характеръ законности. Подготовляя распаденіе нѣмецкаго государства въ будущемъ, Фридрихъ достигъ своей непосредственной цѣли: въ апрѣлѣ 1220 года на франкфуртскомъ сеймѣ его девятилѣтній сынъ, Генрихъ, наслѣдникъ сицилійскаго королевства, былъ выбранъ королемъ римскимъ, то есть наслѣдникомъ королевства нѣмецкаго. Фридрихъ въ своемъ письмѣ къ папѣ объ этомъ выборѣ увѣрялъ, что князья поступили такъ безъ его просьбъ и даже безъ его вѣдома, старался замаскировать важность факта льстивыми выраженіями своей преданности папскому престолу и ложными обѣщаніями; выставлялъ главной причиной выбора необходимость для нѣмецкаго королевства имѣть правителя въ тѣ годы, которые самъ онъ проведетъ въ крестовомъ походѣ; говорилъ, что сицилійское королевство будетъ отдѣлено отъ нѣмецкаго, что это дѣло рѣшенное, что онъ не измѣнитъ своему договору объ этомъ съ Иннокентіемъ. Но разумѣется онъ не обманулъ папу. Гонорій III не имѣлъ ни честолюбія, ни ума и энергіи Иннокентія и лично былъ очень расположенъ къ Фридриху, съ которымъ подружился, бывши довольно долго легатомъ папы въ Палермо. Но политика римской куріи была тверда; преемникъ Иннокентія не могъ отступить отъ нея; онъ видѣлъ, что принужденъ будетъ вступить въ борьбу съ Фридрихомъ. Человѣкъ мягкаго характера, Гонорій хотѣлъ по возможности уклоняться отъ ссоры; притомъ онъ считалъ важнѣйшей своей обязанностью заботу объ освобожденіи святой земли отъ владычества невѣрныхъ; ссориться съ Фридрихомъ значило бы давать ему предлогъ къ отсрочкѣ крестоваго похода, а Гонорію хотѣлось, чтобъ онъ скорѣе отправился освободить святую землю. Потому преемникъ Иннокентія III скрылъ свою досаду, не заявлялъ никакихъ возраженій противъ желанія Фридриха получить императорскую корону; но никакой уступчивостью со стороны

папы борьба не могла быть предотвращена.—Могущество римскаго первосвященника достигло тогда полнаго своего развитія; повелѣнія папы были законами для народовъ западной церкви, потому борьба, на которую шелъ Фридрихъ, была очень опасна. Чтобы дать отчетливое понятіе о томъ, какъ велико было тогда могущество папы, мы сдѣлаемъ теперь обзоръ положенія церковныхъ дѣлъ въ первыя десятилѣтія XIII вѣка.

B. МОГУЩЕСТВО ПАПЫ. БОРЬБА РИМСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ЕРЕСЯМИ.

Кромѣ трактатовъ Неандера, Газе, Гизелера, Баура, мы пользовались въ этомъ отдѣлѣ слѣдующими трудами: Hurter, Geschichte Papst Innocenz III etc. (объ этой книгѣ мы ужь упоминали въ VI томѣ, на стр. 411); C. Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois, 2 тома, Paris, 1849;—Hahn, Geschichte der Ketzer im Mittelalter, 3 тома, Stuttgart, 1845—1850; — Douais, Les Albigeois, Paris, 1880;—Molinier, L'inquisition dans de Midi de la France au XIII et XIV siècle, Paris. 1880; Flathe, Geschichte der Vorläufer der Reformation, 2 тома, Leipzig, 1836;—Bender, Geschichte der Waldenser, Ulm, 1850; — Dickhoff, Die Waldenser im Mittelalter, Göttingen, 1851; статьи Katharer (Шмида) и Waldenser (Герцога) въ Real-Encyklopädie der Theologie, herausgegeben von Herzog; — Hase, Franz von Assisi, Leipzig, 1856;—Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, 2 тома, Berlin, 1875—1877; Schumacher, Die Stedinger, Bremen, 1865.

1. Папская власть. Католическая іерархія.

Латеранскій соборъ 1215 г.

Битва при Бувинѣ, упрочившая власть Фридриха въ Германіи, возвысила могущество папы, разрушивъ союзъ противниковъ его. Іоаннъ, король англійскій, призналъ себя вассаломъ папы, посылалъ въ Римъ дань. Въ томъ году, когда англійская нація возстала противъ короля, унизившаго ее, и вынудила у него Великую Хартію—основной законъ, на которомъ создалась свобода англійскаго народа, Иннокентій III созвалъ въ Латеранѣ вселенскій соборъ западной церкви; это было великимъ торжествомъ, какого не видывалъ Римъ со временъ древнихъ римскихъ императоровъ. На призывъ папы съѣхались въ Римъ въ ноябрѣ 1215 года изъ всѣхъ земель запада духовные сановники и уполномоченные государей принять участіе въ установленіи законовъ, имѣвшихъ своею цѣлью упрочить единство вѣры, искоренить ереси, установить правила церковной дисциплины, вооружить западъ противъ мусульманъ, владѣвшихъ святою землею, и водворить миръ между христіанскими народами. На совѣщаніяхъ собора присутствовали латинскіе патріархи, константинопольскій и іерусалимскій, 69 архіепископовъ (митрополитовъ) и примасовъ, 412 епископовъ, 900 аббатовъ и пріоровъ; всѣ западные короли прислали на соборъ своихъ

уполномоченныхъ. Папа являлся верховнымъ правителемъ запада, солнцемъ, отъ котораго исходитъ всякій свѣтъ, всякая жизнь, всякая законная власть.

Иннокентій дѣйствительно былъ царемъ царей. Мы видѣли, что, пользуясь борьбою Оттона съ Филиппомъ и потомъ съ Фридрихомъ, онъ принялъ на себя власть судьи въ германскомъ королевствѣ, основалъ независимость папскаго государства, сдѣлалъ римскій престолъ національнымъ центромъ Италіи, перенесъ на папу тѣ права, какія принадлежали императору. Мы говорили также, что, пользуясь разстройствомъ дѣлъ въ королевствѣ сицилійскомъ, безпомощностью женщины и ребенка среди мятежей, онъ возстановилъ ленную власть папы надъ Апуліей и Сициліей. Онъ одержалъ великіе успѣхи и въ другихъ странахъ. Король французскій, Филиппъ II Августъ, прогналъ свою жену Ингеборгу и женившись на другой женщинѣ, подалъ Иннокентію случай выступить защитникомъ святости брака. Иннокентій наложилъ на Францію интердиктъ, запрещеніе совершать общественное богослуженіе и всѣ религіозные обряды, кромѣ крещенія младенцевъ и причащенія умирающихъ; это принудило французскаго короля разстаться съ любимой второй женою и признать ненарушимость брака. Въ ноябрѣ 1204 года пріѣхалъ въ Римъ Петръ, король арагонскій, храбрый защитникъ церкви противъ сарациновъ и еретиковъ, положилъ на гробницу апостола Петра свою наслѣдственную корону и вновь получилъ ее отъ папы, обѣщавшись быть вассаломъ римскаго епископа и давать ему дань. Португальское королевство, подобно сицилійскому, считалось папскимъ леномъ по граматѣ, данной римскому епископу королемъ Альфонсомъ I, и хотя сынъ его, Санчо I, отвергалъ ленную власть папы, но принужденъ былъ признать ее. Въ Венгріи по поводу спора двухъ братьевъ за престолъ Иннокентій III принялъ на себя роль судьи, убѣдилъ венгерскій сеймъ признать королемъ того претендента, котораго взялъ подъ свою защиту. Когда долгая борьба за инвеституру съ королемъ англійскимъ Іоанномъ кончилась побѣдой Иннокентія, и англійское королевство сдѣлалось папскимъ леномъ, то можно стало епископу римскому считать себя верховнымъ владыкой всего запада. Даже изъ областей нижняго Дуная пріѣзжали въ Римъ послы просить рѣшенія по церковнымъ и гражданскимъ спорамъ, а на берегу Балтійскаго моря утвержденный Иннокентіемъ орденъ меченосцевъ поработилъ и принудилъ креститься ливонцевъ и эстовъ.—Франки и венеціанцы завоевали византійскую имперію; на престолъ патріарха константинопольскаго, бывшаго соперникомъ папы, возведенъ былъ латинскій епископъ, покорный ему; армянскій царь Левъ призналъ надъ собой и своимъ царствомъ верховную власть папы. Оставалось только прогнать мусульманъ изъ святой земли, водрузить крестъ въ Александріи, покорить тюрковъ Малой Азіи,—тогда были бы подвластны папѣ всѣ земли, надъ ко-

Могущество папской власти: въ Германіи, въ Италіи.

во Франціи.

въ Арагоніи.

въ Португаліи.

въ Венгріи.

въ Англіи.

въ латинской имперіи.

торыми владычествовалъ Августъ; двинуть западные народы въ новый крестовый походъ составляло важнѣйшую заботу Иннокентія III и его преемниковъ; они провозглашали войну съ невѣрными на Пиренейскомъ полуостровѣ и на Востокѣ первой обязанностью христіанъ, говорили, что исполненіемъ ея пріобрѣтается слава на землѣ и блаженство на небесахъ. Чтобы никакая оппозиція не ослабляла владычество папы, не колебала вѣру сомнѣніями и лжеученіями, не отвращала взоровъ людей отъ скалы, на которой основана церковь, католическая іерархія, владыкою которой былъ папа, налагала на умы оковы, дѣлавшія невозможнымъ никакое свободное движеніе мысли, угрожала смертью за всякое отступленіе отъ предписанныхъ церковью вѣрованій и обрядовъ. Каждый, думавшій несогласно съ ученіемъ церкви, лишался всѣхъ человѣческихъ правъ; свобода совѣсти была задушаема дымомъ костровъ, на которыхъ жгла еретиковъ инквизиція, хранительница церковнаго единства. По разсчетамъ денежной выгоды папа защищалъ евреевъ отъ свирѣпости, съ какой преслѣдовали ихъ тогда толпы невѣждъ, но поддерживалъ презрѣніе къ этимъ несчастнымъ и воспрещалъ сближеніе съ ними.

Отлученіе и интердиктъ.

Іерархія извергала упорныхъ грѣшниковъ изъ общества вѣрующихъ отлученіемъ отъ церкви, обрекавшимъ ихъ на обиды отъ людей въ этой жизни и на вѣчныя муки въ будущей; она принимала ихъ въ свое общеніе только, когда они подвергали себя унизительнымъ обрядамъ покаянія. Не довольствуясь отлученіемъ отдѣльныхъ людей, она изобрѣла болѣе широкую и тяжелую форму наказанія, интердиктъ, который налагала на цѣлыя страны, лишая народы богослуженія и освящающихъ душу таинствъ. Интердиктъ былъ для нея средствомъ покорять королей: они принуждались ропотомъ народовъ смиряться передъ церковью. А когда цѣлыя общины уклонялись отъ установленныхъ вѣрованій и обрядовъ, онѣ были обрекаемы на истребленіе, какъ еретическія: іерархія призывала вѣрующихъ идти войною на нихъ; людямъ, которые отсѣкутъ мечомъ отъ христіанскаго общества гнилые члены, она обѣщала тѣ же духовныя награды, какъ сражающимся съ мусульманами въ святой землѣ; она обязывала людей на крестовые походы противъ еретиковъ, отдавала сомнѣвающихся или заблудшихъ подъ непрерывное преслѣдованіе безпощаднаго церковнаго трибунала. То, къ чему стремились теократическія правительства Востока, было осуществлено на западѣ Иннокентіемъ III: всѣ народы латинской церкви повиновались повелѣніямъ римскаго первосвященника, который называлъ себя получившимъ власть непосредственно отъ Бога, дѣйствующимъ по внушенію Духа Святого, и требовалъ, чтобы его рѣшенія считались откровеніями божественной воли, потому присвоивалъ себѣ непогрѣшимость и ставилъ себя выше вселенскихъ соборовъ. Тѣ понятія о папѣ, которыя провозглашалъ составитель Лженсидоровскихъ Декреталій и къ осуществленію которыхъ неуклонно

Преслѣдованіе еретиковъ: инквизиція.

Римская теократія.

стремился Григорій VII, были осуществлены Иннокентіемъ III. Западная церковь приняла ученіе, что всякая власть на землѣ происходитъ отъ пожалованія преемникомъ апостола Петра, органомъ божественной воли; всѣ правители обязаны содѣйствовать папѣ въ его заботахъ о водвореніи царства Божія на землѣ; церковь употребляетъ для этого мирныя средства, а свѣтскіе правители по ея порученію усмиряютъ ея противниковъ мечомъ. До Григорія VII латинская церковь признавала догматъ равноправности свѣтской власти съ духовною, такъ называемое ученіе о двухъ мечахъ, духовномъ и мірскомъ; теперь она отвергла эту прежнюю теорію и утверждала, что законной свѣтской властью должно признавать только ту, которая дается папой свѣтскому правителю, что всѣ государи должны считаться сановниками, получающими свою должность отъ папы, что помазаніе и коронованіе даетъ королевскую власть. Епископы были теперь возводимы въ свой санъ инвеституроі папы. Обстоятельства принуждали папу выносить уклоненія отъ теоріи, что епископы должны вступать въ должность только по утвержденіи римскимъ первосвященникомъ; но вообще инвеститура ихъ признавалась принадлежащей папѣ. Митрополиты или, какъ они назывались въ западной церкви, архіепископы, получали изъ Рима паллій (архіепископскій омофоръ) и платили за него очень большую пошлину. Епископы, избираемые капитулами своихъ каѳедръ, должны были получать утвержденіе отъ папы и вступали въ должность, только давъ папѣ ленную присягу безусловнаго повиновенія. Папа не довольствовался правомъ не утверждать епископскіе выборы; онъ сталъ вмѣшиваться въ нихъ, требовать, чтобъ избирались рекомендуемые имъ кандидаты. Отъ настойчивой рекомендаціи кандидатовъ папы скоро перешли къ тому, что стали самовластно назначать епископовъ въ Англіи. Папская курія дѣйствовала такъ, что всѣ называли ее алчной и продажной. Папы прежде винили государей въ симоніи, теперь сами безъ всякаго стыда продавали церковныя должности. Церковный законъ запрещалъ брать плату за посвященіе въ духовный санъ; но, не обращая на это вниманія, папы все настойчивѣе требовали денегъ за утвержденіе въ санѣ, все увеличивали размѣръ этой платы; она стала наконецъ равняться всей суммѣ годового дохода епископской каѳедры и потому получила названіе аннатовъ (годовой пошлины). Къ вреду церковной дисциплины папы уменьшали власть епископовъ: они освобождали многіе монастыри и многихъ церковныхъ сановниковъ отъ подвластности епархіальнымъ епископамъ, подчиняя ихъ непосредственно епископу римскому, и принимали апелляціи на рѣшенія епархіальныхъ епископовъ. Число дѣлъ, переносимыхъ на рѣшеніе въ Римъ, постоянно возростало. По всѣмъ западнымъ государствамъ ѣздили папскіе легаты, уполномоченные распоряжаться церковными дѣлами наперекоръ волѣ мѣстныхъ епископовъ и архіепископовъ; они поддерживали и расширяли владыче-

ство папы надъ церковью и собирали для него громадныя суммы денегъ; они брали для передачи папѣ плату за инвеституру, за диспенсаціи (за освобожденіе отъ соблюденія церковныхъ законовъ, какъ напримѣръ за разрѣшеніе браковъ въ степеняхъ родства, въ которыхъ браки воспрещены каноническими законами); требовали пошлинъ за рѣшеніе другихъ дѣлъ, взимали разные налоги въ пользу папы, какъ напримѣръ депарій апостола Петра или налоги для снаряженія крестовыхъ походовъ.—Такимъ образомъ Иннокентій III сдѣлалъ Римъ центромъ всего догматическаго и юридическаго управленія церковью, римскій престолъ—верховнымъ трибуналомъ всѣхъ церковныхъ, нравственныхъ и политическихъ дѣлъ. Въ половинѣ XII вѣка камальдольскій монахъ Граціанъ составилъ новый сводъ каноническихъ законовъ. Этотъ сборникъ, выставлявшій папу полновластнымъ господиномъ церкви, сталъ кодексомъ, на которомъ основывали папы свои притязанія. Постоянной заботой папъ было расширеніе своей власти, подчиненіе государей своему господству. Иннокентій III говорилъ королямъ: «Какъ въ ковчегѣ завѣта вмѣстѣ съ скрижалями закона хранился жезлъ, такъ и въ груди папы находятся грозная власть разрушенія и кроткая милость благодати». Свою силу разрушенія Иннокентій доказалъ истребленіемъ альбигойцевъ. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ мы будемъ говорить о тѣхъ средствахъ, какими римская церковь поддерживала свое владычество, объ альбигойской войнѣ, инквизиціи, новыхъ монашескихъ орденахъ, покровительствѣ одному направленію схоластики, подавленіи другихъ направленій ея, борьбѣ съ Гоэнштауфенами. Но по мѣрѣ возростанія папскаго самовластія западная церковь утрачивала здоровые жизненные элементы. Инквизиція, свирѣпо истреблявшая людей, возбуждала въ народахъ ненависть къ церкви; могущество іерархіи портило нравы духовенства, развивало въ немъ высокомѣріе, алчность, грубые пороки. Повсюду слышались жалобы на деспотизмъ, раздачу высшихъ церковныхъ должностей родственникамъ папъ, на корыстолюбіе римской куріи, на развратъ духовныхъ сановниковъ. Деспотизмъ папы вызывалъ протесты, разумъ стремился сбросить съ себя оковы; папы принуждены были такъ часто прибѣгать къ церковнымъ наказаніямъ, что отлученіе отъ церкви и интердиктъ сдѣлались привычны людямъ, перестали пугать ихъ. Даже крестовые походы, бывшіе проявленіемъ владычества церкви надъ умами, обратились во вредъ ей, потому что ознакомили западные народы съ восточной цивилизаціей, съ свободой мысли, пробудили дремавшія умственныя и нравственныя потребности.

2. Религіозная оппозиція.

Римская церковь своимъ стремленіемъ подавлять свободу мысли, налагать на умы оковы возбуждала недовольство въ людяхъ съ живымъ религіознымъ чувствомъ. Мотивы, изъ которыхъ возникали ученія, преслѣдуемыя римской церковью какъ ереси, были очень различны, но у всѣхъ еретиковъ было нѣчто общее. Нѣкоторые изъ людей, возставшихъ противъ римской церкви, погибали, не успѣвъ пріобрѣсти многочисленныхъ послѣдователей, и немногіе ученики ихъ погибли вмѣстѣ съ ними или скоро послѣ нихъ. Такъ напримѣръ, французскій священникъ, Пьеръ Брюи, проповѣдывавшій противъ безправственной жизни духовенства, былъ сожженъ въ Сенъ-Жиллѣ толпою разъяренной черни (въ 1132 году), а его ученикъ, Апри Клюнійскій, былъ въ 1148 году заключенъ на всю жизнь въ темницу; экзальтированный проповѣдникъ покаянія, Танхельмъ, стремившійся возстановить чистоту первоначальныхъ временъ христіанства, былъ убитъ въ 1124 году, а другой проповѣдникъ тѣхъ же мыслей, Эонъ (Эвдо) Стелла, былъ въ 1148 году осужденъ на заточеніе. Были и цѣлыя общества, державшіяся ученій несогласныхъ съ римской церковью, какъ напримѣръ, павликіане на Нижнемъ Дунаѣ, катары, державшіеся манихейскихъ понятій, пассагійцы, близкіе по понятіямъ къ евреямъ, вальдійцы въ южной Франціи и сѣверной Италіи, отвергавшіе то, что въ ученіи римской церкви было, по ихъ мнѣнію, несогласно съ Библіей. При всемъ различіи понятій эти отдѣльные еретики и еретическія общества одинаково осуждали роскошь и властолюбіе латинскихъ церковныхъ сановниковъ, требовали, чтобы духовенство жило въ апостольской бѣдности и простотѣ, порицали преобладаніе формалистики, подавлявшей религіозное чувство въ римской церкви, стремились къ непосредственному сближенію души съ Богомъ, требовали замѣны пышнаго богослуженія чтеніемъ священнаго писанія и нравственными поученіями, возставали противъ исключительнаго употребленія латинскаго языка въ богослуженіи, противъ запрещенія мірянамъ читать Библію, требовали богослуженія на родномъ языкѣ каждой страны, отвергали владычество іерархіи надъ церковью, ссылаясь на то, что въ священномъ писаніи всѣ вѣрующіе называются священниками. Еретическія секты имѣли у себя особый классъ людей святой жизни или, какъ называли, «совершенныхъ», между тѣмъ какъ остальные люди ихъ общины назывались только вѣрующими; но каждый вѣрующій могъ у нихъ пріобрѣтать санъ совершеннаго, принимая посвященіе въ него и отказываясь отъ мірскихъ удовольствій. Формалистику римской церкви они замѣняли ученіемъ Христа, изложеннымъ въ нагорной проповѣди у евангелиста Матоея, порицали римскую церковь за то, что она слишкомъ снисходительно смотритъ на без-

Протесты противъ іерархическаго деспотизма.

Протесты отдѣльныхъ лицъ.

Секты.

нравственную жизнь, требуя лишь исполненія обрядовъ и послушанія своимъ повелѣніямъ; они считали нарушеніе заповѣдей божіихъ смертнымъ грѣхомъ, отъ котораго человѣкъ избавляется только благодатью Божіею, а не отпущеніемъ грѣховъ, какое даетъ священникъ или папа. По всему христіанскому западу отъ Нижняго Рейна и Эбро до Тибра проявлялись направленія мыслей, отвергаемыя римской церковью, но особенно сильны они были въ сѣверной Италіи и южной Франціи. Оппозиція духовенству, увлекающемуся алчностью, роскошью и властолюбіемъ, постоянно существовала въ Ломбардіи; Григорій VII опирался въ своей церковной реформѣ на ломбардскихъ патаровъ, возставшихъ противъ роскоши духовенства; Арнольдъ Брешійскій и его послѣдователи возставали противъ свѣтской власти папы; эти ученія, непріязненныя римской церкви, не заглохли въ Ломбардіи. Сдѣлавшись папой, Иннокентій III сталъ преслѣдовать ихъ—и покровительствовалъ возникновенію францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, уставъ которыхъ требовалъ отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ; эти такъ называемые нищенствующіе ордена должны были примирять съ церковью людей, осуждавшихъ ея роскошь; но враги церкви были очень многочислены; они, по выраженію Иннокентія, размножались какъ саранча, о которой говоритъ пророкъ Іоиль; потому Иннокентій находилъ мѣры кроткаго увѣщанія недостаточными, считалъ необходимымъ подвергать еретиковъ сѣверной Италіи безпощадному гоненію.

Еретики сѣверной Италіи.

Еще многочисленнѣе и сильнѣе были еретики въ южной Франціи, въ областяхъ отъ низовья Роны до верховья Гаронны. Въ Провансѣ и Лангедокѣ горожане пріобрѣли благосостояніе; торговая дѣятельность и республиканское устройство городского управленія развили въ нихъ самостоятельность и смѣлость мысли; изъ остатковъ греческой и римской культуры подъ вліяніемъ вестготовъ и испанскихъ арабовъ тамъ развилась самобытная цивилизація, улучшались техническія искусства, возникла цвѣтущая поэзія: трубадуры воспѣвали на благозвучномъ провансальскомъ языкѣ любовь, осмѣивали пороки духовенства; но рядомъ съ весельемъ тамъ существовалъ, какъ мы знаемъ, и суровый аскетизмъ (VI, стр. 211). Тамъ была родина не только поэзіи трубадуровъ, но и того энтузіазма, который произвелъ крестовые походы; тамъ имѣли усерднѣйшихъ слушателей клюнійскіе проповѣдники покаянія. Эти области южной Франціи были центромъ катаровъ и вальдійцевъ. Это были двѣ совершенно различныя секты, но римская іерархія, подвергнувшая ихъ одинаковому преслѣдованію, называла ихъ послѣдователей общимъ именемъ альбигойцевъ, произведеннымъ отъ имени города Альби. Латинская церковь въ началѣ XIII вѣка возбудила войну для ихъ истребленія. Безпощадное преслѣдованіе, длившееся 20 лѣтъ, дало торжество римской церкви на развалинахъ городовъ, залитыхъ кровью. Благосостояніе и культура южной Франціи были уничтожены, веселыя пѣсни трубадуровъ замолкли навсегда;

Еретики южной Франціи.

слышались только пѣсни плача о погибели прежняго счастья и о страданіяхъ отъ инквизиціи, поставившей въ опустошенной странѣ свой трибуналъ для подавленія всякой свободы религіозной мысли въ самомъ ея зародышѣ.

a) Павликіане и богумилы.

Свѣтская власть паны, надменность и богатство церковныхъ сановниковъ, роскошная и развратная жизнь ихъ, деспотизмъ латинской церкви,— все это такъ рѣзко противорѣчило христіанскому ученію первыхъ вѣковъ, что неизбѣжно было возникновеніе партій, протестующихъ противъ характера латинской іерархіи; одни изъ противниковъ ея защищали свободу религіознаго изслѣдованія, другіе порицали духовенство за надменность и развратъ, хотѣли возстановить бѣдность и смиреніе церкви апостольскихъ временъ. Фантастическія ученія греческихъ еретиковъ не находили для себя благопріятной почвы на западѣ, но перенесенныя туда сѣмена ихъ давали нѣкоторые всходы. Павликіане, защищавшіе свое ученіе мечомъ отъ византійцевъ (VI, 418), усвоили себѣ дуализмъ маніхеевъ, и присоединивъ къ нему нѣкоторыя другія вѣрованія и религіозные обычаи, сохраняли свою вѣру по переселеніи во Ѳракію; они были многочисленны тамъ; центромъ ихъ былъ Филиппополь. Въ родствѣ съ павликіанствомъ находится секта богумиловъ, распространившаяся у болгаръ и сербовъ. Быть можетъ, въ ней возродились языческія понятія славянъ о двухъ верховныхъ богахъ, добромъ и зломъ. Слово богумилы значитъ — люди угодные Богу; но кажется, что это названіе секты не было сформировано ея послѣдователями въ похвалу себѣ, а произошло отъ имени ея основателя, ѳракійскаго священника, Богумила, жившаго въ X вѣкѣ. По ученію богумиловъ, вселенная создана злымъ духомъ Сатанаиломъ; онъ создалъ и господствующую церковь. Человѣчество находилось подъ его властью до пришествія Христа, который ослабилъ его могущество; но спасеніе получаютъ только тѣ вѣрующіе, которые принимаютъ духовное крещеніе и дѣлаются членами общества святыхъ черезъ особый обрядъ посвященія; ему должны предшествовать покаяніе и молитва. Этотъ обрядъ посвященія, совершавшійся возложеніемъ рукъ, имѣлъ чрезвычайно высокое значеніе у богумиловъ. Церковныя таинства, почитаніе святыхъ и мощей, все церковное богослуженіе они считали установленіями, введенными злымъ духомъ. Но ихъ ученіе дозволяло имъ участвовать во всѣхъ церковныхъ обрядахъ, потому что духовное крещеніе и возложеніе рукъ ограждаетъ отъ вреднаго вліянія дѣлъ злого духа. Благодаря тому, что не уклонялись отъ исполненія церковныхъ обрядовъ, богумилы долго избѣгали преслѣдованія. Даже между монахами въ самомъ Константинополѣ находились богумилы. При Алексіѣ Комненѣ глава богумильской секты Василій, поддавшись коварнымъ обѣщаніямъ, высказалъ свое ученіе, остававшееся до той поры тайнымъ, и былъ сожженъ какъ еретикъ (въ 1118 году); съ того времени богумилы стали подвергаться гоненію. Но маленькія тайныя богумильскія и павликіанскія общины продолжали существовать въ балканскихъ ущельяхъ до конца среднихъ вѣковъ.

b) Катары.

Секты павликіанъ и богумиловъ были восточныя; ихъ ученіе не особенно сильно проникало на западъ; гораздо большее значеніе имѣютъ въ исторіи западной церкви и культуры катары и вальдійцы, которыхъ смѣшивали

подъ названіемъ альбигойцевъ. Секта катаровъ распространилась по многимъ областямъ западной церкви. Но особенно многочисленны они были въ сѣверной Италіи и южной Франціи. Происхожденіе этой секты еще недостаточно разъяснено. Видно только, что она получила свои основныя понятія съ востока. На это указываетъ самое имя, которое давали себѣ катары; оно греческое слово, значащее „чистые“. Характеръ ученія катаровъ также указываетъ на его восточное происхожденіе: оно родственно манихейству. Подобно системамъ гностицизма, оно было результатомъ стремленія разрѣшить вопросъ о происхожденіи зла, перетолковать Библію такъ, чтобы вывести изъ нея подтвержденіе найденному рѣшенію и устроить жизнь сообразно ему. Основаніемъ ереси катаровъ была дуалистическая идея, что матерія и весь видимый міръ—созданіе злого начала, а человѣческій духъ происходитъ отъ добраго начала и стремится къ возсоединенію съ нимъ. Христосъ, по ученію катаровъ, явился на землѣ для освобожденія души человѣка отъ порабощенія матеріей; это былъ духъ, принявшій на себя только призракъ тѣла. Цѣлью жизни они ставили освобожденіе души отъ порабощенія тѣломъ, а путемъ къ этому считали непрерывную борьбу со всѣми матеріальными влеченіями. Подобно богумиламъ, они отвергали церковныя таинства, и матеріальное крещеніе водой у нихъ замѣнялось духовнымъ освященіемъ человѣка черезъ возложеніе рукъ; этотъ обрядъ они называли утѣшеніемъ (consolamentum). Въ божественное царство свѣта могутъ возвратиться души только тѣхъ людей, которые приняты въ общество чистыхъ (катаровъ) посредствомъ этого духовнаго крещенія; только эти души получаютъ вѣчное блаженство, а души грѣшниковъ и вообще всѣхъ нечистыхъ (не катаровъ) остаются скитающимися въ матеріальномъ мірѣ. Это дуалистическое ученіе и основанная на немъ строгая нравственная система составляли общее основаніе всѣхъ направленій ереси катаровъ; въ понятіяхъ о характерѣ двухъ началъ они распадались на разные отдѣлы; такъ напримѣръ, были катары, значительно смягчавшіе дуализмъ, ставившіе доброе начало единственнымъ Богомъ, а злое начало считавшіе элементомъ гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ Богъ, такъ что мысли этихъ катаровъ были довольно близки къ ученію римской церкви о сатанѣ, какъ источникѣ зла. Не одинакова была и степень суровости нравственнаго ученія разныхъ отдѣловъ катаровъ; у нѣкоторыхъ аскетизмъ былъ мягче, у другихъ строже. Обрядъ утѣшенія былъ необходимымъ условіемъ для вступленія въ общество чистыхъ и для полученія вѣчнаго блаженства. Но тотъ, надъ кѣмъ совершонъ этотъ обрядъ, обязывался отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ, соблюдать очень строгія правила аскетизма; такъ напримѣръ, онъ не могъ ѣсть мяса и вести супружескую жизнь; потому лишь немногіе принимали въ молодыхъ лѣтахъ это посвященіе, дѣлавшее людей „совершенными“ или „добрыми“ (perfecti, boni homines), „большинство до конца жизни оставалось въ разрядѣ вѣрующихъ“ (credentes) и принимало „утѣшеніе“ только передъ самой смертью или при ожиданіи какой-нибудь опасности для жизни. Принявъ утѣшеніе, многіе больные отказывались отъ врачебной помощи и переставали ѣсть, чтобы не замедлить наступленіе „благой кончины“. „Совершенные“ считались преемниками апостоловъ и собственно они составляли „чистую“ церковь, противоположную католической, отвергаемой катарами. Въ богослуженіи и въ устройствѣ своей церкви катары стремились возстановить тѣ формы, какія имѣла, по ихъ понятіямъ, церковь апостольскихъ временъ, но они были не въ силахъ вполнѣ освободиться отъ понятій своего времени, потому и у нихъ возникло іерархическое устройство. Въ ихъ молитвенныхъ домахъ не было иконъ, не было даже креста; у нихъ не было колоколовъ, обрядъ богослуженія у нихъ былъ подобенъ древнимъ христіанскимъ агапамъ, трапе-

замъ любви; важнѣйшую часть обряда составляло то, что „совершенные“ преломляли хлѣбъ, благословляли его и раздавали всѣмъ. Катары много постились, при богослуженіи молились на колѣнахъ, читали нѣкоторыя латинскія молитвы. Они принимали правиломъ вѣры только новый завѣтъ, ветхій отвергали. Свое нравственное ученіе они основывали главнымъ образомъ на заповѣдяхъ нагорной проповѣди, которую называли закономъ Христовымъ; изъ нея они выводили, что нельзя воевать, давать присягу, осуждать людей на смертную казнь. Разсказы евангелистовъ о жизни Христа они перетолковывали по своимъ понятіямъ въ такъ-называемомъ духовномъ смыслѣ. Разсказы о чудесахъ они объясняли въ аллегорическомъ смыслѣ. Они усердно пропагандировали свое ученіе, и оно сильно распространялось: Гоэнштауфены въ своей борьбѣ съ папами оставляли еретиковъ безъ преслѣдованія; французскій народъ былъ раздраженъ противъ папы интердиктомъ, который онъ наложилъ на Францію при своей ссорѣ съ Филиппомъ Августомъ. Это помогало успѣхамъ тайной пропаганды катаровъ. Мистицизмъ ихъ ученія былъ привлекателенъ людямъ съ горячей фантазіей; аскетизмъ „совершенныхъ“, представлявшій рѣзкую противоположность нравамъ духовенства, внушалъ народу благоговѣніе къ нимъ; набожность и нравственная чистота всѣхъ катаровъ пріобрѣтала уваженіе имъ. Благодаря трудолюбію и бережливости, они были зажиточны. Имѣя средства оказывать услуги людямъ, они были гостеріимны и благотворительны. Если кто-нибудь изъ ихъ единовѣрцевъ впадалъ въ бѣдность, они щедро помогали ему. Все это привлекало къ нимъ простолюдиновъ, и число ихъ увеличивалось, особенно въ Италіи и во Франціи. Сановники римской церкви лживо взводили на нихъ грязныя обвиненія, чтобы возбудить въ народѣ ненависть къ нимъ; слѣдъ этой клеветы на „болгарскихъ“ еретиковъ, какъ называло ихъ духовенство, остался до сихъ поръ во французскомъ языкѣ, въ которомъ слово болгаръ, передѣланное по французскому выговору на „бугръ“, имѣетъ значеніе очень порочнаго человѣка. Но всѣ усилія духовенства искоренить болгарскую ересь были напрасны. Оно сожигало нѣкоторыхъ еретиковъ, какъ напримѣръ, катарскаго епископа Арнольда (Арно); но мужество, съ какимъ шли они на костеръ, увеличивало число ихъ послѣдователей.

Пассагійцы.

Катары принимали правиломъ вѣры и нравственности только новый завѣтъ; прямую противоположность имъ представляли пассагійцы, принимавшіе за правила жизни всѣ заповѣди закона Моисеева; это была секта, подобная іудействующимъ христіанамъ, о которыхъ мы говорили, разсказывая о первомъ вѣкѣ нашей эры; ученіе пассагійцевъ о Христѣ имѣло сходство съ понятіями эбіонитовъ.

c) Вальдійцы.

Вальдійцы по своимъ нравственнымъ стремленіямъ были родственны катарамъ, но оставались свободны отъ ихъ мистическаго и аскетическаго фантазерства. Еще во время Каролинговъ Клавдій, епископъ туринскій, проповѣдовалъ противъ дурной жизни духовныхъ сановниковъ, противъ ихъ стремленія поставить формалистику выше религіознаго чувства и нравственности, совѣтовалъ народу держаться священнаго писанія. Очень можетъ быть, что послѣдователи его ученія уцѣлѣли въ долинахъ піэмонтскихъ горъ, но достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ этомъ не осталось. Еще меньше исторической достовѣрности имѣетъ преданіе вальдійцевъ, говорившее, что ихъ общины существовали со временъ апостольскихъ. Секта ихъ была основана ліонскимъ купцомъ, Петромъ Вальдомъ (Пьеромъ Валь-

де, Valdez), который около 1170 года началъ проповѣдовать покаяніе въ городахъ и селеніяхъ по Ронѣ. Отъ его имени произошло и названіе вальдійцевъ, valdenses. Разсказы о существованіи этой секты въ болѣе раннія времена или ошибки или подлоги. Подобно Норберту (VI, 560) Вальдъ испыталъ нравственное потрясеніе, послѣ котораго отрекся отъ земной суеты, роздалъ свое богатство бѣднымъ и посвятилъ себя служенію религіи. Проникнутый стремленіемъ ознакомиться съ словомъ Божіимъ, Вальдъ поручилъ двумъ ученымъ монахамъ перевести для него новый завѣтъ на романскій языкъ и сдѣлать сборникъ назидательныхъ мѣстъ изъ книгъ святыхъ отцовъ. Народъ въ то время совершенно не зналъ священнаго писанія; чтеніе новаго завѣта сильно подѣйствовало на Вальда. Онъ обрекъ себя на добровольную бѣдность и сталъ проповѣдовать въ домахъ, въ церквахъ, на улицахъ. Цѣлью его ученія было возстановить апостольскую чистоту церкви. Онъ пріобрѣлъ себѣ много послѣдователей. Руководясь словами Христа объ опасности богатства, они, подобно Вальду, отказывались отъ мірскихъ благъ; потому ихъ называли ліонскими бѣдняками или леонистами (ліонцами). Архіепископъ ліонскій запретилъ имъ проповѣдовать. Они отвѣчали ему словами апостола „должно больше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ“, и ушли отъ его преслѣдованій на югъ въ Провансъ и Лангедокъ. Босые, въ одеждѣ кающихся грѣшниковъ, то есть въ грубой шерстяной, эти „бѣдные духомъ“ или „смиренные“ (humiliati), какъ называли они себя, ходили по городамъ и селеніямъ, „имѣя все общимъ“ по примѣру первыхъ христіанъ. Они ходили на проповѣдь обыкновенно по два вмѣстѣ. Отдѣляться отъ церкви они вовсе не думали и просили у папы одобренія своей религіозной дѣятельности. Папа назначилъ судъ надъ ними. Онъ происходилъ публично; уполномоченные папы сказали имъ, что они заблуждаются, осмѣяли ихъ, запретили имъ проповѣдь. Но они продолжали учить народъ вѣрѣ по евангелію. Луцій III на веронскомъ соборѣ въ 1184 году отлучилъ ихъ отъ церкви. Прежде они отступали отъ господствующаго церковнаго ученія только въ томъ, что совѣтовали народу читать Библію и присвоивали себѣ право проповѣдовать, хотя были міряне, между тѣмъ какъ римская церковь не дозволяетъ мірянамъ быть проповѣдниками; теперь они стали учить, что нѣкоторыя изъ таинствъ латинской церкви не нужны, отвергать и нѣкоторые догматы ея. Духовенство угрожало имъ, преслѣдовало ихъ, но они продолжали свою дѣятельность, основывали общины своей вѣры въ южной Франціи, въ сѣверной Италіи, въ долинахъ Коттійскихъ Альпъ, проникли въ Мецъ, ходили оттуда по Лотарингіи до Рейна, пріобрѣли послѣдователей и въ этихъ областяхъ, перешли Пиренеи, стали проповѣдовать въ Каталоніи. Вальдійцы не уклонялись отъ присутствія при богослуженіи господствующей церкви и говорили, что всегда были между христіанами люди истинно благочестивые, пріобрѣтавшіе царство небесное; но они различали невидимую церковь отъ видимой; представителями невидимой, духовной церкви они считали себя; говорили, что видимая, господствующая церковь уклонилась отъ истины въ своемъ ученіи, подверглась нравственной порчѣ. Подобно катарамъ, ссылаясь на нагорную проповѣдь, они учили, что присяга и война не дозволительны, что ложь — смертный грѣхъ; отвергали латинскій догматъ о чистилищѣ, католическія молитвы за умершихъ; таинство покаянія они, правда, признавали, но исповѣдовались во грѣхахъ другъ другу, а не священникамъ господствующей церкви, и говорили, что человѣкъ очищается отъ грѣховъ не отпущеніемъ, которое даетъ священникъ, а только самимъ Богомъ, который прощаетъ грѣхи искренно раскаявшемуся въ нихъ. Вальдійцы уважали святыхъ, но не молились имъ. Родственны вальдійцамъ были ломбардскіе „смиренные“ (humiliati); но про-

исхожденіе этой секты было иное: она возникла въ товариществахъ ломбардскихъ ремесленниковъ, воспринявшихъ ученіе Арнольда Брешійскаго. Подобно Арнольду, ломбардскіе смиренные говорили, что церковныя таинства имѣютъ свое благодатное дѣйствіе только тогда, когда совершитель ихъ человѣкъ достойный своего сана. Сблизившись съ Вальдійцами, ломбардскіе смиренные стали, подобно имъ, признавать священное писаніе единственнымъ источникомъ вѣры. Обѣ эти секты учили, что всѣ вѣрующіе получили черезъ крещеніе духовныя права священства. Церковными дѣлами у нихъ управляло собраніе вѣрующихъ; священнослужители (ministri) были у нихъ только уполномоченными общины; она избирала и смѣняла этихъ служителей своихъ; священники ихъ жили въ безбрачіи и въ добровольной бѣдности,—вообще отличались строгимъ аскетизмомъ и усердно читали священное писаніе. Нѣкоторые священники жили при своихъ общинахъ, были духовными наставниками ихъ, другіе занимались распространеніемъ своего ученія, ходили по городамъ и селеніямъ подъ видомъ странствующихъ ремесленниковъ или мелкихъ торговцевъ, напримѣръ подъ видомъ продавцевъ иголокъ и ножей, собирали благочестивыхъ людей на тайныя сходки въ домахъ или пустынныхъ мѣстностяхъ, говорили имъ проповѣди, объясняли священное писаніе, раздавали назидательныя книги, исповѣдывали, если было можно, то и совершали литургію. Эти проповѣди и объясненія священнаго писанія назывались у нихъ чтеніями (lectio, leyczon). Въ началѣ XIII вѣка вальдійцы оставались еще такъ близки къ католической церкви, что Иннокентій III надѣялся составить монашескій орденъ изъ ихъ проповѣдниковъ, жившихъ въ добровольной бѣдности. Но они отвергали присягу и войну, потому не могли подчиниться политической системѣ римской церкви. При истребленіи альбигойцевъ подверглись жестокому преслѣдованію и вальдійцы. Они уклонялись отъ всякихъ сношеній съ катарами и были чужды ихъ дуалистическихъ идей, но многія понятія и правила этихъ сектъ были сходны. Подобно катарамъ, вальдійцы распространяли въ народѣ знакомство съ священнымъ писаніемъ, стремились къ простотѣ жизни и нравственной чистотѣ апостольскихъ временъ, ставили нравственнымъ закономъ нагорную проповѣдь, порицали роскошь и нравственную испорченность сановниковъ римской церкви; потому католическая іерархія считала вальдійцевъ такими же врагами, какъ альбигойцевъ; Иннокентій находилъ одинаково надобнымъ искоренить обѣ эти ереси. Онъ говорилъ, что катары и вальдійцы похожи на лисицъ Самсона, смотрящихъ въ разныя стороны, но связанныхъ хвостами; что, подобно этимъ лисицамъ, они истребляютъ ниву церкви. Онъ запретилъ читать и объяснять Библію на собраніяхъ людей для молитвы; вальдійцы, подобно катарамъ, не подчинились этому распоряженію. Онъ произнесъ проклятіе надъ непокорными сынами церкви и провозгласилъ крестовый походъ на нихъ (въ 1215 году). Истребляя катаровъ, крестоносцы не щадили и вальдійцевъ; но многіе вальдійцы спаслись отъ погибели, ушли въ верхнія долины альпійскихъ горъ, и общины ихъ уцѣлѣли до позднѣйшихъ временъ. Они жили тамъ, стараясь ничѣмъ не возбуждать вниманія сосѣднихъ сановниковъ римской церкви. Въ поэмѣ Nobla Leyczon (Благородное чтеніе, то есть прекрасное назиданіе), написанной около 1400 года, изображается добродѣтельная жизнь вальдійцевъ, и авторъ поэмы совѣтуетъ имъ оставаться твердыми въ своихъ добрыхъ обычаяхъ.

d) Альбигойскія войны. Возникновеніе инквизиціи.

Въ началѣ XIII вѣка катары и вальдійцы, которыхъ одинаково называли альбигойцами, были въ южной Франціи, особенно въ Про-

Распространеніе альбигойскихъ ученій въ южной Франціи.

вансѣ, сильнѣе католическаго духовенства. Князья и бароны этой густо населенной страны держались ихъ мнѣній или по крайней мѣрѣ покровительствовали имъ; у нихъ были молитвенные дома и школы. Масса народа склонялась къ ихъ понятіямъ. Ихъ покровителемъ былъ могущественнѣйшій государь той части Франціи, графъ Ремонъ VI тулузскій, потомокъ Ремона, бывшаго однимъ изъ вождей перваго крестоваго похода. Отецъ его, Ремонъ V, славился великолѣпіемъ своего двора, бывшаго центромъ провансальской поэзіи. Ремонъ VI наслѣдовалъ отцу въ 1194 году. Его государство было однимъ изъ самыхъ обширныхъ въ цѣлой Франціи; въ его владѣніяхъ находилось пятьдесятъ городовъ; болѣе ста феодальныхъ владѣтелей были его вассалами; мать его была сестра Людовика VII. Покровителями альбигойцевъ были также виконтъ безьерскій и каркасонскій Ремонъ Рожо, графъ комменжскій Бернаръ и графъ фуасскій Роже. При дворахъ князей и вельможъ этой части Франціи жизнь шла весело, горожане были зажиточны, любили поэзію; католическое духовенство своими пороками навлекало на себя насмѣшки поэтовъ. Иннокентій печально говорилъ, что враги церкви, «подающіе змѣиный ядъ въ золотой чашѣ вавилонской и, подобно скорпіонамъ, уязвляющіе душу укушеніемъ вѣчной погибели, уловили своими сѣтями народъ юговосточной Франціи и заразили его закваской ереси». Онъ назначилъ своими легатами въ юговосточной Франціи цистерціанскихъ монаховъ,

Попытки обратить еретиковъ 1206—1209.

Пьера Кастельно, человѣка съ крутымъ характеромъ, и Рауля, менѣе суроваго, и поручилъ имъ обращать еретиковъ. Имъ усердно сталъ помогать Фулькъ, архіепископъ тулузскій, уроженецъ Генуи. Онъ въ молодости любилъ веселиться, былъ другомъ поэтовъ и поклонникомъ женщинъ, потомъ поступилъ въ цистерціанскій орденъ и, сдѣлавшись архіепископомъ тулузскимъ, занялся преслѣдованіемъ еретиковъ такъ же усердно, какъ прежде ухаживаніемъ за женщинами. Проповѣдь легатовъ была безуспѣшна; они хотѣли отказаться отъ своего порученія и возвратиться въ свои монастыри; но въ Монпелье съ ними встрѣтился Діэго, епископъ испанскаго города Осмы, при которомъ находился его архидіаконъ, фанатикъ Доминикъ (Доминго) Гусманъ. Діэго и Доминго убѣдили легатовъ продолжать дѣло и вызвались помогать имъ. Всѣ вмѣстѣ они въ бѣдной одеждѣ стали ходить по городамъ и селеніямъ, убѣждая заблудшихъ возвратиться на путь истины. Но проповѣди и собесѣдованія ихъ оставались безуспѣшны. Рауль умеръ, Діэго возвратился въ Испанію. Пьеръ Кастельно продолжалъ проповѣдывать. Онъ пріѣхалъ къ графу Ремону въ Сенъ-Жилль, дѣлалъ ему рѣзкимъ тономъ упреки за покровительство еретикамъ, напомнилъ ему, что онъ обѣщался папѣ не дѣлать этого, и отлучилъ его отъ церкви. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ вассаловъ Ремона пронзилъ Пьера Кастельно копьемъ въ то время, когда онъ совершалъ литургію (15 января 1209).

Папа отлучаетъ Ремона отъ церкви и провозглашаетъ крестовый походъ на него.

Иннокентій хотѣлъ отмстить за смерть своего легата; Ремонъ увѣрялъ, что онъ не виноватъ въ этомъ убійствѣ; Иннокентій не хотѣлъ вѣрить ему, отлучилъ его отъ церкви, наложилъ интердиктъ на его владѣнія, разрѣшилъ его подданныхъ отъ данной ему присяги, провозгласилъ, что каждый вѣрующій получаетъ право отнимать у Ремона его владѣнія, послалъ королю французскому просьбу защитить церковь отъ еретиковъ, «которые хуже сарацинovъ», объявилъ, что дастъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто пойдетъ войною на Ремона. Графъ тулузскій оробѣлъ, отправилъ въ Римъ посольство съ просьбой о прощеніи и съ заявленіемъ, что совершенно покоряется волѣ папы. Иннокентій объявилъ, что дастъ ему прощеніе на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ сдать уполномоченнымъ папы семь замковъ, и они будутъ возвращены ему только тогда, когда онъ вполнѣ докажетъ свою невинность въ убійствѣ Пьера Кастельно; онъ долженъ подвергнуть себя публичному покаянію и дать обѣщаніе, что будетъ повиноваться церкви, вознаградитъ ее за убытки, какіе она потерпѣла отъ его покровительства еретикамъ, будетъ строго наказывать всѣхъ еретиковъ и покровителей ихъ. Условія были тяжелы, но Ремонъ согласился на нихъ. Въ Сенъ-Жилльской церкви, наполненной народомъ, онъ на колѣнахъ и съ веревкой на шеѣ повторилъ слова клятвеннаго обѣщанія, которыя читалъ ему легатъ папы, Милонъ; легатъ взялъ розги и билъ ими по обнаженной спинѣ графа, какъ установлено было церковью при публичныхъ обрядахъ покаянія грѣшниковъ. Послѣ этого униженія Ремонъ получилъ прощеніе, но долженъ былъ обѣщаться, что пойдетъ на еретиковъ войною вмѣстѣ съ крестоносцами, собиравшимися изъ всей Франціи въ походъ на еретическую землю. Цистерціанскіе монахи и все французское духовенство проповѣдовали по всѣмъ областямъ Франціи этотъ крестовый походъ; призывъ къ нему былъ чрезвычайно успѣшенъ. Французскіе рыцари любили военныя приключенія; сѣверные французы имѣли племенную ненависть къ южнымъ. Но сильнѣйшимъ мотивомъ была надежда пріобрѣсти владѣнія въ богатой южной странѣ. Сѣверная Франція была охвачена порывомъ, подобнымъ тому, какимъ былъ произведенъ первый крестовый походъ. Графы, бароны и епископы того края возлагали на себя красный крестъ, подобно воинамъ, отправлявшимся въ Палестину, созывали вассаловъ и волонтеровъ и шли на югъ. Послалъ отрядъ войска и король французскій. Крестоносцы собирались въ Ліонѣ къ легату папы, цистерціанскому аббату Арно. Важнѣйшими изъ князей, принявшихъ крестъ, были: Симонъ, графъ монфорскій (Симонъ Монфоръ), храбрый воинъ, высокій сильный мужчина, уже прославившійся подвигами въ Палестинѣ; Пьеръ Куртне, графъ неверскій, тоже сражавшійся въ Палестинѣ, и герцогъ Оттонъ бургонскій. Многіе епископы сѣверной Франціи были ревностными участниками похода. Симонъ Монфоръ по просьбѣ папы

принялъ на себя главное начальство надъ крестоносцами и повелъ ихъ на югъ. Войско его простиралось до 50,000 человѣкъ.

Взятіе Безьé и Каркассоны.

Черезъ Монпелье крестоносцы пошли къ Безье, богатому, сильно укрѣпленному городу, владѣтелемъ котораго былъ виконтъ Ремонъ Роже. Граждане Безье отвѣчали отказомъ на требованіе сдаться; легатъ сказалъ: «не останется камня на камнѣ, не будетъ пощады ни одному человѣку». Это рѣшеніе было исполнено. Послѣ упорной обороны городъ былъ взятъ приступомъ; крестоносцы убили всѣхъ жителей, какихъ могли найдти, рѣзали и женщинъ, и стариковъ, и дѣтей. Въ церкви Маріи Магдалины было убито 7000 человѣкъ. Говорятъ, крестоносцы замѣчали легату, что въ Безье не всѣ еретики, есть и католики, и что трудно будетъ различать кого должно убивать, кого не должно; и что онъ отвѣчалъ: «Убивайте всѣхъ, Богъ различитъ своихъ». Истребивъ жителей, крестоносцы разграбили городъ. Этому началу соотвѣтствовало и продолженіе похода. Цистерціанскіе монахи съ крестами въ рукахъ шли передъ ордами, опустошавшими цвѣтущую страну. Войско папы грабило все, рѣзало людей, жгло селенія и города, разрушало замки. Жители бѣжали въ горы, лѣса, прятались въ пещеры. Болѣе ста замковъ было взято крестоносцами; оборона края не была организована, населеніе оробѣло, сопротивленіе крестоносцамъ было слабо.

Ремонъ Роже заперся въ Каркассонѣ. Когда крестоносцы подступили къ этому городу, то встрѣтили мужественное сопротивленіе. Виконтъ и его храбрые рыцари успѣшно отбивали приступы; крестоносцы заманили Ремона Роже въ свой станъ для переговоровъ, схватили его и отвезли въ темницу. Жители Каркассоны, потерявъ надежду отбиться, ушли нотаенными тропинками, покинувъ все имущество, и скрылись въ ущельяхъ своихъ горъ. Крестоносцы разграбили городъ. Ремонъ Роже скоро умеръ въ темницѣ или отъ печали, или отъ яда. Легатъ объявилъ безьерскую и каркассонскую область папскимъ леномъ и предложилъ ее герцогу бургонскому, потомъ графу неверскому, графу сенпольскому; всѣ они отказались; легатъ предложилъ это владѣніе Симону Монфору; Монфоръ взялъ (22 августа 1209) и въ знакъ благодарности удвоилъ свое усердіе. Полчища крестоносцевъ пошли дальше разрушать замки, опустошать страну, жечь еретиковъ на кострахъ. Къ концу года Симонъ Монфоръ овладѣлъ всей землей, полученной въ ленъ отъ папы, взялъ городъ Альби, центръ катарской ереси.

Осада Тулузы.

Графъ тулузскій пошелъ вмѣстѣ съ крестоносцами истреблять своихъ подданныхъ; но очевидно было, что онъ идетъ противъ желанія, и по взятіи Каркассоны, онъ увелъ своихъ воиновъ отъ войскъ Симона Монфора, ушелъ съ ними въ Тулузу. Папѣ было достаточно этого, чтобъ обвинить Ремона въ сочувствіи и тайномъ покровительствѣ еретикамъ. Легатъ высказалъ Ремону это обвиненіе, и угрожая

ему отнятіемъ всѣхъ владѣній, потребовалъ, чтобъ онъ выдалъ всѣхъ граждапъ Тулузы, подозрѣваемыхъ въ ереси. Ремонъ отвергъ постыдное требованіе и поѣхалъ въ Римъ просить у папы защиты отъ легата. Иннокентій принялъ Ремона любезно, но передалъ дѣло на рѣшеніе легата. Легатъ заявилъ требованія, согласиться на которыя Ремонъ не могъ, и графъ тулузскій снова былъ отлученъ отъ церкви.

Пока длились переговоры съ графомъ тулузскимъ, крестоносцы продолжали войну съ его вассалами. Взявъ горные замки Минерву и Термъ (въ нарбоннской области), они подошли къ границамъ граф- 1210.
ства тулузскаго. Ремонъ увидѣлъ, что они хотятъ отнять у него владѣнія, что переговоры, которые велъ онъ съ ними въ Монпелье и Нарбоннѣ, были съ ихъ стороны коварствомъ; онъ держалъ себя уступчиво; это не помогло ему, и онъ рѣшился обороняться. Къ нему пришли графы фуасскій и коммепжскій, знаменитые рыцари; пришли другіе вассалы его; жители городовъ графства тулузскаго взялись за оружіе на защиту имущества и жизни отъ варварскихъ полчищъ. Крестоносцы взяли Лаво, разграбили городъ, перерѣзали простолюди- 1211.
новъ, а рыцарей и вельможъ повѣсили на высокихъ висѣлицахъ. Въ іюнѣ (1211) года орды Симона Монфора подступили къ Тулузѣ, но рыцари и граждане оборонялись мужественно; Симонъ принужденъ былъ снять осаду и отступилъ въ Кастельнодари. Графъ фуасскій преслѣдовалъ его по всему пути отступленія и выказалъ въ нападеніяхъ такую отвагу, которая напоминаетъ разсказы о подвигахъ рыцарей Круглаго Стола.

Въ слѣдующемъ (1212) году пришли новые крестоносцы, пополнившіе убыль въ войскѣ Симона Монфора, и онъ снова пошелъ въ графство тулузское, опустошая все огнемъ и мечомъ. Ремонъ потерялъ надежду на примиреніе съ папой и просилъ помощи у своего родственника, Петра, короля арагонскаго, храбраго рыцаря, любившаго поэзію и рискованныя приключенія. Король арагонскій пошелъ на Монфора, ставшаго въ крѣпкой позиціи на Гаронпѣ у города Мюрѐ. Противъ совѣта Ремона Петръ напалъ на Монфора, былъ убитъ; войска его при извѣстіи о смерти короля разстроились, отступили, и войско Ремона, продолжавшее биться, потерпѣло полное пораженіе. Тулузскіе воины бѣжали къ Гаронпѣ и бросились въ лодки; тысячи ихъ были убиты или утопули.

Битва при Мюрѐ 13 сентября 1213.

Усердные католики прославляли Симона Монфора, какъ второго Іуду Маккавея. Иннокентій писалъ: «Святые Господни сокрушили гордость халдеевъ и поставили вѣрующихъ на мѣсто еретиковъ». Но побѣда при Мюрѐ не прекратила войну, а только увеличила опустошеніе южной Франціи. Графы фуасскій, коммепжскій, беарнскій заперлись въ своихъ замкахъ. Крестоносцы пошли къ Тулузѣ, грабили и рѣзали. Самъ Иннокентій нашелъ надобнымъ позаботиться объ уменьшеніи ихъ свирѣпостей, навлекавшихъ на него порицаніе. Новый

Иннокентій утверждаетъ Симона Монфора во владѣніи графствомъ тулузскимъ 1214.

легатъ папы, кардиналъ-діаконъ, Петръ Беневентскій былъ посланъ въ Провансъ примирить населеніе страны съ церковью. Измученные и раззоренные жители обѣщали не покровительствовать еретикамъ. Графы фуасскій, коммепжскій и беарнскій отворили легату и его уполномоченнымъ ворота своихъ городовъ и замковъ. Легатъ созвалъ соборъ въ Монпелье въ декабрѣ 1214; этотъ соборъ объявилъ Ремона лишеннымъ всѣхъ владѣній и отдалъ ихъ Симону Монфору; новый государь, уже прежде того владѣвшій въ Англіи графствомъ лесстерскимъ, принялъ титулъ: «Божіею милостію графъ тулузскій и лесстерскій, виконтъ безьерскій и каркассонскій, герцогъ нарбоннскій», назначилъ надежныхъ людей начальниками областей и замковъ. Вассалы Ремона принуждены были присягать на вѣрность графу Симону. Иннокентій III желалъ бы оставить уступчиваго Ремона владѣтелемъ графства тулузскаго, но не смѣлъ отнять добычу у «выпущеннаго на волю тигра,» какъ называлъ Монфора. Ремонъ съ сыномъ уѣхалъ въ Англію, просилъ своего сюзерена, короля французскаго, защитить его; но Филиппъ Августъ отвергъ его просьбы и послалъ своего старшаго сына помогать Монфору въ истребленіи еретиковъ. Многочисленный соборъ, созванный папой въ слѣдующемъ (1215) году въ Латеранѣ, утвердилъ рѣшенія монпельерскаго собора, провозгласилъ Симона Монфора владѣтелемъ Тулузы, Монтобана и земель, уже отнятыхъ имъ у еретиковъ и князей, покровительствовавшихъ еретикамъ. Ремонъ VI и его сынъ, называвшійся тоже Ремономъ, были тогда въ Римѣ, протестовали противъ несправедливаго рѣшенія, но Иннокентій не хотѣлъ слушать ихъ жалобъ. У Ремона VI было отнято все; сыну его были оставлены только городъ Бокеръ, графство венессенское и нѣкоторыя другія небольшія владѣнія на Ронѣ.

Смерть Симона Монфора.

Но ужасы альбигойскихъ войнъ не кончились этимъ. Ремонъ VI и его сынъ поплыли изъ Генуи на родину. Почти всѣ города и вассалы приняли ихъ сторону; война возобновилась. Симонъ Монфоръ и его помощники хлопотали о томъ, чтобы собрались на помощь имъ новые крестоносцы; но сѣверные французы не имѣли разсчета идти на войну, чтобы только помогать Симону, захватившему все себѣ. Потому онъ уже не могъ одерживать такихъ успѣховъ, какъ прежде. Ремонъ VII сражался съ нимъ на Ронѣ, а Ремонъ VI, къ которому пришли войска изъ Испаніи, вступилъ въ Тулузу; граждане приняли его съ восторгомъ. Симонъ пришелъ къ Тулузѣ, осадилъ городъ. Камень, брошенный изъ пращи, ударилъ его въ високъ, онъ упалъ съ лошади и умеръ. Его права наслѣдовалъ старшій сынъ его, Амори. Симонъ былъ человѣкъ чрезвычайно энергическій, Амори не имѣлъ ни его отваги, ни его ума. Ремонъ VI удержалъ за собой свои владѣнія; онъ былъ отлученъ отъ церкви, но дѣло рѣшалось оружіемъ, а не церковными проклятіями. Онъ умеръ въ іюлѣ 1222, черезъ четыре года по смерти Симона Монфора. Католическая іерархія преслѣдовала своею

13 сентября 1217.

25 іюня 1218.

ненавистью умершаго Ремона VI, не дозволила похоронить его въ церкви или хотя бы на кладбищѣ.

Ремонъ VII наслѣдовалъ отцовскія владѣнія. Подобно отцу, онъ былъ отлученъ отъ церкви, но поддержка папы не была такъ сильна, чтобы дать Амори Монфору возможность устоять противъ Ремона VII и его вѣрныхъ вассаловъ; потому Амори уступилъ свои права королю Людовику VIII. Французскій король былъ радъ расширить свои владѣнія; папа, усердно помогавшій ему, велѣлъ проповѣдовать новый крестовый походъ противъ еретиковъ и ихъ покровителей, отлученныхъ отъ церкви. Людовикъ пренебрегъ родствомъ и честью и съ благословенія папы пошелъ присоединить оскверненную ересью страну къ священному французскому королевству. Сборы къ походу были довольно продолжительны, но въ январѣ 1226 года Людовикъ VIII принялъ крестъ изъ рукъ легата, и война получила новый характеръ. Предлогомъ для нея была оставлена религія, но теперь уже для всѣхъ было ясно, что религія только предлогъ и дѣло идетъ лишь о завоеваніи владѣній графа тулузскаго королемъ французскимъ. Вассалы графа, имѣвшіе надежду отбиться отъ Симона Монфора и его сына, видѣли невозможность устоять противъ короля французскаго, и многіе изъ нихъ покинули Ремона; но граждане Тулузы и нѣкоторые вассалы остались вѣрны Ремону, и онъ три года боролся противъ королевскихъ войскъ. Людовикъ VIII умеръ въ первый (1226) годъ войны, но французскіе полководцы продолжали начатыя имъ завоеванія. Населеніе графства тулузскаго было наконецъ изнурено войной; вассалы, сражавшіеся за Ремона VII, покорились королю французскому; Ремонъ принужденъ былъ просить мира и уступить большую часть своихъ владѣній королю французскому. Однимъ изъ условій мира было то, чтобъ онъ принесъ покаяніе. Онъ былъ подвергнутъ тому же унизительному обряду, какъ его отецъ: въ церкви Парижской Богоматери 12 апрѣля 1229 года онъ, босой, въ одеждѣ кающагося грѣшника, отрекся отъ ереси; легатъ ударилъ его розгами по обнаженной спинѣ и снялъ съ него отлученіе.

Продолженіе войны по смерти Ремона VI.

1224.

1226—1229.

Война кончилась, когда покорились Ремонъ и вѣрный вассалъ его Роже Фуасскій (сынъ того Роже, который сражался съ Симономъ Монфоромъ). Черезъ пять лѣтъ въ 1234 году, Ремонъ отправился сражаться съ римлянами, прогнавшими папу, который сказалъ, что эта помощь ему будетъ исполненіемъ даннаго графомъ обѣта отправиться въ крестовый походъ. По смерти Ремона VII, умершаго въ 1249 году, и его дочери, бывшей за братомъ Людовика IX, Альфонсомъ Пуатускимъ, графство тулузское поступило въ непосредственное владѣніе короля, и обычаи южныхъ французовъ стали измѣняться подъ вліяніемъ сѣверныхъ французовъ, людей болѣе суровыхъ.

Преслѣдованіе еретиковъ продолжалось и послѣ примиренія графа тулузскаго съ церковью. Мѣсто воиновъ, убивавшихъ мечомъ, заняла

Инквизиція.

инквизиція. Этому ужасному учрежденію Иннокентій III на четвертомъ латеранскомъ соборѣ поручилъ искорененіе тайныхъ остатковъ катарской ереси, разысканіе и истребленіе всѣхъ людей не вполнѣ согласныхъ съ ученіемъ римской церкви и всѣхъ покровителей ихъ. Въ областяхъ, гдѣ находилось много еретиковъ, были учреждены особые церковные суды подъ завѣдываніемъ мѣстныхъ епископовъ. Тулузскій соборъ 1229 года постановилъ инструкцію для этихъ трибуналовъ въ южной Франціи; она говорила: Каждый князь, землевладѣлецъ, епископъ или судья, оказывающій пощаду еретику, лишается своего владѣнія и своего сана; каждый домъ, въ которомъ найденъ будетъ еретикъ, разрушается; къ еретикамъ и подозрѣваемымъ въ ереси не допускаются даже и въ случаяхъ смертельной болѣзни ни врачи, ни соучастники преступленія; еретикъ, искренно раскаявшійся, изгоняется изъ родины, если она заражена ересью; а во всякомъ случаѣ онъ обязывается носить особенную одежду и лишается всѣхъ гражданскихъ правъ; возвратить ему ихъ можетъ только папа; еретикъ, выражающій раскаяніе не по истинному убѣжденію, а только по страху, остается заключеннымъ въ темницѣ. Но епископы, люди, соединенные гражданскими отношеніями съ населеніемъ своихъ епархій, часто поддавались чувству состраданія, потому Григорій IX передалъ инквизицію монахамъ чуждымъ народу мѣстности,
1232. власть надъ которой поручалась имъ. Кромѣ того, что этимъ обезпечивалась строгость инквизиціоннаго суда, распоряженіе Григорія уменьшало власть мѣстныхъ епископовъ и увеличивало прямую зависимость областныхъ церквей отъ папы. Черезъ нѣсколько времени инквизиція была передана въ исключительное завѣдываніе ордену доминикацевъ, основанному тѣмъ Домиником Гусманомъ, который дѣйствовалъ въ южной Франціи передъ началомъ альбигойской войны. Инквизиторы производили слѣдствіе и постановляли приговоръ, а исполненіе его передавали свѣтскому начальству, чтобы не нарушать каноническаго закона, запрещающаго лицамъ духовнаго сословія проливать кровь. Людовикъ IX по благочестію и Ремонъ VII по опасенію быть вновь отлученнымъ издали законы, повелѣвавшіе свѣтскимъ правителямъ исполнять приговоры инквизиторовъ. Императоръ Фридрихъ II, смѣявшійся надъ христіанской религіей, издалъ такія же повелѣнія въ Италіи и въ Германіи, думая этой угодливостью примирить съ собой папу. Бывали короли, сожигавшіе еретиковъ по фанатизму, другіе жгли ихъ по желанію уклониться отъ ссоры съ папой или скрыть собственное невѣріе. Трибуналы инквизиціи были подчинены только папѣ и его легатамъ. Они дѣйствовали съ такимъ пренебреженіемъ къ формамъ правильнаго судопроизводства и съ такою свирѣпостью, что имя инквизиціи стало ужасомъ народовъ. Хитро устроенная система шпіонства служила для инквизиторовъ средствомъ вывѣдывать тайныя мысли людей. По самому легкому подозрѣнію

инквизиторъ могъ запереть человѣка въ темницу; инквизиція пыткой заставляла подсудимыхъ сознаваться во всемъ, въ чемъ угодно было ей; она допускала преступниковъ, людей, лишенныхъ чести по гражданскому суду, и предполагаемыхъ соучастниковъ преступленія давать показанія противъ подсудимыхъ, не открывала подсудимымъ имена ихъ обвинителей, давала доносчикамъ часть конфискованнаго имущества осужденныхъ. Она постоянно расширяла понятіе о ереси. Она требовала исповѣди отъ обвиняемаго, называла преступленіемъ противъ религіи недостатокъ почтительности къ лицамъ духовнаго званія, давала подслушаннымъ доносчиками разговорамъ произвольное истолкованіе, чтобы найдти въ нихъ ересь. Наказаніями были: конфискація имущества, лишеніе гражданскихъ правъ, заточеніе въ темницу на всю жизнь и сожженіе. Каждому вѣрующему было поставлено въ обязанность шпіонить для открытія еретиковъ и доносить о нихъ. Если король или областной владѣтель чувствовалъ за собою какое-нибудь дурное дѣло, онъ очищалъ себя отъ грѣха и пріобрѣталъ душевное спасеніе, сожигая еретиковъ и конфискуя ихъ имущество. Человѣкъ, отрекшійся отъ ереси, исполнившій всѣ наложенныя на него инквизиціей церковныя наказанія, не былъ нисколько огражденъ этимъ отъ новыхъ преслѣдованій инквизиціи. Когда инквизиція была передана въ завѣдываніе доминиканцамъ, они своей свирѣпостью довели жителей южной Франціи до такого отчаянія, что черезъ нѣсколько лѣтъ повсюду начались мятежи противъ нихъ; граждане Тулузы, Каркассоны, Альби, Нарбонны прогнали доминиканцевъ. Мятежники были усмирены, и озлобленные инквизиторы стали мстить имъ; костры пылали до половины XIII вѣка, а въ темницахъ не доставало мѣста для арестуемыхъ. Въ 1244 году былъ послѣ упорной обороны взятъ войсками короля и графа Ремона замокъ Монсегюръ, послѣднее убѣжище катаровъ въ Лангедокѣ, и 14 марта 200 катарскихъ наставниковъ были сожжены безъ суда. Съ того времени секта альбигойцевъ стала быстро исчезать. Оставленные своими государями безъ защиты, разыскиваемые шпіонами духовенства, еретики уменьшались въ числѣ, и черезъ нѣсколько времени остатки ихъ уцѣлѣли только въ недоступныхъ ущельяхъ; они жили тамъ, не замѣчаемые никѣмъ, и лишь благодаря тому, что были забыты, не были истреблены. Въ 1249 году Ремонъ VII не задолго передъ смертью сжегъ восемьдесятъ катаровъ, желая доказать свое усердіе къ церкви.—Итакъ, римская церковь вполнѣ восторжествовала надъ еретиками. Они были многочисленны, но раздроблены на разныя секты, не умѣли соединиться на оборону себѣ общими силами, потому и погибли.

Результаты альбигойскихъ войнъ.

Но при всей свирѣпости, съ какой истребляли еретиковъ, римская іерархія не вполнѣ достигла своей цѣли. Духъ оппозиціи католическому ученію и духовенству остался въ населеніи Прованса и Лангедока. Оно было принуждено скрывать свои убѣжденія, но дорожило ими. Въ «Исторіи катаровъ» Шмидъ говоритъ: Свирѣпостъ войны, погибель

благосостоянія, уничтоженіе національной и религіозной свободы, подавленіе веселья поэтической жизни юга—все это произвело глубокое ожесточеніе противъ католичества; оно придавало ереси новую силу. И вельможи и горожане считали истинной причиной своихъ бѣдствій не жестокость и алчность сѣверныхъ французовъ, а коварство и фанатизмъ католическаго духовенства. Веселые придворные суды любви смѣнились трибуналами инквизиціи; поэзія трубадуровъ, называвшаяся «веселой наукой», замѣнилась богословскими диспутами, главнымъ аргументомъ въ которыхъ была угроза костромъ. Вмѣсто поэтовъ и разсказчиковъ стали ходить по Провансу и Лангедоку суровые монахи; замолкли пѣсни о славныхъ подвигахъ предковъ, раздавались только проповѣди религіознаго гоненія. Во многихъ замкахъ жили теперь иноземцы завоеватели, а прежніе владѣльцы ихъ, отлученные отъ церкви, скитались въ чужихъ земляхъ или скрывались въ густыхъ лѣсахъ родины. Само собой понятно, какъ дѣйствовала эта перемѣна на живую фантазію южныхъ французовъ: они не примирились съ католической церковью, а прониклись непримиримой ненавистью къ ней; это чувство высказывается въ пѣсняхъ послѣднихъ провансальскихъ поэтовъ, съ горькой печалью разсказывающихъ о погибели счастья своей родины. Они уже не воспѣваютъ любовь и рыцарскую доблесть; они только скорбятъ о бѣдствіяхъ своей страны, винятъ въ ея страданіяхъ сѣверныхъ французовъ, духовенство и особенно папу. Народъ съ любовью слушалъ и повторялъ эти пѣсни печали и мщенія; онѣ поддерживали въ немъ негодованіе, съ какимъ болѣе столѣтія южные французы смотрѣли на сѣверныхъ, въ комъ видѣли своихъ поработителей; поддерживалась этими пѣснями и вражда къ церкви, свирѣпыми средствами налагавшей на южную Францію свою вѣру, и народъ сохранялъ расположеніе къ ученію катаровъ.

e) Стединги. Конрадъ Марбургскій.

Фризы.

По берегу Нѣмецкаго моря отъ устья Везера до Шлезвига жило энергическое племя фризовъ. Оно охраняло Германію отъ норманновъ и датчанъ; занятое войною съ ними, оно рѣдко принимало участіе въ другихъ военныхъ дѣлахъ Германіи. Власть королевскихъ графовъ не получила развитія въ землѣ фризовъ, и у нихъ выработалось демократическое устройство, сохранилась старая нѣмецкая свобода, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ погибшая въ областяхъ другихъ нѣмецкихъ племенъ. Сосѣдніе графы, епископы, рыцари часто пытались подчинить себѣ фризовъ, дѣлали на плоской низменности приморья искусственные холмы, строили на нихъ замки, ходили изъ этихъ укрѣпленій подчинять себѣ окрестныя мѣстности. Но всѣ такія попытки кончались неудачей. Свободные поселяне, фризы, упорно оборонялись; нѣсколько голландскихъ и фландрскихъ графовъ погибли въ сраженіяхъ съ воинственными сильными землепашцами, отвага которыхъ укрѣплялась упорной и успѣшной борьбой (VI, стр. 225).

Федерація фризійскихъ общинъ.

Въ XI вѣкѣ всѣ фризійскія племена вступили между собой въ союзъ для общей обороны. Семь земель, на которыя дѣлились они, выбирали депутатовъ, каждый годъ сходившихся у Аурика подъ высокимъ дубомъ, который назывался у нихъ сборнымъ деревомъ, Upstalsboom. Этотъ сеймъ установлялъ законы, рѣшалъ запутанные процессы, примирялъ ссоры, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ. Законы, установляемые союзнымъ собраніемъ, назывались „изволеніями“, Willküre. Каждая община у фризовъ имѣла

свое особое управленіе, жила по своимъ обычаямъ.—Союзъ, заключенный въ XI вѣкѣ, ослабѣлъ въ послѣдствіи времени; фризійскія племена стали дѣйствовать заодно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и часто ссорились между собой. Племена чистой фризійской крови дѣлились на восточныхъ фризовъ, западныхъ фризовъ и рюстринговъ. Бутъягинги, стединги, гаделы, дитмарши были племена смѣшанной крови; предки ихъ были отчасти фризы, отчасти, поселившіеся между фризами, другіе нѣмцы.

Обвиненіе стединговъ въ ереси.

Раздробленность фризійскаго племени вновь пробудила въ сосѣднихъ духовныхъ и свѣтскихъ князьяхъ надежду покорить ихъ. Но прежнія неудачи научили князей дѣйствовать осторожно. Они искали благовиднаго предлога для войны и нашли его. Были еретики и на сѣверной окраинѣ Германіи въ низовьяхъ Рейна и Везера, какъ въ другихъ мѣстностяхъ. Стединги, жившіе по рѣкѣ Гунтѣ и въ низовьѣ Везера, не допускали духовныхъ и свѣтскихъ князей захватывать власть надъ ними, нарушать ихъ демократическое устройство. Графъ ольденбургскій построилъ въ ихъ землѣ замки; они разрушили эти укрѣпленія. Архіепископъ бременскій требовалъ отъ нихъ десятинной подати; они не давали ея; онъ отлучилъ ихъ отъ церкви; они остались упорны. Онъ и его союзникъ, графъ липпскій, повели на нихъ своихъ рыцарей; они разбили это войско. Тогда архіепископъ и другіе сосѣдніе князья обвинили ихъ въ ереси; по донесеніямъ архіепископа Григорій IX отлучилъ ихъ отъ церкви, наложилъ на ихъ область интердиктъ и поручилъ епископамъ любекскому, минденскому и рацебургскому проповѣдовать крестовый походъ на этихъ еретиковъ.

По донесеніямъ архіепископа бременскаго, стединги поклонялись чорту, который являлся имъ въ видѣ жабы или чернаго кота. Не въ поклоненіи чорту были они виноваты, а въ томъ, что побѣдили князей и рыцарей. Непосредственнымъ поводомъ къ провозглашенію крестоваго похода было, говорятъ, то, что одинъ изъ священниковъ бременской епархіи, которому поселянка дала слишкомъ малую плату за исповѣдь, разсердился и, когда она причащалась, сунулъ ей въ ротъ вмѣсто гостіи мелкую монету; мужъ поселянки убилъ его за это.

Погибель стединговъ.

Инквизиторъ Конрадъ Марбургскій и другіе фанатики усердно проповѣдывали крестовый походъ противъ стединговъ. Многіе брабантскіе, голландскіе, нижне-рейнскіе и другіе сосѣдніе владѣтели пришли съ своими вассалами къ графу ольденбургскому, назначенному вождемъ похода; у него собралось въ Бременѣ 40,000 воиновъ. Какъ на югѣ помогалъ Симону Монфору король французскій, такъ на сѣверѣ много содѣйствовалъ успѣху крестоваго похода императоръ Фридрихъ II. Онъ не вмѣшивался въ это дѣло прямымъ образомъ, но своими суровыми законами противъ еретиковъ ободрилъ фанатиковъ. Стединги, проникнутые любовью къ свободѣ, геройски оборонялись. Болотистая мѣстность затрудняла движенія рыцарей. Всѣ поселяне, способные носить оружіе, собрались на защиту своей независимости; ихъ было

11,000 человѣкъ; вождями ихъ были простые поселяне: Больке изъ Барденфлета, Таммо изъ Гунторпе, Детмаръ изъ Дамме; они пошли
Май 1234. на встрѣчу рыцарямъ и вступили съ ними въ бой при Альтенешѣ. Графъ ольденбургскій, графъ Вильгельмъ эгмартскій и четыре тысячи конныхъ латниковъ были убиты; но мѣстность сраженія была сухая, открытая, удобная для тяжелой конницы. Стединги не имѣли конныхъ латниковъ, враги были гораздо многочисленнѣе ихъ и одолѣли, стѣснили ихъ, «кололи копьями и мечами, топтали лошадьми во славу Божію», по выраженію лѣтописца; загнали въ Везеръ; почти все войско стединговъ погибло. Рыцари прорѣзывали плотины, затопляли селенія стединговъ и овладѣли всей ихъ землей; опустошили ее, рѣзали женщинъ, дѣтей, стариковъ, угнали стада. Успѣвавшіе бѣжать уходили къ рюстрингамъ и не хотѣли потомъ вернуться въ свою порабощенную землю; въ ней осталось очень мало людей. Архіепископъ бременскій присоединилъ пустыню къ своимъ владѣніямъ, построилъ въ ней замки и населилъ ее колонистами изъ другихъ нѣмецкихъ областей.

Инквизиція въ Германіи. Конрадъ Марбургскій.

Папа и нѣкоторые нѣмецкіе епископы рѣшили ввести и въ Германіи тѣ новые трибуналы, которые оказывали такія важныя услуги римской церкви въ южной Франціи. Епископъ страсбургскій призвалъ доминиканцевъ въ свою епархію. Они скоро нашли и сожгли 80 вальдійцевъ. Явились инквизиторы и въ Баварію, стали жечь еретиковъ. Нѣмецкій монахъ, Конрадъ Марбургскій, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ страсбургскаго инквизиціоннаго трибунала, послалъ папѣ донесеніе о томъ, что на Рейнѣ и на Везерѣ очень много еретиковъ. Его доносы на стединговъ сильно содѣйствовали тому, что папа обнародовалъ буллу о крестовомъ походѣ на нихъ; Конрадъ былъ усерднѣйшимъ проповѣдникомъ этого похода, и папа назначилъ его главнымъ инквизиторомъ въ Германіи. Онъ съ толпою шпіоновъ сталъ разъѣзжать по Гессену, по Саксоніи, Тюрингіи и дѣйствовалъ съ безпощадной свирѣпостью, возбуждавшей всеобщее негодованіе; онъ сжегъ много простолюдиновъ и простолюдинокъ, но погибъ отважившись подвергнуть своему суду графиню лоцскую, графовъ арнсбергскаго и зайнскаго. Нѣмецкіе князья и вельможи не допустили его оскорблять людей знатныхъ. Когда онъ явился въ Майнцъ, рейнскіе архіепископы велѣли ему держать себя смирнѣе. Папскія инструкціи, данныя ему, ничего не значили для нѣмецкихъ архіепископовъ. Когда Конрадъ поѣхалъ
1233. изъ Майнца, раздраженный народъ убилъ его. Въ слѣдующемъ (1234) году были убиты два главные его помощника. «Такимъ образомъ, при Божіей помощи, Германія освободилась отъ этого гнуснаго и неслыханнаго суда», говоритъ Вормсская лѣтопись. Ропотъ, возбужденный попыткой ввести инквизицію въ Германію, былъ такъ силенъ, что король Генрихъ и нѣмецкіе князья на франкфуртскомъ сеймѣ издали особое постановленіе, имѣвшее цѣлью успокоить страну. Конрадъ Марбург-

скій былъ духовникомъ Елисаветы, ландграфини тюрингской, причисленной римской церковью къ лику святыхъ; она своей покорностью наглымъ притязаніямъ Конрада пріучила его къ той дерзости, которая довела его до погибели. 11 февраля 1334.

Елисавета, ландграфиня тюрингская, дочь короля венгерскаго Андрея II и его супруги Гертруды, дочери Бертольда III, герцога меранскаго, графа андекскаго, родилась въ 1207 году въ Пресбургѣ. На четвертомъ году она была помолвлена за Людвига, сына ландграфа тюрингскаго, Германа I, привезена въ резиденцію ландграфа, замокъ Вартбургъ, и воспитана при тюрингскомъ дворѣ. Въ 1221 она была повѣнчана съ женихомъ. Германъ умеръ раньше того, и Людвигъ былъ тогда уже ландграфомъ. Въ 1227 году онъ умеръ отъ заразы въ Италіи. Ландграфомъ сталъ четырехлѣтній сынъ его и Елисаветы, Германъ. Опекуномъ и регентомъ сталъ братъ Людвига Генрихъ Распе; онъ прогналъ Елисавету изъ Вартбурга, и нѣсколько времени она жила въ нищетѣ, потомъ ей отдана была такъ называемая вдовья часть. Она поселилась въ Марбургѣ и умерла тамъ 19 ноября 1231, на 25 году жизни. Съ дѣтства она была очень набожна, чуждалась всякихъ развлеченій. Людвигъ тоже былъ человѣкъ набожный. Около 1226 года пріѣхалъ въ Вартбургъ Конрадъ Марбургскій и сталъ духовникомъ ландграфини по рекомендаціи папы Григорія IX, поручившаго ему заботу о спасеніи души ея. Конрадъ былъ челвѣкъ ученый, краснорѣчивый, безкорыстный, но властолюбивый и безжалостный фанатикъ. Елисавета совершенно подчинилась ему, исполняла унизительные обряды покаянія, какимъ онъ подвергалъ ее, дошла въ своемъ увлеченіи аскетизмомъ до того, что отреклась отъ любви къ дѣтямъ, удалила ихъ отъ себя и говорила, что они для нея „не болѣе милы, чѣмъ другіе люди“. Она еще при жизни считалась святой и въ 1235 году была причислена папой къ лику святыхъ. Слава ея разнеслась по всему западу, и возникло множество сказаній о чудесахъ, совершонныхъ ею и ея мощами. Изъ этихъ разсказовъ особенно знаменитъ тотъ, что куски хлѣба, которые тайно несла она бѣднымъ, превратились въ розы. Святая Елизавета Тюрингская.

---

3. Нищенствующіе ордена.

Вальдійцы и другіе еретики противопоставляли апостольскую нищету богатству и блеску римской церкви. Ихъ проповѣдь евангельской бѣдности производила глубокое впечатлѣніе на всѣхъ религіозныхъ людей. Иннокентій III нашелъ надобнымъ обратить этотъ принципъ на пользу римской церкви и оказалъ тѣмъ очень важную услугу ей. Возникшіе при немъ нищенствующіе ордена сдѣлались могущественнѣйшими опорами папской власти. Обѣтъ нищеты.

Въ 1182 году у богатаго купца въ умбрійскомъ городѣ Ассизи родился сынъ, получившій имя Франческо. Мальчикъ рано сталъ выказывать сильную склонность къ страннымъ поступкамъ. На 25 году Францискъ Ассизскій 1182—1226.

жизни онъ былъ охваченъ религіознымъ энтузіазмомъ. Непосредственнымъ поводомъ къ этому было впечатлѣніе, произведенное на
1208. него при богослуженіи въ церкви Богоматери чтеніемъ того мѣста евангелія отъ Матѳея, въ которомъ передаются слова, сказанныя Спасителемъ въ напутствіе апостоламъ, посылаемымъ на проповѣдь вѣры: «Не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха» (Матѳ. X, 9, 10). До того дня Франческо любилъ веселиться; теперь онъ бросилъ щегольство, надѣлъ нищенскую одежду, сталъ спать на голой землѣ съ камнемъ подъ головой вмѣсто подушки, сталъ жить милостыней. Всѣ въ Ассизи смѣялись надъ нимъ, многіе считали его сумасшедшимъ, отецъ проклялъ его; но онъ продолжалъ слѣдовать влеченію своей души. Краснорѣчивыя проповѣди его склонили нѣсколькихъ другихъ энтузіастовъ подражать ему. Они также отреклись отъ всякаго имущества, рѣшили странствовать вмѣстѣ съ нимъ, проповѣдуя покаяніе, возвращая заблудшихъ на путь истины. Онъ составилъ для своей нищенствующей общины уставъ и пошелъ въ Римъ просить у папы утвержденія новому монашескому ордену. Онъ имѣлъ сильныхъ покровителей, рекомендовавшихъ его вниманію Иннокентія. Папа разрѣшилъ Франческо основать орденъ, уставъ котораго возлагалъ на новую общину обыкновенные монашескіе обѣты, но придавалъ небывалое развитіе обѣту нищеты. Орденской одеждой была темносѣрая мантія, опоясанная веревкой, какъ подпоясывались
Францискан- бѣдняки. Скоро эту одежду стали носить тысячи людей. Оффиціаль-
скій орденъ. нымъ названіемъ монаховъ новаго ордена было миноритъ («меньшіе», то есть ставящіе себя ниже другихъ); но обыкновенно ихъ называли францисканцами по имени основателя ордена. Гонорій III далъ имъ право проповѣдовать во всѣхъ церквахъ, исповѣдовать всѣхъ желающихъ (раньше того право быть духовникомъ принадлежало исключительно приходскому священнику и мѣстному епископу). Та церковь Богоматери, въ которой Францискъ почувствовалъ влеченіе къ нищенствующей жизни, была отдана ему и получила названіе малаго дара (Portiuncula). Францискъ установилъ, чтобы при этой церкви ежегодно происходило общее орденское собраніе. Въ 1219 году францисканскій орденъ имѣлъ уже 5000 монаховъ. Когда онъ распространился по всей западной Европѣ, онъ имѣлъ такую организацію: начальникомъ монастыря былъ «наблюдатель» (гвардіанъ); западная Европа была раздѣлена на орденскія области (провинціи); монастыри каждой области находились подъ завѣдываніемъ провинціала (областного начальника). Глава всего ордена, называвшійся генераломъ, то есть общимъ правителемъ, жилъ въ Римѣ. Общее управленіе орденомъ находилось въ монастырѣ, стоявшемъ на Капитолійскомъ холмѣ. Это былъ старый монастырь, отданный папой ордену. Онъ назывался Арацельскимъ (Арачельскимъ, Aracoeli). Тамъ жилъ францисканскій

генералъ, разсылавшій свои приказанія по провинціямъ ордена, распространившагося до сѣвера Шотландіи и до городовъ, остававшихся у христіанъ въ Палестинѣ. Францискъ былъ человѣкъ добраго сердца; его энтузіазмъ производилъ сильное впечатлѣніе. Небольшого роста, темноволосый, съ жидкой бородой, съ нѣжными чертами лица, онъ былъ одаренъ звучнымъ голосомъ, говорилъ восторженнымъ тономъ, и аскетизмъ его внушалъ къ нему такое уваженіе, что еще при жизни считали его святымъ. О немъ составилось множество легендъ, въ которыхъ очевидно стремленіе выставить его подобнымъ Христу. Одной изъ восторженныхъ почитательницъ Франциска была дочь знатнаго ассизскаго рыцаря Клара Шиффи. Къ огорченію своего семейства, она въ 1212 году отреклась отъ міра и основала женскій нищенствующій орденъ, получившій впослѣдствіи ея имя. Кларисянки жили милостыней. Францискъ составилъ въ 1224 году уставъ для ихъ ордена. Число ихъ быстро увеличилось, въ ихъ монастыри поступали даже королевскія дочери. Клара ходила босая, спала на хворостѣ. Очень многіе желали присоединиться къ францисканскому ордену, но по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ не могли отказаться отъ жизни въ мірскомъ обществѣ. Францискъ нашелъ способъ сдѣлать и этихъ людей участниками въ благодати, даваемой отъ Бога его послѣдователямъ. Онъ основалъ третій отдѣлъ францисканскаго ордена. (Первый отдѣлъ составляли монахи, второй отдѣлъ кларисянки). Члены этого третьяго отдѣла, терціары, оставались жить въ своихъ семействахъ, занимались домашними дѣлами. Они были очень многочисленны. Въ отдѣлъ терціаровъ и терціарокъ поступали нѣкоторые короли и королевы и подъ царственнымъ облаченіемъ носили грубую одежду съ веревочнымъ поясомъ. Много было терціаровъ и между бѣдняками, для которыхъ и безъ францисканскаго обѣта нищеты жизнь была нищетой. Но большинство францисканскихъ монаховъ, монахинь и терціаровъ принадлежало къ среднему сословію. Францискъ подалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ исполненія миссіонерской обязанности не только между христіанами, но и между невѣрными. Въ 1219 году онъ отправился къ войску крестоносцевъ въ Даміэтту. Онъ хотѣлъ обратить египетскаго султана въ христіанскую вѣру. Это не удалось ему; онъ желалъ пріобрѣсти вѣнецъ мученическій, не удалось и это: мусульмане не убили его. Онъ основалъ монастырь своего ордена въ Іерусалимѣ; тамъ францисканскимъ монахамъ было ввѣрено охраненіе святого гроба. Говорить спокойно, логично, Францискъ не умѣлъ, но въ его проповѣдяхъ былъ энтузіазмъ, дѣйствовавшій на впечатлительныхъ людей. Онъ говорилъ проповѣди деревьямъ и холмамъ и проливалъ такъ много слезъ о грѣхахъ, что ослѣпъ. Изнуренный аскетизмомъ, онъ умеръ въ Порціункулѣ 4 октября 1226 года. Мы уже говорили, что ему приписывалось совершеніе множества чудесъ. Легенда утверждаетъ,

Орденъ святой Клары.

Терціары.

Легенды о Франциске Ассизскомъ.

что благодать Божія возложила на его тѣло символы святости: на рукахъ и ногахъ его были язвы, соотвѣтствовавшія язвамъ распятаго Спасителя; это одинъ изъ примѣровъ тѣхъ выдумокъ, которыми выразилось стремленіе францисканцевъ выставить основателя своего ордена подобнымъ Христу. Черезъ два года по кончинѣ Францискъ былъ причисленъ римской церковью къ лику святыхъ.

Раздоры между францискан-цами.

Еще при жизни Франциска проявилась между его послѣдователями разница мнѣній по вопросу о нищетѣ. Илія Кортонскій говорилъ, что только отдѣльные монахи не должны имѣть личной собственности, а монастыри францисканскаго ордена могутъ имѣть не только движимую, но и недвижимую собственность. Францискъ думалъ иначе; онъ хотѣлъ, чтобъ и монастыри оставались бѣдны. Его мнѣніе раздѣлялъ Антоній Падуанскій, славившійся своими проповѣдями, потрясавшими сердца слушателей; легенда говоритъ, впрочемъ, что иногда люди не хотѣли слушать его, но тогда рыбы приплывали къ берегу его слушать. Онъ построилъ себѣ шалашъ на большомъ орѣховомъ деревѣ и жилъ тамъ, какъ птица въ гнѣздѣ. По смерти Франциска споръ усилился, и орденъ распался на двѣ конгрегаціи. Спиритуалы, остававшіеся вѣрными экзальтированнымъ понятіямъ Франциска и утверждавшіе, что монастыри не должны имѣть ни поземельной собственности, ни запаса денегъ, ни дорогихъ вещей, отдѣлились отъ большинства францисканскихъ монаховъ, получившихъ названіе конвентуаловъ, которые говорили, что монастыри могутъ пріобрѣтать богатство, должны вести бѣдную жизнь только сами монахи. Папы хотѣли успокоить спиритуаловъ тѣмъ, чтобы собственникомъ имуществъ францисканскихъ монастырей считался римскій первосвященникъ, а монастыри считались только имѣющими эту папскую собственность въ своемъ пользованіи; но спиритуалы не захотѣли признать за своими монастырями даже и право пользованія. Папы находили спиритуаловъ людьми опасными по ихъ чрезмѣрному фанатизму и покровительствовали конвентуаламъ, которые, благодаря этому, довольно долго удерживали за собою преобладаніе въ орденѣ. Но въ XIV вѣкѣ францисканцы экзальтированнаго направленія стали пріобрѣтать сильное вліяніе; оно увеличивалось въ XV вѣкѣ, и наконецъ они были освобождены папой отъ подвластности конвентуаламъ, составили особую конгрегацію обсервантовъ. Орденъ кларисянокъ былъ также преобразованъ Колетою въ духѣ обсервантовъ. Въ XVI вѣкѣ образовалась новая францисканская конгрегація, получившая имя капуцинской и также доводившая до крайности понятіе о томъ, что францисканцы должны жить въ нищетѣ.

Доминиканскій орденъ.

Одновременно съ францисканскимъ возникъ доминиканскій орденъ тоже нищенствующій, но имѣвшій различное отъ францисканскаго направленіе дѣятельности. Оффиціальное названіе монаховъ этого ордена было «проповѣдники» (praedicatores); доминиканцами они назывались по имени своего основателя, о которомъ мы уже говорили. Испанецъ Доминго (Доминикъ), человѣкъ ученый, получилъ санъ архидіакона въ капитулѣ каѳедральнаго города Осмы (въ Кастиліи). Онъ негодовалъ на то, что въ южной Франціи увеличивается число еретиковъ, отправился туда возвращать катаровъ на путь истины и сталъ совѣтникомъ дѣятелей свирѣпаго крестоваго похода на альбигойцевъ. Ему

Доминикъ. 1170—1221.

казались хороши всѣ средства для истребленія враговъ церкви. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ и ни мало не походилъ на фантазера Франциска Ассизскаго, бесѣдовавшаго съ деревьями. Апостольская бѣдность катаровъ и вальдійцевъ внушала народу уваженіе къ нимъ; Доминикъ нашелъ надобнымъ учредить монашескій орденъ, который имѣлъ бы такое же достоинство, и поставилъ нищету обязанностью монашенскаго общества, которое сталъ формировать около себя. Назначеніемъ новаго ордена было проповѣдовать ученіе римской церкви. Доминикъ явился на четвертый латеранскій соборъ съ просьбой, чтобы папа далъ утвержденіе уставу ордена, который основываетъ онъ. Иннокентій III одобрилъ намѣренія Доминика, но не хотѣлъ нарушить церковнаго постановленія, воспрещавшаго основаніе новыхъ орденовъ, и рѣшилъ, что конгрегація, учредить которую желаетъ Доминикъ, должна принять уставъ августинскаго ордена. Вскорѣ послѣ того Иннокентій умеръ. Новый папа Гонорій III безъ затрудненій согласился утвердить уставъ ордена проповѣдниковъ, далъ имъ право говорить проповѣди во всѣхъ церквахъ и повсюду исповѣдовать всѣхъ желающихъ. Вскорѣ образовался и при доминиканскомъ орденѣ, какъ при францисканскомъ, женскій отдѣлъ, а черезъ нѣсколько времени и отдѣлъ терціаровъ. Первыми доминиканскими монахинями стали женщины, обратившіяся изъ альбигойской ереси въ католичество. Предназначеніемъ доминиканскаго ордена была самоотверженная дѣятельность на пользу католической церкви. Подобно францисканцамъ, доминиканцы имѣли своимъ правителемъ орденскаго генерала, живущаго въ Римѣ. Монастыри ихъ были такъ же раздѣлены на провинціи, начальники монастырей назывались пріорами. При генералѣ ордена находился орденскій капитулъ, установлявшій законы и наблюдавшій за ихъ исполненіемъ. Особенные орденскіе сановники, называвшіеся дефиниторами, ревизировали монастыри. Мы уже говорили, съ какою свирѣпостью дѣйствовали доминиканцы, получивъ въ свое завѣдываніе инквизицію: они сами любили повторять о себѣ латинскій каламбуръ, называвшій ихъ «собаки Господни» (Domini canes). На собраніи представителей ордена въ Болоньѣ Доминикъ провозгласилъ совершенную нищету первымъ закономъ ордена и проклялъ всякаго, кто захочетъ ввести въ орденъ владѣніе движимымъ богатствомъ или недвижимымъ имуществомъ. Въ это время доминиканцы имѣли уже восемьдесятъ монастырей. Доминикъ умеръ въ Болоньѣ 6 августа 1221 и былъ похороненъ въ этомъ городѣ. Черезъ 12 лѣтъ другъ его Уголинo, бывшій тогда папой и называвшійся Григоріемъ IX, причислилъ его къ лику святыхъ.

Историческое значеніе нищенствующихъ орденовъ.

Въ половинѣ XIII вѣка приняли обѣтъ совершенной нищеты еще два ордена: кармелитскій, распространившійся по западной Европѣ изъ Палестины (VI, 560) и конгрегація августинскихъ пустынниковъ, монастыри которыхъ не имѣли до той поры общаго управленія. Новые

нищенствующіе ордена получили тѣ же привилегіи, какъ и два первые, которые остались однако же могущественнѣе ихъ. Нищенствующіе монахи были самыми усердными слугами папской власти, черезъ нихъ народы пріучались признавать папу безусловнымъ повелителемъ церкви. За это римскіе первосвященники награждали ихъ большими привилегіями, освободили отъ подвластности епископамъ, такъ что они были подчинены только непосредственно папѣ. Тѣ монахи прежняго времени, которые хотѣли соблюдать апостольскую нищету, жили пустынниками въ лѣсахъ, горахъ или среди песчаныхъ степей. Нищенствующіе монахи орденовъ, основанныхъ Франциском и Домиником, принимали самое дѣятельное участіе въ общественной жизни; они ходили по городамъ и селеніямъ, усердно исполняя всяческія порученія папы. Они были миссіонеры, проповѣдники крестовыхъ походовъ; они сообщали народу тѣ буллы объ отлученіи отъ церкви, которыхъ не хотѣли обнародовать мѣстные епископы; они продавали индульгенціи, собирая деньги для папской казны; они были сборщики денарія Петра и другихъ налоговъ, шедшихъ въ папскую казну; выпрашивали пожертвованія въ пользу папы, были его шпіонами и тайными послами. Въ частности доминиканцы были инквизиторами, францисканцы вращались среди простого народа и дѣйствовали главнымъ образомъ какъ духовники. Грѣшники и грѣшницы раскрывали свою душу чужому монаху легче, нежели приходскому священнику, потому что чужой монахъ скоро уйдетъ, а свой священникъ будетъ встрѣчаться съ ними постоянно. Нищенствующіе монахи вмѣшивались въ семейныя дѣла; францисканцы были посредниками по всякимъ дѣламъ для простолюдиновъ, съ которыми масса ихъ была близка по невысокому уровню образованія и по грубости нравовъ. Доминиканцы держали себя болѣе гордо, хвалились своей ученостью, овладѣвали профессорскими каѳедрами въ университетахъ; знаменитые богословы среднихъ вѣковъ, Альбертъ Великій и Ѳома Аквинатъ (Аквинскій), были доминиканцы; но и францисканцы имѣли великихъ богослововъ. Безусловные защитники всѣхъ злоупотребленій папской власти, преслѣдователи всякихъ мыслей, несогласныхъ съ римской догматикой или съ притязаніями папъ на безграничную власть надъ церковью, враги всякой умственной независимости, францисканцы и въ особенности доминиканцы навлекли на себя ненависть людей, тяготившихся деспотизмомъ римской іерархіи. Съ возникновеніемъ нищенствующихъ орденовъ значительно измѣнилось отношеніе католической церкви къ народу: своей бѣдностью они дали ей популярность, выставили ее соотвѣтствующей идеалу набожныхъ людей. Между своими сочленами они не дѣлали разницы между людьми знатными и незнатными, давали талантливымъ простолюдинамъ путь къ достиженію высшихъ степеней іерархіи.

Мы уже говорили объ аббатѣ Іоакимѣ Флорисѣ (Дель Фіоре), который считался пророкомъ (VI, 740). Онъ родился около 1130 года, умеръ въ 1201 году. Жизнь его скоро сдѣлалась предметомъ легендъ, разукрасившихъ ее множествомъ чудесныхъ разсказовъ. Францисканцы стали ссылаться на его пророчества и передѣлывали текстъ ихъ. По этому сильно передѣланному тексту Іоакимъ предсказываетъ погибель испортившейся церкви и возникновеніе новой чистой церкви, основателями которой будутъ люди, отрекшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ. Возникновеніемъ новой церкви начнется третья эпоха религіи. Пророчества написаны картинными выраженіями, составленными по образцу Апокалипсиса. Та часть францисканцевъ, которая держалась безусловнаго отреченія отъ всякой собственности, примѣняла предсказанія Іоакима Дель Фіоре къ себѣ. Эти францисканцы говорили, что Францискъ и вѣрные послѣдователи его тѣ люди, появленіе которыхъ предсказано „вѣчнымъ евангеліемъ“ (пророчества Іоакима Дель-Фіоре назывались этимъ именемъ, заимствованнымъ изъ Апокалипсиса: „И увидѣлъ я ангела, который имѣлъ вѣчное евангеліе“ Апок. XIV 6). Прежняя церковь была только подготовкою къ возникновенію новой, которую теперь основываютъ они, францисканцы. Нищенствующіе ордена оказали очень большія услуги римскому престолу, но впослѣдствіи дѣлали много затрудненій и непріятностей папамъ; въ особенности францисканцы часто держали себя такъ, что папы принуждены были бороться съ ними. Ихъ аскетизмъ, ихъ нищета бывали иногда очень неудобны для роскошной іерархіи; ихъ мистицизмъ переходилъ иногда въ ересь. Францискапцы и доминиканцы завидовали другъ другу, соперничали, ссорились; папамъ приходилось употреблять большія усилія для того, чтобы сдерживать ихъ ссоры.

«Вѣчное евангеліе».

---

4. Церковная наука.

а) Цвѣтущій періодъ схоластики.

Учрежденіемъ нищенствующихъ орденовъ римская церковь отняла у ересей ту привлекательность для народа, какую сообщало имъ ученіе о бѣдности и простотѣ жизни. Подъ вліяніемъ ересей возникали богословскія системы пантеистическаго направленія. Римская церковь увидѣла необходимость предотвратить ихъ развитіе и подчинить себѣ всю ученую дѣятельность.—Амори Бенскій, родившійся ненодалеку отъ Шартра, бывшій профессоромъ парижскаго университета и умершій въ 1209 году, излагалъ мистико-пантеистическое ученіе, составившееся въ его мысляхъ изъ сочетанія идей Эригены (V, 640) съ предсказаніями о возникновеніи новой духовной церкви въ смыслѣ пророчествъ Іоакима Дель Фіоре. Система Амори Бенскаго пріобрѣтала большое сочувствіе; успѣхъ ея показалъ правителямъ римской церкви, что кромѣ крестовыхъ походовъ и инквизиціи необходимо и другое средство для предотвращенія отступничества отъ католической догматики, что необходимо овладѣть ученой дѣятельностью.

Пантеистическое ученіе.

Амори Бенскій.

Ученіе Амори Бенскаго.

Основная мысль Амори Бенскаго та, что духъ и матерія составляютъ нѣчто единое; это единство духа и матеріи онъ называетъ Богомъ. Изъ такого понятія объ отношеніи міра къ Богу онъ выработалъ ученіе, по которому исторію міра истолковывалъ какъ рядъ воплощеній божества: Авраамъ былъ воплощеніемъ Бога-Отца, Христосъ былъ воплощеніемъ Бога-Сына; теперь наступаетъ время воплощенія Духа Святого. Это будетъ новый періодъ религіи; каждый человѣкъ, ощущающій въ себѣ дѣйствіе Духа Святого, будетъ спасенъ безъ всякихъ таинствъ и обрядовъ нынѣшней римской церкви; какъ съ воплощеніемъ Бога Сына во Христѣ пали прежнія формы церковнаго закона, такъ по воплощеніи Духа Святого падутъ формы римской церкви. Ученіе католической церкви о кончинѣ міра и будущей жизни Амори и его послѣдователи понимали въ аллегорическомъ, духовномъ смыслѣ; по ихъ системѣ, воскресеніе мертвыхъ означаетъ нравственное возрожденіе людей; небесное блаженство и адское мученіе—это душевныя состоянія. Съ наступленіемъ церкви Духа Святого, грѣхъ исчезаетъ, потому что человѣкъ, въ которомъ живетъ Духъ Святой слѣдуетъ только божественному влеченію и не можетъ дѣлать ничего дурного, дѣлаетъ только хорошее. У Амори эти понятія еще не получали характера враждебнаго римской церкви; но онъ былъ принужденъ папой къ отреченію отъ нихъ (въ 1209 году) и умеръ отъ печали объ этомъ. У его учениковъ есть уже мысли прямо враждебныя римской церкви. Важнѣйшими его послѣдователями называли Давида Динанскаго и Симона Турнейскаго; но сомнительно, чтобъ эти богословы, обвиняемые въ ереси, были его учениками. Четвертый Латеранскій соборъ осудилъ ученіе Амори и его послѣдователей, и многіе изъ нихъ были сожжены. Но мысль, что только духъ освобождаетъ и даетъ благодать, потому внѣшнія формы богослуженія не нужны, пережила сожженіе этихъ богословъ; изъ нея возникла секта братьевъ и сестеръ свободнаго духа, имѣвшая много послѣдователей на Рейнѣ, въ Нидерландахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Развитіе схоластики.

Средствомъ къ подавленію мыслей подобнаго рода была схоластика, о возникновеніи которой мы уже говорили (VI, 561). Она была сдѣлана служительницей церкви и стремилась подчинить философію римскому догматическому ученію. Трактаты Аристотеля о физикѣ, метафизикѣ и нравственной философіи были первоначально извѣстны въ западной Европѣ только по передѣлкамъ арабскихъ и еврейскихъ философовъ (VI, 460 и 470); теперь они были переведены на латинскій языкъ прямо съ греческаго подлинника. Ихъ изученіе преобразовало во второй половинѣ XIII вѣка западную науку и значительно расширило ее; богословы находили въ нихъ средства для борьбы съ пантеистическими мыслями, главнымъ источникомъ которыхъ былъ неоплатонизмъ. Доминиканцы и францисканцы были бойцами церкви и въ наукѣ. Они глубоко уважали Аристотеля, считали его представителемъ всѣхъ знаній доступныхъ разуму, предшественникомъ Христа, и убѣдили папъ отказаться отъ прежнихъ предубѣжденій противъ него. Римская іерархія нашла, что въ подлинныхъ сочиненіяхъ Аристотеля нѣтъ ничего несогласнаго съ ученіемъ церкви и что напримѣръ его понятія о единствѣ божіемъ не противорѣчатъ

догматамъ церкви; онъ сталъ пользоваться у христіанскихъ ученыхъ такимъ же авторитетомъ, какъ у арабскихъ. Явилось много новыхъ переводовъ его сочиненій, множество комментаріевъ къ нимъ; въ нихъ находили доказательства истины церковнаго ученія; при помощи ихъ придали ему систематическое изложеніе. Сочетаніе философіи съ богословіемъ произвело блестящій періодъ схоластики. Она различала естественное богословіе отъ откровеннаго, поставила выше области доступной изслѣдованію разума догматъ Троицы, какъ таинство божественнаго откровенія, разработала догматику римской церкви по правиламъ Аристотеля, дала точное опредѣленіе догматическимъ понятіямъ, доказывала согласіе католическаго ученія съ разумомъ. Трудами этого рода пріобрѣлъ большую знаменитость францискапецъ Александръ Гэльзъ (Hales); начатое имъ дѣло продолжали доминиканцы Альбертъ Великій и Ѳома Аквинатъ.

Александръ Гельзъ, магистръ (профессоръ) богословія въ парижскомъ университетѣ, съ большимъ діалектическимъ искусствомъ и обширными знаніями примѣнилъ аристотелевскую философію къ анализу и разъясненію трудныхъ догматическихъ вопросовъ. Его трактатъ называется „суммой“—то есть, полнымъ изложеніемъ—„всего богословія“,Summa universae theoiogiae. Альбертъ, графъ больштедскій, родился въ 1193 году въ Лауингенѣ (въ Швабіи), поступилъ въ доминиканскій орденъ, былъ профессоромъ въ Парижѣ и Кельнѣ, потомъ епископомъ регенсбургскимъ и умеръ въ Кельнѣ. За свою обширную ученость онъ получилъ названіе Великаго. Онъ переработалъ всѣ отдѣлы философіи Аристотеля въ духѣ ученія римской церкви, поставилъ догматы откровенной религіи, въ особенности ученіе о Троицѣ, выше философскаго изслѣдованія, объяснивъ, что они постигаются только помощью просвѣтленія ума божественною благодатью. Согласно церковному ученію о сотвореніи міра изъ ничего всемогуществомъ Божіимъ, онъ отвергъ мысль о вѣчности матеріи. Безсмертіе человѣческой души онъ доказывалъ божественностью ея происхожденія. По вопросу о значеніи родовыхъ понятій (VI, 560) онъ сталъ учить, что они, какъ вѣчныя проявленія божественнаго разума, существуютъ раньше конкретныхъ предметовъ, какъ элементы одинаковости конкретныхъ предметовъ, существуютъ въ нихъ самихъ, а какъ абстрактныя представленія, выводимыя человѣческимъ умомъ изъ знанія конкретныхъ предметовъ, существуютъ послѣ нихъ. Это рѣшеніе вопроса было принято и Ѳомою Аквинатомъ. Нравственность, по ученію Альберта Великаго, основана на свободѣ воли. Онъ принимаетъ греческую систему четырехъ основныхъ добродѣтелей и прибавляетъ къ нимъ три христіанскія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь. Онъ обладалъ всей ученостью своего времени и усвоилъ себѣ всѣ свѣдѣнія по естествознанію, какими обладали арабы; потому народъ считалъ его волшебникомъ и разсказывалъ множество анекдотовъ о чудесахъ, какія онъ дѣлалъ своимъ волшебствомъ; напримѣръ, есть разсказы, что онъ сдѣлалъ человѣческую голову, которая говорила, что онъ зимой заставилъ зеленѣть и цвѣсти садъ.

Александръ Гэльзъ † 1245.

Альбертъ Великій 1193—25 ноября 1280.

Ученикъ Альберта Ѳома Аквинатъ—то есть Аквинскій—былъ сынъ графа аквинскаго, учился въ Неаполѣ, поступилъ въ доминиканскій орденъ, поѣхалъ въ Кельнъ учиться у Альберта, былъ потомъ профессоромъ въ Парижѣ, Римѣ, Болоньѣ, Пизѣ, удалился въ Неапольскій доминиканскій

Ѳома Аквинатъ 1224—1274.

монастырь, чтобы посвящать все свое время ученымъ трудамъ и для этого отказался отъ предлагаемаго ему архіепископскаго сана. Его трудами схоластика доведена была до самой высокой степени совершенства. Онъ закончилъ переработку философіи Аристотеля въ духѣ католической догматики. Изъ его многочисленныхъ сочиненій особенно важны были три обширные трактата: „Комментарій къ сентенціямъ Петра Ломбардскаго“, „Четыре книги объ истинѣ католическаго ученія въ опроверженіе язычниковъ“ и „Сумма богословія“ (то есть полное изложеніе богословія), громадный трудъ, оставшійся недоконченнымъ. Ѳома Аквинатъ стремился сочетать мысли Аристотеля и Платона съ ученіемъ Августина. Онъ говоритъ, что высшее благо человѣка—познаніе Бога. Разумъ безъ помощи откровенія достигаетъ лишь очень недостаточнаго знанія о Богѣ; высшія религіозныя истины, которыя называетъ онъ аксіомами, сообщаются человѣку сверхъестественнымъ откровеніемъ, разумъ не можетъ судить о нихъ, потому не можетъ и доказать ихъ; онѣ постигаются только вѣрой. Но откровеніе и разумъ одинаково исходятъ отъ божественной премудрости, потому откровеніе не можетъ быть несообразно съ разумомъ, а философская истина не можетъ противорѣчить откровенной. Тѣ истины, до какихъ доходитъ собственными силами разумъ, служатъ вступленіями, praeambula, къ истинамъ откровенія, какъ царство природы служитъ подготовленіемъ къ царству благодати. Такимъ образомъ наука имѣетъ своею цѣлью доказывать и разъяснять истины вѣры и опровергать противниковъ ея; потому разумъ—служитель вѣры. Римская церковь навсегда приняла изложенное Ѳомою Аквинатомъ ученіе о границахъ между истинами, доступными разуму, и высшими откровенными истинами и о томъ, что разумъ и откровеніе не могутъ противорѣчить другъ другу. Къ истинамъ, превышающимъ сферу знаній доступныхъ разуму и составляющимъ содержаніе откровенной религіи, Ѳома Аквинатъ причисляетъ догматы о сотвореніи міра изъ ничего, о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи Сына Божія, о церковныхъ таинствахъ, о чистилищѣ, воскресеніи мертвыхъ, страшномъ судѣ, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчныхъ мукахъ. Задача богословско-философской науки, по ученію Ѳомы Аквината, состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить безсмертную душу знаніями и мышленіемъ, сдѣлать ее способной къ пониманію элементовъ общаго въ разнообразіи предметовъ, къ познаванію истиннаго смысла откровенныхъ истинъ, къ добровольному подчиненію божественнымъ заповѣдямъ, къ достиженію святости исполненіемъ нравственныхъ обязанностей, излагаемыхъ въ церковномъ законѣ. Ѳома Аквинатъ ставитъ отшельническую жизнь выше практической дѣятельности. Католическая церковь послѣ нѣкотораго колебанія признала „Сумму богословія“ Ѳомы Аквината вѣрнымъ изложеніемъ ея ученія, стала называть этотъ трактатъ „такимъ твореніемъ, которому радуется самъ Христосъ“ и черезъ 50 лѣтъ по смерти великаго богослова причислила его къ лику святыхъ. Онъ дѣйствительно имѣлъ право на ея благодарность, потому что никто не сдѣлалъ такъ много, какъ онъ, для установленія католической догматики. Онъ далъ характеръ точности всѣмъ тѣмъ догматамъ, которые содѣйствовали расширенію власти римской церкви надъ умами людей; такъ напримѣръ, онъ разработалъ ученіе объ избыткѣ благодати, находящемся въ распоряженіи церкви, объ индульгенціяхъ, о чистилищѣ, о спасеніи умершихъ посредствомъ церковной молитвы за нихъ, объ исповѣди, о власти священника отпускать грѣхи, о непогрѣшимости папы.—Само собою разумѣется, что задача согласить философію Аристотеля съ католической догматикой была въ сущности неудобоисполнима и, взявшись за ея разрѣшеніе, Ѳома Аквинатъ принужденъ былъ давать понятіямъ натянутыя опредѣленія и строить сбивчивые силлогизмы. Логическія хитросплетенія за-

крываютъ у него фактическую истину, притупляютъ живое чувство правды. Самъ онъ еще умѣетъ сохранять нѣкоторое уваженіе къ здравому смыслу, но онъ идетъ очень скользкимъ путемъ и съ каждымъ шагомъ по немъ удаляется отъ простой правды въ пустоту абкстрактныхъ выводовъ изъ понятій, лишенныхъ всякаго дѣйствительнаго содержанія.

b) Упадокъ схоластики. Развитіе мистицизма.

Новые фазисы умственной жизни.

Въ трудахъ Ѳомы Аквтната то направленіе схоластики, которое называлось реализмомъ, достигло полнаго своего развитія; философія была поглощена богословіемъ; всѣ знанія были подчинены католической догматикѣ. Такой характеръ имѣютъ и труды знаменитаго францискапскаго богослова Дунса Скота, бывшаго противникомъ Ѳомы Аквината. Подобно̀ своимъ предшественникамъ, Дунсъ Скотъ доказываетъ безусловную истину католическаго вѣроученія; но, отчасти по соперничеству францискапскаго ордена съ доминиканскимъ, отчасти по влеченію къ свободѣ изслѣдованія, онъ подвергаетъ опредѣленія и силлогизмы доминиканскихъ схоластиковъ строгой критикѣ. Этимъ онъ далъ схоластикѣ содержаніе менѣе абстрактное, чѣмъ каково оно было у Ѳомы Аквината; потому его считаютъ основателемъ новаго направленія средневѣковой науки. Въ этомъ третьемъ фазисѣ своего развитія схоластика дала философіи положеніе до нѣкоторой степени самостоятельное; она стала полемизировать противъ католической догматики, возвратилась къ номинализму; но пустыя логическія хитросплетенія всетаки преобладаютъ въ ней и достигаютъ очень широкаго развитія у Вильгельма Оккама, даровитѣйшаго изъ послѣдователей Дунса Скота.

Дунсъ Скотъ † 1308.

Дунсъ (Duns, Донсъ) Скотъ (т. е. шотландецъ) былъ профессоромъ въ Оксфордѣ, Парижѣ и Кельнѣ; умеръ въ Кельнѣ. Его труды составляютъ только переходъ къ новому направленію схоластики. Подобно Альберту Великому и Оомѣ Аквинату, онъ признавалъ догматы откровенной религіи аксіомами, не подлежащими сомнѣнію, и требовалъ, чтобы разумъ, безсильный постигнуть ихъ собственными силами, покорялся авторитету церкви. Онъ даже расширяетъ кругъ ученій недоступныхъ изслѣдованію разума, причисляя къ нимъ и безсмертіе души. Оно, по его мнѣнію, не можетъ быть доказано разумомъ, который въ состояніи только опровергнуть возраженія противъ этой истины и сдѣлать ее до нѣкоторой степени правдоподобной; достовѣрность сй дается только откровеніемъ. Но онъ считаетъ человѣческій умъ способнымъ выйдти изъ своего омраченія при помощи божественнаго свѣта и возвыситься при содѣйствіи таинствъ церкви до блаженнаго созерцанія божества. Въ философіи Дунсъ Скотъ не безусловно подчиняется авторитету Аристотеля; у него есть и понятія, заимствованныя изъ Платона; онъ ознакомился съ ними главнымъ образомъ черезъ Авикеброна (VI 470). Онъ ни мало не сомнѣвается въ существованіи Бога и безсмертіи души, но подвергаетъ строгому разбору тѣ аргументы, которыми доказывали эти догматы прежніе схоластики, признававшіе ихъ истинами доступными человѣческому уму безъ помощи откровенія. Онъ нахо-

дитъ, что разумъ безсиленъ доказать эти истины и что достовѣрность ихъ основана на авторитетѣ церкви. Его умъ былъ расположенъ къ математической точности доказательствъ, и онъ отличался такимъ искусствомъ анализировать понятія, что получилъ названіе проницательнаго наставника doctor subtilis. Такому мыслителю была очень замѣтна разница между философіей, наукой, основывающей свои выводы на строгихъ доказательствахъ, и богословіемъ, подтверждающимъ свои догматы авторитетомъ церкви. Ѳома Аквинатъ, котораго называли ангельскимъ или всеобщимъ наставникомъ, doctor angelicus, universalis, совершенно соединялъ философію съ богословіемъ; Дунсъ Скотъ, признавая авторитетъ церкви священнымъ, проводилъ однако же рѣзкое разграниченіе между философіей, знаніемъ, получаемымъ безъ помощи откровенія, и богословіемъ, излагающимъ откровенныя истины. Это разграниченіе получило еще болѣе рѣзкій характеръ у Уильяма Оккама, который былъ соотечественникомъ и ученикомъ Дунса Скота и, подобно ему, францинсканскимъ монахомъ. Оккамъ сильно защищалъ права свѣтской власти противъ притязанія папъ; объ этомъ мы будемъ говорить послѣ; теперь мы только характеризуемъ его ученое значеніе. Онъ былъ провинціаломъ (областнымъ начальникомъ) ордена, находившагося тогда въ ссорѣ съ папой; отчасти по этому обстоятельству, отчасти по любви къ свободѣ и по душевному расположенію къ іерархическому устройству церкви онъ выработалъ систему враждебную іерархическому деспотизму. Схоластики, державшіеся реализма, старались примирить философію съ богословіемъ; всѣ ихъ труды остались безуспѣшны, потому что догматы римской церкви не могли быть передѣлываемы, какъ это было-бы необходимо для приведенія ихъ въ дѣйствительное согласіе съ философіей. Оккамъ пошелъ другой дорогой. Онъ вовстановилъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ номинализмъ (VI, 560). Всѣ общія понятія онъ признавалъ субъективными продуктами человѣческаго мышленія и говоритъ, что внѣ его они не существуютъ. На этомъ основаніи онъ построилъ систему философіи, не враждебную церкви, но и не оказывавшую никакихъ положительныхъ услугъ ей. Онъ говорилъ, что догматы католической церкви не могутъ быть доказываемы разумомъ; потому философія вовсе не должна касаться ихъ, что они принадлежатъ исключительно области вѣрованій, установленныхъ церковью. Къ числу такихъ догматовъ, которыхъ не должна касаться философія, онъ относилъ даже единство Бога и самое существованіе Его. Гдѣ разумъ безсиленъ, тамъ дѣло рѣшается авторитетомъ священнаго писанія и церковнаго ученія, говоритъ Оккамъ и высказываетъ свою покорность авторитету церкви такъ настойчиво, что является мысль, не должно-ли считать эти увѣренія только средствомъ отклонить отъ себя обвиненіе въ ересн; въ разсужденіяхъ Оккама о томъ, что истины вѣры несравненно выше человѣческаго пониманія, слышится насмѣшка надъ католической догматикой.

Упадокъ схоластики.

Францисканцы усердно защищали ученія своихъ великихъ мыслителей Дунса Скота и Оккама, противопоставляя ихъ системѣ Ѳомы Аквината. Такимъ образомъ въ концѣ XIII вѣка ученые богословы раздѣлились на томистовъ и скотистовъ; съ половины XIV вѣка шла кромѣ того философская борьба между реалистами и номиналистами. Эти философско-богословскія партіи вели жаркіе споры между собою; вожди ихъ были люди очень опытные въ діалектикѣ и сражались ея оружіемъ въ аудиторіяхъ, какъ рыцари на турнирахъ копьями. Вся дѣятельность схоластиковъ приняла полемическій характеръ; логи-

ческая стройность силлогизмовъ стала для нихъ важнѣе догматовъ вѣры, объ истолкованіи которыхъ спорили они между собою. Этотъ упадокъ схоластики былъ подготовленъ самимъ Оккамомъ. Онъ училъ, что религіозная истина непостижима уму, что богословская истина можетъ противорѣчить философской; это значило говорить, что схоластика не можетъ достичь цѣли, которую поставила себѣ. Попытки отклонить схоластиковъ отъ траты времени на построеніе силлогизмовъ, лишенныхъ всякаго живого содержанія, оставались напрасны. Францискапскій монахъ, англичанинъ Роджеръ Бэконъ, напрасно убѣждалъ современныхъ ученыхъ бросить схоластическія хитросплетенія, заниматься математикой, естественными науками, филологіей. Когда умеръ его покровитель, папа Климентъ IV, онъ за свою оппозицію господствующему направленію поплатился долголѣтнимъ заключеніемъ въ темницу. Довольно большое вниманіе возбудилъ Раймундъ Луллъ (уроженецъ Майорки) своею фантастическою системою. Онъ хотѣлъ обратить невѣрныхъ въ христіанство и преобразовать науки сочетаніемъ христіанской догматики, аристотелевской философіи, арабскихъ мистическихъ системъ съ тайными ученіями еврейской каббалы. Эту смѣсь онъ называлъ Великимъ искусствомъ (Ars magna, великой наукой). Онъ воображалъ, что изобрѣлъ машинальные и мнемоническіе методы, посредствомъ которыхъ можно достигать достовѣрнаго знанія во всѣхъ отросляхъ науки, находить вѣрныя рѣшенія для всѣхъ вопросовъ. Онъ пріобрѣлъ нѣсколькихъ послѣдователей между людьми, которымъ схоластика казалась неудовлетворительна; но его система была такъ сбивчива и фантастична, что не могла пріобрѣсти серьезнаго значенія.

Роджеръ Бекопъ † 1294.

Раймундъ Луллъ † 1315.

Люди съ теплымъ религіознымъ чувствомъ не удовлетворялись холодными разсужденіями схоластиковъ, потому, кромѣ богослововъ схоластическаго направленія были другіе, у которыхъ преобладалъ мистицизмъ. Схоластики и мистики долго уживались мирно между собой; бывали столкновенія между ними, Бернгардъ Клермосскій преслѣдовалъ Абеляра (VI, 560); но эти случаи были рѣдки. Дѣло измѣнилось, когда схоластики, возгордившись авторитетомъ, какой пріобрѣли, стали заявлять претензіи на исключительное владычество въ богословіи. Ученые, преданные мистицизму, сначала убѣждали ихъ быть умѣренными, не стремиться къ подавленію другихъ направленій богословія. Схоластики не слушали этихъ убѣжденій, и мистики вступили въ борьбу съ ними, противопоставляя холоднымъ аристотелевскимъ понятіямъ схоластиковъ идеализмъ Платона и религіозное чувство. Мистицизмъ развился главнымъ образомъ въ Германіи, объ умственной жизни которой мы будемъ говорить послѣ. Здѣсь упомянемъ только объ одномъ богословѣ этого направленія, Бонавентурѣ. Подобно Франциску Ассизскому, біографію котораго написалъ, Джованни Фиданца Бонавентура, францискапскій монахъ, былъ человѣкъ съ

Мистицизмъ.

горячимъ религіознымъ чувствомъ. Онъ не имѣлъ такого сильнаго ума, какъ Ѳома Аквинатъ или Дунсъ Скотъ, но всетаки пріобрѣлъ большую знаменитость и получилъ названіе серафимскаго наставника, doctor seraphicus.

Банавентура 1221—1274.

Банавентура считаетъ религіозный энтузіазмъ путемъ къ непосредственному сліянію души съ Богомъ. У него много теплоты чувства, но его экзальтація сдерживается разсудкомъ. Поэтъ въ душѣ, онъ стремился вознестись отъ „низшаго внѣшняго свѣта“ науки къ „высшему свѣту“ откровенія. Гармоническое соченаніе теплаго чувства съ разсудительностью пріобрѣло ему громкую славу.

---

5. Четвертый крестовый походъ. Латинская имперія.

а) Взятіе Константинополя крестоносцами.

Иннокентій III и Фулькъ Нёльскій возбуждаютъ къ крестовому походу.

Крестовые походы поддерживали и укрѣпляли владычество папы, потому папская курія постоянно желала возбуждать ихъ. Иннокентій III усердно старался оживить угасающій энтузіазмъ къ войнѣ съ невѣрными. Онъ посылалъ проповѣдниковъ убѣждать государей и народы, что необходимо отнять Іерусалимъ у невѣрныхъ; онъ писалъ объ этомъ епископамъ, посылалъ легатовъ возбуждать королей и князей къ новому крестовому походу; обѣщалъ крестоносцамъ отпущеніе грѣховъ, принималъ ихъ семейства и имущества подъ охрану церкви, велѣлъ собирать во всѣхъ церквахъ пожертвованія для крестоваго похода, обложилъ духовенство всѣхъ западныхъ земель податью на покрытіе его издержекъ, посылалъ деньги и запасы хлѣба въ тѣ сирійскіе города, которыми еще владѣли христіане, послалъ армянскому царю освященное знамя съ изображеніемъ апостола Петра, разъѣзжалъ самъ по Италіи, проповѣдуя крестовый походъ, и говорилъ медлящимъ принять крестъ: «Распятый снова распинается, подвергается заушеніямъ, насмѣшкамъ и бичеванію, а вы не хотите подать ему, хотя бы чашу водыдля утоленія жажды». Иннокентій просилъ, обѣщалъ, грозилъ, и хлопоты его наконецъ достигли цѣли. Во Франціи влеченіе къ крестовымъ походамъ еще не угасло. Фулькъ Нельскій, святой человѣкъ, какъ называли его, бывшій въ молодости грѣшникомъ, но покинувшій земныя удовольствія и посвятившій себя дѣлу обращенія грѣшниковъ, пошелъ по сѣверной Франціи, проповѣдуя крестовый походъ такимъ же восторженнымъ тономъ, какъ Бернаръ Клервосскій. Многіе послушались его и приняли крестъ. Такой же успѣхъ имѣла проповѣдь цистерціанскаго монаха Мартина въ южной

Германіи; подобно Фульку, Мартинъ считался святымъ, чудотворцемъ; слова такихъ людей, конечно, должны были производить сильное впечатлѣніе на массу.

Около Рождества 1199 года графъ Тибо Шампанскій, братъ Генриха, короля іерусалимскаго, и Лун, графъ блуасскій и шартрскій, молодые люди королевской династіи, пріѣхали на турниръ съ крестами на одеждѣ. Тибо Шампанскій былъ могущественный владѣтель. Онъ имѣлъ болѣе 2000 вассаловъ; Лун Блуасскій тоже былъ очень сильный князь. Примѣръ такихъ важныхъ людей нашелъ много послѣдователей. Впродолженіе слѣдующаго года очень многіе французскіе и фландрскіе вельможи и рыцари готовились къ экспедиціи въ Палестину. Собирались отправиться въ крестовый походъ и многіе храбрые люди въ сѣверной Италіи; къ числу ихъ принадлежалъ Бонифаціо, маркграфъ монферратскій, братъ Конрада, геройски защищавшаго Тиръ (VI, 711). Князья, принявшіе крестъ, отправили посольство въ Венецію для заключенія договора о томъ, чтобы венеціанцы перевезли крестоносцевъ въ Александрію. Они хотѣли плыть туда, потому что завоеваніе Египта казалось имъ необходимо для прочности завоеванія Палестины. Главою посольства былъ маршалъ графа шампанскаго, Годефруа Виллардуэнъ, чьи записки представляютъ очень живую исторію четвертаго крестоваго похода. Дожъ Энрико Дандоло, старикъ, прекрасные глаза котораго почти совершенно утратили способность видѣть, и утратили ее, какъ говорятъ, въ византійской темницѣ, человѣкъ очень умный, честолюбивый, одушевленный желаніемъ возвеличить свою родину, охотно согласился исполнить просьбу крестоносцевъ и заключилъ съ послами договоръ, по которому Венеція обязывалась за 85,000 марокъ серебра перевезти крестоносцевъ и во время переѣзда содержать воиновъ и ихъ лошадей. Тибо Шампанскій умеръ во время сбора къ походу; (жена его, знаменитая красавица Бланка Наваррская, осталась беременна; сынъ, родившійся по смерти отца и получившій его имя, сдѣлался однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ трубадуровъ). Французскіе крестоносцы собрались въ Суассонѣ и выбрали главнокомандующимъ маркграфа монферратскаго. Вліятельнѣйшимъ послѣ него вождемъ похода былъ Бодуэнъ, графъ фландрскій и геннегаускій, женатый на сестрѣ Тибо; съ нимъ отправились въ походъ очень многіе фландрскіе рыцари и богатые граждане. Большимъ вліяніемъ пользовались также Матье Монморанси и Симонъ Монфоръ.

Вожди четвертаго крестоваго похода.

Февраль 1201.

Весною 1202 года итальянскіе и французскіе крестоносцы пришли нѣсколькими отрядами въ Венецію; къ нимъ присоединились тамъ нѣмецкіе крестоносцы, вождями которыхъ были Конрадъ, епископъ гальберштадскій, и Мартинъ, который проповѣдовалъ крестовый походъ въ южной Германіи. Но многіе другіе крестоносцы поплыли, кто изъ Марсели, кто по Атлантическому океану черезъ Гибральтаръ, или пошли

Крестоносцы въ Венеціи.

сѣсть на корабли въ Апуліи. Такимъ образомъ въ Венеціи собрались не всѣ тѣ вельможи и богатые рыцари, на участіе которыхъ въ платежѣ денегъ венеціанцамъ разсчитывали послы. Потому нельзя было немедленно собрать условленную сумму, а венеціанцы не хотѣли дѣлать никакой уступки.

Взятіе Константинополя. 1203.

Дандоло вздумалъ обратить это затрудненіе крестоносцевъ на пользу Венеціи. Городъ Цара, стоящій на одномъ изъ мысовъ далматскаго берега, былъ прежде подвластенъ венеціанцамъ, но пересталъ повиноваться имъ, отдался подъ покровительство короля венгерскаго, и военные корабли этого города сильно вредили венеціанской морской торговлѣ. Дандоло сказалъ вождямъ крестоносцевъ, что если они помогутъ ему покорить Цару, то онъ убѣдитъ венеціанцевъ не требовать недостающихъ денегъ до той поры, пока крестоносцы пріобрѣтутъ богатую добычу, которой уплатятъ долгъ, кромѣ того онъ обѣщалъ склонить венеціанцевъ къ участію въ крестовомъ походѣ. Папа убѣждалъ франкскихъ бароновъ не обращать своего оружія противъ христіанъ, король которыхъ самъ принялъ крестъ, но они согласились на предложеніе дожа. Въ октябрѣ большой венеціанскій флотъ повезъ крестоносцевъ къ Царѣ; венеціанцы разорвали цѣпь, замыкавшую входъ въ гавань этого города, и послѣ пятидневной осады Цара сдалась. Побѣдители пощадили жизнь сдавшихся, но разграбили городъ и разрушили его стѣны: многіе крестоносцы считали это дѣло осквернені́емъ крестоваго похода. Иннокентій III отлучилъ отъ церкви виновныхъ въ немъ; вожди крестоносцевъ выразили раскаяніе и получили прощеніе. Но венеціанцы отвѣчали папѣ, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла, и осуждать ихъ не за что. Дандоло, человѣкъ очень умный и отважный, съ самаго начала хотѣлъ дать экспедиціи такое направленіе, чтобы крестоносцы не попали въ Египетъ; другіе вліятельные люди венеціанской республики были согласны въ этомъ съ дожемъ, потому что Венеція вела большую, очень выгодную торговлю съ Египтомъ и не за долго передъ тѣмъ заключила съ султаномъ новые договоры. Смуты, происходившія въ византійской имперіи, дали венеціанцамъ способъ удержать крестоносцевъ въ Европѣ.

Договоръ крестоносцевъ съ Алексіемъ Комненомъ.

Когда крестоносцы были въ Венеціи, съ ними вступилъ въ переговоры Алексій, сынъ императора Исаака Ангела, низвергнутаго и ослѣпленнаго братомъ Алексіемъ (VI, 433). Во время осады Цары договоръ былъ заключенъ съ Алексіемъ, племянникомъ узурпатора. Посадивъ въ темницу ослѣпленнаго брата, хищникъ престола забывалъ о государственныхъ интересахъ, думая исключительно о своихъ удовольствіяхъ, собирая всяческими притѣсненіями деньги на свои пиры, на подарки своимъ любовницамъ и прислужникамъ. Недовольство народа его правленіемъ дало сыну низвергнутаго императора надежду низвергнуть дядю. Онъ, переодѣтый, сѣлъ на корабль и поплылъ въ Ита-

лію просить помощи у Филиппа гоэнштауфена, женатаго на его сестрѣ Иринѣ. Подобно венеціанцамъ, Филиппъ желалъ не допустить крестоносцевъ до войны съ мусульманами: завоюй они Египетъ и Палестину, это возвысило бы репутацію папы, съ которымъ Филиппъ находился во враждѣ. Возвращеніе престола Исааку Ангелу было напротивъ того выгодно для Филиппа, мужа его дочери. Сынъ Исаака Ангела отправилъ въ Венецію пословъ съ просьбой, чтобы крестоносцы помогли ему возстановить власть отца.

Бонифацій Монферратскій былъ родственникъ Исаака Ангела и поддержалъ просьбу его сына. Французскіе бароны, надѣясь пріобрѣсти въ византійской имперіи богатую добычу и большія владѣнія, охотно согласились помогать сыну Исаака Ангела. Онъ въ сопровожденіи пословъ Филиппа пріѣхалъ въ станъ крестоносцевъ, и вожди ихъ, наперекоръ протесту многихъ рыцарей, заключили съ нимъ договоръ, по которому онъ сулилъ имъ большія награды и кромѣ того обѣщался, что когда его отецъ будетъ возстановленъ, то подчинитъ византійскую церковь папѣ и поможетъ крестоносцамъ завоевать святую землю. Вожди крестоносцевъ, заключившіе договоръ, были французы, но и многіе изъ нѣмецкихъ вельможъ, участвовавшихъ въ походѣ, одобряли этотъ договоръ.

Крестоносцы плывутъ къ Константинополю.

Весною венеціанскій флотъ съ крестоносцами пошелъ къ Константинополю. Главнокомандующимъ былъ венеціанскій дожъ. Когда экспедиція остановилась у берега Корфу, крестоносцы перессорились между собой; но вожди ихъ успѣли прекратить ссору; флотъ поплылъ дальше, обогнулъ Пелопоннесъ, останавливался для новыхъ отдыховъ крестоносцамъ у Эвбеи, у Андроса, пошелъ въ Дарданеллы, сталъ на новый отдыхъ у Абидоса, запасся тамъ съѣстными припасами, черезъ недѣлю двинулся къ Босфору. Онъ шелъ вдоль береговъ Мраморнаго моря; крестоносцы съ удивленіемъ смотрѣли на великолѣпные сельскіе дома византійскихъ вельможъ, стоявшіе по берегу въ роскошныхъ садахъ. Показались вдали церкви и дворцы Константинополя. Крестоносцы были еще болѣе изумлены громадностью и великолѣпіемъ ихъ. Флотъ остановился у Халкидона. Крестоносцы вышли на азіатскій берегъ Босфора и расположились станомъ передъ Халкидономъ и Хрисополемъ (нынѣшнимъ Скутари).

Іюнь.

Взятіе Константинополя.

Шестью отрядами крестоносцы переправились 5 іюля на европейскій берегъ Босфора. Впереди плылъ Бодуэнъ съ отрядомъ стрѣлковъ. Крестоносцы полагали, что многолюдная столица имперіи, обведенная высокими стѣнами, окажетъ имъ сильное сопротивленіе. Это опасеніе разсѣялось. Едва они вышли на берегъ, многочисленное византійское войско, выведенное императоромъ для сопротивленія высадкѣ, обратилось въ бѣгство, покинувъ въ добычу непріятелю свои шатры, въ которыхъ крестоносцы нашли много дорогихъ вещей. Венеціанскій флотъ потопилъ, взялъ въ плѣнъ или разогналъ визан-

тійскіе корабли, находившіеся въ жалкомъ состояніи, почти не пригодные къ бою, разорвалъ цѣпь, замыкавшую входъ въ Золотой рогъ, и вошелъ въ эту гавань. Крестоносцы осадили Константинополь съ суши, венеціанцы съ моря; но взять городъ было очень трудно: стѣны его были высоки и крѣпки,—а императорскіе тѣлохранители—англійскіе, датскіе, итальянскіе и другіе иноземные наемники—храбро оборонялись, дѣлали вылазки, наносили большіе уроны осаждающимъ. Византійцы, увлекаемые примѣромъ иноземныхъ наемниковъ, тоже сражались храбро. Императоръ былъ трусъ, не ходилъ въ битвы, смотрѣлъ на нихъ издали съ высокой террасы дворца, и народъ не имѣлъ расположенія къ нему. Но его зять Ѳеодоръ Ласкарисъ былъ храбрый воинъ и хорошій полководецъ. Дѣло шло о защитѣ національной независимости, религіи, личной свободы; византійцы сбросили съ себя апатію, выказали себя людьми энергичными. День за день длились кровопролитныя битвы. Старикъ Дандоло подавалъ венеціанцамъ и крестоносцамъ примѣръ храбрости. Онъ, почти слѣпой, всегда стоялъ въ полномъ вооруженіи на носу своей галеры, громкимъ голосомъ ободряя матросовъ и воиновъ. Битвы длились двѣнадцать дней. Императоръ Алексій сталъ думать, что осаждающіе одолѣютъ, сѣлъ ночью на большую лодку, захвативъ съ собой сокровища, какія успѣли перенести на лодку, и поплылъ въ одну изъ ѳракійскихъ гаваней, оставивъ жену на произволъ судьбы. Услышавъ о его бѣгствѣ, византійскіе вельможи пошли въ темницу къ Исааку Ангелу, надѣли на него императорское облаченіе, возвели его на престолъ. Онъ далъ аудіэнцію посламъ венеціанцевъ и крестоносцевъ, утвердилъ договоръ, заключенный въ Царѣ его сыномъ; венеціанцы и крестоносцы проводили его сына изъ стана въ императорскій дворецъ, и 1 августа Алексій, сынъ Исаака, былъ коронованъ въ софійскомъ храмѣ какъ соправитель отца. Крестоносцы и венеціанцы были осыпаны выраженіями признательности и наградами; крестоносцы расположились въ предмѣстьяхъ Константинополя, Галатѣ и Перѣ.

18 іюля.

Ссоры крестоносцевъ съ греками.

Нѣсколько времени крестоносцы находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ населеніемъ Константинополя и получали въ изобиліи все надобное имъ. Но скоро національная вражда проявилась. Франки держали себя нагло, византійцы платили имъ за это ненавистью. Она усилилась, когда константинопольскій народъ узналъ условія договора, утвержденнаго императоромъ, и увидѣлъ, что изъ церквей и дворцовъ уносятъ въ станъ франковъ огромныя количества золота и серебра, услышалъ, что греческая церковь будетъ подчинена папѣ. Византійцы ожесточились не только противъ крестоносцевъ, но и противъ императора и его сына. Исаакъ Ангелъ и Алексій не могли быстро уплатить крестоносцамъ всю обѣщанную сумму; притомъ они опасались народа и видѣли въ крестоносцахъ своихъ защитниковъ; потому попросили ихъ остаться подъ Константинополемъ до слѣдующаго года.

Сынъ императора былъ очень друженъ съ вождями крестоносцевъ; они держали себя съ нимъ какъ съ равнымъ; византійцы считали это униженіемъ императорскаго сана, и негодованіе ихъ росло съ каждымъ днемъ.

Маркграфъ монферратскій и нѣкоторые другіе вожди крестоносцевъ отправились съ Алексіемъ, сыномъ императора, въ походъ противъ бывшаго императора, который бѣжалъ во Ѳракію. Когда они были въ этомъ походѣ, нѣсколько фландрскихъ и итальянскихъ крестоносцевъ, бродившихъ по городу, стали грабить дома мусульманъ, жившихъ въ Константинополѣ, и наконецъ зажгли одно изъ разграбленныхъ зданій. Огонь перешелъ на сосѣдніе дома, пожаръ распространялся дальше и дальше; онъ свирѣпствовалъ нѣсколько дней, истребилъ многолюднѣйшую и прекраснѣйшую часть города. Дожъ и французскіе вельможи доказывали, что они не виноваты въ этомъ несчастіи, но, разумѣется, оно увеличило ненависть византійцевъ къ франкамъ. Народъ сталъ такъ враждебенъ имъ, что католики, жившіе въ Константинополѣ, бѣжали въ станъ крестоносцевъ. Алексій возвратился изъ похода, но онъ былъ человѣкъ слабаго, шаткаго характера и не могъ успокоить взволнованныя страсти. Онъ колебался между признательностью къ франкамъ и патріотизмомъ, боялся раздраженнаго народа, боялся и франковъ, держалъ себя по робости такъ фальшиво, что и византійцы и франки потеряли довѣріе къ нему. Венеціанцы и крестоносцы отправили посольство потребовать отъ него немедленнаго исполненія обѣщаній. Онъ не хотѣлъ или не могъ удовлетворить высокомѣрному требованію пословъ, и война возобновилась.

Мятежъ въ Константинополѣ. Алексій Мурзуфлъ овладѣваетъ престоломъ февраля 1204.

Греки убѣдились, что слѣпой, бездарный Исаакъ Ангелъ и тщеславный сынъ его, такой же бездарный, не могутъ спасти государство отъ погибели, и стали думать о выборѣ новаго императора. Но никто изъ вельможъ не желалъ принять императорскаго сана, нашелся только одинъ честолюбецъ, отважившійся на это. Алексій Дука Мурзуфлъ, человѣкъ коварный и съ тѣмъ вмѣстѣ храбрый, вкрался въ довѣріе сына императора и получилъ одну изъ высшихъ придворныхъ должностей. Онъ умѣлъ льстить народнымъ страстямъ и пріобрѣлъ популярность. Однажды въ полночь онъ вбѣжалъ въ спальную сына императора, сказалъ, что народъ напалъ на дворецъ и тѣлохранители измѣнили, что онъ пришелъ спасти своего друга отъ ярости народа. Испуганный Алексій пошелъ за своимъ спасителемъ, Мурзуфлъ привелъ его потаеннымъ ходомъ въ дворцовую темницу; сообщники Мурзуфла заковали Алексія въ цѣпи, и черезъ нѣсколько дней Мурзуфлъ велѣлъ убить его. Исаакъ Ангелъ былъ въ это время очень тяжело боленъ, и Мурзуфлу не было надобности убивать его; онъ умеръ отъ болѣзни. Народъ провозгласилъ Мурзуфла императоромъ.

Война получила ожесточенный характеръ; византійцы защищали свою независимость и религію, крестоносцы хотѣли отмстить за убійство

Взятіе Константинополя крестоносцами.

Алексія и жаждали добычи. Греки съ мужествомъ отчаянія оборонялись два мѣсяца и едва не сожгли непріятельскій флотъ; онъ спасся только благодаря тому, что венеціанцы были очень искусные моряки. Наконецъ крестоносцы и венеціанцы одолѣли. Послѣ приступа, длившаго три дня, крестоносцы ворвались въ городъ. О томъ, какъ злодѣйствовали они въ немъ, разсказываютъ намъ два очевидца: одинъ изъ нихъ крестоносецъ Виллардуэнъ, маршалъ шампанскій; другой— Никита, византійскій сенаторъ, дворецъ котораго былъ сожженъ и который съ женой и дочерью бѣжалъ изъ Константинополя, подвергаясь опасностямъ и страшнымъ бѣдствіямъ. Маркграфъ монферратскій, графъ фландрскій и французскіе вельможи старались удержать своихъ воиновъ отъ злодѣйствъ; но буйные, свирѣпые крестоносцы не хотѣли слушать своихъ вождей, рѣзали жителей, грабили дворцы, дома, церкви, ругались надъ святынями, насиловали дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, разрушали произведенія древняго искусства, цѣны которыхъ не понимали. Самъ Иннокентій засвидѣтельствовалъ эти злодѣйства: онъ написалъ вождямъ крестоносцевъ посланіе, въ которомъ говоритъ о неистовствахъ, совершонныхъ людьми, которые называли себя воинами Христовыми, и оскверняли церкви, насиловали монахинь. Византійскіе вельможи бѣжали изъ своихъ роскошныхъ дворцовъ и прятались въ сосѣднихъ ѳракійскихъ селеніяхъ; они стали нищими; а разбойники, разграбившіе столицу ихъ, пировали, алчно пожирая запасы лакомой пищи, найденные въ ихъ дворцахъ. Патріархъ въ бѣдной изорванной одеждѣ ѣхалъ на ослѣ черезъ опустошенныя окрестности столицы, скрываясь отъ преслѣдованія; а на его престолъ сѣла одна изъ продажныхъ женщинъ, сопутствовавшихъ крестоносцамъ, и кощунствовала, разъигрывая роль патріарха, совершающаго греческую литургію. Великолѣпный городъ, которому дивились прежніе крестоносцы, былъ залитъ кровью и опустошенъ. Три пожара довершили его разрушеніе. На пожарищѣ между грудами тѣлъ лежали обломки статуй и другихъ разбитыхъ произведеній искусства. Много библіотекъ сгорѣло, мощи и образа были массами отправляемы на западъ. Золото, серебро и другія дорогія вещи были собраны для раздѣла между крестоносцами. Разумѣется большая часть ихъ была похищена собиравшими; но всетаки добыча, уцѣлѣвшая для раздѣла, была такъ велика, что превзошла ожиданія крестоносцевъ. Сумма, раздѣленная между рыцарями и воинами, составляла 400.000 марокъ серебра. Много сокровищъ искусства было отправлено въ Венецію; изъ нихъ особенно знамениты четыре бронзовыхъ коня и великолѣпныя врата софійскаго храма.

b) Латинская имперія. Трапезунтская и никейская имперіи.

Основаніе латинской имперіи.

Во время штурма Мурзуфлъ, жена бѣжавшаго императора Алексія и его дочь, невѣста Мурзуфла, уплыли въ лодкѣ. Нѣкоторые изъ продолжавшихъ обороняться провозгласили императоромъ Ѳеодора Ласкариса, но и онъ былъ принужденъ бѣжать. Крестоносцы не могли признавать императоромъ ни Ласкариса, ни Мурзуфла, ни Алексія; они рѣшили провозгласить императоромъ одного изъ своихъ вождей, а другимъ дать области съ обязанностью быть вассалами его. Избрать императора было поручено комитету, состоявшему изъ шести венеціанцевъ и шести латинскихъ духовныхъ сановниковъ, находившихся при крестоносцахъ. Филиппъ Швабскій могъ бы имѣть право на византійскій престолъ, какъ мужъ дочери Исаака Ангела; нѣмецкія войска, которыми располагалъ онъ, были бы полезны для защиты новой имперіи отъ грековъ. Но Дандоло находилъ невыгоднымъ для Венеціи, чтобъ императоромъ византійскимъ сдѣлался могущественный государь. Крестоносцы предлагали престолъ ему, но онъ отказался, выставивъ причиной отказа свою старость. Потому выборъ оставался только между двумя главными вождями крестоносцевъ, Бодуэномъ Фландрскимъ и Бонифаціемъ Монферратскимъ. Избиратели назначили 16 мая 1204. императоромъ Бодуэна, отчасти потому, что надобно было угодить французамъ, составлявшимъ большинство крестоносцевъ, отчасти потому, что онъ былъ родственникъ королю французскому; притомъ его собственный отрядъ былъ многочисленнѣе, чѣмъ отрядъ Бонифація. Маркграфъ монферратскій безъ противорѣчія подчинился волѣ избирателей и самъ сталъ въ число рыцарей, которые подняли новаго императора на щитѣ и понесли показать массѣ войска. Черезъ три недѣли папскій легатъ короновалъ Бодуэна въ софійскомъ храмѣ.

Такимъ образомъ шайка авантюристовъ овладѣла византійской имперіей и посадила на константинопольскій престолъ фландрскаго графа; патріархомъ былъ выбранъ Томмасо Морозини, венеціанскій вельможа, человѣкъ ученый и благочестивый, пользовавшійся довѣріемъ Иннокентія III. Мы говорили, что Иннокентій осудилъ крестоносцевъ за осаду Константинополя, жалѣлъ, что они отклонились отъ намѣренія плыть на войну съ невѣрными; но онъ хорошо понялъ, какія огромныя выгоды доставляетъ ему основаніе латинской имперіи въ Константинополѣ: она становилась подъ его покровительство; греческая церковь лишалась независимости. Въ Константинополь ѣхали толпы латинскихъ прелатовъ и монаховъ уничтожить во всѣхъ областяхъ имперіи греческое богослуженіе, занять всѣ церковныя должности; новый императоръ посылалъ Иннокентію подарки, просилъ его совѣтовъ; потому Иннокентій отложилъ всякую досаду на крестоносцевъ, далъ имъ свое благословеніе.—Жена Бодуэна, Марія, поплыла изъ Европы въ то время, когда крестоносцы еще полагали, что венеціанцы повезутъ ихъ въ Сирію. Она была теперь въ Сиріи, хотѣла ѣхать въ Константинополь, но занемогла и умерла.

Раздѣлъ византійской имперіи.

Послѣ коронованія Бодуэна крестоносцы и венеціанцы стали дѣлить между собой византійскія области. Константинополь былъ оставленъ столицей императора, но предмѣстья этого города, Галата и Пера, были взяты венеціанцами, для торговли которыхъ они были нужны по своему положенію у Золотого рога. Венеціанцы получили множество острововъ и приморскихъ городовъ. Бонифацій Монферратскій получилъ Македонію, Виллардуэнъ, и другіе вожди пристроены въ Греціи; всѣ они должны были признавать императора своимъ сюзереномъ. Но нѣкоторыя части византійской имперіи остались подъ властью греческихъ государей, родственниковъ прежней династіи. Въ Никеѣ сталъ государемъ Ѳеодоръ Ласкарисъ, а по его смерти его зять, Іоаннъ Ватацесъ. Они носили титулъ императоровъ. Никейская имперія при нихъ расширялась. Они пріобрѣтали все большее могущество, между тѣмъ какъ латинская имперія ослабѣвала. Преемникъ Іоанна Ватацеса, Михаилъ Палеологъ, прогналъ франковъ изъ Константинополя. Въ Трапезунтѣ и въ Дураццо тоже были греческіе государи, родственники прежнихъ.

Могущество, пріобрѣтенное венеціанцами на востокѣ Средиземнаго моря.

Латинскому императору была дана только четвертая часть византійской имперіи; области, полученныя другими вождями крестоносцевъ, очень мало зависѣли отъ него, хотя новые владѣтели ихъ назывались его вассалами; венеціанцы, само собою разумѣется, никогда не думали подчиняться ему; такимъ образомъ латинская имперія съ самаго начала была очень слаба. Она походила на тепличное растеніе. Но венеціанская республика получила большія выгоды отъ разрушенія византійской имперіи. Дожъ, принявшій титулъ деспота (владѣтеля) албанскаго, имѣлъ очень сильное вліяніе на константинопольское правительство. Венеція взяла себѣ почти всѣ острова Архипелага. Вельможи (nobili), назначенные правителями ихъ, сдѣлались наслѣдственными владѣтелями, но оставались вассалами республики; острова стали складами товаровъ венеціанской торговли; на нихъ переселялись венеціанцы. Эти колоніи увеличили могущество государства. Венеція купила у маркграфа монферратскаго большой и плодородный островъ Кандію, какъ назывался теперь Критъ. Она основала факторіи по всѣмъ греческимъ берегамъ отъ Рагузы до Босфора, а полученная ею часть Константинополя сдѣлалась центромъ торговли Европы съ Востокомъ. Дѣлами венеціанскихъ колоній въ византійскихъ областяхъ правилъ совѣтъ, находившійся въ Константинополѣ; предсѣдатель совѣта назывался подестой. Венеціанскія колоніи, благодаря хорошему управленію и дѣятельности переселенцевъ, скоро достигли цвѣтущаго состоянія. Колонисты перенесли туда съ собою изъ Венеціи привычку къ законности и патріотизмъ. Земледѣліе, промышленность, торговля венеціанскихъ острововъ развивались. Колоніями правили консулы или баюлы (bajuli), назначаемые венеціанскимъ великимъ совѣтомъ. По всѣмъ берегамъ восточной части Средиземнаго моря были приняты венеціанскіе морскіе и торговые законы.

Другія франкскія владѣнія.

Латинская имперія и венеціанскія владѣнія, вмѣстѣ взятыя, занимали бо́льшую половину разрушенной византійской имперіи; остальныя области ея были раздѣлены между другими завоевателями, которые были обязаны давать войско императору. Бонифацій Монферратскій, которому были назначены византійскія владѣнія на азіатской сторонѣ Геллеспонта, предпо-

челъ получить Македонію и нѣкоторыя части собственной Греціи; его государство было названо королевствомъ ѳессалоникскимъ. Азіатскихъ владѣній онъ не взялъ потому, что трудно было защищать ихъ; притомъ онъ желалъ получить государство по сосѣдству съ Венгріей, будучи женатъ на сестрѣ венгерскаго короля. Пошедши черезъ Термопилы и Темпейскую долину овладѣть доставшимися ему землями, онъ встрѣтилъ мало сопротивленія: византійскій деспотизмъ заглушилъ національное чувство, и греки апатично перешли изъ-подъ одного ига подъ другое. Виллардуэнъ получилъ прекрасную область по берегамъ Гебра и санъ маршала романскаго. Другіе вельможи получили въ наслѣдственное владѣніе Аѳины, Ѳивы, Ахаію и другія части средней Греціи и Пелопоннеса. Латинскіе авантюристы распоряжались византійскими землями съ такой безцеремонностью, какъ будто это были безлюдныя мѣста, никому не принадлежащія. Въ Коринѳѣ, Аргосѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ удержались прежніе греческіе правители или начальники войскъ и, по примѣру франковъ, стали называть себя государями.

Королевство ѳессалоникское.

Романія, Ахаія и пр.

Латинскіе завоеватели не хотѣли усвоить себѣ греческихъ обычаевъ, оставались совершенно чужды своимъ подданнымъ, а сами не были такъ многочисленны, чтобъ упрочить свое владычество собственными силами; потому латинская имперія и государства ея вассаловъ были недолговѣчны. Завоевателямъ не удалось отнять всѣ владѣнія у греческой династіи. Одинъ изъ трехъ прогнанныхъ греческихъ императоровъ, Мурзуфлъ, скоро погибъ. За нимъ погнался братъ Бодуэна, Генрихъ. Онъ бѣжалъ во ѳракійскій городъ Мосинополь, гдѣ жилъ Алексій Ангелъ. Вѣроятно онъ думалъ найдти себѣ хорошій пріемъ у соимператора, съ дочерью котораго былъ обрученъ. Алексій Ангелъ принялъ его съ притворной любезностью, пригласилъ на обѣдъ къ себѣ, а послѣ обѣда велѣлъ выколоть ему глаза и прогнать его. Черезъ нѣсколько времени Мурзуфлъ попался въ руки франкамъ, они взвели его на высокую мраморную колонну и столкнули внизъ; онъ разбился. Алексій Ангелъ былъ взятъ въ плѣнъ Бонифаціемъ Монферратскимъ, бѣжалъ изъ-подъ стражи, пріѣхалъ въ Азію, сталъ заявлять тамъ свои права на власть; Ѳеодоръ Ласкарисъ, владѣвшій той областью, велѣлъ запереть его въ темницу одного изъ греческихъ монастырей; тамъ онъ и оставался до конца жизни. Ѳеодоръ Ласкарисъ, изъ Константинополя спасшійся въ Никею, собралъ грековъ, бѣжавшихъ изъ Европы, отразилъ нападенія франковъ и при помощи малоазійскихъ тюрковъ удержалъ за собою всѣ византійскія области по западному и сѣверному берегу Малой Азіи отъ Меандра до предмѣстій Никомидіи. Его государство такъ окрѣпло, что скоро сдѣлалось опаснымъ для латинской имперіи. Та область, которая въ древности называлась Понтомъ, оставалась принадлежащей византійскимъ императорамъ. Горы помогали грекамъ отражать нападенія тюрковъ на нее. Теперь тамъ сдѣлался государемъ Алексій Комненъ, внукъ того узурпатора Андроника, который знаменитъ своими приключеніями и злодѣйствами. Государство Алексія Комнена, называвшееся трапезунтскимъ, простиралось отъ Синопа до Фазиса. Сынъ его платилъ дань тюркамъ, но внукъ вышелъ изъ-подъ зависимости отъ нихъ и принялъ титулъ императора. Другой родственникъ прежнихъ императоровъ, Михаилъ, при содѣйствіи своего тестя, византійскаго правителя города Диррахія (Дураццо), основалъ княжество, обнимавшее Эпиръ, Албанію и Ѳессалію; подданные его были воинственны, онъ дѣлалъ завоеванія; ему наслѣдовалъ братъ, Ѳеодоръ, человѣкъ храбрый, научившійся въ Никеѣ военному искусству и правительственному дѣлу. Знатные, образованные или богатые греки уѣзжали изъ франкскихъ владѣній въ Трапезунтъ,

Византійская императорская династія.

Мурзуфлъ.

Алексій Ангелъ.

Ѳеодоръ Ласкарисъ. Никейская имперія.

Алексій Комненъ. Трапезунтская имперія.

Михаилъ. Эпирское государство.

Никею или Эпиръ и, окрѣпнувъ духомъ въ тяжкихъ бѣдствіяхъ, начали наступательныя войны противъ ненавистныхъ чужеземцевъ, отнявшихъ всѣ политическія права у подвластнаго имъ населенія, угнетавшихъ и презиравшихъ его.

Судьба Бодуэна и его сподвижниковъ 1205—1207.

Вожди крестоносцевъ не долго наслаждались плодами своихъ побѣдъ. Франки быстро уменьшались въ числѣ отъ болѣзней, развивавшихся у нихъ въ непривычномъ климатѣ, и отъ сраженій съ греками. Графъ Сенъ-Поль и графъ шартрскій умерли; Іоаннъ, царь болгаро-валахскаго государства, принявшій католическое исповѣданіе и получившій отъ папы королевскій титулъ, предлагалъ Бодуэну союзъ, но Бодуэнъ потребовалъ, чтобъ онъ призналъ себя подвластнымъ ему, какъ прежніе болгарскіе цари были подвластны византійскимъ императорамъ; Іоаннъ разсердился и объявилъ себя мстителемъ за грековъ; къ нему присоединились греческіе патріоты, бѣжавшіе отъ франковъ; онъ призвалъ на помощь себѣ кумановъ, кочевавшихъ въ Молдавіи, и пошелъ на югъ. Малочисленное войско Бодуэна было разбито имъ близъ Адріанополя; самъ Бодуэнъ попалъ въ плѣнъ и былъ преданъ мучительной смерти. Виллардуэнъ мастерскимъ отступленіемъ спасъ остатокъ войска и привелъ его въ Константинополь. Братъ Бодуэна, Генрихъ, сдѣлался императоромъ. Черезъ 20 лѣтъ въ одномъ изъ нидерландскихъ лѣсовъ появился отшельникъ, выдававшій себя за Бодуэна и требовавшій себѣ повиновенія во Фландріи. Онъ былъ уличенъ въ самозванствѣ и наказанъ позорной смертью. Венеціанскій дожъ Дандоло умеръ весною 1205 года въ Константинополѣ и былъ съ большими почестями погребенъ въ храмѣ Софіи. Скоро погибъ и Бонифацій Монферратскій, обручившій свою дочь съ новымъ императоромъ. Онъ пошелъ противъ болгарскаго царя, съ безразсудной храбростью бросился безъ латъ въ густые ряды враговъ, встрѣтившихъ его у Родопскихъ горъ, и былъ убитъ. Голову его принесли, какъ трофей, болгарскому царю.—Виллардуэнъ умеръ, вѣроятно, около 1213 года. Его племянникъ Годфруа наслѣдовалъ его владѣніе и принялъ титулъ герцога ахейскаго.

1207.

Царствованіе Генриха 1206—1216.

Греки скоро увидѣли, что ихъ покровитель Іоаннъ—болѣе страшный врагъ ихъ народности, чѣмъ латинскій императоръ: болгарскій царь хотѣлъ перевести населеніе Ѳракіи за Дунай, разрушить всѣ города этой области, обратить ее въ пустыню; потому греки стали сближаться съ Генрихомъ. Онъ былъ добрѣе Бодуэна, принималъ ихъ на свою службу, заключилъ миръ съ никейскимъ и эпирскимъ греческими государями, храбро и успѣшно оборонялся отъ болгарскаго царя. Іоаннъ при осадѣ Ѳессалоники былъ измѣнически убитъ ночью въ своемъ шатрѣ; его преемникъ, бывшій вѣроятно его убійцей, скоро помирился съ Генрихомъ; императоръ получилъ возможность заняться устройствомъ дѣлъ въ своемъ государствѣ и пріобрѣлъ себѣ славу справедливаго, благоразумнаго правителя. Онъ защищалъ церковъ отъ фанатизма католическаго духовенства, обуздывалъ его гордость и алчность. Многіе франкскіе вельможи возвращались, передавая церкви свои лены или за деньги или даже даромъ. Это уменьшало военную силу государства, и Генрихъ запретилъ уступать церкви лены.

Пьеръ Куртнé 1216—1219.

Послѣ десятилѣтняго правленія Генрихъ погибъ, пошедши защищать отъ нападеній князя эпирскаго Ѳессалонику, государемъ которой былъ теперь сынъ его друга, Бонифація. Генрихъ былъ бездѣтенъ, потому латинскіе бароны избрали императоромъ Пьера Куртнé, женатаго на сестрѣ Генриха Іолантѣ. Пьеръ былъ родственникъ Жослена Куртнé, защищавшаго Эдессу отъ мусульманъ (VI, 546). Онъ былъ могущественный французскій князь. Принявъ византійскій престолъ, онъ продалъ лучшія свои владѣнія во Франціи, набралъ войско, пошелъ въ Римъ, былъ тамъ коро-

нованъ папой; изъ Рима пошелъ въ Венецію, обѣщался венеціанцамъ отнять Дураццо у эпирскаго князя Ѳеодора и отдать имъ въ вознагражденіе за то, что они перевезутъ воиновъ его на эпирскій берегъ; они согласились. Онъ осадилъ Дураццо, не могъ взять эту крѣпость, пошелъ въ Ѳессалонику, но въ эпирскихъ горахъ греки взяли въ плѣнъ его и почти всѣхъ его воиновъ. Онъ скоро умеръ въ плѣну. Регентшей стала императрица Іоланта. Черезъ нѣсколько времени второй сынъ ея и погибшаго императора, Роберъ, рѣшился принять императорскій санъ. При содѣйствіи своего родственника, короля венгерскаго, онъ прошелъ въ Константинополь сухимъ путемъ. Его правленіе было временемъ позора, бѣдствій и стыда для византійскихъ франковъ. Ѳеодоръ Ангелъ, князь эпирскій, отнялъ у слабаго сына Бонифація Монферратскаго королевство ѳессалоникское, взялъ Адріанополь, такъ что подъ властью латинскаго императора остались только окрестности Константинополя. Но и въ самой столицѣ Роберъ былъ безсиленъ, какъ мы видимъ по фактамъ такого рода: красивая дѣвушка, бывшая невѣстою бургонскаго вельможи, измѣнила жениху, обольщенная императоромъ; женихъ ворвался во дворецъ и изуродовалъ невѣсту; франкскіе бароны не дозволили императору наказать его. Роберъ поѣхалъ въ Римъ просить у папы войска и денегъ на защиту своихъ владѣній; просьбы остались напрасны. Опечаленный, онъ поѣхалъ въ Константинополь, но умеръ на пути.

Іоланта 1219—1220.

Роберъ 1221—1228.

Братъ Робера, Бодуэнъ II, былъ еще несовершеннолѣтнимъ; бароны поручили управленіе государствомъ Жану Бріэннскому, происходившему изъ очень знатнаго шампанскаго рода. Онъ былъ мужъ Маріи, дочери Конрада Монферратскаго, внуки Амори, короля іерусалимскаго; потому называлъ себя королемъ іерусалимскимъ; но принужденъ былъ покинуть Палестину, когда пріѣхалъ туда Фридрихъ II, мужъ его старшей дочери Іоланты. Готье Бріэннскій, сражавшійся въ Апуліи за папу, былъ братъ Жана; теперь Жанъ уже былъ старикъ, но оставался бодръ; мужчина громаднаго роста, онъ славился необыкновенной физической силой и еще сохранялъ остатки ея. Храбрый воинъ, онъ имѣлъ въ своемъ войскѣ лишь нѣсколько сотъ рыцарей, но подъ его начальствомъ это войско было страшно. Онъ обручилъ съ Бодуэномъ свою вторую дочь Марію и сталъ защищать латинскую имперію отъ нападеній императора никейскаго, Іоанна Дуки Ватацеса, зятя и преемника Ѳеодора. Никейскій императоръ и его союзникъ валахо-молдавскій царь Асанъ II осадили въ 1235 году Константинополь; Жанъ Бріэннскій разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ и поддержалъ на нѣкоторое время существованіе латинской имперіи. Когда онъ, утомленный боевою жизнью, удалился въ монастырь, государствомъ сталъ править Бодуэнъ II.

Жанъ Бріэннскій 1228—1237.

Многіе изъ греческихъ императоровъ Византіи были люди жалкіе, но не было изъ нихъ ни одного, который игралъ бы такую презрѣнную роль, какъ этотъ послѣдній латинскій императоръ. Большую часть времени своего правленія онъ провелъ, скитаясь по западной Европѣ, выпрашивая войска и денегъ у папы, у королей французскаго и англійскаго, подвергаясь отъ нихъ презрѣнію и обидамъ. Онъ заложилъ послѣдніе остатки своихъ родовыхъ владѣній, графство намюрское и сеньерство куртнейское, продалъ Людовику IX мощи и другія святыни, находившіяся въ Константинополѣ; на деньги, полученныя продажей, займомъ и данныя ему въ милостыню, онъ нанималъ авантюристовъ, которые временами дѣйствительно сражались за него, временами переходили на службу къ врагамъ латинской имперіи; онъ вступилъ въ союзъ съ язычниками куманами и султаномъ иконійскимъ, въ чей гаремъ отдалъ свою племянницу; но все оставалось напрасно, враги одолѣвали.

Бодуэнъ II 1237—1261.

Возстановленіе византійской имперіи

1246.

1247.

Іоаннъ Ватацесъ, союзникъ и зять императора Фридриха II, былъ умный правитель и даровитый полководецъ. Никейское государство стало могущественнымъ, благодаря его талантамъ. Онъ взялъ Θессалонику, увелъ въ плѣнъ короля Теодора, слѣпого старика, овладѣлъ всѣмъ θессалоникскимъ королевствомъ и оттѣснилъ болгаровъ къ Дунаю. Онъ покровительствовалъ земледѣлію, самъ былъ образцовый сельскій хозяинъ, подавалъ собою примѣръ простоты и бережливости и между прочимъ запретилъ привозъ шелковыхъ тканей изъ-за границы. Области, подвластныя ему, стали пользоваться благосостояніемъ болѣе высокимъ, чѣмъ какое было въ нихъ до взятія Константинополя франками. У грековъ оживились даже искусства и науки. Латинская имперія походила на изсохшее дерево, которое упадетъ отъ перваго сильнаго удара. Но въ 1255 году Ватацесъ умеръ; при его сынѣ, Θеодорѣ II Ласкарисѣ, человѣкѣ буйномъ и безразсудномъ, въ никейской имперіи поднялись мятежи. Сынъ Θеодора Іоаннъ остался по смерти отца несовершеннолѣтнимъ; безпорядки въ никейскомъ государствѣ отсрочили на нѣсколько лѣтъ паденіе латинской имперіи. Опекуномъ Іоанна былъ искусный полководецъ Михаилъ Палеологъ, фамилія котораго была въ родствѣ съ прежней византійской династіей. Онъ принялъ санъ императора, ослѣпилъ и заперъ въ темницу Іоанна. Когда онъ упрочилъ за собой власть, насталъ часъ паденія латинской имперіи. При помощи генуэзцевъ, завидовавшихъ вліянію венеціанцевъ на дѣла имперіи, Михаилъ отчасти хитростью, отчасти силой взялъ Константинополь. Бодуэнъ уплылъ на венеціанской галерѣ въ Италію; онъ такъ спѣшилъ уйдти изъ Константинополя, что не успѣлъ даже взять съ собою императорскихъ регалій. Онъ снова сталъ скитаться по западной Европѣ, упрашивая папу и королей дать ему денегъ и воиновъ для завоеванія Константинополя; они временами выказывали состраданіе къ нему, временами обращались съ нимъ презрительно. Такъ онъ прожилъ двѣнадцать лѣтъ. Главы рода Куртнé нѣсколько поколѣній носили титулъ императоровъ константинопольскихъ; наконецъ имъ самимъ наскучило это пустое притязаніе, и въ XIV вѣкѣ они бросили его. Мелкіе франкскіе владѣтели разныхъ клочковъ Θракіи и Греціи были одинъ за другимъ покорены греками. Палеологи овладѣли всѣми византійскими областями на европейскомъ материкѣ. Увеличеніе торговли итальянскихъ республикъ на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря осталось единственнымъ результатомъ покоренія этихъ земель крестоносцами. Михаилъ Палеологъ по враждѣ къ патріарху Арсенію, защищавшему несчастнаго, ослѣпленнаго Іоанна, хотѣлъ поддержать введенное въ Константинополѣ подчиненіе греческой церкви папѣ; но оно было ненавистно духовенству и народу. Онъ былъ отлученъ Арсеніемъ отъ церкви и соглашался принести публичное покаяніе въ своей измѣнѣ греческому исповѣданію; но Арсеній требовалъ кромѣ того, чтобъ онъ сложилъ съ себя похищенную власть. Онъ въ гнѣвѣ созвалъ соборъ, заставилъ духовенство низложить Арсенія подъ предлогомъ нарушенія формъ при возведеніи его въ санъ, сослалъ его на безлюдный

Θеодоръ II

1255—1259.

1261.

1266.

островъ. Низложенный патріархъ былъ человѣкъ благочестивый, и все богатство его составляли три золотыя монеты, которыя выработалъ онъ переписки богослужебныхъ книгъ. Масса духовенства и народа непреклонно отвергала присоединеніе греческой церкви къ римской, договоръ о которомъ былъ заключенъ императоромъ и угождавшими ему церковными сановниками на ліонскомъ соборѣ въ 1274 году. Большинство духовенства и народа не хотѣли признавать константинопольскаго патріарха, подчинившагося папѣ Григорію X. По смерти Михаила соединеніе съ римской церковью было отмѣнено, прахъ Арсенія былъ съ величайшими

почестями перенесенъ въ Константинополь. Попытки папъ подчинить себѣ греческую церковь усилили отвращеніе грековъ отъ церкви западной.— Проницательные греческіе патріоты находили дѣломъ вреднымъ для государства возвращеніе правительства въ Константинополь; они опасались, что всѣ силы государства будутъ по прежнему сосредоточены тамъ и границы останутся беззащитными. Одинъ изъ знатныхъ людей въ Никомидіи, услышавъ о взятіи Константинополя, сказалъ: „Теперь, когда Константинополь снова сталъ нашимъ городомъ, погибла всякая надежда“. Предсказаніе оказалось вѣрнымъ. Михаилъ Палеологъ былъ государь даровитый и энергическій, умѣлъ поддерживать спокойствіе въ имперіи, защищать ее отъ внѣшнихъ враговъ. Но въ годъ смерти его та тюркская орда, которая впослѣдствіи стала называться османской, поселилась въ Карагиссарѣ. 1282.

---

6. Положеніе дѣлъ въ Сиріи. Походъ въ Египетъ.

Сирія по смерти Саладдина.

Четвертый крестовый походъ направился на Константинополь и остался безполезенъ палестинскимъ христіанамъ. Онъ даже повредилъ имъ: латинская имперія постоянно нуждалась въ помощи запада, а Греція была ближе Палестины и представляла болѣе богатую добычу, потому отнимала у святой земли большинство храбрыхъ авантюристовъ: они ѣхали теперь не въ Азію, а въ Константинополь; притомъ силы Германіи были заняты внутренней борьбой: мы видѣли, что нѣмецкіе князья, отправившіеся въ Палестину при Генрихѣ VI, возвратились по его смерти въ Германію защищать тамъ свои интересы или пріобрѣтать новыя выгоды. Сарацины легко отняли бы тогда у христіанъ всѣ ихъ владѣнія въ Азіи, если бы остались единодушны. Но братья и сыновья Саладдина воевали между собой, не имѣли досуга сильно нападать на христіанъ. Положеніе франковъ стало опасно только, когда братъ Салладина, Адиль, одолѣлъ всѣхъ другихъ Эйюбидовъ и соединилъ подъ своею властью все государство Саладдина.

Саладдинъ назначилъ своего старшаго сына Афзаля султаномъ и отдалъ ему Дамаскъ, южную Сирію, Палестину, второго сына, Азиза, онъ назначилъ правителемъ Египта; третьему, Захиру, отдалъ Халебъ; своего брата Адиля онъ оставилъ владѣтелемъ Керака, Шаубака и нѣкоторыхъ городовъ въ Месопотаміи; другимъ своимъ родственникамъ тоже далъ владѣнія, постановивъ, чтобъ всѣ они повиновались Афзалю. Но этотъ султанъ былъ непохожъ на отца, навлекъ на себя презрѣніе порочной жизнью, раздражилъ эмировъ деспотизмомъ. Государственныя дѣла онъ оставилъ на произволъ своего везиря Зіа-адъ-Дина Ибнъ-аль-Асира, а самъ пьянствовалъ, развратничалъ, проводилъ дни и ночи въ обществѣ пѣвицъ. Изнуривъ себя распутствомъ, онъ обратился къ покаянію, молился, переписывалъ коранъ; второй братъ его Азизъ вздумалъ низвергнуть его, пошелъ на Дамаскъ; 1194.

недовольные эмиры присоединились къ Азизу. Нѣкоторые родственники убѣдили его прекратить войну, но миръ былъ непродолжителенъ; въ слѣдующіе два года онъ, при помощи своего честолюбиваго и даровитаго дяди Адиля, одолѣлъ Афзаля, прогналъ его изъ Дамаска, оставилъ ему только
1196. Сарходъ. Адиль въ награду за содѣйствіе получилъ Дамаскъ и всю мусульманскую Сирію, но съ обязанностью повиноваться Азизу. Пока длились эти междоусобія у мусульманъ, христіане оставались въ покоѣ; но получивъ Сирію, Адиль возобновилъ войну, взялъ Яффу (Іоппію) и пошелъ на сѣверъ противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, которыхъ велъ на него канцлеръ императора Генриха Конрадъ. Графъ Генрихъ шампанскій, король
1197. іерусалимскій, около этого времени умеръ (онъ упалъ изъ окна своего дворца). Христіане спорили о томъ, кого выбрать королемъ, но, благодаря вліянію Конрада, согласіе между ними возстановилось; королемъ іерусалимскимъ былъ признанъ Амори II, король кипрскій, братъ и наслѣдникъ Гюи Люзиньяна, умершаго въ предыдущемъ году. Крестоносцы и палестинскіе христіане одержали побѣду при Сидонѣ, взяли Бейрутъ, освободили 9.000 находившихся тамъ христіанскихъ плѣнниковъ. Въ ноябрѣ слѣдующаго (1198) года Азизъ умеръ. Сынъ его Мухаммедъ аль-Маликъ аль-Мансоръ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, Афзаль принялъ на себя управленіе Египтомъ. Но Адиль, склонивъ на свою сторону многихъ египетскихъ вельможъ, скоро прогналъ его назадъ въ Сарходъ. Подъ властью Адиля были теперь Египетъ и большая часть Сиріи. Другіе Эйюбиды стали опасаться его честолюбія. Захиръ халебскій и эмиръ гемсскій соединились съ Афзалемъ противъ него; онъ былъ въ большой опасности, но Захиръ поссорился съ Афзалемъ и эмиромъ гемсскимъ, ушелъ отъ нихъ; благодаря тому Адиль одолѣлъ другихъ противниковъ, снова прогналъ Афзаля въ Сарходъ и, пришедши въ Каиръ, сталъ править этой страной ужь отъ собственнаго имени,
1200. а не какъ опекунъ малолѣтняго Альмансора. Захиръ принужденъ былъ покориться ему. Такимъ образомъ подъ властью Адиля соединились Египетъ, почти вся мусульманская Сирія и часть Месопотаміи. Афзаль и Захиръ снова пытались отнять у него владѣнія, принадлежавшія ихъ отцу, но онъ, искусный полководецъ, легко побѣждалъ ихъ. Въ началѣ XIII вѣка государство Адиля простиралось отъ Нубіи и арабской пустыни до Эвфрата и до средины Арменіи. Всѣ мусульманскіе князья, остававшіеся въ этихъ областяхъ, повиновались ему. Халифъ багдадскій далъ ему титулъ царя царей, друга повелителя правовѣрныхъ, онъ покорилъ Йеменъ. Имя его поминали теперь на богослуженіи во всѣхъ мечетяхъ отъ Грузіи до Аденскаго залива.

Заботы Иннокентія III о помощи христіанамъ въ Палестинѣ.

Пока воевалъ съ племянниками, Адиль ловко склонялъ палестинскихъ христіанъ возобновлять договоры о перемиріи. Такимъ образомъ при Амори II почти не было военныхъ дѣйствій противъ мусульманъ; онъ умеръ въ 1205 году; преемникъ его, Жанъ Бріэннскій, тоже соблюдалъ миръ; сирійскіе франки больше отвыкли отъ войны. Палестина страдала отъ засухи, эпидеміи, землетрясеній. Иннокентій понималъ, что положеніе христіанъ въ Палестинѣ очень опасно, и велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ. Но энтузіазмъ угасъ, и хлопоты папы оставались напрасны. Въ Палестину отправлялись лишь немногіе, какъ напримѣръ Симонъ Монфоръ, не захотѣвшій участвовать въ нападеніи на Константинополь, и Марія, графиня фландрская, жена Бодуэна, сдѣлавшагося черезъ нѣсколько времени императоромъ

константинопольскимъ (когда онъ былъ выбранъ императоромъ, она, какъ мы говорили, собиралась ѣхать къ нему въ Константинополь, но занемогла и умерла). Маленькія группы рыцарей, пріѣзжавшія въ Палестину, не увеличили христіанское войско настолько, чтобъ оно могло отнять у мусульманъ Іерусалимъ. Черезъ нѣсколько времени болѣзненная экзальтація невѣжественныхъ людей произвела странное событіе — крестовый походъ дѣтей. Во Франціи ребенокъ пастухъ сталъ говорить, что Богъ велѣлъ ему идти съ другими дѣтьми на освобожденіе святой земли. По словамъ достовѣрныхъ современныхъ писателей, тысячи мальчиковъ, дѣвочекъ, подростковъ обоего пола во Франціи и Германіи ушли изъ родительскихъ домовъ, приняли крестъ, надѣли одежду паломниковъ и паломницъ; монахи вели эти толпы въ Марсель и въ разные итальянскіе приморскіе города, чтобы плыть съ ними оттуда въ Палестину. Почти всѣ эти несчастные погибли; нѣкоторые умерли отъ изнуренія на пути къ пристанямъ, другихъ забрали безсовѣстные торговцы или морскіе разбойники и продали въ рабство. Лишь немногимъ удалось вернуться домой. Итакъ всѣ хлопоты Иннокентія оставались напрасны; но онъ неутомимо продолжалъ возбуждать христіанъ къ новому крестовому походу, повторялъ слова Іереміи, что святой городъ печалится, какъ вдовица, твердилъ, что на каждомъ христіанинѣ лежитъ обязанность содѣйствовать или оружіемъ или денежными пожертвованіями освобожденію гроба Спасителя, и наконецъ добился успѣха. Угасавшій энтузіазмъ сталъ разгораться опять, проникались одушевленіемъ даже славяне и маджары, не участвовавшіе до той поры въ крестовыхъ походахъ. Молодой императоръ Фридрихъ II, короли венгерскій, норвежскій и англійскій приняли крестъ. Многіе нѣмецкіе духовные и свѣтскіе князья послѣдовали примѣру императора. Но Иннокентій умеръ, и дѣло разстроилось. Оно было результатомъ его личнаго вліянія; усердіе, возбужденное имъ, охладѣло по его смерти. Фридрихъ съ года на годъ отлагалъ исполненіе своего обѣта; другіе государи дѣлали то же или прямо отказались отъ похода. Вмѣсто предполагаемаго огромнаго войска отправились въ Палестину лишь небольшіе отряды, и положеніе дѣлъ въ Сиріи мало улучшилось отъ ихъ слабой поддержки.

Крестовый походъ дѣтей около 1212.

Преемникъ Иннокентія, Гонорій III, продолжая хлопоты его о крестовомъ походѣ, убѣдилъ короля венгерскаго Андрея II, герцоговъ австрійскаго и баварскаго, графа Вильгельма голландскаго, многихъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ отправиться въ Палестину; но при всей своей храбрости эти крестоносцы не одержали большихъ успѣховъ. Король венгерскій вмѣстѣ съ Жаномъ Бріэнскимъ пошелъ къ Іордану, осадилъ замокъ, построенный Адилемъ на крутой вершинѣ Ѳаворской горы; но приступы были отбиты, крестоносцы возвратились въ Акку, не отважившись идти къ Дамаску или Іерусалиму. Впрочемъ,

Крестовый походъ Андрея, короля венгерскаго 1217.

султанъ по ихъ отступленіи срылъ замокъ на Ѳаворѣ, а тампліэры построили укрѣпленіе между Кесаріей и Гаифой; оно было названо замкомъ паломниковъ. При наступленіи зимы Андрей покинулъ Палестину и поѣхалъ черезъ Антіохію, Малую Азію, Константинополь въ Венгрію, гдѣ вельможи, пользуясь его отсутствіемъ, расширили свои права и очень значительно ослабили королевскую власть. Многіе князья и вельможи, участвовавшіе въ крестовомъ походѣ, послѣдовали примѣру венгерскаго короля; король кипрскій умеръ въ Триполѣ. Въ Палестинѣ остались только Леопольдъ, герцогъ австрійскій, и нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ. Слѣдующею весной приплыли въ Акку нидерландскіе, фризійскіе, кельнскіе крестоносцы. Они плыли изъ нѣмецкаго моря кругомъ Пиренейскаго полуострова, успѣшно сражались съ невѣрными въ Испаніи, въ Португаліи. Вождями ихъ были графы голландскій и видскій; въ числѣ ихъ находился кельнскій гражданинъ Оливерій (Оливеръ), историкъ этого похода, человѣкъ краснорѣчивый, ободрявшій своихъ спутниковъ. Число ихъ было такъ велико, что въ Аккѣ рѣшили сдѣлать нападеніе на врага въ собственныхъ его владѣніяхъ, плыть въ Египетъ.

Нидерландскіе крестоносцы 1218.

Христіане уже давно стали думать, что удержатся въ Палестинѣ лишь въ томъ случаѣ, если овладѣютъ Египтомъ. Объ этомъ разсуждали въ Римѣ; французскіе крестоносцы въ 1201 году просили венеціанцевъ перевезти ихъ въ Египетъ. Покореніе Египта христіанами было бы выгодно для торговли Венеціи и другихъ итальянскихъ городовъ, и быть можетъ теперь экспедиція въ Египетъ была принята по совѣту итальянскихъ купцовъ. Въ маѣ крестоносцы поплыли изъ Акки и около Троицы вышли на египетскій берегъ у Даміэтты; этотъ городъ, стоявшій на восточномъ рукавѣ Нила, былъ очень важнымъ торговымъ центромъ; черезъ него индійскіе товары шли въ Сирію, Арменію, Грецію. Онъ былъ сильно укрѣпленъ; крестоносцы вели осаду очень храбро и упорно, подвергались большимъ лишеніямъ и опасностямъ, совершали блестящіе подвиги, такъ что это было похоже на знаменитую осаду Акки христіанами во времена Саладдина. Въ рукавѣ Нила недалеко отъ западнаго берега стояла башня, отъ которой были перекинуты черезъ рѣку къ городу крѣпкія цѣпи; онѣ отрѣзывали подвозъ продовольствія съ моря въ станъ крестоносцевъ. Христіанамъ было необходимо взять эту башню, чтобъ открыть своимъ кораблямъ проѣздъ къ стану. Тампліэры, іоанниты, рыцари нѣмецкаго ордена нападали на башню очень отважно; фризы, голландцы, норвежцы изумляли другихъ христіанъ своей отвагой и физической силой. Но сарацины оборонялись непоколебимо; мѣстоположеніе башни было удобно для защиты. Сынъ Адиля, Камиль, бывшій въ Египтѣ намѣстникомъ отца, остававшагося въ Сиріи, собралъ войско и пришелъ изъ Каира на помощь осажденнымъ. Главнымъ предметомъ борьбы была башня, стоявшая въ рѣкѣ. Она была соединена наве-

Осада Даміэтты 1218.

деннымъ на лодкахъ мостомъ съ Даміэттой и станомъ Камиля, потому гарнизонъ ея получалъ постоянныя подкрѣпленія. Три мѣсяца всѣ нападенія христіанъ оставались напрасны. Наконецъ, по совѣту Оливера и при содѣйствіи хорошаго архитектора, они скрѣпили въ одну массу нѣсколько кораблей, настлали на нихъ помостъ, построили на немъ башню, придѣлали къ ней два подъемныхъ моста. Этимъ плавучимъ сооруженіемъ они разорвали мостъ, соединявшій башню съ Даміэттой, 24 августа взяли башню, разбили цѣпи, и христіанскому флоту открылся путь къ стану. Своей побѣдой христіане были обязаны болѣе всего фризамъ и кельнскимъ гражданамъ. Извѣстіе о ней произвело такое потрясающее впечатлѣніе на старика Адиля, что черезъ семь дней онъ умеръ. Камиль сталъ султаномъ египетскимъ, а его старшій братъ, Маликъ Муаззамъ, непримиримый врагъ христіанъ, султаномъ дамасскимъ. Но взятіе башни мало приблизило христіанъ къ взятію Даміэтты. Число ихъ такъ уменьшилось отъ сраженій и болѣзней, что они бездѣйствовали въ ожиданіи подкрѣпленій. Камиль имѣлъ время укрѣпить Даміэтту сильнѣе прежняго, увеличилъ ея гарнизонъ, дѣлалъ нападенія на крестоносцевъ; бедуины непрерывно тревожили ихъ мелкими атаками. Зима прошла въ этихъ сраженіяхъ; крестоносцы страдали отъ болѣзней. Неожиданное обстоятельство дало дѣлу новый оборотъ. Мусульмане были озлоблены на Камиля. Курдскій эмиръ Имадъ-адъ-Данъ Ахмедъ, сынъ храбраго защитника Акки Мештуба (VI, стран. 715), составилъ заговоръ съ цѣлью низвергнуть Камиля и провозгласить султаномъ его младшаго брата, Малика Фаиза, отъ имени котораго надѣялся управлять государствомъ. Камиль, знавшій всѣ подробности замысла, внезапно вошелъ въ собраніе заговорщиковъ; они испугались и бѣжали. Но у нихъ было въ станѣ столько союзниковъ, что султанъ считалъ небезопаснымъ для себя оставаться тамъ и уѣхалъ въ Каиръ. Его приверженцы уѣхали съ нимъ; участники заговора боялись наказанія и бѣжали вслѣдъ за своими вождями, все мусульманское войско разсѣялось. Христіане переправились черезъ рукавъ Нила, овладѣли покинутымъ египетскимъ станомъ и обложили Даміэтту со всѣхъ сторонъ, но не отважились на приступъ, полагая, что въ крѣпости остался очень большой гарнизонъ. Камиль собралъ разсѣявшееся войско, набралъ новыхъ воиновъ, призвалъ на помощь себѣ старшаго брата; Фаизъ и Имадъ-адъ-Данъ Ахмедъ были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Сирію; Фаизъ тамъ скоро умеръ, вѣроятно отъ яда. Маликъ Муаззамъ и Камиль пошли къ Даміэттѣ, стали нападать на франковъ; но крестоносцы занимали крѣпкія позиціи на обоихъ берегахъ рѣки, черезъ которую навели плавучій мостъ. Сирійско-египетское войско не могло выбить ихъ съ позицій. Они продолжали дѣлать приступы къ Даміэттѣ; но гарнизонъ защищался храбро, бросалъ на крестоносцевъ греческій огонь. Камиль и Муаззамъ мѣшали приступамъ своими нападеніями. Въ этой борьбѣ прошло все лѣто; сраженія были почти непрерывныя.

Продолженіе осады Даміэтты 1218—1219.

Февраль 1219.

Камиль предлагаетъ миръ 1219.

Пелагій Гальвани, легатъ папы, приплылъ въ христіанскій станъ съ новыми крестоносцами. Гарнизонъ Даміэтты былъ очень ослабленъ сраженіями, голодомъ, болѣзнями; стѣны крѣпости были въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробиты, ея взятіе казалось близкимъ. Камиль одержалъ довольно большой успѣхъ въ сраженіи 29 августа и взялъ въ плѣнъ много христіанскихъ вельможъ. Онъ воспользовался этимъ для того, чтобы вступить въ переговоры съ крестоносцами, обѣщался отдать христіанамъ все королевство іерусалимское, оставляя за собой только Шаубакъ и Керакъ, возстановить на свой счетъ разрушенныя Муаззамомъ укрѣпленія Іерусалима и возвратить Животворящій крестъ, которымъ овладѣлъ Саладдинъ послѣ побѣды при Тиверіадѣ, освободить плѣнныхъ христіанъ. Жанъ Бріэннскій, французскіе и нѣмецкіе крестоносцы хотѣли принять эти предложенія. Ихъ мнѣніе было тѣмъ разсудительнѣе, что силы христіанскаго войска были уменьшены отъѣздомъ Леопольда австрійскаго и многихъ другихъ крестоносцевъ. Но властолюбивый легатъ папы, требовавшій себѣ начальства надъ войскомъ, рыцарскіе ордена и итальянскіе купцы, надѣявшіеся обогатиться добычей, не согласились на миръ. Король французскій, услышавъ объ этомъ, сказалъ: «Они поступили очень глупо, не принявъ предложеній султана».

Во время переговоровъ было перемиріе. Камиль снабдилъ Даміэтту продовольствіемъ, ввелъ въ нее новыя войска, послалъ гонцевъ къ месопотамскимъ эмирамъ съ просьбой о помощи. Ссылаясь на это, противники мира говорили, что онъ обманываетъ христіанъ переговорами, хочетъ только держать ихъ въ бездѣйствіи, подготовляя себѣ средства побѣдить ихъ.

Взятіе Даміэтты.

Черезъ нѣсколько недѣль по прекращеніи переговоровъ легатъ убѣдилъ крестоносцевъ сдѣлать ночью приступъ къ Даміэттѣ. Гарнизонъ ея былъ изнуренъ и не ожидалъ ночнаго нападенія; христіане взяли крѣпость. Это была такая побѣда, какой не одерживали христіане со времени взятія Акки. Они захватили громадную добычу, цѣлыя массы золота, серебра, дорогихъ тканей, дорогого оружія и всяческихъ другихъ драгоцѣнностей и прославляли легата, какъ второго Іисуса Навина.

5 ноября 1219.

Овладѣвъ Даміэттой, крестоносцы увидѣли ужасающее зрѣлище; не только въ домахъ, но и по улицамъ лежали тѣла умершихъ отъ голода и болѣзней, нагія, объѣденныя собаками; на постеляхъ рядомъ съ мертвыми лежали больные, не имѣющіе силы отодвинуться отъ нихъ; воздухъ былъ зараженъ тлѣніемъ. При началѣ осады въ Даміэттѣ было 80.000 жителей; изъ нихъ оставалось только 300, между которыми только 100 человѣкъ здоровыхъ. Голодныя дѣти съ плачемъ просили ѣсть. Но нашлись такіе безжалостные крестоносцы, которые убивали несчастныхъ неспособныхъ обороняться. Изъ плѣнныхъ воиновъ 400 человѣкъ знатныхъ людей были оставлены для обмѣна на плѣнныхъ христіанъ; остальные были проданы

въ рабство. Епископъ птолемандскій (аккскій) Жакъ Витри взялъ подъ свою защиту довольно многихъ дѣтей, крестилъ ихъ и нѣкоторыхъ оставилъ на воспитаніе при себѣ, другихъ поручилъ своимъ друзьямъ. Но дѣти были такъ изнурены голодомъ, что очень многія изъ нихъ скоро умерли; умерло и большинство взрослыхъ плѣнныхъ. Прошло болѣе двухъ недѣль, прежде чѣмъ успѣли очистить городъ отъ труповъ. Тогда на праздникъ Введенія Богоматери (21 ноября) вошелъ въ него торжественной процессіей папскій легатъ, сопровождаемый патріархомъ іерусалимскимъ.

Построеніе крѣпости Мансуры.

Если бы христіане по взятіи Даміэтты немедленно двинулись на оробѣвшихъ мусульманъ, то легко овладѣли бы Каиромъ. Муаззамъ, какъ услышалъ о взятіи Даміэтты, ушелъ въ Сирію, опасаясь, что христіане, остававшіеся въ Палестинѣ, нападутъ на Іерусалимъ или какую нибудь другую важную крѣпость. Камиль сталъ укрѣплять позицію на югѣ отъ Даміэтты. Крестоносцы бездѣйствовали; многіе изъ нихъ были недовольны и уплыли на родину. Такимъ образомъ Камиль имѣлъ время возвести очень сильныя укрѣпленія въ той позиціи, которую назначилъ станомъ для своего войска. Она находилась на берегу Ашмуна, канала, соединяющаго даміэттскій рукавъ Нила съ озеромъ Мензоле. Камиль построилъ тутъ цѣлую крѣпость, получившую названіе Мансуры (Побѣдоносной). Онъ созвалъ туда изъ всего Египта людей способныхъ сражаться; христіане и іудеи были обложены военной податью; должны были платить ее и мусульмане неспособные къ войнѣ. Камиль послалъ просьбы о помощи къ своимъ братьямъ Муаззаму и Ашрафу, къ эмирамъ хамахскому, гемсскому, бальбекскому. Войско его быстро росло въ числѣ и, когда къ нему пришли вспомогательные сирійскіе отряды, у него собралось 40.000 всадниковъ и несмѣтное количество пѣхоты. Христіане не могли устоять противъ такихъ силъ. Правда, взамѣнъ товарищей, возвращавшихся въ Европу, пріѣзжали къ нимъ новые крестоносцы; но они ссорились между собой, дѣйствовали безъ общаго плана, а легатъ и его приверженцы, управлявшіе военными дѣйствіями, были плохіе полководцы.

Жанъ Бріэннскій уѣхалъ изъ Египта. Передъ тѣмъ временемъ умеръ его тесть Левъ, царь армянскій. Онъ выставилъ предлогомъ отъѣзда то, что хочетъ взять подъ свое управленіе армянское царство, наслѣдницей котораго армяне должны были, по его мнѣнію, признать его жену. На самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ потому, что былъ раздраженъ противъ легата, постоянно стремившагося отнять у него начальство надъ войскомъ, разъигрывать роль главнокомандующаго. Овладѣть Арменіей не удалось ему; онъ поѣхалъ къ войску въ Египетъ; но оно уже рѣшило тогда покинуть эту страну. Крестоносцы стояли въ Даміэттѣ цѣлый годъ, не предпринимая ничего, потому что легатъ, захватившій власть, не умѣлъ ничего сдѣлать. Праздная жизнь испортила войско; оно пьянствовало и буйствовало, дисциплина упала. Мы говорили, что Францискъ Ассизскій пріѣзжалъ тогда въ Египетъ обратить въ христіанство мусульманъ (стр. 81). Онъ ужасался, видя, какую безнравственную жизнь ведутъ крестоносцы, и предсказывалъ погибель имъ. Предвидѣть, что дѣло кончится неудачей, было легко.

Возвращеніе крестоносцевъ изъ Египта.

Въ это время Фридрихъ II короновался въ санъ императора (22 ноября 1220); на торжествѣ коронаціи возобновилъ данное въ Ахенѣ обѣщаніе отправиться на войну съ мусульманами и принялъ крестъ изъ рукъ Уголино, кардинала-епископа остійскаго. Онъ послалъ христіанамъ въ Египетъ грамату, въ которой объявилъ, что скоро пріѣдетъ. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ, какъ напримѣръ Германъ Зальца, гросмейстеръ нѣмецкаго рыцарскаго ордена, герцогъ баварскій Людвигъ, Германъ, маркграфъ баденскій, поплыли въ Египетъ. Но самъ онъ отлагалъ отъѣздъ. Крестоносцы до іюля ждали въ Даміэттѣ прибытія императора; между тѣмъ къ нимъ приспѣвали подкрѣпленія, такъ что сила христіанскаго войска дошла, говорятъ, до 10.000 всадниковъ и 200.000 человѣкъ пѣхоты; наконецъ они рѣшились, по убѣжденію легата, двинуться на непріятельскій станъ; но къ досадѣ легата пригласили Жана Бріэнискаго возвратиться въ Египетъ и принять начальство. Они надѣялись овладѣть Каиромъ; но Камиль сильно задерживалъ ихъ движеніе: мусульманскіе стрѣлки и легкая конница постоянно кружились около тяжелыхъ всадниковъ и неповоротливой пѣхоты христіанъ, ежеминутно нападали на нихъ; Камиль прорѣзалъ плотины каналовъ, затопилъ мѣстность, она покрылась или водою или непроходимой грязью; рѣка была тогда въ разливѣ, потому большіе египетскіе корабли прошли Мегаллехскимъ каналомъ въ даміэттскій рукавъ Нила, чего не могли сдѣлать при низкой водѣ; они прогнали христіанскій флотъ отъ Даміэтты, отрѣзали эту крѣпость отъ подвоза провіанта. Христіанскій флотъ вступилъ въ рѣшительное сраженіе съ ними и былъ разбитъ. Мусульмане потопили или взяли въ плѣнъ много кораблей; крестоносцы увидѣли себя въ безпомощномъ положеніи, хотѣли вернуться въ Даміэтту, но не могли пробиться туда по непроходимымъ болотамъ, подъ тучами непріятельскихъ стрѣлъ, и отправили къ султану пословъ съ просьбой о мирѣ, обѣщаясь удалиться изъ Египта. Камиль боялся довести ихъ до отчаянія и опасался, что къ нимъ приспѣютъ подкрѣпленія, потому согласился на ихъ предложеніе.

1221.

18 августа.

Миръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ, считая съ 30 августа 1221. Условія его были: христіане сдаютъ Даміэтту и удаляются изъ Египта; мусульмане даютъ имъ свободный путь и возвращаютъ Животворящій крестъ; обѣ стороны освобождаютъ плѣнныхъ безъ выкупа.

По заключеніи мира султанъ прислалъ съѣстные припасы христіанскому войску, страдавшему отъ голода, и дозволилъ ему покупать продовольствіе у жителей; мусульмане выказывали себя людьми сострадательными, чуждыми фанатизма; изъ этого Оливеръ Кельнскій вывелъ заключеніе, что они расположены принять христіанство; онъ отправилъ къ султану и мусульманскому духовенству письмо, въ которомъ убѣждалъ ихъ креститься. Вожди крестоносцевъ поѣхали въ

гости къ султану, были приняты въ Мансурѣ любезно, и христіанское войско вступило въ Даміэтту. Оно нашло тамъ новыхъ крестоносцевъ: императоръ прислалъ сорокъ кораблей съ воинами подъ начальствомъ Генриха, графа мальтійскаго и другихъ полководцевъ. Эти новые крестоносцы и тѣ христіане, которые оставались въ Даміэттѣ, особенно венеціанцы, очень досадовали на миръ, условіемъ котораго было возвращеніе мусульманамъ крѣпости, взятой съ такими большими усиліями; но они не имѣли силы удержаться въ ней противъ многочисленнаго египетскаго войска и принуждены были покориться необходимости. Христіане 8 сентября вышли изъ Даміэтты и черезъ нѣсколько дней возвратились въ Акку.

c) Фридрихъ II и его время.

1. Итальянскія дѣла. Отношенія Фридриха къ Гонорію III.

Досада папы на Фридриха.

Вся западная Европа была опечалена неудачей египетскаго похода, стоившаго столько денегъ и погубившаго такое множество людей. Отъ этой экспедиціи ждали очень большихъ успѣховъ. Въ особенности разочарованъ былъ Гонорій. Онъ приписывалъ неудачу не безразсудству своего легата, а тому, что императоръ замедлилъ отъѣздомъ въ Египетъ, и полагалъ, что онъ хочетъ уклониться отъ исполненія обѣта. Папа досадовалъ на него тѣмъ сильнѣе, что сдѣлалъ всевозможныя уступки ему въ надеждѣ ускорить его отъѣздъ. Гонорій согласился, чтобы Фридрихъ, упрочивъ свою власть въ Германіи, оставилъ въ непосредственномъ своемъ управленіи королевство сицилійское; желаніе Фридриха получить санъ императора было немедленно исполнено папой. Императоръ отлагалъ отъѣздъ все дальше и дальше. Гонорій при каждой просрочкѣ угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви и, не исполняя угрозы, давалъ новую отсрочку; подавилъ свою досаду и теперь. Но видно было, что ссора неизбѣжна. Гонорій убѣдился, что государь, котораго Иннокентій предназначилъ быть защитникомъ церкви, хочетъ дѣйствовать независимо отъ нея. Фридрихъ успокоилъ Гонорія, давъ ему новыя обѣщанія и сдѣлавъ нѣсколько распоряженій, выгодныхъ для церкви: императоръ принялъ церковныя имущества подъ свою защиту, освободилъ духовенство отъ податей, объявилъ, что отлученные отъ церкви будутъ подвергаться преслѣдованію свѣтской власти, какъ мятежники, установилъ очень суровыя наказанія еретикамъ. Гонорію казалось, что нельзя считать врагомъ церкви государя, сдѣлавшаго ей такія уступки и уже раньше того признавшаго римскую область и владѣнія Матильды собственностью римскаго первосвященника.

Нѣтъ причины полагать, что Фридрихъ обманывалъ папу своими обѣщаніями отправиться на войну съ невѣрными. Крестовые походы были

однимъ изъ преданій наслѣдственной политики Гоэнштауфеновъ. Но онъ хотѣлъ быть на Востокѣ полнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій, а не орудіемъ папы. Ему не могло нравиться притязаніе папскаго легата управлять войной. Притомъ прежде, чѣмъ отправиться въ Палестину, онъ долженъ былъ упрочить свою власть. Положеніе дѣлъ въ Германіи и въ сицилійскомъ королевствѣ было тогда таково, что, еслибъ онъ уѣхалъ изъ своихъ королевствъ надолго, въ нихъ возобновилась бы анархія.

Фридрихъ назначаетъ окончательный срокъ своего отъѣзда въ Палестину.

Мы говорили, что Фридрихъ старался успокоить папу новыми обѣщаніями. Когда получено было извѣстіе, что крестоносцы сдали Даміэтту, Гонорій написалъ Фридриху, что печаль о промедленіи императора пронзила какъ мечъ его сердце. Фридрихъ выразилъ горячее сочувствіе огорченію папы, говорилъ о себѣ, что онъ не виноватъ въ неудачѣ египетскаго похода и что докажетъ свое усердіе къ дѣлу Божію, отправившись въ крестовый походъ. Онъ нашелъ и другое средство смягчить неудовольствіе папы. Графъ Бертольдъ, сынъ Конрада Урслингена, бывшаго герцогомъ сполетскимъ, хотѣлъ овладѣть этой областью, обѣщаясь императору быть его вассаломъ. Фридрихъ возстановилъ въ Сполето власть папы. Въ апрѣлѣ 1222 императоръ и папа имѣли свиданіе въ Вероли (въ римской области) и условились созвать въ Веронѣ конгрессъ для окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ о крестовомъ походѣ; они хотѣли пригласить въ Верону короля и патріарха іерусалимскихъ; папа занемогъ, веронскій конгрессъ не состоялся; но въ мартѣ слѣдующаго (1223) года Фридрихъ и папа созвали конгрессъ въ маленькомъ городѣ римской области Ферентино; туда пріѣхали король іерусалимскій, патріархъ, гросмейстеры всѣхъ трехъ рыцарскихъ орденовъ, многіе палестинскіе вельможи. Императоръ далъ торжественную клятву, что черезъ два года на Ивановъ день (24 іюня) 1225 года онъ отправится въ крестовый походъ. Сомнѣваться въ его искренности было нельзя, потому что исполненіе обѣта представляло личную для него выгоду. Незадолго передъ ферентинскимъ конгрессомъ его первая жена, принцесса арагонская, умерла (въ іюлѣ 1222). Гросмейстеръ нѣмецкаго ордена Германъ Зальца посовѣтовалъ императору жениться на старшей дочери Жана Бріэннскаго, Изабеллѣ (Іолантѣ), наслѣдницѣ іерусалимскаго престола (Жанъ Бріэннскій былъ королемъ іерусалимскимъ, какъ мужъ Маріи; по смерти Маріи право на престолъ принадлежало не собственно Жану, а старшей дочери его). Гонорій усердно убѣждалъ императора принять совѣтъ Германа Зальцы. Фридрихъ согласился жениться на Іолантѣ. Ферентинскій конгрессъ постановилъ, что всѣ завоеванія, какія будутъ сдѣланы на Востокѣ, должны войдти въ составъ королевства іерусалимскаго. Такимъ образомъ побѣды Фридриха на Востокѣ должны были обращаться въ личную пользу ему. Эти завоеванія должны были доставить ему кромѣ непосредственной пользы другую большую выгоду: сдѣлавшись государемъ

сирійскихъ и египетскихъ гаваней, онъ могъ отнять восточную торговлю у венеціанцевъ, пизанцевъ и генуэзцевъ, сдѣлать свое сицилійское королевство центромъ всемірной торговли. Германъ Зальца, хорошо знавшій положеніе дѣлъ на Востокѣ, доказывалъ императору, что онъ легко побѣдитъ мусульманъ; Фридрихъ понималъ основательность увѣреній Зальцы. Папа отказался отъ притязаній вмѣшиваться черезъ легата въ управленіе военными дѣлами. Словомъ, все было улажено, Гонорій уѣхалъ съ конгресса въ твердой надеждѣ, что Фридрихъ сдержитъ обѣщаніе, и велѣлъ проповѣдывать по всей Европѣ крестовый походъ подъ начальствомъ императора. Отсрочка экспедиціи на два года не представляла опасности для палестинскихъ христіанъ: у нихъ было заключено перемиріе на восемь лѣтъ; притомъ по удаленіи крестоносцевъ изъ Египта Эйюбиды возобновили войны между собой и не имѣли досуга вредить христіанамъ. — Фридрихъ занялся упроченіемъ монархической власти въ сицилійскомъ королевствѣ.

Фридрихъ вводитъ монархическое устройство въ сицилійскомъ королевствѣ 1223—1225.

Апулія и Сицилія очень много страдали отъ междоусобій вельможъ. Походъ Оттона IV въ Римъ усилилъ мятежи въ южной Италіи. Вельможи повиновались королю, только когда находили это соотвѣтствующимъ своей выгодѣ. Законность утратила силу, собственность подвергалась опасностямъ. Піэро, графъ челанскій, умеръ въ 1212 году; но его сынъ Риччардо и зять Томасъ, наслѣдовавшіе его владѣнія, держали себя точно такъ же, какъ онъ. Графства челанское и молизское (у Фучинскаго озера) были пріютами страшныхъ грабительскихъ отрядовъ, и графы дѣйствовали какъ независимые государи. Намѣстники, которыхъ Фридрихъ посылалъ изъ Германіи въ южную Италію, не могли возстановить королевской власти. Графъ Альдобрандино Эсте пошелъ усмирить графовъ челанскаго и молизскаго; но внезапно умеръ; молва говорила, что онъ былъ отравленъ. Другой намѣстникъ Луитпольдъ, епископъ вормсскій, храбрый воинъ, умеръ въ 1217 году. Въ Сициліи графъ Райнеръ Манентскій, бывшій товарищъ Маркварда, и другіе вельможи также дѣйствовали самовластно и воевали съ сосѣдами; сарацины, жившіе въ горныхъ мѣстностяхъ острова, нанимались на службу къ буйнымъ вельможамъ, ходили и своими особыми отрядами грабить сосѣднія мѣстности. Паны считали выгоднымъ для себя поддерживать междоусобія, ослаблявшія королевскую власть, помогали мятежникамъ и вступались за нихъ передъ королемъ.

Фридрихъ рѣшился подавить всякое сопротивленіе ему въ сицилійскомъ королевствѣ. При своей коронаціи въ Римѣ, издавая тѣ законы въ пользу церкви, о которыхъ мы говорили, онъ обнародовалъ и другіе, относившіеся къ сицилійскому королевству: онъ запретилъ обычай, по которому прибрежные жители захватывали выброшенное моремъ на берегъ имущество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, запретилъ грабить паломниковъ и земледѣльцевъ. Послѣ коронаціи онъ пошелъ въ южную Италію; въ декабрѣ созвалъ вельможъ въ Капую и объявилъ, что хочетъ возстановить законный порядокъ; онъ говорилъ: „Мы хотимъ, чтобы повсюду сіялъ законъ и все возвратилось подъ нашимъ владычествомъ въ состояніе справедливости“. Онъ началъ возстановленіе королевской власти строгимъ пересмотромъ дарственныхъ граматъ, выданныхъ во время его несовершеннолѣтія. Многія изъ нихъ оказались подложными; только тѣмъ вельможамъ, которые могли доказать достовѣрными документами свои права на пріі-

обрѣтенные ими церковные и королевскіе лены, онъ оставлялъ эти земли; у тѣхъ, которые завладѣли ленами по подложнымъ граматамъ или вовсе не предъявляли жалованныхъ граматъ, онъ отбиралъ эти владѣнія. Такъ напримѣръ, братья папы Иннокентія, графы сеньскіе (Segni) Ричардо и Стефано, были лишены леновъ и привилегій, захваченныхъ ими въ малолѣтство короля. Вскорѣ послѣ того Фридрихъ принудилъ покориться сильнѣйшаго изъ его противниковъ Томасо, графа челанскаго и молизскаго, разрушилъ Челано и нѣкоторые другіе замки графа, а жителей ихъ переселилъ въ городъ Чезарею, который основалъ по сосѣдству, или въ Сицилію. Графъ уѣхалъ въ Римъ и черезъ нѣсколько времени поступилъ на службу къ папѣ, начавшему войну съ императоромъ; тогда Фридрихъ отнялъ у него графство и отдалъ Конраду Гоэнлоэ. Для обузданія другихъ апулійскихъ вельможъ Фридрихъ строилъ замки и ставилъ въ нихъ надежныя войска. Онъ отнялъ владѣнія у сопротивлявшихся ему графовъ аквильскаго, казертскаго, санъ-северинскаго, у сына графа трикаринскаго, и велѣлъ ему уѣхать изъ королевства, отнялъ торговыя привилегіи у генуэзцевъ, сталъ строить военные корабли, дѣлалъ распоряженія, имѣвшія цѣлью развитіе морской торговли сицилійскихъ городовъ. Переправясь въ Сицилію, онъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ горы противъ сарациновъ, грабившихъ населеніе сосѣднихъ долинъ и между прочимъ разрушившихъ монастыри, церкви, жилища духовныхъ сановниковъ въ окрестностяхъ Джирдженти, повѣсилъ эмира Ибнъ-Абеда (или какъ называютъ его латинскіе лѣтописцы Мирабетта) джіэтскаго, двухъ его сыновей, повѣсилъ Гульельмо Поро, начальника королевской эскадры, помогавшаго эмиру джіэтскому; покорилъ сарацинновъ и переселилъ ихъ въ апулійскій городъ Лучерію. Они стали усердно служить ему и всегда были готовы къ походу по первому его призыву; поселенные среди христіанъ, они понимали, что будутъ за свои грабежи истреблены, если король лишитъ ихъ покровительства, потому были вѣрнѣйшими слугами его. Только однажды въ 1226 году они подняли мятежъ, но скоро покорились и снова стали усерднѣйшими воинами короля, предоставлявшаго имъ полную свободу богослуженія. Они выставляли на службу ему 20.000 воиновъ; это было надежнѣйшее его войско. Они оставались вѣрны династіи „великаго христіанскаго султана“ до погибели послѣдняго Гоэнштауфена и безпощадно истребляли противниковъ Фридриха: рѣзали священниковъ и монаховъ, жгли церкви и монастыри, разрушили города Альбано и Сору; потомъ при Манфредѣ разрушили городъ Аріано. Когда династія Гоэнштауфеновъ погибла, доминиканцы заставили лучерійскихъ сарациновъ креститься.

Приготовленія къ крестовому походу 1223—1224.

Межъ тѣмъ какъ Фридрихъ покорялъ апулійскихъ и сицилійскихъ вельможъ, Гонорій усердно хлопоталъ о крестовомъ походѣ. По его порученію Жанъ Бріэннскій поѣхалъ во Францію и въ Англію. Но въ этихъ странахъ было очень мало людей, расположенныхъ отправиться на войну съ невѣрными. Въ посланіи къ французскимъ вельможамъ и рыцарямъ Гонорій убѣждалъ ихъ «посвятить себя по примѣру предковъ службѣ Христовой, дающей вѣчное блаженство, не снимать съ себя препоясанія рыцарской войны за Сына Божія, не давать заржавѣть своему оружію». Но они оставались глухи къ призыву. Папа добился только того, что Филиппъ Августъ, чувствовавшій приближеніе смерти, внесъ въ свое завѣщаніе распоряженіе, чтобы выдана была довольно большая сумма денегъ на крестовый

походъ. Онъ умеръ 14 іюля 1223. Его преемникъ, Людовикъ VIII, тоже не имѣлъ охоты воевать съ мусульманами, нашелъ болѣе выгоднымъ для себя отнять владѣнія у графа тулузскаго. Изъ Франціи Жанъ Бріэннскій отправился черезъ Сантіаго, гдѣ поклонился гробницѣ апостола Іакова, въ Бургосъ, резиденцію кастильскаго короля; но и тамъ не нашелъ охоты къ экспедиціи въ Палестину: у кастильянцевъ была своя война съ невѣрными. Увидѣвъ напрасность хлопотъ о крестовомъ походѣ, старикъ Жанъ, бывшій вдовцомъ, разсудилъ жениться, и король Альфонсъ IX отдалъ за него свою дочь, Беренгарію. Гонорій писалъ ландграфу тюрингскому Людвигу, дожу и венеціанскому народу, герцогу Леопольду австрійскому, писалъ архіепископамъ и епископамъ, отправлялъ повсюду монаховъ проповѣдовать крестовый походъ подъ начальствомъ императора; убѣждалъ духовенство платить налогъ для покрытія издержекъ крестоваго похода. Все это оставалось напрасно. Вальдемаръ, король датскій, взятый въ плѣнъ Генрихомъ, графомъ шверинскимъ, послалъ папѣ тайное обѣщаніе, что если будетъ освобожденъ, то отправится въ крестовый походъ; Гонорій сталъ упрашивать герцога, чтобъ онъ освободилъ плѣннаго короля.

Фридрихъ постоянно высказывалъ большое усердіе къ походу въ святую землю. На франкфуртскомъ сеймѣ, созванномъ его сыномъ Генрихомъ въ маѣ 1224, Генрихъ Зальца, пользовавшійся довѣріемъ императора, сообщилъ отъ его имени нѣмецкимъ князьямъ, что уже готовы 50 кораблей для перевозки крестоносцевъ. Жанъ Бріэннскій послалъ архіепископа капуанскаго въ Птолемаиду (Акку) за невѣстой императора.

Новая отсрочка.

Пришелъ срокъ, назначенный для отправленія въ походъ, но при всѣхъ хлопотахъ папы число обѣщавшихся участвовать въ походѣ оставалось очень невелико. Фридрихъ воспользовался этимъ предлогомъ отсрочить экспедицію; онъ еще не кончилъ устройство дѣлъ въ сицилійскомъ королевствѣ. Онъ созвалъ апулійскихъ и сицилійскихъ духовныхъ сановниковъ и подъ разными предлогами удерживалъ ихъ при своемъ дворѣ, чтобъ они не могли обнародовать въ своихъ епархіяхъ папскую буллу о его отлученіи отъ церкви, если Гонорій, какъ онъ опасался, отлучитъ его за нарушеніе обѣта. Гонорій въ это время жилъ въ Ріэти: римляне прогнали его изъ своего города. Фридрихъ послалъ къ нему Жана Бріэннскаго, патріарха іерусалимскаго и Германа Зальцу просить отсрочки похода. Папа, хотя съ большимъ огорченіемъ, согласился на эту просьбу. Императоръ въ Санъ-Джермано 25 іюля (1225) далъ въ присутствіи многихъ князей, епископовъ и двухъ папскихъ легатовъ клятву, что въ августѣ 1227 отправится въ святую землю и будетъ два года содержать тамъ тысячу воиновъ или платить по 50 марокъ въ годъ за каждаго недостающаго воина, если въ его собственномъ отрядѣ бу-

детъ меньше этого числа; онъ обѣщался также перевозить на свой счетъ всѣхъ рыцарей, которые пожелаютъ плыть въ Палестину, и имѣть для ихъ перевозки 50 военныхъ и 100 транспортныхъ кораблей, а за каждый недостающій корабль платить деньги. Кромѣ всего этого онъ обѣщался дать королю іерусалимскому, патріарху и гросмейстеру Нѣмецкаго ордена 100,000 унцій золота на войну съ невѣрными. Онъ самъ призналъ, что если не сдержитъ какое нибудь изъ этихъ обѣщаній, то папа имѣетъ полное право отлучить его отъ церкви.

Женитьба Фридриха на Изабеллѣ 1225.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого договора съ папой невѣста императора пріѣхала въ Бриндизи, и 9 ноября была отпразднована свадьба. Подобно первому, этотъ второй бракъ Фридриха былъ дѣломъ политическаго разсчета, а не любви къ невѣстѣ. Но имѣть расположеніе къ женѣ вовсе не было надобности Фридриху, потому что у него было очень много наложницъ. Повѣнчавшись съ наслѣдницей іерусалимскаго престола, Фридрихъ принялъ титулъ короля іерусалимскаго, назначилъ Эда, графа монбельярскаго, своимъ намѣстникомъ въ Палестинѣ и потребовалъ, чтобы палестинскіе бароны и рыцари присягнули на вѣрность ему. Но отецъ Изабеллы (Іоланты) вовсе не хотѣлъ отказываться отъ іерусалимскаго престола, поссорился съ зятемъ и уѣхалъ въ Римъ къ папѣ. (Гонорій жилъ уже опять въ Римѣ, помирившись съ народомъ). Говорятъ, что въ день свадьбы дочери Жанъ Бріэннскій уступилъ желанію зятя и отказался отъ королевскаго титула; но Беренгарія убѣдила мужа отречься отъ этой уступки и снова принять королевскій титулъ; говорятъ, что ссора была увеличена жалобой Изабеллы отцу на мужа, который, какъ она со слезами разсказывала ему, оскорбляетъ ее своимъ пренебреженіемъ, предпочитая ей одну изъ пріѣхавшихъ съ ней родственницъ ея, которая стала его любовницей. Императоръ съ своей стороны винилъ тестя въ интригахъ, говорилъ, что онъ возбуждаетъ сицилійцевъ къ мятежу, хочетъ возвести на сицилійскій престолъ своего племянника, сына Готье Бріэннскаго.

Начало реформъ Фридриха въ сицилійскомъ королевствѣ. Петръ Винейскій.

Время, оставшееся до крестоваго похода, Фридрихъ употребилъ на упроченіе своей власти въ королевствѣ сицилійскомъ: усмирялъ непокорныхъ бароновъ, сдѣлалъ сарациновъ усердными воинами своими, заботился о развитіи торговли и промышленности, вводилъ строгую монархическую систему правленія. Въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ мы подробнѣе будемъ говорить объ этой сторонѣ его дѣятельности. Помощникомъ его въ ней былъ Петръ Винейскій (Peter a Vineis). Сынъ бѣднаго простолюдина, этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ Капуѣ около 1190 года, рано пріобрѣлъ обширныя юридическія знанія, выбился изъ бѣдности, сталъ извѣстенъ Фридриху своими талантами, получилъ санъ великаго дворскаго судьи и очень долго оставался довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ императора. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ первые годы реформъ Фридрихъ руководился

совѣтами Іакова, архіепископа капуанскаго; но вѣроятно уже и въ то время Петръ Винейскій имѣлъ сильное вліяніе на императора.

Настоящее имя знаменитаго помощника Фридриха II было Піэро делле Винье (delle Vigne); въ латинскихъ документахъ оно писалось Peter a Vineis или de Vineis. Въ 1225 году онъ былъ назначенъ однимъ изъ четырехъ членовъ верховнаго суда королевства сицилійскаго и занималъ эту должность 22 года; но его дѣятельность не ограничивалась обязанностями судьи; вліяніе его на Фридриха росло, и съ 1232 года императоръ во всемъ дѣйствовалъ по его совѣту. Онъ писалъ всѣ важные государственные акты, былъ уполномоченнымъ Фридриха во всѣхъ важныхъ переговорахъ съ другими государями и съ папой. Въ XIII пѣснѣ „Ада“ Данте выводитъ его говорящимъ. „Я держалъ въ рукѣ ключи къ сердцу Фридриха, отпиралъ и запиралъ его сердце такъ искусно, что онъ оказывалъ довѣріе почти исключительно мнѣ одному.“ Подобно императору, онъ любилъ просвѣщеніе, поэзію, былъ человѣкъ невѣрующій. Своими политическими талантами, краснорѣчіемъ, мастерствомъ, съ какимъ писалъ дѣловыя бумаги, онъ пріобрѣлъ величайшее довѣріе императора. Много помогало ему владычествовать надъ Фридрихомъ и усердіе, съ какимъ онъ льстилъ императору, котораго называлъ святымъ, и увѣрялъ, что имя его будетъ жить въ пламенномъ почтеніи народа. Придворные точно также льстили могущественному совѣтнику императора, называли его вторымъ Моисеемъ, вторымъ Іосифомъ. Кардиналы и короли заискивали его расположенія. Онъ далъ важныя должности своимъ роднымъ и обогатилъ ихъ. Папы ненавидѣли его, какъ злѣйшаго своего врага.

Ссора папы съ императоромъ.

Гонорію очень не нравилось то, что Фридрихъ вводитъ въ королевствѣ сицилійскомъ систему монархическаго устройства; она отнимала у римскаго первосвященника вліяніе на дѣла государства, бывшаго по формѣ папскимъ леномъ. Столкновенія между леннымъ господиномъ и вассаломъ, не допускавшимъ никакого посторонняго вмѣшательства въ свое управленіе, были неизбѣжны. Фридрихъ и Гонорій оба старались уклоняться отъ явной вражды, но папа глубоко досадовалъ на Фридриха, захватившаго тѣ права, которыя были уступлены папѣ его матерью. Фридрихъ распоряжался церковными дѣлами въ сицилійскомъ королевствѣ, не обращая вниманія на папу, и между прочимъ раздавалъ епископскія каѳедры кому хотѣлъ. Это вело къ борьбѣ съ Гоноріемъ; другой причиной неотвратимости борьбы между ними была непримиримость ихъ притязаній на верховную власть въ средней Италіи. Непосредственнымъ поводомъ къ столкновенію послужило то, что Фридрихъ очень долго оставлялъ вакантными пять епископскихъ каѳедръ въ Апуліи, чтобы пользоваться доходами съ нихъ. Гонорій потерялъ терпѣніе и собственной властью назначилъ епископовъ на эти каѳедры. Ссора усилилась, когда Гонорій отдалъ большую часть владѣній римской каѳедры въ управленіе Жану Бріэнскому, котораго продолжалъ называть королемъ іерусалимскимъ. Около того же времени возникла ссора между императоромъ и ломбардскими городами; Гонорій не принялъ сторону императора, а зая-

вилъ притязаніе быть посредникомъ между нимъ и ломбардцами; это было очень досадно Фридриху.

Отношенія ломбардскихъ городовъ къ Фридриху.

Пользуясь междоусобіями въ Германіи и ссорами императоровъ съ папами, ломбардскіе города упрочили свою независимость. Они стали пренебрегать и тѣми маловажными правами, какія были предоставлены императору въ сѣверной Италіи по условіямъ констанцскаго мира. Императорскіе намѣстники въ Ломбардіи были безсильны; вообще тамъ почти вовсе не было замѣтно императорской власти. Миланъ сдѣлался совершенно республиканскимъ государствомъ. Ломбардскіе города ссорились между собою, но были единодушны въ стремленіи защищать свою независимость отъ императора. Фридрихъ желалъ возстановить императорскую власть въ сѣверной Италіи и не имѣлъ недостатка въ предлогахъ къ вооруженному вмѣшательству въ ломбардскія дѣла. Мы видѣли, что династіи, владычествовшія въ Веронѣ, Виченцѣ, Феррарѣ, находились въ ожесточенной враждѣ между собой. Бывали войны и между ломбардскими городами; въ нѣкоторыхъ городахъ бывали вооруженныя столкновенія между сословіями. Такимъ образомъ сѣверная Италія находилась въ состояніи непрерывныхъ междоусобій. То-же было и въ сосѣднихъ частяхъ средней Италіи. Мелкіе города группировались въ конфедераціи, политическими центрами которыхъ были большіе города: Миланъ, Павія, Флоренція, Болонья, Пиза, Генуя, Венеція. Но союзы были непрочны: мелкіе города по разсчетамъ выгодъ или по какимъ нибудь увлеченіямъ переходили изъ одной конфедераціи въ другую. Къ этимъ прежнимъ мѣстнымъ раздорамъ прибавилось со времени Иннокентія III великое національное распаденіе итальянскаго народа на гвельфовъ и гибеллиновъ. По странной случайности Вельфъ Оттонъ IV опирался на гибеллиновъ, противниковъ партіи, называвшей себя его фамильнымъ именемъ, а Гоэнтшауфенъ Фридрихъ II на гвельфовъ, союзниковъ папы. Но это измѣнилось, когда Фридрихъ получилъ императорскую корону. Прежняя вражда между Гоэнштауфенами и папами возобновилась, Фридрихъ принялъ сторону гибеллиновъ, бывшихъ приверженцами прежнихъ Гоэнштауфеновъ. Признакомъ этой перемѣны въ его отношеніяхъ къ итальянскимъ партіямъ было уже то, что онъ сталъ покровительствовать пизанцамъ, врагамъ генуэзцевъ. Еще яснѣе выказалась его новая политика въ томъ, что онъ сталъ искать дружбы феодальныхъ владѣтелей сѣверной Италіи, бывшихъ врагами ломбардскихъ городовъ. Дѣйствія императора возбуждали опасеніе въ ломбардцахъ. Онъ подавлялъ всякое сопротивленіе своей власти въ сицилійскомъ королевствѣ, пользовался всякимъ случаемъ возстановлять прежнія императорскія права въ средней Италіи. Очевидно было, что онъ хочетъ возстановить ихъ и въ сѣверной Италіи; ломбардцы замѣчали, что у него тѣ же самыя намѣренія, какія проявлялъ въ первую половину своего царствованія

Фридрихъ Барбаросса, съ которымъ они тогда вели такую продолжительную и тяжелую войну; что онъ хочетъ владычествовать надъ всей Италіей.

Ломбардскій союзъ.

Фридрихъ объявилъ, что назначаетъ на Пасху 1226 года сеймъ въ Кремонѣ для совѣщаній о крестовомъ походѣ и для установленія порядка и мира въ имперіи. Онъ пригласилъ на этотъ сеймъ феодальныхъ владѣтелей и депутатовъ городовъ всей Италіи; извѣстно было, что въ Кремону прійдутъ съ войсками сынъ императора, Генрихъ, и нѣмецкіе князья. Ломбардцы увидѣли въ этомъ первый шагъ къ возстановленію императорской власти надъ сѣверной Италіей. Миланцы, постоянно выказывавшіе непріязнь къ Фридриху, нашли надобнымъ принять мѣры обороны, созвали уполномоченныхъ другихъ городовъ въ Мозіи (маленькомъ городѣ мантуанской области); туда пріѣхали депутаты Болоньи, Брешіи, Мантуи, Падуи, Виченцы, Тревизо, Верчелли, Алессандріи, Фаэнцы и приняли предложеніе миланцевъ возобновить союзъ для сохраненія условій констанцскаго мира. Союзники поклялись защищать всѣми силами свободу каждаго города, принимающаго участіе въ этомъ договорѣ, и не входить безъ согласія всего союза ни въ какія сношенія съ императоромъ и его сторонниками. Они назначили союзный совѣтъ, члены котораго назывались ретторами, въ латинской формѣ слова ректорами (правителями), и стали готовиться къ войнѣ. Подесты городовъ были, какъ мы знаемъ, избираемы въ каждомъ городѣ изъ какого-нибудь другого города. Это скрѣпляло единство дѣйствій городовъ. Черезъ нѣсколько времени присоединились къ союзу Лоди, Бергамо, Туринъ, Новара, Кано, Крема, Піаченца, Реджо, Феррара; присоединился и маркграфъ монферратскій. На сторонѣ императора остались только Кремона, Павія, Модена, Парма и Асти.

Начало войны съ ломбардцами.

Императоръ, собиравшій свои сицилійскія войска въ Пескарѣ, скоро увидѣлъ, что ломбардскій союзъ рѣшился на войну. Въ маѣ Фридрихъ пошелъ въ Кремону; путь лежалъ черезъ Болонью и Фаэнцу. Эти города заперли ворота передъ нимъ, онъ былъ принужденъ располагаться станомъ подъ открытымъ небомъ и пробираться окольными дорогами. Ломбардцы заняли ущелья на пути изъ Германіи по долинѣ Адидже, отказались пропустить Генриха и шедшихъ съ нимъ нѣмецкихъ князей. Генрихъ и его спутники полтора мѣсяца стояли передъ ущельями, увидѣли, что не будутъ пропущены и не могутъ пробиться, и вернулись въ Германію. Лишь нѣкоторые саксонскіе князья, шедшіе черезъ Австрію, пробрались въ Кремону. Сеймъ, назначенный тамъ Фридрихомъ, не состоялся. Императоръ вступилъ въ переговоры съ ломбардцами; но союзный совѣтъ заявилъ такія требованія, которыя ясно показывали, что цѣль союза—установленіе полной независимости сѣверной Италіи. Ректоры постановили, что всѣ ссоры между членами союза должны быть прекращены, что союзъ накажетъ каждый городъ,

который захочетъ отложиться отъ него, что онъ будетъ защищать всѣми своими силами каждый союзный городъ, который подвергнется нападенію. Жанъ Бріэннскій, пріѣхавшій въ Ломбардію, былъ принятъ тамъ съ величайшими почестями. Союзный совѣтъ запретилъ всякія сношенія съ императоромъ. Папа и сановники римской церкви были такъ же враждебны ломбардскому союзу, какъ императоръ: ломбардскіе города не уважали папу; число еретиковъ въ нихъ было очень велико. Какъ во времена Фридриха Барбароссы проповѣди Арнольда Брешійскаго возбуждали итальянцевъ одинаково отвергать власть императора и папы; какъ во времена Арнольда императоръ соединился съ папой на борьбу противъ общаго врага, такъ и теперь Фридрихъ и Гонорій примирились, чтобъ общими силами подавить общихъ противниковъ. Императоръ, созывая кремонскій сеймъ, объявлялъ, что однимъ изъ предметовъ совѣщаній будетъ принятіе мѣръ для искорененія ересей; теперь епископъ гильдесгеймскій, легатъ папы, отлучилъ ломбардцевъ отъ церкви. Императоръ объявилъ ихъ мятежниками, лишенными всѣхъ правъ, какія были даны имъ по констанцскому миру. Въ наказаніе Болоньѣ Фридрихъ объявилъ уничтоженнымъ болонскій университетъ, бывшій однимъ изъ источниковъ благосостоянія этого города.

Возобновленіе вражды между императоромъ и папой.

Но согласіе между императоромъ и папой не было искреннимъ, и скоро они вновь поссорились. Фридрихъ объявилъ, что отдастъ на рѣшеніе папы свой споръ съ ломбардскимъ союзомъ; Гонорій показывалъ видъ, что хочетъ быть безпристрастнымъ посредникомъ, и убѣдилъ ломбардцевъ дать обѣщаніе, что они тоже подчинятся его приговору; но условія мира, которыя онъ предложилъ имъ, ясно показывали, что онъ вовсе не желаетъ поддерживать Фридриха въ стремленіи возстановить тѣ права власти, какія были предоставлены императору констанцскимъ миромъ, а хочетъ только того, чтобы ломбардцы повиновались церковной власти римскаго первосвященника. Приговоръ папы состоялъ въ томъ, что ломбардцы должны послать четыреста всадниковъ въ крестовый походъ, содержать ихъ два года и исполнять церковные законы противъ ересей; о томъ, какія права въ Ломбардіи должны принадлежать императору, папа не произнесъ никакого рѣшенія, ограничившись совѣтомъ, чтобы ломбардцы исполняли свои обязанности. Притомъ императоръ, смотрѣвшій на ломбардцевъ, какъ на мятежниковъ, оскорблялся, видя, что и папа признаетъ за ними такія же права вести войну, какъ за Фридрихомъ. Гонорій холодно отвѣчалъ на любезности императора и былъ любезенъ съ ломбардцами. Все это показывало, что его симпатіи на ихъ сторонѣ. Фридрихъ согласился, чтобы заняли свои каѳедры тѣ сицилійскіе епископы, которыхъ папа назначилъ безъ его согласія и которыхъ прежде не хотѣлъ онъ допускать къ отправленію должностей; а Гонорій назначилъ Жана Бріэннскаго правителемъ римской области и не уважилъ просьбу

императора, желавшаго, чтобъ онъ велѣлъ уйдти изъ арелатскаго королевства французскимъ крестоносцамъ, которые были созваны Иннокентіемъ на войну съ альбигойцами и, опустошивъ Лангедокъ, опустошали теперь южную часть арелатскаго (бургундскаго) королевства, принадлежавшаго нѣмецкому королю. Гонорій отвѣчалъ Фридриху, что они должны оставаться тамъ, пока совершенно истребятъ ядъ ереси. Въ бургундскомъ королевствѣ упала власть нѣмецкаго короля; папскій легатъ и французскій король были тамъ сильнѣе его. Вообще Гонорій былъ человѣкъ добродушный, но теперь онъ держалъ себя съ императоромъ сурово; вѣроятно его принуждали къ тому его кардиналы, порицавшіе прежнюю его мягкость. Онъ умеръ 18 марта 1227 года.

---

2. Отлученіе отъ церкви и крестовый походъ Фридриха.

Григорій IX. 1227—1241.

Черезъ три дня по смерти добродушнаго Гонорія былъ 21 марта выбранъ папою кардиналъ Уголино Конти, родственникъ Иннокентія III, исполнявшій при немъ важныя порученія и проникнутый его идеями. Новый папа принялъ имя Григорія IX. Это достаточно показывало, какой системы дѣйствій будетъ онъ держаться. Мы ужь говорили, что онъ былъ усердный покровитель доминиканцевъ и францисканцевъ. Онъ находилъ, что монахи нищенствующихъ орденовъ, основанныхъ его родственникомъ Иннокентіемъ III,—самые полезные слуги папской власти. Онъ былъ хорошій знатокъ римскаго и каноническаго права, искренно вѣрующій христіанинъ, имѣлъ почтенную фигуру и сѣдину патріарха, но умственныя силы его сохраняли свѣжесть. Иннокентій III, человѣкъ еще не старый, дѣйствовалъ со стариковскимъ спокойствіемъ; старикъ Григорій IX—съ юношескою горячностью. Подобно Иннокентію, онъ хотѣлъ подчинить власть государей римскому престолу. Но кажется, что сначала не было намѣренія разорвать едва установившееся согласіе римской куріи съ императоромъ; напротивъ, по первымъ его дѣйствіямъ видно, что онъ желалъ поддержать хорошія отношенія съ Фридрихомъ, лишь бы императоръ продолжалъ подчиняться папѣ, какъ подчинялся по вопросу о мирѣ съ ломбардцами. Императоръ хотѣлъ выйдти изъ-подъ власти папы. Григорій старался удержать его подъ ней. Такимъ образомъ черезъ полгода по избраніи Григорія возобновилась вражда между императоромъ и папой.

Крестоносцы въ Бриндизи; августъ и сентябрь 1227.

Первой заботой Григорія было то, чтобы состоялся крестовый походъ, начать который въ августѣ этого года долженъ былъ Фридрихъ; чтобы дать ему полную возможность исполнить обѣщаніе, Григорій убѣдилъ ломбардцевъ принять миръ на условіяхъ, перечисленныхъ нами, и потомъ отправилъ къ Фридриху посланіе, въ которомъ убѣж-

далъ императора исполнить высокія обязанности, лежащія на немъ какъ на «знаменоносцѣ христіанства», и не тратить свои великія душевныя силы въ служеніи чувственности. Назиданіе едва ли могло нравиться Фридриху, но онъ сталъ готовиться къ эспедиціи въ Палестину. Множество крестоносцевъ уже пришло въ Бриндизи, откуда должна была отправиться экспедиція; другія массы шли туда. Особенно много было нѣмецкихъ крестоносцевъ. Ландграфъ Людвигъ IV тюрингскій велъ въ Бриндизи множество рыцарей; изъ Вормса и другихъ рейнскихъ городовъ шли большіе отряды; нѣкоторые епископы южной Германіи приняли крестъ; шли крестоносцы изъ Франціи, Ломбардіи; молва говорила, что число англичанъ, идущихъ въ Бриндизи, простирается до 60.000 человѣкъ. Правда, многіе крестоносцы, раскаявшіеся въ томъ, что обѣщались плыть моремъ въ далекую страну, вернулись изъ Рима: тамъ нашелся шарлатанъ, выдававшій себя за папу, и разрѣшилъ ихъ отъ обѣта, ими даннаго. Но всетаки массы крестоносцевъ, шедшихъ по Апуліи въ Бриндизи, были громадны. Большинство ихъ составляли простолюдины. Фридрихъ дѣятельно заботился снаряжать транспортные корабли, чтобы скорѣе избавить свои области отъ этихъ обременительныхъ гостей; но Бриндизи и сосѣднее приморье были переполнены крестоносцами, пришедшими туда ранѣе срока. Съѣстныхъ припасовъ, заготовленныхъ для экспедиціи, оказалось недостаточно на прокормленіе этому множеству людей; появился голодъ; возникшія отъ него болѣзни увеличивались отъ пьянства и распутства; климатъ былъ непривыченъ большинству крестоносцевъ; мѣстность около Бриндизи была міазматическая; болѣзни приняли эпидемическій характеръ, и столпившіеся въ тѣсномъ станѣ крестоносцы умирали тысячами. Въ концѣ августа поплыли 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ вождей, назначенныхъ императоромъ; самъ онъ съ другою частью войска отплылъ 8 сентября. Онъ уже страдалъ лихорадкой; на морѣ она усилилась, онъ вернулся, приплылъ въ Отранто, гдѣ находилась императрица, отложилъ по совѣту врачей свою экспедицію и отправился лечиться на минеральныя воды въ Пуццуоли. Когда на другихъ корабляхъ услышали, что императоръ вернулся, весь флотъ поплылъ назадъ; крестоносцы вышли на итальянскій берегъ и почти всѣ разбрелись по Италіи, возвращаясь домой. Планъ крестоваго похода рушился.

Отлученіе Фридриха отъ церкви.

Григорій вознегодовалъ. Не входя въ разборъ обстоятельствъ, не допустивъ къ себѣ пословъ императора, онъ 29 сентября взошелъ въ полномъ папскомъ облаченіи на каѳедру соборнаго храма въ Ананьи и соотвѣтственно санъ-джерманскому договору провозгласилъ императора отлученнымъ отъ церкви; епископы и священники, стоявшіе со свѣчами въ рукахъ по обѣ стороны престола, бросили свѣчи на полъ въ знакъ негодованія на отлучаемаго. Время уступчивости римскаго первосвященника миновало; онъ вступилъ на путь рѣшительной борьбы.

Нѣмецкій король, владѣюшій южной Италіей, былъ слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ папы; притомъ Фридрихъ хотѣлъ, опираясь на гибеллиновъ, возстановить владычество императора надъ сѣверной и средней Италіей. Римская область, охваченная его владѣніями, не могла бы остаться подъ властью папы. Личныя качества Фридриха заставляли папу видѣть въ немъ врага церкви. Онъ не имѣлъ вѣры въ католическіе догматы, выказывалъ симпатію къ исламу. Для спасенія своей свѣтской власти въ Римѣ и для защиты римской церкви Григорій IX считалъ необходимымъ подавить этого опаснаго человѣка. Въ циркулярномъ посланіи къ епископамъ Григорій доказывалъ справедливость произнесеннаго имъ отлученія, выставляя въ самомъ черномъ видѣ неблагодарность Фридриха, нарушеніе данной имъ клятвы отправиться въ крестовый походъ, напоминая, что онъ уже не разъ нарушалъ этотъ обѣтъ. Григорій приписывалъ дурнымъ распоряженіямъ Фридриха развитіе заразы между крестоносцами въ Бриндизи, говорилъ, что онъ съ преднамѣреннымъ зложелательствомъ долго держалъ крестоносцевъ страдающими отъ голода въ нездоровой мѣстности подъ палящимъ зноемъ, что онъ желалъ истребить ихъ голодомъ и заразой; ему нужна была погибель ихъ, чтобы спокойно продолжать свои порочныя наслажденія; болѣзнь его была притворная; онъ измѣнникъ вѣрѣ Христовой. Папа обнародовалъ это посланіе 10 октября (1227). Фридрихъ оправдывался, старался успокоить папу обѣщаніемъ, что отправится въ походъ въ слѣдующемъ маѣ, но Григорій 17 ноября повторилъ отлученіе. Монахи нищенствующихъ орденовъ и возвращавшіеся на родину крестоносцы выставляли императора коварнымъ злодѣемъ. Молва говорила, что въ Апуліи являлся на небѣ распятый Спаситель, изъ язвъ его струилась кровь, взглядъ его выражалъ упрекъ; однимъ изъ крестоносцевъ, умершихъ въ Апуліи, былъ маркграфъ тюрингскій; говорили, что Фридрихъ отравилъ его. Негодованіе на Фридриха распространилось по всему западному міру.

Манифестъ Фридриха.

Императоръ отвѣчалъ на обвиненія тономъ приличнымъ его сану; отвѣтъ имѣлъ форму письма къ королю англійскому, которому Григорій, первому изъ христіанскихъ государей, послалъ буллу объ отлученіи Фридриха. Въ этомъ знаменитомъ манифестѣ императоръ рѣзкими чертами описывалъ опасности, какими угрожаетъ государямъ притязаніе папы на владычество надъ христіанскими народами, напоминалъ объ униженіяхъ, какимъ подвергались отъ папы Ремонъ, графъ тулузскій, и король англійскій Іоаннъ, говорилъ, что если папа восторжествуетъ, то всѣ христіанскіе государи подвергнутся такимъ же униженіямъ, что поэтому они должны возстать противъ невыносимой тиранніи папы, и въ заключеніе изображалъ яркими красками нравственную испорченность римской іерархіи. Подобно тогдашнимъ еретикамъ, Фридрихъ выставлялъ на видъ контрастъ высокомѣрія, властолюбія, алчности и роскоши римской іерархіи съ бѣдностью и простотой христіанской церкви апостольскихъ временъ. Знаменитый юристъ Роффредо Беневентскій прочелъ этотъ манифестъ римлянамъ на Капитолійскомъ холмѣ, и многіе выразили свое одобреніе словамъ императора. Въ

Римѣ сформировалась партія сторонниковъ Фридриха; вождями ея были Франджипани. Императоръ купилъ у этихъ вельможъ тѣ ихъ владѣнія, которыя были папскими ленами, и пожаловалъ обратно эти владѣнія имъ, какъ имперскіе лены. Григорій наложилъ интердиктъ на всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ будетъ находиться императоръ. Фридрихъ послалъ юстиціаріямъ (судьямъ и вмѣстѣ администраторамъ) сицилійскаго королевства приказаніе требовать, чтобъ епископы и священники продолжали совершать богослуженіе во славу Спасителя. Лишь немногіе прелаты и священники отважились ослушаться. Партія гибеллиновъ была сильнѣе папы въ самомъ Римѣ. На четвергъ страстной недѣли Григорій хотѣлъ вновь провозгласить отлученіе Фридриха; римляне взялись за оружіе и прогнали его изъ города. Подъ прикрытіемъ римскихъ гвельфовъ, онъ уѣхалъ въ Витербо; гибеллины пошли туда, онъ бѣжалъ въ Перуджію.

Приготовленіе Фридриха къ новой экспедиціи въ Палестину.

Императоръ, пренебрегая отлученіемъ, готовился къ крестовому походу. Онъ поставилъ этимъ папу въ очень неловкое положеніе: Григорію приходилось осуждать дѣло, которое церковь признавала величайшей заслугой передъ Богомъ. Миланцы и кремонцы въ угожденіе папѣ задерживали крестоносцевъ, шедшихъ съ сѣвера; но всетаки множество ихъ пришло въ южную Италію; въ числѣ ихъ находилось много швабскихъ вельможъ и рыцарей.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ.

По извѣстіямъ съ Востока положеніе дѣлъ тамъ было благопріятно крестовому походу. Камиль, султанъ египетскій, велъ, какъ мы знаемъ, войну съ своимъ братомъ Муаззамомъ, султаномъ дамасскимъ. Муаззамъ призвалъ на помощь себѣ Джелаледдина Ховарезмскаго и заставилъ своего младшаго брата Ашрафа идти съ нимъ на Камиля. Султанъ египетскій вступилъ въ переговоры съ императоромъ. Они оба думали о религіи одинаково, политика для нихъ была важнѣе ислама или христіанства. Камиль предоставлялъ христіанамъ свободу богослуженія въ Египтѣ; Фридрихъ покровительствовалъ сицилійскимъ мусульманамъ, говорилъ по-арабски, учился естествознанію и философіи у арабскихъ ученыхъ. Лѣтомъ 1227 года къ Фридриху пріѣхалъ египетскій посолъ съ драгоцѣнными подарками отъ султана, просьбой о помощи и обѣщаніемъ отдать за нее Фридриху Палестину. Императоръ охотно принялъ предложеніе и самъ отправилъ къ египетскому султану посольство съ богатыми подарками и заявленіями дружбы. Но раньше, чѣмъ Фридрихъ собрался плыть на востокъ, Муаззамъ умеръ, и дамасскимъ султаномъ сталъ его сынъ Даудъ Малікъ аль-Наспръ (анъ-Насиръ), человѣкъ молодой и неопытный. Камиль надѣялся теперь безъ большого труда овладѣть дамасскимъ царствомъ и сталъ жалѣть, что заключилъ договоръ съ Фридрихомъ. Но пошедши на Дамаскъ, встрѣтилъ сопротивленіе болѣе сильное, чѣмъ ожидалъ. Отъ имени Наспра государствомъ правилъ испанецъ, бывшій прежде тампліэромъ, поступившій на службу къ Муаззаму, принявшій мусульманство и называвшійся теперь Иззъ-адъ-Диномъ Эйбекомъ. Онъ успѣшно защищалъ владѣніе своего султана; Камиль увидѣлъ, что не одолѣетъ его однѣми своими силами, заключилъ съ своимъ братомъ Ашрафомъ договоръ, по которому предоставлялъ ему Дамаскъ, а себѣ бралъ только южную часть Сиріи съ Палестиной, и возобновилъ союзъ съ императоромъ, когда онъ (въ сентябрѣ) приплылъ въ Акку; войско Наспра было побѣждено соединенными силами Камиля и Ашрафа. Дяди оставили ему только Керакъ, Шаубакъ и нѣсколько городовъ на востокъ отъ Іордана; Ашрафъ получилъ Дамаскъ и Бальбекъ и за это призналъ

надъ собою власть Камиля. Эмиры халебскій, гемсскій и хамахскій тоже подчинились Камилю, и онъ, подобно Салладину и Адилю, сталъ владыкой царства, охватывшаго кромѣ Египта Сирію, сѣверную Аравію и часть Месопотаміи; подъ его знамена приводили войска шестнадцать царей. Это былъ послѣдній періодъ могущества Эйюбидовъ.

Празднуя Пасху пирами въ Барлеттѣ, Фридрихъ получилъ изъ Акки отъ своего намѣстника Томасо, графа ачеррскаго, извѣстіе о смерти Муаззама, непримиримаго врага христіанъ, и сталъ готовиться къ отплытію въ Палестину. Но въ апрѣлѣ умерла отъ родовъ императрица Изабелла. Это задержало отъѣздъ императора. Въ іюнѣ онъ кончилъ приготовленія, передалъ на время своего отсутствія управленіе сицилійскимъ королевствомъ Райнальду Сполетскому, сыну Конрада Урслингена, и 28 іюня отплылъ изъ Бриндизи, сопровождаемый проклятіями папы, говорившаго, что онъ слуга Мухаммеда и плыветъ въ Палестину не какъ крестоносецъ, а какъ разбойникъ. Фридрихъ отправляется въ Палестину 1228.

Экспедиція остановилась на нѣсколько времени у береговъ Кипра, которымъ правилъ Жанъ Ибленъ, опекунъ несовершеннолѣтняго короля Генриха. Фридрихъ заставилъ Иблена признать его леннымъ господиномъ королевства кипрскаго и обѣщаться, что будетъ до совершеннолѣтія Генриха отдавать ему королевскіе доходы.

Императоръ прибылъ 7 сентября въ Акку. Бароны, духовенство, рыцари, народъ встрѣтили его съ почестями. Тампліэры и іоанниты стали передъ нимъ на колѣна и цѣловали его колѣно, но сказали, что не могутъ дать ему цѣлованіе мира и обѣдать съ нимъ, потому что онъ отлученъ отъ церкви. Силы христіанъ въ Сиріи состояли только изъ 800 рыцарей и 10.000 человѣкъ пѣхоты, но это небольшое войско, ободренное твердостью императора, прониклось увѣренностью въ побѣдѣ. Фридрихъ былъ не похожъ на тѣхъ іерусалимскихъ королей, которые подчинялись тампліэрамъ и патріарху. Онъ умѣлъ заставить всѣхъ повиноваться ему. Камиль уже одолѣвалъ тогда султана дамасскаго, но все-таки съ почетомъ принялъ пословъ императора и самъ отправилъ къ нему пословъ. Фридрихъ съумѣлъ поставить себя въ такое положеніе, что Камиль видѣлъ: та сторона, на которую станетъ онъ, одержитъ побѣду. За свой союзъ Фридрихъ требовалъ только святыхъ мѣстъ, отдать которыя ему Камиль обѣщался черезъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Европу. Пріѣздъ Фридриха въ Акку.

Фридрихъ готовился идти въ Іоппію, когда приплыли въ Птолемаиду два францисканскіе монаха съ письмами отъ папы къ патріарху и гросмейстерамъ рыцарскихъ орденовъ. Папа запрещалъ повиноваться отлученному отъ церкви имератору. Фридрихъ немедленно по пріѣздѣ въ Птолемаиду отправилъ къ папѣ посольство съ увѣреніями, что не возвратится, не освободивъ святую землю отъ невѣрныхъ. Но это не подѣйствовало на Григорія: вражда къ Фрид- Дѣйствія Фридриха въ Палестинѣ 1228 — 1229.

риху была въ немъ сильнѣе усердія къ возстановленію власти христіанства въ Іерусалимѣ.—Результаты проклятія Фридриху, присланнаго папой въ Палестину, тотчасъ обнаружились: патріархъ іерусалимскій и все духовенство стали возбуждать въ палестинскихъ франкахъ вражду къ императору. Тампліэры и іоанниты уже раньше того сердились на Фридриха за предпочтеніе, какое оказывалъ онъ ордену нѣмецкихъ рыцарей; теперь они отказали ему въ повиновеніи. Венеціанцы перестали помогать ему. Султанъ египетскій, узнавъ, что вліяніе Фридриха ослабѣло, медлилъ исполнить договоръ. Но при всей затруднительности своего положенія Фридрихъ выказывалъ прежнюю твердость. Съ тѣми крестоносцами, которые остались вѣрны ему, съ рыцарями нѣмецкаго ордена, генуэзцами и пизанцами онъ пошелъ къ Іоппіи. Тампліэры и іоанниты не хотѣли идти, но скоро передумали: имъ было стыдно отказываться отъ войны съ невѣрными; они разсудили также, что если императоръ побѣдитъ безъ ихъ содѣйствія, то не дастъ имъ доли въ добычѣ, а если онъ будетъ побѣжденъ, то неудача будетъ приписана ихъ бездѣйствію, и вся Европа возненавидитъ ихъ; потому объявили, что выступятъ въ походъ, если приказанія будутъ отдаваться не отъ имени императора. Фридрихъ для успокоенія ихъ совѣсти велѣлъ объявить приказъ о выступленіи въ походъ не отъ своего имени, а «отъ имени Бога и христіанства». Они отправились въ походъ. Но императоръ былъ окруженъ измѣнниками. Камиль, стоявшій въ одномъ переходѣ отъ Іоппіи, чувствовавшій уваженіе къ уму и храбрости императора и поддерживавшій сношенія съ нимъ черезъ эмира Фахръ-адъ-Дина, знаменитаго ученаго, предостерегалъ его отъ предателей, злоумышляющихъ противъ его жизни, и въ подтвержденіе своихъ словъ прислалъ ему письмо, которое получилъ изъ христіанскаго стана. Въ этомъ письмѣ измѣнники сообщали султану, что императоръ отправляется на богомолье къ Іордану и что на этой поѣздкѣ легко убить его или взять въ плѣнъ. Около того же времени императоръ получилъ извѣстіе, что папа послалъ войско въ Апулію отнять ее у него. Фридрихъ рѣшился немедленно заключить миръ съ Камилемъ, расположеннымъ возстановить свои прежнія дружескія отношенія къ нему. Они оба были равнодушны къ религіи, но оба должны были уважать религіозныя чувства своихъ народовъ. Мусульмане считали святыней мечеть, построенную Омаромъ въ Іерусалимѣ. Камиль не могъ отдать ее христіанамъ, и Фридрихъ согласился, чтобъ она оставалась во власти мусульманъ. Камиль отдалъ христіанамъ весь остальной Іерусалимъ, виѳлеемскую и назаретскую области и все приморье отъ Іоппіи до Сидона. На этихъ условіяхъ былъ 18 февраля 1229 заключенъ миръ. Такимъ образомъ императоръ почти безъ всякой войны возвратилъ христіанамъ святыя мѣста, за которыя пятьдесять лѣтъ они безуспѣшно бились съ мусульманами.

Своей благоразумной и успѣшной политикой Фридрихъ пріобрѣлъ мало благодарности. Патріархъ Герольдъ, гросмейстеры тампліэровъ и іоаннитовъ сердились на то, что договоръ съ Камилемъ заключенъ безъ ихъ содѣйствія; патріарху слѣдовало бы радоваться, что при гробѣ Спасителя снова будетъ совершаться христіанское богослуженіе; слѣдовало бы винить папу въ томъ, что Фридрихъ не могъ сдѣлать болѣе обширныхъ пріобрѣтеній для церкви. Но вмѣсто того Герольдъ запретилъ христіанамъ посѣщать Іерусалимъ. Онъ написалъ два посланія, въ которыхъ горько жаловался на императора, подружившагося съ врагомъ Христовымъ, остановившаго успѣхи христіанскаго оружія, не позаботившагося упрочить владычество христіанъ въ Іерусалимѣ; говорилъ, что Фридрихъ въ душѣ „язычникъ и мусульманинъ,“ что потому онъ оказываетъ невѣрнымъ больше расположенія, чѣмъ служителямъ Христовымъ, что онъ ведетъ нехристіанскую жизнь съ пѣвицами и танцовщицами, которыхъ прислалъ ему въ подарокъ султанъ, что онъ держитъ въ своей свитѣ сарацинокъ, что они его любимые собесѣдники. Условія договора тогда не были въ точности извѣстны патріарху, и мусульмане разсказывали о нихъ не то, что̀ говорилъ императоръ; потому Герольдъ считалъ договоръ коварствомъ Фридриха, обманывающаго христіанъ, и между прочимъ говорилъ, что христіанамъ не дано право укрѣпить Іерусалимъ.

Враждебныя дѣйствія патріарха.

Не обращая вниманія на запрещеніе папы и патріарха, Фридрихъ отправился въ Іерусалимъ; толпы вѣрующихъ пошли туда подъ его охраной; онъ поклонился гробу Спасителя, ушелъ изъ храма, потому что духовенство не хотѣло совершать богослуженіе при немъ, отлученномъ отъ церкви; по окончаніи литургіи вошелъ въ храмъ, взялъ самъ съ престола королевскую корону и возложилъ ее на себя; церковнаго обряда коронаціи не было, но нѣмцы замѣнили его радостными пѣснями. Германъ Зальца прочелъ по-латини и по-нѣмецки манифестъ императора, въ которомъ Фридрихъ оправдывалъ себя, говорилъ, но въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, о несправедливости папы къ нему и высказывалъ твердую рѣшимость сдѣлать все, чего требуютъ слава Божія, польза церкви и честь имперіи. Архіепископъ кесарійскій отъ имени патріарха наложилъ интердиктъ на Іерусалимъ, пока будетъ находиться тамъ отлученный отъ церкви; богослуженіе прекратилось. При такихъ отношеніяхъ къ духовенству, оставаться въ Іерусалимѣ было непріятно Фридриху; онъ не сталъ дожидаться даже и того, чтобы начались работы для возстановленія стѣнъ, и черезъ два дня по пріѣздѣ уѣхалъ въ Акку.

Поѣздка Фридриха въ Іерусалимъ.

18 марта 1229.

По возвращеніи въ Акку, Фридрихъ далъ волю своему гнѣву, какъ выражался объ этомъ патріархъ въ письмѣ къ папѣ. Герольдъ хотѣлъ на деньги, полученныя по завѣщанію Филиппа Августа, нанять воиновъ. Императоръ видѣлъ въ этомъ намѣреніе нарушить миръ съ Камилемъ, объявилъ, что право имѣть войско принадлежитъ только королю іерусалимскому, то есть ему, запретилъ Герольду набирать воиновъ. Патріархъ отвѣчалъ, что совѣсть воспрещаетъ ему повиноваться приказаніямъ отлученнаго отъ церкви. Фридрихъ окружилъ дворецъ патріарха войскомъ, поставилъ у воротъ стражу, созвалъ духовенство, рыцарей и паломниковъ подъ открытымъ

Фридрихъ въ Аккѣ.

небомъ, произнесъ въ этомъ собраніи рѣчь, наполненную упреками патріарху и тампліэрамъ, велѣлъ крестоносцамъ, не принадлежавшимъ къ его собственному войску, уѣхать изъ Палестины, потому что цѣль крестоваго похода теперь достигнута, поручилъ своему намѣстнику Томасо Ачеррскому силой удалить тѣхъ, которые не захотятъ послушаться, велѣлъ выпускать тампліэровъ изъ Акки, но не впускать ихъ въ нее. Патріархъ говоритъ, что въ Вербное воскресенье въ церкви, въ которыхъ произносили проповѣди доминиканцы и францисканцы, вошли воины Фридриха, стащили проповѣдниковъ съ каѳедры, повалили на полъ и били бичами, какъ бьютъ воровъ. Въ отмщеніе за то Фридриху Герольдъ наложилъ интердиктъ и на Акку.

Возвращеніе императора въ Апулію.

Между тѣмъ изъ Италіи приходили извѣстія, дѣлавшія необходимостью для Фридриха спѣшить возвращеніемъ туда. Онъ велѣлъ грузить на корабли оружіе и другіе военные запасы, сжечь тѣ перевозочныя суда, которыя оказались лишними, поручилъ управленіе королевствомъ іерусалимскимъ баліану (правителю) сидонскому и 1 мая 1229 уплылъ изъ Акки. Духовенство не провожало его. Онъ отправился въ Апулію. Положеніе дѣлъ тамъ было очень опасно для него.

Война въ Апуліи 1229.

По отъѣздѣ императора изъ Италіи Григорій IX объявилъ, что освобождаетъ его подданныхъ отъ присяги, данной ему, и отлучилъ отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто будетъ защищать его власть. Монахи нищенствующихъ орденовъ разошлись повсюду объявлять папскую буллу и призывать народы къ возстанію противъ императора. Церковная десятина въ годы приготовленій къ крестовому походу присылалась папѣ на расходы для снаряженія этой экспедиціи. Григорій, державшій у себя эти деньги, нанялъ на нихъ воиновъ, на одежду которыхъ возложилъ изображеніе ключа (символа власти папы, преемника апостола Петра) и послалъ это войско въ Апулію. Крестоносцы, пришедшіе въ Италію съ намѣреніемъ плыть въ Палестину, поступили на службу папы. По церковнымъ законамъ, имущество людей, отправившихся въ святую землю на войну съ невѣрными, было неприкосновенно, но Григорій отправилъ воиновъ всяческихъ народовъ отнять владѣнія у государя, уплывшаго на войну съ невѣрными. Старые враги Фридриха, Томасо, графъ челанскій, Руджіэро, графъ аквильскій и другіе, присоединились къ войску папы, которое вели Жанъ Бріэннскій, кардиналы Колонна и Пелагій и капелланъ папы Пандольфо д'Ананьи. Намѣстникъ Фридриха Рейнальдъ, герцогъ сполетскій, собралъ апулійскихъ воиновъ и сарациновъ, предупредилъ вторженіе папскаго войска, вошелъ самъ въ папскія владѣнія, но былъ отбитъ. Папскія войска заняли всѣ апулійскія земли до Гарильяно и Вольтурно, перешли эти рѣки. Папа обѣщалъ новыя привилегіи городамъ, которые отложатся отъ Фридриха. Гаэта была сдана папскому войску измѣной; оно взяло Беневентъ и шло дальше, пролагая себѣ путь огнемъ и мечомъ. Въ Романьѣ и сѣверной Италіи вспыхнула ожесточенная война между гвельфами и гибеллинами.

Граждане Болоньи, Флоренціи, Равенны, Имолы пошли противъ гражданъ Модены, Пармы, Кремоны, оставшихся преданными императору. Миланцы опустошали владѣнія графовъ Савойскихъ.—Рейнальдъ заперся въ Сульмонѣ и съ трудомъ оборонялъ эту крѣпость; другой полководецъ Фридриха, верховный судья Энрико Норра, былъ разбитъ при Санъ-Джермано, ушелъ въ Капую; папскія войска осадили и эту крѣпость. Жанъ Бріэннскій занялъ или блокировалъ всѣ приморскіе города Апуліи и уже надѣялся сдѣлаться королемъ сицилійскимъ; но папскія войска внезапно услышали, что императоръ приплылъ въ Бриндизи, вышелъ на берегъ; они оробѣли; приверженцы Фридриха собирались къ нему, ломбардцы, бывшіе въ войскѣ Жана Бріэннскаго, ушли домой; ушли многіе другіе воины его; скоро всѣ области, занятыя Жаномъ Бріэннскимъ, были отняты у него; онъ держался только въ Санъ-Джермано и окрестностяхъ этой крѣпости.

Но Григорій не хотѣлъ мириться. Тотчасъ по возвращеніи въ Италію Фридрихъ отправилъ къ нему Германа Зальцу и двухъ апулійскихъ архіепископовъ съ предложеніями мира. Григорій, жившій тогда въ Перуджіи, отвѣчалъ на это тѣмъ, что повторилъ отлученіе и обратился ко всѣмъ государямъ и народамъ съ просьбой о помощи противъ врага церкви и вѣры. Онъ составилъ по донесеніямъ патріарха іерусалимскаго грамату, въ которой доказывалъ, что императоръ въ Палестинѣ дѣйствовалъ коварно; его агенты распространяли по всей Европѣ этотъ документъ. Онъ возбуждалъ въ Германіи вельфскую партію противъ императора, убѣждалъ нѣмецкихъ князей возстать противъ ненавистнаго рода Гоэнштауфеновъ, «гонителей церкви». Но его хлопоты были напрасны. Нѣмецкіе князья остались вѣрны Фридриху; легатъ папы, возбуждавшій къ возстанію, встрѣчалъ такой дурной пріемъ, что бывалъ иногда въ опасности лишиться жизни; ему пришлось спасаться бѣгствомъ изъ Люттиха, Ахена, нѣкоторыхъ другихъ городовъ; наконецъ онъ пересталъ вмѣшиваться въ политическія дѣла и занялся исключительно ревизіей церквей. Въ Англіи духовенство съ неудовольствіемъ покорилось требованію папы, чтобъ оно дало ему пособіе на войну съ Фридрихомъ, а бароны не захотѣли дать ничего. Изъ Франціи папа не получилъ ничего; Людовикъ IX, при всемъ своемъ благочестіи, остался союзникомъ Фридриха. Изъ Пиренейскаго полуострова, гдѣ было такъ много авантюристовъ, никто не поѣхалъ на службу папѣ. Ломбардцы не хотѣли помогать ему. Фридрихъ одерживалъ побѣды. Къ нему собрались апулійцы и сарацины; нѣмецкіе крестоносцы, возвратившіеся съ нимъ изъ Палестины, остались при немъ. Онъ гналъ папскія войска изъ Апуліи, награждалъ привилегіями Андрію, Капую и другіе города, сохранявшіе вѣрность ему, наказывалъ города измѣнившіе. У папскихъ войскъ не было продовольствія, они не получали жалованья и ушли изъ Санъ-Джермано. Императоръ вступилъ въ этотъ городъ, взялъ крѣ-

Побѣды Фридриха 1229—1230.

пость Сору; папскія войска совершенно очистили Апулію, и въ концѣ осени уже повиновалась Фридриху вся эта страна, кромѣ Гаэты и Сантъ-Агаты, получившихъ отъ папы большія привилегіи и не хотѣвшихъ отказаться отъ нихъ. Путь къ Риму былъ открытъ Фридриху; папа зналъ, что при его приближеніи гибеллины возстанутъ.

Санъ-Джерманскій миръ 1230.

Григорій увидѣлъ необходимость примириться съ тѣмъ, о комъ выражался, что онъ, «такъ называемый императоръ», «врагъ Христа». Къ Фридриху пришли многіе нѣмецкіе князья и епископы; папа вступилъ въ переговоры, но ломбардцы не желали мириться; Григорій боялся разсердить ихъ и медлилъ заключеніемъ мира. Въ Римѣ надѣлалъ много вреда разливъ Тибра, были другіе несчастные случаи; римляне приписали это гнѣву Божію на нихъ за то, что они прогнали папу; они пригласили Григорія возвратиться. По его пріѣздѣ въ Римъ переговоры пошли успѣшнѣе, и, при посредничествѣ нѣмецкихъ князей, былъ заключенъ 23 іюля миръ въ Санъ-Джермано. Императоръ согласился не отнимать римскую область у папы, далъ гражданамъ Сантъ-Агаты годъ отсрочки для принятія его требованій, предоставилъ духовенству сицилійскаго королевства свободу выборовъ на епископскія каѳедры, освободилъ его отъ податей и отъ подвластности свѣтскому суду. Григорій 28 августа снялъ съ императора отлученіе. Послѣ того они съѣхались на свиданіе въ Ананьи, говорили другъ другу любезности; Григорій называлъ Фридриха своимъ возлюбленнѣйшимъ сыномъ. Императоръ обѣщалъ прощеніе ломбардцамъ.

1 февраля 1230.

Законы противъ еретиковъ.

Фридрихъ объяснилъ Григорію, что независимость ломбардскихъ городовъ вредна не ему только, но и церкви, потому что они наполнены еретиками! Григорій былъ очень усерднымъ гонителемъ еретиковъ. Мы говорили (стр. 60) о свирѣпыхъ постановленіяхъ тулузскаго собора и объ ужасной дѣятельности инквизиціи; Григорій и въ Римѣ жегъ еретиковъ. Фридрихъ въ угожденіе ему издалъ въ 1231 году знаменитый законъ о наказаніи еретиковъ. Этимъ закономъ императоръ постановилъ, что римскій сенаторъ (правитель) при вступленіи въ должность присягаетъ исполнять приговоры инквизиціи; чтобъ онъ усердно жегъ еретиковъ, Фридрихъ узаконилъ, что онъ получаетъ половину имущества осужденныхъ (другая половина поступала въ казну папы); а если онъ окажется неусерденъ въ исполненіи приговоровъ инквизиціи, то подвергается отлученію отъ церкви, лишенію гражданской чести и денежному штрафу.—Фридрихъ II, человѣкъ невѣрующій, подвергъ гоненію еретиковъ. Въ его конституціяхъ королевства сицилійскаго говорится: Еретики, разрывающіе нешвенный хитонъ Спасителя, должны быть предаваемы пламени предъ глазами народа; укрывающіе ихъ лишаются имущества; ихъ дѣти не могутъ занимать никакихъ должностей и не могутъ быть свидѣтелями на судѣ; только когда сынъ еретика сдѣлаетъ доносъ на еретика, ему возвращается честь императорскою милостью. Таковъ былъ характеръ союза Фридриха съ папой. Впрочемъ обвиненіе въ ереси часто служило для Фридриха только предлогомъ предавать смерти людей опасныхъ ему своей любовью къ свободѣ. Такъ поступали и другіе государи, покровительствовавшіе инквизиціи: они пользовались ею, какъ политическимъ орудіемъ.

Притомъ имущество осужденныхъ за ересь конфисковалось; потому наказывать еретиковъ было выгодно. Часть конфискуемаго имущества давалась доносчикамъ и судьямъ; оттого судьи усердствовали и доносчики тоже.

---

3. Политическая дѣятельность Фридриха.

Стремленія Фридриха.

По заключеніи санъ-джерманскаго мира, Фридрихъ дѣятельно занялся устройствомъ порядка въ своихъ владѣніяхъ. Въ королевствѣ сицилійскомъ онъ разрушилъ феодальную организацію, основалъ на развалинахъ ея бюрократическую монархію. Въ Германіи онъ наградилъ духовныхъ и свѣтскихъ князей за вѣрность ему въ годы борьбы такими правами, что областные государи сдѣлались сильнѣе короля, и подъ давленіемъ ихъ стала ослабѣвать свобода городовъ. Права, предоставленныя Фридрихомъ нѣмецкимъ феодальнымъ владѣтелямъ, окончательно сдѣлали ихъ государями въ своихъ земляхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ они были поставлены въ необходимость созывать своихъ вельможъ на сеймы, которые пріобрѣли довольно большое вліяніе на дѣла. Въ сѣверной Италіи Фридрихъ старался при содѣйствіи феодальныхъ владѣтелей подавить свободу городовъ и установить свое владычество надъ этой страной и хотѣлъ быть полновластнымъ повелителемъ въ ней. Онъ былъ человѣкъ большого ума, искусный правитель и полководецъ, имѣлъ сильное войско. Однакожь его мечты разбились о факты. Онъ желалъ имѣть своимъ союзникомъ папу, опираться на іерархію; но іерархія и папа хорошо поняли, что его стремленія противоположны ихъ интересамъ и перешли на сторону его враговъ. Республиканцы сѣверноитальянскихъ городовъ вышли побѣдителями изъ тяжелой борьбы съ нимъ. Въ Германіи феодальные князья, сдѣлавшись государями своихъ областей, раздробили королевство на куски, надъ которыми король не имѣлъ почти никакой власти. Централизація, введенная Фридрихомъ въ сицилійскомъ королевствѣ, отняла у населенія силу обороняться отъ внѣшнихъ враговъ, и вскорѣ по смерти Фридриха его династія была тамъ низвергнута иноземцами. Междоусобія, возбужденныя стремленіями Фридриха къ неограниченной власти, произвели событія, имѣющія очень важное историческое значеніе. Мы переходимъ къ разсказу о нихъ.

а) Нѣмецкія дѣла.

Совѣтники Генриха.

Отправляясь въ Италію принять императорскую корону, Фридрихъ поручилъ нѣсколькимъ даровитымъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ воспитаніе своего сына и управленіе королевствомъ. Главою

этого правительственнаго совѣта былъ Энгельбертъ, архіепископъ кельнскій, происходившій изъ рода графовъ бергскихъ. Въ маѣ 1222 онъ короновалъ 11-лѣтняго Генриха королемъ нѣмецкимъ и сталъ править государствомъ отъ его имени. Помощниками Энгельберта были двое вельможъ, находившихся на личной службѣ Фридриха и потому называвшихся министеріалами; оба они происходили изъ знатнаго швабскаго рода фонъ-Танне. Одинъ изъ нихъ былъ Эбергардъ Вальдбургъ, королевскій кравчій и хранитель знаковъ королевскаго сана, а другой, Конрадъ Винтерштетенъ, знаменитый миннезенгеръ, былъ королевскій мундшенкъ. Большимъ вліяніемъ пользовались еще двое изъ помощниковъ Эбергарда, Вернеръ фонъ-Боландъ и маршалъ Ансельмъ фонъ-Юстингенъ. Соперниками Эбергарда въ правительственномъ совѣтѣ были воспитатель молодого короля Оттонъ, епископъ вюрцбургскій, и канцлеръ Конрадъ, епископъ шпейерскій. Но оба они скоро умерли, и Эбергардъ сталъ полновластнымъ человѣкомъ въ правительственномъ совѣтѣ. Положеніе его было очень тяжело. Духовные и свѣтскіе князья уже привыкли держать себя, какъ независимые государи, и вообще поступали, какъ сами хотѣли. Намѣстники (викаріи), которымъ было поручено непосредственное завѣдываніе дѣлами въ разныхъ частяхъ королевства, тоже мало слушались Эбергарда. Королевская власть принадлежала Генриху; онъ, подростая, началъ вмѣшиваться въ дѣла. Фридрихъ часто присылалъ изъ Италіи приказанія Эбергарду и по многимъ дѣламъ предоставлялъ рѣшеніе себѣ. Эбергардъ долженъ былъ угождать и Фридриху и Генриху; приближенные Генриха часто дѣйствовали отъ его имени помимо Энгельберта.

Регентство Энгельберта.

Но, при всѣхъ затрудненіяхъ, Энгельбертъ правилъ государствомъ твердо, такъ что Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде говоритъ: «хвала его дивно ростетъ»; онъ по-возможности защищалъ порядокъ отъ самоуправства князей и поддерживалъ интересы государства при столкновеніи съ датчанами.

Взятіе въ плѣнъ Вальдемара 1223—1225.

Мы видѣли, что Кнудъ VI и Вальдемаръ II, получившій названіе Побѣдоноснаго, умѣли хорошо воспользоваться войной между Вельфами и Гоэнштауфенами. Фридрихъ II уступилъ Вальдемару нѣмецкія области за Эльбой и Эльдой и славянскія земли, лежащія дальше къ востоку. Не опасаясь нападенія со стороны Германіи, Вальдемаръ покорилъ южный и юго-восточный берегъ Балтійскаго моря. Онъ принялъ титулъ короля датчанъ и славянъ и господина Нордальбингіи. Графы шверинскіе, Генрихъ и Гунцель, должны были признать себя вассалами его. Онъ женилъ своего побочнаго сына Николя на дочери Гунцеля. Генрихъ Шверинскій отправился въ крестовый походъ, Гунцель умеръ; Генрихъ, возвратившись въ 1222 году, нашелъ, что Вальдемаръ занялъ всю его землю, назначилъ ее въ наслѣдство сыну Николя. Говорятъ также, что Вальдемаръ обольстилъ жену Генриха, которую мужъ, уѣзжая, поручилъ его покровительству. Ген-

1223.

рихъ задумалъ мстить. Весною слѣдующаго года Вальдемаръ съ своимъ сыномъ, котораго звали тоже Вальдемаромъ, охотился на островахъ Малаго Бельта. Ночью съ 6 на 7 мая Генрихъ съ отрядомъ воиновъ приплылъ на маленькій островъ, гдѣ ночевали король и его сынъ, захватилъ ихъ сонныхъ, завязалъ имъ рты, уплылъ съ ними къ мекленбургскому берегу, и черезъ владѣнія своего союзника, маркграфа бранденбургскаго, провезъ ихъ въ замокъ Даннебергъ (въ люнебургской области). Папа Гонорій вступился за датскаго короля и поручилъ архіепископу кельнскому требовать его освобожденія, потому что онъ далъ обѣтъ идти въ крестовый походъ и слѣдовательно находится подъ покровительствомъ церкви. Называя Генриха измѣнникомъ ленному господину, папа угрожалъ ему отлученіемъ, если онъ до истеченія мѣсячнаго срока не освободитъ своихъ плѣнниковъ. Но нѣмецкіе сѣверо-восточные князья были рады воспользоваться случаемъ, чтобы свергнуть съ себя власть датскаго короля; императоръ Фридрихъ тоже не хотѣлъ пропустить удобнаго случая къ возстановленію своей власти въ нѣмецкихъ областяхъ за Эльбой; потому угрозы папы были не страшны Генриху. Императоръ послалъ въ сѣверную Германію находившагося при немъ гросмейстера нѣмецкаго ордена Германа Зальцу вести переговоры съ плѣннымъ Вальдемаромъ. Германъ 4 іюля 1224 заключилъ съ Вальдемаромъ договоръ, по которому датскій король возвратилъ нѣмецкому государству всѣ области за Эльбой, отказался отъ ленной власти надъ Генрихомъ Шверинскимъ и другими нѣмецкими князьями, призналъ датское королевство леномъ нѣмецкаго короля, присягнулъ на вѣрность ему, обязался заплатить Генриху 40.000 кельнскихъ марокъ серебра, обѣщался отправиться въ крестовый походъ или взамѣнъ того дать большую сумму денегъ на войну съ невѣрными. Но племянникъ короля датскаго Альбрехтъ, графъ орламюндскій, управлявшій королевствомъ по взятіи Вальдемара въ плѣнъ, отказалъ въ своемъ согласіи на этотъ договоръ и хотѣлъ освободить дядю силой оружія. Генрихъ Шверинскій вступилъ въ союзъ съ Гергардомъ, архіепископомъ бременскимъ, и пошелъ съ нимъ возвратить власть надъ Гольштиніей сыну прогнаннаго герцога, Адольфа Шауэнбургскаго, называвшемуся тоже Адольфомъ. Гольштинія была отдана Вальдемаромъ Альбрехту. Онъ пошелъ защищать свое владѣніе, но при Мельнѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Генрихомъ. Послѣ того договоръ, по которому освобождался Январь 1225.
Вальдемаръ, былъ возобновленъ съ нѣкоторыми измѣненіями; сумма, назначенная Генриху за его освобожденіе Вальдемара, была увеличена до 45.000 марокъ, Гольштинія была отдана Адольфу, Мекленбургъ былъ возвращенъ Генриху; но датскій король былъ избавленъ отъ вассальства королю нѣмецкому. Пробывъ два съ половиною года въ плѣну, онъ былъ 21 декабря освобожденъ. Возвратившись въ Данію, онъ хотѣлъ отмстить своимъ врагамъ; лѣтомъ 1226 пошелъ въ

Гольштинію, покорилъ дитмаршей, взялъ Рендсбургъ и нѣкоторые другіе города. Но графы гольштинскій и шверинскій и архіепископъ бременскій получили помощь отъ Альбрехта, герцога саксонскаго, и отъ города Любека, встрѣтили Вальдемара у селенія Бёрнгёведе; дитмарши перешли на сторону нѣмцевъ, это рѣшило побѣду. Оттонъ, племянникъ Вальдемара, былъ взятъ въ плѣнъ; Вальдемаръ, раненный, едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Дитмарши возстановили свою независимость и очень долго оставались народомъ свободныхъ поселянъ, живущихъ по своимъ старымъ обычаямъ. Плѣнный графъ орламюндскій принужденъ былъ уступить Лауэнбургъ герцогу саксонскому. Изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Вальдемаромъ, у него остались только островъ Рюгенъ и Эстляндія.

22 іюня.

Смерть Энгельберта 1225.

Энгельбертъ хотѣлъ женить Генриха, сына императора, на дочери короля англійскаго; но императоръ предпочелъ женить сына на Маргаретѣ, старшей дочери Леопольда VII, герцога австрійскаго и штирійскаго. Жениху было только четырнадцать лѣтъ, но въ тѣ времена такіе браки были не рѣдкостью. Свадьба сына была назначена 18 ноября 1225 года черезъ девять дней послѣ свадьбы его отца. — Фридрихъ праздновалъ свою свадьбу въ Бриндизи; мѣстомъ свадьбы Генриха былъ назначенъ Нюрнбергъ, Энгельбертъ поѣхалъ туда. На дорогѣ близъ маленькаго города Швельма на него неожиданно бросился съ вооруженными людьми племянникъ его Фридрихъ, графъ изенбургскій; племянникъ и его сообщники нанесли Энгельберту 38 ранъ. Онъ обуздывалъ самоуправство вельможъ, раздражилъ этимъ и своего племянника, человѣка буйнаго. На третій день послѣ своей свадьбы Генрихъ назначилъ судъ надъ убійцей. Въ собраніи князей, составлявшихъ судъ, поднялся споръ о томъ, объявить ли теперь же виновнаго лишеннымъ покровительства законовъ, или должно судить его формальнымъ порядкомъ. Нѣкоторые разгорячились до такой степени, что схватились за оружіе. Произошла давка, лѣстница подломилась подъ сотнями людей, 50 человѣкъ разбились при паденіи такъ, что умерли въ ту же минуту; въ числѣ ихъ было двадцать три рыцаря; многіе другіе умерли черезъ нѣсколько времени отъ ушибовъ. Фридрихъ изенбургскій цѣлый годъ скрывался, скитаясь по Германіи, наконецъ былъ схваченъ въ Люттихѣ, привезенъ въ Кельнъ и колесованъ.

7 ноября.

Правленіе Генриха VII.

Много безпорядковъ было въ Германіи при Энгельбертѣ; по его смерти, анархія увеличилась. Молодой король не слушался благоразумныхъ совѣтовъ, очень рано усвоилъ себѣ порочныя привычки, буйствовалъ и развратничалъ. Буркгардъ фонъ Урспергъ говоритъ: «Князья и вельможи, научившись діавольскому искусству, не боялись нарушать клятвы и попирать ногами законы». Императоръ поручилъ Людвигу, герцогу баварскому, находиться при Генрихѣ и быть совѣт-

никомъ подростающаго юноши. Но Генрихъ не слушался Людвига, и по всей Германіи шли междоусобія.

Междоусобія въ Германіи.

Въ регенсбургскомъ епископствѣ вели войну два претендента на эту каѳедру. Королевскія войска осаждали Брауншвейгъ, владѣтель котораго герцогъ Оттонъ люненбургскій, союзникъ короля датскаго, былъ взятъ въ плѣнъ; брауншвейгцы отбили осаждающихъ. Епископъ утрехтскій воевалъ съ непокорнымъ вассаломъ своимъ, графомъ Рудольфомъ куворденскимъ. Въ Гронингенскихъ болотахъ тяжело вооруженные воины епископа глубоко вязли въ грязь и потерпѣли полное пораженіе. Епископъ былъ взятъ въ плѣнъ, и дрентскіе поселяне, въ руки которыхъ попался онъ, убили его. Преемникъ его Вильбрандъ отлучилъ отъ церкви Рудольфа и жителей Дренте, потомъ вступилъ съ ними въ переговоры; Рудольфъ пріѣхалъ въ станъ епископа, былъ схваченъ и колесованъ.—На верхнемъ Рейнѣ, епископъ страсбургскій Бертольдъ Текъ и его родственники вели опустошительную войну съ графомъ ифиртскимъ; Конрадъ, аббатъ санктгалленскій, наконецъ убѣдилъ ихъ помириться. Когда Григорій IX отлучилъ императора отъ церкви, то сталъ возбуждать нѣмецкихъ князей выбрать другого короля. Онъ склонялъ Оттона Люнебургскаго искать королевской короны; но Оттонъ отвѣчалъ, что не хочетъ себѣ судьбы своего дяди Оттона IV, потому хлопоты папы остались пока безуспѣшны. Но король Генрихъ поссорился съ Людвигомъ, герцогомъ баварскимъ, совѣтоваться съ которымъ велѣлъ ему отецъ. Людвигъ былъ доведенъ Генрихомъ до того, что взялся за оружіе. Генрихъ пошелъ въ Баварію, сталъ опустошать ее; Людвигъ принужденъ былъ покориться ему и дать заложниковъ вѣрности.

Августъ 1226.

Образъ жизни Генриха.

Трирскій лѣтописецъ говоритъ: «Теперь Генрихъ сталъ независимо править королевствомъ, но велъ жизнь очень неприличную королю». Это подтверждаютъ и другіе писатели того времени. Генрихъ распутничалъ, пренебрегалъ женой, хотѣлъ развестись съ ней. Отецъ Маргареты, герцогъ Леопольдъ австрійскій, умеръ въ іюлѣ 1230, ея братъ. сдѣлавшійся герцогомъ, не отдавалъ обѣщаннаго приданаго; отъ этого вражда Генриха къ женѣ увеличилась. Онъ проводилъ время въ обществѣ любовницъ, охотниковъ, миннезенгеровъ, фокусниковъ, пьянствовалъ и привыкалъ ко всему дурному.

Пріятели, пировавшіе съ Генрихомъ, и миннезенгеры льстили ему; онъ сталъ тщеславенъ, высокомѣренъ. Какъ Генрихъ IV въ молодости, онъ рѣдко совѣтовался съ князьями, слушалъ своихъ льстецовъ, людей большею частью незнатныхъ, простыхъ рыцарей и министеріаловъ.

Ссора Генриха съ отцомъ.

Генрихъ сталъ тяготиться зависимостью отъ отца, досадовалъ на приказанія, какія получалъ изъ Италіи. Товарищи пировъ и льстецы соглашались съ нимъ, что для него унизительно подчиняться отцу, что ему легко будетъ пріобрѣсти независимость. Ломбардцы были во враждѣ съ Фридрихомъ; льстецы Генриха говорили, что императору нельзя будетъ провести войско въ Германію; императоръ былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ; Генриху нельзя было разсчитывать на то,

что смерть отца скоро дастъ ему независимость. Любви къ отцу у него не было; они мало видывались между собой. У Генриха созрѣла мысль отложиться отъ отца. Фридрихъ, заключивъ миръ съ папой, старался пріобрѣсти его расположеніе, издалъ, какъ мы говорили, суровые законы противъ еретиковъ, покровительствовалъ проповѣди крестоваго похода на стединговъ, не мѣшалъ кардиналу-легату Оттону основывать въ Германіи доминиканскіе монастыри и инквизиціонные трибуналы, покровительствовалъ нѣмецкимъ епископамъ. Генрихъ не любилъ духовенство; старался мѣшать легату; защитилъ Люттихъ, Мастрихтъ, Тонгернъ, нѣкоторые другіе города отъ мщенія ихъ епископовъ, которымъ отказали они въ повиновеніи, подтвердилъ ихъ права. Но онъ былъ человѣкъ слабаго характера и не пользовался уваженіемъ, потому его возстаніе противъ отца не могло быть успѣшно. Фридрихъ покровительствовалъ стремленію нѣмецкихъ князей подавить свободу городовъ. Майнцъ, Бингенъ, Вормсъ, Шпейеръ, Франкфуртъ и нѣкоторые другіе города заключили между собою оборонительный союзъ; Генрихъ одобрилъ это. Но князья принудили его запретить союзъ городовъ и на вормсскомъ сеймѣ были приняты постановленія, подавлявшія развитіе городовъ, подчинявшія ихъ тѣмъ
1 мая 1231. князьямъ, въ областяхъ которыхъ они находились. Но съ тѣмъ вмѣстѣ было установлено, что князья не могутъ вводить налоговъ безъ согласія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ своихъ областей. Этотъ законъ имѣлъ своимъ результатомъ возникновеніе областныхъ сеймовъ.

Постановленія вормсскаго сейма.

Фридрихъ хотѣлъ, какъ мы говорили, наградить нѣмецкихъ князей за вѣрность ему, упрочить за собою ихъ преданность; съ его одобренія, вормскій сеймъ запретилъ городамъ давать право гражданства переселяющимся въ нихъ подданнымъ князей, вельможъ и церкви, запретилъ давать право гражданства и свободнымъ людямъ, живущимъ внѣ городовъ. Прежде дѣлалось то и другое, и обычай этотъ много содѣйствовалъ увеличенію силы городовъ. Кругъ вѣдомства городскаго суда былъ ограниченъ землями, принадлежащими городу. Сеймъ постановилъ, что города должны возвратить князьямъ, вельможамъ и церкви полученные отъ нихъ лены. Князья пріобрѣли право запрещать городамъ построеніе укрѣпленій. Генрихъ обѣщалъ не давать городамъ и мѣстечкамъ никакихъ правъ, нарушающихъ интересы князей. Другимъ рѣшеніемъ вормсскаго сейма было постановлено, что князья не могутъ издавать никакихъ законовъ, не могутъ вводить никакихъ налоговъ безъ согласія вельможъ и другихъ знатныхъ людей своихъ владѣній.

Фридрихъ въ Равеннѣ 1231.

Фридрихъ пригласилъ нѣмецкихъ князей пріѣхать въ Равенну на сеймъ для установленія мира во всей имперіи. Ломбардцы заняли пути черезъ сѣверную Италію; но всетаки очень многіе нѣмецкіе князья пріѣхали въ Равенну, Генрихъ не поѣхалъ туда. Фридрихъ отлагалъ до его пріѣзда нѣкоторыя изъ совѣщаній сейма; но онъ

оставался въ Германіи, не дѣлая и попытки проѣхать какимъ нибудь путемъ въ Равенну. Было ясно, что отецъ и сынъ поссорятся. Говорятъ, что Генрихъ опасался подвергнуться бѣдѣ, если пріѣдетъ къ отцу, что одной изъ причинъ его недовѣрія было убійство Людвига, герцога баварскаго, поднимавшаго, какъ мы знаемъ, оружіе противъ Гоэнштауфеновъ.

Убійство Людвига Баварскаго 16 сентября 1231.

Герцогъ, жившій въ Кельгеймѣ, обыкновенной своей резиденціи, отправился на прогулку; дорога вела черезъ мостъ; на мосту неизвѣстный никому человѣкъ закололъ герцога кинжаломъ. Убійцу пытали,, онъ умеръ въ пыткахъ, не сказавъ ничего. Распространилась молва, что онъ ассасинъ, подосланный Фридрихомъ, хотѣвшимъ отмстить герцогу за мятежъ. Враги Фридриха находили эту молву справедливой. Въ числѣ обвиненій противъ Фридриха, высказанныхъ папой на ліонскомъ соборѣ, находилось и то, что убійство герцога баварскаго было, „какъ достовѣрно утверждаютъ,“ совершено по внушенію императора. Но сынъ и преемникъ Людвига Оттонъ былъ вѣрнымъ приверженцемъ Гоэнштауфеновъ, потому должно думать, что семейство Людвига считало несправедливой молву, винившую Фридриха въ его смерти.

Свиданіе Фридриха съ Генрихомъ въ Чивидале 1232.

Фридрихъ нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ сына въ Равеннѣ, наконецъ перенесъ сеймъ въ Аквилею и въ мартѣ пріѣхалъ туда. Генриху нельзя было долѣе отлагать повиновеніе призыву отца. На Пасху онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи Зигфрида, епископа регенсбургскаго, которому императоръ поручилъ наблюдать за нимъ.—Предъ отъѣздомъ изъ Равенны императоръ утвердилъ постановленія вормсскаго сейма и въ дополненіе къ нимъ обнародовалъ грамату, по которой запрещалъ въ епископскихъ городахъ всякія корпораціи ремесленниковъ, устранялъ отъ должности бургомистровъ, ратмановъ и другихъ начальниковъ, избранныхъ гражданами безъ согласія князей, отмѣнялъ свободу городскихъ выборовъ и всѣ независимыя отъ князей городскія учрежденія, «чтобы князья могли спокойно пользоваться своими правами», какъ онъ выражался. Будучи врагомъ ломбардскихъ городовъ, онъ естественно былъ враждебенъ и самостоятельности нѣмецкихъ городовъ; притомъ онъ разсчитывалъ, что ея подавленіе запугаетъ итальянскихъ горожанъ. Нѣмецкіе князья выказывали тогда очень большое расположеніе къ императору, называли его «живымъ закономъ на землѣ». Генрихъ пріѣхалъ къ отцу въ Чивидале (близъ Аквилеи). Императоръ рѣзко упрекалъ его за самоволіе, онъ просилъ помилованія, клятвенно обѣщался безусловно повиноваться отцу во всемъ, не предпринимать ничего во вредъ его власти, чести или особѣ, долженъ былъ объявить, что если не исполнитъ обѣщанія, то князья не должны повиноваться ему и что самый актъ неповиновенія отцу уже дѣлаетъ его отлученнымъ отъ церкви. Кромѣ всего этого императоръ потребовалъ, чтобы герцоги саксонскій, каринтійскій и меранскій и девять епископовъ подписали обѣщаніе наблюдать за вѣрностью

Генриха отцу и, въ случаѣ нарушенія имъ клятвы, защищать права императора. Вытребовавъ все это, императоръ простилъ сына.

b) Учрежденія, введенныя Фридрихомъ въ сицилійскомъ королевствѣ.

Результаты санъ-джерманскаго мира.

Пять лѣтъ, слѣдовавшія за заключеніемъ санъ-джерманскаго мира, были блестящимъ періодомъ царствованія Фридриха. Григорій утвердилъ договоръ съ Камилемъ, Фридрихъ упрочивалъ за собою расположеніе султана, посылая подарки ему и его брату, отправилъ въ Сирію войско и корабли съ маршаломъ Риччардо, графомъ ачеррскимъ, котораго назначилъ своимъ намѣстникомъ въ королевствѣ іерусалимскомъ. Григорій велѣлъ тампліэрамъ и іоаннитамъ соблюдать миръ съ Камилемъ, который и самъ желалъ жить въ мирѣ съ франками, потому что опасался султана ховарезмскаго и предвидѣлъ нашествіе еще болѣе страшныхъ враговъ, монголовъ.

Конституція королевства сицилійскаго.

Главной заботой Фридриха въ эти годы было установленіе монархическаго устройства въ королевствѣ сицилійскомъ. Въ августѣ 1231 на придворномъ съѣздѣ въ Мельфи Фридрихъ обнародовалъ знаменитый кодексъ, называющійся «Конституціями (уставами) королевства сицилійскаго». Мы знаемъ, что надъ составленіемъ ихъ работалъ Іаковъ, архіепископъ капуанскій; но по всей вѣроятности участвовалъ въ этой работѣ и Петръ Винейскій. Прежніе законы королевства сицилійскаго и законы, установленные Фридрихомъ, соединены тутъ въ систематическое цѣлое и переработаны на основаніи понятій, имѣющихъ уже не средневѣковой характеръ, а тотъ, какой былъ принятъ законами государей, царствовавшихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ Германіи королевская власть ослабѣвала, переходила въ руки областныхъ государей, страна распадалась на независимыя владѣнія. Въ сицилійскомъ королевствѣ Фридрихъ основывалъ то устройство, которое впослѣдствіи времени стало называться бюрократической монархіей. По его конституціямъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ короля, управляющаго дѣлами при помощи сановниковъ, которыхъ онъ назначаетъ и смѣняетъ по своей волѣ и которые только исполнители его распоряженій.

По конституціямъ Фридриха, вассалы участвуютъ подобно другимъ подданнымъ въ платежѣ налоговъ. Феодальная система расшатывается тѣмъ, что вассалу, не имѣющему сыновей, наслѣдуютъ дочери, и эти наслѣдницы остаются до своего замужества подъ опекою короля; ту же цѣль имѣетъ законъ, что, по смерти подвассала, ленный господинъ его не можетъ передавать находившіеся въ его владѣніи лены другому подвассалу безъ согласія короля. На придворные съѣзды Фридрихъ сталъ созывать представителей городовъ; прежде на нихъ приглашались только бароны и прелаты. Это нововведеніе имѣло также цѣлью ослабить вліяніе высшихъ сословій.

Григорій былъ очень недоволенъ обнародованіемъ конституцій. Римская курія утверждала, что только духовная власть имѣетъ божественное происхожденіе; Фридрихъ приписывалъ такое же происхожденіе и королевской власти. Кромѣ того онъ стѣснялъ пріобрѣтеніе владѣній церковью и по нѣкоторымъ дѣламъ подчинялъ духовенство свѣтскому суду, отмѣнялъ свободу церковныхъ имѣній отъ государственныхъ налоговъ, ставилъ все подъ контроль королевскаго правительства. Григорій убѣждалъ Фридриха не вводить безбожныхъ, какъ онъ называлъ, постановленій; Фридрихъ оставилъ безъ вниманія эти увѣщанія, перестроилъ всѣ учрежденія королевства сицилійскаго по принципу неограниченной власти монарха.

1. Верховнымъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ была коллегія, состоявшая изъ четырехъ великихъ дворцовыхъ судей подъ предсѣдательствомъ великаго дворцоваго юстиціарія. По конституціямъ Фридриха, она судитъ дѣла объ измѣнѣ и мятежѣ, имѣетъ надзоръ надъ всѣми другими трибуналами, рѣшаетъ дѣла гражданскія и уголовныя, переносимыя въ нее апелляціями отъ областныхъ судей, разрѣшаетъ спорные административные вопросы; въ томъ городѣ, гдѣ засѣдаетъ она, прекращается власть всѣхъ другихъ трибуналовъ; она постановляетъ свои рѣшенія отъ имени короля. Областнымъ судьей въ каждой изъ девяти провинцій, на которыя дѣлилось королевство, былъ юстиціарій. На эту должность король всегда назначалъ человѣка изъ какой нибудь другой области, не имѣющаго даже и родныхъ въ провинціи, судьей которой онъ будетъ. Юстиціарій получалъ жалованье отъ короля; принимать подарки было строго запрещено ему. Онъ долженъ былъ дѣлать частые объѣзды по своей провинціи, чтобы безъ промедленія рѣшать дѣла на мѣстѣ. Ему были подсудны всѣ уголовныя дѣла и тяжбы вассаловъ съ королемъ: онъ производилъ предварительное слѣдствіе; рѣшалъ эти дѣла самъ король.—Уголовные законы въ конституціяхъ Фридриха мягки, кромѣ законовъ противъ еретиковъ. Судъ Божій и судебный поединокъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, запрещены, „потому что они противны природѣ, уклоняются отъ законнаго порядка и не согласны съ правилами справедливости“. Пыткѣ подвергаются только обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ и люди, о которыхъ уже составилась дурная репутація. Число случаевъ, въ которыхъ конфискуется имущество, было уменьшено конституціями сравнительно съ прежними законами; честь женщинъ и дѣвушекъ конституціи ограждаютъ строгими наказаніями оскорбителей; онѣ упрощаютъ и ускоряютъ судопроизводство, уменьшаютъ судебныя пошлины, запрещаютъ ношеніе оружія и всякое сауправство; онѣ отмѣняютъ мѣстные юридическіе обычаи и патримоніальный судъ. 1. Судопроизводство.

2. Первымъ послѣ юстиціарія сановникомъ провинціи былъ камерарій (казначей); онъ собиралъ подати и завѣдовалъ финансами. Ему были подчинены баюлы, должность которыхъ существовала еще при норманнахъ. Баюлъ завѣдовалъ полиціей въ своемъ городѣ или округѣ, наблюдалъ за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ, составлялъ податные списки. Вознагражденіемъ ему была часть собираемыхъ имъ пошлинъ. Конституціи говорятъ, что баюлами должно назначать людей безукоризненныхъ и зажиточныхъ. Судьи и администраторы, по конституціямъ Фридриха, только агенты короля, то, что нынѣ обозначается названіемъ „чиновники“. Конституціи очень заботливо ограждаютъ власть и честь чиновниковъ, но подвергаютъ ихъ очень 2. Администрація.

строгому надзору начальства, установляютъ обыкновенныя и чрезвычайныя ревизіи дѣлъ. Кромѣ того правительство вело секретные кондуитные списки о дѣйствіяхъ чиновниковъ. Есть упоминанія, что въ 1234 и 1240 годахъ производились чрезвычайныя ревизіи въ собраніи провинціальнаго сейма и въ верховной контрольной Палатѣ, засѣдавшей въ Мельфи. Но при всей заботливости Фридриха о строгомъ надзорѣ за чиновниками было много жалобъ на взяточничество, на всяческіе поборы и притѣсненія. Это и было неизбѣжно, потому что въ рукахъ чиновника соединялась судебная власть съ административной, и границы ея были не опредѣлены.

3. Сельское хозяйство, торговля, флотъ, войско.

3. Фридрихъ чрезвычайно заботился о развитіи матеріальнаго благосостоянія въ королевствѣ. Мы говорили, что еще въ 1220 году онъ принималъ мѣры для улучшенія земледѣлія. Теперь его дѣятельность въ этомъ отношеніи приняла болѣе широкій размѣръ. Онъ уничтожилъ крѣпостное право въ королевскихъ имѣньяхъ, учреждалъ въ нихъ образцовыя фермы, наблюдалъ за обработкой полей, за лѣсами, скотоводствомъ, истреблялъ вредныхъ животныхъ, улучшалъ земли, бывшія прежде безплодными, разводилъ виноградники, акклиматизировалъ въ окрестностяхъ Палермо многія чужеземныя растенія, какъ напримѣръ, индиго, финиковую пальму, хлопчатникъ, сахарный тростникъ. (Разведеніе финиковыхъ пальмъ онъ поручилъ африканскимъ евреямъ). Онъ покровительствовалъ колонистамъ, переселявшимся въ его королевство, освобождалъ ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ податей, какъ мы знаемъ это о ломбардцахъ, поселившихся около Корлеоне и Милителло. Еще больше заботился Фридрихъ о развитіи торговли; для этого онъ уменьшилъ пошлины съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ по границамъ королевства, уничтожилъ всѣ внутреннія таможни, велѣлъ камераріямъ и портовымъ чиновникамъ не притѣснять генуэзскихъ и венеціанскихъ купцовъ, заключалъ торговые договоры съ итальянскими городами, съ царями тунисскимъ и египетскимъ, отмѣнилъ такъ называемое береговое право,—тотъ обычай, по которому прибрежные жители или казна овладѣвали выброшеннымъ на берегъ волнами имуществомъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, заботился о томъ, чтобы купцы не подвергались никакимъ притѣсненіямъ.—Пшеница, собираемая въ королевскихъ имѣньяхъ, была отвозима на продажу въ Тунисъ и Сирію; оттуда королевскіе корабли привозили бумажныя, шерстяныя, шелковыя ткани; казна торговала ими. Благодаря уваженію мусульманъ къ Фридриху, итальянскіе купцы пользовались большими привилегіями въ Александріи и Каирѣ, торговые обороты ихъ простирались до Сахары и до Индіи; для выгодъ сицилійской торговли Фридрихъ отправлялъ посольства съ подарками къ мусульманскимъ царямъ, они отвѣчали ему тѣмъ же. Большое удивленіе въ Европѣ возбудилъ подарокъ, присланный въ мартѣ 1232 г. Фридриху султаномъ дамасскимъ. Это были превосходно сдѣланные часы, богато украшенные золотомъ и дорогими камнями; искусный механизмъ подвигалъ по циферблату солнце и луну, такъ что эти свѣтила восходили и заходили и правильно показывали время дня и ночи. Фридрихъ строилъ военные корабли, составилъ себѣ большой флотъ, такъ что сицилійцы при немъ, какъ при Роджерѣ I, владычествовали на Средиземномъ морѣ; Фридрихъ охранялъ безопасность торговли, уничтожилъ морской разбой. Поставка лѣса для военныхъ кораблей была сначала возложена на вассаловъ и на города; они обязаны были давать и матросовъ; потомъ эти натуральныя повинности были замѣнены денежными взносами. Стоянками флота были гавани Неаполя, Мессины, Бриндизи. Въ Палермо, Гаэтѣ, Амальфи были верфи, защищенныя укрѣпленіями. Было и нѣсколько другихъ верфей. Главнокомандующими флота назначались обыкновенно генуэзцы. Въ 1239 году подъ на-

чальствомъ адмирала Николо Спиноды (генуэзца) находилось десять большихъ военныхъ кораблей, 75 среднихъ и множество мелкихъ судовъ. Съ такой же энергіей Фридрихъ заботился о томъ, чтобъ имѣть сильное войско, всегда готовое къ походу. Сицилійское королевство было раздѣлено на военные округи. Военнымъ управленіемъ въ нихъ завѣдывали каптаны, обязанностью которыхъ было набирать войско, водить его въ походъ, строить крѣпости, заготовлять провіантъ. Обязанность вассаловъ находиться на военной службѣ ограничивалась небольшой частью года; этого было недостаточно для войны за границами государства, потому Фридрихъ держалъ наемное войско; оно состояло главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ и сарацинovъ.

4. Самой блестящей стороной администраціи Фридриха были финансы. Онъ воспользовался тѣми финансовыми учрежденіями, какія существовали при норманнахъ, пополнилъ ихъ и привелъ въ стройную систему, которая стала образцовой для слѣдующихъ временъ. Вассалы были обязаны въ опредѣленныхъ случаяхъ давать ленному господину денежныя пособія; Фридрихъ постепенно замѣнилъ эти случайные взносы постояннымъ поземельнымъ налогомъ, который назывался коллектой (сборомъ). Этотъ налогъ распредѣляли и собирали юстиціаріи и камераріи. Монастырскія имѣнья не были освобождены отъ него. Онъ былъ вѣроятно довольно высокъ, потому что на него было много жалобъ. Со временъ сарацинскаго владычества существовала въ Сициліи пошлина съ продажи съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ первой необходимости. Фридрихъ уменьшилъ ее относительно нѣкоторыхъ товаровъ. Государственные доходы въ тѣ времена повсюду считались личными доходами государя. Они давали Фридриху очень большія суммы. Кромѣ того онъ имѣлъ большіе доходы съ королевскихъ имѣній, которыя были обширны; имѣньями управляли прокуроры. Хозяйство въ нихъ велось заботливо, а земля въ южной Италіи и Сициліи очень плодородна, потому Фридрихъ вывозилъ за границу большія количества хлѣба. Огромные доходы получалъ онъ отъ монополій; къ числу предметовъ, торговля которыми составляла монополію правительства, принадлежали соль, желѣзо, сталь, мѣдь, шелкъ. Соль отчасти добывалась въ Апуліи, отчасти была привозима изъ-за границы; болѣе всего изъ Сардиніи. Большой доходъ давали таможенныя пошлины. Главными предметами вывоза были хлѣбъ и скотъ; съ этихъ товаровъ, отправляемыхъ за границу частными людьми, взималась пошлина, но тѣ, которые посылались на продажу изъ королевскихъ имѣній, не платили ея.

4. Финансы и народное хозяйство.

Кромѣ огромныхъ доходовъ съ королевства сицилійскаго Фридрихъ получалъ доходы изъ Германіи и нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверной Италіи. Такимъ образомъ у него были средства дать своему двору великолѣпіе, затмѣвавшее своимъ блескомъ всѣ другіе европейскіе дворы и соперничавшее съ роскошью дворовъ египетскаго и азіатскихъ. Подобно восточнымъ царямъ, онъ держалъ при дворѣ множество красивыхъ женщинъ, въ числѣ которыхъ находились пѣвицы и музыкантши. Въ его великолѣпныхъ замкахъ шли непрерывнымъ рядомъ праздники за праздниками, рыцарскія игры, пиры съ пѣніемъ и музыкой, поѣздки на охоту съ собаками и соколами. На пирахъ его пѣли провансальскіе трубадуры и нѣмецкіе миннезингеры; онъ самъ слагалъ пѣсни въ честь красавицамъ. — Онъ покровительство-

Дворъ Фридриха II.

валъ неаполитанскому и палермскому университетамъ. Они при немъ соперничали славой съ парижскимъ и болонскимъ университетами, съ академіями Багдада, Дамаска и Каира. Современники говорили, что съ Карла Великаго не было императора, у котораго лежали въ сокровищницахъ такія груды золота и серебра. Но на войну съ ломбардцами у Фридриха всетаки недостало доходовъ, и онъ часто принужденъ бывалъ дѣлать займы у римскихъ, пизанскихъ, пармскихъ, кремонскихъ, сіэнскихъ купцовъ. Проценты были очень высоки: три въ мѣсяцъ; и часто накоплялись долгое время проценты на проценты; понятно, что такія финансовыя операціи были раззорительны. Вообще, расходы росли, чиновники расхищали казну, притѣсняли народъ; ни ревизіями мельфійской контрольной Палаты, никакими другими средствами нельзя было устранить хищничество; потому послѣднее время царствованія Фридриха было очень тяжело для сицилійскаго королевства; суровая централизація власти, дѣйствовавшей бюрократическимъ механизмомъ, давала папѣ право говорить, что правленіе Фридриха — ужасная тиранія. Въ Мессинѣ, въ Сиракузахъ, другихъ городахъ угнетеніе доводило народъ до мятежей; они были усмиряемы войсками, и за рѣзней на улицахъ слѣдовали свирѣпыя казни. Но историки могутъ оправдывать Фридриха тѣмъ, что до него въ сицилійскомъ королевствѣ была анархія и что ея подавленіе было благотворно, что онъ обуздалъ безпорядки, создалъ благосостояніе народа, пробудилъ въ немъ уваженіе къ закону. Такъ думалъ одинъ изъ папъ, занимавшихъ римскій престолъ по его смерти, Климентъ IV, говорившій Карлу Анжуйскому, что правленіе Фридриха II было образцовое, и что Карлъ сдѣлаетъ хорошо, если будетъ подражать ему.

---

4. Годы дипломатической дружбы императора съ папой.

а) Дѣйствія Фридриха въ средней и сѣверной Италіи.

Стремленіе Фридриха возстановить императорскую власть въ Италіи.

Подавляя феодализмъ и свободу городовъ въ сицилійскомъ королевствѣ, создавая тамъ бюрократическое управленіе и подчиняя все неограниченной власти короля, употребляя доходы богатой страны на построеніе крѣпостей, военныхъ кораблей, содержаніе сильнаго наемнаго войска, наполняя свою казну остатками этихъ доходовъ, Фридрихъ готовилъ средства подчинить своей неограниченной власти всѣ земли, составлявшія нѣмецкую имперію въ прежнія времена, все пространство отъ Сициліи до Балтійскаго моря. Нѣмецкими войсками и золотомъ Италіи онъ надѣялся подчинить себѣ всю западную Европу.

Онъ полагалъ, что дружба съ папой будетъ полезна ему въ борьбѣ съ противниками и, во-первыхъ, съ ломбардцами. Прежде всего ему было надобно покорить Ломбардію; пока она оставалась независима, его итальянскія владѣнія были отрѣзаны отъ нѣмецкихъ; онъ не могъ водить войскъ съ сѣвера для поддержанія своего владычества надъ Италіей.

Мы говорили, что Фридрихъ въ угожденіе папѣ издалъ суровые законы противъ еретиковъ; чтобъ упрочить за собой расположеніе папы, онъ прогналъ изъ Италіи Райнальда Сполетскаго и его брата Бертольда и возвратилъ папѣ Сполето; вообще онъ всячески старался увѣрить папу въ искренности своей дружбы.

Дипломатическія хитрости Фридриха.

Казалось, что онъ достигаетъ своей цѣли: когда онъ назначилъ въ Равеннѣ на 1 ноября 1231 года сеймъ «для возстановленія мира и согласія между городами сѣверной Италіи», Григорій поддержалъ его въ этомъ дѣлѣ: отправилъ къ ломбардцамъ посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ прислать депутатовъ на равеннскій сеймъ, дать свободный пропускъ Генриху и нѣмецкимъ князьямъ, которые отправятся въ Равенну. Правда, впрочемъ, онъ говорилъ также, что совѣтуетъ ломбардцамъ быть осторожными; изъ этого они могли видѣть, что его слова о равеннскомъ сеймѣ не искренни. Ломбардцы и теперь, какъ въ 1226 году, не хотѣли допустить, чтобъ императоръ вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла, и не могли отдать ихъ на рѣшеніе сейма нѣмецкихъ князей; они отвѣчали папѣ, что если Генрихъ и нѣмецкіе князья приведутъ войска къ императору въ Италію, это будетъ опасно и для самого папы; приняли мѣры обороны, возобновили свой договоръ о союзѣ, опредѣлили какое число воиновъ долженъ выставить каждый городъ; Мантуя, Брешія, Феррара, Виченца, 12 іюля. Падуя, Верона, отдѣлившіеся отъ ломбардскихъ городовъ, снова вступили въ союзъ, называвшійся союзомъ Ломбардіи, тревизской марки и Романьи. Онъ рѣшилъ занять войсками альпійскіе проходы и не пропускать нѣмцевъ. Григорій притворялся, что осуждаетъ это; предложилъ императору выбрать его посредникомъ, императоръ принялъ его посредничество; онъ отправилъ двухъ легатовъ въ Болонью вести переговоры съ ректорами союза. Они остались при своемъ отказѣ и готовили войска для отраженія нѣмцевъ. Папа сталъ держать себя такъ, чтобъ сохранить свободу дѣйствій. Императоръ увѣрялъ, будто бы единственная цѣль его—установить миръ между городами сѣверной Италіи, прекратить борьбу партій, волновавшую многіе изъ нихъ. Но Григорій и ломбардцы понимали, что онъ хочетъ не этого, а возстановленія императорской власти надъ сѣверной Италіей, на первое время хотя бы въ размѣрѣ тѣхъ правъ, какія были предоставлены императору констанцскимъ миромъ. Города сѣверной Италіи

давно перестали признавать эти права и не хотѣли допустить ихъ возстановленіе, потому что уже привыкли къ независимости. Притомъ они понимали, что Фридрихъ не удовольствовался бы тѣми правами, о какихъ говорится въ констанцскомъ договорѣ, что онъ желаетъ ввести въ сѣверной Италіи такое же бюрократическое управленіе, какъ въ сицилійскомъ королевствѣ, подавить всякую самостоятельность. Папа зналъ, что если Фридрихъ поработитъ Ломбардію, то отниметъ у римской каѳедры владѣнія Матильды, покоритъ самый Римъ. Это было такъ ясно, что у папы не могло быть сомнѣній въ томъ.

Императоръ объявляетъ ломбардцевъ мятежниками 1232.

Папскіе легаты еще продолжали вести переговоры съ ректорами ломбардскаго союза, когда Фридрихъ съ блестящей свитой, но безъ войска, отправился въ Равенну. Мы говорили, что многіе изъ нѣмецкихъ князей пріѣхали туда, (не черезъ Ломбардію, а другими путями), но что Генрихъ не захотѣлъ пріѣхать къ отцу. Изъ городовъ ломбардскаго союза не явился въ Равенну ни одинъ депутатъ, пріѣхали только нѣкоторые князья сѣверной Италіи, принадлежавшіе къ партіи гибеллиновъ, Фридрихъ провелъ въ Равеннѣ Рождество, устроивалъ пиры и другія праздничныя развлеченія. Убѣдившись, что гвельфы не пріѣдутъ на сеймъ, онъ въ январѣ 1232 года объявилъ мятежниками всѣхъ членовъ непокорнаго ему союза, запретилъ городамъ, оставшимся вѣрными ему, назначать въ санъ подесты или вообще въ какую бы то ни было должность этихъ мятежниковъ и въ мартѣ поплылъ черезъ Венецію въ Аквилею; туда, какъ мы говорили, пріѣхалъ Генрихъ, обѣщалъ повиноваться отцу и получилъ прощеніе (стран. 125). Фридрихъ совѣщался съ сыномъ и нѣмецкими князьями, и было рѣшено, какія мѣры должно принять для подавленія всѣхъ его противниковъ въ Италіи и въ Германіи. Онъ сталъ дѣлать распоряженія, относившіяся къ этому; но былъ остановленъ сопротивленіемъ сына.

Дѣйствія Генриха по возвращеніи въ Германію 1232—1233.

Въ маѣ Фридрихъ простился въ Аквилеѣ съ нѣмецкими князьями и поѣхалъ въ Апулію. Генрихъ возвратился въ Германію, раздраженный униженіемъ, которому подвергъ его отецъ. Императоръ вѣрилъ нѣмецкимъ князьямъ больше, чѣмъ ему; отдалъ его подъ ихъ надзоръ. Онъ придумывалъ средства освободиться отъ власти отца, сдѣлаться независимымъ государемъ Германіи. Содѣйствія отъ нѣмецкихъ князей онъ не могъ ожидать; они были преданы императору; онъ разсчитывалъ на поддержку ломбардцевъ и папы, находившагося снова въ ссорѣ съ императоромъ; но онъ былъ человѣкъ неблагоразумный, дѣйствовалъ только по внушеніямъ досады и честолюбія; прежде всего онъ хотѣлъ наказать тѣхъ князей, которыхъ считалъ наиболѣе преданными императору и враждебными ему.

Помирившись съ мужемъ своей сестры, Фридрихомъ Австрійскимъ, Ген-

рихъ пошелъ съ нимъ на Оттона Баварскаго, опустошилъ владѣнія Оттона, принудилъ его дать сына въ заложники покорности. Маркграфъ Баденскій тоже былъ принужденъ дать ему сына въ заложники покорности.

Усиленіе ссоры Фридриха съ Генрихомъ 1234.

Императоръ, услышавъ объ этомъ, сильно разсердился, велѣлъ Генриху немедленно отпустить сыновей герцога баварскаго и маркграфа баденскаго, помнить данную въ Чивидале клятву, удалить отъ себя совѣтниковъ, внушающихъ ему дурныя мысли. Эти друзья Генриха, видя себя въ опасности быть удаленными отъ него, стали говорить ему, что отецъ хочетъ низложить его, сдѣлать нѣмецкимъ королемъ своего сына отъ второй жены, Конрада. Около того времени (въ маѣ 1234) императоръ помирился съ папой и на свиданіи въ Ріэтѣ представилъ ему своего младшаго сына. Это казалось подтверждающимъ слова друзей Генриха, и онъ рѣшился возстать противъ отца, безразсудно выбравъ для этого такое время, когда силы императора были свободны для подавленія мятежа.

Дружба Фридриха съ Эццелино.

Фридрихъ уѣхалъ изъ Аквилеи съ увѣренностью одолѣть ломбардцевъ; онъ упрочилъ за собой расположеніе нѣмецкихъ князей и вступилъ въ союзъ съ человѣкомъ очень даровитымъ и энергичнымъ, Эццелино III да Романо, содѣйствіе котораго было чрезвычайно полезно ему.

Династія Романо.

Эццелино II въ 1213 году удалился въ монастырь, передавъ власть сыновьямъ. Старшій изъ нихъ, Эццелино III, былъ человѣкъ очень даровитый и въ началѣ своего правленія еще не выказывалъ той безсовѣстности и свирѣпости, которыми навлекъ на себя потомъ всеобщую ненависть. Онъ былъ, правда, уже и тогда суровъ къ врагамъ, но былъ привѣтливъ къ друзьямъ, вѣренъ данному слову, чуждъ разврата. Впослѣдствіи его стали называть дьяволомъ въ человѣческомъ видѣ. Истинный свой характеръ онъ сталъ выказывать съ 1228 года. Онъ неожиданно напалъ на замокъ Фонте, принадлежавшій Джакопо Камносамніэри, фамилія котораго была издавна во враждѣ съ фамиліею Романо. Онъ взялъ замокъ и захватилъ тамъ въ плѣнъ Гульельмо, сына Джакопо. Падуанцы, преданные живпіему въ ихъ городѣ роду Камносамніэри, пошли съ Джакопо къ Бассано, опустошая владѣнія Эццелино. Земля между Брентой и Адидже стала театромъ ожесточенной войны. Старикъ Эццелино прислалъ изъ монастыря сыновьямъ совѣтъ помириться съ принцами, которые сильнѣе ихъ, отложить мысль о покореніи Падуи до того времени, когда пріобрѣтутъ достаточныя средства для этого. Эццелино III послушался отца. Черезъ годъ война возобновилась въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Ректоры ломбардскаго союза были расположены къ противникамъ Эццелино, маркграфамъ Эсте и графамъ Бонифаціо, потому онъ сдѣлался приверженцемъ императора и сдалъ ему Верону (въ 1231 году). Императоръ принялъ Эццелино и его брата Альберико подъ свое покровительство и объявилъ, что всякій, кто нападетъ на нихъ, подвергается штрафу въ 200 фунтовъ золота. Эццелино и Альберико доставили партіи императора владычество во всей веронской маркѣ.

Союзъ съ ними былъ очень важенъ для императора, потому по возвращеніи изъ Аквилеи въ Апулію онъ принужденъ былъ обратить свои силы

на борьбу, не дававшую ему возможности идти самому противъ ломбардцевъ. Мы говорили, что папа принялъ на себя посредничество между императоромъ и ломбардцами, теперь (5 іюня 1233 года) Григорій предложилъ такія условія мира, что императору стала ясна цѣль посредничества: Григорій вмѣшался въ дѣло лишь за тѣмъ, чтобы задержать походъ императора на ломбардцевъ. Папа объявилъ, что ему кажутся справедливыми слѣдующія условія мира: императоръ отмѣнитъ всѣ постановленія, клонившіяся ко вреду ломбардцевъ, дастъ ломбардцамъ амнистію, а ломбардцы обѣщаются не нападать на приверженцевъ императора и будутъ два года содержать отрядъ изъ 500 всадниковъ, который отправятъ въ Палестину на войну съ невѣрными. Фридрихъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что папа выставляетъ правыми ломбардцевъ, которыхъ онъ объявилъ мятежниками. Но обстоятельства не дозволяли ему начать открытую борьбу съ папой; онъ принялъ предложенныя Григоріемъ условія въ надеждѣ, что скоро дѣла примутъ оборотъ, болѣе выгодный для него.

Походъ Римлянъ на Витербо 1233.

Римляне давно желали покорить Витербо, граждане котораго были враждебны имъ. Но папа принялъ городъ Витербо подъ свое покровительство и посовѣтовалъ гражданамъ его просить помощи у императора. Римляне разсердились на Григорія, прогнали его; онъ уѣхалъ въ Ріэти, мирился съ римлянами, возвращался въ Римъ, снова принужденъ былъ бѣжать; Фридрихъ поставилъ въ Витербо гарнизонъ, примирилъ Римлянъ съ папой (въ апрѣлѣ 1233); но принужденъ былъ оставить въ ихъ рукахъ замокъ Виторкіано, отнятый ими у гражданъ Витербо. Онъ не могъ вести серьезную войну съ римлянами, потому что законы, установленные имъ въ сицилійскомъ королевствѣ, возбудили тамъ вражду къ нему. Мессина, Катанія, Сиракузы, нѣкоторые другіе города не хотѣли отказаться отъ своихъ правъ, возстали, прогнали королевскихъ сановниковъ, отнявшихъ у нихъ самоуправленіе. Примѣру сицилійскихъ городовъ послѣдовали нѣкоторые апулійскіе, въ томъ числѣ Троя. Фридрихъ скоро побѣдилъ мятежниковъ, сжегъ или казнилъ ихъ вождей, главнымъ изъ которыхъ былъ простолюдинъ Мартино Маллоне, и взялъ у покоренныхъ городовъ заложниковъ вѣрности.

Возстаніе въ Римѣ 1234.

Въ то время какъ Фридрихъ былъ занятъ подавленіемъ мятежей въ сицилійскомъ королевствѣ, римляне сдѣлали новую попытку освободиться отъ свѣтской власти папы. Города сѣверной Италіи давно освободились отъ власти своихъ епископовъ, покорили сосѣднихъ вельможъ и мелкія сельскія общины. Римляне хотѣли сдѣлать то же, обратить церковную область въ республику, которой будутъ управлять ихъ выборные сановники; хотѣли покорить городу Риму мелкіе сосѣдніе города и вельможъ, какъ удалось это сдѣлать миланцамъ и пизанцамъ. Такова была цѣль возстанія, происшедшаго въ 1234 году; вождемъ народа былъ сенаторъ Лука Савелли. Онъ объявилъ Тоскану и римскую Компанью собственностью римскаго народа и отправилъ римскихъ уполномоченныхъ (сенаторскихъ судей) въ города

этихъ областей требовать присяги на вѣрность Риму. Григорій и кардиналы снова бѣжали въ Ріэти, папа отлучилъ отъ церкви сенаторовъ и членовъ римскаго городского совѣта. Римляне разграбили дворцы кардиналовъ, пошли покорять вельможъ и оставшіеся вѣрными папѣ города римской Кампаньи и Тосканы; въ особенности хотѣли они отмстить своимъ старымъ врагамъ—Веллетри и Витербо.

Союзъ папы съ императоромъ.

Папа видѣлъ римскую каѳедру въ опасности утратить всѣ владѣнія; понятно, что онъ не отступалъ ни передъ какими средствами предотвратить это. Онъ призвалъ къ оружію вельможъ, убѣждалъ тѣ города, которые оставались вѣрны ему, мужественно обороняться, просилъ помощи у духовныхъ и свѣтскихъ князей Германіи, Франціи, Испаніи, у королей французскаго и испанскихъ, рѣшился даже просить помощи у императора. Сицилійское королевство считалось папскимъ леномъ; Григорій говорилъ, что Фридрихъ обязанъ защищать его, какъ своего леннаго господина. Фридрихъ пошелъ помогать ему но не какъ вассалъ, а какъ повелитель, самъ безъ приглашенія папы пріѣхалъ къ нему въ Ріэти и объяснилъ ему, что римляне возстали противъ папской власти по увлеченію примѣромъ ломбардцевъ, возставшихъ противъ императора, что мятежный республиканскій духъ одинаково враждебенъ императору и папѣ, что республиканцы и еретики стремятся къ одной и той же цѣли — низверженію законныхъ властей, что императоръ и папа имѣютъ общихъ враговъ и должны дѣйствовать противъ нихъ единодушно; только при помощи его папа можетъ сохранить свѣтскую власть и спасти церковь отъ ея враговъ. Григорій понялъ справедливость разсужденій Фридриха и вступилъ въ союзъ съ нимъ; но дружба была не искренняя; правда, они имѣли общихъ враговъ, но стремленія ихъ были противоположны; потому согласіе не могло быть продолжительно.

Покореніе Рима.

1234.

Императоръ послалъ отрядъ на помощь папскому войску, чтобы прогнать римлянъ изъ замка Риспампано; нападеніе не удалось, и папскіе сановники стали подозрѣвать, что императоръ обманываетъ папу. Они жаловались, что онъ не идетъ самъ на Римъ, охотится съ соколами въ Тосканѣ. Фридрихъ ушелъ подавлять новые мятежи въ Сициліи; папскіе сановники стали называть его измѣнникомъ, хотя онъ оставилъ часть своего войска папскому главнокомандующему Каноччи. Ремонъ Тулузскій привелъ войско на помощь папѣ; англійскій епископъ Петръ Уинтонъ привелъ волонтеровъ изъ Англіи. Эти нѣмцы, французы и англичане помогли папскому войску разбить римлянъ въ жаркой битвѣ подъ Витербо (въ октябрѣ 1234); римляне бѣжали, заперлись въ Римѣ, папское войско осадило его; они нѣсколько мѣсяцевъ храбро оборонялись. Но силы ихъ наконецъ истощились, и въ маѣ 1235 года они покорились папѣ. Но Григорій все опасался новаго мятежа и возвратился въ Римъ только черезъ два года по его покореніи.

в) Возвращеніе Фридриха въ Германію; судьба Генриха.

Дѣйствія папы въ пользу императора.

Григорій былъ обязанъ Фридриху покореніемъ Рима; въ благодарность за это сталъ склонять ломбардцевъ къ миру, запретилъ нѣмецкимъ епископамъ помогать Генриху, возмутившемуся противъ отца.

Іоаннъ Виченцскій.

Папа убѣждалъ ломбардцевъ прекратить войну, его увѣщаніе поддерживалъ доминиканскій монахъ Іоаннъ (Джованни) Виченцскій, человѣкъ очень краснорѣчивый, славившійся благочестіемъ, считавшійся въ тревизской области пророкомъ. Онъ проповѣдовалъ прекращеніе междоусобій въ сѣверной Италіи. Его пламенныя рѣчи имѣли необыкновенный успѣхъ. На равнинѣ близъ Паквары у рѣки Адидже собрались слушать его итальянцы изъ всѣхъ городовъ отъ Болоньи и Пармы до Вероны и Беллуно, отъ Аквилеи до Брешіи; говорятъ, что тутъ было нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Онъ такъ увлекъ слушателей, что смертельные враги примирялись, междоусобія были прекращаемы, плѣнные получали свободу, принимались рѣшенія прощать долги; женщины снимали съ головъ дорогіе уборы и ходили подъ густыми покрывалами. Народъ и духовенство процессіями провожали примирителя, посланнаго богомъ. Однажды, когда онъ проповѣдовалъ миръ, многіе видѣли сіяющій крестъ на его челѣ. Но его вліяніе скоро исчезло. Онъ сдѣлалъ ошибку, допустилъ своихъ приверженцевъ выбрать его подестой и графомъ Виченцы и Вероны, принялъ предложенную ему папой должность инквизитора и сталъ исполнять ее свирѣпо. Въ три дня онъ сжегъ 60 человѣкъ; въ числѣ ихъ—мужчинъ и женщинъ изъ уважаемыхъ фамилій. Вельможи и простолюдины увидѣли, что выбрали своимъ правителемъ фанатика и глупца, и съ позоромъ прогнали его. Онъ исчезъ въ безвѣстности. Но быть-можетъ его вліянію должно приписать то, что ломбардцы послушались убѣжденій папы не предпринимать враждебныхъ дѣйствій противъ императора, защищающаго церковь, и пропустить нѣмецкія войска, идущія помогать ему въ войнѣ съ врагами римскаго престола.

Нѣмецкія дѣла.

Вѣроятно папѣ была очень непріятна необходимость склонять ломбардцевъ къ примиренію съ императоромъ. Онъ извинялъ себя неотвратимымъ требованіемъ обстоятельствъ. Вѣроятно еще непріятнѣе Григорію была необходимость дѣйствовать въ Германіи противъ Генриха, намѣреніе котораго отдѣлить нѣмецкое королевство отъ Италіи совершенно совпадало съ желаніями римской куріи. Мы видѣли, что Иннокентій III хотѣлъ уничтожить власть нѣмецкаго короля въ Италіи и что даже миролюбивый Гонорій очень неохотно согласился, чтобы Фридрихъ II, сдѣлавшись нѣмецкимъ королемъ, оставался королемъ сицилійскимъ. Иннокентій III хотѣлъ, чтобы Фридрихъ отказался отъ сицилійскаго королевства, отдалъ его своему сыну, Генриху. Теперь Генрихъ хотѣлъ отнять у отца Германію, и еслибъ намѣреніе сына исполнилось, Фридрихъ остался бы только королемъ сицилійскимъ. Это было бы то самое, чего желалъ Иннокентій, только корона, назначавшаяся сыну, осталась бы на головѣ отца, а та, которая должна

была остаться на головѣ отца, была бы взята сыномъ. Безъ сомнѣнія для Григорія было очень непріятно мѣшать Генриху; но вынуждаемый необходимостью, онъ въ мартѣ 1235 отправилъ въ Германію посланіе, убѣждавшее нѣмецкихъ князей возвратить Генриха на истинный путь, и велѣлъ архіепископу трирскому отлучить Генриха отъ церкви, какъ клятвопреступника, если онъ откажется соблюдать обѣщаніе, которое далъ въ Чивидале.

Мятежъ Генриха. 1234.

Мы видѣли, что Генрихъ и его друзья предполагали въ императорѣ намѣреніе передать нѣмецкую корону младшему сыну Конраду и что свиданіе Фридриха съ Григоріемъ въ Ріэти подтвердило ихъ подозрѣніе, потому что императоръ представилъ тогда папѣ Конрада. Генрихъ рѣшился отложиться отъ отца, чтобы сохранить за собой королевскую власть въ Германіи. Можно было предвидѣть, что дѣло кончится дурно для Генриха, и однако же многіе нѣмецкіе князья тайно или даже явно помогали ему. Ихъ было такъ много, что нельзя объяснять этого только алчностью и другими низкими мотивами; должно признать, что были и честныя причины неудовольствія на Фридриха. Занятый исключительно своимъ желаніемъ покорить всю Италію, онъ пренебрегалъ интересами Германіи. Потому многимъ нѣмцамъ должно было казаться, что для блага родины полезно будетъ отнять у него Германію. Но Генрихъ былъ человѣкъ, погрузившійся въ низкіе пороки, забывавшій все для пировъ и разврата, безхарактерный и бездарный, окруживший себя ничтожными людьми, льстившими его тщеславію, неспособный успѣшно вести трудное дѣло. Онъ оправдывалъ свое возстаніе въ письмѣ отъ 2 сентября на имя своего воспитателя, епископа гильдесгеймскаго; мы не знаемъ, насколько основательны были его оправданія. Около того же времени нѣкоторые прелаты дѣлали по его порученію попытки примирить императора съ нимъ; едва ли онъ дѣйствительно желалъ мириться; вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ обмануть отца и выиграть время. 1234.

Союзъ Генриха съ ломбардцами и переговоры его съ королемъ французскимъ.

Въ декабрѣ 1234 послы Генриха заключили въ Миланѣ договоръ съ ломбардскимъ союзомъ. Ломбардцы согласились признать его королемъ, обѣщались помогать ему. Онъ призналъ полную независимость ихъ и отказался отъ правъ, предоставленныхъ нѣмецкому королю констанцскимъ миромъ. Такимъ образомъ былъ отрѣзанъ путь войску Фридриха въ Германію. Генрихъ вступилъ въ переговоры съ королемъ французскимъ. Петръ Винейскій былъ тогда въ Лондонѣ и велъ переговоры о томъ, чтобы король англійскій выдалъ дочь за Фридриха. Эта предполагаемая свадьба возбуждала опасеніе въ королѣ французскомъ, потому Генрихъ надѣялся склонить его къ союзу. Но Фридрихъ и папа успокоили короля французскаго, и онъ отвергъ предложенія Генриха.

Распаденіе нѣмецкихъ князей на двѣ партіи.

Генрихъ созвалъ своихъ приверженцевъ въ Боппардъ, условился тамъ съ ними о планѣ возстанія, и агенты его стали деньгами и обѣщаніями склонять на его сторону недовольныхъ Фридрихомъ шваб-

скихъ и саксонскихъ князей, возбуждали противъ императора города по Рейну и Неккару. Генрихъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ перечислялъ услуги, оказанныя имъ императору, и обиды, какими отецъ заплатилъ ему за нихъ. Югъ и западъ Германіи возволновался, собирались отряды приверженцевъ императора и приверженцевъ Генриха, дрались между собою. Папа прислалъ нѣмецкимъ князьямъ письмо, въ которомъ убѣждалъ ихъ не помогать беззаконному дѣлу, объявлялъ утратившими силу всѣ присяги, данныя Генриху, угро-
1235. жалъ отлученіемъ отъ церкви приверженцамъ его. Фридрихъ 28 января отправилъ изъ Бароли циркуляръ къ нѣмецкимъ князьямъ. Онъ говорилъ: они сами пригласили его пріѣхать въ Германію и принять нѣмецкую корону; вынужденный итальянскими дѣлами покинуть Германію, онъ поручилъ управленіе ею сыну, который, какъ онъ надѣялся, будетъ хорошимъ государемъ; эта надежда не сбылась; Генрихъ, обольщенный совѣтами безумцевъ и личныхъ враговъ его, возсталъ противъ отца; онъ надѣется при помощи нѣмецкихъ князей подавить преступный мятежъ и скоро пріѣдетъ къ нимъ.

Генрихъ видитъ себя покинутымъ.

Дѣйствительно, скоро было получено извѣстіе, что императоръ идетъ въ Германію; сторонники Генриха оробѣли; всѣ тѣ, которые не слишкомъ сильно компрометировали себя, покинули его, такъ что союзниками его остались только епископы вормсскій и вюрцбургскій и тѣ вельможи, которые были товарищами его пировъ. Нѣкоторые рейнскіе и эльзасскіе города были на его сторонѣ, но не оказали ему большой поддержки. Граждане Вормса не обольстились его обѣщаніями, не испугались его угрозъ; въ апрѣлѣ 1235 онъ подступилъ къ Вормсу, сжегъ одно изъ предмѣстій; но граждане отразили его.

Походъ императора по Германіи.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Фридрихъ пришелъ въ Германію. Съ нимъ было очень мало войска, но онъ везъ деньги, которыя получилъ отъ апулійскихъ городовъ за освобожденіе ихъ заложниковъ. При немъ находился младшій сынъ его, Конрадъ. Въ маѣ онъ приплылъ въ Аквилею и оттуда быстро шелъ черезъ Штирію и Баварію. Къ нему присоединились архіепископъ зальцбургскій, герцоги австрійскій, каринтійскій, лотарингскій, баварскій. Когда онъ пришелъ въ Нюрнбергъ, у него было уже такое большое войско, что Генрихъ понялъ невозможность сопротивленія, принялъ совѣтъ Германа Зальцы, прислалъ гонцовъ сказать, что покоряется отцу, и 4 іюля пріѣхалъ къ нему въ Вимпфенъ. Императоръ сказалъ, что дѣло о немъ будетъ рѣшено сеймомъ. Мѣстомъ сейма былъ назначенъ Вормсъ.

Ссылка и смерть Генриха.

Генрихъ вѣроятно надѣялся, что, покорившись отцу, получитъ прощеніе и останется нѣмецкимъ королемъ. Но увидѣвъ, что отецъ хочетъ передать нѣмецкую корону Конраду, онъ раздражился. Замокъ Трифельзъ, въ которомъ хранились королевская казна и знаки королевскаго сана, еще находился въ его власти. Нѣкоторые изъ его

друзей оставались вѣрны ему и заперлись въ своихъ замкахъ. Онъ разсчитывалъ на помощь ломбардцевъ.

Онъ рѣшился взяться за оружіе, хотѣлъ бѣжать; это намѣреніе было узнано, отецъ велѣлъ взять его подъ стражу, отвезти въ гейдельбергскій замокъ, оттуда въ замокъ Аллергеймъ (на востокѣ отъ Нердлингена). Фридрихъ опасался, что друзья Генриха будутъ пытаться освободить его, и въ слѣдующемъ году велѣлъ отвезти его въ Апулію. Тамъ держали его подъ стражей, переводя временами изъ одного замка въ другой. Черезъ семь лѣтъ онъ умеръ.

Услышавъ о смерти Генриха, императоръ писалъ сицилійскому духовенству: „Печаль любящаго отца преодолѣваетъ строгаго судью, извлекаетъ изъ сердца потокъ слезъ, который до сихъ поръ задерживался воспоминаніемъ объ оскорбленіяхъ и справедливостью. Природа владычествуетъ надъ всѣми, не отказывается отъ своихъ правъ и надъ королями и надъ императорами“. Жена Генриха Маргарета, послѣдовавшая за мужемъ въ заточеніе, возвратилась по его смерти въ Германію, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1252 году) вышла за Оттокара, короля богемскаго; она была наслѣдницей герцогства австрійскаго; овладѣвъ имъ, какъ ея мужъ, Оттокаръ прогналъ ее (въ 1261 году). Въ 1267 она умерла въ своемъ личномъ владѣніи, Кремсѣ (въ Австріи). Старшій сынъ Генриха, Фридрихъ, жилъ при дворѣ императора, который въ своемъ завѣщаніи опредѣлилъ, что ему должно быть передано наслѣдство его матери, герцогство штирійское. Второй сынъ Генриха, называвшійся тоже Генрихомъ, умеръ, кажется, въ дѣтствѣ.

Новый бракъ императора 1235.

Въ то время какъ увозили Генриха въ заточеніе, шли приготовленія въ Вормсѣ къ празднику бракосочетанія его отца. Невѣстой императора была та англійская принцесса, которую Энгельбертъ сватalъ за сына, находившагося теперь въ цѣпяхъ подъ стражей. Петръ Винейскій ѣздилъ по порученію Фридриха въ Англію удостовѣриться, дѣйствительно ли Изабелла такая красавица и такая умная скромная дѣвушка, какъ говоритъ о ней молва. Онъ сообщилъ императору, что молва справедлива. Фридрихъ просилъ ея руки; архіепископъ кельнскій и герцогъ брабантскій поѣхали за нею въ Лондонъ и привезли ее въ Кельнъ. Десять тысячъ кельнскихъ гражданъ въ богатой одеждѣ выѣхали на коняхъ встрѣтить невѣсту императора. Улицы Кельна, по которымъ ѣхала она въ архіепископскій дворецъ, были богато украшены; хоры кельнскихъ дѣвушекъ встрѣтили ее и всю ночь пѣли пѣсни ей. Городъ Кельнъ былъ очень радъ бракосочетанію императора съ англійской принцессой, потому что велъ большую торговлю съ Англіей и ожидалъ выгодъ ей отъ этого брака. Изабелла прожила въ Кельнѣ шесть недѣль, потому что императоръ былъ еще занятъ подавленіемъ мятежа. Когда Генрихъ былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ темницу, невѣста поѣхала къ жениху въ Вормсъ. Такихъ праздниковъ, какъ начались теперь тамъ, не бывало въ Германіи со времени майнцскаго

праздника Фридриха Барбароссы (VI, стран. 682). Свадебные пиры длились четыре дня; на нихъ присутствовали четыре короля, одиннадцать герцоговъ, множество другихъ свѣтскихъ князей, духовныхъ сановниковъ, вельможъ; танцовщики, наѣздники, пантомимы восхищали своимъ искусствомъ пирующихъ. Нѣмецкіе князья и рыцари соперничали между собою въ выраженіяхъ преданности императору. Они такъ усердствовали подносить подарки, что самъ императоръ посовѣтовалъ имъ быть менѣе расточительными.

Майнцскій сеймъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы Изабелла уѣхала съ Рейна, ее сопровождала огромная свита; прислугу и почетную стражу ея составляли, какъ у восточныхъ царицъ, эвнухи. Фридрихъ созвалъ въ августѣ сеймъ въ Майнцѣ; съѣздъ былъ громадный; на сеймѣ присутствовали 75 духовныхъ и свѣтскихъ князей; при императорѣ и при нихъ находилось до 12.000 рыцарей. Фридрихъ, «по совѣту и согласію духовныхъ и свѣтскихъ князей и очень многихъ благородныхъ и вѣрныхъ людей», обнародовалъ написанные на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ законы, имѣвшіе цѣлью возстановленіе порядка въ Германіи, упроченіе мира. Они долго оставались основами дальнѣйшаго законодательства, такъ что постановленія слѣдующихъ сеймовъ по уголовному праву ограничивались повтореніемъ ихъ.

Постановленія майнцскаго сейма 1235.

По поводу мятежа Генриха майнцскій сеймъ возстановилъ старый законъ, что сынъ, пытающійся захватить владѣнія отца или вступающій въ союзъ съ его врагами, подвергается ссылкѣ и лишается наслѣдства; а если онъ дѣлаетъ нападеніе лично на самого отца, то остается на всю жизнь лишенъ чести и всѣхъ правъ; тѣмъ же наказаніямъ подвергаются всѣ его совѣтники и помощники. Далѣе были повторены постановленія вормсскаго и равеннскаго сеймовъ, отдававшія нѣмецкіе города подъ власть „возлюбленныхъ“ князей и епископовъ, опредѣлялись наказанія за нарушеніе спокойствія самоуправными нападеніями на сосѣдовъ, за произвольное взиманіе пошлинъ съ товаровъ и тому подобные поборы князей и вельможъ съ проѣзжихъ купцовъ, за укрывательство мятежниковъ. Чтобы каждый могъ искать справедливости законнымъ порядкомъ и никто не имѣлъ причинъ защищать себя самоуправствомъ, было опредѣлено назначить дворскаго судью. Онъ будетъ рѣшать всѣ споры, кромѣ дѣлъ, касающихся жизни, чести или имущества князей и другихъ знатныхъ особъ, дѣла о которыхъ будетъ рѣшать самъ императоръ. Но это постановленіе вовсе не было исполнено, или дѣятельность дворскаго суда очень скоро прекратилась; какъ бы то ни было, но самоуправства и междоусобія скоро возобновились. Напротивъ того были исполнены и долго сохраняли свою силу постановленія, которыми отнималась у городовъ свобода выборовъ городскаго совѣта, запрещалось горожанамъ соединяться въ цехи или другія корпораціи, принимать въ число гражданъ посторонннихъ людей, города отдавались подъ власть сосѣднимъ князьямъ и епископамъ. Императоръ ввелъ эти законы отчасти по желанію упрочить за собою преданность князей, отчасти по своей непріязни къ самостоятельности городовъ. Онъ разрушалъ замки тѣхъ вельможъ, которые грабили сосѣдовъ и проѣзжихъ купцовъ, безпощадно казнилъ знатныхъ и незнатныхъ нарушителей спокойствія. Ему хотѣлось установить въ

Германіи такой же порядокъ, какой ввелъ онъ въ сицилійскомъ королевствѣ, подчинить все своимъ уполномоченнымъ, обратить Германію въ бюрократическую монархію; но нѣмецкіе князья были сильнѣе сицилійскихъ вельможъ, и Фридриху приходилось угождать имъ. Мысли его о введеніи бюрократической монархіи въ Германіи оказывались неосуществимыми.

Примиреніе съ династіей Вельфовъ.

На майнцскомъ сеймѣ окончательно примирились династіи Вельфовъ и Гоэнштауфеновъ. Этому много содѣйствовала женитьба Фридриха на англійской принцессѣ. Оттонъ Люнебургскій, не согласившійся, какъ мы видѣли, дѣйствовать во вредъ Фридриху, поклялся на майнцскомъ сеймѣ отбросить родовую вражду противъ Гоэнштауфеновъ, и ставъ на колѣна передъ Фридрихомъ, передалъ ему свои наслѣдственныя владѣнія по той формѣ, какая была введена обычаемъ для обращенія аллодовъ въ лены; Фридрихъ соединилъ отданныя ему аллодіальныя владѣнія Оттона въ одно герцогство и возвратилъ это герцогство Оттону, какъ вассалу короля. Къ нимъ были прибавлены императоромъ городъ Госларъ и графство штадское; это было наградой Оттону за согласіе обратить свои аллодіальныя владѣнія въ ленныя. Съ согласія сейма Фридрихъ постановилъ, что герцогство брауншвейгское будетъ наслѣдственнымъ въ потомствѣ Оттона не только по мужской линіи, но и по женской. Тѣ права, какія имѣли родственники Оттона на наслѣдство въ случаѣ прекращенія мужской линіи потомства его, императоръ выкупилъ у нихъ въ пользу Оттона, заплативъ имъ вознагражденіе изъ своихъ денегъ. 21 августа 1235.

Пиръ на майнцскомъ сеймѣ.

По окончаніи сейма императоръ устроилъ на полѣ передъ городомъ пиръ для князей со всѣми ихъ свитами; пировали тутъ и гости изъ Италіи, южной Франціи, Италіи. Пиръ сопровождался рыцарскими играми, музыкой, пѣніемъ. Но у пирующихъ нѣмцевъ было не совсѣмъ весело на душѣ. Они знали, что Фридрихъ не дорожитъ благомъ Германіи, что онъ въ душѣ человѣкъ чужой нѣмецкому народу.

Окончательное подавленіе мятежа друзей Генриха.

Приверженцы Генриха еще оборонялись въ своихъ замкахъ; они покорились только уже въ слѣдующемъ году. Дольше всѣхъ оборонялся Ансельмъ Юстингенъ. Когда его замокъ былъ взятъ, онъ бѣжалъ къ Фридриху, герцогу австрійскому, уже давно бывшему въ ссорѣ съ императоромъ, не пріѣзжавшему ни на равеннскій сеймъ, ни на аквилейскій, имѣвшему сношенія съ Генрихомъ и съ ломбардцами. Пріѣзжавшіе къ Генриху ломбардскіе послы захвачены въ плѣнъ (вѣроятно при взятіи замка Юстингена). Императоръ черезъ нѣсколько времени отпустилъ ихъ.

Фридрихъ въ Майнцѣ говорилъ, что его правленіе — счастливое время для Германіи, потому что онъ установилъ въ ней миръ и законность. Нѣмецкіе князья выказывали преданность ему, готовы были помогать ему покорить Ломбардію; онъ мечталъ, что съ нѣмецкими войсками и богатствами сицилійскаго королевства, съ сокровищами,

которыя возьметъ въ Ломбардіи, онъ сдѣлается владыкою всей западной Европы. Онъ былъ еще не старъ и могъ разсчитывать, что у него достанетъ времени для достиженія этой цѣли.

c) Война Фридриха съ ломбардцами.

Цѣль дѣйствій Фридриха въ Германіи.

Чтобы стать владыкою всей западной Европы, Фридриху надобно было прежде всего подавить независимость Ломбардіи, овладѣть богатствами итальянскихъ городовъ. Всѣ дѣйствія его въ Германіи служили подготовленіемъ къ походу на ломбардцевъ; онъ угождалъ нѣмецкимъ князьямъ, чтобъ они пошли съ нимъ въ Ломбардію. Онъ успѣлъ сдѣлать Оттона Люнебургскаго усерднымъ своимъ союзникомъ; прекратилъ междоусобія въ Германіи, чтобы войска князей были свободны для похода за Альпы. Весной 1236 года онъ поѣхалъ въ Марбургъ и 1 мая устроилъ великолѣпный церковный праздникъ положенія въ новую гробницу тѣла ландграфини Елисаветы, которая въ предыдущемъ году была причислена папой къ лику святыхъ. Множество свѣтскихъ и духовныхъ князей, безчисленныя массы народа собрались на это торжество. Императоръ своими руками снялъ первый камень съ прежней гробницы, возложилъ на голову святой Елисаветы корону изъ собственной сокровищницы. Онъ былъ человѣкъ невѣрующій и выказывалъ теперь свое благочестіе лишь для того, чтобы пріобрѣсти расположеніе гессенцевъ и тюрингцевъ уваженіемъ къ ихъ народной святой. Особенно старался онъ упрочить вѣрность князей южной Германіи. На аугсбургскомъ сеймѣ въ ноябрѣ 1235 онъ убѣдилъ короля богемскаго Вѣнцеслава, мужа дочери короля Филиппа, отказаться отъ правъ на владѣнія, принадлежавшія ея отцу въ Швабіи. Вѣнцеславъ взялъ за этотъ отказъ 10.000 марокъ. Герцогомъ швабскимъ былъ сынъ императора Генрихъ. Своимъ мятежемъ онъ утратилъ санъ герцога. Фридрихъ отдалъ герцогство швабское своему второму сыну, Конраду, и обручилъ его съ шестилѣтней дочерью Оттона, герцога баварскаго. Изъ Аугсбурга онъ отправился въ Эльзасъ, который нравился ему больше всѣхъ другихъ наслѣдственныхъ его владѣній въ Германіи.

Въ Гагенау пріѣхали къ нему бургундскіе (арелатскіе) владѣтели съ новыми увѣреніями въ преданности. При этомъ случаѣ онъ между прочимъ возвелъ графа Ремона Беранже провансскаго въ санъ рыцаря. Ремону было тогда ужь 50 лѣтъ; онъ не хотѣлъ принимать посвященіе въ рыцари потому что не желалъ умереть: было повѣрье, что графы провансскіе умираютъ вскорѣ по принятіи рыцарскаго сана. Но зятья Ремона, короли англійскій и французскій, считали стыдомъ, что онъ не рыцарь, и онъ уступилъ ихъ просьбамъ.

Походъ императора на герцога австрійскаго.

У императора оставался въ южной Германіи врагъ, Фридрихъ, герцогъ австрійскій. Человѣкъ очень храбрый, но буйный, находив-

шійся въ постоянной войнѣ съ сосѣдними князьями и своими вельможами, прогнавшій свою жену, отнявшій имѣнья у своей матери и сестры, обременявшій налогами духовенство и города, насиловавшій женщинъ, страшный и ненавистный вельможамъ, своему народу и сосѣдамъ. Императоръ вызывалъ его къ суду сейма за сношенія съ Генрихомъ и ломбардцами; онъ не поѣхалъ; императоръ на аугсбургскомъ сеймѣ объявилъ его мятежникомъ и поручилъ исполненіе приговора врагамъ его, королю богемскому, герцогу баварскому и сосѣднимъ епископамъ; они пошли въ Австрію и Штирію; вельможи этихъ областей присоединились къ нимъ; они гнали войска герцога; у него оставалось лишь нѣсколько замковъ; думая, что побѣда уже рѣшена, они пренебрегли осторожностью; а онъ сталъ бросаться на ихъ отряды, разбивалъ одинъ за другимъ. Императоръ былъ тогда уже въ веронской маркѣ, взялъ Виченцу (2 ноября 1236); узнавъ, что герцогъ австрійскій гонитъ изъ своихъ владѣній баварцевъ и чеховъ, императоръ быстро пошелъ въ Штирію, оттуда въ Австрію; герцогъ заперся въ Нейштадѣ; Вѣна отворила ворота императору, получила въ награду за это права имперскаго города, то-есть свое собственное управленіе, независимое отъ герцога. Императоръ объявилъ, что принимаетъ Австрію и Штирію подъ свою непосредственную власть, назначилъ правителями этихъ герцогствъ своихъ уполномоченныхъ, далъ привилегіи городамъ, монастырямъ и вельможамъ, выказавшимъ преданность ему. Его династическое независимое отъ королевскаго сана могущество было значительно увеличено присоединеніемъ герцогствъ австрійскаго и штирійскаго къ его личнымъ владѣніямъ. Теперь отъ Бургундіи до Венгріи всѣ князья и города были преданы императору.

Избраніе Конрада королемъ.

Въ Вѣнѣ въ мартѣ 1237 императоръ выразилъ сопровождавшимъ его въ походѣ князьямъ желаніе, чтобы выбранъ былъ на мѣсто Генриха королемъ Конрадъ. Всѣ князья, бывшіе тутъ, согласились выбрать Конрада. На аугсбургскомъ и шпейерскомъ сеймахъ императоръ получилъ согласіе и отъ другихъ князей. Упрочивъ такимъ образомъ престолъ за своей династіей, онъ отправился на Лехское поле, гдѣ собралось войско, и 24 іюля пошелъ по военной дорогѣ въ Ломбардію подавить при помощи Эццелино и другихъ гибеллиновъ свободу Ломбардіи, покорить всю Итатію. Конрада, въ то время еще не совершеннолѣтняго, онъ оставилъ въ Германіи, поручивъ управленіе королевствомъ Зигфриду Эпштейну, архіепископу майнцскому.

Побѣды войскъ и союзниковъ императора въ сѣверо-восточной Италіи.

Пошедши въ Штирію и Австрію, императоръ оставилъ въ веронской маркѣ часть войска подъ начальствомъ Гебгарда Арнштейна. Этотъ полководецъ и Эццелино вели войну успѣшно. Эццелино взялъ Падую; городъ Тревизо сдался; Аццо Эсте оробѣлъ и перешелъ на сторону императора; Салингверда возвратилъ подъ власть императора Феррару; Альберико, братъ Эццелино, бралъ замокъ за замкомъ въ

тревизской области. Вся веронская марка была уже покорена, когда императоръ въ августѣ (1237 года) пришелъ туда съ многочисленнымъ нѣмецкимъ войскомъ по долинѣ Адидже, и Гебгардъ привелъ ему изъ Апуліи семь тысячъ сарациновъ.

Пораженіе ломбардцевъ при Кортенуовѣ.

Императоръ пошелъ покорять Ломбардію. Нѣкоторые города и владѣтели оставались тамъ преданы ему; ломбардскій союзъ велъ войну съ ними. Легаты папы, находившіеся въ Ломбардіи, писали Григорію: «Повсюду на нашихъ путяхъ мы видѣли города ведущими гибельную войну между собою. Зло раздора такъ разрослось, что трудно сказать, осталось ли какое-нибудь мѣсто свободнымъ отъ вины въ немъ; повсюду рубитъ мечъ, свирѣпствуетъ огонь, грабятъ руки, нѣтъ пощады сиротамъ, нѣтъ уваженія къ святынѣ». Легаты склоняли ломбардскій союзъ къ миру съ Фридрихомъ; ихъ увѣщанія остались напрасны; еще меньше успѣха могли имѣть увѣренія Фридриха, что онъ желаетъ мира. Онъ требовалъ, чтобы ломбардцы отмѣнили свой союзъ, признали надъ собою императорскую власть во всемъ размѣрѣ его притязаній. Города ломбардскаго союза уже были готовы къ войнѣ съ нимъ, имѣли двѣ союзныя кассы, одну въ Генуѣ, другую въ Венеціи. Въ октябрѣ императоръ овладѣлъ Мантуей и пошелъ къ Милану. Папскіе легаты хотѣли возобновить свои посредническія хлопоты, но союзный совѣтъ отказался дать имъ аудіэнцію. Была поздняя осень, когда императоръ пошелъ изъ Мантуи на миланцевъ и ихъ союзниковъ, стоявшихъ въ укрѣпленномъ станѣ на Ольіо въ мѣстности, защищенной болотами. Дороги были испорчены осенними дождями; подвозъ провіанта къ войску императора былъ труденъ. Ломбардцы услышали, что Фридрихъ вернулся, отложилъ войну до весны, хочетъ зимовать въ Кремонѣ, что нѣмецкія войска уже пошли въ Германію. Повѣривъ этому, ломбардцы сняли свои шатры и пошли изъ стана, думая разойдтись на зиму по своимъ городамъ. Но Фридрихъ внезапно напалъ на нихъ при Кортенуовѣ. Они оборонялись очень храбро, выдерживали до вечера бой, начавшійся утромъ; но въ концѣ вечера императоръ и Эццелино аттакой тяжелой конницы сломили ряды противниковъ, утомленныхъ долгой битвой; ломбардцы начали отступать, ихъ отступленіе обратилось въ бѣгство. Ночью подъ проливнымъ дождемъ миланскій священный отрядъ ушелъ изъ укрѣпленія, въ которомъ остановился, чтобы прикрывать бѣгущихъ. Миланская колесница съ знаменемъ была ввѣрена его охраненію, но было слишкомъ тяжело везти ее по глубокой грязи, и онъ покинулъ ее. Побѣдители взяли большую добычу и на разсвѣтѣ возобновили преслѣдованіе бѣгущихъ. Граждане Бергамо присоединились къ войску императора. Миланская колесница съ знаменемъ была найдена нѣмцами. Число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ простиралось, какъ говорятъ, до 10.000 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ находилось 500 рыцарей и 3.000 знатныхъ гражданъ. Однимъ

27 ноября.

изъ плѣнниковъ былъ миланскій подеста Піэро Тіэполо, сынъ венеціанскаго дожа. Фридрихъ велѣлъ привязать его къ мачтѣ знамени миланской колесницы, запречь въ колесницу бѣлаго слона; привязанный къ ея мачтѣ, миланскій подеста служилъ предметомъ поруганія нѣмцамъ и гибеллинамъ. Императоръ послалъ своимъ друзьямъ письма, возвѣщавшія побѣду, и отправилъ въ Римъ миланскую колесницу съ знаменемъ въ подарокъ сенату и народу римскому; она была поставлена на Капитоліѣ, какъ желалъ того императоръ.

Дальнѣйшіе успѣхи императора 1238.

Побѣда при Кортенуовѣ ужаснула ломбадскихъ противниковъ императора; многіе изъ нихъ спѣшили покориться ему, чтобы получить прощеніе. Граждане Лоди прогнали миланскій гарнизонъ и подесту, который былъ присланъ миланцами править ихъ городомъ. Императоръ праздновалъ Рождество въ Лоди; на Крещенье онъ пришелъ 6 января 1238. въ другой преданный ему городъ, Павію. Въ февралѣ онъ пошелъ дальше на западъ. Виджевано, Новара, Верчелли, Иврея, Кіэри, другіе города, къ которымъ приближался онъ, отворяли ему ворота, и граждане ихъ назначали своими правителями людей, преданныхъ ему. Онъ пришелъ въ Туринъ, туда съѣхалось къ нему множество князей, епископовъ, вельможъ изъ всей сѣверной Италіи, изъ Бургундіи заявить ему свою преданность. Миланъ, Алессандрія, Брешія, Піаченца и Болонья оставались тверды въ рѣшимости обороняться. Послѣ пораженія при Кортенуовѣ они отправляли къ императору пословъ съ предложеніемъ признать его верховную власть, отдать ему всю союзную казну и отмѣнить свой союзный договоръ; но условіемъ покорности ставили сохраненіе свободы выбора своихъ городскихъ правителей и судей. Говорятъ, что Фридрихъ гордо требовалъ безусловной покорности; такъ ли это или нѣтъ, но очевидно, что его требованія были очень велики или неопредѣленны въ своемъ размѣрѣ, потому что Миланъ и города, остававшіеся вѣрными союзу съ нимъ, предпочли продолженіе войны рабству и стали готовиться къ оборонѣ.

Веронскій съѣздъ 1238.

Силы Фридриха были теперь громадны. Гибеллины сѣверной Италіи усердно помогали ему; Генуя и Флоренція рѣшились покориться императору; въ Германіи собрались многочисленные отряды идти къ нему. На праздникъ Троицы съѣхались къ императору въ Верону вельможи и богатые граждане покорившихся ему итальянскихъ областей. Онъ великолѣпно отпраздновалъ свадьбу своей побочной дочери Сельваджи съ Эццелино, могущественнымъ вождемъ гибеллиновъ сѣверо-восточной Италіи. Кромѣ итальянцевъ на эти пиры пріѣхали его сынъ, Конрадъ, нѣмецкіе и бургундскіе князья; султанъ египетскій и Ватацесъ, императоръ никейскій, прислали посольства съ поздравленіями и подарками; Томасо Ачеррскій привелъ изъ Апуліи, Сициліи и Романьи цѣлый караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ сокровищами,

пришло и новое подкрѣпленіе: Гебгардъ Аришгейнъ привелъ отрядъ сарацинovъ и тосканскихъ рыцарей.

Осада Брешіи; августъ—октябрь 1238.

Императоръ въ началѣ августа пошелъ къ Брешіи, а его союзники гибеллины блокировали Алессандрію. По взятіи Брешіи Фридрихъ хотѣлъ идти на Миланъ. Ломбардцамъ трудно было надѣяться на успѣхъ обороны, но они твердо рѣшились биться до послѣднихъ силъ. Три мѣсяца императорское войско дѣлало приступы къ Брешіи, но граждане отражали всѣ нападенія; обороною города управлялъ Каламандрино, искусный инженеръ, посланный императору королемъ кастильскимъ, но взятый въ плѣнъ брешійцами; они обращались съ нимъ очень хорошо, и онъ согласился принять на себя защиту ихъ стѣнъ. Они сражались геройски. Императоръ велѣлъ привязывать знатныхъ брешійскихъ плѣнниковъ передъ осадными башнями, чтобы брешійцы не стрѣляли въ его воиновъ, стоящихъ за ихъ согражданами. Но сами плѣнники кричали имъ: «защищайте союзъ, свободу и честь». Сарацины и нѣмецкіе всадники, составлявшіе главную силу императорскаго войска, были мало пригодны къ приступамъ; начались осенніе дожди, размягчили землю; подкопы осаждающихъ обрушились, и надежда взять городъ ослабѣла. Миланцы и союзники ихъ нападали на области, покорившіяся императору; онъ принужденъ былъ послать часть войска, чтобъ отразить эти нападенія. Число оставшихся при немъ воиновъ было недостаточно, чтобы занимать непрерывнымъ кругомъ всю линію осадныхъ работъ; въ кольцѣ блокады образовались разрывы; черезъ нихъ были провозимы къ осажденнымъ запасы продовольствія. Притомъ осажденные имѣли пріюты отъ непогоды, отдыхали посмѣнно въ своихъ домахъ, а императорское войско страдало отъ дождей и холоднаго вѣтра. Положеніе его съ каждымъ днемъ становилось хуже; Фридрихъ велѣлъ сжечь осадныя машины и 9 ноября снялъ осаду, пошелъ зимовать въ Кремонѣ.

Послѣдствія неудачи Фридриха подъ Брешіей.

Неудача осады уничтожила всѣ результаты прежнихъ успѣховъ императора. Послѣ побѣды при Кортенуовѣ большинство ломбардскихъ городовъ покорилось ему; теперь одинъ городъ за другимъ отказывался повиноваться. Вѣра въ его непобѣдимость изчезла. Генуэзцы отложились отъ него и отдали свой городъ подъ покровительство папы. Венеціанцы были раздосадованы жестокостью Фридриха къ плѣнному ихъ согражданину Піэро Тіэполо; притомъ завоеванія, дѣлаемыя Эццелино, возбудили въ нихъ опасенія, и Венеція стала помогать врагамъ императора. Аццо Эсте перешелъ на сторону гвельфовъ. Падуанцы хотѣли отворить ему ворота своего города, но Эццелино узналъ объ этомъ заговорѣ и подавилъ его. Григорій IX сталъ открыто поддерживать ламбардцевъ; говорятъ, что онъ даже посылалъ имъ деньги; мы не знаемъ, такъ ли это; но онъ отправилъ къ императору посольство съ письмомъ, въ которомъ перечислялъ обиды, сдѣланныя церкви и духовенству Фридрихомъ. Онъ го-

Григорій возобновляетъ ссору съ императоромъ.

ворилъ между прочимъ о томъ, что Фридрихъ угнетаетъ денежными поборами духовенство въ королевствѣ сицилійскомъ; вѣроятно, это относится къ тому, что церковныя владѣнія въ королевствѣ не были освобождены отъ обременительныхъ налоговъ, установленныхъ Фридрихомъ еще до войны, а теперь доведенныхъ до размѣра еще болѣе тяжелаго. Григорій жаловался также на то, что императоръ задержалъ и оставляетъ подъ стражей пріѣхавшаго въ Италію креститься племянника султана тунисскаго, говорилъ Фридриху, что своею войною съ ломбарцами онъ мѣшаетъ отправленію воиновъ на защиту святой земли и отнимаетъ у папы возможность собрать крестоносцевъ для возстановленія латинской имперіи въ Константинополѣ. Фридрихъ отвѣчалъ длиннымъ опроверженіемъ этихъ обвиненій и въ заключеніе отвѣта говорилъ, что немедленно отмѣнитъ тѣ угнетенія, какимъ въ его отсутствіе можетъ подвергаться церковь въ королевствѣ сицилійскомъ, и всячески будетъ заботиться о сохраненіи согласія съ папой, требуемаго благомъ всего христіанства.

Истинныя причины ссоры.

Жалобы Григорія и оправданія Фридриха не относились къ сущности дѣла. Истинная причина вражды папы къ императору состояла не въ томъ, что сицилійское духовенство подвергается притѣсненіямъ, а въ опасеніи, что если императоръ покоритъ Ломбардію, то возьметъ назадъ всѣ уступки, какія сдѣлалъ папскому престолу относительно средней Италіи. Матѳей Парижскій (Метью Парисъ) говоритъ, что Фридрихъ на жалобы Григорія отвѣчалъ: «Я далъ присягу возвратить имперіи всѣ области, отнятыя у нея, и не откажусь отъ этого моего рѣшенія». Дѣйствительно ли сказалъ такъ Фридрихъ или нѣтъ, но папа могъ видѣть его намѣренія по его дѣйствіямъ относительно острова Сардиніи.

Назначеніе Энціо королемъ сардинскимъ.

Къ числу владѣній, на которыя имѣлъ права римскій епископъ, принадлежали, по увѣреніямъ Иннокентія III, Сардинія и Корсика. Значительныя части этихъ острововъ находились подъ властью Пизы и Генуи, Гонорій III требовалъ, чтобы Генуя и Пиза признали его леннымъ господиномъ своихъ владѣній тамъ и платили ему дань за нихъ. Фридрихъ обѣщался поддерживать эти требованія папы. Генуэзскіе и пизанскіе вельможи, имѣвшіе владѣнія въ Сардиніи и Корсикѣ, согласились признать папу своимъ леннымъ господиномъ и довольно долго платили ему дань. Генуэзскій вельможа Убальдо Висконти былъ владѣтелемъ округовъ (юдикатовъ) Торре и Галлуры на островѣ Сардиніи. Онъ умеръ; ему наслѣдовала жена его Аделазія; она приняла предложеніе выйдти за Энціо, 18 лѣтняго юношу, побочнаго сына Фридриха. Григорій находилъ этотъ бракъ опаснымъ для папской власти надъ Сардиніей и старался помѣшать ему и, по словамъ Фридриха, предлагалъ выдать за Энціо свою племянницу. Хлопоты его разстроить свадьбу Энціо съ Аделазіей остались напрасны. Во время осады Брешіи былъ отпразднованъ бракъ Энціо и Аделазіи; Фридрихъ объявилъ ея владѣнія имперскимъ леномъ и далъ ихъ какъ ленъ мужу ея. Они были очень обширны, и Энціо принялъ титулъ короля сардинскаго. Григорій былъ раздраженъ этимъ. Когда Фридрихъ отступилъ отъ Брешіи, папа, ободренный

его неудачей, вступилъ въ союзъ съ Венеціей и Генуей, открыто принялъ сторону миланцевъ, сталъ возбуждать всѣхъ другихъ итальянцевъ къ войнѣ съ императоромъ, послалъ архіепископа пренестскаго въ Провансъ дѣйствовать и тамъ противъ Фридриха; но императоръ не пропустилъ туда этого легата папы.

---

5. Вторичное отлученіе Фридриха отъ церкви.

а) Причины разрыва папы съ императоромъ.

Отлученіе императора 1239.

Фридрихъ, не уступавшій хитростью папѣ, велъ переговоры съ нимъ, желая поддержать хотя бы только на словахъ миръ съ церковью. Но римская курія уже рѣшилась на открытую борьбу. Первые мѣсяцы 1239 года Фридрихъ провелъ въ Падуѣ у своего друга и зятя Эццелино; время шло тамъ чрезвычайно весело; пиры слѣдовали за пирами, Фридрихъ волочился за красавицами, ѣздилъ на охоту съ вельможами. Но на Пасху веселье было разстроено извѣстіемъ, что папа на вербное воскресеніе (20 марта) провозгласилъ императора отлученнымъ отъ церкви и, по обычной формѣ проклятія, предалъ его тѣло сатанѣ, чтобы спасена была душа его, объявилъ его подданныхъ освобожденными отъ присяги ему, наложилъ интердиктъ на всѣ тѣ мѣста, гдѣ будетъ онъ находиться. Въ то же время Фридрихъ получилъ другое извѣстіе очень непріятное: умеръ его вѣрный совѣтникъ и помощникъ, гросмейстеръ нѣмецкаго ордена Германъ Зальца. Старикъ былъ боленъ, поѣхалъ лечиться у врачей знаменитой салернской школы, но они не могли одолѣть его болѣзнь, она убила его въ тотъ самый день, когда папа провозгласилъ отлученіе Фридриха.

Оффиціальная полемика. а) Императорскіе манифесты.

Императоръ зналъ о намѣреніи папы отлучить его, писалъ къ кардиналамъ, что они примутъ на себя тяжелую отвѣтственность, если будутъ поддерживать папу въ желаніи сдѣлать эту несправедливость, высказывалъ рѣшимость отражать силу силой. Папа энцикликой (циркулярнымъ посланіемъ) отъ 7 апрѣля извѣстилъ всѣхъ епископовъ западной церкви объ отлученіи Фридриха. Императоръ длиннымъ посланіемъ отъ 20 апрѣля сообщилъ королямъ и князьямъ, что отлученіе произнесено папой несправедливо; онъ перечислялъ услуги, какія оказалъ церкви, и говорилъ: „Всякія несправедливости исходятъ отъ старѣйшинъ вавилонскихъ, называющихъ себя правителями народа и превращающихъ власть въ горечь и плодъ справедливости въ полынь;“ онъ увѣрялъ, что имѣетъ величайшее уваженіе къ церкви, выражалъ готовность отдать свое дѣло на судъ вселенскаго собора, называлъ Григорія недостойнымъ преемникомъ Петра, заботящимся не о спасеніи христіанъ, а подобно купцу только о деньгахъ. Григорій обѣщалъ поддерживать права императора, а теперь сталъ на сторону его враговъ, продолжалъ Фридрихъ, и напрасно говоритъ, будто императоръ угнетаетъ церковь въ королевствѣ сицилійскомъ, возбуждаетъ въ Римѣ мятежъ противъ папской власти, будто присвоилъ себѣ владѣнія римской каѳедры въ

Италіи и на островѣ Сардиніи; всѣ эти и другія обвиненія несправедливы; дѣйствительная причина отлученія та, что папа хочетъ своимъ церковнымъ авторитетомъ поддерживать мятежныхъ ломбардцевъ, отнять у императора законныя права; въ лицѣ императора Григорій оскорбилъ всѣхъ государей; потому всѣ они должны соединиться съ императоромъ для защиты общей своей чести; если папа одолѣетъ римскаго императора, щитъ котораго принимаетъ первый ударъ, то не далеко будетъ время униженія всѣхъ другихъ королей и князей.—Фридрихъ отправилъ письмо къ римлянамъ, упрекая „благородныхъ квиритовъ“ въ томъ, что не нашлось между ними ни одного человѣка, который удержалъ бы папу отъ нанесенія обиды государю и благодѣтелю Рима; Фридрихъ убѣждаетъ римлянъ снять позоръ съ римскаго имени, угрожаетъ отнять у нихъ свою благосклонность, если они не возстанутъ въ защиту его.

b) Манифесты папы.

Вмѣстѣ съ этими манифестами императора былъ распространяемъ памфлетъ, наполненный рѣзкими нападеніями на алчнаго и жестокаго папу, „глухого змѣя,“ не слышащаго голоса справедливости, бросившаго проклятіе, какъ камень изъ пращи. Папа отвѣчалъ манифестомъ отъ 21 іюня, написаннымъ выраженіями, заимствованными изъ Апокалипсиса. Григорій говоритъ: „Вышелъ изъ моря звѣрь, исполненный именъ богохульныхъ, съ ногами медвѣдя, пастью яростнаго льва и тѣломъ барса; онъ открываетъ ротъ, чтобъ изрыгать хулы противъ имени Божія, и направляетъ ядовитыя стрѣлы на шатеръ небесный и живущихъ въ немъ святыхъ. Онъ явно возстаетъ противъ Христа, чтобы при помощи невѣрныхъ рѣзцомъ еретической злобы стереть со скрижалей завѣтъ Христовъ“. Этотъ звѣрь—Фридрихъ, называемый императоромъ. Манифестъ продолжается тѣмъ же тономъ. Григорій повторяетъ, какъ несомнѣнную истину, все дурное, что было говорено о Фридрихѣ его врагами, и прибавляетъ, что этотъ „царь пагубы“ говорилъ такія слова: „Вселенная была обольщена тремя обманщиками, Моисеемъ, Мухаммедомъ и Христомъ; два изъ нихъ умерли въ почетѣ, а третій умеръ на крестѣ.“ Монахи нищенствующихъ орденовъ, разносившіе по всѣмъ странамъ эти обвиненія, говорили, что Фридрихъ—безбожникъ, кощунствующій надъ таинствами церкви, мусульманинъ, уважающій законы и обычаи сарациновъ больше, чѣмъ ученіе Христа и, подобно султану, держащій гаремъ сарацинскихъ женщинъ и евнуховъ, предтеча антихриста, желающій истребить христіанство, чтобы народы поклонялись ему какъ Богу, святотатецъ, отнимающій владѣнія у римской каѳедры, похищающій сокровища церквей.—Фридрихъ не остался въ долгу. Онъ отправилъ къ кардиналамъ письмо, въ которомъ утверждаетъ, что всегда исповѣдовалъ истинную христіанскую вѣру, что изъ устъ его никогда не выходило кощунство, приписываемое ему папой, но что фарисей, возсѣдающій теперь на престолѣ Петра, хочетъ извратить порядокъ природы, поставившей на небѣ два свѣтила, то-есть двѣ власти на землѣ, духовную и свѣтскую; папа хочетъ, чтобъ его произволъ былъ выше закона вѣчной природы; на уподобленіе звѣрю, выходящему изъ моря, Фридрихъ отвѣчаетъ, примѣняя къ папѣ слова Апокалипсиса: „Вышелъ другой конь рыжій, и сидящій на немъ взялъ миръ съ земли, чтобы живущіе убивали другъ друга; Григорій—великій драконъ, обольстившій вселенную; не Фридрихъ предтеча антихриста, а Григорій антихристъ“.

Обмѣнъ ругательствъ.

Ругательства, которыми обмѣнивались императоръ и папа, выказывали ожесточенность ихъ вражды, но не раскрывали истинной причины этого чувства. Папа возставалъ противъ императора не столько по религіозному мотиву, сколько по политическому. Фридрихъ не

Противоположность принциповъ.

отступалъ формальнымъ образомъ отъ церковныхъ обрядовъ; онъ безпощадно преслѣдовалъ еретиковъ и не задолго передъ новымъ отлученіемъ обнародовалъ строгій законъ противъ патаровъ, главнымъ пріютомъ которыхъ была Ломбардія. Онъ и на словахъ и на дѣлѣ выказывалъ себя усерднымъ сыномъ церкви; сомнѣнія въ его искренности, конечно, были основательны, но противники его не приводили фактовъ въ подтвержденіе своихъ обвиненій, ссылались только на молву. Истинной причиной вражды римской куріи къ Фридриху была, какъ мы говорили, противоположность политическихъ интересовъ его и папы. Иннокентій III отчасти осуществилъ то желаніе, которымъ были одушевлены папы со времени Григорія VII. Римскій престолъ получилъ матеріальную основу могущества; римская область сдѣлалась государствомъ папы; королевство сицилійское было папскимъ леномъ; города Умбріи и Тосканы признавали папу своимъ леннымъ господиномъ (правда, лишь потому, что папа довольствовался отъ нихъ пустыми словами); города сѣверной Италіи не опасались могущества папы, которое ни въ какомъ случаѣ не могло стѣснить ихъ независимости. Такимъ образомъ казалось, что вся Италія можетъ образовать федерацію, главою которой будетъ папа. Настроеніе умовъ въ ту эпоху было религіозное, и никто изъ западныхъ государей не сталъ бы возражать противъ первенства папы, еслибъ онъ сталъ леннымъ господиномъ всей Италіи. Но Фридрихъ мѣшалъ осуществленію этихъ плановъ и надеждъ римской куріи. Онъ основалъ въ сицилійскомъ королевствѣ бюрократическую монархію, въ которой не было мѣста вліянію папы; онъ обложилъ церковныя имѣнья тѣми же тяжелыми податями, какими обременилъ остальное населеніе; онъ находился въ сношеніяхъ съ римскими гибеллинами, ловко увеличивалъ въ Римѣ число своихъ приверженцевъ. Несомнѣнно было, что если онъ покоритъ Ломбардію, то овладѣетъ наслѣдствомъ Матильды и, по всей вѣроятности, отниметъ у папы даже Умбрію. Онъ уже отнялъ у него ленную власть надъ Сардиніей; изъ этого было ясно, какъ поступитъ онъ съ итальянскими владѣніями папы. Не имѣя государства въ Италіи, папа не имѣлъ бы силы вести борьбу за свое духовное владычество надъ другими странами; а Фридрихъ прямо говорилъ, что считаетъ Италію принадлежащей императору, что притязанія папы быть свѣтскимъ государемъ несправедливы. Династическія преданія Гоэнштауфеновъ и образъ мыслей Фридриха были опасны и для духовной власти папы. Римская курія не особенно боялась еретиковъ; ихъ убѣжденія имѣли фантастическій характеръ; серьезнаго политическаго значенія они не могли пріобрѣсти. Гораздо опаснѣе былъ скептицизмъ и философскій индиферентизмъ императора, который на своихъ пирахъ сажалъ сарацинскихъ пословъ за одинъ столъ съ епископами и былъ окруженъ такими же равнодушными къ религіи людьми, какъ онъ самъ. Потому Григорій считалъ своими

союзниками ломбардскіе города, хотя въ нихъ было очень много патаровъ, и отлучилъ отъ церкви Фридриха, суроваго преслѣдователя еретиковъ.

При непримиримой противоположности понятій и стремленій императора и папы неизбѣжна была борьба между ними; соглашенія могли быть лишь непродолжительными перемиріями. Съ точки зрѣнія юридическаго формализма право было на сторонѣ императора: папа ссылался только на вымыселъ, будто бы Константинъ подарилъ Италію римскому епископу, Фридрихъ—на трактаты, подлинность которыхъ была внѣ всякаго спора. Но они устарѣли, не соотвѣтствовали современному положенію дѣлъ. Ломбардцы пріобрѣли независимость и не хотѣли отказаться отъ нея. Императоръ, держась феодальныхъ и бюрократическихъ понятій, желая быть полновластнымъ повелителемъ, не признавалъ права городовъ на самоуправленіе, хотѣлъ подчинить ихъ своему произволу; этимъ онъ погубилъ свою династію и отдалъ побѣду папѣ, который выставлялъ себя защитникомъ свободы городовъ и тѣмъ привлекъ на свою сторону массу городского населенія Италіи. Монархическая власть въ Германіи упала, а Фридрихъ хотѣлъ при содѣйствіи итальянскихъ феодаловъ и нѣмецкихъ князей основать въ Италіи абсолютную монархію. Григорій призывалъ итальянцевъ соединиться на оборону національной свободы. Защита независимости городовъ была для папы только предлогомъ; онъ велъ борьбу за собственную власть. Дѣйствительныя стремленія его не имѣли ничего общаго съ независимостью итальянскихъ городовъ; но онъ пріобрѣлъ поддержку горожанъ, разъигрывая роль защитника національной независимости. Результаты союза съ папой были гибельны для гвельфовъ. Императоръ угрожалъ національной независимости итальянскаго народа, но побѣда паны надъ императоромъ нанесла смертельный ударъ умственному и гражданскому развитію итальянцевъ. Въ ожесточенной борьбѣ гвельфовъ съ гибеллинами истощились силы обѣихъ партій, и обѣ онѣ подпали подъ иго тирановъ. Италія раздробилась на множество независимыхъ государствъ; деспоты, владычествовавшіе въ нихъ силой оружія, думали каждый только о своихъ личныхъ интересахъ и подавляли всякую законность своимъ произволомъ.

Результаты борьбы.

b) Борьба Григорія IX съ Фридрихомъ.

Отлученіемъ Фридриха отъ церкви началась непримиримая борьба папы съ императоромъ, напоминавшая своей свирѣпостью ужасныя времена Генриха IV и Григорія VII. Безпощадная война дала ужасающій просторъ всѣмъ злымъ страстямъ. Эти годы беззаконій доставили богатый матеріалъ для «Ада» Данте. Григорій хотѣлъ низвергнуть династію Гоэнштауфеновъ, отнять у нея не только импера-

Характеръ борьбы.

торскій санъ, но и сицилійское королевство, навсегда отдѣлить Германію отъ Италіи; онъ имѣлъ усердными помощниками своими монаховъ нищенствующихъ орденовъ и значительную часть остального духовенства. Гвельфы считали папскій престолъ оплотомъ національной свободы. Демократы и республиканцы итальянскихъ городовъ были на сторонѣ церкви. Императоръ принужденъ былъ раздроблять свои силы въ войнѣ съ городами. Паденіе императорскаго могущества было выгодно для сосѣднихъ государей, которымъ угрожали нѣмецкіе императоры; потому короли сочувствовали папѣ, хотя по уваженію къ принципу монархической власти или по родству съ императоромъ удерживались отъ войны съ нимъ. Такимъ образомъ императоръ могъ опираться только на гибеллиновъ и на нѣмецкихъ князей; но вожди гибеллиновъ, въ особенности сильнѣйшій изъ нихъ Эццелино, дѣйствовали только по разсчетамъ личныхъ выгодъ, а Германія при содѣйствіи самого императора раздробилась на независимыя владѣнія, и областные государи по своимъ личнымъ интересамъ были расположены слушать внушеній, которыми обольщали ихъ агенты папы; королевская власть издавна ослабѣла въ Германіи, теперь она исчезала; санъ короля нѣмецкаго, римскаго императора, сталъ только почетнымъ титуломъ. Гоэнштауфены не искали себѣ опоры въ сословіи горожанъ, какъ дѣлали англійскіе и французскіе короли, а Фридрихъ II перенесъ и на нѣмецкія городскія общины свою ненависть къ итальянскимъ, хотя нѣмецкіе горожане были единственными усердными защитниками королевской власти. — Гоэнштауфены поняли это наконецъ и стали покровителями нѣмецкихъ городовъ, но рѣшились на то, когда уже безвозвратно проиграли свое дѣло.

Интриги папы въ Германіи 1239—1240.

Отлученіе Фридриха отъ церкви не произвело сначала никакого впечатлѣнія въ Германіи; многіе изъ нѣмецкихъ князей даже запретили обнародовать въ своихъ владѣніяхъ буллу отлученія. Но приверженцы папы стали пользоваться личными интересами князей или ихъ личными неудовольствіями на императора и мало по малу склонили нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону папы. Самымъ дѣятельнымъ изъ папскихъ агентовъ въ Германіи былъ архидіаконъ пассаускаго капитула Альбертъ фонъ Поссенгофенъ, котораго называли Чехомъ, Böhme, хотя онъ былъ баварецъ. Онъ интриговалъ въ юго-восточной Германіи съ неутомимой дѣятельностью и удивительной ловкостью. Первый изъ нѣмецкихъ князей воспользовался затруднительнымъ положеніемъ императора Фридрихъ, герцогъ австрійскій, которому справедливо дали названіе Воинственный. Мы говорили, что его войска были загнаны въ замки; теперь онъ собралъ эти гарнизоны, неожи-

1239. данно напалъ на главнокомандующаго императорскихъ войскъ графа Эберштейна, разбилъ его въ мѣстности, называвшейся Каменнымъ полемъ, Steinfeld, взялъ въ плѣнъ епископовъ пассаускаго и фрейзингскаго и возстановилъ свою власть во всемъ австрійскомъ гер-

погствѣ, кромѣ города Вѣны, котораго не могъ взять. Оттонъ Свѣтлый, герцогъ баварскій и пфальцграфъ рейнскій, бывшій усерднымъ приверженцемъ императора, поссорился съ Зигфридомъ, архіепископомъ майнцскимъ, намѣстникомъ императора въ Германіи; кромѣ того Альбертъ, вѣроятно, возбудилъ въ немъ надежду сдѣлаться нѣмецкимъ королемъ. Онъ перешелъ на сторону папы и помирился съ герцогомъ австрійскимъ. Много содѣйствовало этой перемѣнѣ вліяніе жены Оттона, женщины очень набожной. Вѣнцеславъ, король богемскій, сердился на то, что Фридрихъ отнялъ у него австрійскія земли, завоеванныя имъ; сестра Вѣнцеслава была монахиня кларисійскаго ордена и склоняла его въ пользу папы; онъ тоже примирился съ герцогомъ австрійскимъ, врагомъ императора. Въ іюнѣ 1239 года на эгерскомъ сеймѣ приверженцы папы уже подымали рѣчь о выборѣ новаго короля; но большинство духовныхъ и свѣтскимъ князей еще сохраняло вѣрность Фридриху и Конраду. Интересы ихъ усердно защищалъ преемникъ Германа Зальцы, гросмейстеръ нѣмецкаго ордена, Конрадъ Тюрингскій, братъ ландграфа тюрингскаго, Геприха Распе. Григорій въ двухъ посланіяхъ жаловался, что столько прелатовъ и князей поддерживаютъ Фридриха, называющаго себя императоромъ, желающаго, подобно Ироду, уничтожить христіанскую вѣру и свободу церкви. Князья отвѣчали, что, уважая церковь, они должны уважать и императора, и запретили обнародованіе буллы о его отлученіи. Даже герцогъ австрійскій примирился съ императоромъ при посредничествѣ архіепископа зальцбургскаго и епископа пассаускаго; императоръ утвердилъ его во владѣніи герцогствомъ и отдалъ ему Вѣну. Когда разскрылось намѣреніе Григорія произвести своей буллой мятежъ въ Германіи противъ императора, то отшатнулись отъ папы и тѣ князья, которые вначалѣ стали на его сторону. Въ маѣ слѣдующаго (1240) года важнѣйшіе духовные и свѣтскіе князья Германіи послали гросмейстера нѣмецкаго ордена, Конрада, въ Римъ съ письмомъ къ папѣ; они рѣзкимъ тономъ говорили ему, что своей враждой противъ императора онъ вредитъ христіанской церкви, и убѣждали его примириться съ могущественнымъ государемъ, готовымъ отдать спорные вопросы на рѣшеніе справедливаго суда. Нѣмецкіе князья были тогда единодушны; раздоръ между ними начался послѣ.

Въ сѣверной Италіи булла объ отлученіи имѣла больше успѣха, чѣмъ въ Германіи. Празднуя Пасху въ Падуѣ, Фридрихъ видѣлъ себя господиномъ всѣхъ областей низовья рѣки По и бассейна Адидже. Виченца, Верона, Тревизо повиновались ему; ихъ подесты были назначены имъ. Маркграфъ Аццо Эсте перешелъ на его сторону, отворилъ ему свои замки, отдалъ ему своего сына Ринальдо и его жену Аделазію (дочь Альберико, брата Эццелино) въ залогъ своей вѣрности. Императоръ отправилъ ихъ въ Апулію. Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ устранить взаимное недовѣріе между Аццо и Эццелино

Война въ сѣверо-восточной Италіи.

Фридрихъ не могъ примирить ихъ. Аццо продолжалъ опасаться коварства Эццелино, и дѣла получили отъ этого оборотъ очень невыгодный для императора. Въ іюнѣ (1239 года) Фридрихъ пошелъ на ломбардцевъ. Аццо шелъ съ нимъ, но получилъ тайное извѣщеніе, что его жизни угрожаетъ опасность, внезапно покинулъ войско императора, бѣжалъ въ замокъ, принадлежавшій Ричардо Санъ Бонифаціо. Фридрихъ успокоивалъ его, убѣждалъ вернуться къ войску, но онъ не повѣрилъ Фридриху и остался его врагомъ. Фридрихъ, пришедши въ Верону, объявилъ Аццо, Ричардо Санъ Бонифаціо и сторонниковъ ихъ мятежниками; этимъ онъ отнялъ у себя возможность примиренія съ ними. Примѣру Аццо послѣдовали многіе вельможи виченцской области и тревизской марки. Фридрихъ сталъ больше прежняго ласкать Эццелино, далъ ему почти независимую власть надъ Падуей, Тревизо, Вероной, Виченцей, Тріэнтомъ. Эццелино занялъ войсками веронское ущелье и такимъ образомъ обезпечилъ нѣмецкимъ войскамъ свободный путь изъ Германіи по долинѣ рѣки Адидже. Но Альберико, братъ Эццелино, перешелъ на сторону гвельфовъ; быть можетъ онъ сердился на то, что Фридрихъ отослалъ его дочь и зятя въ Апулію, и за то, что не получилъ такихъ наградъ, какъ Эццелино; но современники объясняютъ дѣло иначе: они говорятъ, что Альберико перешелъ на сторону гвельфовъ по тайному соглашенію съ Эццелино; по ихъ словамъ, братья разсудили обезпечить себя отъ потерь, каковъ бы ни былъ исходъ войны: если побѣдитъ императоръ, династія ихъ сохранитъ свое могущество, благодаря тому, что Эццелино сражался за него; если побѣдятъ гвельфы, будетъ тоже, потому что Альберико сражался за нихъ. Но хотя братья служили теперь въ противоположныхъ станахъ, они остались совершенно одинаковы по коварству и свирѣпости.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Во всей сѣверной и средней Италіи свирѣпствовала война. Папа желалъ бы передать императорскій санъ какому нибудь другому государю, но не нашлось охотниковъ вступить изъ-за этого въ борьбу съ Фридрихомъ. Императоръ безъ труда могъ бы назначить какого-нибудь духовнаго сановника папой, и его кліэнтъ имѣлъ бы много приверженцевъ въ духовенствѣ, потому что Григорій возбуждалъ много неудовольствія своей жадностью къ деньгамъ: онъ продавалъ церковныя должности тѣмъ, кто дастъ больше; алчность римской куріи доставляла неистощимый матеріалъ для тогдашней сатиры. Но Фридрихъ не захотѣлъ назначать антипапу; вѣроятно у него былъ другой разсчетъ. Назначивъ антипапу, онъ долженъ былъ бы покровительствовать своему кліэнту; потому не могъ бы ограничивать права церковной власти папскаго сана. Побѣдивъ Григорія, низложивъ его, императоръ могъ отнять у папскаго сана всѣ права, какія захотѣлъ бы, могъ сдѣлать новаго папу сановникомъ вполнѣ зависящимъ отъ императора. Въ іюлѣ уже ясно обозначилось, какіе

города и области Италіи будутъ сражаться за императора, какіе противъ него. Миланъ и Болонья были главными оплотами Вельфовъ въ сѣверной Италіи. Венеція и Генуя были ихъ союзницами; Аццо Эсте, Альберико Романо, графъ Санъ Бонифаціо, равенискій вельможа Паоло Траверсари были ихъ полководцами. Города Тосканы и Умбріи почти всѣ были на сторонѣ папы; Фридрихъ обѣщалъ большія награды городамъ анконской марки и герцогства сполетскаго, чтобъ привлечь ихъ на свою сторону, называлъ городъ Джези своимъ Виѳлеемомъ, къ которому онъ привязанъ тысячами узъ любви, но его обольщеніямъ не вѣрили. Главнымъ его союзникомъ былъ Эццелино. Кромѣ того за него были Мантуя, Парма, Модена, Кремона, Реджо, правитель Феррары Салингверра, маркграфъ Маласпина. Очень дѣятельнымъ помощникомъ Фридриха былъ его побочный сынъ Энціо, которому онъ далъ почти неограниченное полномочіе дѣйствовать въ тѣхъ областяхъ, въ которыя не можетъ прійдти самъ онъ. Императоръ выказывалъ чрезвычайную энергію и большой умъ. Прежде чѣмъ идти на Миланъ, онъ нашелъ надобнымъ обезпечить свободу передвиженій своимъ войскамъ изъ Апуліи въ сѣверную Италію, двинулся къ Болоньѣ, взялъ два замка, увелъ въ плѣнъ ихъ гарнизоны; въ числѣ плѣнниковъ находилось много знатныхъ гражданъ Болоньи. Проложивъ этимъ свободный путь въ Апулію, онъ наложилъ иго желѣзнаго деспотизма на королевство сицилійское, чтобы не могли тамъ поднять мятежа папскіе эмиссары и готовившіеся сдѣлать высадку въ Сициліи венеціанцы. Монахи нищенствующихъ орденовъ были изгоняемы; епископы и священники, повиновавшіеся папскому запрещенію совершать богослуженіе въ присутствіи императора, лишались должностей и доходовъ или даже отправлялись въ ссылку; бароны и рыцари, вѣрность которыхъ казалась сомнительной, были отправлены на службу въ королевское войско, подозрительные чиновники лишены должностей. Монаховъ, объявлявшихъ народу буллу объ отлученіи короля или пытавшихся поднять мятежъ, Фридрихъ бросалъ въ темницу или подвергалъ мучительной смерти; онъ конфисковалъ часть церковныхъ имѣній, другія обложилъ контрибуціей; шпіоны слѣдили за всѣми пріѣзжими, полиція зорко стерегла гавани, обыскивала корабли. Въ октябрѣ были уже прогнаны или сосланы 34 духовные саповника. Обширныя владѣнія монтекассинскаго аббатства конфискованы.

Ломбардія.

Осенью Фридрихъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ нѣмцевъ, итальянцевъ и сарацинovъ, пошелъ на Миланъ. Защитой города завѣдовалъ папскій легатъ Грегоріо Монтелонго, назначенный ректоромъ (правителемъ) и капитаномъ (главнокомандующимъ) миланскимъ. Онъ принялъ хорошія мѣры обороны; велъ правительственныя и военныя дѣла ломбардскаго союза такъ искусно и энергично, что походъ императора остался неудаченъ. Фридрихъ не могъ принудить ломбардцевъ къ

бою на открытомъ полѣ; опустошилъ огнемъ и мечомъ южную часть миланской области, разграбилъ и сжегъ девятнадцать небольшихъ городовъ, тѣмъ и ограничились его успѣхи. Дожди и разливъ рѣкъ заставили его въ ноябрѣ вернуться; онъ ушелъ въ Кремону. Городъ Комо отложился отъ гвельфовъ, императоръ наградилъ его разными льготами и въ концѣ года пошелъ черезъ Апеннины въ Пизу, городъ гибеллинской партіи. Сынъ Фридриха Энціо дѣлалъ завоеванія въ анконской маркѣ, а самъ онъ хотѣлъ идти изъ Пизы къ Риму. При папскомъ дворѣ говорили, что онъ поклялся сдѣлать папу нищимъ, а храмъ Петра обратить въ конюшню; вѣроятно императоръ не былъ такъ неосторожень въ словахъ, но онъ писалъ своему усердному слугѣ, архіепископу мессинскому, что принялъ неизмѣнное рѣшеніе возвратить подъ императорскую власть герцогство сполетское и всѣ области, принадлежавшія прежде имперіи, и при Божіей помощи увидѣть собственными глазами папскій дворецъ въ Ананьи. Онъ шелъ къ Риму, не встрѣчая сопротивленія. Многіе города Тосканы, Умбріи, сабинской области отворяли ему ворота; вышли на встрѣчу съ привѣтствіями ему даже граждане Витербо, бывшіе самыми усердными союзниками Григорія; граждане Ріэти вступили въ переговоры съ нимъ. Тиволійцы съ радостью ждали его приближенія; онъ писалъ: «Сердца всѣхъ расположены къ повиновенію къ намъ, остается намъ только съ торжествомъ вступить въ Римъ, гдѣ весь народъ радостно встрѣтитъ насъ, возстановить прежнюю императорскую власть надъ Римомъ и увѣнчать лаврами наши побѣдоносные орлы». Въ напыщенныхъ выраженіяхъ онъ обѣщалъ римлянамъ возобновленіе прежней славы Рима и приглашалъ ихъ прислать къ нему «проконсуловъ», которыхъ возвеличитъ онъ почестями и титулами.

Средняя Италія.

Фридрихъ подъ Римомъ 1240.

Конница императора приблизилась къ стѣнамъ Рима. Франджипани, вожди гибеллиновъ, кричали: «идетъ императоръ; онъ вступитъ въ свой городъ; пригласимъ его!» Народъ волновался; но Григорій IX выказалъ себя достойнымъ преемникомъ Григорія VII. Онъ процессіей пошелъ съ мощами и другими святынями изъ Латерана въ храмъ Петра, велѣлъ положить мощи на престолъ и воскликнулъ: «Святые Петръ и Павелъ, защитите городъ, который хотятъ сдать римляне». Эта сцена произвела сильный эффектъ; народъ бросился къ папѣ принимать отъ него крестъ, символъ борьбы противъ враговъ церкви. Императоръ смѣялся надъ мальчишками, старыми бабами и наемниками, принявшими крестъ, велѣлъ выжигать клеймо на лбу у всѣхъ римлянъ, которые при вылазкахъ попадались въ плѣнъ; но не отважился штурмовать городъ и отступилъ. Пробывъ нѣсколько времени въ римской области, онъ ушелъ въ Апулію установить новые налоги. Для соблюденія благовидной формы онъ созвалъ собраніе, которое въ сицилійскомъ королевствѣ называлось парламентомъ. Мѣстомъ его онъ назначилъ городъ Фоджу. Военные расходы истощили его средства;

22 февраля.

онъ дѣлалъ за большіе проценты займы у римскихъ, сіэнскихъ, пизанскихъ, парижскихъ, кремонскихъ, вѣпскихъ купцовъ; но денегъ всетаки недоставало, и часто онъ не могъ выдать жалованье своимъ наемникамъ.

Лѣтомъ Фридрихъ пошелъ въ анконскую марку, не возобновляя нападенія на римскую Кампанью, и даже заключилъ съ папой перемиріе, чтобы не мѣшать гросмейстеру нѣмецкаго ордена, пріѣхавшему въ Римъ по порученію нѣмецкихъ князей, вести переговоры съ папой; но включить ломбардцевъ въ перемиріе Фридрихъ не согласился. Гросмейстеръ скоро умеръ, и война возобновилась. Фридрихъ пошелъ чрезъ Асколи къ анконскому приморью, опустошая все на пути; но былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Феррара сдалась гвельфамъ. Это былъ тогда богатый городъ. Салингверра, много сдѣлавшій для развитія его благосостоянія, долго отражалъ нападенія, но Аццо Эсте съ войсками Венеціи, Равенны, Болоньи и прогнанными изъ Феррары гвельфами сталъ опустошать нивы; часть гражданъ Феррары рѣшилась просить мира. Уго Рамперти, глава этой партіи, вступилъ въ переговоры съ осаждающими и отворилъ имъ ворота. Салингверра и его семейство были отвезены въ Венецію; его приверженцы прогнаны; дворецъ его разрушенъ; самъ онъ черезъ четыре года умеръ въ плѣну. Венеціанцы поставили гарнизонъ въ Феррарѣ, потомъ отдали ее Аццо-Эсте. Эццелино между тѣмъ свирѣпствовалъ въ веронской маркѣ. Онъ казнилъ въ Падуѣ Джакопо Каррару, пыталъ Альмерико-де-Тади, такъ что замучилъ его до смерти, заперъ въ темницы родственниковъ Кампосампіэри и уморилъ ихъ голодомъ; ихъ владѣнія конфисковалъ.

Перемиріе.

Взятіе Феррары гвельфами.

Свирѣпости Эццелино.

Приведемъ изъ Кортюма харахтеристику Эццелино. „Выраженіе лица его было мрачно, взглядъ свирѣпъ, слова и жесты были ужасны; всѣ средства истребленія враговъ были для него безразличны, но изрѣдка бывали у него капризы великодушія. Онъ велъ строгую жизнь, чуждался пьянства и разврата, вѣрилъ въ астрологію и всяческія предзнаменованія“.

Пришедши въ болотистое приморье анконской марки, Фридрихъ въ іюлѣ занемогъ. Получивъ извѣстіе о взятіи Феррары, онъ пошелъ въ Романью мстить врагамъ, сталъ подъ Равенной; граждане, испуганные его приготовленіями къ осадѣ, покорились ему (22 августа). Но осадивъ Фаэнцу, онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Тамъ были отряды болонскаго и венеціанскаго войскъ, другіе гвельфы; обороною управлялъ Гвидо Гверра. Борьба была ожесточенная; Фридрихъ обвелъ Фаэнцу рвами, укрѣпленіями, построилъ деревянныя жилища для войска, совершенно отрѣзалъ городъ отъ всѣхъ сообщеній. Венеціанцы сдѣлали высадку въ Апуліи, чтобъ отвлечь его туда; онъ не снялъ осады, но въ досадѣ велѣлъ повѣсить у самаго моря Піэро Тіэполо, взятаго въ плѣнъ при Кортенуовѣ. По просьбѣ императора

Осада Фаэнцы.

Ватацесъ, его союзникъ и зять, напалъ на владѣнія венеціанцевъ въ восточной части Средиземнаго моря, а тунисскій султанъ прогналъ ихъ купцовъ изъ своего царства. Фридрихъ выгналъ изъ сицилійскаго королевства францискапцевъ и доминиканцевъ, дозволивъ остаться въ каждомъ монастырѣ только двумъ монахамъ, чтобы не прекращалось богослуженіе, велѣлъ собрать въ королевствѣ новую коллекту, обложилъ этой податью и церковныя имѣнья, и феодальныхъ владѣтелей; но всетаки у него былъ такой недостатокъ въ деньгахъ, что онъ заложилъ свои дорогіе уборы и велѣлъ дѣлать кожаныя деньги; это были кружочки съ оттиснутымъ на нихъ портретомъ императора.

Папа приглашаетъ епископовъ на соборъ въ Римъ.

Во время осады Фаэнцы Григорій дѣлалъ приготовленія къ тому, чтобы созвать вселенскій соборъ въ Римѣ. Прежде Фридрихъ говорилъ, что покорится рѣшенію вселенскаго собора. Но теперь онъ видѣлъ, что папа хочетъ дать собору составъ, враждебный ему, посылаетъ приглашенія епископамъ гвельфской партіи. Императоръ разсудилъ, что долженъ помѣшать съѣзду своихъ противниковъ; ему казалось, что соборъ лишь предлогъ для заключенія перемирія съ нимъ, а быть можетъ и послужитъ Григорію орудіемъ для выбора другого нѣмецкаго короля.

Метью Парисъ говоритъ: Григорій написалъ французскому королю и французскимъ вельможамъ, что лишилъ Фридриха престола и отдастъ престолъ брату короля, графу Роберу артуасскому; король и вельможи отвѣчали: „По какому праву папа съ дерзкою надменностью можетъ, не выслушавъ, лишить наслѣдства и низвергнуть съ престола государя, равнаго которому нѣтъ въ христіанскомъ мірѣ?“ Они отправилиословъ сообщить императору о намѣреніи папы и спросить его, вѣрующій ли онъ христіанинъ; Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ искренно вѣрующій, но будетъ защищаться противъ врага, жаждущаго крови его, оскорбляющаго его честь, и они сказали ему: „Богъ свидѣтель, что мы никогда не нападемъ безъ основательной причины на христіанина.“ Такимъ образомъ и во Франціи Григорій потерпѣлъ такую же неудачу, какъ въ Германіи.— Усердный агентъ Григорія, Альбертъ Поссенгофенъ, печально писалъ ему, что число его приверженцевъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и настойчиво просилъ прислать легата въ Германію, чтобы вновь возжечь угасающій огонь усердія.

Взятіе Фаэнцы.

Въ первые мѣсяцы 1241 дѣла шли для папы дурно. Голодъ въ Фаэнцѣ усиливался. Приступы Фридриха изнурили защитниковъ города, и 14 апрѣля Фаэнца сдалась императору. Около того же времени покорился ему Беневентъ. Фридрихъ поступилъ съ обоими этими городами милостиво.

Взятіе въ плѣнъ епископовъ, плывшихъ въ Римъ.

Еще болѣе тяжелымъ ударомъ для Григорія было то, что многіе епископы, ѣхавшіе, по его приглашенію, на вселенскій соборъ, попали въ плѣнъ. Императоръ обнародовалъ нѣсколько предостереженій, въ которыхъ говорилъ, что не пропуститъ ѣдущихъ на соборъ, разослалъ приказанія своимъ военачальникамъ стеречь всѣ пути по морю

и по сушѣ, задерживать прелатовъ, ѣдущихъ въ Римъ, отбирать у нихъ деньги и вещи. Но много французскихъ, испанскихъ, англійскихъ, ломбардскихъ епископовъ собрались въ Генуѣ, чтобы вмѣстѣ съ легатами, ждавшими ихъ тамъ, плыть въ Римъ. Они сѣли на корабли 25 апрѣля, и эскадра, состоявшая изъ 27 галеръ, отправилась къ римскому берегу. Когда она шла между Корсикой и Эльбой, то епископы съ ужасомъ увидѣли, что у маленькихъ острововъ Монте-Кристо и Джильо подстерегаетъ ихъ непріятельскій флотъ гораздо болѣе многочисленный, чѣмъ ихъ эскадра. Это были пизанскіе и сицилійскіе корабли; число ихъ было слишкомъ вдвое больше генуэзскихъ. Ими начальствовали король Энціо и адмиралъ Ансельмо де Мари; они 3 мая напали на генуэзскую эскадру близъ острова Мелоріи. Генуэзскій адмиралъ Джакопо Малочелло успѣлъ уплыть съ пятью галерами; всѣ другія потоплены или взяты въ плѣнъ; утонуло 2000 человѣкъ; въ томъ числѣ погибъ архіепископъ безансонскій; три легата папы, нѣсколько архіепископовъ, нѣсколько десятковъ епископовъ, всего болѣе ста человѣкъ прелатовъ, послы ломбардскаго союза и 4000 генуэзцевъ были взяты въ плѣнъ, отвезены въ Пизу, оттуда въ Неаполь и Мельфи; плаваніе длилось три недѣли; плѣнные прелаты страдали отъ духоты, голода, жажды; матросы грубо издѣвались надъ ними. Побѣдители взяли и раздѣлили между собой богатую добычу.

Взятіе этихъ прелатовъ въ плѣнъ избавило императора отъ опас- Выгодность положенія императора.
ности, что составится враждебный ему соборъ и выберетъ другого нѣмецкаго короля. Папа и его сторонники говорили, что Фридрихъ совершилъ безбожное преступленіе противъ церкви; благочестивые католики раздѣляли это мнѣніе и не вѣрили императору, говорившему, что онъ уважаетъ церковь и только борется противъ папы, поступающаго съ нимъ несправедливо. Григорій писалъ Петру Винейскому жалобныя посланія, умоляя его облегчить участь плѣнныхъ прелатовъ, которые, подобно іудеямъ на рѣкахъ вавилонскихъ, повѣсили на плакучихъ ивахъ свои арфы и ожидаютъ приговора Фараона. Но относительно императора Григорій продолжалъ держать себя непримиримо. Вскорѣ по взятіи прелатовъ въ плѣнъ, Фридрихъ получилъ другое пріятное извѣстіе: милапцы, по совѣту папскаго легата, пошедшіе на Павію, были разбиты гражданами ея и отрядомъ императорскихъ войскъ. Дѣла Фридриха находились тогда въ очень хорошемъ положеніи. Папская партія въ Германіи была такъ малочисленна, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ епископовъ не поѣхалъ на соборъ; герцогъ Фридрихъ австрійскій выказывалъ желаніе примириться съ императоромъ; Генуя была ослаблена пораженіемъ при Мелоріи; императорскіе корабли сильно вредили генуэзской торговлѣ; денежныя дѣла императора поправились, такъ что онъ выкупилъ свои кожаныя деньги.

Походъ императора къ Сполето.

Фридрихъ, предполагавшій напасть на Болонью, раздумалъ, что можетъ предпринять походъ болѣе важный, идти на Римъ и принудить папу къ покорности. Въ Римѣ приверженцы императора были многочисленны, вождемъ ихъ былъ кардиналъ Джованни Колонна, глава одной изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ фамилій римской аристократіи. Колонны владѣли, между прочимъ, гробницею Августа на
1241. Марсовомъ полѣ и укрѣпили это громадное зданіе такъ, что оно было сильной цитаделью. Въ іюнѣ Фридрихъ пошелъ къ Сполето. Христіанскіе народы находились тогда въ тяжеломъ страхѣ: монголы опустошили востокъ Европы, вошли въ Польшу, Богемію, Венгрію, угрожали нашествіемъ всему западу; пришедши къ Сполето, императоръ получилъ извѣстіе, что они уже на границѣ Германіи. Бела, король венгерскій, прислалъ къ императору пословъ съ просьбой о помощи, предлагалъ признать себя вассаломъ нѣмецкаго короля, если онъ защититъ его отъ монголовъ. Положеніе Фридриха было затруднительно; онъ понималъ, что если откажетъ Белѣ въ помощи, то дастъ своимъ врагамъ новый матеріалъ для обвиненій; но идти въ Венгрію значило бы лишиться результатовъ, данныхъ побѣдами въ Италіи. Онъ написалъ королю венгерскому и нѣмецкимъ князьямъ, что идетъ на Римъ, принудить папу къ миру, и послѣ того поспѣшитъ на помощь имъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ написалъ римскому сенату посланіе, въ которомъ убѣждалъ римлянъ принудить папу примириться съ нимъ, чтобы дать ему возможность спасти западную Европу отъ монголовъ. Опъ отправилъ пословъ къ папѣ. Родственникъ императора, Ричардъ Корнуэльскій, возвратившійся незадолго передъ тѣмъ изъ Палестины, поѣхалъ склонять папу къ миру; но Григорій оставался непреклоненъ въ своемъ требованіи, чтобъ императоръ призналъ себя виновнымъ и покорился его повелѣніямъ; только на этомъ условіи онъ соглашался примириться съ Фридрихомъ.

Второй походъ императора къ Риму; смерть Григорія 1241.

Императоръ видѣлъ необходимость дѣйствовать силой, назначилъ герцогомъ сполетскимъ Бертольда Урслингена, пошелъ черезъ Терни и Нарни въ Тиволи; былъ радостно встрѣченъ тамъ и въ началѣ второй половины августа раскинулъ свой станъ у Гротта-Ферраты, въ виду Рима. Онъ взялъ приступомъ укрѣпленное фарфское аббатство, опустошилъ огнемъ и мечомъ всю землю отъ Альбано до Латинскихъ горъ. Въ Римѣ бились на улицахъ гвельфы съ гибеллинами. Вождемъ гвельфовъ былъ новый сенаторъ Орсини; вождями гибеллиновъ были Колонны; глава этой фамиліи, кардиналъ Джованни, пріѣхалъ изъ Рима въ станъ императора. Августовскій зной изнурилъ старика Григорія, утомленнаго душевнымъ волненіемъ, ослабленнаго печалью о бѣдствіяхъ церкви, и 21 августа онъ умеръ отъ лихорадки.

6. Борьба Иннокентія IV съ Фридрихомъ.

а) Переговоры. Бѣгство Иннокентія.

Промедленіе выбора новаго папы. 1241—1243.

Извѣщая королей о смерти папы, отвергавшаго примиреніе съ императоромъ, стремившагося низвергнуть его, Фридрихъ II выражалъ желаніе, чтобы возведенъ былъ на папскій престолъ человѣкъ по сердцу Божію, который исправилъ бы кривые пути Григорія, изгладилъ бы его беззаконія, далъ бы вселенной миръ и съ любовью принялъ бы императора въ лоно церкви; Фридрихъ увѣрялъ, что если новый папа не будетъ продолжать беззаконій, какими по ненависти оскорблялъ его Григорій, то онъ будетъ всѣми своими силами усердно заботиться о благѣ христіанства и охранять свободу церкви. Въ доказательство того, что воевалъ только съ Григоріемъ, а не съ церковью, Фридрихъ прекратилъ военныя дѣйствія и дозволилъ ѣхать въ Римъ для участія въ выборахъ папы двумъ кардиналамъ, находившимся въ плѣну у него (впрочемъ, взялъ съ нихъ обѣщаніе возвратиться въ плѣнъ по окончаніи выбора). На конклавѣ, происходившемъ въ укрѣпленномъ зданіи, называвшемся Септизоніемъ, приверженцы системы Григорія и кардиналы болѣе умѣреннаго образа мыслей долго спорили между собой; наконецъ большинствомъ голосовъ былъ выбранъ епископъ сабинскій Годофредо, хилый старикъ; онъ принялъ имя Целистина IV; но умеръ очень скоро послѣ выбора, такъ что не былъ рукоположенъ въ папскій санъ. По смерти возобновился раздоръ между кардиналами. Римляне грозно требовали, чтобы они скорѣе выбрали новаго папу. Большинство ихъ бѣжало въ Ананьи или въ свои замки. Императоръ возобновилъ нападенія на Римъ, но не могъ взять его. Гвельфы, вождями которыхъ были Орсини и къ партіи которыхъ принадлежалъ сенаторъ Маттео Рубео, храбро защищали городъ, разрушили дворцы Колоннъ, бросили въ темницу возвратившагося въ Римъ кардинала Джованни. Перуджія, Нарни, другіе сосѣдніе города вступили въ союзъ съ римлянами. Противники императора напали на Тиволи, гдѣ стоялъ его гарнизонъ; Фридрихъ опустошалъ римскую Кампанью. Два года длилась эта ожесточенная война. Фридрихъ не могъ взять ни одного изъ враждебныхъ городовъ, переносилъ свой станъ съ мѣста на мѣсто, то на холмы Альбанскихъ горъ, то въ Авеццано на берегъ Челанскаго озера, то на югъ къ рѣкѣ Гарильяно, на которой онъ основалъ крѣпость Флагеллы. Сельское населеніе принуждено было повиноваться ему. Онъ объявилъ имперскими владѣніями тѣ земли, которыя были подарены прежними императорами римской каѳедрѣ, отдалъ ихъ подъ управленіе своимъ намѣстникамъ. Его сарацины разрушили Альбано, безпощадно опустошали владѣнія кардиналовъ. Но онъ видѣлъ, что его

положеніе становится затруднительнымъ. Была у него и семейная печаль: его жена, красавица Изабелла, умерла 1 декабря 1241; онъ говорилъ, что печалится и о смерти находившагося подъ стражей Генриха, который умеръ 2 февраля 1242; онъ увѣрялъ, что плачетъ о мятежномъ сынѣ, какъ Давидъ объ Авессаломѣ. Будущее представлялось ему въ мрачномъ видѣ; онъ отправлялъ посольства въ Ананьи съ просьбами и угрозами къ собравшимся тамъ кардиналамъ; ему хотѣлось, чтобъ они не медлили выборомъ папы. Но большинство ихъ отлагало выборъ. Императоръ требовалъ, чтобы выбрали кого нибудь изъ кардиналовъ его партіи. Онъ не пропустилъ бы въ Римъ новаго папу, если бы это былъ его противникъ. Онъ стоялъ близко и могъ отмстить большинству кардиналовъ за вражду; потому оно и оттягивало выборъ. Наконецъ Людовикъ IX, ссориться съ которымъ не хотѣлъ Фридрихъ, сталъ упрекать и его, и кардиналовъ за то, что церковь остается безъ правителя; французское духовенство объявило, что если кардиналы будутъ долго медлить, то оно на основаніи старыхъ церковныхъ законовъ само выберетъ папу. Уступая требованіямъ Людовика, Фридрихъ освободилъ находившихся въ плѣну у него французскихъ прелатовъ и кардинала Оттона, потомъ и кардинала Джакопо, котораго считалъ опаснѣйшимъ своимъ противникомъ. Кардиналы нашли теперь возможнымъ приступить къ выбору папы.

Выборъ папы 1243.

Кардиналы, собравшіеся въ Ананьи, выбрали 24 іюня папой кардинала-пресвитера Синибальдо Фіэски, графа Лаванью, генуэзскаго вельможу. Онъ принялъ имя Иннокентія IV. Подобно Иннокентію III, онъ славился безукоризненностью жизни, былъ знаменитъ обширными юридическими знаніями и скоро показалъ, что не уступаетъ Иннокентію III политическимъ умомъ и дипломатическимъ искусствомъ; но онъ былъ человѣкъ высокомѣрный и думалъ только о собственной выгодѣ. Для осуществленія честолюбивыхъ плановъ ему нужно было много денегъ, потому онъ собиралъ ихъ всяческими притѣсненіями. Къ своимъ противникамъ онъ былъ безпощаденъ, награждалъ почестями своихъ любимцевъ и родственниковъ. Его фамилія получила отъ Гоэнштауфеновъ большіе императорскіе лены и самъ онъ считался сторонникомъ императора, такъ что многіе надѣялись на примиреніе церкви съ Фридрихомъ. Но говорятъ, что Фридрихъ, услышавъ о его выборѣ, сказалъ: «Боюсь, что я потерялъ друга между кардиналами и найду новаго врага на папскомъ престолѣ, потому что папа не можетъ быть гибеллиномъ». Если онъ дѣйствительно сказалъ это, то правильно понималъ отношенія между императоромъ и папой: миръ былъ невозможенъ, пока папа сохранялъ притязанія быть свѣтскимъ государемъ. Впрочемъ, въ первыхъ дѣйствіяхъ Фридриха не выказалось никакого недовѣрія. Онъ велѣлъ совершить во всемъ сицилійскомъ королевствѣ праздникъ благодаренія Богу; въ письмѣ къ нѣмецкимъ князьямъ выразилъ надежду, что новый папа

будетъ заботиться о благѣ имперіи, сохранитъ прежнюю дружбу съ императоромъ; отправилъ къ папѣ въ Ананьи посольство съ поздравительнымъ письмомъ и увѣреніями въ своей преданности; послами онъ назначилъ важнѣйшихъ своихъ сановниковъ, между прочимъ гросмейстера нѣмецкаго ордена Гергарда Мальберга, великихъ судей Петра Винейскаго и Таддея Суэсскаго. Человѣкъ благоразумный, Иннокентій отвѣчалъ на любезности императора любезностями, увѣрялъ, что горячо желаетъ мира, но на просьбу императора о снятіи отлученія отвѣчалъ, что предварительными условіями этого должны быть: императоръ освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, отдастъ на судъ собранію епископовъ и князей спорные вопросы, согласится включить въ трактатъ о мирѣ всѣхъ союзниковъ папы, возвратитъ церкви всѣ отнятыя у нея владѣнія. Переговоры пословъ императора съ папой въ Ананьи остались напрасны, хотя Фридрихъ предлагалъ признать взятыя имъ владѣнія римской каѳедры папскимъ леномъ, платить за нихъ дань и давать папѣ войско. Иннокентій, пользуясь перемиріемъ, установленнымъ на время переговоровъ, готовился къ оборонѣ, ободрялъ противниковъ императора въ Германіи, пріобрѣталъ благоразумными распоряженіями сочувствіе государей и народовъ.

Переговоры еще длились, когда въ Витербо произошли событія, сильно ободрившія папу. За три года передъ тѣмъ этотъ городъ сдался императору, получилъ отъ него много милостей, давалъ ему свои войска на войну съ папой; но послѣ выбора Иннокентія IV гвельфы взяли верхъ въ Витербо; вождемъ ихъ былъ Гатти, человѣкъ отважный. Въ городѣ былъ построенъ Фридрихомъ укрѣпленный дворецъ и поставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ графа Симоне Теате. Графъ принялъ строгія мѣры для подавленія гвельфовъ; это ускорило возстаніе. Въ августѣ пришли подкрѣпленія къ сторонникамъ папы; подъ предводительствомъ кардинала Капоччи, епископа витербскаго, граждане осадили дворецъ, въ которомъ заперся гарнизонъ, и заключили союзъ съ папой. Симоне просилъ помощи у Риччардо, графа казертскаго, котораго Фридрихъ назначилъ правителемъ отнятыхъ у папы тоскапскихъ владѣній, просилъ ея и у самого императора. Фридрихъ въ первой половинѣ октября подошелъ къ Витербо и началъ осаду. Вскорѣ послѣ того Иннокентій пріѣхалъ въ Римъ (16 октября), послалъ кардиналу Капоччи денегъ, сталъ собирать войско, убѣждалъ римлянъ идти на помощь Витербо; переговоры еще длились, но фактически война папы съ императоромъ уже возобновилась. Фридрихъ потерпѣлъ при осадѣ Витербо такую же тяжелую неудачу, какъ при осадѣ Брешіи. Онъ штурмовалъ городъ, воины его лѣзли на стѣны по лѣстницамъ, подвозили къ нимъ подвижныя башни, но граждане защищались геройски, отбили приступъ, сдѣлали вылазку, истребили осадныя машины, или повернули ихъ противъ осаждающихъ, прошли подкопами въ ихъ станъ, зажгли его; разнесся слухъ, что убитъ императоръ; и дѣйствительно, онъ едва не былъ убитъ. Ему пришлось снять осаду. При посредничествѣ кардинала Оттона, съ которымъ императоръ сблизился, когда держалъ его плѣнникомъ у себя, былъ заключенъ договоръ, по которому граждане Витербо обѣщались отпустить гарнизонъ и приверженцевъ императора съ ихъ имуществомъ; но они нарушили слово, напали на уходившихъ изъ укрѣпленнаго дворца, отнимали

Витербо 1243.

10 ноября.

у нихъ имущество, ранили, убивали ихъ; только благодаря отважному заступничеству кардинала Оттона, не всѣ они были убиты. Сторонники императора, оставшіеся въ городѣ, подверглись жестокому преслѣдованію.

Дурное положеніе дѣлъ императора.

Пораженіе подъ Витербо было тяжелымъ ударомъ для императора. Гвельфы ободрились. Граждане Верчелли не впустили Энціо въ свой городъ и приняли миланскій гарнизонъ. Алессандрія, Новара, маркграфы монферратскій и Маласпина отложились отъ императора; Аделазія, жена Энціо, примирилась съ Иннокентіемъ; римляне стали помогать папѣ, пошли на замки гибеллиновъ въ римской области, разрушили ихъ. Но переговоры продолжались. Иннокентій, человѣкъ хитрый, говорилъ, что онъ желаетъ мира, увѣрялъ, что сохраняетъ прежнее расположеніе къ Фридриху, и велъ дѣла такъ, чтобы выставить его виновнымъ въ неудачѣ переговоровъ о мирѣ.

Предварительныя условія мира.

Уполномоченные императора, графъ Ремонъ тулузскій, великіе судьи Петръ Винейскій и Таддей Суэсскій заключили съ папой договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: императоръ возвратитъ папѣ и его сторонникамъ всѣ ихъ владѣнія, освободитъ тѣхъ прелатовъ, которые еще остаются въ плѣну, дастъ вознагражденіе имъ и тѣмъ прелатамъ, которые прежде были въ плѣну; публично выразитъ раскаяніе въ томъ, что ослушался повелѣній церкви, и докажетъ свое раскаяніе пожертвованіями ей; признаетъ, что папа имѣетъ въ духовныхъ дѣлахъ неограниченную власть надъ всѣми христіанами, не только частными людьми, но и государями; дастъ полное прощеніе всѣмъ бывшимъ его противниками, освободитъ отъ личной вассальной службы ему вельможъ Романьи, веронской марки и маркграфа монферратскаго; папа сниметъ съ него отлученіе отъ церкви, признаетъ его императоромъ и законнымъ государемъ его королевствъ. Условія договора были унизительны для императора, и самъ Иннокентій едва ли надѣялся такой уступчивости. Но въ страстной четвергъ уполномоченные императора приняли отъ его имени эти условія въ присутствіи латинскаго византійскаго императора Бодуэна, церковныхъ сановниковъ, римскихъ вельможъ и присягнули, что онъ исполнитъ договоръ. Извѣстіе объ этомъ обрадовало Италію и Германію.

31 марта 1244.

Нарушеніе договора.

Но радость была непродолжительна; папа 30 апрѣля отправилъ къ нѣмецкимъ князьямъ посланіе, извѣщавшее ихъ, что императоръ отступился отъ договора. Виноватъ въ этомъ былъ не одинъ Фридрихъ, но и папа. Иннокентій не имѣлъ серьезнаго намѣренія примириться съ императоромъ; онъ только хотѣлъ выиграть время, чтобъ созвать вселенскій соборъ, на которомъ будетъ произнесено, какъ падѣялся онъ, низложеніе Фридриха. Созвать соборъ въ Римѣ было невозможно, пока Фридрихъ занимаетъ папскую область и всѣ пути въ Римъ перерѣзаны его войсками и кораблями; это было доказано взятіемъ прелатовъ въ плѣнъ при Мелоріи. Условія мира за-

ключали въ себѣ много неопредѣленнаго, ограничивались общими выраженіями. Императоръ сталъ требовать точнаго опредѣленія подробностей и хотѣлъ, чтобы папа немедленно снялъ съ него отлученіе отъ церкви, не отлагая этого до разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Папа отвѣчалъ уклончиво. Фридрихъ вызывался немедленно исполнить нѣкоторыя условія договора, отлагая разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ до личнаго свиданія съ папой по снятіи отлученія. Иннокентій отвѣчалъ, что не можетъ снять отлученіе, пока Фридрихъ занимаетъ своими войсками владѣнія церкви. Скоро разъяснилось, въ чемъ состоитъ существенное препятствіе миру. Въ договорѣ не было сказано ничего о томъ, каковы должны быть отношенія императора къ ломбардскому союзу. Въ трактатѣ находилось лишь неопредѣленное выраженіе, что церковь требуетъ примиренія императора со всѣми ея союзниками. Иннокентій давалъ этимъ словамъ тотъ смыслъ, что императоръ долженъ заключить миръ съ ломбардцами, освободить ихъ плѣнниковъ, признать ихъ независимость. Фридрихъ возражалъ, что это несогласно съ обѣщаніемъ папы признать за нимъ всѣ императорскія права, и соглашался предоставить рѣшеніе вопроса о мирѣ съ ломбардцами суду папы, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ломбардцы присягнули на вѣрность ему и чтобъ остались неприкосновенными права, предоставленныя императору констанцскимъ миромъ, потому что этотъ миръ заключенъ съ утвержденія нѣмецкихъ князей и не можетъ быть отмѣненъ безъ ихъ согласія. Иннокентій былъ союзникъ ломбардцевъ, возбуждалъ ихъ твердо вести войну, обѣщалъ имъ не заключать мира, не включая ихъ въ него; потому не могъ принять условій, предлагаемыхъ императоромъ. Говорятъ, онъ сказалъ англійскимъ и французскимъ посламъ и кардиналамъ, что если императоръ не заключитъ мира съ ломбардцами, онъ будетъ помогать имъ, хотябъ и было тогда уже снято съ Фридриха отлученіе. При такой противоположности мыслей и интересовъ переговоры были напрасны. Фридрихъ оставлялъ свои войска въ занятыхъ ими областяхъ и возобновилъ прерванныя сношенія съ римскими гибеллинами. Онъ далъ вождямъ ихъ, Джакопо и Эприко Франджипани, половину Колизея и сосѣдній съ нею дворецъ, какъ имперскій ленъ. Папа распространялъ повсюду списки трактата, о которыхъ сторонники императора говорили, что текстъ ихъ искаженъ поддѣлками, отказывалъ императору въ снятіи отлученія съ него и дѣлалъ приготовленія къ тому, чтобъ уѣхать изъ Рима въ болѣе безопасное мѣсто.

Истинная причина невозможности примиренія.

Писатели папской партіи говорятъ, что императоръ нарушилъ договоръ; но самъ Иннокентій не высказывалъ противъ него этого обвиненія. Могъ ли Фридрихъ исполнить условія договора, неопредѣленность которыхъ давала чрезмѣрный просторъ требованіямъ папы, и отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, не получая отъ папы снятія отлученія? Могъ ли

папа серьёзно ожидать, что станетъ основой прочнаго мира договоръ, въ которомъ не было сказано ничего опредѣленнаго о главной причинѣ войны, объ отношеніяхъ императора къ Ломбардіи? Есть вопросы, которые рѣшаются только полной побѣдой. Побѣды еще не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Переговоры были только хитростью, обманомъ съ обѣихъ сторонъ. Папа боролся не за религію; Фридрихъ поступалъ какъ вѣрующій христіанинъ; если онъ въ душѣ не былъ вѣрующимъ, это можно было только разгадывать, доказательствъ на то не было. Борьба шла за владычество надъ Италіей, за свѣтскую власть папы. Фридрихъ считалъ владѣнія папы или пожалованіями императоровъ или узурпаціями и полагалъ, что при измѣнившемся положеніи дѣлъ имѣетъ право взять ихъ у папы обратно. Ленная власть папы надъ сицилійскимъ королевствомъ была, по мнѣнію Фридриха, лишь почетнымъ титуломъ, съ которымъ не соединено никакихъ дѣйствительныхъ правъ. Онъ полагалъ, что, какъ наслѣдникъ норманскихъ королей и римско-нѣмецкихъ императоровъ, онъ законный государь всей Италіи. Оставаться королемъ сицилійскимъ и вмѣстѣ королемъ нѣмецкимъ было невозможно ему, не владѣя Ломбардіей. Она отрѣзывала среднюю Италію отъ Германіи, ему приходилось владѣть ей или ожидать, что власть его падетъ или на югѣ отъ нея, или на сѣверѣ. Могъ ли папа думать, что Фридрихъ откажется отъ власти надъ Ломбардіей?

Бѣгство папы въ Геную 1244.

Иннокентій обѣщалъ Фридриху свиданіе въ Нарни, но думалъ не о примиреніи. Онъ 28 мая назначилъ десять новыхъ кардиналовъ, на преданность которыхъ надѣялся, и межъ тѣмъ какъ Фридрихъ стоялъ въ Терни, ожидая приглашенія на свиданіе съ папой въ Нарни, Иннокентій 7 іюня уѣхалъ въ Чивита-Кастеллана, сильную крѣпость, и послалъ подестѣ своего родного города Генуи просьбу о доставленіи ему возможности уѣхать туда. Въ концѣ іюня генуэзскій флотъ, на которомъ находились трое Фіэски, родственники папы, приплылъ въ гавань Чивита-Веккіи. Молва говорила, что императоръ послалъ войско взять папу въ плѣнъ. Когда генуэзскій флотъ приплылъ въ Чивита-Веккію, папа былъ въ Сутри; онъ тотчасъ переодѣлся въ платье воина, сѣлъ на коня и темною почью поѣхалъ съ племянникомъ своимъ, кардиналомъ Гульельмо Фіэски, францисканскимъ монахомъ Николо де Курбіо, написавшимъ впослѣдствіи біографію его, и нѣсколькими другими спутниками по тропинкамъ черезъ холмы къ берегу. На слѣдующій день пріѣхали къ нему въ Чивита-Веккію еще нѣсколько кардиналовъ; онъ сѣлъ съ ними на корабль. Плаваніе было бурное; императорскія галеры, крейсировавшія въ той части моря, не замѣтили генуэской эскадры, и 7 іюля Иннокентій приплылъ въ Геную; народъ встрѣтилъ его крикомъ: Благословенъ грядый во имя Господне! Онъ отвѣчалъ передѣлкою одного изъ выраженій Псалтиря: «Наша душа спаслась какъ птица отъ сѣти птицелова; сѣть разорвана, и мы свободны». Въ слѣдующіе дни пріѣхали разными дорогами въ Геную всѣ другіе кардиналы, кромѣ четырехъ, оставленныхъ Иннокентіемъ въ Римѣ.

b) Ліонскій соборъ.

Переѣздъ папы въ Ліонъ 1244.

Извѣстіе о бѣгствѣ папы произвело сильное впечатлѣніе на всю западную Европу: вѣрующіе стали считать Иннокентія мученикомъ, императора—тираномъ, гонителемъ правителя церкви. Иннокентій, поселившійся въ монастырѣ апостола Андрея, занемогъ; болѣзнь возбудила еще болѣе сочувствія къ нему. Фридрихъ понималъ, что бѣгство папы отняло у него всѣ выгоды, доставленныя занятіемъ римской области, послалъ графа тулузскаго съ другими уполномоченными увѣрить папу въ его преданности, убѣждать возвратиться въ Римъ. Иннокентій отказалъ въ свиданіи посламъ Фридриха. Узнавъ, что Иннокентій не хочетъ даже вести переговоровъ съ нимъ, Фридрихъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ излагалъ ходъ дѣла съ своей точки зрѣнія, и сталъ собирать войско для похода на Геную. Иннокентій разсудилъ уѣхать въ пріютъ болѣе безопасный. Онъ хотѣлъ отдаться подъ защиту короля французскаго, но Людовикъ IX и его перы не хотѣли ссориться съ императоромъ, потому Иннокентій рѣшилъ ѣхать въ Ліонъ. На словахъ ліонская область оставалась принадлежащей къ бургундскому королевству, государемъ котораго назывался Фридрихъ; на самомъ дѣлѣ она была независимымъ владѣніемъ архіепископа ліонскаго. Географическое положеніе Ліона представляло удобство для сношеній съ Италіей и Германіей. Нѣсколько оправившись отъ болѣзней, но еще не совершенно выздоровѣвъ, Иннокентій въ концѣ осени отправился изъ Генуи въ Ліонъ. Часть пути несли его на носилкахъ, часть пути онъ ѣхалъ на мулѣ. Черезъ Асти, Туринъ и Сузу онъ пріѣхалъ въ Савоію; графъ Амадео проводилъ его черезъ Монъ-Сени; выдержавъ на пути очень много страданій отъ холода и непогодъ, онъ 2 декабря 1244 пріѣхалъ въ Ліонъ; тамъ, окруженный владѣніями князей, расположенныхъ къ нему, онъ былъ безопасенъ отъ Фридриха.

Иннокентій вновь провозглашаетъ Фридриха отлученнымъ отъ церкви. 1245.

Онъ могъ теперь вести борьбу противъ императора съ такою смѣлостью, какая была невозможна въ Римѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ разослалъ государямъ и епископамъ приглашеніе собраться къ Иванову дню (24 іюня) на соборъ въ Ліонѣ. Цѣлью собора онъ выставлялъ совѣщаніе о помощи святой землѣ, объ отраженіи нашествія татаръ и объ установленіи мира между императоромъ и церковью. Но всѣмъ было понятно, что папа созываетъ соборъ лишь для того, чтобы возбудить ненависть къ Фридриху во всемъ западномъ христіанскомъ мірѣ. Скоро Иннокентій высказалъ формальнымъ образомъ свою мысль, возобновивъ 13 апрѣля отлученіе отъ церкви императора, Энціо и маркграфа Ланчи. При этомъ обрядѣ присутствовали архіепископы майнцскій и кельнскій. Иннокентій сталъ продажею церковныхъ должностей и притѣсненіями собирать деньги на войну съ императоромъ;

хотѣлъ ѣхать въ Англію и въ Арагонію возбуждать тамъ къ пожертвованіямъ на это дѣло, но короли англійскій и арагонскій, подобно французскому, любезно попросили его избавить ихъ отъ убыточной чести посѣщенія. Папа разослалъ, какъ мы говорили, приглашенія на вселенскій соборъ въ Ліонѣ. Онъ хотѣлъ подвергнуть императора суду собора; по закону онъ долженъ былъ бы послать Фридриху формальный вызовъ къ суду, но не сдѣлалъ этого. Латинскій патріархъ Антіохіи Альберъ, пріѣхавшій въ Италію просить помощи, переслалъ Иннокентію письмо Фридриха, выражавшее миролюбивыя желанія, и вызывался быть посредникомъ. Иннокентій не отказался отъ переговоровъ, чтобы не навлечь на себя упрека въ нежеланіи мира, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ примиренія то, чтобы Фридрихъ немедленно вывелъ войска изъ папской области, освободилъ плѣнныхъ и отдалъ на его судъ свой споръ съ ломбардцами; ни о какихъ правахъ императора на Ломбардію Иннокентій не упоминалъ. Фридрихъ не могъ отдать на судъ папы свои права на Ломбардію; потому переговоры разстроились. Патріархъ антіохійскій принялъ приглашеніе папы засѣдать на соборѣ.—Императоръ въ маѣ пошелъ въ Верону, пригласивъ нѣмецкихъ князей на сеймъ туда; Энціо стоялъ въ окрестностяхъ Піаченцы.—Прелаты съѣзжались въ Ліонъ. Большинство ихъ составляли французы, было довольно много пріѣхавшихъ изъ Англіи, Испаніи, Португаліи, Италіи; но изъ нѣ-

Ліонскій соборъ.

мецкой имперіи пріѣхали только патріархъ аквилейскій, епископы тріэстскій, пражскій и люттихскій. На соборѣ присутствовали также латинскій императоръ, патріархъ іерусалимскій и нѣсколько свѣтскихъ владѣтелей.

Дѣло о Фридрихѣ началось съ перваго же засѣданія собора, 28 іюня. Представителемъ императора былъ великій судья Таддей Суэзскій, хорошій юристъ, краснорѣчивый ораторъ; онъ предложилъ отъ имени Фридриха очень большія уступки, сказалъ, что императоръ соглашается немедленно вывесть свои войска изъ папскихъ владѣній, дать церкви полное удовлетвореніе по ея жалобамъ на него; что если на этихъ условіяхъ будетъ снято съ него отлученіе, то онъ окажетъ достаточную защиту святой землѣ и латинской имперіи, защититъ Европу отъ монголовъ. Иннокентій спросилъ: «Кто ручается намъ за исполненіе этихъ обѣщаній»?—«Короли французскій и англійскій», отвѣчалъ Таддей.—«Когда такъ, то если императоръ снова нарушитъ слово и церковь обратится къ ручавшимся за него королямъ съ требованіемъ удовлетворенія, она будетъ имѣть вмѣсто одного врага трехъ», быстро сказалъ Иннокентій и потребовалъ немедленнаго исполненія тѣхъ уступокъ, какія Фридрихъ предлагалъ черезъ патріарха антіохійскаго. — Второе засѣданіе собора (5 іюля) папа началъ рѣчью, которую прерывалъ слезами и стонами; онъ говорилъ, что подобно Христу пронзенъ пятью ранами, перечислялъ преступле-

Засѣданія собора.

нія и пороки императора; говорилъ, что Фридрихъ нанесъ вредъ церкви и не далъ обѣщаннаго удовлетворенія, что въ оскорбленіе христіанской вѣрѣ и нравственности онъ основалъ среди своего королевства сарацинское поселеніе, находится въ дружбѣ съ султаномъ египетскимъ и другими мусульманскими царями, держитъ сарацинскихъ дѣвушекъ своими наложницами. Таддей отвѣчалъ на эти обвиненія очень ловко. Иннокентій подымалъ въ рукѣ подписанные Фридрихомъ акты, какъ улики его въ вѣроломствѣ; Таддей представилъ собору папскія буллы, доказывавшія, что Иннокентій тоже не остался вѣренъ своимъ обѣщаніямъ; на упрекъ въ ереси Таддей отвѣчалъ, что о душевныхъ убѣжденіяхъ императора можетъ достовѣрно говорить лишь самъ императоръ; на упрекъ въ дружбѣ съ мусульманами Таддей отвѣчалъ колкимъ для папы замѣчаніемъ, что императоръ не терпитъ въ своемъ государствѣ ростовщиковъ и евреевъ; о сарацинскихъ дѣвушкахъ Таддей говорилъ, что Фридрихъ держитъ ихъ не для любовныхъ сношеній съ ними, а для исполненія работъ по женскимъ рукодѣльямъ, въ которыхъ онѣ мастерицы. Въ заключеніе своей рѣчи Таддей потребовалъ отсрочки суда, чтобъ императоръ могъ или пріѣхать самъ, или прислать своему представителю болѣе широкія полномочія. Иннокентій не хотѣлъ давать отсрочки, но французскіе и англійскіе послы поддержали требованіе Таддея; Иннокентій принужденъ былъ дать отсрочку, но назначилъ такой короткій срокъ, что Фридриху трудно было бы пріѣхать къ этому времени въ Ліонъ, еслибъ у него и было намѣреніе пріѣхать.

Обвинительныя записки.

Между тѣмъ Иннокентій и его усердные приверженцы тайнымъ образомъ собирали обвиненія противъ императора и составляли записки изъ нихъ. Съ какой недобросовѣстностью дѣлали они это, мы можемъ судить по двумъ дошедшимъ до насъ запискамъ; одна изъ нихъ называетъ императора княземъ тиранства, искоренителемъ христіанской вѣры, истребителемъ богослуженія, учителемъ свирѣпости, разрушителемъ вселенной, молотомъ всей земли; говоритъ, что онъ заплатилъ за благодѣянія церкви неблагодарностью, нарушилъ вѣрность папѣ, ленному господину королевства сицилійскаго, пренебрегъ отлученіемъ, отрицалъ первосвященническую власть папы вязать и рѣшить; что онъ, осадивъ Римъ, убилъ Григорія IX лѣтнимъ зноемъ въ запертомъ городѣ, хотѣлъ покорить церковь и духовенство своему владычеству въ то время, когда апостольскій престолъ оставался незамѣщенъ; что онъ произносилъ хулы противъ Бога, Моисея, Спасителя, говорилъ подобно саддукеямъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; преслѣдовалъ сыновъ и служителей церкви съ большей жестокостью, чѣмъ Неронъ и Юліанъ Отступникъ; обратилъ въ пустыню римскую область, бывшую прежде благодатной землей; напалъ на Витербо, но впрочемъ былъ пораженъ рукою Божіею; водилъ невѣрныхъ противъ христіанъ; отдавалъ имъ церкви на разграбленіе, народъ на убійство, женщинъ на поруганіе. Записка продолжаетъ: „Потому, отцы собора, истребите имя и отрасли этого вавилонянина, оказавшаго себя Немвродомъ, могучимъ ловцомъ несправедливости и княземъ лжи. Низвергните его въ прахъ предъ лицомъ королей, чтобъ они, ужаснувшись его паденія, не шли

по стопамъ его". — Другая записка называетъ императора вторымъ Иродомъ, происшедшимъ изъ сретическаго сѣмени Фридриха I, перечисляетъ его преступленія передъ церковью, говоритъ, что онъ своею жестокостью убилъ своего первенца Генриха, что онъ запиралъ изъ ревности въ подобное темницѣ уединеніе всѣхъ своихъ трехъ женъ, такъ что ихъ жизнь была мучительна и онѣ погибли отъ этого преждевременною смертью, а если вѣрить молвѣ, то онъ отравилъ ихъ; что, не вѣруя въ будущую жизнь и не имѣя страха Божія, онъ безбоязненно совершаетъ всякія злодѣйства и даже, какъ говорятъ, по коварству его, хитраго врага христіанской вѣры, христіане въ святой землѣ пали отъ меча невѣрныхъ.

Веронскій съѣздъ. Походъ Фридриха въ Туринъ.

Межъ тѣмъ какъ въ Ліонѣ подготовлялся рѣшительный ударъ Фридриху, онъ, распустивъ 8 іюля веронскій сеймъ, отправился съ своимъ сыномъ Конрадомъ и нѣкоторыми южно-нѣмецкими епископами и князьями черезъ Кремону и Павію въ Туринъ, чтобы занять западные проходы Альпъ и быть ближе къ Ліону. Веронскій сеймъ оказался неудаченъ: лишь немногіе князья и епископы южной Германіи пріѣхали туда; въ числѣ ихъ былъ Фридрихъ, герцогъ австрійскій, съ которымъ императоръ хотѣлъ породниться. Онъ сваталъ племянницу и наслѣдницу бездѣтнаго герцога, Гертруду, обѣщая дать герцогу, какъ владѣтелю Австріи и Италіи, титулъ короля. Но Гертруда не захотѣла сдѣлаться четвертой женой императора, три первыя жены котораго вели безрадостную жизнь. — Князья сѣверной Германіи не поѣхали въ Верону, потому что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Генрихъ Тюрингскій и Вѣнцеславъ Богемскій, вступили въ коалицію противъ императора, составленную тогда архіепископами майнцскимъ, кельнскимъ и трирскимъ, а другіе, какъ напримѣръ герцоги брауншвейгскій и саксонскій, маркграфы бранденбургскій и мейсенскій, хотѣли ждать какой оборотъ примутъ дѣла.

Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Настроеніе умовъ въ Германіи было теперь не прежнее. Интриги Альберта Поссенгофена и просьбы папы не остались напрасны; взятіе прелатовъ въ плѣнъ у Мелоріи возбудило общее негодованіе. Пока Германію угрожало нашествіе татаръ, князья держались единодушно, исполняли распоряженія Конрада, собиравшаго всѣ силы государства на оборону отъ нашествія; но татары ушли, тогда интриги противъ императора получили успѣхъ; составилась враждебная ему коалиція; во главѣ ея стоялъ Зигфридъ, архіепископъ майнцскій. Прежде онъ былъ усерднымъ приверженцемъ императора, поручившаго ему управленіе королевствомъ въ малолѣтство Конрада. Но онъ былъ врагъ Оттона Баварскаго, съ которымъ спорилъ за пограничную область. Когда Оттонъ помирился съ императоромъ, Зигфригъ перешелъ на сторону папы. Къ нему примкнули архіепископы кельнскій, трирскій, бременскій, епископы люттихскій, страсбургскій, многіе князья рейнскихъ земель. За императора стояли рейнскіе города, потому что онъ увидѣлъ теперь необходимость опираться на городское сословіе и, бывши прежде угнетателемъ городовъ, давалъ имъ теперь большія права. Ландграфъ Генрихъ Распе тюрингскій, герцогъ брабантскій, графъ Вильгельмъ юлихскій приняли сторону императора. На среднемъ и нижнемъ Рейнѣ начались опустошительныя междоусобія. Зигфридъ майнцскій,

1242—1244.

по словамъ одного изъ современниковъ, „свирѣпый какъ левъ, сдѣлалъ многихъ вдовами и сиротами, жегъ селенія, обращалъ города въ пепелъ, опустошилъ страну и заслужилъ тѣмъ безмѣрное расположеніе папы.“ Онъ обнародовалъ папскую буллу, вновь объявлявшую Фридриха отлученнымъ, привлекъ на свою сторону ландграфа тюрингскаго Генриха Распе, Генриха, герцога брабантскаго, графа Вильгельма юлихскаго; онъ и архіепископъ кельнскій ѣздили, какъ мы говорили, къ папѣ въ Ліонъ и обѣщались склонять князей къ избранію новаго короля, когда Фридрихъ будетъ низложенъ соборомъ. Родственникъ императора Фридриха, сынъ Фердинанда III, короля кастильскаго и Беатрисы швабской, воспитывавшійся при сицилійскомъ дворѣ, уѣхалъ въ Миланъ и присоединился къ врагамъ императора, который не хотѣлъ возвратить ему наслѣдство его матери. Но маркграфъ монферратскій и графъ савойскій остались друзьями императора.

Низложеніе Фридриха.

Услышавъ, что Фридрихъ пришелъ въ Туринъ, Иннокентій ускорилъ дѣло о его низложеніи, чтобы кончить все, прежде чѣмъ онъ подойдетъ съ войскомъ къ Ліону или явится на соборъ оправдываться. Не дожидаясь пріѣзда пословъ, отправленныхъ императоромъ, Иннокентій назначилъ 17 іюля третье засѣданіе собора.

Таддей Суэсскій протестовалъ противъ этого нарушенія правилъ судопроизводства и апеллировалъ къ будущему папѣ и будущему вселенскому собору королей, свѣтскихъ князей и прелатовъ. Папа не хотѣлъ допускать никакой отсрочки; но произошла задержка суда: англійскій посолъ сталъ говорить объ угнетеніи британской церкви папой и требовалъ отмѣны притѣсненій. Иннокентій съ досадой отвѣчалъ, что дѣло объ англійской церкви не имѣетъ ничего общаго съ судомъ надъ императоромъ и будетъ рѣшено послѣ. Испанскіе и французскіе епископы поддержали его, и онъ предложилъ собору принять декретъ, который на тайныхъ совѣщаніяхъ былъ уже одобренъ и подписанъ 150 прелатами. Перечисляя въ этомъ декретѣ преступленія, совершенныя Фридрихомъ и дѣлавшія его виновнымъ въ клятвопреступленіи, святотатствѣ, ереси, дружбѣ съ мусульманами, фелоніи (мятежѣ противъ леннаго господина), Иннокентій объявлялъ, что по данной ему власти насаждать и исторгать, онъ лишаетъ Фридриха всѣхъ коронъ и королевствъ, какъ государя, оказавшагося недостойнымъ императорскаго и королевскаго сана и отвергнутаго Богомъ за беззаконія и злодѣянія, освобождаетъ отъ присяги и всѣхъ обязанностей относительно его всѣхъ присягавшихъ или давшихъ какія нибудь обѣщанія ему, отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, кто будетъ помогать ему дѣломъ или совѣтомъ, даетъ нѣмецкимъ князьямъ право свободно выбрать преемника ему и беретъ въ свое управленіе королевство сицилійское, какъ оставшійся безъ правителя папскій ленъ, относительно котораго онъ сдѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія по совѣту своихъ братьевъ кардиналовъ. Когда чтеніе декрета кончилось, послы императора ударили себя въ грудь, и Таддей Суэсскій воскликнулъ: «Это день гнѣва, печали и пагубы, которому будутъ радоваться враги

Христа!» Папа сказалъ: «Я сдѣлалъ то, что былъ обязанъ; да совершитъ Богъ по Своей волѣ!» и запѣлъ: «Тебе Бога хвалимъ!» Прелаты присоединили свои голоса къ его пѣнію и бросили на полъ бывшія у нихъ въ рукахъ свѣчи. Огонь свѣчъ погасъ въ знаменіе того, что угаснетъ блескъ могущества Фридриха на землѣ.

c) Борьба гвельфовъ и гибеллиновъ.

Результаты низложенія Фридриха ліонскимъ соборомъ.

Итальянецъ папа и собраніе 150 романскихъ прелатовъ взяли на себя власть низложить могущественнѣйшаго изъ государей запада. Это была неслыханная смѣлость, изумившая западные народы. По словамъ Мэтью Париса, императоръ, услышавъ о низложеніи, гнѣвно воскликнулъ: «Папа отнялъ у меня короны? Откуда взялъ онъ такую дерзость? Принесите мнѣ сюда мои короны, посмотрю, дѣйствительно-ли я лишился ихъ!» Ему принесли короны, онъ надѣлъ ихъ и грозно сказалъ: «Мои короны остаются у меня, и никакой папа, никакой соборъ не отнимутъ ихъ у меня.» Объ уступкахъ теперь не могло быть рѣчи. Фридрихъ сказалъ: «Дерзость папы освободила меня отъ всякой любви и всякаго уваженія къ нему, отъ всякой обязанности примириться».

Полемика.

а) Императорскій манифестъ.

Императоръ 31 іюля отправилъ изъ Турина циркуляръ, адресованный прелатамъ, графамъ и баронамъ Англіи и всѣмъ христіанскимъ государямъ запада; Фридрихъ говорилъ въ немъ, что хотя папѣ, какъ главѣ церкви, принадлежитъ власть вязать и рѣшить въ духовныхъ дѣлахъ, но ни по божественному, ни по человѣческому закону не имѣетъ онъ права произвольно отнимать императорскій санъ или принимать на себя свѣтскую власть низложеніемъ королей или другихъ государей; если изъ того обычая, что папа коронуетъ императора, выводитъ его право низлагать императора, такое же право низлагать королей могутъ брать на себя другіе прелаты, коронующіе своихъ королей; потому оскорбленіе, нанесенное императору—оскорбленіе всѣмъ государямъ, его дѣло—дѣло всѣхъ королей, итакъ, низложеніе императора, провозглашенное въ Ліонѣ, незаконно по принципу; кромѣ того оно было произнесено въ нарушеніе всѣхъ правилъ, обусловливающихъ законность процесса: императору не было предъявлено никакого обвинительнаго акта, не было прислано призыва къ суду, не были выслушаны никакіе свидѣтели, не было никакихъ гарантій безпристрастнаго состава суда; приговоръ былъ произнесенъ по бездоказательнымъ обвиненіямъ. Далѣе, Фридрихъ доказываетъ, что обвиненіе его въ нарушеніи ленныхъ обязанностей лживо, что нельзя судить римскаго императора по законамъ, источникъ которыхъ онъ, что онъ выше законовъ, что въ мірскихъ дѣлахъ онъ не подвластенъ никому изъ людей, и судья надъ нимъ только Богъ; Фридрихъ повторяетъ увѣреніе въ своей искренней преданности христіанскому ученію, проситъ подумать, заслуживаетъ ли уваженія приговоръ, въ составленіи котораго не участвовалъ ни одинъ нѣмецкій князь, проситъ другихъ государей помогать ему въ защитѣ его правъ, потому что, если папа успѣетъ низвергнуть императора, будетъ точно также поступать съ другими государями. Черезъ нѣсколько времени императоръ обнародовалъ другой циркуляръ, въ которомъ говоритъ: „Не

мы первые и не мы послѣдніе страдаемъ отъ папскихъ злоупотребленій церковной властью, подвергающихъ обидамъ всѣхъ отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. На самихъ васъ лежитъ часть вины въ этомъ, потому что вы повинуетесь лицемѣрамъ, у которыхъ жажда власти такъ велика, что не утолили бы ее всѣ воды Іордана". Онъ говоритъ, что приговоръ папы не уменьшитъ величія его сана, потому что совѣсть его чиста; что католическая іерархія уклонилась отъ апостольской жизни въ роскошь и честолюбіе, набираетъ сокровища притѣсненіями, презираетъ религію и нравственныя заповѣди Божіи; благочестивые люди обязаны отнять у іерархіи развращающія ее богатства, чтобъ она возвратилась къ смиренію передъ Богомъ и чтобы сановники ея вели апостольскую жизнь; онъ будетъ исполнять эту обязанность благочестія и должны исполнять ее другіе государи.

b) Отвѣтъ папы.

Циркуляры императора дошли до папы. Онъ отвѣчалъ на нихъ подробнымъ возраженіемъ. Онъ приводитъ изъ ветхаго и новаго завѣта доказательство тому, что глава церкви можетъ и долженъ быть судьею всѣхъ людей; имѣетъ право низлагать королей и императоровъ; эта власть дана римскому первосвященнику самимъ Христомъ: „Христосъ основалъ не только первосвященническую, но и царскую власть и вручилъ апостолу Петру бразды правленія какъ небеснымъ, такъ и земнымъ царствомъ. Константинъ отмѣнилъ прежнее тиранство, беззаконно правившее имперіей, и передалъ свою императорскую власть въ руки церкви, отъ которой получилъ ее обратно, какъ почетный даръ. Власть меча принадлежитъ церкви, которая передаетъ ее императору при коронованіи, чтобъ онъ дѣйствовалъ ею по закону и защищалъ церковь, имѣющую право повелѣть ему: Вложи мечъ твой въ ножны!" Для успокоенія другихъ государей папа говоритъ, что архіепископы, коронующіе ихъ, не имѣютъ права низлагать ихъ потому, что подвластны имъ какъ вассалы; а римскій императоръ напротивъ того обязанъ быть вѣренъ папѣ, отъ котораго получаетъ свой санъ; притомъ другіе короли вступаютъ на престолъ по праву наслѣдства, а императоръ по выбору нѣмецкихъ князей и по пожалованію отъ папы; какъ сицилійскій король, Фридрихъ вассалъ папы, который имѣетъ несомнѣнное право отнять ленъ у вассала, измѣняющаго своимъ леннымъ обязанностямъ. Фридрихъ порицаетъ церковь и ея сановниковъ за богатство; но дурно не само богатство, а только дурное употребленіе его. Приглашая королей ограбить церковь, Фридрихъ показываетъ, что не хочетъ примиренія. Итакъ, короли должны стать подъ знамя церкви, которую Фридрихъ ненавидитъ только потому, что она мѣшаетъ ему наложить иго своего тиранства на всѣ христіанскія страны.

Въ своемъ возраженіи Фридриху Иннокентій прямо высказалъ, что папа владыка не только церкви, но и государей. Этой теоріи о владычествѣ папы надъ государями Фридрихъ противопоставлялъ принципъ легитимности, мысль о томъ, что короли получаютъ власть непосредственно отъ Бога. Принципы были противоположны; борьба непримирима.

Силы императора и силы папы.

«До сихъ поръ я былъ наковальней, теперь буду молотомъ,» писалъ Фридрихъ своимъ приверженцамъ. Онъ и дѣйствительно сталъ поступать такъ. Онъ рѣшился отнять у церкви ея владѣнія, возвратить ее къ тому положенію, какое имѣла она въ апостольскія времена! Мы видѣли, что религіозная оппозиція нападала на богатство

и роскошь церковныхъ сановниковъ. Еретики требовали возвращенія церкви къ первоначальной простотѣ и святости; принявъ на себя роль исполнителя этихъ желаній, соединивъ около себя всѣхъ противниковъ іерархіи, сдѣлавшись ихъ покровителемъ, вошедши въ соглашеніе съ итальянцами, не желавшими подчиняться свѣтской власти папы, Фридрихъ могъ бы собрать такія силы, противъ которыхъ не устоялъ бы его противникъ. Но онъ не умѣлъ сдѣлать этого. Онъ говорилъ о преобразованіи церкви, но отталкивалъ отъ себя еретиковъ, желалъ примириться съ папой и, по своемъ низложеніи, отправилъ въ Ліонъ нѣсколькихъ епископовъ вести переговоры о мирѣ; поручилъ этимъ посламъ вновь заявить, что онъ искренно держится ученія католической церкви. Не могъ соединить онъ и государей на общую борьбу съ папой. Его посланіе, приглашавшее королей и князей къ этому произвело сильное впечатлѣніе на французскихъ и англійскихъ феодальныхъ владѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ рѣзко протестовали противъ дѣйствій папы, выставлявшаго теорію опасную для всѣхъ свѣтскихъ государей; но это были одиночныя заявленія; свѣтскіе государи еще не пришли къ убѣжденію, что всѣ имѣютъ одинаковый интересъ бороться съ притязаніями римской іерархіи. Церковь имѣла крѣпкую организацію, а силы свѣтскихъ государей были раздроблены. Въ Англіи безхарактерный родственникъ Фридриха, Генрихъ III, находился въ непрерывныхъ ссорахъ съ вельможами. Король французскій Людовикъ IX добросовѣстно исполнилъ желаніе императора, поручившаго ему переговоры съ папой, и два раза (въ ноябрѣ 1245 и въ маѣ 1246) видѣлся съ Иннокентіемъ въ Клюни, убѣждая его подумать объ интересахъ святой земли, требующихъ мира въ западной Европѣ. Но упадокъ могущества императора былъ выгоденъ для расширенія власти короля французскаго. Для нѣмецкихъ князей личные разсчеты издавна были важнѣе патріотизма; притомъ нѣмцы стали понимать, что итальянскія дѣла Гоэнштауфеновъ совершенно чужды интересамъ Германіи; потому папа нашелъ между ними много людей, расположенныхъ отложиться отъ Фридриха. Въ Италіи папа считался защитникомъ національности отъ нѣмцевъ, борцомъ за свободу противъ неограниченной монархической власти, выказывалъ себя сторонникомъ самоуправленія ломбардскихъ городовъ, хотя свобода и національность вовсе не были уважаемы римской церковью.

Положеніе императора въ Италіи.

Но въ началѣ возобновившейся войны у императора были въ Италіи большія военныя силы. Западные проходы Альпъ охранялъ союзникъ его, графъ савойскій, восточные — Эццелино Романо; Павія Кремона, Лоди, Бергамо, Алессандрія и другіе гибеллинскіе города помогали императору. Почти вся средняя Италія находилась подъ властію Фридриха. Кардиналъ Капоччи, котораго папа назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Тосканѣ, римской области и анконской маркѣ, былъ безсиленъ. Пристрастіе папы къ его родному городу Генуѣ воз-

будило досаду въ другихъ большихъ приморскихъ городахъ. Пиза, всегда бывшая гибеллинскимъ городомъ, стала еще усерднѣе прежняго поддерживать императора; Венеція заключила миръ съ нимъ, хотя гнушалась свирѣпостями, какія дѣлалъ въ тревизской области и веронскій маркѣ его намѣстникъ, Эццелино, и опасалась этого злодѣя. Эццелино совершалъ теперь ужаснѣйшія злодѣйства для упроченія и расширенія своей власти. Вѣроломствомъ захватывая противниковъ, онъ убивалъ ихъ или бросалъ въ темницы, устроенныя съ небывалой изобрѣтательностью средствъ сдѣлать мучительнымъ заточеніе въ нихъ. Особенно знамениты темницы падуанской цитадели, которую строилъ онъ съ 1242 года. Такихъ огромныхъ, крѣпкихъ и мучительныхъ темницъ еще не бывало. Архитекторъ, помогавшій изобрѣтательности Эццелино своимъ искусствомъ, былъ черезъ нѣсколько времени и самъ убитъ имъ. Фридриху хотѣлось быстро покончить войну, рѣшительнымъ ударомъ сокрушить главный оплотъ противниковъ, ненавистный ему Миланъ. Энціо и Эццелино повели войско на этотъ городъ, но благодаря своему мужеству и искусному управленію Грегоріо Монтелонго, миланцы отбились; впрочемъ императорскія войска нанесли имъ большой уронъ и взяли много плѣнныхъ, въ томъ числѣ 38 генуэзскихъ стрѣлковъ; этимъ генуэзцамъ выкололи правый глазъ и отрубили правую руку.

Весною слѣдующаго (1246) года Фридрихъ снова просилъ Людовика IX склонить папу къ миру, обѣщая дѣятельную поддержку крестовому походу; но Иннокентій твердо рѣшился отнять у Фридриха, и его сыновей, которыхъ называлъ порожденіями ехидны, и Германію и королевство сицилійское. Въ апрѣлѣ онъ отправилъ къ сицилійскимъ вельможамъ посланіе, въ которомъ выражалъ сожалѣніе, что они продолжаютъ томиться подъ гнуснымъ игомъ второго Нерона, убѣждалъ ихъ свергнуть съ себя рабство, возстать противъ тирана, учителя лжи, гонителя церкви, ненавистника вѣры христіанской, котораго онъ лишилъ императорскаго сана и всѣхъ владѣній, слѣдовать совѣтамъ двухъ кардиналовъ, которыхъ посылаетъ онъ къ нимъ, своимъ возлюбленнымъ сынамъ. Владычество Фридриха надъ сицилійскимъ королевствомъ дѣйствительно было тяжелымъ игомъ; потому не удивительно, что тамъ поднялись мятежи. Угнетенное духовенство, вельможи, права которыхъ были стѣснены бюрократіей Фридриха, горожане, раззоряемые тяжелыми налогами и королевскими монополіями, сочувствовали внушеніямъ нищенствующихъ монаховъ, бродившихъ по королевству и возбуждавшихъ къ возстанію. Въ средней Италіи и въ тѣхъ частяхъ сѣверной, которыя оставались подъ властью императора или въ союзѣ съ нимъ, тоже было много недовольства. Парма, всегда бывшая на сторонѣ гибеллиновъ, теперь стала центромъ заговора противъ императора. Эта перемѣна была произведена вліяніемъ знатныхъ фамилій, находившихся въ родствѣ съ

Заговоръ противъ Фридриха, отпаденіе Пармы 1246.

26 апрѣля.

папой. Три сестры его были женами могущественныхъ пармскихъ вельможъ; мужья ихъ стали вождями гвельфовъ. Мужемъ одной изъ сестеръ Иннокентія былъ храбрый воинъ Бернардо Орландо; племянникъ этого вельможи маркграфъ Монте Луно былъ тоже очень храбрый полководецъ; четыре брата маркграфа усердно помогали ему. Мужъ другой сестры Иннокентія Гварино де Санвитале имѣлъ шесть сыновей; одинъ изъ нихъ былъ епископомъ пармскимъ и всѣ они были отважные люди. Эти вельможи и родственники ихъ были такъ сильны въ пармской области, что одолѣли гибеллиновъ. Парма вступила въ союзъ съ Піаченцей, союзницей Милана, и сдѣлалась оплотомъ гвельфской партіи въ центральной части Италіи. Въ сентябрѣ императоръ посѣтилъ Парму; она была еще вѣрна ему и, по его вліянію, подестой былъ назначенъ апулійскій вельможа Тебальдо Франческо, усердный слуга его; а черезъ полгода этотъ усердный слуга уже былъ участникомъ заговора, имѣвшаго сообщниковъ во всѣхъ областяхъ средней Италіи и сицилійскаго королевства. Цѣлью заговора было уничтожить владычество Гоэнштауфеновъ въ Италіи, убить императора и главныхъ помощниковъ его, Энціо и Эццелино. Къ числу главныхъ заговорщиковъ принадлежали Бернардо Росси, Пандольфо Фазанелла, намѣстникъ императора въ Тосканѣ, великій судья Джакопо Мерра, нѣкоторые изъ вельможъ могущественной фамиліи Санъ-Северино. Заговоръ былъ очень обширенъ: Генрихъ, епископъ бамбергскій, ѣздившій въ Италію, открыто говорилъ по своемъ возвращеніи въ Германію, что императоръ и главные помощники его будутъ скоро убиты. Иннокентій вступилъ въ переписку съ Тебальдо Франческо. Есть извѣстіе, что ему была обѣщана сицилійская корона. Генералъ-капитанъ Андреа Чикала подготовлялъ возстаніе въ Сициліи. Кардиналъ Капоччи хотѣлъ идти на югъ и при его содѣйствіи поднять возстаніе въ Апуліи. Люди, стороною знавшіе о заговорѣ, наконецъ вообразили, что убійство императора уже совершено, и разнеслась молва о его смерти.

Мщеніе императора.

Но руководители заговора набрали себѣ слишкомъ много сообщниковъ, и одинъ изъ послѣднихъ незадолго передъ исполненіемъ ихъ замысла выдалъ тайну графу казертскому (который впослѣдствіи женился на одной изъ побочныхъ дочерей императора, Віолантѣ). Заговоръ рушился; но главные участники его успѣли бѣжать отъ преслѣдованія. Нѣкоторые изъ нихъ уѣхали въ Римъ, другіе заперлись въ своихъ сицилійскихъ замкахъ. Это было въ мартѣ. Фридрихъ быстро пошелъ на югъ, въ апрѣлѣ переправился черезъ проливъ, взялъ послѣ упорной обороны замки Скалу и Каппочо, въ которыхъ укрылись сицилійскіе заговорщики, а его полководецъ Марино Эбуло разбилъ близъ Асколи возставшихъ противъ императора гражданъ Ассизи и Перуджіи, которыми начальствовалъ кардиналъ Капоччи; послѣ этой побѣды Эбуло взялъ Камерино и бросилъ въ

апулійскія темницы 5000 плѣнныхъ. Энціо казнилъ или бросилъ въ темницы противниковъ императора въ Реджо, возстановилъ владычество гибеллиновъ въ Пармѣ, обратилъ въ бѣгство или захватилъ въ плѣнъ родственниковъ и другихъ сторонниковъ папы. Другой побочный сынъ императора, Фридрихъ Антіохійскій, принудилъ Флоренцію и всю Тоскану повиноваться императору, который между тѣмъ безпощадно мстилъ сицилійскимъ инсургентамъ. Въ замкахъ, взятыхъ Фридрихомъ, были захвачены въ плѣнъ 150 инсургентовъ, 40 ломбардскихъ заложниковъ, освобожденныхъ ими, и 22 знатныхъ дамъ и дѣвушекъ. Онъ бросилъ ихъ въ палермскія подземныя темницы, и никто изъ нихъ ужь не вышелъ оттуда. Мужчинамъ онъ выкололъ глаза, отрѣзалъ носъ и правую руку. Онъ велѣлъ водить по Сициліи Тебальдо и пятерыхъ другихъ главныхъ заговорщиковъ съ папской буллой на лбу, потомъ колесовалъ ихъ и бросилъ въ море или сжегъ ихъ тѣла. Часть ихъ имуществъ онъ роздалъ своимъ усерднымъ слугамъ, другую взялъ себѣ. Изъ фамиліи Санъ-Северино уцѣлѣлъ только 9 лѣтній мальчикъ, увезенный вѣрнымъ слугой въ Римъ. Сарацины, жившіе въ Энтеллѣ и другихъ крѣпостяхъ, участвовали въ мятежѣ. Графъ казертскій покорилъ ихъ и переселилъ къ тѣмъ сарацинамъ, которые жили въ Лучеріи. Фридрихъ называлъ папу составителемъ заговора убить его и виновникомъ мятежа. Сторонники папы отвѣчали на это обвиненіемъ императора въ попыткахъ убить папу. Императоръ съ негодованіемъ называлъ ихъ слова клеветой. Іюль.

d) Избраніе Генриха Распе королемъ.

Итакъ императоръ одолѣлъ заговоръ въ средней Италіи и мятежъ въ Сициліи. Въ Германіи епископъ бамбергскій былъ брошенъ въ темницу за то, что предсказывалъ убійство императора. Ломбардцы опасались нападенія Фридриха и отправили пословъ къ его противникамъ въ Германію. Все зависѣло отъ того, какой оборотъ получатъ дѣла тамъ. Мы знаемъ, что рейнскіе архіепископы энергически возбуждали другихъ нѣмецкихъ князей присоединиться къ ихъ коалиціи противъ императора. Францискапцы и доминиканцы проповѣдовали нѣмцамъ крестовый походъ противъ него. Папа обѣщалъ этимъ крестоносцамъ такія же индульгенціи, какія давались отправляющимся въ Палестину на войну съ невѣрными. Онъ посылалъ денежные подарки нѣмецкимъ князьямъ. Враги Фридриха предполагали избрать королемъ Генриха Распе, ландграфа тюрингскаго; Иннокентій послалъ ему 15,000 марокъ серебра и отправилъ легатомъ въ Германію Филиппа, епископа феррарскаго, храбраго воина. Филиппъ склонилъ на сторону папы многихъ нѣмецкихъ князей. Даже Зигфридъ, епископъ регенсбургскій, канцлеръ Фридриха въ нѣмецкомъ королевствѣ, пере- Интриги папы въ Германіи.

шелъ на сторону его враговъ. Въ наказаніе Зигфриду Фридрихъ освободилъ Регенсбургъ отъ его власти, предоставивъ гражданамъ право избирать свой городской совѣтъ.

Отношенія городовъ къ императору.

Фридрихъ, подавлявшій свободу нѣмецкихъ городовъ, сталъ теперь ихъ покровителемъ. Чтобы сохранить ихъ расположеніе, епископы подражали императору, сами давали имъ такія же права, какихъ они ожидали отъ императора. Такъ граждане Майнца получили 13 ноября 1244 отъ своего архіепископа льготную грамату, дававшую имъ право выбирать свой городской совѣтъ, освобождавшую ихъ отъ податей и военной службы епископу; тѣмъ же способомъ были удержаны въ союзѣ съ епископами Страсбургъ и Эрфуртъ. Но Кельнъ, Триръ, Ахенъ, Шпейеръ, Вормсъ, Франкфуртъ и большая часть южно-нѣмецкихъ городовъ остались вѣрны императору; ихъ воины составляли главную часть войскъ его въ Германіи.

Выборъ Генриха Распе королемъ.

Архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій, довольно многіе епископы и нѣкоторые гессенскіе, тюрингскіе, франконскіе и швабскіе свѣтскіе князья собрались въ Вейтсгохгеймѣ (близъ Вюрцбурга) и 22 мая 1246 выбрали королемъ ландграфа тюрингскаго, Генриха Распе. Онъ принялъ выборъ, хотя былъ родственникъ Фридриха. Важнѣйшіе свѣтскіе князья Германіи: король богемскій, герцоги баварскій, саксонскій, брауншвейгскій, брабантскій, держались въ сторонѣ отъ этого дѣла, не слушая упрашиваній папы. Новый король назначилъ сеймъ во Франкфуртѣ на 25 іюля. Сынъ Фридриха, король Конрадъ, хотѣлъ помѣшать этому съѣзду, пошелъ къ Франкфурту,

Сраженіе при Франкфуртѣ.

сталъ близъ рѣчки Нидды, и 5 августа произошло тутъ сраженіе. Ульрихъ и Гартманъ, графы вюртембергскіе, перешли съ 2000 рыцарей и стрѣлковъ отъ Конрада къ непріятелю. Говорятъ, папа подкупилъ ихъ 6000 марокъ серебра, а Генрихъ Распе обѣщалъ раздѣлить между ними герцогство швабское. Побѣда уже склонялась на сторону Конрада, когда они перешли въ непріятельскіе ряды; ихъ измѣна такъ ослабила его, что онъ былъ разбитъ и торопливо ушелъ въ Аугсбургъ, имѣя при себѣ только 200 всадниковъ. Генрихъ Распе,

Распаденіе Германіи.

котораго противники называли поповскимъ королемъ, вступилъ во Франкфуртъ. Но сеймъ всетаки былъ неудаченъ; ни одинъ изъ сильныхъ свѣтскихъ князей не пріѣхалъ; не пріѣхали и нѣкоторые епископы. Противники Фридриха, все еще надѣявшіеся, что къ нимъ присоединится Оттонъ, герцогъ баварскій, услышали, что онъ отдалъ свою дочь Елисавету за Конрада. Незадолго передъ тѣмъ Фридрихъ Австрійскій, побѣдившій и взявшій въ плѣнъ Ульриха, герцога каринтійскаго, былъ убитъ на войнѣ съ Белой, королемъ венгерскимъ (15 іюня 1246). У него не было дѣтей; его смертью прекратилась мужская линія династіи Бабенберговъ. Вѣнцеславъ, король венгерскій, уже давно думалъ воспользоваться тѣмъ, что онъ бездѣтенъ, и еще при его жизни женилъ своего сына Владислава, маркграфа моравскаго, на Гертрудѣ, его племянницѣ. Вѣнцеславъ на-

дѣялся теперь, что австрійскіе вельможи согласятся признать его сына герцогомъ австрійскимъ. Но герцогу баварскому казалось опаснымъ увеличеніе силы короля богемскаго. Папа покровительствовалъ Вѣнцеславу, потому Оттонъ перешелъ на сторону императора. Его примѣру послѣдовали свѣтскіе князья рейнскихъ областей и королевства бургундскаго; почти всѣ города оставались вѣрны императору, пренебрегая отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ. Эбергардъ, архіепископъ зальцбургскій, тоже презиралъ угрозы папы отлученіемъ отъ церкви; папа отлучилъ его; онъ не обращалъ вниманія на это; другіе епископы также оставались на сторонѣ императора. Такимъ образомъ сынъ и намѣстникъ Фридриха, Конрадъ, былъ сильнѣе Генриха Распе.

По всей южной Германіи шло междоусобіе. Генрихъ Распе въ январѣ 1247 подступилъ къ Ульму; граждане храбро оборонялись; войско Генриха страдало отъ холода и недостатка продовольствія. Онъ принужденъ былъ снять осаду, возвратился домой, заболѣлъ и 17 февраля умеръ въ своей резиденціи, великолѣпномъ замкѣ Вартбургѣ. Съ нимъ прекратилась мужская линія тюрингской династіи. За его наслѣдство началась война между Софіей, герцогиней брабантской, и маркграфомъ мейсенскимъ. По смерти Генриха Распе легатъ оробѣлъ, скрылся въ одинъ изъ францисканскихъ монастырей, нашелъ и этотъ пріютъ небезопаснымъ и бѣжалъ на югъ. Смерть Генриха Распе 1247.

Смерть Генриха Распе была тяжелымъ ударомъ для Иннокентія. Папа собиралъ всяческими притѣсненіями деньги на поддержку ему и особенно много получилъ изъ Англіи. Онъ истратилъ эти суммы на наемъ воиновъ, съ которыми хотѣлъ послать кардинала-легата Оттавіано на соединеніе съ Генрихомъ въ Ломбардіи, куда тотъ звалъ его. Наемники, не получая жалованья, разошлись. Фридрихъ пошелъ на сѣверъ, собиралъ войско въ Кремонѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Сициліи императоръ назначилъ своимъ намѣстникомъ тамъ девятилѣтняго Генриха, своего сына отъ третьей жены, Изабеллы. Управленіе королевствомъ онъ поручилъ графу казертскому и маршалу Піэтро Руффо, человѣку незнатнаго происхожденія, искусному полководцу. При назначеніи намѣстникомъ девятилѣтній ребенокъ былъ крещенъ. Въ письмѣ къ англійскому королю Фридрихъ объяснялъ, почему такъ долго не крестилъ сына. Онъ отлагалъ это до примиренія съ Иннокентіемъ, чтобы самъ папа совершилъ крещеніе.—Графъ савойскій и графъ вьенскій были усердными сторонниками императора; онъ женилъ своего побочнаго сына Манфреда на дочери графа савойскаго. Онъ собиралъ войска подъ Альпами и писалъ своимъ союзникамъ, что лично пойдетъ въ Ліонъ оправдываться отъ обвиненій, взведенныхъ на него Иннокентіемъ передъ собраніемъ прелатовъ, послѣ того подавить своихъ противниковъ въ Германіи. Итакъ Иннокентій долженъ былъ ожидать, что императоръ Дурное положеніе дѣлъ папы.

поведетъ на него войско въ Ліонъ. Положеніе папы было тѣмъ непріятнѣй, что французскіе и англійскіе вельможи возстали противъ притязаній римской іерархіи вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, противъ ея алчности и пороковъ. Въ Англіи король запретилъ духовнымъ трибуналамъ судить свѣтскія дѣла, кромѣ процессовъ по вопросамъ о бракѣ и по завѣщаніямъ. Во Франціи герцогъ бургонскій, графы бретанскій, ангулемскій, сенъ-польскій и другіе могущественные владѣтели заключили союзъ для прекращенія вмѣшательствъ римской церкви въ свѣтскія дѣла. Въ этомъ договорѣ говорилось: королевство французское основано не духовенствомъ, а завоеваніемъ; потому судебная власть въ немъ принадлежитъ свѣтскимъ владѣтелямъ, и они должны позаботиться о томъ, чтобы церковь была возвращена къ прежнему своему положенію, и духовные сановники, раззорившіе мірянъ своей алчностью, вели жизнь приличную духовенству; буллы объ отлученіи или объ интердиктѣ получаютъ силу только по утвержденію свѣтскихъ владѣтелей, и они могутъ воспрещать отлученіе и интердиктъ. Иннокентій писалъ своимъ легатамъ, что онъ очень опечаленъ договоромъ французскихъ владѣтелей. Ихъ неудовольствіе проявилось такъ грозно, что Иннокентій думалъ уѣхать изъ Ліона искать себѣ убѣжища въ Англіи. Людовикъ IX при всемъ своемъ благочестіи не защищалъ папу отъ своихъ вассаловъ, потому что не былъ лишенъ политическаго смысла и не одобрялъ притязаній папы на власть надъ государями. Въ переговорахъ, которые велъ съ Иннокентіемъ по просьбѣ Фридриха, Людовикъ защищалъ независимость свѣтской власти и, не обращая вниманія на низложеніе, произнесенное ліонскимъ соборомъ, продолжалъ признавать Фридриха законнымъ императоромъ. Притомъ онъ былъ чрезвычайно занятъ мыслями о крестовомъ походѣ, а для этой экспедиціи ему была необходима помощь Фридриха, увѣрявшаго въ своей готовности помогать ей.

Въ слѣдующемъ (1248) году Людовикъ отправился въ крестовый походъ. Когда французы, занесенные бурей на Кипръ, терпѣли тамъ нужду, Фридрихъ посылалъ имъ съѣстные припасы; когда потомъ въ Египтѣ ихъ положеніе стало бѣдственно, Фридрихъ посылалъ имъ съѣстные припасы, оружіе и боевыхъ коней. Онъ совѣтовалъ Людовику плыть не въ Египетъ, а въ Сирію; но Людовикъ послушался совѣта папы, поплылъ въ Египетъ; эта ошибка и была главной причиной его неудачи. Иннокентій отклонилъ Людовика отъ намѣренія плыть въ Палестину, не желая, чтобы побѣды крестоносцевъ обратились въ пользу Фридриха, короля іерусалимскаго. Когда Людовикъ былъ взятъ въ плѣнъ, Фридрихъ просилъ своихъ старыхъ друзей, египетскихъ мусульманъ, облегчить судьбу короля и воиновъ его.

e) Осада Пармы Фридрихомъ.

Взятіе Пармы гвельфами.

Мы говорили, что Фридрихъ хотѣлъ вести войско въ Ліонъ, и положеніе Иннокентія было очень опасно. Но дѣла скоро получили

другой оборотъ. Къ Фридриху пришло въ Туринъ извѣстіе, что гвельфы овладѣли Пармой. Росси, родственники папы, и другіе вожди гвельфовъ, изгнанные или бѣжавшіе изъ Пармы и жившіе въ Миланѣ и Піаченцѣ, готовились отмстить врагамъ, изгнавшимъ ихъ и конфисковавшимъ ихъ имѣнья. Энціо съ кремонцами и другими гибеллинами пошелъ въ брешійскую область и осадилъ Квинцано; Фридрихъ Антіохійскій пошелъ на Перуджію; въ окрестностяхъ Пармы не осталось императорскихъ войскъ. Изгнанные гвельфы воспользовались этимъ временемъ. Уго Санвитале, племянникъ папы, и семьдесятъ человѣкъ другихъ гвельфовъ пошли изъ Піаченцы къ Пармѣ. Начальникъ императорскаго гарнизона, Бартоломео Таверніэри, праздновалъ свадьбу своей дочери. Во время пира пришло извѣстіе, что приближаются враги. Пирующіе схватились за оружіе и бросились къ во- 16 іюня 1247.
ротамъ города; но подеста и храбрѣйшіе рыцари его были убиты возвратившимися изгнанниками. Гибеллины и нѣмецкій гарнизонъ, полагая, что идутъ миланцы и граждане Піаченцы, бѣжали въ сосѣдніе замки или въ Кремону; бѣжалъ и самъ Таверніэри. Изгнанники съ торжествомъ вошли въ городъ, радостно привѣтствуемые своими друзьями. Гвельфы сосѣднихъ городовъ прислали подкрѣпленія; графъ Ричардо Санъ-Бонифаціо пришелъ изъ Гвасталлы съ двумя стами рыцарей; изъ Піаченцы были присланы 400 всадниковъ; Грегоріо Монтелонго привелъ 1000 воиновъ изъ Милана; Генуя и графъ лаванскій прислали искусныхъ стрѣлковъ; изъ Феррары пришелъ съ войскомъ маркграфъ Аццо; изъ Реджо и Болоньи тоже пришли подкрѣпленія. Парма была очень важна по своему географическому положенію; она была узломъ дорогъ изъ сѣверной Италіи въ среднюю; потому гвельфы хотѣли сдѣлать ее неодолимымъ оплотомъ своей партіи.

Услышавъ, что гвельфы овладѣли Пармой, Энціо немедленно по- Осада Пармы.
шелъ къ ней, въ ту же ночь пришелъ въ Кремону, тамъ присоединились къ нему павійскія и бергамскія войска. Онъ подступилъ къ Пармѣ; не имѣя столько войска, чтобы штурмовать городъ, онъ блокировалъ его въ ожиданіи прибытія императора. Фридрихъ бросилъ мысль о походѣ къ Ліону, немедленно выступилъ изъ Турина по направленію къ Пармѣ; въ Кремонѣ присоединился къ нему Эццелино съ шестью стами рыцарей тревизской области и веронской марки; въ началѣ іюля императоръ пришелъ къ Энціо, въ станъ котораго собрались гибеллины средней Италіи. Фридрихъ Антіохійскій привелъ войско изъ Тосканы; пришли гибеллины изъ Модены и Реджо; пришли ужасные лучерійскіе сарацины; пришли апулійскія войска; пришли на призывъ императора нѣмецкіе и бургундскіе рыцари. Фридрихъ сталъ обширнымъ укрѣпленнымъ станомъ съ южной стороны Пармы, посылалъ отряды опустошать пармскую область. Энціо и Эццелино разбили графовъ Санъ-Бонифаціо и Обидзо Маласпину, шедшихъ на

Бѣдственное положеніе Пармы; свирѣпость Фридриха.

помощь осажденнымъ, взяли замокъ Брешелло, стоявшій на берегу По, и отрѣзали Парму отъ подвоза припасовъ съ сѣвера. Въ Пармѣ начался голодъ, бѣдствовали отъ голода и сосѣднія области; наступила осень; защитникамъ Пармы не было надежды на спасеніе. Но кардиналъ-легатъ Монтелонго, уже выказавшій себя даровитымъ государственнымъ человѣкомъ въ Миланѣ, и другіе вожди гвельфовъ ободряли народъ и воиновъ, не допускали мысли о переговорахъ съ Фридрихомъ и зорко слѣдили за предателями, пытали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ; Бланкардо де Бланкардисъ былъ казненъ по приговору народа. Въ отмщеніе за это Фридрихъ велѣлъ отвезти въ Апулію и бросить съ жерновомъ на шеѣ въ море Джерардо де Канале, котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ, выводилъ на флацанскій лугъ каждый день по два плѣнныхъ пармскихъ гражданъ и рубилъ имъ головы; такъ онъ казнилъ двѣнадцать человѣкъ. Въ Пармѣ свирѣпствовалъ голодъ, но ободряемые кардиналомъ-легатомъ и одушевляемые проповѣдями нищенствующихъ монаховъ, граждане оставались непоколебимы. Нѣсколько разъ гвельфы успѣвали провезти изъ Мантуи и Феррары въ Парму небольшіе запасы продовольствія.

Построеніе Витторіи.

Наступилъ октябрь, приближались холодъ и непогоды, обыкновенно принуждавшіе осаждающихъ отступать. Но Фридрихъ рѣшился не снимать осады. Въ четырехъ перелетахъ отъ стѣнъ Пармы онъ построилъ для войска цѣлый городъ; деревянные дома образовали улицы, въ городѣ были построены мукомольныя мельницы, были построены церкви, устроена площадь рынка; городъ былъ обведенъ рвомъ и стѣнами. Императоръ хотѣлъ разрушить Парму и отдать землю ея гражданъ колонистамъ, которыхъ поселитъ въ своемъ новомъ городѣ; онъ назвалъ его Витторіею, городомъ побѣды. Онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, чеканилъ монеты, называвшіяся витторинами, а главную церковь своего города назвалъ витторовской. Въ декабрѣ кардиналъ Оттавіано, главнокомандующій папскихъ наемниковъ, ушелъ изъ областей, сосѣднихъ съ Пармой. Эццелино, занимавшій Гвасталлу, владычествовалъ надъ рѣкою По. Мантуанская эскадра, состоявшая изъ пятидесяти кораблей, поплыла въ Парму, но вся была захвачена императоромъ; онъ велѣлъ повѣсить по берегамъ рѣки 300 плѣнныхъ. Отрядъ его войска разбилъ маркграфа Бонифація Монферратскаго, перешедшаго на сторону папы, прогналъ его изъ Турина и привелъ 200 плѣнныхъ въ станъ Фридриха.

Сожженіе Витторіи.

Эти успѣхи внушили императорскому войску такую увѣренность въ побѣдѣ, что оно стало пренебрегать осторожностью. Одинъ изъ миланцевъ, находившихся въ Пармѣ, замѣтилъ съ башни, что императоръ каждый день въ опредѣленный часъ уѣзжаетъ на охоту, и передалъ это кардиналу-легату; было рѣшено воспользоватся этимъ. Фридрихъ нѣсколько времени былъ нездоровъ, оправился, возобновилъ свои поѣздки на охоту, и 18 февраля (1248 года), когда им-

ператоръ уѣхалъ на охоту, защитники Пармы пошли на Витторію. Въ ней было теперь меньше войска, чѣмъ прежде: часть его была распущена на зиму; многіе отряды были посланы Фридрихомъ въ другія мѣстности. Граждане Пармы и помогавшіе оборонѣ города союзники ворвались въ Витторію, зажгли дома; войско Фридриха, потерпѣвъ очень большой уронъ, обратилось въ бѣгство. Великій судья Таддей Суэсскій и 1.500 императорскихъ воиновъ были убиты въ сраженіи, 3.000 были взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали въ Кремону. Побѣдители взяли императорскую печать, корону Фридриха, богато украшенную дорогими камнями, всю казну, всѣ сокровища императора, увели въ плѣнъ его гаремъ и придворный штатъ. Возвращаясь съ охоты, онъ увидѣлъ, что Витторія сожжена, войско его исчезло, пересѣлъ на самаго быстраго изъ своихъ коней, называвшагося Дракономъ, и поскакалъ въ Кремону.—Корона попалась въ добычу пармскому гражданину маленькаго роста, уродливаго вида; онъ надѣлъ ее себѣ на голову. Граждане Пармы подняли его на плеча и съ насмѣшками надъ императоромъ понесли въ Парму, купили тамъ корону у счастливаго урода и положили ее въ своемъ соборномъ храмѣ. Монахъ-поэтъ, страдавшій въ плѣну у Фридриха, но теперь свободный, написалъ гимнъ въ честь побѣды своихъ согражданъ. Они взяли сосѣдніе замки; соединились съ феррарцами и мантуанцами, пошли на Брешелло, но Энціо, и кремонцы отразили ихъ. Силы императора еще оставались велики.

f) Избраніе Вильгельма Голландскаго королемъ нѣмецкимъ.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Пораженіе войска императора подъ Пармой совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Фридрихъ уже не могъ оправиться отъ этого удара, хотя въ посланіи къ нѣмецкимъ князьямъ и увѣрялъ, что потеря его не велика, что неудача осады Пармы—обстоятельство маловажное и не будетъ имѣть вліянія на ходъ войны. Иннокентій ободрился, призывалъ нѣмцевъ и сицилійцевъ низвергнуть «бывшаго императора и его беззаконный родъ», обѣщалъ сражающимся противъ него отпущеніе грѣховъ, какое давалось крестоносцамъ, угрожалъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ, кто останется вѣренъ ему. Монахи нищенствующихъ орденовъ разносили по Италіи и Германіи эту проклама-цію папы. Противники Фридриха поднялись повсюду на войну съ нимъ. Миланъ былъ центромъ ихъ въ сѣверной Италіи. Народъ миланскій учредилъ тогда новую должность правителя; этотъ выборный сановникъ назывался главнокомандующимъ (capitano), назывался также старшиною народа (anziano del popolo). Капитаномъ своимъ миланцы назначили Делла Торре, вельможу, имѣвшаго обширныя владѣнія въ Вальвасинѣ. Въ Ломбардіи гвельфы были гораздо силь-

нѣе гибеллиновъ. Но въ сѣверо-восточной Италіи Эццелино, смѣявшійся надъ проклятіями папы, дѣлалъ завоеванія, овладѣлъ Фельтре, Беллуно, Монселиче, Эсте. На западѣ отъ Павіи Амадео, графъ савойскій, былъ могущественной опорой гибеллиновъ. Въ ноябрѣ 1248 на съѣздѣ вассаловъ къ императору въ Верчелли Фридрихъ назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ сѣверо-западной Италіи, далъ ему много леновъ и регалій (имперскихъ доходовъ). Съ этого времени начинается возростаніе могущества савойской династіи. Императорскія войска снова подступили къ Пармѣ. Бернардо Орланди, глава рода Росси, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ маркграфомъ Ланчей; сто воиновъ его были убиты; шестьдесятъ человѣкъ знатныхъ гражданъ Пармы взяты въ плѣнъ. Но въ Романьѣ и Тосканѣ одолѣвали гвельфы. Папскій легатъ Оттавіано де Убальдини, имѣвшій главнымъ своимъ опорнымъ пунктомъ Болонью, склонилъ Имолу, Равенну, Чезену, Римини, Форлимпополи, Фаэнцу принять сторону папы. Эта конфедерація образовала крѣпкій оплотъ противъ гибеллинскихъ городовъ Модены, Пизы, Лукки и войскъ маркграфа Уберто Пелавичини, которому Фридрихъ далъ много леновъ въ Тосканѣ, желая сдѣлать его династію сильной опорой своего владычества надъ Тосканой. Фридрихъ держался теперь той мысли, что ему выгодно будетъ основывать въ Италіи сильныя областныя династіи, которыя, получивъ отъ него свое могущество, останутся, какъ онъ разсчитывалъ, вѣрны ему. Доминиканцы и францисканцы старались поднять мятежи въ Апуліи; но туда пришелъ довольно на долгое время Фридрихъ; лучерійскіе сарацины держали въ ужасѣ народъ и по удаленіи Фридриха; потому возстанія тамъ не было. Фридрихъ угрожалъ жечь проповѣдниковъ, объявлявшихъ народу папскую буллу о его отлученіи; нѣкоторыхъ онъ дѣйствительно сжегъ.

Избраніе Вильгельма Голландскаго королемъ нѣмецкимъ 1247.

Легатъ папы въ Германіи, Піэро Капоччи, хлопоталъ о томъ, чтобъ избранъ былъ новый король. Онъ обращался поочередно къ нѣсколькимъ могущественнымъ князьямъ съ убѣжденіями искать королевскаго сана; одинъ за другимъ они отказывались. Наконецъ Капоччи обольстилъ блескомъ короны 20 лѣтняго юношу Вильгельма, графа голландскаго, человѣка храбраго и честолюбиваго, но не принадлежавшаго къ числу сильныхъ князей. Иннокентій прислалъ Вильгельму 20.000 марокъ. Это доставило ему возможность увеличить число своихъ друзей. Въ Нейсѣ собрались рейнскіе архіепископы, нѣсколько епископовъ, герцогъ брабантскій, довольно многіе графы земель по Нижнему рейну, и на этомъ съѣздѣ, предсѣдателемъ котораго былъ легатъ, Сентябрь 1247. Вильгельмъ Голландскій былъ провозглашенъ королемъ. Многіе изъ могущественныхъ князей отказались пріѣхать на это собраніе, нѣкорые рѣшительно приняли сторону Гоэнштауфеновъ; но число союзниковъ Вильгельма росло: въ Швабіи, Франконіи, на Рейнѣ многіе рыцари и министеріалы признали его королемъ; въ Нидерландахъ

были у него сильныя родственныя связи. Онъ пріобрѣлъ содѣйствіе многихъ городовъ, въ томъ числѣ могущественнаго Кельна, увеличивъ ихъ права. Ахенъ остался вѣренъ Фридриху, но послѣ упорной обороны сдался. Вильгельмъ 1 ноября короновался въ Ахенѣ; но не тою короной, которая считалась нужной для этого обряда и называлась короной Карла Великаго; она была у Фридриха въ Италіи; для коронаціи Вильгельма пришлось сдѣлать новую корону.

Сторонники Вильгельма.

Въ 1248 и 1249 годахъ почти всѣ графы земель по среднему теченію Рейна, многіе швабскіе графы и многіе духовные сановники сражались за Вильгельма. Свою признательность папѣ онъ выказалъ тѣмъ, что призналъ принадлежащими римской каѳедрѣ всѣ ея прежнія владѣнія (страну отъ Радикофани до Чеперано, Экзархатъ, Пентаполь, герцогство сполетское и наслѣдство Матильды) и обѣщалъ помогать возстановленію ленной власти папы надъ королевствомъ сицилійскимъ.

Приверженцы Гоэнштауфенов.

Однако же многіе рейнскіе, швабскіе, франконскіе князья и вельможи оставались вѣрны Гоэнштауфенамъ. Но главными опорами императора и Конрада были рейнскіе и швабскіе города отъ Вормса и Шпейера до Брейзаха, Берна и Цюриха. Въ швабскомъ Галлѣ граждане собрались при звонѣ колоколовъ; изъ народа выступили ораторы, объявлявшіе папу еретикомъ и убѣждавшіе народъ молиться за Фридриха и Конрада.

Междоусобіе.

Во всѣхъ областяхъ южной и западной Германіи шли междоусобія; развалины замковъ и монастырей, вытоптанныя конницей нивы, повсюду свидѣтельствовали о свирѣпости борьбы.

Австрійскія дѣла 1248—1250.

На западѣ сражались Конрадъ и Вильгельмъ, на юго-востокѣ шло другое междоусобіе по вопросу о наслѣдствѣ Фридриха Воинственнаго, герцога австрійскаго. Мы говорили, что онъ умеръ бездѣтнымъ, что Фридрихъ объявилъ Австрію и Штирію ленами, возвратившимися въ непосредственное распоряженіе короля, и назначилъ своимъ намѣстникомъ тамъ сначала графа Эберштейна, потомъ герцога Оттона баварскаго. Около этого времени умеръ, не оставивъ дѣтей, герцогъ меранскій. Фридрихъ отдалъ принадлежавшія ему графства нейенбургское и шердингское въ ленное владѣніе Оттону Баварскому. Но у Фридриха Воинственнаго была племянница Гертруда и были сестры Маргарета (вдова погибшаго Генриха, сына императора) и Констанція, жена Генриха, маркграфа мейсенскаго. Констанція уже умерла, но у ней остались дѣти: Гертруда, Маргарета и дѣти Констанціи обратились къ папѣ съ просьбой о защитѣ ихъ правъ. Иннокентій былъ радъ случаю повредить императору, объявилъ, что Австрія и Штирія должны принадлежать по праву наслѣдства племянницѣ умершаго герцога, Гертрудѣ. Она по смерти перваго мужа, Владислава моравскаго, вышла за маркграфа Германа моденскаго. Иннокентій убѣждалъ Вильгельма отдать Австрію и Штирію во владѣніе Герману, какъ мужу Гертруды. Съ формальной стороны это было законно. Грамата, данная Фридрихомъ Барбароссой Генриху, герцогу австрійскому (VI, 624), объявляла герцогство австрійское и всѣ другіе лены его наслѣдственными не только по мужской, но и по женской линіи. Въ сентябрѣ 1248 Иннокентій собственною властью провозгласилъ Германа герцогомъ австрійскимъ. Вильгельмъ не протестовалъ противъ этого, Германъ пошелъ въ Австрію, большинство вельможъ признало его герцогомъ; но сторонники Гоэнштауфе-

новъ начали упорную войну съ нимъ, и онъ умеръ, не успѣвъ упрочить своей власти (4 октября 1250). Гертруда съ своимъ сыномъ, ребенкомъ Фридрихомъ, бѣжала къ роднымъ въ Мейсенъ, и маркграфъ Мейнгардъ Гёрцскій, котораго императоръ назначилъ своимъ намѣстникомъ, одолѣлъ противниковъ.

Возстаніе въ Богеміи.

Король богемскій Вѣнцеславъ не могъ воспользоваться междоусобіями въ Австріи, потому что самъ боролся съ матежниками. Онъ перешелъ на сторону Вильгельма Голландскаго. Императоръ и Конрадъ склонили чешскихъ вельможъ возстать противъ него. Мятежъ вспыхнулъ въ началѣ 1248 и охватилъ всю Богемію. Папа отлучилъ мятежниковъ отъ церкви. Они не обращали вниманія на это. Вождемъ ихъ былъ Утиборъ Глàва. Сынъ Вѣнцеслава, Пржемыслъ Оттокаръ, присоединился къ нимъ; они провозгласили его королемъ. Вѣнцеславъ бѣжалъ изъ Богеміи; лишь немногіе вельможи продолжали сражаться за него. Онъ набралъ войско изъ австрійцевъ и венгровъ и въ началѣ 1249 пошелъ на Прагу; Оттокаръ уклонялся отъ рѣшительной битвы, но стѣснилъ отца такъ, что въ концѣ марта старикъ отрекся отъ престола. Папа объявилъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ, угрожалъ отлученіемъ противникамъ Вѣнцеслава; на этотъ разъ угрозы произвели довольно сильное впечатлѣніе; многіе вельможи перешли на сторону Вѣнцеслава; въ Августѣ (1249) онъ снова двинулся на Прагу, овладѣлъ тою частью ея, которая называется старымъ городомъ; Оттокаръ зеперся въ цитадели; отецъ осадилъ ее; положеніе сына было безнадежное; онъ принялъ предложеніе отца помириться, былъ прощенъ и вновь получилъ во владѣніе Моравію, правителемъ которой былъ прежде. Вѣнцеславъ нѣсколько времени держалъ важнѣйшихъ мятежниковъ подъ стражей.

Предательское нападеніе на Конрада.

Ожесточеніе партій въ Германіи дошло до такой степени, что на Конрада было сдѣлано предательское нападеніе. Императоръ послѣ смерти третьей жены сосваталъ дочь Альбрехта, маркграфа мейсенскаго. Въ октябрѣ 1250 года она поѣхала въ Италію. Въ Регенсбургѣ она была встрѣчена гражданами съ большими почестями. Епископъ регенсбургскій, бывшій на сторонѣ Вильгельма и прогнанный гражданами, послалъ воиновъ подстерегать ихъ; они изъ засады бросились на регенсбургцевъ и захватили въ плѣнъ 40 знатныхъ гражданъ. Регенсбургцы пожаловались на епископа Конраду. Епископъ испугался и явился къ Конраду, пріѣхавшему въ Регенсбургъ. Конрадъ остановился съ нѣсколькими спутниками въ эммерамскомъ монастырѣ. Въ ночь съ 28 на 29 декабря Конрадъ Гоэнфельзъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей ворвался въ монастырь, убилъ или связалъ стражу. Но одинъ изъ бывшихъ на стражѣ незамѣтно пробрался къ Конраду и помогъ ему бѣжать.

g) Послѣднее время царствованія Фридриха. Характеръ его.

Погибель Петра Винейскаго.

Въ то время, когда невѣста ѣхала къ императору, онъ уже умеръ. Со времени пораженія подъ Пармой дѣла его пошли очень дурно. Въ 1248 году гибеллины еще довольно успѣшно сражались съ гвельфами. Но въ слѣдующемъ году было уже видно, что императоръ будетъ

побѣжденъ. Силы его были изнурены борьбой; многіе города и вельможи измѣняли ему; онъ сдѣлался подозрителенъ; ему казалось, что онъ окруженъ предателями, онъ сталъ слушать клеветы услужливыхъ придворныхъ. Великій судья и секретарь императора, Петръ Винейскій, пользовался, какъ мы знаемъ, полнымъ довѣріемъ его. Фридрихъ осыпалъ своего довѣреннѣйшаго совѣтника почестями, назначилъ его протонотаріемъ императорскаго двора, логоѳетомъ сицилійскимъ, то-есть передалъ ему судебную власть по тѣмъ дѣламъ, которые подлежали личному суду короля. Но у Петра было при дворѣ много враговъ и завистниковъ. Вельможамъ было досадно, что простолюдинъ поднялся до такого высокаго положенія; онъ держалъ себя надменно, былъ корыстолюбивъ, давалъ важныя должности своимъ родственникамъ; враги пользовались этими его слабостями и возстановили императора противъ него. Фридриху казалось, что со времени ліонскаго собора Петръ Винейскій не имѣетъ прежняго усердія къ нему; вѣроятно Фридрихъ думалъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ папой. Мы не знаемъ, было-ль это подозрѣніе хотя сколько нибудь основательно, или Фридрихъ напрасно повѣрилъ клеветѣ. Въ январѣ 1249 Фридрихъ въ Кремонѣ занемогъ и довольно долго лежалъ больной въ постелѣ. Петръ Винейскій посовѣтовалъ ему лечиться у своего врача, котораго очень хвалилъ. Врачъ принесъ императору лекарство, говоря, что оно несомнѣнно поможетъ ему; вмѣстѣ съ врачомъ пришелъ и Петръ Винейскій. Но Фридрихъ получилъ доносъ, что Петръ Винейскій хочетъ отравить его. Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на врача, подававшаго ему чашку съ лекарствомъ, и велѣлъ врачу, чтобъ онъ прежде выпилъ часть лекарства самъ. Врачъ сдѣлалъ видъ, какъ будто поскользнулся, выпустилъ чашку изъ руки. Фридрихъ велѣлъ собрать съ пола пролитое лекарство и дать выпить преступнику, осужденному на смерть. Собрано съ пола было, разумѣется, не все лекарство, а лишь небольшое количество его, и эта небольшая доля быстро убила выпившаго ее. Фридрихъ велѣлъ схватить и казнить врача, арестовать Петра Винейскаго, какъ сообщника или виновника его злодѣйства. Таковъ разсказъ Фридриха и его приверженцевъ; много ли правды въ ихъ словахъ, мы не знаемъ. Услышавъ, что Петръ Винейскій хотѣлъ отравить императора, народъ собрался и требовалъ выдачи злодѣя, чтобъ убить его. Императоръ велѣлъ отвезти Петра Винейскаго въ Санъ-Миніато. Было произведено слѣдствіе, и Фридрихъ произнесъ «по совѣту вельможъ» такой приговоръ: раскаленнымъ желѣзомъ выжечь глаза преступнику, водить его по королевству на поруганіе народу и потомъ казнить. Но казнь не была исполнена: однажды Петра Винейскаго привели въ церковь, онъ ударился головой о пилястръ и разбилъ себѣ черепъ. Это было или въ Пизѣ, или гдѣ-нибудь по сосѣдству. Имущество Петра Винейскаго и его родныхъ было конфисковано. Дѣйствительно ли онъ имѣлъ умыселъ противъ жизни императора или это обвиненіе—клевета, мы не знаемъ.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Петра Винейскаго Данте выводитъ его въ XIII пѣснѣ „Ада“ говорящимъ, что онъ никогда не измѣнялъ своему господину, и проситъ возстановить на землѣ уроненную завистниками честную славу его. Во времена Данте всѣ были убѣждены въ невинности Петра Винейскаго. До насъ дошли его стихотворенія; нѣкоторыя изъ нихъ написаны въ темницѣ.

Плѣнъ Энціо.

Около того времени какъ погибъ Петръ Винейскій, императоръ получилъ извѣстіе очень печальное. Фридрихъ очень любилъ своего побочнаго сына Энціо. Это былъ бѣлокурый красавецъ, очаровывавшій друзей любезностью характера, страшный врагамъ храбростью, поэтъ, пѣвецъ, любимецъ женщинъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. Его отвагѣ и стратегическому таланту императоръ былъ обязанъ успѣхами, какіе имѣлъ при началѣ осады Пармы. Граждане Болоньи, волонтеры изъ другихъ городовъ Романьи и мантуанскіе изгнанники пошли на Модену, державшуюся стороны императора. Услышавъ объ этомъ, Энціо, находившійся въ Кремонѣ, пошелъ на помощь Моденѣ
26 мая 1249. и встрѣтился съ врагами у стремительной рѣчки Фоссальты. Антоніо Ламбертацци пронзилъ копьемъ лошадь Энціо, онъ упалъ и былъ взятъ въ плѣнъ; моденцы, участвовавшіе въ битвѣ, оробѣли, увидѣвъ, что онъ упалъ, обратились въ бѣгство; гибеллины и нѣмцы, составлявшіе войско Энціо, были смущены бѣгствомъ моденцевъ и потерпѣли полное пораженіе. Граждане Болоньи взяли въ плѣнъ 400 рыцарей и 1200 другихъ воиновъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился полководецъ Фридриха Бозо Довара. Энціо привезенъ былъ въ Болонью, на него надѣли золотыя цѣпи, заперли его въ одной изъ комнатъ дворца городского совѣта и держали подъ очень внимательнымъ надзоромъ. Фридрихъ былъ тогда въ Неаполѣ; онъ обѣщалъ гражданамъ Болоньи свою милость за освобожденіе Энціо, грозилъ тяжкимъ наказаніемъ, если они не исполнятъ его просьбы. Они отвѣчали, что ни обѣщаніями, ни угрозами не убѣдитъ онъ ихъ освободить Энціо, котораго они взяли въ плѣнъ въ честномъ бою. Они дали другъ другу клятву, что никогда не освободятъ Энціо, и сдержали ее до конца.

Послѣдствія битвы при Фоссальтѣ.

Результаты пораженія при Фоссальтѣ были тяжелы для Фридриха и его союзниковъ. Въ іюнѣ граждане Пармы овладѣли нѣсколькими замками; въ іюлѣ Барнаба Маласпина съ гражданами Піаченцы и другими гвельфами пошелъ къ Понтремоли; доминиканцы убѣдили жителей этого города возстать противъ императора; они заключили союзъ съ гвельфами. Граждане Комо вступили въ союзъ съ миланцами. Граждане Болоньи осадили Модену; она храбро оборонялась, но въ сентябрѣ была принуждена сдаться гвельфамъ. На сторонѣ союзниковъ императора была только одна удача: Кремона отбилась отъ нападенія легата Монтелонго, графа Санъ-Бонифаціо и маркграфа Эсте.

Улучшеніе дѣлъ императора 1249—1250. Побѣды Эццелино.

Побѣда кремонцевъ нѣсколько улучшила положеніе дѣлъ императора. Въ то время какъ маркграфъ Аццо Эсте находился въ походѣ противъ Кремоны, Эццелино задумалъ овладѣть его фамильнымъ замкомъ Эсте. Мы говорили, что коварный и свирѣпый Эццелино мало по малу покорилъ себѣ почти всю сѣверовосточную Италію. Онъ смѣялся надъ своимъ братомъ Альберико, который, перешедши на сторону папы, пріобрѣлъ въ награду за усердіе только городъ Тревизо; онъ хохоталъ надъ папой, проповѣдывавшимъ крестовый походъ противъ него. Мантуя, Феррара, Брешія, маркграфъ Эсте, графъ Санъ-Бонифаціо и патріархъ аквилейскій заключили союзъ между собой для борьбы съ нимъ. Но онъ оставался сильнѣе своихъ противниковъ. Главнымъ оплотомъ его могущества была Падуя; подестою въ ней былъ его племянникъ Анседизіо Гвидотти, походившій на дядю характеромъ, всегда готовый обѣщать все и нарушить всякое обѣщаніе, алчный и свирѣпый честолюбецъ. Въ сентябрѣ Эццелино, которому было теперь уже 55 лѣтъ, праздновалъ свою свадьбу съ красавицей, скромной и доброй дѣвушкой Беатриче, дочерью Бонтраверсіо Кастроново; всѣ полагали, что онъ проведетъ много времени въ пирахъ и отдыхѣ; но онъ внезапно выступилъ въ походъ и овладѣлъ фамильнымъ замкомъ маркграфа Эсте; въ этой крѣпости хранилась казна маркграфа; она досталась Эццелино. Около того же времени союзники императора пріобрѣли довольно важные успѣхи въ Романьѣ и Ломбардіи. Равенна и Фаэнца перешли на сторону гибеллиновъ. Въ апрѣлѣ маркграфъ Пелавичини одержалъ побѣду надъ отрядомъ, состоявшимъ изъ гражданъ Милана, Брешіи, Мантуи, привелъ въ Лоди много плѣнныхъ. Въ Піаченцѣ гибеллины возстали противъ гвельфскаго подесты и вступили въ переговоры съ императоромъ. Въ августѣ Пелавичини съ гражданами Кремоны, Бергамо, Лоди, Павіи одержалъ большую побѣду надъ гражданами Пармы подъ самыми стѣнами этого города, захватилъ пармскую колесницу съ знаменемъ, взялъ въ плѣнъ 2.000 пѣшихъ воиновъ и 50 рыцарей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ вельможъ. Это было въ четвергъ, и граждане Пармы долго помнили «злой четвергъ». Адмиралъ Фридриха захватилъ двѣнадцать генуэзскихъ кораблей. Римляне были недовольны тѣмъ, что папа живетъ не въ ихъ городѣ, и угрожали ему перейдти на сторону императора. Въ сицилійскомъ королевствѣ все было спокойно; правда, оно было изнурено военными расходами, но императоръ еще могъ набирать тамъ много денегъ и войска. Лучерійскіе сарацины усердно служили ему. Онъ могъ надѣяться, что одолѣетъ враговъ.

Успѣхи императорской партіи въ средней Италіи и Ломбардіи.

18 августа.

Королевство сицилійское.

Положеніе Иннокентія IV осенью 1250 года было очень опасно. Фридрихъ пошелъ изъ Фодджи въ Лучерію, чтобы, соединившись тамъ съ сарацинами, идти на сѣверъ; онъ думалъ дойдти до Ліона и, прогнавъ или низвергнувъ папу, идти въ Германію, подавить тамъ своихъ противниковъ; денегъ у него было много, онъ взялъ съ королевства

Планы Фридриха, смерть его. 1250.

сицилійскаго новую очень большую коллекту, просилъ войска у своего зятя Ватацеса, императора никейскаго, призвалъ къ оружію лучерійскихъ сарацинovъ; въ средней Италіи дожидался его Фридрихъ Антіохійскій съ итальянскими и нѣмецкими войсками. Въ сѣверной Италіи должны были присоединиться къ нему Пелавичини, Эццелино и графъ савойскій. Онъ выказывалъ страшную энергію и надѣялся побѣдить враговъ. Это былъ послѣдній проблескъ императорскаго могущества. Въ декабрѣ 1250 онъ пошелъ изъ Апуліи на сѣверъ, и ломбардцы ждали, что скоро онъ нападетъ на нихъ; но въ началѣ декабря онъ почувствовалъ упадокъ силъ. Онъ уже нѣсколько времени страдалъ кровавымъ поносомъ. Эта болѣзнь усилилась. Онъ отправился въ замокъ Фіорентино (близъ Лучеріи) подождать тамъ, пока болѣзнь пройдетъ; 12 декабря онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что ѣлъ груши съ сахаромъ; но на слѣдующій день умеръ. Говорятъ, въ молодости ему было предсказано, что онъ умретъ въ цвѣтахъ, fiori, и что потому онъ никогда не пріѣзжалъ во Флоренцію (Firenze, Fiorenza); но предсказаніе всетаки сбылось: названіе замка, въ которомъ умеръ онъ, тоже происходитъ отъ слова fiori. Передъ его кончиной другъ его Берардо, архіепископъ палермскій, снялъ съ него отлученіе, принялъ его въ лоно церкви, на него надѣли мантію цистерціанскаго монаха, и онъ умеръ на рукахъ своего побочнаго сына, Манфреда.

Завѣщаніе Фридриха.

За нѣсколько дней передъ смертью Фридрихъ сдѣлалъ завѣщаніе. Онъ назначилъ Конрада наслѣдникомъ германскихъ и итальянскихъ владѣній гоэнштауфенской династіи, опредѣлилъ, что если Конрадъ умретъ бездѣтнымъ, то ему наслѣдуетъ Генрихъ, сынъ Изабеллы, а если и Генрихъ умретъ бездѣтнымъ, то ему наслѣдуетъ Манфредъ. (Фридрихъ, чувствуя приближеніе смерти, повѣнчался съ Біанкой, матерью Манфреда, чтобы можно было дать ему права законнаго сына); если Конрадъ будетъ удержанъ дѣлами въ Германіи, то намѣстникомъ его въ сицилійскомъ королевствѣ долженъ быть съ полной королевской властью Манфредъ. Генриху Фридрихъ назначилъ отдать или королевство бургундское или королевство іерусалимское, Манфреду княжество тарентское, сыну своего умершаго старшаго сына, Фридриха, герцогства австрійское и штирійское, наслѣдницею которыхъ была его мать, Маргарета. Кромѣ того онъ завѣщалъ Генриху, Манфреду и Фридриху по 10,000 унцій золота и назначилъ для спасенія своей души 100,000 унцій золота на защиту святой земли.—Онъ повелѣлъ возвратить церкви права ея, но безъ нарушенія правъ и чести имперіи и только подъ условіемъ, что церковь обѣщается не нарушать правъ имперіи; повелѣлъ освободить всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ, кромѣ виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, отмѣнить всѣ установленныя имъ въ королевствѣ сицилійскомъ обременительныя подати, оставить только тѣ налоги и пошлины, какія существовали при Вильгельмѣ II, возвратить тампліэрамъ и сицилійскимъ вельможамъ отнятыя у нихъ владѣнія и права.

Погребеніе Фридриха.

Фридрихъ выразилъ желаніе, чтобъ его тѣло было погребено въ палермскомъ соборѣ, гдѣ покоились его отецъ и мать, и велѣлъ дать

въ этотъ соборъ 500 унцій золота на поминовеніе его души. Гробъ его подъ пурпурнымъ покрываломъ былъ торжественною процессіей перенесенъ въ Тарентъ; впереди шли его сарацинскіе тѣлохранители, за ними рыцари, за рыцарями бароны въ траурной одеждѣ и сановники. Изъ Тарента гробъ былъ перевезенъ въ Мессину, оттуда въ Палермо и перенесенъ въ соборный храмъ; тамъ онъ былъ положенъ въ саркофагъ, сдѣланный изъ краснаго порфира, украшенный скульптурой и стоящій на четырехъ львахъ. Надъ саркофагомъ былъ поставленъ балдахинъ; мѣсто было выбрано рядомъ съ гробницами его отца и матери, его дѣда Роджера и его первой жены.

Историческое значеніе Фридриха.

Жизнь энергическаго императора, разсказанная нами, даетъ достаточный матеріалъ для правильнаго сужденія о немъ. Фридрихъ II и Иннокентій IV, подобно Генриху IV и Григорію VII, были представителями борьбы двухъ принциповъ средневѣковой жизни, борьбы императорской власти съ папской. Подобно Генриху IV, Фридрихъ II былъ предметомъ похвалъ и порицаній одинаково пристрастныхъ. Манфредъ писалъ Конраду IV: «Солнце, сіявшее народамъ, закатилось; но намъ остается то утѣшеніе, что императоръ до самой кончины оставался счастливымъ и побѣдоноснымъ». Николо Курбіо, написавшій желчнымъ перомъ въ Ліонѣ очеркъ жизни Фридриха съ клерикальной точки зрѣнія, кончаетъ словами, что «Фридрихъ испустилъ духъ самымъ бѣдственнымъ образомъ, и мучительная смерть его была соотвѣтственна беззаконной жизни». Эти противоположныя сужденія о его смерти имѣютъ параллель себѣ въ сужденіяхъ обо всѣхъ фактахъ его жизни. Историки и до сихъ поръ произносятъ совершенно различныя мнѣнія о Фридрихѣ II и его противникѣ Иннокентіѣ IV, сообразно различіямъ своихъ точекъ зрѣнія. Одни безусловно хвалятъ Фридриха и осуждаютъ Иннокентія, другіе дѣлаютъ наоборотъ. Это различіе мнѣній будетъ длиться, пока люди будутъ спорить между собой объ отношеніяхъ государства къ церкви. Кто держится средневѣковаго уподобленія папской власти солнцу, императорской власти лунѣ, считаетъ истину и свѣтъ исходящими исключительно отъ папскаго престола и всякое ослушаніе папѣ называетъ мятежомъ и ересью, тотъ будетъ называть Фридриха II антихристомъ; но средневѣковая теорія о солнцѣ и лунѣ утратила теперь свою силу; болѣе глубокое пониманіе человѣческой жизни дало намъ другую норму сужденія, и мы можемъ справедливѣе оцѣнивать дѣятельность Фридриха; въ ней были свѣтлыя стороны, были и темныя; въ этомъ духѣ мы разсказывали жизнь Фридриха II. Германская и романская кровь не соединилась въ немъ въ гармоническое единство; онъ выросъ и провелъ большую часть жизни на знойномъ югѣ; тамъ выработались крѣпкія черты его характера, сила воли, энергія стремленій, увлекавшихъ его къ подвигамъ геройства, но и къ дѣламъ произвола, жестокости, къ разврату. Фридрихъ былъ человѣкъ очень даровитый; въ немъ и

дурныя и хорошія качества были развиты сильно. Онъ получилъ прекрасное образованіе, имѣлъ обширныя знанія, любилъ искусство и поэзію, былъ храбрый воинъ, хорошій полководецъ, проницательный правитель; но ему были тѣсны узкія рамки понятій и обычаевъ того времени. Въ сознаніи своихъ силъ, онъ ломалъ ихъ. Его дворъ имѣлъ восточный характеръ. Онъ хотѣлъ быть подобенъ халифу въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, соединить въ своихъ рукахъ свѣтскую власть съ духовной. Какъ восточные цари, онъ покровительствовалъ искусству и наукѣ, заботился о развитіи естествознанія, медицины, вѣрилъ астрологіи; его дворцы сіяли роскошью; его пиры сопровождались пѣніемъ, музыкой, чтеніемъ поэмъ; онъ самъ и его друзья были поэты; онъ имѣлъ своими тѣлохранителями сарациновъ, имѣлъ гаремъ, держалъ своихъ женъ взаперти подъ строгимъ надзоромъ, какъ восточный царь. Эта любовь къ восточнымъ обычаямъ возбуждала сильныя порицанія западныхъ народовъ, ненавидѣвшихъ мусульманство. Еще больше ненависти навлекалъ онъ на себя тѣмъ, что хотѣлъ замѣнить феодальное устройство неограниченной властью короля, подавить свободу городовъ сѣверной и средней Италіи, подчинить церковь своему произволу. Преобразованія, сдѣланныя имъ въ сицилійскомъ королевствѣ, показывали силу его ума; но не одной папской куріи казались они беззаконными и гибельными. Онъ установилъ бюрократическую монархію, въ которой всѣ администраторы и судьи были королевскими чиновниками, орудіями короля, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ всю власть. Онъ подчинилъ духовенство своимъ судьямъ и администраторамъ, бралъ съ церковныхъ имѣній налоги, хотѣлъ конфисковать владѣнія церкви. Понятно, что римская іерархія считала его своимъ врагомъ и вела съ нимъ непримиримую борьбу. Фридрихъ убѣждалъ другихъ государей помогать ему въ этой борьбѣ, но они не находили, что имъ угрожаетъ та опасность, о которой говорилъ онъ. Если бы Фридрихъ обратился къ содѣйствію еретиковъ, провозгласилъ религіозную свободу, они вѣроятно не остались бы глухи къ его призыву, но онъ хотѣлъ разъигрывать роль усерднаго сына католической церкви. Его всѣ подозрѣвали въ невѣріи, въ склонности къ мусульманству; онъ постоянно твердилъ, что онъ искренній католикъ, издавалъ свирѣпые законы противъ еретиковъ. Это притворство парализовало его силы. Папа вступилъ въ союзъ съ демократіей итальянскихъ городовъ противъ тиранніи Фридриха, а императоръ помогалъ папѣ истреблять еретиковъ; но онъ никого не обманулъ своимъ лицемѣріемъ; всѣ знали, что онъ невѣрующій. Его энергическая, геніальная личность производила такое чарующее впечатлѣніе, что народъ не хотѣлъ вѣрить его смерти, и возникла легенда, что императоръ еще живъ и возвратится въ блескѣ прежняго могущества.

Нѣмецкая легенда объ императорѣ, который только считается умершимъ, но на самомъ дѣлѣ живъ и снова будетъ царствовать, относилась первоначально къ Фридриху II и впослѣдствіи была перенесена на Фридриха Барбароссу лишь по недоразумѣнію. Ея исторія очень запутана и разъяснена только въ недавнее время изслѣдованіями Дёллингера, Фохта и Чешвица. Мы говорили о пророчествахъ калабрійскаго аббата Іоакима дель Фіоре (VI, 740, VII, 71); они изложены главнымъ образомъ въ его Комментаріяхъ на книгу пророка Іереміи. Онъ предсказывалъ скорое появленіе антихриста, который разрушитъ прежнюю испорченную церковь. Богъ допуститъ это для того, чтобы на развалинахъ ея основать новую лучшую церковь. Написанныя картиннымъ слогомъ Ветхаго завѣта и Апокалипсиса, эти пророчества производили сильное впечатлѣніе на умы, взволнованные борьбою Фридриха Барбароссы съ Александромъ III, и пріобрѣли въ Италіи много вѣрующихъ, въ особенности между францисканцами. Къ понятіямъ, заимствованнымъ изъ Іоакима дель Фіоре, присоединилась возродившаяся въ то время легенда, по которой антихристомъ считался Неронъ, присоединилась и другая легенда такого же характера объ императорѣ Ираклiѣ, возникшая во времена войнъ грековъ съ мусульманами. Легенда о Фридрихѣ II соединена съ легендой о Неронѣ въ лѣтописи Салимбене, францисканскаго монаха, жившаго въ Пармѣ и умершаго въ 1287 году. Онъ цитируетъ изъ Іоакима дель Фіоре пророчества, говорящія о царѣ антихристѣ, и относитъ ихъ къ Фридриху II, присоединяетъ къ нимъ отрывки изъ Апокалипсиса, Эздры, Даніила, Исаіи, Іереміи и въ частности относитъ къ Фридриху II пророчество Исаіи о низверженіи Богомъ царя вавилонскаго (Исаія глава XIV). Хроника Салимбене безъ сомнѣнія много содѣйствовала распространенію мысли, что Фридрихъ II—антихристъ. Но возникла эта мысль вѣроятно гораздо раньше, подъ вліяніемъ проклятій и ругательствъ, которыми осыпа́ли Фридриха папы: Григорій IX называлъ Фридриха звѣремъ, исходящимъ изъ моря, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ, антихристомъ или предшественникомъ антихриста; Иннокентій IV называлъ его вторымъ Нерономъ. Это прямо наводило на убѣжденіе, что пророчества Іоакима дель Фіоре объ антихристѣ относятся къ Фридриху. А въ нихъ говорится, что антихристъ не найдетъ себѣ покоя, пока не совершитъ свое дѣло, и что онъ доживетъ до 70 лѣтъ. Фридрихъ умеръ гораздо раньше 70-лѣтняго возраста и не докончилъ своего дѣла, не разрушилъ римскую церковь; изъ этого слѣдовало, что онъ не въ самомъ дѣлѣ умеръ, что его смерть только мнимая; онъ скрылся куда нибудь и вновь появится, чтобы довершить свое дѣло, которое осталось не кончено. Такъ думали о смерти Фридриха даже и гибеллины, съ тою только разницей отъ гвельфовъ, что считали хорошимъ то дѣло, исполнить которое стремился Фридрихъ; съ точки зрѣнія гибеллиновъ онъ былъ преобразователь церкви; онъ не умеръ, а скрылся и возвратится уничтожитъ владычество испорченной римской іерархіи надъ церковью, дать церкви хорошее устройство. Итакъ, по мнѣнію усердныхъ приверженцевъ римской церкви, Фридрихъ II былъ Неронъ и антихристъ, и не умеръ, а только скрылся; вопросъ о томъ, куда онъ скрылся, былъ рѣшенъ легко; по тогдашнимъ понятіямъ тайное убѣжище антихриста должно было находиться въ Вавилонѣ. Въ книгѣ Бытія о Вавилонѣ говорится: «Тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли» (Книга Бытія XI, 9). На основаніи этого мѣста по латинскому переводу Библіи составилось выраженіе, называвшее Вавилонъ castrum confusionis «замкомъ смѣшенія». Тюрингскій лѣтописецъ Роте, писавшій около 1140 года, не понялъ слова confusionis, принялъ его за названіе замка и перевелъ только первое слово castrum, а второе употребилъ какъ собственное имя, придавъ ему нѣмецкую форму; изъ этого недоразумѣнія у Роте вышло, что антихристъ или Фридрихъ II скрылся въ замкѣ Коуфгузенѣ, slos Koufhusen. Нѣмцы, читавшіе лѣтопись Роте, поняли это выраженіе, какъ относящееся къ замку, стоящему на Кифгейзерской горѣ и такимъ образомъ Кифгейзерскій замокъ сдѣлался убѣжищемъ скрывшагося Фридриха II. Впослѣдствіи времени о Фридрихѣ II забыли, а слава Фридриха Барбароссы еще оставалась памятна нѣмцамъ; и они стали думать, что въ Кифгейзерскомъ замкѣ скрылся Фридрихъ Барбаросса. Но все это рядъ недоразумѣній, и легенда въ первоначальномъ своемъ видѣ относится къ Фридриху II. Нѣмцы XIII вѣка думали не о Фридрихѣ I,

когда говорили, что Фридрихъ скрылся; они говорили о Фридрихѣ II. Въ концѣ XIII вѣка и потомъ въ царствованіе Людвига Баварскаго являлось множество Лжефридриховъ; ни одинъ изъ нихъ не называлъ себя Фридрихомъ I, каждый былъ Фридрихъ II.

D. ПОГИБЕЛЬ ГОЭНШТАУФЕНОВЪ. МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

1. Германія и Италія до смерти Конрада IV.

Папская политика по смерти Фридриха.

Извѣстіе о смерти Фридриха очень обрадовало папскій дворъ. Письма Иннокентія, сообщавшія государямъ и духовенству его мысли по поводу этого случая, походили на манифесты о побѣдѣ. Фридрихъ писалъ о смерти Григорія сдержаннымъ, приличнымъ тономъ; Иннокентій говорилъ о смерти Фридриха съ восторгомъ жестокой радости. Онъ остался въ Ліонѣ; оттуда удобнѣе было, чѣмъ изъ Рима, управлять дѣйствіями нищенствующихъ монаховъ и другихъ папскихъ агентовъ въ Германіи. Папа началъ сильную агитацію; обстоятельства казались благопріятны осуществленію замысловъ, завѣщанныхъ папской куріи Иннокентіемъ III. Казалось, что можно будетъ подчинить королевство сицилійское папѣ, обратить пустой почетный титулъ леннаго господина въ дѣйствительную власть, можно будетъ одолѣть Фридриха Антіохійскаго, маркграфа Оберто Пелавичини и другихъ гибеллиновъ въ средней Италіи, остановить успѣхи Эццелино въ сѣверовосточной Италіи, возбудить междоусобіе въ Германіи; еслибъ удалось все это, папа сдѣлался бы главою конфедераціи, охватывающей всю Италію, и короли другихъ странъ признали бы его первенство. Иннокентій IV, стремясь къ этой цѣли, дѣйствовалъ энергично и ловко.

Вмѣшательство въ выборы епископовъ.

Присвоивъ себѣ право утверждать епископовъ, избранныхъ духовенствомъ ихъ епархій, папы дѣлали попытки перейдти къ тому, чтобы собственной властью назначать епископовъ; они пользовались для этого тѣми случаями, когда избиратели (каноники каѳедральнаго собора) дѣлились при выборахъ на двѣ непримиримыя партіи и выбирали двухъ епископовъ. Такіе случаи часто бывали въ Ломбардіи, въ Германіи, въ другихъ странахъ, въ которыхъ шла ожесточенная политическая борьба. Въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ—въ Англіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ сицилійскомъ королевствѣ—за папой былъ признанъ титулъ леннаго господина; римская курія утверждала, что это даетъ ему право назначать епископовъ тамъ. Но прямое назначеніе ихъ властью папы возбуждало ропотъ, сопротивленіе, часто оказывалось неудачнымъ, потому папы обыкновенно дѣйствовали косвенными средствами, убѣждали епархіальный капитулъ избирать рекомендуемаго ими кандидата, человѣка или преданнаго папѣ, или подкупившаго римскую курію и согласнаго на всяческія уступки. Этимъ способомъ папы подорвали прежнюю самостоятельность епископовъ, замѣстили многія епископскія каѳедры усердными своими слугами. Непокорныхъ епископовъ они отлучали отъ церкви, возбуждали канониковъ выбирать на ихъ мѣста другихъ епископовъ, такъ что въ епархіи подымалась война между двумя епископами. Вліяніе на выборы епископовъ давало папѣ не только политическую силу, но и большіе доходы, которые употреблялъ онъ на войну съ своими противниками.

Нищенствующіе монахи ходили по Италіи и Германіи, возбуждая къ войнѣ противъ Гоэнштауфеновъ. Папа отправилъ въ Апулію и Сицилію посланія, въ которыхъ убѣждалъ народъ, освобожденный отъ ига фараона, возвратиться подъ владычество церкви, которая возстановитъ свободу, отнятую у подданныхъ Фридрихомъ; въ Германіи нищенствующіе монахи проповѣдовали крестовый походъ противъ Конрада, «сына Иродова», отлученнаго отъ церкви, и убѣждали признать королемъ Вильгельма. Въ Римѣ агенты Иннокентія склоняли Франджипани, вождей гибеллинской партіи, перейдти на сторону папы, обѣщая имъ лены въ королевствѣ сицилійскомъ. Въ средней Италіи папскіе агенты возбуждали гвельфовъ нападать на гибеллиновъ. Хлопоты папы не остались напрасны: отъ южнаго конца Сициліи до Рейна и Дуная началась, или если раньше была, то усилилась междоусобная война. Короли богемскій и венгерскій хотѣли овладѣть герцогствами австрійскимъ и штирійскимъ, пользуясь владычествующими тамъ раздорами; въ Тюрингіи вели войну за наслѣдство племянникъ Генриха Распе—Генрихъ, маркграфъ мейсенскій, и Софія, герцогиня брабантская, дочь ландграфа Людвига; въ Швабіи и на Рейнѣ шла война между двумя королями, а князья и рыцари подъ предлогомъ усердія къ Вильгельму или Конраду старались отнять владѣнія у слабыхъ сосѣдовъ, грабили, рѣзали, жгли. Пылающія селенія и вытоптанныя конницей нивы обозначали пути, которыми шли приверженцы Конрада или Вильгельма. Оставались цѣлы отъ опустошенія только тѣ мѣстности, владѣтели которыхъ были сильнѣй и храбрѣе сосѣдовъ. Борьба партій въ Италіи и Германіи.

Весною 1251 Вильгельмъ Голландскій имѣлъ удачу въ небольшихъ сраженіяхъ съ Конрадомъ, получилъ перевѣсъ на сѣверѣ и западѣ Германіи; поѣхалъ въ Ліонъ на совѣщаніе съ папой и заложилъ за 10,000 марокъ герцогу бургонскому Арль, Безансонъ и Лозанну. Иннокентій обѣщалъ Вильгельму императорскую корону, угрожалъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ нѣмецкимъ князьямъ, которые не покорятся Вильгельму, грозилъ низложить непокорныхъ ему епископовъ. Конрадъ казался уже не страшенъ Иннокентію, и папа разсудилъ, что можетъ возвратиться въ Италію. Проживъ шесть лѣтъ въ Ліонѣ, онъ 19 апрѣля (1251) простился съ этимъ городомъ. Нравы папскаго двора были такъ дурны, что въ эти шесть лѣтъ Ліонъ сталъ вертепомъ разврата. Возвращеніе папы въ Италію 1251.

Иннокентій поѣхалъ черезъ Марсель въ Геную, оттуда въ Миланъ. Въ Генуѣ приняли его съ величайшими почестями; тоже было въ другихъ гвельфскихъ городахъ по дорогѣ въ Миланъ. Миланцы вышли на встрѣчу Иннокентію процессіей, число участвующихъ въ ней было огромно; говорятъ, что количество священниковъ и монаховъ, шедшихъ впереди мірянъ, простиралось до 15,000 человѣкъ. Иннокентій видѣлъ, что при всѣхъ почестяхъ, оказываемыхъ ему, ломбардцы не допускаютъ и мысли о повиновеніи папѣ въ свѣтскихъ Надежды Иннокентія.

дѣлахъ. Они привыкли пользоваться свободными учрежденіями и боролись съ императоромъ вовсе не для того, чтобы подчиняться папѣ. Впрочемъ въ Ломбардіи оставались нѣкоторые города, державшіеся партіи гибеллиновъ; Кремона и Павія неизмѣнно оставались на сторонѣ Гоэнштауфеновъ; Лоди и Комо, если не всегда, то обыкновенно были въ союзѣ съ гибеллинами. Многіе ломбардскіе вельможи были враждебны городамъ и готовы присоединяться къ войскамъ Гоэнштауфеновъ, какъ только появятся гибеллинскіе полководцы въ сосѣдствѣ ихъ владѣній. Много непріятностей дѣлали папѣ и гвельфскіе города. Они думали о развитіи своихъ свободныхъ учрежденій и увеличеніи своего могущества, а вовсе не объ интересахъ папы, захватили много церковныхъ имѣній и доходовъ и ни мало не были расположены возвратить ихъ церкви. Папа не имѣлъ возможности ссориться съ ними; они требовали отъ него денегъ и новыхъ уступокъ; они защищали его, — потому находили справедливымъ требовать, чтобы мѣстное духовенство повиновалось ихъ выборнымъ правителямъ, платило налоги и давало войско. Иннокентій IV увидѣлъ, что не возможно и думать о пріобрѣтеніи какихъ нибудь правъ свѣтской власти въ Ломбардіи.

Сицилійское королевство Манфредовъ.

Но онъ надѣялся пріобрѣсти власть надъ королевствомъ сицилійскимъ. Оно подвергалось тяжелому угнетенію при Фридрихѣ. Ненависть къ тиранніи, введенной Фридрихомъ, была сильна. Монахи нищенствующихъ орденовъ призывали вельможъ разрушить деспотическія учрежденія Фридриха, возстановить свои права; обѣщали городамъ, что если они признаютъ папу своимъ государемъ, онъ будетъ покровителемъ ихъ, предоставитъ имъ свободу избирать своихъ правителей, независимость во всѣхъ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Призывы къ возстанію оказались не напрасны. Въ Апуліи и въ Сициліи поднялось всеобщее волненіе; даже Неаполь и Капуя, относительно которыхъ Фридрихъ держалъ себя милостиво, обольстились обѣщаніями папы. Конрадъ IV былъ въ Германіи. Намѣстникомъ его въ королевствѣ сицплійскомъ былъ Манфредъ, въ то время 18 лѣтній юноша. Положеніе молодого правителя было очень затруднительно, но юноша, прекрасный лицомъ, храбрый, получившій хорошее образованіе, привѣтливый, показалъ, что наслѣдовалъ правительственные таланты и энергію отца. Фоджа, Андрія, Барлетта, нѣкоторые другіе апулійскіе города послѣдовали примѣру Неаполя и Капуи, отказали въ повиновеніи королевскимъ правителямъ, установили у себя независимое выборное управленіе. Манфредъ быстро собралъ сарациновъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ, пошелъ усмирять эти города, покорялъ ихъ одинъ за другимъ, разрушалъ ихъ укрѣпленія, но отнявъ у нихъ возможность возобновить возстаніе, поступалъ съ ихъ жителями снисходительно, такъ что многіе граждане становились приверженцами его. Онъ и его помощникъ, маршалъ Бертольдъ Гоэнбургъ, подавили

попытки возстанія въ Нолѣ, Аверсѣ, усмирили всѣ апулійскіе города, кромѣ Неаполя и Капуи. Но нѣкоторые возставшіе вельможи оставались не побѣждены.

Переговоры Иннокентія съ Манфредомъ.

Иннокентій между тѣмъ поѣхалъ изъ Милана черезъ Брешію, Мантую, Феррару въ Болонью, проживъ тамъ нѣсколько времени, уѣхалъ въ Перуджію и довольно долго жилъ поочередно то въ этомъ городѣ, то въ Ананьи; оставаться въ Миланѣ было непріятно ему, потому что граждане требовали у него денегъ; онъ хорошо зналъ, что римляне будутъ требовать денегъ еще настойчивѣе, потому не ѣхалъ въ ихъ городъ. Онъ велъ переговоры съ Манфредомъ; но они остались напрасны. Онъ хотѣлъ, чтобы Манфредъ отдалъ подъ его управленіе всѣ апулійскіе города, обѣщалъ дать за это Манфреду княжество тарентское, а Бертольду Гоэнбургу графство андрійское, какъ папскіе лены. Манфредъ уже и безъ того былъ владѣтелемъ княжества тарентскаго по завѣщанію отца, потому не имѣлъ разсчета принять предложеніе папы. Онъ отправилъ къ Конраду гонцевъ, приглашая его скорѣе вступить во владѣніе королевствомъ сицилійскимъ, и зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не вспыхивали новые мятежи. Папа отдалъ (разумѣется только на словахъ) княжество тарентское перешедшему на его сторону, бывшему вождю римскихъ гибеллиновъ, Энрико Франджипани, а графство Лечче, другую апулійскую область,—Марко Ціани, сыну одного изъ прежнихъ венеціанскихъ дожей. Онъ хотѣлъ этимъ показать, что считаетъ себя верховнымъ владыкой королевства сицилійскаго. Конрадъ пытался примириться съ нимъ. Но требованія его были слишкомъ велики, переговоры не могли имѣть успѣха.

Походъ Конрада IV въ Италію 1251.

Конрадъ отправился по приглашенію Манфреда въ Италію. Подобно отцу и всѣмъ предкамъ, онъ хотѣлъ быть государемъ всей Италіи, воображалъ найдти во владычествѣ надъ ней силу для упроченія владычества надъ Германіей. Но у него не было денегъ, чтобы собрать войско для похода въ Италію. Гоэнштауфены имѣли въ старыя времена громадныя сокровища, но они были израсходованы въ непрерывныхъ войнахъ; какъ нѣмецкіе короли, Гоэнштауфены нѣкогда имѣли большіе доходы съ обширныхъ королевскихъ имѣній; но эти имѣнья были розданы въ лены князьямъ для пріобрѣтенія ихъ участія въ итальянскихъ походахъ. У Конрада не оставалось ничего кромѣ родовыхъ владѣній въ Швабіи. Конрадъ продалъ часть ихъ, другія заложилъ, чтобъ имѣть деньги для похода. Нѣкоторые города южной Германіи дали ему денегъ и отряды войска, получивъ за это новыя права. Назначивъ правителемъ нѣмецкаго королевства своего тестя, Оттона, герцога баварскаго, онъ пошелъ за Альпы и въ октябрѣ привелъ свое войско въ Верону, гдѣ встрѣтили его Эццелино и другіе гибеллинскіе владѣтели.

Эццелино.

Злодѣй, которому Фридрихъ далъ почти независимую власть надъ веронской маркой отъ Бассано и Тріэнта до низовья Адидже, былъ

тогда на верху своего могущества. Онъ истребилъ, бросилъ въ темницы или держалъ въ трепетѣ всѣхъ городскихъ и сельскихъ вельможъ этой области, казавшихся ему подозрительными. Томмасо, глава фамиліи Кампонери, умеръ въ пыткахъ; его сынъ Дзамбонетто въ мученіяхъ пытки откусилъ себѣ языкъ, чтобы страданія не вырвали у него какихъ-нибудь признаній вредныхъ его друзьямъ, и захлебнулся собственной кровью; другой сынъ его умеръ на эшафотѣ. Династія Далесманнини, потомки Энрико Фіуме и Джованни Моро, были истреблены; Гульельмо Кампо Сампіери былъ казненъ, его родственники и друзья были брошены въ ужасныя темницы или сами лишили себя жизни. Много другихъ вельможъ погибли въ мученіяхъ. Всѣ тѣ свирѣпости, какія можетъ придумать фантазія для мученія людей, образовали обычный ходъ дѣлъ въ Падуѣ, Виченцѣ, Тревизо, Веронѣ. Но чѣмъ больше мучилъ и убивалъ своихъ противниковъ Эццелино, тѣмъ больше увеличивалось число людей, ненавидящихъ его. Онъ зналъ, что его жизни постоянно угрожаетъ опасность, видѣлъ кругомъ себя людей, въ которыхъ предполагалъ намѣреніе мстить ему за погибшихъ, становился со дня на день подозрительнѣй, коварнѣй и свирѣпѣе; надъ отлученіемъ отъ церкви онъ, какъ мы говорили, смѣялся. Папа хотѣлъ замѣнить отлученіе любезностями, обѣщалъ Эццелино награды и почести; но онъ смѣялся и надъ обольщеніями папы.

Одинъ изъ современниковъ говоритъ о дѣйствіяхъ Эццелино въ Падуѣ: «Каждый день знатные и незнатные были мучимы до смерти всяческими пытками. День и ночь слышались вопли мучимыхъ, но никто не смѣлъ плакать передъ другими о такихъ бѣдствіяхъ. Напротивъ, всѣ выражали—конечно не сердцемъ, а только вынужденными словами—благодарность господину своему Эццелино за спасеніе отъ враговъ и побѣду. Лживо прославляли они его, называя справедливымъ, добрымъ, мудрымъ, благодѣтелемъ веронской марки. Но не могли лестью укротить свирѣпость его души. Ему было все равно, кто его жертва,—священникъ или мірянинъ, старикъ или младенецъ; онъ убивалъ всѣхъ; ни лѣта, ни благочестіе, ни честность не были защитой отъ него; онъ дѣлалъ свое дѣло, не мѣняя выраженія въ лицѣ, спокойно совершалъ величайшія свирѣпости. Каждый день онъ какъ будто бы начиналъ все снова безъ душевнаго усилія, безъ упрековъ совѣсти».

Совѣщанія въ Гопто.

Конрадъ собралъ гибеллинскихъ вождей на совѣщаніе въ замокъ Гопто. Эццелино былъ могущественнѣйшій изъ нихъ, и его слова рѣшали все. Опытность, родство съ Конрадомъ, на побочной сестрѣ котораго былъ женатъ онъ, полное довѣріе, какимъ пользовался онъ у Фридриха, краснорѣчіе, сильный умъ,—все это давало его мнѣніямъ громадный вѣсъ въ мысляхъ молодого короля, и вѣроятно на этихъ совѣщаніяхъ съ Эццелино Конрадъ окончательно усвоилъ себѣ тѣ правила дѣйствій, которыми погубилъ себя и свою династію. Изъ Гопто Конрадъ пошелъ въ Кремону, пробылъ тамъ двѣ недѣли, совѣщаясь съ гибеллинскими вельможами и депутатами гибеллинскихъ городовъ, приводя въ порядокъ свои войска, составляя планы воен-

ныхъ дѣйствій. Онъ рѣшилъ, что прежде всего долженъ окончательно подавить мятежъ въ Апуліи. Пути черезъ Тоскану и Умбрію были перерѣзаны ему войсками гвельфовъ средней Италіи; потому онъ пошелъ въ Полу, посадилъ тамъ свои войска на корабли, приведенные въ эту гавань Бертольдомъ Гоэнбургомъ, и поплылъ въ Апулію. Депутаты гвельфскихъ городовъ сѣверной Италіи собрались подъ предсѣдательствомъ кардинала-легата Оттавіано и возобновили ломбардскій союзъ. Иннокентій присоединился къ нему и обѣщалъ содержать на свой счетъ отрядъ конницы.

Конрадъ 8 января вышелъ на апулійскій берегъ въ гавани города Сипонто (получившаго впослѣдствіи названіе Манфредоніи), выказалъ большую любезность Манфреду, встрѣтившему его тамъ, и отправился въ объѣздъ по Апуліи въ сопровожденіи Манфреда, который умѣлъ пріобрѣсти расположеніе народа и подготовить вездѣ хорошій, довѣрчивый пріемъ королю. Конрадъ сначала былъ признателенъ Манфреду за его услуги, говорилъ, что онъ будетъ въ королевствѣ первымъ человѣкомъ послѣ короля. Но видя, что апулійцы расположены къ Манфреду, сталъ завидовать ему, считать его опаснымъ для себя, обращаться съ нимъ холодно; отдѣлилъ отъ его тарентскаго княжества нѣсколько важныхъ округовъ, взялъ ихъ подъ свою непосредственную власть, отнялъ у Манфреда высшую судебную власть въ остальномъ княжествѣ и установилъ тамъ тяжелые налоги въ пользу своей казны; сталъ вѣрить клеветамъ враговъ Манфреда, главнымъ изъ которыхъ былъ Піэтро Руффо, уроженецъ Калабріи, простолюдинъ, человѣкъ очень талантливый, выслужившійся до сана маршала и члена королевскаго совѣта.

Дѣйствія Конрада въ Апуліи 1252.

Манфредъ назначилъ правителемъ Сициліи и Калабріи Генриха, младшаго изъ законныхъ сыновей Фридриха. Генрихъ былъ еще почти ребенокъ; Манфредъ назначилъ помощникомъ ему Піэтро Руффо, бывшаго воспитателемъ его. Генрихъ жилъ въ Палермо. Руффо, правившій дѣлами отъ его имени, не исполнялъ приказаній Манфреда, распоряжался въ Сициліи и Калабріи самовластно. Манфредъ далъ своимъ дядямъ, Федериго Ланчѣ и Гальвано Ланчѣ, графства бутерское и сквиллачское; Руффо не пустилъ ихъ вступить во владѣніе этими областями. Такъ дерзко поступалъ онъ, когда Манфредъ былъ еще регентомъ. По пріѣздѣ Конрада онъ сталъ клеветать королю на бывшаго регента, говорилъ, что родственники и многочисленные приверженцы Манфреда хотѣли провозгласить его королемъ сицилійскимъ. Конрадъ вѣрилъ всему, хотя могъ бы уже быть человѣкомъ понимающимъ людей, потому что имѣлъ 24 года. Оба дяди Манфреда и отецъ ихъ Бонифаціо Ланча, маркграфъ англонскій, увидѣли себя въ такомъ опасномъ положеніи, что уѣхали изъ королевства.

Интриги Руффо.

Манфредъ выносилъ всѣ эти обиды, оставаясь непоколебимъ въ своей вѣрности королю. Всѣ города кромѣ Неаполя и Капуи были усмирены Манфредомъ до пріѣзда Конрада, но нѣкоторые изъ возставшихъ вельможъ еще не были побѣждены и нѣкоторые города

Побѣды Конрада.

возобновляли попытки возстанія. Манфредъ пошелъ съ Конрадомъ усмирять инсургентовъ, помогъ ему побѣдить Ландольфо, графа аквинскаго, покорить Аквину, Суэссу, Санъ-Джермано, нѣкоторые другіе города; король былъ обязанъ содѣйствію Манфреда этими успѣхами. Онъ свирѣпо наказывалъ инсургентовъ, хотѣлъ владычествовать ужасомъ. Граждане Капуи оробѣли и отворили ему ворота; онъ поступилъ съ Капуей милостиво. Только Неаполь не хотѣлъ покориться. Тамъ собралось много инсургентовъ, бѣжавшихъ изъ другихъ мѣстностей. Граждане боялись свирѣпости Конрада, надѣялись, что папа пришлетъ помощь имъ; стѣны города были высоки и крѣпки, жители были мужественны и рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ.

Взятіе Неаполя 1253.

Добывъ себѣ денегъ на войну займомъ въ Сіэнѣ и собравъ большое войско, Конрадъ въ началѣ 1253 началъ осаду Неаполя. Нѣмцы и сарацины, составлявшіе большинство его воиновъ, сражались очень усердно, потому что онъ обѣщалъ отдать городъ на разграбленіе; но осажденные отбивали всѣ приступы, дѣлали частыя вылазки, которыми наносили большія потери осаждающимъ. Осада была только съ сухого пути, море оставалось открыто. Неаполитанцы постоянно получали съѣстные припасы; агенты папы обѣщали имъ скорую помощь. Но лѣтомъ Манфредъ блокировалъ сицилійскимъ флотомъ городъ съ моря, совершенно прекратилъ подвозъ провіанта. Надежда на помощь отъ папы и гвельфовъ сѣверной Италіи исчезла, потому что Эццелино и другіе гибеллины сѣверной Италіи своими нападеніями отнимали у ломбардцевъ возможность отправить войско въ южную Италію. Въ Неаполѣ свирѣпствовалъ ужасный голодъ, граждане упали духомъ, вступили въ переговоры съ Конрадомъ. Онъ требовалъ, чтобъ они сдались безъ всякихъ условій, и они принуждены были отдать себя на произволъ его мщенія. Онъ 1 октября вошелъ въ отворенныя ворота, и Неаполь подвергся той же участи, какой подвергалъ своихъ сицилійскихъ противниковъ Генрихъ VI. Великолѣпный городъ былъ отданъ на разграбленіе; всѣ мужчины, способные сражаться, были умерщвлены; вожди ихъ были сначала подвергнуты мучительнымъ пыткамъ, потомъ казнены. Тѣ богатые люди, которые не сражались, были раззорены громадными штрафами. Укрѣпленія Неаполя были разрушены.

Вымираніе династіи Гоэнштауфеновъ.

Взятіемъ Неаполя было вновь упрочено владычество Гоэнштауфеновъ надъ южной Италіей. Иннокентій убѣдился, что его намѣреніе овладѣть ею пустая мечта, что папа не можетъ собственными силами устоять противъ короля сицилійскаго, и рѣшился предложить сицилійскую корону кому-нибудь, кто имѣлъ бы силу защитить его отъ Конрада. Говорятъ, онъ хотѣлъ провозгласить королемъ Генриха, младшаго сына Фридриха; матерью Генриха была Изабелла, англійская принцесса; Иннокентій могъ разсчитывать, что англійскій король поддержитъ своего родственника; Генриху было тогда 17 лѣтъ, Инно-

кентій хотѣлъ отдать за него свою племянницу; но въ декабрѣ 1253 юноша умеръ внезапной смертью; была молва, что онъ отравленъ. За годъ передъ тѣмъ умеръ внукъ Фридриха II, сынъ его несчастнаго старшаго сына Генриха, Фридрихъ. Теперь единственными представителями законнаго потомства династіи Гоэнштауфеновъ оставались только Конрадъ и его сынъ-малютка, родившійся въ Германіи вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ оттуда. Этотъ малютка былъ названъ отцовскимъ именемъ Конрадъ, но вообще его называютъ уменьшительной итальянской формой имени, Конрадино. 25 марта 1252.

Во время осады Неаполя Иннокентій предлагалъ сицилійскую корону Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX; Карлъ отказался; Иннокентій предложилъ корону Ричарду Корнуэльскому, брату короля англійскаго, Генриха III, но и онъ не захотѣлъ принять корону, которая принадлежитъ Конраду, и располагать которой папа не имѣетъ никакого права. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Иннокентій возвратился послѣ девятилѣтняго отсутствія въ Римъ, уступая требованію римлянъ, отъ имени которыхъ сенаторъ Бранкалеоне Андало угрожалъ ему возстаніемъ, если онъ не вернется. Пріѣхавъ въ октябрѣ 1253 въ Римъ, онъ думалъ провозгласить королемъ сицилійскимъ Генриха, брата Конрада; но въ декабрѣ Генрихъ умеръ. Его дядя, король англійскій Генрихъ III, не хотѣвшій вредить шансамъ племянника на полученіе сицилійской короны, выказалъ расположеніе сдѣлать королемъ сицилійскимъ своего младшаго сына, Эдмонда. Послы Конрада, графъ Монфоръ и графъ савойскій, пріѣхавшіе въ Римъ съ предложеніемъ мира папѣ, встрѣтили дурной пріемъ. Сенаторъ Бранкалеоне, человѣкъ энергическій и принадлежавшій къ партіи гибеллиновъ, настойчиво совѣтовалъ папѣ примириться; но Иннокентій въ Великій Четвергъ (9 апрѣля 1254) вновь провозгласилъ Конрада и Эццелино отлученными отъ церкви. Послѣ этого онъ уѣхалъ изъ Рима отчасти по ссорѣ съ Бранкалеоне, отчасти потому, что Римляне требовали у него денегъ. Легатъ папы Альбертъ далъ отъ имени папы Эдмонду грамату, объявлявшую его королемъ сицилійскимъ; Иннокентій, уѣхавъ изъ Рима въ Ананьи, утвердилъ этотъ актъ и сталъ брать деньги у безхарактернаго Генриха III. Иннокентій ищетъ князя, который принялъ бы сицилійскую корону.

По взятіи Неаполя, у Конрада не осталось никакихъ противниковъ въ королевствѣ сицилійскомъ; онъ готовился идти противъ папы и другихъ своихъ враговъ. Онъ собралъ большія суммы контрибуціями съ покоренныхъ городовъ и вельможъ, установилъ въ королевствѣ тяжелые налоги; такимъ образомъ онъ имѣлъ много денегъ и собралъ большое наемное войско. Онъ писалъ гибеллинамъ сѣверной Италіи, что пойдетъ съ 20.000 воиновъ усмирить мятежниковъ ломбардцевъ; надѣялся, покоривъ Ломбардію и перешедши Альпы, легко побѣдить Вильгельма Голландскаго. Но въ миазматическихъ мѣстностяхъ южной Италіи занемогъ лихорадкой, отъ которой погибало столько Смерть Конрада IV. 1254.

нѣмцевъ въ итальянскихъ походахъ, и 21 мая въ Лавелло близъ Мельфи умеръ на 26 году жизни. Молва говорила, что онъ былъ отравленъ; отравой былъ вѣроятно лишь непривычный климатъ. Всѣ результаты побѣдъ его исчезли. Будущее династіи Гоэнштауфеновъ было мрачно. Мѣстомъ погребенія тѣла Конрада былъ назначенъ соборный храмъ Мессины, граждане которой были усердно преданы ему; но въ самый день похоронъ въ храмѣ вспыхнулъ пожаръ. Огонь истребилъ часть зданія и тѣло Конрада.

Смерть Оттона Баварскаго 29 ноября 1253.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью Конрада, умеръ его тесть, Оттонъ Баварскій, и послѣдній представитель законнаго потомства династіи Гоэнштауфеновъ, двухлѣтній Конрадинъ, остался безъ покровителя. Оттонъ былъ отлученъ отъ церкви за преданность Гоэнштауфенамъ. Духовенство употребляло всѣ средства, чтобы склонить могущественнаго герцога на свою сторону; между прочимъ нашло въ Баваріи поселянина, котораго можно было выставить пророкомъ, и хотѣло запугать Оттона предсказаніемъ этого пророка о близкой смерти его; но онъ пренебрегъ и сельскимъ юродивымъ, какъ пренебрегалъ проклятіемъ папы и наложеннымъ на Баварію интердиктомъ.

---

2. Нѣмецкое королевство при Вильгельмѣ Голландскомъ.

а) Послѣднее время царствованія Вильгельма.

Увеличеніе числа сторонниковъ Вильгельма.

Когда Конрадъ IV отправился въ Италію, число сторонниковъ Вильгельма быстро возросло. Онъ раздавалъ имперскія имѣнья и высшія правительственныя права важнѣйшимъ князьямъ, которые прежде держали себя нейтральными. Они перестали возражать противъ его королевскаго титула. Большую пользу принесла ему женитьба на Елисаветѣ, старшей дочери Оттона, герцога брауншвейгскаго. Свадебный пиръ, происходившій 25 января 1252, былъ разстроенъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ замкѣ, гдѣ онъ праздновался; корона и другія драгоцѣнности погибли въ пламени; самъ Вильгельмъ едва не сгорѣлъ; но бѣда была съ избыткомъ вознаграждена пріобрѣтеніемъ сильныхъ родственныхъ связей. Маркграфъ бранденбургскій, герцогъ саксонскій, Владиславъ, король богемскій, и даже родственникъ Гоэнштауфеновъ, маркграфъ Генрихъ мейсенскій, признали Вильгельма королемъ. Онъ передалъ имъ нѣкоторыя изъ правъ, принадлежавшихъ прежде только королю нѣмецкому.

Дѣйствія Вильгельма; характеръ его.

Въ іюлѣ Вильгельмъ созвалъ своихъ сторонниковъ на сеймъ близъ Франкфурта (въ самомъ Франкфуртѣ собраться имъ было нельзя, потому что этотъ городъ оставался вѣренъ Гоэнштауфенамъ). На сеймъ пріѣхали очень многіе духовные князья; онъ постановилъ,

что у Конрада отнимаются герцогство швабское и всѣ имѣнья въ Германіи, что у его сторонниковъ отнимаются всѣ лены. Эти обширныя и многочисленныя владѣнія представляли богатую добычу для раздѣла между приверженцами Вильгельма. Многіе изъ городовъ, пользовавшихся самоуправленіемъ, увидѣли себя въ опасности быть отданными подъ власть сосѣднихъ князей: королевскіе доходы съ нѣкоторыхъ изъ нихъ были заложены или проданы Конрадомъ, нуждавшимся въ деньгахъ; это могло служить предлогомъ для подчиненія ихъ сосѣднимъ областнымъ государямъ; другіе опасались, что будутъ наказаны за свою преданность Гоэнштауфенамъ. Они выпрашивали у Вильгельма граматы, подтверждавшія права ихъ, и заключали между собой союзы для общей обороны. Такимъ образомъ, куда ни показывался Вильгельмъ, повсюду или князья или города требовали у него какихъ-нибудь уступокъ. Вообще онъ оставался игрушкою князей. У него не было энергіи, чтобы выйдти изъ столь унизительнаго положенія. Онъ ходилъ по церквамъ босой въ одеждѣ изъ грубой шерстяной ткани, какъ слѣдовало набожному человѣку; всѣ его силы тратились на мелкія войны въ Голландіи и Фландріи; нѣмецкіе князья тяготились, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ, и напримѣръ рейнскіе архіепископы придумывали обманы, чтобъ удалить его изъ своихъ владѣній, или просто прогоняли силой; въ Утрехтѣ народъ бросалъ въ него камнями; Германъ Ритбергъ, человѣкъ вовсе не важный, напалъ близъ Трифельза на супругу короля Елисавету, ѣхавшую по той мѣстности, ограбилъ ее и нѣсколько времени держалъ въ плѣну. Словомъ, Вильгельмъ олицетворялъ собой полный упадокъ королевской власти. Но самъ по себѣ онъ не былъ человѣкъ ничтожный; правда, онъ не имѣлъ большого ума, политическія понятія его были узки, но онъ былъ храбрый воинъ, добрый, честный человѣкъ, безукоризненнаго образа жизни.

Послѣдніе годы правленія Вильгельма.

Обстоятельства располагались такъ, что власть Вильгельма нѣсколько увеличилась. Въ ноябрѣ 1253 умеръ, какъ мы говорили, Оттонъ Баварскій. Его владѣнія раздѣлили между собою сыновья Людвигъ и Генрихъ; они примирились съ Вильгельмомъ. Въ маѣ 1254 умеръ въ Италіи Конрадъ. Смерть его была очень полезна Вильгельму. Франкфуртъ, Вормсъ, Шпейеръ, нѣкоторые другіе города, не подвластные мѣстнымъ князьямъ и оставшіеся вѣрными Конраду, признали Вильгельма королемъ, отворили ему свои ворота; въ началѣ слѣдующаго (1255) года была отдана ему и королевская крѣпость Трифельзъ, гдѣ хранились знаки королевскаго сана и другія королевскія сокровища, какія еще оставались не растрачены. Онъ съ восторгомъ говорилъ, что теперь вся Германія признала его королемъ, оказываетъ почтеніе ему. Но дѣйствительность мало походила на эту его мечту. Онъ занятъ былъ мелкими войнами въ Нидерландахъ, сражался за своего родственника Жана Авена, вое-

вавшаго съ Маргаретой Франдрской, сражался съ фризами, защищавшими свою свободу противъ него, графа голландскаго; а въ Германіи его власть не проявлялась ровно ничѣмъ. Архіепископы майнцскій и кельнскій не слушались его. Изъ могущественныхъ свѣтскихъ князей ни одинъ не являлся къ его двору на съѣзды по большимъ праздникамъ, и жалкое правленіе его кончилось жалкимъ образомъ. Онъ уже нѣсколько разъ ходилъ на фризовъ принудить ихъ къ повиновенію правителямъ, которыхъ назначалъ онъ и которыхъ они прогоняли, мстить имъ за эти обиды. Въ январѣ 1256 онъ опять пошелъ на нихъ. Дорога лежала черезъ замерзшія болота; подо льдомъ была вода. Вильгельмъ въ тяжелыхъ латахъ, на тяжеломъ конѣ неосторожно заѣхалъ съ нѣсколькими рыцарями далеко впередъ отъ своихъ воиновъ, наѣхалъ на такое мѣсто, гдѣ ледъ былъ слабъ; ледъ подломился; фризы, засѣвшіе въ кустарникахъ, бросились на рыцаря и убили его, не зная, кто онъ. Ѣхавшіе съ нимъ ускакали въ испугѣ, войско разсѣялось. Убитаго короля похоронили подъ порогомъ сельскаго дома въ Гогвоуде; его торопились спрятать гдѣ-нибудь. Только черезъ 26 лѣтъ сынъ его Флоренцъ узналъ мѣсто, гдѣ похороненъ отецъ, и перенесъ его кости въ церковь миддельбургскаго монастыря.

b) Нѣмецкіе города.

Нѣмецкіе города.

Такой жалкой смертью погибъ на 27 году князь, попавшій на бѣду себѣ въ положеніе, держаться въ которомъ не было у него ни силъ, ни талантовъ; но годы его безсильнаго правленія замѣчательны фактомъ, имѣющимъ очень важное значеніе въ исторіи развитія нѣмецкихъ городовъ: при немъ, но безъ его участія, многіе нѣмецкіе города заключили между собой союзъ. Мы говорили, что Гоэнштауфены, пока были сильны, ненавидѣли нѣмецкіе города и угнетали ихъ; но что въ годы бѣдствій Фридрихъ II и Конрадъ увидѣли необходимость опираться на нихъ, стали покровительствовать имъ, давать права. Швабскіе города, основанные прежними Гоэнштауфенами, были теперь освобождены Фридрихомъ и Конрадомъ отъ подвластности князьямъ, поставлены подъ непосредственную власть короля. Большинство епископовъ было враждебно Фридриху и Конраду; императоръ и его сынъ, желая повредить враждебнымъ духовнымъ князьямъ, давали ихъ епархіальнымъ городамъ самоуправленіе; часто города покупали себѣ права, давая денежное пособіе нуждавшемуся въ деньгахъ Фридриху или Конраду. Но мѣстные духовные и свѣтскіе князья уважали королевскія льготныя граматы городамъ, лишь пока король имѣлъ сильное войско. Послѣ ліонскаго собора, въ Германіи началась анархія, власть Фридриха и Конрада упала. Большинство нѣмецкихъ городовъ, и въ томъ числѣ почти всѣ богатые

или многолюдные города, оставались вѣрны Гоэнштауфенамъ по признательности за полученныя отъ нихъ права. Епископы, бывшіе прежде господами этихъ городовъ, и сосѣдніе вельможи тѣснили ихъ, старались отнять у нихъ права, принуждали ихъ платить подати, грабили по дорогамъ и по рѣкамъ товары у проѣзжихъ купцовъ, учреждали таможни, брали плату за позволеніе проѣхать, брали плату за конвой, опустошали городскія земли. Вильгельмъ принужденъ былъ угождать князьямъ, передавалъ имъ королевскія права, не могъ покровительствовать городамъ, давалъ князьямъ граматы, подчинявшія города имъ. Онъ отдалъ даже могущественный Любекъ маркграфу бранденбургскому. Напрасно города ссылались на граматы, по которымъ Фридрихъ и Конрадъ отказались отъ королевскаго права отдавать ихъ подъ власть князей, предоставили имъ на вѣчныя времена право быть неподвластными никому, кромѣ короля; напрасно и Вильгельмъ выдавалъ имъ новыя граматы, подтверждалъ прежнія права ихъ, награждалъ ихъ новыми правами. Онъ былъ безсиленъ; областные князья не обращали вниманія на тѣ его граматы, которыя не нравились имъ. Они ссылались на тѣ, которыми прежде подчинялъ онъ имъ города; но граматами его въ пользу городовъ они пренебрегали. Города видѣли себя въ опасности утратить самоуправленіе, быть принужденными платить тяжелыя подати сосѣднимъ князьямъ, повиноваться начальникамъ, которыхъ будутъ назначать они, утратить подъ этимъ угнетеніемъ свое благосостояніе. При безсиліи короля защитить города, они имѣли только одно средство спастись отъ порабощенія: заключать между собою оборонительные союзы, чтобъ общими силами отражать своихъ притѣснителей. Такимъ образомъ въ половинѣ XIII вѣка стали возникать конфедераціи городовъ, сначала мелкія, потомъ болѣе крупныя; онѣ получили наконецъ такое могущество, что пріобрѣли большое политическое вліяніе и дали новое направленіе нѣмецкой общественной жизни. Города заключали между собою союзы первоначально для того, чтобъ охранить свои матеріальные интересы, свободу провоза товаровъ, защитить свои земли отъ грабежа; но черезъ нѣсколько времени развились въ горожанахъ и политическія стремленія. Они стали улучшать свои административныя и судебныя учрежденія, поддерживать королей для того, чтобы государство не совершенно раздробилось на владѣнія вполнѣ независимыя. Торговое и промышленное сословіе живо чувствовало потребность порядка въ государствѣ, необходимость центральнаго правительства; потому города очень усердно поддерживали королей. Прежде политическое значеніе имѣли только свѣтскіе и духовные князья; они одни составляли сеймы; теперь въ сеймахъ стали участвовать депутаты городовъ и своимъ вліяніемъ много содѣйствовали тому, что безсвязное и безпорядочное феодальное государство мало по малу получило формы законнаго устройства и до-

вольно сильное центральное правительство, главою котораго былъ король. Правда, это правительство можно называть сильнымъ только по сравненію съ прежней чрезвычайной слабостью его; правда, областные государи оставались сильнѣе центральнаго правительства, и дѣятельность его не имѣла такой энергіи, чтобъ установить прочный законный порядокъ. Но даже въ ужасныя времена, слѣдовавшія за паденіемъ Гоэнштауфеновъ, когда владычествовало беззаконіе, всетаки сохранились преданія государственнаго единства, элементы общаго національнаго государства; это было результатомъ патріотизма горожанъ, дѣломъ конфедерацій нѣмецкихъ городовъ. Благодаря тому, явилась впослѣдствіи возможность возстановить хотя въ слабомъ размѣрѣ королевскую власть и дать государству законное устройство, основанное на договорахъ между королями, князьями и городами.

Союзъ рейнскихъ городовъ 1254.

Около того времени какъ умеръ далеко отъ Германіи Конрадъ IV, рейнскіе города Вормсъ, Майнцъ, Оппенгеймъ и Бингенъ, послушавшись убѣжденій майнцскаго патриція (знаменитаго гражданина) Вальпода, заключили между собою союзъ и назначили четырехъ судей отъ каждаго города для рѣшенія споровъ между союзными городами. Этотъ договоръ послужилъ основаніемъ для возникновенія союза рейнскихъ городовъ, заключеннаго въ іюлѣ того-же (1254) года всѣми городами по обоимъ берегамъ Рейна, отъ Кельна и Ахена до Страсбурга и Базеля. Цѣлью союза было охраненіе мира и наблюденіе за тѣмъ, чтобы товары, провозимые по Рейну и сухимъ путемъ, не подвергались грабежу. Вскорѣ къ союзу городовъ присоединились рейнскіе архіепископы и епископы, многіе сосѣдніе графы и другіе свѣтскіе владѣтели, такъ что число членовъ союза простиралось до шестидесяти. На съѣздѣ городскихъ уполномоченныхъ въ Вормсѣ 6 октября были установлены мѣры для охраненія спокойствія, для наказанія нарушителей его, для защиты мирныхъ проѣзжихъ, для поддержанія добраго согласія съ сосѣдними князьями и вельможами. Съѣздъ постановилъ, что депутаты городовъ будутъ собираться черыре раза въ годъ, что будутъучреждены союзные суды, что каждый городъ долженъ содержать извѣстное число воиновъ, что города, лежащіе на Рейнѣ ниже устья Мозеля, должны содержать 50 военныхъ судовъ для охраненія плаванія по Рейну. О королѣ въ этомъ договорѣ не упоминалось; такъ мало надежды было на его защиту. Но на сеймѣ въ Вормсѣ въ февралѣ слѣдующаго года депутаты городовъ рейнскаго союза въ присутствіи короля присягнули охранять спокойствіе и постановили исключить изъ обращенія фальшивую неполновѣсную монету. Вильгельмъ поручилъ верховному дворскому судьѣ, графу Адольфу вальдекскому, помогать союзу въ охраненіи порядка и наказаніи нарушителей его. Въ іюнѣ происходилъ съѣздъ депутатовъ въ присутствіи графа вальдекскаго, а 14 октября новый съѣздъ въ Вормсѣ подъ предсѣдательствомъ самого короля.

Союзъ рейнскихъ городовъ не выдержалъ политическихъ бурь, разразившихся надъ Германіею по смерти Вильгельма. Города не желали вмѣшиваться въ междоусобія, но вовлеклись въ нихъ, единодушіе разстроилось, и конфедерація распалась. Ея недолгое существованіе оставило однако же по себѣ важныя послѣдствія. Она была

первой попыткой горожанъ охранять свои интересы общими силами; самая мысль о томъ уже показываетъ, что горожане пріобрѣли политическую дальновидность, какой не имѣли прежде. Издавна въ Германіи было много междоусобій, издавна города страдали отъ нихъ; но тогда у нихъ не появлялось мысли, что имъ должно соединиться для охраны своей торговли и своего благосостоянія. Мы видѣли, что духовные и свѣтскіе князья старались подавить городское самоуправленіе. уничтожить выборы городскихъ правителей и судей, удержать города подъ начальствомъ своихъ фохтовъ или подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ. Но города преодолѣли ихъ сопротивленіе, сами короли давали городамъ такія права, что они вышли изъ подъ власти духовныхъ или свѣтскихъ сосѣднихъ князей и сдѣлались самостоятельными участниками въ политической жизни. Власть графовъ, епархіальныхъ епископовъ и назначаемыхъ ими фохтовъ ослабѣла или совершенно исчезла въ періодъ междоусобій. Почти всѣ большіе города освободились отъ нея, стали выбирать своихъ правителей и судебныхъ засѣдателей; граждане соединились по своимъ занятіямъ въ торговыя и ремесленныя корпораціи (цехи или гильдіи), составили изъ себя городскую милицію или держали отряды наемниковъ, начальниками которыхъ назначали сосѣднихъ вельможъ, принятыхъ въ число гражданъ. Сдѣлаемъ краткій очеркъ развитія политической независимости нѣмецкихъ городовъ.

Ломбардскіе города пріобрѣли полное самоуправленіе еще при Фридрихѣ Барбароссѣ (VI, стран. 657). Нѣмецкіе города достигли этого положенія цѣлымъ столѣтіемъ позднѣе. Но они уже издавна были центрами общественной жизни. Императоры любили, какъ мы знаемъ, проводить большіе праздники въ городахъ. По этимъ праздникамъ происходили съѣзды князей ко двору. Пиры слѣдовали за пирами, были турниры, всяческія другія развлеченія. Мы видѣли, что нѣмцы очень долго вспоминали о великолѣпіи майнцскихъ праздниковъ Фридриха I и Фридриха II. Когда блескъ королевскаго двора померкъ, сеймы все еще остались великолѣпны, сопровождались пирами, турнирами, другими развлеченіями; обыкновенно мѣстомъ сеймовъ были города. Горожане много страдали отъ высокомѣрія и алчности своихъ князей, ихъ рыцарей и сосѣднихъ вельможъ. Но нельзя сказать, что жизнь горожанъ была унылая; напротивъ они много веселились. Днемъ ремесленникъ или мелкій торговецъ трудился; но вечеромъ онъ угощалъ друзей, или самъ былъ въ гостяхъ; такъ было по буднямъ, а праздничный день весь отдавался веселью. Горожане стали зажиточны, города сдѣлались сильны, и городское сословіе прониклось охотой веселиться. У цеховъ были свои праздники съ музыкой, пѣніемъ, танцами; весь городъ участвовалъ въ веселостяхъ майскаго праздника, въ праздничныхъ состязаніяхъ стрѣлковъ, и много было всяческихъ развлеченій въ городахъ. Странствующіе музыканты и пѣвцы бродили

по рейнскимъ городамъ въ такомъ множествѣ, что городское начальство бывало временами принуждено прогонять ихъ, запрещать имъ входъ въ городъ. По всей Германіи на праздникъ Троицы горожане всей массой уходили за городъ веселиться, пировали въ рощахъ, танцовали на лугахъ подъ открытымъ небомъ. Зимою были домашніе праздники.

Римскіе города въ Германіи.

По Рейну и по Дунаю, въ Реціи, Норикѣ, Панноніи во времена римской имперіи возникло много большихъ городовъ; нѣкоторые произошли изъ укрѣпленныхъ становъ римскаго войска, другіе выросли на мѣстностяхъ, гдѣ происходили ярмарки, третьи были римскими колоніями. Отъ многихъ изъ этихъ городовъ сохранились развалины, показывающія, что они были обширны, богаты, великолѣпны; подъ развалинами уцѣлѣли надписи, по которымъ видимъ, что въ городахъ было самоуправленіе. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже права итальянскихъ муниципій, какъ напримѣръ Кельнъ. Бури переселенія народовъ разрушали эти города, но, не всѣ они были вполнѣ уничтожены и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Кельнѣ, Трирѣ, Регенсбургѣ, Аугсбургѣ, быть можетъ, сохранились еще нѣкоторые обломки прежнихъ городскихъ учрежденій. Есть ученые, полагающіе, что кельнскій „цехъ богатыхъ“ (Richerzeche, то есть Zeche der Reichen) былъ продолженіемъ старой римской куріи; дѣйствительно этотъ цехъ представляетъ то сходство съ нею, что онъ былъ корпораціей знатныхъ гражданъ, называвшихъ себя патриціями, и эта корпорація избирала бургомистровъ, членовъ городского суда, цеховыхъ начальниковъ. Но большая часть даже и старинныхъ нѣмецкихъ городовъ были не римскіе, а новые нѣмецкіе. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ были должностныя лица, называвшіяся консулами. Но это названіе не должно считать слѣдомъ связи нѣмецкихъ городскихъ учрежденій съ римскими; оно произошло изъ Италіи, перешло оттуда во Францію, изъ Франціи въ Германію, изъ Германіи въ славянскія земли.—Нѣмецкіе города, возникшіе во времена Каролинговъ, выросли или около епископскихъ резиденцій или при королевскихъ сельскихъ дворцахъ. Королевскіе города находились подъ начальствомъ королевскихъ управителей, фохтовъ. Таковы были, франкфуртъ, Ульмъ, Нюрнбергъ. Города, выросшіе около епископскихъ резиденцій, принадлежали епископамъ. При тѣхъ монастыряхъ, въ которые стекалось много богомольцевъ, происходили ярмарки. Это нерѣдко вело къ возникновенію торговыхъ городовъ. Въ тѣ праздники, когда сходились въ монастырь богомольцы, торговыя дѣла шли рядомъ съ религіозными. Не только дворъ монастыря обращался въ рынокъ, торговля проникала и въ зданіе храма, въ церкви товары были безопаснѣе отъ грабежа; потому она служила складочнымъ мѣстомъ. При саксонскихъ корольхъ были, какъ мы знаемъ, построены замки для пріюта населенію отъ непріятельскихъ набѣговъ; (VI, 17, 18); промышленность за ихъ рвами и стѣнами пользовалась безопасностью, потому многіе изъ нихъ стали городами. Почти всѣ королевскіе и епископскіе города сдѣлались впослѣдствіи временно свободными или, какъ называется это по-нѣмецки, имперскими городами, то есть они были освобождены отъ подвластности графамъ и другимъ областнымъ правителямъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи князьями, были подчинены только королю и государственному сейму. Кромѣ того было много княжескихъ городовъ, основанныхъ областными владѣтелями или возникшихъ въ ихъ владѣніяхъ. Таковы были Брауншвейгъ, Любекъ, Гамбургъ, Фрейбургъ, Бернъ: нѣкоторые изъ нихъ

Епископскіе и королевскіе города.

Княжескіе города.

тоже стали потомъ имперскими городами. Такъ, напримѣръ, послѣдній князь церингенской династіи отдалъ по завѣщанію подъ непосредственную власть короля принадлежавшіе Церингенамъ швейцарскіе города, съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ пользоваться такимъ же самоуправленіемъ, какъ Кельнъ. По отношенію къ устройству городского управленія, города дѣлились на два разряда: въ однихъ существовала корпорація людей, сохранившихъ за собою старинную нѣмецкую свободу; въ другихъ старинныя права свободы были отняты у горожанъ, бывшихъ нѣкогда свободными людьми, и все ихъ населеніе было подвластно епископу или свѣтскому владѣтелю. Однимъ изъ городовъ, въ которыхъ существовала корпорація гражданъ, сохранившихъ старинную нѣмецкую свободу, былъ Кельнъ; по образцу его учрежденій было впослѣдствіи устроено управленіе многихъ городовъ. Сословіе гражданъ, сохранившихъ старыя права свободы, составляло въ Кельнѣ „цехъ богатыхъ“. Эта корпорація выбирала правителей города и членовъ городского суда (скабиновъ schöffen). Устройство подобное кельнскому имѣлъ Магдебургъ; такое же устройство получили нѣкоторые изъ городовъ, возникшихъ при королевскихъ сельскихъ дворцахъ, напримѣръ Франкфуртъ и Ульмъ. Впослѣдствіи участвовать въ выборѣ городского управленія стали и граждане, не принадлежавшіе къ прежней корпораціи старинныхъ свободныхъ фамилій.—Другой разрядъ составляли города, въ которыхъ начальники опредѣлялись владѣтелемъ города, и горожане первоначально не имѣли никакого участія въ управленіи; извѣстнѣйшій изъ такихъ городовъ—Страсбургъ. Мало по малу и они пріобрѣли самоуправленіе. Обыкновенно это стоило имъ продолжительной тяжелой борьбы съ епископами или свѣтскими князьями, владѣтелями ихъ. Фридрихъ II въ послѣдніе годы царствованія и Конрадъ покровительствовали имъ, какъ мы говорили.—Въ королевскихъ и другихъ старыхъ имперскихъ городахъ развитіе свободы шло спокойнѣе, чѣмъ въ епископскихъ. По мѣрѣ того какъ они богатѣли и становились многолюдны, короли давали имъ больше и больше правъ, такъ что за королемъ (или герцогомъ или маркграфомъ, которому король въ прежнія времена передалъ свою власть) осталось только право назначать фохта и судей и получать опредѣленные доходы; такъ было напримѣръ въ Госларѣ, Эрфуртѣ, Нюрнбергѣ.—Княжескіе города по устройству своего управленія были очень близки къ имперскимъ; но права имъ были даны не королемъ, а тѣми князьями, которые первоначально были владѣтелями ихъ. Таковъ былъ Любекъ; но онъ рано (еще до начала правленія Фридриха II) получилъ права имперскаго города. Любекскія городскія учрежденія и законы были введены въ большей части городовъ Балтійскаго приморья; это называлось „имѣть любекское право“; а „магдебургское право“ было введено въ большей части нѣмецкихъ городовъ, основанныхъ въ покоренныхъ и колонизированныхъ нѣмцами славянскихъ земляхъ на востокѣ отъ средняго теченія Эльбы.

Городское управленіе.

Раньше, чѣмъ на западѣ и югѣ, возникли союзы между городами на сѣверѣ. Сначала это были мелкія конфередаціи; мало по малу онѣ расширялись, соединялись и наконецъ слились въ одинъ великій союзъ сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ, называвшійся Ганзой *). Пер-

Ганза.

*) Sartorius, Geschichte des hanseatischen Bundes, Göttingen, 1802; въ новомъ изд. Hamburg, 1830, приложены документы, выборъ которыхъ сдѣланъ Лаппенбергомъ.—Die hansarezesse, herausgegeben von Ropp und Schäfer, 5 томовъ, Leipzig, 1870—1881.—Goldschmidt, Die deutsche Hansa (въ preussische Jahrbücher), томъ IX (Berlin. 1862).—Falcke, Die Hansa als deutsche See-und Handelsmacht.

вопачальной цѣлью городскихъ союзовъ и на сѣверѣ, какъ на Рейнѣ, была взаимная защита отъ сосѣднихъ притѣснителей; къ этому присоединялись постановленія объ одинаковости и полновѣсности монеты, о правилахъ морской торговли; по впослѣдствіи союзные договоры вышли изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, и цѣлью ганзейскаго союза было охраненіе всѣхъ общихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ. Первымъ важнымъ договоромъ о союзѣ былъ трактатъ, заключенный въ 1241 году между Любекомъ и Гамбургомъ для охраненія безопасности плаванія по Штекницкому каналу, одному изъ важныхъ путей внутренней торговли. Ошибочно было мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые считали этотъ договоръ основаніемъ великаго союза, получившаго черезъ 40 лѣтъ послѣ того названіе нѣмецкой Ганзы, перепесенное на конфедерацію городовъ съ нѣмецкой торговой факторіи, существовавшей въ Лондонѣ; но дѣйствительно союзъ Гамбурга съ Любекомъ былъ тою маленькою конфедераціею, къ которой стали присоединяться другіе торговые города нѣмецкаго и балтійскаго приморья. Слово Ганза принадлежитъ старому фламандскому нарѣчію; на немъ оно означало «подать, налогъ»; въ XIV вѣкѣ оно стало значить: союзъ, члены котораго дѣлаютъ опредѣленные денежные взносы для покрытія союзныхъ расходовъ. Цѣлью союза было охраненіе внутренней и внѣшней безопасности, забота о сохраненіи и расширеніи правъ, данныхъ мѣстными князьями или пріобрѣтенныхъ за границей, безопасность морской и сухопутной торговли, мирный судебный разборъ всѣхъ споровъ между союзными городами для предотвращенія всякихъ поводовъ къ вмѣшательству со стороны мѣстныхъ владѣтелей и короля, поддержаніе спокойствія въ самихъ городахъ, охраненіе ихъ отъ мятежей и лишнихъ нововведеній. Въ тѣ времена анархіи, насилія, варварства купецъ повсюду подвергался опасности быть ограбленнымъ; не говоря о случайныхъ грабежахъ, существовало такъ называемое береговое право: по варварскому обычаю, считавшемуся законнымъ, имущество, находящееся на кораблѣ, признавалось собственностью своего хозяина только пока корабль остается цѣлъ. Если корабль потерпѣлъ крушеніе, все находившееся на немъ становилось собственностью владѣтеля и жителей того берега, у котораго произошло крушеніе. Такой же обычай существовалъ относительно товаровъ, перевозимыхъ сухимъ путемъ: они оставались собственностью хозяина лишь пока цѣлы колеса воза. Когда колесо ломалось или падало и ось прикасалась къ землѣ, товаръ на покачнувшемся возу становился собственностью владѣтеля и жителей той мѣстности. Это называлось grundruhrrecht (право на то, что прикоснулось къ землѣ). На отдаленныхъ берегахъ купецъ подвергался опасности, хотя бы корабль приплылъ къ берегу неповрежденный. Иностранецъ былъ беззащитной жертвой грубаго произвола князей и вельможъ, безчисленныхъ таможенныхъ притѣсненій,

торговой зависти мѣстныхъ купцовъ. Если онъ умиралъ въ чужой землѣ, то по старому обычаю его имущество отбиралось въ казну, и государь лишь изъ милости отдавалъ часть конфискованнаго наслѣдникамъ умершаго (разумѣется, бывали случаи великодушія, когда онъ отдавалъ все). Если пріѣзжій дѣлалъ кому-нибудь обиду въ чужой землѣ, принимались суровыя мѣры противъ всѣхъ его соотечественниковъ: ихъ имущества конфисковались, ихъ самихъ сажали въ темницу или убивали, или по крайней мѣрѣ изгоняли. Если пріѣзжій потерпѣлъ обиду въ чужой землѣ, то на его родинѣ подвергались суровымъ мѣрамъ возмездія всѣ пріѣзжіе изъ той земли, гдѣ онъ былъ обиженъ. Никакой отдѣльный нѣмецкій городъ не имѣлъ силы защитить своихъ согражданъ отъ этихъ варварскихъ притѣсненій. Только заключивъ между собою союзъ, нѣмецкіе города получили возможность отстаивать свои интересы въ чужихъ земляхъ; они общими силами основывали факторіи, укрѣпляли ихъ, содержали тамъ мужественныхъ, сильныхъ людей, которые могли бы защищать своихъ пріѣзжихъ. Выгоды такого союза были очевидны, потому скоро всѣ важные города по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и большихъ рѣкъ, текущихъ въ эти моря, присоединились къ союзу Любека и Гамбурга. Торговля ихъ стала быстро развиваться. Народы, жившіе по восточному берегу Балтійскаго моря, стали научаться нѣмецкимъ обычаямъ, заимствовали у нѣмцевъ плугъ, мечъ, искусство строить каменныя зданія; стали вводить въ своихъ городахъ самоуправленіе по нѣмецкому образцу. Торговые города Скандинавіи германизировались, вся торговля сѣверо-восточной Европы перешла въ руки нѣмцевъ. Только нѣмецкій купецъ разъѣзжалъ по Россіи, провожая, какъ это дѣлалось тогда, самъ свои товары въ Новгородъ, гдѣ былъ нѣмецкій дворъ св. Петра, и привозилъ оттуда дорогіе мѣха сѣвера. Владѣнія мелкихъ славянскихъ князей Помераніи и Силезіи германизировались; вліяніе нѣмецкихъ горожанъ распространялось по Польшѣ до Сандомира и Кракова.—Около 1285 года Любекъ, Ростокъ, Висмаръ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ, Гамбургъ, Бременъ, Висби, лифляндскіе города, западно-фризійскіе города уже были соединены въ морской торговый союзъ, умѣвшій заслужить себѣ уваженіе и въ самой Германіи и въ Англіи, въ Скандинавіи. Любекъ фактически сталъ главой союза. Въ началѣ XIV вѣка тамъ собирался сеймъ почти всѣхъ торговыхъ городовъ сѣверной Германіи; потому Любекъ пріобрѣлъ преобладающее значеніе въ союзѣ. Любекское право было принято во всѣхъ ганзейскихъ городахъ. Ганза стала обширнымъ товариществомъ, пріобрѣла большія привилегіи въ чужихъ земляхъ, отчасти деньгами, отчасти благодаря просьбамъ императора и князей, но болѣе всего благодаря искусству, съ какимъ союзное правительство пользовалось благопріятными обстоятельствами. Ганзейскіе торговцы получили по всей Германіи право свободной

торговли, облегченіе таможенныхъ пошлинъ или совершенное освобожденіе отъ нихъ, право основывать торговыя поселенія, устроивать пристани; ганзейскія факторіи въ чужихъ земляхъ пользовались собственнымъ управленіемъ, независимымъ отъ мѣстнаго начальства; у нихъ были свои судьи, рѣшавшіе дѣла по ганзейскимъ законамъ и по дополненіямъ, составленнымъ въ самой факторіи; администрація факторіи не вела торговли, она только охраняла торговлю купцовъ, бывшихъ гражданами ганзейскаго союза.

Развитіе Ганзы.

Въ цвѣтущую эпоху ганзейскаго союза къ нему принадлежали 77 городовъ, отъ Миддельбурга и Амстердама до Ревеля и Нарвы, отъ Висби до Вреславля. Многіе изъ нихъ были приморскіе, но многіе лежали далеко отъ моря, какъ напримѣръ Мюнстеръ, Магдебургъ, Брауншвейгъ. Нѣкоторые изъ нихъ были свободные имперскіе города, другіе были подвластны областнымъ князьямъ. Послѣ Любека важнѣйшимъ городомъ ганзейскаго союза былъ Гамбургъ, заимствовавшій свои учрежденія изъ Любека. Свобода и богатство Гамбурга начинаются съ 1188 года, когда былъ основанъ графомъ Адольфомъ шауэнбургскимъ Новый Городъ подлѣ стараго. Адольфъ установилъ, что онъ и его преемники будутъ назначать фохта въ Новый Городъ, но далъ большія привилегіи селившимся въ немъ. Фридрихъ I увеличилъ права Гамбурга. Изъ другихъ городовъ ганзейскаго союза важнѣйшими были: Кельнъ, Люнебургъ, Бременъ, Ростокъ, Штральзундъ, Штеттинъ, Висмаръ, Рига, Ревель, Дерптъ, Данцигъ. Ганзейская колонія въ Краковѣ была многолюдна и сильна. Ганзейскіе корабли вели одни всю торговлю на Балтійскомъ морѣ и почти всю на Нѣмецкомъ. Первою факторіею въ чужихъ земляхъ была лондонская, называвшаяся Стальнымъ дворомъ, Stahlhof; нѣмецкіе купцы жили тамъ замкнутымъ обществомъ по строгому уставу, какъ въ монастырѣ; имъ было запрещено имѣть при себѣ женъ и дѣтей. Они привозили въ Англію изъ Россіи мѣха, изъ Скандинавіи сельдь и треску, привозили хлѣбъ, лѣсъ, другіе товары сѣверныхъ и южныхъ земель; англійскіе короли дѣлали займы у нихъ и давали имъ множество привилегій. У себя дома въ Германіи они говорили: „Мы покупаемъ у англичанина лисью шкуру за грошъ и продаемъ ему назадъ одинъ хвостъ отъ нея за гульденъ“. Только уже при Елисаветѣ англичане сами стали вести заграничную торговлю. Главнымъ послѣ Любека центромъ торговли на Балтійскомъ морѣ былъ городъ Висби, стоявшій на островѣ Готландѣ. Тамъ еще въ XII вѣкѣ поселились вестфальскіе и другіе саксонскіе купцы, потомъ образовались тамъ товарищества нѣмецкихъ купцовъ изъ лифляндскихъ и прусскихъ городовъ; они сами выбирали своихъ фохтовъ; городъ былъ многолюденъ. Въ концѣ XIV вѣка развилась торговля Данцига, и городъ Висби утратилъ свое прежнее значеніе; развалины мраморныхъ церквей и другихъ зданій еще свидѣтельствуютъ о его прежнемъ блескѣ. Морской уставъ, составленный въ Висби, долго сохранялъ силу общепринятаго закона въ прибалтійскихъ городахъ. Очень важна была также факторія въ Новгородѣ, называвшаяся дворомъ святаго Петра. Она имѣла такое же устройство, какъ лондонская. Ганзейскіе купцы вывозили оттуда въ западную Европу мѣха. Владѣнія Новгорода простирались до Урала и до Ледовитаго океана. Изъ Новгорода былъ хорошій водяной путь въ море по Невѣ, вели сухопутныя дороги черезъ Лифляндію, Курляндію, Литву на нѣмецкій берегъ Балтійскаго моря. Такимъ образомъ торговля съ Новгородомъ производилась на большихъ корабляхъ и большими обозами. Покоривъ Новгородъ, Іоаннъ III

прогналъ оттуда ганзейскихъ купцовъ. Великимъ рынкомъ всемірной торговли былъ тогда фландрскій городъ Брюгге. Тамъ всѣ европейскіе народы имѣли свои факторіи; была тамъ и большая ганзейская факторія. Туда привозились изъ ганзейскихъ городовъ всѣ продукты сѣвера; оттуда ганзейцы везли фландрскіе и брабантскіе товары, продукты Италіи, Испаніи, Индіи въ сѣверную Германію и Скандинавію. Торговля съ Скандинавіею была очень выгодна для ганзейцевъ; они заботливо старались удерживать ее исключительно въ своихъ рукахъ и не давали развиться у скандинавовъ самостоятельному торговому сословію. Въ Швеціи по всѣмъ городамъ жили ганзейскіе купцы; особенно много было ихъ въ Сконіи. Центромъ торговли съ Норвегіей былъ Бергенъ. Лучшая часть этого города была нѣмецкая; тамъ жило болѣе 3000 купцовъ, моряковъ и ремесленниковъ; они были тамъ такъ сильны, что владычествовали надъ туземнымъ населеніемъ и угнетали его. Большинство ганзейскихъ торговцевъ и въ Бергенѣ и въ другихъ факторіяхъ были молодые люди, смѣлые, державшіеся единодушно, всегда готовые защищать мечомъ свои интересы. Ганзейцамъ, жившимъ въ чужихъ земляхъ, было запрещено жениться тамъ или принимать иноземное подданство (причисляться къ сословію туземныхъ гражданъ). Сто лѣтъ продолжался цвѣтущій періодъ Ганзы. Она имѣла факторіи по всѣмъ берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, не допускала никакихъ другихъ торговыхъ кораблей въ гавани восточной части Нѣмецкаго моря и на Балтійскомъ морѣ. Если какой-нибудь изъ ганзейскихъ городовъ не хотѣлъ повиноваться предписаніямъ союзнаго управленія, союзъ имѣлъ вѣрное средство принудить этотъ городъ къ повиновенію: Ганза отнимала у него ганзейскія права, и онъ смирялся. Въ эпоху своего могущества Ганза вела много войнъ и вообще оставалась побѣдительницей. Данцигскій морякъ Поль Бенеке разбилъ въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ голландцевъ; короли шведскій, датскій, норвежскій много разъ бывали принуждаемы покоряться всѣмъ требованіямъ Ганзы. Новый шведскій или датскій король удерживалъ за собою престолъ, только когда любекскій союзный совѣтъ Ганзы признавалъ его законнымъ королемъ. Временемъ могущества Ганзы былъ XIV вѣкъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ она мало по малу ослабѣвала, и Тридцатилѣтняя война убила ее. Одной изъ причинъ ея упадка было то, что скандинавскія государства стали сильнѣе прежняго; другою причиною были раздоры между ганзейскими городами.

Дѣятельность Ганзы и нѣмецкая торговля.

Ганза охраняла себя отъ грабежей по нѣмецкимъ дорогамъ отчасти собственными силами, отчасти договорами съ важнѣйшими областными государями; она съумѣла освободить свою торговлю въ Германіи отъ всѣхъ стѣсненій; притомъ она вела главнымъ образомъ морскую торговлю, а не сухопутную, потому почти вовсе не страдала отъ анархіи въ Германіи, легко вынесла время междуцарствія и быстро пріобрѣла большое политическое значеніе. Въ ганзейскомъ сеймѣ предсѣдательствовали депутаты Любека; впослѣдствіи депутаты Кельна оспоривали иногда у нихъ это право. Одной изъ важнѣйшихъ заслугъ Ганзы было то, что она уничтожила морскихъ разбойниковъ, главнымъ пристанищемъ которыхъ былъ Готландъ. По основаніи ганзейскаго союза Германія на три столѣтія стала центромъ европейской торговли. Итальянскіе купцы привозили восточные товары въ Аугсбургъ

и Нюрнбергъ, оттуда везли ихъ дальше нѣмецкіе купцы. Товары шли вьюками изъ Ломбардіи черезъ тирольскія и швейцарскія Альпы въ Баварію, Швабію, Франконію. По всѣмъ этимъ дорогамъ развивались города. Индѣйскій перецъ, китайскія шелковыя ткани, африканскій шафранъ, арабскія благовонія и пряности, другіе восточные товары чрезъ западную Азію и Египетъ шли по старымъ дорогамъ къ альпійскимъ проходамъ, спускались въ долины Кульпы, Дравы, Энса, Инна, Изара, Леха къ Дунаю въ Аугсбургъ, Кемптенъ, Ульмъ, Регенсбургъ, Пассау, Линцъ, Вѣну; изъ этихъ городовъ были перевозимы по Дунаю въ сосѣднія области, шли по старымъ дорогамъ къ Рейну, Майну, Эльбѣ, Одеру. Нѣмецкіе товары, издѣлья аугсбургской и нюрнбергской промышленности, силезское, баварское, вестфальское полотно, выдѣлываемыя въ рейнскихъ городахъ и въ Штиріи оружіе и другія стальныя, желѣзныя вещи, нидерландское сукно, сѣверныя мѣха шли тѣми же дорогами въ обратномъ направленіи, были привозимы въ Венецію, оттуда венеціанскіе купцы развозили ихъ по Италіи, везли въ Константинополь, въ Египетъ, и они доходили до Аравіи.—Страсбургъ, Франкфуртъ, Кельнъ были складочными мѣстами товаровъ, идущихъ во Францію и Нидерланды; Эрфуртъ былъ центромъ внутренней нѣмецкой торговли. Ганза снабжала нѣмецкими товарами Англію, Скандинавію, везла изъ черезъ Висби въ Новгородъ, откуда они расходились по Россіи. Черезъ Вѣну шла торговля съ Константинополемъ. Висби, городъ, основанный нѣмецкими колонистами, оставался почти до конца среднихъ вѣковъ торговымъ центромъ сѣверной Европы. Новгородъ, очень старый городъ, рано достигшій полнаго самоуправленія, былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, привозимыхъ изъ Константинополя и Каира, велъ караванную торговлю съ волжскими болгарами и финскими племенами сѣверовосточной Россіи. Новгороду были подвластны всѣ земли до Онежскаго озера, и граждане этой республики гордо говорили: «Кто противъ Бога и великаго Новгорода?»—Изъ всѣхъ окружающихъ странъ стекались въ Германію богатства; рудники Гарца, Тюрингскаго лѣса, Рудныхъ горъ, бывшіе въ первыя времена своей разработки очень изобильными, увеличивали массу серебра въ Германіи.

c) Первые годы царствованія Оттокара*).

Австрійская земля.

Анархія совершенно парализовала силы нѣмецкаго королевства; этимъ воспользовался энергическій и даровитый Пржемыслидъ Оттокаръ II, наслѣдовавшій въ 1253 году своему отцу Вѣнцеславу; онъ овладѣлъ нѣмецкими землями по Дунаю и у штирійскихъ Альпъ; за-

---

*) Lorenz, Deutsche Geschichte im XIII und XIV Jahrhundert, 2 тома, Wien, 1863.

хватить ихъ было ему легко, потому что въ нихъ свирѣпствовало междоусобіе. Мы видѣли, что по смерти послѣдняго Бабенберга въ Австріи началась борьба за наслѣдство. Одни за другимъ появлялись и быстро исчезали претенденты; сторонники ихъ пользовались междоусобіемъ, грабили не для нихъ, а для себя; въ особенности много страдали города и церковныя владѣнія.

Вѣнцеславъ давно задумывалъ овладѣть австрійскими землями. Исполненіе этого замысла было ускорено внушеніями папы и надобностью поспѣшить дѣломъ для того, чтобы не захватилъ себѣ западную часть герцогства австрійскаго Оттонъ Баварскій. Въ 1250 году сынъ Оттона, Людвигъ, овладѣлъ Линцемъ и Энсомъ. Чехи пошли въ Баварію, опустошили ее, и Оттонъ былъ принужденъ вывести свои гарнизоны изъ австрійскихъ городовъ. Миръ былъ заключенъ 1 мая 1251. Вѣнцеславъ и его сынъ Оттокаръ, имѣвшій большое вліяніе на отца, покинули падающихъ Гоэнштауфеновъ, перешли на сторону Вильгельма и папы. Филиппъ, архіепископъ зальцбургскій, Берхтольдъ, епископъ пассаускій, его братъ Альбрехтъ, епископъ регенсбургскій, и многіе австрійскіе вельможи, въ томъ числѣ могущественная фамилія Купринговъ были на сторонѣ богемскаго короля и его сына.

Австрійскіе вельможи рѣшили наконецъ прекратить междоусобіе, опустошавшее страну, избрать герцога, который могъ бы возстановить порядокъ. Они съѣхались на сеймъ въ Тлюбензе близъ Тульна и совѣщались о томъ, кого избрать герцогомъ, Оттокара или сына маркграфини мейсенской, Констанціи. Отецъ Оттокара заключилъ съ маркграфомъ мейсенскимъ сдѣлку, купилъ у него отреченіе отъ притязаній на австрійское герцогство, уступивъ ему городъ Сайду и сосѣдній округъ. Такимъ образомъ у Оттокара не было соперниковъ, и 21 ноября 1251 года депутація австрійскаго сейма явилась къ Вѣнцеславу съ извѣщеніемъ, что его сынъ избранъ герцогомъ австрійскимъ. Оттокаръ отправился въ Австрію и 9 декабря вступилъ торжественной процессіей въ Вѣну. Онъ раздавалъ богатые подарки, былъ привѣтливъ, и тѣ вельможи, которые были недовольны рѣшеніемъ большинства въ его пользу, замолчали. Одинъ изъ лѣтописцевъ говоритъ: Не осталось въ герцогствѣ ни одного уголка, который не признавалъ бы Оттокара герцогомъ. Но онъ видѣлъ, что ему грозитъ большая опасность. Племянница Фридриха, послѣдняго герцога бабенбергской династіи, Гертруда, за которой было признано папой и Вильгельмомъ право наслѣдовать дядѣ, бѣжала, какъ мы говорили, въ Венгрію и передала свои права королю венгерскому, Белѣ IV. Штирійскій сеймъ избралъ герцогомъ Генриха, второго сына Оттона Баварскаго; Генрихъ былъ зять Белы и просилъ помощи у тестя. Бела былъ расположенъ помочь Генриху и взять себѣ Австрію. Оттокару представилось средство упрочить свою власть въ Австріи. Маргарета, дочь Леопольда, предшественника Оттона, была признана наслѣдницею

Провозглашеніе Оттокара герцогомъ Австрійскимъ.

герцогства австрійскаго еще при жизни бездѣтнаго Оттона, когда вышла за Генриха, старшаго сына императора Фридриха II. Она имѣла большія аллодіальныя владѣнія, но еще важнѣе было то, что въ ея рукахъ находились документы, по которымъ признавалось право наслѣдованія въ герцогствѣ австрійскомъ не только по мужской, но и по женской линіи Бабенберговъ. Женившись на ней, Оттонъ становился законнымъ герцогомъ австрійскимъ по праву своей жены. Оттокаръ былъ очень молодой человѣкъ, Маргарета была слишкомъ вдвое старше его; но онъ сдѣлалъ ей предложеніе; оно было принято, и 11 февраля 1252 они отпраздновали свадьбу.

Отношенія Оттокара къ папѣ.

Папская партія помогла Оттокару сдѣлаться герцогомъ австрійскимъ; Иннокентій хотѣлъ извлечь себѣ пользу изъ покровительства ему, и намѣреніе Оттокара жениться на Маргаретѣ дало папѣ возможность вынудить его къ уступкамъ. Онъ былъ родственникъ Маргаретѣ въ одной изъ тѣхъ степеней родства, въ которыхъ для брака нужна папская диспенсація. Иннокентій IV заявилъ условія, на которыхъ онъ дастъ диспенсацію. Правда, бракъ уже былъ заключенъ, и папскій легатъ, находившійся при богемскомъ дворѣ, не говорилъ тогда, что бракъ безъ диспенсаціи папы будетъ незаконенъ. Но теперь Иннокентій утверждалъ, что его диспенсація необходима, что безъ нея бракъ не имѣетъ законной силы. Оттокаръ принужденъ былъ покориться его требованіямъ и 17 сентября 1253 далъ клятву помогать папѣ и королю Вильгельму, пока Вильгельмъ будетъ оставаться преданнымъ сыномъ римской церкви.

Венгерскія и штирійскія дѣла.

Римская курія одобряла избраніе Оттокара герцогомъ австрійскимъ, но Штирія тоже съ одобренія куріи отдѣлилась отъ Австріи, съ которою долго была соединена. Венгрія давно находилась въ тѣсной дружбѣ съ папами, которые получали большіе доходы отъ венгерскихъ епископовъ, имѣвшихъ огромныя владѣнія. Венгрія образовала оплотъ римской церкви противъ народовъ греческаго исповѣданія. Венгерскій государь Стефанъ I получилъ королевскій титулъ отъ папы. По низложеніи Фридриха II на ліонскомъ соборѣ Иннокентій IV освободилъ Белу отъ вассальной клятвы на вѣрность нѣмецкому королю. Подобно богемскому двору, венгерскій хотѣлъ воспользоваться междоусобіями, начавшимися по смерти Фридриха Воинственнаго въ его владѣніяхъ. Иннокентій охотно согласился помогать Белѣ въ его намѣреніи захватить часть этихъ владѣній. Въ 1247 Бела отправилъ къ Иннокентію пословъ сообщить папѣ о его желаніи завоевать Штирію. Иннокентій принялъ пословъ, какъ выражается самъ, «съ свѣтлымъ лицомъ». Но потомъ сталъ покровительствовать Гертрудѣ и ея мужу, маркграфу Герману, и предложилъ Белѣ взять вмѣсто Штиріи сицилійское королевство. Бела не захотѣлъ изъ-за далекой невѣрной добычи отказаться отъ захвата сосѣднихъ областей. Въ 1250 онъ повелъ свои орды въ Австрію и Штирію, страшно опустошилъ эти земли. Въ 1252 вскорѣ послѣ женитьбы Оттокара на Маргаретѣ,

Бела возобновилъ нападеніе, ссылаясь на то, что Гертруда, вышедшая за его внука, русскаго князя Романа, передала ему свои права. Часть венгерскихъ войскъ пошла по Австріи мимо Вѣны берегомъ Дуная; другая часть, состоявшая изъ легкой конницы, ворвалась въ Моравію, а главное войско пошло въ Штирію. Филиппъ, архіепископъ зальцбургскій, и нѣкоторые штирійскіе вельможи были сторонниками Оттокара, желали, чтобы Штирія была соединена съ Австріей. Но большинство вельможъ хотѣло, чтобы Штирія сдѣлалась особымъ государствомъ и выбрало герцогомъ Генриха, сына Оттона Баварскаго. Бела былъ тесть Генриха; эти вельможи воображали, что венгерскій король идетъ въ Штирію поддержать своего зятя, и помогали ему овладѣть Штиріей. Скоро они увидѣли свою ошибку, но было уже поздно поправить ее.

Война Оттокара съ Белой 1253.

Вѣнчеславъ мало помогалъ сыну обороняться отъ венгровъ; по смерти отца Оттокаръ получилъ возможность вести войну энергичнѣй. Бела и его союзники, Болеславъ Стыдливый, великій князь краковскій, оппельнскій князь Владиславъ и русскій князь Даніилъ Романовичъ, принявшій титулъ короля, страшно опустошали Австрію. Иннокентій хотѣлъ примирить Белу съ Оттокаромъ раздѣломъ владѣній Фридриха Воинственнаго между ними. Легатъ папы Бернардо угрожалъ отлучить отъ церкви всѣхъ, противящихся миру. Оттокару было непріятно посредничество папы, потому что въ это время напали на Венгрію татары, и положеніе Белы было очень тяжело. Но ссориться съ папой Оттокаръ не хотѣлъ, а Бела имѣлъ надобность помириться; начались переговоры; было рѣшено, что Бела получитъ ту часть Штиріи, рѣчки которой текутъ въ Муръ. На личномъ свиданіи въ Пресбургѣ Бела и Оттокаръ утвердили этотъ договоръ, и Оттокаръ отказался отъ титула герцога штирійскаго.

Пасха 1254.

Результаты политики папы 1254.

Штирійскіе вельможи были очень недовольны тѣмъ, что отданы подъ владычество венгерскаго короля, но папа извлекъ себѣ большія выгоды изъ своей коварной политики: король богемскій и король венгерскій были признательны ему за содѣйствіе расширенію ихъ владѣній. Герцогство австрійское подвергалось опасности утратить нѣмецкую національность, стать мало по малу славянскою землей.

Внутреннее управленіе Оттокара.

Продолжительное междоусобіе сильно повредило благосостоянію герцогства австрійскаго, нравы вельможъ огрубѣли отъ привычки къ анархіи. Оттокаръ, человѣкъ умный, видѣлъ надобность дѣятельно заняться возстановленіемъ порядка въ Австріи и усердно заботился о развитіи благосостоянія во всемъ своемъ государствѣ.

Реформы Оттокара въ Богеміи.

Въ особенности благотворны были заботы Оттокара о томъ, чтобы создать въ Богеміи сильное сословіе свободныхъ горожанъ. Прежніе богемскіе короли дѣлали попытки дать городамъ самоуправленіе, но дѣйствовали слабо, лишь изрѣдка принимали отдѣльныя мѣры, не производившія прочныхъ результатовъ. Оттокаръ преобразовалъ административное устройство Богеміи, основывалъ города, приглашалъ колонистовъ. Богемія

дѣлилась на жупы; ихъ правители, жупаны, называвшіеся по-латини кастелланами, по нѣмецки бургграфами, соединяли въ своихъ рукахъ военную власть съ административной, были очень сильны и стремились сдѣлать свои должности наслѣдственными. Оттокаръ находилъ ихъ могущество опаснымъ для королевской власти и ослабилъ его. Онъ построилъ много новыхъ замковъ, назначилъ правителями ихъ людей незнатныхъ, образовалъ новые округи, центрами которыхъ были эти замки, сдѣлалъ ихъ правителей жупанами; такимъ образомъ прежнія обширныя жупы уменьшились въ объемѣ. Окружные суды уже и прежде были независимы отъ жупановъ; ихъ округи остались не уменьшенными, но Оттокаръ сильнѣе прежняго подчинилъ ихъ королевскому суду, увеличивъ число случаевъ, въ которыхъ дѣла могли быть переносимы апелляціей отъ окружнаго суда въ королевскій.

Еще дѣтъ Оттокара II, Оттокаръ I, ввелъ по нѣкоторымъ дѣламъ апелляцію отъ областныхъ судовъ къ пражскому, а по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ постановилъ, что они подвѣдомственны исключительно пражскому суду, предсѣдателемъ котораго былъ король или его уполномоченный. Оттокаръ II пошелъ дальше и совершенно подчинилъ областные суды пражскому, такъ что онъ сдѣлался верховнымъ трибуналомъ для всего королевства; засѣдателями въ немъ были бароны и рыцари изъ всѣхъ областей государства. Это преобразованіе имѣло между прочимъ два очень важныя послѣдствія: возникъ обычай записывать и хранить протоколы всѣхъ судебныхъ дѣйствій богемскаго сейма и была учреждена должность исполнителей закона, юстиціаріевъ. Благодаря тому, что были записываемы и сохраняемы отчеты обо всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ богемскаго сейма, развитіе законодательства пошло твердымъ ходомъ, законы получили прочность. Это длилось шесть столѣтій и принесло очень большую пользу благосостоянію Богеміи. Въ каждомъ судебномъ округѣ король назначилъ трехъ вельможъ и трехъ рыцарей юстиціаріями, сановниками, обязанными приводить въ исполненіе судебные приговоры и охранять общественное спокойствіе. Юстиціарій не получалъ никакого жалованья, напротивъ онъ самъ дѣлалъ издержки, какихъ требовало исполненіе его обязанностей; но должность юстиціарія была очень почетная, потому каждый охотно принималъ ее, и богатые люди усердно добивались ея.

Колонизація. Основаніе городовъ.

Раздробленіемъ жупъ, совершеннымъ подчиненіемъ областныхъ судовъ пражскому и учрежденіемъ должности юстиціаріевъ произведены были важныя перемѣны въ государственномъ бытѣ Богеміи. Еще значительнѣе была перемѣна, произведенная въ немъ основаніемъ свободныхъ городовъ, пользующихся самоуправленіемъ, подвластныхъ только королевскому правительству, и приглашеніемъ колонистовъ. Королевскихъ городовъ Оттокаръ основалъ много, колонисты шли въ Богемію большими массами изъ Германіи. Въ своихъ граматахъ Оттокаръ часто говоритъ о томъ, что поставилъ себѣ задачей украсить королевство многолюдными укрѣпленными городами на защиту странѣ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Города основывались такимъ порядкомъ: человѣкъ, желающій основать городъ, испрашивалъ себѣ у короля полномочіе на это, бралъ на себя обязательство построить въ опредѣленный срокъ городскія укрѣпленія и созывалъ жителей въ городъ, который строилъ; за свои труды и расходы онъ получалъ опредѣленную договоромъ часть королевскихъ доходовъ съ этого города. Большинство переселенцевъ шло въ Богемію изъ сѣверо-западной Германіи и Нидерландовъ. Эти низменныя земли, часто страдавшія отъ наводненій, давали большинство колонистовъ не только Богеміи, но и всѣмъ славянскимъ и венгерскимъ областямъ. Во многихъ богемскихъ городахъ нѣмецкіе колонисты получили преобладаніе надъ чешскимъ насе-

леніемъ. Новые города были совершенно изъяты отъ власти жупановъ, подчинены непосредственно королю, который назначалъ для завѣдыванія ихъ дѣлами особыхъ уполномоченныхъ. Нѣкоторые города получили магдебургское право; но для большинства были составляемы особые уставы, въ которыхъ соединялись нѣмецкіе и славянскіе юридическіе обычаи подъ преобладаніемъ римскаго права. Изъ этихъ уставовъ выработалось такъ называемое богемское городское право, оставшееся въ силѣ до XVIII вѣка.

Свободными королевскими городами были, между прочимъ, Будвейсъ, Коллинъ, Ауссигъ, Кёниггрецъ, Куттенбергъ, Лейтмерицъ, Прага, Пильзенъ. На сеймы, созываемые Оттокаромъ II, уже были приглашаемы депутаты городовъ. Сельскіе нѣмецкіе колонисты были тоже изъяты отъ власти жупановъ и жили по «нѣмецкому праву»; они были собственниками своихъ участковъ, платили съ нихъ опредѣленный оброкъ въ королевскую казну, были освобождены отъ круговой поруки, отъ натуральныхъ повинностей, пользовались многими другими льготами; низшими начальниками ихъ были сельскіе старосты.

Трудолюбивые нѣмецкіе колонисты оживили торговлю и промышленность Богеміи; особенно сильно развилось въ ней, благодаря имъ, горное дѣло. Но главной цѣлью приглашенія колонистовъ Оттокаромъ было его желаніе пріобрѣсти въ свободномъ городскомъ сословіи опору себѣ противъ вельможъ. Королевскія имѣнья вообще были заложены вельможамъ. Это дѣлалось издавна, а при возстаніи 1248 года Вѣнцеславъ заложилъ вельможамъ очень много королевскихъ имѣній, чтобы пріобрѣсти себѣ усердныхъ сторонниковъ. Условія залога были таковы, что это лишь называлось залогомъ, а на самомъ дѣлѣ было отдачей въ пользованіе. По смерти отца Оттокаръ назначилъ разборъ актовъ, выданныхъ тогда Вѣнцеславомъ, и заставилъ получившихъ имѣнья въ залогъ возвратить ихъ королю.

d) Покореніе прибалтійскихъ земель нѣмцами.

Литература. Voigt, Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens, 9 томовъ, Königsberg, 1827 — 1839; — Rutenberg, Geschichte der ostseeprovinzen Liv-Esth-und Kurland, 2 тома, Leipzig, 1859; — Watterich, Gründung des deutschen Ordensstaates in Preussen, Leipzig, 1857; — Treitschke, Das deutschte ordenstand Preussen (въ сборникѣ статей Трейчке: Historische und politische Aufsätze, Leipzig, 1865; Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen, 3 тома, Halle, 1872—1884; — Lohmeyer, Geschichte von Ost-und Westpreussen, I Abtheilung, Gotha, 1880;—Lothar Weber, Preussen vor 500 Jahren, Danzig, 1879;—Philippi und Wolky, Preussisches Urkundenbuch. Politische Abtheilung, Band I: Bildung des Ordensstaates, Königsberg, 1883.

---

1. Нѣмцы въ прибалтійскихъ земляхъ. Начало покоренія Пруссіи Нѣмецкимъ орденомъ.

Оттокаръ пріобрѣлъ себѣ большую славу крестовымъ походомъ въ Балтійское приморье, хотя особенно важныхъ результатовъ этотъ походъ не имѣлъ. Мы начнемъ теперь разсказъ объ одномъ изъ очень

Народы юго-восточнаго прибрежья Балтійскаго моря.

важныхъ фактовъ средневѣковой исторіи, объ основаніи нѣмецкихъ орденскихъ государствъ въ прибалтійскихъ земляхъ. Жители балтійскаго приморья отъ Вислы до Невы, частью народы литовскаго племени родственнаго славянамъ, какъ напримѣръ, пруссы, собственно литовцы, жмудины, частью финскія племена, какъ напримѣръ эсты, куры, ливы—долго оборонялись отъ христіанства. Они не любили воевать, предпочитали мирно заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбною ловлей, охотой, жили разбросанными по полямъ и лѣсамъ отдѣльными дворами или селеніями, не имѣвшими укрѣпленій, держались старыхъ обычаевъ; правителями ихъ были родоначальники; въ общинахъ литовскихъ племенъ было по два родовыхъ старшины: одинъ изъ нихъ, рейксъ, былъ военачальникъ; а другой, гриве, жрецъ и судья. Латыши были добродушны и веселы; эсты серьезны и меланхоличны, пруссы безпечны и скромны; но всѣ они горячо вступались за свою вѣру, когда христіане приходили разрушать ихъ святилища, стоявшія въ густыхъ рощахъ или у ручьевъ и озеръ. Такъ былъ убитъ Адальбертъ, пришедшій въ священную рощу Ромове, чтобы поставить крестъ тамъ, гдѣ жрецы воскуряли на каменнымъ алтаряхъ благовонный янтарь, а иногда и приносили людей въ жертву своимъ таинственнымъ божествамъ (VI, стран. 110). Литовскія племена отъ Вислы до Прегеля и дальше, а за ними по восточному берегу моря финскія племена жили раздробившись на мелкія независимыя общины, не замѣчаемыя исторіей. Они не были кровожадными или хищными дикарями, но уровень ихъ образованности былъ очень низокъ. Бракъ имѣлъ у нихъ характеръ грубаго порабощенія женщины: женихъ покупалъ невѣсту, она покидала родительскій домъ съ печальными пѣснями и становилась служанкой мужа; младшихъ дочерей часто продавали въ рабство; слабыхъ или увѣчныхъ младенцевъ часто убивали, такъ же какъ больныхъ людей или одряхлѣвшихъ отъ старости. Но одно великое преимущество было у людей этихъ племенъ надъ нѣмецкимъ поселянином: они были свободные люди, жили на отцовскихъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ, какъ собственники своихъ участковъ. Они были гостепріимны, любили пиры, на которыхъ пили очень много опьяняющихъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ хлѣбныхъ растеній. Долгіе зимніе вечера проводили они въ пѣніи; оно было у нихъ заунывное, пѣсни ихъ были кроткія. Были у нихъ гадатели, предсказывавшіе будущее по явленіямъ природы.

Попытки обращенія литовскихъ племенъ въ христіанство

Поляки часто пытались обратить въ христіанство своихъ сосѣдовъ, пруссовъ. Но при непрерывныхъ войнахъ между князьями за старшинство (VI, стр. 584) и при раздробленіи Польши на удѣльныя княжества, нападенія поляковъ на пруссовъ оставались почти совершенно безуспѣшны. Ходили къ пруссамъ нѣмецкіе монахи крестить ихъ, но часто платились за это жизнью. Защищенные съ запада болотами Вислы, съ юга озерами, лѣсами и огромными засѣками, пруссы

храбро и успѣшно отбивались отъ нападеній. Польскіе великіе князья XII вѣка и начала XIII столѣтія (Болеславъ IV, Казиміръ и сынъ Казиміра Лешекъ) при постоянныхъ войнахъ съ мятежными родственниками и вельможами не могли овладѣть даже и сосѣднею частью прусской страны, кульмскою землей, не говоря ужь о далекихъ отъ Польши прусскихъ областяхъ, Помезаніи и Погезаніи (по Вислѣ и Ногату), Натангіи, Варміи, Самогитіи (у Фришъ-Гафа и за Двиной), о болотистыхъ и лѣсистыхъ Галиндіи и Судавіи (у Спирдингскаго озера); но вестфальскіе и нижнесаксонскіе торговцы и ремесленники, давно проникнувшіе въ Померанію и Силезію, стали теперь селиться и на востокѣ отъ Вислы. Бременскіе торговцы основали въ 1187 году на Двинѣ поселеніе Икскюль; вслѣдъ за ними приплылъ туда изъ гольштинскаго монастыря Зегеберга монахъ Мейнгардъ и построплъ въ красивой, обильной ручьями мѣстности церковь во имя Богоматери; около этой церкви возникъ городъ, получившій названіе Риги. Но дѣло крещенія прибалтійскихъ язычниковъ стало быстро подвигаться, лишь когда принялъ на себя заботу о немъ Иннокентій III.

Основаніе Риги

Бременскій каноникъ Альбертъ фонъ-Апельдернъ или по другому фамильному владѣнію Буксгёвденъ, человѣкъ отважный и вмѣстѣ разсудительный, получилъ отъ Иннокентія санъ епископа лифляндскаго и сталъ созывать крестоносцевъ на завоеваніе данной ему епархіи. Крестоносцы пріѣзжали къ нему, но обыкновенно оставались въ Лифляндіи недолго, ѣхали обратно домой; чтобъ имѣть постоянное войско, онъ основалъ военный орденъ, который назвалъ Братствомъ христіанскаго рыцарства; уставъ для этихъ рыцарей онъ составилъ по образцу устава тампліэровъ и далъ имъ одежду подобную тампліэрской, бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ; но сверхъ плаща они носили мечъ, потому стали называть ихъ меченосцами. Иннокентій III далъ утвержденіе ордену, и Альбертъ назначилъ орденскимъ магистромъ Винно (или по другой формѣ имени Вингольда). Рыцари были авантюристы, съѣхавшіеся изъ разныхъ земель; они обязывались повиноваться епископу. Туземцы, не привычные къ войнѣ, не могли устоять противъ этихъ одѣтыхъ въ желѣзо всадниковъ.

Общее возстаніе туземцевъ.

Вскорѣ по основаніи ордена меченосцы при помощи самландцевъ одержали блестящую побѣду надъ возвратившимися съ набѣга литовцами. Прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ язычество было совершенно искоренено въ Лифляндіи; крещенные туземцы не разъ возвращались къ старой вѣрѣ; но какъ только былъ основанъ орденъ меченосцевъ, стало очевидно, что ливы, летты и семгаллы будутъ порабощены и принуждены креститься; въ ихъ земляхъ строились церкви, монастыри; Рига стала центромъ нѣмецкой культуры; король Филиппъ въ 1206 году далъ епископу Альберту санъ нѣмецкаго князя и отдалъ ему Лифляндію въ ленное владѣніе. Альбертъ давалъ меченосцамъ обширныя имѣнья, объявилъ, что третья часть завоеванныхъ земель должна поступать въ ленное владѣніе ордена. Рыцари строили замки, принуждали туземцевъ платить подати, ходить на

Побѣда христіанства въ Лифляндіи.

барщину. Пощады туземцамъ не было отъ рыцарей, ливы почти всѣ были истреблены; земля ихъ обратилась въ пустыню, какъ будто по ней прошла чума; спасались почти только тѣ, которые бѣжали къ своимъ соплеменникамъ, латышамъ.

Покореніе Эстляндіи и Курляндіи. Присоединеніе меченосцевъ къ Нѣмецкому ордену.

Успѣшнѣе оборонялись отъ рыцарей эсты. Но приплыли въ Эстляндію датчане (стр. 120); они были сильнѣе меченосцевъ, загоняли въ лѣса плохо вооруженныхъ эстовъ, какъ стада животныхъ, жгли ихъ селенья, шли за ними въ лѣса, душили дымомъ костровъ прятавшіяся въ пещерахъ толпы, и эсты покорились христіанамъ. Черезъ нѣсколько времени городъ Ревель, основанный Вальдемаромъ Датскимъ, и всѣ его завоеванія въ Эстляндіи перешли подъ власть меченосцевъ. Порабощенные, принуждаемые ходить на барщину, имѣвшую очень тяжелый размѣръ, эсты ненавидѣли своихъ нѣмецкихъ господъ. Меченосцы привыкли буйствовать и свирѣпствовать. Первый магистръ ордена Винно былъ убитъ Вигбертомъ Зёстскимъ (въ 1209 году). Скоро меченосцы поссорились съ епископомъ рижскимъ, отказали ему въ повиновеніи, дѣлались все болѣе требовательными. При магистрѣ Фольквинѣ они овладѣли замкомъ Дерптомъ и островомъ Эзелемъ; такимъ образомъ ихъ владѣнія распространились до русской границы и до сосѣдства съ берегомъ Швеціи. Фридрихъ II въ маѣ 1226 далъ имъ грамату, освобождавшую орденъ отъ подвластности епископу рижскому; ставившій его подъ непосредственную власть нѣмецкаго короля; въ 1231 году было принуждено креститься племя куровъ; побѣды рыцарей убѣдили ихъ, что христіанскій Богъ сильнѣе ихъ боговъ; они стали принимать нѣмецкіе обычаи, рыцари заставили ихъ прекратить морскіе разбои. Но сосѣдніе туземцы оставались опасными врагами меченосцевъ, еще страшнѣе были шведы и русскіе; потому меченосцы желали присоединиться къ Нѣмецкому ордену. Германъ Зальца не захотѣлъ признать членами его этихъ буйныхъ людей. Но когда они потерпѣли отъ литовцевъ на Мемелѣ тяжелое пораженіе, при которомъ погибъ и магистръ
1236. Фольквинъ, папа убѣдилъ Нѣмецкій орденъ принять ихъ подъ свое покровительство, чтобы не погибло христіанство въ тѣхъ областяхъ. Гросмейстеръ Нѣмецкаго ордена согласился, чтобы меченосцы присо-
1237. единились къ нѣмецкимъ рыцарямъ; они приняли одежду Нѣмецкаго ордена, и начальникъ ихъ, называвшійся гермейстеромъ (военнымъ магистромъ, начальникомъ войска), обязался повиноваться гросмейстеру Нѣмецкаго ордена. Эстляндія была возвращена датчанамъ, но черезъ нѣсколько времени снова отнята у нихъ нѣмецкими рыцарями.

Основаніе епископства прусскаго.

Въ 1209 году пріѣхали къ Иннокентію III нѣсколько монаховъ цистерціанскаго монастыря Оливы, находившагося близъ Данцига, и просили у папы благословенія проповѣдовать христіанство въ кульмской землѣ, принадлежавшей тогда Конраду, князю мазовскому, брату великаго князя польскаго, Лешка Краковскаго. Главнымъ изъ этихъ

монаховъ былъ Христіанъ. Иннокентій радостно благословилъ ихъ на дѣло проповѣди. Подъ покровительствомъ Конрада Мазовскаго Христіанъ и его товарищи пошли крестить пруссовъ кульмской земли, и черезъ два года Христіанъ, пріѣхавъ снова въ Римъ, сообщилъ папѣ, 1211.
что апостольское благословеніе дало большой успѣхъ миссіонерству, многіе знатные и незнатные пруссы уже крестились. Иннокентій отправилъ къ польскимъ князьямъ и епископамъ посланіе, рекомендуя Христіана ихъ покровительству. Но они по личнымъ разсчетамъ не исполнили просьбу папы. Польскіе прелаты досадовали на то, что Христіанъ подчиненъ прямо архіепископу гнѣзенскому, то-есть поставленъ въ независимость отъ нихъ, называли его монаховъ и его самого буйными людьми; а Конрадъ Мазовскій хотѣлъ порабощать пруссовъ.—Два прусскіе родоначальника лансонской и лёбауской областей поѣхали въ Римъ креститься. Папа назначилъ Христіана епископомъ 1215.
прусскимъ; крестившіеся родоначальники признали Христіана господиномъ своихъ областей. Христіанъ возвратился изъ Рима съ правомъ быть господиномъ всей прусской земли. Но сначала надобно было завоевать ее. Папа далъ ему разрѣшеніе проповѣдовать крестовый походъ противъ пруссовъ. Но въ то время по всей западной Европѣ шли приготовленія къ походу въ Палестину (стр. 93); потому призывъ къ походу въ Пруссію не могъ имѣть большого успѣха. Христіанъ однакоже не терялъ бодрости.

Крестоносцы, хотя въ небольшомъ числѣ, пошли на помощь Христіану. Онъ получалъ и денежныя пособія; на эти деньги онъ покупалъ у пруссовъ дѣтей (пруссы имѣли обычай торговать дѣтьми), строилъ школы, училъ покупаемыхъ мальчиковъ, приготовляя изъ нихъ миссіонеровъ; пруссы не довѣряли нѣмцамъ, Христіанъ надѣялся, что своихъ соплеменниковъ они будутъ слушать охотнѣе. Радуясь успѣхамъ Христіана, папа 5 мая 1218 далъ ему право учреждать въ Пруссіи епископства и назначать епископовъ. Дѣятельность Христіана.

Сдѣлавъ своей резиденціей замокъ Кольменъ (Кульмъ), Христіанъ дѣятельно приглашалъ къ себѣ крестоносцевъ изъ Германіи и Польши. Генрихъ Бородатый, герцогъ силезскій, привелъ много воиновъ. Христіанъ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обѣщался отдать ему и его силезскимъ рыцарямъ замокъ Кульмъ и часть прусской земли, заключилъ договоръ съ Конрадомъ Мазовскимъ, по которому Конрадъ уступилъ ему кульмскую землю. Герцоги померанскіе, Свантополкъ и Вратиславъ, тоже приняли участіе въ крестовомъ походѣ и вмѣстѣ съ Генрихомъ двинулись на язычниковъ. Пруссы оборонялись очень упорно и сами стали вторгаться съ земли враговъ, ворвались во владѣнія Свантополка, остававшіяся беззащитными, взяли приступомъ Данцигъ, разрушили Оливу, увели и предали мучительной смерти монаховъ (27 сентября), пошли въ Мазовію, опустошали ее, жгли церкви и монастыри; жители бѣжали въ лѣса. Язычники пруссы опу- Неудача крестоваго похода. Августъ 1222. 1223. 1224.

стошали и землю тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые приняли христіанство. Вожди крестоносцевъ ушли при самомъ началѣ грознаго нападенія язычниковъ; у Христіана оставалось лишь небольшое число воиновъ; онъ заперся съ ними въ Кульмѣ; опустошивъ окрестности этого замка, язычники ушли; нѣсколько лѣтъ ихъ свобода и вѣра оставались въ безопасности.

Христіанъ и Конрадъ просятъ помощи Нѣмецкаго ордена.

Христіанъ сталъ придумывать средство возобновить дѣло порабощенія пруссовъ; онъ твердо убѣдился, что «въ ихъ землѣ крестъ можно водрузить только мечомъ». Годы, когда Фридрихъ готовился къ экспедиціи въ Палестину, подвергся отлученію за отсрочку ея и наконецъ отправился въ святую землю, были неблагопріятны хлопотамъ Христіана созвать новыхъ крестоносцевъ для покоренія пруссовъ. Конрадъ Мазовскій раньше Христіана нашелъ воиновъ для этого дѣла. Конрадъ видѣлъ, что Мазовія не будетъ имѣть спокойствія, пока на сѣверѣ отъ нея живутъ язычники. Онъ полагалъ, что договоръ, заключенный съ Христіаномъ, уничтоженъ безуспѣшностью крестоваго похода и тѣмъ, что язычники овладѣли кульмскою землей; по его мнѣнію, Христіанъ утратилъ право на нее, что онъ имѣетъ право стать самъ государемъ этой области, которой овладѣли язычники. Онъ рѣшился призвать на войну съ пруссами рыцарей Нѣмецкаго ордена; говорятъ, что эта мысль была внушена ему Гюнтеромъ, епископомъ плоцкимъ. Передъ тѣмъ временемъ, когда Фридрихъ Барбаросса отправился въ крестовый походъ, въ Іерусалимѣ существовало маленькое общество нѣмцевъ, заботившееся о больныхъ и нуждающихся соотечественникахъ въ Палестинѣ; сынъ императора, пріѣхавъ по его смерти въ святую землю, преобразовалъ это товарищество въ рыцарскій орденъ, которому далъ уставъ и одежду тампліэровъ. Климентъ III утвердилъ 6 октября 1191 уставъ этого ордена нѣмецкихъ рыцарей; первымъ гросмейстеромъ его былъ назначенъ Генрихъ Вальдботъ, уроженецъ западной Германіи. Гоэнштауфены покровительствовали Нѣмецкому ордену, дали ему большія имѣнья въ сицилійскомъ королевствѣ и въ Германіи по среднему Рейну и въ Гессенѣ. Могущество его быстро росло. Мы видѣли, что храбрый и даровитый гросмейстеръ его, Германъ Зальца, былъ очень вліятельнымъ совѣтникомъ Фридриха II. Тампліэры и іоанниты приняли сторону папы, были врагами Фридриха; орденъ нѣмецкихъ рыцарей, основанный династіею Гоэнштауфеновъ и постоянно пользовавшійся ея покровительствомъ, оставался неизмѣнно вѣренъ Фридриху II, получалъ отъ него за это новыя владѣнія и привилегіи: императоръ далъ его гросмейстеру санъ нѣмецкаго князя. Папа и другіе рыцарскіе ордена ненавидѣли Нѣмецкій орденъ, служившій врагу ихъ; потому онъ не пріобрѣлъ большого значенія въ Палестинѣ; впрочемъ и вообще нѣмцевъ было тамъ гораздо меньше, чѣмъ французовъ. Видя, что не могутъ играть важной роли въ Азіи, рыцари

Исторія Нѣмецкаго ордена.

Нѣмецкаго ордена желали найдти себѣ какую-нибудь арену для дѣятельности въ Европѣ. Они предложили королю венгерскому Андрею свою помощь для обороны его владѣній отъ кумановъ (половцевъ). Онъ далъ имъ трансильванскую область Бурзу; они построили тамъ замки Крейцбургъ и Кропштадъ, ходили оттуда до Дуная и до Алуты.

Фридрихъ II даетъ Пруссію въ ленное владѣніе Герману Зальцѣ 1226.

Итакъ рыцари Нѣмецкаго ордена желали перенести центръ своей военной дѣятельности изъ Азіи въ Европу; потому Германъ Зальца съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Конрада Мазовскаго, обѣщавшаго отдать ему кульмскую и лёбаускую области за помощь противъ пруссовъ. Посольство Конрада пріѣхало съ этимъ предложеніемъ къ Герману Зальцѣ въ южную Италію въ 1226 году. Но радуясь предложенію, Германъ Зальца нашелъ надобнымъ вести переговоры осторожно. Андрей отнялъ у нѣмецкихъ рыцарей данную имъ область подъ предлогомъ того, что они дѣлали завоеванія безъ его разрѣшенія. Германъ Зальца считалъ необходимымъ устроить дѣло такъ, чтобы Конрадъ не могъ взять обратно ту землю, какую теперь уступаетъ. Притомъ эта земля казалась Герману недостаточной наградой за войну съ пруссами. Хитрый гросмейстеръ не отвергъ предложенія Конрада, но хотѣлъ завоевать Пруссію не для него, а для самого ордена, отправился къ императору, объяснилъ ему важность дѣла. Фридрихъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ оказать новое одолженіе своему вѣрному совѣтнику и нѣмецкимъ рыцарямъ, своимъ усерднымъ слугамъ. По стариннымъ воспоминаніямъ о зависимости Польши отъ нѣмецкаго короля Фридрихъ полагалъ, что можетъ смотрѣть на Конрада какъ на своего вассала; а уступки земель, дѣлаемыя вассаломъ, получали законную силу только съ утвержденія леннаго господина. Такимъ образомъ Фридрихъ присвоилъ себѣ право распоряжаться кульмской и лёбауской землей по своему усмотрѣнію и въ мартѣ 1226 далъ Герману Зальцѣ и Нѣмецкому ордену въ полную собственность кульмскую и лёбаускую области и всѣ тѣ земли, какія будутъ завоеваны ими въ Пруссіи, чтобы Германъ и Нѣмецкій орденъ «ввели тамъ хорошіе обычаи и законы для упроченія вѣры и установленія благополучнаго мира между жителями».

Затрудненія, встрѣченныя Нѣмецкимъ орденомъ 1226—1230.

Но императорская дарственная грамата оставалась два года бездѣйственной. Всѣ заботы Германа Зальцы и рыцарей Нѣмецкаго ордена были сосредоточены въ это время на содѣйствіи приготовленіямъ Фридриха къ экспедиціи въ Палестину. Наконецъ весною 1228 комтуръ Нѣмецкаго ордена, Филиппъ фонъ Галле, и его помощникъ Генрихъ Чехъ (der Böhme) пришли съ отрядомъ всадниковъ на Вислу. Въ Польшѣ тогда свирѣпствовало междоусобіе. Свантополкъ, князь померанскій, убилъ великаго князя Лешка Краковскаго, и польскіе князья воевали между собой изъ-за сана великаго князя.

Пользуясь этимъ, пруссы снова вторглись въ Мазовію и опустошили ее. Чтобъ избавиться отъ ихъ нападеній, Конрадъ Мазовскій 23 апрѣля (1228 года) купилъ себѣ помощь Нѣмецкаго ордена грамотой, по которой съ согласія своихъ наслѣдниковъ отдавалъ ему кульмскую область и куявское селеніе Орлово. Правда, впрочемъ, что грамата была написана въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которымъ можно было давать такой смыслъ, что оставляетъ за собой и своими наслѣдниками верховную власть надъ землями, уступаемыми ордену. Правда и то, что эти земли были уже раньше отданы Конрадомъ Христіану. Христіанъ передалъ ордену свое право на десятину съ кульмской земли, но думалъ основать въ Пруссіи новый рыцарскій орденъ, который находился бы въ полной зависимости отъ него, какъ былъ основанъ такой орденъ въ Лифляндіи епископомъ рижскимъ. Конрадъ помогъ исполненію этой мысли Христіана, подаривъ замокъ Добринъ и добринскую область ордену, учреждаемому имъ для войны съ пруссами. Взаимное недовѣріе между Нѣмецкимъ орденомъ и Христіаномъ парализовало ихъ дѣятельность; вредно отзывалась на ихъ отношеніяхъ и ссора папы съ императоромъ. Такимъ образомъ болѣе года не было предпринимаемо нападенія на пруссовъ. Наконецъ при посредничествѣ Германа Зальцы императоръ и папа рѣшились примириться, и когда переговоры между ними подвинулись на столько, что уже близко было заключеніе мира въ Санъ-Джермано (стран. 118), гросмейстеръ Нѣмецкаго ордена получилъ досугъ заняться дѣломъ о покореніи пруссовъ.

Договоры Германа Зальцы съ Христіаномъ и Конрадомъ. 1230—1231.

Новое посольство, отправленное Германомъ Зальцей, заключило съ Христіаномъ договоръ, по которому Христіанъ отдалъ Нѣмецкому ордену кульмскую землю за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстностей, перечисленныхъ въ трактатѣ, а орденъ обязался признавать Христіана леннымъ господиномъ кульмской земли и всѣхъ завоеваній, какія будутъ сдѣланы въ Пруссіи, защищать его права и платить ему ленную дань. Конрадъ очень разсердился на этотъ договоръ. Нѣмецкіе рыцари были недовольны тѣмъ, что поставлены подъ ленную власть Христіана; пользуясь ихъ неудовольствіемъ, Конрадъ черезъ два мѣсяца послѣ ихъ договора съ Христіаномъ заключилъ съ ними тайный союзъ, по которому отдавалъ имъ кульмскую землю въ полную собственность и условливался съ ними вести общими силами войну противъ язычниковъ пруссовъ. Совѣтникъ Конрада, епископъ плоцкій, отдалъ свои владѣнія ордену, освободивъ ихъ отъ всякаго подчиненія епископской власти. Обезпечивъ такимъ образомъ права ордена на завоеванія, какія будутъ сдѣланы имъ, Германъ сообщилъ Григорію тѣ части заключенныхъ договоровъ, какія могъ сообщить, не возбуждая неудовольствія папы, и просилъ его утвержденія. Григорій былъ очень радъ тому, что «шатеръ

Мартъ 1230.

церкви расширится и число вѣрующихъ пріумножится», и обратился къ рыцарямъ Нѣмецкаго ордена съ воззваніемъ, чтобъ «они, облекшись въ доспѣхи Божіи, мужественно шли исхитить прусскую землю изъ рукъ язычниковъ». Германъ Бальке, назначенный ландфохтомъ (правителемъ) Пруссіи, повелъ на Вислу отрядъ своихъ сотоварищей, рыцарей Нѣмецкаго ордена, ему дана была императоромъ жалованная грамата; въ одобреніи папы Нѣмецкій орденъ не сомнѣвался. Конрадъ Мазовскій далъ Бальке грамату, которой предоставлялъ ордену неограниченную власть надъ кульмской землей и всей Пруссіей. Григорій 12 сентября утвердилъ грамату Конрада.

Чтобы Христіанъ не мѣшалъ дѣлу, рыцари Нѣмецкаго ордена заключили договоръ и съ нимъ въ январѣ 1231 года въ Рубенихитѣ, то есть, вѣроятно, въ Рупенцахъ близъ Бромберга. Они признали Христіана леннымъ господиномъ Пруссіи; онъ предоставилъ имъ третью часть завоеваній, какія они сдѣлаютъ, и право свободно избирать сановниковъ тѣхъ церквей, какія они построятъ; кромѣ того онъ освободилъ орденъ отъ десятинной подати.

Вступленіе рыцарей Нѣмецкаго ордена въ Пруссію 1231.

Генрихъ Бальке перешелъ Вислу и построилъ Торнъ, первый орденскій замокъ въ прусской землѣ. Папа обнародовалъ воззваніе, приглашавшее нѣмцевъ магдебургской и бременской митрополій и всѣхъ вѣрующихъ въ Польшѣ, Помераніи, Гольштиніи, на островѣ Готландѣ идти на войну съ пруссами. Онъ давалъ имъ такія же индульгенціи, какъ отправляющимся на войну въ Палестину. Доминиканцы по порученію папы усердно проповѣдовали крестовый походъ на пруссовъ. Рыцари Нѣмецкаго ордена, увѣренные, что къ нимъ прійдетъ много воиновъ, стали дѣйствовать отважно, напали на помезанцевъ, грабившихъ правый берегъ Вислы, и хотя враги были многочисленны, рыцари нанесли имъ страшное пораженіе. Одинъ изъ помезанскихъ военачальниковъ, отличавшійся особенною храбростью, былъ измѣнически захваченъ рыцарями въ плѣнъ. Они умертвили его. Помезанцы упали духомъ, отправили къ Христіану пословъ съ приглашеніемъ прійдти въ ихъ землю, потому что они готовы покориться и принять крещеніе. Онъ съ нѣсколькими рыцарями отправился къ нимъ, и многіе изъ нихъ дѣйствительно крестились. Онъ сообщилъ папѣ объ этомъ успѣхѣ и просилъ дальнѣйшей поддержки. Григорій велѣлъ доминиканцамъ проповѣдовать какъ можно усерднѣй.

Взятіе Христіана въ плѣнъ 1231.

Но Христіанъ ошибся, вообразивъ, что уже торжествуетъ. Быть можетъ, помезанцы имѣли коварный замыселъ, когда приглашали его; быть можетъ, они тогда и дѣйствительно готовы были на все, чтобъ отклонить отъ себя погибель, а когда первое впечатлѣніе прошло, они ободрились; какъ бы то ни было, но толпа пруссовъ самландской области бросилась на Христіана, убила сопровождавшихъ его рыца-

рей и увела въ плѣнъ христіанскаго гриве, какъ называли его пруссы. Христіанъ девять лѣтъ оставался въ плѣну. Пруссы самландской области возвратились къ язычеству, стали опустошать кульмскую землю, Куявію, Мазовію. Нѣмецкій орденъ извлекъ себѣ пользу изъ того, что Христіанъ попался въ плѣнъ. Въ 1233 году пришли нѣмецкіе крестоносцы «сокрушить вооруженной десницей упорство грубаго народа», какъ выражался объ этомъ папа; при ихъ содѣйствіи рыцари Нѣмецкаго ордена прогнали пруссовъ изъ кульмской земли и объявили ее своею собственностью, не обращая вниманія на права епископа. Кульмъ сталъ однимъ изъ центровъ владычества ордена; въ этотъ городъ пришли новые колонисты, и 28 декабря 1233 орденъ далъ Кульму грамату, устаповлявшую права горожанъ, обязывавшую ихъ признавать верховпую власть ордена и платить ему опредѣленныя подати.

Исходнымъ пунктомъ для завоеванія кульмской области былъ данный Конрадомъ Нѣмецкому ордену замокъ Нессау, стоявшій на лѣвомъ (польскомъ) берегу Вислы, на границѣ Куявіи съ кульмскою землей. Висла тутъ даетъ большіе изгибы и переправляться черезъ нее было легко; потому замокъ былъ удобнымъ базисомъ для походовъ на пруссовъ. Рыцари исправили его укрѣпленія, и онъ сталъ первымъ центромъ, отъ котораго ходили они на завоеваніе. Германъ Бальке перешелъ Вислу весною 1231 года; съ нимъ было семь рыцарей ордена и отрядъ конницы, находившійся на орденской службѣ. Противъ Нессау стоялъ на холмѣ громадный дубъ. Холмъ былъ удобенъ для обороны; развѣсистыя вѣтви дуба представляли удобство для сторожевого поста. Рыцари построили на дубѣ платформу, съ которой слѣдили за движеніями враговъ. Они возвели на холмѣ укрѣпленіе. Стѣны этого замка имѣли только одни ворота, которыя вели къ Вислѣ, и черезъ ровъ былъ только одинъ мостъ у этихъ воротъ. У берега Вислы всегда стояли лодки для подвоза съѣстныхъ припасовъ и для того, чтобы въ случаѣ бѣды можно было уплыть за рѣку. Около замка сталъ возникать городъ Торнъ; теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ селеніе Старый Торнъ; мѣстность оказалась непригодной для города, потому что затоплялась разливами рѣки, и черезъ пять лѣтъ городъ былъ перенесенъ на полторы мили выше по рѣкѣ, гдѣ и находится нынѣшній Торнъ.

Папа отдаетъ Пруссію въ ленное владѣніе ордену.

Григорій IX очень благоволилъ къ Герману Зальцѣ и покровительствовалъ ордену. Гросмейстеръ сообщилъ ему, что христіане осенью 1233 года одержали на рѣкѣ Сиргунѣ блестящую побѣду надъ язычниками и покорили Помезанію; къ этому извѣстію онъ прибавлялъ просьбу, чтобы Григорій далъ ордену кульмскую землю и Пруссію какъ папскій ленъ; Григорій съ радостью согласился, буллой 3 августа 1234 года объявилъ кульмскую землю и Пруссію собственностью римскаго престола и отдалъ эту страну на вѣчныя времена въ ленное владѣніе Нѣмецкому ордену, съ обязанностью платить опредѣленную дань папѣ. Григорій отправилъ къ епископамъ, крестоносцамъ, Конраду Мазовскому посланія, увѣщевая ихъ чтить права церкви и

ордена, рыцари котораго отреклись отъ суеты мимолетной земной жизни, чтобы добродѣтелью пріобрѣсти райское блаженство. Гульельмо, епископъ моденскій, ловкій дѣлецъ, нѣсколько разъ пріѣзжавшій легатомъ папы въ кульмскую землю и Мазовію, имѣлъ отъ Григорія инструкцію безусловно поддерживать интересы ордена.

Въ апрѣлѣ 1235 присоединился къ Нѣмецкому ордену орденъ добринскихъ рыцарей, основанный Христіаномъ по соглашенію съ Конрадомъ Мазовскимъ. Владѣнія добринскихъ рыцарей поступили подъ власть Нѣмецкаго ордена. Конрадъ сердился на это самоволіе, но легатъ убѣдилъ его примириться съ Германомъ Бальке, имѣвшимъ теперь титулъ ландмейстера (правителя страны).

Успѣхи Нѣмецкаго ордена.

Нѣмецкій орденъ овладѣлъ всею Помезаніею, взялъ всѣ укрѣпленія пруссовъ, до-устья Ногата, построилъ замокъ Маріэнвердеръ. Лѣтомъ 1236 года Григорій поручилъ своему легату основать въ завоеванной землѣ три епископства, опредѣлить границы епархій сообразно совѣту рыцарей и назначить епископовъ изъ доминиканцевъ. Такимъ образомъ плѣнный Христіанъ былъ лишенъ даннаго ему права назначать епископовъ, и рыцари, по желанію которыхъ было сдѣлано это, уже могли не опасаться его возвращенія изъ плѣна; онъ лишился возможности стать соперникомъ ихъ. Пробывъ девять лѣтъ въ плѣну, онъ возвратился (въ 1239 году). Владычество нѣмецкихъ рыцарей было уже тогда упрочено. Въ 1237 году они основали Эльбингъ, взяли Бальгасъ, ставшій опорнымъ пунктомъ ихъ для завоеванія Вармін; лифляндскіе меченосцы присоединились къ ихъ ордену; такимъ образомъ они стали господами земель между Финскимъ заливомъ и южнымъ берегомъ Балтійскаго моря. Христіанъ былъ выкупленъ изъ плѣна нѣсколькими торговцами; орденъ не принималъ въ этомъ участія, напротивъ очень досадовалъ на то, что онъ выкупленъ. Онъ сталъ ссылаться на папскую буллу, объявившую его леннымъ господиномъ кульмской земли и Пруссіи; рыцари не хотѣли и слушать его. Онъ въ 1240 году отправилъ жалобу на нихъ къ папѣ. Григорій велъ тогда ожесточенную борьбу съ Фридрихомъ, потому былъ радъ случаю отнять свое покровительство у ордена, оставшагося вѣрнымъ отлученному отъ церкви императору, и поручилъ епископу мейсенскому произвести слѣдствіе о томъ, кто правъ, Христіанъ или орденъ; но вскорѣ послѣ того умеръ. Иннокентій IV, мысли котораго были сосредоточены на борьбѣ съ Фридрихомъ, не имѣлъ досуга заниматься споромъ Христіана съ орденомъ; притомъ, очень можетъ быть, что онъ находилъ дѣломъ несвоевременнымъ вредить ордену: храбрый русскій князь Александръ Невскій 5 апрѣля 1242 года разбилъ Нѣмецкихъ рыцарей въ сраженіи на льду Пейнусскаго озера, а населеніе Курляндіи возстало противъ рыцарей; владычество католической церкви на Балтійскомъ приморьѣ колеба-

лось; не время было ослаблять Нѣмецкій орденъ притѣсненіями. Такимъ образомъ Христіанъ не получилъ защиты со стороны папы и при посредничествѣ легата заключилъ съ Нѣмецкими рыцарями договоръ, по которому предоставилъ ордену двѣ трети прусской земли и отказался отъ ленной власти надъ нимъ и его владѣніями; орденъ согласился оставить третью долю Пруссіи во владѣніи Христіана. Иннокентій вновь объявилъ владѣнія ордена папскимъ леномъ, то-есть государствомъ, зависящимъ только отъ папы, не подвластнымъ никому другому, и далъ гросмейстеру ордена Гергарду Мальбергу инвеституру пожалованіемъ перстня. Христіанъ протестовалъ, но папа не имѣлъ охоты слушать его протесты. Черезъ нѣсколько времени Христіанъ умеръ; когда именно,—мы не знаемъ, но раньше 1264 года; мы имѣемъ извѣстіе, что въ началѣ этого года каѳедра его уже давно оставалась безъ епископа.

Послѣдніе годы жизни Христіана.

---

2. Окончательное покореніе прибалтійскихъ земель Нѣмецкимъ орденомъ.

Отношенія ордена къ папѣ.

Законность правъ Нѣмецкаго ордена на владѣніе Пруссіей была очень сомнительна. Мы говоримъ не о томъ, что орденъ не имѣлъ никакого права нападать на пруссовъ, истреблять и порабощать ихъ; въ тѣ времена мысли подобнаго рода не имѣли значенія. Но и съ тогдашней точки зрѣнія орденъ былъ неправъ; по формальнымъ актамъ власть надъ Пруссіей должна была принадлежать епископу Христіану; орденъ хитрилъ, коварствовалъ, папа противозаконно передалъ ему власть, отнятую у Христіана; того требовала выгода католической церкви. Папа долженъ былъ покровительствовать ордену, мечъ котораго былъ необходимъ для покоренія пруссовъ римскому престолу. Легатъ папы дѣйствовалъ въ интересахъ католической церкви, поддерживая орденъ въ его борьбѣ съ Христіаномъ и отвѣчая на жалобы Христіана, что его судьба служитъ доказательствомъ безсилія его водворить христіанство въ прусской землѣ.— Скоро возникли новыя опасности для ордена. Герцогъ Свантополкъ, померанскій, храбрый воинъ, при помощи котораго рыцари побѣдили язычниковъ въ битвѣ на Сиргунѣ, сталъ опасаться возростающаго могущества ордена, вступилъ въ союзъ съ пруссами и началъ войну противъ нѣмецкихъ рыцарей. Императоръ и папа внушали рыцарямъ поступать кротко съ тѣми туземцами, которые крестятся, не отнимать у нихъ собственности и личной свободы; но рыцари дѣйствовали не такъ: они порабощали пруссовъ, пользовались всякимъ предлогомъ увеличить обременительность своего владычества; притѣ-

сняемые возмущались, рыцари побѣждали ихъ и увеличивали тяжесть ига. Иннокентій, отозвавшій прежняго легата, въ совѣтахъ котораго нуждался при затруднительности своей борьбы съ Фридрихомъ, прислалъ въ Пруссію новаго легата, Альберта, архіепископа армагскаго; саповникъ ирландской церкви, Альбертъ былъ родомъ нѣмецъ. Папа 1246.
назначилъ его правителемъ церковныхъ дѣлъ въ Пруссіи, поручилъ ему основать епископства въ завоеванныхъ областяхъ. Орденъ скоро поссорился съ правителемъ прусской церкви; рыцари требовали, чтобъ онъ назначилъ епископами священниковъ, принадлежащихъ къ ихъ ордену (въ составѣ котораго, кромѣ воиновъ, находились и священники); Легатъ говорилъ, что онъ имѣетъ право назначать
епископовъ по своему выбору; орденъ пожаловался на него папѣ; 1249.
Иннокентій принялъ сторону ордена; Альбертъ написалъ папѣ, что орденъ незаконно присвоилъ себѣ права, принадлежавшія Христіану; папа отвѣчалъ ему, что онъ отправленъ легатомъ въ Пруссію для веденія церковныхъ дѣлъ по установленному порядку, а не для изслѣдованія законности этого порядка; онъ принужденъ былъ рыцарями заключить съ ними согласіе, по которому за 300 марокъ серебра обѣщался никогда не оспоривать законности правъ ордена и не жить въ Пруссіи безъ его согласія. Потомъ, при посредничествѣ прежняго легата Гульельмо, былъ заключенъ договоръ, давшій полную побѣду ордену: архіепископская каѳедра была перенесена въ Ригу далеко отъ Пруссіи; было постановлено, что прусскіе епископы (кульмскій, маріэнвердерскій, эльбингскій) и каноники ихъ капитуловъ будутъ избираемы изъ орденскаго духовенства. Такимъ образомъ въ рукахъ орденскаго ландмейстера соединялись духовная и свѣтская власть.

Продолженіе завоеваній.

Благодаря единству власти и покровительству папы, Нѣмецкій орденъ сталъ одерживать удивительные успѣхи. Агенты папы постоянно проповѣдовали крестовый походъ въ Пруссію на помощь ордену; по вліянію папы померанскій князь помирился съ ландмейстеромъ; папа убѣждалъ богемскаго короля и польскихъ князей помогать ордену; давалъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ крестоносцамъ, идущимъ въ Пруссію; поджигатели и всякіе другіе преступники избавлялись отъ наказаній, отправляясь туда. Папа всяческими средствами склонялъ храбрыхъ людей поступать въ братство «новыхъ Маккавеевъ», соглашался даже расторгать бракъ, если просящій развода хотѣлъ поступать въ орденъ нѣмецкихъ рыцарей; усердное покровительство папы ордену произвело желанные результаты. Туземцы очень храбро защищали свою свободу, національность отъ иноземныхъ поработителей; но дѣйствовали порознь, не имѣли политической дальновидности, ссорились между собой по близорукимъ разсчетамъ и, послѣ опустошительной многолѣтней войны, были окончательно побѣждены хорошо вооруженными рыцарями, дѣйствовавшими по обдуманному плану. Рыцари поступали съ туземцами совершенно безжалостно; люди знатные, они

не признавали никакихъ правъ за туземцами, презрѣннымъ простолюдьемъ; христіане, они гнушались язычниками, нѣмцы, они презирали народъ низшей, по ихъ мнѣнію, расы. Зима не прекращала ихъ нападеній, напротивъ они пользовались морозомъ, пролагавшимъ путь черезъ болота. На льду рѣкъ и болотныхъ озеръ часто бывали ожесточенныя битвы; случалось, что ледъ подламывался; нѣмцы и враги ихъ погибали вмѣстѣ. Лифляндская риѳмованная хроника рыцаря Дитлиба фонъ Альнпеке, участника этой войны, представляетъ вѣрное изображеніе ужасовъ ея. Нѣмцы шли впередъ и впередъ по систематическому, хорошо обдуманному плану. Овладѣвъ какою нибудь мѣстностью, они тотчасъ грузили на суда камень, везли туда, сплавляли туда лѣсъ и строили замокъ; одно за другимъ возникали эти укрѣпленія, мѣста для которыхъ были выбраны съ такой стратегической разсчетливостью, что знатоки дѣла дивятся сообразительности рыцарей. Съ рыцарями, порабощавшими туземцевъ, шли священники, крестили побѣжденныхъ; потомъ пріѣзжали нѣмецкіе купцы, селились въ завоеванныхъ областяхъ, шли колонисты изъ сѣверной Германіи, основывали города. Орденъ покровительствовалъ колонистамъ; грамата, данная нѣмцамъ, поселившимся въ Кульмѣ, предоставила городу магдебургское право, то есть широкую свободу самоуправленія; большинство городовъ, возникавшихъ послѣ того, получало также магдебургское право. Граждане Любека основали Эльбингъ и ввели тамъ свое любекское право. Города служили центрами, изъ которыхъ нѣмецкіе поселенцы распространялись по окрестностямъ, а въ случаѣ возстанія туземцевъ нѣмецкіе сельскіе колонисты находили себѣ безопасный пріютъ за крѣпкими стѣнами городовъ.

Крестовый походъ Оттокара 1254—1255.

Агенты папы усердно убѣждали вѣрующихъ идти въ Пруссію на войну съ язычниками. Оттокаръ, король богемскій, другъ папы и Нѣмецкаго ордена, рѣшился предпринять крестовый походъ въ Пруссію. Орденъ уже владѣлъ Вислою до самаго устья и Фришъ-Гафомъ; былъ построенъ Эльбингъ; гросмейстеръ Поппо фонъ Остерна задумалъ покорить Самландію, бывшую главнымъ оплотомъ язычества. Оттокаръ съ множествомъ чешскихъ и австрійскихъ рыцарей пришелъ завоевать ее для ордена. Разсказы объ этомъ походѣ сильно прикрашены. Они говорятъ, что на Рождество пришло съ Оттокаромъ въ Бреславль болѣе шестидесяти тысячъ воиновъ, что Оттокаръ повелъ ихъ черезъ Эльбингъ и вдоль Фришъ-Гафа въ Самландію, овладѣлъ священнымъ ромовскимъ лѣсомъ, что христіанскіе священники срубили дубъ, подъ которымъ совершалось языческое богослуженіе, что идолы были низвергнуты, гриве былъ убитъ. Груды пепла и обагренныя потоками крови полосы снѣга показывали путь, по которому шло христіанское войско. При Рудау жители Самландіи потерпѣли ужасное пораженіе, упали духомъ, покорились,—говоритъ преданіе, вѣроятно прикрашивая факты; самландскій князь крестился и получилъ имя Оттокара. Король

богемскій пошелъ внизъ по Прегелю и показалъ орденскимъ рыцарямъ мѣсто, гдѣ построить замокъ, принудилъ весь самландскій народъ креститься и возвратился домой. Орденскіе рыцари назвали въ честь его Кенигсбергомъ (королевской горой) замокъ, который построили на холмѣ, указанномъ королемъ богемскимъ.

Въ нѣмецкихъ разсказахъ о побѣдахъ ордена безъ сомнѣнія находится много прикрасъ; но достовѣренъ тотъ основной фактъ, что рыцари подвигались впередъ, и страна германизировалась. Нѣмцы дѣлали просѣки въ лѣсахъ, осушали болота, истребляли язычество, истребляли съ тѣмъ вмѣстѣ и множество язычниковъ; пощаженныхъ крестили; въ опустѣвшія земли шли нѣмецкіе колонисты. Нѣмецкій языкъ сталъ господствовать въ Пруссіи, распространялся по Курляндіи, въ которой были построены и скоро достигли цвѣтущаго благосостоянія нѣмецкіе города Гольдингенъ, Виндава и Митава.

Общее возстаніе туземцевъ 1260—1261.

Но владычество нѣмцевъ было еще непрочно. Литовцы и сосѣды ихъ семгаллы и жмудины крестились, когда нѣмцы входили въ ихъ земли, но по удаленіи нѣмцевъ возвращались къ служенію старымъ богамъ. Они сходились на совѣщанія въ лѣсахъ и у ручьевъ подъ священными дубами и составляли планы мщенія. Великій князь литовскій, Миндове (Миндовгъ), крестился, увѣрилъ нѣмецкихъ рыцарей въ своей преданности ордену, они стали называть его королемъ литовскимъ. Но рыцари раздражали туземцевъ своей жестокостью, принуждая ихъ сражаться противъ соплеменниковъ, исполнять тяжелыя работы при постройкахъ замковъ, отнимая у нихъ дѣтей въ заложники, ругаясь не только надъ простолюдинами, но и надъ князьями; выведенные изъ терпѣнія, туземцы готовились къ возстанію, заговоръ охватилъ все пространство отъ Двины до Вислы. Миндове отрекся отъ христіанства и соединился съ возставшими подданными рыцарей. Литовцы, жмудины и куроны разбили лифляндскаго ландмейстера въ упорной битвѣ при Дурбенѣ (13 іюля 1260); въ ней было убито болѣе ста пятидесяти орденскихъ рыцарей, въ числѣ ихъ и ландмейстеръ. Курляндія и Семгаллія свергли съ себя иго ордена, другія покоренныя области были охвачены возстаніемъ. «По ночамъ лѣтомъ 1260 года», говоритъ Трейчке, «прусскіе лѣса оживали, верховный жрецъ приходилъ къ заговорщикамъ, въ шумѣ дубовъ слышался голосъ старыхъ божествъ, возвѣщавшихъ, что пришелъ часъ мщенія. Вождями заговора были знатные пруссы, учившіеся въ нѣмецкихъ школахъ, ознакомившіеся съ нѣмецкой дисциплиной, узнавшіе нѣмецкое военное искусство. Орденскій правитель замка Ленцберга, стоявшаго у Фришъ-Гафа, пригласилъ къ себѣ прусскихъ знатныхъ людей, которыхъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ, и сжегъ домъ, въ которомъ собралъ ихъ. Извѣстіе объ этомъ злодѣйствѣ окончательно раздражило народъ; въ сентябрѣ онъ взялся за оружіе, сталъ жечь орденскіе замки, уби-

вать нѣмецкихъ мастеровъ, которые строили ихъ. Миндове перешелъ Двину, ворвался въ Лифляндію, русскіе помогали ему; онъ предавалъ мучительной смерти захватываемыхъ въ плѣнъ орденскихъ рыцарей и священниковъ.

Трудное положеніе ордена.

Этимъ началась война, ужасающая своей свирѣпостью. «Отъ самландскаго приморья до помезанской границы въ одинъ условленный день были разрушены или сожжены церкви, и капеллы, замучены до смерти священники», говоритъ Фохтъ: «Нѣмцы, не успѣвшіе бѣжать въ сосѣдніе замки, всѣ были убиты или уведены въ плѣнъ. Орденскихъ рыцарей туземцы убивали продолжительными мученіями. Война длилась десять лѣтъ; владычество ордена казалось близкимъ къ паденію, рыцари просили помощи у Ганзы, у папы. Урбанъ IV убѣждалъ нѣмцевъ идти на помощь ордену; но въ эти годы Германія страдала отъ анархіи; то было время такъ называемаго междуцарствія; каждый долженъ былъ думать о защитѣ своего имущества, если самъ не грабилъ сосѣдовъ; на помощь ордену шли изъ Германіи лишь немногіе воины. Эта поддержка была недостаточна для подавленія возстанія. Пруссы, имѣя проводниковъ, хорошо знающихъ мѣстность, нѣсколько разъ одолѣвали нѣмцевъ въ открытомъ боѣ, взяли и сожгли Гейльсбергъ и Браунсбергъ; въ сраженіи при Лебау были убиты 40
1263. орденскихъ рыцарей и ландмейстеръ. Пруссы сожгли Маріэнвердеръ. Климентъ IV, преемникъ Урбана, всячески хлопоталъ о томъ, чтобы шли изъ Германіи новые отряды крестоносцевъ «одолѣть воскресшее въ Пруссіи чудовище прежняго идолослуженія».

Второй крестовый походъ Оттокара 1267—1268.

По убѣжденію Климента, Оттокаръ снова пошелъ въ Пруссію; ему нужна была дружба папы, притомъ онъ думалъ, завоевавъ языческую землю, оставить ее подъ своей властью; но онъ не одержалъ важныхъ успѣховъ. Онъ пошелъ зимой по Вислѣ; настала оттепель, ледъ подломился, и многіе воины его утонули въ рѣкѣ. Онъ скоро вернулся домой.

Подавленіе возстанія.

Наконецъ пришло для ордена болѣе счастливое время. Рудольфъ Габсбургскій получилъ нѣмецкую корону, возстановилъ въ государствѣ порядокъ, и проповѣдь папскихъ агентовъ стала имѣть болѣе успѣха. Самъ Рудольфъ, участвовавшій, какъ говорятъ, въ первомъ крестовомъ походѣ Оттокара, покровительствовалъ рыцарямъ, отправлявшимся въ Пруссію; число ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, и гросмейстеръ Конрадъ Тирбергъ, человѣкъ дѣятельный и храбрый, сталъ одолѣвать враговъ. Толпы пруссовъ, дѣйствовавшія порознь, были побѣждаемы одна за другой, прогоняемы въ лѣса и болота, вожди возстанія падали въ сраженіяхъ или попадались въ плѣнъ и умирали мучительной смертью; нѣмцы подвигались впередъ, жгли, рѣзали. Въ Погезаніи они перерѣзали всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, увели въ рабство женщинъ и дѣтей, очистили мѣсто нѣмецкимъ колонистамъ; тоже было въ другихъ прусскихъ областяхъ. Самландія, пользовав-

шаяся прежде цвѣтущимъ благосостояніемъ, была опустошена и выжжена; мѣста селеній поросли кустарникомъ, въ которомъ стали жить кабаны. Дольше всего оборонялись пруссы въ юговосточной части своей земли, въ судавской области, гдѣ между озеръ и лѣсовъ жило храброе населеніе, привычное переносить всѣ трудности военнаго дѣла, и было многочисленное благородное сословіе, составлявшее конницу. Когда утрачена была надежда на спасеніе свободы, послѣдній судавскій князь Скурдо опустошилъ родную землю, проклялъ поработителей, которые поселятся на ней, и ушелъ съ остаткомъ своего народа въ Литву. Въ судавской области водворилась тишина пустыни; теперь пруссы согнули, по выраженію нѣмецкаго лѣтописца, свою упрямую волю подъ ярмо христіанства и ордена. Одѣтые въ желѣзо воины ордена покорили и Курляндію и Семгаллію, опустошивъ ихъ. Старая леттская пѣсня говоритъ о воинѣ, упавшемъ на землю, по которой течетъ ручей крови, въ которой рѣчки запружены, какъ плотинами, грудами костей, по полямъ разбросаны мечи и, какъ срубленные дубы, лежатъ тѣла мужей.

Возникновеніе новаго порядка.

Итакъ весь прусскій народъ былъ порабощенъ орденскими рыцарями при помощи нѣмецкихъ крестоносцевъ. Отъ низовья Вислы до Литвы на востокъ и до Мазовіи на югъ все повиновалось ордену. Язычество было уничтожено, пруссы крещены, старое народное устройство ихъ уничтожено. Рыцари рѣшили, что пруссы своимъ мятежомъ утратили всѣ права; завоеваніе дало ордену такую власть, какой не могли доставить ему граматы императора и папы. Онъ сталъ собственникомъ всей прусской земли. Правда, онъ называлъ папу своимъ леннымъ господиномъ; но лишь говорилось какъ любезность для поддержанія въ папѣ усердія къ интересамъ ордена. Дружба съ папой была полезна ордену, потому рыцари поддерживали ее. Опытные дѣловые люди, они, подавивъ мятежъ, устроили новый порядокъ въ странѣ. Онъ не былъ преобразованіемъ стараго; рыцари не стѣснялись обычаями туземцевъ, распоряжались всѣмъ, какъ хотѣли. Они построили много новыхъ замковъ по всѣмъ областямъ отъ кульмской земли до восточной границы; замки стояли близко одинъ къ другому, и если въ окрестностяхъ одного изъ нихъ возникала попытка возобновить мятежъ, гарнизоны другихъ спѣшили на помощь своимъ товарищамъ. Съ уцѣлѣвшими туземцами рыцари распорядились сообразно своимъ политическимъ и военнымъ разсчетамъ. Многія семейства прусскаго знатнаго сословія были обращены, подобно простолюдинамъ, въ людей несвободныхъ; другимъ знатнымъ пруссамъ рыцари оставили личную свободу и прежнія ихъ имѣнья въ награду за вѣрность или даже дали имъ кульмское право, то есть сравняли ихъ съ нѣмецкими колонистами; но и эти привилегированныя прусскія семейства были поставлены подъ власть нѣмецкихъ правителей, и мужчины ихъ обязаны были ходить на войну вмѣстѣ

Построеніе замковъ.

Юридическое положеніе туземцевъ.

съ нѣмцами; въ этомъ отношеніи они дѣлились на два класса: тѣ знатные пруссы, которые не получили кульмскаго права, а были только оставлены людьми лично свободными, обязаны были ходить съ нѣмцами на войну и за границы владѣній ордена, а тѣ, которые получили кульмское право, были, подобно нѣмецкимъ простолюдинамъ, обязаны являться въ войско только по призыву на оборону страны отъ нападенія враговъ. Чтобы держать въ постоянной зависимости отъ себя тѣхъ пруссовъ, которымъ оставлена была земля, орденъ почти никогда не давалъ имъ граматъ на владѣніе ею. Множество пруссовъ было истреблено орденскими рыцарями; многіе бѣжали въ Литву, многіе были переселены орденомъ изъ родныхъ мѣстъ въ другія области. Такимъ образомъ осталось огромное количество пустой земли; орденъ населялъ ее нѣмецкими колонистами. Рыцари, пріѣзжавшіе въ Пруссію, получали помѣстья въ собственность или въ ленное владѣніе; изъ нихъ и прусскихъ вельможъ, бывшихъ вѣрными нѣмцамъ, образовалась землевладѣльческая аристократія, подвластная ордену. Своимъ подданнымъ пруссамъ землевладѣльцы не могли предоставлять правъ больше тѣхъ, какія давалъ орденъ пруссамъ, жившимъ на земляхъ, находившихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ. Нѣмецкіе простолюдины, приходившіе въ Пруссію, селились подлѣ замковъ; такимъ образомъ возникали нѣмецкіе города, получавшіе отъ ордена самоуправленіе; другіе нѣмецкіе колонисты стропли селенія, воздѣлывали опустѣвшія земли, разводили стада; нѣмецкіе поселяне были ограждены законами отъ произвола сосѣднихъ землевладѣльцевъ; но туземцы, хотя и крестились, оставались порабощены.

Нѣмецкіе поселенцы.

Дружба ордена съ римской куріей приносила ему ту пользу, что въ Пруссіи не было борьбы государства съ церковью, истощавшей силы другихъ государствъ. Орденъ самъ былъ церковнымъ учрежденіемъ. Кромѣ вармійской (эрмеландской) каѳедры всѣ другіе епископы и члены капитуловъ назначались правительствомъ самого ордена изъ орденскихъ священниковъ. Онъ предоставилъ епископамъ и монастырямъ третью долю земли; расширять эти владѣнія было запрещено церкви, и даже въ нихъ города и селенія были подчинены законамъ, какіе установлялъ орденъ; подданные церкви были обязаны ходить на войну по призыву ордена. Такимъ образомъ церковь была совершенно подвластна орденскому правительству. Когда впослѣдствіи орденъ поссорился съ римской куріей, этотъ порядокъ дѣлъ уже такъ укоренился, что папа не могъ возстановить духовныхъ саповниковъ ордена противъ правительства.

Отношенія ордена къ церкви.

Нѣмецкіе колонисты быстро германизировали страну; уцѣлѣвшіе туземцы скоро забыли свой языкъ. Въ началѣ XIV вѣка нѣмецкій языкъ уже владычествовалъ въ Пруссіи. Тамъ развилась нѣмецкая жизнь и стала развиваться нѣмецкая свобода. Орденъ распространялъ владычество нѣмецкой національности дальше и дальше на сѣверо-

Германизація страны.

востокъ. Въ началѣ XIV столѣтія онъ уже прочно владѣлъ лѣвымъ берегомъ Вислы, Данцигъ былъ цвѣтущимъ торговымъ городомъ, и когда въ 1309 году гросмейстеръ Зигфридъ Фейхтвангенъ перенесъ резиденцію орденскаго правительства въ Маріэнбургъ, начался новый періодъ развитія.

---

3. Манфредъ и Эццелино.

Иннокентій обрадовался смерти Конрада, какъ прежде радовался смерти Фридриха, поѣхалъ въ Римъ и купилъ себѣ расположеніе народа и энергическаго сенатора Брапкалеоне, отдавъ на ихъ произволъ враждебный Риму городъ Тиволи; но скоро уѣхалъ опять въ Ананьи. Конрадъ, чувствуя приближеніе смерти, продолжалъ подозрѣвать Манфреда въ коварныхъ замыслахъ и назначилъ регентомъ на время малолѣтства Конрадина не его, а родственника своей жены Елисаветы, маркграфа Бертольда Гоэнбурга, бывшаго главнокомандующимъ въ Апуліи. Бертольдъ былъ ненавистенъ населенію сицилійскаго королевства, какъ суровый притѣснитель, и притомъ не имѣлъ такихъ дарованій, какія были нужны, чтобы защитить права Конрадина отъ папы. Онъ отправилъ къ Иннокентію въ Ананьи посольство, главою котораго былъ Манфредъ. Послы предложили папѣ миръ и просили его признать права Конрадина, котораго Конрадъ въ своемъ завѣщаніи поручилъ покровительству папы. Иннокентій, вѣроятно увидѣвшій въ переданныхъ послами отъ Бертольда предложеніяхъ признакъ робости и слабости, разсудилъ, что вѣрнѣе всего достигнетъ цѣли, принявъ на себя роль повелителя. Онъ потребовалъ, чтобы немедленно и безусловно была признана верховная власть папы надъ королевствомъ сицилійскимъ, и чтобъ оно было передано въ управленіе ему; рѣшеніе вопроса о правахъ Конрадина на престолъ онъ отлагалъ до будущаго времени; впрочемъ онъ соглашался, чтобы въ присягѣ на вѣрность церкви сановники и народъ сицилійскаго королевства удержали слова «не въ ущербъ правамъ Конрадина»; но эта уступка со стороны Иннокентія была лишь хитростью, предназначенной сохранить за папой характеръ справедливаго леннаго господина. Онъ принялъ мѣры овладѣть королевствомъ, объявилъ, что отлучитъ отъ церкви тѣхъ сицилійскихъ правителей и вельможъ, которые къ назначенному сроку не исполнятъ его повелѣній; срокъ прошелъ, и онъ отлучилъ отъ церкви Манфреда, Фридриха Антіохійскаго, Бертольда Гоэнбурга и его брата, отправилъ легатомъ въ королевство сицилійское своего племянника, кардинала Гульельмо Фіэски, давъ ему неограниченное полномочіе дѣлать займы подъ залогъ церковныхъ

Манфредъ отвергаетъ предложенія Иннокентія IV.

имѣній, получать доходы вакантныхъ епископскихъ каѳедръ и аббатствъ, установлять въ королевствѣ коллекты и другіе налоги, брать ихъ даже и съ церковныхъ имѣній, отнимать владѣнія у тѣхъ, кто откажетъ въ повиновеніи церкви. Деньги, собираемыя легатомъ, Иннокентій предназначалъ на содержаніе войска, которое готовился послать въ королевство, и на пріобрѣтеніе приверженцевъ тамъ.

Манфредъ принимаетъ на себя регентство 1254.

Въ королевствѣ сицилійскомъ поднялось волненіе. Противники нѣмецкаго владычества стали громко высказывать свою ненависть къ нему. Гибеллины увидѣли, что Бертольдъ не способенъ подавить готовящееся возстаніе. Онъ былъ храбрый воинъ, но человѣкъ недаровитый, алчный, безхарактерный, назначалъ на важныя должности людей, обманывавшихъ его притворной преданностью. Наконецъ онъ самъ понялъ, что обязанность, возложенная на него Конрадомъ, превышаетъ его силы, и въ собраніи вліятельныхъ людей гибеллинской партіи объявилъ, что готовъ передать регентство Манфреду. Сначала Манфредъ отказался, потомъ по настойчивому желанію вельможъ принялъ на себя регентство. Но Бертольдъ, не думавшій о пользѣ королевской династіи, заботившійся только о своихъ выгодахъ, оставилъ у себя королевскую казну; потому Манфредъ не имѣлъ средствъ для борьбы съ папой. Онъ принужденъ былъ продать свою серебряную посуду и другія дорогія вещи, чтобы выдавать жалованье нѣмецкимъ наемникамъ. Піэро Руффо, котораго Бертольдъ назначилъ правителемъ Калабріи, Риччардо Монтенеро и нѣкоторые другіе вельможи вступили въ тайныя сношенія съ папой, обѣщаясь отдать въ его власть королевство за награды, о которыхъ торговались съ нимъ. Примѣру этихъ вельможъ скоро послѣдовали другіе; самъ Бертольдъ вошелъ въ переговоры съ Иннокентіемъ, чтобы сохранить свои владѣнія и сокровища. Манфредъ видѣлъ невозможность открыто бороться съ папой и, черезъ своего дядю, графа Гальвано Ланчу, передалъ ему, что отдастъ сицилійское королевство подъ его управленіе, если онъ приметъ власть, какъ опекунъ малолѣтняго короля Конрадина. Иннокентій поступилъ по своему обыкновенію коварно, принялъ предложеніе Манфреда, заключилъ съ нимъ 27 сентября договоръ, по которому отдалъ ему въ потомственное владѣніе княжество тарентское, графство андрійское и всѣ его имѣнья, какъ лены церкви, обнародовалъ циркуляръ, въ которомъ говорилъ, что сохранитъ герцогство швабское и право на королевство іерусалимское за Конрадиномъ, котораго принимаетъ подъ свою опеку. Такъ онъ говорилъ; но раньше того онъ, какъ мы знаемъ, ужь отдалъ Франджипани княжество тарентское и призналъ королемъ сицилійскимъ Эдмонда, сына Генриха III; объ этомъ онъ молчалъ.

Иннокентій отправился принять подъ свое управленіе королевство сицилійское, овладѣть которымъ такъ давно желали папы. Въ октябрѣ онъ въ сопровожденіи изгнанныхъ сицилійскихъ гвельфовъ,

жаждавшихъ мщенія, выступилъ изъ Ананьи и перешелъ у Чеперано апулійскую границу. Манфредъ съ вельможами королевства ждалъ его на границѣ, взялъ поводъ его коня и повелъ врага своей фамиліи черезъ мостъ рѣки Гарильяно въ королевство сицилійское. Населеніе принимало Иннокентія съ радостью. Королевство долго и тяжко страдало отъ нѣмецкихъ военачальниковъ и воиновъ, было угнетено тяжелыми налогами; потому было расположено къ перемѣнѣ правительства, надѣясь, что его судьба облегчится. Правда, папа не выказывалъ себя особенно милостивымъ, но должно было полагать, что прочная власть будетъ менѣе притѣснять народъ, чѣмъ прежнее правительство, положеніе котораго было шатко и которое потому принуждено было дѣйствовать безпощадно. Бароны спѣшили заявлять свою преданность папѣ, чтобъ онъ утвердилъ за ними ихъ лены и возвратилъ имъ прежнія права; заявляли свою преданность ему и города, надѣясь, что онъ не будетъ стѣснять ихъ самоуправленіе. Бертольдъ Гоэнбургъ и его братъ тоже присягнули на вѣрность папѣ. Иннокентій 27 октября торжественно вступилъ въ Неаполь. Граждане приняли его съ кликами радости.

Иннокентій принимаетъ Апулію подъ свое управленіе 1254.

Если Манфредъ надѣялся, что Иннокентій приметъ управленіе королевствомъ лишь какъ регентъ на время малолѣтства Конрадина и будетъ охранять права короля, то скоро могъ понять, что ошибался. Принимая заявленія преданности отъ апулійцевъ, Иннокентій ни однимъ словомъ не упоминалъ о правахъ Конрадина. Гульельмо Фіэски потребовалъ отъ Манфреда присяги на вѣрность папѣ. Бароны, возвратившіеся изъ изгнанія, держали себя надменно. Манфредъ видѣлъ себя окруженнымъ предателями. Борелло Англоне, которому онъ далъ въ ленное владѣніе Монте Сантъ-Анджело и Алезину, объявилъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, что не будетъ повиноваться ему, и напалъ на него, когда онъ ѣхалъ по узкой дорогѣ между скалъ близъ Теано. Спутники Манфреда отразили нападеніе и убили Борелло; у него были друзья при папскомъ дворѣ; Манфредъ опасался, что они будутъ мстить за его смерть, бѣжалъ изъ Капуи въ Ачерру къ своему родственнику Райнальду, графу казертскому; Гальвано Ланча, дядя Манфреда, прислалъ ему извѣщеніе, что враги хотятъ напасть на него; онъ убѣдился, что не выигралъ ничего, покорившись папѣ, и рѣшился начать войну; въ сопровожденіи графа казертскаго и двухъ неаполитанскихъ вельможъ, Марино и Коррадо Капече, горячихъ гибеллиновъ, онъ темной ночью поѣхалъ черезъ лѣса апулійскихъ горъ по крутымъ тропинкамъ и черезъ Венозу въ Лучерію къ сарацинамъ, вѣрнымъ слугамъ его отца. Когда онъ подъѣхалъ къ Лучеріи, комендантъ этой крѣпости Джованни Мавръ былъ въ отлучкѣ; помощникъ коменданта Маркизіо имѣлъ строгую инструкцію не впускать никого въ крѣпость. Просьбы и угрозы сарациновъ оставались напрасны. Маркизіо не отворялъ ворота. Въ стѣнѣ на-

Манфредъ уѣзжаетъ въ Лучерію 1254.

шлось отверстіе, Манфредъ хотѣлъ пролѣзть въ него; сарацины, увидѣвъ это, вышли изъ терпѣнія, разбили ворота топорами и ломами и на плечахъ внесли Манфреда въ городъ. Маркизіо упалъ къ погамъ Манфреда и далъ клятву повиноваться ему.

2 ноября.

Побѣды Манфреда. Смерть Иннокентія IV 1254.

Въ королевскомъ лучерійскомъ дворцѣ хранилась казна, тамъ лежали груды золота, серебра, всяческихъ дорогихъ вещей; благодаря тому, Манфредъ могъ въ подкрѣпленіе своимъ сарацинамъ и находившимся въ Лучеріи нѣмцамъ набрать много наемниковъ. Счастье благопріятствовало ему; онъ разбилъ и разсѣялъ бывшія въ той части Апуліи папскія войска; 2 декабря взялъ Фодджу; легатъ Гульельмо оробѣлъ, бѣжалъ въ Неаполь; Троя, бывшая главной квартирой легата, отворила ворота Манфреду. Извѣстія объ успѣхахъ Манфреда такъ тяжело подѣйствовали на Иннокентія, уже бывшаго тогда больнымъ, что болѣзнь его быстро усилилась, и 7 декабря онъ умеръ.

Характеръ Иннокентія IV.

Иннокентій IV былъ человѣкъ даровитый и энергичный, но властолюбивый до безсовѣстности. „Алчный и коварный, онъ игралъ договорами“, говоритъ Грегоровіусъ, „не отступалъ ни передъ какими средствами, возбуждалъ мятежи и междоусобія; духовная власть была въ его рукахъ только орудіемъ его мірскихъ интересовъ. Онъ былъ такъ жаденъ и безсовѣстенъ, что дурное мнѣніе о немъ не можетъ быть смягчено напоминаніями о грубости тогдашнихъ нравовъ. Онъ былъ далеко хуже, чѣмъ допускали они“.

Отношенія Александра IV къ Манфреду 1254—1255.

Опасаясь нападенія Манфреда, кардиналы разсудили, что не время имъ спорить между собой, и чрезъ пять дней по смерти Иннокентія уже выбрали новаго папу. Это былъ племянникъ Григорія IX, Реджинальдо, графъ Кенти, имѣвшій санъ кардинала-епископа остійскаго. Онъ принялъ имя Александра IV. Политика папской куріи осталась при немъ прежняя; человѣкъ слабаго характера, онъ не имѣлъ силы отклониться отъ нея. Онъ писалъ въ Германію къ роднымъ Конрадина, что будетъ охранять права малолѣтняго короля, но въ то же время утвердилъ договоръ, по которому Эдмондъ, сынъ Генриха III, получилъ отъ папы королевство сицилійское, какъ вассалъ римскаго епископа, и обязывался платить въ дань своему ленному господину тысячу унцій золота. Александръ велъ переговоры съ Манфредомъ и въ то же время давалъ лены графамъ Гоэнбургамъ и другимъ его врагамъ; словомъ, политикой Александра была прежняя система двоедушія и обмана. Римская курія, разумѣется, не могла серьезно ожидать, что Манфредъ, одерживавшій теперь блестательные успѣхи, покорится папѣ, откажется отъ управленія королевствомъ сицилійскомъ. Сарацины, усердно преданные Манфреду, убили своего начальника Джованни Мавра, вѣрность котораго Манфреду была ненадежна, и выставили голову убитаго надъ воротами Лучеріи. Наемники отовсюду сходились къ Манфреду; Піэро Руффо, принявшій сторону папы,

былъ прогнанъ изъ Калабріи, скитался преслѣдуемый сторонниками Манфреда, наконецъ нашелъ рыбака, который за большую плату перевезъ его въ Неаполь, гдѣ оставался папа. Апулійскіе города пользовались междоусобіемъ, какъ нѣмецкіе междуцарствіемъ, и принимали сторону папы или сторону Манфреда, смотря по тому, какъ находили лучше для упроченія своего самоуправленія. Манфредъ скоро одолѣлъ полководцевъ папы. Бертольдъ Гоэнбургъ и его братъ, сдѣлавшіе нападеніе на княжество тарентское, были взяты въ плѣнъ Манфредомъ, преданы суду за измѣну и осуждены на тюремное заключеніе. Кардиналъ-легатъ Оттавіано былъ разбитъ, Александръ увидѣлъ себя не безопаснымъ въ Неаполѣ и въ іюлѣ 1255 уѣхалъ въ Ананьи. Черезъ нѣсколько времени римскіе вельможи и духовенство низвергли сенатора Бранкалеоне, арестовали его, потомъ дозволили ему уѣхать въ его родной городъ Болонью, и въ ноябрѣ Александръ пріѣхалъ въ Римъ.

Дальнѣйшіе успѣхи Манфреда 1256—1257.

Отъѣздъ папы изъ Апуліи далъ окончательное торжество Манфреду. Капуя, Неаполь, Аверса, Бриндизи покорились ему; онъ переправился черезъ проливъ возстановить владычество династіи Гоэнштауфеновъ въ Сициліи, гдѣ уже съ успѣхомъ дѣйствовали его дяди, Гальвано и Федериго Ланчи, покорившіе Мессину. Опасность со стороны англійскаго короля миновала. Онъ раздражилъ народъ и вельможъ обременительными налогами для экспедиціи въ сицилійское королевство, государемъ котораго хотѣлъ сдѣлать своего второго сына, Эдмонда; раздражалъ англичанъ своими поборами и братъ короля, Ричардъ Корнуэльскій, тративній деньги на подкупъ нѣмецкихъ князей; кончилось тѣмъ, что бароны возстали противъ Генриха; духовенство отказалось давать ему деньги; у него не было средствъ на войну съ Манфредомъ; онъ распустилъ флотъ и войска, которыя собралъ для экспедиціи въ королевство сицилійское. Противники Гоэнштауфеновъ, увидѣвъ, что Генрихъ бросилъ дѣло, покорились Манфреду. Сицилія и Апулія повиновались ему, въ королевствѣ не осталось папскихъ войскъ. Неудачи Александра IV не кончились этимъ. Въ Римѣ поднялись мятежи противъ него, и, возобновивъ отлученіе Манфреда отъ церкви, онъ весною 1257 уѣхалъ изъ Рима въ Витербо.

Возвращеніе Бранкалеоне 1257.

При Бранкалеоне римляне, по примѣру другихъ итальянскихъ городовъ, соединились въ корпораціи (цехи), привыкли къ самоуправленію; они не захотѣли терпѣть владычество аристократіи, прогнавшей Бранкалеоне. Народъ взялся за оружіе, новый сенаторъ Эммануэле де Мадіо былъ убитъ въ уличномъ сраженіи, народъ выгналъ изъ Рима нѣкоторыхъ вельможъ, пригласилъ Бранкалеоне возвратиться и вновь назначилъ его сенаторомъ. Онъ прогналъ или посадилъ въ темницы всѣхъ враговъ народнаго правленія, разрушилъ укрѣпленные дворцы вельможъ, конфисковалъ имѣнья многихъ изъ нихъ, нѣкоторыхъ казнилъ, вступилъ въ союзъ съ Манфредомъ и энергично защищалъ свободу римскаго народа отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Папа отлучилъ его отъ церкви, онъ презиралъ это.

Но въ слѣдующемъ (1258) году онъ при осадѣ Корнето занемогъ лихорадкой и умеръ; современники говорятъ, что онъ былъ неумолимый мститель всѣмъ беззаконникамъ, неизмѣнный другъ закона, защитникъ народа. Его останки поставили какъ святыню на мраморную колонну. Дядя его Андало, назначенный по его рекомендаціи преемникомъ ему, не имѣлъ его энергіи, не могъ защитить свободу Рима отъ папы и аристократіи. Изгнанные вельможи возвратились, подкупили чернь, одолѣли Андало, бросили его въ темницу. Онъ черезъ нѣсколько времени бѣжалъ изъ-подъ стражи.

Злодѣйства Эццелино; смерть его.

Около этого времени погибъ Эццелино и рушилось могущество его династіи. Мы говорили, какими злодѣйствами этотъ діаволъ въ человѣческомъ видѣ, какъ его называли, поработилъ своему произволу Падую, Верону, Виченцу и другіе города сѣверо-восточной Италіи. Онъ продолжалъ мучить и убивать всѣхъ возбуждавшихъ его гнѣвъ или подозрѣніе, убивалъ и людей, не занимавшихся политическими дѣлами, если они были богаты и ему хотѣлось овладѣть ихъ имуществомъ. Онъ мучилъ своихъ противниковъ такъ, наводилъ на все населеніе такой ужасъ, что, по тогдашнему выраженію, живой завидовалъ мертвому. Многія знатныя фамиліи были совершенно истреблены имъ. «День и ночь слышались изъ темничныхъ башенъ вопли пытаемыхъ», говоритъ Кортюмъ: «Кто выказывалъ состраданіе къ нимъ, считался мятежникомъ; знатность, богатство, умъ, хорошая репутація были опасными качествами; приходилось называть справедливымъ и кроткимъ безжалостнаго злодѣя. Падуя и вся веронская марка были какъ будто поражаемы смертоносной эпидеміей; кто пытался бѣжать, тѣмъ рубили руки и ноги». Александръ IV возобновилъ отлученіе Эццелино отъ церкви; онъ смѣялся и надъ этимъ, какъ надъ прежнимъ отлученіемъ, которое провозгласилъ Иннокентій IV. Впрочемъ онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрія, но оно имѣло у него не религіозный характеръ: онъ вѣрилъ въ астрологію.

Взятіе Падуи гвельфами. 1258.

Въ то время какъ Манфредъ покорялъ Апулію, Эццелино хотѣлъ расширить свое государство завоеваніями на западѣ. Онъ съ итальянскими и нѣмецкими наемниками перешелъ Минчіо и осадилъ Мантую. Но въ августѣ онъ получилъ извѣстіе, что архіепископъ равеннскій Фелипно Фонтана, храбрый воинъ, созвалъ по порученію папы крестоносцевъ, повелъ ихъ къ Падуѣ, овладѣлъ ею, и что тамъ собираются всѣ изгнанники, всѣ враги „еретика и врага церкви“, какъ называлъ папа Эццелино. Онъ возвратился въ Верону и сталъ готовиться къ борьбѣ съ крестоносцами. Племянникъ его Анседизіо де Гвидотисъ, усердный исполнитель его злодѣйскихъ повелѣній, навлекъ на себя злобу дяди робостью, съ какою бѣжалъ отъ крестоносцевъ изъ Падуи, правителемъ которой былъ; Эццелино осудилъ его и другихъ бѣжавшихъ съ нимъ, какъ трусовъ, быть сожженными и сжегъ ихъ въ Веронскомъ амфитеатрѣ, уцѣлѣвшемъ со временъ римской имперіи. Всѣхъ падуанцевъ, находившихся въ войскѣ Эццелино или захваченныхъ въ Веронѣ и другихъ подвластныхъ ему городахъ, Эццелино велѣлъ бросить въ темницы; ихъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ. Онъ съ большимъ войскомъ пошелъ на Падую, но стѣны ея были крѣпки, гвельфы мужественно оборонялись, и его нападеніе было отбито.

Потерпѣвъ неудачу въ осадѣ, онъ одержалъ побѣду на открытомъ полѣ. Соединившись съ гибеллинскимъ полководцемъ Пелавичини, онъ 1 сентября нанесъ при Торричеллѣ пораженіе крестоносцамъ, взялъ въ плѣнъ легата и многихъ знатныхъ гвельфовъ и съ торжествомъ вступилъ въ Брешію. Но въ мартѣ слѣдующаго (1259) года при посредничествѣ папы многіе ломбардскіе города и вельможи заключили между собою союзъ для общей борьбы противъ злодѣя. Онъ самъ ускорилъ свою погибель. Въ Миланѣ произошло вооруженное столкновеніе между массой горожанъ и вельможами, причисленными къ городскому сословію. Народъ, вождемъ котораго былъ Мартино делла Торре, прогналъ вельможъ; они просили помощи Эццелино. Онъ пошелъ изъ Брешіи на Миланъ. Еслибъ онъ овладѣлъ этимъ могущественнымъ городомъ, онъ сталъ бы владыкою всей Ломбардіи. Но въ битвѣ при Кассано онъ былъ на мосту окруженъ непріятельскими воинами, ударъ булавою по шлему свалилъ его на землю; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ замокъ Сончино. Онъ сорвалъ перевязки съ своихъ ранъ, чтобы скорѣе умереть, и на убѣжденія францискапцевъ принести покаяніе Богу передъ смертью отвѣчалъ съ презрѣніемъ, что сожалѣетъ только объ одномъ: онъ не вполнѣ отмстилъ своимъ врагамъ. Онъ умеръ 7 октября (1259 года). Тѣло его, положенное въ мраморный гробъ, было съ почестями погребено подлѣ сончинской ратуши (похоронить его въ церкви или на кладбищѣ было нельзя, какъ человѣка отлученнаго отъ церкви). Съ его смертью рушилось могущество его династіи. Верона, Бассано, Вищенца прогнали его гарнизоны, освободили заключенныхъ имъ въ темницы, возстановили свою свободу.—

Смерть Эццелино. 1259.

Альберико, братъ Эццелино, бывшій нѣкоторое время союзникомъ папы, давно перешелъ снова на сторону брата. Миланцы и ихъ союзники подъ начальствомъ маркграфа Эсте осадили горный замокъ Санъ Дзено, въ которомъ заперся Альберико. Послѣ отчаянной обороны онъ принужденъ былъ сдаться. Вмѣстѣ съ нимъ были взяты въ плѣнъ его жена Маргарита, шесть сыновей и двѣ дочери, обѣ красавицы. Онъ умолялъ маркграфа о пощадѣ, напоминалъ, что долго былъ въ дружбѣ съ нимъ; мольбы остались напрасными, онъ былъ отданъ на поруганіе народу; передъ его глазами убили его жену и дѣтей, привязали его къ лошадямъ, волочили по землѣ, пока онъ умеръ, и сожгли его тѣло.

Смерть Альберико 1260.

25 августа 1268.

Кортюмъ говоритъ: „Такъ въ одинъ годъ пало могущество династіи Романо, и сбылся сонъ, который видѣлъ отецъ Эццелино и Альберико въ ночь своей свадьбы. Ему снилось тогда, что гора, на которой стоитъ замокъ Романо, подымается выше и выше, что вершина ея поднялась выше облаковъ, но вслѣдъ за тѣмъ она стала уменьшаться, какъ таетъ снѣгъ подъ лучами солнца, она опустилась до земли, исчезла вся, исчезъ и стоявшій на ней замокъ безъ всякаго слѣда“.

Флагелланты.

Въ эти годы появились въ итальянскихъ городахъ толпы людей, для спасенія души подвергавшихъ себя истязаніямъ; длинными процессіями тянулись они по улицамъ, ходили изъ города въ городъ, испуская стоны и бичуя свои обнаженныя спины; то были вопли отчаянія о томъ, что люди погрязли во грѣхѣ, что на землѣ владычествуетъ беззаконіе и жизнь сдѣлалась невыносимымъ бѣдствіемъ. Это были флагелланты (бичующіеся); они появились потомъ и въ другихъ странахъ. Мы будемъ говорить о нихъ впослѣдствіи.

---

4. Карлъ Анжуйскій. Погибель Манфреда.

Манфредъ провозглашаетъ себя королемъ 1258.

Возстаніе римлянъ отняло у Александра IV возможность вмѣшиваться въ дѣла сицилійскаго королевства, и Манфредъ былъ полнымъ господиномъ этой страны. Но онъ назывался только регентомъ, и ему казалось, что его власть не будетъ имѣть прочности, пока онъ не приметъ королевскаго титула. Онъ рѣшилъ поступить такъ, какъ поступилъ Фридрихъ Швабскій въ малолѣтство Фридриха II: устранить ребенка-племянника, сдѣлаться изъ временнаго правителя королемъ. Манфредъ могъ привести много оправданій себѣ: духовные и свѣтскіе сановники настойчиво просили его принять королевскій санъ; высказывалъ это желаніе и весь народъ, надѣявшійся, что энергическій государь, уроженецъ южной Италіи, установитъ въ королевствѣ прочный порядокъ; притомъ была молва, что Конрадинъ умеръ, — (быть можетъ, это было придумано или по крайней мѣрѣ распространяемо приверженцами Манфреда). Можно было говорить, что принятіе королевскаго сана Манфредомъ необходимо для возбужденія довѣрія къ его управленію дѣлами, для примиренія партій.—Итакъ Манфредъ былъ провозглашенъ королемъ и 11 августа 1258 года короновался въ Палермо. Новый король созвалъ въ Барлетту государственный сеймъ; сеймъ радостно согласился признать его законнымъ королемъ. Но вскорѣ послѣ того пріѣхали изъ Германіи послы, объявили ложнымъ слухъ о смерти Конрадина, передали Манфреду требованіе матери Конрадина Елисаветы и ея брата Людвига, пфальцграфа рейнскаго, чтобъ онъ отказался отъ королевскаго сана, призналъ королемъ Конрадина, законнаго наслѣдника престола. Манфредъ отвѣчалъ, что онъ законный король государства, которое отнялъ мечомъ у двухъ папъ и владѣть которымъ призвалъ его голосъ народа; что пока живъ, онъ останется королемъ, но согласенъ, чтобъ его наслѣдникомъ былъ Конрадинъ; къ этому онъ прибавилъ, что итальянцы не захотятъ повиноваться иноземцу, будутъ покорны только такому государю, который можетъ считаться,

какъ онъ, итальянцемъ по рожденію или хотя по воспитанію, и что если Елисавста хочетъ, чтобъ ея сынъ сдѣлался со временемъ королемъ сицилійскимъ, то она должна прислать ребенка на воспитаніе при сицилійскомъ дворѣ. Съ такимъ отвѣтомъ Манфредъ отпустилъ пословъ, давъ имъ богатые подарки.

Палермскій дворъ.

Коронованіемъ Манфреда началось для королевства сицилійскаго хорошее время. Манфредъ научился правительственному искусству въ школѣ своего отца, но былъ менѣе суровъ и болѣе справедливъ, чѣмъ Фридрихъ II, менѣе угнеталъ подданныхъ коллектами и монополіями; земледѣліе, промышленность, торговля оживились; благосостояніе возвратилось въ страну. Палермскій дворъ былъ блистателенъ. Манфредъ и греческая принцесса Елена, на которой онъ по смерти первой жены, савойской принцессы Беатриче, женился лѣтомъ 1259 года, были очень красивые и образованные люди; жизнь во дворцѣ была роскошная, веселая; король и королева любили поэзію, музыку; придворные обычаи были изящны, турниры и другія развлеченія шли непрерывнымъ рядомъ. Манфредъ чувствовалъ свое положеніе такимъ прочнымъ, что думалъ даже о завоеваніяхъ. Латинская имперія готова была рушиться; отецъ Елены былъ государемъ Эпира и Этоліи; Манфредъ могъ надѣяться, что при паденіи латинской имперіи нѣкоторыя области ея могутъ быть раздѣлены между нимъ и тестемъ.

Новое отлученіе Манфреда отъ церкви.

Но папа считалъ Манфреда своимъ смертнымъ врагомъ. Новый сицилійскій король не искалъ нѣмецкой короны или императорскаго сана; но папѣ были нужны уступки, на которыя не могъ согласиться Манфредъ. Александръ требовалъ, чтобъ онъ, подобно прежнимъ королямъ сицилійскимъ, призналъ себя вассаломъ папы и чтобъ онъ удалилъ сарацинovъ изъ Италіи. Манфредъ не хотѣлъ быть вассаломъ и не согласился удалить отъ себя тѣхъ воиновъ, преданности которыхъ онъ былъ обязанъ своими побѣдами; вмѣсто того, чтобъ изгнать сарацинovъ изъ Апуліи, онъ призывалъ въ Лучерію новыя массы мусульманъ изъ Аравіи и сѣверной Африки. Папа объявилъ коронованіе Манфреда противозаконнымъ и недѣйствительнымъ, вновь провозгласилъ Манфреда отлученнымъ отъ церкви, наложилъ интердиктъ на тѣ города, которые останутся вѣрны ему, объявилъ, что низлагаются тѣ епископы, которые не покорятся волѣ папы. Монахи нищенствующихъ орденовъ снова пошли по королевству сицилійскому проповѣдовать возстаніе противъ «султана, союзника невѣрныхъ». Но король, его дяди, его намѣстники зорко слѣдили за умыслами противниковъ; возникавшіе мятежи были подавлены въ самомъ зародышѣ, мятежники были безпощадно истребляемы. Авантюристъ Джованни, выдававшій себя за Фридриха II, возвратившагося изъ многолѣтняго паломничества, собравшій вокругъ себя изгнанниковъ и другихъ недовольныхъ, былъ повѣшенъ; умерли на висѣлицахъ и его сторонники.

Завоеванія Манфреда 1260—1261.

Отлученія отъ церкви уже давно утратили силу. Проклинаемый папой Манфредъ расширялъ свою власть на среднюю Италію, пріобрѣталъ могущественное вліяніе въ сѣверной и надѣялся стать государемъ всей Италіи. Онъ благоразумно разсчиталъ, что ему было бы невыгодно вступать въ союзъ съ Эццелино, возбудившимъ противъ себя ненависть всѣхъ гвельфовъ, и назначилъ своимъ главнокомандующимъ въ Ломбардіи маркиза Пелавичини, который разорвалъ прежнія сношенія съ Эццелино. Венеція и Генуя по торговымъ разсчетамъ были расположены къ дружбѣ съ королемъ сицилійскимъ. Манфредъ заключилъ договоры съ ними, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Сполето и сосѣднихъ областяхъ (такъ называемыхъ маркахъ) генуэзца Дорію. Въ Тосканѣ онъ пріобрѣлъ блистательные успѣхи. Флорентинскіе гибеллины, изгнанные изъ своего родного города, собрались въ Сіэнѣ; вождемъ ихъ былъ отважный и талантливый Фарината дельи Уберти. Флорентинцы пошли на Сіэну. Гибеллины обратились съ просьбой о помощи къ Манфреду; онъ остерегся на первое время принять рѣшительное участіе въ тосканскихъ дѣлахъ, но послалъ сіэнскимъ гибеллинамъ небольшой отрядъ нѣмецкихъ наемниковъ; гибеллины назначили имъ двойное жалованье; это

4 сентября 1260.

увеличило ихъ усердіе. Въ сраженіи у рѣчки Арбіи близъ замка Монтаперто гибеллины нанесли полное пораженіе флорентинцамъ, хотя были вдвое слабѣе ихъ числомъ, взяли колесницу съ знаменемъ, сигнальный войсковой колоколъ, захватили весь обозъ и скоро вступили побѣдителями во Флоренцію; гвельфы бѣжали въ Лукку. Манфредъ увидѣлъ, что гвельфы уже не такъ сильны, какъ прежде, потому нашелъ возможнымъ открыто стать на сторону гибеллиновъ по наслѣдственной политикѣ династіи Гоэнштауфеновъ. Онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ во Флоренцію своего родственника Джордано Англано, графа Санъ-Северино; флорентинцы дружески приняли Англано и почти всѣ тосканскіе города стали сообразоваться съ распоряженіями Манфреда. Гвельфы послали къ матери и дядѣ Конрадина просьбу, чтобъ они отправили въ Италію законнаго короля

8 мая 1261.

сицилійскаго. Отъ имени восьмилѣтняго ребенка было объявлено, что онъ принимаетъ подъ свое покровительство Флоренцію и всѣхъ тосканскихъ гвельфовъ. Манфредъ отвѣчалъ на это объявленіемъ, что скоро самъ прійдетъ въ Тоскану. Папа угрожалъ Флоренціи и Сіэнѣ интердиктомъ, упрашивалъ пизанцевъ разорвать дружбу съ Манфредомъ; само собою разумѣется, что угрозы и просьбы его были напрасны. Съ тревогой доживалъ старикъ свои послѣдніе дни; онъ умеръ въ Витербо 28 марта 1261 года. Около этого времени Флоренція, Сіэна и Пиза заключили между собою союзъ для войны съ гвельфами и признали Манфреда своимъ покровителемъ. Вскорѣ присоединились къ ихъ союзу Пистойя, Вольтерра, Прато и почти всѣ другіе тосканскіе города; такимъ образомъ Манфреду повиновались

теперь земли центральной Италіи на сѣверѣ отъ римской области, въ самомъ Римѣ онъ имѣлъ много приверженцевъ. Только Перуджія и союзные съ ней умбрійскіе города оставались на сторонѣ умирающаго папы.

Урбанъ IV. Смѣна папъ не измѣняла политику римской куріи. Кардиналы, жившіе въ Витербо, 4 сентября выбрали папой находившагося тамъ патріарха іерусалимскаго, Жака Панталеона, француза, человѣка незнатнаго, обязаннаго своимъ возвышеніемъ отчасти уму, отчасти счастью. Онъ принялъ имя Урбана IV и сталъ дѣйствовать противъ отродья ехидны, какъ называлъ Гоэнштауфеновъ, въ духѣ своихъ предмѣстниковъ, но съ горячностью личной ненависти. Въ Римѣ шла борьба партій: гвельфы хотѣли назначить сенаторомъ Ричарда Корнуэльскаго, гибеллины—Манфреда. Новый папа не поѣхалъ въ Римъ, опасаясь мятежа. Манфредъ въ это время былъ на верху могущества. Въ средней Италіи онъ былъ сильнѣе папы, имѣлъ многихъ сторонниковъ и въ сѣверной; Петръ, король арагонскій, при всемъ своемъ благочестіи женился на Констанціи, дочери Манфреда отъ первой жены, пренебрегъ увѣщаніями папы не вступать въ родство съ отлученнымъ отъ церкви. 1261.

Переговоры Урбана съ Карломъ Анжуйскимъ 1262—1263. Урбанъ IV съ такою же твердою рѣшимостью, какъ Иннокентій IV, стремился низвергнуть династію Гоэнштауфеновъ; но, какъ французъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ хотѣлъ, чтобы наслѣдство ненавистной ему династіи перешло въ руки француза. Мы уже говорили, что Иннокентій предлагалъ сицилійскую корону Карлу Анжуйскому, но что Людовикъ IX и французскіе вельможи заставили Карла отвергнуть это предложеніе. Съ той поры многое измѣнилось. Конрадъ IV умеръ; побочный братъ его отнялъ наслѣдство у его малолѣтняго сына; англійскій король бросилъ мысль сдѣлать королемъ сицилійскимъ своего второго сына; потому, когда Урбанъ снова предложилъ Карлу Анжуйскому сицилійскую корону, Карлъ не отказался отъ нея. Графъ анжуйскій и менскій, онъ, женившись на Беатрисѣ, дочери Ремона Бераижe IV, сталъ и графомъ провансскимъ; могущество его было очень велико; онъ былъ честолюбивъ; жена разжигала въ немъ желаніе пріобрѣсти королевскій санъ: три сестры ея были женами королей; она не хотѣла оставаться ниже ихъ самомъ. Людовикъ IX согласился поддерживать экспедицію брата, обольстившись увѣреніями папы, что покореніе королевства сицилійскаго Карломъ проложитъ ему путь на востокъ для войны съ невѣрными. Король англійскій, находившійся тогда въ плѣну у графа Симона лесстерскаго, согласился отказаться отъ правъ на сицилійскую корону, данныхъ его второму сыну прежними договорами; папа и Карлъ Анжуйскій занялись опредѣленіемъ условій, на которыхъ будутъ дѣйствовать общими силами противъ Манфреда.

Переговоры объ этомъ еще не были доведены до конца, когда папа

Избраніе Карла римскимъ сенаторомъ.

былъ испуганъ тѣмъ, что римскіе гвельфы избрали Карла сенаторомъ на всю его жизнь. Какая польза для римской куріи была бы въ томъ, если бъ она избавилась отъ Манфреда, только подпавъ подъ иго Карла? Переговоры замедлились, папа не хотѣлъ признать Карла пожизненнымъ сенаторомъ, соглашался лишь на то, чтобъ онъ былъ сенаторомъ до той поры, пока завоюетъ королевство сицилійское, требовалъ обѣщанія, что, сдѣлавшись королемъ, онъ паредастъ папѣ свѣтскую власть надъ Римомъ. Карлъ не обратилъ на это вниманія, заключилъ безъ согласія папы договоръ съ римскими гвельфами, избравшими его «господиномъ» (Signor) Рима на всю жизнь, и послалъ въ Римъ своего намѣстника съ отрядомъ войска. Гибеллины или сами ушли, или были прогнаны изъ Рима и собрались въ Тосканѣ; вождемъ ихъ тамъ былъ тосканскій проконсулъ Піэро Вико, усердный приверженецъ Манфреда. Римскіе гвельфы пошли на нихъ подъ предводительствомъ Пандольфо Ангвиллары, и начались ежедневныя схватки. Намѣстникъ Манфреда во Флоренціи Джордано Англано помогалъ гибеллинамъ; викарій Карла, Джакопо Кантельми, помогалъ гвельфамъ.

Смерть Урбана 1264.

Борьба гвельфовъ съ гибеллинами въ церковной области и въ Тосканѣ была прелюдіей къ рѣшительной борьбѣ за сицилійскую корону. Положеніе Манфреда оставалось хорошо. Гибеллины овладѣли Луккой. Папа, всѣми покинутый, жилъ то въ Орвіэто, то въ Перуджіи, постоянно опасаясь быть захваченъ въ плѣнъ гибеллинами; Піэро Вико неожиданнымъ нападеніемъ разбилъ Ангвиллару и взялъ его въ плѣнъ. Но Манфредъ дѣйствовалъ нерѣшительно, терялъ время на попытки примириться съ папой; его полководецъ Дорія, пошедшій черезъ Абруццы къ Риму, потерпѣлъ неудачу при нападеніи на Тиволи и утонулъ близъ города Ріэти въ рѣчкѣ Нерѣ. Піэро Вико, сдѣлавъ ночью неожиданное нападеніе на Римъ, былъ отбитъ. Многочисленные апулійскіе изгнанники собирались въ Римѣ. Урбанъ IV 2 октября 1264 умеръ въ Перуджіи, не дождавшись побѣды Карла надъ Манфредомъ.

Климентъ зоветъ Карла въ Италію.

Судьба Италіи зависѣла въ значительной степени отъ того, кто будетъ избранъ папой. Между кардиналами были люди, желавшіе примиренія съ Манфредомъ, но гвельфы составляли большинство и выбрали папой провансала, бывшаго до переселенія въ Италію подданнымъ Карла Анжуйскаго, Гюи Ле Гро Фюлькоди, уроженца лангедокскаго города Сенъ-Жилля. Онъ поступилъ въ духовное званіе, будучи уже пожилымъ человѣкомъ. Опечаленный смертью жены, онъ постригся въ картезіанскій орденъ, былъ сдѣланъ епископомъ пюискимъ, потомъ архіепископомъ нарбонскимъ, а черезъ нѣсколько времени кардиналомъ-епископомъ сабинскимъ. Старикъ разсудительнаго и спокойнаго характера, онъ не хотѣлъ принять папскаго сана. Его съ трудомъ убѣдили взять назадъ свой отказъ. Выборомъ его былъ рѣшенъ вопросъ о политикѣ римской куріи. Онъ былъ личный другъ Карла

и Людовика. Принявъ имя Климента IV, онъ продолжалъ дѣло, начатое его предмѣстникомъ, заключилъ договоръ къ Карломъ. Людовикъ обѣщался помогать брату. Клементъ велѣлъ кардиналу-легату Симону проповѣдовать крестовый походъ противъ Манфреда и обложилъ всѣ церковныя владѣнія въ Европѣ податью для покрытія издержекъ войны съ Манфредомъ. Какъ правитель церкви, онъ дѣйствовалъ подобно прежнимъ папамъ, но лично былъ лучше многихъ изъ нихъ, не былъ корыстолюбивъ, не раздавалъ важныхъ должностей своимъ родственникамъ.

Начало похода Карла 1265.

Надежда пріобрѣсти богатство, обширныя владѣнія, захватить въ добычу прекрасныхъ женщинъ, привлекала подъ знамя крестоваго похода много авантюристовъ. Франція издавна была отчизной странствующихъ рыцарей и вельможъ, пускавшихся въ далекія экспедиціи. Походъ Карла въ Италію представлялъ нѣкоторое сходство съ нашествіемъ Вильгельма Завоевателя на Англію. Денегъ у Карла было мало, онъ собиралъ ихъ всяческими средствами; его жена заложила свои дорогіе уборы, выпрашивала денегъ у французскихъ бароновъ. Папа уподоблялъ Карла Анжуйскаго Карлу Великому, по примѣру котораго отправляется онъ изъ Франціи освободить церковь. Манфредъ дѣятельно готовился къ оборонѣ. Въ Тоскапѣ и въ Ломбардіи у него были храбрые полководцы: Пелавичини, Ланча, Буозо Доара, Джордано Англано. Подъ ихъ знаменами было много гибеллиновъ; многіе города прислали къ нимъ свои отряды; ихъ силы казались достаточными для отраженія враговъ, которые пойдутъ сухимъ путемъ. Сицилійско-пизанскій флотъ охранялъ Тирренское море; по берегу отъ Тосканы до Остіи стояли Піэро Вико и римскіе гибеллины; устье Тибра было завалено камнями и перегорожено тыномъ. Въ Кампаньѣ и Лаціумѣ стоялъ Манфредъ съ большимъ войскомъ; онъ пополнилъ число прежнихъ своихъ воиновъ новыми сарацинскими и нѣмецкими наемниками. Гвельфы требовали у папы денегъ и войска; онъ опасался, что гибеллины возьмутъ Перуджію, гдѣ жилъ онъ, и захватятъ его въ плѣнъ; онъ убѣждалъ Карла скорѣе отправляться въ походъ. Феррери, гаскопскій рыцарь, котораго послалъ Карлъ впередъ главныхъ силъ съ отрядами провансальцевъ, былъ разбитъ гибеллинами и приведенъ плѣнникомъ въ станъ Манфреда.

Карлъ вступаетъ въ Римъ 1255.

Неудача авангарда не запугала Карла.Ославъ главную массу собранныхъ въ Провансѣ силъ черезъ Альпы въ сѣверную Италію, онъ въ апрѣлѣ поплылъ къ берегу римской области. Буря, длившаяся пять дней, подвергала его эскадру опасности погибнуть, но отогнала отъ устья Тибра крейсировавшіе тамъ корабли Манфреда, и французскія галеры послѣ недолгой стоянки для отдыха въ гавани Пизы свободно поплыли вдоль берега къ югу и пришли къ Остіи, не встрѣчая непріятеля. Море было бурно, не допуская галеры Карла стать на якорь у берега. Онъ сѣлъ въ лодку и отважно поплылъ по волнамъ

прибоя. Услышавъ, что онъ вышелъ на берегъ, римскіе гвельфы пошли къ нему въ Остію, которую сдалъ ему Піэро Вико, измѣнившій Манфреду. Въ сопровожденіи гвельфскихъ вельможъ Карлъ въ день Троицы (23 мая) вступилъ въ Римъ. Ему былъ тамъ приготовленъ торжественный пріемъ, улицы города были украшены, знатные люди, духовенство, народъ вышли на встрѣчу своему новому сенатору, отпраздновали его вступленіе въ Римъ пирами и военными играми. Устье Тибра было разчищено, провансскій флотъ приплылъ къ Риму.— Карлъ поселился сначала въ латеранскомъ дворцѣ; но папа увидѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ на верховную власть надъ Римомъ; Карлъ въ угожденіе ему перешелъ жить въ другой дворецъ. Народъ собрался 21 іюня на Капитолійскомъ холмѣ, и римскіе правители возложили тамъ на Карла знаки сенаторскаго сана. Черезъ недѣлю, 28 іюня, четыре кардинала по уполномоченію отъ папы короновали его королемъ сицилійскимъ. Онъ произнесъ присягу вассальской вѣрности папѣ, и ему было вручено знамя св. Петра, символъ инвеституры, даваемой ему отъ папы на потомственное владѣніе королевствомъ сицилійскимъ, какъ леномъ римскаго престола. Онъ уступилъ папѣ Беневентъ, обѣщался предоставить духовенству свободу отъ налоговъ, давать папѣ 8,000 унцій золота, какъ ленную дань, уплатить всѣ суммы, полученныя отъ него на военные расходы, и поклялся, что по завоеваніи Апулін передастъ управленіе Римомъ въ руки папы. Въ память о своемъ сенаторствѣ онъ 14 октября обнародовалъ грамату объ учрежденіи университета въ Римѣ. Папа долго колебался утвердить актъ инвеституры, предвидя большія притѣсненія себѣ отъ Карла, но 4 ноября далъ наконецъ утвержденіе этой граматѣ.

Характеристика Карла, характеръ Манфреда; силы партій.

Въ XIII вѣкѣ было много государей, называвшихъ себя королями странъ, надъ которыми не имѣли никакой власти; можно было ожидать, что однимъ изъ такихъ людей будетъ и Карлъ, вступившій въ Римъ почти безъ войска, не имѣвшій денегъ и готовившійся идти на богатаго, храбраго короля, пользовавшагося повидимому любовью подданныхъ; и дѣйствительно, когда читаешь, до какой степени нуждались въ деньгахъ папа и Карлъ, какъ они дѣлали займы у ростовщиковъ, какъ упрашивалъ папа епископовъ и аббатовъ присылать ему пособія, какъ молилъ королей и князей о милостынѣ, какъ временами ему и Карлу не доставало денегъ даже на личные ежедневные расходы, то дивишься успѣху похода, представляющагося безумнымъ. Но въ исторіи много примѣровъ тому, что дѣла получаютъ оборотъ, казавшійся невѣроятнымъ. Карлъ былъ человѣкъ сильнаго, твердаго характера, а могущество Манфреда только казалось прочнымъ. Грегоровіусъ говоритъ: «Карлу Анжуйскому исполнилось тогда 46 лѣтъ, онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, имѣлъ царственную осанку. Его смуглое лицо было сурово, взглядъ его былъ мраченъ и

страшенъ. Дѣятельность его была неутомима, онъ жаловался, что сапъ отнимаетъ много времени у людей; черствая душа его была чужда любви къ веселью и къ изящнымъ искусствамъ, хотя, слѣдуя тогдашнему обычаю, онъ слагалъ пѣсни во вкусѣ трубадуровъ. Онъ почти никогда не смѣялся. Онъ былъ очень набоженъ, но это не мѣшало ему поступать безсовѣстно. Всѣ тѣ качества, какія нужны завоевателю, онъ имѣлъ, хотя вовсе не былъ человѣкомъ особенно даровитымъ: онъ былъ храбрый рыцарь, былъ благоразуменъ, воздерженъ, твердъ, проницателенъ, властолюбивъ, алченъ и жестокъ». Не таковъ былъ Манфредъ по описаніямъ достовѣрнѣйшихъ современниковъ. Они прославляютъ его мужественную красоту, рыцарское благородство, щедрость, великодушіе, привѣтливость, образованность; говорятъ, что онъ имѣлъ доброе сердце, что коварные или злые поступки были въ его жизни исключеніями. Но для того, чтобы выйдти побѣдителемъ изъ борьбы, было недостаточно этихъ прекрасныхъ качествъ. Продолжительное междоусобіе затемнило въ итальянцахъ того времени понятія о вѣрности и чести, ослабило патріотизмъ, расшатало политическія убѣжденія; люди слѣдовали внушеніямъ личныхъ разсчетовъ. Манфредъ воображалъ, что сицилійскіе вельможи искренно преданы ему; оказалось, что онъ ошибался; усердно служили ему только сарацины и нѣмецкіе наемники; но апулійцы и сицилійцы ненавидѣли сарациновъ за ихъ религію, а нѣмцевъ за грабительство и жестокость. Французы стали впослѣдствіи поступать съ ними еще хуже, чѣмъ нѣмцы, но они не предугадывали этого. Такимъ образомъ въ тѣ мѣсяцы, которые Манфредъ провелъ въ римской области, тратя время на мелкія стычки, многіе гибеллины рѣшили перейдти на сторону папы и Карла. Климентъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ говоритъ, что церковь нашла себѣ защитника противъ ядовитаго исчадія дракона изъ ядовитаго рода, что всѣ вѣрующіе должны стать подъ знамя Карла, что всѣ, кто приметъ крестъ на войну съ Манфредомъ или будетъ помогать церкви деньгами, получатъ отпущеніе грѣховъ; монахи нищенствующихъ орденовъ ходили по всей Италіи, провозглашая борьбу съ еретикомъ, отлученнымъ отъ церкви, съ военачальникомъ сарациновъ, обязанностью христіанскаго благочестія. Въ Апуліи поднялось волненіе, заставившее Манфреда вернуться изъ римской области для подавленія мятежей.

Походъ французскаго войска по сѣверной и средней Италіи 1265—1266.

Между тѣмъ войско, собранное Карломъ въ Провансѣ, и крестоносцы, присоединившіеся къ нему по призыву папскаго легата, шли черезъ Альпы. Число воиновъ простиралось до 30.000 человѣкъ. Тутъ были рыцари знатныхъ фамилій, потомки людей, прославившихся подвигами въ Палестинѣ и въ альбигойскихъ войнахъ. Договоры, заключенные Карломъ съ маркграфомъ монферратскимъ, маркграфомъ Эсте и другими вождями гвельфовъ, открывали этому войску свободный путь по западной части сѣверной Италіи, и многіе гвельфы

присоединялись къ нему. Буозо Доара измѣнилъ Манфреду, французское войско, благодаря тому, перешло Ольіо. Пелавичини и Англано принуждены были отступить въ Кремону. Опустошая гибеллинскія земли и не встрѣчая сопротивленія, французы шли по Ломбардіи и Тосканѣ. Около Рождества они пришли въ Римъ. У Карла не было денегъ; чтобы получить возможность содержать своихъ воиновъ, онъ долженъ былъ спѣшить пріобрѣтеніемъ побѣдъ. На праздникъ Крещенія (6 января 1266) онъ и его жена Беатриса были коронованы въ санъ короля и королевы сицилійскихъ. Пять кардиналовъ совершали этотъ обрядъ. Манфредъ желалъ примириться съ папой; Климентъ былъ раздраженъ самовластіемъ, съ какимъ Карлъ распоряжался въ Римѣ; потому Манфредъ вообразилъ, что папа можетъ согласиться на миръ съ нимъ; но Климентъ отвѣчалъ: «Пусть будетъ извѣстно Манфреду, что время пощады миновало; герой во всеоружіи выходитъ изъ воротъ; уже и сѣкира при корени дерева лежитъ». Манфредъ увидѣлъ, что дѣло должно быть рѣшено оружіемъ.

Походъ въ южную Италію 1266.

День рѣшенія скоро насталъ. Недостатокъ средствъ на содержаніе войска въ Римѣ принуждалъ Карла, какъ мы говорили, спѣшить продолженіемъ похода. Сопровождаемые множествомъ гвельфовъ и апулійскихъ изгнанниковъ, французы въ концѣ января пошли по старой латинской дорогѣ на югъ, нетерпѣливо желая вознаградить себя въ Кампаньѣ и Апуліи за лишенія, которыя терпѣли въ Римѣ, и пріобрѣсти себѣ, какъ прежде норманны, графства и замки. Манфредъ, главная квартира котораго находилась въ Кануѣ, не ожидалъ, что Карлъ такъ рано начнетъ походъ, былъ застигнутъ врасплохъ, и пока онъ собиралъ войска, размѣщенныя по зимнимъ квартирамъ, французы перешли мостъ черезъ Гарильяно у крѣпости Чеперано, которою родственникъ Манфреда, графъ Риччардо казертскій, покинулъ беззащитной; оробѣлъ ли онъ, или измѣнилъ, мы не знаемъ. Французы взяли горный замокъ Арче, считавшійся неприступнымъ, пошли черезъ Аквино и Санъ-Джермано къ рѣкѣ Вольтурно. Быстрота успѣховъ увеличивала отвагу ихъ; съ непреодолимой энергіей они перешли въ зимній холодъ горныя области Алифе и Піэдимонте, брали замки и города, пытавшіеся обороняться; многіе другіе сдавались имъ безъ сопротивленія. Повсюду была измѣна Манфреду; апулійскіе бароны вели свои отряды къ Карлу. Есть разсказъ, что Манфредъ предлагалъ миръ на очень выгодныхъ для Карла условіяхъ, но Карлъ отвѣчалъ, что или онъ пошлетъ ночерскаго султана въ адъ, или Манфредъ возведетъ его въ рай; это вѣроятно выдумка народнаго преданія, но она хорошо характеризуетъ положеніе Манфреда и Карла. Пришедши къ рѣкѣ Калоре, Карлъ увидѣлъ съ холма стоящее на равнинѣ близъ Беневента войско противника. Большинство пѣхоты Манфреда составляли сарацины; подлѣ ихъ длинныхъ рядовъ стояла такими же стройными рядами нѣмецкая тяже-

Приготовленія къ битвѣ.

лая конница. Карлъ былъ радъ, что наступаетъ день рѣшительной битвы: войско его было утомлено труднымъ походомъ, не имѣло запасовъ продовольствія, было отрѣзано горами отъ подкрѣпленій, могло выйдти изъ своего затруднительнаго положенія только побѣдой.— Желалъ ускорить рѣшеніе дѣла и Манфредъ. Военачальники его, важнѣйшими изъ которыхъ были графы Лапчи, родственники его матери Бланки, совѣтовали отложить битву, подождать Конрада Антіохійскаго, шедшаго изъ абруццской области, и другихъ войскъ, подходившихъ съ юга; но Манфредъ опасался медлить: онъ видѣлъ вокругъ себя людей, готовившихся измѣнить, и боялся, что если отложить битву, то многіе перейдутъ къ непріятелю. Его астрологъ сказалъ, что въ этотъ день сочетаніе звѣздъ благопріятно ему.

Битва при Беневентѣ 26 февраля 1266.

Было 26 февраля, когда Манфредъ повелъ свое войско тремя отрядами черезъ рѣку Калоре и на Полѣ Розъ стремительно напалъ на непріятеля, спускавшагося съ горъ. Сарацины, не дождавшись приказанія, горячо ударили на французскую пѣхоту, еще не усиѣвшую построиться въ боевой порядокъ, опрокинули ее, но сами были опрокинуты и разсѣяны французской конницей. Графъ Англано повелъ въ атаку нѣмецкую конницу, она обратила французскую въ бѣгство. Сраженіе на нѣсколько времени пріостановилось; наконецъ Карлъ повелъ на нѣмецкую конницу лучшую часть своего войска, состоявшую изъ провансаловъ и другихъ французовъ подъ начальствомъ Жилля ле-Бренна, Филиппа Монфора, Гюи Мирепуа и 400 флорентинскихъ рыцарей подъ начальствомъ Гвидо Гверры; Манфредъ повелъ на встрѣчу ему отборную часть своего войска. Бой этихъ конныхъ латниковъ рѣшилъ судьбу сраженія. Французы, по совѣту Карла, кололи своими короткими мечами коней нѣмецкихъ всадниковъ; упавъ съ лошади, всадникъ не могъ подняться съ земли,—такъ тяжелы были его доспѣхи; у французскихъ всадниковъ были посажены сзади сѣдла пѣхотные воины, они спрыгивали съ лошадей и булавами убивали лежащихъ на землѣ нѣмцевъ. При всей храбрости, съ какою бились нѣмцы, они были побѣждены. Апулійскіе рыцари Манфреда, увидѣвъ, что французы одолѣли нѣмцевъ, перешли на сторону Карла, или повернули лошадей и помчались въ свои замки. Даже родственникъ Манфреда, Томмасо, графъ ачеррскій и аквинскій, бѣжалъ съ поля битвы. Когда Манфреду сказали, что ряды всадниковъ, впереди которыхъ бился онъ, измѣняютъ ему, онъ обернулся взглянуть, и при этомъ движеніи серебряный орелъ упалъ съ его шлема; «Это—знаменіе Божіе!» воскликнулъ онъ и бросился въ густые ряды непріятеля, чтобъ умереть геройской смертью; бившійся подлѣ него Теобальдо Анибальди помчался вмѣстѣ съ нимъ. Оба они были убиты. Когда Карлъ вечеромъ писалъ папѣ разсказъ о своей побѣдѣ, онъ еще не зналъ, живъ или убитъ Манфредъ; но было предположеніе, что онъ убитъ, потому что одинъ изъ французскихъ

Смерть Манфреда.

рыцарей, уроженецъ Пикардіи, сидѣлъ на его боевомъ конѣ и былъ опоясанъ его шарфомъ, какъ замѣтили нѣкоторые другіе рыцари. Черезъ два дня было найдено тѣло Манфреда; оно было покрыто ранами; друзья и родственники были приведены узнать, дѣйствительно ли это Манфредъ. Они увидѣли, что это дѣйствительно онъ; графъ Англано, закрывъ лицо руками, съ воплемъ упалъ къ тѣлу убитаго короля. Подлѣ Манфреда лежалъ убитый рядомъ съ нимъ Теобальдо Анибальди.

Гробница Манфреда.

Манфредъ умеръ отлученнымъ, его нельзя было похоронить въ церкви или на кладбищѣ; Карлъ велѣлъ похоронить его у моста рѣки Калоре; французскіе воины въ знакъ уваженія къ его храбрости принесли каждый по камню на его могилу. Груду, образовавшуюся изъ этихъ камней, народъ назвалъ скалою Розъ. Черезъ нѣсколько времени архіепископъ козенцскій съ одобренія папы велѣлъ вырыть отлученнаго отъ церкви изъ этой могилы, потому что беневентская земля собственность церкви, и перенести кости Манфреда за беневентскую границу въ Лаціумъ. Тамъ похоронили останки Манфреда въ пустынной долинѣ между мрачныхъ скалъ у рѣчки Верде недалеко отъ ея сліянія съ Тронто. Подлѣ могилы стоитъ одинокая мельница. У сосѣднихъ посе́лянъ до сихъ поръ держится въ памяти преданіе о прекрасномъ, блестящемъ, несчастномъ королѣ Манфредѣ. Ему было только 34 года, когда онъ умеръ геройской смертью. Проклятый папой, обвиняемый гвельфами во всяческихъ злодѣйствахъ, онъ нашелъ себѣ у потомства симпатію, какую чувствуютъ благородные люди ко всякому погибшему, а въ поэмѣ гибеллина Данте тѣнь Манфреда говоритъ: «Проклятія духовенства безсильны надъ примиряющей любовью».

---

5. Междуцарствіе въ Германіи.

а) Избраніе Ричарда Корнуэльскаго и Альфонса Кастильскаго въ нѣмецкіе короли.

Состояніе Германіи.

Отъ разсказа о погибели Манфреда перейдемъ къ обзору состоянія отчизны Гоэнштауфеновъ—Германіи, находившейся тогда въ бѣдственномъ положеніи. Когда король Вильгельмъ голландскій былъ убитъ фризійскими поселянами, рейнскіе города заключили между собою союзъ для охраненія внутренняго мира. Дѣйствительно, имъ надобно было соединиться для общей обороны отъ грабежей. Анархія владычествовала въ Германіи по смерти Вильгельма. Князья дѣйствовали по разсчетамъ своекорыстія; все было у нихъ продажно; они прода-

вали королевскую корону за деньги, лены, увеличеніе правъ; военная служба была выгоднѣйшимъ промысломъ, рыцари занимались грабежомъ. Самъ папа подавалъ примѣръ торговли государствами: онъ продавалъ сицилійское королевство тому, кто больше дастъ. Архіепископъ кельнскій разсудилъ послѣдовать примѣру главы церкви. Венгры и чехи воевали въ Австріи, опустошали ее, и она досталась въ добычу богемскому королю. Въ Тюрингіи Альбрехтъ, герцогъ брауншвейгскій, зять Софіи, герцогини брабантской, защищая права ея сына, Генриха, воевалъ съ архіепископомъ майнцскимъ Гергардомъ, взялъ его въ плѣнъ и бросилъ въ темницу, а его дядю графа Эберштейна повѣсилъ за ноги. Таково было время, когда архіепископъ кельнскій Конрадъ Гохштаденъ искалъ, кому бы продать нѣмецкую корону.

Переговоры архіепископа кёльнскаго съ Ричардомъ Корнуэльскимъ.

Покупщикъ нашелся, богатый и щедрый. Ричардъ, графъ Корнуэльскій, братъ короля англійскаго Генриха III, готовъ былъ осыпать золотомъ нѣмецкихъ князей за предоставленіе ему пустого титула короля нѣмецкаго. Иннокентій IV за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ хотѣлъ продать ему королевство сицилійское. Тогда дѣло разстроилось, но теперь переговоры о покупкѣ нѣмецкой короны пошли удачно. Вскорѣ по смерти Вильгельма архіепископъ кельнскій предложилъ ее Ричарду, имѣя просторъ интриговать, потому что архіепископъ майнцскій былъ въ плѣну, и разсчитывая, что если Ричардъ заплатитъ за него выкупъ, то пріобрѣтетъ и его поддержку. Досадно было архіепископу кельнскому, что нѣкоторые заговорили объ избраніи королемъ Конрадина, но папа Александръ IV объявилъ, что отлучитъ отъ церкви князей, которые будутъ поддерживать потомка династіи враждебной римскому престолу, и защитники ребенка Конрадина замолкли.

Претенденты на нѣмецкій престолъ.

Но у Ричарда явился соперникъ, тоже обѣщавшій богатые подарки и притомъ бывшій родственникомъ Гоэнштауфеновъ, король кастильскій, Альфонсъ X, получившій отъ льстецовъ названіе Мудраго, сынъ дочери Филиппа Швабскаго. Папа велъ тогда переговоры съ королемъ англійскимъ о передачѣ сицилійскаго королевства его сыну, Эдмонду, потому поддерживалъ Ричарда; французскій дворъ, не желавшій, чтобы королемъ нѣмецкимъ сталъ англійскій принцъ, поддерживалъ Альфонса. Въ Германіи агентомъ короля кастильскаго вызвался быть архіепископъ Арнольдъ Трирскій. Въ довершеніе путаницы нѣкоторые сѣверо-нѣмецкіе князья хотѣли возвести на нѣмецкій престолъ маркграфа Оттона бранденбургскаго. Оттокаръ Богемскій, владѣвшій теперь и Австріей, желалъ бы получить нѣмецкую корону, но зналъ, что нѣмецкіе князья не выберутъ его, и разсудилъ содѣйствовать тому, чтобы королемъ былъ выбранъ такой человѣкъ, который не могъ бы пріобрѣсти дѣйствительной власти, былъ бы королемъ лишь по названію; такимъ казался ему Ричардъ Корнуэльскій, и онъ сталъ

поддерживать его, надѣясь, что не будетъ встрѣчать отъ него никакого стѣсненія своимъ честолюбивымъ планамъ.

Два съѣзда князей для выбора короля 1257.

При спорахъ между приверженцами Ричарда и Альфонса цѣлый годъ прошелъ безъ выбора короля; но деньги Ричарда дѣлали между тѣмъ свое дѣло. Архіепископъ кельнскій, взявшій на себя хлопоты склонять другихъ князей въ пользу Ричарда, получилъ 12.000 марокъ; архіепископу Гергарду Майнцскому Ричардъ обѣщалъ уплатить за него 5.000 марокъ выкупа и дать кромѣ того еще 3.000 марокъ; двумъ баварскимъ герцогамъ было обѣщано 18.000 марокъ и по 8.000 марокъ каждому изъ другихъ князей, которые подадутъ голосъ за Ричарда. Альфонсъ обѣщалъ подарки вѣроятно не меньше этихъ. Торговые переговоры велись открыто; духовные князья отличались особеннымъ безстыдствомъ. Въ январѣ 1257 былъ назначенъ сеймъ во Франкфуртѣ для выбора короля. Первые пріѣхали въ городъ архіепископъ трирскій и герцогъ саксонскій, главные сторонники Альфонса; герцоги баварскіе, пришедшіе съ большимъ числомъ воиновъ, увидѣли, что городъ уже занятъ ихъ противниками; потому они, Конрадъ Кельнскій и другіе сторонники Ричарда расположились передъ городомъ на такъ называемомъ Франкскомъ (Франконскомъ) полѣ; на немъ они и устроили свой сеймъ. Разумѣется, всѣ они подали голосъ за Ричарда; архіепископъ кельнскій сказалъ, что уполномоченъ плѣннымъ архіепископомъ майнцскимъ заявить и его согласіе на выборъ Ричарда. Это было 13 января; черезъ два съ половиною мѣсяца, 1 апрѣля, архіепископъ трирскій и князья его партіи выбрали королемъ Альфонса Кастильскаго и отправили къ нему депутацію поздравить его королемъ нѣмецкимъ и просить у него 20.000 марокъ въ награду избравшимъ его. Уполномоченные Оттокара держали себя такъ, что обѣ партіи считали короля богемскаго своимъ сторонникомъ. Выборъ двухъ нѣмецкихъ королей былъ очень пріятенъ ему, потому что оба они должны были оставаться безсильными, и онъ сохранялъ свободу дѣлать захваты; онъ вступилъ въ переговоры и съ Ричардомъ и съ Альфонсомъ. Весною Ричардъ съ мѣшками золота пріѣхалъ на Рейнъ; 17 мая (1257 года) онъ и его супруга были коронованы въ Кельнѣ. Онъ щедро раздавалъ деньги и жалованныя граматы. Хлопотавшему за него архіепископу кельнскому онъ подарилъ великолѣпную митру, осыпанную крупными дорогими камнями.

Отношенія Ричарда къ нѣмецкимъ князьямъ.

Итакъ Германія теперь имѣла двухъ королей, но это время справедливо было названо междуцарствіемъ. Альфонсъ никогда и не пріѣзжалъ въ Германію. Ричардъ напротивъ того нѣсколько разъ плавалъ вверхъ по Рейну до самаго Базеля и каждый разъ клалъ деньги въ протянутыя за ними руки своихъ приверженцевъ. Мудрено сказать, было ли для него съ самаго начала пустой игрой тщеславія желаніе пріобрѣсти титулъ нѣмецкаго короля, или онъ серьезно ду-

малъ править Германіей; но увидѣвъ жадность, ненадежность и раздоры нѣмецкихъ князей, нашелъ невозможнымъ энергически заботиться о государственныхъ нѣмецкихъ дѣлахъ. Мы говорили, что король англійскій возбудилъ въ народѣ и вельможахъ грозный ропотъ тратою денегъ на пріобрѣтеніе сицилійскаго государства для своего сына и принужденъ былъ бросить это дѣло; потому не могъ онъ давать деньги и брату на его нѣмецкія дѣла, а свои деньги Ричардъ истратилъ. Оставшись безъ денегъ, Ричардъ потерялъ и вліяніе на нѣмецкихъ князей, потому что они, какъ выражается одинъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ патріотовъ, «выбрали его не ради его особы, а ради его денегъ». Санъ нѣмецкаго короля сталъ такимъ же пустымъ титуломъ, какъ названіе короля іерусалимскаго. Ричардъ и Альфонсъ придавали такъ мало значенія ему, что даже и не воевали между собой за него. Но ихъ сторонники подъ предлогомъ защиты ихъ правъ старались отнять сосѣднія земли у людей другой партіи. Арнольдъ Трирскій и его союзники воевали съ архіепископами майнцскимъ и кельнскимъ. Союзъ рейнскихъ городовъ, желавшій сохранить нейтралитетъ, былъ вовлеченъ въ это междоусобіе и распался. Ричардъ назывался королемъ нѣмецкимъ пятнадцать лѣтъ, но его правительственныя дѣйствія ограничивались раздачей жалованныхъ граматъ. Въ Англіи поднялся мятежъ противъ короля, Ричардъ былъ взятъ въ плѣнъ инсургентами. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ свободу. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Германію онъ великолѣпно отпраздновалъ свою свадьбу; онъ былъ вдовецъ и женился теперь во второй разъ, воспылавъ на старости лѣтъ юношеской страстью къ молоденькой красавицѣ, Беатрисѣ Фалькенштейнъ; разумѣется, онъ далъ щедрыя пожалованія ея родственникамъ. Это было въ іюнѣ 1269; въ августѣ онъ уѣхалъ въ Англію; тамъ разбилъ его параличъ; онъ прожилъ еще два года въ совершенной физической и умственной слабости; его нѣмецкіе сторонники очень печалились, что уже не получаютъ отъ него денегъ и пожалованій ленами. 1264.

b) Государственный бытъ Германіи во время междуцарствія.

Междуцарствіе было для Германіи очень бѣдственнымъ временемъ; въ ней былъ полный просторъ всяческими насиліямъ и беззаконіямъ. Свѣтскіе и духовные князья расширяли свои владѣнія, увеличивали свои права, подавляя менѣе могущественныхъ феодальныхъ владѣтелей, стараясь подавлять свободу городовъ, противозаконно захватывая себѣ имперскіе лены и королевскіе доходы; то, что дѣлали они въ большомъ размѣрѣ, буйные рыцари и министеріалы дѣлали въ маленькомъ. Они превратили въ разбойничьи притоны свои замки у рѣкъ или близъ большихъ дорогъ, хватали проѣзжихъ, сажали ихъ Анархія.

въ темницы, требуя потомъ выкупа, грабили купеческіе обозы и, пируя за крѣпкими стѣнами замковъ, хохотали надъ безсильнымъ закономъ. Одинъ изъ тогдашнихъ лѣтописцевъ говоритъ: «Наглость людей, жившихъ въ неприступныхъ замкахъ надъ Рейномъ, не выносила спокойствія, и они не стыдились никакихъ преступленій для вымогательства денегъ; они требовали небывалыхъ и невыносимыхъ платежей съ купеческихъ судовъ, которымъ нельзя было не плыть мимо ихъ замковъ, и называли это пошлинами. Каждый владѣлецъ замка бралъ такую пошлину, и ни страхъ Божій, ни боязнь королевскаго наказанія не удерживали ихъ». Судъ былъ безсиленъ; буйство, не обуздываемое никѣмъ, вошло въ обычай у нѣмецкихъ вельможъ, совершенно притупило въ нихъ чувство законности, заглушило всякія мысли о благѣ государства. Рыцарство подверглось внутреннему разложенію. Контрастъ между сантиментальными пѣснями и грубостью нравовъ былъ такъ великъ, что не возможно стало думать о рыцаряхъ съ прежнимъ уваженіемъ. Положеніе государства было безотрадно; возникла попытка обуздать буйство, но способъ, какимъ нѣкоторая часть населенія хотѣла достичь этого, не могъ произвести важныхъ результатовъ. Это былъ тайный судъ, называвшійся святой фемой; центромъ судилищъ фемы была Вестфалія, называвшаяся на языкѣ «вольныхъ судей» фемы красною землей. Главою фемы считался архіепископъ кельнскій; она хотѣла запугать безсовѣстныхъ злодѣевъ угрозой тайнаго суда и смерти. Даже могущественная Ганза

Города.

не въ силахъ была достаточно защитить своихъ членовъ въ тѣ годы беззаконія. Но города всетаки развивались въ это страшное время, и развитіе ихъ составляетъ единственную свѣтлую сторону междуцарствія. Города оставались единственными представителями мысли о государственномъ единствѣ, о необходимости законнаго порядка. Горожане держали себя умно, мужественно, единодушно и честно; благодаря тому, свобода городовъ пережила эти годы бѣдствій и даже окрѣпла въ нихъ. Благосостояніе городовъ возросло, военныя силы ихъ увеличились, политическія понятія горожанъ очистились и расширились. Граждане Страсбурга въ 1262 году одержали при Гаусбергенѣ побѣду надъ своимъ епископомъ, желавшимъ подавить ихъ свободу; граждане Вюрцбурга въ 1266 разбили при Кицингенѣ графовъ геннебергскаго и кассельскаго; граждане Кельна въ 1271 побѣдили и взяли въ плѣнъ своего архіепископа Энгельбрехта, племянника и преемника того архіепископа, Конрада, который склонилъ многихъ нѣмецкихъ князей выбрать королемъ Ричарда. Многіе замки хищниковъ и самовластно построенныя ими таможни были разрушены горожанами. Все это показывало, что могущество городовъ ростетъ.—Несравненно больше горожанъ страдали отъ междоусобій и грабежей поселяне. Вельможи, воюя между собою, жгли селенія, опустошали нивы; а когда не воевали съ сосѣдами, вытап-

Поселяне.

тывали нивы, забавляясь охотой; барщинныя работы, господскіе оброки, десятинная подать, всяческіе другіе сборы въ пользу духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей стали невыносимы; крѣпостные поселяне безъ всякаго суда подвергались самымъ суровымъ и позорнымъ наказаніямъ. Страдая отъ властолюбія и алчности господъ, они страдали и отъ ихъ легкомысленнаго тщеславія; жены и дочери поселянъ становились его жертвой. Выведенные изъ терпѣнія поселяне подымали мятежи, но были усмиряемы, и послѣ каждаго мятежа притѣсненія увеличивались.

Евреи.

Но какъ ни тяжела была участь крѣпостныхъ поселянъ, ихъ жизнь и отчасти ихъ имущество всетаки находились подъ охраной обычныхъ правъ; они всетаки сами выбирали своихъ старостъ, и господа всетаки чувствовали себя нѣсколько родственными народу, имѣли съ нимъ хотя ту связь, что съ давнихъ временъ господскій родъ и подвластные ему поселяне жили вмѣстѣ, привыкли находиться въ близкихъ сношеніяхъ; эта привычка нѣсколько смягчала суровость господъ; а во многихъ господскихъ владѣніяхъ взаимныя права и обязанности господина были опредѣлены особенными договорами, защищавшими подданныхъ отъ произвола господина (V, 611); Но находился въ Германіи другой классъ людей, матеріальное положеній которыхъ было гораздо лучше, чѣмъ крѣпостное состояніе, но которые во времена религіознаго фанатизма оставались совершенно беззащитными, а постоянно были предметомъ презрѣнія и притѣсненій; этотъ классъ людей были евреи *). Съ самаго начала средневѣковья непріязнь христіанъ къ евреямъ все росла и росла. Наиболѣе сноснымъ было положеніе евреевъ при Каролингахъ въ государствѣ франковъ. Овладѣвъ Галліей, франки уже нашли въ ней евреевъ и держали себя относительно ихъ почти такъ же, какъ относительно романскаго населенія. При Людовикѣ благочестивомъ Агобардъ, архіепископъ ліонскій, даже высказывалъ недовольство снисходительностью свѣтской власти къ евреямъ, говорилъ, что она слишкомъ покровительствуетъ врагамъ Христовымъ. Они были придворными поставщиками, поэтому находились подъ особенной защитой короля. Имъ не было запрещено пріобрѣтать земельную собственность, но они уже и тогда занимались почти исключительно торговлей и отдачей денегъ въ ссуду. Вездѣ, гдѣ сходилось много людей, являлись евреи съ товарами; они пріѣзжали въ народныя собранія, сопровождали войско, торговали около дворцовъ. Они вели обширную морскую торговлю, привозили восточные товары въ западную Европу; это было удобно для нихъ, потому что во всѣхъ пристаняхъ они имѣли соплеменниковъ. Кажется, что главнымъ

*) Grätz, Geschichte der Juden, 1—11, Leipzig, 1853—1876; Stobbe, die Juden in Deutschland während des Mittelalters, Braunschweig, 1866.

образомъ они вели торговлю невольниками (VI, 475). Большинство ихъ жило въ городахъ; издавна они могли жить только въ особыхъ еврейскихъ кварталахъ.—Менѣе благопріятно стало ихъ положеніе при саксонскихъ и франконскихъ императорахъ; оно ухудшалось соразмѣрно тому, какъ росло владычество церкви и усиливался фанатизмъ. Мы видѣли, какимъ свирѣпымъ гоненіямъ подвергались евреи рейнскихъ городовъ при началѣ крестовыхъ походовъ. (V, 342, 510).

Покровительство евреямъ.

Генрихъ IV принялъ ихъ тогда подъ свою защиту, и, кажется, собственно по этому поводу нѣмецкіе евреи были поставлены въ непосредственныя отношенія къ императорамъ, стали считаться «рабами императорской камеры», были обязаны платить подать въ нее и за то находились подъ охраной императора. Охрана евреевъ и соединенные съ нею доходы впослѣдствіи были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ переданы князьямъ или городамъ, но это были только частные случаи, а вообще охрана эта оставалась королевской регаліей. Право «держать евреевъ» тоже было даваемо королевскими граматами, а вообще оставалось привилегіей короля. Императоры иногда принимали на себя защиту евреевъ даже въ другихъ государствахъ. Но при упадкѣ власти короля въ Германіи охрана, даваемая имъ, была слаба, и часто возникали гоненія на евреевъ, было много случаевъ угнетенія ихъ.

Ненависть къ евреямъ.

Ненависть христіанъ къ евреямъ, происходившая отъ племеннаго различія, религіозной противоположности, поддерживаемая національной замкнутостью евреевъ и ростовщичествомъ ихъ, усиливалась издавна существовавшимъ мнѣніемъ, что они убиваютъ христіанскихъ дѣтей для употребленія ихъ крови при своихъ пасхальныхъ обрядахъ. Мы находимъ это обвиненіе еще въ XII вѣкѣ, оно часто было поводомъ къ нападеніямъ народа на евреевъ. Просвѣщеніе нѣсколько возвышалось, грубость нравовъ нѣсколько смягчалась, но ненависть къ евреямъ оставалась прежняя, христіане по прежнему презирали и преслѣдовали ихъ. Имъ было запрещено пріобрѣтать земельную собственность; они не принимались въ цехи, не допускались ни къ военной службѣ, ни къ какимъ общественнымъ должностямъ; за дозволеніе жить въ городѣ съ нихъ брали подать и дозволяли имъ жить только въ особыхъ кварталахъ; они должны были, какъ сарацины въ Сициліи и въ Испаніи, носить на одеждѣ особые знаки; короли не рѣдко брали съ нихъ чрезвычайныя подати. Должники часто принуждали кредиторовъ-евреевъ отказываться отъ требованія уплаты, или просто отнимали у нихъ свои долговыя обязательства.

Ростовщичество евреевъ.

Презираемые и угнетаемые евреи платили христіанамъ за ненависть и обиды ненавистью и безжалостной эксплуатаціей ихъ въ денежныхъ дѣлахъ. Отъ земледѣлія и промышленности евреи были устранены закономъ или отвыкли, и весь ихъ умъ былъ обращенъ на торговлю и ростовщичество. Католическая церковь воспрещала христіанамъ брать проценты; это со-

дѣйствовало тому, что занятіе отдачей въ ссуду денегъ и вообще всѣ кредитные обороты сосредоточились главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ.

Судъ *).

Въ годы беззаконія, о которыхъ мы теперь говоримъ, старыя юридическія учрежденія погибли въ Германіи, сохранялись лишь небольшіе обломки ихъ, послужившіе впослѣдствіи фундаментомъ при построеніи новаго юридическаго порядка. Союзы городовъ заключали въ себѣ зародыши народнаго самоуправленія; возникали и въ другихъ сферахъ общественной жизни попытки обуздать буйный произволъ феодальныхъ господъ и вообще грубость сильныхъ. Уставы Божіяго мира (VI, 202) были давно попраны самоуправствомъ князей и рыцарей, ни церкви, ни другія священныя мѣста не были прибѣжищами отъ меча и огня, никакіе церковные праздники не прекращали грабежа и убійства. Капитуляріи Каролингскаго времени были большею частью неприложимы къ измѣнившимся общественнымъ отношеніямъ и вышли изъ употребленія. Конституціи (законы) нѣмецкихъ императоровъ и въ частности Гоэнштауфеновъ, занимавшіяся почти исключительно установленіемъ правилъ порядка и отношеніями князей къ императору, были недостаточны для рѣшенія другихъ дѣлъ. Но въ Вестфаліи, въ «красной землѣ», сохранился остатокъ прежняго народнаго суда, называвшійся фемою; тайные трибуналы ея пріобрѣли во время анархіи довольно большое значеніе и распространились довольно широко. Ихъ приговоры внушали страхъ людямъ, презиравшимъ законы и обыкновенные трибуналы. Когда возстановился порядокъ, то стали пользоваться большимъ авторитетомъ два сборника законовъ, составленные въ XIII вѣкѣ. Одинъ изъ нихъ назывался Саксонскимъ Зерцаломъ, другой Швабскимъ Зерцаломъ; они были составлены частными людьми, но чрезъ нѣсколько времени пріобрѣли силу королевскихъ законовъ. Получилъ силу закона во всей западной Европѣ сборникъ папскихъ декреталій, составленный въ 1234 году доминиканцемъ Раймондо де Пеннафорте по порученію Григорія IX. Онъ содержалъ въ себѣ каноническое право римской церкви.

Своды законовъ.

Leges barbarorum.

Мы говорили, что въ началѣ среднихъ вѣковъ были составляемы своды обычнаго права нѣмецкихъ племенъ, завоевавшихъ области римской имперіи. Эти кодексы, написанные на латинскомъ языкѣ, называются „законами варваровъ“ Leges barbarorum; самый важный изъ нихъ Законъ Салійскій Lex Salica, сводъ обычнаго права салійскихъ франковъ, ставшихъ владычествующимъ племенемъ обширнаго государства, завоеваннаго Хлодвигомъ и его потомками. Первая редакція „Закона Салійскаго“ принадлежитъ

*) Кромѣ трудовъ Эйхгорна, Цепфля, Вальтера, заглавія которыхъ были ужъ приведены въ предыдущихъ обзорахъ пособій, авторъ пользовался монографіями, изъ которыхъ долженъ назвать слѣдующіе двѣ: Stobbe, Geschichte der deutschen Rechtsquellen, Braunschweig, 1860 и Kampfschulte, Die westphälische Feme, Bonn, 1864.

половинѣ V вѣка; она была пополняема при Меровингахъ и Каролингахъ. Въ наиболѣе старыхъ спискахъ къ латинскому тексту прибавлены франкскія слова, составлявшія переводъ латинскихъ терминовъ, непонятныхъ судьямъ; эти нѣмецкія поясненія называются мальбергскими (то есть судебными) глоссами. Салійскій законъ долго сохранялъ силу во франкскихъ судахъ. Вестготскій законъ замѣчателенъ полнотой и систематичностью изложенія. Были также составлены кодексы обычнаго права алеманновъ, бургундовъ, баварцевъ, лангобардовъ, саксонцевъ, фризовъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обычное право записано безъ всякихъ измѣненій, въ другихъ оно передѣлано и пополнено заимствованіями изъ римскаго или франкскаго права (V, 342). Эти кодексы обычнаго права нѣмецкихъ племенъ, передѣланные по современнымъ надобностямъ, были основою суда въ франкскомъ государствѣ. Судъ первоначально производился собраніемъ свободныхъ людей округа; потомъ судьями были сдѣланы особые засѣдатели, скабины, а предсѣдателемъ суда былъ графъ или другой королевскій сановникъ; такимъ образомъ народный судъ былъ замѣненъ королевскимъ; высшую инстанцію его составлялъ придворный (дворскій) судъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ король или замѣститель его дворцовый графъ, графъ палатинъ, пфальцграфъ (V, 357, 361). При Карлѣ Великомъ и его преемникахъ обычное право было передѣлываемо и пополняемо государственными законами, которые установлялъ король или по согласію съ сеймомъ или собственной властью. Эти королевскіе законы назывались эдиктами, капитуляріями (V, 377—379). Капитуляріи франкскихъ королей были собраны въ первой половинѣ IX вѣка аббатомъ Ансегизомъ; черезъ 20 лѣтъ майнцскій діаконъ Бенедиктъ прибавилъ къ его сборнику много пополненій, въ числѣ которыхъ есть подлоги; этими подлогами уже пользовался составитель сборника Лженсидоровскихъ Декреталій (V, 479). Съ упадкомъ власти центральнаго правительства и развитіемъ власти областныхъ государей законы принимали мѣстный характеръ: общее обычное право видоизмѣнялось и пополнялось мѣстными обычаями или новыми постановленіями для руководства судамъ одной области или одного города. Эти мѣстныя постановленія или областные обычаи назывались рѣшеніями, Weistümer, то есть рѣшеніями, которыя были приняты городскимъ обществомъ или судомъ скабиновъ по представившимся юридическимъ вопросамъ; они имѣли силу законовъ лишь въ своихъ мѣстностяхъ; рѣшенія общаго государственнаго суда были законами для всего государства. Такимъ путемъ образовались особые законы въ тѣхъ областныхъ государствахъ, границы которыхъ болѣе или менѣе совпадали съ границами нѣмецкихъ племенъ въ Баваріи, Австріи, Швабіи, Саксоніи. При одноплеменности населенія такого государства законы, принятые въ немъ, были общими законами для всего населенія; потому къ нимъ болѣе или менѣе примѣняется нѣмецкое названіе „земскій законъ“ или „земское право“, Landrecht. Когда города стали многолюдны, сильны и самостоятельны, то выработались городскіе законы. Основаніемъ законовъ города были отчасти старинные обычаи, отчасти жалованныя граматы, данныя королемъ или областнымъ владѣтелемъ, отчасти постановленія, принятыя собраніемъ гражданъ и называвшіяся „изволеніями“ Küren, Willküren. Законы, дѣйствовавшіе въ городѣ, назывались городскимъ правомъ, Stadtrecht. Изъ королевскихъ, областныхъ и городскихъ законовъ были составляемы своды опытными людьми, желавшими облегчить для судей исполненіе ихъ обязанностей. Эти своды первоначально не имѣли обязательной силы, а были только пособіями, которыми судьи пользовались или не пользовались по своему усмотрѣнію; и они предназначались для пособія судьямъ лишь въ той мѣстности, въ которой были составлены.

Судъ при Каролингахъ.

Weistümer.

Земское право и городское право.

Такой характеръ имѣлъ и важнѣйшій изъ нѣмецкихъ кодексовъ XIII вѣка и слѣдующаго времени среднихъ вѣковъ „Саксонское зерцало“. Составителемъ его былъ Эйке фонъ Репковъ, бывшій съ 1209 до 1233 года скабиномъ веттинскаго суда, потомъ скабиномъ суда въ Сальпке (близъ Магдебурга). Онъ происходилъ отъ рыцарскаго рода, владѣвшаго селеніемъ Реппихау (между Дессау и Кётеномъ). Простонародная форма имени этого селенія и служитъ его фамиліей. Онъ составилъ свой сборникъ лишь для своей области; но работа была хороша, потому ею стали руководиться судьи другихъ областей, и Саксонское Зерцало распространилось по всей сѣверной Германіи отъ Голландіи до Лифляндіи; въ Тюрингіи, Саксоніи, Пруссіи, въ ганзейскихъ городахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ оно даже получило силу кодекса государственныхъ законовъ. Эйке фонъ Репковъ назвалъ свой сборникъ Саксонскимъ Зерцаломъ „потому, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ саксонцы могутъ видѣть вѣрное изображеніе своихъ законовъ“. Въ сборникъ его внесены законы общаго нѣмецкаго обычнаго права и постановленія, обнародованныя нѣмецкими королями съ одобренія государственныхъ сеймовъ. Сборникъ былъ написанъ на латинскомъ языкѣ, но потомъ, по желанію графа Гойера Фалькенштейна, составитель перевелъ свою работу на нижнесаксонское нарѣчіе. Во время междуцарствія было въ южной Германіи составлено на основаніи Саксонскаго Зерцала „Нѣмецкое зерцало“, а потомъ (вѣроятно при Рудольфѣ Габсбургскомъ) на основаніи обоихъ этихъ сборниковъ „Швабское Зерцало“; эти два южно-нѣмецкія зерцала излагаютъ уже не областное, а общее нѣмецкое право.—При Фридрихѣ I и Фридрихѣ II въ Италіи получило очень большой авторитетъ римское право; оно проникло въ Германію, и въ XIII вѣкѣ нѣмецкое право уже подверглось сильному вліянію его. (VI, 630). Зерцала.

Штоббе говоритъ: «Саксонское Зерцало простымъ, яснымъ языкомъ излагаетъ право, жившее въ памяти саксонскаго племени и бывшее основаніемъ рѣшеній саксонскихъ судовъ. Оно было составлено частнымъ человѣкомъ и не имѣло никакой формальной силы, но по своей дѣльности и вѣрности было принято судами. Оно отвергаетъ притязанія папы, рѣшаетъ вопросы о предѣлахъ церковной власти въ твердомъ духѣ свободы». Оно раздѣляется на двѣ части; въ одной излагается земское право, по которому такъ называемые земскіе суды рѣшали дѣла свободныхъ людей; въ другой—саксонское ленное право. Предисловіе, написанное стихами, разсказываетъ о томъ, какъ былъ составленъ этотъ сборникъ. Саксонское Зерцало.

Саксонское зерцало было, какъ мы говорили, принято во всей сѣверной Германіи. Въ южной Германіи человѣкъ, имѣвшій болѣе ученое образованіе, чѣмъ Эйке, составилъ на основаніи его труда сборникъ законовъ для всей Германіи, внесъ въ свою работу и южнонѣмецкіе обычаи, и городское право. Этотъ сборникъ, называющійся «Нѣмецкимъ Зерцаломъ», составленъ вѣроятно гдѣ нибудь неподалеку отъ Аугсбурга во время междуцарствія. Онъ имѣетъ то важное значеніе, что послужилъ основой для «Швабскаго Зерцала». Нѣмецкое Зерцало.

«Швабское Зерцало», составленное какъ должно думать между 1273 и 1282 годами и вѣроятно также близъ Аугсбурга или въ самомъ Аугсбургѣ, далеко уступаетъ и внутреннимъ достоинствомъ и историческимъ значеніемъ Саксонскому Зерцалу. Штоббе говоритъ: «Составитель его, подобно составителю Нѣмецкаго Зерцала, хотѣлъ изложить общее нѣмецкое право и находитъ его не въ обычномъ правѣ того или другого племени, а въ законѣ Моисеевомъ, римскомъ правѣ, Капитуляріяхъ Карла Великаго, Декретѣ Граціана и папскихъ Декреталіяхъ; на обычномъ правѣ онъ опирается лишь изрѣдка. Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы записывать существующее право, признанное жизнью, какъ дѣлалъ Эйке; его сборникъ—ученый трудъ, заимствующій свои матеріалы большею частью изъ книгъ. Онъ вноситъ въ свой сводъ старые южнонѣмецкіе обычаи и постанов- Швабское Зерцало.

ленія капитуляріевъ, давно утратившія силу, постановленія Юстиніанова Кодекса и Каноническаго права, еще не получившія законной силы; онъ дѣлаетъ не сводъ дѣйствующихъ законовъ, а изложеніе законовъ, какіе, по его мнѣнію, должны быть введены въ дѣйствіе. Онъ придаетъ очень большой вѣсъ законамъ древнихъ римскихъ императоровъ и нѣмецкихъ королей, бывшихъ императорами, потому его сводъ часто называютъ «Императорскимъ правомъ». Онъ усердный приверженецъ папы, власть котораго считаетъ источникомъ власти свѣтскихъ государей, между тѣмъ какъ въ Саксонскомъ Зерцалѣ свѣтская власть равноправна папской; потому нѣкоторые ученые полагали, что онъ принадлежалъ къ духовному сословію. Подобно Саксонскому и Нѣмецкому Зерцаламъ Швабское раздѣлено на двѣ части: одна излагаетъ земское право, другая ленное. Есть извѣстіе, заставляющее предполагать, что Швабское Зерцало было утверждено, какъ государственный законъ, при Альбрехтѣ I на нюрнбергскомъ сеймѣ въ 1298 году. Оно и Саксонское Зерцало служили въ слѣдующее время основаніями нѣмецкаго судопроизводства. Къ Саксонскому Зерцалу были прибавлены глоссы и нѣкоторыя изъ нихъ тоже получили силу законовъ. Дѣлались разныя переработки этого кодекса; такъ напримѣръ, изъ соединенія его съ магдебургскимъ городскимъ правомъ былъ составленъ кодексъ магдебургскаго права; то же было сдѣлано въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Дѣлались также переработки Швабскаго Зерцала; таковъ напримѣръ кодексъ Рупрехта, составленный въ 1328 году, представляющій первую попытку научной обработки нѣмецкаго права и пользовавшійся большимъ значеніемъ въ южной Германіи.

Городскіе законы.

Кодексы нѣкоторыхъ городовъ тоже получили большое значеніе, будучи принимаемы многими другими городами. Такимъ образомъ составились группы городовъ, имѣющихъ одинаковые законы. Въ этой группировкѣ тоже проявляется дѣленіе Германіи на южную и сѣверную. Въ сѣверной Германіи были три группы городскаго права: галльско-магдебургское, основанное на Саксонскомъ Зерцалѣ, было распространено въ Саксоніи, Богеміи, Силезіи, Польшѣ; любекское право, рано получившее большую полноту и замѣчательную научную обработку подъ вліяніемъ широкихъ надобностей морской торговли Любека, было принято въ городахъ Балтійскаго приморья; фризійское городское право имѣетъ особый характеръ, благодаря независимости, какой пользовались города нидерландскаго приморья. Въ южной Германіи были четыре группы городскаго права: рейнская группа, основанная на Кёльнскомъ правѣ, швабская, основанная на Швабскомъ Зерцалѣ, баварскоавстрійская, основанная на законахъ князей, и франконская, характеръ которой болѣе самостоятеленъ.

Римское право.

Въ Галліи и въ Италіи римское право никогда не утрачивало вполнѣ свою силу. Нѣмецкіе завоеватели признавали, что каждый долженъ быть судимъ по своему національному праву. Сообразно этому такъ называемому принципу личнаго права, они предоставляли областямъ, городамъ, разнымъ классамъ населенія, корпораціямъ свободу выбора того или другого права. Во времена Фридриха Барбароссы сталъ пріобрѣтать очень большую силу Юстиніановъ кодексъ (VI, 630); болонскій юристъ Ирнерій и его преемники изучали этотъ кодексъ, разъясняли его, доказывали, что онъ долженъ быть признанъ владычествующимъ закономъ. Ученіе болонскаго университета было принято падуанскимъ и другими итальянскими и французскими школами. Средневѣковые юристы, учившіе римскому праву и называвшіеся глоссаторами, распространили юридическую силу его по всѣмъ континентальнымъ государствамъ западной Европы. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Юстиніановъ кодексъ получилъ значеніе такъ называемаго субсидіарнаго права, то есть на основаніи его рѣшались вопросы, неразрѣшенные положительнымъ образомъ въ мѣстныхъ законахъ; въ другихъ государствахъ судьи признавали его „писаннымъ разумомъ“, которому должны быть подчиняемы мѣстные законы. Юстиніановъ кодексъ проникъ и въ Германію, хотя она не была подготовлена къ его принятію старыми

воспоминаніями и сохраненіемъ многочисленныхъ остатковъ римскаго права въ дѣйствительной жизни. Во всѣхъ западныхъ земляхъ было принято за правило, что духовное сословіе судится по римскому праву; это много содѣйствовало расширенію силы Юстиніанова кодекса на всю судебную дѣятельность; въ Германіи сильно помогало распространенію Юстиніанова кодекса то обстоятельство, что нѣмецкая имперія считалась продолженіемъ древней римской и въ составъ ея входила Италія. Нѣмецкіе императоры считали Юстиніановъ кодексъ своимъ императорскимъ кодексомъ, имѣющимъ силу закона для всѣхъ частей имперіи. При развитіи просвѣщенія чувствовалась надобность въ правѣ, имѣющемъ научную разработку; туземные законы не удовлетворяли новымъ общественнымъ потребностямъ; это также содѣйствовало введенію Юстиніанова кодекса въ Германіи. Императоры Гоэнштауфенской династіи велѣли вносить въ этотъ кодексъ важнѣйшія изъ своихъ конституцій (постановленій) Съ конца XV вѣка законы, установляемые нѣмецкими государственными сеймами, формально признавали Юстиніановъ кодексъ дѣйствующимъ закономъ, такъ называемымъ „общимъ правомъ“ нѣмецкаго государства. Съ того времени онъ получилъ безспорное значеніе субсидіарнаго права въ нѣмецкомъ государствѣ и въ странахъ, принадлежавшихъ прежде къ нѣмецкому государству, какъ напримѣръ въ Швейцаріи, въ Нидерландахъ. Но въ Даніи, Швеціи, Россіи, Польшѣ, Венгріи римское право никогда не получало силы закона; оно было только предметомъ преподаванія, подготовлявшимъ къ болѣе отчетливому пониманію національныхъ законовъ.

Фема.

Старый народный судъ, существовавшій еще при Карлѣ Великомъ и дѣйствовавшій тогда подъ предсѣдательствомъ графовъ, исчезъ въ послѣдующія времена; судебныя собранія всѣхъ свободныхъ людей округа, рѣшавшія дѣла по народнымъ юридическимъ обычаямъ, прекратились; вмѣсто народнаго собранія трибуналомъ стала коллегія скабиновъ (засѣдателей), предсѣдателями которой были судьи, назначаемые королемъ или королевскими сановниками, эти скабины и судьи скоро стали особымъ судебнымъ сословіемъ. Организація администраціи и суда по графскимъ округамъ падала, эти округи распадались или соединялись въ областныя владѣнія династій; параллельно этому королевскіе суды замѣнялись судами мѣстныхъ владѣтелей; тѣ фамиліи, изъ которыхъ назначаемы были скабины и въ которыхъ судебныя должности нерѣдко бывали наслѣдственны, образовали замкнутую корпорацію. Но формы судопроизводства вообще оставались прежнія; судъ былъ публичный, устный, тяжущіеся и подсудимые лично присутствовали на немъ, сами защищали себя; оставалась присяга, оставались соприсяжники; свидѣтели были допрашиваемы при тяжущихся и подсудимыхъ. Была, впрочемъ, одна область, въ которой уцѣлѣлъ остатокъ прежняго народнаго суда; это была Вестфалія. Уцѣлѣвшіе въ ней народные суды назывались вольными стульями (freistühle; на нѣмецкомъ языкѣ слово стулъ употреблялось въ смыслѣ судебное засѣданіе, судебное присутствіе, судъ); вольный графъ, то есть предсѣдатель суда свободныхъ людей, былъ президентомъ вольнаго стула, а скабины вольнаго стула рѣшали подъ его предсѣдательствомъ дѣла свободныхъ людей своего округа. Этотъ судъ постановлялъ приговоры отъ имени короля. Чрезъ пожалованіе, отдачу въ залогъ, или продажу король передавалъ аббатамъ, графамъ, другимъ феодальнымъ владѣтелямъ или городскимъ общинамъ свое право назначать вольнаго графа; но вольный графъ, назначаемый этимъ „господиномъ вольнаго стула“, долженъ былъ получать отъ короля утвержденіе въ своей должности судьи по уголовнымъ дѣламъ. Вестфалія вообще сохраняла старыя формы быта дольше другихъ нѣмецкихъ областей; она была то, что теперь называется отста-

лой землей, областью застоя. Благодаря тому, въ ней уцѣлѣла привязанность къ старинной свободѣ. Сохранившіеся въ ней народные суды были подчинены не мѣстнымъ владѣтелямъ, а непосредственно императору, какъ это было въ старину. Въ XIII вѣкѣ низшія сословія проникліись стремленіемъ освободиться отъ порабощенія высшими; это отразилось въ Вестфаліи тѣмъ, что народные суды стали дѣйствовать энергичнѣе. Преданіе говоритъ, что эта перемѣна была произведена Энгельбертомъ, архіепископомъ кёльнскимъ, который славился, какъ строгій и безпристрастный судья. Въ 1180 году санъ герцога вестфальскаго и энгернскаго былъ соединенъ съ саномъ архіепископа кёльнскаго; говорятъ, что Энгельбертъ заботился объ оживленіи дѣятельности народныхъ судовъ. Эти суды „святой фемы“ расширили кругъ своего вѣдомства, сдѣлались общими земскими судами, взяли подъ свое завѣдываніе всю Вестфалію, расширили свою дѣятельность и за ея предѣлы. Но они занимались исключительно уголовными дѣлами. Во времена междуцарствія, при владычествѣ анархіи и полномъ безсиліи обыкновенныхъ судебныхъ властей, трибуналы фемы взяли на себя власть наказывать за преступленія противъ Бога, чести и права. Для того, чтобъ ихъ приговоры не оставались пустыми словами, а были исполняемы, они окружили свое судопроизводство формами тайны и оградили соблюденіе тайны правилами, внушавшими страхъ. Кромѣ открытыхъ собраній народнаго суда, при которыхъ могли присутствовать всѣ свободные люди, были учреждены другія, тайныя засѣданія, въ которыя не были допускаемы никто изъ постороннихъ; вольный графъ и вольные скабины совѣщались тутъ одни. Въ этихъ тайныхъ засѣданіяхъ они разсматривали, основательно ли обвиненіе подозрѣваемаго въ преступленіи, и если находили, что онъ виноватъ, то постановляли противъ него тайный смертный приговоръ. Впослѣдствіи они посылали обвиняемому вызовъ явиться къ суду; но вначалѣ не дѣлалось и этого; фема судила обвиняемаго заочно, онъ даже не зналъ, что преданъ обвиненію и будетъ судимъ. По постановленіи смертнаго приговора каждый членъ тайнаго суда (скабинъ) былъ обязанъ при первомъ удобномъ случаѣ исполнить этотъ приговоръ. По мѣрѣ того, какъ судъ фемы распространялся за границы Вестфаліи, увеличивалось число участвующихъ въ немъ, явилась надобность дать святой фемѣ точную, строгую организацію, облегчить содѣйствіе всѣхъ членовъ ея исполненію приговоровъ; потому были введены тайные знаки, по которымъ члены фемы узнавали другъ друга. Свѣдѣнія объ этихъ знакахъ были сообщаемы принимаемымъ въ члены; при этомъ возлагалась обязанность хранить ихъ въ строжайшей тайнѣ отъ посторонніхъ. Верховнымъ господиномъ своихъ вольныхъ стульевъ (судовъ) фема считала архіепископа кельнскаго по его сану герцога вестфальскаго. Имперское правительство признавало фему законнымъ судомъ, признавало и то, что ея члены имѣютъ право дѣйствовать тайно. Они назывались по-нѣмецки Wissende „знающими“, по-латини Sciti „знаемыми“ (фемѣ) или Vemenoti „извѣстными фемѣ“. Принятіе въ члены было соединено съ торжественнымъ обрядомъ, онъ совершался только на вестфальской землѣ и притомъ втайнѣ. Принимаемый въ члены фемы становился на колѣна и съ открытой головой произносилъ скабинскую присягу „держать и охранять фему втайнѣ отъ солнца и луны, отъ воды и огня, отъ всякаго существа, отъ отца и матери, отъ сестры и брата, отъ мужчины и женщины, отъ жены и дѣтей, отъ песка и вѣтра, отъ всего и отъ всѣхъ кромѣ вольнаго скабина, сообщать этому или другому вольному стулу все, о чемъ должно быть вѣдомо фемѣ, и не отступать отъ этой обязанности ни ради любви или вражды, ни ради серебра или зо-

лота, ни ради чего изъ всего сотвореннаго Богомъ". По произнесеніи присяги принимаемымъ вольный графъ сообщалъ ему тайный лозунгъ фемы, состоявшій изъ четырехъ загадочныхъ словъ: веревка, камень, трава, стонъ, и объяснялъ смыслъ ихъ. За измѣну тайнѣ была назначена смертная казнь. Вольнымъ скабиномъ могъ быть сдѣланъ каждый испытанный, разумный и надежный человѣкъ, отъ свободнаго земледѣльца до императора. По сообщеніи привилегій и обычаевъ суда новому члену, онъ считался „подлиннымъ скабиномъ святой стражи", имѣлъ доступъ ко всѣмъ тайнымъ засѣданіямъ суда красной земли и находился подъ защитой фемы. Онъ имѣлъ право во всякое время заявлять обвиненія вольному тайному суду, былъ обязанъ открывать ему всякое „подлежащее фемѣ" преступленіе, о которомъ узнавалъ, былъ обязанъ участвовать по приглашенію фемы въ тайномъ ея судѣ и не могъ отказываться отъ обязанности исполнять ея приговоры. Тайный судъ фемы могъ собираться только на вестфальской землѣ; мѣстомъ его собраній были тѣ старыя, всѣмъ извѣстныя мѣста, гдѣ нѣкогда собирался народный судъ; обыкновенно это было подъ дубомъ или подъ липой, у боярышникова или можжевельникова кустарника (разсказы, будто судъ фемы собирался въ подземельяхъ,—пустой вымыселъ): Фема была ужаснымъ средствомъ обуздывать беззаконіе, и дѣятельность ея оправдывалась тѣмъ, что для беззаконія не было тогда никакой другой узды. Она достигла своей цѣли: по всѣмъ нѣмецкимъ областямъ молва заговорила о вестфальскомъ тайномъ судѣ; обижаемые въ далекихъ областяхъ обращались къ фемѣ съ просьбой о защитѣ, которой не давали имъ мѣстные суды. Во второй половинѣ XIV вѣка могущество фемы проникло и въ южную Германію, призывы обвиняемыхъ къ вестфальскому суду разсылались по всей Германіи. Императоры, видѣвшіе въ ея судѣ остатокъ исчезавшей своей власти, покровительствовали ей, признавали тайные суды ея императорскими. Князья боролись противъ нея, города заключали союзы противъ нея, но ея могущество усиливалось и расширялось.

Судъ, дѣйствующій подъ покровомъ тайны, разумѣется, принималъ въ воображеніи народа фантастическія формы. Народное преданіе и поэзія придали фемѣ ужасающій видъ, говоритъ Кампфшульте, сдѣлали ее чѣмъ то такимъ, чего не могло существовать въ дѣйствительности нигдѣ, кромѣ развѣ областей, по которымъ разсылалъ ассассиновъ горный шейхъ. Молва говорила, что суды фемы собираются въ глухую полночь въ мрачныхъ лѣсныхъ трущобахъ или въ подземельяхъ, что они переодѣтые, съ закрытыми лицами, молча садятся около стола, покрытаго чернымъ сукномъ, что при слабомъ мерцаніи нѣсколькихъ свѣчъ на этомъ столѣ въ подземельи владычествуетъ ужасающій полумракъ; обвиняемый, схваченный врасплохъ и приведенный съ завязанными глазами потаенными тропинками въ невѣдомое никому мѣсто суда фемы, подводится къ столу; обвинитель объявляетъ, въ какомъ преступленіи считается онъ виновнымъ; клятва обвинителя, что обвиненіе справедливо, служитъ достаточнымъ доказательствомъ вины; тайные судьи не допускаютъ обвиняемаго оправдываться, немедленно произносятъ приговоръ; онъ всегда одинъ и тотъ же—смерть; произнеся это слово, они испускаютъ три раза стонъ; вольный графъ ломаетъ свой жезлъ, исполнитель приговора вонзаетъ кинжалъ въ грудь осужденному, и безмолвно, какъ пришли, исчезаютъ судьи фемы въ мракѣ ночи.—Если вызываемый къ суду не явится на вызовъ, это не спасетъ его: приговоръ будетъ произнесенъ и исполненъ; потому что нигдѣ нельзя скрыться отъ мстящей за преступленіе руки фемы; ея тайные слуги проникаютъ повсюду. Такова картина суда фемы, созданная народнымъ преданіемъ; но она фантастична.

c) Богемско-австрійское государство Оттокара.

Походъ Оттокара въ Баварію 1257.

Межь тѣмъ какъ нѣмецкое королевство распадалось на мелкія областныя государства и городскія общины, Оттокаръ скрѣплялъ соединеніе юговосточной Германіи съ королевствомъ богемскимъ и стремился расширить свои владѣнія новыми завоеваніями. Въ особенности надѣялся онъ подчинить своему вліянію Баварію. По смерти Оттона Свѣтлаго баварское герцогство раздѣлили между собою два его сына: Людвигъ получилъ Верхнюю Баварію и Рейнскій Пфальцъ, Генрихъ—Нижнюю Баварію, столицею которой былъ Ландсгутъ. Но во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ братья дѣйствовали заодно, и каждый изъ нихъ имѣлъ титулъ герцога баварскаго, пфальцграфа рейнскаго. При дворѣ Людвига жилъ его племянникъ Конрадинъ; Людвигъ и Генрихъ усердно помогали выбору Ричарда королемъ, въ признательность за это Ричардъ обѣщался отдать Конрадину герцогство швабское. Родство Людвига съ Конрадиномъ, дружба обоихъ баварскихъ герцоговъ съ Ричардомъ и родство ихъ съ королемъ венгерскимъ возбуждали въ Оттокарѣ опасеніе; онъ искалъ предлога для нападенія на Нижнюю Баварію. Епископъ пассаускій поссорился съ герцогами баварскими, требовавшими отъ него признанія ихъ верховной власти надъ городомъ Пассау, и поѣхалъ въ Линцъ просить помощи у Оттокара; король богемскій былъ радъ просьбѣ, вступилъ съ большимъ войскомъ въ Нижнюю Баварію и, опустошая страну, дошелъ почти до Ландсгута. Тутъ встрѣтили его оба герцога баварскіе, принудили отступить за Иннъ, перешли эту рѣку и одержали блистательную побѣду при Мюльдорфѣ (25 августа 1257). Воины Оттокара бѣжали черезъ мостъ, онъ рушился, много ихъ утонуло; многіе другіе искали себѣ убѣжища въ башнѣ; она была зажжена, и они погибли въ огнѣ. Потерпѣвъ неудачу въ Баваріи, Оттокаръ сталъ думать о покореніи архіепископства зальцбургскаго и Штиріи.

1257.

1. Междоусобіе въ архіепископствѣ зальцбургскомъ 1257—1259.

1. Архіепископъ зальцбургскій Филиппъ, братъ Ульриха, герцога каринтійскаго, усердно помогалъ папѣ въ борьбѣ съ Гоэнштауфенами; потому Иннокентій IV не говорилъ ничего противъ его образа жизни, неприличнаго духовному сановнику, молчалъ и о томъ, что архіепископъ не просилъ у него утвержденія въ санѣ, не имѣлъ отъ него архіепископскаго паллія и не считалъ надобнымъ имѣть его, взявъ себѣ тѣ деньги, которыя собралъ капитулъ для отправленія къ папѣ въ уплату за присылку паллія. Но по смерти Иннокентія новый папа Александръ IV не хотѣлъ допустить, чтобы задерживаемы были пошлины, какія слѣдовало получить папѣ за утвержденіе въ церковныхъ должностяхъ, и объявилъ, что тѣ духовные сановники, которые не получили утвержденія отъ папы, должны испросить его въ теченіе года, а если не испросятъ его въ этотъ срокъ, то должны считаться утратившими санъ свой. Зальцбургскій капитулъ сердился на Филиппа за его расточительность и выбралъ на его мѣсто архіепископомъ

Ульриха фонъ Зеккау; Филиппъ сталъ хватать непріязненныхъ ему канониковъ, сажать ихъ въ темницу, грабить ихъ имѣнья. Ульрихъ уѣхалъ въ Римъ просить утвержденія въ санѣ. Сначала онъ не могъ добиться въ Римѣ ничего, но осенью 1257 папа низложилъ Филиппа и утвердилъ архіепископомъ Ульриха. Филиппъ не хотѣлъ отказываться отъ сана, пренебрегалъ отлученіемъ и интердиктомъ; Ульрихъ не имѣлъ денегъ на войну съ нимъ, принужденъ былъ заложить свой паллій и всетаки не могъ сполна уплатить папѣ пошлину за утвержденіе въ санѣ, наконецъ пріѣхалъ въ Штирію, заключилъ союзъ съ Белой, обѣщавшись уступить ему часть зальцбургскихъ владѣній. Бела далъ ему 3.000 марокъ серебра, обѣщалъ прислать 500 всадниковъ. Оттокаръ нашелъ надобнымъ вмѣшаться въ дѣло: уступки Белѣ, сдѣланныя Ульрихомъ, нарушали условія мира, заключеннаго въ 1254 году; Оттокаръ надѣялся при содѣйствіи герцога каринтійскаго завоевать Штирію, потому принялъ сторону Филиппа. Архіепископъ Ульрихъ осенью 1258 года пошелъ на Филиппа, но былъ разбитъ его братомъ, герцогомъ каринтійскимъ, бѣжалъ и весною 1259 попался въ руки Оттокару, который заперъ его подъ стражу. Зальцбургское архіепископство было опустошено войной, голодомъ и повальными болѣзнями.

2. Союзъ Оттокара съ герцогомъ каринтійскимъ повелъ къ тому, что король венгерскій потерялъ Штирію. Вельможи этой области были раздражены противъ венгровъ. Риѳмованная хроника рыцаря Оттокара служитъ отголоскомъ этого чувства: она говоритъ, что венгры обижали и бѣдныхъ и богатыхъ, поступали самовластно, оскорбляли вельможъ своей надменностью, что Стефанъ, сынъ венгерскаго короля, бывшій намѣстникомъ отца въ Штиріи, угнеталъ страну, отдалъ всѣ замки венгерскимъ вельможамъ, что они переселяли въ Штирію своихъ вассаловъ. Только духовенство было расположено къ Белѣ за то, что онъ давалъ имѣнья епископскимъ каѳедрамъ и аббатствамъ.—Сынъ Белы Стефанъ, уже коронованный королемъ венгерскимъ, то есть наслѣдникомъ престола, былъ буйный и развратный юноша. Впрочемъ онъ былъ правителемъ Штиріи только по названію, а на самомъ дѣлѣ правилъ ею Зубичъ, банъ Славоніи, Кроаціи и Далмаціи, котораго Бела назначилъ главнокомандующимъ въ Штиріи. Съ нимъ пріѣхали туда многіе славонскіе вельможи, и онъ оказывалъ имъ предпочтеніе передъ штирійскими; это увеличивало ненависть штирійцевъ къ венгерскому владычеству. Начались мятежи; въ 1258 году Зубичъ бѣжалъ отъ штирійскихъ вельможъ, хотѣвшихъ убить его; въ слѣдующемъ году Бела пошелъ самъ въ Штирію.

2. Завоеваніе Штиріи Оттокаромъ.

a) Недовольство штирійцевъ венграми.

Штирійскіе вельможи были почти всѣ единодушны въ ненависти къ венграмъ, но расходились между собою по вопросу о томъ, избрать ли особаго герцога или отдаться подъ власть Оттокара; многіе ненавидѣли чеховъ такъ же, какъ венгровъ. Но Оттокаръ дѣйствовалъ умно, возбуждалъ штирійскихъ вельможъ возстать противъ венгровъ и строилъ крѣпости по венгерской границѣ. При поддержкѣ Оттокара, дававшаго штирійскимъ вельможамъ выгодныя для нихъ обѣщанія, вспыхнуло наконецъ въ Штиріи всеобщее возстаніе. Гдѣ и какъ началось оно, мы не знаемъ, имѣемъ только извѣстіе, что въ одиннадцать дней венгры были прогнаны изъ всей Штиріи, удержались лишь въ нѣсколькихъ замкахъ. Оттокаръ явно принялъ сторону инсургентовъ и началъ войну съ венграми. Но войско его, состоявшее изъ наемной пѣхоты, было плохое, притомъ нуждалось въ продовольствіи. Онъ опасался, что страшная венгерская конница побѣдитъ его пѣхоту, и предложилъ Белѣ перемиріе. Венгерскій король согласился заключить перемиріе до Иванова дня (24 іюня), потому что опасность, грозившая его государству съ востока, не допускала его энергически вести войну на западѣ. Татарскій ханъ предложилъ ему союзъ противъ русскихъ

b) Война чеховъ съ венграми 1260.

Весна 1260.

и поляковъ, онъ отвергъ это предложеніе и долженъ былъ ожидать, что татары нападутъ на Венгрію. Притомъ онъ нуждался въ деньгахъ; папа разрѣшилъ ему взять пятую часть дохода съ церковныхъ владѣній на расходы для защиты государства отъ татаръ; это раздражило венгерскихъ епископовъ. Бела и Оттокаръ умно и успѣшно пользовались временемъ перемирія для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Бела заключилъ союзъ съ сосѣдними государями, княземъ галицкимъ, великимъ княземъ краковскимъ, набиралъ въ свое войско хорватовъ, босняковъ, сербовъ, болгаръ, грековъ, секлеровъ, валаховъ, кумановъ, даже ховарземскихъ тюрковъ; говорятъ, что онъ собралъ 140.000 воиновъ. Союзниками Оттокара были герцогъ Ульрихъ каринтійскій, братъ герцога Филиппъ, архіепископъ азильцбургскій, силезскіе князья Генрихъ Бреславльскій и Владиславъ Оппельнскій, маркграфъ Оттонъ бранденбургскій, Генрихъ, маркграфъ мейсенскій. Въ іюнѣ войска Оттокара собрались на Мархскомъ (моравскомъ) полѣ. Венгры уже подошли къ австрійской границѣ, легкая куманская конница перешла на правый берегъ Моравы, дѣлала разъѣзды до Штаца. Оттокаръ еще не занялъ удобной для боя позиціи, когда графы Гардеки, начальствовавшіе лѣвымъ крыломъ австрійскаго войска, попали въ засаду, устроенную куманами, и отрядъ ихъ былъ истребленъ (26 іюня.) Войско говорило, что нераспорядительность Оттокара была причиной этой бѣды, роптало, упало духомъ; нѣкоторые князья уже думали уйдти; кромѣ того войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи. Оттокаръ предложилъ Белѣ миръ, но венгры отвергли его предложеніе. На военномъ совѣтѣ союзниковъ и полководцевъ Оттокара, голосъ чести восторжествовалъ, было рѣшено идти впередъ. Войско Оттокара двинулось къ Моравѣ и расположилось станомъ между этою рѣкой и Дунаемъ противъ Гайнбурга. Нѣсколько дней чехи и венгры стояли, раздѣленные только рѣкой. Оттокаръ раздвинулъ свою позицію дальше на сѣверъ къ Кройсенбруну. Венгры 11 іюля перешли Мораву, и на слѣдующій день войска построились въ боевой порядокъ у Кройсенбруна. Венгры были гораздо многочисленнѣе непріятеля и пошли въ битву съ увѣренностью въ побѣдѣ. Но Оттокаръ, не будучи великимъ полководцемъ, былъ очень храбрый воинъ; онъ первый ринулся на враговъ и увлекъ своимъ примѣромъ чешскихъ рыцарей. Одѣтая съ головы до ногъ въ желѣзо, чешская конница съ перваго натиска опрокинула легкую венгерскую конницу. Вокъ фонъ Розенбергъ обратилъ въ бѣгство куманскія орды. Нѣмецкіе рыцари, силезцы, бранденбургцы, каринтійцы, зальцбургцы тоже сражались храбро, одинъ противъ троихъ, какъ говоритъ риѳмованная хроника рыцаря Оттокара. Въ нѣсколько часовъ была рѣшена побѣда чеховъ; говорятъ, что число убитыхъ враговъ простиралось до 18.000; остальные бѣжали въ безпорядкѣ и многіе утонули въ Моравѣ. Король Стефанъ былъ раненъ. Чешская конница преслѣдовала бѣгущихъ до Пресбурга. Побѣдители взяли въ венгерскомъ станѣ богатую добычу. Побѣда была полная и отдала Оттокару Штирію.

с) Побѣда на Оттокара Мархскомъ полѣ 1260.

12 іюля 1260.

Вѣнскій миръ 1261.

Оттокаръ писалъ Александру IV: «Хотя всеобщее мнѣніе было, что мы могли бы покорить Венгрію нашей власти, но мы разсудили, что лучше имѣть добраго сосѣда другомъ, нежели уничтожать его какъ врага: мы хотимъ вступить съ ними въ союзъ. Это мы находимъ болѣе хорошимъ, чѣмъ опустошеніемъ и ослабленіемъ этого великаго государства облегчить татарамъ доступъ къ нему и къ намъ самимъ». Въ іюлѣ или августѣ были заключены предварительныя условія мира; главнымъ изъ нихъ была уступка Штиріи Оттокару. Переговоры объ окончательныхъ условіяхъ мира длились болѣе полугода, и по нѣкоторымъ вопросамъ споръ былъ очень горячъ. Для упроченія мира было рѣшено, что сынъ короля Белы, называвшійся тоже Белою, женится на

племянницѣ Оттокара, бранденбургской принцессѣ Кунигундѣ, что папа дастъ утвержденіе трактату, и что та сторона, которая нарушитъ договоръ, должна будетъ заплатить 19.000 марокъ серебра папѣ. Четыре венгерскіе графа были оставлены у Оттокара заложниками. Рѣшая дѣло о томъ, кому владѣть Штиріею, ни Бела, ни Оттокаръ не упоминали ни однимъ словомъ о нѣмецкомъ королѣ, хотя Штирія составляла часть нѣмецкаго государства. Бела весною слѣдующаго (1261) года пріѣхалъ къ Оттокару въ Вѣну, и 31 марта они утвердили трактатъ о мирѣ.

Побѣда на Мархскомъ полѣ значительно увеличила могущество Оттокара. Благодаря разстроенному положенію дѣлъ у сосѣдовъ и военному счастью, онъ основалъ большое сильное государство. Чехи внушили своею храбростью страхъ сосѣдамъ, татары называли Оттокара желѣзнымъ царемъ,—такъ страшна казалась имъ чешская латная конница. Нѣмцы называли Оттокара за его богатство и щедрость золотымъ королемъ. Онъ построилъ въ память о своей побѣдѣ городъ Мархекъ на Мархскомъ полѣ и Гольденкронскій монастырь въ Богеміи.

Отношенія Оттокара къ нѣмецкому королевству.

Такимъ образомъ Штирія была теперь, какъ прежде, соединена съ Австріей подъ властью одного государя, и Оттокаръ пріобрѣлъ такое могущество, что ни одинъ изъ сосѣднихъ государей не равнялся ему силой. Онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, не обращая никакого вниманія на то, существуетъ ли на свѣтѣ нѣмецкій государь, и ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не думалъ останавливать его завоеванія нѣмецкихъ областей. Альфонсъ и Ричардъ все еще спорили о томъ, кто изъ нихъ нѣмецкій король; ни тотъ, ни другой не могъ сказать, что онъ признанъ всѣми нѣмецкими князьями; силы нѣмцевъ были парализованы этимъ положеніемъ дѣла, и оно было очень пріятно Оттокару; потому онъ встревожился, узнавъ, что по убѣжденіямъ архіепископа майнцскаго Вернера нѣмецкіе князья стали думать о выборѣ новаго короля и что многіе изъ нихъ расположены выбрать королемъ Конрадина. Оттокаръ отправилъ въ Римъ магистра Петра сообщить Урбану IV объ этомъ планѣ. Интересъ римской куріи совпадалъ и тутъ съ интересомъ Оттокара. Папа рѣшительно протестовалъ противъ избранія Конрадина и съумѣлъ повести дѣло такъ, что сеймъ, назначенный для выбора короля, не состоялся. Оттокаръ разсудилъ, что ему полезно будетъ сблизиться съ Ричардомъ. Онъ видѣлъ, что этотъ нѣмецкій король безсиленъ мѣшать ему, и желалъ предотвратить выборъ такого короля, который могъ бы стать силенъ. Въ 1262 году онъ формально призналъ Ричарда королемъ нѣмецкимъ, и за это Ричардъ 9 августа далъ ему инвеституру на владѣніе Австріей и Штиріей. Но Оттокаръ не поѣхалъ лично принять пожалованіе и присягнуть на вѣрность лѣнному господину, какъ требовалъ обычай. Грамата Ричарда была лишь формальнымъ признаніемъ власти, которая и безъ того принадлежала Оттокару. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не принималъ участія въ актѣ признанія Оттокара государемъ Австріи и Штиріи. — Признавъ Ричарда королемъ нѣмецкимъ, Оттокаръ не сталъ однако же помогать ему и

продолжалъ по прежнему дѣйствовать, не обращая никакого внимания на нѣмецкаго короля.

Разводъ Оттокара съ Маргаретой, и новый бракъ. 1261.

Оттокара озабочивали мысли о томъ, что у него нѣтъ наслѣдника; бракъ его съ Маргаретой былъ бездѣтный, она уже старѣлась, и не было надежды на то, что у нея будутъ дѣти. Отъ любовницы, Агнесы Кунрингъ, Оттокаръ имѣлъ двухъ дочерей и сына Николая. Онъ хотѣлъ узаконить ихъ; Александръ IV согласился признать ихъ законными дѣтьми короля, но говорилъ, что дать Николаю наслѣдство престола невозможно. Оттокаръ рѣшился развестись съ Маргаретой, чтобы вступить во второй бракъ и имѣть законныхъ дѣтей. Совѣтники и вельможи просили его объ этомъ, и сама Маргарета согласилась на разводъ. Предлогъ для расторженія брака былъ найденъ: Маргарета до замужества была монахиней; на этомъ основаніи епископскій судъ объявилъ ея бракъ недѣйствительнымъ. Маргарета уѣхала въ Кремсъ, Оттокаръ вступилъ въ новый бракъ, который долженъ былъ навсегда примирить королей богемскаго и венгерскаго. Оттокаръ сваталъ младшую дочь короля Белы Маргарету, жившую въ монастырѣ; она не захотѣла покинуть монашество, и онъ женился на внукѣ Белы, Кунигундѣ. Бракъ былъ великолѣпно отпразднованъ въ Пресбургѣ.—Съ политической точки зрѣнія разводъ Оттокара съ Маргаретой можно было оправдывать; такихъ случаевъ было много и раньше того и послѣ. Но австрійскіе писатели говорятъ, что, прогнавъ отъ себя вѣрную жену, Оттокаръ подвергся наказанію Божію, что всѣ послѣдующія бѣды его произошли отъ этого.

25 октября 1261.

Дружба съ Венгріей была еще болѣе скрѣплена другимъ бракомъ: сынъ Белы IV, называвшійся тоже Белой, женился на племянницѣ Оттокара Кунигундѣ, принцессѣ бранденбургской. Современники съ восхищеніемъ описываютъ великолѣпіе свадьбы, на которую съѣхалось множество князей и вельможъ. Праздникъ этотъ давалъ Оттокаръ.

5 октября 1864.

Междоусобіе въ архіепископствѣ зальцбургскомъ. 1263—1265.

Могущество Оттокара выказывалось въ его вліяніи на дѣла сосѣднихъ владѣній и особенно въ томъ, что онъ рѣшилъ по своей волѣ борьбу за архіепископство зальцбургское. Папа поручилъ ему прекратить войну между претендентами на зальцбургскую каѳедру. Онъ былъ покровителемъ Филиппа; герцоги-баварскіе поддерживали притязанія Ульриха; папа предпочелъ дружбу Оттокара ходатайству герцоговъ баварскихъ.

Въ 1260 году Александръ IV отлучилъ отъ церкви Ульриха, хотя самъ утвердилъ его выборъ въ санъ архіепископа. Генрихъ баварскій вступился за Ульриха, чтобы свергнуть Филиппа, которому покровительствовалъ Оттокаръ. Ворвавшись въ зальцбургское архіепископство, Генрихъ опустошалъ его, взялъ нѣсколько замковъ; но подступивъ къ Зальцбургу, потерпѣлъ неудачу. Однако же архіепископъ Филиппъ не удержался въ Зальцбургѣ; горожане черезъ нѣсколько времени возстали, прогнали его и отворили ворота Генриху, снова подступившему къ Зальцбургу. Филиппъ

1264.

отказался отъ сана. Но Оттокаръ не хотѣлъ допустить, чтобъ архіепископомъ зальцбургскимъ былъ человѣкъ, находящійся подъ покровительствомъ герцоговъ баварскихъ. Зальцбургскій капитулъ не выбралъ бы кліэнта Оттокара на мѣсто Ульриха; потому Оттокаръ убѣдилъ новаго папу Климента IV назначить архіепископа помимо выбора капитуломъ, и папа назначилъ человѣка, которому покровительствовалъ Оттокаръ, Владислава, сына герцога силезскаго. Подъ защитою Оттокара Владиславъ взялъ архіепископство въ свое управленіе, не встрѣчая сопротивленья. Ноябрь 1265.

Эта развязка зальцбургскаго дѣла раздражила Генриха Баварскаго. Онъ готовился къ войнѣ. Но братъ не сталъ помогать ему, потому что они поссорились. Людвига Баварскаго лѣтописцы называютъ Строгимъ; поводомъ къ этому былъ свирѣпый поступокъ его: по неосновательному подозрѣнію въ измѣнѣ супружеской вѣрности, онъ велѣлъ убить свою невинную жену, внуку Филиппа Швабскаго, убилъ и ея служанокъ, о которыхъ предполагалъ, что онѣ помогали ей обманывать его. Но это былъ порывъ бѣшенства, а вообще Людвигъ былъ человѣкъ смирный и миролюбивый. Конрадинъ, воспитывавшійся у него, завѣщалъ ему швабскія владѣнія Гоэнштауфеновъ; потому и современники полагали и нѣкоторые новѣйшіе историки думаютъ, что Людвигъ возбуждалъ Конрадина къ безразсудному походу въ Италію, чтобы племянникъ погибъ тамъ и наслѣдство досталось ему. Но едва ли это обвиненіе основательно. Конрадинъ въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что если умретъ бездѣтнымъ, то его наслѣдство должно быть передано Людвигу, который «воспитывалъ его съ отцовской любовью, какъ собственнаго сына». Вѣроятно, Людвигъ дѣйствительно любилъ племянника. Братъ Людвига, Генрихъ, былъ раздраженъ тѣмъ, что наслѣдство Конрадина досталось одному Людвигу; потомъ возникли ссоры между братьями и по разнымъ другимъ дѣламъ; между прочимъ Генрихъ требовалъ, чтобы Людвигъ отдалъ ему половину рейнскаго Пфальца. Такимъ образомъ, когда Оттокаръ напалъ на Генриха, Людвигъ не сталъ помогать брату. Война Оттокара съ Генрихомъ Баварскимъ. 1266.

Въ августѣ 1266 года Оттокаръ вступилъ съ сильнымъ войскомъ во владѣнія Генриха, опустошалъ ихъ, взялъ нѣсколько городовъ. Но черезъ нѣсколько времени ушелъ, вѣроятно, по недостатку продовольствія. Генрихъ не могъ надѣяться успѣха въ войнѣ съ нимъ, а ему хотѣлось имѣть досугъ для упроченія своей власти въ Австріи и въ Штиріи. Такимъ образомъ весною 1267 они заключили миръ. Но остались непріязненны одинъ другому; изъ этого скоро возникла новая война.

Въ долгіе годы анархіи австрійскіе и штирійскіе вельможи привыкли къ самовластію; они нападали на слабыхъ сосѣдовъ, захватывали церковныя имѣнья и, запершись въ своихъ замкахъ, не хотѣли слушать повелѣній государя. Самовластно строить замки было запрещено австрійскими законами, но вельможи не обращали вниманія на это, укрѣпляли свои старые замки, строили новые. Пока Оттокаръ чувствовалъ непрочнымъ Недовольство штирійскихъ вельможъ Оттокаромъ.

свое владычество въ Австріи, онъ уклонялся отъ ссоръ съ непокорными вельможами, но теперь разсудилъ, что пришло время усмирить ихъ. Въ 1265 году онъ сталъ ходить съ войскомъ по Богеміи и Австріи, разрушалъ замки вельможъ, неповиновавшихся ему, нѣкоторыхъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ и казнилъ. Понятно, что вся аристократія стала смотрѣть на него враждебно. Точно такъ же онъ поступилъ и въ Штиріи. Въ 1262 онъ назначилъ правителемъ этой области Брунона, епископа ольмюцскаго, человѣка храбраго, даровитаго, усердно преданнаго ему, бывшаго самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ его. Герцогиня Гертруда имѣла въ Штиріи приверженцевъ; чтобы примирить ее съ владычествомъ Оттокара, Брунонъ въ 1263 году устроилъ свадьбу ея дочери Агнесы съ герцогомъ Ульрихомъ каринтійскимъ, другомъ Оттокара. Гертруда послѣ этого отбросила непріязнь къ Оттокару. Брунонъ управлялъ Штиріею строго, разрушалъ замки, построенные вельможами, не допускалъ ихъ захватывать церковныя имѣнья. Но Оттокаръ все еще находилъ преждевременнымъ поступать въ Австріи и Штиріи слишкомъ круто; притомъ онъ теперь не имѣлъ и досуга для рѣшительной борьбы съ вельможами, потому что готовился къ своему второму крестовому походу въ Пруссію; объ этомъ походѣ мы уже говорили.

Возстановленіе порядка въ Штиріи.

Возвратившись изъ Пруссіи, Оттокаръ принялъ мѣры для подавленія непокорныхъ штирійскихъ вельможъ. Онъ предалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ суду по обвиненію въ измѣнѣ; уликъ не было, но всетаки онъ долго держалъ ихъ подъ строгой стражей. Они согласились наконецъ отдать свои замки королю, тогда онъ освободилъ ихъ; очевидно, что обвиненіе въ измѣнѣ было только предлогомъ отнять у нихъ замки. Современники сильно упрекаютъ Оттокара за его несправедливость и суровость относительно вельможъ. Но эти люди не заслуживали сожалѣнія, потому что ихъ замки были разбойничьими притонами, изъ которыхъ они ходили грабить сосѣдовъ. Оттокаръ разрушилъ много замковъ и въ Штиріи, какъ прежде въ Австріи; штирійскіе вельможи были запуганы и смирились, подобно австрійскимъ и богемскимъ. Междоусобія и грабежи прекратились.

Пріобрѣтеніе Каринтіи и Крайны Оттокаромъ 1268—1269.

Счастье продолжало благопріятствовать Оттокару и дало ему еще двѣ области, Каринтію и Крайну, составлявшія герцогство, называемое каринтійскимъ. Оттокаръ пріобрѣлъ ихъ, благодаря ловкости, съ какой вмѣшался въ дѣла каринтійской династіи, епископа тріэнтскаго и патріарха аквилейскаго. По смерти графа Альберта тирольскаго большую часть его владѣній наслѣдовалъ мужъ его дочери Адельгейды, Мейнгардъ, графъ гёрцскій. Мужъ другой дочери Альберта, графъ Гебгардъ гиршбергскій, наслѣдовавшій другую часть Тироля, умеръ бездѣтнымъ, и его владѣнія перешли къ Мейнгарду. По смерти Мейнгарда въ 1258 году его сыновья Мейнгардъ и Альбертъ наслѣдовали Гёрцъ и Тироль. Кромѣ того они получили по наслѣдству владѣнія графовъ андексскихъ и взяли съ согласія папы въ ленное владѣніе многія имѣнья епископства тріэнтскаго, которыя хотѣлъ захватить Эццелино. Папа согласился даже на то, чтобъ Мейнгардъ Тирольскій взялъ подъ свое управленіе и столицу епископа, городъ Тріэнтъ. Братъ Мейнгарда Альбертъ, правившій Гёрцомъ, хотѣлъ расширить свои владѣнія, отнявъ сосѣдніе округи владѣній патріарха аквилейскаго Григорія, который пріобрѣлъ много земель во Фріулѣ

и Крайнѣ. Но Григорій былъ человѣкъ мужественный, заключилъ союзъ съ Ульрихомъ, герцогомъ каринтійскимъ, и пріобрѣлъ себѣ покровительство Оттокара, съ которымъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Альбертъ заявилъ притязанія на городъ Каподистрію, началъ войну съ патріархомъ, захватилъ его въ плѣнъ. Но Оттокаръ вмѣшался въ дѣло и велѣлъ Альберту вполнѣ удовлетворить Григорія за всѣ обиды. Вскорѣ послѣ того Григорій умеръ, и по вліянію Оттокара патріархомъ аквилейскимъ былъ избранъ братъ герцога Ульриха каринтійскаго, бывшій архіепископъ зальцбургскій Филиппъ. Вслѣдъ за тѣмъ 27 октября 1269 умеръ герцогъ Ульрихъ, дѣтей у него не было; Оттокаръ съ той цѣлью и озаботился доставить Филиппу аквилейскую каѳедру, чтобъ устранить его отъ наслѣдованія брату. Ульрихъ былъ очень друженъ съ Оттокаромъ, пользовался, благодаря его покровительству, безопасностью и любилъ его больше, чѣмъ своего брата, потому сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ отдавалъ свое герцогство Оттокару. Онъ заявилъ эту свою волю 4 декабря 1268. Когда онъ умеръ, Филиппъ былъ уже избранъ патріархомъ, но еще не принялъ этого сана и хотѣлъ сдѣлаться самъ герцогомъ каринтійскимъ; но дѣйствовалъ такъ нерѣшительно и неблагоразумно, что, не получивъ герцогства, утратилъ и аквилейскую каѳедру. 1265.

Въ герцогствѣ каринтійскомъ была довольно сильная партія, желавшая имѣть герцогомъ не Оттокара, а Филиппа. Разсчитывая на содѣйствіе этихъ вельможъ и министеріаловъ, Филиппъ отказался отъ патріаршества (2 ноября 1269). Но сторонники Оттокара были сильнѣе, а самъ онъ сталъ дѣйствовать энергически; получилъ отъ епископа фрейзингскаго всѣ лены его епархіи, бывшіе во владѣніи Ульриха; графы гёрцскіе, подобно епископу фрейзингскому, поддерживали Оттокара. Такимъ образомъ Филиппу слѣдовало разсудить, что борьба безнадежна, но онъ просилъ помощи короля Стефана венгерскаго и воображалъ, что Стефанъ побѣдитъ Оттокара. Въ началѣ 1270 Оттокаръ назначилъ графа Ульриха Гейнбурга правителемъ Каринтіи, а осенью пришелъ туда самъ, взялъ Лайбахъ, признававшій герцогомъ Филиппа, разрушилъ замки своихъ противниковъ въ Каринтіи и Крайнѣ. Филиппъ отказался отъ своихъ притязаній. Оттокаръ далъ ему имѣнье въ Кремсѣ. Новый папа Григорій X объявилъ недѣйствительнымъ выборъ его въ санъ патріарха и отдалъ эту должность Раймондо Миланскому. Вдова герцога Ульриха, дочь герцогини Гертруды, принуждена была отречься отъ своихъ правъ на герцогство и вышла за графа Ульриха Гейнбурга. Оттокаръ выказалъ большую ловкость и энергію въ дѣлѣ пріобрѣтенія герцогства каринтійскаго.

Отношенія Оттокара къ королю венгерскому и герцогамъ баварскимъ 1270—1273.

Всѣ сосѣды робѣли ослушаться Оттокара; онъ былъ теперь на верху могущества и называлъ себя: Божіею милостью король богемскій, австрійскій, штирійскій и каринтійскій, маркграфъ моравскій, государь Крайны, вендской марки и Эгера. Король венгерскій и герцоги баварскіе съ опасеніемъ смотрѣли на возростающее могущество Оттокара и пытались бороться съ нимъ, но при безсиліи нѣмецкаго ко-

ролевства оставались безъ поддержки, терпѣли неудачи. Венгры въ особенности были враждебны Оттокару. Договоры и родственныя связи не могли заглушить этой вражды, и въ слѣдующіе годы возобновлялись опустошительныя войны. Венгрія была тогда слаба, потому что въ ней постоянно шли раздоры, главной причиной которыхъ были отношенія короля венгерскаго къ Оттокару: Бела IV считалъ надобнымъ поддерживать дружбу съ нимъ, а сынъ Белы, Стефанъ, и большинство маджарскихъ вельможъ находили это опаснымъ для Венгріи, желали возобновить войну. Стефанъ былъ правителемъ Куманіи и Трансильваніи; вельможи во время смутъ, волновавшихъ Венгрію, пріобрѣли большую силу, и королю было трудно бороться съ ними и съ сыномъ. Бела былъ хорошій государь, покровительствовалъ развитію городовъ, чтобъ имѣть въ нихъ опору противъ непокорныхъ вельможъ, заботился объ охраненіи государства отъ нападеній монголовъ. Онъ умеръ 5 мая 1270, и Стефанъ вскорѣ по вступленіи на престолъ началъ ссору съ Оттокаромъ. Поводомъ было то, что сестра Стефана, Анна, теща Оттокара, тайно уѣхала къ нему; Стефанъ очень разсердился на это; кромѣ того ему хотѣлось доставить герцогство каринтійское Филлипу, и зимою 1270 онъ повелъ войско въ Австрію. Дикія куманскія орды доходили до воротъ Вѣны и свирѣпо опустошали страну. Враги едва не окружили Оттокара у Зёммеринга; онъ успѣлъ спастись отважнымъ переходомъ черезъ горы, собралъ австрійскія и богемскія войска, получилъ помощь изъ Брауншвейга, Бранденбурга, Тюрингіи, Силезіи, пошелъ на венгровъ, оттѣснилъ ихъ, въ апрѣлѣ 1271 взялъ приступомъ Пресбургъ, овладѣлъ Нейтрой (Нитрой), взялъ Альтенбургъ и Визельбургъ; но въ кровопролитномъ сраженіи на Лейтѣ 21 мая стремительныя атаки венгерской конницы опрокинули чеховъ и нѣмцевъ; Оттокаръ принужденъ былъ отступать, венгры ворвались въ его владѣнія, опустошали Мархское поле и Моравію. Въ іюлѣ былъ заключенъ миръ, по которому Стефанъ призналъ Оттокара государемъ Штиріи, Каринтіи, Крайны и вендской марки. Герцоги баварскіе такъ перессорились за наслѣдство Конрадина и другія владѣнія, что держали себя въ этой войнѣ, какъ враги: Людвигъ былъ союзникомъ Оттокара, Генрихъ помогалъ Стефану. Потомъ, разсердившись на то, что Стефанъ заключилъ миръ, Генрихъ разорвалъ спошенія съ королемъ венгерскимъ и весною 1273 заключилъ съ Оттокаромъ союзъ «для общихъ дѣйствій противъ всякаго врага», — то-есть между прочимъ и противъ Людвига. За нѣсколько времени передъ тѣмъ (въ августѣ 1272) умеръ Стефанъ. Началась война между приверженцами его малолѣтняго сына Владислава и сторонниками Белы, брата жены Оттокара. Графъ Генрихъ Гюссингъ предательски убилъ Белу; подъ предлогомъ мщенія за брата жены Оттокаръ пошелъ въ Венгрію, силы которой были парализованы междоусобіемъ, взялъ Пресбургъ и овладѣлъ всей землей до

Вага. Его перевѣсъ надъ Венгріею казался теперь прочно установившимся, и никто изъ сосѣдовъ не могъ отважиться на борьбу съ нимъ. Онъ заботился о водвореніи порядка въ своемъ обширномъ государствѣ, охранялъ собственность церкви, обуздывалъ самоуправство вельможъ, покровительствовалъ развитію городовъ, утвердилъ ихъ прежнія права, давалъ имъ новыя. Нѣмецкіе города въ Богеміи и Моравіи были обязаны ему благосостояніемъ; онъ считалъ важнѣйшимъ своимъ дѣломъ заботу о германизаціи славянскихъ земель призывомъ нѣмецкихъ колонистовъ. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Брунонъ ольмюцскій, намѣстникъ его въ Штиріи. Всѣ учрежденія, вводимыя Оттокаромъ, были основаны на нѣмецкихъ законахъ и обычаяхъ. Межь тѣмъ какъ нѣмецкое государство распадалось, союзы нѣмецкихъ городовъ и дѣятельность Оттокара начинали создавать два новыя государства; но то государство, которое создавалъ Оттокаръ, скоро было разрушено.

---

6. Походъ Конрадина въ Италію. Смерть его.

Послѣ битвы при Беневентѣ ярко выказалась суровость побѣдителя и его алчныхъ сподвижниковъ. Они ворвались въ Беневентъ; духовенство, вышедшее на встрѣчу имъ, напрасно умоляло ихъ пощадить городъ; они грабили, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ; эти свирѣпости показывали, какая судьба ожидаетъ противниковъ Карла въ королевствѣ сицилійскомъ. Климентъ IV съ негодованіемъ смотрѣлъ на то, какимъ человѣкомъ оказывается «атлетъ и Маккавей церкви». Супруга Манфреда, находившаяся въ Лучеріи, была покинута почти всѣми придворными. Немногіе, оставшіеся вѣрными ей, говорили, что побѣдитель вѣроятно пойдетъ прямо на Лучерію, совѣтовали Еленѣ уѣхать съ маленькими дѣтьми—дочерью и тремя сыновьями—въ Эпиръ къ ея роднымъ. Она поѣхала въ Трани, чтобы плыть оттуда въ Эпиръ. Но бури мѣшали отъѣзду, Елена принуждена была ввѣрить себя и дѣтей покровительству начальника города. Монахи нищенствующихъ орденовъ, возмущавшіе народъ противъ Гоэнштауфеновъ, узнали о томъ, что Елена въ Трани, стали угрозами и обѣщаніями склонять начальника города, чтобъ онъ выдалъ королеву съ ея дѣтьми и сокровищами Карлу. Онъ выдалъ. Елена, проживъ пять лѣтъ подъ стражей въ Ночера де Пагани, умерла 5 марта 1266 отъ суроваго обращенія съ ней и отъ горя. Ей было тогда только 29 лѣтъ. Ея дочь, Беатриче, восемнадцать лѣтъ томилась подъ стражей въ неаполитанской цитадели Кастель делль Уово; наконецъ арагонцы, овладѣвъ Сициліей, вытребовали ея освобожденія.

Суровость Карла къ побѣжденнымъ.

Семейство Манфреда.

Три сына Манфреда, Генрихъ, Фридрихъ и Энціо, до самой смерти оставались въ цѣцяхъ, и стража даже не давала имъ достаточно пищи. О Генрихѣ знаемъ, что черезъ много лѣтъ онъ слѣпой все еще жилъ закованный въ цѣпи. Братья его, кажется, скоро умерли въ темницѣ. Карлъ подвергъ семейство Манфреда той же судьбѣ, какой дѣдъ Манфреда подвергъ семейство Танкреда (IV, 737). Съ такой же суровостью мстилъ онъ всѣмъ приверженцамъ погибшаго короля. Графъ Джордано Англано, оборонявшійся нѣсколько времени въ своихъ замкахъ, былъ взятъ въ плѣнъ и до конца жизни оставался въ темницѣ. Измѣнники, своимъ предательствомъ давшіе Карлу побѣду, были награждены.—Вскорѣ послѣ битвы при Беневентѣ Карлъ и его гордая жена вступили торжественной процессіей въ Неаполь. Народъ, духовенство, вельможи привѣтствовали ихъ выраженіями восторга. Владычество нѣмцевъ въ южной Италіи кончилось. Фридрихъ Антіохійскій скоро призналъ Карла королемъ. Побѣдитель сурово преслѣдовалъ побѣжденныхъ; множество людей было казнено, тысячи были брошены въ темницы или изгнаны, имѣнья ихъ конфискованы. Французскіе вельможи и авантюристы дѣлили дорычу.

Вступленіе Карла въ Неаполь.

Перемѣна правительства не облегчила судьбу сицилійскаго королевства. Прежнія обременительныя подати остались; побѣдители попирали ногами законы. Исполняя договоръ съ папой, Карлъ въ маѣ 1265 сложилъ съ себя санъ сенатора; но римляне не пригласили папу въ свой городъ, онъ оставался въ Витербо. Граждане Рима сохранили свою политическую самостоятельность и въ слѣдующемъ году выбрали сенаторомъ знаменитаго воина, инфанта кастильскаго, Энрико, брата Альфонса X. Онъ былъ врагъ Карла. Подъ впечатлѣніемъ беневентской битвы почти всѣ тосканскіе и многіе сѣверо-итальянскіе города признали Карла своимъ покровителемъ; но борьба между грельфами и гибеллинами, возобновившаяся съ прежнимъ ожесточеніемъ, скоро подорвала свободу городовъ и проложила путь къ возникновенію тиранніи. Климентъ IV видѣлъ, что Карлъ вредитъ себѣ суровостью, и писалъ ему совѣты, содержаніе которыхъ показываетъ, что новый король дѣйствительно былъ очень суровъ; онъ не слушался увѣщаній папы, и дружба между ними стала разстроиваться.

Сицилійское королевство. Римъ.

Тоскана и сѣверная Италія.

«Когда ты овладѣвалъ королевствомъ», писалъ папа Карлу, «мы надѣялись, что твое правленіе будетъ справедливо, но вмѣсто того ты обидѣлъ многихъ. Почти всѣ въ душѣ враждебны тебѣ; даже тѣ, которые выказываютъ себя преданными, возстали бы унизить тебя, если бы насталъ удобный часъ, который да будетъ далекъ. Для чего ты, не принимая въ соображеніе этого, допускаешь удаляться отъ тебя людей, оказавшихъ тебѣ услуги, не давая имъ приличнаго вознагражденія? Или ты считаешь безопаснымъ положеніемъ оставаться одинъ среди чужихъ народовъ, между которыми ты очевидно имѣешь больше тайныхъ враговъ, чѣмъ друзей? Развѣ ты не видишь, въ какомъ положеніи ты находишься? Ты живешь, какъ бы между скорпіонами. Посмотри вокругъ себя: тутъ сарацины, тамъ

греки; тутъ могущественныя морскія государства, тамъ нѣмцы; тутъ много варваровъ, которые не могутъ любить ни тебя, ни твою націю».

Папа не любилъ французскаго принца, на голову котораго возложилъ сицилійскую корону, но ихъ вновь соединила опасность, которой подверглись они въ слѣдующемъ году. Гальвано и Федериго Ланчи, Коррадо и Марино Капече, Гвидо Новелло, Коррадо Тринчо и нѣкоторые другіе полководцы Манфреда успѣли спастись бѣгствомъ съ беневетскаго поля, собрали бѣжавшихъ апулійскихъ гибеллиновъ и нѣмецкихъ наемниковъ въ Тосканѣ, гдѣ Пиза и Сіэна оставались вѣрны дѣлу гибеллиновъ. Въ сѣверной Италіи Павія, Верона и другіе гибеллинскіе города тоже оставались вѣрны своей партіи. У Пелавичини было тамъ войско. Депутаты этихъ полководцевъ и городовъ, гражданъ Палермо и лучерійскихъ сарациновъ отправились въ Баварію къ Конрадину, обѣщая ему поддержку, если онъ придетъ въ Италію спасти ихъ отъ ненавистнаго тирана, Карла. Когда мать Конрадина Елисавета вступила въ бракъ съ графомъ Мейнгардомъ гёрцскимъ, тирольскимъ и каринтійскимъ (въ 1259 году), Конрадинъ остался при дворѣ своего дяди, герцога баварскаго, Людвига, а временами жилъ у своего воспитателя, епископа Эбергарда констанцскаго. Онъ назывался королемъ сицилійскимъ и іерусалимскимъ, герцогомъ швабскимъ, но въ дѣйствительности владѣлъ лишь остатками родовыхъ имѣній своей фамиліи въ Швабіи. Онъ мечталъ о возстановленіи своихъ правъ, любилъ пѣсни, прославлявшія могущество его предковъ, и съ восторгомъ принялъ призывъ итальянскихъ гибеллиновъ идти къ нимъ.

Гибеллины приглашаютъ въ Италію Конрадина 1267.

Конрадинъ рѣшился отправиться въ Италію. Нѣмецкое государство находилось тогда, какъ мы знаемъ, въ совершенномъ разстройствѣ. Князья и рыцари думали только о личныхъ выгодахъ. Конрадинъ продалъ или заложилъ свои родовыя владѣнія, чтобы на эти деньги набрать воиновъ для похода въ Италію. Напрасно мать предостерегала его отъ увлеченія мыслями о странѣ, въ которой погибло столько Гоэнштауфеновъ; онъ надѣялся возвратить себѣ королевство, принадлежавшее его роду.

Конрадинъ принимаетъ приглашеніе гибеллиновъ.

Климентъ не хотѣлъ вѣрить, что Конрадинъ предпринимаетъ такое безразсудное дѣло. Но пришли достовѣрныя извѣстія, что Конрадинъ готовится къ походу въ Италію; гибеллины сѣверной Италіи, Тосканы, Апуліи волновались; Климентъ убѣдился, что Конрадинъ дѣйствительно хочетъ идти въ Италію, и письмо папы къ флорентійцамъ отъ 10 апрѣля 1267 показываетъ, какъ былъ онъ встревоженъ и раздраженъ: «Изъ племени дракона произошелъ ядовитый василискъ, наполняющій своимъ заразительнымъ дыханіемъ тосканскія области. Змѣиное отродье, онъ посылаетъ беззаконныхъ людей, враговъ нашихъ и нашего возлюбленнаго сына, славнаго короля Карла, въ

Мѣры обороны, принятыя Карломъ.

города, замки и къ вельможамъ. Онъ украшаетъ себя ухищренной ложью; однихъ отклоняетъ онъ отъ пути истины просьбами, другихъ деньгами. Это безразсудный юноша Конрадинъ, внукъ Фридриха, бывшаго римскаго императора, отвергнутый справедливымъ приговоромъ Бога и его намѣстника».—Карлъ отправился въ Витербо, примирился съ Климентомъ, послалъ войска въ Тоскану противъ Коррадо Капече, принявшаго въ Пизѣ титулъ викарія Конрадина, велѣлъ Гюи Монфору занять Флоренцію, пріѣхалъ самъ въ Тоскану; гвельфскіе города выказывали преданность ему, но положеніе дѣлъ въ Тосканѣ казалось ему такъ опасно, что онъ нашелъ надобнымъ остаться тамъ, не отправилъ войскъ въ сѣверную Италію, и Конрадинъ могъ идти черезъ нее, не встрѣчая сильнаго сопротивленія.

Волненіе въ Италіи.

Межъ тѣмъ какъ Карлъ сдерживалъ гибеллиновъ въ Тосканѣ, усиливалось волненіе въ другихъ частяхъ Италіи. Сарацины подняли въ Лучеріи знамя Гоэнштауфеновъ; Коррадо Капече и Федериго Кастильскій, братъ римскаго сенатора Энрико, приплыли съ нѣсколькими сотнями воиновъ въ Сицилію и пытались поднять тамъ возстаніе въ пользу Конрадина; по всей Апуліи шли подготовленія гибеллиновъ къ возстанію. Въ Римѣ сенаторъ Энрико Кастильскій, старый противникъ Карла, и помощникъ сенатора, Гвидо Монтефельтро, владѣтель города Урбино, открыто приняли сторону Конрадина; въ Ломбардіи стоялъ съ войскомъ Пелавичини, и гибеллины ободрились при извѣстіи, что Конрадинъ съ нѣмецкимъ войскомъ пришелъ въ Верону.

Походъ Конрадина.

Осенью 1267 года Конрадинъ, сдѣлавъ распоряженіе, передававшее въ случаѣ его смерти нѣмецкія владѣнія его Людвигу Баварскому, пошелъ съ своими друзьями и вассалами въ Италію. Его сопровождалъ Фридрихъ Баденскій, сынъ бабенбергской принцессы Гертруды, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ при дворѣ Людвига, соединенный съ нимъ родственнымъ чувствомъ, одинаковостью судьбы, сходствомъ характера. Вотчимъ Конрадина Мейнгардъ Тирольскій и дядя Людвигъ Баварскій шли съ нимъ; многіе рыцари, по расположенію къ династіи Гоэнштауфеновъ, по любви къ военнымъ приключеніямъ или по разсчету получить большіе лены въ сицилійскомъ королевствѣ, сошлись подъ знамя Конрадина. Черезъ Бреннеръ онъ перешелъ въ долину Адидже, пришелъ въ ноябрѣ въ Верону; но тамъ уже могъ бы понять, что идти дальше нельзя ему. Имѣнья его были розданы; на походѣ въ Верону собранныя имъ деньги истощились, и многіе изъ его спутниковъ пошли оттуда подъ разными предлогами домой; покинулъ «любезнаго племянника» даже герцогъ Людвигъ, получивъ отъ него по актамъ въ залогъ за данныя ему деньги граматы на его имѣнья; вотчимъ Конрадина, Мейнгардъ, ушелъ вслѣдъ за его дядей. Но при Конрадинѣ всетаки еще оставалось три тысячи рыцарей съ своими воинами; это было такое войско, около котораго могли соединиться итальян-

скіе гибеллины не безъ надежды на побѣду. Дѣла Конрадина въ Италіи шли сначала успѣшно. Гальвано Ланча, дядя Манфреда, пріѣхавшій въ Римъ уполномоченнымъ Конрадина, былъ съ почестями принятъ сенаторомъ и народомъ; вожди гвельфовъ бѣжали или были брошены въ темницы; римскій народъ, собравшійся на Капитоліѣ, провозгласилъ, что вступаетъ въ союзъ съ Конрадиномъ. Энрико Кастильскій, рыцарь и трубадуръ, слагалъ канцоны, въ которыхъ высказывалъ ненависть къ похитителю его владѣній Карлу, и ободрялъ Конрадина въ намѣреніи «овладѣть прекраснымъ садомъ, Сициліей, и взять смѣлымъ римскимъ подвигомъ корону королевства».

Отлученіе Конрадина отъ церкви.

Папа отлучилъ Конрадина отъ церкви, положилъ интердиктъ на Пизу, Сіэну, Верону и Павію, граждане которыхъ встрѣчали Конрадина съ выраженіями усердія къ его дѣлу; объявилъ, что подвергаются интердикту всѣ другіе города и области, которыя будутъ помогать Конрадину; отлучилъ отъ церкви сенатора, его викарія и другихъ римскихъ правителей, заключившихъ союзъ съ уполномоченнымъ Конрадина, и освободилъ римлянъ отъ присяги повиновенія имъ. Карлъ послѣ долгой осады взялъ Поддзибонци, сильнѣйшій замокъ гибеллиновъ, принудилъ пизанцевъ заключить миръ съ нимъ, но въ апрѣлѣ (1268) отправился въ Витербо на новое совѣщаніе съ Климентомъ. Онъ думалъ идти въ сѣверную Италію, дать тамъ рѣшительное сраженіе Конрадину, который болѣе двухъ мѣсяцевъ неподвижно стоялъ въ Павіи и отъ котораго уходили многіе воины, потому что у него не было денегъ. Но Климентъ находилъ опаснымъ волненіе, поднявшееся въ Апуліи, посовѣтовалъ Карлу идти туда, чтобы предотвратить возстаніе, объяснилъ ему, что завоевать сицилійское королевство во второй разъ было бы ему труднѣе, чѣмъ въ первый. Карлъ послушался, оставилъ въ средней Италіи небольшую часть войска для защиты папы и поддержки тосканскимъ гвельфамъ, а съ главными своими силами пошелъ въ Апулію.

Конрадинъ въ Пизѣ.

Конрадинъ между тѣмъ двинулся въ Пизу. Фридрихъ Баденскій велъ туда нѣмецкое войско горами, пробился у Понтремоли и Луни черезъ апеннинскіе проходы, которые были заняты гвельфами, а Конрадинъ съ 500 рыцарей пошелъ другимъ путемъ черезъ владѣнія маркграфа Каретто, женатаго на одной изъ побочныхъ дочерей Фридриха II, пришелъ къ Вадо (близъ Савоны). Пизанцы прислали туда галеры для него, онъ 29 марта пустился въ море, 5 апрѣля приплылъ въ Пизу и былъ встрѣченъ тамъ съ большими почестями. Черезъ мѣсяцъ (2 мая) пришелъ въ Пизу Фридрихъ Баденскій. Тосканскіе гибеллины большими отрядами присоединялись къ Конрадину. Послѣ незначительныхъ военныхъ дѣйствій противъ гвельфскаго города Лукки, онъ пошелъ дальше, принудилъ сдаться гвельфскій гарнизонъ, стоявшій въ Поддзибонци, и въ іюнѣ торжественно вступилъ въ гибеллинскій городъ Сіэну. Фридрихъ Баденскій разбилъ гвельфовъ у Понте а-Валле

па Арно; маршалъ Карла былъ взятъ въ плѣнъ. Надежды гибеллиновъ возростали; послы римлянъ пригласили Конрадина въ Римъ. Онъ разсчитывалъ получить тамъ сильныя подкрѣпленія; римская область волновалась, Фермо и римскія марки возстали противъ папы; казалось, что Конрадинъ можетъ одолѣть Карла. Федериго Ланча поплылъ съ пизанскимъ флотомъ въ Калабрію. Климентъ вѣроятно находилъ положеніе опаснымъ, но скрывалъ свою тревогу, ободрялъ робѣвшихъ, назначилъ Карла викаріемъ Тосканы и снова далъ ему санъ римскаго патриція. На Троицу (27 мая), совершая литургію въ доминиканской церкви въ Витербо, онъ произнесъ рѣчь для успокоенія оробѣвшаго народа. Онъ говорилъ: «Не бойтесь ничего; этотъ юноша, мы знаемъ, ведется на смерть дурными людьми; нѣтъ знанія вѣрнѣе этого, основаннаго на правилахъ вѣры». Межь тѣмъ Конрадинъ съ 5.000 всадниковъ, хорошо вооруженныхъ, шелъ къ Риму, уклонился отъ встрѣчи съ папскимъ войскомъ, стоявшимъ у Витербо, и 24 іюля пришелъ къ Монте-Маріо, радостно смотрѣлъ съ вершины этого холма на Римъ, на Кампанью, на синія Альбанскія горы, окаймляющія горизонтъ. Энрико Кастильскій и римскіе гибеллины приготовили ему торжественную встрѣчу: всѣ римляне, способные носить оружіе, стояли на Нероновомъ полѣ въ блестящемъ вооруженіи съ вѣнками на шлемахъ; при появленіи Конрадина, они начали военныя игры, остальной народъ бросалъ подъ ноги Конрадина цвѣты и пальмовыя вѣтви, пѣлъ радостныя пѣсни; дома по улицамъ, которыми шелъ Конрадинъ, были убраны коврами и пурпурными тканями, хоры дѣвушекъ пѣли при звукахъ цитръ и литавръ по пути въ Капитолій; на Капитолійскомъ холмѣ правители и вельможи заявили свою преданность Конрадину. Люди корыстолюбивые полагали, что онъ побѣдитъ Карла, и шли къ нему получать лены въ награду за усердіе; даже Піэро Вико, измѣнившій Манфреду, увѣрялъ Конрадина въ своей преданности.

Вступленіе Конрадина въ Римъ. Іюль 1268.

Конрадинъ пробылъ въ Римѣ нѣсколько недѣль и получилъ тамъ извѣстіе, что пизанскій флотъ одержалъ побѣду у берега Сициліи. Съ 10.000 хорошо вооруженныхъ воиновъ Конрадинъ 10 августа выступилъ изъ Рима; онъ направлялся въ сицилійское королевство восточнымъ путемъ черезъ Абруццы. Энрико Кастильскій съ отрядомъ испанцевъ, Гальвано Ланча, Конрадъ Антіохійскій, многіе другіе вожди гибеллиновъ сопровождали его. Цѣль похода черезъ Абруццы состояла въ томъ, чтобъ обмануть Карла, не предполагавшаго, что противникъ пойдетъ этою дорогой, прійдти раньше его черезъ палентинскую равнину въ Сульмону и соединиться съ сарацинами, къ которымъ, по удаленіи Карла изъ Фодджи, пришли гибеллины областей Бари и Капитанаты. Но планъ этотъ не удался. Карлъ, осаждавшій Лучерію, снялъ осаду, пошелъ ускоренными переходами черезъ Сору на сѣверъ, прошелъ западнымъ берегомъ Фучинскаго озера, пришелъ на пален-

Битва при Тальякоццо.

тинскую долину, сталъ у Альбы и отрѣзалъ Конрадину путь къ Сульмонѣ. Три дня и три ночи Карлъ слѣдилъ за движеніями непріятеля, потомъ потерялъ его слѣдъ. Конрадинъ перешелъ горы и 21 августа пришелъ черезъ Тальякоццо въ Скурколу, гдѣ открывался ему свободный путь черезъ Челано и Сульмону въ Апулію. Увѣдомленный объ этомъ Карлъ поспѣшилъ туда; съ высотъ Альбы онъ 22 августа увидѣлъ непріятельскій станъ; Конрадинъ повелъ войско противъ него; онъ въ этотъ день не принялъ битвы, но на разсвѣтѣ слѣдующаго дня (23 августа) оба войска стали въ боевой порядокъ на перерѣзанной рѣчкою Сальто Скуркольской равнинѣ между Тальякоццо и Альбой. Они двинулись въ битву каждое двумя линіями. У Конрадина въ первой линіи были кастильяицы инфанта Энрико и гибеллины, которыми начальствовали Гальвано Ланча и пизанецъ Герардо Донораtико. Вторую линію образовали нѣмцы, которыми начальствовали Фридрихъ Баденскій и самъ Конрадинъ. Обѣими линіями Карла командовали опытные полководцы, но кромѣ того у него былъ за сосѣдней скалой резервъ, состоявшій изъ 800 отборныхъ рыцарей. Стремительнымъ натискомъ гибеллины и нѣмцы опрокинули непріятеля; маршалъ Апри Кузансъ, который держалъ знамя и на которомъ были шлемъ и латы Карла, упалъ съ коня и былъ убитъ. Разнесся слухъ, что убитъ Карлъ; эта молва удвоила отвагу гибеллиновъ и нѣмцевъ, непріятели обратились въ бѣгство; Конрадинъ, инфантъ Энрико, другіе вожди гибеллиновъ и нѣмцевъ гнались за бѣгущими; Карлъ, по совѣту опытнаго полководца Эрара, все время стоялъ неподвижно съ отборнымъ отрядомъ въ засадѣ; теперь Эраръ сказалъ Карлу, что настала минута дѣйствовать, отборные французскіе и гвельфскіе рыцари резерва помчались на непріятелей, ряды котораго разстроились въ погонѣ и мноріе изъ которыхъ уже занимались грабежомъ убитыхъ. Бѣгущіе, увидѣвъ, что резервъ скачетъ на помощь имъ, остановились, построились въ ряды; разстроенныя толпы гибеллиновъ и нѣмцевъ были опрокинуты. Энрико Кастильскій, далеко умчавшійся въ погоню, увидѣлъ, возвратившись на мѣсто сраженія, что все остальное войско Конрадина обращено въ бѣгство и станъ взятъ воинами Карла; онъ бросился на враговъ, но не могъ сломить ихъ ряды. Когда наступилъ вечеръ, войско Конрадина было уже уничтожено. Тѣ нѣмцы и гибеллины, которые не были убиты или взяты въ плѣнъ, разбѣжались по ущельямъ сосѣднихъ горъ. Піэро Вико, тяжело раненный, былъ взятъ въ плѣнъ и черезъ три мѣсяца умеръ. Карлъ послалъ изъ своего шатра извѣщеніе папѣ, что Всемогущій далъ ему вторую побѣду.

«Смиренно посылаю вамъ и святой римской церкви какъ сладкое благоуханіе ѳміама желанную всѣми вѣрующими радостную вѣсть», писалъ Карлъ папѣ: «и прошу васъ, святой отецъ, вкусите отъ лова, добытаго сыномъ вашимъ, и воздайте должное благодареніе Всевышнему. Враговъ убито столько, что пораженіе, нанесенное при Беневентѣ

другимъ гонителямъ церкви, кажется незначительно по сравненію съ этимъ. Убиты или спаслись бѣгствомъ Конрадинъ и Энрико, сенаторъ Рима, мы не могли узнать въ краткое время послѣ побѣды, когда пишемъ это письмо. Но пойманъ бѣжавшій безъ сѣдока конь сенатора. Итакъ да возрадуется церковь, моя мать, и да вознесетъ голосъ въ прославленіе такого торжества, милостиво даннаго ей свыше черезъ службу ея воиновъ; кажется, что Всемогущій Господь положилъ наконецъ предѣлъ всѣмъ ея бѣдствіямъ и избавилъ ее отъ вѣчной пасти гонителей».—Карлъ началъ мщеніе побѣжденнымъ противникамъ на слѣдующій же день, 24 августа, на самомъ полѣ сраженія. Онъ велѣлъ отрубить головы нѣсколькимъ плѣннымъ вельможамъ, въ томъ числѣ Томмасо, графу аквинскому; многихъ плѣнныхъ римлянъ онъ предалъ болѣе мучительной смерти: онъ велѣлъ отрубить имъ ноги, ему сказали на это, что увидѣвъ изувѣченныхъ, сограждане ихъ навсегда возненавидятъ его, и онъ велѣлъ сжечь плѣнныхъ римлянъ въ зданіи, гдѣ были заперты они.

Плѣнъ Конрадина.

Конрадинъ, упавшій духомъ, бѣжалъ съ Фридрихомъ Баденскимъ, Гальвано Ланчей, сыномъ его, съ пизанцемъ Герардо, нѣкоторыми другими вельможами и 500 всадниковъ тѣмъ путемъ, по которому шелъ на врага, увѣренный въ побѣдѣ. Нѣсколько отдохнувъ въ замкѣ, называвшемся старымъ, онъ и его спутники 28 августа пріѣхали черезъ Виковаро въ Римъ, правитель котораго Гвидо Монтефельтро, намѣстникъ инфанта Энрико, еще не зналъ о судьбѣ инфанта, который при бѣгствѣ изъ битвы былъ взятъ въ плѣнъ. Положеніе дѣлъ въ Римѣ измѣнилось; гвельфы, остававшіеся въ городѣ, ободрились при извѣстіи о побѣдѣ Карла, а тѣ, которые были изгнаны, вернулись. Гвельфы стали нападать на укрѣпленные дворцы гибеллиновъ. Конрадинъ и его спутники нашли невозможнымъ держаться въ Римѣ и поѣхали по Аппіевой дорогѣ къ морю, надѣясь найдти тамъ корабль для переѣзда въ Пизу или въ Сицилію, у берега которой пизанскій флотъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ флотомъ Карла. Пріѣхавъ къ Астурѣ, замку, стоявшему у моря среди болотъ и лѣса, Конрадинъ и его друзья наняли корабль для переѣзда въ Сицилію. Но едва взошли на этотъ корабль, какъ Джованни Франджипани, владѣтелю замка, было донесено, что тутъ были иноземные рыцари и сѣли на корабль. Онъ догадался, что это какіе-нибудь знатные люди, бѣжавшіе послѣ пораженія Конрадина; желая получить выкупъ, послалъ въ погоню за ними корабль, быстрый на ходу. Они были настигнуты и взяты въ плѣнъ. Услышавъ имя вельможи, въ плѣнъ къ которому попался, Конрадинъ подумалъ, что дѣло поправится: Франджипани были сторонниками Фридриха II, получили отъ него большіе лены и другія награды. Конрадинъ сказалъ Джованни Франджипани свое имя, имена своихъ спутниковъ. Но династія Франджипани уже давно перешла на сторону папы, обѣщавшаго дать ей за это княжество тарентское, и если бы Джованни Франджипани не хотѣлъ выдать Конрадина Карлу, то былъ бы принужденъ сдѣлать это: потерпѣвъ пораженіе у сицилійскаго берега, флотъ Карла ушелъ

на сѣверъ и крейсировалъ теперь у того берега, гдѣ стоялъ замокъ Астура. Услышавъ о томъ, что Конрадинъ находится въ Астурѣ, начальникъ флота Карла грозно потребовалъ, чтобы Франджипани выдалъ ему плѣнныхъ. Франджипани отказывался выдать ихъ, чтобы выторговать себѣ какъ можно больше вознагражденія; перевезъ плѣнныхъ изъ Астуры въ другой свой замокъ. Кардиналъ Джордано Террачинскій, правитель той области, требовалъ, чтобы плѣнники были выданы папѣ. Начальникъ флота Карла блокировалъ Астуру съ моря и съ суши. Джованни Франджипани испугался угрозъ, обольстился обѣщаніемъ, что ему будутъ даны Пелоза, три другія большія владѣнія и много денегъ, и отдалъ плѣнныхъ начальнику флота Карла. Они были въ цѣпяхъ отвезены въ Дженеццано, гдѣ расположился главной квартирой Карлъ. Онъ велѣлъ отвезти ихъ въ замокъ Санъ-Піэтро, стоявшій на горѣ надъ Палестриной. Вскорѣ были привезены туда и Энрико Кастильскій, Конрадъ Антіохійскій, многіе другіе плѣнники. Первый испыталъ на себѣ мщеніе Карла Гальвано Ланча, дядя Манфреда. Сынъ его, Галіотто, былъ убитъ въ объятіяхъ отца, потомъ повели отца на площадь и отрубили ему голову. Карлъ уѣхалъ на нѣсколько времени въ Римъ, снова принялъ тамъ титулъ сенатора, наградилъ своихъ приверженцевъ; возвратившись оттуда, рѣшилъ судьбу остальныхъ плѣнныхъ. Подъ стражей у жены Конрада Антіохійскаго находились два духовные сановника, принадлежавшіе къ могущественной фамиліи Орсини; Конрадъ Антіохійскій былъ освобожденъ въ обмѣнъ за ихъ освобожденіе. Энрико Кастильскій былъ оставленъ въ темницѣ и томился въ ней до конца жизни. Онъ любилъ поэзію, самъ былъ поэтъ, и трубадуры пѣли много пѣсенъ о его несчастной судьбѣ. Многіе изъ плѣнныхъ сицилійскихъ гибеллиновъ были казнены по приговору короля, какъ мятежники; съ формальной стороны онъ былъ правъ: по законамъ Фридриха II, остававшимся въ силѣ, мятежники подлежали смертной казни. Есть разсказъ, приписывающій Клименту слова: «Жизнь Конрадина — смерть Карла». Быть можетъ, это слова выдуманныя друзьями Карла, желавшими сложить съ него на папу часть порицанія за казнь Конрадина. Но достаточнымъ порицаніемъ Клименту служитъ уже и тотъ достовѣрный фактъ, что онъ не позаботился спасти Конрадина отъ Карла; онъ могъ бы требовать, чтобы Конрадинъ былъ переданъ Карломъ ему, какъ плѣнникъ, взятый въ его владѣніяхъ. Знаменитый юристъ Анджело де Убальдисъ, хорошо знавшій подробности дѣла, говоритъ, что Карлъ спрашивалъ мнѣнія Климента о своемъ намѣреніи казнить Конрадина, и Климентъ письменно отвѣчалъ ему, что не имѣетъ никакихъ возраженій противъ исполненія закона надъ Конрадиномъ.

Судьба Конрадина и его спутниковъ.

Сентябрь 1268.

Карлъ хотѣлъ навсегда избавиться отъ соперника, при жизни котораго не могъ бы быть спокоенъ; но затруднительно было найдти

Казнь Конрадина и Фридриха Баденскаго.

оправданіе казни Конрадина. Онъ велъ войну за государство, которое считалъ своимъ законнымъ наслѣдствомъ; его права на сицилійскій престолъ были признаны Людовикомъ IX, старшимъ братомъ Карла; самъ Иннокентій IV не рѣшался отрицать его правъ, говорилъ, что займется вопросомъ о нихъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ побѣжденный противникъ; по тогдашнимъ военнымъ обычаямъ Карлъ не имѣлъ права наказывать его, могъ только держать его подъ стражей. Но смерть Конрадина отнимала у его многочисленныхъ приверженцевъ возможность поднять новую войну противъ Карла, потому побѣдитель и рѣшилъ казнить его. Карлъ желалъ предать казни видъ законнаго наказанія; для этого онъ собралъ изъ всего королевства судей и знаменитыхъ юристовъ въ Неаполь, предалъ Конрадина ихъ суду, какъ врага церкви и мятежника противъ законнаго короля. Члены суда молчали, выслушавъ это обвиненіе. Наконецъ Гвидо Сугара, знаменитѣйшій юристъ своего времени, приглашенный Карломъ на профессорскую каѳедру въ Неаполь, прервалъ молчаніе и сказалъ, что сынъ короля, честно пришедшій войною для пріобрѣтенія отцовскаго государства, на которое онъ по искреннему своему убѣжденію имѣлъ законное право, не можетъ быть судимъ, какъ разбойникъ или мятежникъ, что божественный и человѣческій законъ повелѣваетъ поступать милостиво съ побѣжденнымъ противникомъ, взятымъ въ плѣнъ. Всѣ другіе члены суда сказали, что согласны съ мнѣніемъ Гвидо Сугары. Только одинъ раболѣпный человѣкъ, Роберто де Бари, рѣшился сказать, что Конрадинъ виновенъ и заслуживаетъ смерти; всѣ другіе объявили невиннымъ Конрадина и его спутниковъ. Но Карлъ присоединился къ мнѣнію, высказанному однимъ судьей, и по власти короля и главнокомандующаго произнесъ смертный приговоръ Конрадину и его спутникамъ. Конрадинъ и его другъ Фридрихъ Баденскій играли въ шахматы, когда было сообщено имъ, что они осуждены на смерть. Они не выказали никакой боязни; они были подготовлены къ этому рѣшенію своей судьбы извѣстіями о безпощадномъ гоненіи на гибеллиновъ. Имъ было дано лишь короткое время приготовиться къ смерти; они помолились, исповѣдались, Конрадинъ объявилъ, что завѣщаетъ свои родовыя имѣнія дядѣ, Людвигу, и пошелъ съ Фридрихомъ Баденскимъ на эшафотъ. Мѣстомъ казни была площадь у неаполитанскаго кармелитскаго монастыря. Протонотарій Роберто де Бари прочелъ смертный приговоръ, Конрадинъ снялъ верхнее платье, сталъ на колѣна, помолился, воскликнулъ. «О мать, какое ужасное извѣстіе услышишь ты обо мнѣ!» поднялъ руки къ небу и съ покорностью волѣ Божіей принялъ смертный ударъ. Фридрихъ Баденскій испустилъ стонъ печали о другѣ и былъ первый казненъ послѣ него; потомъ были казнены графъ Герардо Доноратико и Фридрихъ фонъ Гюренгеймъ. Это было 29 октября 1268 года.

Послѣдній потомокъ династіи, государи которой превосходили всѣхъ другихъ могуществомъ, блескомъ своихъ дѣлъ, дарованіями, умеръ 17 лѣтнимъ юношей подъ сѣкирой палача въ томъ прекрасномъ королевствѣ, повелителями котораго были его предки. Онъ и его другъ Фридрихъ были погребены въ одной изъ маленькихъ капеллъ Неаполя; потомъ ихъ гробы были перенесены въ церковь Богоматери Кармінской (Santa Maria del Carmine). Погибелью Конрадина кончилось владычество нѣмцевъ надъ Италіей и прекратилась борьба императоровъ съ папами за владычество надъ ней. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Конрадина умеръ Климентъ IV. Говорятъ, что онъ мучился совѣстью при воспоминаніи о казни Конрадина. Но достовѣрно то, что онъ опасался Карла, которому самъ далъ возможность поработить папу.

Незадолго передъ смертью Климентъ писалъ Карлу о положеніи дѣлъ въ королевствѣ сицилійскомъ. «Какъ удивительно, что ты не слышишь громкаго вопля угнетаемыхъ, не замѣчаешь притѣсненія церквей и духовенства, насилій надъ женщинами и дѣвушками, грабежа у бѣдныхъ и богатыхъ.—Повсюду беззаконія, лживыя обвиненія, хищеніе и разбой. Истинно говорю тебѣ, сынъ мой, къ великой опасности своей, къ позору своему допускаешь ты своихъ слугъ такъ необузданно злодѣйствовать надъ твоими подданными, обогащаешь ихъ, дѣлаешь себя бѣднымъ и ненавистнымъ для всѣхъ. Отъ неистовства ихъ ты пожнешь стыдъ и горе».

Смерть Энціо.

Любимый и даровитый сынъ Фридриха II, красавецъ Энціо, былъ въ это время еще живъ. Граждане Болоньи сначала держали его подъ строгой стражей, но впослѣдствіи строгость смягчилась: сыновья знатныхъ гражданъ Болоньи посѣщали Энціо, онъ развлекался съ ними дружескими бесѣдами, пѣніемъ, музыкой. Онъ собиралъ пѣсни, поэмы, преданія, самъ слагалъ пѣсни и мелодіи къ нимъ. Піэтро Азинелли, образованный молодой человѣкъ, былъ его другомъ и постояннымъ собесѣдникомъ. Говорятъ, что и любовь проникла въ темницу къ нему. Его жена Аделазія вышла за другого; но есть преданіе, что красавица Лучія Віадагола влюбилась въ прекраснаго плѣнника, когда везли его по улицамъ города въ темницу, и получила позволеніе жить вмѣстѣ съ нимъ подъ стражей. Фамилія Бентиволіо называла себя происходящей отъ Энціо и Лучіи. Энціо находился въ плѣну девятнадцать лѣтъ, когда погибъ Конрадинъ; онъ полагалъ, что нашелъ бы теперь приверженцевъ, какъ послѣдній представитель династіи Гоэнштауфеновъ. При содѣйствіи Азинелли были сдѣланы приготовленія къ его бѣгству. Онъ спрятался въ пустой большой винный боченокъ; у воротъ стояла фура, которая должна была увезти боченокъ; но въ отверстіе боченка высунулся локонъ русыхъ волосъ Энціо, стража замѣтила это; Энціо стали содержать подъ строгимъ надзоромъ. Азинелли успѣлъ бѣжать, его имѣнье было конфисковано; другіе, помогавшіе замыслу Энціо, были схвачены и казнены. Энціо умеръ на 46 году жизни, на 23 году своего плѣна, 14 марта 1272 года и былъ съ почестями похороненъ въ доминиканской церкви.

Маргарета Мейсенская.

Не менѣе печальна была судьба дочери Фридриха II Маргареты, жены Альбрехта Невѣжды, маркграфа тюрингскаго и мейсенскаго. Онъ жилъ съ Кунигундою Эйзенбургъ, пошлымъ образомъ обижалъ жену и задумалъ наконецъ убить ее, чтобы жениться на Кунигундѣ. Но слуга, которому

онъ поручилъ убить Маргарету, открылъ ей умыселъ его, и она спаслась бѣгствомъ. Передъ тайнымъ отъѣздомъ она пошла проститься съ своими маленькими сыновьями—Фридрихомъ, Генрихомъ и Дицманомъ и, въ судорожномъ рыданіи цалуя Фридриха, укусила его въ щеку. Слѣдъ раны остался, и потому Фридрихъ получилъ названіе Укушенный. Ночью Маргарета спустилась по веревкамъ со стѣны Вартбурга и нѣсколько времени скиталась безпріютно. Аббатъ фульдскій доставилъ ей возможность пріѣхать во Франкфуртъ. Граждане приняли ее съ почетомъ; но въ томъ же году (8 августа 1270) несчастная женщина умерла. Теперь оставалась въ живыхъ только одна дочь Фридриха, Катарина; она была монахиня и жила во французскомъ монастырѣ близъ Монтаржи; она умерла тамъ въ 1279 году. Еще цѣлы ея гробница и надъ гробницею портретъ. Она держитъ въ правой рукѣ пальму, въ лѣвой досчечку, на которой написаны слова: „Я презрѣла короны и всю роскошь свѣта“. Двуглавый орелъ показываетъ, что тутъ погребена принцесса императорской фамиліи.

Катарина.

---

7. Владычество Карла. Сицилійская вечерня.

Владычество Карла.

По смерти Конрадина Карлъ Анжуйскій подвергъ жестокому преслѣдованію приверженцевъ династіи Гоэнштауфеновъ. Мы уже говорили, что тысячи людей были казнены или заперты въ темницы, имѣнья ихъ конфискованы. По всѣмъ островамъ и прибрежьямъ Средиземнаго моря скитались эмигранты. Провансалы и гвельфы обогатились имѣньями гибеллиновъ. Карлъ объявилъ недѣйствительными всѣ пожалованія леновъ, данныя Фридрихомъ послѣ ліонскаго собора, Конрадомъ и Манфредомъ, роздалъ эти владѣнія своимъ приверженцамъ; пришедшіе съ нимъ рыцари, не имѣвшіе ничего, кромѣ своего меча, стали феодальными владѣтелями городовъ и сельскихъ округовъ. Всѣ обременительныя подати и монополіи, введенныя Фридрихомъ II, остались не отмѣнены. Карлъ сохранилъ и бюрократическую тираннію, установленную Фридрихомъ, перемѣнилась только національность вельможъ и администраторовъ, угнетающихъ народъ; вмѣсто нѣмцевъ теперь это были французы. Карлъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Европы. Его вліяніе въ средней и сѣверной Италіи росло. Пиза была принуждена заключить съ нимъ миръ. Ломбардскіе гвельфы видѣли въ немъ своего защитника. Онъ покорилъ Піаченцу. Миланъ съ почестями встрѣтилъ невѣсту Карла Маргериту, принцессу неверскую. (Первая жена его Беатриса умерла въ 1267 году). Онъ овладѣлъ Туминомъ и Алессандріей. Изгнанные изъ Генуи Гримальди и Фіэски просили его помощи; Доріи, правившіе Генуей, съ трудомъ отбивались отъ его нападеній. Онъ былъ римскій сенаторъ, и его викаріи держали въ строгомъ повиновеніи вельможъ и римскій народъ. Онъ думалъ о завоеваніяхъ въ Греціи,

о покоренiи Константинополя. Второй крестовый походъ Людовика былъ направленъ противъ Туниса по его внушенiю. Онъ хотѣлъ, чтобы Тунисъ повиновался ему, какъ прежде норманскимъ королямъ Сицилiи. Смерть Людовика разстроила этотъ его планъ, но ему досталась большая часть контрибуцiи, взятой съ Туниса, и условiемъ мира было поставлено, чтобы тунисскiй царь платилъ ему дань. Онъ сурово пользовался такъ называемымъ береговымъ правомъ, и кораблекрушенiя у береговъ его королевства доставляли ему много добычи.

Властолюбiе Карла стало пугать среднюю и сѣверную Италiю; города ея поняли опасность и начали готовиться къ оборонѣ. Ломбардскiе гвельфы распались на двѣ партiи. Наполеонъ делла Торре отдѣлился отъ гвельфовъ, оставшихся приверженцами Карла, вступилъ въ союзъ съ Брешiей, Кремоной, Комо, Лоди, Пармой; эта конфедерацiя начала войну съ Миланомъ и маркграфомъ монферратскимъ, остававшимися на сторонѣ Карла. Графъ Убертино Ландо сталъ вождемъ ободрившихся гибеллиновъ Пiаченцы.—По смерти Климента IV, папскiй престолъ два года оставался не замѣщенъ, потому что большинство кардиналовъ не хотѣло выбрать друга Карла и не отваживалось выбрать его противника. Наконецъ они увидѣли, что владычество Карла приняло слишкомъ деспотическiй характеръ, и необходима борьба съ нимъ: викарiй Карла, Гюи Монфоръ, убилъ Генриха Корнуэльскаго, возвращавшагося черезъ Италiю изъ Туниса. Начало сопротивленiя Карла.

Гюи Монфоръ въ отмщенiе за смерть своего отца убилъ неповиннаго въ ней Генриха. Онъ закололъ его въ церкви, вытащилъ за волоса, сбросилъ со ступеней лѣстницы, скрылся на нѣкоторое время и остался безнаказаннымъ.

Это было въ мартѣ 1271; въ сентябрѣ кардиналы наконецъ выбрали новаго папу. Это былъ Тедальдо, архидiаконъ люттихской церкви, итальянскiй вельможа изъ пiаченцской фамилiи Висконти, человѣкъ благороднаго и твердаго характера, образованный. Онъ находился тогда въ Палестинѣ, куда уѣхалъ съ англiйскимъ наслѣднымъ принцемъ Эдуардомъ. Узнавъ о томъ, что выбранъ папой, онъ обѣщалъ палестинскимъ христiанамъ скоро прислать имъ помощь и поплылъ въ Италiю. Карлъ досадовалъ, что папой выбранъ Тедальдо, но встрѣтилъ его съ почетомъ, проводилъ въ Римъ. Онъ принялъ имя Григорiя X, былъ рукоположенъ въ папскiй санъ 27 марта 1272 и поселился въ Латеранѣ. Прежнiе два папы не жили въ Римѣ. Теперь этотъ городъ снова сталъ папской резиденцiей. Григорiй X былъ человѣкъ не властолюбивый, желалъ мира между христiанами; онъ не отказался отъ политической системы своихъ предмѣстниковъ, склонялъ тосканцевъ и ломбардцевъ поддерживать Карла, но хотѣлъ воз- Выборъ папы.

вратить папскому престолу независимость отъ короля сицилійскаго, потому помогалъ избранію Рудольфа Габсбургскаго въ санъ нѣмецкаго короля, надѣясь имѣть поддержку себѣ въ немъ, человѣкѣ энергическомъ. Желая примирить враждовавшихъ между собою итальянцевъ и содѣйствовать возстановленію королевской власти въ Германіи, Григорій созвалъ соборъ въ Ліонѣ. Тамъ, далеко отъ Карла, онъ могъ дѣйствовать свободнѣе, чѣмъ въ Италіи. Засѣданія собора начались въ маѣ 1274 года, число собравшихся въ Ліонъ епископовъ было очень велико. Предметами совѣщаній были: соединеніе греческой церкви съ римской, бѣдственное положеніе христіанъ въ святой землѣ, необходимость прекратить раздоры, волновавшіе Италію и Германію, предотвратить ихъ возобновленіе. Было рѣшено брать въ продолженіе шести лѣтъ десятую долю доходовъ всѣхъ церквей на западѣ для снаряженія экспедиціи въ Палестину. Послы Михаила Палеолога объявили, что императоръ константинопольскій принимаетъ вѣроученіе римской церкви. Были установлены правила выбора папы: соборъ опредѣлилъ, что черезъ десять дней по кончинѣ папы кардиналы, находящіеся въ томъ городѣ, гдѣ умеръ онъ, должны собраться въ комнату, которая будетъ послѣ того заперта, и оставаться безвыходно въ этомъ «конклавѣ» (запертомъ залѣ), пока выберутъ новаго папу. Григорій X надѣялся, что правилами о конклавѣ будутъ предотвращены интриги и промедленія при замѣщеніи папскаго престола. Всѣ эти дѣла были рѣшены легко, но труднѣе былъ вопросъ о признаніи Рудольфа Габсбургскаго королемъ нѣмецкимъ. Оттокаръ хотѣлъ помѣшать этому; его посолъ Брунонъ, епископъ ольмюцскій, дѣйствовалъ ловко; но уполномоченные Рудольфа, Фридрихъ, бургграфъ нюрнбергскій и графъ Готфридъ Зайнъ, были тоже ловкіе дѣловые люди, а Рудольфъ на личномъ свиданіи съ Григоріемъ въ Лозаннѣ обѣщался признать папу совершенно самостоятельнымъ государемъ церковной области, отказаться отъ всякихъ притязаній на императорскую власть надъ Римомъ и не стремиться къ завоеванію королевства сицилійскаго. Благодаря тому, ліонскій соборъ призналъ его королемъ нѣмецкимъ.

Ліонскій соборъ 1274.

Николай III. Засѣданія ліонскаго собора кончились въ іюлѣ 1264; черезъ полтора года Григорій X умеръ (10 января 1276). Въ слѣдующіе два года смѣнились трое папъ, благодаря тому, что эти старики были слабы и занимали папскій престолъ лишь по нѣскольку мѣсяцевъ. Карлъ снова пріобрѣлъ владычество въ Римѣ; наконецъ по смерти Іоанна XI, человѣка очень ученаго, хорошо знавшаго естественныя науки и потому считавшагося въ простонародьѣ, подобно Сильвестру II, волшебникомъ, былъ (въ декабрѣ 1277) выбранъ папой римскій вельможа изъ фамиліи Орсини, принявшій имя Николая III. Онъ былъ человѣкъ очень гордый, горячій римскій патріотъ, не былъ чуждъ и національнаго итальянскаго патріотизма, ненавидѣлъ владычество иноземцевъ надъ Италіей. Его правленіе продолжалось только три года,

но онъ успѣлъ сдѣлать много для упроченія независимости папскаго государства. Въ 1278 году онъ заключилъ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ конкордатъ, по которому нѣмецкій король призналъ власть папы надъ богатымъ, многолюднымъ городомъ Болоньею и всею Романьею. При его посредничествѣ Рудольфъ заключилъ миръ съ королемъ сицилійскимъ; онъ принудилъ Карла отказаться отъ сенаторской власти въ Римѣ и отъ намѣстничества въ Тосканѣ, подчинилъ папской власти правительство города Рима: народъ сохранилъ право выбирать сенатора, но призналъ, что сенаторъ долженъ получать отъ папы утвержденіе въ санѣ, и было установлено, что въ должность сенатора могутъ быть избираемы только итальянскіе вельможи, не могутъ быть избираемы короли (то есть не можетъ быть избираемъ ни сицилійскій король, ни нѣмецкій). Раздачею леновъ и должностей въ Романьѣ и въ римскихъ маркахъ Николай III пріобрѣлъ себѣ преданность римскихъ вельможъ; впрочемъ, выгода, полученная отъ этого Николаемъ, обратилась во вредъ его преемникамъ: важнѣйшія изъ римскихъ вельможескихъ фамилій—Орсини, Колонны, Анибальди, Савелли, получивъ новыя обширныя владѣнія, стали стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться независимыми династіями. Кромѣ того Николай III навлекъ на себя сильныя порицанія корыстолюбіемъ и непотизмомъ, такъ что Данте помѣстилъ его въ аду.

Отношенія Карла къ Мартину IV.

Неожиданная смерть этого энергическаго папы, правившаго Римомъ и церковными областями съ полной властью свѣтскаго государя, вызвала новую борьбу въ коллегіи кардиналовъ по вопросу о выборѣ новаго папы. Споры длились около полугода. Николай III умеръ—22 августа 1280, папскій престолъ оставался незамѣщенымъ до февраля. Наконецъ, по вліянію короля сицилійскаго, былъ 22 февраля 1280 года выбранъ преданный ему французскій прелатъ, и онъ снова захватилъ власть, вырванную у него Николаемъ. Новый папа, принявшій имя Мартина IV, переѣхалъ изъ Витербо, гдѣ происходили выборы, въ Орвіэто, отмѣнилъ эдиктъ своего предмѣстника, устранявшій государей отъ сенаторскаго сана, и сенаторомъ снова сталъ Карлъ. Король сицилійскій былъ теперь на верху могущества. Его викаріи правили Римомъ; важнѣйшія должности въ римской области и въ Романьѣ были отданы французамъ. Гвельфы владычествовали во всей Италіи. Карлъ держалъ себя не какъ вассалъ, а какъ покровитель папы. Но произошло событіе, поколебавшее его владычество и отнявшее у него часть государства.

Недовольство въ Сициліи.

Сицилійцы страдали отъ тиранніи иноземнаго завоевателя и наглости авантюристовъ, пришедшихъ съ нимъ. Родственники и друзья казненныхъ или изгнанныхъ жаждали мщенія. Подъ суровымъ угнетеніемъ Карла и его французовъ сицилійцы забыли о томъ, какъ страдали при прежнемъ правительствѣ; имъ казалось теперь, что счастливы были времена Фридриха II и Манфреда. При Карлѣ оста-

вались всѣ тѣ притѣсненія, какія были при Гоэнштауфенахъ, но не было тѣхъ выгодъ, какими пользовались тогда сицилійцы. Поселяне королевскихъ имѣній должны были давать алчному и нуждающемуся въ деньгахъ Карлу очень большія подати съ нивъ, виноградниковъ и стадъ; новые феодальные владѣтели, назначенные имъ, были также корыстолюбивы; монополіи и таможенныя пошлины оставались прежнія или даже были увеличены; а прежняя выгодная торговля съ Востокомъ упала. Такимъ образомъ владычество Карла, оскорбляя національное чувство и любовь къ свободѣ, вредило и матеріальному благосостоянію. При вспыльчивости и заносчивости французовъ постоянно происходили случаи обидные для сицилійцевъ, усиливавшіе ненависть ихъ къ завоевателямъ.

Заговоръ Прочиды.

Въ городахъ и селеніяхъ Сициліи шло всеобщее броженіе, и составился заговоръ, душею котораго былъ Джованни Прочида, гибеллинъ, лишившійся своихъ имѣній. Онъ былъ врачомъ и другомъ Манфреда, занималъ тогда важныя должности. Горячо расположенный къ династіи Манфреда, исполненный ненависти къ французскимъ завоевателямъ, онъ поставилъ цѣлью своей жизни изгнаніе ихъ изъ Сициліи. Дочь Манфреда, Констанція, была женою Петра, короля арагонскаго, человѣка отважнаго. Прочида отправился къ ея двору. Она приняла его, какъ стараго друга; письмо папы Николая III доставило ему довѣріе Петра. Онъ получилъ лены въ Арагоніи. Извѣстенъ разсказъ, что Конрадинъ бросилъ съ эшафота свою перчатку, Джованни Прочида поднялъ ее и отвезъ въ Арагонію, какъ символъ порученія Конрадина Петру мстить за него. Это вымыселъ; Петру не нужно было получать отъ Конрадина символическаго призыва къ мщенію: Констанція была наслѣдницей Манфреда; Петръ разсчитывалъ, что можно овладѣть Сициліей и готовился воспользоваться ненавистью сицилійцевъ къ французскимъ завоевателямъ. Джованни Прочида отправился въ Сицилію тайнымъ агентомъ его, ходилъ переодѣтый по острову, возбуждалъ сицилійцевъ къ возстанію, обѣщая помощь Петра. Императоръ византійскій, которому угрожало опасностью честолюбіе Карла, былъ посвященъ въ тайну и далъ денегъ Петру. Король арагонскій подъ предлогомъ экспедиціи въ Африку сталъ снаряжать флотъ въ каталонскихъ гаваняхъ.

Сицилійская вечерня 1282.

У Петра все было готово для экспедиціи въ Сицилію. Нуженъ былъ лишь какой нибудь случай для того, чтобы начать войну; при раздраженномъ настроеніи сицилійцевъ такой случай скоро произошелъ. Сицилійцамъ было запрещено носить оружіе, французы подъ этимъ предлогомъ дѣлали иногда обыски, обидные для чести женщинъ. На второй день Пасхи, 30 марта, жители Палермо шли къ вечернѣ въ церковь за городомъ. Французскіе воины стали съ наглымъ сладострастіемъ дотрогиваться до тѣла честныхъ женщинъ, говоря, что ищутъ, не спрятано-ли у нихъ подъ одеждой оружіе.

Родственники, провожавшіе этихъ женщинъ, убили оскорбителей; по толпамъ народа пронесся крикъ: «бей французовъ!» Возстаніе охватило на родъ, и множество французовъ было убито. Изъ Палермо возстаніе быстро распространилось по всему острову. Это истребленіе французовъ получило названіе «Сицилійской вечерни». Палермо и почти всѣ сицилійскіе города отказали въ повиновеніи Карлу, учредили у себя правленіе выборныхъ народа. Провансальскій гарнизонъ въ Мессинѣ былъ истребленъ. Сицилійскіе вельможи одинъ за другимъ присоединились къ народу.

---

8. Исходъ войны съ Сициліей.

Карлъ былъ страшно раздраженъ; флотъ его стоялъ въ одной изъ апулійскихъ гаваней, готовый къ эспедиціи въ византійскую имперію; Карлъ послалъ войско въ Сицилію. Инсургенты просили защиты папы, но Мартинъ IV, слуга Карла, далъ ихъ посольству гнѣвный отвѣтъ и отлучилъ ихъ отъ церкви. Карлъ уже приплылъ съ своимъ флотомъ въ Мессинскій проливъ, осадилъ Мессину съ моря и суши, отвергалъ всѣ просьбы мессинцевъ о пощадѣ, хотѣлъ мстить безжалостно. Петръ арагонскій въ это время стоялъ съ флотомъ и войскомъ у африканскаго берега, прямо противъ Сициліи. Сицилійскіе послы явились къ нему и, на колѣнахъ, умоляли о защитѣ. Онъ только того и ждалъ, чтобы сицилійцы убѣдились въ невозможности отбиться отъ Карла собственными силами и безусловно отдались подъ власть ему. Онъ приплылъ 30 августа въ Трапани и черезъ два мѣсяца былъ господиномъ всего острова. Карлъ былъ принужденъ снять осаду Мессины, поплылъ черезъ проливъ къ калабрійскому берегу; Петръ нанесъ ему у Редджо сильное пораженіе, и онъ увидѣлъ себя надолго лишеннымъ возможности возобновить нападеніе. Онъ послалъ Петру вызовъ на поединокъ; Петръ притворился, что согласенъ рѣшить дѣло поединкомъ, и начались переговоры объ условіяхъ поединка, который долженъ происходить близъ Бордо, на нейтральной землѣ, во владѣніяхъ англійскаго короля. Со стороны Петра переговоры о поединкѣ были только средствомъ выиграть время, потому онъ длилъ ихъ, пока увеличилъ свои военныя силы въ Сициліи такъ, что легко могъ отразить нападеніе Карла. Ему помогали Джованни Прочида, котораго онъ назначилъ канцлеромъ, и очень искусный морякъ, хорошій полководецъ, Руджеро Лорія, котораго онъ сдѣлалъ своимъ главнокомандующимъ.

Сицилійцы просятъ помощи Петра арагонскаго.

Скоро Карлъ увидѣлъ, что грозятъ ему опасности и въ самой Италіи; гибеллины ободрились. Въ Форли, Перуджіи поднялись враж-

Затрудненія Карла увеличиваются.

дебныя ему волненія. Папа бѣжалъ въ замокъ Монтефіасконе. Конрадъ Антіохійскій ходилъ по Абруццамъ и пытался возвратить себѣ отнятое у него графство Альбу. Сицилійцы пренебрегли отлученіемъ отъ церкви. Карлъ отправился въ Провансъ собрать тамъ новый флотъ, оставивъ своимъ намѣстникомъ въ Апуліи сына, котораго тоже звали Карломъ и который имѣлъ титулъ князя салернскаго. Руджеро Лорія приплылъ къ Неаполю, притворной робостью выманилъ Карла Салернскаго изъ гавани въ открытое море и 23 іюня нанесъ его флоту рѣшительное пораженіе. Самъ принцъ былъ взятъ въ плѣнъ. Папа напрасно запрещалъ Петру быть королемъ сицилійскимъ, напрасно проклиналъ его за неповиновеніе; Петръ не обращалъ вниманія на проклятія. Король Карлъ собралъ въ Провансѣ новый флотъ и войско, поплылъ прогнать Петра изъ Сициліи, освободить сына; но въ это время возстали римляне. Часть французскаго гарнизона погибла въ сраженіи на улицахъ, остальные французы были прогнаны изъ города, римляне назначили своимъ правителемъ Орсини, дали ему титулъ трибуна римской республики.— Карлъ Салернскій, когда былъ по отъѣздѣ отца въ Провансъ регентомъ Апуліи, созвалъ государственный сеймъ, сдѣлалъ апулійцамъ большія уступки. Благодаря тому, не произошло общаго возстанія въ Апуліи по взятіи его въ плѣнъ; но положеніе дѣлъ тамъ всетаки было опасно для Карла Анжуйскаго.

Смерть Карла Анжуйскаго и Мартина IV.

Карлъ Анжуйскій былъ человѣкъ горячаго характера, и неудачи подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ, готовясь къ нападенію на Сицилію, умеръ 7 января 1274 въ Фодджѣ. Его сынъ, наслѣдникъ престола, былъ въ плѣну, потому управленіе Апуліей принялъ на себя его родственникъ, Роберъ, графъ артуасскій. Съ небольшимъ черезъ годъ (28 марта 1285) умеръ въ Перуджіи Мартинъ IV, съ горькимъ сознаніемъ, что самъ отдалъ папскій престолъ подъ власть короля южной Италіи и что итальянцы пренебрегаютъ папскими проклятіями. Преемникъ его Гонорій IV, римскій вельможа изъ фамиліи Савелли, былъ старикъ, страдающій подагрой, но человѣкъ энергическаго характера, и при содѣйствіи своего брата, назначеннаго римскимъ сенаторомъ, онъ возстановилъ спокойствіе въ Римѣ и Романьѣ.

Продолженіе войны.

Въ томъ же году 11 ноября умеръ Петръ; въ февралѣ слѣдующаго года второй его сынъ, Іаковъ, былъ коронованъ королемъ сицилійскимъ. Папа всячески помогалъ королю неаполитанскому въ попыткахъ покорить Сицилію: отдалъ на расходы для нея десятинную подать, которая была собираема для крестоваго похода, убѣждалъ короля французскаго завоевать Арагонію и взять ее себѣ какъ папскій ленъ. Но все было напрасно. Лорія одерживалъ побѣды на морѣ, сдѣлалъ даже высадку на римскій берегъ; воины его разрушили замокъ Астуру и убили сына Джованни Франджипани, въ отмщеніе за Конрадина (4 сентября 1286). Старшій сынъ Петра, Альфонсъ, на-

слѣдовавшій королевство арагонское, отразилъ нападеніе Карла Валуа, который принялъ это королевство отъ Гонорія какъ папскій ленъ. Карла Валуа послѣ того называли въ насмѣшку «Безземельнымъ королемъ». Гонорій IV умеръ 3 апрѣля 1287. Въ Римѣ свирѣпствовала заразительная лихорадка, а кардиналы были несогласны между собою, кого выбрать папой; такимъ образомъ папскій престолъ почти цѣлый годъ оставался не замѣщенъ. Наконецъ 22 февраля 1288 былъ выбранъ папой благочестивый францискапецъ, Джироламо, уроженецъ города Асколи, принявшій имя Николая IV. Ему очень хотѣлось устроить крестовый походъ въ Палестину, хотѣлось искоренить ереси; для этого надобно было ему хлопотать о прекращеніи войны въ Италіи, и онъ успѣлъ примирить воюющихъ.

При посредничествѣ папы и Эдуарда, короля англійскаго, французы и арагонцы заключили миръ, по которому Іаковъ освободилъ сына Карла Анжуйскаго, а неаполитанское правительство освободило Беатриче, дочь Манфреда, томившуюся въ темницѣ замка делль Уово (стран. 288). Она поѣхала къ своей сестрѣ Констанціи. При освобожденіи своего плѣнника, Карла Салернскаго, становившагося теперь королемъ неаполитанскимъ, Іаковъ взялъ двухъ его сыновей и нѣсколько провансальскихъ вельможъ въ заложники того, что онъ исполнитъ условія мира. Это было въ ноябрѣ 1288; въ маѣ слѣдующаго года Николай IV въ Ріэти короновалъ Карла, признавшаго себя вассаломъ папы и принявшаго титулъ короля обѣихъ Сицилій, то есть формально заявлявшаго намѣреніе возобновить войну для покоренія Сициліи. Іаковъ и всѣ защищающіе его были снова отлучены отъ церкви.

Возобновленіе войны.

Карлъ II употреблялъ величайшія усилія завоевать Сицилію; папа всячески помогалъ ему; но арагонцы, находившіеся въ службѣ Іакова, были храбрые воины; онъ имѣлъ искуснаго главнокомандующаго Лорію, сицилійцы ненавидѣли французовъ; потому нападенія Карла II остались неудачны. Въ 1291 при посредничествѣ короля англійскаго было заключено перемиріе, и король сицилійскій отпустилъ въ Неаполь бывшихъ у него заложниковъ. Но Карлъ II не отказался отъ мысли завоевать Сицилію. Вскорѣ по заключеніи перемирія, Альфонсъ Арагонскій умеръ (18 іюня 1291) и королемъ арагонскимъ сталъ Іаковъ. Чтобы примириться съ церковью и избавить Арагонію отъ нападеній Карла Валуа, онъ отказался отъ Сициліи. Но сицилійцы не хотѣли возвращаться подъ владычество французовъ и выбрали своимъ королемъ Фридриха, младшаго брата Іакова. Папа сердился, но былъ безсиленъ. Въ Римѣ и Романьѣ власть ускользала изъ его рукъ, переходила къ могущественнымъ вельможескимъ фамиліямъ, изъ которыхъ Савелли и Орсини держались гвельфской партіи, а Колонны были гибеллины. Эти вожди враждебныхъ партій часто имѣли между собой вооруженныя столкновенія на улицахъ Рима. Города средней Италіи все больше и больше привыкали къ независимости; они энергически

защищали свою свободу отъ Карла II и папы. Когда Николай IV умеръ (4 апрѣля 1292), римская курія уже утратила обѣ тѣ опоры своей политики, на которыхъ держалась папская власть: нѣмецкій король былъ безсиленъ идти на помощь папѣ, и надежда отнять Іерусалимъ у мусульманъ исчезла. Рудольфъ Габсбургскій въ свое довольно продолжительное правленіе не нашелъ возможности прійдти въ Римъ для полученія императорской короны; а въ Палестинѣ у христіанъ былъ отнятъ послѣдній опорный пунктъ для дѣйствій противъ мусульманъ, крѣпость Акка, и экспедиціи для завоеванія Іерусалима стали невозможны. Такимъ образомъ горизонтъ политической дѣятельности папъ съузился, и скипетръ Иннокентія III началъ выпадать изъ ихъ слабыхъ рукъ.

Целестинъ V. Колонны и Орсини сражались между собой на улицахъ Рима изъза доставленія папской тіары своему кандидату. Въ этомъ прошло болѣе года, наконецъ придуманъ былъ способъ устранить споръ: рѣшено было выбрать папой человѣка посторонняго политическимъ дѣламъ, чудотворца. Это былъ сынъ поселянина молизской области, принявшій монашество и съ очень давняго времени жившій отшельникомъ на горѣ Мурроне близъ города Сульмоны. Строгимъ аскетизмомъ и разстройствомъ воображенія, рисовавшаго ему галлюцинаціи, онъ пріобрѣлъ славу святого. Посадить такого человѣка на папскій престолъ значило оставить этотъ престолъ вакантнымъ. Рукоположеніе новаго папы, Целестина V, было совершено 24 августа 1294 въ Аквилѣ; оттуда онъ уѣхалъ въ Неаполь подъ покровительство своего друга, Карла II, и заперся отъ мірской суеты въ одной изъ комнатъ королевскаго дворца, какъ прежде въ своей отшельнической пещерѣ. Разумѣется, онъ не годился быть папой; это увидѣли его друзья, понялъ самъ онъ и въ декабрѣ того же года отрекся отъ папскаго сана. Преемникомъ ему былъ выбранъ человѣкъ совершенно иного рода, кардиналъ Бенедетто Таэтани, дѣятельнѣе всѣхъ хлопотавшій о томъ, чтобы Целестинъ сложилъ съ себя папскій санъ; онъ принялъ имя Бонифація VIII.

Бонифацій VIII былъ человѣкъ властолюбивый, одаренный краснорѣчіемъ, знатокъ римскаго и каноническаго права, искусный дипломатъ; онъ имѣлъ величественную осанку, прекрасныя черты лица, умѣлъ держать себя по-царски. Вредило ему одно: слишкомъ увѣренный въ своемъ умственномъ превосходствѣ, онъ презиралъ людей.

Бонифацій VIII. Осенью Карлъ II и его сынъ Карлъ Мартеллъ, король венгерскій, сопровождали Целестина изъ его лѣсного отшельничества въ Неаполь. Целестинъ въ простой монашеской одеждѣ ѣхалъ на ослѣ; теперь короли неаполитанскій и венгерскій провожали новаго папу въ Римъ. Онъ ѣхалъ пышной процессіей и велъ съ собой своего предмѣстника подъ строгимъ надзоромъ. Въ Римѣ онъ 23 января 1295 отпразд-

новалъ съ небывалой роскошью свое коронованіе тіарой. Несчастный Целестинъ бѣжалъ въ свое лѣсное отшельничество, но посланная за нимъ погоня поймала его, онъ былъ запертъ въ отдаленномъ замкѣ и въ скоромъ времени умеръ тамъ. Бонифацій считалъ опаснымъ для себя этого человѣка, уважаемаго народомъ, и монахи учрежденнаго имъ аскетическаго ордена, названнаго Целестинскимъ, распускали молву, что онъ былъ убитъ въ своемъ заточеніи мучительной смертью.

Переговоры Бонифація съ Фридрихомъ Сицилійскимъ.

Бонифацій хотѣлъ, чтобы вѣрный вассалъ римскаго престола, Карлъ II, сталъ владыкой острова Сициліи. Іаковъ, король арагонскій, въ іюнѣ 1295 возобновилъ свое отреченіе отъ власти надъ Сициліей, и Бонифацій сталъ убѣждать Фридриха предоставитъ сицилійцевъ ихъ судьбѣ. Фридрихъ, въ сопровожденіи своего канцлера Джованни Прочиды и адмирала Руджеро Лоріи, пріѣхалъ на свиданіе съ папой въ Веллетри. Бонифацій склонялъ его къ отреченію отъ сицилійской короны, обѣщая за это сдѣлать его римскимъ сенаторомъ и женить на Катеринѣ Куртне, внукѣ латинскаго императора Бодуэна II и наслѣдницѣ его правъ. Фридрихъ колебался, но понялъ, что не долженъ мѣнять королевство на пустые титулы, и возвратился въ Сицилію, населеніе которой было очень взволновано извѣстіями о его колебаніи и приняло его съ восторгомъ. Іаковъ освободилъ сицилійцевъ отъ присяги, данной ему, и убѣждалъ ихъ покориться королю неаполитанскому. Они отвергли этотъ совѣтъ. На катанійскомъ сеймѣ въ январѣ 1296 духовенство, вельможи и депутаты городовъ Сициліи провозгласили Фридриха королемъ сицилійскимъ, и 24 марта онъ короновался въ палермскомъ соборѣ. Въ благодарность сицилійскому народу за преданность онъ принялъ тѣ законы о государственномъ устройствѣ Сициліи, какихъ желалъ сеймъ. Это было возстановленіемъ старыхъ учрежденій, дававшихъ сейму участіе въ управленіи государствомъ и законодательную власть. Благодаря согласію короля съ народомъ и участію сейма въ государственныхъ дѣлахъ, порядокъ и благосостояніе въ Сициліи возродились.

Новая война.

Но Бонифацій не отказался отъ своихъ надеждъ; онъ убѣдилъ Іакова вступить въ союзъ съ королемъ неаполитанскимъ, помогать ему въ войнѣ съ Фридрихомъ. Флоты и войска Неаполя и Арагоніи поплыли въ Сицилію. Даровитѣйшіе защитники сицилійской независимости, Джованни Прочида и Руджеро Лорія, перешли на сторону враговъ ея; но сицилійцы отразили всѣ нападенія, сохранили свою независимость. Прочида и Лорія покинули сицилійцевъ отчасти потому, что поссорились съ Фридрихомъ, отчасти потому, что не хотѣли сражаться противъ своего леннаго господина, Іакова; но при всѣхъ ихъ усиліяхъ покорить островъ, освобожденію котораго такъ много содѣйствовали они, сицилійцы одолѣли нападающихъ. Фридрихъ и его полководецъ Веласко неожиданными нападеніями и мел-

кими сраженіями ослабляли враговъ, и война затянулась на нѣсколько лѣтъ.

Констанція примирилась съ врагами своей династіи и съ церковью. Она жила въ Римѣ, и дочь ея Віоланта вышла въ 1297 году за Роберта Калабрійскаго, сына Карла II. Но сыновья Манфреда, братья Констанціи, оставались до самой смерти своей въ оковахъ подъ стражей въ неаполитанскомъ замкѣ делль Уово; а на младшаго сына ея Фридриха постоянно нападали его братъ, папа, Карлъ II и сыновья Карла.

Борьба Бонифація съ Колоннами.

Вскорѣ послѣ свадьбы Віоланты и Карла Калабрійскаго, Бонифацій поссорился съ Колоннами и лишилъ сана двухъ кардиналовъ этой могущественной фамиліи, не соглашавшихся признать законнымъ его выборъ на папскій престолъ. Колонны вступили въ сношенія съ Фридрихомъ; это усилило войну. Папа призывалъ всѣхъ христіанъ на крестовый походъ противъ сицилійцевъ и Колоннъ, враговъ церкви. Довольно многіе авантюристы пріѣхали сражаться подъ гвельфскимъ знаменемъ; но это провозглашеніе крестоваго похода было такою очевидной несправедливостью, что уронило папу въ глазахъ государей и народовъ и подготовило жалкую развязку дѣятельности Бонифація. Колонны, покинутые Фридрихомъ и гибеллинами, были побѣждены крестоносцами; ихъ дворцы были разрушены; ихъ крѣпость Непи была взята приступомъ и отдана Орсини; другая крѣпость ихъ, Палестрина, послѣ очень храброй обороны сдалась. Бонифацій велѣлъ разрушить ее и обрекъ развалины вѣчно оставаться мѣстомъ запустѣнія. Всѣ Колонны были изгнаны; ихъ владѣнія были, какъ лены церкви, конфискованы и отданы другимъ вельможамъ; оба кардинала были (въ сентябрѣ 1298) принуждены съ веревками на шеѣ упасть къ ногамъ Бонифація и признать его законнымъ папой; Стефано, бывшій сенаторъ и графъ Романьи, и его братъ Джакопо Шарра бѣжали изъ Италіи.

Бонифацій приглашаетъ Карла Валуа въ Италію 1298.

Побѣдивъ могущественныхъ Колоннъ, Бонифацій надѣялся одолѣть сицилійцевъ и Фридриха; но это неудалось ему. Около того времени, какъ были побѣждены Колонны, племянникъ Руджеро Лоріи, перешедшій съ своимъ дядей на сторону враговъ Фридриха, былъ взятъ въ плѣнъ мессинцами и казненъ, какъ измѣнникъ. Въ слѣдующемъ (1299) году его дядя, одержавъ морскую побѣду и взявъ въ плѣнъ много знатныхъ сицилійцевъ, казнилъ ихъ въ отмщеніе за смерть племянника. Но всетаки нападенія на Сицилію оставались безуспѣшны. Бонифацій приписывалъ неудачи недостатку энергіи у Карла II. Іаковъ Арагонскій, неохотно согласившійся воевать противъ брата, отказался отъ войны. Фридрихъ одержалъ 1 декабря 1299 года побѣду при Фальконарѣ (близъ Трапани) и взялъ въ плѣнъ Филиппа, младшаго сына Карла II. Бонифацій увидѣлъ, что Карлъ II и онъ не могутъ собственными силами одолѣть Фридриха, и обратился къ Карлу Валуа,

графу анжуйскому, брату Филиппа IV французскаго, съ просьбой привести войско на войну съ Фридрихомъ, обѣщая ему за это санъ римскаго сенатора и руку Катерины Куртне, какъ прежде обѣщалъ Фридриху за отреченіе отъ сицилійской короны. Карлъ Валуа набралъ наемниковъ и авантюристовъ, пошелъ за Альпы и достигъ 3 сентября 1301 Ананьи, гдѣ встрѣтилъ его Бонифацій. Папа назначилъ новаго вождя церкви главнокомандующимъ войскъ въ римской области и охранителемъ мира въ Тосканѣ, пригласилъ на совѣщаніе въ Ананьи короля неаполитанскаго и его сыновей. Они условились о планѣ экспедиціи въ Сицилію. Но прежде нежели отправиться туда, Карлъ Валуа пошелъ покорить церкви Флоренцію. Незадолго передъ тѣмъ флорентинскіе Бѣлые (Bianchi), перешедшіе на сторону гибеллиновъ и боровшіеся противъ Черныхъ (Neri), какъ назывались во Флоренціи гвельфы, присылали къ Бонифацію пословъ, однимъ изъ которыхъ былъ Данте, съ порученіемъ просить, чтобы папа не вмѣшивался во внутреннія дѣла ихъ города. Эта просьба не была уважена. Карлъ Валуа 1 ноября 1301 года вступилъ во Флоренцію, отдалъ гвельфамъ власть надъ нею, изгналъ вождей партіи Бѣлыхъ (въ томъ числѣ и Данте). Слѣдующей весной Карлъ Валуа съ наемниками, принятыми на жалованье папой, пошелъ въ Неаполь, чтобы вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Карломъ II отправиться на покореніе Сициліи. Но онъ былъ плохой полководецъ. Часть войскъ короля неаполитанскаго и папы поплыла подъ начальствомъ Лоріи въ Сицилію, вышла на берегъ, но у Шакки была остановлена Фридрихомъ. Онъ задержалъ непріятеля въ этой мѣстности до лѣтняго зноя; отъ недостатка продовольствія и отъ зноя въ станѣ неаполитанцевъ и французовъ развилась эпидемія, отъ которой умерло много воиновъ. Карлъ Валуа сталъ доказывать королю неаполитанскому и папѣ, что продолжать войну безполезно, и на свиданіи Фридриха съ Робертомъ Неаполитанскимъ у Кальтабеллоты былъ заключенъ договоръ, по которому король неаполитанскій призналъ Фридриха королемъ сицилійскимъ, а онъ женился на сестрѣ Карла II, Элеонорѣ. По договору былъ признанъ королемъ только лично онъ, а послѣ его смерти Сицилія должна была перейдти подъ власть неаполитанскаго короля. За эту уступку неаполитанскій король обѣщался помогать Фридриху завоевать островъ Сардинію. Но сицилійскій сеймъ не согласился, чтобы Сицилія возвратилась, по смерти Фридриха, подъ власть анжуйской династіи. Фридрихъ освободилъ своего плѣнника, Филиппа, сына Карла Неаполитанскаго. Папа не соглашался на миръ, пока Фридрихъ не призналъ себя вассаломъ церкви и не обѣщался платить папѣ въ знакъ вассальства дань (впрочемъ ничтожную—всего только 41 золотую монету того сорта, который назывался тогда въ Италіи лирой). Итакъ Сицилія осталась независимымъ государствомъ, и по прекращеніи войны ея благосостояніе стало возростать.

Заключеніе мира съ Фридрихомъ 1302.

19 августа 1302.

Около времени заключенія мира умерла Констанція, жившая въ Барселонѣ. По примиреніи съ папой, она предалась набожности. Черезъ два года умеръ Руджеро Лорія, уѣхавшій въ Арагонію по досадѣ на короля неаполитанскаго за то, что онъ заключилъ миръ съ Фридрихомъ.

Е. востокъ и послѣдніе крестовые походы.

1. Мусульманскія государства на Востокѣ и монголы.

а) Ховарезмское царство. Чингизханъ.

Однообразіе хода исторіи восточныхъ народовъ.

Въ шестомъ томѣ мы разсказали исторію мусульманскихъ государствъ въ XI вѣкѣ, когда власть халифовъ багдадскихъ была въ упадкѣ и почти всѣ области азіатскаго мусульманскаго міра были завоеваны сельджуками (VI, 451 и слѣдд.). Таковъ же былъ характеръ событій въ XII и XIII столѣтіяхъ. Сельджуки ослабили себя междоусобіями, царство ихъ раздробилось, они подверглись общей судьбѣ восточныхъ династій: послѣ недолгаго періода могущества, они пали. Исторія мусульманской Азіи въ средніе вѣка представляетъ однообразный рядъ однаковыхъ событій: отважные намѣстники царей или князья племенъ измѣняютъ своимъ государямъ, одерживаютъ побѣды надъ слабыми сосѣдами, расширяютъ свои государства; ихъ потомки погрязаютъ въ развратѣ, становятся неспособны править дѣлами, ослабляютъ себя междоусобіями и низвергаются новыми завоевателями. Даже умственная и религіозная жизнь восточныхъ мусульманъ не имѣетъ прогрессивнаго развитія, вращается въ старомъ кругу мыслей; перемѣны въ ней лишь тѣ, что монотонная дѣятельность поэтовъ и ученыхъ временами увеличивается, подъ покровительствомъ какого-нибудь государя или везиря, временами ослабѣваетъ, не имѣя покровителей. То, что говорили мы объ умственной жизни арабовъ и персіянъ въ XI вѣкѣ (VI, 458 и слѣдд.), примѣняется и къ слѣдующему періоду.— Исторія династій, на которыя раздѣлилось потомство сельджукскихъ завоевателей, кажется повтореніемъ исторіи Буидовъ, Газнавидовъ и первыхъ сельджукскихъ царей; новы только имена, ходъ фактовъ почти тотъ же.

Ховарезмское царство.

Въ обширной песчаной степи между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и Аму-Дарьей, или какъ называли эту рѣку арабы, Джайхуномъ, есть плодородныя полосы земли, а по юговосточной окраинѣ ея подымаются очень высокія горы, долины которыхъ очаровательны. Въ плодородныхъ мѣстахъ среди песчаной пустыни стояли въ XI вѣкѣ цвѣтущіе города—Мервъ, Нишапуръ, другіе; нѣкоторые изъ нихъ были столицами царствъ, центрами ученой дѣятельности. Югозападная часть этой страны называлась Ховарезмомъ (или Харизмомъ, Харезмомъ). Въ концѣ XI вѣка Ануштекинъ, рабъ сановника, завѣдовавшаго двор-

цовымъ хозяйствомъ при дворѣ сельджукскаго султана, получилъ санъ, принадлежавшій его господину, и былъ назначенъ правителемъ Ховарезма. Обѣ эти должности наслѣдовалъ по смерти Ануштекина сынъ его, Мухаммедъ Котбъ-адъ-Динъ. Это было въ царствованіе султана Баркіярока; сельджукское царство волновалось тогда мятежами (VI, 451). Для предотвращенія или подавленія ихъ въ Ховарезмѣ, правителю этой области надобно было постоянно находиться тамъ. Междоусобія давали Котбъ-адъ-Дину случаи расширять свои владѣнія; но онъ оставался вѣренъ султану. Его сынъ Азизъ, пользуясь междоусобіями сельджукской династіи, отложился отъ Санджара, который послѣ долгой войны овладѣлъ царствомъ своего брата Баркіярока. Санджаръ потерпѣлъ пораженіе въ войнѣ съ татарами, былъ взятъ въ плѣнъ; это благопріятствовало упроченію независимости Азиса, который принялъ титулъ шаха ховарезмскаго. Въ 1157 году Санджаръ умеръ; въ сельджукской династіи возобновились междоусобія. Пользуясь ими, Азизъ и его сынъ Иль-Арсланъ сдѣлали такія завоеванія, что у потомковъ Санджара осталось только нѣсколько областей въ Персіи. По смерти Иль-Арслана его сыновья Ала-адъ-Динъ Такашъ и Мухаммедъ Султаншахъ стали воевать между собою; оба они были поэты, у восточныхъ лѣтописцевъ приводятся стихотворенія, которыми обмѣнивались они. Наконецъ Такашъ одолѣлъ; расширеніе ховарезмскаго царства, останавливавшееся во время междоусобія, возобновилось. Потомки сельджукской династіи воевали между собой; начальникъ тѣлохранителей старшаго изъ нихъ, Ильдекузъ, захватилъ въ свои руки всю власть и сталъ называться атабегомъ (правителемъ); по смерти Ильдекуза сталъ атабегомъ его сынъ. Вельможи пытались низвергнуть надменнаго атабега; государство волновалось мятежами. Возставшіе противъ атабега вельможи призвали на помощь себѣ Такаша. Онъ завоевалъ Рей, Адзербейджанъ, Испаганъ; послѣдній царь сельджукской династіи, Тогриль, былъ предательски убитъ. Сынъ Токаша, храбрый, умный и хитрый Мухаммедъ II Котбъ-адъ-Динъ, продолжалъ расширять государство завоеваніями. Онъ велъ войну съ ассассинами (VI, стран. 491), убившими его везиря, отнялъ у нихъ все, кромѣ ихъ замковъ на скалахъ. Племянникъ Мухаммеда поднялъ противъ него возстаніе въ восточной части государства; царь горидской династіи, владычествовавшей надъ Бактріею и сѣверной Индіей, помогалъ мятежнику; Мухаммедъ побѣдилъ племянника, сталъ покорять области горидскаго царства; горидскій царь, навлекшій на себя вражду ассассиновъ, былъ убитъ ими въ 1208 году; Мухаммедъ покорилъ все государство Горидовъ и соединилъ подъ своей властью всѣ земли отъ Тигра до Инда, отъ Сыръ-Дарьи до Мекранской пустыни. Вся Персія, всѣ области, принадлежавшія прежде Газнавидамъ, вошли въ составъ ховарезмскаго царства.

Иль-Арсланъ † 1172.

Такатъ † 1200.

Мухаммедъ II † 1220.

Низложеніе аббасидскаго халифа.

Халифомъ былъ тогда Аль-Насиръ, (Анъ-Насиръ). Мухаммедъ потребовалъ отъ него себѣ той власти надъ Багдадомъ, которая принадлежала Буидамъ и сельджукскимъ султанамъ. Но ховарезмская династія, овладѣвъ Персіею, приняла шіитское исповѣданіе, котораго держались персіяне (V, 77, 202). Аль-Насиръ не захотѣлъ отдать свою резиденцію и себя во власть шіита. Мухаммедъ созвалъ улемовъ (богослововъ и юристовъ) шіитскаго исповѣданія; они своимъ постановленіемъ (фетвою) объявили аббасидскаго халифа хищникомъ сана, принадлежащаго Алидамъ; Мухаммедъ провозгласилъ халифомъ Ала-аль-Мулька, потомка Али, и велѣлъ читать его имя при богослуженіи во всѣхъ мечетяхъ своего царства. Такимъ образомъ, въ то время, когда на Западѣ папа провозглашалъ крестовый походъ противъ катаровъ и вальдійцевъ, шіиты, ученіе которыхъ, подобно вѣрованіямъ катаровъ, происходило изъ дуализма старой персидской религіи и пантеистической индійской философіи, пытались низвергнуть представителя ортодоксальнаго мусульманства. Мухаммедъ по-
1217. шелъ на западъ, покорилъ Саада, атабека фарсистанскаго, и Узбека, князя адзербейджанскаго, защищавшихъ Аль-Насира, пришелъ въ Гамаданъ и сталъ готовиться къ походу на Багдадъ. Аль-Насиръ прислалъ къ нему шейха Сухеверди съ просьбою о мирѣ. Онъ отвѣчалъ, что Аббасиды не достойны быть халифами, они исказили ученіе ислама; что управленіе религіозными дѣлами должно принадлежать халифу, исповѣдующему исламъ во всей его чистотѣ. Изъ этого было ясно, что онъ неизмѣнно рѣшился отнять санъ халифа у Аль-Насира. Онъ пошелъ на Багдадъ; Аль-Насиръ едва ли могъ бы отразить его, но былъ на нѣсколько времени спасенъ тѣмъ, что зимній холодъ насталъ очень рано, былъ суровъ, и падало очень много снѣга. Дороги сдѣлались непроходимы отъ снѣжныхъ заваловъ, множество людей въ войскѣ Мухаммеда умерло отъ холода и изнуренія; онъ съ
1218. остаткомъ войска пошелъ назадъ въ Хорасанъ, оттуда за Аму-Дарью; курды и кочевыя тюркскія орды преслѣдовали его по пути отступленія. За Аму-Дарьей онъ сталъ собирать новое войско, чтобы въ слѣдующемъ году опять идти на Багдадъ, отнять санъ халифа у Аббасидовъ, подавить суннитство, дать шіизму владычество въ мусульманскомъ мірѣ. Но на его царство напалъ съ востока страшный врагъ; Аль-Насиръ, пренебрегая предостереженіями благоразумныхъ совѣтниковъ, призвалъ на помощь себѣ Темуджина Чингизхана.

Монголы. Чингизханъ.

Въ обширной странѣ, лежащей на сѣверѣ отъ Китая и на востокъ отъ Каспійскаго моря, съ незапамятныхъ временъ жили кочевыя орды монголовъ. Онѣ пасли свои стада, дрались между собой; въ грабительскихъ набѣгахъ каждый монголъ привыкалъ владѣть оружіемъ. Ихъ религія была грубое поклоненіе силамъ природы; были у нихъ идолы, были фетиши; служители ихъ религіи, шаманы, были жрецы и вмѣстѣ колдуны.—Изъ этой страны вышли гунны, подъ натискомъ

которыхъ произошло великое переселеніе народовъ.—Въ XII вѣкѣ могущественнѣйшимъ изъ монгольскихъ народовъ были ніучи, жившіе въ сѣверной части Китая; господствующее племя ихъ называлось Золотой Ордой. Орды, жившія по Амуру, долго платили имъ дань; потомъ возмутились и вели съ ними долгую войну за свою независимость. Князьями важнѣйшей изъ этихъ ордъ были предки Темуджина; они прославились въ войнѣ съ ніучами храбростью и военачальническимъ искусствомъ; имъ стали повиноваться и другія орды. Отецъ Темуджина владычествовалъ надъ тринадцатью ордами. Темуджинъ, родившійся около 1155 года, имѣлъ при смерти отца только двѣнадцать лѣтъ. Большая часть покоренныхъ ордъ отложилась отъ повиновенія ему; онъ былъ побѣжденъ въ войнѣ съ ними, бѣжалъ къ другому монгольскому народу, кераитамъ, владѣтель которыхъ, Толи или Унгъ-Ханъ, жилъ на югѣ отъ Байкала въ Каракорумѣ. (У христіанъ было баснословное сказаніе, что гдѣ-то очень далеко отъ нихъ среди языческихъ народовъ есть могущественное христіанское государство, въ которомъ царствуетъ священникъ Іоаннъ; миссіонеры несторіанскихъ христіанъ, ходившіе на востокъ, предположили, что Унгъ-Ханъ этотъ царь-священникъ). Увидѣвъ, что Темуджинъ искусный полководенъ, Унгъ-Ханъ отдалъ за него дочь и сдѣлалъ его своимъ военачальникомъ. Но черезъ нѣсколько времени зять поссорился съ тестемъ; большинство ордъ приняли сторону Темуджина. Унгъ-Ханъ былъ побѣжденъ, бѣжалъ и былъ убитъ. Темуджинъ покорилъ всѣ орды, повиновавшіяся Унгъ-Хану, потомъ и тѣ орды, которыя составляли царство его отца: побѣдивъ этихъ мятежниковъ, онъ бросилъ ихъ князей въ котлы кипящей воды. Послѣ того, онъ сталъ покорять другія монгольскія племена и сдѣлался повелителемъ громаднаго царства. На курултаѣ (съѣздѣ) всѣхъ князей подвластныхъ Темуджину монгольскихъ и тюркскихъ племенъ 1206.
онъ былъ провозглашенъ Чингизъ-Ханомъ; этотъ титулъ былъ данъ ему по совѣту очень уважаемаго монголами шамана, объявившаго, что онъ получилъ отъ бога откровеніе, повелѣвающее называть Темуджина Чингизомъ. Значеніе слова «Чингизъ» не извѣстно; но сдѣлавшись титуломъ Темуджина, оно получило тотъ смыслъ, что онъ верховный владыка всѣхъ князей.

По повелѣнію Чингизхана былъ составленъ кодексъ законовъ, называемый Ясой. Въ первоначальной своей редакціи Яса была, вѣроятно, сводомъ юридическихъ обычаевъ монголовъ; характеръ этихъ обычаевъ былъ патріархальный; законы, относящіеся къ быту, болѣе развитому, чѣмъ патріархальный, вѣроятно, были внесены въ Ясу послѣ, когда Чингизханъ покорилъ цивилизованные народы. Яса оставляетъ неприкосновенными племенныя особенности обычаевъ разныхъ монгольскихъ ордъ, но объединяетъ монголовъ установленіемъ правилъ о соблюденіи обычаевъ, общихъ всѣмъ имъ, и подчиняетъ

этимъ общимъ монгольскимъ обычнымъ законамъ покоренные монголами народы.

Яса. Подобно законамъ всѣхъ другихъ военныхъ деспотическихъ государствъ Азіи, Яса ставитъ военное дѣло выше всѣхъ другихъ занятій. Государь по Ясѣ—верховный военачальникъ; князья племенъ — его помощники въ начальствованіи войсками. Они—имѣютъ много привилегій. Они выбираютъ хана изъ царской династіи. Они правители и военачальники своихъ племенъ. Войско дѣлится на десятки, сотни, тысячи, десятитысячные отряды. Князья племенъ завѣдуютъ и охотой; она—занятіе очень важное, потому что пріучаетъ людей къ военному искусству. Яса воспрещаетъ давать пощаду врагамъ, пока они не покорились безусловно, и строго воспрещаетъ войны между монгольскими племенами, повинующимися Чингизхану и его династіи. Князья племенъ должны охранять права собственности. За преднамѣренное убійство, клятвопреступленіе, за измѣну жены мужу, за обольщеніе чужой жены, за кражу лошади Яса назначаетъ смертную казнь. Отъ казни за непреднамѣренное убійство можно избавиться, заплативъ выкупъ. Религіозныя предписанія Ясы очень просты. Позднѣйшіе писатели говорятъ, что въ царствѣ Чингизхана была вѣротерпимость. Яса ставитъ заповѣдью вѣры только признаваніе всемогущаго бога, творца и хранителя вселенной; каждый свободенъ служить ему по обрядамъ своей религіи. Языческія племена въ царствѣ Чингизхана оставались при своемъ идолопоклонствѣ; христіанамъ, мусульманамъ, евреямъ была дана свобода богослуженія.

Завоеванія сѣвернаго Китая и Каракитая. 1209—1215. Покоривъ безчисленныя орды, кочевавшія по пастбищамъ южной Сибири, Чингизханъ повелъ свои несмѣтныя полчища на завоеваніе цивилизованныхъ странъ, перешелъ китайскую стѣну, для того чтобъ покорить сѣверный Китай, царямъ котораго платили дань его предки; монголы опустошили сѣверный Китай огнемъ и мечомъ, взяли приступомъ или покорили голодомъ девяносто городовъ, въ томъ числѣ Пекинъ; сынъ неба принужденъ былъ отдать свою дочь въ число женъ Чингизхана и перенести свою резиденцію на югъ. Изъ сѣвернаго Китая Чингизханъ пошелъ на западъ, въ царство, называвшееся Каракитаемъ. Оно было ослаблено междоусобіями, и часть его ужь покорили хованезмскіе цари. Остальное царство Чингизханъ завоевалъ, не встрѣчая сильнаго сопротивленія.

Покореніе хованезмскаго царства. Покоривъ Каракитай, Чингизханъ сталъ сосѣдомъ Мухаммеда хованезмскаго. Прежде, они были друзьями. Но сдѣлавшись сосѣдами, два завоевателя не могутъ долго оставаться въ мирныхъ отношеніяхъ между собой. Халифъ багдадскій, забывая изъ-за ненависти къ шіитамъ о благѣ родины и о безопасности ислама, просилъ Чингизхана начать войну съ Мухаммедомъ; разумѣется, не въ угожденіе халифу Чингизханъ пошелъ войной на хованезмскаго царя. Мухаммедъ самъ подалъ ему поводъ къ нападенію. Правитель пограничной съ владѣніями Чингизхана хованезмской области казнилъ нѣсколькихъ татарскихъ купцовъ, подозрѣвая, что они шпіоны. Мухаммедъ одобрилъ его и отказалъ Чингизхану, требовавшему удовле-

творенія за ихъ казнь. Чингизханъ повелъ свои орды къ Сыръ-Дарьѣ, на которой были собраны войска Мухаммеда. Увидѣвъ несмѣтныя полчища его, Мухаммедъ не отважился на битву, отступилъ и поставилъ сильные гарнизоны въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Отрарѣ, Ташкендѣ и другихъ крѣпостяхъ, разсчитывая, что монголы истощатъ свои силы въ безуспѣшной осадѣ ихъ. Но онъ ошибся. При войскѣ Чингизхана были китайскіе инженеры; а китайцы, если еще и не знали тогда пороха, то умѣли хорошо вести осады; они очень много помогали успѣхамъ оружія Чингизхана; онъ пользовался совѣтами китайцевъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Межъ тѣмъ какъ Мухаммедъ собиралъ новыя войска въ Балхѣ и Газнѣ, монголы взяли, разграбили и разрушили многолюдные, богатые города Отраръ, Ходжендъ, Бухару, Самаркандъ. Отряды монгольскаго войска пошли дальше, взяли и разрушили Мервъ, Гератъ, Ховарезмъ, Нишапуръ; одинъ изъ ихъ отрядовъ пошелъ на Балхъ; Мухаммедъ, находившійся тамъ, бѣжалъ въ мазандеранскія горы, перевезъ своихъ женъ и дѣтей, всѣ сокровища въ неприступный горный замокъ; монголы пришли и въ Мазандеранъ; преслѣдуемый ими Мухаммедъ уплылъ въ лодкѣ на одинъ изъ мелкихъ пустынныхъ острововъ Каспійскаго моря; человѣкъ, еще такъ недавно бывшій и богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ изъ царей Востока, онъ теперь едва имѣлъ, чѣмъ утолить голодъ, и скоро умеръ. Передъ смертью онъ получилъ извѣстіе, что замокъ, въ которомъ укрывалось его семейство, взятъ монголами, что они убили его сыновей, находившихся тамъ, взяли себѣ въ жены его дочерей. Изъ сыновей Мухаммеда пережили отца только двое: Джелаледдинъ (Джалаль-адъ-Динъ) Манкберни, сопровождавшій его на островъ, и Татаръ-шахъ, бѣжавшій въ керманскую пустыню.

Смерть Мухаммеда. 1220.

Джелаледдинъ, одинъ изъ героевъ, прославляемыхъ восточными преданіями, ушелъ съ небольшимъ числомъ храбрыхъ воиновъ въ Газну, оттуда на Индъ, долго сопротивлялся монголамъ, одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Самъ Чингизханъ выразилъ удивленіе, увидѣвъ, что онъ спасся отъ погони, настигнувшей его на берегу Инда: онъ бросился въ широкую рѣку подъ стрѣлами враговъ и переплылъ ее. Монголы ходили по всѣмъ областямъ ховарезмскаго царства, опустошили его отъ края до края; исторія не представляетъ другого примѣра такой безпощадности въ истребленіи людей. Подобно Самарканду, Газнѣ, Балху, Нишапуру, были разграблены и разрушены великолѣпные города Персіи, Гамаданъ, Мерага, Тавризъ. Часть ихъ жителей была умерщвлена, другая уведена въ рабство, опустошенные города сожжены. Сокровища искусства и науки погибли въ пламени; обсерваторіи, базары, мечети, дворцы превратились въ груды обгорѣлыхъ развалинъ, сады были истреблены; монгольское варварство налегло на всѣ земли отъ Инда до Тигра и до Каспійскаго моря. Тамъ, гдѣ была богатая, дѣятельная жизнь, гдѣ поэты воспѣвали

Опустошеніе Персіи монголами.

наслажденія, рабы кочевыхъ варваровъ стали пасти стада своихъ господъ; прежніе центры культуры исчезли; на ихъ развалинахъ были построены жалкія хижины малочисленнаго, невѣжественнаго, бѣдствующаго населенія. Больше шести съ половиной столѣтій прошло съ той поры, но все еще не изгладились ужасные слѣды монгольскаго опустошенія. Чингизханъ повелъ свои орды съ Инда на западъ; обремененныя добычей, онѣ подвигались медленно. Тули, сынъ Чингизхана, хотѣлъ при взятіи Герата остановить истребленіе жителей; Чингизханъ сказалъ: «Запрещаю тебѣ поступать когда нибудь милостиво съ какимъ бы то ни было народомъ; жалость бываетъ лишь въ слабой душѣ; только строгостью можно держать людей въ повиновеніи. Покоренный врагъ никогда не укрощается, вѣчно продолжаетъ ненавидѣть новаго господина». Старшіе сыновья Чингизхана, Джагатай и Огетай, остались въ Газнѣ и Кабулѣ довершать покореніе земель по западному берегу Инда; два военачальника съ 30.000 всадниковъ пошли дербендскимъ проходомъ за Кавказъ, по степямъ западнаго и сѣвернаго прибрежья Каспійскаго моря, топтали копытами своихъ лошадей пытавшіяся сопротивляться имъ племена, пришли въ Монголію сѣвернымъ путемъ. Чингизханъ возвращался съ Инда черезъ Бухару. Тамъ онъ бесѣдовалъ съ мусульманами. Когда они говорили, что по заповѣди ихъ вѣры они должны каждый годъ ѣздить на богомолье въ Мекку, онъ сказалъ имъ, что Богъ вездѣ, потому не нужны особыя священныя мѣста богомолья. На берегу Сыръ-Дарьи онъ устроилъ охоту облавой въ размѣрѣ, изумлявшемъ своей обширностью; лѣтописцы разсказываютъ чудеса о великолѣпіи этого охотничьяго праздника. Неподалеку отъ Сыръ-Дарьи онъ собралъ курултай; число воиновъ, сошедшихся съ своими вождями на это собраніе, было такъ велико, что на равнинѣ, имѣвшей въ длину семь часовъ пути, не достало мѣста для шатровъ. Въ 1224 Чингизханъ возвратился въ Каракорумъ.

Походы Джелаледдина.

Джелаледдинъ успѣлъ между тѣмъ овладѣть частью отцовскаго царства. Сдѣлавъ чрезвычайно трудный переходъ по пустынѣ Мекрана и Кермана, въ которой погибли почти всѣ шедшіе съ нимъ воины, онъ пришелъ въ Испаганъ; разсѣявшіеся приверженцы его династіи собрались къ нему; онъ пошелъ въ Гамаданъ; эмиръ гамаданскій, его родственникъ, присоединился къ нему; онъ пошелъ на сѣверъ, занять Адзербейджанъ и Грузію, сдѣлать горныя страны по южному берегу
1225. Каспійскаго моря базисомъ для новыхъ завоеваній. Центромъ своихъ военныхъ дѣйствій онъ выбралъ крѣпость Хелатъ (иначе Ихлатъ, Ахлатъ); онъ нападалъ на сельджукскихъ владѣтелей армянскихъ земель, сражался съ монгольскими отрядами, приходившими отнимать у него занятыя имъ области. Онъ велъ партизанскую войну, часто попадалъ въ очень опасныя положенія, часто одерживалъ побѣды; но монголы одолѣвали; мусульманскіе союзники покинули Джелаледдина;

онъ былъ разбитъ и бѣжалъ; Курдъ, братъ котораго былъ убитъ подъ Ахлатомъ, убилъ его. Воины его разсѣялись; нѣкоторые стали ходить мелкими шайками по верховьямъ Эвфрата и Тигра; другіе, большею частью тюрки и въ частности ховарезмцы, поступили на службу къ сельджукскимъ князьямъ Сиріи, храбро бились въ ихъ войскахъ съ христіанами; одна изъ тюркскихъ ордъ, служившихъ Джелаледдину, поселилась черезъ нѣсколько времени въ Карагиссарѣ; царство, основанное этими тюрками, стало впослѣдствіи называться, по имени своего хана, османскимъ. Смерть Джелаледдина. Августъ 1231.

Чингизханъ умеръ раньше Джелаледдина. Онъ готовился къ новому походу на Китай; смерть застигла его среди этихъ приготовленій, въ августѣ 1227 года. Сыновья исполнили планъ отца. Общими силами они завоевали царство Ніучей въ сѣверномъ Китаѣ, взяли послѣ долгой осады Нанкинъ, истребили императорскій родъ. Царь южнаго Китая, помогавшій монголамъ, сохранилъ въ своемъ владѣніи область Гопанъ. Но черезъ нѣсколько времени и это царство, владѣтели котораго принадлежали къ династіи Сонгъ, было завоевано монголами. Война съ китайцами была продолжительна; члены императорской фамиліи были убиты, или уведены въ рабство, или сами лишили себя жизни; милліоны китайцевъ были истреблены, и наконецъ вся страна отъ Великой стѣны до Кантона и до Желтаго моря стала повиноваться внуку Чингизхана, Хубилаю. Переселившіеся въ Китай монголы усвоили себѣ обычаи, законы, религію побѣжденныхъ, полюбили удобства жизни въ большихъ городахъ, изнѣжились, утратили воинственность. Новыя завоеванія монголовъ.

b) Сыновья и потомки Чингизхана.

Передъ смертью Чингизханъ раздѣлилъ царство между сыновьями и ихъ потомками, но далъ третьему сыну, Огетаю, верховную власть надъ всѣми удѣльными ханами. Дзуджи, старшій сынъ Чингиза, умеръ раньше отца. Бату, сынъ Дзуджи, получилъ Кипчакъ, то есть, земли на сѣверѣ отъ Каспійскаго моря, по Волгѣ и по Уралу; ихъ завоевалъ Дзуджи, побѣдившій тюркскія племена, которыя кочевали по берегамъ Азовскаго моря и по Днѣпру до пороговъ, разбившій русскихъ въ страшной битвѣ на рѣкѣ Калкѣ (въ 1224 году). Монголы Бату перекочевали въ землю, занимаемую нынѣ Астраханской, Оренбургской и сосѣдними губерніями, стали ходить оттуда на завоеваніе западныхъ и сѣверныхъ земель. Второй сынъ Чингизхана, Джагатай, получилъ Туркестанъ и всѣ земли по Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ; четвертый сынъ, Тули, Персію и завоеванную монголами часть Индіи; сынъ Тули, Гулагу, завоевалъ по смерти Джелаледдина Грузію и Арменію, покорилъ ослабѣвшихъ сельджуковъ Малой Азіи, угрожалъ Никеѣ и Константинополю.—Курултай утвердилъ предсмертныя рас- Сыновья Чингизхана.

поряженія Чингизхана, призналъ Огетая верховнымъ ханомъ, и монголы пошли дѣлать новыя завоеванія.

Огетай и Бату.

Огетай распоряжался общими дѣлами монгольскаго царства; ему помогалъ своими совѣтами ученый китаецъ. Каракорумъ, столица всего царства, былъ при Чингизханѣ поселеніемъ, состоявшимъ только изъ хижинъ и кибитокъ; Огетай построилъ тамъ дворцы и громадныя правительственныя зданія, переселилъ туда множество китайскихъ и мусульманскихъ мастеровыхъ, художниковъ, ученыхъ; Каракорумъ сталъ великолѣпнымъ городомъ; Огетай жилъ тамъ въ роскоши, окружилъ себя блескомъ; князья монгольскихъ племенъ, цари покоренныхъ народовъ пріѣзжали туда съ подарками ему. Бату продолжалъ покореніе странъ, юговосточный край которыхъ былъ завоеванъ его отцомъ.

Монголы въ Россіи и въ Венгріи. 1237—1241.

Покоривъ покрытую болотами и лѣсами землю волжскихъ болгаръ, заставивъ ихъ воиновъ идти съ нимъ вмѣстѣ, Бату пошелъ на русскихъ, ослабленныхъ междоусобіями своихъ князей. На рѣкѣ Воронежѣ онъ истребилъ войско князя рязанскаго (21 декабря 1237); разрушилъ Рязань; близъ Москвы въ трехъ битвахъ съ Юріемъ, великимъ княземъ владимірскимъ, была на три столѣтія рѣшена

1238.

судьба Россіи. Юрій и множество другихъ князей пали въ битвахъ; Владиміръ, Коломна, Москва были взяты, семейство Юрія было убито, княжество его обложено данью. Народъ бѣжалъ отъ свирѣпыхъ ордъ въ лѣса и болота; монголы жгли покинутыя се-

1239.

ленія. Они пошли дальше къ сѣверу, на богатый Новгородъ; ему предстояла судьба Самарканда и Балха; но началась оттепель; болотистая земля покрылась водой, дороги стали непроходимы, Бату принужденъ былъ вернуться. Въ слѣдующемъ году монголы пошли на западъ. Какъ рѣка, выступившая изъ береговъ, они наводнили княжества Черниговское и Кіевское, жгли селенія и города, убивали жителей. Русскіе толпами бѣжали въ Венгрію; бѣжали туда и великій князь Кіевскій, и великій князь Галицкій; бѣжалъ къ венграмъ половецкій князь Кутанъ съ остатками своего народа; 40.000 куманскихъ (половецкихъ) семействъ ушли съ нимъ въ Венгрію и поселились тамъ; но маджары встрѣтили дикарей кумановъ враждебно, предательски убили ихъ князей; озлобленные куманы стали грабить Венгрію; маджары были ослаблены войной съ ними, когда Бату съ полу-милліономъ монголовъ подошелъ къ Карпатамъ, межь тѣмъ какъ другой отдѣлъ монгольскихъ полчищъ пошелъ на сѣверъ, въ Польшу и Силезію. Проходы въ Венгрію черезъ Карпаты оставались почти безъ охраны; Бату легко одолѣлъ слабое сопротивленіе и вошелъ на венгерскую равнину. Бела IV, король венгерскій, просилъ помощи Фридриха, герцога австрійскаго; Фридрихъ привелъ своихъ рыцарей; они сначала сильно сопротивлялись номадамъ, стрѣлы, копья и короткіе мечи которыхъ не могли пробивать ихъ латъ; ав-

стрійскіе рыцари выказали блестящую храбрость въ нѣсколькихъ битвахъ; но Фридрихъ ушелъ въ Австрію собрать подкрѣпленія, и вся Венгрія стала добычей варваровъ. Венгры были побѣждены въ ужасной битвѣ на Могійской степи, при рѣкѣ Шайо (Sajo); окруженные со всѣхъ сторонъ, они бѣжали по дорогѣ, которую монголы оставили открытой для нихъ; побѣдители гнались за ними съ обѣихъ сторонъ и съ тыла, не останавливаясь подбирать добычу; маджары падали подъ стрѣлами и копьями конныхъ варваровъ, какъ листья осенью, говоритъ лѣтописецъ. На нѣсколько дней пути лежали трупы, кровь текла по дорогѣ ручьемъ. Вся страна на сѣверѣ отъ Дуная осталась беззащитной и вся была опустошена; развалины городовъ и селеній были усѣяны трупами жителей. Бела ускакалъ черезъ Моравію къ Фридриху Австрійскому; братъ короля, Коломанъ, умеръ отъ ранъ во время бѣгства, уцѣлѣли только три укрѣпленные города; во всѣхъ другихъ жители были перерѣзаны; монголы истребляли людей сотнями тысячъ; изъ Венгріи отряды ихъ ходили въ Иллирію и Далмацію, рѣзали всѣхъ, кого настигали. Бела просилъ помощи императора, обѣщался стать вассаломъ его; но Фридрихъ II былъ занятъ борьбой съ папой, воевалъ въ Италіи, предоставилъ своему сыну Конраду и нѣмецкимъ князьямъ защищать Германію, какъ могутъ.

Битва при Лигницѣ 1241.

Нѣмцы съ трепетомъ ждали, что монголы пойдутъ изъ Венгріи въ Германію. Страхъ увеличился, когда Пета-Ханъ, пошедшій съ другимъ монгольскимъ войскомъ въ Польшу, переправился черезъ Вислу, разрушивъ Люблинъ и Краковъ. Онъ шелъ съ Вислы на западъ, опустошая все на пути, пришелъ на Одеръ. Жители Бреславля зажгли свои деревянные дома и заперлись въ цитадели на островѣ. Населеніе Силезіи бѣжало въ горы. Весь Западъ трепеталъ. Въ церквахъ молились: «Господи, спаси насъ отъ ярости татаръ!» Повсюду ходили проповѣдники, призывая народы на войну съ восточными язычниками. Генрихъ Благочестивый, герцогъ силезскій, съ своими рыцарями встрѣтилъ враговъ на Вальштатскомъ полѣ, близъ Лигница; въ битвѣ 9 апрѣля (1241 года) онъ и почти всѣ воины его пали. Въ Германіи готовились къ общему крестовому походу противъ варваровъ, которые жгли все, рѣзали всѣхъ на своемъ пути. Но Германія уцѣлѣла отъ нашествія монголовъ: они не пошли дальше Лигница. Они испытали въ Силезіи храбрость одѣтыхъ въ желѣзо рыцарей запада, она запугала ихъ; замки и обведенные стѣнами сельскіе монастыри задерживали ихъ; они быстро пошли черезъ Богемію и Моравію, потерпѣли тяжелый уронъ подъ Ольмюцемъ и соединились въ Венгріи съ главнымъ своимъ войскомъ. Папскіе послы, ѣздившіе черезъ много лѣтъ къ монгольскому двору, слышали тамъ, какое сильное впечатлѣніе на азіатскія орды было произведено храбростью франковъ (западныхъ рыцарей), ихъ вооруженіемъ и боевымъ искусствомъ.

Императоръ Фридрихъ призывалъ христіанъ запада на общее сопротивленіе монголамъ, вся Германія готовилась дать отпоръ имъ; но внезапно нѣмцы услышали отрадную вѣсть: Бату пошелъ назадъ. Въ Клостернейбургѣ (близъ Вѣны) онъ получилъ извѣстіе, что его дядя, верховный ханъ Огетай, умеръ, что въ Каракорумѣ происходятъ дѣла, требующія его вмѣшательства; онъ пошелъ туда.

Китайскій сановникъ, бывшій сановникомъ Огетая, старался внушать ему просвѣщенныя мысли; въ Каракорумѣ было поселено много арабовъ и персіянъ; Туракейна, одна изъ женъ Огетая, была христіанка, или по крайней мѣрѣ имѣла расположеніе къ христіанству; благодаря ей, христіане пользовались нѣкоторымъ вліяніемъ въ Каракорумѣ, монголы допускали тамъ христіанское богослуженіе; все это придавало каракорумскому двору характеръ, нѣсколько цивилизованный. Но Огетай все-таки оставался варваромъ, былъ пьяница, продолжалъ поклоняться идолу, изображавшему монгольскаго бога войны, покровителя монгольскихъ хановъ. Въ 1241 году онъ внезапно умеръ. Наслѣдникомъ царства онъ назначилъ своего старшаго сына. Туракейна, при содѣйствіи китайскаго сановника, бывшаго сановникомъ Огетая, сдѣлала царемъ своего малолѣтняго сына, Гаюка, и взяла управленіе государствомъ въ свои руки. Но Бату ненавидѣлъ Туракейну и ея сторонниковъ, хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе на управленіе общими дѣлами монгольскаго царства, потому спѣшилъ на востокъ.

Монголы пошли отъ Вѣны черезъ Боснію, Сербію, Болгарію въ Кипчакъ, чтобы быть ближе къ центру монгольскаго царства. Бату построилъ себѣ столицу, Серай на Ахтубѣ (близъ мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Царевъ); тамъ, въ огромномъ дворцѣ, онъ отдыхалъ отъ походовъ и отправлялъ оттудаословъ съ требованіями въ Каракорумъ. Ханъ Золотой Орды, онъ владычествовалъ надъ громадными степями Кипчака и надъ значительной частью восточной Европы, отъ Астрахани и Казани до Польши и Венгріи. Болѣе двухъ-сотъ лѣтъ Россія оставалась подъ тяжелымъ монгольскимъ игомъ. Бату умеръ въ 1256 году. Преемникъ его Баркой (Баркай, Береке) расширилъ свою власть дальше на сѣверъ; Новгородъ принужденъ былъ платить дань хану Золотой Орды.—Византійскіе императоры спасли Константинополь отъ монголовъ, искусно вмѣшиваясь въ войны хановъ Золотой Орды съ ханами, владычествовавшими надъ Персіей, посылая подарки тѣмъ и другимъ, заключая договоры съ ними.

Избраніе Мангу верховнымъ ханомъ.

Бату, по возвращеніи въ Кипчакъ, сталъ господствовать надъ общимъ правительствомъ монгольскаго царства, находившимся въ Каракорумѣ. Курултай, собравшійся тамъ, призналъ верховнымъ ханомъ Гаюка. Но черезъ годъ послѣ того Гаюкъ умеръ (въ 1247 году). Бату созвалъ монгольскихъ хановъ и князей въ Кипчакъ; всѣ трепетали его и, по его приказанію, назначили верховнымъ ханомъ Мангу, сына Тули; семейство Огетая покорилось этому. Для соблюденія законной формы выбора, Бату въ 1251 году велѣлъ ханамъ и князьямъ собраться въ Каракорумѣ на новый курултай и утвердить выборъ Мангу; новое провозглашеніе Мангу было отпраздновано пиромъ, длившимся цѣлую недѣлю; вьючному скоту былъ

данъ на эту недѣлю праздничный отдыхъ. Приверженцы потомковъ Огетая составили заговоръ; участвовавшіе въ немъ подверглись безпощадному истребленію. Въ числѣ убитыхъ находился христіанинъ Кудакъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при Огетаѣ и Гаюкѣ; были убиты и друзья его.

При Мангу возобновились походы для завоеваній. Братъ его Хубилай пошелъ въ южный Китай, гдѣ царствовала династія Сонгъ; эта война была ужасна; временами Мангу приходилъ на помощь Хубилаю; наконецъ монголы покорили южный Китай. На томъ курултаѣ, на которомъ было рѣшено, что Хубилай пойдетъ въ южный Китай, было также рѣшено, что Гулагу, братъ Мангу и Хубилая, пойдетъ на Багдадъ. Халифъ, какъ мы знаемъ, былъ безсиленъ. При войскѣ Гулагу находилось много китайцевъ; нѣкоторые изъ нихъ были люди, хорошо знающіе географію, другіе умѣли строить осадныя машины. Гулагу пошелъ черезъ Самаркандъ и Хорасанъ въ горныя области южнаго берега Каспійскаго моря, оттуда въ Иракъ. Новыя завоеванія въ Азіи.

Рука Гулагу налегла на ассассиновъ, полтора вѣка бывшихъ ужасомъ христіанъ и мусульманъ (VI, 457). Пришедши къ горамъ на югъ Каспійскаго моря, гдѣ гнѣздились они, онъ взялъ и разрушилъ ихъ замки; правитель ихъ, Горный Шейхъ, былъ взятъ въ плѣнъ; Гулагу послалъ его въ Каракорумъ; Мангу велѣлъ казнить его. Гулагу убивалъ ассассиновъ тысячами. Въ Персіи не осталось отъ нихъ никакого слѣда. Немногіе, уцѣлѣвшіе въ Сиріи, упали духомъ и стали тихо жить въ повиновеніи мѣстнымъ владѣтелямъ. Изъ горныхъ областей южнаго Каспійскаго берега Гулагу пошелъ на Багдадъ. Халифомъ былъ тогда Аль-Мустасиръ, человѣкъ бездарный, малочный, изнѣженный. Багдадъ имѣлъ милліонъ жителей, былъ сильно укрѣпленъ; въ немъ было многочисленное войско. Онъ могъ выдержать долгую осаду, если бы халифъ не былъ окруженъ предателями. Везирь Муэйедъ-эдъ-Динъ (Муайядъ-адъ-Динъ), шіитъ, желавшій погибели суннитскому халифу, давалъ ему коварные совѣты. Аль-Мустасиръ твердо отвергъ надменныя требованія Гулагу; послы халифа сказали монгольскому хану: «Престолъ сыновъ Аббаса основанъ волею Божіею, и враги его безвозвратно погибнутъ». Но потомъ, послушавшись везиря, халифъ сталъ посылать Гулагу подарки, просить у него мира, обѣщая ему самый высокій титулъ, и по скупости не принялъ необходимыхъ мѣръ обороны. Несмѣтныя полчища Гулагу подошли съ востока и съ запада, осадили Багдадъ. Халифъ, поддавшись совѣтамъ измѣнниковъ, пошелъ съ своими сыновьями и багдадскими старшинами въ непріятельскій станъ просить пощады у Гулагу. Ханъ принялъ халифа съ притворной любезностью, убѣдилъ его велѣть жителямъ Багдада, чтобъ они прекратили сопротивленіе, заперъ его съ сыновьями въ шатеръ, всѣхъ другихъ пришедшихъ съ нимъ велѣлъ изрубить и двинулъ войска на приступъ. Жители

Истребленіе ассассиновъ. 1256.

Погибель багдадскаго халифата. 1258.

Багдада, лишенные своихъ начальниковъ, оборонялись слабо. Варвары ворвались въ богатый, роскошный городъ, стали грабить, всячески неистовствовать, жечь ограбленные дома, убивать беззащитныхъ; сорокъ дней длились грабежи, пожары, убійство. Великолѣпный городъ, пять столѣтій бывшій столицею халифата, обратился въ груду развалинъ. Гулагу пугалъ и мучилъ халифа, пока онъ сказалъ, гдѣ спрятаны его сокровища. Гулагу овладѣлъ массами золота, лежавшими въ закрытой цистернѣ. Халифъ не спасъ свою жизнь, указавъ ихъ. Монголы разграбили сосѣдніе въ Багдадомъ города Гиллахъ, Куфу, Бассору, Васитъ и перерѣзали ихъ жителей, опустошили весь Хузистанъ. Когда это было кончено, Гулагу велѣлъ убить халифа, двухъ его сыновей и другихъ Аббасидовъ, поступилъ съ Аббасидами, какъ за пять столѣтій передъ тѣмъ они поступили съ Омейядами. Но одинъ изъ Омейядовъ спасся отъ погибели, и династія его долго царствовала надъ богатымъ, сильнымъ государствомъ на западѣ. Теперь уцѣлѣли нѣкоторые Аббасиды, но ужь никогда не сталъ ни одинъ изъ нихъ царемъ. Они бѣжали къ мамлюкскому султану Египта. Онъ назначилъ одного изъ нихъ халифомъ; потомъ этотъ санъ переходилъ отъ одного Аббассида къ другому; аббасидскіе халифы въ Египтѣ были только слугами султановъ; подобно послѣднимъ Фатимидамъ, они не имѣли никакой власти; халифъ только 'подкрѣплялъ распоряженія султана духовнымъ авторитетомъ, какой давало ему родство съ пророкомъ. За это султанъ предоставлялъ халифу ту честь, что велѣлъ упоминать его имя въ молитвѣ на богослуженіи.

Война монголовъ съ мамлюками.

Покоривъ Багдадъ и города по Тигру и въ сѣверной Месопотаміи, Гулагу пошелъ въ Сирію, гдѣ царствовали потомки Саладдина, ссорившіеся между собой. Монголы взяли и ограбили богатый городъ Халебъ, покорили Харенкъ, Хамахъ и Дамаскъ, хотѣли идти въ Палестину и оттуда въ Египетъ; но ихъ остановили мамлюки, равнявшіеся имъ храбростью и превосходившіе ихъ военнымъ искусствомъ. Мамлюки нанесли Гулагу тяжелое пораженіе при Аинъ-Джалутѣ, и онъ вернулся на Эвфратъ.

1260.

Распаденіе монгольскаго царства.

Династія Гулагу владычествовала надъ Персіей болѣе столѣтія. Потомки его усвоили себѣ персидскіе нравы, какъ потомки Хубилая приняли китайскіе обычаи. Монгольскіе цари Персіи называли себя шахинъ-шахами (царями царей). Они приняли мусульманство, изнѣжились, утратили энергію и были низвергнуты. Разселившись по странамъ, далекимъ одна отъ другой, монголы ужь не могли сохранить тѣсной связи между собой; скоро они стали людьми разныхъ религій и обычаевъ; интересы ихъ были разные; такимъ образомъ, царства, основанныя ими, сдѣлались совершенно чуждыми другъ другу.— Хубилай, ставшій по смерти Мангу (въ 1259 году) верховнымъ ханомъ, перенесъ свою резиденцію изъ Каракорума въ Китай; ужь и этого одного было бы достаточно, чтобы связь между разными мон-

гольскими царствами ослабѣла. При наслѣдникахъ Хубилая восточные монголы приняли буддизмъ, въ ламайской формѣ, какую получилъ онъ въ Тибетѣ; а монголы, переселившіеся на западъ, почти всѣ стали мусульманами. Къ монголамъ ѣздили христіанскіе миссіонеры; но ихъ проповѣдь имѣла мало успѣха; ученія ламаизма и ислама были доступнѣе христіанскихъ вѣрованій грубымъ монголамъ. Прежнюю религію, не имѣющую ни выработанной догматики, ни опредѣленныхъ многосложныхъ формъ богослуженія, сохраняли только орды, продолжавшія кочевать по степямъ между Сыръ-Дарьей и Иртышемъ, гордыя своей дикой свободой; но онѣ впослѣдствіи приняли ламаизмъ.

---

2. Послѣдніе крестовые походы. Общіе результаты крестовыхъ походовъ.

а) Состояніе Палестины въ половинѣ XIII вѣка. Крестовый походъ Людовика въ Египетъ.

Султанъ Камиль умеръ 8 марта 1238, до истеченія срока десятилѣтняго перемирія, заключеннаго имъ съ Фридрихомъ II. Сыновья его, Маликъ-Адиль и Маликъ-асъ-Салихъ, стали вести войну между собой изъ-за наслѣдства. Христіане хотѣли воспользоваться этимъ; весной 1239 года, когда кончилось перемиріе, король наваррскій, герцогъ бургонскій, графъ Монфоръ, графы вандомскій, барскій и много французскихъ рыцарей отправились въ крестовый походъ. Сборнымъ пунктомъ ихъ былъ Ліонъ. Фридрихъ оказалъ содѣйствіе ихъ экспедиціи. Григорій IX опасался, что ихъ побѣды въ Палестинѣ послужатъ къ увеличенію вліянія императора на сирійскихъ франковъ, запретилъ имъ плыть въ Сирію, совѣтовалъ плыть въ Константинополь поддержать колеблющуюся латинскую имперію. Это произвело между крестоносцами несогласія, повредившія успѣху дѣла. Нѣкоторые поплыли въ святую землю; но ссорились, дѣйствовали безъ общаго плана, и храбрость ихъ осталась напрасна. Одинъ отрядъ ихъ вступилъ безъ содѣйствія іоаннитовъ и тампліэровъ въ сраженіе съ сарацинами при Газѣ, былъ подавленъ многочисленностью враговъ и почти весь погибъ; немногіе уцѣлѣвшіе были взяты въ плѣнъ. Эта несчастная битва привела въ уныніе сирійскихъ франковъ. Даудъ, владѣтель Керака и Шаубака (стр. 112), взялъ Іерусалимъ, разрушилъ стѣны, возстановленіе которыхъ было еще не кончено, и башню Давидову. Только благодаря тому, что потомки Саладдина воевали между собой, христіане удержались въ своихъ

Войны христіанъ съ мусульманами. 1239—1240.

13 ноября 1239.

прибрежныхъ владѣніяхъ. Крестоносцы вмѣшивались въ войны мусульманскихъ государей; это увеличивало раздоры между сирійскими христіанами; часто случалось, что христіане сражались одни противъ другихъ, помогая двумъ воюющимъ между собой сарацинскимъ эмирамъ.

Экспедиція Ричарда Корнуэльскаго. 1241.

Таково было положеніе христіанъ въ Сиріи, когда прибылъ туда Ричардъ Корнуэльскій, братъ короля англійскаго Іоанна, племянникъ Ричарда Львиное сердце. Дѣла христіанъ находились въ такомъ разстройствѣ, что онъ не могъ достичь важныхъ успѣховъ. Онъ укрѣпилъ Іоппію, возобновилъ перемиріе съ султаномъ египетскимъ и уѣхалъ. Главныя условія трактата были: взаимная помощь противъ враговъ, уничтоженіе морского разбоя, охраненіе безопасности торговли и мореплаванія. Императоръ утвердилъ этотъ договоръ. Но тампліэры не признали перемирія, продолжали войну.

Новый раздоръ между христіанами въ Палестинѣ 1242, 1243.

Ссора императора съ папой, начавшаяся вскорѣ послѣ этого, имѣла и на востокѣ такія же гибельныя послѣдствія, какъ на западѣ. Венеціанцы и тампліэры старались вредить намѣстнику императора, Томмасо, графу ачеррскому, и подорвать власть императора въ Палестинѣ. По ихъ внушенію Алиса, внука Амори I, по смерти перваго своего мужа, короля кипрскаго, вышедшая за Рауля, графа суассонскаго, заявила притязанія на санъ королевы іерусалимской. Сынъ Фридриха, Конрадъ, достигнувшій въ это время совершеннолѣтія, потребовалъ, чтобы сирійскіе христіане присягнули ему, какъ королю (т. е. какъ наслѣднику престола). Венеціанцы, бывшіе въ Палестинѣ, и тампліэры отвѣчали, что присягнутъ ему, лишь когда онъ пріѣдетъ въ Палестину, отказали въ повиновеніи его намѣстнику и въ апрѣлѣ 1243 присягнули на вѣрность королевѣ Алисѣ и ея мужу, Раулю. Маршалъ императора, Риччардо Филанджери, былъ взятъ въ плѣнъ противниками Фридриха, венеціанцами, палестинскими баронами и тампліэрами; его братъ Лотаріо сдалъ имъ Тиръ, какъ выкупъ за него. Рауль требовалъ, чтобъ они передали Тиръ ему; они не согласились; не отдали ему и Акку. Онъ и Алиса въ гнѣвѣ уѣхали изъ Сиріи. Эйюбъ, султанъ египетскій, былъ союзникъ Фридриха; тампліэры и сирійскіе бароны заключили союзъ съ врагами Эйюба, эмиромъ керакскимъ и Измаиломъ, султаномъ дамасскимъ; за это они получили всю Палестину отъ моря до Іордана, кромѣ городовъ Газы и Наблуса.

1244.

Нашествіе ховарезмцевъ на Палестину 1244.

Узнавъ объ этомъ союзѣ, Эйюбъ нанялъ ховарезмцевъ, служившихъ Джелаледдину и послѣ его смерти бродившихъ разбойническими шайками по южной Арменіи и сѣверной Месопотаміи (стр. 305). Они пошли въ Палестину, опустошая все на пути. При ихъ приближеніи, населеніе Іерусалима, ставшаго многолюднымъ городомъ, рѣшилось, по совѣту патріарха Робера, уйдти въ Іоппію. Дождавшись ночи, они бѣжали по направленію къ этой крѣпости. Но между бѣгущими разнеслась молва, что на стѣнахъ Іерусалима снова появились христіанскія знамена. Всѣ пошли назадъ въ Іерусалимъ. Вошедши въ

Начало сентября.

городъ, увидѣли, что обмануты военной хитростью ховарезмцевъ. Многіе христіане, въ томъ числѣ патріархъ пустились опять въ Іоппію; но большинство медлило, пока Іерусалимъ былъ окруженъ ховарезмцами. Часть ховарезмцевъ осталась подъ Іерусалимомъ, другіе погнались за бѣжавшими въ Іоппію, настигли ихъ у Рамлы, убили больше 7.000 человѣкъ, увели дѣвушекъ и молодыхъ людей въ плѣнъ. Потомъ ховарезмцы ворвались въ Іерусалимъ, перерѣзали всѣхъ, кого нашли, церковь Святого Гроба была залита кровью; они вырыли изъ могилъ кости іерусалимскихъ королей, подвергли ихъ поруганію. Кончивъ грабежъ и убійства, ховарезмцы пошли въ Газу. Бѣдствіе заставило рыцарскіе ордена примириться между собой. Христіане послали въ Дамаскъ и въ Керакъ просьбу о помощи. Мусульманскіе союзники пришли къ нимъ; вмѣстѣ съ ними двинулись къ Газѣ. Христіане вступили въ битву съ Эйюбомъ; но мусульманскіе союзники ушли отъ нихъ. Христіане сражались очень храбро, но были 18 октября.
подавлены многочисленностью враговъ. Почти всѣ тампліэры, іоанниты, меченосцы пали въ битвѣ. Лишь немногіе успѣли спастись отъ плѣна. Въ числѣ успѣвшихъ бѣжать былъ и патріархъ Роберъ, горячій врагъ Фридриха. Головы убитыхъ христіанъ были выставлены на стѣнахъ Капра. Измаилъ принужденъ былъ сдать Дамаскъ ховарезмцамъ, исполнить всѣ другія требованія Эйюба. Египетскій полководецъ Фахръ-адъ-Динъ взялъ Аскалонъ; Эйюбъ овладѣлъ всей Палестиной, кромѣ Акки и немногихъ другихъ приморскихъ городовъ, въ которыхъ удержались христіане. Тампліэры, взятые въ плѣнъ при Газѣ и въ городахъ, покоренныхъ султаномъ египетскимъ, не хотѣли просить Фридриха о ходатайствѣ за нихъ; Эйюбъ держалъ ихъ въ плѣну. Тѣхъ плѣнныхъ, объ освобожденіи которыхъ просилъ императоръ, султанъ освобождалъ. Въ княжество антіохійское ворвалась орда туркменовъ и опустошала его.

Безуспѣшность воззваній о новомъ крестовомъ походѣ въ Палестину.

Извѣстіе о завоеваніи святой земли мусульманами глубоко опечалило христіанъ на Западѣ; но прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ собралось много рыцарей для экспедиціи въ Палестину. Папа держалъ себя такъ, что призывы его къ новому крестовому походу не могли имѣть успѣха. Урбанъ III умеръ отъ огорченія, услышавъ о взятіи Іерусалима Саладдиномъ. Честолюбецъ, бывшій папой теперь, Иннокентій IV, имѣлъ интересы, болѣе важные, чѣмъ забота о судьбѣ святой земли. Онъ былъ исключительно занятъ борьбой съ Фридрихомъ, думалъ только о томъ, чтобы низвергнуть ненавистнаго ему императора, призывалъ христіанъ на войну съ Фридрихомъ, какъ на святое дѣло, употреблялъ на эту войну тѣ деньги, которыя получалъ отъ благочестивыхъ людей на снаряженіе экспедицій въ святую землю. Естественно было, что западные христіане перестали довѣрять его призывамъ на новый крестовый походъ въ Палестину. Ужь Иннокентій III исказилъ, осквернилъ идею крестовыхъ походовъ, возбуждая

крестовые походы на еретиковъ. Еще хуже казалось разсудительнымъ людямъ то, что Иннокентій IV выставлялъ богоугоднымъ дѣломъ войну противъ Гоэнштауфеновъ, законныхъ государей сицилійскаго королевства и Германіи, называлъ идущихъ на эту войну крестоносцами, давалъ имъ такое же благословеніе, какъ людямъ, отправляющимся въ Палестину на войну съ невѣрными. Поэты съ ѣдкой насмѣшкой говорили, что подати и пожертвованія, собираемыя папами подъ предлогомъ снаряженія крестовыхъ походовъ въ Палестину, употребляются не на защиту святой земли, а на борьбу съ противниками папскихъ притязаній. Понятно, что христіане потеряли довѣріе къ папѣ, что буллы, призывавшія воиновъ на защиту святой земли, оставались безуспѣшны; всѣ разсудительные люди видѣли въ этихъ призывахъ только одинъ обманъ.

Мнѣніе аѣмцевъ и французовъ о крестовыхъ походахъ.

Нѣмцы совершенно охладѣли къ мыслямъ о крестовыхъ походахъ и не слушали проповѣдниковъ, призывавшихъ теперь къ новому походу въ святую землю; въ Регенсбургѣ было подъ страхомъ смертной казни запрещено возлагать на себя эмблему крестоносцевъ. Французы, раньше нѣмцевъ увлекшіеся идеей крестовыхъ походовъ и всегда составлявшіе большинство рыцарей въ Палестинѣ, дольше нѣмцевъ сохранили желаніе отправляться въ святую землю на войну съ невѣрными. Они стали и теперь снаряжать новый крестовый походъ. Французскіе рыцари вообще любили пускаться въ приключенія; по своей впечатлительности, многіе изъ нихъ были одушевлены усердіемъ сражаться за вѣру; многіе другіе приняли крестъ по любви къ Людовику IX, воспламенившемуся желаніемъ освободить Палестину отъ невѣрныхъ. Онъ, будучи опасно боленъ, далъ обѣтъ идти въ крестовый походъ, если получитъ отъ Бога исцѣленіе; выздоровѣвъ, онъ всячески убѣждалъ вельможъ и рыцарей сопровождать его. Но при всемъ своемъ усердіи, онъ не скоро могъ преодолѣть затрудненія, представлявшіяся исполненію его обѣта. Французскій народъ оставался холоденъ къ мысли короля, считалъ походъ личнымъ дѣломъ его; духовенство не хотѣло платить налогъ, установленный королемъ для полученія средствъ къ снаряженію экспедиціи; понадобилось вмѣшательство папы; только его угроза отлученіемъ отъ церкви принудила духовенство платить; вельможи убѣждали короля бросить мысль о походѣ; самые близкіе къ Людовику люди порицали его. Есть разсказъ, что онъ только обманомъ пріобрѣлъ спутниковъ себѣ: на Рождество, онъ дарилъ придворнымъ плащи, на которыхъ велѣлъ нашить кресты; придворные надѣли плащи, и только тогда замѣтили, что на нихъ нашиты кресты; рыцарская честь заставила ихъ исполнить обѣтъ, символъ котораго наложенъ былъ на нихъ хитростью короля. Прошли годы, прежде чѣмъ доведены были до конца приготовленія къ эспедиціи. Король взялъ въ Сенъ-Денисскомъ аббатствѣ орифламму, паломническіе посохъ и сумку, войско пошло черезъ Лі-

онъ къ морю; но на пути по южной Франціи крестоносцы принуждены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пролагать себѣ дорогу мечомъ: до такой степени враждебно ихъ походу было настроеніе народа. Сенешаль графа шампанскаго, честный и простодушный воинъ, Жанъ Жуанвилль, авторъ «исторіи Людвика святого», прославляющій подвиги короля и его спутниковъ въ этомъ крестовомъ походѣ, говоритъ о себѣ, что отвернулся отъ своего замка, «чтобы душа не ослабѣла при прощаніи съ прекрасной родиной и милымъ семействомъ»; вѣроятно, многіе другіе рыцари, отправляясь въ походъ, точно такъ же сожалѣли, что приняли крестъ.

Крестовый походъ Людовика IX. Остановка крестоносцевъ на Кипрѣ. 1248—1249.

Въ августѣ крестоносцы пришли въ Марсель и Эгъ-Мортъ, поплыли оттуда на генуэзскихъ и венеціанскихъ галерахъ въ Кипръ и провели зиму на этомъ островѣ. Въ продовольствіи они не нуждались; Людовикъ, при содѣйствіи императора Фридриха, заготовилъ большіе запасы его. Но продолжительная остановка на Кипрѣ была очень вредна крестоносцамъ. Праздность вовлекла ихъ въ пьянство, распутство, въ ссоры; непривычный климатъ произвелъ болѣзни, отъ которыхъ умерло много людей. Въ числѣ другихъ, очень тяжко занемогла супруга короля, Маргарета, и братъ его, графъ анжуйскій; они были спасены отъ смерти только чрезвычайной заботливостью о нихъ. На Кипръ приплыло много посѣтителей и посѣтительницъ, между прочимъ Марія, императрица византійская. Явились туда монгольскіе послы; когда они пустились въ обратный путь, съ ними поѣхали нѣсколько монаховъ, отвезти хану въ подарокъ отъ Людовика великолѣпный шатеръ, и проповѣдовать монголамъ христіанство.

Взятіе Даміэтты.

Весной крестоносцы поплыли въ Египетъ. Палестиной и почти всей Сиріей владѣлъ тогда султанъ египетскій; Людовикъ думалъ нападеніемъ на основную часть его царства принудить его къ возвращенію Палестины христіанамъ. Флотъ крестоносцевъ, состоявшій изъ 120 большихъ и 1.600 мелкихъ судовъ, былъ вскорѣ по отплытіи изъ Кипра разбросанъ сильною бурей въ разныя стороны, такъ что Людовикъ приплылъ къ устьямъ Нила только съ третьей частью своего войска. Онъ вышелъ на берегъ, не дожидаясь прибытія другихъ кораблей. Султанъ Эйюбъ лежалъ больной въ Мансурѣ и поручилъ оборону берега Эмиру Фахръ-адъ-Дину. Благодаря трусости или неспособности эмира, французы безъ потерь высадились на западномъ берегу того устья Нила, на восточномъ берегу котораго стоитъ Даміэтта. Фахръ-адъ-Динъ не озаботился заблаговременно снять плавучій мостъ, ведшій съ острова, находящагося противъ Даміэтты, на восточный берегъ. Французы пошли по мосту къ Даміэттѣ; арабы, составлявшіе гарнизонъ, бѣжали при ихъ приближеніи. Такимъ образомъ французы, почти не встрѣтивъ сопротивленія, овладѣли этой важной крѣпостью, взять которую было такъ трудно христіанамъ при нападеніи на Египетъ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ. Французы

5 іюня.

6 іюня

нашли въ ней огромные запасы хлѣба и оружія. Въ той мечети, которую легатъ Пелагій обратилъ въ христіанскую церковь, снова раздалось пѣніе гимна «Тебе Бога хвалимъ». Но дальнѣйшій ходъ дѣла не соотвѣтствовалъ удачному началу. Султанъ, хотя и былъ тяжело боленъ, принималъ мѣры для обороны Мансуры и возстановилъ дисциплину въ своемъ войскѣ, строго наказавъ арабовъ, постыдно бѣжавшихъ изъ Даміэтты; а крестоносцы бездѣйственно стояли нѣсколько мѣсяцевъ на берегу: король дожидался своего брата, Альфонса Пуатускаго; отъ праздности воины пьянствовали, развратничали, дисциплина у нихъ упала. Осенью прибылъ Альфонсъ; пріѣхали помогать французамъ и другіе крестоносцы, между прочимъ Вильгельмъ, графъ сользберійскій, съ 200 англійскихъ рыцарей; Людовикъ наконецъ возобновилъ военныя дѣйствія; но не послѣдовалъ совѣту опытнаго воина Пьера, графа бретанскаго, доказывавшаго, что прежде, чѣмъ идти въ глубину страны, надобно овладѣть приморскими крѣпостями Александріей и Розеттой, а послушался своего безразсуднаго брата, Альфонса, говорившаго, что лучше идти прямо на Каиръ, потому что, когда хочешь убить змѣю, то надобно раздавить ей голову.

Бездѣйствіе крестоносцевъ.

Походъ къ Мансурѣ. 1249.

Такимъ образомъ, была повторена ошибка, сдѣланная крестоносцами въ 1220 году; ея послѣдствія были и теперь такія же, какъ тогда: всѣ усилія христіанъ одолѣть затрудненія похода остались напрасны. Вообще, походъ Людовика былъ повтореніемъ всѣхъ ошибокъ, которыми погубили себя крестоносцы въ 1220 году. Съ 20.000 всадниковъ и 40.000 человѣкъ пѣхоты Людовикъ пошелъ вверхъ по восточному берегу Даміэттскаго рукава Нила; корабли съ продовольствіемъ плыли рядомъ. Если бы французы пошли быстро, то быть можетъ и овладѣли бы Каиромъ, потому что дѣйствія египетскихъ войскъ были тогда парализованы смертью Эйюба. Онъ умеръ въ Мансурѣ въ тотъ самый день, когда французы двинулись въ походъ. Султанша Шаджеръ-адъ-Дуръ, тюрчанка или армянка, бывшая невольница, имѣла очень большое вліяніе на мужа; по ея убѣжденію, Эйюбъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ того изъ своихъ сыновей, которому она покровительствовала. Этотъ пасынокъ ея, Тураншахъ, находился теперь въ Месопотаміи. Шаджеръ-адъ-Дуръ скрыла смерть Эйюба и послала гонца къ Тураншаху, чтобъ онъ спѣшилъ пріѣхать въ Египетъ. Фахръ-адъ-Динъ хотѣлъ возвести на престолъ другого потомка царской фамиліи, отъ имени котораго надѣялся управлять государствомъ. Тѣлохранители были готовы поднять бунтъ по желанію каждаго, кто съумѣетъ привлечь ихъ на свою сторону, потому что они были наемники, иноземцы (тюрки; станъ ихъ находился на одномъ изъ острововъ Нила, потому ихъ называли бахрскими—или бахарскими, «рѣчными», тюрками; «бахръ» по-арабски значитъ «море», «озеро», «большая рѣка»). При такомъ шаткомъ

21 ноября.

состояніи египетскаго правительства, крестоносцы могли бъ одержать большіе успѣхи. Но по невѣроятному безразсудству они простояли нѣсколько недѣль у одного изъ небольшихъ каналовъ Дельты, называвшагося Фарискуромъ. Наконецъ, 21 декабря Людовикъ подвинулся къ сѣверному берегу канала Ашмунъ-Танаха и сталъ станомъ противъ Мансуры, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли крестоносцы въ 1220 году. Но египтяне были ужь готовы къ оборонѣ. Пламенное воззваніе Фахръ-адъ-Дина, прочтенное во всѣхъ мечетяхъ, возбудило въ египтянахъ воинственное одушевленіе; отовсюду сошлись воины въ Мансуру. Крестоносцы тратили время на возведеніе плотины; эта трудная работа оказалась неудобоисполнима. Сарацины храбро оборонялись; они имѣли людей, умѣвшихъ дѣлать греческій огонь, жгли этимъ огнемъ осадныя башни и другія машины крестоносцевъ, наносили осаждающимъ большіе уроны. Жуанвилль говоритъ: «Струя греческаго огня, выбрасываемая машиной, летѣла по воздуху какъ крылатый дракопъ съ длиннымъ хвостомъ; полетъ ея былъ быстръ, какъ молнія, и сопровожался трескомъ, подобнымъ грому».

Осада Мансуры. 1250.

Въ февралѣ бедуинъ, измѣнившій египтянамъ, показалъ христіанамъ бродъ черезъ каналъ; они, хотя съ очень большимъ трудомъ, перешли каналъ, подступили къ Мансурѣ, и начался долгій рядъ кровопролитныхъ сраженій; крестоносцы бились храбро, но безъ общаго плана, ходили на приступы разрозненными отрядами, потому не могли взять крѣпость, передъ стѣнами которой была сдѣлана еще другая ограда, нѣчто въ родѣ вала, сложеннаго изъ бревенъ. Гарнизонъ отбивался мужественно и отгонялъ крестоносцевъ. Въ неудачныхъ приступахъ погибли братъ короля, Роберъ, графъ артуасскій, 300 французскихъ рыцарей, 80 тампліэровъ, много англійскихъ рыцарей и вождь ихъ, графъ сользберійскій. Но былъ убитъ и Фохръ-адъ-Динъ, храбрый воинъ, возведенный Фридрихомъ въ санъ рыцаря. Крестоносцы одолѣли египетское войско, стоявшее въ открытомъ полѣ, взяли его станъ, нашли тамъ много бревенъ, построили изъ нихъ пловучій мостъ черезъ каналъ. Но 27 февраля пришелъ Тураншахъ; онъ привелъ войско изъ Сиріи, принялъ на себя управленіе военными дѣйствіями. Положеніе стало ухудшаться съ каждымъ днемъ. Тураншахъ постоянно вводилъ въ Мансуру свѣжія войска на смѣну утомленнымъ; осаждающіе изнемогали отъ недостатка въ продовольствіи, отъ изнуренія битвами; между ними появилась эпидемія; она страшно развилась; у нихъ умирало множество людей. Занемогъ и самъ король; болѣзнь была такъ тяжела, что онъ едва перенесъ ее; едва не умеръ отъ нея и Жуанвилль, разсказывающій объ этомъ походѣ.

Трудное положеніе крестоносцевъ.

Крестоносцы не отчаявались въ успѣхѣ, пока ихъ флотъ подвозилъ къ нимъ изъ Даміэтты продовольствіе и военные запасы. Но султанъ провелъ боковымъ каналомъ свои корабли въ тылу христі-

анскаго стана въ тотъ рукавъ Нила, по которому ходили христіанскіе корабли изъ Даміэтты; египетская эскадра напала на христіанскій флотъ съ одной стороны, а съ другой напала на него эскадра, спустившаяся по теченію рѣки; египтяне потопили или взяли въ плѣнъ восемьдесятъ галеръ, — весь христіанскій флотъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Французы, отрѣзанные отъ моря, увидѣли себя въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ крестоносцы, осаждавшіе Мансуру въ 1221 году. Масульманская конница непрерывно тревожила ихъ нападеніями; особенно много вреда причиняли имъ мамлюки, храбрые, искусные бойцы; въ станѣ христіанъ явился голодъ и усилились повальныя болѣзни. Одной изъ причинъ болѣзней они считали нильскую рыбу, оказавшуюся, по ихъ мнѣнію, ядовитой. Король предлагалъ Тураншаху миръ, обѣщаясь уйдти изъ Египта, если султанъ отдастъ христіанямъ Іерусалимъ. Тураншахъ не согласился.

Пораженіе крестоносцевъ. Взятіе Людовика въ плѣнъ. 1250. 5 апрѣля.

Крестоносцы рѣшили, что надобно отступить въ Даміэтту. Они перешли по пловучему мосту черезъ Ашмунъ, пришли къ рукаву Нила; у нихъ оставалось небольшое число мелкихъ судовъ; они положили больныхъ и раненныхъ товарищей на эти суда и въ ночь съ понедѣльника на вторникъ пасхальной недѣли пошли къ Даміэттѣ. Но днемъ сарацинская конница нагнала ихъ, стѣснила между рукавомъ Нила и каналами; они столпились безпорядочной массой, отступленіе превратилось въ бѣгство. Король, его братья, Альфонсъ Пуатускій и Карлъ Анжуйскій, и важнѣйшіе вельможи были взяты въ плѣнъ; тысячи крестоносцевъ были изрублены мамлюками Эмира Бибарса, тысячи другихъ были взяты въ плѣнъ и черезъ нѣсколько времени проданы въ рабство или зарѣзаны. Корабли съ больными и раненными были тоже захвачены сарацинами, и почти всѣ находившіеся на нихъ были убиты; сарацины пощадили и привезли въ Мансуру лишь немногихъ; однимъ изъ этихъ уцѣлѣвшихъ былъ Жуанвилль. Султанъ писалъ въ Дамаскъ, что убитыхъ франковъ такое же множество, какъ песку на берегу морскомъ. Большинство крестоносцевъ погибло.—Съ королемъ и вельможами сарацины поступали довольно мягко, надѣясь взять за нихъ большой выкупъ; но къ другимъ плѣннымъ они были безжалостны. Жуанвилль говоритъ, что въ Мансуру было приведено десять тысячъ воиновъ, въ томъ числѣ много рыцарей, что ихъ держали подъ стражей на большомъ дворѣ, обведенномъ сбитой изъ глины стѣной, выводили оттуда одного за другимъ, спрашивали, хочетъ ли онъ принять исламъ, и не соглашавшимся на это рубили головы.

Миръ.

Султанъ велъ переговоры съ плѣннымъ королемъ о выкупѣ за него и вельможъ и о другихъ условіяхъ ихъ освобожденія. Людовикъ предоставилъ находившейся въ Даміэттѣ королевѣ рѣшеніе о томъ, какую сумму дать за него, но безъ всякаго торга согласился уплатить огромный выкупъ, какого потребовалъ султанъ за освобож-

деніе вельможъ. Это благородство произвело на Тураншаха такое впечатлѣніе, что онъ уменьшилъ сумму выкупа. Договоръ былъ наконецъ заключенъ. Кромѣ уплаты выкупа, условія освобожденія состояли въ томъ, что французы удалятся изъ Египта и обѣщаются десять лѣтъ не возобновлять войны.

Убійство султана.

Мамлюки, гордясь тѣмъ, что собственно они доставили султану побѣду, держали себя нагло. Тураншахъ негодовалъ на высомѣріе этихъ тюрковъ, которые были рабы, купленные его отцомъ, и сталъ оказывать предпочтеніе передъ ними тому войску, которое привелъ изъ Месопотаміи. Мамлюки озлобились на то, что онъ не цѣнилъ ихъ заслугъ; начальникъ ихъ, Эмиръ Бибарсъ, бывшій невольникъ, воспользовался ихъ раздраженіемъ, составилъ заговоръ, убилъ Тураншаха; тѣло султана, брошенное на берегу Нила, два дня лежало безъ погребенія.

Крестоносцы удаляются изъ Египта.

Владычество курдской династіи кончилось. Рабы, купленные на Кавказѣ, стали повелителями Египта. Плѣнные христіане испугались, услышавъ объ убійствѣ султана. Мамлюки стали держать ихъ подъ надзоромъ, болѣе прежняго строгимъ. Они полагали, что будутъ убиты. Но мамлюки вовсе не хотѣли убивать ихъ. Царицей Египта была провозглашена Шаджеръ-адъ-Дуръ, женщина очень умная, которую обижалъ Тураншахъ, обязанный своимъ престоломъ ея уму и энергіи; главнокомандующимъ былъ назначенъ Эмиръ Иззъ-адъ-Динъ Эйбекъ. Договоръ съ Людовикомъ былъ возобновленъ. Даміэтта была сдана египтянамъ. Буйные и алчные тюрки, вошедши въ городъ, грабили, убивали оставшихся тамъ христіанъ. Это возбудило въ королѣ и плѣнныхъ вельможахъ новыя опасенія за жизнь. Дѣйствительно, нѣкоторые эмиры говорили, что надобно убить ихъ. Но алчность восторжествовала надъ свирѣпостью. Получивъ половину выкупа и ручательство въ уплатѣ остальной половины, сарацины освободили оставшагося заложникомъ у нихъ Альфонса Пуатускаго, брата короля, и Людовикъ съ уцѣлѣвшими крестоносцами уплылъ изъ Египта на генуэзскихъ галерахъ. Графы фландрскій и суассонскій и многіе другіе вельможи простились съ королемъ, вернулись домой. Пьеръ, графъ бретанскій, тоже отправился на родину, но умеръ на пути. Людовикъ и немногіе, оставшіеся при немъ, поплыли въ Акку и были встрѣчены съ большими почестями. (Жуанвилль, расказывающій обо всемъ этомъ, сопровождалъ короля, хотя еще былъ боленъ).

Май 1250.

Послѣдствія неудачи.

Египтяне праздновали побѣду; поэты ихъ прославляли подвиги защитниковъ ислама, осмѣяли короля франковъ и постыдную погибель христіанскаго войска. Западная Европа была опечалена трагической развязкой великой экспедиціи. Почти каждое семейство французской аристократіи потеряло родного или нѣсколькихъ родныхъ. Велики были и потери итальянцевъ; немногіе изъ нихъ участвовали въ кре-

стовомъ походѣ; но въ немъ погибло много итальянскихъ кораблей со всѣми своими матросами и товарами.

Дѣйствія Людовика въ Сиріи 1250—1254.

Мать Людовика, Бланка, управлявшая государствомъ въ его отсутствіе, убѣждала сына возвратиться; но онъ оставался года четыре въ Сиріи. Онъ думалъ, что еще не исполнилъ своего обѣта; по его отъѣздѣ изъ Даміэтты начались въ Египтѣ междоусобія; онъ полагалъ, что они помѣшаютъ египтянамъ защищать Палестину, и надѣялся овладѣть ею. Султанша Шаджеръ-адъ-Дуръ вышла за главнокомандующаго, Иззъ-адъ-Дина Эйбека, надѣясь упрочить этимъ свою власть; но мусульманское предубѣжденіе противъ правленія женщинъ всетаки взяло верхъ; султанша была убита, и начался рядъ мятежей, быстро передававшихъ власть изъ рукъ одного военачальника въ руки другого. Дамаскъ отложился отъ Египта, сталъ особымъ государствомъ подъ властью Аль-Насира (Анъ-Насира) Юсуфа. Благодаря разстройству дѣлъ въ Египтѣ, Людовикъ вынудилъ мамлюковъ исполнить условія мира; они принуждали плѣнныхъ христіанъ принимать исламъ, убивали не соглашавшихся отречься отъ христіанства; король заставилъ ихъ поступать съ плѣнными менѣе жестоко. Но онъ напрасно ждалъ подкрѣпленій изъ Европы. Остатки войска его, собравшіеся въ Аккѣ, были очень слабы; пріѣзжали въ его станъ нѣкоторые изъ авантюристовъ, странствовавшихъ тогда по всей Европѣ отъ Норвегіи до Константинополя; но ими едва пополнялась убыль, производимая отъѣздомъ прежнихъ крестоносцевъ. Даже братья короля, Карлъ Анжуйскій и Альфонсъ Пуатускій, возвратились на родину. Въ числѣ немногихъ, оставшихся при королѣ, находился Жуанвилль, здоровье котораго мало по малу окрѣпло.

Холодность французовъ къ проповѣди крестоваго похода.

Проповѣдники ходили по французкимъ городамъ и селеніямъ, призывая народъ къ новому крестовому походу; королева Бланка возбуждала ихъ дѣйствовать усердно; но народъ оставался холоденъ. Извѣстія о погибели войска въ Египтѣ отнимали охоту отправляться на войну съ мусульманами. Дурное впечатлѣніе производили и факты, происходившіе въ Европѣ: папа въ Италіи проповѣдовалъ крестовый походъ на Фридриха II; король англійскій принялъ крестъ только для того, чтобы взять съ вельможъ и духовенства деньги на расходы экспедиціи; но собравъ деньги, не исполнилъ своего обѣта. Народы видѣли, что проповѣдь крестоваго похода служитъ средствомъ къ исполненію намѣреній, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей, и стали считать эту проповѣдь обманомъ. Обманщиками были не только папа и король англійскій, являлись подражатели имъ и между людьми невысокаго общественнаго положенія. Въ то время, когда Людовикъ дожидался въ Сиріи новыхъ крестоносцевъ, а Иннокентій IV проповѣдовалъ крестовый походъ противъ Фридриха, цистерціанскій монахъ, бѣжавшій изъ своего монастыря, и получившій названіе венгерскаго наставника, собиралъ во Фландріи толпы простолюдиновъ.

выдавая себя за чудотворца и проповѣдуя, что Богоматерь поручила ему вести воиновъ въ святую землю; онъ принималъ въ войско бродягъ, воровъ, разбойниковъ; набравъ много такихъ воиновъ, онъ сталъ грабить богатыхъ людей; наконецъ одинъ французскій поселянинъ убилъ его; приверженцы этого шарлатана и грабителя были отлучены отъ церкви и разсѣялись.

Возвращеніе Людовика 1254.

Людовикъ три года ждалъ подкрѣпленій изъ Европы; велъ переговоры съ египтянами, съ дамасскими сарацинами, съ ассассинами, дѣлалъ набѣги, давалъ мелкія сраженія, терпѣлъ много неудачъ; отправлялъ посольства къ монголамъ; старался мирить ссорившихся палестинскихъ христіанъ; очень усердно поправлялъ укрѣпленія Акки, Іоппіи, Сидона, другихъ приморскихъ городовъ. Наконецъ извѣстіе о смерти матери заставило его понять, что надобно возвратиться въ свое государство; притомъ, дамасскіе и египетскіе мусульмане примирились; это отняло у него надежду на успѣхи. Весной 1254 года онъ съ женой и оставшимися при немъ баронами и рыцарями поплылъ изъ Акки на родину. Экспедиція его длилась шесть лѣтъ. У него родилось въ это время трое дѣтей. Воиновъ при немъ оставалось такъ мало, что всѣ помѣстились на 14 корабляхъ.—Плаваніе было бурно, но эскадра достигла юговосточнаго берега Франціи.—Годфруа Сержинъ съ нѣсколькими французскими рыцарями и папскій легатъ остались въ Аккѣ; но и они скоро уѣхали домой. Палестинскіе христіане лишились всякой поддержки.

b) Крестовый походъ Людовика IX въ Тунисъ. Покореніе Сиріи мамлюками.

Положеніе дѣлъ въ Палестинѣ.

Пулланы были изнѣженные люди; рыцарскіе ордена и жившіе въ Палестинѣ итальянскіе купцы ссорились между собой; при такомъ положеніи дѣлъ христіане держались въ святой землѣ только благодаря тому, что сарацины, занятые междоусобіями, не дѣлали энергическихъ нападеній на нихъ. Сильной помощи изъ Европы они не могли получить. Войны между западными народами заглушали мысль о единодушной борьбѣ съ исламомъ. Религіозный энтузіазмъ прежняго времени смѣнился холодной разсчетливостью, казался смѣшнымъ. Предоставленные собственнымъ силамъ, сирійскіе христіане должны были погибнуть, и уцѣлѣли на нѣкоторое время лишь потому, что въ Египтѣ возобновились смуты. Иззъ-адъ-Динъ хотѣлъ взять другую жену, дочь султана мосульскаго; Шаджеръ-адъ-Дуръ убила его за это. Его приверженцы убили ее и провозгласили султаномъ его сына, Али, человѣка молодого и безхарактернаго.

Нападенія мамлюковъ на христіанъ 1260—1268.

Но положеніе христіанъ и въ это время оставалось очень опасно. Съ востока угрожало Сиріи нашествіе монголовъ; съ сѣвера нападали на христіанъ туркмены; рыцари княжества антіохійскаго и примор-

скихъ городовъ, ходившіе отгонять ихъ набѣги, терпѣли пораженія. Мамлюкскій эмиръ Сейфъ-адъ-Динъ Котузъ, правившій Египтомъ отъ имени султана Али, разбивъ монголовъ при Аинъ-Джамутѣ (3 сентября 1260) и прогнавъ ихъ въ Месопотамію, готовился идти на христіанъ. Дамаскъ, Халебъ и другіе мусульманскіе города Сиріи повиновались ему, и безъ сомнѣнія онъ отнялъ бы у христіанъ Іоппію и Акку, если бы не былъ убитъ вскорѣ послѣ побѣды надъ монголами. Мамлюкскій эмиръ Бибарсъ, убійца Тураншаха, убилъ и Котуза (24 октября 1260) на походѣ по окраинѣ пустыни, отдѣляющей Сирію отъ Египта. Мамлюки провозгласили Бибарса султаномъ. Ихъ ряды постоянно пополнялись храбрыми молодыми людьми, уроженцами кавказскихъ земель; потому у нихъ сохранялась воинственность, и они очень долго владычествовали надъ египетскими арабами, утратившими ее. Бибарсъ упрочилъ за собою власть побѣдами. Онъ былъ человѣкъ энергическій, прославился правосудіемъ, усердно исполнялъ обряды ислама, велъ воздержную жизнь. Вскорѣ послѣ того, какъ сталъ султаномъ, онъ началъ войну съ христіанами
1262—1268. (въ 1262 году); сдѣлалъ въ шесть лѣтъ четыре похода на нихъ и овладѣлъ почти всѣми городами, какіе оставались у нихъ въ Сиріи. Онъ разрушилъ церкви въ Назаретѣ и на Ѳаворѣ, взялъ Кесарію, Арсуфъ, Іоппію, опустошилъ окрестности Тира, угрожалъ Аккѣ, взялъ Антіохію, покорилъ все княжество антіохійское.

Второй крестовый походъ Людовика. 1270.

Когда Людовикъ находился въ Палестинѣ, буря потопила корабль съ богатымъ грузомъ, посланный Бланкой въ Акку. Услышавъ о погибели корабля, Людовикъ сказалъ Жуанвиллю: «Ни это, ни какое другое несчастіе не отлучитъ меня отъ любви къ Христу». Дѣйствительно, онъ былъ непоколебимъ въ ней: горькая неудача перваго крестоваго похода не удержала его отъ второго. Онъ снова принялъ въ Сенъ-Денисскомъ аббатствѣ изъ рукъ аббата орифламму и паломническій посохъ, и весной 1270 года пошелъ съ вассалами и множествомъ воиновъ въ Эгъ-Мортъ. Въ іюлѣ крестоносцы сѣли на генуэзскіе корабли, которыхъ ждали тамъ два мѣсяца, и поплыли въ Кальяри. Въ этой гавани присоединились къ нимъ каталонскіе и южно-французскіе крестоносцы. Король объявилъ, что экспедиція направится въ Тунисъ. Это изумило всѣхъ. Странное рѣшеніе Людовика объясняютъ двумя мотивами: говорятъ, онъ повѣрилъ слуху, что тунисскій султанъ и его подданные хотятъ креститься и вмѣстѣ съ нимъ отправятся въ Египетъ воевать съ мамлюками; говорятъ также, что мысль плыть въ Тунисъ была внушена ему братомъ, Карломъ Анжуйскимъ: Карлъ былъ теперь королемъ Сициліи; тунисскій султанъ прежде платилъ, но теперь ужь нѣсколько лѣтъ не хотѣлъ платить дань королю сицилійскому; Карлъ, человѣкъ алчный, разсчитывалъ при помощи брата вытребовать дань.

Экспедиція приплыла къ тунисскому берегу. Крестоносцы вышли

на сушу. Генуэзцы взяли укрѣпленіе, которое называлось у европейцевъ Карѳагенскимъ замкомъ. Жители сосѣдней плодородной долины бѣжали въ пещеры. Крестоносцы изрубили нѣкоторыхъ изъ нихъ, другихъ задушили дымомъ, разложивъ костры у входовъ въ пещеры. Если бы султанъ и дѣйствительно желалъ креститься, такой методъ дѣйствія едва ли упрочилъ бы дружбу съ нимъ. Но, разумѣется, оказалось, что тунисскіе мусульмане вовсе не думали креститься. Бедуины пустыни и приморское осѣдлое населеніе готовились къ оборонѣ. Бибарсъ обѣщалъ помощь единовѣрцамъ. Христіане, жившіе въ Тунисѣ, были заперты въ темницы. Людовикъ все-таки надѣялся овладѣть Тунисомъ. Но дѣлалъ тѣ же ошибки, которыми погубилъ свое войско въ Египтѣ. Ему слѣдовало бы немедленно осадить Тунисъ, еще не приготовившійся къ сопротивленію. Вмѣсто того онъ бездѣйствовалъ, ожидая прибытія Карла съ сицилійскимъ войскомъ. Въ станѣ крестоносцевъ появились болѣзни отъ недостатка пищи и хорошей воды; лихорадка и кровавый поносъ развились до ужаснаго размѣра; умирало много графовъ и рыцарей; умеръ (3 августа) и сынъ Людовика, Тристанъ, родившійся въ Даміэттѣ и получившій свое имя въ память о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ были тогда отецъ и мать (Тристанъ значитъ «печальный»). Высадка крестоносцевъ на тунисскій берегъ.

Черезъ нѣсколько дней по смерти сына занемогъ Людовикъ и 25 августа умеръ. Вскорѣ по его смерти приплылъ Карлъ съ сицилійскимъ войскомъ. Христіане находились тогда ужь въ очень дурномъ положеніи. Мусульмане ободрились, увидѣвъ, что у нихъ свирѣпствуетъ моръ, и стали тѣснить ихъ. Новый король французскій, Филиппъ Смѣлый, и его дядя, Карлъ Сицилійскій, нашли надобнымъ дать рѣшительную битву, чтобы выйдти изъ невыносимаго положенія. Сраженіе было удачно: мусульмане обратились въ бѣгство. Султанъ боялся, что христіане возьмутъ Тунисъ, и предложилъ имъ миръ. Смерть Людовика 25 августа 1270.

Фразцузскимъ рыцарямъ очень хотѣлось разграбить богатую столицу разбойничьяго государства; но къ досадѣ ихъ Карлъ Сицилійскій, думавшій только о своихъ выгодахъ, убѣдилъ племянника согласиться на миръ. По договору, заключенному въ октябрѣ, сицилійцы и французы получили право селиться въ Тунисѣ, свободу торговли и богослуженія тамъ; такія же права предоставлялись тунисцамъ въ сицилійскомъ королевствѣ; отмѣнялся обычай конфисковать выброшенное на берегъ имущество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; тунисскій султанъ обѣщался освободить всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, уплатить Филиппу и Карлу вознагражденіе за военные расходы и другіе убытки, платить Карлу дань вдвое больше той, какую тунисскіе султаны платили сицилійскимъ королямъ со времени Фридриха II, уплатить сумму ея и за тѣ пять лѣтъ, которыя онъ пропустилъ безъ платежа. Договоръ этотъ заключенъ былъ на 15 лѣтъ съ ноября 1270 года. Миръ.

Возвращеніе христіанскихъ войскъ.

Французы и сицилійцы поплыли въ Трапани. Французскій король хотѣлъ рѣшить тамъ, продолжать ли крестовый походъ. Осеннія бури утопили много кораблей на переходѣ изъ Африки въ Трапани; воины, уцѣлѣвшіе отъ болѣзней и бурь, были изнурены; притомъ, болѣзни продолжались. Потому Филиппъ рѣшилъ возвратиться на родину. Многіе французы, въ томъ числѣ Тибо, король наваррскій, умерли въ Трапани отъ болѣзней, привезенныхъ изъ Африки; многіе другіе умерли на пути изъ Трапани домой; въ числѣ ихъ былъ дядя короля французскаго, Альфонсъ Пуатускій. Жена Филиппа умерла въ Козенцѣ отъ преждевременныхъ родовъ, произведенныхъ ушибомъ отъ паденія съ лошади.

Экспедиція Эдуарда.

Лишь немногіе французскіе крестоносцы, въ томъ числѣ Жанъ, герцогъ бретанскій, присоединились къ Эдуарду, сыну Генриха III, короля англійскаго, пріѣхавшему ужь по заключеніи мира съ туниссскимъ султаномъ и рѣшившемуся плыть въ Палестину. Эдуарда сопровождали братъ его, Эдмондъ, графъ ланкастерскій, и многіе англійскіе бароны. Фрисландскіе крестоносцы, которыхъ было 500 человѣкъ, примкнули къ англійскимъ. Въ маѣ 1271 года Эдуардъ и его спутники приплыли въ Акку. Сирійскіе христіане находились тогда въ очень опасномъ положеніи. Бибарсъ, негодуя на то, что туниссскій султанъ заключилъ миръ съ крестоносцами, возобновилъ свои нападенія на франковъ, вошелъ въ княжество трипольское, взялъ укрѣпленіе, принадлежавшее тампліэрамъ и называвшееся курдскимъ замкомъ. Боэмундъ Трипольскій послалъ спросить Бибарса, за что онъ началъ войну; султанъ отвѣчалъ: «Я пришелъ взять хлѣбъ съ вашихъ нивъ, собрать вашъ виноградъ, и буду дѣлать такъ каждый годъ». Пріѣздъ Эдуарда отсрочилъ погибель сирійскихъ христіанъ. Войско Гюга Кипрскаго, бывшаго тогда королемъ іерусалимскимъ, тампліэры, іоанниты соединились подъ начальствомъ Эдуарда; онъ вступилъ въ союзъ съ персидскими монголами; они стали опустошать сирійскія владѣнія Бибарса; египетскій султанъ принужденъ
1273. былъ заключить перемиріе съ христіанами, чтобъ отразить враговъ, болѣе опасныхъ. Мы говорили, что онъ, при помощи кипчакскаго хана, враждебнаго персидскимъ монголамъ, прогналъ ихъ изъ Сиріи. Эдуардъ едва не былъ убитъ ассасинами; сирійскіе христіане были безсильны; онъ убѣдился, что успѣшная война съ Бибарсомъ невозможна, и въ 1272 году возвратился во Францію, оттуда уѣхалъ въ Англію принять правленіе по смерти отца. Одинъ изъ духовныхъ сановниковъ, сопровождавшихъ Эдуарда въ Палестину, Тедальдо Висконти, уѣхалъ въ Европу раньше его, вступить на папскій престолъ. Въ своей прощальной рѣчи христіанамъ города Акки Тедальдо примѣнялъ къ себѣ слова псалма: «Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во

главѣ веселія моего». (Псаломъ 136, 5, 6). Онъ остался вѣренъ своему обѣщанію. На ліонскомъ соборѣ онъ, носившій теперь имя Григорія X, усердно старался установить прочный миръ между западными христіанами (стр. 354), чтобы государи могли рѣшиться на новый крестовый походъ. Изустно и письменно онъ убѣждалъ королей французскаго, англійскаго, нѣмецкаго, сицилійскаго, духовныхъ и свѣтскихъ князей всей западной Европы принять крестъ; во всѣхъ западныхъ государствахъ проповѣдники горячо провозглашали обязанность христіанъ отнять святую землю у невѣрныхъ, просили пожертвованій на снаряженіе крестоваго похода; папа давалъ крестоносцамъ отпущеніе грѣховъ и всѣ тѣ церковныя милости, какія давались въ прежніе крестовые походы. Онъ получалъ отовсюду обѣщанія, радовался, но обѣщанія оставались не исполненными. Еще не было нигдѣ сдѣлано никакихъ серьезныхъ приготовленій къ крестовому походу, когда Григорій умеръ. Ясно было, что романтическое настроеніе миновало и не возродится.

Султанъ Келаунъ.

Черезъ годъ по смерти Григорія X умеръ въ Дамаскѣ Бибарсъ. Его смерть была такъ внезапна, что ее приписывали отравѣ. Онъ не возобновлялъ войны съ христіанами, потому что былъ занятъ другими, болѣе важными дѣлами. Слабый и бездарный сынъ его, Маликъ асъ-Саидъ, былъ низвергнутъ, и султаномъ египетскимъ сталъ храбрый и даровитый мамлюкскій эмиръ Сайфъ-адъ-Динъ Келаунъ. Положеніе сирійскихъ христіанъ сдѣлалось опасно. Они надѣялись, что войска Келауна будутъ уничтожены или надолго задержаны монголами, которыхъ призвалъ на помощь себѣ противъ него эмиръ дамасскій. Но онъ въ кровопролитной битвѣ при Гемсѣ одолѣлъ монголовъ; прогнавъ ихъ, онъ принудилъ эмира дамасскаго покориться. Не получая сильныхъ подкрѣпленій изъ Европы, сирійскіе франки не могли выдержать борьбы съ Келауномъ; они были малочисленны, и притомъ постоянно враждовали между собой. Торговцы въ Аккѣ ссорились съ тампліэрами; въ Триполѣ по смерти Боэмунда VI христіане раздѣлились на двѣ партіи по вопросу о томъ, кому быть опекуномъ его малолѣтняго сына, Боэмунда VII; изъ-за права владѣть немногими приморскими городами, составлявшими тогда королевство іерусалимское, спорили между собой Гюгъ Кипрскій и Марія Антіохійская. Марія уѣхала въ Италію и передала свои права на іерусалимскій престолъ Карлу Сицилійскому. Онъ прислалъ въ Акку графа Руджеро Санъ-Северино править королевствомъ іерусалимскимъ отъ его имени; вражда между христіанами въ Палестинѣ усилилась: одни присягнули Карлу, другіе признавали королемъ Гюга. Распаденіе на двѣ партіи совершенно ослабило ихъ. Споръ продолжался и по смерти Гюга (умершаго въ Тирѣ 26 марта 1284 года); его приверженцы признали королемъ его сына; сынъ Гюга скоро умеръ; тогда сталъ королемъ кипрскимъ и принялъ титулъ короля іерусалимскаго братъ Гюга, Генрихъ.

1281.

1286.

Келаунъ не воспользовался этими ссорами, а заключилъ съ Боэмундомъ и тамплiэрами перемиріе, потому что опасался возбудить нападеніемъ на христіанъ новый крестовый походъ. Но послы, ѣздившіе отъ него къ нѣкоторымъ европейскимъ государямъ, сказали ему, что опасаться нечего: англійскій король не хочетъ исполнять обѣщаній, данныхъ папѣ; въ горячихъ словахъ, какія говорятъ французскіе вельможи, нѣтъ ничего серьезнаго. Убѣдившись, что сирійскіе христіане не получатъ сильной поддержки изъ Европы, Келаунъ приготовился къ возобновленію войны. Въ предлогахъ для нея не было недостатка, потому что у христіанъ владычествовала анархія, каждый баронъ дѣйствовалъ самовластно, и когда представлялся случай взять добычу, нападалъ на мусульманъ; рыцарскіе ордена поступали точно такъ же. Келаунъ сослался на то, что христіане нарушаютъ перемиріе, и возобновилъ войну. Въ маѣ 1285 онъ взялъ Маркабъ. Этотъ замокъ, принадлежавшій іоаннитамъ, стоялъ на скалѣ, господствовалъ надъ всѣми окрестностями и считался неприступнымъ. Ни Саладинъ, ни Бибарсъ не отваживались напасть на него. Взятіе его произвело восторгъ въ войскѣ Келауна, говоритъ Абульфеда, бывшій тогда двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и находившійся при отцѣ, участвовавшемъ въ этой войнѣ.

Взятіе Триполя. Взятіе Маркаба испугало христіанъ. Маргарета, графиня тирская, и Левъ, царь армянскій, поспѣшили заключить съ Келауномъ договоры, по которымъ подчинялись ему. Онъ взялъ и разрушилъ Лао-
1287. дикею, укрѣпленія которой не за долго передъ тѣмъ были повреждены землетрясеніемъ, и осадилъ Триполь. По смерти Боэмунда VII (19 октября 1287) тамъ шли споры о наслѣдствѣ; но стѣны города были очень толсты, и взять его было трудно. Наконецъ, мусульмане
27 апрѣля ворвались въ Триполь; 7.000 христіанскихъ воиновъ пали въ бою.
1288. Нѣкоторые изъ жителей успѣли сѣсть на генуэзскіе корабли и уплыли въ Кипръ. Остальныхъ мусульмане убили или продали въ рабство. Триполь былъ разрушенъ. Той же судьбѣ подверглась сосѣдняя крѣпость Нефинъ.

Взятіе Акки. Извѣстіе о взятіи Триполя, 150 лѣтъ бывшаго крѣпкимъ оплотомъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи, произвело сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Папа Николай IV послалъ 20 галеръ на помощь христіанамъ, велѣлъ проповѣдовать по всей западной Европѣ крестовый походъ; но государи и народы не слушали его легатовъ и проповѣдниковъ. Генуэзцы, король сицилійскій и король арагонскій даже заключили съ Келауномъ торговые договоры. Сирійскіе христіане нарушили перемиріе, которое заключилъ съ Келауномъ Генрихъ, король кипрскій
1290. и іерусалимскій; воспользовавшись этимъ, султанъ объявилъ войну Генриху и сталъ собирать многочисленное войско. Палестинскіе христіане поняли, что приближается часъ рѣшенія ихъ судьбы, отправили въ Европу пословъ съ просьбой о помощи, стали готовиться

къ оборонѣ; патріархъ Николай пламенными рѣчами одобрялъ ихъ. Счастье снова дало имъ отсрочку погибели: Келаунъ, шедшій изъ Египта въ Сирію, умеръ на египетской границѣ (11 ноября 1290). Но отсрочка была непродолжительна: сынъ Келауна, Маликъ аль-Ашрафъ продолжалъ походъ. Въ концѣ великаго поста онъ осадилъ Акку. Это былъ тогда большой, великолѣпный городъ, одинъ изъ центровъ торговли Египта и Азіи съ Европой; туда съѣзжались торговцы мусульманскихъ и христіанскихъ земель, жизнь тамъ была богатая, роскошная.—Ясно было, что мусульмане рѣшились не щадить никакихъ усилій для взятія Акки; это было видно по громадному размѣру ихъ осадныхъ работъ. Христіане оборонялись геройски. Тампліэры бились какъ паладины рыцарскихъ романовъ. Іоанниты выказывали такую же отвагу; ихъ маршалъ, Матье, графъ клермонскій, былъ примѣромъ храбрости для всѣхъ воиновъ. Сарацины вошли въ городъ по грудамъ тѣлъ; однимъ изъ убитыхъ былъ Матье Клермонскій. Погибъ и патріархъ: онъ сѣлъ въ лодку; она была переполнена людьми и утонула. — Когда мусульмане взяли замокъ тамплиэровъ, всякое сопротивленіе прекратилось. Судьба тѣхъ христіанъ, которые не успѣли уплыть, была ужасна. Султанъ обѣщалъ дать свободный пропускъ всѣмъ, которые сдадутся. Онъ отпустилъ ихъ изъ города; но мусульмане напали на нихъ, многихъ убили, остальныхъ взяли въ рабство. По окончаніи грабежа, султанъ велѣлъ разрушить городъ до основанія.

Взятіемъ Акки была рѣшена участь всѣхъ другихъ владѣній, оставшихся у христіанъ въ Сиріи. Франки сами видѣли, что не могутъ удержаться въ нихъ, и въ слѣдующіе дни уплыли изъ Тира, Сидона, Берита, Тортозы и другихъ своихъ городовъ, безъ сопротивленія покидая страну, залитую кровью милліоновъ европейцевъ, два вѣка бившихся за нее съ мусульманами. Немногіе латинскіе христіане, оставшіеся въ Палестинѣ, стали подданными египетскаго султана, съ торжествомъ возвратившагося въ Дамаскъ. Абульфеда, участвовавшій въ этомъ походѣ, называетъ Ашрафа счастливымъ, потому что судьба дала на долю ему отнять у франковъ, возвратить исламу Сирію. Западная Европа была опечалена погибелью христіанскихъ владѣній въ Азіи. Папа Николай IV убѣждалъ христіанскихъ государей отправиться на новое завоеваніе святой земли. Его призывы остались напрасны. Остались напрасны и хлопоты его преемниковъ воспламенить угасшій энтузіазмъ.

Покореніе другихъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи.

с) Вліяніе крестовыхъ походовъ на ходъ исторической жизни въ Европѣ.

Литература. Heeren, Versuch einer Entwickelung der Folgen der Kreuzzüge für Europa (Heeren's Historische Werke, 1821, томъ 2-й); Choiseul d'Aillecourt,

De l'influence des croisades sur l'état de l'Europe, Paris, 1810; Michaud, Histoire des croisades, томъ 6-й; Kampfschulte, Über Charakter und Entwickelungsgang der Kreuzzüge, Bonn, 1864; H. Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1883.

Различіе сужденій о вліяніи крестовыхъ походовъ.

Крестовые походы—одно изъ тѣхъ историческихъ явленій, которыми были вызываемы сужденія, очень неодинаковыя. Прозаичный XVIII вѣкъ безусловно осуждалъ ихъ, съ горечью говорилъ о слѣпомъ фанатизмѣ, который отнялъ столько людей благородной души у культурной жизни ихъ родины, столько сокровищъ у тогдашней небогатой Европы, и принесъ все это въ жертву фантому на далекомъ Востокѣ. Романтизмъ начала нашего вѣка видѣлъ въ крестовыхъ походахъ славное проявленіе энергической жизни, освященной религіознымъ энтузіазмомъ, тотъ періодъ исторіи человѣчества, когда стремленіе къ идеальнымъ благамъ наполняло сердца, давало людямъ силу дѣйствовать геройски, самоотверженно выносить страданія и принимать смерть въ борьбѣ за осуществленіе возвышенныхъ мыслей. При такой противоположности сужденій, историкъ не можетъ произносить приговоръ, вполнѣ совпадающій съ мнѣніемъ той или другой партіи; какъ во всѣхъ историческихъ явленіяхъ, и въ крестовыхъ походахъ были свѣтлыя и были темныя стороны. Таковъ общій законъ жизни человѣчества. Изучая крестовые походы, мы видимъ, что какова бы ни была сила идеальныхъ стремленій, участвовавшихъ въ произведеніи этихъ событій, но съ качествами и побужденіями, достойными уваженія, въ крестоносцахъ соединялись многія черты дурныхъ влеченій, что энтузіазмъ внушилъ имъ не одни только благородные подвиги самопожертвованія, но и дѣла властолюбія, алчности, свирѣпости; что, воображая себя доблестными служителями христіанской религіи, они погрязали въ грубыхъ порокахъ. Но съ другой стороны, хотя бы мы и ставили выше всего разсудительную дѣятельность для достиженія результатовъ, истинно полезныхъ обществу, мы всетаки должны признать, что крестовые походы имѣли большое вліяніе на развитіе западно-европейскихъ народовъ: они сильно возбуждали дѣятельность ума и сердца, возвысили, облагородили жизнь, придавали прозаической дѣйствительности поэтическій блескъ, помогли успѣхамъ человѣческаго развитія важными культурными пріобрѣтеніями, направили его на новые пути, могущественно оживили торговую и промышленную дѣятельность, эту великую культурную силу. Вліяніе крестовыхъ походовъ отразилось на всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни; и если должно сожалѣть о томъ, что религіозный энтузіазмъ, порождая подвиги самопожертвованія, возбуждалъ и къ преслѣдованію еретиковъ, то должно сказать, что въ эпоху крестовыхъ походовъ понятія о справедливости расширились и облагородились, грубый законъ возмездія, бывшій основаніемъ самоуправства, междоусобій, родовой мести, началъ смягчаться, развитіе торговли между разными

народами повело къ отмѣнѣ грабительскаго обычая, по которому прибрежные жители или ихъ государи овладѣвали имуществомъ людей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; это хищничество замѣнилось законами, изъ которыхъ развилось торговое право, принятое всѣми націями.

Развитіе образованности.

Для исторической оцѣнки значенія крестовыхъ походовъ важнѣе всего вопросъ о томъ, каково было ихъ вліяніе на образованность народовъ западной Европы. Экспедиціи на Востокъ и свѣдѣнія, получаемыя тамъ, очень сильно измѣнили образъ мыслей и жизнь западныхъ націй. Знакомство съ отдаленными странами и народами, съ иноземными формами быта и понятіями расширили узкій умственный горизонтъ европейцевъ; они ознакомились съ науками, искусствами, поэзіею арабовъ, народа болѣе цивилизованнаго, чѣмъ они, ознакомились съ византійцами, образованность которыхъ была гораздо выше западно-европейской.

Развитіе искусства и науки.

Разсказывая исторію нѣмецкой поэзіи въ эпоху Гоэнштауфеновъ, мы будемъ говорить о томъ, какое могущественное вліяніе на воображеніе и общественную жизнь Европы имѣли крестовые походы, давшіе широкое развитіе рыцарству съ его любовью къ странствованіямъ, отважнымъ дѣламъ, пѣснямъ, съ его служеніемъ дамамъ. Къ старымъ легендамъ прибавились новыя, преобразовавшія эпическую поэзію, обогатившія ее восточными элементами. Новые интересы возбуждали фантазію къ новой дѣятельности, развивали изобрѣтательность ея. Архитектура, пластика, живопись, музыка тоже улучшились. Наука обогатилась новыми знаніями; въ особенности много пріобрѣтеній получили географія, этнографія, естествознаніе, медицина. Формы общественной жизни тоже преобразовались. Крестовые походы облагородили рыцарство, поставили ему возвышенную цѣль; подвиги храбрости стали считаться достославными, только когда совершаются по благороднымъ мотивамъ и освящены благочестіемъ. Въ извѣстіяхъ Тацита о характерѣ германцевъ ужь замѣтны черты, изъ которыхъ развилось рыцарство; уваженіе къ женщинамъ, за которое римскій историкъ хвалитъ германцевъ, стало при развитіи образованности и аристократическихъ обычаевъ служеніемъ дамамъ; обычаи, которыхъ держались дружины германскихъ вождей, заключали въ себѣ основы, изъ которыхъ развились понятія о рыцарской чести и о вѣрности вассала ленному господину; склонность къ приключеніямъ, увлекавшая германскихъ воиновъ въ далекіе походы подъ знаменами славныхъ военачальниковъ, произвела рыцарскую любовь къ военнымъ странствованіямъ; эти старыя качества нѣмцевъ соединились во время крестовыхъ походовъ съ понятіями о подчиненіи воли храбраго воина нравственнымъ обязанностямъ, религіозному чувству, о борьбѣ во славу Божію на защиту христіанской вѣры; всѣ эти понятія слились въ идеѣ рыцарства. Правда, впрочемъ, что рыцарству трудно было удержаться на этой идеальной высотѣ, и оно

Улучшеніе характера рыцарства.

упало съ нея, когда религіозный энтузіазмъ ослабѣлъ. Крестовые походы были торжествомъ католической церкви и рыцарства; сочетаніе церковнаго и рыцарскаго элементовъ произвело рыцарскіе ордена; бывшіе выраженіемъ владычества ихъ надъ умами и общественной жизнью; но экзальтація, какую породили крестовые походы, оказалась безразсудна; результатомъ ея былъ упадокъ могущества духовенства и аристократіи. Это обратилось въ пользу горожанъ. Крестовые походы очень много содѣйствовали обогащенію городовъ и развитію ихъ свободы; нѣсколько облегчили даже и положеніе поселянъ. Такимъ образомъ, эти военныя экспедиціи въ далекую страну принесли Европѣ сѣмена хорошихъ плодовъ; но понадобилось много времени на то, чтобы выросли изъ сѣмянъ и созрѣли эти плоды.

Средневѣковыя сословія.

Мы разсказывали исторію возникновенія той своеобразной военно-аристократической организаціи, высшимъ продуктомъ которой стали рыцарскіе ордена. Когда народное ополченіе исчезло и главной силой войска стала латная конница, военное сословіе, подобно духовенству, выдѣлилось изъ массы народа; по мѣрѣ того какъ развивалась ленная система, оно становилось все болѣе и болѣе чуждымъ народу. Средневѣковое общество имѣло тенденцію дѣлиться по профессіямъ на замкнутыя корпораціи. Такимъ образомъ обособились три сословія: духовное, военное, состоящее изъ конныхъ латниковъ, и городское. Городскіе простолюдины, дворяне, получившіе право гражданства, и люди, занимавшіе административныя должности у владѣтелей городовъ, соединились въ одну корпорацію, члены которой назывались гражданами; эта общая городская корпорація подраздѣлялась на корпораціи по профессіямъ, называвшіяся цехами (Zünfte). Стремленіе нѣмецкаго общества къ распаденію на замкнутыя корпораціи, съ особыми для каждой корпораціи правами, развивалось соразмѣрно тому, какъ падала власть короля, ослабѣвала сила общихъ государственныхъ законовъ; не находя себѣ защиты въ законахъ, люди по необходимости должны были защищаться собственными силами и для этого соединялись въ группы по сословіямъ и профессіямъ. Крестовые походы очень благопріятствовали развитію такихъ корпорацій.

1. Духовенство.

Крестовые походы вначалѣ приносили большую пользу духовенству: одною изъ силъ, двигавшихъ массы людей на войну въ Сирію, было благочестіе; церковь обращала въ свою пользу это чувство. Ея могущество и богатство росли. Папы считались главнокомандующими крестоносцевъ; ихъ легаты управляли крестовыми походами. Набожные люди, отправляясь на войну съ невѣрными, дарили церкви свои имущества, или завѣщали ихъ ей, умирая въ Азіи; у нуждавшихся въ деньгахъ для похода она покупала за дешевую цѣну замки, пахотныя земли, луга, виноградники, и вообще, выбирала самыя хорошія. Цѣлыя княжества и графства перешли въ собственность епископскихъ каѳедръ и аббатствъ. О томъ, какъ ловко умѣли духовные князья расширять свои права и доходы, захватывать королевскія владѣнія, пріобрѣтать себѣ льготы, привилегіи, независимую отъ короля власть, мы много разъ говорили. Католическая церковь въ періодъ крестовыхъ походовъ чувствовала себя такой могущественной, что всякую попытку освободиться отъ ея ига преслѣдовала какъ самое тяжкое преступленіе противъ Бога.—Борьба съ исламомъ имѣла сначала цѣлью остановить его завоеванія въ западной Европѣ, изгнать его изъ Италіи, Сициліи, Пиренейскаго полуострова; потомъ западные христіане вздумали завоевать

святую землю. Черезъ нѣсколько времени крестовымъ походамъ были найдены и другія цѣли: покорить христіанству и папѣ язычниковъ, жившихъ по Вислѣ и по южному берегу Балтійскаго моря, истребить внутреннихъ враговъ церкви, противниковъ папы или другихъ іерарховъ. Но энтузіазмъ, породившій крестовые походы, угасъ, и западные народы остались бездѣйственны при извѣстіяхъ о завоеваніи Іерусалима; пораженія христіанъ на Востокѣ отняли блекъ у папской власти. Западно-европейскіе христіане какъ будто очнулись отъ двухсотлѣтняго бреда. Но умственному пробужденію ихъ много содѣйствовали сами крестовые походы.

2. Рыцарство.

Исторія рыцарства, второго элемента средневѣковой общественной жизни, представляетъ сходство съ исторіей католической іерархіи. Подобно ей, оно ослабѣло отъ несоотвѣтственности своей фактической дѣятельности съ идеей, представителемъ которой хотѣло считаться. Ученіе католической церкви далеко уклонилось отъ Евангелія; алчность, роскошь, властолюбіе духовенства были несообразны съ простотой и смиреніемъ апостольскаго вѣка; такъ и рыцарство въ своемъ дѣйствительномъ видѣ не походило на то рыцарство крестовыхъ походовъ, которое прославляла поэзія. Формы его, требуемыя обычаемъ, были, правда, строго соблюдаемы: пажъ, сынъ благороднаго семейства, сдѣлавшись юношей, былъ торжественно возводимъ въ санъ рыцаря: императоръ, король или князь давалъ ему рыцарскій ударъ мечомъ, (символически означавшій, что онъ выдерживаетъ испытаніе битвы); этотъ обрядъ обыкновенно совершался въ дни большихъ праздниковъ или по окончаніи побѣдоноснаго сраженія; семейство посвящаемаго праздновало полученіе чести имъ, онъ самъ считалъ его великимъ событіемъ. Этотъ обрядъ въ рыцарскомъ сословіи соотвѣтствовалъ рукоположенію въ духовномъ сословіи. Онъ дѣлалъ всѣхъ благородныхъ людей, отъ короля до бѣднѣйшаго рыцаря, служащаго вельможѣ, членами одной корпораціи, военнаго дворянства. Санъ рыцаря возлагалъ на него обязанность защищать мечомъ вѣру, церковь, честь своего леннаго господина, женщинъ. Рыцарскій духъ поддерживали турниры: побѣдители на нихъ получали награду изъ рукъ благородныхъ дамъ. Чтобы люди неблагородные не могли являться на турниры подъ забраломъ, скрывающимъ лицо, были выданы гербы, показывавшіе символическими изображеніями фамиліи рыцарей. Во времена крестовыхъ походовъ поэты, принадлежавшіе большею частію къ рыцарскому сословію, превознесли его похвалами, выставили въ идеальномъ видѣ,мало соотвѣтствовавшемъ его дѣятельности. Рыцарское служеніе Богу, которое воспѣвали они тономъ любовныхъ пѣсенъ, состояло не въ подвигахъ христіанской любви къ ближнему, а въ безжалостномъ истребленіи противниковъ католической церкви; служеніе дамѣ состояло обыкновенно въ волокитствѣ; нравы рыцарей и ихъ благородныхъ дамъ были очень легкомысленны; ихъ любовь обыкновенно была только сладострастіемъ; рыцарская вѣрность ленному господину была очень шаткая, измѣны ему происходили очень часто; превозносимыя поэтами христіанскія доблести рыцарей ни мало не мѣшали этимъ благороднымъ воинамъ грабить слабыхъ; примѣромъ тому служитъ исторія междуцарствія въ Германіи: рыцари подвизались тогда такъ, что эти годы были временемъ свирѣпаго беззаконія. Формы сословныхъ обычаевъ рыцарства были цивилизованныя, но рыцари были порочными варварами.

Горожане и поселяне.

Для католической церкви крестовые походы были въ началѣ очень выгодны; но результаты ихъ подорвали ея могущество; рыцарство, продуктъ экзальтаціи, пріобрѣло въ крестовыхъ походахъ очень большое развитіе; но они оказались вредны благородному военному сословію: оно утратило много владѣній, истощило свои силы, стало разлагаться; горожанамъ и

поселянамъ крестовые походы принесли пользу. Многіе вельможи и рыцари, отправляясь воевать съ невѣрными, или умирая въ походѣ, давали свободу или хотя нѣкоторыя льготы своимъ подданнымъ. Господинъ не могъ запрещать своимъ подданнымъ идти въ крестовый походъ; каждый, принявшій крестъ, становился свободнымъ человѣкомъ и, если возвращался изъ похода, оставался ужъ неподвластенъ господину. Многіе вельможи, собираясь въ крестовый походъ, продавали свои владѣнія по надобности въ деньгахъ, или отдавали свои владѣльческія права въ залогъ заимодавцамъ; въ случаѣ неуплаты ссуды, залогъ переходилъ въ собственность заимодавца, а это бывало очень часто. Покупщиками или заимодавцами не рѣдко бывали сами подданные; такимъ образомъ, многіе изъ нихъ освобождались. А если покупщикомъ или заимодавцемъ былъ церковный сановникъ, переходъ въ подданство церкви изъ подвластности свѣтскому владѣльцу составлялъ всетаки важное облегченіе: подданные церкви могли безъ большихъ затрудненій поселяться въ городахъ; тамъ они были сначала только посторонними людьми, не имѣющими правъ гражданства, но жили свободно, пользовались покровительствомъ гражданъ, благодаря тому пріобрѣтали благосостояніе, а съ нимъ и гражданскую полноправность. Крестовые походы доставили очень много пользы сословію горожанъ. Въ приморскихъ городахъ Италіи и юговосточной Франціи толпились крестоносцы, нанимали корабли у горожанъ; венеціанцы, генуэзцы, пизанцы, марсельцы обогащались платою за перевозку крестоносцевъ, доставленіемъ провіанта для нихъ, торговлею въ пристаняхъ Палестины и Сиріи; эти гавани стали рынками восточныхъ товаровъ, шелковыхъ одеждъ съ золотымъ тканьемъ, великолѣпнаго оружія, золотыхъ и серебряныхъ вещей, дорогихъ мѣховъ, ароматовъ. Оживленіе торговли пріобрѣтеніемъ гаваней на сирійскомъ берегу распространялось изъ итальянскихъ портовыхъ городовъ въ дунайскіе, рейнскіе, фландрскіе, брабантскіе города. Съ развитіемъ торговли и промышленности, возростала сила городовъ, увеличивались ихъ политическія права. Въ большихъ торговыхъ городахъ развелись свободныя учрежденія; примѣръ ихъ возбуждалъ и въ другихъ городахъ стремленіе къ свободѣ. Рейнскіе и сѣверно-нѣмецкіе города основали факторіи по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и даже у славянъ на юговостокѣ отъ Балтійскаго приморья, отъ Лондона до Висби и Новгорода, отъ Кельна до Бергена; итальянскіе, французскіе, каталонскіе купцы основали факторіи на островахъ восточной части Средиземнаго моря, въ Греціи, въ Сиріи, на сѣверномъ берегу Африки; эти факторіи пользовались самоуправленіемъ. Вельможи и рыцари въ своихъ далекихъ странствованіяхъ часто принуждены бывали просить денегъ и покровительства у торговцевъ, которыхъ презирали на родинѣ. Издержки на крестовые походы поглощали богатства вельможъ; купцы обогащались торговлею. Старыя понятія не могли выдержать этой перемѣны имущественныхъ отношеній между сословіями; цѣпи феодализма ослабѣли, горожане пріобрѣли политическія права; обогащаясь, города получали все больше и больше вліянія на государственную жизнь; поселяне переходили жить въ города; переселялись въ города и вельможи, рыцари, находили выгоднымъ для себя записываться въ число гражданъ, чтобы пользоваться ихъ правами. Такимъ образомъ крестовые походы, будучи періодомъ полнѣйшаго развитія рыцарства, были съ тѣмъ вмѣстѣ и эпохой, съ которой стало быстро возростать могущество городского сословія. Экзальтація изнурила рыцарство; несоотвѣтствіе дѣйствительныхъ правовъ рыцарей съ притязаніями на идеальныя доблести погубило ихъ; а развитіе городовъ имѣло прочную основу, и они сдѣлались центрами патріотизма, образованности, гуманности,

любви къ свободѣ, искусства. Величественныя ратуши, готическіе храмы, великолѣпные дома купцовъ, построенные въ послѣднія времена крестовыхъ походовъ и въ слѣдующемъ столѣтіи, остаются памятниками энергіи, образованности, благосостоянія, начавшихъ развиваться въ городахъ всѣхъ народовъ западной Европы съ эпохи крестовыхъ походовъ.

F. КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ XIII ВѢКѢ.

Литература. Въ послѣднія десятилѣтія исторія культуры среднихъ вѣковъ стала предметомъ очень усердной разработки. — Изъ трактатовъ, излагающихъ всеобщую исторію цивилизаціи или общую исторію литературы и искусства среднихъ вѣковъ, назовемъ: Wachsmuth, Allgemeine Kulturgeschichte (исторія культуры XIII вѣка излагается во 2-мъ томѣ, Leipzig, 1851); Eichhorn, Geschichte der Literatur (къ среднимъ вѣкамъ относится также 2-й томъ, Göttingen, 1805); Grässe, Lehrbuch einer Literaturgeschichte der berühmtesten Völker des Mittelalters (къ исторіи XIII вѣка относятся 2-й и 3-й отдѣлы II-го тома, Dresden und Leipzig, 1842); Kugler, Kunstgeschichte; — Schnaase, Geschichte der bildenden Künste Mittelalter, томы III и IV, 2 изданіе, Dusseldorf, 1869; Lübke, Geschichte der Plastik, 3 изданіе, 2 тома, Leipzig, 1880; его же Geschichte der italienischen Malerei, 2 тома, Stuttgart, 1879; Woltmann, Geschichte der Malerei, Leipzig, 1879; Bruno Bucher, Geschichte der technischen Künste, томъ I-й, Stuttgart, 1875. — По исторіи французской литературы пособіями автору служили: Villemain, Cours de littérature française, томъ I-й, Paris, 1830; Rosenkranz, Handbuch einer allgemeinen Geschichte der Poesie, 3 части, Halle, 1832; Ideler, Geschichte der altfranzösischen Nationalliteratur, Berlin, 1842; Keller, Altfranzösische Sagen, Tübingen, 1839, 1840; Dunlop, History ot fiction, 2 изд., 3 тома, Edinburg, 1816; Léon Gautier, Les épopées françaises, 2 изд., 4 тома, Paris, 1878—1881; его же, La Chanson de Roland, 2 тома, Tours, 1871; Reynouard, Choix des poésies originales des Troubadours, 6 томовъ, Paris, 1816—1821; Fauriel, Histoire de la poésie provençale, 3 тома, Paris, 1846; Diez, Die Poesie der Troubadoure, 2 изд., 1878; Roquefort—Flaméricourt, De l'état de la poésie française dans les 12-me et 13-me siècles, Paris, 1815. — Изъ многочисленныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкой поэзіи назовемъ, во-первыхъ, классическое произведеніе Гервинуса: Geschichte der deutschen Dichtung, 5 изданіе, Leipzig, 1870; кромѣ того, авторъ пользовался трактатами объ исторіи нѣмецкой литературы Вакернагеля, Коберштейна, Гёдеке, Фильмара, Шерера. — О «Нибелунгахъ», Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде и другихъ миннезенгерахъ авторъ нашелъ много полезнаго для себя въ предисловіяхъ къ изданіямъ Пфейфера, Барча, Санъ-Марте и Курца: Pfeiffer, Deutsche Klassiker des Mittelalters, Leipzig, 1866; Bartsch, Deutsche Liederdichter des zwölften bis vierzehnten Jahrhunderts, Leipzig, 1864; San Marte, Wolfram Von Eschenbachs Sihiften, Magdeburg, 1836—1841; Kurtz, Tristan und Isolde, Stuttgart, 1847. — Изъ многочисленныхъ сборниковъ произведеній нѣмецкой средневѣковой литературы авторъ пользовался въ особенности слѣдующими: Pischon, Denkmäler der deutschen Sprache, Berlin, 1838 и слѣдд.; Wackernagel, Altdeutsches Lesebuch, Basel, 1835; Gödeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter, Hannover, 1854; Scholl, Geschichte der altdeutschen Literatur, Stuttgart, 1855; Kurtz, Geschichte der deutschen Literatur mit ausgewählten Stücken, 3 изд., Leipzig, 1861. — Отдѣлъ объ исторіи музыки написанъ г. Кризандеромъ.

1. Общій ходъ развитія искусства.

а) Поэзія.

Ходъ развитія поэзіи.

Въ заключеніе нашего разсказа о романтическомъ періодѣ крестовыхъ походовъ, сдѣлаемъ обзоръ тѣхъ областей умственной дѣятельности, которыя находились внѣ церковной сферы, хотя и были проникнуты религіознымъ направленіемъ этой эпохи.—Въ XIII вѣкѣ могущество католической церкви поднялось до такой высоты, на которой не могло удержаться, потому что внутреннее достоинство ея не соотвѣтствовало ея внѣшнему величію; феодальная система также утратила тогда свои нравственныя основы, потому должна была упасть, и ослабленіемъ ея подготовлялось развитіе новой государственной жизни на основѣ сословной организаціи; поэтическая дѣятельность также вступила тогда въ такой фазисъ, что дальнѣйшее развитіе ея въ прежнемъ направленіи стало невозможнымъ, и потому она должна была впасть въ застой и послѣ того вступить на новый путь, проникнуться стремленіемъ къ новымъ интересамъ, получить новыя формы и новое содержаніе. На слѣдующихъ страницахъ мы сдѣлаемъ очеркъ умственнаго творчества эпохи крестовыхъ походовъ, и пониманіе произведеній его облегчится напоминаніемъ объ аналогическихъ фактахъ, уже встрѣчавшихся намъ. Іерархическія учрежденія католической церкви, феодальная система, рыцарство, имѣли главными своими представителями людей французско-норманскаго племени; оно первое увлеклось и мыслью о крестовыхъ походахъ. Романтическая поэзія, развившаяся подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, тоже имѣла своей родиной провансальскій югъ и французско-норманско-бретанскій сѣверъ. Она вытѣснила религіозную поэзію, господствовавшую во Франціи и въ Германіи при началѣ крестовыхъ походовъ; прежде поэтами были почти исключительно люди духовнаго званія, теперь ихъ замѣнили рыцари. Настроеніе умовъ было таково, что поэты должны были брать содержаніемъ своихъ пѣсень современные интересы или передѣлывать старыя легенды сообразно современнымъ идеямъ. Такъ были переработаны хранившіяся въ народномъ преданіи легенды о Карлѣ Великомъ: поэты воспѣвали войны Карла и его паладиновъ съ мятежными вассалами и походы его на враговъ христіанства, саксонцевъ и сарацинovъ. Потомъ, когда въ знатномъ кругу стали владычествовать облагороженныя понятія о рыцарской чести и о служеніи дамамъ, грубые герои этого цикла легендъ утратили интересъ; рыцари и дамы хотѣли разсказовъ, болѣе соотвѣтствующихъ нравамъ ихъ, требовали такой поэзіи, въ которой отражались бы ихъ понятія, ихъ изящные придворные обычаи. Поэзія нашла удовлетворявшій этому требованію матеріалъ въ

Легенды о Карлѣ Великомъ.

Бретанско-франкскіе циклы легендъ.

фантастическихъ сказаніяхъ племени, оттѣсненнаго въ западныя глухія окраины Англіи и сѣверной Франціи, переставшаго участвовать въ важныхъ историческихъ событіяхъ. Это были легенды о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, хранившіяся въ изустномъ преданіи у остатковъ кельтскаго народа въ Уэльсѣ, Корнуэлѣ и Бретани. Старое британское племя, часть котораго переселилась изъ Англіи въ Бретань, долго оставалось забытымъ. Оно обратило на себя вниманіе другихъ націй при завоеваніи Англіи Вильгельмомъ: въ его экспедиціи участвовало много бретонскихъ рыцарей. Фантастическіе народные разсказы о битвахъ и другихъ приключеніяхъ Артура и его рыцарей, безсвязные и оторванные отъ исторической почвы, были привлекательны для поэтовъ самой своей сбивчивостью, дозволявшей передѣлывать ихъ по произволу; фигуры героевъ ихъ были однообразны, не имѣли индивидуальныхъ характеристикъ; это возбуждало поэтовъ вырабатывать характеръ для нихъ. Такимъ образомъ, храбрые воины народныхъ бретонскихъ преданій, неуклюжіе, неопредѣленные, съ именами, заманчивыми своей странностью для слуха, стали героями эпопей и романовъ французскихъ поэтовъ, олицетвореніями современныхъ идей, идеальными воплощеніями рыцарскихъ доблестей. Къ этимъ старымъ матеріаламъ присоединенъ былъ, какъ мотивъ дѣйствія, новый элементъ, служеніе дамамъ; религіозное чувство прежней поэзіи было замѣнено любовью: герои, воспитаніе которыхъ разсказывается съ подробностями, обрисовывающими ихъ индивидуальные характеры, влюбляются, и служатъ дамамъ своего сердца. Разработка разсказовъ о Ланселотѣ и Тристанѣ остановилась на этомъ: для нихъ высшая цѣль—придворная жизнь, полная наслажденій, слава и любовь, служащая наградой за подвиги. Искусство, съ какимъ французскіе и нѣмецкіе поэты, разработывавшіе легенды объ этихъ герояхъ, описываютъ веселости придворной жизни, страданія и наслажденія любви, сдѣлали Тристана и Ланселота любимцами средневѣковой публики. Писатели духовнаго званія, связанные обѣтомъ безбрачія, не могли слѣдовать за свѣтскими людьми въ эту область, и поэтическая дѣятельность стала занятіемъ только свѣтскихъ людей. Лирика до той поры оставалась въ пренебреженіи, ограничивалась народными пѣснями; когда поэтами стали рыцари и вельможи, эти трубадуры и миннезингеры начали воспѣвать любовь и женщинъ; пѣсни сдѣлались однимъ изъ придворныхъ развлеченій; поэтъ слагалъ пѣсни въ честь дамы или дѣвушки, любви которой искалъ. Эпической поэзіей стали заниматься только люди свѣтскаго сословія. Общество очень полюбило ее, число рыцарскихъ поэмъ росло, и объемъ ихъ увеличился; любовь къ подробнымъ разсказамъ о рыцарскихъ приключеніяхъ дошла до того, что стало тяжело давать имъ стихотворную форму; ихъ начали писать прозой (впослѣдствіи, были для народа сдѣланы извлеченія изъ длинныхъ рыцарскихъ романовъ, и въ этомъ сокращенномъ

видѣ они стали любимымъ его чтеніемъ, такъ что у нѣмцевъ получили названіе «народныхъ книгъ», Volksbücher). Нѣкоторые нѣмецкіе поэты сохранили любовь къ національнымъ преданіямъ; благодаря тому получили художественную обработку легенды о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ; но большинство общества и поэтовъ въ Германіи предпочитали роднымъ легендамъ иноземныя. Рыцарская эпическая поэзія не остановилась на прославленіи любви, пріобрѣла религіозное содержаніе. Матеріалъ для поэмъ такого направленія дали тоже бретонскіе народные разсказы объ Артурѣ и его рыцаряхъ; изъ этихъ легендъ были въ южной Франціи и въ Испаніи сложены мистическія поэмы о Санъ-Гралѣ (Санъ-Граалѣ, Санъ-Греалѣ, «Святомъ Блюдѣ»). Прежнія духовныя поэмы о жизни Спасителя, Богоматери, святыхъ перестали интересовать публику; она хотѣла, чтобъ и въ поэзіи, какъ въ крестовыхъ походахъ, благочестіе соединялось съ рыцарскими подвигами. Этому желанію удовлетворяло сказаніе о стражахъ Святаго Блюда; его хранила въ Санъ-Граальскомъ замкѣ на горѣ Сальважѣ династія святыхъ королей, при содѣйствіи своихъ рыцарей, бывшихъ идеалами благочестія и храбрости и составлявшихъ орденъ, подобно тампліэрамъ. Самую высокую разработку эта легенда получила въ поэмахъ о Персевалѣ или, какъ передѣлали его имя нѣмцы, о Парцивалѣ, (Парзивалѣ, Parzival) или Персдурѣ, какъ называется онъ въ первоначальныхъ, уэльзскихъ, разсказахъ о немъ.

Легенды о Санъ-Гралѣ.

Внесеніе легенды о Санъ-Граалѣ въ поэмы объ Артурѣ и его рыцаряхъ придало имъ религіозный характеръ, который однако же не нравился нѣкоторымъ поэтамъ. Такъ напримѣръ, Готфридъ Страсбургскій чуждался его и порицалъ поэтовъ, «разсказывающихъ выдумки» о Санъ-Граалѣ. Знаменитѣйшимъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ, разработывавшихъ легенду о Санъ-Граалѣ, былъ Вольфрамъ, авторъ поэмы «Парцивалъ» («Парзивалъ»). Въ этомъ фазисѣ развитія рыцарскія поэмы сблизились съ прежними духовными, получили характеръ назидательныхъ аллегорій, и лица духовнаго званія приняли участіе въ эпической поэзіи. Но духъ творчества въ рыцарской поэзіи въ это время истощился. Поэты рыцарскаго сословія продолжали воспѣвать любовь и геройскіе подвиги во вкусѣ своихъ предшественниковъ, и оказывались ужь только подражателями ихъ, или, по примѣру прежнихъ духовныхъ поэтовъ, слагали поэмы о троянской войнѣ, объ Александрѣ, о святыхъ, писали сухіе дидактическіе трактаты въ стихахъ, риѳмованныя хроники, въ которыхъ къ фактамъ примѣшивались вымыслы. Поэтическая дѣятельность вельможъ и рыцарей ослабѣвала; горожане, пріобрѣтая благосостояніе и политическія права, становились образованными людьми, и у нихъ возникала своя поэзія. Къ концу XIII вѣка блестящія времена католической іерархіи и рыцарства ужь миновали; формы общественной и умственной жизни, выработанныя этими сословіями, еще держались, но ужь утратили

внутреннюю силу; политическое значеніе горожанъ росло, они искали себѣ умственной пищи, которая удовлетворяла бы потребностямъ ихъ души, пробудившемуся въ нихъ религіозному чувству и окрѣпнувшему ихъ уму.

b) Музыка *).

Параллельно съ поэзіей развивалась музыка. Оба эти искусства находились прежде въ полной зависимости отъ церкви, надобностямъ которой служили, мало по малу пріобрѣли владычество надъ жизнью высшихъ сословій, отбросили церковный характеръ, приняли свѣтскій. Мы сдѣлаемъ очеркъ исторіи музыки въ періодъ крестовыхъ походовъ, потому что ею разъясняется ходъ развитія поэзіи въ эту эпоху.

Римское грегоріанское пѣніе, основывавшееся на древней музыкѣ, имѣло такой характеръ, что давало возможность дальнѣйшаго развитія искусства, и дѣйствительно повсюду, куда проникало оно, имъ подготовлялось новое, оригинальное развитіе музыки. Оно обладало тѣми качествами, какія необходимы для прочнаго историческаго значенія: могло принимать въ себя національныя мелодіи, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣло силу владычествовать надъ ними; такимъ образомъ, оно обогащалось всѣми народными напѣвами, и подчиняло всѣ ихъ себѣ. Страны, рано принявшія его—Италія, имперія Карла великаго и Англія—стали и до сихъ поръ остаются странами наиболѣе высокаго развитія музыки. Обмѣниваясь улучшеніями, какія дѣлали въ ней, онѣ создавали новые идеалы музыкальнаго искусства.

Съ IX до XII вѣка музыкальныя формы оставались тѣ же, какія были въ древности, подобно тому, какъ сохранялись прежнія формы и въ пластическахъ искусствахъ; но онѣ все болѣе и болѣе проникались національными мелодіями. Великое движеніе крестовыхъ походовъ сообщило новое развитіе и музыкѣ, какъ другимъ искусствамъ; энтузіазмъ, овладѣвшій людьми, проявился и въ ихъ напѣвахъ; мелодіи получили соотвѣтствовавшія ему формы. Религіозные идеалы осуществились, и пѣніе пріобрѣло характеръ, соотвѣтствующій восторженному настроенію чувства западныхъ народовъ. Вліяніе крестовыхъ походъ отразилось на всѣхъ искусствахъ очень опредѣленными историческими чертами. Въ музыкѣ оно менѣе замѣтно поверхностному наблюденію, чѣмъ въ поэзіи; но именно музыка была тѣмъ искусствомъ, которое быстрѣе и полнѣе всѣхъ другихъ измѣнилось отъ соприкосновенія съ Востокомъ, отъ дѣйствія арабской культуры. Западные народы увидѣли, что имѣютъ болѣе общаго съ арабами, чѣмъ предполагали; общность между ними состояла въ томъ, что

*) Этотъ отдѣлъ написанъ г. Кризандеромъ.

основа ихъ культуры была одна и та же—греческая цивилизація. Музыка образовала одинъ изъ очень важныхъ элементовъ сближенія между ними. Рыцарскія понятія о храбрости, чести, вѣрности господину и рыцарское служеніе дамамъ достигли полнаго своего развитія подъ вліяніемъ знакомства съ невѣрными. Развилась подъ вліяніемъ этого знакомства и музыка. Первымъ результатомъ столкновеній съ мусульманами было преобразованіе военной музыки: военный оркестръ, состоявшій изъ барабановъ, литавръ, трубъ, гобоевъ и другихъ инструментовъ сильнаго, рѣзкаго звука придавалъ экзальтированную силу атакамъ мусульманъ; онъ былъ неизвѣстенъ крестоносцамъ (Себастіанъ Фирдунгъ въ 1511 году еще называетъ барабанъ изобрѣтеніемъ діавола; быть можетъ, по смутному воспоминанію о его мусульманскомъ происхожденіи). У крестоносцевъ были только военные рога, звуки которыхъ, пригодные лишь для одиночнаго боя, оказались очень слабы сравнительно съ мусульманскимъ оркестромъ; онъ заглушалъ даже боевые крики и пѣсни христіанъ. Такимъ образомъ, сарацинская боевая музыка гораздо лучше христіанской соотвѣтствовала назначенію управлять движеніями большихъ массъ; выгоды, ею доставляемыя, были такъ велики, что христіане ввели у себя такой же оркестръ, и скоро крестоносцы стали ходить на невѣрныхъ подъ звуки инструментовъ, сдѣланныхъ въ подражаніе мусульманскимъ; эта музыка была перенесена въ Европу и улучшилась тамъ. Жизнь сарацинскихъ женщинъ въ таинственной тиши гаремовъ интересовала крестоносцевъ своей загадочностью; они уносили на родину воспоминанія объ ароматахъ и музыкальныхъ звукахъ, какіе доносились до нихъ черезъ стѣны; восточныя красавицы занимали ихъ воображеніе тѣмъ сильнѣе, что оставались невидимы, и они въ своей фантазіи украшали гаремныхъ затворницъ всѣми прелестями поэзіи. Лютни и гитары, звуки которыхъ слышались крестоносцамъ изъ гаремовъ, вошли въ моду придворныхъ европейскихъ государей и вельможъ, какъ литавры и трубы введены были въ европейскихъ войскахъ. Музыка была первымъ искусствомъ, которое преобразовалось въ Европѣ подъ мусульманскимъ вліяніемъ. Таково было значеніе крестовыхъ походовъ въ исторіи европейской музыки.

Подъ вліяніемъ впечатлѣній, приносимыхъ съ Востока возвращавшимися въ Европу крестоносцами, нѣмецкіе миннезингеры, французскіе трубадуры, англійскіе минстрели дали новую разработку прежнимъ мелодіямъ; эти видоизмѣненія, многія изъ которыхъ имѣли высокое художественное достоинство, послужили началомъ развитія, полученнаго музыкою въ слѣдующія столѣтія.

Происхожденіе гармоніи, или полифонической (контрапунктной) музыки. Гвидо д'Ареццо (V, 399) проложилъ своей дѣятельностью путь къ широкому развитію той формы музыки, въ которой

голоса хора или инструменты оркестра сочетаются въ разнообразные аккорды; слагалъ ли самъ онъ такія пьесы, мы не знаемъ. Эта форма, гармонія, существовала и въ греческой музыкѣ; но теперь она получила новый видъ. Греки употребляли гармонію въ инструментальномъ аккопаньементѣ пѣнія, а въ хорѣ всѣ голоса пѣли въ унисонъ или въ постоянномъ интервалѣ октавы,—верхніе голоса хора октавой выше нижнихъ; другихъ интерваловъ между партіями разныхъ голосовъ не было. Гармонія у грековъ была только продуктомъ природы, дающей не одинаковую высоту голосамъ, или дѣломъ случайности, а не результатомъ твердой, выработанной теоріи сочетанія разныхъ тоновъ въ разнообразные аккорды; это не было то, что называется полифоническимъ пѣніемъ. Въ средніе вѣка музыка получила иной характеръ. Хоръ сталъ пѣть такъ, что голоса сочетались въ разнообразные аккорды. Пути развитія гармоніи были въ средніе вѣка не одинаковы, по неодинаковости основъ, отъ которыхъ шло развитіе. Когда развитіе формы пѣнія имѣло своей основой простонародныя пѣсни съ поочереднымъ повтореніемъ мелодіи разными голосами, гармонія произошла прямо изъ пѣнія соло: одинъ голосъ начиналъ, черезъ нѣсколько времени къ нему присоединялся другой, поющій ту же мелодію съ самаго начала ея, потомъ третій; задачею композитора было только распредѣлять порядокъ присоединенія второго и третьяго голосовъ такъ, чтобы сочетаніе разныхъ отдѣловъ мелодіи въ одновременное пѣніе производило благозвучные аккорды. Эта форма гармоніи называется каноном. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи гармоніи было то, что второй голосъ пѣлъ мелодію, переложенную изъ основного тона въ другой, родственный съ основнымъ, то есть, на пять тоновъ (на квинту) или на четыре тона (на кварту) выше или ниже основного; напримѣръ, основной голосъ пѣлъ въ тонѣ C--dur, второй голосъ ту же мелодію пѣлъ въ тонѣ G—dur или F—dur. Эта форма гармоніи давала широкій просторъ разнообразію; она открывала возможность разработки всяческихъ формъ такъ называемой фуги. Къ церковному пѣнію форма канона не подходила; въ немъ и въ другихъ видахъ пѣнія, не допускавшихъ ея, полифоническое пѣніе было введено другимъ, болѣе прямымъ способомъ: второй голосъ начиналъ пѣть вмѣстѣ съ основнымъ, и пѣлъ то же самое, что основной, но нѣсколькими тонами выше или ниже его; потомъ композиторы прибавили третій и четвертый голосъ. Мелодія, которую пѣлъ основной голосъ, называлась cantus; партія второго голоса сначала называлась descantus. Потомъ голосъ, который пѣлъ основную мелодію, стали называть теноромъ, („держателемъ"), потому что его мелодія держала на себѣ партіи добавочныхъ голосовъ; второй голосъ стали называть контратеноромъ („соотвѣтствователемъ тенора"), третій triplum („утроеніемъ"). По высотѣ тона, теноръ занималъ средину, контратеноръ обыкновенно пѣлъ въ тонѣ болѣе низкомъ, триплъ въ тонѣ болѣе высокомъ. Такимъ образомъ контратеноръ до нѣкоторой степени занималъ мѣсто нынѣшняго баса, теноръ—то, которое принадлежитъ тенору въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а триплъ былъ верхній голосъ, партія котораго исполнялась мальчиками (мальчики, поющіе альтомъ или сопрано въ англійскихъ церковныхъ хорахъ, называются по-англійски и теперь treble boys, „треблисты", то есть, триплисты). Таковы были первоначальныя названія голосовъ полифоническаго пѣнія. Тогда еще не было дѣленія партій пьесы на басъ, берущій только основные тоны мелодіи, и верхній голосъ, исполняющій самую мелодію; основные тоны мелодіи не отдѣлялись отъ мелодіи въ особую партію, сливались съ нею въ одной партіи, называвшейся теноромъ, и это была, по степени высоты тоновъ, не нижняя, а средняя партія. Такъ было у грековъ; такъ, за немногими исключеніями, оставалось до конца XVI вѣка. Этимъ су-

щественно отличалось средневѣковое полифоническое пѣніе отъ нынѣшняго; но въ немъ ужь употреблялись оба вида гармоніи, которые и теперь остаются единственными: контрапунктная гармонія, въ которой сочетаніе голосовъ имѣетъ форму фуги, и простая гармонія, въ которой каждый голосъ получаетъ свою долю въ аккордахъ, составляемыхъ одинъ за другимъ. Первыя пьесы, записанныя знаками полифоническаго пѣнія, принадлежатъ XI вѣку; нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ написаны для двухъ голосовъ, другія для трехъ; вскорѣ послѣ того являются и пьесы, написанныя для четырехъ голосовъ. Имена композиторовъ, слагавшихъ эти пьесы, неизвѣстны намъ. Правила гармоніи передавались изустно. Знаки, которыми записывались партитуры, были очень недостаточны, такъ что смыслъ ихъ былъ понятенъ только пѣвцамъ, получившимъ изустное объясненіе правилъ, по которымъ написаны онѣ. Музыкѣ учились тогда, какъ и архитектурѣ, лишь по изустному сообщенію правилъ искусства. При недостаточности знаковъ, которыми записывались партитуры, разумѣется, невозможно было создавать большія пьесы съ многотонной гармоніей: композиторъ изнемогалъ въ тяжелыхъ усиліяхъ пріискивать средства для записыванія аккордовъ.

Развитіе контрапунктной музыки.

Композиторы тѣхъ временъ имѣли два пріема для разработки полифонической музыки. Они знали гаммы разныхъ тоновъ; знали тотъ рядъ четырехъ тоновъ, который греки называли тетрахордомъ и который служилъ основаніемъ всей греческой музыки. Но имъ былъ нуженъ болѣе длинный основной рядъ тоновъ. Они замѣтили, что связный рядъ тоновъ идетъ дальше четырехъ степеней, которыми ограничивался греческій тетрахордъ, что онъ имѣетъ шесть степеней—тѣ, которыя теперь обозначаются названіями степеней, c, d, e, f, g, a, что только седьмой тонъ, h, перерываетъ этотъ рядъ, образуетъ переходъ къ другому такому же ряду. Это замѣчаніе удивительно вѣрно; но оно относится только къ звукамъ человѣческаго голоса, а не къ инструментальной музыкѣ; изъ этого ясно, что въ тѣ времена было изучаемо собственно лишь пѣніе. Рядъ шести тоновъ былъ названъ гексахордомъ; Гвидо д'Ареццо далъ этимъ тонамъ новыя названія; онъ сдѣлалъ ихъ именами первые слоги стиховъ церковнаго гимна: Ut queant laxis; названія получились такія:

Ut queant laxis
Resonare fibris и т. д.,—

ut, re, mi, fa, sol, la. Но это были названія ряда звуковъ, составляющаго гексахордъ, діатоническую гамму, состоящую изъ шести тоновъ; съ какого бы тона ни начиналась она, онъ назывался ut, слѣдующій за нимъ тонъ назывался re и т. д. Такимъ образомъ, ut означало только „первый тонъ“, re—„второй тонъ“ и т. д. Если гексахордъ начинался тономъ, который теперь называется c, звукъ ut былъ наше c, если гексахордъ состоялъ изъ ряда звуковъ g, a, h, c, d, e, то ut означалъ наше g; если гексахордъ былъ f, g, a, h, d, c, то ut означалъ наше f; въ первомъ случаѣ re соотвѣтствовало нашему d, во второмъ нашему a, въ третьемъ нашему g и т. д. Такимъ образомъ, для всѣхъ гексахордовъ мажорныхъ тоновъ былъ одинъ и тотъ же порядокъ названій тоновъ. Этотъ способъ обозначать тоны гексахорда назывался сольмизаціей (или сольфеджированіемъ). Онъ удовлетворялъ надобностямъ искусства, только что начинавшаго развиваться. Сольмизація стала нормой композиціи. Мелодію, написанную этимъ способомъ, можно было пѣть въ каждомъ изъ мажорныхъ тоновъ; пѣніе мелодіи одного мажорнаго тона въ другомъ мажорномъ тонѣ по тѣмъ знакамъ называлось дескантированіемъ. Этотъ способъ сочетанія двухъ голосовъ и былъ первоначально обыкновеннымъ. Такимъ образомъ,

сольмизація могла удобно вести къ фугѣ; въ этомъ состоитъ важность ея для развитія музыки.

Сильно помогъ развитію музыки и другой пріемъ нотнаго письма, вошедшій тогда въ употребленіе. Знаніе о тонкомъ чувствѣ ритма, существовавшемъ у грековъ, исчезло, потому что утонченность обозначенія ритма была доведена греками до излишней крайности. Греческіе знаки ритма были непонятны новымъ народамъ, и средневѣковые композиторы не знали ихъ. Надобно было изобрѣсти новую систему знаковъ для опредѣленія разныхъ степеней длинноты или краткости тоновъ. Это была задача очень трудная, какъ видимъ изъ того, что работа для разрѣшенія ея длилась нѣсколько столѣтій. Въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ пьесъ полифоническаго пѣнія длиннота тоновъ опредѣляется очень недостаточнымъ образомъ; точное опредѣленіе сообщалось изустно; изъ этого происходили большія ошибки въ пѣніи. Парижскіе композиторы того времени, Перотенъ, магистръ (учитель) Петръ (Метръ Пьеръ) и другіе, стали употреблять знаки, болѣе опредѣлительные и отчасти по этому они пріобрѣли очень сильное вліяніе въ музыкальномъ мірѣ. Заслуга ихъ можетъ казаться относящейся только къ формѣ музыкальнаго письма; но она имѣла значеніе, несравненно болѣе важное: само искусство улучшилось, благодаря улучшенію знаковъ его. Трудность, какую представляла задача пріискать хорошіе знаки для опредѣленія длинноты звуковъ, показываетъ, что искусство находилось тогда еще въ младенчествѣ. Работа, очень долго занимавшая изобрѣтательнѣйшихъ музыкантовъ, представляется до нѣкоторой степени завершенной въ трактатѣ знаменитаго композитора Франко (Франкона) Кельнскаго Ars cantus mensurabilis („Искусство мѣрнаго пѣнія“); это руководство къ изученію пѣнія написано около 1200 года. До насъ дошло довольно много пьесъ того времени, написанныхъ для двухъ, для трехъ и для четырехъ голосовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ Франкону Кельнскому, нѣкоторыя парижскимъ композиторамъ. Переходимъ къ обозрѣнію матеріала, который разработывали композиторы той эпохи, и стремленій, надъ осуществленіемъ которыхъ они трудились.

Провансъ. Трубадуры и жонглёры.

Въ южной Франціи, на провансальскомъ языкѣ развилась въ періодѣ крестовыхъ походовъ поэзія, бывшая блестящимъ выраженіемъ эротическаго, рыцарскаго и романтическаго духа того времени. Провансальскіе поэты и пѣвцы назывались трубадурами, «изобрѣтателями» (то есть, изобрѣтателями новыхъ формъ стихотворной строфы и новыхъ мелодій). Трубадуры научились музыкѣ у болѣе раннихъ пѣвцовъ и композиторовъ, дѣло которыхъ продолжали; это были жонглёры. По произношенію, Гиро Рикье (Гиротъ Рикиро), послѣдній хорошій трубадуръ, говоритъ въ стихотвореніи, написанномъ около 1275 года: «Мудрые и ученые люди были пѣвцы, которые создали жонглерское искусство услаждать сеньіоровъ мастерской игрой на музыкальныхъ инструментахъ. Сеньіоры всегда держали и теперь держатъ при себѣ жонглеровъ. Потомъ явились трубадуры, воспѣвать подвиги, прославлять сеньіоровъ и возбуждать ихъ на новые подвиги; потому что и не совершающіе подвиговъ умѣютъ цѣнить ихъ. Такъ, по моему мнѣнію, возникло жонглёрское искусство и жизнь сеньіоровъ стала радостна».—Изъ этого мы видимъ, что жонглёры были виртуозы и пѣвцы, жившіе при дворахъ вельможъ и князей.

Жонглёры были музыканты и пѣвцы, исполнители пьесъ. Впослѣдствіи времени жонглёрами назывались люди, для которыхъ пѣніе и музыка были ремесломъ, а трубадурами поэты и композиторы. Дицъ говоритъ: „Хорошій жонглёръ былъ не только пѣвецъ и музыкантъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и акробатъ, умѣлъ плясать, прыгать сквозь обручи, подхватывалъ мелкія яблоки на лету двумя ножами, пѣлъ птичьими голосами, имѣлъ ученыхъ собакъ и обезьянъ, бѣгалъ и прыгалъ по канату, и вообще былъ фокусникъ“.

Трубадуры были въ музыкѣ учениками жонглеровъ, и пьесы ихъ исполнялись жонглёрами. Многіе изъ трубадуровъ, и въ особенности тѣ, которые были придворными поэтами, умѣли сами класть на музыку свои стихотворенія, пѣть ихъ и аккомпанировать своему пѣнію игрою на віолѣ (обыкновеннымъ аккомпаньементомъ пѣнія была віола, скрипка). Тѣ, которые не умѣли ни играть, ни пѣть, брали на службу къ себѣ жонглёровъ, которые пѣли ихъ пьесы съ аккомпаньементомъ віолы, арфы, цитры, волынки, цимбаловъ, лютни, лиры, литавръ, барабановъ, кастаньетъ и разныхъ другихъ инструментовъ. Жонглеры стали какъ будто вассалами трубадуровъ; отношенія между ними были такія же, какъ между рыцарями и оруженосцами. Знаменитый примѣръ тому—вѣрность жонглёра (или минстреля) Блонделя Ричарду Львиному Сердцу, трубадуру. Почти всѣ трубадуры были рыцари; по большинство ихъ, подобно нѣмецкимъ миннезингерамъ, были люди бѣдные, жившіе вознагражденіемъ, какое получали за свои пьесы отъ государей, вельможъ, знатныхъ дамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были придворными поэтами; но большинство вело бродячую жизнь. Одинъ, или въ сопровожденіи жонглёра, даже двухъ или нѣсколькихъ жонглеровъ, трубадуръ въ теплое время года ѣздилъ или ходилъ изъ области въ область, изъ замка въ замокъ, навѣщая прежнихъ покровителей, пріобрѣтая новыхъ; съ нимъ входило въ замокъ веселье. При наступленіи холодовъ, онъ возвращался домой. питался полученными подарками, слагалъ новыя пьесы для новаго странствованія, въ которое пускался весной. Это было нѣсколько похоже на то, какъ странствовали въ Греціи рапсоды, пѣвшіе пѣсни Гомера. Трубадуры слѣдовали примѣру жонглёровъ, которыхъ сдѣлали своими спутниками.

Поэзія трубадуровъ бѣдна эпическими произведеніями. Драматическихъ произведеній въ ней вовсе не было въ ея цвѣтущее время (въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій). Въ ней преобладала лирика. пѣсня и пѣніе. Пѣсни трубадуровъ дѣлятся на три разряда: однѣ воспѣваютъ любовь; второй разрядъ составляютъ сирвенты, «служебныя пѣсни»: онѣ восхваляютъ государей и вельможъ, которымъ служили ихъ авторы, или имѣютъ политическое содержаніе; третій разрядъ образуютъ тенсы, tensos, «состязанія» поэтовъ между собою, имѣющія діалогическую форму. Строфы пѣсенъ трубадуровъ разно-

образны и часто очень многосложны; нѣкоторыя состоятъ только изъ трехъ стиховъ; другія очень длины; есть строфы, имѣющія по 42 стиха; изъ этого ужь ясно, что трубадуры не рѣдко впадали въ щегольство искусственностью формы;—миннезингеры, подражатели трубадуровъ, слѣдовали примѣру ихъ и въ этомъ. Но большинство пѣсенъ трубадуровъ имѣетъ простыя строфы, чуждыя хитросплетеній, удобныя для пѣнія. Мелодіи тоже просты, легки, и многія изъ нихъ имѣютъ высокое художественное достоинство. Мотивы многихъ заимствованы у жонглёровъ, и только разработаны трубадурами соотвѣтственно требованіямъ улучшенныхъ формъ поэзіи. Мелодіи трубадуровъ уцѣлѣли при погибели ихъ поэзіи, упадокъ которой начался съ альбигойскихъ войнъ. Но въ музыкальномъ отношеніи эпоха трубадуровъ образуетъ лишь переходъ отъ старыхъ формъ къ новымъ. Въ поэзіи трубадуровъ историки различаютъ три періода: возникновеніе, цвѣтущее состояніе, упадокъ; къ музыкѣ ихъ это дѣленіе не примѣняется: она до самаго конца улучшалась. Во второй половинѣ XIII вѣка, когда прекрасная поэзія трубадуровъ получала туманный и ученый характеръ, показывавшій, что творчество въ ней истощилось и она умираетъ, музыка ея пѣсень еще сохраняла цвѣтущую свѣжесть. Но эти мелодіи ужь отдѣлялись отъ рыцарской поэзіи, переходили къ развивавшейся поэзіи горожанъ и съ тѣмъ вмѣстѣ переставали быть исключительно лирическими, приспособлялись къ драматической поэзіи и начинали пріобрѣтать контрапунктную разработку.

Самый замѣчательный представитель этихъ новыхъ направленій музыки—Адамъ де ла Галь (Hale) Аррасскій, умершій въ 1286, поэтъ, пѣвецъ и композиторъ пьесъ для одного голоса и для двухъ, для трехъ голосовъ,—то есть, трубадуръ, жонглёръ и съ тѣмъ вмѣстѣ контрапунктистъ. До насъ дошло нѣсколько лирическихъ стихотвореній (chansons) и нѣсколько музыкальныхъ пьесъ полифоническаго пѣнія, написанныхъ имъ. Но самыя интересныя и важныя его произведенія—музыкальныя драмы; ихъ сохранилось три: (Li Gieu du Pelerin, La Feuillée, Robin et Marion.) Пѣсни въ нихъ прелестны и по стихамъ и по музыкѣ, естественны, прекрасны въ своей простотѣ, и притомъ имѣютъ чисто французскій характеръ.—Эти драмы съ пѣснями ужь то самое, что впослѣдствіи называлось pastourelle или vaudeville.—Композиторы городского сословія шли путемъ, проложеннымъ для нихъ композиторами-рыцарями; новая вокальная музыка разлилась повсюду и мало по малу получила у каждаго народа особый національный характеръ.

Сѣверная Франція и Англія составляли въ послѣднія десятилѣтія XI вѣка, въ XII и XIII столѣтіяхъ одну страну по отношенію къ музыкѣ и поэзіи. Пѣвецъ назывался въ сѣверной Франціи менестрель, менестрье (ménéstrel, menestrier); въ Англіи это слово получило форму минстрель. Менестрели оттѣснили въ сѣверной Франціи провансальскихъ жонглёровъ изъ профессіи пѣвцовъ, и жонглёры

Сѣверофранцузскіе менестрели.

тамъ стали просто фокусниками. Ходъ развитія музыки и поэзіи въ сѣверной Франціи былъ тотъ же, какъ въ южной; развитіе этихъ искусствъ было на сѣверѣ менѣе блестящее, но они имѣли тамъ центръ, Парижъ; такого центра на югѣ не было; потому успѣхи, достигнутые въ сѣверной Франціи поэзіей и музыкой, были болѣе прочны. Прелестная поэзія трубадуровъ была подавлена вмѣстѣ съ провансальской національностью, и даже самый языкъ южной Франціи былъ почти совершенно изгнанъ изъ литературнаго употребленія. А сѣвернофранцузскій языкъ развивался, сталъ новымъ французскимъ языкомъ; вмѣстѣ съ нимъ развивались поэзія и музыка, и создалась новая французская нація. Всѣ успѣхи французской музыки съ XIII вѣка дѣлались собственно въ сѣверной Франціи. Результатомъ преобладанія сѣверныхъ французовъ было то, что они проявляли въ музыкѣ бо́льшую энергію иниціативы; но не всѣ ихъ нововведенія были благотворны для искусства.

Англія. Минстрели.

Минстрели появились въ Англіи съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, въ 1066 году. Но у нихъ были тамъ предшественники, остававшіеся нѣсколько времени ихъ соперниками, кельтскіе барды и англосаксонскіе глиманы (gleeman), «пѣвцы» или гарперы (harper), «арфисты». Барды ужь были оттѣснены англосаксами въ горы Уэльза; теперь англосаксонскіе гарперы принуждены были отступать все дальше къ сѣверу. Борьба съ французскимъ языкомъ увеличивала привязанность англосаксовъ къ роднымъ пѣснямъ. Такимъ образомъ англосаксонское пѣніе развивалось въ далекой отъ двора сѣверной части Англіи. Короли, любившіе поэзію, приглашали знаменитыхъ бардовъ и гарперовъ къ своему двору; тамъ кельтскіе и англосаксонскіе пѣвцы сближались съ французскими, усвоивали себѣ правила музыки минстрелей, а минстрели учились ихъ мелодіямъ и игрѣ на ихъ инструментахъ. Гарперы и минстрели стали наконецъ пѣть одинаково, оба эти разряда пѣвцовъ слились въ одинъ; названія гарперъ и минстрель сдѣлались равнозначительными; искусство ихъ называлось минстрельствомъ, minstrelsy; это ужь показываетъ, что преобладающими элементами въ немъ были сѣвернофранцузскіе.

Англійскій минстрель былъ рыцарь и поэтъ, какъ трубадуръ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пѣвецъ, какъ жонглёръ.—Генрихъ I велѣлъ выколоть глаза норманскому минстрелю Люку де Барру, который сражался противъ него, слагалъ сатирическія пѣсни о немъ (какъ трубадуры слагали сатирическіе сирвенты) и пѣлъ эти сатиры его врагамъ (какъ пѣли жонглёры). Минстрели пользовались въ Англіи почетомъ при дворѣ и любовью народа, какъ трубадуры въ Провансѣ. Даже монахи заслушивались ихъ пѣнія, такъ что были гостепріимнѣе къ нимъ, чѣмъ къ своимъ собратьямъ. Вудъ разсказываетъ случай, бывшій въ царствованіе Генриха III, въ 1224 году: два священника, шедшіе на богомолье, подошли къ воротамъ монастыря; привратникъ впустилъ ихъ, принявъ за минстрелей, но когда монахи, надѣявшіеся слушать пѣсни, узнали, что они священники, то прогнали ихъ.

Лонглэндъ, поэтъ XIV вѣка, описываетъ монаха, болѣе знакомаго съ пѣснями о Робинѣ Гудѣ и Рэндэлѣ, чѣмъ съ молитвами. На праздникѣ бракосочетанія Маргареты, дочери королевы Элеоноры, съ Жаномъ, сыномъ герцога брабантскаго (въ 1290 году), было 426 минстрелей, въ томъ числѣ шесть „минстрельскихъ королей“. Эти короли были по сану равны королямъ герольдовъ (уэльзскіе барды занимались вмѣстѣ съ поэзіей и геральдикой, составляли генеалогическія таблицы, по которымъ прославляли предковъ своихъ покровителей). Но и поэзія минстрелей пришла въ упадокъ, подобно поэзіи трубадуровъ: почетъ и выгоды ихъ профессіи привлекала въ нее много людей, любившихъ праздную, веселую жизнь; отъ этого пострадала репутація минстрелей; народъ пересталъ уважать ихъ; минстрелями стали называть праздношатающихся музыкантовъ и пѣвцовъ, добывавшихъ себѣ хлѣбъ, кромѣ пѣнія и музыки, фокусничествомъ и нищенствомъ. Въ одномъ изъ законовъ Елисаветы, обнародованномъ около 1600 года, минстрели причисляются къ бродягамъ.

Но съ упадкомъ рыцарской поэзіи, музыка не упала и въ Англіи, какъ не упала въ сѣверной Франціи; искусство пѣнія ужь было привычно народу; не только въ монастыряхъ и школахъ, въ каждомъ углу дома звучали, по выраженію одного изъ англійскихъ поэтовъ XIV вѣка, сладкія мелодіи. Это было такъ называемое «шестиголосовое пѣніе»,—канонъ съ басомъ, партію котораго составляли основные звуки мелодіи. По разсказамъ Чосера мы видимъ, что въ Англіи были употребительны всѣ музыкальные инструменты, какіе были тогда (въ XIV вѣкѣ) извѣстны въ Европѣ, что лэндлорды слагали мелодіи и сами пѣли ихъ, что хорошее пѣніе считалось прекраснѣйшимъ талантомъ знатныхъ дѣвушекъ и молодыхъ дамъ, было для дѣвушекъ лучшимъ средствомъ привлекать женіховъ, что у всѣхъ англичанъ были музыкальные инструменты, всѣ умѣли и любили пѣть. Но ужь и раньше временъ Чосера любовь къ пѣнію и музыкѣ была всеобщей въ Англіи. Одну изъ особенностей англичанъ составляло то, что они очень любили пѣніе многочисленнымъ хоромъ. Въ хорѣ участвовали не одни взрослые люди, но и мальчики. Полифоническое пѣніе было ужь употребительно у англичанъ въ XII вѣкѣ.

Въ 1159 году Томасъ Бекетъ, бывшій тогда канцлеромъ Генриха II, отправился въ Парижъ вести переговоры о женитьбѣ сына короля англійскаго на дочери Людовика VII. Онъ ѣхалъ съ блестящею свитой и при проѣздѣ его черезъ французскіе города они подвигались пышной процессіею: передъ Бекетомъ шли 250 мальчиковъ и юношей, раздѣленные на группы по шести, по десяти, больше чѣмъ по десяти человѣкъ „и пѣли пѣсни по обычаю своей земли“.—Гиральдъ (Жиро, Джерольдъ) де Барри, епископъ сентъ-дэвидскій, писавшій около 1185 года, говоритъ о пѣніи въ Уэльзѣ и сѣверной Англіи: „Британцы поютъ не унисономъ, какъ жители другихъ земель, а на нѣсколько голосовъ; когда сходятся пѣвцы, какъ это обычно въ Уэльзѣ, то поютъ столькими разными голосами, сколько бываетъ пѣвцовъ, но подъ конецъ всѣ соединяются въ мягкій бемольный тонъ“ (по нынѣшней терминологіи, въ тонъ F-dur). „Въ сѣверной части Британіи, за Гомберомъ и по шотландской границѣ, жители тоже употребляютъ въ пѣніи

симфоническую гармонію подобнаго рода, но только въ два голоса, изъ которыхъ одинъ густо тянетъ нижніе тоны, а другой мягко и пріятно поетъ верхнюю партію. Они дѣлаютъ это не столько по изученію правилъ искусства, сколько по обычаю, который отъ привычки и долгаго упражненія сдѣлался для нихъ второй природой; этотъ способъ пѣнія такъ укоренился у нихъ, что почти нѣтъ такой мелодіи, которую пѣли бъ они въ одинъ голосъ; почти всякую жители Уэльза поютъ въ нѣсколько голосовъ, а сѣверные англичане въ два. И особенно удивительно то, что даже дѣти у нихъ, какъ только начинаютъ пѣть, поютъ такимъ способомъ. Но не всѣ англичане поютъ такъ, а только живущіе на сѣверѣ; потому я полагаю, что они наслѣдовали это искусство, какъ и свой языкъ, отъ датчанъ и норвежцевъ.“ Въ этомъ объясненіи Жиро ошибался. Правда, нѣтъ сомнѣнія, что датчане привезли съ собою своихъ скальдовъ; но отъ датскихъ скальдовъ нельзя было научиться ничему подобному. Вѣроятно, эта манера пѣнія была старая, существовавшая еще до норманновъ, оттѣсненная ими на сѣверъ и вошедшая тамъ въ обычай у всего населенія. Мы не имѣемъ ни о какой другой странѣ извѣстія, что тамъ существовало полифоническое пѣніе въ такія раннія времена; должно полагать, что англичанамъ принадлежитъ въ этомъ отношеніи первенство передъ всѣми другими европейскими народами.

Нѣмецкіе миннезингеры и мейстерзингеры.

Нѣмецкіе миннезингеры были современники трубадуровъ, менестрелей и минстрелей, характеръ пѣнія и его исторія въ Германіи были тѣ же, какъ во Франціи: рыцарскія и романтическія понятія господствовали повсюду; потому искусство повсюду имѣло одинаковыя качества. Растенія были вездѣ одни и тѣ же, разница между ними происходила лишь отъ особенностей климата. Нѣмцы нѣсколько позднѣе сѣверныхъ французовъ и англичанъ усвоили себѣ рыцарскую поэзію; манера пѣнія, принадлежавшая ей, не достигла у нихъ такого высокаго развитія, какъ въ Провансѣ, и не вошла въ обычай у массы населенія, какъ въ Англіи. Но и у нѣмцевъ было, по выраженію Готфрида Стасбургскаго, много соловьевъ,—и нѣкоторыя произведенія нѣмецкихъ миннезингеровъ чрезвычайно хороши. Миннезингерство было первымъ классическимъ періодомъ нѣмецкой поэзіи; въ нѣкоторой, хотя меньшей степени, оно имѣло такое же значеніе и для развитія нѣмецкой музыки. По тѣмъ партитурамъ, которыя дошли до насъ, можно подумать, что нѣмецкая музыка была тогда сухая, имѣла очень мало художественнаго достоинства. Такъ и думали прежде. Но это было мнѣніе ошибочное: по знакамъ, которыми записывалось тогда пѣніе, нельзя судить о немъ; потому что музыкальные знаки были очень недостаточны. Можно бы также предполагать, что поэзія миннезингеровъ, бывшая больше забавой и щегольствомъ, нежели выраженіемъ искренняго, глубокаго чувства, не могла служить основой для истинно прекраснаго пѣнія; но и это не такъ: она была поэзія лирическая, пѣсенная; и для развитія художественности въ пѣніи было достаточно того, что поэзія была пѣсенная. У миннезингеровъ было принято неизмѣннымъ правиломъ, что строфа должна состоять изъ трехъ частей. Такое построеніе строфы

улучшило не только стихотворный, но и музыкальный ритмъ: оно дало мелодіи прочную форму, очень опредѣлительную и съ тѣмъ вмѣстѣ способную къ видоизмѣненіямъ, неистощимо разнообразнымъ; пѣніе получало черезъ это новый характеръ. Потому и у нѣмцевъ, какъ у провансаловъ, сѣверныхъ французовъ, англичанъ, поэзія и мелодія улучшились въ періодъ владычества лирики.

Представителемъ послѣдняго періода миннезингерской поэзіи можно считать Нейдгарта фонъ Рейенталя. Онъ былъ баварецъ и жилъ при вѣнскомъ дворѣ. Дѣятельность его начинается въ 1217 году, идетъ до половины XIII вѣка. Подъ вліяніемъ французской пасторелли, онъ бралъ матеріаломъ своихъ пѣсенъ сельскій бытъ, передѣлывалъ для развлеченія двора шуточныя слова и веселыя мелодіи народныхъ весеннихъ и плясовыхъ пѣсень, дѣлалъ намеки на общественные случаи, любилъ пользоваться привычными мелодіями.

Когда горожане стали, по образцу рыцарей, слагать пѣсни, начался въ Германіи періодъ поэзіи мейстерзингеровъ, «мастеровъ—пѣвцовъ». Мейстерами, «мастерами», первоначально называли всѣхъ хорошихъ поэтовъ; теперь стали называть такъ исключительно поэтовъ («пѣвцовъ») изъ сословія горожанъ, въ отличіе отъ поэтовъ—рыцарей, которыхъ называли «господами», Herr; такъ, напримѣръ, говорили: господинъ (Herr) Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде; мастеръ (meister) Готфридъ Страсбургскій. Къ концу XIII вѣка блескъ рыцарства померкъ, образованность рыцарей упала; въ XIV вѣкѣ ужь почти вовсе не было рыцарей-поэтовъ, почти только горожане слагали пѣсни во вкусѣ прежней рыцарской поэзіи, но менѣе изящно. Ничего новаго создавать они не могли, потому что содержаніе, пригодное для лирики, было ужь исчерпано рыцарской поэзіею, формы пѣсни были установлены ею. Но поэты горожане придумывали новые виды строфъ, считая это истинной задачей поэтическаго творчества; результатомъ была чрезмѣрная искуственность изобрѣтаемыхъ ими мнимыхъ усовершенствованій, и поэзія замѣнилась у нихъ формализмомъ. Въ музыкальномъ отношеніи мейстерзингеры замѣчательны тѣмъ, что пѣли безъ аккомпаньемента, совершенно устранили помощь музыкальныхъ инструментовъ человѣческому голосу; не было у нихъ и хороваго пѣнія: въ ихъ обществахъ («школахъ») пѣли только соли. Въ собраніе допускаемы были только члены общества, дѣлившіеся на «мастеровъ», meister, и «учениковъ», stümper. Нѣкоторые мейстерзингеры слагали иногда пѣсни для нѣсколькихъ голосовъ, но это были исключительные случаи; «школы» мейстерзингеровъ занимались только пѣніемъ въ одинъ голосъ. Значеніе мейстерзингеровъ состоитъ въ томъ, что лирическая поэзія и хорошее пѣніе, бывшія въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ принадлежностью только вельможескаго и рыцарскаго сословій, распространялись по городскому сословію и отъ него по всей

массѣ народа, такъ что періодъ мейстерзингерской поэзіи смѣнился періодомъ народной пѣсни.

Народная пѣсня.

Рыцарская лирическая поэзія выросла въ XI вѣкѣ на богатой почвѣ народныхъ пѣсень, и въ XIII вѣкѣ начала принимать характеръ народныхъ пѣсень. Народное пѣніе было совершенно преобразовано ею; оно стало лирическимъ, и формою его были строфы миннезингеровъ, нѣсколько упрощенныя соотвѣтственно требованію общедоступности. Главнымъ содержаніемъ новыхъ народныхъ пѣсень были патетическіе элементы исторической или личной жизни; въ этихъ пѣсняхъ не было стремленія къ щегольству цвѣтитостью слога или виртуозностью пѣнія; въ пѣсняхъ миннезингеровъ главнымъ дѣломъ была форма, въ народныхъ пѣсняхъ главную важность имѣло содержаніе; языкъ ихъ часто неуклюжъ; изложеніе мыслей неполно, безсвязно; языкъ утратилъ гибкость и плавность, мелодія стала криклива, потому что аккомпаньементомъ пѣнія были обыкновенно духовые инструменты, а не струнные, какъ у миннезингеровъ. Но многія мелодіи народныхъ пѣсень превосходны по своей задушевности, нѣжности, по правдивости чувства, и даже по красотѣ музыкальнаго выраженія его. Народной пѣснью мы называемъ ту, которую знаетъ и поетъ весь народъ. Нѣкоторыя пѣсни поются только при особенныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ опредѣленные церковные или мірскіе праздники; но и всякія важныя событія жизни, война, любовь, несчастные случаи, печаль, разлука, смерть, — всякое страданіе, всякая радость даютъ содержаніе народнымъ пѣснямъ. Есть пѣсни, которыя поются всѣми, и однако же не могутъ быть названы народными, потому что не служатъ постояннымъ выраженіемъ чувствъ народа, не слились съ его мыслями о фактахъ жизни. Но пѣсня, не имѣвшая значенія народной, можетъ пріобрѣсти его, слившись съ мыслями народа. Ошибочна мысль, что народныя пѣсни только тѣ, которыя созданы самимъ народомъ, въ которыхъ ему самому принадлежатъ и слова и мелодія. Пѣсня, какъ и всякое другое созданіе искусства,—продуктъ техники искусства и создается исключительно художниками.—Народныя пѣсни были, какъ извѣстно, съ самыхъ давнихъ временъ и у нѣмцевъ, и у всѣхъ европейскихъ народовъ. Но могущественное значеніе въ жизни и высокое художественное достоинство народная пѣсня у новыхъ европейскихъ народовъ имѣла только въ періодъ между временемъ упадка поэзіи трубадуровъ, менестрелей, миннезингеровъ и второй половиной XVI вѣка.

c) Архитектура, пластика, живопись.

Ходъ развитія.

Архитектура и пластика, подобно музыкѣ и поэзіи, развивались въ Германіи и въ другихъ европейскихъ земляхъ подъ вліяніемъ Франціи. Мы видѣли, что поэзія вышла изъ-подъ зависимости отъ церкви, что

поэтами стали міряне. Архитектура и пластика тоже перешли въ руки мірянъ. Но важнѣйшимъ предметомъ архитектурной дѣятельности оставалось построеніе храмовъ; потому въ архитектурѣ мірской элементъ не могъ до такой степени обособиться отъ религіознаго, какъ въ поэзіи. Архитектура пріобрѣла очень много своеобразныхъ подробностей стиля у разныхъ народовъ западной Европы; но основныя черты ея характера были повсюду одинаковы. То же самое должно сказать о пластикѣ и живописи, служившихъ тогда для украшенія зданій. Религія сохраняла надъ архитектурой почти такое же владычество, какъ надъ гражданскими законами; разница была лишь въ томъ, что надъ архитектурными формами владычество принадлежало не собственно римской куріи, а общему духу христіанства; и притомъ, іерархія не постановляла рѣшеній, каковы должны быть архитектурные идеалы, они свободно развивались изъ религіознаго чувства художествъ. То же самое относится къ пластикѣ и живописи, главнымъ назначеніемъ которыхъ было тогда украшеніе зданій. Въ архитектурѣ, какъ и въ поэзіи, Италія держалась особо отъ остальной западной Европы; она осталась чужда наилучшему стилю средневѣковой архитектуры, выработавшемуся въ XIII вѣкѣ во Франціи, Англіи, Германіи, другихъ западныхъ земляхъ; итальянцы стали даже называть этотъ стиль готическимъ, то есть варварскимъ. Названіе, данное ему въ презрительномъ смыслѣ, осталось за нимъ, но перестало быть презрительнымъ. Готическая архитектура создала новый законъ красоты зданія; въ готическихъ постройкахъ тяжесть верхнихъ частей распредѣлялась по нижнимъ равномѣрнѣе, чѣмъ въ прежнихъ зданіяхъ; готическій стиль замѣнилъ тяжелую, придавленную форму купола и круглой арки легкой, высокой отвальной аркой, широкія плоскости квадратнаго крестообразнаго свода сочетаніемъ мелкихъ частей, разнообразнымъ, свободнымъ, дававшимъ возможность доводить до одинаковой высоты своды надъ узкими и надъ широкими частями зданія; онъ одѣвалъ храмъ богатыми символическими украшеніями, ставилъ надъ храмами высокія колокольни. Онъ былъ самымъ лучшимъ стилемъ церковной архитектуры, создавалъ превосходнѣйшіе храмы, каковы, напримѣръ, кёльнскій и страсбургскій соборы. Это была новая, смѣлая, геніальная архитектура; въ планѣ готическаго храма каждая подробность — результатъ глубоко-обдуманнаго разсчета, а между тѣмъ цѣлое производитъ впечатлѣніе свободнаго творчества; общая идея раскрывается въ безчисленномъ множествѣ граціозныхъ формъ, во всемъ выражается стремленіе мысли къ небу, дающее зданію могущественный поэтическій характеръ.

Легкость, идеальность готическаго стиля архитектуры сообщила новое направленіе скульптурѣ и живописи, дала высокое развитіе этимъ искусствамъ. Прежде они находились въ полной зависимости отъ архитектуры; она назначала ихъ произведеніямъ строго опредѣленные

размѣры, требовала симметріи, такъ что свобода ихъ была сильно стѣснена. Но они окрѣпли, учась приспособляться къ предписаннымъ условіямъ; и когда силы ихъ развились, они разорвали наложенныя на нихъ оковы. Типичность, которой требовало церковное преданіе, не соотвѣтствовала энергіи общественной и личной жизни XIII вѣка; не соотвѣтствовало его характеру торжественное, строгое, величавое спокойствіе, отпечатокъ котораго лежитъ на всѣхъ фигурахъ и лицахъ романскаго стиля скульптуры и живописи. Теперь личность была болѣе свободна, чѣмъ въ прежнія времена; она требовала, чтобы чувства, волнующія душу, находили себѣ выраженіе въ статуяхъ и картинахъ. Мечтательность, энтузіазмъ, фанатизмъ, самоотверженная преданность, овладѣвшія сердцами, должны были изображаться въ произведеніяхъ рѣзца и кисти. Юношеская пылкость и наивность, мягкая сантиментальность эпохи любовныхъ пѣсенъ и служенія дамѣ сердца пріобрѣли владычество и въ пластикѣ, въ живописи: художники стали изображать стройныя, нѣжныя фигуры съ задумчиво наклоненными головами, съ локонами, вьющимися по плечамъ, съ привѣтливымъ, милымъ выраженіемъ лица; одежда обрисовываетъ формы свободными, красивыми складками. Эти фигуры составляли рѣзкій контрастъ строгой, неподвижной типичности прежняго стиля. Скульптура и живопись періода готической архитектуры соотвѣтствуютъ общему характеру тогдашней жизни и въ томъ отношеніи, что въ ихъ произведеніяхъ индивидуальный элементъ еще не достигаетъ самостоятельнаго значенія; фигуры одушевлены новымъ чувствомъ, личность хочетъ, но еще не можетъ, высказаться,—остается на второмъ планѣ; статуя или картина въ этотъ періодъ не особое цѣлое, а принадлежность зданія; и когда архитектурныя линіи не образуютъ дѣйствительную раму изображеній, то барельефъ или картина изображаетъ ихъ находящимися въ архитектурной обстановкѣ,—въ комнатѣ, на дворѣ дома, въ церкви или на улицѣ. Хотя чувство, выражаемое фигурами, имѣетъ индивидуальный характеръ, онѣ всетаки остаются только частями цѣлаго, и статуя или картина служитъ выраженіемъ не индивидуальнаго чувства, а общей идеи цѣлаго, охватывающаго фигуры. Но есть въ этихъ фигурахъ молодая, нѣжная жизнь, и впечатлѣніе, производимое ими, походитъ на предчувствіе наступленія весны.

Впрочемъ, живопись развилась подъ вліяніемъ готической архитектуры меньше, нежели скульптура. Выступы и ниши готическаго зданія представляли множество помѣщеній для статуй, но широкихъ плоскостей въ ней не было; она оставляла лишь узкія части стѣны между окнами, въ ней было мало мѣста для альфреско. Гораздо больше простора давала она для картинъ на стеклахъ оконъ; но техническія условія этого рода рисунковъ таковы, что не допускаютъ свободнаго развитія искусства. Живописцу приходилось дѣлать маленькія картины,

и самый лучшій родъ живописи былъ тогда миньятюрный. Но, какъ бы ни восхищались мы миньятурами, украшающими средневѣковыя рукописи, какихъ бы похвалъ ни были достойны онѣ по яркости колорита, по наивности, по заботливой отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей, мы должны признать, что фигуры въ нихъ лишены жизни и движенія, не имѣютъ никакого выраженія на лицѣ, что все нарисовано въ нихъ по типамъ преданія, что въ нихъ нѣтъ наблюденія природы. Только въ Италіи, гдѣ отъ древняго и византійскаго времени сохранилась довольно хорошая техника, были въ этотъ періодъ рисуемы картины, въ которыхъ замѣтно чувство природы и внимательное наблюденіе жизни; это были сцены изъ библейской исторіи, писанныя альфреско. Во второй половинѣ XIII вѣка Николо Пизано (родившійся въ 1204, умершій около 1280) отрѣшился отъ традиціонныхъ формъ; его сынъ Джованни еще рѣшительнѣе освободился отъ нихъ, и Джованни Чимабуэ (1240—1300) сталъ создавать фигуры, въ которыхъ ужь выказывался переходъ отъ прежней связанности типичностью къ истинѣ и красотѣ свободнаго творчества; въ картинахъ Джотто (1276—1336), архитектора, скульптора и живописца, сброшены съ живописи всѣ условныя стѣсненія; она отважно обратилась къ изученію и воспроизведенію природы и дѣйствительной жизни.

Николо Пизано. Джованни Пизано. Чимабуэ. Джотто.

Чимабуэ былъ основателемъ естественнаго стиля и свободнаго направленія живописи; но онъ продолжалъ, по прежнему обычаю, писать фигуры Христа, Богоматери, святыхъ на золотомъ фонѣ, и во многихъ частностяхъ видна его зависимость отъ типическихъ формъ романскаго періода. Но величественныя альфреско Джотто — Страшный Судъ, сцены изъ жизни Христа и Богоматери въ Падуѣ, аллегорическія сцены изъ жизни св. Франциска въ Ассизи, многія картины въ Пизѣ и во Флоренціи — показываютъ, что онъ умѣлъ выражать жизнь души, быть вѣрнымъ природѣ, хорошо понималъ существенное назначеніе живописи—ясно изображать значеніе событій, характеры людей и сильно передавать драматизмъ жизни. Его картины созданы духомъ свободнаго творчества.

Сочетаніе купола съ длиннымъ заломъ въ христіанскихъ базиликахъ византійскаго стиля ужь было важнымъ шагомъ къ архитектурному выраженію христіанской идеи стремленія къ небу; еще яснѣе выражается это стремленіе души въ такъ называемомъ романскомъ стилѣ: базилика еще оставалась въ немъ основной формой плана церкви, но замѣна горизонтальнаго потолка полукруглымъ крестообразнымъ сводомъ дала храму романскаго стиля новый характеръ. Крестообразный сводъ образуется тѣмъ, что поверхности двухъ полу-цилиндровъ, положенныхъ горизонтально, пересѣкаютъ одна другую подъ прямымъ угломъ; пересѣченіе производитъ четыре треугольника, линіи которыхъ составляютъ крестъ. Въ стилѣ, характеризуемомъ этой формой свода, вообще замѣтно стремленіе замѣнять прямыя плоскости полукруглыми поверхностями, полукруглой аркой. Это

Архитектура. Романскій стиль.

уменьшаетъ впечатлѣніе тяжести, придавленности, производимое византійской базилікой, контрастъ идей силы и бремени смягчается. Постановка колоколенъ по верхнимъ угламъ храма еще сильнѣе выражала стремленіе къ небу, а порталъ, уступами расширяющійся къ сторонѣ входа и украшенный скульптурой, символически изображалъ идеи призыванія въ храмъ и подготовлялъ вступающихъ къ чувству христіанскаго благоговѣнія. Два ряда колоннъ образовали среднюю широкую продольную галерею, ведущую къ алтарю; продольное зданіе пересѣкалось поперечнымъ; это пересѣченіе образовало крестъ; амвонъ алтаря, возвышавшійся нѣсколькими ступенями надъ поломъ храма, былъ отдѣленъ отъ остального пространства балюстрадой; надъ алтаремъ подымался куполъ; какъ небесный щитъ, онъ покрывалъ святилище, а подъ амвономъ была крипта, склепъ, подземная церковь, своды которой опирались на колонны или пилястры. Верхняя линія прорѣза оконъ образовала полукругъ, фронтонъ надъ дверьми входа въ храмъ былъ прорѣзанъ круглымъ окномъ, переборки его рамы расходились изъ средины лучами; оно называлось розой; снаружи по стѣнамъ шелъ фризъ, составленный изъ соприкасающихся полукруговъ; на восточной стѣнѣ надъ окнами галерея, образуемая аркадами; все это придавало разнообразіе наружнымъ сторонамъ стѣнъ. Внутри по стѣнамъ были расположены изображенія событій священной исторіи; обыкновенными предметами ихъ были грѣхопаденіе Адама и Евы и искупленіе рода человѣческаго; въ нихъ было много разнообразія; онѣ составляли принадлежность архитектуры и разъясняли религіозное значеніе зданія. Общій характеръ романскаго стиля—спокойствіе, простота, благородство; вначалѣ онъ былъ строгъ до суровости, но мало по малу становился изящнымъ, и во многихъ храмахъ послѣднихъ временъ своего владычества онъ достигъ благородной граціозности. Архитекторами церквей были тогда монахи, державшіеся старыхъ формъ, но улучшавшіе ихъ. Въ XI вѣкѣ романскій стиль получилъ высшее свое развитіе; въ XII вѣкѣ его господство кончилось. Скульптура и живопись, бывшія служительницами архитектуры, пріобрѣли способность изображать глубокія религіозныя идеи. Основнымъ предметомъ ихъ было великое дѣло искупленія; эту центральную мысль окружали разнообразной нѣжной тканью изображеній другія религіозныя идеи, давая просторъ чувству и воображенію, а владычествующая мысль, съ которой были связаны онѣ, сообщала имъ строгое единство. Знаменитѣйшимъ сооруженіемъ романскаго стиля былъ главный храмъ Клюнійскаго аббатства; онъ погибъ во время французской революціи. Но еще стоятъ величественные соборы шпейерскій, вормсскій, майнцскій, трирскій; они повреждены пожарами и войнами, и однако же производятъ возвышенное впечатлѣніе. Многія другія церкви романскаго стиля въ Германіи, Италіи, сѣверной Франціи также свидѣтельствуютъ, что монахи, бывшіе строителями ихъ, усердно стремились дать архитектурное выраженіе христіанскому чувству; но съ тѣмъ вмѣстѣ показываютъ, что эти монахи-архитекторы держались прежнихъ образцовъ, не могли освободиться отъ формъ, завѣщанныхъ преданіемъ. Они, подобно монахамъ-поэтамъ, лишь подражали въ своихъ произведеніяхъ созданіямъ древняго міра и первыхъ вѣковъ христіанства.

Готическая архитектура.

Архитектура пріобрѣла свободу, только когда крестовые походы обогатили умственную жизнь новыми впечатлѣніями и знаніями, поставили дѣятельности мірянъ высокія цѣли, раскрыли для нея широкій просторъ. Тогда зодчество сбросило съ себя иго старины, проявилось въ полной свободѣ и красотѣ созданіями готической или германской архитектуры. Мы говорили, что въ XIII вѣкѣ жизнь горожанъ пріобрѣла могуществен-

ное развитіе, что крестовые походы ослабили феодальныхъ владѣтелей и возвысили значеніе городовъ. Эта перемѣна отразилась и на искусствѣ. Прежде строителями большихъ церквей были только епископы, короли, могущественные богатые князья, желавшіе прославить свое имя или удовлетворить благочестивому влеченію своей души. Теперь городскія общества также проникались благороднымъ стремленіемъ украшать свои города великолѣпными храмами, предназначенными свидѣтельствовать объ ихъ могуществѣ, благочестіи, богатствѣ.

Когда городскія общины стали строить величественные храмы, архитектура перешла въ руки мірянъ. Прежде, только работа была поручаема свѣтскимъ мастеровымъ, теперь міряне стали и создателями плановъ. Готическій стиль своимъ изобиліемъ украшеній требовалъ высокаго техническаго мастерства, множества художественныхъ и ремесленныхъ знаній, которыя могли быть пріобрѣтаемы только путемъ усерднаго изученія пріемовъ мастерства; а изучать ихъ можно было только подъ непосредсзвеннымъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ; потому сформировалисьобщества архитектурнаго искусства, скульптуры, обтесыванія камней, кладки каменныхъ стѣнъ,—эти общества приняли, подобно другимъ товариществамъ горожанъ, цеховое устройство, сдѣлались корпораціями, ведущими свое дѣло по собственнымъ уставамъ. Члены корпорацій строительнаго искусства раздѣлялись на мастеровъ, товарищей мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ. Въ южной Франціи строительная корпорація ужь встрѣчается въ концѣ XII вѣка; она называлась „работники строительства божія“. Вскорѣ послѣ того мы видимъ такія же корпораціи въ Германіи. Ихъ общественное значеніе и число ихъ членовъ росло соразмѣрно развитію строительной дѣятельности въ обогащавшихся городахъ. Вначалѣ строительная корпорація формировалась для постройки какого нибудь одного большого зданія; всѣ члены ея помѣщались въ одномъ сбитомъ изъ досокъ жилищѣ, которое служило и мастерской (нѣмецкое названіе этого жилища bauhütte стало означать и корпорацію строителей); жизнь ихъ въ ней была подчинена уставу, принятому ими; каждый былъ обязанъ соблюдать его правила. Они хранили свои знанія и техническія пріемы втайнѣ отъ постороннихъ, какъ свою корпоративную собственность. Корпораціи, строившія разныя зданія, мало по малу соединялись въ одно товарищество; разработывая свой уставъ, пріобрѣли себѣ большія права, между прочимъ право собственнаго суда; судьями были мастера, выбираемые корпораціей. Каждая область имѣла центральное управленіе, которому были подчинены мѣстныя товарищества. Напримѣръ, въ южной и западной Германіи центромъ управленія были Страсбургъ, Вѣна, Кельнъ. Черезъ нѣсколько времени, образовалось четвертое центральное управленіе въ Бернѣ. Выборные старшины при большихъ постройкахъ этихъ городовъ завѣдывали строительными товариществами въ обширныхъ областяхъ; особенно велика была область, подчиненная страсбургскому центральному управленію; къ ней принадлежали Саксонія и Тюрингія. Члены корпораціи присягали соблюдать уставъ ея, и хранить втайнѣ правила искусства; члены разныхъ корпорацій одного товарищества узнавали другъ друга по особеннымъ формуламъ привѣтствій и пріемамъ пожатія рукъ. Многіе ученые полагаютъ, что масонскій орденъ произошелъ изъ корпорацій строительныхъ мастеровъ, „каменщиковъ“, maçon; другіе отвергаютъ это мнѣніе. Связь, вѣроятно, была; но состояла только въ томъ, что масоны воспользовались эмблемами и символическими формулами корпорацій каменщиковъ.

Корпораціи строителей.

Христіанская идея стремленія къ небу нашла полнѣйшее выраженіе въ готическомъ стилѣ; формы готическаго храма были глубокомысленными

Формы готическаго стиля.

символами влеченія души къ небу. Онѣ развились изъ этой идеи, въ нихъ не было ничего случайнаго, всѣ подробности опредѣлялись ею. Цѣлое въ каждомъ планѣ готической церкви своеобразно, но всѣ части его находятся въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ къ общей идеѣ, подчинены строгимъ правиламъ стиля. Круглая арка романскаго стиля замѣнялась въ готическомъ огивальной (стрѣльчатой), энергичнѣе выражающей мысль о стремленіи вверхъ. Очень вѣроятно, что стрѣльчатая форма арки заимствована изъ восточной архитектуры, съ которой близко ознакомили западную Европу крестовые походы. Готическій стиль соединилъ стрѣльчатую арку съ колоннадами старой христіанской архитектуры и сводами романскаго стиля, одѣлъ все зданіе роскошными архитектурными и скульптурными украшеніями; это сочетаніе формъ, составляющее сущность готическаго стиля, дало церковной архитектурѣ прекраснѣйшее развитіе, доставило строительному искусству возможность сообщать кровлѣ и всѣмъ формамъ здапія легкость и разнообразіе, безъ вреда архитектурному единству цѣлаго. При раздробленіи линій кровли на разнообразныя части, облегчалось ея давленіе на стѣны, пріобрѣтались ряды подпоръ, идущихъ подъ кровлю къ узламъ соединенія ея частей; эти колонны и пилястры до такой степени уменьшали давленіе кровли на стѣны, что получилась возможность прорѣзывать все очертаніе стѣнъ большими окнами и одѣвать простѣнки роскошными орнаментальными и аллегорическими скульптурными украшеніями, такъ чтобы не оставалось нагихъ плоскостей. Гармоническимъ сочетаніемъ разнообразія съ единствомъ, готическій стиль далъ зданію великолѣпіе, далеко превосходящее красотою храмы романскаго стиля, въ которыхъ эстетическое впечатлѣніе производятъ лишь нѣкоторыя части: порталъ, аркады, пилястры и окна; въ готическомъ храмѣ всѣ части получали художественную обработку, изящныя формы; все зданіе до самыхъ верхнихъ стрѣлокъ, до самыхъ мелкихъ выступовъ и уголковъ проявляло живую идею, создавшую планъ цѣлаго. Готическій стиль слагалъ колоссальное зданіе изъ безчисленнаго множества тонкихъ частей, разнообразныхъ по формамъ и орнаментамъ, украшалъ алтари, окна, простѣнки, кровлю скульптурой и живописью, листьями, геометрическими фигурами, дѣлалъ храмъ граціознымъ произведеніемъ скульптурнаго искусства. Вертикальное направленіе тонкихъ и высокихъ составныхъ частей готическаго храма было выраженіемъ стремленія души къ небу, а богатые орнаменты были символическими изображеніями догматовъ католическаго вѣроученія, и глубомысленная таинственность ихъ соотвѣтствовала восторженному мистицизму тѣхъ временъ. Въ своемъ цѣломъ, готическій храмъ—символическое изображеніе христіанскаго міра: въ наружныхъ орнаментахъ есть фигуры демоновъ, и очень много фигуръ, не имѣющихъ религіознаго характера; въ порталѣ часто бываютъ изображенія изъ ветхозавѣтной исторіи; внутри храма изображенія рыбъ на помостѣ напоминаютъ о морѣ; надъ помостомъ, какъ острова надъ моремъ, возвышаются боковые алтари, подымаются къ самой кровлѣ подобныя пальмамъ пилястры и колонны, поддерживающія сводъ; амвонъ главнаго алтаря изображаетъ материкъ, землю, безопасную отъ волнъ; на ней спасеніе людямъ; солнца, розы, вѣтви винограда и другіе орнаменты изображаютъ всю природу; ихъ особенно много на огромныхъ окнахъ, и филигранныя очертанія ихъ въ этихъ прорѣзахъ стѣнъ озарены свѣтомъ, какъ природа просвѣтляется постигающимъ ее человѣческимъ разумомъ. Скульптурныя украшенія находятся въ тѣсной связи съ религіозной идеей, лежащей въ основѣ плана готическаго храма: изображенія Христа, Богоматери, апостоловъ, другихъ близкихъ Христу людей, статуи святыхъ, рельефы многочисленныхъ символическихъ орнаментовъ, цвѣты, гирляндами которыхъ обвиты кресты—все возбуждаетъ

мысли о христіанскомъ вѣроученіи, внушаетъ душѣ стремленіе къ божеству; потому многочисленность и разнообразіе подробностей не вредятъ единству; напротивъ каждая изъ нихъ напоминаетъ общую идею плана.—Рѣзьба по дереву и изъ слоновой кости, украшавшія алтари и исповѣдальни, имѣла, подобно картинамъ, религіозный характеръ,—какъ и литыя изъ чугуна или бронзы украшенія храма. Задачею средневѣкового искусства было символически изображать религіозныя идеи, чтобы дѣлать ихъ доступными пониманію народа. Потому всѣ средневѣковыя картины носятъ на себѣ печать религіознаго спокойствія. Но яркость колорита даетъ имъ разнообразіе.

Главное украшеніе готическихъ храмовъ составляютъ высокія, легкія башни; чѣмъ выше подымаются онѣ, тѣмъ легче, смѣлѣй, граціозніе становятся ихъ формы, а вершину ихъ образуетъ величественный крестообразный цвѣтокъ, подымающій свои лепестки къ небу, символъ стремленія души къ Богу.—Цвѣтныя стекла оконъ пропускаютъ мало свѣта, въ церкви господствуетъ полумракъ, возбуждающій въ душѣ вѣрующихъ благоговѣйное чувство таинственнаго присутствія Божія. Противъ главнаго портала, одѣтаго роскошными украшеніями, подымается главный алтарь съ престоломъ, центромъ духовнаго единства.—Родиной готическаго стиля, какъ и всѣхъ формъ искусства той эпохи, была Франція. Первымъ зданіемъ, въ которомъ господствующей чертой стиля была сдѣлана стрѣльчатая арка, называютъ капеллу, построенную въ Сенъ-Денисскомъ аббатствѣ Сюжеромъ (VI, 557). Въ такомъ же стилѣ построены реймсскій, ланскій (Laon), санскій (Sens), шартрскій, бовесскій, руанскій соборы. Изъ Франціи готическій стиль перешелъ въ Англію. Тамъ былъ построенъ Гильіомомъ Санскимъ величественный кентерберійскій соборъ, а по его образцу были построены сользберійскій, йоркскій и многіе другіе соборы. Рано перешелъ готическій стиль и въ Нидерланды; памятники его тамъ—соборы брюссельскій, антверпенскій, утрехтскій, величественныя ратуши брюггская, лувенская, уденардская. Но превосходнѣйшее произведеніе готической архитектуры—кёльнскій соборъ, постройка котораго начата была архіепископомъ Конрадомъ Гохштаденомъ въ 1248 году и планъ котораго былъ составленъ по французскому образцу мастеромъ Гергардомъ; прекрасны и соборы трирскій, фрейбургскій, регенсбургскій; превосходны страсбургскій соборъ, построенный по плану Эрвина Штейнбаха, и храмъ св. Стефана въ Вѣнѣ.

---

2. Средневѣковая поэзія.

а) Французская поэзія.

Владычество французской поэзіи.

Крестовые походы имѣли очень сильное вліяніе на поэзію, перешедшую почти исключительно въ руки свѣтскихъ поэтовъ. Восторженные бойцы за вѣру сами прославляли пѣснями свои подвиги противъ невѣрныхъ; а тою поэзіею, которая воспѣвала вино и любовь, неприлично было заниматься монахамъ. Характеръ романической поэзіи былъ почти одинаковый у всѣхъ народовъ западной Европы; этому содѣйствовали два обстоятельства: люди разныхъ народностей

составляли одно войско въ Палестинѣ, знакомились, обмѣнивались своими преданіями и поэтическими произведеніями; а языкъ Прованса и Каталоніи, на которомъ было написано большинство поэтическихъ произведеній, могли безъ труда понимать люди всѣхъ народовъ южной и западной частей католической Европы. Въ странахъ, бывшихъ областями древней римской имперіи—въ Италіи, Франціи, Испаніи, народъ говорилъ языками, до такой степени близкими между собою, что ихъ можно называть нарѣчіями одного языка. Потому литературныя произведенія одного изъ этихъ народовъ были понятны другимъ, и даже вести разговоры между собой люди этихъ разныхъ земель научались очень скоро. По завоеваніи Англіи норманнами, распространился и тамъ языкъ, господствовавшій въ романтической поэзіи. Ознакомились съ нимъ и нѣмцы черезъ свои походы въ Италію и тѣсную связь съ бургундскимъ королевствомъ, присоединеннымъ къ нѣмецкому. Особенно много людей, знавшихъ этотъ языкъ, было въ южной и западной Германіи. Такимъ образомъ произведенія провансальскихъ и каталонскихъ поэтовъ быстро становились общимъ достояніемъ всей западной Европы. Содержаніе ихъ было не очень разнообразно; оно ограничивалось религіозными поэмами, рыцарскими преданіями, разсказами о подвигахъ современныхъ рыцарей и воспѣваніемъ любви; потому поэзія всѣхъ западноевропейскихъ народовъ усвоила его и повсюду получала одинаковый характеръ. Въ Провансѣ, отчизнѣ религіозной экзальтаціи, рыцарства, пѣсень о любви, «веселой науки», какъ называли тамъ лирическую поэзію, были и «суды любви;» судьями были дамы; онѣ рѣшали вопросы о любви, пѣніи, благородствѣ, изяществѣ; поэзія тамъ, какъ въ гомеровской Греціи, была необходимой принадлежностью пировъ; пѣвцы храбрости и любви въ другихъ странахъ были учениками провансальскихъ поэтовъ; первые итальянскіе поэты, слагавшіе пѣсни на родномъ языкѣ, были подражателями провансальскихъ. Для испанцевъ неистощимый источникъ пѣсень представляли битвы съ маврами, рыцарскія преданія, эпическіе разсказы, рыцарское благородство чувствъ, турниры, любовь; борьба съ мусульманами питала въ нихъ религіозный энтузіазмъ, и они пѣли много на своемъ звучномъ языкѣ. Война съ мусульманами привлекала на Пиренейскій полуостровъ множество рыцарей изъ южной Франціи, и люди разныхъ народностей обмѣнивались тамъ, какъ въ Палестинѣ, произведеніями своей поэзіи. Лирическія пѣсни, романсы и разсказы (новеллы) провансальскихъ трубадуровъ были на сѣверѣ Пиренейскаго полуострова и въ сѣверной Италіи извѣстны почти столько же, какъ въ самомъ Провансѣ. Итакъ, Франція, родина рыцарства, была отчизной и романтическо-рыцарской поэзіи, которая распространилась оттуда по всѣмъ сосѣднимъ странамъ; даже чужія преданія, усвоенныя французскими поэтами, получили у нихъ націо-

нальный характеръ, и ужь только въ этой переработкѣ перешли къ другимъ народамъ. Мы говорили, что въ замкахъ южно-нѣмецкихъ князей и вельможъ очень любили поэзію и пѣніе. Итальянцы, каталонцы, арагонцы учились у трубадуровъ Прованса и Лангедока. Благодаря тому, южно-французская поэзія пріобрѣла первенство надъ сѣверно-французской. Но подъ вліяніемъ норманновъ духъ рыцарства усилился въ сѣверной Франціи; англійскій дворъ былъ норманскимъ; при фландрскомъ дворѣ господствовало такое же направленіе; поэты пѣли тамъ на сѣверно-французскомъ языкѣ; поэтическая дѣятельность на немъ пріобрѣла сильное развитіе. Въ южно-французской поэзіи, находившейся подъ нѣкоторымъ вліяніемъ арабской, владычествовала, какъ въ арабской, лирика. Въ сѣверно-французской, подъ вліяніемъ бретонско-кельтскихъ и норманнскихъ легендъ, получилъ преобладаніе эпосъ. Поэзію очень любили государи, вельможи и рыцари французскаго королевства и норманнскихъ государствъ. Сыновья королей и вельможъ учились пѣнію и музыкѣ. Ричардъ Львиное Сердце и Оттонъ IV считали эти искусства необходимыми для рыцаря. Французы и норманны были главными дѣятелями крестовыхъ походовъ; потому естественно было, что ихъ рыцарская поэзія распространилась по другимъ странамъ. Мы увидимъ, что нѣмецкая поэзія находилась подъ вліяніемъ французской. Нѣмецкое знатное общество взяло въ свой разговорный языкъ много французскихъ словъ и оборотовъ; нѣмецкіе лирическіе поэты и пѣвцы подражали провансальскимъ трубадурамъ и жонглёрамъ, нѣмецкіе эпическіе поэты брали содержаніе своихъ поэмъ у французско-норманнскихъ.

Правда, нѣмецкая поэзія была не чужеземнымъ растеніемъ, перенесеннымъ въ Германію, выросла изъ сѣмянъ, лежавшихъ въ родной почвѣ; правда, миннезингеры не отклонились отъ народной пѣсни такъ далеко, какъ трубадуры, и скоро снова сблизились съ нею; справедливо указаніе и на ту разницу ихъ отъ трубадуровъ, что они сами пѣли свои пѣсни, между тѣмъ какъ знатные трубадуры только слагали пѣсни, а пѣть ихъ поручали пѣвцамъ, которыхъ держали при себѣ для этого; справедливо и то, что многія изъ формъ провансальской лирики не были приняты нѣмецкой, что у нѣмецкихъ миннезингеровъ было много особенностей въ правилахъ стихосложенія и построеніи строфъ; есть разница и въ характерѣ любовныхъ пѣсень: трубадуръ воспѣвалъ даму своего сердца, одну избранницу; миннезингеры больше воспѣвали вообще чувство любви, вообще женщинъ. Но всетаки должно признать, что миннезингеры были ученики трубадуровъ: у нихъ множество выраженій, сравненій, картинъ заимствованныхъ изъ провансальской поэзіи, характеръ и ходъ мыслей тотъ же; сходство такъ велико, что не можетъ быть объяснено одинаковостью рыцарскаго быта во всѣхъ западныхъ

странахъ; очевидно, миннезингеры дѣлали простыя заимствованія изъ пѣсень трубадуровъ, переводили ихъ, подражали имъ; ясно, что нѣмецкая лирическая поэзія была въ такой же зависимости отъ французской, какъ эпическая. Это естественно: сосѣдами нѣмцевъ на очень большомъ протяженіи были южные французы; воины обѣихъ народностей соединялись въ крестовыхъ походахъ; потому прованскія пѣсни не могли быть неизвѣстны швабскимъ, австрійскимъ, тюрингскимъ миннезингерамъ. Графъ Рудольфъ Нейенбургскій (Нефшательскій) такъ близко подражалъ Фульке Марсельскому, что его пѣсни похожи на переводы провансальскихъ. Въ XIII вѣкѣ Франція была, какъ въ XVIII, передовой страной, была законодательницей модъ и нравовъ для знатнаго сословія всей Европы, владычествовала во всѣхъ дѣлахъ вкуса, искусства, изящества. Французы были учителями другихъ народовъ не въ одной только лирической и эпической поэзіи: Парижъ былъ главнымъ центромъ схоластики. Когда рыцарство упало, и поэзія обратилась къ дидактическимъ и историческимъ поэмамъ, это преобразованіе было сдѣлано французскими поэтами; другіе научились писать въ новомъ вкусѣ у нихъ. Прованскіе поэты еще въ началѣ XIII вѣка стали разсказывать стихами историческія событія; предметомъ своихъ стихотворныхъ разсказовъ они взяли альбигойскія войны. Въ самыя времена этихъ войнъ была сложена поэма о крестовомъ походѣ на альбигойцевъ; первая часть ея написана въ духѣ іерархіи, вторая часть проникнута симпатіей къ преслѣдуемымъ; потому полагаютъ, что авторомъ второй части былъ другой поэтъ. Нидерландскія и нѣмецкія риѳмованныя хроники возникли позднѣе этой поэмы.

---

1. Лирическая поэзія.

Какъ по всему характеру жизни, такъ и по своей поэзіи южная Франція очень долго оставалась страною, отдѣльною отъ сѣверной. На южномъ языкѣ слово „да“—oc, на сѣверномъ оно въ старину было oil; потому южную Францію называли страною языка oc, langue d'oc, сѣверную—страной языка oil, langue d'oil (или, по новой формѣ слова, langue d'oui). Въ областяхъ, лежащихъ у Пиреней, Средиземнаго моря, по Гароннѣ и Ронѣ романская національность была менѣе подавляема иноземцами, чѣмъ въ сѣверной Франціи, потому тамъ рано развилась поэзія; веселый харахтеръ южныхъ французовъ благопріятствовалъ этому. Странствующіе пѣвцы, бывавшіе съ тѣмъ вмѣстѣ фокусниками, ходили изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ. Ихъ легкомысленная жизнь возбуждала порицанія духовенства; оно возставало противъ шутовъ и скомороховъ, которыхъ называли по латини scurrae, mimi, joculatores (названіе jongleur—французская форма латинскаго слова joculatores). Когда развилось рыцарство, искусство этихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, имѣвшее грубый характеръ, стало неудовлетворительно для знатныхъ людей; князья, вельможи, рыцари желали болѣе изящной поэзіи,

сами занялись ею, облагородили ея содержаніе, улучшили ея формы, и рядомъ съ народными пѣснями возникло искусство трубадуровъ (или, по сѣверной формѣ этого слова, труверовъ), предназначенное для высшаго общества, изящное; оно оказало сильное вліяніе на духъ рыцарскаго сословія, къ которому принадлежали его поэты. Мы ужь ознакомились съ характеромъ пѣнія трубадуровъ. По языку поэзія ихъ также была гораздо изящнѣе простонародной, формы ихъ пѣсень были разнообразнѣе, риѳмы и стихъ правильнѣе; они ожявляли весельемъ рыцарскій бытъ, прославляли красоту женщинъ, щедрость государей и вельможъ, любившихъ поэзію. Большинство трубадуровъ составляли люди изъ низшаго дворянства, находившагося на службѣ у князей; эти трубадуры, небогатые и незнатные, не отказывались принимать подарки отъ знатныхъ владѣтелей и дамъ, въ замкахъ которыхъ жили и въ честь которыхъ слагали свои пѣсни; подарками бывали оружіе, одежда, конь, иногда и небольшое ленное имѣніе, или и просто деньги; но поэзія и пѣніе всетаки оставались свободнымъ искусствомъ; имъ занимались не изъ-за выгоды, а для рыцарской славы; потому вельможи, князья, короли стали считать честью себѣ быть трубадурами. Во Франціи, Испаніи, Италіи, Англіи короли, желавшіе показать себя достойными своего сана, принимали трубадуровъ съ почетомъ, щедро награждали ихъ за пѣсни; это было однимъ изъ правъ на славу. Для развитія силы и ловкости устроивались турниры и другія рыцарскія игры; подобно этому бывали состязанія трубадуровъ, и вѣроятно при многихъ дворахъ съ этими поэтическими праздниками соединялись суды любви; пѣвцы состязались тенсами (tensos), поочередными пѣснями; дамы постановляли приговоръ—кто изъ нихъ побѣдилъ—и давали изъ своихъ рукъ награду. Искусство рецитировать поэтическіе разсказы тоже было очень пріятнымъ талантомъ для общества, въ которомъ умѣнье читать было еще мало распространено, но всѣ интересовались удивительными приключеніями. Писать умѣли лишь немногіе трубадуры; большинство ихъ диктовали свои пѣсни писцамъ; „диктовать“ значило тогда слагать пѣсни.

Покровители поэзіи.

Знаменитѣйшими покровителями поэзіи были графы провансскіе, изъ каталонской династіи, и графы тулузскіе; изъ графовъ провансскихъ особенно славились, какъ друзья поэзіи, Ремонъ Беранже́ (Раймондо Беренгаріо) III, царствовавшій въ 1167—1181 годахъ, братъ короля арагонскаго; племянникъ его, сынъ арагонскаго короля Альфонсъ II (1196—1209), сынъ Альфонса II, Ремонъ Беранже́ IV (1209—1245). Карлъ Анжуйскій, женившійся на Беатрисѣ, дочери Ремона Беранже́ IV и сдѣлавшійся по его смерти графомъ провансскимъ, не былъ любителемъ поэзіи; изъ графовъ тулузскихъ особенно знаменитъ покровительствомъ поэзіи Ремонъ V (1148—1191); при его блестящемъ дворѣ жили величайшіе поэты того времени: Пейръ Рожье́, Бернаръ Ваншадурскій, Пейръ Ремонъ Тулузскій. При его сынѣ Ремонѣ VI (1191—1222) и внукѣ его Ремонѣ VII свирѣпствовали альбигойскія войны, и веселыя пѣсни трубадуровъ замолкли. — Изъ другихъ южнофранцузскихъ государей и вельможъ славились покровительствомъ поэзіи: Ричардъ Львиное Сердце, бывшій до своего восшествія на англійскій престолъ графомъ пуатускимъ; графъ Гильіомъ монпельерскій (1172—1204); графы марсельскіе и оранжскіе изъ династіи Бо (Baux); Роберъ, графъ Овернскій; знаменитыми покровительницами поэзіи были виконтесса Эрменгарда нарбоннская (умершая въ 1192 году) и королева Элеонора. Въ Арагоніи, короли которой принадлежали, подобно графамъ провансскимъ, къ барселонской династіи, славились покровительствомъ поэтамъ Альфонсъ II (1137—1196), Педро II (1196—1213) и Педро III (1276—1285); изъ королей кастильскихъ покровителями поэзіи были Альфонсъ IX (1188—1229) и Альфонсъ X (1252—1284). О томъ, что покровительствовали трубадурамъ Фридрихъ II и его сынъ Манфредъ, мы ужь говорили. Бонифацій, маркграфъ монферратскій, сдѣлавшійся королемъ оессалоникскимъ, и маркграфъ Аццо VII Эсте также любили поэзію.

Ходъ исторіи поэзіи и главные поэты.

Во второй половинѣ XIII вѣка поэзія трубадуровъ начала падать. Альбигойскія войны раззорили народъ и вельможъ, нравы стали грубѣе, любовь къ поэзіи охладѣла, поэтамъ и пѣвцамъ ужь не было прежнихъ наградъ. Гиро въ половинѣ XIII вѣка жалуется, что нравы дворянства испортились, прежніе блестящіе турниры замѣнились грабежомъ проѣзжихъ и сосѣдовъ, рыцари занимаются не военными играми, а захватываніемъ чужихъ стадъ. Въ одной изъ пѣсенъ Ремона Видаля старый пѣвецъ говоритъ: „Рыцари и дамы ходятъ опустивъ головы; наука (то есть, искусство трубадуровъ) не пользуется уваженіемъ, и желающіе заниматься ею подвергаются пренебреженію, отнимающему у нихъ бодрость.“ Пьеръ Кардиналь и Сордель (итальянецъ по происхожденію) горько жалуются на упадокъ любви къ поэзіи. Пятьдесятъ лѣтъ поэзія трубадуровъ вырабатывала свои формы; представителемъ этого періода можно назвать Гильема Пуатьерскаго; сто лѣтъ длилась цвѣтущая эпоха ея; въ это время слагали свои пѣсни Бернаръ де Вантадуръ, Бертранъ де Борнъ, „учитель любви,“ Арно Даніэль, о которомъ съ уваженіемъ говоритъ Данте, Гиро де Борнель, „наставникъ трубадуровъ“; потомъ наступила эпоха замѣны лирической поэзіи дидактикой; Гиро Рикье былъ единственнымъ великимъ поэтомъ въ этотъ періодъ упадка. Мы назвали знаменитѣйшихъ трубадуровъ; большой славой пользовались также Фульке Марсельскій, Укъ (Uc, Юкъ) Брюне, Госельмъ Федп, о которомъ говорили, что его языкъ—шлемъ, щитъ, мечъ и копье, Гильемъ Кабестенъ, Ремонъ Мираваль, Эмерикъ Пакиленъ.

Форма провансальской лирики.

Трубадуры выработали, какъ мы говорили, форму пѣсенъ болѣе изящную, чѣмъ простонародная. Они строже соблюдали размѣръ стиха и чистоту риѳмъ; слоги съ удареніями и безъ удареній чередовались у нихъ правильными стопами тонической версификаціи; число стопъ въ стихѣ было разнообразно, но въ каждомъ стихѣ соотвѣтствовало принятому для строфы размѣру; трубадуры чаще употребляли ямбъ, чѣмъ хорей; строфы у нихъ были очень разнообразны и гармоничны; благодаря всему этому, форма ихъ пьесъ была художественна. Общими правилами формы народной пѣсни были: всегда риѳмуютъ между собою два или три стиха одинаковаго размѣра, поставленнаго рядомъ; каждый стихъ—особое предложеніе или часть его; не допускаются такіе переносы конца фразы изъ одного стиха въ другой, чтобы слѣдующая фраза начиналась съ средины стиха. Трубадуры отбросили эти правила; у нихъ риѳмы могли перемежаться между собою, стихи не равной длины тоже; допускались и переносы части фразы изъ одного стиха въ другой. Они очень свободно строили свои строфы, разнообразіе которыхъ доказываетъ, что у нихъ было тонкое чувство гармонической красоты. Они заимствовали изъ народныхъ церковныхъ пѣсенъ припѣвъ, и употребляли его часто, какъ превосходное средство дѣйствовать на чувство повтореніемъ основной мысли, основного аккорда пьесы. Риѳмы у нихъ очень разнообразны, мужскія и женскія чередуются съ большимъ вкусомъ, прекрасно дѣйствуютъ на слухъ своею гармоніей.

Виды лирики.

Мы говорили, что и виды лирики у трубадуровъ разнообразны; они различали много отдѣловъ ея, давая каждому особое названіе. Впрочемъ, эти названія у разныхъ трубадуровъ не одинаковы, потому что нѣкоторые отдѣлы имѣли большое сходство между собой, и легко можно было смѣшивать ихъ. Пьесы, написанныя многосоставными строфами, въ которыхъ длинные стихи чередуются съ короткими и не всѣ имѣютъ одну риѳму, назывались канцонами; пьесы, подобно народнымъ пѣснямъ состоящія изъ простыхъ строфъ, назывались „стихотвореніями,“ vers.

I. Любовныя пѣсни.

Трубадуры начинали свои эротическія пѣсни, какъ дѣлали и нѣмецкіе миннезингеры, картинами природы. Зелень луговъ, благоуханіе цвѣтовъ, деревья, свѣтъ солнца, пѣнье птицъ постоянно даютъ имъ матеріалъ упо-

добленій и вступительныхъ очерковъ; эти маленькія картины часто бываютъ у нихъ очень граціозны. Вліяніе классической поэзіи почти незамѣтно въ ихъ пѣсняхъ, потому что лишь немногіе изъ нихъ были знакомы съ нею. Въ своихъ эротическихъ пѣсняхъ трубадуры (какъ и меннезингеры) прославляютъ красоту и душевныя достоинства знатныхъ дамъ. Вообще говоря, поэтъ не имѣлъ близкихъ отношеній къ дамѣ, которую прославлялъ: она стояла гораздо выше его по своему общественному положенію. Онъ обыкновенно говорилъ, что его поклоненіе ей должно оставаться тайной, не называетъ ея прямо по имени, только описываетъ ее подъ какимъ нибудь аллегорическимъ названіемъ. Онъ не отдавалъ свои пѣсни ей самъ, а посылалъ черезъ посредника или посредницу, или пѣлъ ихъ ей по порученію поэта пѣвецъ; второй способъ передачи былъ обыкновеннымъ, потому что большинство дамъ не умѣло читать.—Итакъ, любовныя пѣсни трубадуровъ были вообще не выраженіемъ дѣйствительнаго чувства, а продуктомъ фантазіи; въ нихъ нѣтъ страсти, она замѣняется заботливо придуманными похвалами; въ нихъ нѣтъ живыхъ, фактическихъ подробностей, нѣтъ свѣжести; это описанія красоты, составленныя въ общихъ выраженіяхъ; поэтъ превозноситъ по правиламъ искусства даму, по правиламъ искусства говоритъ о своей любви къ ней и жалуется на ея холодность. Хорошимъ трубадуромъ былъ тотъ, который, по тогдашнему выраженію, „зналъ искусство воспѣвать любовь.“ Только въ двухъ разрядахъ любовныхъ пѣсенъ трубадуровъ встрѣчаются пьесы, проникнутыя живымъ чувствомъ и внушенныя, вѣроятно, не фантазіей, а дѣйствительными отношеніями поэта къ той, о которой онъ говоритъ; одинъ изъ этихъ разрядовъ—альбы (albas), пѣсни разсвѣта, въ которыхъ поэтъ жалуется, что ночное свиданіе прекращено разсвѣтомъ утра; другой разрядъ—серены (serenas), пѣсни дня, въ которыхъ поэтъ нетерпѣливо дожидается наступленія вечера. Но большая часть любовныхъ пѣсенъ трубадуровъ—вымыслы; поэтъ припоминаетъ счастье, какое доставилъ ему подарокъ или благосклонный взглядъ дамы, или жалуется на ея холодность, или оплакиваетъ разлуку съ ней, смерть ея. Въ числѣ грустныхъ пѣсенъ есть прекрасныя. Тѣ любовныя пѣсни, въ которыхъ разсказывались любовныя приключенія, назывались романсами.

2. Сирвенты.

Трубадуры слагали и политическія пѣсни, въ которыхъ обличали дурныя стороны общественной жизни, вступались за дѣло своей партіи или своего покровителя, рѣзко нападали на политическихъ противниковъ. Эти пьесы назывались сирвентами, sirventes, служебными пѣснями. Разсказывая объ альбигойскихъ войнахъ, мы говорили, что онѣ производили иногда сильное дѣйствіе на умы рѣзкимъ осмѣяніемъ и порицаніемъ враговъ. Сирвенты изображали современную жизнь во всѣхъ проявленіяхъ, пересказывали всѣ междоусобія; многіе изъ поэтовъ, слагавшихъ эти политическія пѣсни, были друзьями государей, интересы которыхъ защищали. Тонъ сирвентъ былъ страстный, авторы нападали на личность врага.—Сирвенты дѣлились на политическія, личныя и моральныя. Въ политическихъ, поэтъ занимался общественными дѣлами, призывалъ друзей къ бою на защиту своей партіи или своего покровителя, или къ крестовому походу, безпощадно порицалъ враговъ, оплакивалъ смерть своего покровителя; въ личныхъ сирвентахъ онъ защищалъ свое личное дѣло, опровергалъ упреки противника, самъ упрекалъ его; въ моральныхъ онъ нападалъ на общіе пороки своего времени или на пороки того или другого сословія; чаще всего трубадуры порицали пороки духовенства.—Политическими сирвентами славился Бертранъ де Борнъ; его пламенныя пѣсни переходили изъ устъ въ уста и сильно содѣйствовали упорности войнъ, которыя вели противъ отца сыновья Генриха II, короля англійскаго.

Бертранъ де Борнъ.

3. Тенсы и пастореллы.

Провансальскіе поэты любили также слагать тенсы и пастореллы. Тенсами назывались пьесы, въ которыхъ слѣдовали одна за другой пѣсни поэтовъ, состязавшихся между собой за первенство; соперники поочередно пѣли пѣсни на одну и ту же тэму; судьи состязанія рѣшали, кому изъ нихъ дать награду, какъ побѣдителю. Тэмой бывалъ какой нибудь замысловатый вопросъ, при разрѣшеніи котораго можно было выказать блестящее остроуміе; часто случалось, что въ сущности онъ былъ пустой, и отвѣты на него представляли собой лишь наборъ словъ. Были слагаемы и разговоры между поклонникомъ дамы и дамою. Пасторелламн назывались пѣсни о любви пастуховъ и пастушекъ, вообще поселянъ и поселянокъ, идиллическія описанія природы и сельскаго быта.

Сѣверно-французская лирика.

Отчизной рыцарской лирики была южная Франція. На сѣверѣ только Бретань имѣла самобытную лирику; во всей остальной сѣверной Франціи лирическіе поэты были подражателями трубадуровъ. Сѣвернофранцузскія „пѣсни“ lais, соотвѣтствовали канцонамъ, имѣли, подобно имъ, разнообразное содержаніе, серьезное, элегическое, веселое, шутливое, и пѣлись тоже съ аккомпаньементомъ струннаго инструмента. Сѣверные менестрели (ménéstrels, ménéstriers), подобно жонглёрамъ, ходили изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ, были пѣвцы, музыканты и вмѣстѣ фокусники, шуты. Лишь одинъ родъ эротической поэзіи получилъ особенное развитіе у менестрелей, „разсказъ“ въ стихахъ, fabliau; содержаніе этихъ разсказовъ было иногда серьезное, нравоучительное, иногда веселое, легкомысленное, не чуждавшееся и неприличныхъ шутокъ; развитіе fabliau у сѣверныхъ французовъ соотвѣтствовало ихъ любви къ повѣствовательной поэзіи, роману, новеллѣ, легендѣ, риѳмованнымъ хроникамъ. Знаменитѣйшими изъ сѣвернофранцузскихъ лирическихъ поэтовъ, chansoniers („пѣвцовъ“) были Пьеръ Краонъ, Тибо, графъ шампанскій, король наварскій (1201—1253), Кастельянъ де Куси (т. е. правитель замка Куси), Гассъ Брюле, Жакъ де Шизонъ, Эсташъ Реймсскій, называвшійся живописцемъ и умершій около 1240. Тибо Шампанскій слагалъ эротическія пѣсни, въ которыхъ у него, какъ и трубадуровъ, лишь изрѣдка встрѣчается глубокое чувство, слагалъ и гимны въ славу Богоматери, другіе гимны религіознаго содержанія. Та дама, которую прославлялъ онъ, была, какъ полагаютъ, королева Бланка, мать Людовика IX. Кастельянъ де Куси сопровождалъ Ричарда Львиное Сердце въ Палестину и, кажется, погибъ тамъ; знаменитостью онъ обязанъ не столько своимъ пѣснямъ, сколько роману „Исторія Кастельяна де Куси и госпожи де Файель“, написанному, вѣроятно, въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка и пользовавшемуся очень большой популярностью.

Тибо Шампанскій.

---

2. Бретонско-французская эпическая поэзія.

Эпическія пѣсни менестрелей.

Трубадуры слагали и эпическія пѣсни, но лирика преобладала у нихъ. Отчизной романа и новеллы была сѣверная и западная Франція. Провансальскіе поэты почти не имѣли самостоятельныхъ произведеній этого рода; они вообще лишь переработывали бретонскія, норманскія, сѣвернофранцузскія преданія; самостоятельными эпическими произведеніями въ такой поэзіи были только немногія дидактическія или религіозныя поэмы въ духѣ вальдійцевъ (стр. 51). Сѣвернофранцузская эпическая поэзія имѣла съ лирической то сходство, что поэмы рецитировались съ аккомп-

паньементомъ струннаго инструмента. Сначала эпическія поэмы слагало духовенство; потомъ явились свѣтскіе поэты, трувёры; матеріалъ для своихъ поэмъ они заимствовали изъ латинскихъ книгъ и народныхъ разсказовъ; пѣвцы, менестрели, ходили по городамъ и замкамъ и пѣли отрывки изъ этихъ поэмъ; содержаніе поэмъ было извѣстно всѣмъ, потому каждый отрывокъ былъ понятенъ. Поэмы слагались въ такой формѣ, что удобно было рецитировать ихъ небольшими отдѣлами; бывали такія строфы, что каждая изъ нихъ образовала особый отдѣлъ; въ началѣ отдѣла повторялось содержаніе предъидущаго. Размѣрами этихъ поэмъ былъ александрійскій стихъ, леонскій стихъ (vers leonin), пятистопный ямбъ, четырехстопный ямбъ. Особенно любили трувёры леоновъ стихъ съ богатыми риѳмами; о немъ говорили, что онъ царь стиховъ, какъ левъ царь звѣрей. Во всѣхъ поэмахъ употребляются постоянные эпическіе эпитеты и обороты рѣчи; но не имѣютъ такой неизмѣнности, какъ у Гомера.

1. Духовныя поэмы.

На всемъ христіанскомъ западѣ поэзія до крестовыхъ походовъ находилась, какъ мы говорили, въ рукахъ духовенства. Само собою понятно, что она была тогда почти исключительно религіозная. Развитіе ея состояло только въ томъ, что мало по малу входило въ обычай писать стихи на родномъ языкѣ. Въ XII вѣкѣ авторы эпическихъ поэмъ еще были большею частью монахи. Содержаніе ихъ произведеній было въ сѣверной Франціи такое же, какъ и въ другихъ земляхъ, и форма была такая же, какъ вездѣ; эпическіе разсказы изъ жизни Христа, Богоматери, апостоловъ, мучениковъ, другихъ святыхъ, передавали священныя легенды, бывшія, подобно догматикѣ и формамъ богослуженія, общими для всѣхъ западныхъ народовъ; разнились онѣ лишь по языку. Это были обыкновенно передѣлки латинскихъ разсказовъ. Кромѣ общихъ христіанскихъ сказаній, правда, излагались въ стихахъ на родномъ языкѣ и преданія о жизни и чудесахъ мѣстныхъ святыхъ; но они имѣли повсюду одинаковый характеръ, существеннаго различія между ними не было. Будучи лишь излагателями общеизвѣстныхъ преданій, авторы рѣдко называли себя по имени въ заглавіяхъ; участіе ихъ личныхъ особенностей въ ихъ трудахъ было ничтожно. Въ отдѣлѣ о нѣмецкой поэзіи мы будемъ подробнѣе говорить объ этихъ духовныхъ поэмахъ, которыя въ первоначальномъ своемъ видѣ были написаны французскими монахами, потомъ переводились или передѣлывались монахами другихъ странъ. Особенно нравились тогда разсказы, имѣвшіе мѣстомъ дѣйствія Востокъ или другія отдаленныя земли, рисовавшіяся воображенію западныхъ народовъ въ сказочномъ блескѣ. Къ числу самыхъ старыхъ и знаменитыхъ поэмъ этого рода принадлежатъ: „Хожденіе святого Брандана въ земной рай“, монашеская Одиссея, написанная восьмистопными стихами съ безпорядочно перемежающимися мужскими и женскими риѳмами; она была переведена и на фламандскій, и на нѣмецкій языки; Исторія императора Ираклія, главное содержаніе которой — возвращеніе Животворящаго Креста христіанскому міру и установленіе праздника воздвиженія Честнаго Креста; и — самая популярная изъ всѣхъ духовныхъ поэмъ того времени — „Жизнь святого Іосафата“, прославляющая побѣду христіанства надъ язычествомъ и еврейской вѣрой, и преодолѣніе обольщеній чувственности. Основаніемъ для этой поэмы служитъ разсказъ, авторомъ котораго ошибочно считался Іоаннъ Дамаскинъ; онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ; Шартри, уроженецъ Нормандіи, переложилъ стихами латинскій переводъ на французскій языкъ; его поэма была переводима на другіе языки.

Этотъ разсказъ о томъ, какъ сынъ индійскаго царя Іосафата былъ обращенъ въ христіанство пустынникомъ Варлаамомъ, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній хри-

стіанской поэзіи. Человѣческая жизнь, всѣ скорби и радости ея—мимолетный сонъ; всѣ мы идемъ къ смерти, и не должны ни на минуту забывать о ней; и безумны всѣ тѣ наши мысли и дѣла, которыя не служатъ приготовленіемъ къ смерти,—такова основная мысль разсказа. Она развивается очень искусно: особенно хороши притчи, въ которыя облекается она. Вообще, разсказъ объ Іосафатѣ и Варлаамѣ одна изъ лучшихъ апологій отшельничества.

2. Поэмы изъ цикла легендъ о Карлѣ Великомъ.

Въ духовныхъ поэмахъ вмѣстѣ съ назидательностью основныхъ мыслей сильно проявляется и заинтересованность той эпохи крестовыми походами, побѣдами христіанъ надъ мусульманами или, по тогдашнему смѣшенію понятій, надъ язычниками. Еще рѣзче выражается эта заинтересованность въ романтическомъ эпосѣ, представляющемъ сліяніе церковныхъ элементовъ съ мірскими, противопоставляющемъ христіанство язычеству (то есть, мусульманству), прославляющемъ храбрость и душевное благородство рыцарей, красоту и свѣтскую любезность дамъ. Жизнь Карла Великаго была съ давняго времени оплетена тканью поэтическихъ сказаній; въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы подробнѣе ознакомимся съ отношеніями этихъ легендъ къ миѳической исторіи крестовыхъ походовъ; теперь замѣтимъ только, что походъ Карла въ Испанію и войны его съ саксонцами считались началомъ великой борьбы съ невѣрными, которой былъ данъ такой громадный размѣръ крестовыми походами. Естественно было, что въ эпоху этихъ походовъ старыя любимыя легенды о Карлѣ Великомъ и его сподвижникахъ были разработаны, соединены въ обширныя поэмы, связаны съ походами христіанъ въ святую землю, и Карлъ Великій былъ прославляемъ, какъ идеалъ воина вѣры. Авторами первыхъ легендарныхъ исторій Карла Великаго, имѣвшихъ это направленіе, были люди духовнаго званія. До насъ дошли два латинскіе религіозные романа, написанные монахами: „Походъ Карла Великаго въ святую землю“ и „Хроника Турпина“, сводъ легендъ о походѣ Карла на испанскихъ сарацинovъ. Хроника эта была составлена въ первой половинѣ XII вѣка по старымъ пѣснямъ и прозаическимъ сказаніямъ. Турпинъ, которому приписана она, былъ монахъ Сенъ-Денисскаго аббатства, потомъ архіепископъ реймсскій. Вскорѣ послѣ своего появленія она была переведена на французскій языкъ. Хроника Турпина была главнымъ источникомъ романовъ изъ цикла легендъ о Карлѣ Велакомъ; но авторы ихъ пользовались и болѣе старыми источниками, пѣснями и легендами, разсказывавшими о дѣлахъ Карла до похода въ Испанію и послѣ этого похода. Въ нихъ преобладаетъ мірской элементъ; въ „Хроникѣ Турпина“ дѣятельность Карла получила религіозную окраску. Такимъ образомъ, въ поэмахъ о Карлѣ Великомъ этотъ герой имѣетъ двоякое значеніе: онъ, во-первыхъ, храбрый свѣтскій государь въ простомъ военномъ смыслѣ слова, усмиряющій мятежныхъ барoновъ; во-вторыхъ, онъ воинъ божій, сражающійся за христіанство съ невѣрными. Важнѣйшіе эпизоды борьбы его съ мятежными вассалами — войны съ сыновьями Эмона и съ вѣроломной майнцской династіей, глава которой Ганелонъ. Когда онъ идетъ противъ невѣрныхъ, сыновья Эмона отлагаютъ на время свою вражду противъ него и вмѣстѣ съ нимъ храбро бьются противъ невѣрныхъ; но коварный Ганелонъ и его сообщники жертвуютъ своей злобѣ интересами христіанства. У Карла хотѣли отнять престолъ сыновья его отца, рожденные отъ другой жены; двѣнадцать героевъ помогли ему побѣдить ихъ,—и остаются избранными его сподвижниками; число ихъ, двѣнадцать, соотвѣтствуетъ числу апостоловъ; они помогаютъ Карлу расширять царство божіе, идутъ съ нимъ въ Іерусалимъ; тамъ является надъ ихъ головами сіяніе, показывающее всѣмъ, что они святые бойцы за вѣру; они сражаются съ саксонцами и сарацинами; из-

мѣна предателя Ганелона, второго Іуды, губитъ ихъ: они умираютъ мученической и геройской смертью въ Ронсевальской Долинѣ; Карлъ съ немногими сподвижниками спасается отъ смерти, мститъ за нихъ и оплакиваетъ ихъ погибель. Пѣсни о нѣкоторыхъ эпизодахъ этой легендарной исторіи были сложены очень давно; ихъ пѣли воины, идущіе въ бой, пѣли на пирахъ. Около половины XII вѣка Тюрольдъ (Тюро) составилъ изъ нихъ эпосъ, называвшійся „Пѣснью о Роландѣ“ Chanson de Roland или „Пѣснью о Ронсевальской битвѣ“ Chanson de Roncevaux; поэты слѣдующаго времени во Франціи и въ другихъ странахъ переработывали ее; мы подробнѣе разсмотримъ ее въ отдѣлѣ о нѣмецкой поэзіи. Быть можетъ, впрочемъ, что и самъ Тюро лишь переложилъ на сѣверный французскій языкъ и переработалъ болѣе старую поэму, написанную на провансальскомъ языкѣ; изъ южнофранцузскаго романа „Филомена“, ставящаго основаніе Грасскаго (La Grasse) аббатства (близъ Каркассоны) въ связь съ походомъ Карла въ Испанію, мы знаемъ, что въ Провансѣ съ очень давняго времени существовали пѣсни и разсказы объ этомъ походѣ.

Въ поэмахъ, содержаніе которыхъ взято изъ преданій о Карлѣ Великомъ, герои имѣютъ старый, суровый характеръ; они менѣе грубы, чѣмъ герои нѣмецкаго эпоса, въ нихъ иногда проявляются элементы рыцарскаго изящества и благородства; но они всетаки жаждутъ только битвъ, сердца у нихъ желѣзныя, какъ ихъ латы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они защитники христіанства, избранники Божіи. По манерѣ изложенія, по размѣру стиха эти поэмы очень однообразны, и характеры героевъ ихъ обрисованы лишь типическими чертами: Карлъ — царь, спокойный и величавый; Немъ Баварскій — разсудительный совѣтникъ, старикъ; Роландъ и его сподвижникъ Оливье — бойцы, одаренные необыкновенной физической силой; Ганелонъ—предатель; почти только этимъ и ограничивается характеристика ихъ. Всѣ поэмы (или, по тогдашнему названію, романы) изъ цикла преданій о Карлѣ Великомъ, за исключеніемъ двухъ, группируются въ два разряда: въ однихъ главное содержаніе составляютъ войны съ невѣрными, въ другихъ — войны съ мятежными вассалами. Подъ эти разряды не подходятъ поэма о Бертѣ Большеногой и прекрасная поэма «Флоръ и Бланшфлюра». Романъ «Берта Большеногая» написанъ Адене́ ле-Руа, менестрелемъ Генриха III, герцога брабантскаго; основой этой поэмы служило народное преданіе о Бертѣ, матери Карла Великаго, доброй и прекрасной, подвергавшейся тяжелымъ обидамъ, прогнанной мужемъ, молча выносившей оскорбленія и страданія.—Флоръ и Бланшфлюра—отецъ и мать Берты; поэма о нихъ пересказываетъ народное преданіе; она вѣроятно переработка недошедшей до насъ провансальской поэмы; ея содержаніе — исторія нѣжной и чистой любви Флора и Бланшфлюры. — Къ разряду поэмъ, въ которыхъ прославляются войны Карла и его сподвижниковъ съ невѣрными, принадлежатъ всѣ тѣ, которыя разсказываютъ о его походѣ въ Испанію. Важнѣйшія изъ преданій о войнахъ Карла съ мятежными вассалами — разсказы о «Четырехъ сыновьяхъ Эмона», Les quatre fils d'Aymon. Самой популярной и, кажется, первой по времени поэмой этого цикла была поэма о Рено Монтобанскомъ (Renaut de Montauban), одномъ изъ сыновей Эмона, написанная Гюономъ Вилльнёвскимъ (Huon de Villeneuve) въ началѣ XIII вѣка; она въ переложеніяхъ на другіе языки распространилась по всей Европѣ. Гюону приписывается и поэма о волшебникѣ Можи (Maugis) Эгремонскомъ, двоюродномъ братѣ сыновей Эмона. Рено Монтобанскій, суровый вспыльчивый воинъ,— идеалъ храбрости; Можи, сынъ Буово Эгремонскаго,—мудрецъ; силой знанія онъ пріобрѣлъ владычество надъ адскими духами; въ преданіяхъ о немъ много веселости. Къ этому же разряду принадлежитъ поэма «Гаренъ Монглевскій», Garin de Montglaive; въ ней разсказывается объ осадѣ Карломъ Великимъ крѣпости Віаны (Viane, то есть, Віэнны, Vienne), въ которой заперся мятежный вассалъ Жираръ. Пополненіемъ къ поэмамъ о сыновьяхъ Эмона была не дошедшая до насъ поэма о Мабріанѣ; она была, впослѣдствіи, подобно другимъ поэмамъ, переложена въ прозу; эта прозаическая редакція разсказываетъ о смерти Ренò Монтобанскаго и Можи, о приключеніяхъ и подвигахъ

Иво, короля іерусалимскаго, сына Рено Монтобанскаго, и Мабріана, внука Рено. Къ числу поэмъ, разсказывающихъ о войнахъ Карла съ мятежными вассалами, принадлежатъ также «пѣсни» (chanson de geste) или «романы» «Гюонъ Бордосскій», въ исторію котораго внесена легенда о царѣ карликовъ или эльфовъ, волшебникѣ Оберонѣ, «Доонъ Майнцскій» (Doon de Mayence или Дооленъ Майнцскій, Doolin), «Ожье Датчанинъ». — Очень много вреда воинамъ Карла въ Испаніи наносилъ великанъ Фіэрабрасъ; но потомъ онъ обратился въ христіанство. Эти поэмы, ихъ переводы и сдѣланныя впослѣдствіи переложенія ихъ въ прозу были очень популярны во всѣхъ странахъ западной Европы.—Изъ легендъ о рыцаряхъ Карла Великаго заимствованы и разсказы о Гильіомѣ Оранскомъ (Orange, то есть Оранжскомъ), предшественникѣ крестоносцевъ (VI, стран. 513), который очень долго сражался съ невѣрными, одержалъ много удивительныхъ побѣдъ надъ ними, потомъ поступилъ монахомъ въ основанное имъ близъ Лодевы Гальіонское аббатство.

3. Поэмы цикла легендъ объ Артурѣ.

Важнѣйшія изъ преданій о Карлѣ Великомъ были собраны въ Хроникѣ Турпина; такое же значеніе для другого цикла поэмъ имѣетъ Хроника Годефруа Монмаутскаго или ап-Артюра (Geoffrey ap Arthur, Джеффри Артюрова): въ ней собраны уэльскія и бретонскія народныя сказанія. Онъ говоритъ, что не самъ собралъ ихъ; они были собраны въ книгѣ, написанной на бретонскомъ языкѣ и привезенной изъ Бретани ученымъ бенедиктинцемъ Уальтеромъ, архидіакономъ оксфордскимъ; онъ только перевелъ ихъ изъ этой книги на латинскій языкъ по желанію своего господина, Роберта, графа глосстерскаго. Въ книгѣ, привезенной Уальтеромъ, разсказывались дѣла всѣхъ британскихъ королей, отъ Брута, перваго короля, до Кадваладра, сына Кадваллона. Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ правдивости этихъ словъ. Переводъ сдѣланъ былъ въ первой половинѣ XII вѣка: Робертъ, графъ глосстерскій, умеръ въ 1143, а Годефруа Монмаутскій въ 1154 году.—Итакъ, „исторія британскихъ королей“ Годефруа Монмаутскаго—сводъ народныхъ кимрскихъ пѣсень и сказаній; она была главнымъ источникомъ, изъ котораго заимствованъ матеріалъ поэмъ о королѣ Артурѣ (или Артусѣ) и его рыцаряхъ Круглаго Стола. Но само собою разумѣется, что авторы поэмъ брали матеріалъ и прямо изъ народныхъ преданій, пользовались и другими источниками.

Возникновеніе легендъ объ Артурѣ.

Въ древнихъ пѣсняхъ бардовъ прославляются легендарные короли Британніи, Овенъ, Артусъ, Герентъ. Эти пѣсни, въ которыхъ выражается печаль народа о покореніи родной страны англосаксами, сохранялись особенно хорошо въ Бретани, куда эмигрировали британцы изъ Англіи. Въ «Исторіи Британніи», составленной по народнымъ преданіямъ и приписываемой монаху Неннію, встрѣчаются почти всѣ герои поэмъ объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. Сохранявшіяся въ Бретани сказанія о древнихъ британскихъ царяхъ, рядъ которыхъ идетъ отъ Брута (то есть, Брита, Британца) до Кадваларда, пріобрѣли новый интересъ въ эпоху завоеванія Англіи норманнами. Въ экспедиціи Вильгельма Завоевателя участвовало много бретонцевъ; они могли прослыть мстителями за своихъ предковъ британцевъ англосаксамъ. Можетъ быть, этому возрожденію интереса къ бретонскимъ преданіямъ должно приписывать то, что Годефруа составилъ сводъ ихъ въ своей хроникѣ, сдѣлавшейся, какъ мы говорили, главнымъ источникомъ поэмъ о баснословныхъ герояхъ британской старины. Въ легендахъ, записанныхъ раньше Годефруа, Артусъ (Артуръ) занимаетъ второстепенное мѣсто; въ нихъ есть короли, прославляемые болѣе его. Теперь онъ выдвигается на первый планъ, становится центромъ всѣхъ легендъ. Въ Уэльзѣ тоже сохранялись со временъ Таліэзена старыя кимрскія пѣсни и легенды (Mabinogion и «Тріады»); въ Хроникѣ уэльзскаго лѣтописца Карадока Ланкарванскаго (умершаго въ 1154, то есть бывшаго современникомъ Годефруа) ужь говорится, что Джиневра, жена Артура, измѣ-

нила ему. Но уэльзскій народъ и его барды вели замкнутую жизнь въ своихъ горахъ: потому преданія у нихъ сохраняли мѣстный характеръ. Бретонцы принимали непрерывное участіе во французскихъ и норманнскихъ дѣлахъ, потому легенды у нихъ получили болѣе широкое содержаніе, и поэзія ихъ видоизмѣнилась: вмѣсто старыхъ кимрскихъ грустныхъ пѣсенъ у нихъ явились баллады, проникнутыя бодрой отвагой; въ этихъ балладахъ разсказывалось, какіе подвиги совершали бретонскіе герои: Номинои, который былъ пахаремъ и сталъ королемъ (V, стран. 490); Морганъ Лезъ-Брейзъ, воспитанный матерью въ уединеніи, встрѣтившій странствующаго рыцаря, принявшій его за ангела и отправившійся пріобрѣсти себѣ рыцарскій санъ; разсказывались также славныя дѣла Артура и Герента, героевъ, жившихъ въ прежней отчизнѣ бретонцевъ, Корнуэлѣ, который бретонцы называли Авалономъ, «островомъ яблонь»; Авалонъ сталъ въ ихъ пѣсняхъ волшебной страной фей, въ которой ведутъ блаженную жизнь герои. Эти легенды перешли въ Уэльзъ и Корнуэль; такимъ образомъ и уэльзская поэзія стала прославлять героя бретонской поэзіи Артура, который не умеръ, а блаженствуетъ въ волшебной странѣ и возвратится къ своему народу. Вскорѣ послѣ покоренія англосаксовъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, въ ту эпоху, когда сражался съ маврами Сидъ Кампеадоръ и подготовлялись крестовые походы, поднялось національное движеніе въ Уэльзѣ; въ южной части страны вождемъ народа сталъ бретонецъ Рисъ апъ-Тевдоръ, а въ сѣверной Гриффидъ основалъ княжество, которое довольно долго оставалось почти неподвластно англійскимъ королямъ. Пробужденіе національнаго чувства въ Бретани и Уэльзѣ оживило народныя пѣсни и преданія о британской старинѣ. Современныя событія были такъ удивительны, что развивали склонность къ сказочному элементу въ поэзіи: сама исторія была похожа на сказку, — одной битвой была завоевана вся Англія; странствующіе рыцари основывали государства въ Апуліи, въ Сициліи; западная Европа готовилась предпринять колосальную борьбу съ исламомъ. При такомъ ходѣ исторіи, должны были нравиться пѣсни объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, привезенныя Рисомъ апъ-Тевдоромъ изъ Бретани въ Уэльзъ; казалось, появится Артуръ и поведетъ свой народъ въ бой; барды сходились на поэтическія состязанія, какъ во времена Артура. Князья Бретани и Уэльза покровительствовали пѣнію и поэзіи. Увлеклись этимъ настроеніемъ и норманнскіе короли Англіи; старые разсказы о Ру (то есть о Раулѣ, Роллонѣ), изъ которыхъ Роберъ Васъ (или Гассъ, Wace, Gasse) составилъ стихотворную хронику, мрачныя, проникнутыя скандинавскимъ духомъ легенды о Робертѣ Дьяволѣ, служили матеріалами для поэмъ. Норманнскіе короли впослѣдствіи времени стали считать опаснымъ для своего владычества надъ западными, пограничными съ Уэльзомъ областями Англіи вѣрованіе въ то, что Артуръ не умеръ, вновь станетъ вождемъ бретонскаго народа; чтобы подорвать это вѣрованіе, норманны стали искать и нашли могилу Артура; но преданія о немъ уже искоренились у норманнскихъ поэтовъ и рыцарей, распространились изъ Англіи и Нормандіи по Франціи и Германіи. Графъ глосстерскій, по порученію котораго написалъ свою хронику Годефруа, былъ внукъ Риса апъ-Тевдора, князя гламорганскаго.

Развитіе легендъ объ Артурѣ и его рыцаряхъ.

Хроника Годефруа, предназначенная возбуждать отвагу въ потомкахъ британцевъ оживленіемъ ихъ воспоминаній о великихъ подвигахъ предковъ, стала источникомъ безчисленныхъ поэмъ. Надежды бретонцевъ и уэльзцевъ пріобрѣсти могущество не сбылись; но созданія ихъ фантазіи овладѣли поэтическими мыслями другихъ народовъ. Легенды, изложенныя Годефруа на латинскомъ языкѣ, появились на бретонскомъ; это или былъ переводъ хроники Годефруа, или, быть можетъ, тотъ бретонскій подлинникъ, который былъ привезенъ изъ Бретани Уальтеромъ Оксфордскимъ и переведенъ на латинскій языкъ Годефруа. Карадокъ Ланкаранскій написалъ продолженіе хроники Годефруа на латинскомъ и на уэльзскомъ языкахъ. Хроника и это продолженіе ея пріобрѣли широкую популярность. Романъ (поэма) Вистаса (Эсташа, Eustache) „Брутъ“—только переложеніе хроники Годефруа

въ стихи. Но народъ, которому принадлежали преданія объ Артурѣ, былъ отсталый; грубость его нравовъ отражалась и въ его легендахъ, главное содержаніе которыхъ составляли битвы Артура и его сподвижниковъ и злыя или добрыя чародѣйства волшебника Мерлина; цивилизованное рыцарское общество не могло удовлетворяться этимъ; потому во французско-норманнскихъ и нѣмецкихъ переработкахъ сказанія объ Артурѣ прибавились къ прежнимъ элементамъ новые, соотвѣтствующіе обычаямъ образованной публики. Однообразные разсказы о военныхъ приключеніяхъ и о чародѣйствахъ служатъ въ этихъ передѣлкахъ лишь рамкой для разсказовъ о любезности и душевномъ благородствѣ храбрыхъ рыцарей; объ ихъ служеніи дамамъ, объ ихъ любезныхъ исторіяхъ и придворныхъ изящныхъ развлеченіяхъ; Артуръ сталъ идеальнымъ государемъ, его дворъ—идеаломъ двора, общество рыцарей Круглаго Стола, по совѣту Мерлина, учрежденное въ Кардуэлѣ (Карлейлѣ) отцомъ Артура, Утеромъ, пріобрѣло всѣ качества идеальнаго рыцарства. Знатность рода, исполинская сила, неутомимая энергія, храбрость и вѣрность ленному господину были сдѣланы необходимыми условіями принятія въ число рыцарей Круглаго Стола; вознагражденіемъ за подвиги для нихъ были любовь дамъ, слава и наслажденіе изящными удовольствіями роскошной придворной жизни. Но и этимъ еще не исчерпывались понятія объ идеальномъ рыцарствѣ, въ нихъ входитъ христіанскій элементъ служенія Богу; онъ былъ внесенъ въ циклъ поэмъ объ Артурѣ присоединеніемъ къ бретонскимъ сказаніямъ легенды о Санъ-Греалѣ (или Граалѣ, Гралѣ), „святомъ блюдѣ“ (святой чашѣ), стража которой, меснія (maisnie) избиралась изъ рыцарей Круглаго Стола. Сочетаніе религіозной святости съ храбростью, мірскими благородными качествами и свѣтскимъ изяществомъ сдѣлало Артура и его сподвижниковъ вполнѣ соотвѣтствующими идеалу рыцарства. Легенда о Санъ-Граалѣ была, кажется, разсказана Гіо Провенсскимъ (Guiot de Provins) ближе къ своей подлинной формѣ, чѣмъ въ поэмѣ Кретьена Труасскаго, котораго Вольфрамъ Эшенбахъ винитъ въ искаженіи ея, отдавая преимущество поэмѣ Гіо; но поэма Гіо не дошла до насъ. Вѣроятно и у него, какъ у Вольфрама, она имѣетъ характеръ аллегорическаго прославленія ордена тампліэровъ; стражи Санъ-Грааля называются у Вольфрама темплейзами, templeisen; это очевидно передѣлка слова тампліэры; цѣль поэмы Вольфрама (и вѣроятно, Гіо) — представить идеалъ рыцарства, соединяющій въ себѣ аскетическую строгость жизни съ военной дѣятельностью во славу Божію.

Санъ-Грааль — «святое блюдо» (святая чаша) — та чаша, въ которой было вино на тайной вечери; въ эту чашу принималъ Іосифъ Аримаѳейскій кровь, которая текла изъ ранъ распятаго Спасителя. (Французское слово грааль, graal, происходитъ отъ средневѣковаго латинскаго gradalis чаша, блюдо, а gradalis отъ cratalis, произшедшаго въ свою очередь отъ cratus; прежде, не умѣя разбирать этого, читали слово sangraal ошибочнымъ образомъ: sang réal, кровь царская, то-есть кровь царя небеснаго, Спасителя). Чаша была сдѣлана изъ драгоцѣннаго камня, который украшалъ корону Люцифера до его возмущенія противъ Бога и выпалъ изъ нея при его низверженіи съ неба. Сначала хранилъ эту чашу Іосифъ Аримаѳейскій. Апокрифическое Евангеліе Никодима разсказываетъ, что чудотворною силой ея былъ спасенъ Іосифъ, заключенный въ темницу; легенда о Санъ-Граалѣ говоритъ, что послѣ этого Іосифъ вмѣстѣ съ Маріей Магдалиной уѣхалъ изъ Палестины во Францію проповѣдовать христіанство, потомъ проповѣдовалъ въ Испаніи и въ Англіи. — Санъ-Грааль самъ избираетъ своихъ хранителей, самыхъ благородныхъ и благочестивыхъ героевъ, одаренныхъ всѣми рыцарскими доблестями въ высочайшей степени совершенства. Кромѣ того, что Санъ-Грааль самъ избираетъ своихъ хранителей, онъ обладаетъ многими другими чудесными силами: онъ

даетъ смотрящимъ на него всѣ блага земного счастья, избавляетъ ихъ отъ немощей старости и отъ страданій смерти, даетъ имъ вѣчную жизнь. Онъ хранится въ кругломъ храмѣ, стоящемъ среди великолѣпнаго замка на неприступной ониксовой горѣ Монъ-Сальважѣ. Замокъ Санъ-Грааля великолѣпенъ; онъ высится на аркадахъ съ бронзовыми колоннами, сіяетъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, наполненъ сокровищами. Одинъ изъ королей Санъ-Грааля—Титурель (Титюрель).

Содержаніе поэмъ бретанско-французскаго цикла легендъ объ Артурѣ и Санъ-Граалѣ.

Въ отдѣлѣ о нѣмецкой поэзіи мы ближе ознакомимся съ элементами легендъ объ Артурѣ, его рыцаряхъ, Санъ-Граалѣ, и съ поэтами, матеріаломъ для которыхъ послужили эти сказанія. Теперь мы только сдѣлаемъ очерки содержанія тѣхъ поэмъ, которыя были сложены изъ нихъ французскими поэтами и въ свою очередь послужили матеріаломъ для нѣмецкихъ поэмъ.—Центральная фигура этихъ цикловъ легендъ—Артуръ; воспитанный бѣдными людьми, онъ не зналъ своего царскаго происхожденія; при содѣйствіи волшебника Мерлина, британцы признали его королемъ; онъ велъ много счастливыхъ войнъ, и наконецъ онъ и его рыцари погибли въ ужасной битвѣ съ Модредомъ. Около Артура группируются его жена Жиневра, его племянникъ Гаванъ, сенешаль Кейе, рыцари Круглаго Стола, изъ которыхъ особенно прославлены поэмами Тристанъ, Ланселотъ, Эрекъ, Ивейнъ; съ этимъ цикломъ легендъ былъ сплетенъ, какъ мы говорили, циклъ легендъ о Санъ-Граалѣ, знаменитѣйшіе герои котораго Титюрель, Персеваль и Гаренъ Лотарингскій (Garin le Loherain, въ нѣмецкихъ передѣлкахъ Лоэнгринъ). Рыцари легендъ о Санъ-Граалѣ живутъ какъ монахи, но по первому призыву идутъ на войну и совершаютъ удивительные подвиги. Первыя переложенія бретонскихъ легендъ на французскій языкъ были сдѣланы странствующими бретонскими пѣвцами; они пѣли разсказы о Ланселотѣ и Тристанѣ. Черезъ нѣсколько времени сложилъ поэму о Ланселотъ.

Ланселотъ, рыцарѣ озера (Lancelot du Lac), Готье Манъ; потомъ, около 1190 года, Кретьенъ Труасскій (Chretien de Troyes) написалъ поэму о Рыцарѣ Колесницы, li Romans del Chevalier de la Charrete, эпизодъ изъ разсказовъ о Ланселотѣ; ее продолжалъ Годфруа Липьи; она стала одной изъ популярнѣйшихъ книгъ средневѣковой литературы.—Ланселотъ—воспитанникъ феи Вивіаны, научившейся волшебству у Мерлина; онъ пріобрѣтаетъ любовь Жиневры, жены своего короля Артура, предается грѣховной страсти къ ней, раскаивается въ этомъ грѣхѣ, мучится совѣстью такъ, что на нѣкоторое время сходитъ съ ума; по смерти мужа Жиневра удаляется въ монастырь, Ланселотъ становится отшельникомъ. Блаженство любви описывается въ этой поэмѣ Кретьена Труасскаго съ увлекательною живостью. Гюгъ Морвилль, одинъ изъ знатныхъ рыцарей, пріѣхавшихъ въ Германію оставаться тамъ заложниками за Ричарда Львиное Сердце, ознакомилъ нѣмцевъ съ поэмой о Ланселотѣ; баварскій поэтъ Ульрихъ Цацикгофенъ переложилъ ее на нѣмецкій языкъ.

Тристанъ.

Одинаковой популярностью пользовалась поэма о Тристанѣ, имѣющая такой же характеръ: главное содержаніе ея—тоже разсказъ о преступной любви. Тристанъ влюбился въ Изальту (Изольду), жену его дяди, Марка, короля корнуэльскаго, и она полюбила его. Исторія ихъ страсти разсказывается очень завлекательно. Разсказъ о Тристанѣ и Изальтѣ была переводимъ на всѣ языки западной Европы. На нѣмецкомъ языкѣ есть нѣсколько переработокъ французскихъ поэмъ объ ихъ любви. Одна изъ первыхъ была сдѣлана Эйльгардомъ фонъ Оберге, находившимся на службѣ Генриха Льва (быть можетъ, нѣмцы узнали легенду о Тристанѣ и Изальтѣ отъ пѣвцовъ, пріѣхавшихъ изъ Англіи съ Матильдою, невѣстой Генриха Льва). Потомъ геніальный поэтъ Готфридъ Страсбургскій далъ легендѣ о Тристанѣ и Изольдѣ (такъ называется у него Изальта) обработку, благо-

даря которой она получила высокое художественное достоинство.—Изъ цикла легендъ объ Артурѣ и его рыцаряхъ заимствованы также поэмы Кретьена Труасскаго („Разсказъ объ Эрекѣ,“ Li contes d' Erec, и „Романъ“— то есть, поэма—„о рыцарѣ Льва,“ Li Romans dou Chevalier au Lyon, и прекрасный провансальскій разсказъ о рыцарѣ Жофрѣ. Во всѣхъ французскихъ поэмахъ артуровскаго цикла содержаніе составляютъ военные подвиги, любовь, разсказы о преодолѣніи препятствій, о бракѣ героя и красавицы, любящихъ другъ друга, длинныя описанія праздниковъ и турнировъ. Но авторы поэмъ стараются очерчивать характеры дѣйствующихъ лицъ, объяснять ихъ воспитаніемъ. Еще сильнѣе развилось это стремленіе, когда въ сказанія объ Артурѣ и его рыцаряхъ была внесена мистическая легенда о Санъ-Граалѣ; это было сдѣлано провансальскимъ поэтомъ Гіо и сѣвернофранцузскими поэтами Люка́ де Гастомъ, Кретьеномъ Труасскимъ и Этьеномъ Борономъ. Дѣйствіе ихъ поэмъ происходитъ въ то время, когда королемъ Санъ-Грааля былъ Амфортасъ, roi pecheur; слово pecheur имѣетъ въ новомъ французскомъ правописаніи двѣ формы: pécheur и pêcheur; въ тѣ времена не различали этихъ формъ; Амфортасъ, король pecheur, былъ и pécheur грѣшникъ, и pêcheur, рыболовъ; онъ совершилъ грѣхъ и, страдая отъ этого грѣха, ищетъ себѣ развлеченія въ томъ, что удитъ рыбу. Ланселотъ,

Персеваль. Галаадъ и Гаванъ хотятъ стать обладателями Санъ-Грааля; но этого счастья достигаетъ только Персеваль, представитель идеала рыцарскихъ доблестей, соединяющій въ себѣ всѣ блестящія качества рыцаря съ религіознымъ энтузіазмомъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы подробно изложимъ содержаніе легенды о Персевалѣ въ томъ видѣ, какой данъ ей Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ, пользовавшимся поэмами Кретьена Труасскаго и, въ особенности, Гіо Провенсскаго и вложившимъ въ это сказаніе глубокій смыслъ. Легенда о Гаренѣ Лотарингскомъ (Garin le Loherain) или по нѣмецкой переработкѣ этого имени, о Лоэнгринѣ, тоже соединена съ легендой о Санъ-Граалѣ. Гаренъ Лотарингскій называется рыцаремъ лебедя, потому что онъ приплылъ въ Брабантъ на лодкѣ, которую везъ лебедь; цѣлью его пріѣзда было освобожденіе герцогини брабантской отъ преслѣдованій Терламунта.

Персефорестъ. Французская поэма о Персефорестѣ также связана съ легендами о Санъ-Граалѣ и о рыцаряхъ Круглаго Стола. Она соединяетъ въ одинъ циклъ всѣ элементы прежнихъ поэмъ, подводя ихъ подъ общую тэму разсказа о побѣдѣ культуры надъ природной грубостью человѣческихъ страстей, христіанства надъ язычествомъ. Историческія преданія и народныя легенды получаютъ въ ней аллегорическій смыслъ. Это направленіе развивалось, и дѣло дошло до того, что живые люди замѣнились олицетвореніями отвлеченныхъ понятій; эпосъ, получившій въ поэмахъ о Санъ-Граалѣ назидательный тонъ, мало по малу превратился въ дидактику; сами по себѣ, дѣйствующія лица поэмы не интересуютъ разсказчика, онъ придаетъ важность только аллегорическому смыслу, который влагаетъ въ эти абстрактныя фигуры.

Поэма о Розѣ Популярнѣйшей поэмой этого рода былъ аллегорическо-дидактическій „Романъ о Розѣ,“ начатый Гильомомъ де Лорри (Lorris), умершимъ около 1260, и доконченный Жаномъ де Мёномъ (Meung), родившимся въ 1280 году. Это—дидактическая поэма о любви. Въ ней нѣтъ художественнаго единства, она представляетъ странную смѣсь аллегорій, сатиры и морали; но она очень нравилась разнообразіемъ содержанія, картинностью многихъ сценъ, своей снисходительностью къ чувственности, и долго была любимымъ чтеніемъ знатнаго общества, въ особенности дамъ. Духовенство сильно осуждало ее; однимъ изъ горячихъ порицателей ея былъ Жеромъ, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ, но это не помѣшало ей пріобрѣсти широкую популярность во всѣхъ слояхъ средневѣковой публики. Она была переведена на фламандскій (голландскій) и на англійскій языки.

Причиной популярности ея, говоритъ Розенкранцъ, было то, что она угождала вкусамъ всѣхъ: «Любившимъ легкіе, занимательные разсказы она давала ихъ въ своихъ эпическихъ эпизодахъ; для любившихъ яркія картины чувственныхъ удовольствій было много такихъ описаній въ исторіи влюбленной четы, и символическія выраженія поэмы, заимствованныя изъ любовнаго языка, имѣли чувственный характеръ; особенно много этихъ сладострастныхъ выраженій въ концѣ поэмы; были въ ней и идиллическія мѣста, нравившіяся людямъ нѣжной души; люди, любящіе искать въ поэтическихъ произведеніяхъ мыслей, соотвѣтствующихъ богословскимъ и философскимъ понятіямъ ихъ, могли находить въ аллегоріяхъ «Романа о Розѣ» глубокомысленное изложеніе своихъ идей, а нѣкоторыя мѣста его могли наводить такихъ людей на мысли, дѣйствительно имѣющія философское значеніе; а плавный, картинный языкъ поэмы нравился любившимъ изящество формы».

Стихотворные разсказы (contes et fabliaux).

Кромѣ поэмъ, содержаніе которыхъ относилось къ средневѣковымъ временамъ, французскіе поэты слагали въ томъ же духѣ поэмы изъ разсказовъ о древнихъ временахъ; обыкновенными предметами этихъ эпопей были троянская война и сказочная исторія Александра Македонскаго. Заимствованныя изъ книгъ, писанныхъ прозой, эти поэмы были потомъ перелагаемы въ стихи. Другой разрядъ французской средневѣковой эпической поэзіи образовали „сказки“ и „разсказы“, contes и fabliaux. Они также распространялись изъ Франціи въ другія западныя страны, и особенно развился этотъ видъ повѣствовательной поэзіи въ Италіи. Contes и fabliaux имѣли очень разнообразное содержаніе и по объему были очень неодинаковы. Нѣкоторыя изъ нихъ были передѣлками тенсовъ, другія извлеченіями изъ поэмъ; въ нѣкоторыхъ аллегорически излагались правила морали, разбирались парадоксальные или софистическіе вопросы о любви, о чести; въ другихъ разсказывались забавныя приключенія, продѣлки хитрыхъ людей надъ простодушными, всяческіе анекдоты; часто къ разсказу присоединялся нравоучительный выводъ, часто разсказъ имѣлъ сатирическое направленіе. Обыкновенный размѣръ этихъ повѣстей былъ четырехстопный ямбъ; стихи были связаны риѳмами въ двустишія. Эпическія поэмы брали свои матеріалы только изъ опредѣленныхъ цикловъ легендъ; contes и fabliaux разсказывали о всяческихъ странахъ и временахъ. Есть между ними фантастическія, есть сантиментальныя, есть дидактическія. Очень многіе изъ маленькихъ разсказовъ шутливы до легкомыслія и неприличія; любимые предметы шутокъ—мужья, обманываемые женами, монахи и монахини. Дѣйствующими лицами поэмъ были только короли, вельможи, рыцари, духовные сановники; въ contes и fabliaux дѣйствуютъ горожане, поселяне; они больше занимаются бытомъ простолюдиновъ, чѣмъ жизнью знатныхъ людей; рыцари выводятся въ нихъ рѣдко; вообще они рисуютъ нравы и понятія низшихъ сословій. Въ рыцарскихъ поэмахъ нѣтъ живой дѣйствительности, все прикрашено фантазіей; въ contes и fabliaux мы видимъ здравое наблюденіе дѣйствительной жизни. Чаще всего въ этихъ повѣстяхъ разсказываютъ любовныя приключенія, матеріалъ обыкновенно взятъ изъ латинскихъ источниковъ; дѣйствіе многихъ разсказовъ происходитъ на Востокѣ; многіе другіе передаютъ анекдоты изъ древней греческой или римской жизни. Французскіе contes и fabliaux были переводимы на другіе языки, сдѣлались общимъ достояніемъ всей западной Европы, и поэты слѣдующихъ столѣтій брали изъ нихъ матеріалы для своихъ произведеній.

Самый знаменитый сборникъ разсказовъ этого рода — «Романъ о семи мудрецахъ», Romans des sept sages, написанный монахомъ Эрберомъ около 1260 года для чтенія наслѣднику Людовика IX; это не самостоятельный трудъ, а лишь переложеніе старой прозаической книги въ стихи. Происхожденіе «Романа о семи мудрецахъ» — восточное.

Въ одной изъ византійскихъ редакцій онъ назывался „Синтипъ“ (Syntipas); въ одной изъ французскихъ онъ имѣетъ взятое изъ латинскаго перевода византійской редакціи названіе „Долопатъ“ (Dolopathos). Впослѣдствіи тѣ же самые разсказы были въ латинской редакціи введены въ составъ сборника, называвшагося Gesta Romanorum, „Дѣянія Римлянъ“.—„Романъ о семи мудрецахъ“ имѣетъ дидактическое направленіе. Таковъ же характеръ латинскаго сборника разсказовъ, называющагося Disciplina Clericalis, „Поученіе для духовныхъ“. Этотъ сборникъ былъ составленъ по арабскимъ источникамъ испанскимъ врачомъ, уроженцемъ Гуэски, евреемъ, обратившимся въ христіанство. Вскорѣ явились французскія передѣлки его, потомъ онъ былъ переведенъ на всѣ западные языки. Рамка, объединяющая разсказы, такова: отецъ, отпуская сына вести самостоятельную жизнь, даетъ ему совѣты; чтобъ они были убѣдительны для сына и врѣзались въ его память, отецъ излагаетъ ихъ какъ выводы изъ живыхъ разсказовъ. «Благочестивые разсказы» Готье Куанси, бывшаго пріоромъ суассонскаго монастыря св. Медарда и умершаго въ 1236 году, имѣютъ главной своей цѣлью прославленіе Богоматери; но въ нихъ есть много сценъ изъ нравовъ духовенства, пороки котораго осмѣиваетъ Готье.

---

3. Нидерландская поэзія. Поэма о Лисицѣ.

Нидерланскія области, при упадкѣ могущества нѣмецкаго королевства становившіяся независимыми государствами, усвоивали себѣ поэзію, развивавшуюся во Франціи и Германіи. Вообще онѣ воспринимали отъ сосѣдовъ, а сами имѣли мало вліянія на нихъ; но есть одно важное исключеніе изъ этого: эпопея, въ которой дѣйствующими лицами являются животныя; она была создана нидерландскимъ народомъ и отъ него принята другими. — Фландрія, Брабантъ и Голландія имѣли нѣмецкое населеніе, составляли первоначально часть герцогства лотаринскаго; государственная и умственная жизнь шла въ нихъ тѣмъ же путемъ развитія, какъ въ Германіи. Мы видѣли, что нидерландское духовенство давало много сотрудниковъ нѣмецкой литературѣ. Но по географической близости и политическимъ связямъ Брабанта и Фландріи умственная жизнь тамъ рано стала принимать въ себя французскіе элементы. Такимъ образомъ, она слѣдовала тѣмъ направленіямъ, какія получали преобладаніе у нѣмцевъ и французовъ. Нидерландцы строили готическія церкви и ратуши; при голландскомъ, брабантскомъ, фландрскомъ, геннегаускомъ дворахъ владычествовали поэзія и музыка во вкусѣ трубадуровъ; знатное общество читало или слушало поэмы изъ цикловъ легендъ о Карлѣ Великомъ, Артурѣ и Санъ-Граалѣ; «Романъ о Розѣ» пользовался въ Нидерландахъ такой же популярностью, какъ во Франціи; любовь къ нему очень долго сохранялась въ Нидерландахъ: въ XV вѣкѣ былъ сдѣланъ Генрихомъ Акеномъ хорошій переводъ его на фламандскій языкъ. Когда возвысилось значеніе горожанъ и рыцарская поэзія упала, Янъ ванъ Марлантъ, котораго называютъ отцомъ нидерландской поэзіи, уроженецъ

города Дамме, служившаго портомъ для Брюгге, и современники Марланта Янъ ванъ Гелю, Мелисъ Стоке, Лодевійкъ ванъ Вельдгемъ стали писать риѳмованныя хроники на родномъ языкѣ (изъ этихъ трудовъ назовемъ: Spieghel Historiael Марланта, и Hollandtsche Rijmkronitk Стоке). Духовенство, порицавшее рыцарскія поэмы, не одобряло и хроникъ на родномъ языкѣ; слагать пѣсни еще не начинали тогда поэты изъ сословія горожанъ; потому у нидерландцевъ стала развиваться дидактическая и религіозная поэзія. Духовенство убѣдило самого Марланта покинуть поэзію мірского содержанія, обратить свой талантъ на прославленіе Богоматери и святыхъ. Его примѣру послѣдовали другіе поэты; религіозные разсказы и пѣсни надолго стали владычествующимъ видомъ нидерландской поэзіи. Поэты-горожане въ Нидерландахъ порицали французскихъ поэтовъ за ихъ «лживыя сказки» и осуждали министрелей. Только аристократія продолжала любить романтическую и историческую поэзію.—Но хотя ходъ историческаго развитія у нидерландцевъ былъ въ общихъ чертахъ тотъ же, какъ у французовъ и нѣмцевъ, съ очень ранняго времени стали проявляться въ нидерландской жизни зародыши тѣхъ особенностей, которыя впослѣдствіи придали ей своеобразный характеръ. Феодализмъ не достигъ въ Нидерландахъ такого полнаго владычества, какъ во Франціи и Германіи: на сѣверѣ фризійскіе поселяне сохраняли свою свободу и старыя учрежденія (стр. 62); во Фландріи и Брабантѣ могущественно развилась городская жизнь, представлявшая рѣзкую противоположность рыцарству; горожане хранили старую народную поэзію и улучшали ее силою своей практической наблюдательности.

Янъ Марлантъ 1235—1300.

Мы ужь говорили, что въ Лотарингіи получилъ первую литературную обработку тотъ видъ эпической поэзіи, въ которомъ дѣйствующими лицами являются животныя; мы говорили также, что старые разсказы этого рода держались въ памяти нѣмцевъ съ такою же твердостью, какъ легенды о Зигфридѣ и преданіе о Дитрихѣ Бернскомъ (VI, 163). Есть предположеніе, что повѣсть о животныхъ, составленная изъ народныхъ разсказовъ, была въ первой своей редакціи написана по поводу дѣлъ, происходившихъ при лотарингскомъ дворѣ. Если такъ, то первая редакція этой повѣсти и послужила образцомъ примѣненія народныхъ разсказовъ о животныхъ къ современнымъ дѣламъ; разсказы эти были гибкіе, потому легко было приспособлять ихъ къ человѣческимъ дѣламъ, влагать въ нихъ смыслъ, соотвѣтствующій намѣренію разсказчика. Исторія повѣсти о волкѣ, лисицѣ и другихъ животныхъ, группирующихся около царя льва, изслѣдована очень внимательно. Самая старая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ редакцій ея, Ecbasis, написана въ Лотарингіи, на латинскомъ языкѣ, стихами, вѣроятно въ X вѣкѣ; нѣмецкая поэма о волкѣ и лисицѣ, Isengrines not, «Бѣда волка», написанная эльзасскимъ поэтомъ Генрихомъ Глихесаре («уподобляетелемъ», сатири-

Поэтическіе разсказы о животныхъ.

комъ, говорящимъ аллегорическими намеками) и многочисленныя французскія и нидерландскія редакціи той же повѣсти принадлежатъ XII и XIII столѣтіямъ. Но должно полагать, что основа этой повѣсти возникла въ очень давнія времена; быть можетъ, одновременно съ возникновеніемъ легендъ о подвигахъ героевъ: тѣ и другіе разсказы одинаково коренятся въ бытѣ молодыхъ народовъ: воины и пѣвцы ихъ имѣютъ влеченіе создавать сказанія объ идеальныхъ представителяхъ мужества и физической силы, а поселяне и пастухи любятъ углубляться мыслями въ жизнь домашнихъ животныхъ, своихъ помощниковъ и друзей, въ жизнь хищныхъ животныхъ, своихъ злыхъ враговъ. Мысли о животныхъ вплетались въ религію египтянъ, персовъ, индѣйцевъ; человѣчество во времена своей молодости считало безошибочные инстинкты животныхъ дѣйствіями божественныхъ силъ. Потому натуральна внимательность, съ какою всматривались люди въ таинственную область жизни животныхъ, брали изъ ихъ инстинктивныхъ дѣйствій примѣры и уроки для своей жизни. Эти примѣры и уроки служили для разъясненія понятій о хорошемъ и дурномъ, справедливомъ и несправедливомъ; дидактическая поэзія, развивавшаяся изъ нихъ, была для простолюдиновъ привлекательнѣе героической поэзіи. Она разсказывала сущность дѣла коротко, потому что разсказъ былъ лишь матеріаломъ для моральнаго вывода. Таковы были восточныя и греческія басни, приписанныя Бидпаю, Локману, Эзопу и ставшія общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Но ужь у грековъ явились разсказы о животныхъ, имѣющіе другой характеръ, сатирическій или полемическій: «Батрахоміомахія»—пародія на «Иліаду,» комедія Аристофана «Птицы»—насмѣшка надъ фантастичностью политическихъ плановъ аѳинянъ. Разсказы о животныхъ получили очень большое развитіе въ этомъ направленіи у нѣмцевъ, любившихъ жить въ лѣсахъ, на лугахъ, внимательно наблюдавшихъ нравы животныхъ. Басня, извлекающая дидактическіе выводы изъ разсказа объ отношеніяхъ между животными, превратилась у нѣмцевъ въ аллегорическій разсказъ, въ сказку, представляющую животныхъ гражданами государства, обрисовывающую отношенія между разными сословіями гражданъ этого государства; общественный бытъ животныхъ служитъ въ этой сказкѣ зеркаломъ, въ которомъ отражается современный общественный бытъ; это аллегорическій разсказъ о томъ, какъ думаютъ и поступаютъ люди господствующихъ сословій; это рѣзкіе сатирическіе очерки дѣйствительности; въ характеристики сословій вплетены мѣстами намеки на историческія лица и событія. Государству животныхъ дано точно такое же устройство, какое имѣли современныя государства. Въ однѣхъ редакціяхъ поэмы главную роль играетъ волкъ,—представитель духовной и свѣтской аристократіи, господствовавшей въ первой половинѣ средневѣковой исторіи; эти редакціи принадлежатъ болѣе раннему времени, чѣмъ другія, въ которыхъ важнѣйшая

роль дана лисицѣ, рейнарту (ренару, renard; по-французски и понѣмецки названіе лисицы—слово мужескаго рода); этотъ Лиса-рейнартъ—канцлеръ, представитель сословія юристовъ, въ руки котораго перешло управленіе государствомъ по паденіи феодальнаго устройства. Король въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ—левъ. Очень можетъ быть, что когда короли правили по народнымъ обычаямъ, королемъ животныхъ былъ медвѣдь, а левъ сталъ королемъ, когда Карлъ Великій ввелъ въ идею о королевской власти тѣ черты, какими обрисовывается власть царей въ Библіи. Характеръ короля льва въ поэмѣ о животныхъ тотъ же самый, какъ характеръ королей въ героическихъ поэмахъ. Преобладающая черта всѣхъ редакцій сказки о животныхъ—полемика противъ католической церкви и духовенства, хотя латинскія редакціи написаны большей частью фландрскими монахами; мы знаемъ, что между монахами было очень много противниковъ властолюбивой и роскошной католической духовной аристократіи. Нѣтъ сомнѣнія, что эпосъ, разсказывающій о животныхъ, развился во Фландріи; вѣроятно, онъ и возникъ тамъ. Но французскіе поэты рано усвоили себѣ эту поэму, изъ которой можно было извлечь много хорошихъ мыслей, и разработали ее въ духѣ своихъ contes и fabliaux. Первый занялся этимъ Жанъ Перро де Сенъ-Кло (de Saint Cloot, то есть Cloud), другіе продолжали его работу, ввели въ свои передѣлки много шутокъ и новыхъ эпизодовъ; нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ — далекія отступленія отъ основного хода разсказа, и вредятъ связности его, но они умны и живы. Въ изданіи Мёона, «Поэма о Лисицѣ», Roman du Renart, имѣетъ около 42.000 стиховъ; впрочемъ, это сводный текстъ, составленный издателемъ изъ разныхъ рукописей. Грубаго и неприличнаго въ поэмѣ о лисицѣ очень много; но простонародный тонъ шутки вообще таковъ. — Въ Германіи поэма о лисицѣ пріобрѣла популярность только ужь во время упадка придворной поэзіи. Нижнесаксонская редакція, называющаяся Reineke de Vos составляетъ, кажется, передѣлку фландрской редакціи, имѣющей названіе: Reinaert de Vos; нижнесаксонская, въ свою очередь, была переложена на верхнепѣмецкое нарѣчіе и на другіе языки и стала основой всѣхъ новыхъ передѣлокъ.

b) Нѣмецкая поэзія во времена крестовыхъ походовъ.

1. Послѣднія произведенія духовныхъ поэтовъ.

Ходъ развитія нѣмецкой поэзіи.

«Только крестовые походы устранили идеи древняго міра и замѣнили ихъ христіанскими, новыми; они образуютъ великое превращеніе стараго міра въ новый. До нихъ не переставали владычествовать надъ умственной жизнью греческія и римскія понятія; съ нихъ начинается безусловное господство чувства, дающее среднимъ вѣкамъ характеръ

рѣзко противоположный римскому времени, владычествуетъ та интимная жизнь души, отдаваться которой любятъ всѣ сѣверные народы»;—этой мыслью Гервинуса подтверждаются относительно нѣмецкой поэзіи наши слова о могущественномъ вліяніи крестовыхъ походовъ на развитіе умственной и общественной жизни всей западной Европы. При началѣ крестовыхъ походовъ вся литература находилась еще въ рукахъ духовенства, и книги писались почти исключительно на латинскомъ языкѣ. Только крестовые походы, выдвинувшіе рыцарство на первый планъ въ политической дѣятельности и соединившіе его съ духовенствомъ въ общемъ стремленіи къ святой цѣли, вывели мірянъ дѣятелями въ область поэзіи, сдѣлали ихъ сначала соперниками, а потомъ и побѣдителями духовныхъ поэтовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣнили въ поэзіи латинскій языкъ народнымъ. Употребленіе народнаго языка стало расширяться и на другія отросли литературы; въ XIII вѣкѣ въ Италіи и во Франціи ужь писались на родномъ языкѣ историческія книги, а въ Германіи проповѣди и назидательныя книги. Духовенство нѣсколько времени пыталось удержать за собой владычество въ поэзіи, привлекать къ себѣ публику поэмами религіознаго или историческаго содержанія, разсказами изъ Ветхаго завѣта и легендами о святыхъ. Крестовые походы, находившіеся вначалѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ церкви, имѣли стороны, которыми духовенство могло пользоваться для своей поэтической дѣятельности: духовные поэты писали о борьбѣ съ невѣрными, вплетали въ свои произведенія сцены изъ боевой рыцарской жизни, въ которой дѣятельно участвовало духовенство, писали на родномъ языкѣ, новыми, легкими размѣрами стиха. Такъ были написаны по образцамъ мірской французской поэзіи двѣ прекрасныя эпопеи, «Пѣсня о Роландѣ» и «Пѣсня объ Александрѣ». Духовенство продолжало участвовать въ поэтической дѣятельности даже и въ то время, когда ужь начали господствовать въ придворной рыцарской жизни и въ романтической поэзіи служеніе дамамъ и эротическіе мотивы; духовные поэты поддѣлывались подъ этотъ вкусъ въ пѣсняхъ, прославлявшихъ Богоматерь. Но земная любовь вытѣсняла изъ поэзіи небесную, и духовные поэты замолкли. Тогда нѣмецкая поэзія получила болѣе широкій просторъ и болѣе высокій полетъ. Лирика миннезингеровъ воспѣвала жизнь сердца и природу, давала душевное наслажденіе знатному обществу; эпическіе поэты увлекали это общество передѣлками бретонско-французскихъ разсказовъ о герояхъ: Готфридъ Страсбургскій сдѣлалъ чувственную любовь основной тэмой поэтическаго творчества; Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ вложилъ въ понятіе о рыцарствѣ идею о религіозномъ энтузіазмѣ. Пѣвцы-рыцари трудились надъ изобрѣтеніемъ новыхъ формъ строфы, новыхъ мелодій, чтобы придать заманчивость разнообразія однообразному содержанію пѣсень о любви и природѣ; величайшіе поэты тратили свои

силы на переработку чужихъ рыцарскихъ поэмъ; но въ это же время неизвѣстные талантливые поэты сложили въ новыя формы національныя эпическія сказанія и передали потомству великія созданія нѣмецкаго творческаго духа, поэмы о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ.—Рыцарство стало падать; его интересы и понятія вытѣснялись другими; тогда поэты-міряне вернулись на путь прежнихъ духовныхъ поэтовъ, стали слагать дидактическія поэмы, религіозныя легенды, писать риѳмованныя хроники.

При началѣ крестовыхъ походовъ нѣмецкая поэзія сохраняла тотъ характеръ, какой имѣла въ предъидушемъ періодѣ (VI, 399), и центры поэтической дѣятельности оставались прежніе, находившіеся въ юговосточномъ и въ сѣверозападномъ углахъ Германіи. Господствующимъ видомъ поэзіи оставался религіозный; впрочемъ, поэты не ограничивались разсказами о жизни и страданіяхъ Христа и апостоловъ, брали матеріалъ для своихъ поэмъ не изъ одной Библіи, а изъ всего обширнаго круга старыхъ и новыхъ легендъ о святыхъ. Религіозная поэзія.

Первая изъ дошедшихъ до насъ религіозныхъ поэмъ, написанныхъ правильными стихами съ заботой о чистотѣ риѳмъ— «Пилатъ». Она ставитъ Западъ въ связь съ Востокомъ: Понтій Пилатъ въ ней—сынъ рейнскаго короля и Пилы, дочери мельника Ата; онъ получилъ прозваніе Понтія за свои храбрые подвиги въ Понтѣ. На должность правителя Іудеи онъ приглашенъ Иродомъ. По распятіи Христа онъ лишаетъ себя жизни.

Въ XI вѣкѣ, еще до начала крестовыхъ походовъ, тысячи мирныхъ паломниковъ отправлялись въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Монахи разныхъ націй вѣроятно обмѣнивались тамъ своими легендами. Опасности и страданія, испытываемыя ими самими въ этомъ путешествіи, усиливали ихъ заинтересованность сказаніями о мученикахъ и святыхъ. Чужія легенды прибавлялись къ ихъ областнымъ, исчезали національныя различія запаса легендъ въ разныхъ странахъ, такъ что составилась общая всѣмъ западнымъ народамъ большая масса легендъ; въ ней помѣщались рядомъ старыя и новыя, восточныя и западныя сказанія. Эти легенды, ставшія общимъ достояніемъ всего католическаго міра, записывались монахами на латинскомъ языкѣ прозой, потомъ были переводимы на народные языки, перелагаемы въ стихи. Когда крестовые походы оживили воспоминанія о старыхъ христіанскихъ мученикахъ и герояхъ, эти легенды стали и въ Германіи главнымъ предметомъ стихотворной обработки, самымъ популярнымъ видомъ поэзіи.

Почитаніе Богоматери развивалось подъ вліяніемъ служенія дамамъ (VI, 400); главнымъ предметомъ религіозной лирики стало «восхваленіе Дѣвы Маріи».

Число святыхъ, признаваемыхъ католической церковью, сильно возросло; легенды о нихъ распространялись въ массѣ вѣрующихъ; увеличивалось и количество стихотворныхъ разсказовъ о нихъ. Въ прежнія времена нѣмцы любили разсказы о герояхъ старины; теперь религіозное чувство усиливалось, и легенды о святыхъ становились занимательнѣе преданій о Дитрихѣ Бернскомъ, его сподвижникахъ и противникахъ. На Рейнѣ пѣсни о Зигфридѣ и бургундскомъ дворѣ, при которомъ жилъ онъ, были забыты для легендъ объ архіепископѣ Аннонѣ (VI, 229). Всѣ раз- Легенды о святыхъ.

сказы о святыхъ принимались за несомнѣнную истину, безъ всякой критики; люди не замѣчали никакихъ анахронизмовъ, не смущались никакими противорѣчіями законамъ природы; родное и чужеземное, старое и новое безразлично соединялось въ разсказахъ о тѣхъ святыхъ, которыхъ особенно глубоко чтилъ народъ. Дѣйствительныя событія были такъ удивительны, фантазія была такъ переполнена иноземными впечатлѣніями, что въ легендахъ о святыхъ народъ не различалъ родныхъ элементовъ отъ чужеземныхъ и не находилъ ничего неправдоподобнаго.

Пѣсня объ Аннонѣ и Хроника императоровъ.

Скоро начали соединять съ религіозными легендами историческія имена и событія, перепутывая названія народовъ, городовъ, смѣшивая преданія и факты разныхъ временъ. Въ серьезныхъ историческихъ книгахъ говорилось, что франки произошли отъ троянцевъ, нѣмецкіе императоры выставлялись прямыми наслѣдниками древнихъ римскихъ; тѣмъ менѣе можно дивиться тому, что авторъ Пѣсни объ Аннонѣ (вѣроятно, монахъ нижнерейнскаго Сигбургскаго аббатства), не ограничиваясь прославленіемъ этого „святого“ и легендами о чудесахъ его, ведетъ свой разсказъ объ основаніи архіепископской каѳедры въ Кельнѣ съ сотворенія міра, говоритъ о грѣхопаденіи Адама и Евы, пересказываетъ, какіе и кѣмъ были основаны знаменитые города, начиная съ Ниневіи, излагаетъ видѣніе пророка Даніила о четырехъ монархіяхъ, ставитъ швабовъ, баварцевъ, саксонцевъ, франковъ въ связь съ подвигами Юлія Цезаря. Исторической истины въ новыхъ поэмахъ о святыхъ было сколько же, сколько въ рыцарскихъ романахъ. Съ такой же беззаботностью объ истинѣ писались и сочиненія, имѣвшія притязанія быть историческими. Напримѣръ, авторъ „Хроники императоровъ“, Kaiserchronik, горячо порицая лживость старонѣмецкихъ эпическихъ разсказовъ, вплетаетъ въ свой трудъ странную путаницу всяческихъ баснословныхъ разсказовъ изъ древней и новой исторіи. Онъ жилъ, кажется, въ Австріи; писалъ онъ для прославленія Бога, потому называетъ свою поэму „божеской пѣснью“, Gotes liet. Она—нѣчто среднее между религіозными и мірскими поэмами; въ ней множество вставокъ изъ библейскихъ разсказовъ, изъ легендъ о святыхъ, но столько же и мірскихъ баснословныхъ преданій. Эта поэма, написанная въ 1137 году, разсказываетъ исторію императоровъ отъ Юлія Цезаря до Лотарія II; потомъ были прибавлены продолженія; одно доведено до 1143 года, другое ведетъ разсказъ дальше, до Рудольфа Габсбургскаго.

2. Сказанія о Карлѣ. Сказанія объ Александрѣ.

Религіозныя поэмы, разсказывая о Палестинѣ, говорятъ главнымъ образомъ о паломничествахъ, болѣе раннихъ, чѣмъ крестовые походы. Но двѣ другія поэмы духовныхъ писателей, „Пѣсня о Роландѣ“ и „Пѣсня объ Александрѣ“, порождены впечатлѣніями крестовыхъ походовъ. Война была дѣломъ, не чуждымъ нѣмецкому духовному сословію. Во времена Гоэнштауфеновъ многіе церковные сановники были полководцами. А воспѣвать крестовые походы людямъ духовнаго сословія было тѣмъ удобнѣе, что эти военныя экспедиціи имѣли религіозный характеръ. Натурально было, что духовные писатели обратили свою начитанность въ Библіи и ученость на прославленіе героевъ, которыхъ можно было представить предшественниками крестоносцевъ, стали напоминать современникамъ о прежнихъ войнахъ съ невѣрными, изображать восточныя страны, о которыхъ думали тогда всѣ, то съ радостью объ одерживаемыхъ тамъ побѣдахъ, то съ печалью о пораженіяхъ христіанъ; живость, съ какой „священники“ Конрадъ и Лампрехтъ описываютъ битвы, свидѣтельствуетъ, что они писали по личнымъ впечатлѣніямъ.

Пѣсня о Роландѣ.

Карлу Великому приписывались въ средніе вѣка всѣ великія учрежденія, имя его соединялось съ понятіями о всякихъ геройскихъ подвигахъ (V, 413);

потому во время крестовыхъ походовъ мысли о нихъ были вплетены въ преданія о немъ. Его походъ въ Испанію былъ истолкованъ, какъ начало этой борьбы съ невѣрными; а когда фантазія разгорячилась, то разнеслась молва, что онъ всталъ изъ гроба вести христіанское войско въ Іерусалимъ. Возникла легенда, что ему были присланы халифомъ багдадскимъ ключи отъ гроба Господня (V, 130). Готфридъ Бульонскій былъ сдѣланъ потомкомъ его. Вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода была составлена сказочная исторія испанскаго похода Карла Великаго, приписанная архіепископу Турпину и сдѣлавшаяся главнымъ источникомъ поэмъ о Карлѣ Великомъ. Во Франціи ужь давно были пѣсни о Карлѣ и Роландѣ; когда рыцари Вильгельма при Гастингсѣ шли въ бой, Тальферъ пѣлъ пѣсню о Роландѣ (V, 700). Вмѣстѣ съ увлеченіемъ мыслями о крестовыхъ походахъ, перешли изъ Франціи въ Германію и легенды о Карлѣ; нѣмецкіе поэты стали переработывать французскія поэмы о немъ. Первое изъ ихъ переложеній съ французскаго языка на нѣмецкій — „Пѣсня о Роландѣ“, составленная священникомъ Конрадомъ, находившимся на службѣ Генриха Гордаго.

Пѣсня Конрада о Роландѣ проникнута религіозной экзальтаціей крестовыхъ походовъ. Карлъ, пророкъ и витязь божій, глаза котораго сіяютъ какъ утренняя звѣзда, идетъ по внушенію ангела въ Испанію принудить язычниковъ креститься. Онъ беретъ много замковъ и городовъ; надменные язычники робѣютъ, отправляютъ пословъ къ императору, объявить, что они готовы обратиться въ вѣру Христову. Карлъ отправляетъ пословъ къ языческому королю, сарагосскому Марсилю, удостовѣриться въ томъ, искренни ли его намѣренія. По совѣту Роланда, Карлъ назначаетъ посломъ вотчима его, Ганелона, который отказывается по робости отъ этого порученія, но принужденный ѣхать, задумываетъ погубить Роланда, полагая, что пасынокъ далъ Карлу совѣтъ послать его по желанію подвергнуть его смерти, чтобы наслѣдовать его владѣнія. Марсиль подкупаетъ Ганелона и онъ, второй Іуда, лживымъ увѣреніемъ въ искренности Марсиля убѣждаетъ Карла идти изъ Испаніи; Карлъ уходитъ, оставивъ въ Пиренейскихъ горахъ часть войска подъ начальствомъ Роланда, котораго назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Испаніи. Измѣнникъ Ганелонъ выдалъ оставшееся въ Пиринеяхъ войско на истребленіе мусульманамъ; они въ огромномъ числѣ напали на христіанъ; при всей своей храбрости и физической силѣ христіане были истреблены мусульманами. Битва и смерть христіанскихъ воиновъ изображены превосходно; въ особенности подробно разсказывается о томъ, какъ бились Роландъ и его другъ Оливье. Роландъ трубилъ въ свой рогъ, призывая Карла на помощь; звуки этого рога, сдѣланнаго изъ слоновой кости, были слышны на цѣлый день пути; Карлъ услышалъ ихъ, пришелъ и отмстилъ за смерть своихъ воиновъ: побѣдилъ мусульманъ, взялъ Сарагоссу, умертвилъ мусульманскаго царя и его военачальниковъ, возвратился въ Ахенъ, предалъ суду Ганелона; измѣнника привязали къ хвостамъ лошадей и погнали лошадей въ терновникъ; Ганелонъ былъ истерзанъ шипами и разорванъ лошадьми. Въ XII вѣкѣ Штрикеръ сдѣлалъ новую переработку пѣсни о Роландѣ; но у него она не имѣетъ той простоты и естественности, какъ у Конрада.

3. Пѣсня объ Александрѣ.

Въ пѣснѣ о Роландѣ герои являются витязями божіими; подвиги ихъ восхваляются главнымъ образомъ за то, что совершались во славу вѣры Христовой; въ поэмѣ священника Лампрехта объ Александрѣ, герои бьются для собственной славы. Но передъ концомъ жизни и Александръ, представитель древняго геройства, становится витяземъ божіимъ. Александръ, чьи побѣды давно ужь изумляли людей, сталъ предметомъ легендъ и на востокѣ и на западѣ. Персіяне и арабы прославляли его, персіяне сдѣлали его своимъ національнымъ героемъ. Въ IV вѣкѣ нашей эры, одинъ изъ александрійскихъ писателей собралъ легенды объ Александрѣ; эта сказочная «Исторія Александра», приписывавшаяся Каллисѳену, была переведена на латинскій языкъ; этотъ переводъ сдѣлался главнымъ источникомъ безчисленныхъ средневѣковыхъ поэмъ и романовъ объ Александрѣ. Нѣмецкія

поэмы объ Александрѣ, написанныя Лампрехтомъ, Рудольфомъ Эмсскимъ, Ульрихомъ Эшенбахомъ, представляютъ собою передѣлки этого латинскаго перевода или какой нибудь французской переработки его. Лампрехтъ говоритъ, что слѣдовалъ поэмѣ клюнійскаго монаха Эльбериха Безанзунскаго (то есть, Альбера Безансонскаго); поэма Альбера не дошла до насъ, потому мы не знаемъ, много ли самостоятельнаго въ поэмѣ Лампрехта; но она одно изъ лучшихъ произведеній средневѣковой поэзіи по мастерскому выбору эпизодовъ изъ баснословныхъ разсказовъ объ Александрѣ, по простотѣ и силѣ языка.

Поэма Лампрехта состоитъ изъ двухъ частей, первая болѣе или менѣе близка къ исторіи, вторая совершенно баснословна. Въ первой разсказывается о воспитаніи Александра, имѣющемъ рыцарскій характеръ, о его войнѣ съ персами; битвы описаны очень живо; о Даріѣ говорится съ сочувствіемъ къ его бѣдствіямъ, объ Александрѣ съ восторгомъ, какъ о великодушномъ побѣдителѣ. Во второй части Александръ идетъ на скиѳовъ; ихъ бѣдность и презрѣніе къ роскоши возбуждаютъ въ немъ такое же уваженіе, какое по общеизвѣстному анекдоту онъ выказалъ Діогену, жившему въ бочкѣ. Скиѳы спрашиваютъ его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ завоеванія, когда и ему, какъ другимъ людямъ, суждено умереть? онъ отвѣчалъ: «Мнѣ дано отъ Бога дѣйствовать по влеченію силы, въ меня вложенной. Вѣтру дано волновать море. Пока я живу, я долженъ дѣйствовать: это—наслажденіе мнѣ». Онъ идетъ до предѣла свѣта; оттуда возвращается черезъ пустыни и лѣса, преодолѣвая величайшія опасности. Когда онъ пришелъ на край свѣта, имъ овладѣла тоска по родинѣ, по матери и учителю; онъ пишетъ письмо, въ которомъ разсказываетъ о своихъ походахъ; разсказъ имѣетъ характеръ восточныхъ сказокъ; эта форма изложенія снимаетъ съ автора отвѣтственность за неправдоподобіе разсказываемаго: онъ лишь передаетъ слова самого Александра; тутъ говорится о чудесныхъ существахъ, живущихъ въ волшебныхъ странахъ, о поющихъ лѣсныхъ дѣвахъ, выростающихъ и увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтами на лужайкахъ дремучихъ лѣсовъ; эти сказки такъ же хороши, какъ прекраснѣйшіе эпизоды Одиссеи. Александръ хочетъ завоевать рай, проходитъ адъ, побѣждая чудовищныхъ демоновъ, но слышитъ наконецъ внушеніе, что человѣкъ—прахъ, что онъ долженъ смириться духомъ, и тогда войдетъ въ рай.

---

2. Переходъ къ свѣтской поэзіи.

Духовенство устраняется отъ поэзіи.

Поэма Лампрехта объ Александрѣ была послѣднимъ хорошимъ произведеніемъ духовной поэзіи. Духовные поэты могли слѣдовать за рыцарями въ разсказахъ о баснословныхъ странахъ Востока, какъ сопровождали ихъ на войну въ Палестину. Но когда въ обычаяхъ и поэзіи рыцарей преобладающимъ элементомъ стало служеніе дамамъ, духовенство принуждено было отказаться отъ поэтической дѣятельности: людямъ духовнаго званія неприлично было воспѣвать любовь. Лишь немногіе монахи украдкой писали во славу вина и женщинъ латинскіе стихи, которые были сурово порицаемы строгими ихъ собратами.

Генрихъ фонъ Вельдеке.

Переходъ отъ духовной поэзіи къ мірской рѣзко проявился въ произведеніяхъ знаменитаго поэта-рыцаря Генриха фонъ Вельдеке. Вначалѣ онъ держался религіознаго направленія, сложилъ поэму въ прославленіе святого Сервація, покровителя своей родины, Нидерландовъ (эта поэма не дошла до насъ). Но знаменитость онъ пріобрѣлъ „Энеидой“, Eneit; за эту поэму современники стали называть его основателемъ придворной поэзіи, отцомъ миннезингерства. Энеида Виргилія была неизвѣстна ему; онъ переложилъ на нѣмецкій языкъ одну изъ французскихъ передѣлокъ ея. Ходъ разсказа у Вельдеке почти тотъ же, какъ у Виргилія; но римскій поэтъ предпочтительно останавливается на описаніяхъ битвъ, а Вельдеке на разсказахъ о

чувствѣ любви, которые у него задушевны и милы. Дѣйствующія лица въ нѣмецкой „Энеидѣ“—люди древняго міра только по именамъ, говорятъ и дѣйствуютъ они какъ нѣмецкіе рыцари и дамы. „Энеида“ Вельдеке была первая нѣмецкая поэма, въ которой строго соблюдены размѣръ стиха и чистота рифмъ (прежде, рифмы часто бывали нечистыя, часто довольствовались нѣмецкіе поэты и простыми ассонансами); кромѣ того, она была и первой поэмой, подробно разсказывавшей о любовныхъ отношеніяхъ (въ особенности подробно говоритъ Вельдеке о любви Энея и Лавиніи); она проложила нѣмецкой поэзіи новый путь; потому и была превозносима похвалами; въ сущности, она не имѣетъ высокаго достоинства. Вельдеке былъ уроженецъ сѣверозападной Германіи, и, кажется, жилъ въ 70-тыхъ годахъ XII вѣка при клевскомъ дворѣ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что около 1180 года онъ давалъ графинѣ клевской прочесть „Энеиду“, которая тогда была ужь почти кончена. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ переселился въ Вартбургъ, резиденцію Германа, ландграфа тюрингскаго, и дописалъ тамъ свою поэму, ободряемый желаніемъ ландграфа видѣть ее конченной.

Герборть Фрицларскій.

Въ Вартбургѣ жилъ и Герборть Фрицларскій, уроженецъ Гессена, написавшій на своемъ родномъ нарѣчіи „Пѣсню“—то есть, поэму „о Троѣ“; по характеру она одинакова съ „Энеидой“ Вельдеке. Герборта называли „ученымъ“; потому онъ быть можетъ зналъ латинскій разсказъ о троянской войнѣ,—приписывавшійся Даресу и Диктису; но его поэма взята не изъ этого латинскаго разсказа; она—передѣлка французской поэмы, которую получилъ онъ отъ ландграфа Германа гессенскаго. Онъ былъ поэтъ не особенно даровитый. Старые и новые элементы, грубость и сантиментальность перемѣшиваются въ его разсказѣ.

Передѣлки прежнихъ преданій.

Въ то время, когда духовная поэзія ужь замирала, а рыцарская еще не вполнѣ развилась, и служеніе дамамъ еще не сдѣлалось господствующимъ мотивомъ ея, поэты занялись передѣлкой старыхъ народныхъ разсказовъ, перепутывая языческія преданія съ христіанскими, неуклюжесть старинныхъ героевъ съ новымъ изяществомъ обычаевъ, серьезность тона съ шутливыми выходками: вліяніе современныхъ событій проявлялось въ этихъ передѣлкахъ только вставками географическихъ именъ, чуждыхъ старинным нѣмецкимъ сказаніямъ: мѣсто дѣйствія передвигалось въ Константинополь и на Востокъ. Предметами этихъ передѣлокъ, въ которыхъ было много шутливости, служили не преданія о герояхъ національнаго эпоса, уважаемыхъ народомъ, а разсказы, которые самъ народъ считалъ неважными. Мы говорили, что на придворные праздники сходились толпы странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, бывшихъ съ тѣмъ вмѣстѣ фокусниками, шутами, навлекавшихъ на себя порицанія своимъ легкомысліемъ; что постоянно скитались изъ дворца въ дворецъ, изъ замка въ замокъ эти люди, жившіе подарками государей и вельможъ, которыхъ развлекали пѣснями, забавляли шутовствомъ. Мы видѣли, напримѣръ, что несчастный сынъ Фридриха II, Генрихъ, проводилъ время въ обществѣ этихъ легкомысленныхъ забавниковъ (стр. 123). Мы говорили, что и во Франціи были такіе пѣвцы, музыканты, забавники, скитавшіеся по дворцамъ и замкамъ: во Фландріи, Нормандіи, Бургундіи, Провансѣ было очень много жонглёровъ. Кажется, что собственно эти бродячіе пѣвцы, музыканты и шутники пѣли и рецитировали въ залахъ дворцовъ и замковъ, на рынкахъ, на улицахъ старыя народныя пѣсни и расказы, что собственно они поддерживали въ свѣтскомъ обществѣ и въ народѣ любовь къ простонародным эпическимъ преданіямъ, пополняли старые разсказы своими прибавками, и что отъ нихъ брали тэмы своихъ произведеній эпическіе поэты, жившіе въ то переходное время, когда духовенство еще не вполнѣ устранилось отъ поэтической дѣятельности, міряне еще не вполнѣ захватили ее въ свои руки.

Главное содержаніе этого, какъ называетъ Вакернагель, византійско-палестинскаго вида поэзіи было заимствовано, безъ сомнѣнія, изъ разсказовъ паломниковъ; въ составъ поэмъ такого рода входили баснословные разсказы древнихъ географовъ о народахъ далекаго Востока, азіатскія сказки и византійскіе романы, принесенные паломниками изъ ихъ пилигримства, прикрашенные фантазіей разсказы о приключеніяхъ самихъ паломниковъ. Такимъ образомъ, внесены были удивительныя приключенія на Востокѣ въ народныя преданія о герцогѣ Эрнстѣ, дѣйствительную исторію котораго мы изложили, когда говорили о событіяхъ его времени (VI, 176); была въ томъ же духѣ передѣлана народная легенда о королѣ Руотерѣ, въ нее была внесена женитьба на константинопольской принцессѣ, была прибавлена развязка въ современномъ благочестивомъ топѣ; въ поэмѣ „Графъ Рудольфъ“ (оставшейся недоконченной) разсказывалось о приключеніяхъ нѣмецкаго крестоносца въ святой землѣ, о его любви къ дочери языческаго короля халебскаго, обращенной имъ въ христіанство. Къ этому же разряду разсказовъ принадлежатъ „Король Орендель“, „Король Освальдъ“, „Соломонъ и Морольфъ“; главное содержаніе ихъ—странствованія всяческаго рода, въ числѣ которыхъ очень важное мѣсто занимаетъ поѣздка за невѣстами; въ своихъ странствованіяхъ герои бьются съ исполинами; есть и переодѣванія, превращенія; разсказы этого рода были любимыми предметами трудовъ второклассныхъ и третьеклассныхъ поэтовъ. Такова же поэма „Гераклій“. Это передѣлка французской поэмы Готье Аррасскаго; авторъ передѣлки, мейстеръ Отте, называетъ себя „ученымъ человѣкомъ“. Основой поэмы служитъ преданіе о томъ, какъ найденъ былъ императоромъ Иракліемъ Животворящій крестъ; но къ этому благочестивому разсказу прибавлены эпизоды легкомысленнаго тона о любовныхъ приключеніяхъ императрицы Атенаиды (Аѳинаиды). Шутливыхъ мѣстъ много и въ поэмѣ о житіи св. Освальда, въ „Соломонѣ и Морольфѣ“ (или Маркольфѣ); характеръ шутокъ простонародный, грубый.

Преданіе о герцогѣ Эрнстѣ было въ XII вѣкѣ переработано нѣсколько разъ; нѣкоторыя изъ этихъ редакцій написаны латинскимъ языкомъ, другія нѣмецкимъ. Герцогъ Эрнстъ по однимъ редакціямъ—пасынокъ Конрада II, по другимъ—сынъ Оттона I; онъ убилъ своего леннаго господина и, для очищенія души отъ этого грѣха, предпринимаетъ крестовый походъ; въ своемъ странствованіи онъ имѣетъ множество удивительныхъ приключеній; къ нѣмецкимъ народнымъ сказкамъ тутъ приплетены и греческіе разсказы о пигмеяхъ, циклопахъ, журавляхъ, воюющихъ съ пигмеями, и восточныя сказки о магнитной горѣ, притяженіе которой вырываетъ всѣ гвозди изъ кораблей, о грифахъ уносящихъ людей. Эрнстъ преодолѣваетъ всѣ препятствія и опасности, молится у гроба Спасителя, возвращается на родину и получаетъ прощеніе отъ императора. Основой разсказа о королѣ Руотерѣ служитъ также старое народное сказаніе. Въ скандинавской Вильтина-Сагѣ уцѣлѣлъ разсказъ, основныя черты котораго одинаковы съ легендой о Руотерѣ: герой, соотвѣтствующій Руотеру, называется въ сагѣ Осантриксомъ; онъ отецъ царицы Гельки, первой жены Эцеля (Атиллы), царь Вильтинской земли (то есть, земли славянскаго племени вильцевъ); онъ сватаетъ Мелію, дочь гуннскаго царя, владычествующаго надъ страной по южному берегу Нѣмецкаго моря. Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, мѣсто дѣйствія перенеслось въ нѣмецкой легендѣ изъ сѣверной Германіи въ Константинополь. Король Руотеръ—предокъ Карла Великаго. Составитель той редакціи нѣмецкаго разсказа, которая дошла до насъ, ознакомился съ народнымъ преданіемъ въ сѣверо-восточной Германіи, но переработалъ его въ Тиролѣ или Баваріи; тамъ онъ могъ слышать имя лангобардскаго короля Лотариса (Ротара) и замѣнить имъ прежнее имя; въ Тиролѣ сохранилось народное преданіе о Дитрихѣ-Волкѣ, онъ воспользовался нѣкоторыми чертами его, и старая легенда о королѣ, называвшемся Озерихомъ, получившемъ у него названіе Руотера, имѣетъ въ его разсказѣ такую форму: король Руотеръ, царствующій

въ Баре (то есть, Бари) отправляетъ посольство сватать дочь императора Константина; императоръ велитъ бросить пословъ въ темницу; Руотеръ самъ отправляется въ Константинополь, подъ именемъ Дитриха, освобождаетъ своихъ пословъ, женится на дочери императора и возвращается въ свое королевство; черезъ нѣсколько времени нѣвецъ-музыкантъ похищаетъ королеву, увозитъ ее въ Константинополь; Руотеръ съ своими героями идетъ за похищенной и, побѣдивъ царя вавилонскаго, овладѣваетъ женой. Изъ поэмы о графѣ Рудольфѣ до насъ дошелъ только отрывокъ; въ немъ есть черты, заимствованныя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, изъ жизни графа Робера фландрскаго или Гюга Пуизе́. Въ поэмѣ «Король Орендель» разсказывается, какъ онъ сражается въ святой землѣ, своими подвигами пріобрѣтаетъ себѣ жену и королевство іерусалимское, а для своего родного города Трира нешвенный хитонъ Спасителя. Основной мотивъ поэмы о «Королѣ Освальдѣ»—изложеніе понятій о взаимныхъ обязанностяхъ вассала и леннаго господина. Содержаніе разсказа состоитъ въ томъ, что благочестивый и храбрый король Освальдъ ѣдетъ пріобрѣсти руку дочери языческаго короля Аарона; ему помогаетъ воронъ, одаренный способностью говорить; Освальдъ совершаетъ удивительные подвиги; поэма разсказываетъ ихъ съ такими странными преувеличеніями, которыя похожи на насмѣшку надъ господствующимъ вкусомъ. Основой поэмы «Соломонъ и Морольфъ» служитъ старый сборникъ афоризмовъ житейской мудрости; они вплетены въ разсказъ объ удивительныхъ приключеніяхъ. Часть афоризмовъ произноситъ Морольфъ; это простонародныя мысли, изложенныя грубымъ языкомъ; въ нихъ много насмѣшекъ надъ католической іерархіей, слышны отголоски порицаній, какія высказывали еретики (стр. 48); въ уста Соломону вложены афоризмы возвышеннаго направленія.

---

3. Нѣмецкіе миннезингеры. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде.

Вліяніе французской поэзіи.

Мы говорили, что рыцарство и рыцарская поэзія возникли и развились въ южной и западной Франціи, въ норманнской Англіи, что очень значительная часть матеріала рыцарскихъ поэмъ взята изъ народныхъ преданій Бретани и Уэльза. Женитьба Фридриха Барбароссы на наслѣдницѣ Прованса и королевства бургундскаго много содѣйствовала ознакомленію нѣмцевъ съ рыцарской поэзіей; такое же вліяніе имѣла женитьба Генриха Льва на Матильдѣ, дочери англійскаго короля; подъ покровительствомъ Гоэнштауфеновъ и Гвельфовъ поэтическая дѣятельность быстро развилась и на югѣ и на сѣверѣ Германіи. На югѣ покровителями рыцарской поэзіи были также австрійскіе герцоги династіи Бабенберговъ, особенно Фридрихъ Леопольдъ VI и Леопольдъ VII, „господинъ всѣхъ радостей“; на сѣверѣ знаменитымъ центромъ поэзіи былъ при ландграфѣ Германѣ замокъ Вартбургъ; Генрихъ VI, Филиппъ Швабскій и его соперникъ Оттонъ были, подобно своимъ отцамъ, покровителями рыцарской поэзіи; она достигла роскошнаго развитія при дворѣ Фридриха II. Убитая фанатизмомъ на своей родинѣ, въ Провансѣ, она была заглушена въ Германіи анархіею междуцарствія, при буйныхъ междоусобіяхъ котораго огрубѣли нравы; при Габсбургской династіи она увядала и скоро погибла. Съ средины XIII вѣка свѣтлый день смѣняется сумерками и черезъ нѣсколько десятилѣтій настала долгая ночь.

Нѣмецкіе миннезингеры.

Цвѣтущій періодъ лирической рыцарской поэзіи въ Германіи длился со второй половины XII вѣка до половины XIII-го. Большинство поэтовъ принадлежало къ высшему или низшему дворянству; лишь немногіе, называвшіеся не „господами“, Herr, а „мейстерами“, были простолюдины. Многіе государи не только покровительствовали поэзіи, но и сами слагали пѣсни.

Всѣ Гоэнштауфены, начиная съ Генриха VI до Конрадина, были поэты; маркграфъ Гоэнбургъ, родственникъ Конрада, регентъ королевства сицилійскаго, тоже былъ миннезингеръ. Въ Тюрингіи графы Геннеберги соперничали съ вартбургскимъ дворомъ покровительствомъ поэзіи. Оттонъ фонъ Ботенлаубенъ былъ знаменитый миннезингеръ; брата его, Поппо Мудраго, швабскій поэтъ Конрадъ Марнеръ называетъ „утѣшеніемъ странствующихъ пѣвцовъ“. Генрихъ, герцогъ ангальтскій, женою котораго была Ирменгарда, дочь покровителя поэтовъ Германа, ландграфа тюрингскаго, слагалъ въ молодости пѣсни; его племянникъ Генрихъ III Свѣтлый, маркграфъ мейсенскій, славился какъ поэтъ; родственникъ тюрингской династіи, Жанъ, герцогъ брабантскій, слагалъ нѣмецкія и французскія пѣсни; маркграфъ бранденбургскій, Оттонъ, покровитель поэтовъ, былъ и самъ миннезингеръ. Примѣръ бранденбургскаго двора въ концѣ XIII вѣка, какъ примѣръ тюрингскаго въ началѣ этого столѣтія, возбуждалъ другихъ государей — напримѣръ, Генриха IV, герцога бреславльскаго, Вѣнцеслава II, короля богемскаго, покровительствовать поэтамъ.—Итакъ многіе государи и вельможи слагали пѣсни; но знаменитѣйшіе миннезингеры были простые рыцари и министеріалы, находившіеся на службѣ у князей, пѣвшіе на ихъ придворныхъ праздникахъ, сопровождавшіе ихъ на турниры и на войну, прославлявшіе ихъ „милости“. Многіе миннезингеры бывали съ своими князьями въ Палестинѣ.

Развитіе миннезингерской поэзіи.

Во время могущества Гоэнштауфеновъ, центромъ миннезингерства была Швабія, „земля всякой благовоспитанности“; потому господствующимъ въ поэзіи нарѣчіемъ было швабское (или, какъ его называютъ нѣмецкіе филологи, средневерхненѣмецкое, то есть средневѣковое верхненѣмецкое). На немъ слагали пѣсни и вестфальскіе, и мейсенскіе поэты. Оно превосходило верхнесаксонское богатствомъ и благозвучіемъ. Миннезингеры очень дорожили благозвучіемъ языка, строго соблюдали правила размѣра. Пѣсни ихъ были двухъ родовъ: однѣ, называвшіяся лейхами, не дѣлились на строфы, риѳмы въ нихъ шли по-парно; другой разрядъ составляли пѣсни, сложенныя строфами; только онѣ назывались lied, какъ теперь называется по нѣмецки всякая пѣсня. Хорошіе поэты очень соблюдали правильность стиха, чистоту риѳмъ даже въ большихъ поэмахъ.—Когда рыцарскіе обычаи упали, когда любовь къ миннезингерству ослабѣла въ высшемъ обществѣ, лирическая поэзія перешла въ руки горожанъ; они слагали пѣсни по прежнимъ формамъ, но не могли создавать ничего въ духѣ рыцарства, пѣли во вкусѣ рыцарей о жизни горожанъ и поселянъ; потомъ формы рыцарской лирики сохранились только у странствующихъ пѣвцовъ, которые окончательно стерли въ ней послѣдніе остатки хорошаго.

Характеръ миннезингерской поэзіи.

Поэзія, пользовавшаяся покровительствомъ дворовъ и потому называемая придворной, много содѣйствовала тому, что рыцарство получило экзальтированное направленіе. Основнымъ ея мотивомъ было служеніе дамамъ. Изъ-за разсказовъ о чувствѣ—и притомъ, обыкновенно не живомъ, а воображаемомъ—она забывала о дѣйствительности. Эта романтическая поэзія была у нѣмцевъ не родной, а заимствованной, но приняла своеобразный характеръ. Провансальская поэзія была „веселымъ искусствомъ“, говорила преимущественно о свѣтлой сторонѣ жизни, наслажденіи; въ нѣмецкой къ радости примѣшивается страданіе. Подобно германскому язычеству, поэзія миннезингеровъ проникнута любовью къ природѣ; они пѣли о пріятности лѣта, о грусти зимняго времени, о цвѣтахъ весны и о холодѣ, убивающемъ зелень, соединяли съ этими картинами описанія радостей и страданій любви. Тѣсная связь душевной жизни съ жизнью природы составляетъ прелесть и сущность пѣсень миннезингеровъ. Они воспѣвали наивную, молчаливую любовь первой молодости, пробуждающуюся въ ду-

шѣ съ появленіемъ первыхъ цвѣтковъ на поляхъ, развивающуюся вмѣстѣ съ листьями, одѣвающими въ маѣ зеленью лѣсъ, радующуюся и поющую вмѣстѣ съ весенними птичками; увядающую вмѣстѣ съ блекнущими листьями липы, печалящуюся съ отлетающими птичками, страдающую съ появленіемъ инея и снѣга.

Провансальскіе поэты вообще чувствуютъ себя счастливыми, довольны жизнью; у нѣмецкихъ есть и недовольство ею, горькое порицаніе дѣйствительности, печаль о ничтожествѣ всѣхъ радостей. Провансальскіе поэты воспѣваютъ вмѣстѣ съ любовью и военные подвиги, турниры, пиры, наслажденія энергическихъ людей; нѣмецкія пѣсни—занимаются почти исключительно міромъ чувства; вдавшись въ эту односторонность, нѣмецкое миннезингерство дошло до монотонной вялости.

Въ первомъ его періодѣ пѣсни еще довольно энергичны, и чувство любви въ нихъ еще довольно естественно; таковы, напримѣръ, пѣсни Кюренбергера, Дитмара Айста, Рейнмара, Генриха Морунгена. Въ этомъ отношеніи онѣ лучше пѣсенъ слѣдующаго періода, которымъ далеко уступаютъ правильностью и плавностью стиха.

Первые миннезингеры, воспѣвая любовь, изображали отношенія мужчины и женщины сообразно тому, какъ это было въ дѣйствительности: женщина у нихъ смотритъ на любимаго человѣка какъ на высшее существо, проситъ его покровительства, жалуется, что онъ, котораго она лелѣяла, покинулъ ее, улетѣлъ отъ нея, какъ соколъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ французскаго служенія дамамъ, миннезингеры стали воспѣвать небывалое въ Германіи владычество женщины надъ мужчиной: «въ ихъ пѣсняхъ мужчина умоляетъ женщину о любви», —говоритъ Барчъ въ предисловіи къ своему изданію Auswahl deutscher Liederdichter: «Она отказываетъ своему обожателю въ благосклонности, отвѣчая ему, что онъ проситъ слишкомъ высокой награды за свои услуги; начинается— одна и та же у всѣхъ миннезингеровъ—исторія: мужчина упрашиваетъ даму наградить его; она по немногу дѣлаетъ уступки его мольбамъ. Есть въ этомъ служеніи дамѣ благородныя черты, но вообще картины его утрированы и фантастичны. Поклонникъ совершенно очарованъ красотою и милыми душевными качествами своей дамы; въ ея присутствіи онъ робокъ и нѣмъ, хоть онъ герой и краснорѣчивый человѣкъ. Она его «отрада», «золото», «драгоцѣнный камень». Онъ завидуетъ муравѣ, которой касались ея нѣжныя ножки; онъ беретъ малютку, котораго приласкала она и цалуетъ щеки, которыя поцѣловала она. Отвергаемый ею, онъ хочетъ бѣжать отъ нея въ далекія земли, за море; но не можетъ оторваться отъ мѣстъ, гдѣ видитъ ее. Онъ беретъ стебель пшеничнаго колоса, и гадаетъ, перебирая по длинѣ его руками, съ шепотомъ: «любитъ, не любитъ, любитъ»... Онъ призываетъ на помощь себѣ природу: благоуханіе мая, цвѣты, солнце, жалуется имъ на ея жестокость; его печаль исчезла бы, если бъ алыя уста его дамы дали поцалуй. Но его желанія разгорячаются: онъ въ мечтахъ обнимаетъ даму своего сердца, и на ея вопросъ, что такое любовь, онъ отвѣчаетъ, что она узнаетъ это, если останется съ нимъ наединѣ».

Недостатки и достоинства поэзіи миннезингеровъ.

Такъ пѣли о любви миннезингеры. Они называли себя соловьями; и дѣйствительно, ихъ пѣсни были похожи на пѣнье птичекъ, говоритъ Гриммъ: они постоянно повторяли одни и тѣ же мотивы. Ихъ пѣсни прелестны по своей наивности, какъ первая, робкая любовь юноши; но кругъ ихъ мыслей былъ такой тѣсный, и основная тэма ихъ была такая соблазнительная, что неизбѣжно должны были развиться въ ихъ поэзіи очень дурныя стороны. Они обращались съ своими любовными пѣснями вообще къ замужнимъ женщинамъ, которыхъ не называли по именамъ, обозначали только намеками; эти дамы были окружены людьми, зорко слѣдившими за ними; потому поэты передавали имъ свои любовныя пѣсни черезъ посредницъ и посредниковъ; при такихъ отношеніяхъ поклонника къ дамѣ его сердца,

трудно предполагать, чтобъ чувство, которое высказывалъ онъ, былъ серьезное, не вымышленное. Картины и мысли у миннезингеровъ вообще не имѣютъ въ себѣ ничего живого, индивидуальнаго; мы находимъ у нихъ лишь общіе, обычные обороты словъ, такъ что трудно принимать эти пѣсни за результаты дѣйствительныхъ личныхъ отношеній; очень многія изъ нихъ очевидно продукты модной фразеологіи, аффектированной сантиментальности, искусственной игры выраженіями чувства. Въ „пѣсняхъ разсвѣта“, tagelieder, составлявшихъ особый видъ лирики у миннезингеровъ и описывавшихъ разлуку послѣ тайнаго свиданія, прекращаемаго разсвѣтомъ, чувства описываются очень живо; но эти пѣсни выказываютъ намъ безнравственность любви, которую воспѣвали миннезингеры,—она была только жаждой чувственнаго наслажденія, не задушевная любовь, а только сладострастіе. Можно думать, что въ большинствѣ случаевъ эти пѣсни не были соединены съ дѣйствительными безнравственными отношеніями, почти всегда были только игрою воображенія; но исторія свидѣтельствуетъ, что нравы придворнаго и рыцарскаго общества эпохи Гоэнштауфеновъ были далеки отъ идеализма, что любовь тогда имѣла характеръ грубой чувственности, и высшее сословіе смотрѣло на безнравственность очень снисходительно. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, поэзія миннезингеровъ имѣетъ очень большое значеніе. Гервинусъ говоритъ: „Чувствомъ любви, готовностью грубыхъ мужчинъ учиться приличію у женщинъ смягчались нравы, вносилась радость въ жизнь“.

Разнообразіе строфъ и мелодій.

Однообразная по содержанію, рыцарская лирика была очень разнообразна по формамъ и мелодіямъ. Въ Греціи, каждый видъ строфы, говоритъ Пфейферъ, былъ общимъ достояніемъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ назывались именами своихъ изобрѣтателей, ими могъ пользоваться каждый поэтъ; были даже такія строфы, которыя считались почти обязательными для стихотвореній даннаго рода. Въ Германіи владычествовалъ противоположный законъ: изобрѣтатель строфы былъ собственникъ ея, она оставалась въ исключительномъ, неприкосновенномъ владѣніи его. Другіе могли подражать ей, то есть передѣлывать ее; но въ неизмѣненномъ своемъ видѣ она не могла быть употребляема никѣмъ, кромѣ ея изобрѣтателя. Нарушеніе этого обычая было бы сочтено воровствомъ, и онъ соблюдался такъ непарушимо, что въ громадной массѣ лирическихъ стихотвореній, сложенныхъ съ начала XII до послѣдней четверти XIII вѣка, нѣтъ примѣровъ присвоенія чужой формы строфы. Вскорѣ по возникновеніи рыцарской лирики въ Германіи, частое употребленіе одной и той же формы строфы стало считаться недостаткомъ изобрѣтательности, и поэтъ для новой пѣсни вообще придумывалъ новую форму. Потому богатство формъ строфы изумительно. У одного Вальтера фонъ деръ Фогельвейде мы находимъ въ двухъ стахъ его стихотвореній сто разныхъ формъ строфъ. Нейдгардъ говоритъ о себѣ, что онъ воспѣлъ госпожу своего сердца восьмидесятью новыми формами строфъ. Даже у мейстерзингеровъ XIV вѣка, хотя этотъ строгій законъ былъ ужъ отброшенъ и каждый могъ пользоваться готовыми формами, для полученія титула „мастера“, meister, необходимо было изобрѣсти новую форму строфы. Понятно, что надобность постоянно изобрѣтать новыя формы строфъ была вредна нѣмецкой лирической поэзіи, быстро привела ее къ изысканности, къ пустой игрѣ формами.

Лирика простонароднаго быта.

По племенному различію и по личнымъ особенностямъ поэтовъ, тонъ лирической поэзіи имѣетъ свои разницы. У французовъ любовныя связи рыцарей съ сельскими красавицами произвели пасторель; въ Германіи тоже была лирика, описывавшая бытъ народа. Южнонѣмецкіе миннезингеры—Готфридъ фонъ Нейфенъ, Ульрихъ фонъ Винтер-

штеттенъ, Буркгардъ фонъ Гоэнфельзъ—слагали, кромѣ придворныхъ пѣсенъ возвышеннаго тона, веселыя сельскія плясовыя пѣсни, прославляли не однѣхъ только знатныхъ дамъ, но и сельскихъ дѣвушекъ, за которыми волочились менѣе почтительно, чѣмъ за дамами своего сердца. Нейфенъ пересказываетъ свои веселыя свиданья съ дѣвушкой, сидящей за прялкой, съ другой, треплющей ленъ; Штейнмаръ выбралъ своей милой дѣвушку, шедшую на лугъ принести травы скоту, волочился за другой, пахавшей землю. Особенно много пѣсенъ изъ простонароднаго быта слагалъ Нитгардъ (или по верхненѣмецкой формѣ имени, Нейдгардъ) фонъ Рейенталь; Барчъ говоритъ: Подъ вліяніемъ французской пасторели, Нитгардъ, человѣкъ придворнаго круга, слагалъ для развлеченія знатнаго общества плясовыя пѣсни во вкусѣ простонародномъ; это нравилось, какъ видимъ изъ того, что онъ имѣетъ много послѣдователей, особенно между австрійскими поэтами. Плясовыя пѣсни его дѣлятся на два разряда: лѣтнія, луговыя и зимнія, комнатныя. Въ лѣтнихъ онъ описываетъ свои счастливыя любовныя приключенія; обыкновенная форма разсказа—разговоръ дочери съ матерью или двухъ подругъ; въ зимнихъ пѣсняхъ онъ жалуется на непріятности, какія терпѣлъ отъ селькихъ завистниковъ; онъ находитъ себѣ отраду въ насмѣшкахъ надъ грубостью и несообразительностью поселянъ и радъ, когда они заводитъ драку между собой.»—Тангёйзеръ, человѣкъ знатной баварской фамиліи, тоже слагалъ много пѣсенъ въ простонародномъ тонѣ о бытѣ богатыхъ поселянъ. (Онъ—тотъ Тангёйзеръ, о которомъ возникла легенда, что онъ жилъ у госпожи Венеры въ ея дворцѣ внутри горы и покаяніемъ получилъ отъ бога прощеніе этого грѣха.)

Нитгардъ.

Тангёйзеръ.

Особый родъ рыцарской лирики составляли крестоносческія пѣсни, kreuzlied. У провансальскихъ поэтовъ онѣ проникнуты энтузіазмомъ; у нѣмецкихъ поэтовъ этого нѣтъ въ нихъ, но отъ нихъ вѣетъ искреннѣй религіозностью и кроткой грустью; мотивъ ихъ у миннезингеровъ—борьба между влеченіемъ рыцаря сражаться за вѣру и любовью, удерживающей его подлѣ дамы его сердца; религіозная обязанность торжествуетъ; рыцарь отправляется въ Палестину; груститъ въ разлукѣ, желаетъ, чтобы милая осталась вѣрна ему, и въ своей пѣснѣ посылаетъ привѣтъ ей и родной странѣ.

Крестоносческія пѣсни.

Трубадуры перелагали въ стихи мудрыя изреченія. При склонности нѣмцевъ къ раздумьямъ о жизни, у миннезингеровъ этотъ видъ лирической дидактики получилъ большое развитіе. Афоризмы миннезингеровъ имѣютъ иногда и политическое содержаніе. Въ особенности славились стихотворныя изреченія, sprüche, Вальтера фонъ деръ Фогельвейде. Вильгельмъ Гриммъ приписываетъ ему знаменитый сборникъ стихотворныхъ афоризмовъ, авторъ котораго называетъ себя „человѣкомъ свободнаго образа мыслей“, Freidank.

Афоризмы въ стихотворной формѣ.

Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде—одинъ изъ знаменитѣйшихъ и лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ среднихъ вѣковъ; потому его жизнь была предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій; но всетаки мы знаемъ о ней мало достовѣрнаго. Намъ неизвѣстно, гдѣ и когда онъ родился и когда умеръ. Издатель его стихотвореній, Пфейферъ, полагаетъ, что онъ или уроженецъ какой нибудь изъ мѣстностей, лежащихъ по Майну или по крайней мѣрѣ провелъ въ этой области большую часть своей жизни. Но онъ долго жилъ въ Австріи, и нѣкоторые ученые считаютъ его уроженцемъ ея. Онъ происходилъ изъ рыцарскаго рода; это мы видимъ потому, что современники называютъ его her, „господинъ“; такъ называли только людей благороднаго происхожденія. Но его родъ не былъ ни знатенъ, ни богатъ; онъ принадлежалъ къ низшему дворянству. Около 1190 года, онъ, двадцатилѣтній юноша, отправился въ Австрію, учиться миннезингерскому искусству. Герцоги бабенбергской династіи были щедрыми покровителями поэтовъ; ихъ блестящій дворъ, имѣвшій свою резиденцію въ богатомъ городѣ Вѣнѣ, былъ въ концѣ XII вѣка самымъ знаменитымъ центромъ поэтической дѣятельности; пѣвцы шли туда изъ всей Германіи. Вальтеръ прожилъ въ Вѣнѣ лѣтъ восемь или десять; вѣроятно въ это время сложилъ онъ большую часть

Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде.

своихъ любовныхъ пѣсенъ, привлекательныхъ граціозной наивностью. Онъ слагалъ любовныя пѣсни и въ старости, но въ нихъ ужъ мало веселья, много грустнаго раздумья и жалобъ. Многостороннѣйшій изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде чувствовалъ слишкомъ тѣснымъ для себя кругъ эротической лирики, слагалъ пѣсни о дѣлахъ родины, разсказывая о борьбѣ Филиппа и Оттона за нѣмецкій престолъ; мы приводили цитаты изъ Вальтера, видѣли, что онъ, горячій патріотъ, глубоко печалился о бѣдствіяхъ и позорѣ отечества, рѣзко осуждалъ коварство папской политики и вѣроломство нѣмецкихъ князей, защищалъ королевскую власть и независимость Германіи, отъ иноземныхъ вліяній. Своимъ горячимъ участіемъ въ политическихъ дѣлахъ онъ рѣзко отличается отъ другихъ миннезингеровъ, слагавшихъ только любовныя пѣсни. Онъ сильно нападаетъ на безнравственность, лицемѣріе и надменность духовенства, алчность папскаго двора. Но онъ человѣкъ религіозный. Къ политической дѣятельности вызвали его бѣдствія, которымъ подвергла Германію борьба Оттона и папы съ Филиппомъ Швабскимъ; онъ отправился ко двору Филиппа, и пѣсни его отклонили тысячи людей отъ папской партіи. Когда Оттонъ, по смерти Филиппа ставшій общепризнаннымъ въ Германіи королемъ, былъ отлученъ отъ церкви папой, Вальтеръ защищалъ его, оставался вѣренъ ему, пока можно было видѣть въ немъ законнаго короля. Но когда Оттонъ, разбитый при Бувинѣ, утратилъ силу и уѣхалъ въ Брауншвейгъ, Вальтеръ перешелъ на сторону Фридриха, котораго Германія признала королемъ. Фридрихъ, въ награду за усердіе, далъ ему имѣнье; онъ оставался неизмѣнно вѣренъ императору и, кажется, находился въ числѣ крестоносцевъ, пошедшихъ въ іюнѣ 1228 въ Апулію. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ.—Онъ много странствовалъ по Германіи. Фантастическое преданіе сдѣлало его однимъ изъ поэтовъ, участвовавшихъ въ знаменитомъ вартбургскомъ состязаніи *). Вальтеръ умеръ въ Вюрцбургѣ, (вѣроятно, по сосѣдству этого города находилось имѣнье, данное ему императоромъ).

Позднѣйшіе миннезингеры.

Вскорѣ по смерти Вальтера фонъ деръ Фогельвейде рыцарская лирика упала. Въ эпоху ея процвѣтанія, служеніе дамамъ имѣло нѣжный, благородный характеръ; во второй половинѣ XIII вѣка оно стало грубымъ, пошлымъ сладострастіемъ; лирика, воспѣвавшая его, утратила поэтическое достоинство. Другой причиной ея упадка было то, что она лишилась покровительства государей: Габсбурги и князья ихъ времени были равнодушны къ поэзіи; люди благороднаго сословія перестали слагать пѣсни, не доставлявшія наградъ, предоставили занятіе поэзіей горожанамъ. Новые поэты были только подражателями прежнихъ; ихъ пѣсни были грубы; дворянство презирало бродячихъ пѣвцовъ-простолюдиновъ, духовенство порицало

---

*) Знаменитая поэма, излагающая вымышленное состязаніе пѣвцовъ и называющаяся „Вартбургской войной“, Kriec (то есть Krieg) von Wartburg, принадлежитъ концу XIII вѣка. При дворѣ Германа, ландграфа тюрингскаго, говоритъ эта поэма, Генрихъ фонъ Офтердингенъ вступилъ въ поэтическое состязаніе съ Вальтеромъ фонъ деръ Фогельвейде. Условіемъ состязанія было поставлено, что побѣжденный подвергается смерти. Сначала казалось, что Офтердингенъ побѣдитъ; но при появленіи ландграфини Софіи онъ смутился и былъ побѣжденъ. По просьбѣ ландграфини онъ былъ избавленъ отъ смерти. Послѣ того Клингзоръ, знаменитый поэтъ и чародѣй венгерской земли, принимаетъ на себя обязанность судьи въ состязаніи между Офтердингеномъ и Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ, объявляетъ Офтердингена побѣдителемъ. Всѣ поэты примиряются.—Авторъ поэмы неизвѣстенъ.

ихъ.—Около половины XIII вѣка Рейнмаръ форъ Цветеръ ужь говоритъ, что служеніе дамамъ и рыцарство получили грубый характеръ, хочетъ порицаніями остановить порчу миннезингерства. Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ, жившій около того времени, желая оживить умиравшій интересъ къ поэзіи, довелъ до крайности сантиментальность; но его „Служеніе дамамъ“ Frauendienst, и „Книга о дамахъ“, Frauenbuch, возбуждали смѣхъ манерностью, и Гатлаубъ ужъ слагалъ пародіи на любовныя пѣсни миннезингеровъ.—Поэты-горожане писали многословно, монотонно, скучно, щеголяли схоластической ученостью, вели стихотворные споры о пустыхъ вопросахъ; особенно знаменитъ споръ о словахъ frau и wip (weib), который вели въ началѣ XIV вѣка Генрихъ Мейсенскій и Бартоломей Регенбогенъ. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, восхваляя даму, называлъ ее wip, „женщина“; Генрихъ Мейсенскій сталъ доказывать, что названіе frau „госпожа“, гораздо лучше названія wip; Регенбогенъ защищалъ названіе wip. Генрихъ Мейсенскій побѣдилъ, и ему было дано прозваніе Frauenlob, „хвалитель слова frau“.—Въ рукахъ поэтовъ-горожанъ лирическая поэзія получила характеръ религіозной дидактики.

4. Гартманъ фонъ Ауэ, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Готфридъ Страсбургскій.

Характеръ рыцарскихъ поэмъ.

Опредѣливъ общій характеръ рыцарской поэзіи, сдѣлаемъ теперь обзоръ важнѣйшихъ ея произведеній. Генрихъ фонъ Вельдеке внесъ въ нѣмецкую эпическую поэзію разсказы о любви и описанія изящной придворной жизни; его „Энеида“ очень понравилась высшему кругу; нѣмецкіе поэты увидѣли изъ этого, въ какомъ вкусѣ надобно писать поэмы, чтобъ имѣть успѣхъ. У нихъ не было самостоятельнаго творчества; они брали готовый иностранный матеріалъ, передѣлывали нѣкоторые эпизоды, старались пересказывать иноземныя поэмы легкимъ, граціознымъ языкомъ, очаровывали свою публику идеализированнымъ изображеніемъ модныхъ придворныхъ и рыцарскихъ правовъ. Они прославляли христіанство, католическую церковь, рыцарство, храбрость, вѣрность рыцарей понятіямъ о чести, служеніе дамамъ, любовь. Это было общимъ содержаніемъ произведеній знаменитѣйшихъ эпическихъ поэтовъ того времени: Гартмана фонъ Ауэ, Вольфрама фонъ Эшенбаха, Готфрида Страсбургскаго. Оригинальность ихъ проявляется только въ томъ, что каждый по своему переработывалъ готовый матеріалъ. Всѣ трое они слагали и лирическія произведенія, но пѣсни ихъ менѣе оригинальны, чѣмъ эпическія поэмы, не отличаются почти ничѣмъ отъ пѣсенъ другихъ хорошихъ миннезингеровъ. Генрихъ фонъ Ауэ, умершій между 1210 и 1220 годами, заслуживалъ похвалы современниковъ „умѣренностью“, maz (то есть maasz); у нихъ это слово значило: „сдержанность“, умѣнье соблюдать мѣру. Дѣйствительно, тонъ поэмъ Генриха фонъ Ауэ спокойный, сдержанный; разсказъ у него простъ, ясенъ, стихъ легокъ, правиленъ, рѣомы чисты. Первой его поэмой должно, кажется, считать „Эрекъ“, послѣдней „Ивейнъ“; первая написана, вѣроятно, около 1197 года, вторая—нѣсколько ранѣе 1204; обѣ онѣ—передѣлки поэмъ Кретьена Труасскаго; содержаніе обѣихъ принадлежитъ бретонскому циклу легендъ. Между „Эрекомъ“ и „Ивейномъ“ Гартманъ сложилъ поэму „Григорій“, Gregor; вѣроятно, это тоже передѣлка какой нибудь французской поэмы; матеріалъ ея взятъ изъ христіанскихъ латинскихъ передѣ-

Гартманъ фонъ Ауэ.

локъ миѳа объ Эдипѣ; въ ней набрано еще больше ужасовъ и преступленій, чѣмъ сколько ихъ находится въ исторіи Эдипа. Григорій попъ Штейнъ женится на матери; они, разумѣется, не знаютъ своего родства; живутъ въ бракѣ четыре года. Узнавъ свой грѣхъ, Григорій очищается отъ него суровымъ аскетизмомъ въ отшельничествѣ на пустынной скалѣ и, какъ святой, возводится въ санъ папы; мать его тоже очищается отъ грѣха покаяніемъ. Стихъ въ этой поэмѣ легокъ, разсказъ хорошъ; содержаніе отвратительно, но казалось назидательнымъ. Гораздо лучше годилась для изящнаго разсказа легенда, изъ которой Гартманъ взялъ свою поэму „Бѣдный Генрихъ“, Der arme Heinrich. Но и этотъ разсказъ, содержаніе котораго мы приведемъ, страдаетъ безсиліемъ и неестественностью, подобно большинству произведеній тогдашней поэзіи. Самопожертвованіе дѣвушки, происходящее не столько изъ естественныхъ возвышенныхъ мотивовъ, состраданія и любви, сколько изъ желанія пріобрѣсти душевное спасеніе себѣ самой, не возбуждаетъ сочувствія въ нравственно-здоровомъ человѣкѣ. „Эрекъ“ и „Ивейнъ“, содержаніе которыхъ мы тоже разскажемъ ниже, передѣлки французскихъ поэмъ изъ цикла преданій объ Артурѣ, какъ мы ужь говорили. Раньше Гартмана ознакомилъ нѣмцевъ съ этой отраслью французской эпической поэзіи Ульрихъ фонъ Цациковенъ (Zazicoven, по тогдашнему нѣмецкому выговору Зазиковенъ), переложившій на нѣмецкій языкъ поэму о Ланселотѣ. (Онъ умеръ около 1195 года). Французская и нѣмецкая эпическая поэзія того времени брала содержаніе своихъ поэмъ почти исключительно изъ цикла легендъ объ Артурѣ и его сподвижникахъ. Мы ужь говорили о характерѣ этихъ поэмъ: любовь къ удивительному, сказочному могла свободно разыгрываться на баснословной почвѣ сказаній объ Артурѣ, фантазія могла дозволять себѣ въ нихъ всяческія выдумки. Ихъ герои обыкновенно воспитались или въ далекихъ земляхъ, или въ уединеніи, дѣйствуютъ тоже въ чужихъ земляхъ; странствуютъ въ поискахъ за приключеніями, защищаютъ угнетенныхъ дамъ, сражаются съ дерзкими рыцарями, уродливыми великанами, злыми волшебниками; при этомъ подробно описываютъ шлемы, латы, всяческое оружіе, уборы рыцарей. Мотивы дѣйствій героевъ не какія нибудь глубокія страсти, а капризы дамъ или самихъ героевъ и угожденіе понятіямъ общества. Но психологическая сторона этихъ дѣйствій излагается съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца и съ большимъ художественнымъ талантомъ. Поэты часто вплетаютъ въ разсказъ личныя свои мысли, такъ что ихъ произведенія не имѣютъ эпической объективности.

1. *Бѣдный Генрихъ.* Богатый и одаренный превосходными душевными качествами рыцарь страдаетъ проказой, которой не можетъ излечить медицина. Мудрый салернскій врачъ говоритъ, что онъ исцѣлится, если невинная дѣвушка пожертвуетъ для этого своей жизнью. Онъ не надѣется и не желаетъ такой жертвы, потому раздаетъ все свое имѣнье и удаляется въ хижину своего подданнаго, поселянина, жить тамъ до близкой смерти. Дочь поселянина слышитъ, какимъ средствомъ можно спасти любимаго господина, и рѣшается отдать жизнь за него; отецъ, мать и самъ Генрихъ упрашиваютъ ее отказаться отъ этого намѣренія; она остается тверда, отправляется въ Салерно, говоритъ, что жертвуетъ собой для спасенія Генриха; дѣлаются приготовленія исполнить ея желаніе; но пріѣзжаетъ Генрихъ и увозитъ ее къ роднымъ. На пути молитва ея исцѣляетъ его. Онъ женится на своей спасительницѣ, и все его имѣнье возвращается ему.

2. *Эрекъ.* Одинъ изъ рыцарей Артура, Эрекъ, подвергается обидѣ при его дворѣ, въ досадѣ уѣзжаетъ отъ него и своими подвигами пріобрѣтаетъ руку прекрасной Эниты, дочери «благороднаго бѣдняка,» Edelarm. Предавшись наслажденіямъ любви, Эрекъ забываетъ о славѣ; Энита говоритъ мужу, что онъ утратитъ репутацію храбрости, и съ

печалью въ душѣ убѣждаетъ его отправиться на новые подвиги. Это вызываетъ у него сомнѣніе въ ея вѣрности; онъ отправляется на подвиги, но заставляетъ ее удалиться въ лѣсъ и запрещаетъ ей предупреждать его объ опасностяхъ, какія будутъ угрожать ему. Она нѣсколько разъ нарушаетъ это приказаніе, спасаетъ мужа своими предостереженіями; каждый разъ онъ сурово упрекаетъ ее за ослушаніе. Множествомъ геройскихъ подвиговъ онъ упрочиваетъ славу своей доблести, а его жена непоколебимой заботливостью о его жизни доказываетъ свою вѣрность ему; они снова соединяются; онъ наслѣдуетъ царство своего отца.

3. *Ивейнъ*. Герой этой поэмы тоже одинъ изъ рыцарей Круглаго Стола. Въ лѣсу есть волшебный источникъ; Ивейнъ побѣждаетъ слугъ владѣльца этого источника, убиваетъ самого владѣльца, женится на его вдовѣ, прекрасной Лавдинѣ, госпожѣ обширнаго государства. Гавейнъ, другой рыцарь Круглаго Стола, убѣждаетъ Ивейна продолжать подвиги; онъ ѣдетъ пріобрѣтать новую славу, обѣщаясь Лавдинѣ возвратиться черезъ годъ. Годъ прошелъ, Ивейнъ еще не возвратился; когда онъ возвращается, Лавдина отказываетъ ему въ своей любви, какъ нарушителю слова. Онъ теряетъ разсудокъ и скитается въ лѣсу. Три волшебницы исцѣляютъ его разсудокъ. Онъ избавляетъ отъ смерти льва, на котораго напалъ драконъ; благодарный левъ сопровождаетъ его повсюду и помогаетъ ему побѣждать противниковъ. У волшебнаго источника онъ находитъ Люнету, дѣвушку, которая дала ему волшебный перстень, когда онъ готовился къ бою за владычество надъ этимъ источникомъ; тогда волшебный перстень Люнеты охранилъ его отъ смерти; теперь она осуждена на сожженіе, по лживому доносу; онъ сражается за нее, доказываетъ своей побѣдой невинность ея. Потомъ при помощи льва онъ побѣждаетъ нѣсколькихъ великановъ, освобождаетъ триста плѣнныхъ дѣвушекъ и, прославившись своими подвигами, возвращается къ двору Артура. Люнета примиряетъ съ нимъ Лавдину.

Вирнтъ фонъ Графенбергъ.

Гартманъ не былъ геніальный поэтъ, но добродушнымъ людямъ нравилась нравственная чистота его поэмъ, и онъ имѣлъ много подражателей. Франконскій рыцарь Вирнтъ фонъ Графенбергъ, жившій при дворѣ герцога Бертольда Меранскаго, переложилъ въ стихи исторію Вигалойса, которую разсказывалъ ему оруженосецъ. Онъ пережилъ Бертольда, умершаго въ 1204 году.—Вигалойсъ — нѣмецкая передѣлка имени рыцаря Гюи Галльскаго, Guy Galois. Шлемъ Вигалойса украшенъ фигурой колеса, потому онъ называется рыцаремъ колеса. Онъ не знаетъ своего отца и ѣдетъ къ двору Артура, надѣясь узнать тамъ тайну своего происхожденія, и послѣ множества удивительныхъ подвиговъ и любовныхъ приключеній открываетъ, что его отецъ—Гавейнъ. Вирнтъ влагаетъ въ разсказъ много субъективныхъ размышленій; онъ недоволенъ современными обычаями; въ старину было лучше, говоритъ онъ и, подобно Вальтеру фонъ деръ Фогельвейде, находитъ, что рыцари стали грабителями, служеніе дамамъ утратило свою наивную чистоту, любовь къ богу исчезла, владычествуетъ беззаконіе.

Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ поэмъ, пересказывающихъ легенды о рыцаряхъ Круглаго Стола и о Санъ-Граалѣ, самая лучшая — Парциваль (Parzival, Парзиваль) Вольфрама фонъ Эшенбаха. Вольфрамъ былъ урожепецъ Франконіи, человѣкъ рыцарскаго сословія, но бѣдный; не умѣлъ ни писать, ни читать. Онъ жилъ при дворѣ Германа, ландграфа тюрингскаго. Германъ умеръ въ 1215 году; Вольфрамъ пережилъ его. Вотъ почти все, что мы знаемъ о его жизни. Онъ былъ даровитѣйшій изъ нѣмецкихъ эпическихъ поэтовъ среднихъ вѣковъ. Тонъ его вообще серьезный, величавый; нерѣдко онъ дозволяетъ себѣ шутливость; она у него добродушна; онъ иногда иронизируетъ надъ самимъ собой. Мы ужь говорили, что его поэмы — передѣлки французскихъ, но онъ вносилъ въ свои переработки довольно много дополненій. Кромѣ „Парзиваля“ Вольфрамъ передѣлывалъ французскія поэмы о Гильомѣ Оранскомъ и о Титюрелѣ; обѣ остались неокончены;

изъ поэмы о Гильіомѣ Оранскомъ, называющемся у Вольфрама Виллегальмомъ (Вильгельмомъ), мы имѣемъ одинъ отрывокъ, изъ поэмы о Титюрелѣ— два отрывка, разсказывающіе о любви Шёнатуландера и Сигуны. Всѣ три эти отрывка превосходны по звучности стиха, по мастерству, съ какимъ очерчены характеры дѣйствующихъ лицъ и по нѣжности чувства. „Парзиваль“ имѣетъ нѣкоторые недостатки: событія нерѣдко слѣдуютъ одно за другимъ безъ внутренней связи между собой; поэма прославляетъ исключительно рыцарство и дворскую жизнь, забывая о народѣ; но планъ поэмы величественъ, въ основаніи его лежитъ глубокомысленная идея, и вообще „Парзиваль“ — самое яркое проявленіе средневѣкового сліянія мірского элемента жизни съ церковнымъ.

Парзиваль—потомокъ королей Санъ-Граля. Мать воспитываетъ его въ уединеніи лѣса, въ дали отъ звука оружія; она хочетъ оберечь его отъ судьбы отца, который былъ убитъ въ сраженіи. Пѣніе птичекъ и бесѣды матери развиваютъ въ немъ исключительно мирныя, нѣжныя чувства; но не могутъ заглушить въ немъ наслѣдственнаго влеченія къ славнымъ подвигамъ; оно проявляется съ полной силой, когда онъ случайно видитъ рыцарей въ блестящемъ вооруженіи и они совѣтуютъ ему отправиться къ двору Артура, если онъ хочетъ узнать, что такое называется рыцарствомъ. Мать, отпуская его, одѣваетъ въ дурацкое платье, чтобы всѣ смѣялись надъ нимъ и чтобы насмѣшки принудили его вернуться домой. Но онъ совершаетъ такіе подвиги, что его принимаютъ въ число рыцарей Круглаго Стола. Онъ ѣдетъ искать приключеній; освобождаетъ отъ опасностей Кондуирамуру, замокъ которой былъ осажденъ врагами, женится на ней; но влеченіе къ славѣ скоро беретъ въ немъ верхъ надъ любовью, и онъ ѣдетъ искать новыхъ приключеній. Въ своихъ странствованіяхъ онъ доѣзжаетъ до замка Санъ-Грааля, построеннаго въ Испаніи на горѣ Монтсальвачѣ (то есть, Монсальважѣ) королемъ-священникомъ Титурелемъ. Тамъ ждетъ избавленія отъ страданій король Амфортасъ, раненный отравленнымъ копьемъ. Онъ—дядя Парзиваля. Ему было предсказано, что когда незнакомый рыцарь спроситъ его о причинѣ его страданій, это будетъ предзнаменованіемъ исцѣленія. Парзиваль получилъ отъ мудраго старца совѣтъ сдерживать свое любопытство, потому не спрашиваетъ Амфортаса о причинѣ его страданій; если бы спросилъ, то сдѣлался бы королемъ замка Санъ-Грааля; но не сдѣлавъ вопроса, пропускаетъ благопріятный случай. Онъ подвергается новымъ приключеніямъ; въ тяжкихъ подвигахъ пріобрѣтаетъ душевное совершенство, дѣлающее его достойнымъ стать королемъ Санъ-Грааля, и получаетъ это счастье. Но велики и трудны испытанія, которыми очищается его душа. Онъ извергнутъ изъ общества рыцарей Круглаго Стола, проводитъ нѣсколько лѣтъ въ мучительныхъ душевныхъ тревогахъ, постепенно отрѣшается отъ всякой гордости, отъ всѣхъ мірскихъ стремленій, проникается влеченіемъ къ небеснымъ благамъ. Тогда начинается новый, высшій періодъ его жизни; разсказъ объ этомъ душевномъ просвѣтленіи—важнѣйшая часть поэмы. Чтобъ ярче обрисовывался контрастъ между мірскими стремленіями другихъ рыцарей и влеченіемъ Парзиваля къ небеснымъ благамъ, Вольфрамъ разсказываетъ о подвигахъ Гавана, который ищетъ земной славы. Мудрый отшельникъ Тревризентъ излагаетъ Парзивалю ученіе о Богѣ, объ искупленіи рода человѣческаго, разъясняетъ ему истинное предназначеніе человѣка; Парзиваль становится достоинъ быть королемъ Санъ-Грааля, предлагаетъ Амфортасу вопросъ, отъ котораго зависитъ исцѣленіе этого страдальца, и становится королемъ Санъ-Грааля. Его жена Кондуирамура и ихъ сыновья соединяются съ нимъ. Старшій изъ этихъ сыновей— Лоэнгринъ. — Поэма о Виллегальмѣ осталась отрывкомъ, безъ начала и безъ конца; Ульрихъ фонъ Тюрлинъ прибавилъ къ ней начало и довелъ ее до конца; но онъ не имѣлъ таланта Вольфрама. — Отрывокъ изъ поэмы «Титурель» разсказываетъ о любви Сигуны къ Шёнатуландеру и о печали, въ которую повергла ее смерть Шёнатуландера, убитаго въ лѣсу Орилусомъ. Она долго стерегла набальзамированное тѣло своего милаго, скрываясь между вѣтвями липы, и ворковала надъ нимъ, какъ горлица. —

Есть поэма, служащая пополненіемъ къ отрывку, сложенному Вольфрамомъ, и называющаяся «Младшимъ Титурелемъ»; она долго приписывалась Вольфраму, но авторъ ея «поэтъ Альбрехтъ», — быть можетъ Альбрехтъ фонъ Шарфенбергъ; она долго пользовалась большой популярностью, хоть это лишь компиляція, составленная по разсказамъ Вольфрама о Парзивалѣ и Шёнатуландерѣ. Она написана между 1255 и 1272 годами.

Замѣчательный контрастъ „Парзивалю“ Вольфрама представляетъ поэма Готфрида Страсбургскаго „Тристанъ и Изольда“. Вольфрамъ прославляетъ стремленіе къ возвышенному идеалу, у него господствуетъ туманный мистицизмъ. Готфридъ разсказываетъ о наслажденіяхъ любви. Онъ, какъ мы говорили, порицаетъ фантазерство Вольфрама. По художественному достоинству его поэма выше „Парзиваля“. Его называли „мейстеръ“, а не „господинъ“, потому, должно думать, что онъ былъ не рыцарь, а горожанинъ. Готфридъ Страсбургскій.

Поэма Готфрида начинается описаніемъ любви родителей Тристана; потомъ разказывается о воспитаніи ихъ сына. Онъ воспитывается не въ уединеніи, какъ Парзиваль, а въ знатномъ обществѣ, пріобрѣтаетъ изящныя манеры и рыцарскія доблести. Онъ возвращаетъ себѣ отцовское государство, которое было завоевано врагами, и пріѣзжаетъ къ двору своего дяди Марке, короля корнуэльскаго. Дядя хочетъ жениться на прекрасной Изольдѣ, дочери короля ирландскаго, и поручаетъ Тристану ѣхать за нею. Раньше своего пріѣзда къ дядѣ, Тристанъ убилъ въ бою ея двоюроднаго брата, и, переодѣтый музыкантомъ, училъ ее музыкѣ.—Теперь онъ убиваетъ въ Ирландіи дракона. — Изольда узнаетъ въ Тристанѣ музыканта, у котораго училась, и сначала чувствуетъ вражду къ нему. Предложеніе Марке принято; Изольда плыветъ съ Тристаномъ къ жениху. Мать при прощаньѣ даетъ ей любовное питье, чтобъ она напоила имъ Марке. Но на кораблѣ Изольда и Тристанъ по ошибкѣ выпили это волшебное питье и полюбили другъ друга. Пробужденіе любви въ нихъ разсказано у Готфрида превосходно. Итакъ, ихъ страсть— дѣйствіе волшебной силы; это снимаетъ съ нихъ нравственную отвѣтственность за ихъ преступную любовь. Изольда становится женой Марке; но не можетъ заглушить въ себѣ любовь къ Тристану, обманываетъ мужа, обманываетъ всѣхъ, слѣдящихъ за нею, очищаетъ себя отъ подозрѣній клятвой, слова которой подобраны такъ, что могутъ показаться отрицаніемъ вины, хотя на самомъ дѣлѣ не имѣютъ этого значенія. Марке, страстно любящій Изольду, догадывается наконецъ, что она и Тристанъ обманываютъ его, и прогоняетъ ихъ отъ двора. Они живутъ въ пещерѣ, среди лѣса; но они любятъ другъ друга, этого довольно для ихъ счастья. Марке, мучимый любовью, ищетъ и находитъ ихъ. Онъ видитъ, что между мѣстами, на которыхъ спятъ они, лежитъ обнаженный мечъ; это убѣждаетъ его, что Изольда невинна, и онъ привозитъ ихъ въ свой дворецъ. Но Изольда продолжаетъ обманывать мужа; Готфридъ замѣчаетъ по поводу этого, что стеречь жену—дѣло напрасное и дурное, что не должно стѣснять любовь. Наконецъ, Изольда и Тристанъ видятъ невозможность долѣе обманывать Марке; Тристанъ удаляется отъ двора, черезъ нѣсколько времени находитъ другую Изольду, и мало по малу забываетъ первую. На этомъ останавливается поэма Готфрида; два поэта, Фрейбергъ и Тюргеймъ, написали продолженія къ ней. Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи нѣтъ произведенія, равнаго ей по художественности формы, по прелести, съ какой описывается счастье любви.

5. Нибелунги и Гудруна.

Въ эпоху самаго высшаго развитія дворской поэзіи получила свой нынѣшній видъ старая народная нѣмецкая эпопея, разсказывавшая о погибели Нибелунговъ. Это было, по мнѣнію Лахмана, около 1210 года. Она 1. Пѣсня о Нибелунгахъ.

была тогда переработана сообразно современнымъ понятіямъ, но всетаки сохранила характеръ, рѣзко противоположный рыцарскимъ поэмамъ. Онѣ хороши по нѣжности чувства и красотѣ формы, но ничтожны по содержанію; въ поэмѣ о Нибелунгахъ содержаніе величественно, характеры обрисованы яркими чертами, но она утомляетъ монотонностью и сухостью языка, неловкостью стиха, бѣдностью ритмъ, неуклюжестью формы. Въ рыцарскихъ поэмахъ художественность разсказа придаетъ интересъ пустымъ выдумкамъ; въ Нибелунгахъ величественное содержаніе и героическіе образы возбуждаютъ наше сочувствіе безъ помощи художественной формы. Въ рыцарской поэмѣ мы слѣдимъ за приключеніями одного героя, завлекательными по своей дивности; въ Нибелунгахъ мы видимъ группы людей, дѣйствующихъ не по эротическимъ мотивамъ, а по закону необходимости; эти люди не бросаются въ опасность по прихоти, и сражаются не съ фантастическими чудовищами, а влекутся силою рока къ трагической погибели. Пѣсня о Нибелунгахъ отличается отъ романтическихъ эпопей и тѣмъ, что въ ней нѣтъ субъективности; она объективна, какъ древній эпосъ. Кто авторъ поэмы о Нибелунгахъ, мы не знаемъ. Прежде высказывалась догадка, что онъ — миннезингеръ Генрихъ фонъ Офтердингенъ; но это предположеніе не имѣетъ никакихъ основаній. Теперь думаютъ, что нынѣшняя редакція поэмы о Нибелунгахъ принадлежитъ миннезингеру Кюренбергеру; что матеріалами для него служили отчасти народное преданіе, отчасти разсказъ мейстера Конрада Тассаускаго, пересказывающій на латинскомъ языкѣ преданіе о погибели бургундской династіи; что, перелагая эти матеріалы въ строфы, форма которыхъ изобрѣтена имъ самимъ, онъ дозволялъ себѣ довольно свободно передѣлывать ихъ.

Содержаніе поэмы о Нибелунгахъ. 1. Элементы, заимствованные изъ легенды о Зигфридѣ.

На Рейнѣ, въ Вормсѣ, жилъ бургундскій король Гунтеръ съ двумя братьями, Гернотомъ и Гизельгеромъ, и рыцарями, которыхъ было много на службѣ у него, и между которыми знаменитѣйшіе были Гагенъ Троньескій (von Tronje), Волькеръ Альцейскій (von Alzei, Альзейскій), Ортвейнъ Мецскій. Была у Гюнтера красавица сестра, Кримгильда; она жила подъ охраной своей матери Уты. Ея сердце еще не знало любви. Однажды ей снилось, что она имѣла сокола, и что два орла растерзали его. Мать истолковала ей сонъ: будетъ у нея прекрасный мужъ, но она лишится его, если не сохранитъ его Богъ. Услышавъ это, она рѣшила не выходить за мужъ, оставаться всю жизнь дѣвицей, не знающей любви. Но пріѣхалъ съ блестящей свитой въ Вормсъ изъ города Сантена (Ксантена), стоящаго въ низовьѣ Рейна, Зигфридъ, сынъ Зигемунда и Зигелинды. Онъ слышалъ о красавицѣ, бургундской королевнѣ, и пріѣхалъ сватать ее. Гагенъ разсказываетъ бургундскому королю и его братьямъ о подвигахъ Зифрида: онъ убилъ карлаковъ Нибелунговъ, овладѣлъ ихъ сокровищемъ и мантіею-невидимкой, которая даетъ ему силу двѣнадцати человѣкъ; онъ убилъ дракона и, обмазавшись кровью и жиромъ этого чудовища, сталъ неуязвимымъ (мантія-невидимка Nebelmantel, облачный плащъ, имѣетъ связь съ самымъ именемъ Нибелунговъ; оно происходитъ отъ того же слова Nebel, «облако»; неуязвимость тѣла въ нѣмецкомъ эпосѣ выражается названіемъ «роговое тѣло», то есть не слышащее боли и крѣпкое, какъ рогъ; потому Зигфридъ называется «роговымъ», въ смыслѣ «неуязвимый»). Такого сильнаго героя должно принять съ почетомъ, говоритъ Гагенъ. Бургундцы такъ и дѣлаютъ. Зигфридъ живетъ у нихъ цѣлый годъ, не видя Кримгильды. Наконецъ, онъ идетъ съ ними противъ саксонцевъ и датчанъ, приводитъ обоихъ непріятельскихъ королей плѣнниками въ Вормсъ; только теперь выходитъ Кримгильда привѣтствовать его. Она прекрасна, какъ утренняя заря. Онъ видитъ ее въ первый разъ; но она ужь много разъ смотрѣла на него изъ своей кемнаты (комнаты) и давно любитъ его. Полюбилъ ее и онъ. Но чтобы получить ея руку, онъ долженъ оказать новую услугу Гунтеру: король бургундскій слышалъ объ исепландской (исландской)

королевнѣ Брунгильдѣ, хочетъ жениться на ней. Но она одарена необыкновенной силой, и отдастъ свою руку только тому, кто побѣдитъ ее въ трехъ состязаніяхъ. Зигфридъ обѣщаетъ добыть ея руку Гунтеру, если Гунтеръ отдастъ за него Кримгильду. Гунтеръ и Зигфридъ плывутъ по Рейну въ Исенландію; тамъ Зигфридъ называетъ себя слугою Гунтера (то есть, рыцаремъ, служащимъ Гунтеру, вассаломъ его). На кораблѣ Зигфрида было тысяча Нибелунговъ; онъ называетъ ихъ въ Исландіи воинами Гунтера. Передъ состязаніемъ Зигфридъ надѣваетъ свою мантію-невидимку, становится подлѣ Гунтера, невидимый никому; Гунтеръ только дѣлаетъ движенія, какія нужны при состязаніи, а на самомъ дѣлѣ состязается съ Брунгильдой Зигфридъ: бросаетъ копье, потомъ бросаетъ камень, наконецъ прыгаетъ; (дѣлая прыжокъ, онъ охватываетъ Гунтера и ставитъ его у цѣли). Брунгильда объявляетъ себя побѣжденной и велитъ своимъ рыцарямъ признать королемъ Гунтера, который будетъ ея мужемъ. Зигфридъ уходитъ на корабль, снимаетъ съ себя мантію-невидимку и, возвращаясь видимымъ для всѣхъ, притворяется, будто бы ждетъ, когда же начнется состязаніе. Гунтеръ съ Брунгильдой плывутъ въ Вормсъ. Зигфридъ плыветъ впереди ихъ съ извѣстіемъ о возвращеніи Гунтера. Кримгильда такъ рада, что даритъ Зигфриду 24 браслета, украшенные дорогими камнями; онъ раздаетъ ихъ своимъ рыцарямъ. По возвращеніи Гунтера съ Брунгильдой, празднуется обрученіе Зигфрида и Кримгильды. Брунгильдѣ грустно, что Кримгильда, дочь короля, выходитъ за человѣка не королевскаго рода. Празднуется свадьба Гунтера и Брунгильды. Когда они остаются одни въ спальной и Гунтеръ хочетъ обнять Брунгильду, она защищаетъ свою дѣвическую скромность, одолѣваетъ Гунтера, связываетъ ему руки и ноги поясомъ, и подвѣшиваетъ его связаннаго на крюкъ вбитый въ стѣну. Взявъ съ него обѣщаніе не касаться ея, она освобождаетъ его. Утромъ Гунтеръ разсказываетъ Зигфриду о томъ, что было ночью. Зигфридъ говоритъ, что поможетъ ему. Ночью Зигфридъ надѣваетъ мантію-невидимку, идетъ съ Гунтеромъ въ спальню короля и Брунгильды, борется съ Брунгильдой, одолѣваетъ ее; она обѣщается не сопротивляться любви; Зигфридъ беретъ ея поясъ и перстень, уступаетъ мѣсто Гунтеру и уходитъ. Брунгильда не сопротивляется Гунтеру. Она думаетъ, что боролся съ ней онъ. Сверхъестественная сила покидаетъ Брунгильду, Гунтеръ обнимаетъ ее. Послѣ того Кримгильда выходитъ за Зигфрида. Свадебный праздникъ длится двѣ недѣли. Кримгильда уѣзжаетъ съ мужемъ въ Нидерланды; онъ становится королемъ отцовскаго государства. Въ довѣрчивомъ супружескомъ разговорѣ онъ открываетъ женѣ тайну того, что онъ принудилъ Брунгильду покориться ласкамъ Гунтера, отдаетъ женѣ поясъ и перстень Брунгильды. У Кримгильды родится сынъ, ему даютъ имя Гунтера, въ честь дяди. Родится сынъ и у Брунгильды; ему даютъ имя Зигфрида, въ честь мужа сестры его отца. Проходитъ десять лѣтъ послѣ свадебныхъ пировъ. По желанію Брунгильды, Гунтеръ приглашаетъ Кримгильду и Зигфрида въ гости. Они ѣдутъ въ Вормсъ; съ ними ѣдетъ и Зигемундъ, отецъ Зигфрида. Въ Вормсѣ принимаютъ гостей съ почестями. Черезъ нѣсколько времени Кримгильда и Брунгильда разговорились о мужьяхъ; каждая хвалится своимъ мужемъ; Брунгильда говоритъ, что мужъ Кримгильды—слуга (вассалъ) ея мужа. Кримгильда обижается этими словами. Когда всѣ идутъ въ церковь, Брунгильда требуетъ, чтобы Кримгильда пропустила ее впередъ, а сама шла сзади, потому что «жена слуги должна уступать первенство женѣ короля». Кримгильда въ гнѣвѣ отвѣчаетъ, что только при помощи ея мужа Гунтеръ сталъ мужемъ Брунгильды, показываетъ Брунгильдѣ ея поясъ и перстень, которыя взялъ у нея Зигфридъ, идетъ въ церковь впереди ея. Брунгильда раздражена тѣмъ, что была обманута и хочетъ мстить за обиду (въ сагѣ о Сигурдѣ, представляющей болѣе старую, миѳологическую форму того же сказанія, должно предполагать другую причину ненависти Брунгильды къ Зигфриду: когда она была валькиріей, она любила Сигурда, (то есть, по-нѣмецкому сказанію, Зигфрида; она узнала въ Зигфридѣ своего прежняго милаго и возненавидѣла его за измѣну ей). Она говоритъ Гунтеру и Гагену, что должно убить Зигфрида. Гагенъ берется исполнить ея желаніе; Гунтеръ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, соглашается помогать этому и разглашаетъ ложное извѣстіе, что на бургундское государство идутъ враги; Зигфридъ, какъ предвидѣли Гунтеръ и Брунгильда, вызывается отразить ихъ. Гагенъ отправляется съ нимъ и передъ отъѣздомъ идетъ проститься съ Кримгильдой. Она говоритъ ему, что

раскаивается въ обидѣ, которую нанесла Брунгильдѣ, что мужъ за это «побилъ ее до синяковъ на тѣлѣ», проситъ Гагена не мстить Зигфриду за ея оскорбленіе Брунгильдѣ. Гагенъ съ притворной дружбой говоритъ, что будетъ охранять Зигфрида, если онъ, по своей отвагѣ, станетъ подвергать себя слишкомъ большой опасности. Брунгильда вѣритъ и разсказываетъ Гагену, что когда Зигфридъ обмазывалъ себя кровью дракона, то на тѣлѣ у него былъ прилипшій листокъ липы; это мѣсто не было вымазано кровью дракона, и осталось уязвимо; противъ уязвимаго мѣста сдѣлана на панцырѣ Зигфрида отмѣтка, крестъ; пусть Гагенъ прикрываетъ своимъ щитомъ это мѣсто. Тайна узнана, этого достаточно. Пріѣзжаютъ вѣстники, объявляютъ, что враги отложили нападеніе. Идти на войну не нужно; вмѣсто похода герои условливаются ѣхать на охоту въ лѣса Вогезскихъ горъ (или по нѣкоторымъ спискамъ, въ Оденвальдскія горы). Кримгильда, встревоженная зловѣщими снами, упрашиваетъ Зигфрида не ѣхать на охоту; онъ не слушается, ѣдетъ; убиваетъ вепрей, буйволовъ, медвѣдей; охотники собираются у костра подкрѣпиться пищей; но оказывается, что нѣтъ вина: слуги, по ошибкѣ, отвезли его въ Шлессартскій лѣсъ. Гагенъ говоритъ, что неподалеку есть источникъ подъ липой, и предлагаетъ состязаніе: кто скорѣе добѣжитъ до источника. Зигфридъ—онъ бѣгаетъ быстрѣе всѣхъ (какъ у Гомера Ахиллесъ). Онъ бѣжитъ со щитомъ, копьемъ, въ охотничьемъ тяжеломъ вооруженіи; другіе бѣгутъ въ обыкновенномъ, легкомъ платьѣ; но Зигфридъ всетаки добѣгаетъ до источника прежде всѣхъ. Онъ прислоняетъ копье къ липѣ, и хотя томится жаждой, ждетъ, пока прибѣжитъ и напьется Гунтеръ. Когда Гунтеръ напился, Зигфридъ ложится пить. Гагенъ вонзаетъ мечъ въ уязвимое мѣсто его тѣла и, схвативъ его мечъ, убѣгаетъ. Зигфридъ гонится за бѣгущимъ, настигаетъ его, опрокидываетъ на землю, ударяетъ его щитомъ такъ сильно, что щитъ разбился и посыпались дорогіе камни, украшавшіе его. Но истекая кровью, Зигфридъ падаетъ на цвѣты и умираетъ, сожалѣя о томъ, какъ опечалится его отецъ, упрашивая Гунтера быть защитникомъ Кримгильды. Гунтеръ и всѣ бывшіе на охотѣ условливаются сказать, что Зигфридъ убитъ разбойниками; но Гагенъ говоритъ, что ему все равно, если и будетъ узнано, что онъ убилъ Зигфрида. Онъ велитъ отнести тѣло къ дверямъ дворца Кримгильды. Утромъ, она идетъ къ обѣднѣ; — ея каммергеръ, отворивъ дверь, видитъ убитаго рыцаря; Кримгильда, услышавъ это, угадываетъ, что убитый рыцарь — Зигфридъ, и понимаетъ, кѣмъ убитъ онъ: «Брунгильда велѣла, а исполнилъ это Гагенъ». Она подымаетъ своими бѣлыми руками голову убитаго, и видитъ черты его лица, залитаго кровью. «Не побѣжденъ ты, а коварно убитъ!» восклицаетъ она. Приходитъ Зигемундъ съ воинами Зигфрида; они хватаются за мечи; Кримгильда останавливаетъ ихъ. Тѣло кладутъ въ серебряный, украшенный золотомъ гробъ и несутъ въ церковь. Гунтеръ съ своими воинами приходитъ въ церковь, выразить лицемѣрную печаль. Когда Гагенъ приближается къ тѣлу, изъ ранъ убитаго течетъ кровь. Когда хотятъ опустить гробъ въ могилу, Кримгильда велитъ открыть его, цѣлуетъ губы мужа и падаетъ безъ чувствъ. Зигемундъ печально возвращается въ свое царство. Кримгильда соглашается остаться въ Вормсѣ. Она была робкая женщина. Теперь для отмщенія за мужа она не отступитъ ни передъ чѣмъ. Она дѣлаетъ видъ, будто примиряется съ Гунтеромъ; но думаетъ только о мщеніи. Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ. По убѣжденію братьевъ, она велитъ привезти въ Вормсъ сокровище Нибелунговъ, красное золото и дорогіе камни, раздаетъ часть его въ подарки. Гагенъ находитъ это опаснымъ, съ согласія Гунтера отнимаетъ у нея сокровище и бросаетъ его въ Рейнъ, чтобъ она не употребила его на погибель виновныхъ въ убійствѣ ея мужа. — (Когда сокровище Нибелунговъ привезено въ Вормсъ, названіе Нибелунговъ переходитъ на бургундцевъ).

2. Элементы, заимствованные изъ преданій о Дитрихѣ Бернскомъ.

Тринадцать лѣтъ горевала Кримгильда о Зигфридѣ. Черезъ тринадцать лѣтъ, Эцель (Аттила), король гуннской земли, жена котораго, Гельга, умерла, посылаетъ Конрада, маркграфа бехеларскаго, въ Вормсъ сватать за него Кримгильду. Гунтеръ совѣтуется съ вассалами. Гагенъ говоритъ, что должно отказать Эцелю. Другіе совѣтуютъ принять сватовство; Гунтеръ слушается ихъ. Кримгильда отвергаетъ предложеніе. Но Конрадъ клянется, что Эцель отмститъ за всѣ обиды, какимъ подвергалась она. Надежда отмстить заставляетъ ее согласиться. По совѣту Гагена, Гунтеръ удерживаетъ ея со-

кровища. Она ѣдетъ съ Конрадомъ къ Эцелю. Въ Вѣнѣ празднуютъ свадьбу; праздники длятся семнадцать дней. Потомъ Эцель и Кримгильда ѣдутъ въ резиденцію гуннскаго царства, Эцельнбургъ. Кримгильда родитъ Эцелю сына, Ортлиба. На тринадцатомъ году послѣ свадьбы, Кримгильда проситъ Эцеля отправить пословъ на Рейнъ къ ея роднымъ съ приглашеніемъ на праздникъ. Она велитъ посламъ позаботиться о томъ, чтобы пріѣхалъ и Гагенъ. Когда послы пріѣхали въ Вормсъ, Гагенъ угадываетъ, съ какою мыслью сдѣлано приглашеніе, и совѣтуетъ не принимать его. Герноть и Гизельбертъ говорятъ, что онъ трусъ, и велятъ ему остаться дома. Онъ отвѣчаетъ: «Поѣду съ вами, и покажу, что не уступаю мужествомъ никому». Но онъ совѣтуетъ Гунтеру взять съ собой большое войско. Ута видитъ зловѣщіе сны, но сыновья не слушаются ея предостереженій. Сборы кончены; Гунтеръ, Брунгильда, братья Гунтера съ своими вассалами ѣдутъ на Дунай. Двѣ водяныя женщины предсказываютъ Гагену, что погибнутъ всѣ бургунцы, кромѣ королевскаго капеллана. Чтобы испытать вѣрность ихъ предсказанія, онъ, при переправѣ черезъ Дунай, бросаетъ капеллана въ рѣку. Капелланъ выплываетъ на берегъ, съ котораго отплыли бургундцы, идетъ на родину. Гагенъ видитъ, что предсказаніе правдиво, и ломаетъ корабль, на которомъ переправились бургундцы: они не поѣдутъ назадъ, корабль не нуженъ. — Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ поэмы становится Гагенъ: онъ распоряжается всей поѣздкой. Онъ человѣкъ непреклонной энергіи, и видъ его ужасенъ: дочь Рюдигера блѣднѣетъ, когда онъ хочетъ поцѣловать ее; но онъ вѣрный слуга своего короля. Бургундцы пріѣзжаютъ въ замокъ Рюдигера; маркграфъ принимаетъ ихъ очень любезно, они пируютъ. По совѣту Гагена, Гизельгеръ обручается съ дочерью Рюдигера. Праздникъ длится три дня. При отъѣздѣ гостей, Рюдигеръ даетъ гостямъ подарки: Гунтеру панцырь, Герноту мечъ, Гагену щитъ, который нѣкогда носилъ герой Нудунгъ, музыканту Волькеру двѣнадцать браслетовъ. Онъ самъ ѣдетъ провожать ихъ. Дитрихъ Бернскій, живущій у Эцеля, выѣзжаетъ съ своими рыцарями на-встрѣчу бургундцамъ, предостерегаетъ ихъ отъ Кримгильды, говоритъ, что она все еще оплакиваетъ смерть Зигфрида. Бургундцы пріѣзжаютъ къ двору Эцеля; Кримгильда беретъ за руку своего брата Гизельгера и цалуетъ его. Гагенъ замѣчаетъ, что не всѣхъ гостей встрѣчаютъ съ любезностью, и крѣпче привязываетъ свой шлемъ. Кримгильда спрашиваетъ его, привезъ ли онъ сокровище Нибелунговъ; онъ отвѣчаетъ, что онъ и безъ того везъ на себѣ достаточную тяжесть: латы и мечъ. Бургундцы снимаютъ съ себя вооруженіе; Гагенъ не даетъ взять и отнести въ сторону его оружіе. Эцель узнаётъ рыцаря, который жилъ заложникомъ при его дворѣ (V, стр. 402). Вѣрный охранитель своего короля и друзей, Гагенъ дерзко говоритъ съ Кримгильдой, увеличиваетъ ея ненависть новыми оскорбленіями; онъ садится на каменную скамью, и когда подходитъ къ нему Кримгильда, не хочетъ встать передъ ней; кладетъ подлѣ себя мечъ, взятый у Зигфрида; Кримгильда плачетъ, увидѣвъ этотъ мечъ; Гагенъ говоритъ ей, что онъ убилъ Зигфрида. Вечеромъ утомленные бургундцы идутъ спать. Гагенъ и Волькеръ стерегутъ ихъ; Волькеръ играетъ на скрипкѣ, бургундцы заснули подъ его музыку. Гунны хотятъ напасть на сонныхъ, но увидѣвъ Гагена и Волькера не спящими, робко уходятъ; Волькеръ кричитъ имъ, что они трусы. Утромъ бургундцы и гунны идутъ въ церковь; потомъ состязаются на турнирѣ; Волькеръ убиваетъ одного изъ гуннскихъ знатныхъ рыцарей. Послѣ турнира, садятся обѣдать. Межь тѣмъ какъ Гунтеръ, его братья, Брунгильда и бургундскіе рыцари обѣдаютъ, Блёдель, братъ Эцеля, нападаетъ по просьбѣ Кримгильды на ихъ слугъ (воиновъ); этихъ слугъ 9.000 человѣкъ; гунны Блёделя убиваютъ всѣхъ ихъ. Данквартъ, братъ Гагена, убиваетъ Блёделя и мечомъ прокладываетъ себѣ дорогу въ залъ, гдѣ пируютъ князья и рыцари. Услышавъ отъ брата, что всѣ бургундцы обречены на погибель, Гагенъ отрубаетъ голову сыну Кримгильды и Эцеля, Ортлибу; бургундскіе князья и рыцари убиваютъ многихъ гуннов; подъ защитой воиновъ Дитриха Бернскаго, Эцель, Кримгильда и Рюдигеръ уходятъ изъ зала. Бургундцы готовятся обороняться отъ гунновъ, которыхъ ведутъ на нихъ Эцель и Кримгильда. Гагенъ убиваетъ храбраго, долго бившагося съ нимъ, датскаго князя Ирнфа; датчане и тюрингцы хотятъ мстить за него; бургундцы убиваютъ ихъ всѣхъ и при наступленіи вечера требуютъ себѣ свободнаго пропуска. Кримгильда отвѣчаетъ требованіемъ, чтобъ

они выдали ей Гагена. Они не соглашаются; она велитъ зажечь залъ. Бургундцы томятся жаждой; Гагенъ говоритъ имъ, чтобъ они пили кровь убитыхъ. Они пьютъ кровь и становятся вдоль стѣны, ограждая себя отъ огня щитами. Такъ проходитъ ночь. Утромъ бой возобновляется. Печально и бездѣйственно смотритъ на битву Рюдигеръ; одинъ изъ гунновъ упрекаетъ его, что онъ не сражается, не платитъ Эцелю за почести, полученныя отъ него. Рюдигеръ въ гнѣвѣ убиваетъ этого гунна. Эцель упрекаетъ его за смерть гунна, Кримгильда напоминаетъ ему клятву мстить за обиды, нанесенныя ей; часъ мщенія пришелъ теперь. Эцель и Кримгильда на колѣнахъ просятъ Рюдигера помогать имъ. Рюдигеръ мучится столкновеніемъ между обязанностью вѣрной службы королю и обязанностью защищать людей, которые были его гостями; говоритъ, что готовъ отдать Эцелю всѣ лены. Эцель и Кримгильда не соглашаются снять съ него обязанность вѣрной службы. Онъ поручаетъ жену и дѣтей покровительству ихъ и ведетъ въ бой своихъ воиновъ. Гизельгеръ думаетъ, что онъ идетъ на помощь бургундцамъ; Волькеръ объясняетъ Гизельгеру, что онъ ошибается. Передъ началомъ боя съ Рюдигеромъ, Гагенъ, щитъ котораго разбитъ, проситъ у него щита; Рюдигеръ даетъ щитъ; Гагенъ и Волькеръ обѣщаются не биться съ нимъ. Начинается ужасный бой бургундцевъ съ Рюдигеромъ и воинами его. Рюдигеръ наноситъ смертельную рану Герноту; но раненный еще имѣетъ силу разсѣчь шлемъ его мечомъ, полученнымъ въ подарокъ отъ него, и оба они падаютъ мертвые. Бургундцы убиваютъ всѣхъ воиновъ Рюдигера. При прекращеніи шума битвы въ залѣ, Кримгильда думаетъ, что Рюдигеръ ведетъ переговоры съ бургундцами. Но ей показываютъ тѣло Рюдигера. Она и всѣ находящіеся при ней испускаютъ стоны. Дитрихъ Бернскій посылаетъ своего сподвижника Гильдебранда узнать о причинѣ стоновъ. Всѣ Амелунги (воины Дитриха) идутъ по совѣту Вольфгарда требовать выдачи тѣла Рюдигера; бургундцы не отдаютъ его; Амелунги врываются въ залъ. Начинается упорная битва. Гильдебрандъ убиваетъ Волькера; Вольфградъ и Гизильгеръ наносятъ другъ другу смертельныя раны. Всѣ воины Дитриха погибаютъ, кромѣ одного Гильдебранда: онъ, закрывшись щитомъ, успѣваетъ убѣжать отъ Гагена, нанесшаго ему рану мечомъ Зигфрида. Дитрихъ оплакиваетъ погибель Амелунговъ, идетъ съ Гильдебрандомъ въ залъ, требуетъ отъ Гунтера и Гагена чтобъ они сдались; они не сдаются; онъ бьется съ Гагеномъ, одолѣваетъ его и отдаетъ его, связаннаго, Кримгильдѣ; она велитъ отвести его подъ стражу. Дитрихъ одолѣваетъ Гунтера; отводятъ подъ стражу и его. Кримгильда идетъ къ Гагену, требуетъ, чтобъ онъ сказалъ ей, гдѣ спрятано сокровище Нибелунговъ. Онъ отвѣчаетъ, что далъ клятву не выдавать сокровища, пока живъ хоть одинъ изъ бургундскихъ королей (королями называются всѣ три брата Кримгильды). —«Я прекращу эту задержку!»—восклицаетъ Кримгильда, велитъ убить Гунтера (который одинъ изъ трехъ братьевъ былъ еще живъ), беретъ за волоса его голову и приноситъ къ Гагену. Онъ остается при своемъ отказѣ: «Ты покончила по своему желанію, и сдѣлалось такъ, какъ я думалъ», говоритъ онъ:— „Теперь никто, кромѣ Бога и меня, не знаетъ, гдѣ сокровище, и это останется на всегда неизвѣстно тебѣ“. Она вынимаетъ у него изъ ноженъ мечъ Зигфрида и отрубаетъ ему голову. Гильдебрандъ, въ негодованіи на это, убиваетъ Кримгильду. «Здѣсь конецъ разсказу; это погибель Нибелунговъ».

Плачъ о Нибелунгахъ.

Такъ кончается „Погибель Нибелунговъ“, Der Nibelungen not. Къ ней прибавленъ „Плачъ“, Klage, разсказъ о погребеніи убитыхъ и о посольствѣ, привозящемъ въ Бургундію извѣстіе о погибели Нибелунговъ. Эта поэма, бѣдная содержаніемъ, далеко уступаетъ достоинствомъ эпопеѣ, къ которой присоединена. Въ ней говорится, что Пильгримъ, епископъ пассаускій, слышалъ отъ странствующихъ пѣвцовъ сказаніе о погибели его родственниковъ, бургундскихъ королей, собралъ ихъ пѣсни объ этомъ, и что, по приказанію Пильгрима, писецъ (секретарь) его, мейстеръ Конрадъ переложилъ эти пѣсни въ латинскій разсказъ.—Пильгримъ сталъ епископомъ пассаускимъ въ 971 году, умеръ въ 991.—Послѣ того, было сложено нѣсколько нѣмецкихъ поэмъ о погибели Нибелунговъ, говорится въ „Плачѣ“-

Авторъ „Плача“ зналъ, кажется, только вторую половину того разсказа, который переданъ въ дошедшей до насъ поэмѣ; и въ частности, онъ хорошо зналъ собственно ту часть разсказа, которая взята изъ сказаній о Дитрихѣ Бернскомъ.

Происхожденіе Пѣсни о Нибелунгахъ.

Мнѣнія ученыхъ относительно происхожденія Пѣсни о Нибелунгахъ неодинаковы, подобно мнѣніямъ относительно происхожденія „Иліады“ и „Одиссеи“. Лахманъ, подъ вліяніемъ понятій Фридриха Августа Вольфа о поэмахъ, приписываемыхъ Гомеру, доказывалъ, что поэма о Нибелунгахъ составлена изъ соединенія отдѣльныхъ пѣсенъ; онъ различалъ въ ней двадцать пѣсенъ; говорилъ, что составители поэмы связывали эти пѣсни переходными строфами, прибавляли нѣкоторыя собственныя вставки.— Поэма дошла до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ; Лахманъ, соотвѣтственно своему понятію о ея происхожденіи, считалъ самой старой изъ этихъ редакцій самую краткую, ту, которую представляетъ Гоэнемсскій списокъ, Hohenemser Handschrift, находящійся теперь въ Мюнхенѣ и обозначаемый въ критическихъ изслѣдованіяхъ литерой A. Двѣ другія редакціи—Санктъ-Галленскій списокъ или списокъ B и Ласбергскій списокъ C, —онъ считалъ позднѣйшими переработками Гоэнемсской редакціи, а тѣ строфы ихъ, которыхъ нѣтъ въ Гоэнемсской рукописи, прибавками передѣлывателей. Послѣ того, германисты раздѣлились на двѣ партіи: одни остались по сущности дѣла на сторонѣ Лахмана, хоть въ частностяхъ отступаютъ отъ его мнѣній; въ особенности находятъ они, что онъ слишкомъ смѣло рѣшаетъ частные вопросы о разграниченіи отдѣльныхъ пѣсенъ, о томъ, какія строфы должно признать входившими въ составъ той или другой пѣсни; но за всѣми частными несогласіями съ Лахманомъ, они, подобно ему, думаютъ, что поэма сложена изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, что составители ея были люди, не имѣвшіе поэтическаго творчества, и только дѣлали своды пѣсенъ, не измѣняя ихъ содержанія. Другіе изслѣдователи, во главѣ которыхъ стоитъ Гольцманъ, полагаютъ, что поэма была произведеніемъ поэта, пользовавшагося народными пѣснями и разсказами, но передѣлавшаго ихъ по своему,—такъ что въ ней многое принадлежитъ личному его творчеству; что потомъ другіе поэты передѣлывали его поэму и пополняли ее, что въ особенности сильно были передѣлываемы по современному вкусу языкъ поэмы и размѣръ стиха. По мнѣнію Гольцмана, наиболѣе старая изъ дошедшихъ до насъ редакцій—Ласбергскій списокъ C, а мюнхенскій A, лишь сокращеніе ласбергской редакціи. Еще дальше пошелъ Пфейферъ. Основываясь на томъ, что въ XII вѣкѣ каждый поэтъ слагалъ пѣсни и поэмы строфами собственнаго изобрѣтенія, не употреблялъ чужихъ формъ строфы, Пфейферъ приписываетъ послѣднюю редакцію поэмы о Нибелунгахъ Кюренбергеру, австрійскому поэту,—полагаетъ, что онъ написалъ ее около 1190 года, по народнымъ преданіямъ и пѣснямъ и отчасти по латинскому разсказу, что самому Кюренбергеру принадлежитъ порядокъ, въ которомъ распредѣлены части, что онъ придалъ краткимъ разсказамъ пѣсенъ эпическую полноту, мотивировалъ событія психологическими подробностями, далъ характерамъ индивидуальныя черты,—словомъ, вся художественная обработка матеріала принадлежитъ, по мнѣнію Пфейфера, Кюренбергеру, онъ авторъ поэмы, переработавшій народныя пѣсни своимъ свободнымъ творчествомъ. Результаты своего изслѣдованія Пфейферъ передаетъ такъ: „Строфа Нибелунговъ не продуктъ творчества народнаго духа, не національная собственность, а художественное созданіе отдѣльнаго лица. Изобрѣтатель строфы былъ авторомъ поэмы. Это Кюренбергеръ, имѣвшій главнымъ своимъ источникомъ латинскую книгу. Онъ былъ первымъ придворнымъ поэтомъ рыцарскаго сословія; онъ былъ и создателемъ національнаго эпоса, величайшимъ изъ нѣмецкихъ эпическихъ поэтовъ. Его

трудъ—первый прекрасный результатъ участія рыцарскаго сословія въ поэтической дѣятельности. Отъ него нѣмецкая эпическая поэзія получила навсегда форму и содержаніе, направленіе и цѣль". Барчъ признаетъ это мнѣніе справедливымъ; онъ отступаетъ отъ Пфейфера только тѣмъ, что предполагаетъ нѣсколько переработокъ поэмы въ продолженіе XII вѣка: требованія относительно связности и изящества формы повысились; въ удовлетвореніе имъ, ассонансы первой редакціи постепенно были замѣняемы правильными риѳмами, простыя двустишія строфами. — Итакъ, нынѣшнее положеніе вопроса относительно происхожденія поэмы о Нибелунгахъ таково: старое сказаніе, передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію народными пѣснями, подвергалось въ теченіе столѣтій перемѣнамъ соотвѣтственно измѣненіямъ быта и понятій народа. Миѳическіе образы нѣмецкой языческой религіи постепенно утрачивали свой божественный характеръ, превращались въ героевъ, людей; остатки прежней божественности еще проглядываютъ въ чертахъ этихъ людей; миѳологическій смыслъ разсказа мало по малу замѣнялся историческимъ и нравственнымъ; дѣйствующія лица времени переселенія народовъ были подставлены подъ имена свѣтлаго божества Зигфрида, валькиріи Брунгильды, демоновъ мрака Гёдера и Гёгни, и основнымъ мотивомъ ихъ дѣйствій стала коренная идея рыцарства, вѣрность вассала своему господину, вѣрность рыцаря своему слову. Въ IX и X вѣкахъ, когда набѣги венгровъ, достигавшихъ Рейна, возбудили воспоминанія о гуннахъ Аттилы, старыя бургундскія и готскія преданія были по изустнымъ разсказамъ переданы на латинскомъ языкѣ. Нѣтъ никакой причины подвергать сомнѣнію достовѣрность сообщаемаго въ „Плачѣ" извѣстія, что латинская редакція преданій о Нибелунгахъ была составлена по порученію Пильгрима, епископа пассаускаго, хотя родство его съ бургундской династіей — анахронизмъ, какихъ много въ соображеніяхъ средневѣковыхъ писателей, комбинировавшихъ имена безъ всякой критики своихъ поверхностныхъ догадокъ. Когда была составлена эта латинская редакція, въ народномъ преданіи ужь были соединены тѣ два цикла сказаній, которыя образуютъ содержаніе поэмы о Нибелунгахъ, и народному сознанію вѣроятно ужь были чужды многіе элементы языческой миѳологіи, породившей первоначальный разсказъ; они были забыты въ Германіи тѣмъ легче, что принадлежали къ числу тѣхъ языческихъ представленій, которыя у нѣмцевъ были развиты менѣе, чѣмъ у скандинавовъ. Разсказъ о томъ, какъ Зигфридъ сталъ неуязвимымъ („получилъ роговую кожу") и пріобрѣлъ мантію-невидимку, имѣетъ миѳологическій характеръ; таковъ же характеръ разсказа о губительной силѣ сокровища Нибелунговъ, забываемаго въ срединѣ поэмы и вновь припоминаемаго безъ надобности въ концѣ ея, какъ мотивъ мщенія, и безъ того достаточно мотивированнаго; характеръ Брунгильды тоже миѳологическій. Эти остатки языческихъ представленій заставляютъ предполагать, что первоначальный разсказъ имѣлъ миѳологическое значеніе; но въ чемъ состоялъ онъ, мы ужь не могли бы понять по поэмѣ о Нибелунгахъ; онъ разъясняется для насъ только пѣснями Эдды.—По народнымъ преданіямъ и латинской редакціи ихъ, какой-то поэтъ, быть-можетъ Кюренбергеръ, въ концѣ XII вѣка создалъ нынѣшнюю поэму о Нибелунгахъ; его работа состояла въ томъ, что онъ выбралъ изъ массы матеріаловъ разсказы, пригодные для соединенія въ цѣльную поэму, и переработалъ ихъ въ духѣ рыцарства и придворнаго быта. Героямъ старыхъ преданій, совершенно чуждымъ рыцарства, онъ далъ понятія и рѣчи рыцарей своего времени; такимъ образомъ, существенный характеръ этихъ героевъ сталъ несообразенъ ихъ словамъ и обстановкѣ дѣйствія. Поэма описываетъ нравы, господствовавшіе въ дворцахъ королей и замкахъ вельможъ XII вѣка. Рюдигеръ,

маркграфъ бехеларскій, сдѣланъ представителемъ возвышенныхъ рыцарскихъ качествъ, вѣрности вассала ленному господину, гостепріимства, любезности. Форма поэмы тоже не старая, а современная: авторъ переложилъ въ строфы старыя пѣсни, не имѣвшія строфъ, только размѣръ стиха въ этихъ строфахъ заимствованъ изъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ (стихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ имѣлъ четыре стопы, или, какъ говорятъ нѣмцы, четыре ударенія, hebungen; строфа Нибелунговъ состоитъ изъ четырехъ стиховъ; три первые стиха дѣлятся цезурой каждый на двѣ половины; въ первой половинѣ четыре ударенія, во второй три; но въ четвертомъ и вторая половина имѣетъ четыре ударенія). Эта поэма была нѣсколько разъ передѣлываема; вѣроятно между 1170 и 1200 годами. По мнѣнію Барча, ближе всѣхъ къ первоначальной редакціи Санктъ-Галленскій списокъ, обозначаемый буквою B; мюнхенскій (A)—сокращеніе, сдѣланное небрежно, а Ласбергскій списокъ (C), соединяющій поэму о Нибелунгахъ съ „Плачемъ“, принадлежащимъ другому автору, представляетъ много прибавленій, имѣющихъ цѣлью сдѣлать главнымъ мотивомъ дѣйствій Кримгильды—вѣрность ея Зигфриду, уменьшить этимъ ея вину и увеличить вину Гагена.

2. Гудруна.

Другая національная нѣмецкая эпопея, „Гудруна“, тоже составлена отчасти по народнымъ пѣснямъ и разсказамъ, отчасти по старымъ письменнымъ изложеніямъ ихъ; эти пѣсни и разсказы сохранялись народной памятью у жителей береговъ и острововъ Нѣмецкаго моря, отъ Даніи и Фрисландіи до Ирландіи и Нормандіи. Поэтъ, сложившій изъ нихъ „Гудруну“ былъ даровитѣе составителя поэмы о Нибелунгахъ. Нѣмецкіе ученые говорятъ, что отношенія „Гудруны“ къ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“ подобны отношеніямъ „Одиссеи“ къ „Иліадѣ“. Въ этомъ уподобленіи есть нѣкоторая доля вѣрности. Дѣйствіе происходитъ въ „Нибелунгахъ“, какъ въ „Иліадѣ“, на материкѣ, а въ „Гудрунѣ“, какъ въ „Одиссеѣ“, главнымъ образомъ на морѣ и на островахъ; какъ въ „Одиссеѣ“, въ „Гудрунѣ“ отдѣльныя пѣсни и преданія связаны въ одно цѣлое плотнѣе и искуснѣе, чѣмъ въ „Нибелунгахъ“ и „Иліадѣ“. — Языкъ въ „Гудрунѣ“ плавнѣе, изящнѣе, риѳмы лучше, вообще вся формальная сторона художественнѣе, чѣмъ въ „Нибелунгахъ“, разсказъ живѣе, характеры обрисованы точнѣе, хотя менѣе величественны. „Гудруна“—нѣчто среднее между народнымъ и художественнымъ эпосомъ. — Въ „Нибелунгахъ“ основной мотивъ дѣйствія—любовь Кримгильды къ мужу; въ „Гудрунѣ“ — вѣрность невѣсты жениху. Жажда мщенія заглушаетъ въ Кримгильдѣ чувство жалости и женственность; „Гудруна“ сохраняетъ кроткую женскую покорность судьбѣ. Поэма о Гудрунѣ дѣлится на три части; въ первой главное дѣйствующее лицо Гагенъ, во второй Гильда, въ третьей Гудруна. Содержаніе поэмы таково:

I. Гагенъ, сынъ Зигебанта, короля эйрландскаго (ирландскаго), былъ во время праздника похищенъ грифомъ и перенесенъ на островъ, далекій отъ Ирландіи. Онъ случайно спасается отъ смерти; три королевны, занесенныя подобно ему на этотъ островъ, воспитываютъ его; жизнь среди дикихъ звѣрей развиваетъ въ немъ силу и ловкость. Черезъ много лѣтъ, корабль, плывшій мимо пустыннаго острова, перевозитъ Гагена и трехъ королевенъ, остающихся вѣчно юными, въ Эйрландію; Гагенъ становится королемъ и женится на одной изъ королевенъ, Гильдѣ, дочери индійскаго короля. II. Дочь Гагена и Гильды, названная по имени матери тоже Гильдой, такъ мила отцу, что онъ не хочетъ выдавать ее за-мужъ; онъ убиваетъ пословъ, присылаемыхъ свататъ ее, и говоритъ, что отдастъ ее только тому жениху, который побѣдитъ его въ поединкѣ. Гетель, король гегелинговъ (фризовъ), хочетъ жениться на ней. Трое вельможъ его ѣдутъ сватами; они переодѣваются купцами и говорятъ въ Эйрландіи, что они изгнанники. Они пріобрѣтаютъ себѣ всеобщую любовь, одинъ—Вате—силой, другой—Фруте—щедростью, тре-

тій — Герандъ — пріятностью своего пѣнія, котораго — заслушиваются даже птицы. Герандъ находитъ случай передать королевнѣ Гильдѣ сватовство своего короля и убѣждаетъ ее уѣхать, уводитъ на корабль; они плывутъ въ королевство Гетеля. Гагенъ гонится за ними, настигаетъ ихъ, но соглашается отдать дочь за Гетеля и оставляетъ жить при ней одну изъ двухъ подругъ ея матери, Гильдбургу (все еще молодую дѣвушку). III. У Гетеля и Гильды родятся двое дѣтей, сынъ Ортвейнъ и красавица дочь, Гудруна. Когда Гудруна стала взрослой дѣвушкой, ее стали сватать очень многіе женихи; и одинъ изъ нихъ, Гартмутъ, король Нормандіи, нравится ей; но отецъ отказываетъ всѣмъ, отказываетъ и Гартмуту. Сосѣдній король, Гервигъ, нападаетъ на гегелинговъ; Гудруна убѣждаетъ его прекратить войну; онъ требуетъ ея руки; Гетель соглашается отдать ее за него. Мать Гудруны говоритъ, что надобно приготовить приданое; свадьба отлагается до того времени, когда приданое будетъ готово. Вскорѣ послѣ того Гетель отправляется на войну; Гартмутъ, пользуясь его отсутствіемъ, увозитъ Гудруну. Отецъ плыветъ въ погоню; но на островѣ Вульневертѣ отецъ Гартмута, Людвигъ, разбиваетъ его войско; самъ онъ убитъ; лучшіе его рыцари тоже погибаютъ въ битвѣ, длившейся до ночи. Гегелинги по христіанскому обряду хоронятъ своихъ убитыхъ и возвращаются домой. Только когда выростетъ новое поколѣніе, можно будетъ гегелингамъ предпринять походъ для отмщенія норманнамъ. Людвигъ и Гартмутъ везутъ Гудруну въ Нормандію. Но еще на пути туда она объявляетъ, что сохранитъ вѣрность Гервигу. Людвигъ бросаетъ ее въ море; Гартмутъ спасаетъ ее. Она непреклонно отказывается выйдти за него. Онъ отправляется на войну. Въ его отсутствіе его мать Герлинда страшно притѣсняетъ Гудруну, заставляетъ ее мыть бѣлье, исполнять черную тяжелую работу. Гильдбурга помогаетъ ей. На пасху, когда еще очень холодно и земля ночью покрывается инеемъ, Гудруна и Гильдбурга идутъ на берегъ моря мыть бѣлье. Ортвейнъ и Гервигъ приплываютъ къ тому мѣсту, гдѣ онѣ моютъ бѣлье; сцена встрѣчи разсказана очень хорошо. Гудруна бросаетъ бѣлье въ море. Ортвейнъ и Гервигъ не хотятъ тайно увезти ее, они освободятъ ее побѣдой въ битвѣ. Она возвращается во дворецъ и, чтобъ избавиться отъ наказанія, обѣщается Герлиндѣ выйдти за Гартмута. Но ночью гегелинги окружаютъ дворецъ. Начинается битва. Гервигъ убиваетъ Людвига. Герлинда велитъ убить Гудруну, обѣщая большую награду тому, кто исполнитъ приказаніе. Но Вате врывается во дворецъ и убиваетъ Герлинду. Поэма кончается возвращеніемъ гегелинговъ домой и тремя свадьбами: Гервигъ женится на Гудрунѣ, Гартмутъ на Гильдбургѣ, Ортвейнъ на сестрѣ Гартмута, Ортрунѣ, которая одна въ своемъ семействѣ поступала съ Гудруной дружелюбно.

---

6. Упадокъ эпической поэзіи. Дидактика. Историческая литература.

а) Дидактика.

Переходъ къ дидактикѣ.

Въ поэзіи миннезингеровъ было мало серьезности и нравственности. Она слишкомъ часто ставила цѣлью жизни удовольствіе, развлеченіе. Знатное общество заботилось только объ изяществѣ формъ быта, забывая заботу объ умственномъ и нравственномъ развитіи. Буйство и хищничество вельможъ и рыцарей рѣзко противорѣчило идеализированнымъ изображеніямъ рыцарства въ поэзіи. Изнѣженность миннезингерскихъ пѣсенъ и французско-бретонскихъ поэмъ объ Артурѣ и его рыцаряхъ, разсказы о волокитствѣ и сладострастіи не могли внушать возвышенныхъ чувствъ; изящныя формы придворнаго быта оставались лишены благороднаго нравственнаго содержанія. Рыцарская поэзія была фантастична, дѣйствительность была вовсе непохожа на мечтательный міръ, рисуемый поэтами; и наконецъ ясно

стало, что ихъ произведенія не даютъ нравственной поддержки обществу, служатъ лишь пустымъ развлеченіемъ. Разсудительные люди осуждали эти выдумки праздной фантазіи. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ старался сдѣлать модную поэзію выразительницею возвышенныхъ идей; но оказалось, что путь, которымъ шелъ онъ, не приводитъ къ цѣли; влагать религіозное и нравственное содержаніе въ вымыслы изнѣженнаго, болѣзненнаго фантазерства было напраснымъ трудомъ; надобно было прямо противодѣйствовать испорченности вкуса, дать обществу болѣе здоровую умственную пищу,—такъ думалось многимъ. Въ этомъ духѣ слагалъ пѣсни Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, человѣкъ здраваго смысла и большой житейской опытности, зорко видѣвшій и рѣзко порицавшій всѣ проявленія испорченности въ церковной, политической и умственной жизни. Еще прямѣе нападаетъ на леткомысліе общества Томасинъ Цирклере, уроженецъ Фріуля, писавшій около 1216 года. Онъ былъ хорошо знакомъ съ древней греческой литературой и, въ своемъ „Итальянскомъ Гостѣ“ Welscher Gast, излагаетъ нравственное ученіе въ духѣ стоиковъ. Томасинъ Цирклере.

Заимствуя свое нравственное ученіе изъ стоической философіи, онъ подтверждаетъ его истину примѣрами, которые беретъ изъ древней литературы, изъ Библіи, изъ святыхъ отцовъ. Особеннаго поэтическаго таланта у него нѣтъ, но, какъ человѣкъ образованный, онъ обо многомъ разсуждаетъ справедливо. Впрочемъ, знакомство съ греческой философіей не помѣшало ему быть фанатикомъ; онъ восхищается усердіемъ, съ какимъ Леопольдъ Австрійскій жегъ еретиковъ.

Духомъ серьезной морали проникнутъ сборникъ афоризмовъ и маленькихъ нравственныхъ разсказовъ, составленный поэтомъ, участвовавшимъ въ крестовомъ походѣ Фридриха II и называвшимъ себя Фрейданкъ. Быть можетъ, это была дѣйствительная его фамилія; но очень возможно, что это псевдонимъ; Freidank на средневѣковомъ нѣмецкомъ языкѣ значитъ Freidenker, человѣкъ свободнаго образа мыслей. По своимъ понятіямъ о жизни онъ такъ близокъ къ Вальтеру фонъ деръ Фогельвейде, что Вильгельмъ Гриммъ считалъ имя Freidank псевдонимомъ Фогельвейде. Авторъ далъ своему сборнику названіе Bescheidenheit, значившее на тогдашнемъ языкѣ „благоразуміе“, „разсудительность“. Сборникъ афоризмовъ Фрейданка.

Кажется, тому же времени принадлежитъ „Винсбеке“, сборникъ правилъ житейской мудрости, имѣющій форму поученія отца сыну. Въ подражаніе этому сборнику былъ составленъ другой, излагающій поученія, даваемыя матерью дочери и называющійся Winsbekin, „Госпожа Винсбеке“.—Есть нѣсколько нѣмецкихъ передѣлокъ латинскаго сборника афоризмовъ, называющагося „Катонъ“. Винсбеке. Катонъ.

Всѣ эти дидактическія поэмы излагаютъ правила житейской мудрости, приспособленныя къ быту людей благороднаго сословія. Въ половинѣ XII вѣка возвысилось политическое значеніе нѣмецкихъ городовъ; тогда поэзія стала заниматься бытомъ горожанъ. Мы видѣли, что Нидгартъ, Гадлаубъ и нѣкоторые другіе миннезингеры брали предметомъ своихъ пѣсенъ жизнь горожанъ и поселянъ. Но горожане искали въ книгахъ не развлеченія, а назиданія; потому, когда поэтическая дѣятельность перешла изъ замковъ въ города, въ ней получила преобладаніе дидактика. Дидактическія поэзія у горожанъ.

b) Школа Готфрида. Школа Вольфрама.

Мы говорили, что французскіе и нѣмецкіе поэты жаловались на упадокъ рыцарства, на холодность государей и вельможъ къ поэзіи, на уменьшеніе ихъ щедрости къ поэтамъ, на испорченность придворныхъ нравовъ.

Обстоятельства, неблагопріятныя поэтамъ, оказывали вредное вліяніе на поэзію. Притомъ, и сама по себѣ рыцарская поэзія клонилась къ упадку: содержаніе ея было исчерпано, творческая сила истощена. Нѣмецкіе эпическіе поэты подражали Готфриду и Вольфраму, не создавали ничего новаго, ограничивались передѣлками прежнихъ эпическихъ разсказовъ. Большинство подражало Готфриду: его разсказы о наслажденіяхъ любви были для людей того времени привлекательнѣе набожности Вольфрама. Нѣкоторые изъ подражателей Готфрида хорошо владѣли стихомъ, форма ихъ поэмъ изящна. Но они лишь повторяли прежніе разсказы, стараясь придать старому новую занимательность развитіемъ сладострастныхъ эпизодовъ. Образцомъ произведеній этого рода можетъ служить „Корона приключеній“, Der Avintiure Krone, поэма, переведенная или передѣланная съ французскаго подлинника Генрихомъ Тюрлейномъ около 1220 года. Она состоитъ изъ 30.000 стиховъ, и разсказываетъ множество приключеній, главный герой которыхъ Гаванъ. Сладострастіе въ ней доходитъ до забвенія приличій. Чувственный элементъ преобладаетъ и въ тѣхъ поэмахъ, въ которыхъ есть наивность и теплота чувства, какъ напримѣръ въ передѣлкѣ стараго французскаго разсказа о любви Флора и Бланшфлоры (то есть, Бланшфлюры), написанной Конрадомъ Флекомъ. Флоръ и Бланшфлора росли вмѣстѣ, съ дѣтства любили другъ друга, были разлучены, оставались вѣрны своей любви во всѣхъ опасностяхъ и соблазнахъ и послѣ множества приключеній соединились,—таковы основныя черты наивной и нѣжной любовной французской поэмы о Флорѣ и Бланшфлорѣ; по разнымъ признакамъ можно предполагать, что она была написана въ Провансѣ. На нѣмецкій языкъ она была переводима съ разными передѣлками нѣсколько разъ, и пользовалась у нѣмцевъ очень большой популярностью.—

Корона приключеній.

Флоръ и Бланшфлора.

Нѣтъ ничего самостоятельнаго и въ поэмѣ Рудольфа Эмсскаго „Вильгельмъ Орлеанскій“; это передѣлка французской поэмы. Рудольфъ не имѣлъ поэтическаго творчества.

Вильгельмъ Орлеанскій.

Французскій подлинникъ поэмы, «Вильгельмъ Орлеанскій» былъ написанъ въ Брабантѣ или во Фландріи. Вильгельмъ (Гильіомъ) Орлеанскій воспитывается при англійскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ дочерью короля, Амаліей. Они полюбили другъ друга; подверглись разлукѣ; Вильгельмъ, давъ обѣтъ молчанія, совершаетъ въ чужихъ земляхъ много подвиговъ; наконецъ, онъ и Амалія сочетаются бракомъ. «Вильгельмомъ Орлеанскимъ» начинается въ нѣмецкой литературѣ рядъ рыцарскихъ поэмъ, въ которыхъ неправдоподобные вымыслы занимаютъ мало мѣста, приключенія идутъ естественнымъ порядкомъ и похожи на дѣйствительныя событія.

Рудольфъ Эмсскій не былъ даровитымъ поэтомъ, но написалъ много произведеній; всѣ они—подражанія разсказамъ прежнихъ поэтовъ; таковы его „Барлаамъ и Іосафатъ“,„Александреида“ и „Всемірная Хроника“ (подражаніе „Императорской Хроникѣ“). Они пользовались очень большою популярностью, были передѣлываемы другими поэтами. Но лучше ихъ граціозный разсказъ его „Добрый Гергардъ“.

«Добрый Гергардъ» напоминаетъ своимъ спокойнымъ тономъ и нравственной чистотой поэму Гартмана «Бѣдный Генрихъ». Говорятъ, что онъ написанъ для исправленія императора Оттона IV отъ надменности. Гергардъ, богатый кёльнскій купецъ, отдаетъ всѣ товары своего корабля за освобожденіе плѣнныхъ христіанъ и христіанокъ, которыхъ мусульмане держали въ рабствѣ; онъ отпускаетъ всѣхъ ихъ, не требуя вознагражденія, не отпускаетъ лишь одну плѣнницу, жену Вильгельма, короля англійскаго, который считается погибшимъ. Гергардъ хочетъ, чтобъ она вышла за его сына. Она долго отказы-

вается, наконецъ соглашается. Гости собрались на свадьбу; въ это время приходитъ бѣдный паломникъ; онъ—король Вильгельмъ. Гергардъ возвращаетъ ему жену, отвозитъ ихъ въ Англію, отвергаетъ всѣ награды и остается купцомъ.

Одинъ изъ плодовитѣйшихъ поэтовъ временъ упадка рыцарской поэзіи былъ Конрадъ Вюрцбургскій. Онъ жилъ въ Базелѣ и былъ, подобно Готфриду Страсбургскому, горожанинъ. Современники восхищались изяществомъ его стиха, чистотою риѳмъ, многосторонностью таланта, ученостью, и долго онъ считался великимъ поэтомъ. Но его лирическія стихотворенія страдаютъ изысканностью мыслей и выраженій, лишены естественности; въ своихъ поэмахъ онъ только подражатель Готфрида Страсбургскаго; въ нихъ нѣтъ творчества, нѣтъ ничего оригинальнаго, онѣ растянуты; знаменитѣйшая изъ нихъ, „Троянская Война“, имѣетъ 60.000 стиховъ; имѣла бы гораздо больше, но осталась не оконченной. Хороши лишь небольшіе разсказы Конрада, какъ напримѣръ „Оттонъ Бородатый“ и легенды въ стихахъ. Конрадъ Вюрцбургскій † 1285.

Школа поэтовъ, подражавшихъ Вольфраму фонъ Эшенбаху, существовала дольше, нежели школа подражателей Готфрида Страсбургскаго, но не имѣла такихъ блестящихъ представителей, какъ Конрадъ Вюрцбургскій.—„Парзиваль“ былъ предметомъ благоговѣйнаго уваженія, поклонники Вольфрама владычествовали въ эпической поэзіи. Мы ужь говорили о скучной и безвкусной поэмѣ, называющейся Титурелемъ. Имя ея составителя было Альбрехтъ. Она сложена изъ клочковъ поэмъ Вольфрама, безсвязныхъ отрывковъ другихъ поэмъ, передающихъ легенды о рыцаряхъ Круглаго Стола и Санъ-Граалѣ, проникнута клерикальнымъ духомъ. Она приписывалась Вольфраму и до конца среднихъ вѣковъ считалась превосходной. Вольфраму приписывалась и поэма „Лоэнгринъ“ *), принадлежащая второй половинѣ XIV вѣка, и разсказывающая старую лотарингскую легенду о Рыцарѣ Лебедя, котораго она дѣлаетъ рыцаремъ Круглаго Стола и однимъ изъ рыцарей Санъ-Грааля. Судя по шутливому тону поэмы, рѣзко отличающемуся отъ серьезности и торжественности „Парзиваля“, должно полагать, что она написана во Фландріи горожаниномъ. Школа Вольфрама. Титурель. Лоэнгринъ.

Высшія сословія переставали интересоваться поэзіей, и она должна была приспособляться къ вкусу горожанъ. Лирическая поэзія пошла первая этимъ путемъ и приняла, какъ мы видѣли, назидательный характеръ. Эпическіе поэты тоже увидѣли, что если хотятъ имѣть публику, то должы писать дидактическія поэмы. Такимъ образомъ, случилось, что поэтъ, слагавшій разсказы о любовныхъ приключеніяхъ и объ удивительныхъ подвигахъ храбрости, бросалъ этотъ родъ поэзіи, начиналъ писать поучительныя легенды. Австрійскій поэтъ, извѣстный подъ названіемъ Вязальщика, der Stricker, и написавшій главныя свои произведенія между 1230 и 1240 годами, пріобрѣлъ знаменитость не „Пѣснью“ (поэмой) „о Роландѣ“ и не поэмой „Даніэль фонъ Блюменталь“, заимствованной изъ легендъ о Вязальщикъ.

---

*) Лоэнгринъ, сынъ Парзиваля, приплылъ въ Брабантъ на лодкѣ, которую везъ привязанный къ ней лебедь; онъ освободилъ отъ враговъ герцогиню Эльзу и женился на ней, взявъ съ нея слово не спрашивать о его имени и происхожденіи. Онъ ходилъ съ императоромъ на венгровъ и на сарациновъ, совершилъ чудеса храбрости, возвратился покрытый славой въ Брабантъ. Обиженная насмѣшкой надъ тѣмъ, что не знаетъ происхожденія своего мужа, Эльза спрашиваетъ у него, кто онъ и кто его отецъ. Приплыла та лодка, которая привезла его въ Брабантъ, и онъ уплылъ на ней въ замокъ Санъ-Грааля, гдѣ жилъ прежде.

рыцаряхъ Артура, а комическимъ разсказомъ „Попъ Амисъ“ и „Примѣрами“, Beispiele, (то есть баснями), въ которыхъ главное не сама басня, а извлекаемая изъ нея мораль. „Попъ Амисъ“ написанъ въ томъ духѣ, въ какомъ черезъ нѣсколько времени стали писать шутливые разсказы поэты-горожане.

c) Легенды о святыхъ. Хроники въ стихахъ.

Переходъ къ духовной поэзіи.

Конрадъ Вюрцбургскій ужь совѣтовалъ „покинуть свѣтъ, чтобы спасти душу“, и самъ покинулъ легкомысленную рыцарскую поэзію; Рудольфъ Эмсскій въ старости съ раскаяніемъ вспоминалъ о своихъ свѣтскихъ поэмахъ, „лживыхъ сказкахъ“, и въ искупленіе грѣховности ихъ писалъ разсказы изъ жизни святыхъ. Это—проявленія аскетизма, охватившаго западную Европу въ концѣ XIII вѣка, производившаго въ Италіи процессіи флагеллантовъ (стр. 244), увлекшаго во Франціи многихъ трубадуровъ въ монастырскія кельи, возбуждавшаго людей успокоивать совѣсть самопстязаньями. Погибель Гоэнштауфеновъ, торжество церкви, подавленіе ересей инквизиціею произвели перемѣну въ настроеніи умовъ; изъ жизни, она перешла и въ поэзію. Поэты стали возвеличивать подвиги святыхъ и прославлять царицу небесную, своимъ всесильнымъ заступничествомъ подающую молящимся ей всѣ блага, о которыхъ они просятъ ее. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XIII вѣка поэзія вновь получила тотъ характеръ, какой имѣла въ началѣ крестовыхъ походовъ, поэты рыцарскаго сословія возвратились на тотъ путь, какимъ шли устраненные ими духовные поэты. Тюрингскій дворъ, бывшій блестящимъ центромъ миннезингерства, подалъ примѣръ обращенія къ покаянію. Святая Елисавета и Конрадъ Марбургскій влагычествовали въ тѣхъ залахъ, гдѣ ландграфъ Германъ и его супруга собирали пѣвцовъ вина, любви и геройскихъ подвиговъ.

Конрадъ Вюрцбургскій.

Рудольфъ Эмсскій.

Генрихъ Вельдеке, основатель миннезингерства, перешелъ отъ сказаній о святыхъ къ придворной поэзіи; теперь Конрадъ Вюрцбургскій и Рудольфъ Эмсскій перешли отъ рыцарской поэзіи къ сказаніямъ о святыхъ и къ составленію благочестивыхъ риѳмованныхъ хроникъ, по примѣру нидерландскаго поэта Марланта, отказавшагося отъ „лживыхъ поэмъ“ (стр. 375). До насъ дошли три поэмы о святыхъ Конрада Вюрцбургскаго: „Святой Сильвестръ“, „Святой Панталеонъ“ и „Алексій“ (Алексѣй Божій Человѣкъ). Кромѣ того, онъ написалъ сборникъ гимновъ во славу Богоматери, называющійся „Золотая цѣпь“. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ искренняго религіознаго энтузіазма, горячность ихъ набожности — результатъ искусственнаго возбужденія фантазіи. Таковъ же характеръ новой переработки сказанія о „Барлаамѣ и Іоасафатѣ“, сдѣланной Рудольфомъ Эмсскимъ. Въ рыцарскихъ поэмахъ временъ упадка придворной поэзіи владычествуетъ забота распространять прежніе разсказы новыми эпизодами, описывать приключенія многословно. То же находимъ и въ религіозныхъ поэмахъ міряпъ. Такъ, напримѣръ, Рейнботъ, написавшій поэму „Святой Георгій“, очень длинно разсказываетъ о подвигахъ его и о мученіяхъ его и обращенной имъ въ христіанство императрицы Александры. Но хороши идиллическія описанія того, какъ святой герой приходитъ въ бѣдную хижину, какъ по его слову расцвѣтаютъ сухія бревна, покрывается кушаньями пустой столъ, воскресаетъ умершій ребенокъ. Поэма Рейнбота, вѣроятно, передѣлка съ французскаго.

Рейнботъ.

Гуго Ланген-штейнъ.

Еще болѣе многословны другія религіозныя поэмы: «Житіе святой Мартины“, Гуго фонъ Лангенштейна, имѣющее 33.000 стиховъ, и „Пассіоналъ“ (исторія страданій, мартирологъ) неизвѣстнаго поэта, имѣющій болѣе

100.000 стиховъ, изъ которыхъ разсказываются житія Богоматери, Спасителя и 75 святыхъ; къ этому огромному сборнику сдѣлано прибавленіе, имѣющее 30.000 стиховъ и разсказывающее „Житія Отцовъ“ церкви.

Рѣомованная хроника.

Въ поэму „Лоэнгринъ“ вставлена рѣомованная хроника саксонскихъ императоровъ. Съ упадкомъ рыцарской поэзіи стали являться и особыя поэмы, разсказывающія рѣомованными стихами нѣмецкую исторію. Въ первыхъ изъ нихъ сказочныя преданія перемѣшаны съ историческими фактами; потомъ сказочный элементъ вытѣсняется фактической исторіей. Эненкель, горожанинъ, жившій въ Вѣнѣ, написалъ рѣомованными стихами Исторію австрійскихъ князей (Fürstenbuch) и „Всемірную Хронику“. Вскорѣ послѣ того, въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтій были составляемы рѣомованныя хроники въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ отъ Кёльна до Штирін. Оттокаръ Штирійскій, человѣкъ незнатнаго рода, находившійся на службѣ Оттона Лихтенштейна, написалъ „Австрійскую Хронику“, о которой мы упоминали при разсказѣ фактовъ австрійской исторіи; это очень обширное произведеніе; въ немъ около 100.000 стиховъ. Упоминали мы и о „Лифляндской Хроникѣ“ Дитлиба фонъ Альнпеке. Назовемъ еще „Хроникy нѣмецкаго ордена“, написанную Николаемъ фонъ Йерошиномъ.

---

3. Историческая литература во времена Гоэнштауфеновъ и крестовыхъ походовъ.

Характеръ исторіографіи.

Вытѣсненное изъ области поэзіи, духовенство продолжало владычествовать въ наукѣ и во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ литературы, языкъ которыхъ былъ латинскій. Серьезными историческими трудами во время Гоэнштауфеновъ занимались по прежнему почти исключительно монахи, потому исторіографія сохраняла прежній характеръ. Въ ней господствовала хроника: историкъ дѣлалъ краткій обзоръ событій прежняго времени; это введеніе составляли выписки изъ другихъ хроникъ; дошедши такимъ образомъ до своего времени, лѣтописецъ болѣе или менѣе подробно разсказывалъ событія годъ за годъ. Крестовые походы, церковныя дѣла и схоластика отвлекали монаховъ отъ занятія составленіемъ хроникъ; потому нѣмецкія лѣтописи этого періода хуже прежнихъ. Раздробленность государства дѣлала горизонтъ лѣтописцевъ узкимъ; лишь немногіе изъ нихъ интересовались тогда событіями чужихъ земель или хотя бы общимъ ходомъ дѣлъ въ Германіи; почти всѣ записываютъ событія лишь той области, въ которой находился ихъ монастырь, или даже только своей монастырской исторіи. Чѣмъ больше распадалось государство, тѣмъ рѣзче становилось преобладаніе этого партикуляризма въ хроникахъ. «Саксонскій лѣтописецъ» временъ Лотара еще вводитъ въ разсказъ о саксонскихъ событіяхъ общую исторію Германіи. Но въ «Вендской Хроникѣ» Гельмольда говорится ужь почти только о войнахъ Генриха Льва въ сѣверовосточной части Германіи; а въ

многочисленныхъ хроникахъ зальцбургскихъ, саксонскихъ и тюрингскихъ монастырей общія дѣла нѣмецкой исторіи оттѣснены на задній планъ мѣстными интересами. Нѣкоторыя другія лѣтописи имѣютъ исключительно клерикальный характеръ, какъ напримѣръ «Рейхенбергская Хроника». Нѣкоторые изъ лѣтописцевъ были люди разсудительные, прилежно собирали свѣдѣнія; но они были чужды жизни, не понимали связи между событіями своей области и общимъ ходомъ дѣлъ въ Германіи, а многіе изъ нихъ были фанатики, неспособные безпристрастно судить объ историческихъ фактахъ. Много выше всѣхъ ихъ Оттонъ Фрейзингскій, близкій очевидецъ или даже соучастникъ великихъ событій, понимавшій связь между фактами, судившій о нихъ, какъ человѣкъ съ широкими понятіями, глубоко знающій жизнь. Эти достоинства отчасти перенесены изъ его лѣтописи въ тѣ, которыя были составляемы по ея образцу, какова, напримѣръ «Страсбургская Хроника»; есть эти достоинства также въ «Пёльдской» и «Магдебургской» лѣтописяхъ, составленныхъ по образцу трудовъ Эккегарда. При разстройствѣ нѣмецкаго королевства въ послѣднее время правленія Гоэнштауфеновъ и въ междуцарствіе, мѣстный характеръ получилъ совершенное преобладаніе въ хроникахъ, и только при Рудольфѣ Габсбургскомъ начинаютъ они снова касаться общихъ дѣлъ Германіи.

Англія. Въ англійской историографіи тоже мало безпристрастныхъ хроникъ; одни лѣтописцы смотрятъ на все съ англосаксонской, другіе съ норманской точки зрѣнія, или, по возникновеніи борьбы королей съ церковью, одни выставляютъ правыми во всемъ королей, другіе—борцовъ за церковь.—Мы ужь говорили о Хроникѣ Гомфри Монмаутскаго, записывавшаго баснословныя преданія, и объ «Исторіи британцевъ», приписываемой бангорскому монаху Неннію (стр. 368). Подобно имъ, лишены всякой исторической достовѣрности исторія герцога Роллона, написанная байёсскимъ каноникомъ Робертомъ Васомъ и разсказы Дудона Сенъ-Кентенскаго и Гильома Жюмьежскаго, объ исторіи норманновъ до гастингсской битвы; это сборники баснословныхъ преданій, годившіеся только служить матеріалами для рыцарскихъ поэмъ. Болѣе достовѣрны извѣстія «Англосаксонской Хроники», которая была ведена нѣсколькими поколѣніями лѣтописцевъ на родномъ языкѣ края; она важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о старыхъ временахъ исторіи Англіи; изъ нея заимствованы разсказы о нихъ въ Хроникахъ Флоренса Уорсстерскаго (называемаго также Бавоніемъ), Эадмера Кентерберійскаго и въ «Церковной исторіи», написанной монахомъ норманскаго Эврёльскаго монастыря Ордерикомъ Виталіемъ. Убійство Томаса Бекета вызвало множество жизнеописаній его; они болѣе или менѣе враждебны Генриху II. Одна изъ этихъ біографій написана Гервасіемъ Кентерберійскимъ, авторомъ хроники, проникнутой клерикальнымъ духомъ. Джонъ Сользберійскій, знаменитый ученый съ

очень многосторонними знаніями, въ своей біографіи убитаго архіепископа судитъ о королѣ безпристрастнѣе, хотя былъ другомъ Бекета и посвятилъ ему одинъ изъ важнѣйшихъ своихъ трудовъ «Поликратикъ». «Исторія Англіи» Матье Париса одно изъ самыхъ важныхъ историческихъ произведеній XIII вѣка. Онъ горячій противникъ притязаній духовенства.

Франція

Нѣмецкіе лѣтописцы все болѣе и болѣе теряли изъ виду общую исторію Германіи, у Французскихъ, напротивъ того, было желаніе группировать событія своей страны около разсказа объ основныхъ фактахъ и отдѣлить исторію Франціи отъ исторіи римско-нѣмецкой имперіи, съ которой связывали ее прежнія лѣтописи. Основой группировки служили крестовые походы, два столѣтія владычествовавшіе надъ исторической жизнью французовъ, и дѣятельность французскихъ королей, могущество которыхъ быстро возростало со времени Сюжера, положившаго прочное основаніе ему (VI, 557). Сильные государственные дѣятели и великія событія оживляютъ исторіографію; потому правленіе Филиппа Августа нашло себѣ хорошаго историка, Ригора, а правленіе Людовика IX и его сына Филиппа III хорошо разсказаны Гильіомомъ Нанжисскимъ. — Обширные историческіе труды Венсана Бовесскаго, многосторонняго писателя, очень ученаго, не отличаются осмотрительной критикой, но замѣчательны богатствомъ подробностей.

Историки крестовыхъ походовъ.

Важнѣе хроникъ, составленныхъ монахами, разсказы о крестовыхъ походахъ, написанные участниками событій или по извѣстіямъ участниковъ. Они очень живо рисуютъ намъ побѣды и пораженія, энтузіазмъ и раздоры, самоувѣренность и упадокъ духа крестоносцевъ, громадность приготовленій и ничтожность результатовъ. Важнѣйшій изъ этихъ разсказовъ — «Исторія священной войны» Гильіома Тирскаго. Онъ былъ уроженецъ Сиріи, человѣкъ очень ученый, писалъ съ большой любовью къ предмету своего труда, хорошо зналъ людей и страну; разсказъ его правдивъ, слогъ хорошъ. Далеко превосходя другихъ историковъ крестовыхъ походовъ умомъ, образованностью и талантомъ, онъ однако жь раздѣлялъ склонность своихъ современниковъ къ легковѣрію и безъ взякой критики пересказываетъ нелѣпыя выдумки. Фантазія была тогда разгорячена, и люди довѣрчиво принимали всякія сказки. То была эпоха любви къ рыцарскимъ поэмамъ, наполненнымъ удивительными приключеніями.

Историки, писавшіе на родномъ языкѣ.

Мы видѣли, что крестовые походы, возбужденные церковью, мало по малу приняли мірской характеръ. Эта перемѣна отразилась и въ ихъ исторіографіи. Рыцари, совершавшіе ихъ, захотѣли сами описывать свои подвиги. Но они не могли, и если бъ умѣли, то не захотѣли бы писать на латинскомъ языкѣ, потому что имѣли бы тогда слишкомъ мало читателей: по-латынѣ знали только очень немногіе міряне. Они писали на родномъ языкѣ.—Нѣмцы умѣли писать на своемъ языкѣ стихами, писать прозой еще не умѣли; потому, какъ мы ви-

дѣли, хроники на нѣмецкомъ языкѣ имѣютъ стихотворную форму. Но у романскихъ народовъ ужь была привычка писать на родномъ языкѣ прозой. У нихъ возникли и мемуары,—записки автора о своемъ личномъ участіи въ дѣлахъ, историческія воспоминанія его. Мемуары были наполнены анекдотами, живыми подробностями, потому представляли чтеніе болѣе занимательное, чѣмъ ученые историческіе труды. Французскіе вельможи: Виллардуэнъ, игравшій важную роль въ походѣ, кончившемся взятіемъ Константинополя, и Жуанвиль, участвовавшій въ египетскомъ походѣ Людовика IX, оставили намъ мемуары, очень интересные по свѣжести и наглядности разсказа. Каталонскій вельможа Рамонъ Мунтанеръ написалъ въ началѣ XIV вѣкѣ «Хронику» подвиговъ арагонскихъ королей до коронованія Альфонса IV; онъ разсказываетъ по собственнымъ воспоминаніямъ, такъ что его лѣтопись похожа на мемуары Жуанвиля. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ, о которыхъ говоритъ, бился въ 32 сраженіяхъ, нѣсколько разъ былъ въ плѣну, имѣлъ очень опасныя приключенія. «Хроника» его наивна, чужда всякихъ претензій, потому свѣжа и завлекательна.—Въ Италіи въ концѣ XIII вѣка тоже появлялись историческіе разсказы на родномъ языкѣ; мы будемъ говорить о нихъ на слѣдующихъ страницахъ.

Виллардуэнъ не умѣлъ писать и диктовалъ свою исторію четвертаго крестоваго похода своему капеллану. Его разсказъ правдивъ; онъ съ одинаковой наивностью говоритъ и объ алчности, свирѣпости крестоносцевъ и объ ихъ благочестіи.—„Исторія Людовика Святого“, написанная Жуанвилемъ, гораздо выше мемуаровъ Виллардуэна по достоинству слога. Жуанвиль умеръ въ 1318 году. Его трудъ былъ впослѣдствіи сильно испорченъ неудачными поправками, но онѣ не касались сущности разсказа, который остался правдивой, живой характеристикой его времени. Онъ человѣкъ простодушный и благочестивый, но все-таки гораздо разсудительнѣе Людовика IX. — Рамонъ Мунтанеръ родился въ 1265 году. Единственный источникъ нашихъ свѣдѣній о немъ — его книга. О своей молодости онъ не говоритъ почти ничего. Онъ сталъ записывать свои воспоминанія въ 1325 году, когда былъ 60-лѣтнимъ старикомъ, и подробный разсказъ его начинается съ 1300 года. „Онъ пишетъ ясно и живо, съ горячимъ интересомъ къ своему предмету, потому разсказъ его пластиченъ“, говоритъ Ланцъ, нѣмецкій переводчикъ его книги: „онъ простъ, наивенъ и оригиналенъ. Онъ вѣрный представитель романтизма своего времени, и понятія его о жизни основаны на вѣрованіи, что событіями правитъ провидѣніе Божіе, сокрушающее человѣческую гордость, долготерпѣливое, но воздающее грѣшникамъ по дѣламъ ихъ“.

---

1. Нѣмецкая исторіографія.

Возведеніе Лотара на королевскій престолъ возбудило въ саксонцахъ національную гордость и живой интересъ къ общимъ дѣламъ государства. Мы видимъ это изъ хроники „Саксонскаго Лѣтописца“; онъ начинаетъ перечень событій съ 741 года; разсказъ его остается лишеннымъ всякаго достоинства до времени, близкаго къ правленію Лотара; но излагая исто-

рію царствованія Лотара, онъ пользуется источниками, не дошедшими до насъ, и сообщаетъ множество собственныхъ извѣстій о саксонскихъ дѣлахъ, монастыряхъ, вельможескихъ фамиліяхъ. — Между историками эпохи Гоэнштауфеновъ много выше всѣхъ другихъ, какъ мы говорили, Оттонъ Фрейзингскій, человѣкъ ученый, хорошо знающій факты, чуждый фанатизма. Онъ былъ сынъ маркграфа австрійскаго Леопольда Благочестиваго и Агнесы, сыномъ которой отъ перваго мужа, Фридриха Швабскаго, былъ императоръ Конрадъ III. Оттонъ учился діалектикѣ и богословію въ Парижѣ, вмѣстѣ съ товарищами по ученью постригся въ цистеріанскомъ Моримонскомъ монастырѣ, былъ нѣкоторое время аббатомъ его, въ 1137 году былъ назначенъ епископомъ фрейзингскимъ и оставался на этой каѳедрѣ до конца жизни, неутомимо заботясь объ улучшеніи грубыхъ нравовъ духовенства своей епархіи, о возвращеніи епископской каѳедрѣ утраченныхъ имѣній. Фрейзингская епархіальная школа была обязана ему цвѣтущимъ состояніемъ; въ особенности заботился онъ о хорошемъ преподаваніи аристотелевской философіи. Въ 1158 году, когда Фридрихъ Барбаросса собиралъ въ Аугсбургѣ войско для похода въ Италію, онъ находился при императорѣ и содѣйствовалъ его примиренію съ папой (VI, 627). Болѣзнь помѣшала Оттону сопровождать Фридриха въ Италію; онъ отправился присутствовать на собраніи общаго капитула цистерціанскаго ордена, но пути заѣхалъ въ Моримонскій монастырь и умеръ тамъ 21 сентября 1158. Между 1143 и 1146 годами онъ написалъ Хронику или, какъ онъ ее называлъ, „Книгу о двухъ царствахъ“, служащую продолженіемъ Хроники Эккегарда. Онъ вполнѣ владѣетъ своимъ предметомъ и смотритъ на исторію съ точки зрѣнія Августина и Орозія, вполнѣ раздѣляя идею Августина о провотиположности порочнаго и бѣдственнаго земного царства, Вавилона, царству Божію, небесному Іерусалиму. Онъ разсказываетъ въ связи исторію этихъ царствъ; разсказъ о ней составляетъ первыя семь книгъ его труда; въ восьмой онъ говоритъ о будущемъ концѣ міра, о раздѣленіи грѣховнаго царства отъ царства Божія, о погибели грѣшниковъ и блаженствѣ праведныхъ. Идея о борьбѣ Вавилона съ небеснымъ Іерусалимомъ проникаетъ весь разсказъ Оттона и оттѣсняетъ на второй планъ историческую критику, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ очень проницательно оцѣниваетъ факты. При всей обширности своихъ ученыхъ свѣдѣній, онъ совершенно лишенъ знанія государственнаго права. Хроника Оттона пользовалась большой популярностью. Но для насъ несравненно важнѣе другой трудъ его. Въ 1156 году, посылая императору свою Хронику, Оттонъ говорилъ ему, что написалъ ее въ горести своей души, въ бѣдственныя времена до Фридриха; а теперь, когда возстановленъ миръ и началось лучшее время, онъ хочетъ описать его, если императоръ желаетъ того. Фридрихъ послалъ ему очеркъ своего царствованія; на основаніи этого краткаго разсказа Оттонъ, пополняя его собственными свѣдѣніями, написалъ „Дѣянія императора Фридриха“. Этотъ трудъ служитъ продолженіемъ его Хроники. Оттонъ правдиво разсказываетъ событія первыхъ лѣтъ царствованія Фридриха, въ которыхъ самъ часто бывалъ участникомъ; но объ отношеніяхъ Фридриха къ римской куріи онъ говоритъ сдержанно, съ умолчаніями. Разумѣется, онъ горячій приверженецъ Гоэнштауфеновъ; но старается выказывать безпристрастіе. Онъ часто перерываетъ разсказъ размышленіями, по своей склонности къ философскимъ разсужденіямъ. Къ концу 1156 года у него были вполнѣ написаны двѣ первыя книги „Дѣяній“; передъ смертью онъ поручилъ своему ученику и секретарю Рагевину (или Родевику) продолжать работу по его запискамъ и по матеріаламъ, доставляемымъ императорской канцеляріей. Рагевинъ довелъ разсказъ до 1160 года. По достоинству изложенія работа Рагевина не ниже, а по безпристрастію выше той, которая

принадлежитъ самому Оттону.—Хронику Оттона Фрейзингскаго продолжалъ до 1209 года Оттонъ Санктъ-Блазійскій (умершій въ 1223 году). Его разсказъ хорошъ. Онъ приверженецъ Гоэнштауфеновъ, но не унижаетъ Оттона IV.

Оттонъ Фрейзингскій, Рагевинъ и Оттонъ Санктъ-Блазійскій—лучшіе изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ историковъ. Послѣ нихъ, нѣмецкая исторіографія стала падать.—Продолжателемъ Оттона Фрейзингскаго и Рагевина былъ Готфридъ Витербскій. Онъ былъ, кажется, саксонецъ, но съ дѣтства жилъ въ Витербо, потомъ учился въ Бамбергѣ, былъ капелланомъ и нотаріусомъ (секретаремъ) Конрада III., Фридриха Барбароссы, Генриха VI. Старость онъ провелъ въ Витербо и тамъ писалъ свои труды, матеріалы для которыхъ собиралъ всю жизнь. Онъ умеръ нѣсколько позже 1190 года. Онъ написалъ „Поэму о дѣяніяхъ Фридриха въ Италіи“ и два обширныя произведенія, тоже имѣющія стихотворную форму: „Память вѣковъ“ и „Пантеонъ“. Разсказъ его сбивчивъ; вообще его произведенія плохи.

Исторія Фридриха I пополняется итальянскими источниками. Въ Италіи исторія ужь перешла тогда въ руки мірянъ. Войны Фридриха съ миланцами разсказываетъ Оттонъ Морена, судья при императорскомъ дворцѣ въ Лоди; лѣтопись Оттона продолжали сынъ его Ачербо Морена и миланскій писатель, имя котораго намъ неизвѣстно (прежде называли его Радульфомъ или Раулемъ, но ошибочно). Генуэзская лѣтопись, начатая Каффаро, однимъ изъ генуэзскихъ государственныхъ людей, обнимаетъ XII и XIII столѣтія. Пизанская лѣтопись, начинающаяся съ 1175 года, и хроника Сикардо, епископа кремонскаго, начинающаяся съ 1213, содержатъ въ себѣ много извѣстій о нѣмецкихъ дѣлахъ. Піаченцская лѣтопись, имѣющая большую важность для исторіи XII и XIII столѣтій, дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна благопріятна, другая враждебна нѣмцамъ. Поэма «Лигурінъ», разсказывающая о войнахъ Фридриха Барбароссы съ миланцами и о другихъ его походахъ въ сѣверной Италіи, долго считалась позднѣйшею поддѣлкой; теперь доказано, что она написана современникомъ Фридриха I, Гунтеромъ. Очень важна для исторіи Фридриха I хроника пражскаго каноника Винценція, который сопровождалъ своего епископа, часто ѣздившаго въ Италію по порученіямъ императора.

Между многочисленными хрониками, относящимися къ исторіи Вельфовъ и въ особенности Генриха Льва, первое мѣсто занимаетъ „Вендская Хроника“ Гельмольда. Она разсказываетъ о походахъ нѣмцевъ въ языческія славянскія земли, о колонизаціи ихъ; о миссіонерской дѣятельности Вицелина, перваго епископа любекскаго. Гельмольдъ былъ очевидцемъ большой части тѣхъ событій, о которыхъ говоритъ; онъ описываетъ ихъ живо. Онъ имѣлъ цѣлью разсказать, какимъ образомъ нѣмцы покорили христіанству и своему владычеству вендскія земли, и въ частности Вагрію. Его разсказъ идетъ до 1170 года; онъ умеръ, не докончивъ работы; ее продолжалъ до 1209 года Арнольдъ, первый аббатъ любекскаго Іоанновскаго монастыря.

Очень долго пользовалась большой популярностью Хроника Мартина Троппаускаго, бывшаго папскимъ капелланомъ; онъ былъ назначенъ архіепископомъ гнѣзенскимъ, потому обыкновенно называется Мартиномъ Польскимъ, хотя умеръ до вступленія въ должность. Его трудъ—очеркъ всеобщей исторіи, написанный для пособія богословамъ при ихъ справкахъ. Это поверхностная компиляція, составленная безъ всякой критики; главнымъ образомъ черезъ нее вошли въ книги позднѣйшихъ средневѣковыхъ историковъ сказки о папессѣ Іоаннѣ и о назначеніи семи курфирстовъ папой Григоріемъ V. У Мартина Троппаускаго было много подражателей.

Книга Цезарія Гейстербаха „Разговоры о чудесахъ“, сборникъ благочестивыхъ повѣстей, не можетъ служить источникомъ для исторіи событій,

но даетъ намъ много свѣдѣній о нравахъ первой половины XIII вѣка. (Гейстербахъ умеръ въ 1240 году). Нѣсколько позднѣе уроженецъ Брабанта Томасъ, монахъ доминиканскаго монастыря Шантенпрѐ (близъ Камбре) написалъ книгу, тоже сообщающую намъ много свѣдѣній о тогдашнихъ нравахъ, „Пчелиное государство“ (то есть, монастырь; авторъ уподобляетъ монастырь улью). Въ его разсказахъ ярко отражается самоотверженная преданность доминиканцевъ интересамъ церкви, фанатическая злоба ихъ противъ еретиковъ и евреевъ, уваженіе народа къ нимъ, суевѣріе того времени.

Нѣмецкіе историки этой эпохи писали по-латынѣ; но нѣкоторые проповѣдники ужь писали нѣмецкой прозой. Доминиканцы и францисканцы усердно проповѣдовали народу, поддерживая папскую власть, возбуждая гоненія на еретиковъ, передавая простолюдинамъ призывы папы къ крестовымъ походамъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ они проповѣдовали и аскетическую строгость жизни, возставали противъ мірской грѣховной суеты. Около половины XIII вѣка пріобрѣли въ Германіи громадную славу своими проповѣдями два францисканскіе монаха: Давидъ, умершій въ 1271 году въ Аугсбургѣ, и его ученикъ Бертольдъ Регенсбургскій, о которомъ Вакернагель говоритъ: «Истинно народный ораторъ, онъ съ 1250 года ходилъ по всей Германіи; слушать его собирались тысячи людей; онѣ не помѣстились бы въ церкви, онъ проповѣдовалъ имъ подъ открытомъ небомъ, съ башни, или взобравшись на дерево, чтобы всѣмъ было видно и слышно его; онъ считался пророкомъ, чудотворцемъ; народъ долго помнилъ его; проповѣди его были собраны, усердно переписываемы, переведены на латинскій языкъ. У него было очень горячее воображеніе, и когда онъ описывалъ страшный судъ, толпа волновалась, какъ тростникъ, колеблемый вѣтромъ».—Давидъ проповѣдовалъ тономъ менѣе порывистымъ, дѣйствовалъ болѣе на сердце, чѣмъ на фантазію, и можетъ считаться предшественникомъ мистиковъ.

2. Англійская исторіографія.

Изъ англійскихъ историковъ особенно замѣчательны Бенедиктъ Питербороскій (умершій въ 1193 году) и Матье (Мэтью) Парисъ.—Бенедиктъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ Генриха II и Ричарда I, и въ своей біографіи Томаса Бекета оправдываетъ короля. Онъ написалъ Хронику, идущую отъ 1170 до 1192 года, и важную для исторіи Англіи по точности извѣстій и по множеству помѣщенныхъ въ ней документовъ; въ ней есть также важныя извѣстія о дѣлахъ Палестины и южной Европы. Роджеръ Говденъ (Hoveden) въ своей лѣтописи переписалъ почти всю его хронику и значительной частью своей славы обязанъ этому; самостоятельное достоинство лѣтопись Говдена пріобрѣтаетъ только съ 1192 года; она доведена до 1201; для исторіи Англіи въ эти годы она главный источникъ; въ ней много извѣстій и помѣщены важные документы; въ подробностяхъ есть у Говдена неточности. Уольтеръ (Walter) Ковентрійскій продолжалъ хронику Говдена до 1225 года; онъ патріотъ и человѣкъ ясно понимающій дѣла.—Важнѣйшій изъ англійскихъ историковъ XIII вѣка—Мэтью Парисъ, монахъ Сентъ-Альбанскаго бенедиктинскаго монастыря. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Генрихомъ III, Гакономъ, королемъ норвежскимъ, съ мно-

гими вельможами, потому имѣлъ очень хорошія свѣдѣнія и черезъ его руки проходило много документовъ. Его хроника разсказываетъ не объ однихъ только англійскихъ дѣлахъ, но и о нѣмецкихъ. Онъ горячій противникъ папской власти и безпощадно порицаетъ папъ. Теперь разъяснено, что хроника, цитируемая подъ названіемъ лѣтописи Мэтью Париса, составлена изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ, идущемъ отъ завоеванія Англіи норманнами до 1235 года, Парисъ даетъ буквальное извлеченіе изъ Flores Historiarum Роджера Уэндовера съ нѣкоторыми вставками. Второй отдѣлъ, разсказъ о событіяхъ съ 1235 до 1259 года,—трудъ самого Мэтью Париса. Послѣдній отдѣлъ—продолженіе его работы, написанное въ царствованіе Эдуарда I другимъ сентъ-альбанскимъ монахомъ, Уильямомъ Ришанджеромъ; оно доведено до 1273 года. Многіе изъ нынѣшнихъ изслѣдователей подвергаютъ сомнѣнію достовѣрность извѣстій, сообщаемыхъ Уэндовeромъ, Мэтью Парисомъ и Ришанджеромъ; Паули судитъ объ этомъ такъ: „Всѣ эти три лѣтописи очень близки между собой и по слогу и по образу мыслей; мы полагаемъ, что всѣ трое они—историки не вполнѣ добросовѣстные; они люди просвѣщенныхъ понятій; но смотрятъ на все съ точки зрѣнія своего (бенедиктинскаго) ордена, который должно назвать предавшимся роскоши, если сравнивать его съ аскетическими орденами, цистерціанскимъ, доминиканскимъ и францисканскимъ: они слишкомъ строго судятъ о папахъ и мало заботятся объ истинѣ. Они разсказываютъ много анекдотовъ; это придаетъ ихъ лѣтописямъ важность и занимательность. Мэтью Парисъ кромѣ того завлекаетъ читателя ожесточеніемъ, съ какимъ черпитъ ненавистныхъ ему людей“.—Хроника Мэтью Уэстминстерскаго, называющаяся Flores Historiarum, и идущая отъ сотворенія міра до 1307 года, представляетъ извлеченіе изъ хроникъ Мэтью Париса и Ришанджера, потомъ даетъ продолженіе разсказа въ томъ же духѣ; она составлена, вѣроятно, около 1375 года.—Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XII вѣка былъ Джонъ Сользберійскій (1110—1180). Онъ имѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла при Генрихѣ II, ѣздилъ по его порученію къ папѣ, былъ человѣкъ очень ученый, умный. Его письма показываютъ, что онъ очень хорошо понималъ факты и людей; въ своемъ «Металогикѣ“ (Metalogicus)—трактатѣ объ истинной и о ложной наукѣ—онъ порицаетъ безплодный, мертвый формализмъ схоластики и діалектики, а въ „Поликратикѣ“ (Polikraticus), сборникѣ размышленій о жизни и наукѣ, очень свободно судитъ о папѣ и духовенствѣ, не смотря на свою дружбу съ Томасомъ Бекетомъ. „Поликратикъ“ показываетъ, что въ половинѣ XII вѣка просвѣщенный образъ мыслей, основанный на изученіи древней литературы, достигалъ высокаго развитія. Но возобновившаяся борьба церкви съ государствомъ и свѣтской ученостью понизила просвѣщеніе до уровня, на какомъ было оно за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ.

3. Французская исторіографія.

Во времена Каролинговъ французская исторіографія почти сливалась съ нѣмецкой; потому мы перечисляли важнѣйшіе французскіе историческіе труды того времени вмѣстѣ съ нѣмецкими; находили это удобнымъ и въ обзорѣ исторіографіи слѣдующаго времени (VI, 165, 407). Съ царствованія Людовика VI начинается поворотъ въ развитіи французскаго государства: могущественные вассалы болѣе и болѣе подчиняются власти короля. Сильнымъ помощникомъ королей въ этой борьбѣ былъ Сюжеръ, аббатъ сенъ-денисскій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на Людовика VI и Людовика VII, завѣдывавшій при нихъ и свѣтскими и церковными дѣлами (VI, 557). Его письма, написанная имъ біографія Карла Толстаго и его біографія, написанная Гильомомъ, монахомъ Сенъ-Денисскаго аббатства, сообщаютъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о государственной и церковной исторіи Франціи.—Царствованіе Филиппа Августа превосходно раз-

сказано Ригоромъ (Rigord, или Риготомъ, Rigotus), монахомъ сенъ-денисскаго аббатства, исторіографомъ этого короля, какъ онъ называетъ себя. Его разсказъ доведенъ до 1208 года. Ригоръ былъ свидѣтелемъ большей части событій, о которыхъ говоритъ; онъ пишетъ простымъ, яснымъ слогомъ, и вообще извѣстія его достовѣрны, хотя онъ не чуждъ обыкновеннаго тогдашняго легковѣрія, когда рѣчь идетъ о событіяхъ отдаленныхъ земель. Его лѣтопись переработалъ и продолжалъ въ томъ же духѣ до 1232 года Гильіомъ Британецъ (то есть, бретонецъ), капелланъ и неразлучный спутникъ Филиппа Августа. Свой прозаическій разсказъ этотъ лѣтописецъ переложилъ потомъ въ гекзаметры,—и назвалъ свою поэму „Филиппидой“. Тоже въ формѣ поэмы, но съ гораздо меньшимъ знаніемъ фактовъ, изложилъ подвиги Людовика VIII Николай де Брѐ (Bray). Риѳмованная Хроника Филиппа Муска, епископа турнескаго, написанная во второй половинѣ XIII вѣка и разсказывающая исторію Франціи съ баснословнаго переселенія троянцевъ до 1242 года, наполнена сказками; но о событіяхъ своего времени авторъ сообщаетъ довольно много свѣдѣній, которыхъ мы не имѣли бы безъ него.

Альбигойскія войны, имѣвшія своихъ поэтовъ, имѣли также историковъ. Подробный разсказъ о нихъ написалъ Гильіомъ де Пюп-Лоранъ (въ латинизированной формѣ имени de Podio Laurentii); исторію Крестоваго похода и побѣдъ Симона Монфора разсказалъ очевидецъ ихъ Пьеръ де Во-Серне́ (Petrus Sarnensis); изложеніе событій доведено у него до 1217 года.—Крестовые походы Людовика Святого содѣйствовали развитію исторической литературы во Франціи. Гильіомъ Нанжисскій, монахъ Сенъ-Денисскаго аббатства, написалъ Хронику, идущую отъ сотворенія міра до конца XIII вѣка; два неизвѣстные продолжателя довели ее до второй половины XIV столѣтія. Начало ея составлено по хроникѣ Зигеберта; о событіяхъ, современныхъ авторамъ, она сообщаетъ много свѣдѣній. Еще важнѣе два другіе труда Гильіома Нанжисскаго: „Дѣянія Людовика IX“ и „Дѣянія Филиппа III“. Исторію Людовика IX онъ написалъ по сочиненіямъ Гилона Реймсскаго, трудъ котораго не дошелъ до насъ, и Годефруа Больёскаго (Galfridus de Bello Loco), который былъ духовникомъ Людовика и потому могъ собрать много драгоцѣнныхъ свѣдѣній въ своей біографіи этого короля. Исторію Филиппа III Гильіомъ Нанжисскій написалъ по собственнымъ свѣдѣніямъ. Ему приписывается и начало „Великихъ хроникъ Франціи“, Grandes chroniques de France, или „Сенъ-Денисскихъ хроникъ“, Chroniques de Saint Denys; эта обширная лѣтопись содержитъ въ себѣ подробную исторію Франціи до XV вѣка; она составлена большею частью по сочиненіямъ, дошедшимъ до насъ. Она очень долго оставалась главнымъ источникомъ разсказовъ французскихъ историковъ; но критики въ ней нѣтъ, и много баснословнаго.

Упомянемъ еще о двухъ обширныхъ лѣтописяхъ, первыя части которыхъ написаны въ половинѣ XIII вѣка. Альберикъ, монахъ цистерціанскаго Труафонтенскаго монастыря (близъ Шалона на Марнѣ) составилъ Хронику, идущую отъ сотворенія міра до 1242 года; она—сборникъ выписокъ; при каждой выпискѣ отмѣчено, откуда она взята. Эти источники—отчасти серьезные историки, напримѣръ, Зигебертъ, Оттонъ Фрейзингскій, отчасти легенды и сказки, напримѣръ: „Видѣнія“ Елизаветы Шёнауской, разсказывающія исторію Урсулы и 11.000 дѣвъ, спутницъ ея, Хроника Турпина. Компиляція составлена безъ всякой критики, но важна потому, что содержитъ въ себѣ отрывки изъ историковъ, не дошедшихъ до насъ; а продолжатели Альберика сообщаютъ и самостоятельныя извѣстія. Еще громаднѣе компиляція Венсана Бовесскаго. Онъ написалъ энциклопедію, охватывающую всѣ науки; части ея называются „зерцалами“; она дѣлится на зерцала—

естествознанія, богословія, исторіи и морали, Speculum Naturale, Doctrinale, Historiale, Morale. Въ „Историческомъ Зерцалѣ“ Венсана мало критики; онъ безъ разбора пользуется достовѣрными источниками и сказками. Но у него такъ много извѣстій, что это Зерцало можно назвать полнымъ сводомъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній, существовавшихъ въ то время. Онъ сдѣлалъ изъ своего „Историческаго Зерцала“ извлеченіе, которое назвалъ Memoriale temporum, „Историческій меморіалъ“. Другое извлеченіе изъ его Историческаго зерцала сдѣлалъ Адамъ Клермонскій, Adamus Claromontensis; оно называется Flores Historiarum, „Цвѣты исторіи“.—Моральное зерцало“ Венсана Бовесскаго излагаетъ ученіе о нравственности по рубрикамъ семи добродѣтелей; первыя четыре изъ нихъ—четыре основныя добродѣтели, принимаемыя Аристотелемъ: благоразуміе, справедливость, умѣренность и мужество—то-есть твердость воли; надъ всѣми этими добродѣтелями долженъ господствовать разумъ; далѣе слѣдуютъ высшія, христіанскія добродѣтели: вѣра, надежда и любовь; получая черезъ нихъ благодать, человѣкъ дѣлается гражданиномъ царствія Божія. Это—общепринятая у схоластиковъ система морали, достигшая высшей своей разработки у Ѳомы Аквината. Каждая добродѣтель подраздѣляется на виды; хорошія влеченія, пороки, злыя страсти, о которыхъ трактуется въ отдѣлѣ о томъ или другомъ видѣ добродѣтели, подраздѣляются въ свою очередь на разные виды; этотъ мелочной анализъ ужь заключаетъ въ себѣ зародыши казуистики, развившейся въ слѣдующіе вѣка.

4. Исторія крестовыхъ походовъ.

Изъ многочисленныхъ историковъ крестовыхъ походовъ назовемъ лишь наиболѣе замѣчательныхъ. Ремонъ Агилесъ, отправившійся въ первый крестовый походъ съ легатомъ Адемаромъ Пюискимъ, сдѣлавшійся капелланомъ графа тулузскаго, потому имѣвшій возможность хорошо знать факты, написалъ по просьбѣ своего друга Понса де Балазура, одного изъ вассаловъ графа тулузскаго, исторію перваго крестоваго похода; цѣлью его было опровергнуть несираведливые разсказы крестоносцевъ, возвратившихся въ Европу. Изложеніе у него безсвязно и не всегда ясно, и по его личной привязанности къ Адемару и графу тулузскому не всегда безпристрастно. Онъ судитъ обо всемъ съ точки зрѣнія провансаловъ. Онъ не очень талантливъ; горячій энтузіастъ, очень легковѣренъ; яростный ненавистникъ мусульманъ, онъ восхищается свирѣпостью, съ какой истребляли ихъ крестоносцы. Разсказъ объ аскалонской битвѣ вставленъ въ его исторію другимъ авторомъ.—Въ „Дѣяніяхъ Бога чрезъ франковъ,“ Gesta Dei per Francos, событія излагаются съ норманской точки зрѣнія. Имя автора неизвѣстно намъ. Онъ былъ рыцарь, отправился въ крестовый походъ изъ Амальфи съ Боэмундомъ, былъ однимъ изъ взошедшихъ на стѣны Антіохіи, сопровождалъ Ремона Тулузскаго въ походъ на Маарру и Триполь. При всемъ энтузіазмѣ къ святости дѣла крестоносцевъ, у него преобладаютъ мірскія склонности: онъ любитъ шумъ, блескъ, уважаетъ храбрость и въ мусульманахъ; тонъ разсказа у него простой, военный; онъ сообщаетъ очень много техническихъ подробностей собственно о военной сторонѣ похода. Языкъ его неуклюжъ. Пьеръ Тюдбо (Tudebot), бывшій священникомъ въ Сиврé (въ Пуату), исправилъ слогъ его разсказа и прибавилъ нѣсколько извѣстій изъ другихъ источниковъ. Роберъ монахъ, Гиберъ Ножанскій и Бодри Анжуйскій, архіепископъ дольскій (Dole, въ Бретани) составили свои компиляціи объ исторіи перваго крестоваго похода по Gesta Dei per Francos.—Представитель лотарингскихъ участниковъ перваго крестоваго похода—Фюльшé Шартрскій; онъ отправился въ Палестину съ Робертомъ Норманскимъ и Этьеномъ Блуасскимъ, сдѣлался капелланомъ Бодуэна, и разсказываетъ то, что видѣлъ или слышалъ, находясь при этомъ государѣ. Его „Дѣянія франковъ, пошедшихъ въ Іерусалимъ“

излагаютъ простымъ, яснымъ языкомъ, правдивымъ тономъ событія 1097—1122 годовъ. Особенно подробно разсказываетъ онъ объ основаніи княжества эдесскаго и о царствованіи Бодуэна I. Впослѣдствіи были составляемы сокращенія и передѣлки его труда.

Одна изъ самыхъ обширныхъ хроникъ перваго крестоваго похода и первыхъ временъ существованія королевства іерусалимскаго написана Альбертомъ Ахенскимъ (или Эсскимъ, d'Aix). Она пользовалась очень большой популярностью. „Давно жалѣю я, что не участвовалъ въ этомъ походѣ, потому что въ немъ произошло много безпримѣрныхъ, удивительныхъ событій," говоритъ Альбертъ: „Я старался описать бѣдствія, мужество и благочестіе крестоносцевъ, покинувшихъ отечество, родныхъ, свои замки, всѣ сладости жизни для похода въ святую землю." Этими словами автора ясно характеризуется его точка зрѣнія. Онъ восторженный поклонникъ крестоносцевъ, прославляетъ ихъ подвиги, жадно собираетъ всѣ разсказы о ихъ геройствѣ. Противорѣчія между разными разсказами ни мало не смущаютъ его; онъ совершенно чуждъ критики; у него одна забота: восхвалять крестоносцевъ. Понятно, что его разсказъ нравился; но у него очень много баснословнаго. Главнымъ источникомъ для него служили пѣсни, сложенныя о подвигахъ крестоносцевъ; этихъ пѣсенъ было много; ихъ любили слушать и повторять. Истина исчезала въ нихъ подъ наростами вымысла. Главнымъ дѣятелемъ перваго крестоваго похода является по этимъ выдумкамъ Готфридъ Бульіонскій, который въ дѣйствительности до самаго избранія своего въ санъ короля іерусалимскаго вовсе не имѣлъ особенно важнаго значенія

Рауль Канскій (de Caen; Radulphus Cadomensis) отправился въ святую землю въ 1107 году, присоединился къ войску Боэмунда и Танкреда и, слыша разсказы о подвигахъ прежнихъ лѣтъ, вздумалъ написать исторію ихъ. Его книга называется: „Дѣянія Танкреда, короля сицилійскаго, на походѣ въ Іерусалимъ." Она обнимаетъ 1096—1108 годы и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи ихъ. Рауль не очевидецъ, но писалъ по разсказамъ очевидцевъ. Слогъ его изященъ; часто онъ вставляетъ въ прозу стихи. Онъ человѣкъ образованный, правдивый и менѣе легковѣрный, чѣмъ другіе историки перваго крестоваго похода.

Эдъ Дёльскій (Eudes de Deuil, de Divgilo), аббатъ сенъ-денисскій, написалъ исторію второго крестоваго похода, въ которомъ сопровождалъ короля французскаго. Этотъ неудачный походъ имѣлъ мало историковъ. Извѣстія о крестовомъ походѣ Ричарда Львиное Сердце находятся въ сочиненіяхъ Ральфа Коггесгельскаго, излагающихъ исторію Англіи. („Исторія святой земли," описывающая войны христіанъ съ Саладдиномъ, приписывавшаяся Ральфу, едва ли принадлежитъ ему). Другой важный источникъ для исторіи третьяго крестоваго похода—„Экспедиція короля Ричарда," Itinerarium regis Richardi, написанная образованнымъ человѣкомъ духовнаго сословія по разсказамъ очевидцевъ. О книгѣ кёльнскаго крестоносца Оливера, участвовавшаго въ египетскомъ походѣ 1218 года, мы ужь говорили (стр. 94). Оливеръ былъ впослѣдствіи епископомъ падерборнскимъ и умеръ въ 1225 году.—Жакъ Витри, епископъ акрскій, а впослѣдствіи тускульскій, написалъ исторію Востока съ 622 до 1218 года. Онъ разсказываетъ занимательно и сообщаетъ много свѣдѣній о восточныхъ нравахъ. Послѣдняя (третья) книга его исторіи заимствована изъ разсказа Оливера о египетскомъ походѣ.

Несравненно выше всѣхъ этихъ писателей Вильгельмъ (Гильомъ) Тирскій, обширный трудъ котораго служитъ главнымъ основаніемъ разсказовъ всѣхъ ученыхъ, писавшихъ исторію крестовыхъ походовъ. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о жизни Гильома Тирскаго. Онъ родился въ Спріи, быть

можетъ въ Іерусалимѣ, но ѣздилъ учиться въ Европу; въ 1162 году онъ еще оставался тамъ и учился, какъ упоминаетъ самъ. Возвратясь въ Сирію, онъ получилъ, благодаря расположенію короля Амори, должность архидіакона тирской епархіи; онъ былъ воспитателемъ Бодуэна IV; принявъ на себя управленіе государствомъ, Бодуэнъ назначилъ своего воспитателя канцлеромъ; въ 1174 году Гильіомъ былъ избранъ архіепископомъ тирскимъ; онъ участвовалъ въ латеранскомъ соборѣ 1178 года; потомъ вернулся въ Сирію; былъ горячимъ приверженцемъ Ремона Трипольскаго, непримиримымъ противникомъ Гюи Люзиньяна; предвидѣлъ погибель королевства іерусалимскаго; но вѣроятно не дожилъ до катастрофы 1187 года.

Гильіомъ Тирскій написалъ исторію мусульманскаго востока со времени Мухаммеда; отъ этого его труда дошли до насъ лишь отрывки, помѣщенные въ его исторіи крестовыхъ походовъ и въ сочиненіяхъ Жака Витри и Гильіома Трипольскаго. Своей славой онъ обязанъ другому труду „Исторіи святой войны.“ Въ началѣ ея онъ дѣлаетъ очеркъ событій въ святой землѣ со времени Мухаммеда, „перворожднаго сына сатаны,“ какъ онъ называетъ его; исторія крестовыхъ походовъ составлена у него по трудамъ Альберта Ахенскаго, Ремона Агильскаго и другихъ прежнихъ историковъ, потомъ по собственнымъ его свѣдѣніямъ. Въ началѣ послѣдней (23-ей) книги своего труда онъ говоритъ: „Нельзя не печалиться, разсказывая о слабости родины, о бѣдственномъ положеніи соотечественниковъ; каждому хочется прославлять отечество, восхвалять свой народъ; но у насъ нѣтъ матеріала для восхваленій, передъ нами только бѣдствія родины. У насъ нѣтъ силы продолжать; мы не имѣемъ разсказать ничего отраднаго. Мы можемъ примѣнить къ себѣ слова Исаіи: Вся голова въ язвахъ и все сердце исчахло; отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ здороваго мѣста“ (Исаія, I, 5, 6). Потому 23-я книга состоитъ изъ одной главы; кажется, авторъ положилъ перо, отчаявшись въ судьбѣ родины.—Гильіомъ Тирскій, имѣлъ нѣсколькихъ продолжателей; но ихъ труды слабѣе его разсказа.

---

4. Точныя науки въ XII и XIII столѣтіяхъ.

Вліяніе арабской и греческой науки.

Глубокій мракъ, господствовавшій въ IX и X столѣтіяхъ надъ умственной жизнью западной Европы, сталъ по немногу разсѣеваться подъ лучами свѣта, проникавшими изъ арабской Испаніи, потомъ во время крестовыхъ походовъ начавшихъ доходить до западной Европы изъ Сиріи. Знаменитый Гербертъ, ставшій впослѣдствіи папой подъ именемъ Сильвестра II, пріобрѣталъ свои знанія изъ науки испанскихъ арабовъ; подобно ему, другіе ученые того времени ставили славу свою въ томъ, чтобъ усвоить себѣ арабскую науку и передавать ее западному христіанскому міру. Ея вліяніе на христіанскихъ ученыхъ длилось нѣсколько столѣтій; даже съ наукой древняго міра они знакомились только черезъ арабовъ, отчасти портившихъ смыслъ ея своими передѣлками. Такимъ образомъ, ученые XII вѣка, почти исключительно монахи, не прибавили сами почти ничего къ прежнимъ человѣческимъ знаніямъ. Имъ приходилось еще только учиться тому,

что ужь было извѣстно древнимъ и арабамъ; ихъ мысли были скованы суевѣріемъ; потому, хотя между ними были люди даровитые и стремившіеся къ истинѣ, заслуживающіе уваженія, успѣхи науки не могли быть быстры. Крестовые походы расширили умственный горизонтъ народовъ западной Европы; ея ученые обогатились новыми знаніями, знакомясь въ своихъ поѣздкахъ съ греками и арабами, у которыхъ не только филологія и философія, но и математика, естествознаніе, техническія науки стояли несравненно выше, чѣмъ въ западной Европѣ. Эти ученые выучились греческому языку и получили возможность переводить съ подлинника сочиненія Аристотеля, съ которыми западная Европа прежде были знакома только по арабскимъ передѣлкамъ. Посѣщая арабскія школы, западные ученые знакомились съ прикладными науками, которыми усердно занимались арабы.—Итакъ, греческіе и арабскіе ученые трактаты были источниками знаній для западной Европы. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ путешествіяхъ на Востокъ, разгоняли монастырскій мракъ, давали ясныя понятія о дѣлахъ жизни. Западные народы сближались между собою въ крестовыхъ походахъ; литературный языкъ у нихъ всѣхъ былъ одинъ, латинскій; потому научныя пріобрѣтенія были общими для ученыхъ всѣхъ земель западной Европы, наука была вездѣ одинаковая. Изъ ученыхъ, бывшихъ въ это время посредниками между восточной ученостью и западной Европой, имѣлъ очень важное значеніе англійскій монахъ, Аделардъ Батскій; ознакомившись въ своихъ путешествіяхъ съ арабскими учеными трудами, онъ по возвращеніи на родину переводилъ ихъ. Кажется, черезъ него западная Европа ознакомилась съ «элементами» Эвклида; онъ зналъ ихъ только по арабскимъ переводамъ. Подобно ему, переводили на латинскій языкъ арабскіе трактаты Робертъ, епископъ линкольнскій, и братъ Роберта Адамъ Маршъ, пользовавшіеся большою славой, и многіе другіе ученые конца XII вѣка.

Альбертъ Великій. † 2180.

Стремленіе ознакомиться съ древнею наукой стало приносить плоды въ XIII вѣкѣ; началась новая эпоха въ исторіи естествознанія; важнѣйшими дѣятелями ея были Альбертъ Великій и Роджеръ Бэконъ. Еще не пришло время открытій, преобразующихъ науку; подготовлялась только почва, на которой потомъ появились они. Для успѣховъ точныхъ наукъ было необходимо принять строго научный методъ изслѣдованія, стать на объективную точку зрѣнія, освободиться отъ предразсудковъ, стремиться къ истинѣ, жертвуя ей предубѣжденіями. Прежняя ученость не давала свободы и отваги уму, держала его въ оковахъ; возстающій противъ господствующихъ мнѣній подвергался преслѣдованіямъ.—Альбертъ Великій, о которомъ мы ужь говорили въ очеркѣ развитія схоластики (стр. 73), былъ знаменитѣйшимъ ученымъ своего вѣка; его машины, изумлявшія современниковъ, возбудили мнѣніе, что онъ чародѣй; возникло много разска-

зовъ о его волшебствѣ. Свои понятія о естественныхъ наукахъ онъ изложилъ въ трактатѣ, который назвалъ «Физикой»; онъ написалъ его по просьбѣ монаховъ своего ордена, чтобъ облегчить имъ изученіе Аристотеля. Онъ въ немъ передаетъ физику Аристотеля, поправляя, разъясняя, пополняя подлинникъ. У него былъ широкій, свободный взглядъ на природу, было замѣчательное умѣнье наблюдать ее объективно. Онъ не вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ своего времени; напримѣръ, онъ сохранялъ убѣжденіе, что можно обращать въ золото другіе металлы; но вообще это научные предразсудки, а не суевѣрія.

Альбертъ говоритъ: „Мы должны изслѣдовать въ природѣ не то, какъ Богъ, творецъ ея, совершаетъ по своей свободной волѣ чудеса, которыми проявляетъ свое всемогущество, а то, что можетъ происходить съ предметами природы по естественнымъ законамъ естественнымъ образомъ“.

Итакъ, онъ различаетъ естественные факты отъ сверхъестественныхъ; наука разсматриваетъ только естественные; естествознаніе не должно говорить ни о началѣ, ни о концѣ міра, потому что это факты сверхъестественные, продолжаетъ онъ; впрочемъ, споритъ противъ мнѣнія Аристотеля, что міръ вѣченъ. Строгое разграниченіе области естествознанія отъ области вѣры было очень важнымъ шагомъ впередъ, потому что въ немъ проявлялось стремленіе искать естественныхъ причинъ явленій; разумѣется, не всегда намъ удается найдти ихъ, говоритъ Альбертъ Великій: „Всевышній правитъ природой и направляетъ ея ходъ естественными путями; мы ищемъ теперь ихъ, потому что не такъ легко намъ находить божественныя причины, менѣе близкія къ намъ“. Онъ вѣритъ во вліяніе звѣздъ на судьбу людей, старается объяснить его естественными, хоть и не ясными, связями. Напримѣръ, о вліяніи кометъ онъ говоритъ: „Комета одинаково предвѣщаетъ смерть богатыхъ и бѣдныхъ; но ее наблюдаютъ съ мыслью о смерти какого нибудь короля, а не бѣдняка, потому что люди заняты мыслями о корояхъ. Комета (т. е. появленіе или возникновеніе кометы) происходитъ отъ какой нибудь естественной причины, не имѣющей связи съ смертью короля; но первая причина кометы — Марсъ, волнующій стихіи, производящій ярость, зной и засуху, потому означающій насильственную смерть; впрочемъ, комета только ведетъ, а не всегда необходимо приводитъ къ этому. Она лишь предостереженіе, осуществленіе котораго можно предотвратить благоразуміемъ“.

Въ другомъ трактатѣ, „Астрономическомъ зерцалѣ“, Speculum Astronomicum, Альбертъ Великій еще точнѣе опредѣляетъ свои отношенія къ астрологіи. Онъ считаетъ вліяніе звѣздъ только одной изъ многихъ силъ, которыя по таинственнымъ естественнымъ связямъ управляютъ судьбою людей, но не имѣютъ безусловнаго владычества надъ ней, потому что люди обладаютъ свободной волей.—Свѣдѣнія Альберта Великаго очень обширны; онъ внимательно наблюдалъ природу, заботливо собиралъ и подвергалъ критикѣ чужія наблюденія; потому его сужденія имѣютъ солидную основу, и труды его занимаютъ важное мѣсто въ исторіи наукъ.

Роджеръ Бэконъ 1214—1294.

Роджеръ Бэконъ выше самого Альберта Великаго по свободѣ и смѣлости мысли, по геніальности ума. Подобно Альберту, онъ важенъ не столько тѣмъ, что расширялъ прежнія знанія новыми, сколько

тѣмъ, что пролагалъ для науки новый путь, отважно доказывая безплодность устарѣлаго метода. Онъ съ пламенной любознательностью изучалъ трактаты арабскихъ и греческихъ ученыхъ, изслѣдовалъ всѣ отрасли тогдашнихъ наукъ, раскрывалъ ошибки прежнихъ западныхъ ученыхъ и всею силою души стремился совершенствовать науку новыми пріемами изслѣдованія.

Нападенія Роджера Бэкона направляются главнымъ образомъ на схоластическо-аристотелевскую философію, которая еще сохраняла слѣды арабскихъ передѣлокъ, искажавшихъ систему Аристотеля. Роджеръ Бэконъ доказывалъ пустоту этой господствовавшей тогда философіи, обманчивость ея діалектики, заботившейся лишь о томъ, чтобы строить силлогизмы правильные по формѣ, а не о томъ, соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности выводы, получаемые посредствомъ этихъ хитросплетеній. Въ трактатѣ „О ничтожествѣ магіи“, De nullitate magiae, онъ опровергалъ суевѣрія. Правда, онъ самъ еще не вполнѣ отрѣшился отъ вѣры въ астрологію и алхимію; но удивительно не это, а то, что онъ сохранилъ очень мало предразсудковъ. Вообще говоря, онъ разсуждаетъ о нихъ здраво. Онъ былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени; ни у кого тогда не было такого сильнаго стремленія объяснять факты естественными, реальными причинами.

Опровергая схоластику, Роджеръ Бэконъ замѣнялъ ея діалектическій методъ новыми, болѣе плодотворными способами изслѣдованія; одно изъ нихъ—изученіе фактовъ; другое состоитъ въ примѣненіи математики къ естествознанію; изслѣдованіе природы черезъ примѣненіе математики къ анализу фактовъ—новая великая мысль, принадлежащая собственно Роджеру Бэкону. Свои болѣе или менѣе удачныя попытки разъяснять факты естествознанія математическимъ методомъ онъ изложилъ въ нѣсколькихъ трактатахъ; нѣкоторые изъ нихъ называются „Перспективами“, „Математическими зерцалами“, а самый важный и обширный онъ назвалъ „Большимъ Трактатомъ“, Opus Majus (въ отличіе отъ другого, „Малаго Трактата“, Opus minus). Предметомъ его изслѣдованій была въ особенности оптика, и въ частности онъ старался разъяснить законы отраженія и преломленія лучей. Съ большой проницательностью онъ изслѣдовалъ преломленіе лучей выпуклыми и вогнутыми стеклами, такъ что многіе считаютъ его изобрѣтателемъ телескопа и очковъ. Но едва ли онъ пытался отшлифовать стекла такихъ формъ, о какихъ разсуждалъ теоретически. Вѣроятно слѣдуетъ считать лишь соображеніями о будущихъ успѣхахъ техники его геніальныя слова о стеклахъ, показывающихъ очень большіе предметы маленькими, очень мелкіе большими, отдаленные близкими, близкіе отдаленными, дающихъ возможность разсматривать песчинки, приближающихъ къ намъ солнце и луну; должно полагать, что эти мысли—предвидѣніе будущаго умомъ человѣка, опередившаго свой вѣкъ. Но не подлежитъ сомнѣнію то, что Роджеръ Бэконъ достигъ до искусства дѣлать порохъ и сдѣлалъ много другихъ химическихъ открытій. Онъ съ большой опредѣленностью вычислилъ степень ошибочности юліанскаго календаря; но мы не знаемъ, какимъ именно способомъ онъ хотѣлъ исправить его.

Натуралисты того времени любили заниматься оптикой. Кромѣ Роджера Бэкона, назовемъ двухъ другихъ ученыхъ, написавшихъ трактаты о ней; одинъ изъ нихъ Поль Вителліонъ, другой—Томасъ Пекамъ (или Пекгэмъ), епископъ кентерберійскій, трудъ котораго пріі-

обрѣлъ большой авторитетъ, хотя содержитъ въ себѣ много ошибокъ. Техника воспользовалась теоретическими открытіями; было изобрѣтено искусство шлифовать выпуклыя стекла въ требуемыхъ оптикой формахъ, и возникла выдѣлка очковъ; изобрѣтателемъ ихъ должно вѣроятно считать флорентинца Сальвино дель Армати.—Очень усердно занимались натуралисты того времени химіей и астрономіей; государи и вельможи покровительствовали этимъ наукамъ; покровительствовали, впрочемъ, потому, что онѣ были служительницами алхимическихъ и астрологическихъ фантазій.—Химіею занимались тогда, кромѣ примѣненій ея къ астрологіи, для медицинскихъ цѣлей. Не только почти всѣ натуралисты, даже многіе государи были алхимиками; никто не сомнѣвался тогда въ томъ, что возможно дѣлать философскій камень, который превращаетъ дешевые металлы въ золото, исцѣляетъ всѣ болѣзни, чрезвычайно увеличиваетъ продолжительность жизни (въ этой формѣ, приспособленной къ медицинскому употребленію, онъ назывался жизненнымъ эликсиромъ). О многихъ ученыхъ говорили, что они изобрѣли его; однимъ изъ этихъ изобрѣтателей считали Раймунда Лулла (стр. 77), который своими многочисленными опытами очень много содѣйствовалъ расширенію химическихъ знаній, но съ тѣмъ вмѣстѣ затемнилъ и спуталъ ихъ своимъ фантазерствомъ.

Вѣра государей въ астрологію доставляла ученымъ возможность разработывать астрономію. Фридрихъ II, вообще любившій науки, покровительствовалъ въ особенности астрономіи. По его желанію Герардо Кремонскій, перевелъ Альмагестъ, какъ называли арабы трактатъ Птолемея объ астрономіи. Это былъ первый латинскій переводъ астрономіи Птолемея; онъ положилъ основаніе знакомству западной Европы съ этой наукой. Герардо перевелъ книгу Птолемея не съ подлинника, а съ съ арабскаго перевода.

Еще важнѣе для развитія астрономіи были труды, исполненные подъ покровительствомъ Альфонса X, короля кастильскаго (по порученію котораго была также составлена обширная хроника кастильскаго королевства). Онъ самъ основательно зналъ астрономію. Не жалѣя расходовъ, онъ пригласилъ къ своему двору лучшихъ арабскихъ, еврейскихъ и христіанскихъ астрономовъ; изъ нихъ особенно знамениты еврей Исхакъ Бенъ-Сандъ и арабы Бенъ-Рагель и Бенъ-Муса. Онъ поручилъ имъ исправить прежнія астрономическія таблицы. Послѣ четырехлѣтней работы, они составили (въ 1252 году) знаменитыя «Альфонсовы Таблицы». Теорія движенія небесныхъ тѣлъ, лежащая въ основаніи этого труда, многосложна до запутанности; говорятъ, что Альфонсъ, дивясь ея запутанности, сказалъ: «Если бы Богъ при сотвореніи міра посовѣтовался со мной, міръ былъ бы устроенъ лучше и проще». Но при всей многосложности теоріи, на которой основаны Альфонсовы Таблицы, онѣ имѣли очень важное значеніе для науки, потому что въ нихъ собрана огромная масса на-

блюденій. Ученые слѣдующаго времени исправляли ихъ, побуждаемые къ тому отчасти и чрезмѣрной запутанностью ихъ теоріи; такимъ образомъ, ужь и тогда была потребность проще и правильнѣе прежняго объяснить движенія небесныхъ свѣтилъ; но почти три столѣтія прошло прежде, чѣмъ было найдено такое объясненіе.

III. Упадокъ феодальной системы и папской власти. Развитіе участія сеймовъ въ управленіи государствами.

Литература. Источники и новѣйшіе ученые труды, которыми пользовались мы въ этомъ отдѣлѣ, большею частью тѣ же самые, которые служили намъ пособіями при изложеніи предъидущихъ отдѣловъ и вошли въ прежніе наши обзоры исторической литературы; эти обзоры помѣщены: по исторіи Англіи, въ V томѣ, на стр. 647; по исторіи Испаніи, на 1 страницѣ V тома и на 410 страницѣ VI тома; по исторіи Франціи, на 263 страницѣ V тома и на 410 страницѣ VI тома. Повторять прежніе списки было бъ излишнимъ; мы только пополнимъ ихъ.

1. Испанскія и португальскія лѣтописи собраны въ изданіи Шотта: Hispania illustrata, 4 тома, Франкфуртъ, 1603—1608. Изъ прежнихъ трудовъ по исторіи Испаніи назовемъ: Mariana, Historia de rebus Hispaniae, Майнцъ, 1605; испанскій переводъ исторіи Маріаны изданъ въ Антверпенѣ (16 томовъ, 1737 — 1739); Zurita, Annales de la corona del regno de Aragon, Zaragossa, 6 томовъ, 1710; Ferreras, Historia de España. Важнѣйшіе изъ новыхъ трудовъ: Lafuente, Historia general de España, 22 тома, Madrid, 1850—1859 и Saint Hilaire, Histoire d'Espagne, 9 томовъ, Paris, 1837—1865. По исторіи Арагоніи замѣтимъ очеркъ, написанный Гервинусомъ: Versuch einer innern Geschichte Aragoniens (въ Gervinus, Historische Schriften, томъ I-й, Frankfurt, 1833). По исторіи Кастиліи назовемъ Schirrmacher, Geschichte Kastiliens im XII und XIII Jahrhundert, Gotha, 1881. Мы ужь упоминали о хроникѣ Рамона Мунтанера (стр. 412); она переведена на французскій и нѣмецкій языки.

2. О важнѣйшихъ источникахъ англійской исторіи этого періода мы говорили въ очеркѣ исторіи литературы (стр. 410 и стр. 415). Они вмѣстѣ съ другими лѣтописями были изданы Гелемъ Gale (Оксфордъ, 1684), Кэмденомъ (Франкфуртъ, 1603) и въ сборникѣ Historiae Anglicae scriptores X (Лондонъ, 1652). Эти старыя изданія утратили теперь значеніе; ихъ замѣняетъ болѣе полное изданіе, печатаемое подъ наблюденіемъ главнаго начальника архивовъ (Master of the Rolls), «Средневѣковые англійскіе историки», Rerum Britannicarum medii aevi scriptores; оно начато въ 1858 году; теперь издано около 50 томовъ. Въ прошломъ столѣтіи пользовался на материкѣ большимъ авторитетомъ трудъ Рапена Туара́, Histoire d'Angleterre par Rapin de Thoyras, 16 томовъ, 1749; мѣстомъ изданія названа Гага, La Haye; но это обычное въ тѣ времена фальшивое обозначеніе, имѣвшее цѣлью только охранить издателя отъ преслѣдованія; въ дѣйствительности, трудъ Рапена напечатанъ былъ въ Парижѣ. Акты собраны въ изданіи Реймера: Rymer, Foedera, Conventiones, Literae et cujusque generis Acta publica, 10 томовъ, Гага, 1745. Изъ новѣйшихъ трудовъ назовемъ: Green, History of the English people (томъ I-й, до 1461 года), London, 1877; Stubbs, Constitutional History of England,

4 тома, London 1871—1874;—P a u l i, Simon von Montfort, graf von Leicester, Tübingen, 1877. Большимъ авторитетомъ въ Германіи пользуются труды Гнейста: G n e i s t, Geschichte und hentige Gestalt der englischen Kommunalverfassung, Berlin, 1863; Das englische Verwaltungsrecht, Berlin, 1867; Englische Verfassungsgeschichte, Berlin 1882. По исторіи Шотландіи мы пользовались: B u c h a n a n, Rerum Scoticarum historia (по абердинскому изданію 1764 года);—F r a s e r T y t l e r, History of Scotland, Edinburgh, 1826 и слѣдд. годы: По ирландской исторіи: L e l a n d, History of Ireland, Dublin, 1813; мы пользовались также статьею Лаппенберта объ исторіи Ирландіи въ «Энциклопедіи» Эрша и Грубера (въ XXIV томѣ второй серіи). Борьба Генриха II и Іоанна съ церковью подробно разсказана у Рейтера, въ исторіи Александра III, и у Гуртера, въ исторіи Иннокентія III; объ этихъ книгахъ мы ужь упоминали. Очеркъ этой борьбы сдѣланъ и въ монографіи: W e b e r, Geschichte der Kizchenreformation in Grossbritannien, 2 тома, Leipzig, 1845, 1853.

3. О французскихъ лѣтописяхъ этого періода мы говорили на стран. 416 и слѣд.: говорили также о Жуанвилѣ и Виллардуэнѣ; эти лѣтописи и мемуары помѣщены въ сборникахъ источниковъ французской исторіи; напримѣръ, въ изданіи Дю-Шена (Du Chesne, Historiae Francorum scriptores coaetanei, 5 томовъ, Парижъ, 1636—1649, и въ изданіи Домъ-Буке́, которое было продолжаемо бенедиктинцами конгрегаціи св. Мавра, а теперь продолжается Французской Академіею: Scriptores rerum Gallicarum et Francicarum или по французскому заглавію Recueil des Historiens des Gaules et de la France; изданіе начато въ 1738 году; теперь издано 26 томовъ; изъ другихъ сборниковъ назовемъ: Collection des Chroniques françaises par Buchon; Collection universelle des mémoires particuliers relatifs à l'histoire de France, Londres et Paris 1785 и слѣдд. Прекрасное изданіе Жуанвиля сдѣлалъ Вальи: W a l l y, Mémoires du sire de Joinville, 3 тома, Paris, 1865., Акты, относящіеся къ исторіи Франціи, собраны въ Collection de documens inédits sur l'histoire de France, Paris, 1841 и слѣдд.; Les Olim ou Registres des arrêts rendus par la Cour du roi sous les règnes de saint Louis etc. par Beugnot, Paris, 1839 слѣдд. По исторіи церкви, важнѣйшіе акты собраны въ изданіи Манси: Raynaldi, Annales ecclesiastici. Изъ новыхъ ученыхъ трудовъ по исторіи Франціи назовемъ: Histoire de France par H e n r i M a r t i n, 4 изд., Paris, 1862 слѣдд.; D'A r e s t e, Histoire de France, 6 томовъ, Paris, 1865 слѣдд.; B o u t a r i c, La France sous Philippe le Bel, Paris, 1861. По исторіи борьбы Бонифація VIII съ Филиппомъ замѣтимъ: F l a t h e, Geschichte der Vorläufer der Reformation, 2 тома, Leipzig, 1835 и D r u m a n n, Papst Bonifaz VIII, 2 тома, Königsberg, 1852; по обвиненіямъ противъ ордена тампліэровъ: H a n s P r u t z, Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrnordens; очеркъ исторіи всего процесса надъ тампліэрами сдѣланъ Пруцемъ въ Kulturgeschichte der Kreuzzüge,—въ этомъ своемъ трудѣ онъ пользовался актами процесса, хранящимися въ Ватиканѣ, которыми не могли пользоваться авторы прежнихъ изслѣдованій.

А. ИСТОРІЯ ИСПАНІИ.

1. Борьба христіанъ съ мусульманами.

Христіанскія государства въ XII столѣтіи.

Въ началѣ XII вѣка надъ мусульманской частью Испаніи владычествовали Морабеты (или, какъ ихъ называли испанцы, альморавиды). Христіанская часть Испаніи была раздѣлена на королевства кастильское и арагонское. Западная часть еще находилась подъ ленной властью короля кастильскаго, но черезъ нѣсколько времени сдѣлалась независимымъ королевствомъ португальскимъ. Альфонсъ Энрикесъ, основатель этого королевства, отдалъ его подъ покровительство папы,

которому обѣщался платить дань. За это папа (Александръ III) призналъ его королемъ независимымъ отъ короля кастильскаго. На сѣверо-востокѣ Пиренейскаго полуострова маркграфы барселонскіе владѣли землею отъ Пиреней до низовья Эбро. Съ маркграфствомъ барселонскимъ довольно долго были соединены обширныя владѣнія въ юговосточной Франціи. Королевство леонское составляло часть кастильскаго, королевство наваррское было соединено съ арагонскимъ; но связь эта была слабая и непрочная. Леонъ и Наварра сохраняли свои особые законы и временами отдѣлялись отъ королевствъ, съ которыми были соединены. Въ то время испанскія династіи еще не приняли принципа нераздѣльности государства, и по смерти короля нерѣдко случалось, что его владѣнія были раздѣляемы между сыновьями. Изъ-за этого бывали войны, но учрежденія и нравы во всѣхъ христіанскихъ государствахъ Испаніи были одинаковы; короли ихъ были родственники, потому части раздѣлившагося королевства черезъ нѣсколько времени довольно легко вновь соединялись. Когда Наварра имѣла особаго государя, то обыкновенно онъ оставался въ нѣкоторой зависимости отъ короля арагонскаго; таково же было отношеніе королей леонскаго и галисійскаго къ кастильскому, когда эти земли бывали особыми государствами. Войны съ мусульманами считались общимъ дѣломъ всѣхъ испанскихъ христіанъ.

Отдѣленіе Кастиліи отъ Арагоніи 1127.

Уррака, дочь и наслѣдница Альфонса VI, короля кастильскаго и леонскаго, сдѣлавшаго своей резиденціей отнятый имъ у арабовъ городъ Толедо, была во второмъ своемъ бракѣ женою Альфонса I, короля арагонскаго (VI, 503). Управляя, какъ мужъ Урраки, королевствомъ кастильскимъ, этотъ король арагонскій называлъ себя императоромъ испанскимъ. Впрочемъ и раньше того этотъ титулъ уже носилъ его тесть, хотя былъ только королемъ кастильскимъ и леонскимъ. Храбрый воинъ, Альфонсъ I водилъ соединенныя войска Кастиліи и Арагоніи на мусульманъ; но его успѣхамъ мѣшали мятежи вельможъ. Уррака, интригантка и развратница, скоро поссорилась съ мужемъ, и по ея внушенію возстали противъ него кастильскіе вельможи, неохотно подчинявшіеся иноземцу; они провозгласили королемъ сына Урраки отъ перваго брака Альфонса Раймундеса. Война длилась много лѣтъ и сопровождалась заговорами, неприличными сценами въ королевскомъ дворцѣ, грабежомъ церквей, раззоряла народъ. Въ 1126 году Уррака умерла, но война продолжалась; наконецъ въ
1127. слѣдующемъ году при посредничествѣ духовенства вотчимъ и пасынокъ заключили миръ. Вотчимъ призналъ пасынка королемъ кастильскимъ, самъ остался только королемъ арагонскимъ; Леонъ и Галисія принадлежали къ королевству Альфонса VII кастильскаго, (котораго называютъ также Альфонсомъ VIII, помѣщая его вотчима, Альфонса I арагонскаго, въ списокъ королей кастильскихъ, какъ Альфонса VII). Наварра принадлежала къ Арагоніи.

По заключеніи мира съ пасынкомъ, Альфонсъ Арагонскій возобновилъ войну съ мусульманами. За храбрость, съ какой онъ велъ ее, его назвали Вонтелемъ (Batallador). Мы говорили (VI, 503), что предмѣстникъ его, Педро, взялъ сильную мусульманскую крѣпость Гуэску. Черезъ 10 лѣтъ по смерти Педро Альфонсъ взялъ крѣпость Туделу. По своему положенію на Эбро, она также была важна и стала спорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ завоеваній. При помощи рыцарей, пришедшихъ изъ южной Франціи, Альфонсъ разбилъ мусульманъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и послѣ семимѣсячной осады взялъ 18 декабря 1118 года Сарагоссу, оплотъ мусульманскаго владычества въ сѣверной Испаніи. Послѣ того арагонское королевство стало быстро расширяться на югъ. Король щедро наградилъ своихъ вельможъ и французскихъ своихъ сподвижниковъ и сдѣлалъ Сарагоссу своей столицей. Мусульмане, встревоженные утратою Сарагоссы, прекратили междоусобія, бывшія причиной того, что эта крѣпость досталась во власть христіанамъ, и соединили свои силы для обороны владѣній, какія оставались у нихъ въ бассейнѣ Эбро. Послѣ цѣлаго ряда битвъ на берегахъ Сегре и Эбро храбрый полководецъ ихъ Яхья Ибнъ-Ганія 7 сентября 1134 искуснымъ манёвромъ одержалъ побѣду при Фрагѣ. Изнуренный походами, Альфонсъ былъ такъ опечаленъ этимъ пораженіемъ, что занемогъ и умеръ. Его смерть подвергла опасности самое существованіе арагонскаго королевства. Будучи бездѣтнымъ, онъ отдалъ свое государство палестинскимъ рыцарскимъ орденамъ, имѣвшимъ много замковъ и земель во всѣхъ частяхъ христіанской Испаніи. Но арагонцы объявили его распоряженіе незаконнымъ и на сеймѣ въ Хакѣ выбрали королемъ его брата, Рамиро, съ молодости бывшаго монахомъ. Наварра отдѣлилась отъ Арагоніи; королемъ тамъ былъ избранъ Гарсія VI, потомокъ прежней наваррской династіи. Рамиро, привыкшій заниматься только монашескими дѣлами, не могъ продолжать успѣшныхъ походовъ своего брата, но по крайней мѣрѣ поддержалъ самостоятельность арагонскаго королевства. По вступленіи на престолъ онъ женился на Инесѣ, сестрѣ герцога аквитанскаго; она родила дочь Петронелью. По совѣту вельможъ двухлѣтняя дѣвочка была обручена съ Раймундомъ Беренгаріемъ IV Барселонскимъ. Вскорѣ послѣ того Рамиро возвратился въ монастырь; женихъ его дочери сталъ регентомъ королевства арагонскаго и, когда невѣста выросла, женился на ней. Результатомъ этого брака было то, что Арагонія и Каталонія при вступленіи на престолъ Альфонса II, сына Петронелы и Беренгарія IV, навсегда соединились въ одно государство.—Желая по возможности удовлетворить тампліэровъ, которымъ Альфонсъ I завѣщалъ Арагонію, Раймундъ Беренгарій учредилъ въ своемъ королевствѣ рыцарскій орденъ «для защиты церкви и войны съ маврами въ Испаніи», сдѣлалъ этотъ орденъ испанскимъ отдѣломъ тампліэровъ, подчинилъ его ихъ гросмейстеру, далъ ему большія владѣнія

Арагонія и Каталонія. Альфонсъ I. 1105—1134.

1114.

Рамиро II 1134—1137.

Раймундъ Беренгарій IV. 1137—1162.

и доходы. Рыцари этого ордена были увѣрены, что король дастъ имъ значительную долю земель и сокровищъ, какія будутъ отняты у мусульманъ; потому воевали съ невѣрными очень усердно. Отецъ Раймунда Беренгарія Беренгарій III уже покровительствовалъ тампліэрамъ, самъ поступилъ въ число свѣтскихъ рыцарей ихъ ордена, далъ имъ большія владѣнія и привилегіи и при содѣйствіи тампліэровъ, пизанцевъ, каталонскихъ рыцарей храбро и успѣшно велъ войну съ невѣрными, отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ. Онъ также расширилъ свои владѣнія на сѣверѣ отъ Пиреней, пріобрѣлъ графства каркассонское, безалюское, серданское, и нѣкоторыя другія земли. Раймундъ Беренгарій соединилъ эти французскія владѣнія съ Арагоніей и продолжалъ войну съ сарацинами иногда одинъ, иногда вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Альфонсомъ VII (или VIII) кастильскимъ, который, подобно своимъ предшественникамъ, называлъ себя императоромъ испанскимъ и заявлялъ притязанія на то, чтобы другіе христіанскіе государи Испаніи подчинялись ему, какъ ленному господину.

Альмогады.

При Альфонсѣ II Арагонскомъ и Альфонсѣ VII Кастильскомъ, христіане снова стали побѣждать мусульманъ. По усердію къ вѣрѣ, по рыцарской любви къ военнымъ приключеніямъ, по разсчету на пріобрѣтеніе богатой добычи и ленныхъ владѣній, французскіе вельможи приходили помогать испанскимъ христіанамъ, а междоусобія мусульманъ облегчали побѣды надъ ними. Владычество Альморавидовъ было шатко; испанскіе арабы ненавидѣли иноземныхъ повелителей; намѣстники дѣйствовали произвольно, угнетали народъ; андалузскія богатства и наслажденія изнѣжили полудикихъ африканскихъ завоевателей. При дворѣ Али Ибнъ-Ташфина владычествовала роскошь; эмиры, правители областей, подражали Ибнъ-Ташфину. Въ одномъ изъ арабскихъ племенъ, жившихъ у Атласа, явился реформаторъ Абдаллахъ Ибнъ-Томрутъ, слушавшій въ Багдадѣ лекціи Аль-Газзали (VI, 461); онъ выдавалъ себя за магди (V, 81), построилъ себѣ хижину близъ Марокко въ пустынной мѣстности между гробницъ и горячо проповѣдовалъ противъ мірскихъ удовольствій. Пламенное краснорѣчіе, строгій образъ жизни, усердіе къ очищенію ислама отъ земной суеты пріобрѣли ему много приверженцевъ. Онъ собралъ увѣровавшихъ въ его божественное посланничество, составилъ изъ нихъ особое религіозное общество, назвалъ ихъ муагедами, muahedim, послѣдователями магди, взялъ съ нихъ клятву вѣрности его ученію, распредѣлилъ ихъ на классы по степенямъ святости. Скоро сошлись подъ его бѣлое знамя 20,000 муагедовъ или альмогадовъ, какъ привыкли европейцы называть ихъ по испанской передѣлкѣ ихъ имени. Онъ началъ войну противъ морабетовъ, людей погрязшихъ въ грѣховной роскоши. Онъ и помощникъ его Абдъ-аль-Муменъ одержали нѣсколько побѣдъ и подступили къ Марокко, но были отражены; Абдаллахъ тогда былъ боленъ, огорченіе отъ неудачи усилило его болѣзнь, онъ

умеръ; преемникомъ его сталъ Абдъ-аль-Муменъ, принявшій титулъ повелителя правовѣрныхъ (эмира аль-муменинъ) и съ успѣхомъ продолжалъ войну. Побѣды увеличивали число его приверженцевъ. Въ 1143 году Али умеръ въ маррокскомъ дворцѣ, опечаленный мыслями о томъ, что его династія будетъ низвергнута. Его храбрый сынъ Ташфинъ далъ рѣшительное сраженіе альмогадамъ близъ Атласа, былъ разбитъ и бѣжалъ съ остатками войска въ Тлемсенъ; Абдъ аль-Муменъ погнался за нимъ, разбилъ его во второй разъ. Темной ночью Ташфинъ ѣхалъ верхомъ по приморскимъ скаламъ, упалъ и убился. Его сынъ Ибрагимъ былъ послѣдній альморавидскій царь. Городъ Фезъ былъ измѣною сданъ Абдъ аль-Мумену, альмогады осадили Марокко; этотъ многолюднѣйшій городъ сѣверо-западной Африки былъ сильно укрѣпленъ и по своему мѣстоположенію удобенъ для обороны; но въ немъ сталъ свирѣпствовать голодъ, жители принуждены были сдаться. Абдъ аль-Муменъ велѣлъ умертвить Ибрагима и всѣхъ альморавидскихъ вождей, взятыхъ въ плѣнъ. Владычество альморавидовъ въ Африкѣ рушилось.

1130.

1145.

1147.

Пораженія альморавидскихъ войскъ въ Африкѣ ободрили испанскихъ арабовъ, ненавидѣвшихъ иго этихъ завоевателей. Въ Андалузіи начались возстанія. Ахмедъ Ибнъ-Косаи, знаменитый поэтъ и ученый, призвалъ народъ къ оружію въ Альгарвіи, оттуда возстаніе быстро распространилось по Андалузіи, охватило Мурсію и Валенсію. Въ Севильѣ, Кордовѣ, Гранадѣ испанскіе эмиры одолѣли африканскихъ правителей. Альморавидскій главнокомандующій Яхья Ибнъ-Ганія, отважный воинъ, два года сражался съ инсургентами, но не могъ одолѣть ихъ. Ахмедъ Ибнъ-Косаи призвалъ на помощь себѣ Абдъ аль-Мумена; въ іюнѣ 1146 альмогадскій царь поплылъ въ Испанію, взялъ важную приморскую крѣпость Альхесирасъ; граждане Гибралтара, Хереса, Севильи, Малаги признали его власть.

Мятежи въ Андалузіи 1145—1147.

Альморавиды обратились съ просьбой о помощи къ Альфонсу Кастильскому; онъ былъ радъ воспользоваться междоусобіемъ мусульманъ и около того времени, какъ португальскій король взялъ при помощи крестоносцевъ Лиссабонъ, король кастильскій съ Раймундомъ Барселонскимъ, графомъ Гильіомомъ монпельерскимъ и множествомъ рыцарей изъ всѣхъ христіанскихъ областей Испаніи подступилъ къ Альмеріи, сильной приморской крѣпости, бывшей главнымъ пріютомъ мусульманскихъ морскихъ разбойниковъ. Онъ осадилъ городъ съ суши, а генуэзцы и пизанцы блокировали гавань; послѣ продолжительной осады Альмерія сдалась. Христіане перерѣзали мусульманскихъ воиновъ и взяли громадную добычу. Раймундъ Беренгарій успѣшно сражался съ мусульманами на Эбро, взялъ при помощи генуэзцевъ и пизанцевъ Тортосу, овладѣлъ всѣмъ бассейномъ Эбро. Владычество альморавидовъ въ Испаніи пало, хотя христіане нападали на ихъ враговъ, альмогадовъ. Абдъ аль-Муменъ взялъ Кордову; Яхья ибнъ-

Альфонсъ VIII кастильскій 1127—1157.

1147.

1148.

Ганія былъ убитъ подъ Гранадой, и вся южная Испанія покорилась африканскимъ фанатикамъ. Они пробудили въ испанскихъ арабахъ усердіе къ исламу, и война съ христіанами стала упорнѣе прежняго. Альмерія была отнята мусульманами у короля кастильскаго; альмогады съ торжествомъ вошли въ Гранаду. Альфонсъ VIII на обратномъ пути изъ похода противъ мусульманъ умеръ въ Мурадальскомъ ущельѣ 21 августа 1157. Онъ былъ энергическій, разсудительный и справедливый государь, усердный воинъ вѣры, щедрый къ церкви.

Испанскіе рыцарскіе ордена.

Черезъ пять лѣтъ послѣ Альфонса VIII умеръ Раймундъ Беренгарій и наступило для испанскихъ христіанъ тяжелое время. Королевство кастильское раздробилось и воевало между собой, а мусульмане объединились подъ владычествомъ альмогадовъ, вели войну энергически, отняли у христіанъ нѣкоторыя изъ ихъ недавнихъ завоеваній. Альфонсъ II наслѣдовалъ всѣ владѣнія своего отца, Раймунда Беренгарія. Но кастильское государство было раздѣлено между сыновьями Альфонса VIII. Леонъ, Галисія, и Астурія составили особое королевство, Наварра и баскскія провинціи перестали признавать надъ собою ленную власть кастильскаго короля. Начались междоусобія; мусульмане пользовались ими, одержали много успѣховъ и пріобрѣли бы еще больше, если бы христіанское духовенство не проповѣдовало рыцарямъ, что война съ невѣрными—священная обязанность. При содѣйствіи духовенства достигли большой силы рыцарскіе ордена, дѣятельности которыхъ испанскіе христіане были обязаны тѣмъ, что государства ихъ устояли отъ нападеній мусульманъ.

Раймундъ, аббатъ маріинскаго монастыря въ городѣ Фіэтро, основалъ въ 1158 году калатравскій орденъ по образцу тампліэрскаго. Въ 1176 году Хуліанъ Перейро основалъ другой орденъ, который впослѣдствіи имѣлъ центромъ своихъ дѣйствій крѣпость Алькантару и потому получилъ названіе алькантарскаго. Въ 1162 году Жоано Сирита основалъ въ Португаліи орденъ, центромъ котораго стали замки Эвора (съ 1166 года) и Ависъ (съ 1181) и который потому назывался эворскимъ, а впослѣдствіи ависскимъ. Въ Галисіи духовенство убѣдило нѣсколько храбрыхъ авантюристовъ соединиться на защиту гроба апостола Іакова въ Компостельѣ и на охраненіе богомольцевъ, идущихъ поклониться этой святынѣ; такимъ образомъ въ 1175 году возникъ компостельскій орденъ. Во второй половинѣ XII вѣка Кастилія была терзаема борьбою между фамиліями Лара и Кастро. Христіанскіе короли воевали одинъ съ другимъ. Въ Каталоніи взаимное ожесточеніе партій дошло до того, что были убиты одинъ за другимъ два архіепископа таррагонскіе; Португалія и Леонъ были подвергнуты интердикту за бракъ между ихъ династіями, недозволительный по церковнымъ законамъ о родствѣ, и въ обоихъ королевствахъ владычествовала анархія. Но, благодаря храбрости рыцарскихъ орденовъ, христіане въ это время всетаки сохранили за собою почти всѣ прежнія завоеванія.

Побѣды альмогадовъ.

Со времени Альмансора испанскіе мусульмане не одерживали такихъ побѣдъ надъ христіанами, какъ при Абдъ-аль-Муменѣ. Его государ-

ство простиралось отъ Сахары до Гвадіаны, отъ Атлантическаго океана до области, называвшейся въ древности Киренаикой. Онъ былъ не только храбрый полководецъ, но и даровитый правитель, далъ хорошее устройство войску и крѣпкую организацію внутреннему управленію, основалъ въ Марокко знаменитую школу, подготовлявшую молодыхъ людей къ политической и военной дѣятельности; севильскіе и кордовскіе поэты и ученые пользовались его покровительствомъ; онъ чуждался роскоши, велъ простой образъ жизни, былъ неутомимый воинъ, постоянно думавшій о завоеваніяхъ. Христіанамъ, ссорившимся между собою, было бы трудно устоять противъ него, если бъ его побѣдоносные походы не задерживались мятежами испанскихъ мусульманъ. Въ Андалузіи и Валенсіи оставалось много прежнихъ владѣтелей, опасавшихся суровости иноземнаго завоевателя; они сражались противъ него и часто заключали союзы съ кастильцами и арагонцами. Абдъ-аль-Муменъ, царствовавшій 33 года, умеръ 15 мая 1163; ему наслѣдовалъ сынъ, Сидъ Юсуфъ Ибнъ-Якубъ; храбрый воинъ, сохранявшій старую простоту арабскихъ нравовъ, считавшійся святымъ. Юсуфъ продолжалъ отцовскія завоеванія, прогналъ въ 1171 эмира валенсійскаго, усмирилъ непокорныхъ андалузскихъ эмировъ и обратилъ свои силы на христіанъ; но вступивъ противъ совѣта опытныхъ вождей въ битву при Сантаремѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. Его сынъ Якубъ Альмансоръ, равнявшійся добродѣтелями и дарованіями Саладдину, отмстилъ за смерть отца. Третій крестовый походъ охватывалъ и берега Пиренейскаго полуострова: нѣкоторые отряды крестоносцевъ плыли въ Палестину изъ Нѣмецкаго моря по Атлантическому океану; они выходили на западный или на южный берегъ Испаніи, грабили и опустошали мусульманское приморье. Ободряемые ихъ нападеніями на арабовъ, испанскіе христіане предпринимали отважные походы на югъ. Раздраженный набѣгомъ испанцевъ подъ начальствомъ архіепископа толедскаго, доходившаго до Севильи, и надменнымъ вызовомъ Альфонса Кастильскаго, Якубъ Альмансоръ пошелъ на христіанъ со всѣми своими силами. Христіанское войско, въ которомъ было много иноземныхъ тампліэровъ и іоаннитовъ и много испанскихъ рыцарей этихъ и туземныхъ военныхъ орденовъ, встрѣтило Якуба при Аларкосѣ и потерпѣло полное пораженіе. Множество рыцарей было убито; самого короля съ трудомъ спасли бившіеся подлѣ него. И здѣсь, какъ въ битвѣ при Хиттинѣ, погубившей палестинскихъ христіанъ, причиной пораженія была измѣна. Кастильскій графъ Педро Фернандесъ де Кастро, побѣжденный своими наслѣдственными врагами Ларами и бѣжавшій къ альмогадамъ, много содѣйствовалъ ихъ побѣдѣ. Со времени битвы при Хересѣ, отдавшей Испанію подъ владычество мусульманъ, христіане не подвергались такому великому пораженію. Мусульмане овладѣли почти всею Новой Кастиліей, кромѣ Толедо. Только

1184.

19 іюля 1195.

трудность перехода черезъ Гвадарраму, ущелья которой были защищены замками и черезъ которую нельзя было провозить достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ, помѣшала мусульманамъ дойдти до Астурійскихъ горъ. При такомъ бѣдственномъ положеніи Леонъ и Кастилія всетаки не прекратили своего междоусобія. Наконецъ въ 1197 году короли леонскій и кастильскій примирились, и Беренгарія, дочь короля кастильскаго, была отдана за короля леонскаго. Но это былъ бракъ въ одной изъ степеней родства, при которыхъ браки воспрещаются каноническими законами католической церкви, потому папа наложилъ интердиктъ на королевство леонское. Беренгарія согласилась подчиниться требованію папы, бракъ былъ расторгнутъ; она возвратилась въ Кастилію; но дѣти ея были признаны законными.—Санчо, король наваррскій, заключилъ союзъ съ альмогадами, надѣясь при ихъ помощи покорить себѣ другія христіанскія государства.

Битва при Навасъ-де-Толоса 1212.

Христіанамъ угрожала великая опасность, но къ счастію для нихъ Якубъ Альмансоръ черезъ четыре года послѣ битвы при Аларкосѣ умеръ; ему было еще только 39 лѣтъ. Альморавиды, сохранявшіе независимость на Балеарскихъ островахъ, ободрились при извѣстіи о его смерти, приплыли на материкъ; въ мусульманской Испаніи поднялось возстаніе, распространилось и по сѣверной Африкѣ; владычество альмогадовъ колебалось, междоусобіе длилось пять лѣтъ. Новый альмогадскій эмиръ Мухаммедъ аль-Насръ одержалъ побѣду въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ битвахъ и наконецъ покорилъ Балеарскіе острова. Возстановивъ свое владычество, альмогады возобновили войну съ христіанами; но христіанскія государства въ эти пять лѣтъ отдохнули, окрѣпли и примирились между собой; потому, когда Мухаммедъ съ громаднымъ числомъ африканцевъ и андалузскихъ мусульманъ пошелъ въ маѣ 1211 на Кастилію, онъ встрѣтилъ сильный отпоръ. Рыцари всѣхъ военныхъ орденовъ, многіе свѣтскіе рыцари изъ южной Франціи стали подъ знамена королей кастильскаго и арагонскаго, соединившихся для обороны. Еще никогда не бывало у испанскихъ христіанъ такого многочисленнаго войска; но мусульмане были сильнѣе ихъ числомъ и дисциплиной. Христіанскіе воины и во особенности иноземные рыцари, пріѣхавшіе на помощь испанцамъ, буйствовали, грабили, запятнали свое дѣло преслѣдованіемъ евреевъ въ Толедо и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Сарацины изпурили себя осадой горной крѣпости Сальватіэрры, подъ которой простояли восемь мѣсяцевъ. Король кастильскій между тѣмъ принудилъ находившійся въ Калатравѣ мусульманскій гарнизонъ сдать эту крѣпость. Богатства, собранныя тамъ мусульманами, остались въ добычу христіанамъ, но сами арабы получили дозволеніе свободно уйдти. Большинство иноземныхъ рыцарей уѣхало изъ Испаніи въ досадѣ на то, что король кастильскій не захотѣлъ нарушить слово, не дозволилъ вѣроломно напасть на уходившихъ мусульманъ. Такимъ образомъ число христіан-

скихъ воиновъ уменьшилось, но въ битвѣ при Навасъ - де - Толоса между горъ Сіэрра-Морены 16 іюля 1212 христіане одержали великую побѣду. Мусульмане не оправились уже никогда отъ этого пораженія. Болѣе 100,000 ихъ легло на полѣ битвы; въ числѣ убитыхъ находился старшій сынъ Мухаммеда. Христіане взяли несмѣтную добычу, но обезсчестили свое дѣло грабежомъ и убійствами при взятіи сосѣднихъ городовъ. Въ память о побѣдѣ былъ учрежденъ церковный праздникъ въ Толедо; онъ совершался въ годовщину битвы и назывался Торжествомъ креста.

Послѣ битвы при Навасъ-де-Толоса начались междоусобія и у христіанъ и у мусульманъ. Андалузцы въ этой битвѣ покинули альмогадовъ, ушли съ поля сраженія; Мухаммедъ казнилъ ихъ вельможъ, уѣхалъ въ Марроко и предался разврату въ своемъ роскошномъ дворцѣ, окруженномъ садами. Въ концѣ слѣдующаго года онъ былъ отравленъ однимъ изъ своихъ слугъ. Его сынъ Юсуфъ аль-Монстансеръ, человѣкъ еще молодой, проводилъ время въ чувственныхъ наслажденіяхъ и черезъ 10 лѣтъ умеръ бездѣтнымъ (6 января 1224). Родственники его начали между собою войну за власть; наконецъ въ Африкѣ одолѣлъ свирѣпый Аль-Манунъ и безпошадно истреблялъ своихъ противниковъ. Онъ воображалъ, что упрочитъ этимъ свою власть; но ужасъ, возбуждаемый его злодѣйствами, произвелъ противуположный результатъ. Испанскіе мусульмане возстали; вождемъ ихъ былъ Мутаваккиль, потомокъ прежней испанской династіи Бени-Гудовъ, владычествовавшей въ Сарагоссѣ. Онъ призвалъ мурсійскихъ и андалузскихъ мусульманъ низвергнуть власть еретиковъ - альмогадовъ и призналъ халифа багдадскаго религіознымъ главой мусульманской Испаніи. Скоро почти всѣ города южной Испаніи приняли сторону Мутаваккиля. Въ Валенсіи образовалось другое мусульманское государство; поднялись и между альмогадами мятежи противъ Аль-Мануна. Онъ жилъ въ Севильѣ; увидѣлъ, что не можетъ удержаться тамъ, поплылъ въ Африку, но умеръ отъ паралича, не доѣхавъ до Марокко. Его сынъ Абдъ-аль-Вахидъ не могъ одолѣть безчисленныхъ враговъ, и когда послѣ десятилѣтней непрерывной войны онъ утонулъ съ лошадью въ болотѣ, альмогады были ужь прогнаны изъ Испаніи и почти всѣ африканскія владѣнія охвачены мятежомъ. Въ западной части Африки владычествовало кочевое арабское племя Мериниловъ, на востокѣ бились между собою за власть Зіаниды и другія династіи. Братъ и наслѣдникъ Абдъ-аль-Вахида Али Саидъ былъ убитъ на войнѣ. Преемникъ Саида Омаръ былъ прогнанъ изъ Марокко Мериниловъ, которымъ помогалъ его родственникъ Эдрисъ Абу-Дибусъ. Бѣжавшій изъ своей столицы, Омаръ былъ предательски убитъ однимъ изъ своихъ невольниковъ; черезъ три года послѣ того былъ убитъ въ сраженіи Эдрисъ, и альмогады исчезли изъ исторіи. Сѣверная Африка стала добычею полудикихъ племенъ, занимавшихся морскимъ разбоемъ и губившихъ страну своими междоусобіями.

Упадокъ владычества альмогадовъ.

25 декабря 1213.

16 октября 1232.

1242.

1248.

1269.

2. Завоеванія Христіанъ.

а) Кастилія.

Христіанскія государства въ XIII вѣкѣ.

Во время междоусобій христіанъ война съ мусульманами продолжалась, и нерѣдко одна мусульманская партія призывала христіанъ на помощь противъ другой. Такимъ образомъ обстоятельства были очень благопріятны христіанамъ, и если они не покорили тогда всю южную Испанію, то лишь потому, что сами воевали между собой и тоже призывали мусульманъ на помощь себѣ противъ единовѣрцевъ.

Альфонсъ IX.

Черезъ два года послѣ побѣды при Навасъ-де-Толоса умеръ Альфонсъ IX Кастильскій (6 октября 1214). Онъ былъ храбрый воинъ, усердный христіанинъ, щедрый покровитель духовенства, заботился о развитіи просвѣщенія и въ 1209 году основалъ въ Валенсіи школу, изъ которой произошелъ вальядолидскій университетъ. Онъ получилъ названіе Благороднаго. Его сынъ Генрихъ I былъ еще ребенокъ, и

Генрихъ I 1214—1217.

въ государствѣ началось междоусобіе: Беренгарія, сестра Альфонса, бывшая за Альфонсомъ IX Леонскимъ и разведенная съ мужемъ, боролась за регенство съ могущественнымъ графомъ Альваро Ларой.

6 іюля 1217.

Черезъ три года Генрихъ былъ во время игры убитъ черепицей, упавшей съ кровли. Король леонскій потребовалъ себѣ кастильской короны; междоусобіе усилилось. Альфонсъ Леонскій, храбрый воинъ, въ 1230 году разбилъ эмира Бени-Гуда въ сраженіи при Меридѣ, взялъ Мериду и Бадахосъ; но въ томъ же году умеръ на поѣздкѣ въ Сантіаго (23 сентября). Его смертью междоусобіе прекратилось.

Фердинандъ III Святой 1230—1252.

Сынъ его и Беренгаріи, Фердинандъ III, былъ признанъ королемъ Кастиліи и Леона, и было постановлено, что оба эти королевства будутъ составлять одно нераздѣльное государство, престолъ котораго будетъ наслѣдственнымъ по праву первородства въ мужской линіи, а если у короля нѣтъ сыновей, то ему наслѣдуетъ и дочь. Храбрый полководецъ Фердинанда, Альваро Пересъ де Кастро, разбилъ въ 1233 году большое войско Бени-Гуда при Хересѣ на Гвадіанѣ (это городъ, который должно различать отъ болѣе извѣстнаго Хереса, называющагося Хересомъ Пограничнымъ и стоящаго на Гвадалетѣ). Побѣда была удивительна, такъ что ее приписывали помощи апостола Іакова, покровителя Испаніи. Черезъ три года Фердинандъ послѣ продолжи-

1236.

тельной осады взялъ столицу испанскаго халифа Кордову, огромный великолѣпный городъ, прогналъ оттуда мусульманъ и обратилъ громадную знаменитую главную мечеть въ христіанскую церковь. Въ слѣдующемъ (1237) году Бени-Гудъ былъ убитъ тайнымъ врагомъ. Правители мусульманскихъ областей стали государями, и нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ удержать за собою власть, поступили подъ покровительство короля кастильскаго. Такъ сдѣлалъ даже могуществен-

нѣйшій изъ нихъ Мухаммедъ ибнъ-Альхамаръ, эмиръ гранадскій: тѣснимый христіанами, онъ въ 1246 году призналъ себя вассаломъ Фердинанда, уступилъ ему сильную крѣпость Хаэнъ и обязался платить дань. Черезъ два года (въ 1248) соединенныя войска испанскихъ государей подъ главнымъ начальствомъ Фердинанда взяли великолѣпный городъ Севилью; въ 1250 году Фердинандъ покорилъ Хересъ Пограничный, Медина Сидонію, Санъ Лукаръ, Кадиксъ; границы кастильскаго государства распространились теперь на югѣ до моря. Перевѣсъ христіанъ надъ мусульманами въ Испаніи былъ рѣшенъ безвозвратно, мусульмане тысячами переселялись изъ югозападной Испаніи въ Гранаду, Мурсію, Африку; остававшіеся на родинѣ были обложены особой податью.

Гранадское царство находилось въ вассальной зависимости отъ Кастиліи. Благодаря плодородію почвы, трудолюбію жителей и обширной торговлѣ ихъ, оно пользовалось цвѣтущимъ благосостояніемъ. Въ Андалузіи и другихъ, покоренныхъ испанцами областяхъ мусульмане мало по малу принимали обычаи и вѣру побѣдителей; многіе арабскіе князья крестились и получили христіанскіе вельможескіе титулы. Но въ Гранадѣ, куда переселилось много знатныхъ и образованныхъ арабовъ изъ другихъ областей, твердо сохранялись прежніе обычаи, продолжали процвѣтать арабскія науки, поэзія, пѣніе, музыка, архитектура. Когда въ Кастиліи бывали междоусобія, гранадское царство успѣвало на нѣкоторое время свергнуть съ себя зависимость отъ кастильскаго короля; но раздоры, поддерживаемые вторженіями Меринидовъ изъ Африки, снова ослабляли гранадскихъ мусульманъ, и христіане опять подчиняли ихъ своей власти. Во второй четверти XIV вѣка короли арагонскій и наваррскій соединились съ королемъ кастильскимъ Альфонсомъ XI на войну противъ мусульманъ; онъ нанесъ арабамъ пораженіе въ знаменитой битвѣ на рѣкѣ Саладо и послѣ упорной обороны принужденъ былъ сдаться ему Альхесирасъ, гавань котораго служила мѣстомъ высадокъ для африканскихъ мусульманъ. Послѣ того стало очевидно, что испанскіе арабы будутъ окончательно покорены христіанами. 1340.

Послѣ славнаго 22 лѣтняго царствованія Фердинандъ Святой умеръ 31 мая 1252. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Альфонсъ X, получившій названіе Мудраго. Новый король думалъ не столько о покореніи мусульманъ, сколько о томъ, чтобы сравняться съ прежними кордовскими халифами славою покровителя наукъ. Войны съ мусульманами при немъ не совершенно прекратились; онъ удерживалъ Гранаду подъ своей ленной властью и снаряжалъ флотъ, чтобъ исполнить намѣреніе отца, думавшаго сдѣлать нападеніе на африканскихъ мусульманъ; но онъ предпочиталъ войнѣ ученыя занятія, дѣлалъ самъ астрономическія наблюденія, изучалъ испанскую исторію, щедро помогалъ ученымъ, самъ участвовалъ въ работахъ, которыя поручалъ имъ, и вообще желалъ заслужить въ потомствѣ славу не завоевателя, а государя, содѣйствовавшаго развитію наукъ. Альфонсъ X 1252—1284.

Альфонсъ X учредилъ въ саламанкскомъ университетѣ новыя каѳедры, увеличилъ его привилегіи; этотъ университетъ сдѣлался по своей знаменитости соперникомъ парижскаго и болонскаго. Альфонсъ построилъ обсерваторію и поручилъ пятидесяти астрономамъ составить новыя астрономическія таблицы, названныя по его имени Альфонсовыми Онѣ стали прочной основой для дальнѣйшаго развитія астрономіи. Нѣкоторые изъ ученыхъ, трудившихся надъ ними, были вызваны Альфонсомъ изъ мусульманскихъ земель. Онъ занимался астрономіей и дѣлалъ наблюденія надъ звѣздами не собственно съ ученой цѣлью, а потому что вѣрилъ въ астрологію. Знатоки испанской исторіи составили по его порученію всеобщую хронику Испаніи отъ древнѣйшихъ временъ до его вступленія на престолъ. Прежде государственные акты писались на латинскомъ языкѣ; онъ былъ и судебнымъ языкомъ. Альфонсъ X велѣлъ писать законы и государственные акты и производить судъ на кастильскомъ языкѣ. По его приказанію была переведена на кастильскій языкъ библія. Онъ велѣлъ составить кодексъ законовъ для всего королевства; цѣль его была при этомъ двоякая: каждая область, каждый городъ имѣли свои особенные законы; это представляло много неудобствъ; Альфонсъ желалъ устранить ихъ установленіемъ общихъ законовъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ уничтожить остатки свободныхъ учрежденій, существовавшихъ въ королевствѣ вестготскомъ; кодексъ, составленный по его порученію, былъ основанъ на римскомъ правѣ, предоставлявшемъ неограниченную власть государю. Только тремъ городамъ Альфонсъ оставилъ ихъ прежнія свободныя учрежденія или, какъ называется это по испански, ихъ фуэросы. Кодексъ Альфонса X раздѣленъ на семь частей, потому называется „законами семи частей“, Leyes de las siete partidas.

Альфонса прославляли какъ мудреца, поэта, историка, астронома. Но его правленіе было бѣдственно. Доходовъ королевства не доставало на огромныя издержки его блестящаго двора и на расходы, въ какіе запутался онъ, покровительствуя наукамъ; а когда тщеславіе завлекло его искать нѣмецкаго престола и покупать голоса алчныхъ нѣмецкихъ князей, онъ попалъ въ тяжелыя денежныя стѣсненія, дѣлалъ займы за большіе проценты, установилъ новыя подати, сталъ чеканить малоцѣнную монету; торговля и промышленность упали; народъ былъ отданъ въ жертву ростовщикамъ. Альфонсъ подвергъ преслѣдованію евреевъ, сажалъ ихъ въ темницы, мучилъ, принуждая откупаться отъ гоненія. Но самымъ тяжелымъ бѣдствіемъ для короля и государства было то, что возникъ споръ о наслѣдствѣ престола. Мавры неожиданно напали на укрѣпленный станъ намѣстника альхесирасскаго, убили его; на нихъ пошелъ Санчо, архіепископъ толедскій, братъ Петра III, короля арагонскаго; мавры побѣдили его, и самъ онъ былъ убитъ въ сраженіи; тогда пошелъ на нихъ старшій сынъ Альфонса, Фердинандъ де ла Серда, и умеръ во время этого похода. Возникъ споръ о престолонаслѣдіи и по неблагоразумію короля запутался такъ, что государство было опустошено междоусобіемъ. Альфонсъ созвалъ сеймъ, и на немъ по старому испанскому закону наслѣдникомъ престола былъ провозглашенъ Санчо,
1275. второй сынъ короля. Но у Фердинанда было двое сыновей, Ферди-

нандъ и Альфонсъ; по испанскому обычаю, они не были признаны наслѣдниками престола, потому что ихъ отецъ не былъ королемъ; но ихъ мать Бланка, дочь Людовика IX, вступилась за права сыновей. Ея братъ Филиппъ III, король французскій, и теща ея Іоланта, сестра Петра III, короля арагонскаго, помогали ей; началось междоусобіе, длившееся до самой смерти Альфонса. Бланка бѣжала къ своему брату; онъ послалъ въ Испанію войско, которое нѣсколько лѣтъ опустошало пограничныя съ Наваррой области кастильскаго государства. Дѣти Бланки нашли себѣ пріютъ въ Арагоніи; Петръ тоже воевалъ съ Альфонсомъ въ защиту ихъ правъ. Черезъ нѣсколько времени Альфонсъ разсердился на Санчо и вздумалъ раздѣлить королевство между нимъ и сыновьями старшаго своего сына; бѣдствія государства усилились отъ этого. Члены королевской династіи и многіе вельможи рѣшились не допустить раздѣла государства. Въ 1282 году сеймъ, собравшійся въ Вальядолидѣ, провозгласилъ Санчо наслѣдникомъ всего государства и правителемъ его, объявивъ, что правительственная власть отнимается у Альфонса. Покинутый родными и вельможами, отецъ объявилъ Санчо лишеннымъ наслѣдства, проклялъ его и обратился съ просьбой о помощи къ мериндскому царю Абу-Юсуфу, владѣтелю Марокко. Санчо вступилъ въ союзъ съ эмиромъ гранадскимъ. Такимъ образомъ кромѣ самихъ христіанъ, раззорявшихъ государство своимъ междоусобіемъ, стали опустошать его и мусульмане; нравы грубѣли, кастильскіе вельможи привыкали къ самовластію.

Альфонсъ X умеръ въ 1284 году, Санчо принялъ королевскій титулъ. Но двѣ вельможскія фамиліи, Гаро и Лары, были такъ могущественны, что король былъ въ совершенной зависимости отъ нихъ; только благодаря тому, что онѣ враждовали между собой, онъ сохранялъ нѣкоторое вліяніе на дѣла. Для этого ему надобно было опираться на одну изъ двухъ соперничествовавшихъ фамилій; но покровительствуя одной изъ нихъ, онъ возбуждалъ въ другой ожесточенную ненависть противъ себя. Братъ короля, донъ Хуанъ, враждовавшій съ нимъ, женился на дочери Лопе Гаро. На сеймѣ 1288 года этотъ вельможа въ порывѣ ярости ругалъ короля и угрожалъ ему мечомъ. Приверженцы Санчо убили его; междоусобіе возобновилось: сынъ и братъ убитаго бѣжали въ Арагонію и соединились съ партіею инфантовъ де ла Серда. Донъ Хуанъ вступилъ въ союзъ съ мериндскимъ царемъ Абу-Якубомъ и повелъ мавровъ къ Тарифѣ. Начальствовавшій войскомъ въ этой крѣпости Альфонсо Пересъ де Гусманъ храбро оборонялся. Сынъ его былъ взятъ въ плѣнъ, и донъ Хуанъ требовалъ, чтобы Гусманъ сдался, угрожая убить его сына, если онъ не покорится. Гусманъ въ отвѣтъ на это бросилъ со стѣны мечъ, чтобъ донъ Хуанъ убилъ имъ плѣнника; говорятъ, что донъ Хуанъ закололъ сына передъ глазами отца. Санчо привелъ войско и прогналъ

Санчо IV 1284—1295.

1294.

мавровъ. Въ слѣдующемъ (1295) году 25 апрѣля Санчо умеръ, и междоусобія въ кастильскомъ государствѣ приняли такіе размѣры, что казалось, оно распадется. Сынъ Санчо Фердинандъ IV былъ еще малолѣтнимъ; притомъ далеко не всѣ признавали мать ребенка Марію де Молину законною женой Санчо; братъ Санчо, донъ Хуанъ, требовалъ престола себѣ; братъ Альфонса, инфантъ Генрихъ, освобожденный неаполитанскимъ королемъ, въ плѣну у котораго находился, и возвратившійся въ Испанію, требовалъ себѣ регенства; Альфонсо де ла Серда, жившій при французскомъ дворѣ, заявилъ свои права на кастильскій престолъ и пришелъ поддержать ихъ оружіемъ. Король арагонскій и фамиліи Лара и Гаро приняли его сторону. Король португальскій и эмиръ гранадскій начали войну, чтобы завладѣть сосѣдними частями кастильскаго королевства. Вмѣшался въ дѣло и папа, объявилъ, что бракъ Санчо съ матерью Фердинанда не былъ законнымъ, что поэтому Фердинандъ не имѣетъ права быть королемъ. Но Марія де Молина, женщина умная и твердая, съумѣла удержать престолъ за сыномъ. Она склонила на свою сторону инфанта Генриха, давъ ему участіе въ управленіи; съ храбрымъ королемъ португальскимъ Діонисіемъ она съумѣла примириться; успѣшно вела войну съ королемъ арагонскимъ, покровителемъ Альфонса де ла Серды; вельможи арагонскіе принудили его заключить миръ съ Кастиліей; папа согласился признать бракъ Маріи законнымъ и сына ея наслѣдникомъ

Фердинандъ IV 1295—1312.

отцовскаго престола. Она облегчила подати и пріобрѣла тѣмъ поддержку сейма. Когда Фердинаддъ IV самъ сталъ управлять государствомъ, междоусобіе возобновилось; но въ 1305 году споръ о престолонаслѣдіи былъ прекращенъ договоромъ, заключеннымъ въ Кампильіо. Фердинандъ далъ доходы и ленныя владѣнія Альфонсу де ла Серда; самъ Альфонсъ не захотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ и уѣхалъ во Францію, но его сынъ принялъ условія договора и сдѣлался испанскимъ вельможей; его потомки—герцоги Медина Сидонія. Междоусобія длились такъ много времени, что вельможи привыкли къ самоуправству и спокойствіе не могло скоро возстановиться; много виноватъ въ этомъ былъ самъ Фердинандъ IV, человѣкъ жестокій, возбуждавшій ненависть къ себѣ деспотическими поступками. Недовольство кастильскихъ вельможъ королемъ и ссоры ихъ между собою были главной причиной того, что не удался походъ, предпринятый Фердинандомъ вмѣстѣ съ королемъ арагонскимъ противъ эмира гранадскаго Мулея Назара, знаменитаго астронома. Фердинандъ досадовалъ за неудачу на своего дядю донъ Хуана, бывшаго главою недовольныхъ вельможъ, винилъ его передъ папой въ тайныхъ сношеніяхъ съ невѣрными, хотѣлъ судить его, но не дожилъ до конца процесса: однажды утромъ, вошедши въ комнату короля, увидѣли, что онъ лежитъ въ постели мертвый; умеръ ли онъ внезапной, но естественной смертью, или былъ убитъ, мы не знаемъ. Народная

молва говорила, что его смерть—судъ Божій: не задолго передъ тѣмъ онъ въ Валенсіи безъ всякаго суда велѣлъ казнить двухъ вельможъ, братьевъ Карвахалей; они сказали, что Богъ скоро призоветъ его на судъ свой. Наслѣдникъ Фердинанда, Альфонсъ XI, былъ двухлѣтній ребенокъ; донъ Хуанъ требовалъ себѣ регентства, но братъ Фердинанда донъ Педро самъ хотѣлъ быть регентомъ; вдовствующая королева Констансія поддерживала дона Педро; вспыхнуло междоусобіе; анархія владычествовала въ королевствѣ; города и городскія корпораціи защищались какъ могли, вельможи дѣлали, что хотѣли. Мать короля скоро умерла, поручивъ ребенка покровительству архіепископа авильскаго; бабушка короля Марія де Молина также хотѣла, чтобъ архіепископъ былъ воспитателемъ его. Но составился умыселъ отнять его у бабушки и архіепископа, и воспитатель спасъ его отъ похитителей только тѣмъ, что спряталъ въ своемъ каѳедральномъ соборѣ. Чтобы прекратить междоусобіе, было наконецъ рѣшено раздѣлить регентскую власть между инфантами, воевавшими изъ-за нея, и каждому изъ нихъ была отдана въ управленіе та часть государства, въ которой имѣли перевѣсъ его приверженцы,—дону Хуану сѣверозападная половина, дону Педро юговосточная. Регенты соединились теперь для войны съ эмиромъ гранадскимъ Измаиломъ, который низвергъ своего дядю Мулея Назара, союзника христіанъ. Измаилъ призвалъ на помощь себѣ мусульманъ изъ Феза и на рѣкѣ Хенилѣ нанесъ христіанскому войску пораженіе; оба регента лишились жизни въ этой битвѣ.

Альфонсъ XI 1312—1350.

1315.

1319.

Сарацины пошли въ Кастилію, стали опустошать ее, а между тѣмъ четыре инфанта воевали между собой изъ-за регентства. Сеймъ и королева Марія напрасно старались прекратить междоусобіе; оно длилось съ небольшими перерывами нѣсколько лѣтъ; въ 1324 году король, достигнувшій 15 лѣтняго возраста, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но и это не прекратило смутъ. Альфонсъ XI выросъ подъ впечатлѣніями интригъ и буйства и выказалъ себя человѣкомъ коварнымъ, жестокимъ. Сынъ донъ Хуана, бывшаго регента, называвшійся тоже донъ-Хуаномъ, возбуждалъ своей оппозиціей досаду въ Альфонсѣ; король заманилъ его къ себѣ въ Толедо и, пригласивъ къ обѣду, велѣлъ убить за столомъ. Убитый инфантъ былъ владѣтелемъ Бискаіи. Альфонсъ отнялъ это владѣніе у его семейства. Альфонсъ былъ обрученъ съ Констансіею, дочерью инфанта Хуана Эмануэля (племянника Альфонса X), но не захотѣлъ жениться на ней, разсудивъ, что выгоднѣе для него будетъ жениться на дочери короля португальскаго. Отецъ отвергнутой невѣсты взялся за оружіе, чтобъ отмстить за обиду. Кастильскіе вельможи присоединились къ нему; король арагонскій помогалъ инсургентамъ; война длилась нѣсколько лѣтъ. Альфонсъ велъ порочный образъ жизни, пренебрегалъ приличіями, обижалъ жену, португальскую принцессу, далъ своей любовницѣ Элеонорѣ Гусманъ такое почетное положеніе при дворѣ, какъ

1328.

будто она королева. Любимецъ короля, Гарсиласо де ла Вега былъ человѣкъ коварный и злой, убивалъ людей, наконецъ былъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ убитъ выведенными изъ терпѣнія вельможами. Два другіе вліятельные совѣтники короля, Осоріо и еврей Іосифъ, навлекли на себя ненависть народа грабительствомъ, и Альфонсъ, желая завладѣть ихъ богатствами, отдалъ ихъ на волю раздраженнымъ вельможамъ и народу. Осоріо былъ убитъ, а Іосифъ выгнанъ изъ королевства; ихъ сокровища достались королю. При такомъ характерѣ управленія Альфонса сарацины могли бы дѣлать завоеванія, если бы сами не парализовали своихъ силъ междоусобіями. Измаилъ велѣлъ отвести въ свой гаремъ плѣнную христіанку, очень красивую дѣвушку; одинъ изъ его родственниковъ, хотѣвшій взять ее въ свой гаремъ, убилъ его. Сынъ Измаила Мухаммедъ, молодой человѣкъ, отдалъ всю власть въ руки везиря Редвана; это возбудило зависть въ могущественномъ полководцѣ Османѣ, и сыновья Османа убили Мухаммеда, обвиняя его въ измѣнѣ мусульманству; но Редванъ съумѣлъ удержать въ рукахъ власть и возвелъ на престолъ Абу-ль-Хагіага, брата Мухаммеда. Абу-ль-Хагіагъ заключилъ миръ съ Кастиліей. Это дало Альфонсу время подавить мятежи. Въ собраніи басковъ подъ Гернікскимъ дубомъ онъ утвердилъ ихъ привилегіи и, склонивъ ихъ тѣмъ на свою сторону, сталъ покорять замки инсургентовъ, въ то же время велъ переговоры, убѣдилъ многихъ вельможъ положить оружіе. Бенедиктъ XII помогалъ королю своимъ посредничествомъ. Альфонсо де Гаро и нѣкоторые другіе мятежные вельможи были казнены. Король португальскій забылъ обиды, нанесенныя его дочери, получивъ отъ Альфонса обѣщаніе, что онъ будетъ поступать съ нею прилично ея сану, и война тестя съ зятемъ прекратилась. Около этого времени Абу-ль-Гассанъ приплылъ изъ Африки съ большимъ
1340. войскомъ и вмѣстѣ съ эмиромъ гранадскимъ осадилъ Тарифу. Но мусульмане потерпѣли, какъ мы уже говорили, страшное пораженіе у рѣки Саладо. Изъ громадной добычи, взятой христіанами, были посланы подарки папѣ въ благодарность за то, что онъ помогъ побѣдѣ, велѣвъ проповѣдовать крестовый походъ. Кастильцы рѣшили энергично вести наступательную войну противъ мусульманъ; сеймъ, собравшійся въ Бургосѣ, установилъ для покрытія издержекъ ея налогъ, называвшійся алькавалой. Онъ давно существовалъ у мусульманъ; это была пошлина съ продажи. Бургосскій сеймъ опредѣлилъ, что будетъ взиматься въ пошлину двадцатая часть продажной цѣны. Налогъ былъ установленъ только на время войны, но остался навсегда. Онъ былъ очень вреденъ торговлѣ. Наступательная война шла успѣшно. Въ 1344 году былъ взятъ Альхеспрасъ. Черезъ шесть
1350. лѣтъ послѣ того Альфонсъ при осадѣ Гибралтара умеръ отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда по всей Европѣ.

b) Арагонія и Каталонія.

Альфонсъ II, храбрый и талантливый государь, щедрый покровитель трубадуровъ, пріобрѣлъ отчасти по наслѣдству, отчасти силой оружія значительную часть южной Франціи; его владѣніе въ ней простиралось отъ Средиземнаго моря до Роны; онъ оттѣснилъ сарациновъ на югъ. По смерти его старшій сынъ, Петръ II, наслѣдовалъ Арагонію, Каталонію и Руссильіонъ, а графство прованское и остальныя владѣнія отца получилъ младшій сынъ, Альфонсъ. Мы уже говорили, что Петръ ѣздилъ въ Римъ, чтобы папа короновалъ его тамъ; вѣроятно онъ думалъ возвысить этимъ королевскій санъ въ мнѣніи народа. При коронованіи онъ объявилъ себя вассаломъ папы и обѣщался платить ему дань; для покрытія этихъ расходовъ онъ ввелъ новый налогъ съ имущества, называвшійся монедахе. Вельможи и города, раздраженные униженіемъ, какому подвергъ себя король, и новымъ налогомъ, заключили унію (союзъ) и заставили короля уменьшить размѣръ монедахе. Въ 1211 году Петръ одержалъ блистательную побѣду надъ сарацинами при Уведѣ, на толозской равнинѣ. Онъ вмѣшался въ альбигойскія войны, желая защитить своего родственника Ремона Тулузскаго и 13 сентября 1213 былъ убитъ въ сраженіи при Мюре́ (стр. 57). Онъ былъ человѣкъ громаднаго роста, необыкновенной силы, очень храбрый, славился щедростью, любилъ пышность, былъ поклонникъ женщинъ и знаменитый трубадуръ. Но его блестящія качества омрачались сладострастіемъ и фанатизмомъ. Онъ былъ холоденъ и суровъ къ своей женѣ, Маріи монпельерской, внукѣ императора Мануила. Сынъ Петра и Маріи, Іаковъ (Ханме) принужденъ былъ воевать съ своими дядями, старшій изъ которыхъ хотѣлъ отнять у него престолъ. Одолѣвъ ихъ, онъ повелъ арагонскихъ и каталонскихъ рыцарей на сарациновъ и воевалъ съ невѣрными такъ успѣшно, что получилъ названіе завоевателя. Въ первой войнѣ, длившейся четыре года, онъ покорилъ Майорку и другіе Балеарскіе острова, бывшіе пріютомъ морскихъ разбойниковъ, которые долго наводили ужасъ на всѣ прибрежья Средиземнаго моря. Каталонцы, чья торговля сильно страдала отъ этихъ пиратовъ, очень усердно помогали королю въ экспедиціи противъ нихъ; онъ наградилъ многихъ каталонскихъ вельможъ и рыцарей ленами на Балеарскихъ островахъ. Еще важнѣе было покореніе Валенсіи. Іаковъ пошелъ на нее съ большимъ войскомъ, въ которомъ находилось много рыцарей изъ южной Франціи и даже Англіи. Послѣ упорной обороны эмиръ валенсійскій Джомайль-ибнъ-Зеянъ 28 сентября 1238 принужденъ былъ сдать свою столицу. Сарацины или сами ушли или были прогнаны изъ города; ихъ дома и земли были отданы христіанамъ; въ городѣ по-

Альфонсъ II 1152—1196.

Петръ II 1196—1213.

1204.

Іаковъ 1213—1276.

1229—1233.

селились Каталонцы, сельскія имѣнья были розданы баронамъ и рыцарямъ. Вслѣдъ за городомъ Валенсіею были покорены крѣпость Хатива, стоящая на холмѣ въ очень плодородной мѣстности, городъ Денія и другіе города валенсійской области. Іаковъ поступилъ съ ними такъ же, какъ съ Валенсіей. Короли кастильскій и португальскій въ это время завоевали земли по Гвадіанѣ и Гвадальквивиру. Такимъ образомъ у мусульманъ осталось только царство гранадское. —Іаковъ былъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и даровитыхъ государей своего времени. Въ свое тридцати-шести-лѣтнее царствованіе онъ увеличилъ арагонское королевство значительными завоеваніями. Покоривъ Балеарскіе острова и Валенсію, онъ въ старости съ юношеской энергіей сражался противъ мурсійскихъ арабовъ, на помощь которымъ приплыли изъ Африки Мериниды. Говорятъ, что онъ побѣдилъ мавровъ въ тридцати сраженіяхъ. Храбрый воинъ, онъ былъ мудрый и гуманный правитель, поступалъ съ мусульманскими своими подданными кротко, оставлялъ имъ ихъ законы, не стѣснялъ ихъ богослуженія и не допускалъ папу вмѣшиваться въ политическія дѣла, хотя былъ усердный христіанинъ и, какъ говорятъ, построилъ 200 церквей въ завоеванныхъ областяхъ. По его порученію былъ составленъ первый сводъ арагонскихъ законовъ; онъ покровительствовалъ морской торговлѣ, далъ самоуправленіе Барселонѣ, ввелъ хорошій порядокъ въ управленіе королевствомъ валенсійскимъ. Онъ былъ также покровителемъ просвѣщенія и поэзіи; при его дворѣ жилъ Хорди Валенсійскій, у котораго заимствовалъ нѣкоторыя мѣста своихъ стихотвореній Петрарка. Но несчастная мысль раздѣлить государство между сыновьями имѣла печальныя послѣдствія для него и народа. Онъ нѣсколько разъ перемѣнялъ распредѣленіе областей между сыновьями, но каждый раздѣлъ производилъ новые мятежи ихъ. Старшій сынъ его, Альфонсъ, съ матерью котораго Элеонорою Кастильскою онъ развелся, умеръ раньше его. Изъ его сыновей отъ второй жены, Віоланты венгерской, одинъ умеръ очень рано; только поэтому раздробленіе государства нѣсколько уменьшилось, Арагонія, Каталонія и Валенсія остались соединены подъ властью Петра III; но всетаки отдѣлились отъ государства довольно большія владѣнія: Балеарскіе острова, Монпелье, Руссильіонъ, нѣкоторыя другія области; изъ нихъ было составлено особое королевство и отдано младшему брату Петра III, Іакову. Побочный братъ ихъ, Фернанъ Санчесъ, возмутился противъ отца и былъ по приказанію инфанта Петра (будущаго короля Петра III) утопленъ въ рѣкѣ Кникѣ; Іаковъ не только одобрилъ поступокъ Петра, но даже радовался смерти мятежнаго побочнаго сына.—Петръ III—тотъ арагонскій король, который овладѣлъ островомъ Сициліей. Данте превозноситъ его. Онъ велъ продолжительную войну съ французами, нападавшими на него. Эта война и оборона Сициліи требовали очень

Петръ III
1276—1285.

большихъ расходовъ, потому онъ установилъ обременительные налоги. Раздраженные угнетеніемъ, арагонцы возстали, и Петръ былъ принужденъ сдѣлать очень большія уступки требованіямъ народа; актъ, въ которомъ перечисляются права, признанныя королемъ за вельможами и городами, называется Сарагосской всеобщей привилегіей. Она была дана въ 1283 году. Преемникъ Петра Альфонсъ III, человѣкъ менѣе суроваго характера, въ 1287 году расширилъ сарагосскую привилегію новыми уступками уніи вельможъ. Королевская власть была до такой степени ограничена этими граматами, что арагонское государство стало походить на республику съ наслѣдственнымъ президентомъ. Король былъ обязанъ испрашивать согласія государственнаго сейма (кортесовъ) во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и, въ частности, не могъ безъ согласія кортесовъ объявлять войну, заключать миръ, издавать законы, установлять налоги; въ выборѣ своихъ совѣтниковъ, то есть министровъ онъ долженъ былъ руководиться мнѣніемъ кортесовъ. Было положительно опредѣлено, что «король не можетъ безъ приговора хустисіи (верховнаго судьи) и кортесовъ подвергать смерти или лишенію свободы или какому другому наказанію ни одного изъ членовъ уніи, а если онъ сдѣлаетъ это, унія имѣетъ право лишить престола его и всѣхъ его потомковъ, не становясь чрезъ то виновна въ невѣрности или въ противозаконіи». Альфонсъ умеръ бездѣтнымъ, ему наслѣдовалъ его братъ, Іаковъ II, бывшій до того времени королемъ сицилійскимъ, человѣкъ добродушный, получившій названіе справедливаго, миролюбивый, заботливый о благѣ народа. Онъ передалъ королевство сицилійское своему брату, Фридриху, получилъ отъ папы островъ Сардинію, который римская курія считала папскимъ леномъ и, послѣ долгой войны съ генуэзцами, овладѣлъ имъ. Какъ прежде многіе арагонскіе вельможи переселялись въ Сицилію, такъ теперь многіе переселились въ Сардинію. Походъ, предпринятый Іаковомъ II вмѣстѣ съ Фердинандомъ Кастильскимъ противъ мавровъ, былъ безуспѣшенъ. Чтобъ уменьшить могущество вельможъ, Іаковъ при содѣйствіи великаго юриста Мартинеса де Сэлановы увеличилъ судебную власть хустисіи, который получилъ теперь возможность обуздывать самоуправство могущественныхъ людей. Іаковъ покровительствовалъ духовенству и горожанамъ, въ которыхъ также искалъ опоры себѣ противъ вельможъ. Кортесы, собравшіеся въ 1319 въ Таррагонѣ, постановили законъ, объявлявшій королевства Арагонію и Валенсію и графство барселонское составляющими одно нераздѣльное государство, которое не можетъ быть раздробляемо ни завѣщаніемъ короля, ни дарственными актами его. Но королю было предоставлено право давать города во владѣніе своимъ сыновьямъ и родственникамъ. Короли часто пользовались этимъ правомъ въ такомъ широкомъ размѣрѣ, что возникали междоусобія. Балеарскіе острова были также объявлены леномъ королев-

Альфонсъ III 1285—1291.

Іаковъ II 1291—1327.

ства арагонскаго, который не можетъ быть сдѣланъ независимымъ отъ короля государствомъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ было постановлено, что Арагонія, Валенсія и графство барселонское сохраняютъ свои особые законы и своихъ особыхъ кортесовъ. Преемникъ Іакова, Альфонсъ IV, слишкомъ неосторожно воспользовался своимъ правомъ давать удѣлы; онъ далъ своей второй женѣ Элеонорѣ Кастильской и ея сыновьямъ такъ много городовъ въ Арагоніи, что они получили возможность вести войну противъ его преемника, Петра IV. Но этотъ даровитый и энергическій государь успѣлъ въ свое продолжительное царствованіе возстановить единство государства и подавить самовластіе вельможъ.

Альфонсъ IV. 1327—1336.

c) Португалія.

Альфонсъ I.

Альфонсъ Энрикесъ былъ обязанъ собственнымъ побѣдамъ своею королевскою короною, но по формѣ далъ ему санъ короля португальскаго папа. Въ благодарность за это Альфонсъ выказывалъ сыновнее уваженіе къ папѣ и далъ духовенству большія права, имѣнья и доходы. Онъ умеръ 6 декабря 1185 черезъ годъ послѣ блестящей побѣды при Сантаремѣ и былъ погребенъ въ основанномъ имъ монастырѣ Животворящаго Креста въ Коимбрѣ. Альфонсу наслѣдовалъ его сынъ Санчо, храбро помогавшій ему въ битвѣ при Сантаремѣ. Новый король полагалъ, что горожане будутъ болѣе твердой опорой королевской власти, чѣмъ папа, и, не покидая войну съ невѣрными въ Альгарвіи, онъ занялся возстановленіемъ разрушенныхъ или запустѣвшихъ городовъ, приглашалъ христіанъ селиться въ нихъ, давалъ поселенцамъ права, очень заботливо покровительствовалъ и возрожденію земледѣлія въ опустошенныхъ войной областяхъ, приглашалъ колонистовъ населять безлюдныя мѣстности, охранялъ права поселянъ такъ хорошо, что получилъ названіе Друга поселянъ; притязаніямъ папы и епископовъ портскаго и коимбрскаго онъ противился очень твердо. Могущественнаго прелата, который отлучилъ его отъ церкви, онъ бросилъ въ темницу. Но когда почувствовалъ приближеніе смерти, то выказалъ раскаяніе и примирился съ церковью. Сынъ его, Альфонсъ II Толстый, тоже твердо устранилъ вмѣшательство папы, который взялъ на себя роль судьи между нимъ и сестрами; отецъ назначилъ по завѣщанію дочерямъ обширныя владѣнія; онъ не хотѣлъ давать имъ такъ много. Это было причиной ссоры его съ сестрами. Легаты Иннокентія III отлучили его отъ церкви, но онъ пренебрегъ этимъ, и папа отмѣнилъ отлученіе, сталъ дружески склонять его къ примиренію съ сестрами; онъ примирился, отдавъ имъ часть завѣщанныхъ имѣній, но далеко не всѣ. Вскорѣ послѣ того нидерландскіе крестоносцы, плывшіе въ Палестину кругомъ Пиренейскаго полуострова, остановились въ Лиссабонѣ и при

Санчо I 1185—1211.

Альфонсъ II 1211—1223.

1216.

ихъ помощи Альфонсъ, одержавъ надъ мусульманами большую побѣду, взялъ крѣпость Алькасеръ до-Саль. Горожане сдались на капитуляцію, но онъ велѣлъ убить всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; остальное населеніе города прогналъ, а городъ отдалъ рыцарямъ ордена Сантіаго въ награду за храбрость, выказанную ими въ эту войну. При ссорѣ съ архіепископомъ брагскимъ Альфонсъ держалъ себя такъ же твердо, какъ прежде при ссорѣ съ Иннокентіемъ. Когда архіепископъ отлучилъ Альфонса отъ церкви и наложилъ интердиктъ на королевство, король прогналъ его изъ государства. Подобно отцу, онъ установлялъ хорошіе законы для огражденія свободы горожанъ, заботился о справедливости суда, о безопасности жизни и собственности подданныхъ. Онъ умеръ, не примирившись съ церковью, и на королевствѣ все еще лежалъ интердиктъ. Сынъ Альфонса, Санчо II, вступивъ на престолъ, пожелалъ избавить страну отъ интердикта и въ 1223 году, на собраніи кортесовъ въ Коимбрѣ, заключилъ съ церковью конкордатъ, по которому португальское духовенство получило большія права. Потомъ онъ пошелъ на мусульманъ, велъ съ ними войну нѣсколько лѣтъ, овладѣлъ Эльвасомъ, Мертолой, Тавирой и нѣкоторыми другими городами. Папа давалъ воинамъ, шедшимъ на эту войну, всѣ индульгенціи крестоносцевъ, и пока она длилась, оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Альфонсомъ. Но король сталъ противиться притязаніямъ португальскаго духовенства, желавшаго расширить свои права, потребовалъ, чтобъ оно по гражданскимъ дѣламъ подчинялось свѣтскому суду и чтобы вассалы епископскихъ каѳедръ ходили съ королемъ на войну. Изъ этого возникла ссора съ духовенствомъ, папа принялъ сторону духовенства. На ліонскій соборъ, на которомъ Иннокентій IV объявилъ Фридриха II низложеннымъ, пріѣхали архіепископъ брагскій, епископы портскій и коимбрскій и нѣкоторые вельможи, недовольные Санчо. Они выступили на соборѣ обвинителями короля, жаловались, что онъ отнялъ имѣнья у церкви, нарушаетъ законы, приводитъ этимъ государство въ разстройство, просили папу и соборъ низложить его, передать корону его брату Альфонсу, который былъ во враждѣ съ нимъ. Папа исполнилъ это желаніе. Санчо не могъ устоять противъ брата, опиравшагося на духовенство, бѣжалъ въ Толедо къ Фердинанду, королю кастильскому. Альфонсъ принялъ на себя управленіе государствомъ и далъ духовенству новыя права. Санчо жилъ въ Кастиліи, занимаясь подвигами благочестія, и умеръ въ январѣ 1248, черезъ два года по своемъ изгнаніи. У Санчо не было дѣтей, и Альфонсъ съ согласія кортесовъ принялъ королевскій титулъ. Пока длилось междоусобіе и потомъ пока былъ живъ изгнанный король, португальцы не нападали на мусульманъ. Но теперь власть Альфонса стала прочна, и онъ возобновилъ войну съ арабами. Обстоятельства благопріятствовали ему: короли кастильскій и арагонскій тоже напа-

Санчо II 1223—1245.

Альфонсъ III 1248—1279.

дали на мусульманъ, которые кромѣ того сами ослабляли себя междоусобіями. Альфонсъ быстро покорилъ всю Альгарвію, принялъ титулъ короля португальскаго и альгарвскаго. Онъ оставилъ мусульманамъ ихъ собственность, законы и вѣру, заботился о развитіи земледѣлія, приглашалъ христіанскихъ колонистовъ, отдавалъ имъ опустѣвшіе дома въ полуразрушенныхъ войною городахъ, строилъ новыя селенія, заботился о поддержаніи порядка въ завоеванной области. Благодаря всему этому, Альгарвія довольно скоро слилась съ прежними португальскими областями. Король кастильскій хотѣлъ, чтобъ она была леномъ его, но Альфонсъ съумѣлъ устранить это требованіе. Военные успѣхи возвысили въ Альфонсѣ чувство собственнаго достоинства, онъ жалѣлъ о томъ, что, отнявъ у брата управленіе государствомъ, сдѣлалъ большія уступки духовенству, при содѣйствіи котораго захватилъ власть. Онъ сталъ нарушать права, пріобрѣтенныя духовенствомъ; епископы роптали на то, что онъ беретъ церковныя имѣнья, отнимаетъ у церквей доходы, принуждаетъ духовенство подчиняться свѣтскому суду. Альфонсъ не слушалъ ихъ просьбъ; они обратились къ папѣ съ жалобой на него; Григорій IX отправилъ въ Лиссабонъ легатовъ требовать отъ короля уступокъ духовенству, угрожалъ ему отлученіемъ. Альфонсъ держалъ себя хитро, постоянно увѣрялъ папу въ своемъ уваженіи, обѣщался исполнить его требованія, не исполнялъ ихъ, но умѣлъ обманывать папу. Григорій IX умеръ; его преемники не имѣли досуга заниматься португальскими дѣлами; Альфонсъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ обманывать ихъ; наконецъ въ 1277 году онъ былъ отлученъ отъ церкви, но пренебрегъ этимъ. Португалія осталась спокойна. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ мы видимъ, что само по себѣ отлученіе было безсильно, и если по поводу отлученія возникали мятежи, то лишь потому, что они уже готовы были вспыхнуть, и папская булла объ отлученіи служила только благовиднымъ предлогомъ для нихъ. Передъ смертью Альфонсъ примирился съ церковью, поклялся исполнить обѣщанія, данныя на ліонскомъ соборѣ, получилъ отпущеніе грѣховъ.

Діонисій 1279—1325.

Онъ умеръ 16 февраля 1279. Его сынъ Діонисій, человѣкъ тоже умный и твердый, не спѣшилъ прекращеніемъ спора съ церковью. Португальское духовенство снова жаловалось папѣ на короля, который хочетъ уничтожить привилегіи церковныхъ владѣній, не платитъ десятины съ королевскихъ имѣній, облагаетъ тяжелыми податями церковныя имущества, лишаетъ епископовъ судебной власти, стѣсняетъ свободу выборовъ на церковныя должности, требуя, чтобы выбирали его кандидатовъ, ограничиваетъ право дарить и завѣщать имѣнья церквамъ. Десять лѣтъ Діонисій велъ борьбу съ духовенствомъ, не обращая вниманія на отлученіе отъ церкви и интердиктъ,

1289.

и когда наконецъ заключилъ съ папой конкордатъ для прекращенія споровъ, то черезъ нѣсколько времени нашелъ способъ рѣшить наи-

болѣе важный для духовенства вопросъ въ смыслѣ противоположномъ конкордату: по соглашенію съ кортесами, созванными въ Коимбрѣ въ 1291 году, онъ обнародовалъ законъ, воспрещавшій продавать, дарить или завѣщать церкви землю. Когда былъ уничтоженъ орденъ тампліэровъ, Діонисій не допустилъ папу воспользоваться его огромными владѣніями въ Португаліи, а взялъ ихъ въ свое распоряженіе и черезъ нѣсколько лѣтъ отдалъ ордену Христа, который учредилъ изъ бывшихъ тампліэровъ. Резиденціей новаго ордена былъ избранъ 1319.
замокъ Кастро-Маримъ (въ Альгарвіи); рыцари его оказали очень большія услуги развитію могущества Португаліи. Діонисій покровительствовалъ земледѣлію, торговлѣ, морскому дѣлу, давалъ самоуправленіе городамъ; всѣмъ этимъ онъ положилъ основаніе будущему величію своей родины.

---

3. Характеръ быта въ христіанскихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова.

Тревожный характеръ средневѣкового быта нигдѣ не выказывался 1. Духовенство.
такъ рѣзко, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ; нигдѣ рыцари не вели такой бродячей жизни, не происходило такого смѣшенія народностей. И къ мусульманамъ и къ христіанамъ постоянно шли подкрѣпленія, къ мусульманамъ изъ Африки, къ христіанамъ со всей западной Европы, и при всей противоположности религіи, при всей рѣзкости племеннаго различія христіанскаго населенія Испаніи отъ мусульманскаго, при всей ожесточенности войнъ между ними христіане и мусульмане вступали между собою въ тѣсныя сношенія, заключали военные союзы, роднились браками, мало по малу привыкали жить вмѣстѣ. Мы уже говорили, что войны христіанъ съ мусульманами произвели въ Испаніи своеобразныя романтическія понятія. Подъ владычествомъ фанатиковъ альмогадовъ, испанскіе арабы стали враждебнѣе прежняго христіанству; и христіане стали больше прежняго ненавидѣть мусульманъ подъ вліяніемъ фанатизма приходившихъ въ Испанію крестоносцевъ и новыхъ рыцарскихъ орденовъ; но въ сущности и у тѣхъ и у другихъ сохранились романтическія понятія, по которымъ слава была важнѣе вѣры, и храбрые воины обѣихъ религій уважали другъ друга. Войны съ мусульманами на Пиренейскомъ полуостровѣ были частью общей борьбы западной Европы съ исламомъ въ XII и XIII столѣтіяхъ, считались подобными крестовымъ походамъ въ Палестину и пользовались покровительствомъ папъ, дававшихъ испанскимъ бойцамъ за вѣру такія же индульгенціи, какъ крестонос-

цамъ. Возбуждая испанскихъ христіанъ сражаться съ маврами, руководя черезъ духовныхъ сановниковъ и рыцарскіе ордена этими походами, разжигая въ испанскихъ христіанахъ фанатизмъ, римская курія пріобрѣтала владычество надъ умственной жизнью испанскаго народа; власть папы и духовенства на Пиренейскомъ полуостровѣ росла. Короли португальскій и арагонскій называли себя вассалами папы, давали ему дань; правда, такъ поступали только безхарактерные короли, а умные и энергическіе не признавали себя вассалами папы. но римская курія не отказывалась отъ своихъ притязаній. Христіанскія династіи Пиренейскаго полуострова роднились между собою такими браками, для законности которыхъ нужна была диспенсація папы. Эти браки и разныя семейныя ссоры въ династіяхъ подавали папамъ случаи вмѣшиваться въ испанскія дѣла, доставляли предлоги отлучать отъ церкви непокорныхъ королей, печалить ихъ народы интердиктомъ, возмущать противъ нихъ вельможъ. Съ вліяніемъ папы на общественную жизнь возростало и могущество испанскаго духовенства. Каждая побѣда надъ сарацинами была торжествомъ церкви, каждое завоеваніе было пріобрѣтеніемъ для нея. Короли-завоеватели обращали мечети въ церкви и въ благодарность Богу за побѣды строили монастыри, давали имѣнья епископскимъ каѳедрамъ и знаменитымъ аббатствамъ. Компостельская церковь, въ которой находился гробъ апостола Іакова, аббатство Іоанна Предтечи въ арагонскомъ городѣ Пеньѣ и многія другія каѳедры и аббатства имѣли княжескія владѣнія и доходы, пользовались громаднымъ вліяніемъ на народъ; тамъ проповѣдовались крестовые походы, короли пріѣзжали туда давать обѣты и просить благословенія на войну съ невѣрными, рыцари приписывали свои побѣды надъ мусульманами молитвамъ духовенства. Оно стало богаче вельможъ и короля. Его имѣнья вообще были свободны отъ податей; епископы оспоривали у королей право требовать военной службы отъ ихъ вассаловъ, не хотѣли признавать подсудности духовенства по мірскимъ дѣламъ королевскимъ трибуналамъ; нѣкоторыя епископства и аббатства стали наслѣдственными въ сосѣднихъ вельможескихъ фамиліяхъ, нѣкоторые епископы назначали себѣ преемниковъ. Духовенство дѣйствовало на фантазію народа великолѣпіемъ богослуженія, процессіями, распространеніемъ молвы о чудесахъ, преслѣдовало всякое уклоненіе отъ установленныхъ церковью понятій и обычаевъ, пріучало народъ ненавидѣть еретиковъ. Во времена войнъ съ мусульманами развился у испанцевъ мрачный фанатизмъ, сдѣлавшійся чертою ихъ національности. Они преслѣдовали мусульманъ и евреевъ, какъ враговъ Христа, преслѣдовали и каждаго христіанина, уклоняющагося отъ понятій и обрядовъ господствующей церкви. Фердинандъ III, король кастильскій, собственной рукой зажегъ въ Паленсіи костеръ, на которомъ преданъ былъ сожженію еретикъ. Подъ страхомъ отлученія отъ церкви, было запре-

щено спорить о догматахъ вѣры, или читать библію на родномъ языкѣ. Испанцы были безпощадными преслѣдователями альбигойцевъ, и основатель доминиканскаго ордена, имѣвшаго своимъ предназначеніемъ истребленіе ересей, былъ испанецъ.

Мусульманскій югъ рѣзко отличался отъ христіанскаго сѣвера и 2. Дворянство.
характеромъ общественнаго быта, какъ религіей. Въ многолюдныхъ городахъ мусульманской Андалузіи развились торговля, промышленность, искусство, наука; въ долинѣ Гвадальквивира, по южному приморью и по склонамъ горъ мусульмане усердно занимались земледѣліемъ; между нивъ и садовъ было разсѣяно безчисленное множество селеній и загородныхъ домовъ, свидѣтельствовавшихъ о трудолюбіи и благосостояніи свободнаго земледѣлія; а горы Кастиліи и Арагона были усѣяны замками, около которыхъ жили подданные господъ; поселяне тамъ воздѣлывали землю, давая оброкъ своему владѣльцу или отправляя барщинную повинность, и жили въ угнетеніи, въ бѣдности. Промышленность, торговля и благосостояніе были только въ приморскихъ городахъ Каталоніи. Масса дворянства группировалась около старинныхъ фамилій, происходившихъ отъ знатныхъ людей, которые при нашествіи арабовъ ушли въ сѣверныя горы, отразили нападенія мусульманъ и стали отнимать у нихъ область за областью. Число этихъ фамилій было невелико. Въ Арагонѣ было ихъ по народному преданію только двѣнадцать. Онѣ были горды своею военной славой и тѣмъ, что владѣютъ своими землями по собственному праву, а не по пожалованію отъ короля, не были подвластны никакому суду, кромѣ своего собственнаго суда равныхъ, имѣли очень высокія почетныя права, признавали короля только первымъ между равными, ходили подъ его знаменемъ на войну съ невѣрными, уважали его, какъ наслѣдственнаго военачальника и верховнаго судью, но всегда были готовы защищать свои права противъ него и часто съ нимъ воевали. Въ Кастиліи вельможи пріобрѣли себѣ право низлагать короля и выбирать другого на его мѣсто. Могущественнѣйшими вельможескими фамиліями тамъ были Лары и Кастро. Въ Арагонѣ вельможи назывались Ricoshombres «богатыми людьми». Впослѣдствіи, получивъ отъ короля въ прибавокъ къ своему родовому владѣнію ленное, называвшееся «почестью», honos, богатый человѣкъ принималъ титулъ барона или нобля (знатнаго). Эти воинственные аристократы нерѣдко рѣшали судьбу государства, низвергали короля, возводили на престолъ другого. Когда христіанскія государства расширились, короли, опасаясь старыхъ вельможескихъ фамилій, старались ослабить ихъ, создавая имъ соперниковъ: давали равныя съ ними права своимъ вассаламъ, награждали въ завоеванныхъ областяхъ имѣньями иноземныхъ рыцарей, пріѣзжавшихъ на войну съ невѣрными, и предоставляли имъ права испанскихъ вельможъ (изъ этого возникло въ Арагонѣ раздѣленіе аристократіи на ricoshombres

de naturalezza и ricoshombres de mesnada). При завоеваніи Валенсіи, Мурсіи, Новой Кастиліи испанцами цвѣтущія селенія трудолюбивыхъ арабовъ замѣнились вельможескими и рыцарскими имѣньями, владѣльцы которыхъ занимались только войною, пренебрегали сельскимъ хозяйствомъ. Устройство христіанскихъ государствъ было рыцарское, дворянство образовало замкнутую корпорацію, вельможи считали себя равными королю, служили ему лишь за награды ленами. Въ Арагонѣ вельможи часто заключали между собою союзы (уніи) для борьбы съ королемъ. Слѣдующую степень рыцарской іерархіи занимали гидальго. Къ этому сословію низшаго дворянства принадлежали инфансоны (благородные землевладѣльцы, свободные отъ податей), кавальеро (вассалы вельможъ) и всѣ люди свободныхъ фамилій городского и сельскаго населенія. Въ приморскихъ городахъ съ давняго времени возникло зажиточное сословіе торговцевъ, моряковъ и промышленниковъ, пользовавшееся правами близкими къ тѣмъ, какія имѣло дворянство.

3. Правительственное и судебное устройство.

Но хотя въ христіанскихъ государствахъ Испаніи преобладающее могущество принадлежало духовенству и дворянству, хотя войны съ маврами были тамъ владычествующимъ мотивомъ исторической жизни, въ этихъ государствахъ развились свободныя учрежденія; энергія, порожденная и поддерживаемая непрерывной войной, произвела законы и учрежденія, достойныя храбрыхъ людей, дорожащихъ своей свободою. Мы говорили, что области, города и корпораціи, изъ которыхъ мало по малу слагались христіанскія государства Испаніи, съ давняго времени получали фуэросы, граматы, по которымъ предоставлялось имъ самоуправленіе; на основаніи фуэросовъ устроились и государственныя учрежденія. Эти права областей, городовъ и корпорацій лежали въ основаніи правительственнаго и судебнаго устройства государствъ, опредѣляли отношенія правительства къ населенію страны. Этотъ порядокъ дѣлъ, о возникновеніи котораго мы говорили въ обзорѣ предыдущаго времени испанской исторіи, продолжалъ и теперь развиваться въ томъ же направленіи; разнообразіе мѣстныхъ и городскихъ правъ увеличивалось соразмѣрно расширенію государствъ. Вельможи при пожалованіи новыхъ леновъ, новыя епископскія каѳедры, новыя аббатства, основываемые въ завоеванныхъ областяхъ города и селенія получали граматы, опредѣлявшія права и обязанности ихъ. Черезъ нѣсколько времени короли и кортесы стали дѣлать своды фуэросовъ и юридическихъ обычаевъ (обсервансій). Эти своды послужили прочной основой свободному государственному устройству средневѣковой Испаніи.

4. Хустисія.

Очень замѣчательной особенностью государственнаго устройства Арагоніи была широкая власть верховнаго судьи, называвшагося хустисіей. Арагонское государство состояло изъ трехъ королевствъ, населеніе которыхъ принадлежало къ тремъ разнымъ племенамъ.

Собственно арагонцы были гордые, суровые воины; каталонцы отличались трудолюбіемъ, предпріимчивостью, любовью къ торговлѣ и мореходству; многіе изъ нихъ вели бродячую жизнь, находились на морской или сухопутной военной службѣ въ чужихъ земляхъ; у жителей Валенсіи была арабская пылкость характера; соединеніе этихъ племенъ въ одно государственное цѣлое произвело очень своеобразный государственный бытъ; арагонцы, гордившіеся чистотою своей крови, имѣли сильную привязанность къ своей старой свободѣ, и для ея охраненія съ очень ранняго времени возникла въ Арагонѣ должность хустисіи, обязанностью котораго было охранять законный порядокъ отъ всякаго нарушенія. Въ Испаніи, какъ и во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ король былъ верховнымъ судьею, но его судебная власть была съ самыхъ раннихъ временъ ограничена фуэросами, обычнымъ правомъ и въ особенности наслѣдственными правами «вельможъ по рожденію» ricoshombres de naturalezza. Король арагонскій передавалъ исполненіе своей обязанности верховнаго судьи особому сановнику, какъ франкскіе и нѣмецкіе короли передавали свою судебную власть пфальцграфу. Но арагонскій король былъ обязанъ уважать фуэросы, обычное право и права вельможъ по рожденію, потому представитель его судебной власти, хустисія, имѣлъ одной изъ своихъ обязанностей разсматривать, не подвергаются ли законы и привилегіи нарушенію. Изъ этого произошло, что хустисія, уполномоченный короля, сдѣлался охранителемъ законовъ; на его судъ были отданы споры между сословіями и споры между королемъ и подданными. Онъ имѣлъ право требовать къ своему суду каждаго королевскаго сановника по обвиненію въ нарушеніи законныхъ правъ сословій. Хустисію сравнивали съ спартанскими эфорами и съ римскими трибунами; дѣйствительно ему принадлежали нѣкоторыя права этихъ сановниковъ, или нѣтъ, но существенно разнился отъ нихъ онъ тѣмъ, что никогда не имѣлъ политической власти, былъ исключительно судья. Онъ находился подъ контролемъ совѣта, членовъ котораго назначали король и кортесы. Въ 1265 году кортесы, совѣщавшіеся въ Эхеѣ, постановили, что хустисія долженъ быть назначаемъ не изъ сословія вельможъ, а изъ рыцарей, потому что вельможи не могли быть наказываемы смертью за преступленія, а хустисія долженъ быть удерживаемъ отъ превышенія власти страхомъ смертной казни. Въ Кастиліи не существовало должности хустисіи, потому это королевство болѣе Арагона страдало отъ мятежей, вельможи и духовенство были могущественнѣе, и фуэросы не пользовались такою неприкосновенностью, какую имѣли въ Арагонѣ, благодаря существованію хустисіи, охранявшаго законный порядокъ.

5. Кортесы.

Высшими органами политической жизни испанскихъ королевствъ были сеймы, называвшіеся у испанцевъ кортесами. Въ королевствѣ вестготскомъ церковныя и мірскія дѣла были рѣшаемы

такъ называемыми соборами, въ которыхъ участвовали вмѣстѣ съ духовными сановниками вельможи. Когда возникли новыя испанскія королевства, церковь ужь имѣла прочную организацію. Ея сановники не захотѣли отдавать своихъ дѣлъ на рѣшеніе вельможъ, продолжали совѣщаться въ своихъ особыхъ собраніяхъ, называвшихся синодами. Такимъ образомъ, государственный сеймъ получилъ характеръ по преимуществу мірской; но въ сеймѣ засѣдали вмѣстѣ съ вельможами и депутатами городовъ епископы, аббаты, гросмейстеры рыцарскихъ орденовъ, потому что они были владѣльцами обширныхъ имѣній. По феодальному характеру испанскихъ королевствъ, кортесы, то есть государственные сеймы и сеймы областные состояли сначала только изъ духовныхъ сановниковъ, вельможъ и низшаго дворянства; но когда были завоеваны обширныя области, въ которыхъ находились многолюдные богатые города, когда горожане были сравнены въ правахъ съ гидальго, а города получили фуэросы, дававшіе имъ самоуправленіе, то сословіе горожанъ пріобрѣло политическую силу, и въ XIII вѣкѣ депутаты городовъ уже засѣдали въ кортесахъ, участвовали въ совѣщаніяхъ духовенства и дворянства о законахъ, налогахъ, военныхъ дѣлахъ. При Петрѣ III, по сарагосской всеобщей привилегіи, которая была вытребована уніей вельможъ, арагонскіе кортесы получили подтвержденіе всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и большое участіе въ управленіи государствомъ. Кортесами назывался сеймъ, созванный королемъ. Если сеймъ собрался не по приглашенію короля, а по волѣ вельможъ и народа, то онъ назывался парламентомъ, parlamento.

6. Торговля и умственная жизнь.

Каталонскими кортесами было разработано торговое право, имѣвшее очень большую важность для этой страны, населеніе которой дѣятельно занималось промышленностью и вело обширную торговлю.

Въ XIII вѣкѣ въ Барселонѣ были учреждены торговые суды, а въ важнѣйшихъ приморскихъ торговыхъ городахъ—консульства для защиты арагонскихъ торговцевъ и моряковъ. Примѣру Барселоны скоро послѣдовали Валенсія и другіе большіе города: торговые законы ихъ были собраны и послужили основаніемъ для общаго кодекса по дѣламъ торговли и мореходства. Этотъ каталонскій кодексъ былъ принятъ въ торговыхъ городахъ по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Папы запрещали сношенія съ невѣрными; многіе мусульманскіе государи не пускали христіанскихъ купцовъ въ свои гавани, морскіе разбойники очень много вредили торговлѣ; но не смотря на всѣ эти затрудненія, каталонцы вели большую торговлю съ южнымъ и восточнымъ берегами Средиземнаго моря, въ особенности съ Тунисомъ, Александріей, Константинополемъ и Кипромъ; они вывозили оттуда пряности, шелкъ, сахаръ, другіе восточные товары, привозили туда желѣзо, строевой лѣсъ, хлѣбъ, оружіе, другія произведенія своей страны; они также вели большую торговлю съ Италіей, Сициліей, Нарбонной, Монпелье, Нимомъ, Марселью; въ XIV вѣкѣ мы находимъ ихъ ведущими очень дѣятельную торговлю съ нидерландскими городами Ипромъ, Гентомъ, Брюгге и съ Англіей. Они привозили на западъ восточные товары и из-

дѣлія своей промышленности, имѣвшей большіе размѣры; особенно много выдѣлывали они шерстяныхъ и льняныхъ тканей, кожаныхъ вещей, металлическихъ товаровъ, корабельныхъ принадлежностей; выдѣлывали и много жернововъ.

У испанскихъ христіанъ владычествовало воинственное направленіе мыслей, потому понятно само собою, что образованность и искусство не достигало у нихъ такого высокаго развитія, какъ у испанскихъ арабовъ; но каталонцы и арагонцы всетаки дѣятельно участвовали въ провансальской поэзіи; трубадуры были радушно принимаемы при дворахъ испанскихъ королей и въ замкахъ многихъ вельможъ; многіе изъ арагонскихъ королей и вельможъ сами были трубадурами (тровадорами). Ученая дѣятельность въ Испаніи долго оставалась слаба. Подобно спартанцамъ и римлянамъ, арагонцы цѣнили военную и политическую дѣятельность больше, чѣмъ искусство, науку, изящество. Какъ спартанцы и римляне, они любили простой суровый образъ жизни, подготовлявшій къ перенесенію военныхъ трудовъ. Любви къ изящнымъ наслажденіямъ у нихъ почти совершенно не было. Но они гордились подвигами своихъ предковъ, защищали свои старыя права; дѣды пересказывали внукамъ славныя преданія старины и внушали имъ любовь къ старымъ свободнымъ учрежденіямъ. Самобытной поэзіи у арагонцевъ не было, но, подобно римлянамъ, они усердно разработывали юриспруденцію и любили родную исторію. У нихъ издавна были великіе политическіе дѣятели и юристы. Земледѣліемъ и промышленностью они мало занимались; вся ихъ энергія была направлена на войну и на устройство законнаго порядка, ограждающаго свободу.

B. ИСТОРІЯ АНГЛІИ.

1. Потомки Вильгельма Завоевателя.

а) Англія при сыновьяхъ Вильгельма Завоевателя.

Раздѣлъ государства.

Деспотическая ленная монархія, которую Вильгельмъ основалъ желѣзною рукою въ Англіи, и съ устройствомъ которой мы ознакомились въ V томѣ (стран. 712—717), была при его смерти уже такъ прочна, что завѣщаніе, которымъ онъ раздѣлилъ владѣнія между сыновьями, было исполнено въ Англіи безъ сопротивленія. Старшему сыну, Роберу, онъ отдалъ Нормандію, второму, Вильгельму Рыжему, Англію, а младшему, Генриху, нѣсколько замковъ и леновъ. Бароны герцогства норманскаго, имѣвшіе лены и въ герцогствѣ и въ Англіи, опасались потери для себя отъ раздѣла государства, составляли заговоры и поднимали возстанія, чтобы не допустить отдѣленія Англіи отъ Нормандіи, доставить и въ королевствѣ англій-

скомъ власть Роберу, человѣку легкомысленному и блестящему рыцарю, котораго предпочитали они энергическому, хитрому и суровому Вильгельму Рыжему. Но они потерпѣли неудачу, благодаря усердію Ланфранка, архіепископа кентерберійскаго (V, 707), бывшаго воспитателемъ Вильгельма; онъ черезъ восемнадцать дней по смерти отца былъ коронованъ въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ, и богатая казна, поступившая въ его распоряженіе, дала ему средства пріобрѣсти много приверженцевъ. Покоренное населеніе Англіи не имѣло интереса, чтобы она ставалась соединена съ Нормандіей и, получивъ отъ Вильгельма обѣщаніе отмѣнить несправедливыя подати, отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ правъ охоты, имѣвшихъ такой громадный размѣръ при Вильгельмѣ Завоевателѣ, англосаксы стали вѣрными подданными Вильгельма Рыжаго. Потому-то замыселъ норманскихъ бароновъ и не удался. Младшій братъ Вильгельма Рыжаго, присоединившійся къ заговорщикамъ, примирился съ королемъ, и безхарактерный Роберъ покорился необходимости.

Вильгельмъ Рыжій. 1087—1100.

Черезъ нѣсколько времени (24 мая 1089 г.) умеръ Ланфранкъ, которому Вильгельмъ Рыжій былъ въ значительной степени обязанъ упроченіемъ своей власти. Онъ былъ благоразумный совѣтникъ, умѣвшій сдерживать крутой характеръ своего бывшаго воспитанника; результаты его смерти скоро выказались. Довѣреннымъ совѣтникомъ короля сталъ Ренуфъ Фламбаръ, который, какъ говорятъ, льстилъ дурнымъ склонностямъ короля для удовлетворенія своему корыстолюбію. Виноватъ-ли былъ въ этомъ Фламбаръ или нѣтъ, но вскорѣ по смерти Ланфранка оба брата короля соединились со многими норманскими вельможами на новую борьбу противъ него. Богатый руанскій гражданинъ Конанъ, хотѣвшій измѣною сдать свой родной городъ Вильгельму Рыжему, былъ схваченъ; Генрихъ выбросилъ его изъ окна своего дворца въ Сену, потомъ его тѣло привязали къ хвосту лошади и волочили по городу и окрестностямъ. Но въ слѣдующемъ (1091 году) Вильгельмъ приплылъ въ Нормандію, подкупилъ деньгами и землями могущественнѣйшихъ вельможъ и склонилъ Робера къ миру. Генрихъ, покинутый всѣми, удалился въ Вексенскую область и нѣсколько лѣтъ жилъ тамъ въ нищетѣ. Вѣрны ему оставались только три человѣка: священникъ, рыцарь и оруженосецъ, уѣхавшіе съ нимъ. Въ эти бѣдственные годы онъ привыкъ владѣть своими страстями. Роберъ держалъ себя такъ безхарактерно и легкомысленно, что утратилъ довѣріе нормандцевъ.

Подавленіе мятежа. 1090.

Пользуясь междоусобіемъ сыновей Вильгельма Завоевателя, король шотландскій Малькольмъ Канморъ сдѣлалъ набѣгъ на пограничныя англійскія области. Вильгельмъ Рыжій пошелъ на него, но предпочелъ войнѣ мирную развязку дѣла: далъ Малькольму двѣнадцать леновъ въ Англіи и озаботился защитить границу поселеніемъ во-

Войны съ шотландцами.

оруженныхъ людей въ опустѣвшей сѣверной части Англіи; онъ возстановилъ раззоренный датчанами городъ Карлейль, обвелъ его стѣной, построилъ въ немъ замокъ и назначилъ охранителемъ границы надежнаго вассала, Ренуфа де Мешина, пригласилъ изъ другихъ англійскихъ областей земледѣльцевъ переселяться на сѣверъ, раздавая имъ земли. Такимъ образомъ Комберлэндъ сдѣлался англійской областью. Шотландскій король, считавшій это графство своимъ, сталъ возражать противъ самовластныхъ распоряженій Вильгельма; англійскій король приглашаетъ его пріѣхать въ Глосстеръ для мирнаго разрѣшенія спора; онъ не поѣхалъ, собралъ войско, напалъ на Англію, дошелъ до Альнвика, но попалъ въ засаду, устроенную графомъ портомберлэндскимъ и былъ убитъ; погибъ тутъ и его сынъ, Эдуардъ (въ ноябрѣ 1093 года); жена Малькольма, англосаксонская княжна Маргарета умерла отъ печали. Въ Шотландіи начались междоусобія и длились много лѣтъ. Наконецъ третій сынъ Малькольма, Эдгаръ, сдѣлавшись королемъ, заключилъ миръ съ Вильгельмомъ Рыжимъ.

Колонизація шотландской границы, 1091—1093.

Англійскій король оградилъ западную границу своего государства тѣмъ же способомъ, какъ сѣверную. Въ 1095 году онъ пошелъ покорить Уэльзъ, но убѣдился, что эту горную страну нельзя завоевать побѣдами; потому разсудилъ защитить свои пограничныя области отъ набѣговъ уэльзскихъ горцевъ пограничной стражей; роздалъ норманскимъ рыцарямъ земли отъ южнаго конца графства монтскаго до окрестностей Честера; они построили рядъ замковъ въ графствахъ герифордскомъ, монтгомерійскомъ, шропширскомъ и на островѣ Энгельси и стали вести партизанскую войну съ жителями Уэльза; мало по малу набѣги замѣнились договорами, дружба упрочилась браками; такимъ образомъ было подготовлено присоединеніе Уэльза къ англійскому королевству; жители Уэльза были менѣе враждебны норманамъ, чѣмъ англосаксамъ. Мы уже говорили, съ какимъ сочувствіемъ смотрѣли они на покореніе Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ (стр. 368).

Колонизація уэльзской границы.

Материковая Европа была въ это время охвачена сильнымъ религіознымъ движеніемъ, породившимъ первый крестовый походъ. Мы говорили, что братъ Вильгельма Роберъ пошелъ съ многими норманскими вельможами въ святую землю и, чтобы достать денегъ на эту экспедицію, заложилъ Вильгельму на три года герцогство норманское за 10.000 марокъ серебра (VI, 512). Вильгельмъ не поддался энтузіазму; онъ думалъ только о своей выгодѣ и нашелъ обстоятельства удобными для того, чтобы отнять у церкви нѣкоторые доходы. Вниманіе римской куріи было занято дѣлами святой земли; кромѣ того Урбанъ II спорилъ за папскій престолъ съ антипапой Климентомъ III (VI, 335). Вильгельмъ Рыжій не признавалъ папою ни Климента, ни Урбана, и десять лѣтъ англійская церковь оставалась лишена опоры, какую давало папское правительство духовенству противъ государей; пользуясь этимъ, Вильгельмъ оставлялъ незамѣщенными вакантныя епископства и аббатства и бралъ ихъ доходы въ свою казну. Онъ долго оставлялъ незамѣщенной даже каѳедру архіепископства кентербе-

Отношенія Вильгельма Рыжаго къ церкви.

рійскаго по смерти Ланфранка и тратилъ ея богатые доходы на свои пиры и развратъ. Въ 1093 году онъ опасно занемогъ, духовенство воспользовалось его боязнью смерти, склонило его къ раскаянію, и онъ назначилъ архіепископомъ кентерберійскимъ знаменитаго ученаго Ансельма, аббата бекскаго, ученика Ланфранка (VI, 561). Но раскаяніе скоро прошло; выздоровѣвъ, Вильгельмъ сталъ по прежнему развратенъ, алченъ и суровъ. Ансельмъ довольно долго отказывался принять архіепископскій санъ, предвидя тяжелыя столкновенія съ самовластнымъ и безстыднымъ Вильгельмомъ. Онъ не ошибся въ этомъ опасеніи. Онъ хотѣлъ, чтобъ англійская церковь признала папою Урбана II и чтобы права духовенства были возстановлены; король подвергъ его за это гоненію, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Англіи, уѣхалъ во Францію, оттуда въ Италію; король, пользуясь его отсутствіемъ, бралъ доходы архіепископства въ свою казну, истощенную займомъ, даннымъ Роберу, и раздавалъ по своему произволу вакантныя церковныя должности. Вильгельмъ велъ много войнъ на Сенѣ съ французами и мятежными норманскими баронами для охраненія или расширенія своихъ владѣній; велъ войну въ Англіи съ графомъ Робертомъ нортомберлэндскимъ и другими могущественными вельможами, составившими обширный заговоръ; это истощало его казну, разжигало его алчность и свирѣпость; многихъ изъ побѣжденныхъ мятежниковъ онъ казнилъ, другихъ бросилъ въ темницы на всю жизнь, имѣнья ихъ конфисковалъ.

Смерть Вильгельма II.

Ужасъ владычествовалъ въ Англіи, когда вдругъ разнеслась вѣсть, что Вильгельмъ Рыжій 2 августа 1100 года убитъ стрѣлой на охотѣ въ Ньюфорестской рощѣ, которую такъ расширилъ Вильгельмъ Завоеватель, отнявъ земли у владѣльцевъ той области. Случайно ли попала въ него стрѣла или была направлена преднамѣренно, осталось неизвѣстно. О смерти его не было сожалѣнія, потому что объ немъ нельзя было сказать ничего хорошаго кромѣ того, что онъ былъ храбръ и щедръ къ своимъ любимцамъ. Но храбрость была общимъ качествомъ знатныхъ людей того времени, а щедрость Вильгельма Рыжаго была раззорительна для государства, и любимцы, пользовавшіеся ею, были ненавистные всѣмъ прислужники его произвола. Онъ былъ человѣкъ алчный и порочный, дворецъ его былъ притономъ пьянства и разврата; общество его составляли продажныя женщины и раболѣпные слуги его распутства.

Генрихъ I. 1100—1135.

Услышавъ, что «Рыжій застрѣленъ въ числѣ другой дичи», Генрихъ, одинъ изъ участвовавшихъ въ этой охотѣ, тотчасъ отправился въ Уинчестеръ; Гильомъ Бретёль горячо защищалъ права отсутвующаго Робера, но бароны признали королемъ Генриха. Вильгельмъ Завоеватель самъ показалъ имъ примѣръ нарушенія правъ первородства, отдавъ англійскій престолъ своему второму сыну. Генрихъ не позаботился даже похоронить брата приличнымъ образомъ; нѣсколько монаховъ, горожанъ и нищихъ проводили умершаго короля въ могилу, а Генрихъ въ это время короновался въ Уэстминстерѣ (5 августа 1100). Онъ награждалъ за усердіе къ нему богатыми подарками, обѣщалъ соблюдать законы короля Эдуарда, то есть старые англосаксонскіе законы, отмѣнить злоупотребленія власти;

это доставило ему много приверженцевъ; Роберъ, возвращавшійся теперь изъ крестоваго похода и пировавшій въ Апуліи у отца своей новой жены, родственника норманской династіи Робера Гискара, потому родственника и династіи Вильгельма Завоевателя, давно уже выказалъ себя человѣкомъ такимъ легкомысленнымъ, что разсудительные люди не могли не предпочитать ему Генриха.

Начало правленія Генриха.

Новый король не сдержалъ своихъ обѣщаній, часто нарушалъ законы, подобно своимъ предшественникамъ, и въ частности очень обременялъ народъ, захватывая лѣса для охоты, запрещая истреблять дикихъ животныхъ, надобныхъ ему для этого развлеченія; очень злоупотреблялъ онъ и принадлежащимъ ему, какъ ленному господину, правомъ опеки надъ малолѣтними дѣтьми умершихъ вассаловъ, отдавалъ дочерей-наслѣдницъ насильно за своихъ любимцевъ; но въ первое время своего правленія дѣлалъ и благоразумныя, справедливыя распоряженія: дозволилъ Ансельму возвратиться на кентерберійскую каѳедру; замѣстилъ вакантныя епископскія и аббатскія должности; наказалъ за дурные совѣты Вильгельму Ренуфа Фламбарта, отнялъ у него епископство доргэмское и посадилъ его въ темницу (впрочемъ онъ скоро бѣжалъ изъ-подъ стражи и уѣхалъ въ Нормандію); въ особенности понравилось англосаксамъ то, что Генрихъ женился на Матильдѣ, племянницѣ Эдгара Этелинга; этотъ бракъ былъ примиреніемъ новой династіи съ прежней и кромѣ того примиреніемъ Англіи съ Шотландіей, потому что Матильда была дочь Маргареты, сестры Эдгара, жены Малькольма Конмора. Англосаксонскіе барды прославляли любовь, соединившую Генриха съ Матильдой; норманны смѣялись надъ нѣжными чувствами новобрачныхъ.

Робертъ заявляетъ свои права. 1101.

Вскорѣ послѣ коронаціи Генрихъ былъ испуганъ извѣстіемъ, что Роберъ съ сокровищами, полученными въ приданое жены, пріѣхалъ въ Нормандію. Роберъ прославился геройствомъ во всѣхъ битвахъ крестоваго похода; его блестящая храбрость, рыцарская любезность и щедрость привлекли къ нему очень многихъ рыцарей герцогства норманскаго; это возбудило въ немъ надежду овладѣть англійскимъ престоломъ. Онъ приплылъ въ Англію и пошелъ войной на Генриха, но у него не доставало постоянства въ мысляхъ и твердости воли; онъ роздалъ свои сокровища и по обыкновенію нуждался въ деньгахъ. Потому послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ согласился отречься отъ англійскаго престола за 3000 марокъ серебра, которыя обѣщался Генрихъ ежегодно платить ему; заключивъ миръ, онъ возвратился въ Нормандію и отдалъ своихъ англійскихъ приверженцевъ на произволъ мщенію Генриха. Король бросилъ многихъ вельможъ въ темницы, конфисковалъ ихъ имѣнья. Роберъ пріѣхалъ въ Англію требовать прощенія своимъ друзьямъ. Генрихъ отвѣчалъ ему, что онъ вступается за мятежниковъ, и употреблялъ выраженія, показывавшія, что въ случаѣ надобности онъ арестуетъ защитника

бунтовщиковъ. Роберъ испугался и, чтобы выбраться изъ Англіи, отказался отъ дани, которую обязался платить ему Генрихъ: съ рыцарской любезностью онъ подарилъ королевѣ свое право на полученіе этихъ денегъ. Роберъ Белемъ, могущественнѣйшій и упорнѣйшій изъ противниковъ Генриха, человѣкъ свирѣпый, о злодѣйствахъ котораго долго сохранялись легенды въ англійскомъ народѣ, былъ принужденъ бѣжать изъ Англіи; король отнялъ у него всѣ замки. Пріѣхавъ къ Роберу, онъ побудилъ его возобновить войну съ братомъ. Около этого времени Сибилла, жена Робера, умерла. (Говорятъ она была отравлена знатной норманской дамой, надѣявшейся занять ея мѣсто). По смерти Сибиллы, прекратилась присылка денегъ Роберу изъ Апуліи; онъ принужденъ былъ, какъ нищій, просить пособія у норманскихъ городовъ; число его приверженцевъ стало быстро уменьшаться. Генрихъ сталъ одерживать успѣхи въ самой Нормандіи, бралъ нѣкоторые города и замки, другіе добровольно признавали его власть. Видно было, что онъ скоро отниметъ у Робера всю Нормандію. Онъ предлагалъ отдавать Роберу половину доходовъ герцогства за отказъ отъ власти; но безразсудный Роберъ, окруженный измѣнниками, надѣялся побѣдить. Въ тотъ день, когда за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ была одержана Вильгельмомъ Завоевателемъ побѣда при Гастингсѣ, сыновья его сразились при Теншбре. Король побѣдилъ; много воиновъ Робера было убито, 400 рыцарей его было взято въ плѣнъ; изъ вельможъ, сражавшихся за него, спасся бѣгствомъ Робертъ Белемъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились Эдгаръ Этелингъ и самъ Роберъ. Послѣдній потомокъ англосаксонской династіи, Эдгаръ получилъ свободу, поселился въ одной изъ глухихъ мѣстностей Англіи и спокойно провелъ остатокъ жизни, утративъ политическое значеніе. Робера Генрихъ держалъ подъ стражей сначала въ Фалезѣ, потомъ въ одномъ изъ англійскихъ замковъ, но давалъ ему большое содержаніе, такъ что онъ жилъ беззаботно и пользовался разными удобствами. Онъ прожилъ въ плѣну 28 лѣтъ и умеръ въ Кардифѣ (въ графствѣ гламорганскомъ) въ 1134 году. Сынъ его и Сибиллы, Вильгельмъ Клитонъ, пытался при помощи короля французскаго завоевать Нормандію, но терпѣлъ неудачи, какъ мы уже разсказывали (VI, 556). Генрихъ остался владѣтелемъ Нормандіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ битвы при Теншбре попался въ плѣнъ Робертъ Белемъ; Генрихъ посадилъ его въ темницу Уоргэмскаго замка; онъ томился тамъ много лѣтъ и умеръ, оставаясь прежнимъ человѣкомъ неукротимаго характера.

Новая ссора.

Взятіе Робера въ плѣнъ.

28-е сентября 1106.

Отношенія Генриха къ Ансельму.

Побѣдивъ Робера и его приверженцевъ, Генрихъ подчинилъ своей ленной власти графа менскаго, давняго своего врага, заключилъ союзъ съ Робером, графомъ фландрскимъ, и успѣшно велъ войну съ королемъ французскимъ изъ-за владѣнія замкомъ Жизоромъ (на рѣкѣ Эптѣ). Одолѣвъ

противниковъ, онъ помирился съ церковью. Ансельмъ Кентерберійскій требовалъ, чтобы король отказался отъ инвеституры, не требовалъ отъ духовныхъ сановниковъ ленной присяги; оставленный папой безъ поддержки, онъ уѣхалъ изъ владѣній Генриха, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Ліонѣ, наконецъ при посредничествѣ набожной сестры короля Адели, графини блуасской, былъ заключенъ между нимъ и королемъ въ 1106 году въ бекскомъ аббатствѣ договоръ, по которому Генрихъ отказался отъ инвеституры епископовъ перстнемъ и жезломъ, но оставилъ за собою принадлежавшее прежнимъ королямъ право требовать отъ духовныхъ сановниковъ ленной присяги. Этимъ договоромъ былъ прекращенъ споръ объ инвеституръ въ Англіи, какъ черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ того вормсскимъ конкордатомъ въ Германіи. Духовные сановники остались вассалами короля. Онъ сохранилъ и право брать себѣ доходы вакантныхъ аббатствъ и епископскихъ каѳедръ (такъ называемое право регалій и сполій). Впрочемъ и въ Англіи и во Франціи духовенство часто оспоривало у королей это право. Ансельмъ возвратился на свою каѳедру и умеръ черезъ три года послѣ того, на 76 году жизни. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ защитниковъ папскаго владычества и однимъ изъ знаменитѣйшихъ схоластиковъ. 21 апрѣля 1109.

Произволъ Генриха.

Одолѣвъ противниковъ, Генрихъ энергически старался возвысить королевскую власть и подавить самостоятельность феодальныхъ владѣльцевъ. Достиженіе этой цѣли въ Англіи было облегчено ему характеромъ учрежденій, введенныхъ его отцомъ: по завоеваніи Англіи норманами, англосаксонскіе вельможи были лишены почти всѣхъ своихъ владѣній, немногіе изъ нихъ сохранили хотя бы небольшіе остатки прежнихъ обширныхъ имуществъ; а норманы, которымъ были переданы отнятыя у нихъ владѣнія, могли держаться въ Англіи только подъ защитою сильной королевской власти. Генрихъ, человѣкъ желѣзной воли, безъ труда пріобрѣлъ почти неограниченную власть при такихъ благопріятныхъ для ея развитія условіяхъ. Онъ сурово наказывалъ за всякое нарушеніе порядка, и, благодаря тому, собственность пользовалась безопасностью; говорили, что путникъ съ вьюкомъ золота и серебра можетъ спокойно проѣхать по всякой дорогѣ въ Англіи. Генрихъ защищалъ угнетенныхъ поселянъ отъ алчности и наглости своихъ придворныхъ, преслѣдовалъ фальшивыхъ монетчиковъ, наказывалъ купцовъ, употребляющихъ фальшивыя мѣры и вѣсы; не допускалъ папу обирать англійское духовенство, не пускалъ въ Англію папскихъ легатовъ; но строилъ церкви, монастыри, больницы, доказывая этимъ свое благочестіе; обуздывалъ вельможъ, не допускалъ основанія наслѣдственныхъ феодальныхъ династій. По всему королевству онъ строилъ замки, въ которые ставилъ свои гарнизоны и оставлялъ безъ поправки или даже разрушалъ тѣ замки феодальныхъ владѣтелей, которые попадали подъ его непосредственное завѣдованіе. Норманскіе вельможи, которыхъ назначилъ онъ начальниками замковъ, построенныхъ по западной границѣ, проникали все дальше и дальше въ Уэльзъ; въ Пемброкширѣ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ упрочилась власть этихъ военачальниковъ, онъ

селилъ фламандскихъ колонистовъ; ихъ поселенія образовали опорные пункты для подавленія туземцевъ, какъ нѣмецкія колоніи на Эльбѣ и Одерѣ для подавленія вендовъ.

Положеніе дѣлъ въ Нормандіи.

Но сильное сопротивленіе встрѣчалъ Генрихъ своему самовластію въ Нормандіи. Вельможи этого герцогства издавна были горды и храбры; теперь ихъ могущество было увеличено полученіемъ большихъ владѣній въ Англіи; побѣды, одержанныя надъ англосаксами, и геройскіе подвиги въ Палестинѣ возвышали ихъ увѣренность въ своихъ силахъ; французскій король явно или тайно поддерживалъ ихъ въ борьбѣ съ герцогомъ. Все это мѣшало Генриху пріобрѣсти въ Нормандіи неограниченную власть. Онъ велъ тамъ много войнъ съ непокорными баронами, не жалѣлъ денегъ на подкупъ, былъ искусный интриганъ, бралъ много замковъ и городовъ, многіе другіе были сдаваемы ему измѣной, но всѣ эти успѣхи не доставляли ему прочныхъ результатовъ; постоянно возникали новые заговоры, новые мятежи, и Генриху надобно было снова вести войну; въ нее вмѣшивались иногда французскіе, фландрскіе, нидерландскіе феодальные владѣтели, помогая инсургентамъ, и она принимала широкій размѣръ. Въ лѣтописяхъ разсказывается о дѣлахъ блестящей храбрости въ этихъ междоусобіяхъ; но было совершаемо въ нихъ и много гнусныхъ коварствъ, свирѣпыхъ злодѣйствъ.

Былъ, напримѣръ, такой случай: Эстатъ Бретель, мужъ Жюльетты, побочной дочери Генриха, вытребовалъ у графа Радуфа Аранка обѣщаніе отдать ему замокъ и взялъ сына у него въ заложники; Радуфъ не исполнилъ обѣщанія, Бретель выкололъ глаза его сыну; Радуфъ пожаловался Генриху; король взялъ двухъ дочерей Радуфа, то есть дочерей своей дочери, своихъ внучекъ, и отдалъ ихъ Радуфу, чтобы онъ изуродовалъ ихъ лица въ отмщеніе за сына.

Семейное несчастіе Генриха.

Своими успѣхами Генрихъ былъ обязанъ отчасти своему хитрому уму, отчасти благоразумнымъ совѣтамъ своего помощника по дѣламъ управленія, Робера Мёлана, и любезному характеру своей жены Матильды, которая привѣтливостью и добротою привлекала многихъ вельможъ на сторону мужа; духовные и свѣтскіе поэты прославляли кроткую Матильду, щедро награждавшую ихъ. И она, и Роберъ Мёланъ умерли въ 1118 году; утрата ихъ была тяжкой потерей для Генриха. Отъ Матильды былъ у него сынъ, названный, по имени дѣда, Вильгельмомъ, и была дочь, названная, по имени матери, Матильдой, помолвленная еще въ дѣтствѣ съ императоромъ Генрихомъ V и воспитывавшаяся въ Германіи. Отъ наложницъ онъ имѣлъ много сыновей и дочерей, но горячо любилъ только законнаго сына, Вильгельма. По согласію и англійскихъ и норманскихъ вельможъ, онъ уже назначилъ Вильгельма наслѣдникомъ престола. Въ концѣ ноября 1120 года, дворъ ѣхалъ изъ Нормандіи въ Англію. Для наслѣдника престола былъ назначенъ корабль, называвшійся «Бѣлымъ». Множе-

ство вельможъ и знатныхъ дамъ сѣли на этотъ корабль. Ночь была лунная; все общество на кораблѣ было въ веселомъ настроеніи духа; гребцовъ было много, корабль поплылъ быстро и натолкнулся на скалу съ такою силою, что разбился. Всѣ, провожавшіе наслѣдника престола, утонули; самъ онъ успѣлъ сѣсть въ лодку, но, услышавъ вопли своей побочной сестры, графини Першской, остановилъ лодку, чтобы взять ее. Боровшіеся въ волнахъ со смертью бросились массою въ лодку, она утонула подъ ихъ тяжестью. Нѣсколько времени скрывали отъ Генриха это печальное извѣстіе; услышавъ его отъ пажа, онъ упалъ безъ чувства и долго оставался совершенно убитъ духомъ. Второй его бракъ былъ бездѣтенъ, потому онъ взялъ съ вельможъ клятву признать послѣ его смерти дочь его, Матильду, королевой англійской и герцогиней норманской. Ея первый мужъ, императоръ Генрихъ V, умеръ, она была бездѣтна; годъ траура она провела въ Германіи, потомъ отецъ вызвалъ ее къ себѣ и въ 1126 году выдалъ за Готфрида (Годфруа) Анжуйскаго, молодого, очень краснваго человѣка, сына могущественнаго и честолюбиваго графа Фулька Анжуйскаго (того Фулька, который ѣздилъ въ Палестину). Норманскіе вельможи были очень недовольны этимъ бракомъ, и Генрихъ съ трудомъ убѣдилъ ихъ повторить присягу о признаніи Матильды наслѣдницею престола. Матильда въ 1132 году родила сына, сдѣлавшагося впослѣдствіи королемъ англійскимъ, основателемъ династіи Плантагенетовъ. Это названіе произошло отъ того, что Годфруа Анжуйскій носилъ на шлемѣ вѣтку дрока, genet, planta genista или, по латинизированной французской формѣ слова, planta geneta (растеніе дрокъ). Сынъ Годфруа и Матильды былъ названъ по имени дѣда Генрихомъ. Скоро король поссорился съ своею властолюбивою дочерью и ея алчнымъ мужемъ; ссора продолжалась до самой смерти Генриха I. Онъ умеръ внезапно 1-го декабря 1135 года въ Нормандіи. Тѣло его было, какъ онъ желалъ, перевезено въ Англію и погребено въ основанномъ имъ на берегу Темзы, Ридингскомъ аббатствѣ.

Объявленіе Матильды наслѣдницей престола.

Генрихъ былъ энергическій и даровитый государь, наслѣдовавшій отъ отца воинственность и страсть къ охотѣ, потому любившій жить въ замкахъ Уиндзорѣ и Вудстонѣ, окруженныхъ лѣсами. Онъ менѣе любилъ поэзію, менѣе щедро награждалъ трубадуровъ и минстрелей, чѣмъ первая его жена Матильда, но былъ любезный рыцарь съ дамами, между которыми имѣлъ много любовницъ. У него было много побочныхъ дѣтей; изъ нихъ онъ особенно любилъ Роберта, котораго сдѣлалъ графомъ глосстерскимъ. Онъ покровительствовалъ наукамъ; благодаря тому, въ его время нѣкоторыя норманскія и англійскія монастырскія школы, какъ напримѣръ, бекская, кентерберійская, оксфордская, уинчестерская, могли соперничать съ французскими и нѣмецкими. Въ его правленіе жили почти всѣ тѣ англійскіе историки, о которыхъ мы упоминали въ обзорѣ литературы XII вѣка, какъ напримѣръ Эадмеръ, Ингульфъ, Уильямъ Момзберійскій, Гильомъ Жюмьежскій. Время воспитанія Генриха Гонтингдона тоже принадлежитъ къ этой эпохѣ. Серьезныя книги въ Англіи писались на латин-

Характеръ Генриха I.

скомъ языкѣ; при дворѣ и въ трибуналахъ получилъ преобладаніе французскій (норманскій) языкъ, англосаксонскій былъ вытѣсненъ изъ употребленія въ знатномъ сословіи, сталъ мужицкимъ языкомъ. Впрочемъ нѣкоторые поэты еще писали на немъ.

b) Царствованіе Стефана. Борьба за престолъ.

Стефанъ вступаетъ на престолъ.

Сенешаль Англіи, Гюгъ Бигодъ объявилъ вельможамъ, что Генрихъ передъ смертью освободилъ ихъ отъ присяги, данной Матильдѣ; далеко не всѣ повѣрили этому, но всѣ въ послѣднее время жизни Генриха замѣчали, что онъ, поссорившись съ дочерью и зятемъ, сожалѣетъ о провозглашеніи Матильды наслѣдницею престола. Баронамъ не нравился бракъ Матильды съ храбрымъ и честолюбивымъ Готфридомъ Анжуйскимъ; они опасались самовластія этого могущественнаго французскаго владѣтеля. Главною обязанностью королевскаго сана было начальствованіе войсками; потому считалось невозможнымъ, чтобъ управленіе государствомъ принадлежало женщинѣ. Такимъ образомъ, легко было склонить бароновъ къ отнятію престола у Матильды, отъ имени которой владычествовалъ бы ея мужъ. Племянникъ Генриха Стефанъ (Этьенъ), графъ булонскій, рѣшился на это. Его мать Адель, сестра Генриха, пользовалась большимъ уваженіемъ; дядя постоянно выказывалъ благосклонность къ нему; женившись на дочери и наслѣдницѣ Эсташа Булонскаго, онъ пріобрѣлъ обширныя владѣнія и огромныя богатства; казначеи, бывшіе на его сторонѣ, отдали ему государственную казну; онъ щедро раздавалъ подарки, и большинство вельможъ стали его приверженцами. Его братъ, Генрихъ, былъ епископомъ уинчестерскимъ и папскимъ легатомъ; духовенство и народъ были расположены къ сыну благочестивой и доброй Адели. Такимъ образомъ, вліяніе Стефана было громадно; и принявъ увѣреніе Бигода объ освобожденіи вельможъ отъ присяги Матильдѣ, бароны, собравшіеся въ Лондонѣ, признали королемъ Стефана. Все это совершилось такъ быстро, что дѣло было кончено уже до похоронъ Генриха. Бароны герцогства норманскаго послѣ непродолжительнаго колебанія объявили, что согласны съ англійскими; Стефанъ былъ ихъ соотечественникъ, пользовался ихъ любовью за храбрость и любезность. Онъ былъ коронованъ 22 декабря (1135 года) архіепископомъ кентерберійскимъ. Духовные и свѣтскіе сановники съѣхались въ Лондонъ праздновать Рождество у новаго короля. Стефанъ обнародовалъ грамату, которою подтверждалъ всѣ «добрые законы и обычаи», какими пользовались англичане при королѣ Эдуардѣ, и воспрещалъ всякое нарушеніе ихъ. Въ началѣ слѣдующаго (1136) года тѣло Генриха было привезено въ Англію; Стефанъ самъ сталъ въ числѣ вельможъ, которые понесли гробъ покойнаго короля въ Ридингъ.

На пасху былъ большой съѣздъ вельможъ у короля въ Оксфордѣ. Онъ уже былъ признанъ въ своемъ санѣ папой и королемъ французскимъ и на съѣздѣ вельможъ обнародовалъ грамату, которою подтверждалъ старыя права духовенства, бароновъ и народа, отмѣнялъ многія притѣснительныя нововведенія своего предшественника и въ частности тѣ распоряженія, которыми Генрихъ захватывалъ обширные лѣса для охоты и установлялъ жестокія наказанія за нарушеніе королевской привилегіи охотиться въ нихъ. Стефанъ возвратилъ духовенству и вельможамъ лѣса, отнятые у нихъ Генрихомъ, оставилъ для своей охоты только тѣ, которые уже были королевскими при Вильгельмѣ Завоевателѣ и Вильгельмѣ Рыжемъ. Онъ также обѣщалъ не брать себѣ доходовъ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, не оставлять эти должности долго не замѣщенными, дѣлать по смерти духовныхъ сановниковъ немедленныя распоряженія о свободномъ выборѣ ихъ по каноническимъ правиламъ. Оксфордская грамата.

Стефанъ очень легко и быстро овладѣлъ престоломъ, благодаря тому, что вельможи Англіи и Нормандіи, угнетаемые Генрихомъ, желали перемѣны въ характерѣ правленія, опасались самовластія Готфрида Анжуйскаго, любили и уважали Стефана, а онъ ловко и смѣло воспользовался благопріятными ему обстоятельствами. Но скоро начались для него затрудненія. До сихъ поръ Англія испытывала бѣдствія войны только отъ набѣговъ шотландцевъ и уэльзійцевъ на пограничныя области, но теперь начались для нея бѣдствія междоусобія и анархіи, какими были терзаемы континентальныя государства. Матильда не отказалась отъ своего права на престолъ. Сама она не пріѣхала въ Англію вести войну; но ея сторонники имѣли энергическаго и могущественнаго вождя въ ея побочномъ братѣ, Робертѣ Глосстерскомъ. Чтобы спасти отъ конфискаціи свои обширныя владѣнія, онъ присягнулъ на вѣрность Стефану, но присоединилъ къ своей присягѣ оговорку, дававшую ему благовидный предлогъ взяться за оружіе при первой возможности. Большой и сильно укрѣпленный городъ Бристоль, принадлежавшій ему, сталъ пріютомъ для враговъ Стефана. Междоусобія.

Самъ Стефанъ облегчилъ своимъ противникамъ возможность начать возстаніе. Генрихъ не дозволялъ вельможамъ строить замки, старался не допускать соединенія обширныхъ владѣній въ однѣхъ рукахъ. Стефанъ отступилъ отъ этой политики, дозволилъ вельможамъ строить замки, давалъ новые обширные лены могущественнымъ баронамъ, предоставлялъ имъ наслѣдственное владѣніе ленами. По всей Англіи возникли вельможскіе замки и стали служить оплотами сопротивленія королю, центрами, изъ которыхъ воины вельможъ дѣлали набѣги на враговъ ихъ. Въ одной изъ хроникъ того времени говорится: „Вельможи и епископы наполнили свои замки наглыми, безбожными воинами, угнетавшими и раззорявшими поселянъ, грабившими и потомъ зажигавшими города. Можно было ѣхать цѣлый день, не встрѣчая селенія, въ которомъ оставались бы жители, и не видя воздѣланной нивы. Никогда Англія не поддвергалась такому угнетенію. Народъ говорилъ, что „Христосъ и его святые спятъ.“ Появился голодъ; темницы замковъ были наполнены людьми, захваченными въ плѣнъ; были придуманы новыя орудія пытокъ, чтобы мучить ихъ для принужденія

заплатить выкупъ; церкви не были безопасными убѣжищами для преслѣдуемыхъ. Въ Уэльзѣ туземцы напали на норманскихъ и фламандскихъ колонистовъ, разрушали замки, убивали иноплеменниковъ, вели партизанскую войну противъ нихъ, имѣя недоступные для ихъ нападеній пріюты въ своихъ горахъ. Давидъ, король шотландскій, потомокъ англосаксонской династіи, дядя Матильды, ворвался въ сѣверныя области Англіи, опустошилъ окрестности Карлейля и Альнвика, доходилъ до Ньюкесля; онъ хотѣлъ присоединить къ своему королевству Комберлэндъ и Нортомберлэндъ, надѣялся даже пріобрѣсти англійскую корону.

Брабансоны.

При затруднительности своего положенія Стефанъ обратился къ такому средству борьбы съ противниками, которое принесло очень много вреда странѣ и ему самому: на сокровища, накопленныя Генрихомъ, онъ нанялъ иноземныхъ воиновъ. Большинство ихъ составляли буйные и раззорившіеся рыцари изъ Брабанта и Фландріи, называвшіеся брабансонами; выгнанные изъ своихъ имѣній, они стали добывать деньги военной службой, между тѣмъ какъ горожане и поселяне ихъ родины переселялись въ восточную Европу и пріобрѣтали тамъ благосостояніе, осушая болота, воздѣлывая нивы, занимаясь торговлей. Важнѣйшимъ изъ брабансонскихъ вождей былъ фландрскій вельможа Гильіомъ Ипрскій, бывшій претендентомъ на санъ маркграфа фландрскаго и содержавшій на своемъ жалованьѣ много воиновъ изъ низшихъ городскихъ сословій. Послѣ его отряда самыми многочисленными были отряды бретонцевъ, имѣвшіе своимъ начальникомъ графовъ пантьеврскаго и ричмондскаго. Буйство этихъ наемниковъ и наглость ихъ вождей заставили многихъ норманскихъ вельможъ перейдти на сторону враговъ короля.

Аллертонская битва. 1173.

Такимъ образомъ въ третій годъ правленія Стефана междоусобіе охватило всѣ англійскія области; норманскіе завоеватели ослабляли себя ожесточенными схватками; у англосаксовъ явилась надежда свергнуть съ себя ихъ иго, возвести на англійскій престолъ потомка англосаксонской династіи, короля шотландскаго, вторгнувшагося въ сѣверную Англію. Робертъ Глосстерскій бился за права своей сестры Матильды, и подъ предлогомъ усердія къ законной наслѣдницѣ престола очень многіе вельможи возстали противъ Стефана, разсчитывая увеличить свои владѣнія. Стефанъ дѣйствовалъ твердо и умно. Уступками и любезностью онъ склонялъ духовенство помогать ему и при содѣйствіи этого могущественнаго сословія одолѣлъ англійскихъ инсургентовъ; усмиривъ ихъ, онъ пошелъ на шотландцевъ. Норманскіе бароны Англіи понимали, что если король шотландскій побѣдитъ Стефана, то прогонитъ и всѣхъ ихъ изъ Англіи, раздастъ ихъ лены шотландцамъ и англосаксамъ; потому очень многіе изъ нихъ привели своихъ воиновъ къ Стефану. Старикъ Торстинъ, архіепископъ йоркскій, велѣлъ носить себя на носилкахъ по королевскому стану и ободрялъ воиновъ; другой старикъ, знаменитый рыцарь, Вальтеръ Эспекъ, человѣкъ исполинскаго роста, съ волосами, падающими на

плеча и длинной бородой, сталъ на эстраду и могучимъ голосомъ воспламенялъ мужество младшихъ своихъ сподвижниковъ. Англійскіе норманы, подобно ломбардцамъ, сдѣлали огромную колесницу, поставили на ней мачту; на вершинѣ мачты прикрѣпили серебряный сосудъ, въ который были вложены святые дары; а подъ дароносицей были привязаны церковныя хоругви; отъ этого высокаго знамени сраженіе съ шотландцами, происшедшее тогда, называется знаменскою битвою. Кругомъ колесницы былъ поставленъ отрядъ храбрѣйшихъ рыцарей. Рѣшительная битва произошла въ августѣ 1137 года на болотистой мѣстности у Нортъ-Аллертона. Полунагіе шотландскіе горцы, шедшіе въ бой, имѣя лишь лукъ и стрѣлы, не могли, при всей своей храбрости, устоять противъ одѣтыхъ въ латы норманскихъ стрѣлковъ, имѣвшихъ своимъ оружіемъ не простой лукъ, а болѣе сильный самострѣлъ, тетива котораго натягивалась вращеніемъ рукоятки; 11.000 шотландцевъ легли на полѣ битвы, много тысячъ другихъ были настигнуты и убиты во время бѣгства. Но положеніе дѣлъ въ Англіи было такъ опасно для Стефана, что 9 апрѣля 1138 года онъ заключилъ въ Доргэмѣ съ шотландскимъ королемъ миръ, по которому отдалъ ему въ ленное владѣніе графство нортомберлэндское, взявъ у него пятерыхъ шотландскихъ графовъ въ заложники вѣрности его условіямъ мира.

Едва было возстановлено спокойствіе на сѣверѣ, какъ возобновились въ другихъ частяхъ Англіи мятежи, тѣмъ болѣе опасные для Стефана, что теперь перешло на сторону его враговъ духовенство, оказавшее прежде усердную поддержку ему; понимая необходимость свою для Стефана, епископы стали держать себя дерзко, построили, по примѣру бароновъ, замки, пировали и развратничали тамъ, водили оттуда воиновъ грабить сосѣдей; Стефанъ опасался, что епископы примутъ въ свои замки отряды инсургентовъ, сталъ запрещать епископамъ постройку этихъ укрѣпленій, наказывалъ непокорныхъ духовныхъ сановниковъ съ такою же строгостью, какъ бароновъ и раздражилъ этимъ высшее духовенство. Въ 1139 году произошелъ случай, результатомъ котораго была открытая вражда. Свита богатаго и могущественнаго епископа сользберійскаго Роджера, бывшаго при Генрихѣ королевскимъ канцлеромъ, напала при королевскомъ дворѣ въ Оксфордѣ на воиновъ двухъ графовъ; Стефанъ велѣлъ арестовать епископа сользберійскаго и его племянника Александра, епископа линкольнскаго; побочный сынъ епископа сользберійскаго Робертъ, бывшій канцлеромъ при самомъ Стефанѣ, былъ тоже отданъ подъ стражу. Мать Роберта и другой племянникъ архіепископа сользберійскаго, епископъ элійскій, упросили короля освободить арестованныхъ; но онъ согласился на это, лишь когда они отдали ему замокъ Дивейзизъ и хранившуюся тамъ свою казну. Духовенство было раздражено арестомъ высокихъ церковныхъ сановниковъ. Правда, находились между духовенствомъ люди, оправдывавшіе короля, говорившіе, что строить замки неприлично епископамъ, которые должны быть проповѣдниками благодатнаго мира на землѣ, а не военными зодчими и изготовителями оружія, что для нихъ не нужно замковъ, потому что они имѣютъ свои резиденціи въ большихъ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ пользуются совершенною безопасностью. Но это были отдѣльные голоса немно-

Борьба Стефана съ епископами.

гихъ людей, а масса высшаго духовенства говорила, что если бы епископы и были виноваты въ чемъ нибудь, то король не имѣетъ права быть ихъ судьей; судить епископовъ можетъ только церковный соборъ и притомъ не по королевскимъ законамъ, а по каноническому праву; и только рѣшеніе собора можетъ отнять у епископовъ замки, построенные не на королевской, а на церковной землѣ. Во главѣ оппозиціи духовенства королю стоялъ братъ Стефана, епископъ уинчестерскій, для котораго интересы его сословія были важнѣе родства. По своему сану папскаго легата, онъ созвалъ въ Уинчестерѣ соборъ; искусный юристъ, королевскій юстиціарій (судья) Альберикъ де Веръ краснорѣчиво защищалъ короля на этомъ соборѣ, и епископы разошлись, не постановивъ никакого рѣшенія.

Пріѣздъ Матильды въ Англію, взятіе Стефана въ плѣнъ.

Матильда и ея сторонники воспользовались непріязнью духовенства къ Стефану. Матильда съ отрядомъ рыцарей, которымъ начальствовалъ Робертъ Глосстерскій, поплыла въ сентябрѣ 1139 года въ Англію, вышла на берегъ въ Аронделѣ и пошла оттуда съ большой вооруженной свитой въ Бристоль, гдѣ собирались противники Стефана. Епископъ уинчестерскій усердно помогалъ ей. Междоусобіе вспыхнуло съ новой силой, терзало всю страну. Почти всѣ города были на сторонѣ короля; вельможи и духовенство уже и прежде были враждебны городамъ, опасаясь возростающаго могущества ихъ; теперь эта вражда усилилась до ожесточенія. За крѣпкими стѣнами своихъ замковъ вельможи были безопасны отъ мелкихъ отрядовъ королевскаго войска, успѣшно отбивались и отъ большихъ отрядовъ. При всякой возможности они дѣлали изъ замковъ набѣги на окрестности, грабили, опустошали, рѣзали. Стефанъ не падалъ духомъ. Епископъ сользберійскій умеръ. Король отнялъ укрѣпленный замокъ у его племянника, епископа элійскаго, прогналъ этого епископа изъ епархіи. Но при всей своей храбрости, при всѣхъ своихъ военныхъ хитростяхъ онъ не могъ одолѣть инсургентовъ. Богатый городъ Ноттингэмъ былъ сожженъ ими. Графъ Ренуфъ честерскій, зять Роберта Глосстерскаго, и братъ Ренуфа, Гильіомъ Румара, неожиданно напали на Линкольнъ и овладѣли имъ. Стефанъ пошелъ съ своими брабансонами отнять у нихъ этотъ городъ, но они получили сильныя под-
Февраль 1141. крѣпленія и нанесли королю полное пораженіе; онъ сражался геройски, поражалъ на смерть своей норманской боевой сѣкирой каждаго врага, приближавшагося къ нему; но ударъ камня въ голову свалилъ его на землю; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и въ оковахъ отвезенъ въ Бристоль. Жители Линкольна, выказавшіе сочувствіе королю, опасались мщенія возвращающихся въ городъ побѣдителей, бросились въ лодки, поплыли по рѣчкѣ Уитэму; переполненныя людьми лодки потонули и около 500 знатнѣйшихъ гражданъ погибли. Остававшіеся въ городѣ жители были свирѣпо наказаны за измѣну Ренуфу.

Коронованіе Матильды.

Матильда поѣхала въ Уинчестеръ, древнюю столицу англосаксонскихъ королей. Епископъ, братъ плѣннаго короля, короновалъ ее и произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что она, какъ дочь Ген-

риха I,—законная королева Англіи, а его братъ—хищникъ престола, нарушитель закона. Многіе бароны послѣдовали примѣру епископа уинчестерскаго, признали Матильду королевой. Гервé, зять Стефана, храбрый воинъ, начальствовавшій войскомъ въ замкѣ Дивейзизѣ, сдалъ его королевѣ и уѣхалъ изъ Англіи. Оксфордъ отворилъ ворота королевѣ; бывшіе приверженцы Стефана толпами переходили на сторону Матильды. Бароны герцогства норманскаго вступили въ переговоры съ ея мужемъ. Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ. Матильда возбудила неудовольствіе противъ себя безпощадною мстительностью. Граждане Лондона, остававшіеся вѣрными Стефану, требовали его освобожденія; Матильда раздражила ихъ отказомъ. Народъ хотѣлъ, чтобъ она подтвердила законы короля Эдуарда; она не соглашалась на эту уступку, твердо рѣшившись удержать за собой произвольную власть. Всеобщій ропотъ ободрилъ ея противниковъ; они собрались въ Лондонъ къ оставшейся тамъ супругѣ Стефана. Епископъ уинчестерскій вошелъ въ тайныя сношенія съ приверженцами брата; Матильда, узнавъ о его измѣнѣ, хотѣла арестовать его; онъ бѣжалъ; воины Матильды вошли въ Уинчестеръ, разграбили и сожгли его. Партія Стефана усиливалась. Граждане Лондона, прервавъ переговоры съ Матильдой, взялись за оружіе; она въ сентябрѣ 1142 года принуждена была бѣжать въ Глосстеръ. Робертъ Глосстерскій также бѣжалъ, но былъ настигнутъ Гильіомомъ Ипрскимъ, взятъ въ плѣнъ, увезенъ въ Рочестеръ. Этимъ былъ уничтоженъ перевѣсъ, доставленный сторонникамъ Матильды побѣдой при Линкольнѣ. Матильда принуждена была освободить Стефана въ обмѣнъ за Роберта Глосстерскаго. Епископъ уинчестерскій открыто перешелъ на сторону брата, созвалъ соборъ и съ безстыднымъ противорѣчіемъ своимъ прежнимъ словамъ доказывалъ законность правъ Стефана на престолъ. Такимъ образомъ, дѣла были теперь снова въ томъ же положеніи, какъ при началѣ войны; она продолжалась нѣсколько лѣтъ. Стефанъ сдѣлалъ неожиданное нападеніе на Оксфордъ, гдѣ находилась Матильда; она едва спаслась отъ плѣна бѣгствомъ въ темную ночь. Черезъ нѣсколько времени Стефанъ былъ побѣжденъ Робертомъ Глосстерскимъ и едва снова не попался въ плѣнъ. Отважныхъ рыцарскихъ подвиговъ въ этомъ (1143) и въ слѣдующихъ годахъ было совершаемо много, но они не давали никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Вся страна была опустошаема, нравы грубѣли, люди привыкали не стыдиться измѣны. Могущественнѣйшіе вельможи, какъ напримѣръ Гальфридъ Манвиль и Ренуфъ, графъ честерскій, не совѣстились нынѣ заключать миръ съ королемъ, а завтра составлять коварный умыселъ противъ него. Наконецъ междоусобіе изнурило обѣ партіи; многіе изъ ихъ вождей умерли; графъ глосстерскій утратилъ энергію въ печали о смерти своего сына Роберта, очень даровитаго юноши, горячо любимаго имъ. По всей Европѣ шли приготовленія къ

Ходъ войны въ 1143 — 1149 году.

новому крестовому походу; многіе норманскіе и англійскіе рыцари, увлекшись этимъ движеніемъ, покинули участіе въ междоусобіи, поплыли въ Палестину или присоединились къ христіанскому войску, пошедшему на Лиссабонъ (VI, 504). Въ 1147 году Матильда уѣхала изъ Англіи; вскорѣ послѣ того умеръ Робертъ Глосстерскій, партія Матильды въ Англіи осталась безъ вождя, и Стефанъ началъ одолѣвать противниковъ.

Генрихъ Плантагенетъ плыветъ въ Англію. Миръ.

Матильда послала своего сына Генриха въ Англію; онъ пріобрѣлъ тамъ много приверженцевъ, и довольно много вельможъ съѣхались въ Карлейль на блестящій праздникъ, данный королемъ шотландскимъ Давидомъ, который принялъ на себя почетную обязанность возвести Генриха въ санъ рыцаря. Но и сынъ Стефана, Эсташъ, храбрый воинъ, привлекалъ къ себѣ многихъ привѣтливостью характера, а мать Эсташа Матильда пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; дядя его, графъ Тибо блуасскій, былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ феодальныхъ владѣтелей. Такимъ образомъ, молодые представители обѣихъ партій были соперниками, почти равносильными. Но скоро произошли событія, доставившія перевѣсъ Генриху Плантагенету. Французскій король и большинство вельможъ Нормандіи признали его герцогомъ норманскимъ; въ 1151 году умеръ его отецъ, и онъ сталъ владѣтелемъ графства анжуйскаго. Въ слѣдующемъ (1152) году королева Элеонора, прожившая пятнадцать лѣтъ съ Людовикомъ VI, развелась съ нимъ и черезъ шесть недѣль вышла за Генриха Плантагенета; этотъ бракъ отдалъ въ его распоряженіе ея родовыя владѣнія, Гіэнь и Пуату; онъ сталъ господиномъ всей западной половины Франціи и получилъ возможность выводить въ поле такія войска, противъ которыхъ не могъ устоять Стефанъ. Король англійскій созвалъ духовенство въ Лондонъ, старался расположить его въ свою пользу, но не успѣлъ въ этомъ: духовенство, ссылаясь на то, что папа призналъ королевою Матильду, отказалось короновать его сына Эсташа (т. е. провозгласить его наслѣдникомъ престола). Стефанъ заперъ домъ, въ которомъ засѣдалъ соборъ; онъ думалъ этимъ принудить епископовъ къ покорности; но Тебальдъ, архіепископъ кентерберійскій, успѣлъ бѣжать, уѣхалъ въ Нормандію, открыто сталъ на сторону Генриха. Въ 1153 году Генрихъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ тридцати шести военныхъ кораблей, и большимъ войскомъ приплылъ въ Англію. Многіе англійскіе вельможи присоединились къ нему; Стефанъ оробѣлъ и вступилъ въ переговоры съ Генрихомъ. Въ августѣ они съѣхались на свиданіе; оба были безъ вооруженной свиты; свиданіе происходило на берегу Темзы. Эсташъ былъ такъ опечаленъ утратою надежды на полученіе престола, что съ нимъ сдѣлался припадокъ, отъ котораго онъ умеръ. Около того же времени и тоже внезапно умеръ Ренуфъ Честерскій, ожесточенный противникъ Стефана, внушавшій Генриху страхъ своимъ

могуществомъ и не дозволявшій ему примириться съ Стефаномъ. Утративъ старшаго сына, бывшаго сильнѣйшимъ его защитникомъ, Стефанъ легко примирился съ Генрихомъ, которому теперь никто не мѣшалъ согласиться на предлагаемый Стефаномъ договоръ. Въ ноябрѣ былъ заключенъ трактатъ, по которому Генрихъ и его бароны признали Стефана королемъ, а Стефанъ призналъ Генриха своимъ наслѣдникомъ. Младшій сынъ Стефана, Гильіомъ, далъ присягу на вѣрность Генриху, какъ будущему королю. Генрихъ утвердилъ за нимъ право наслѣдовать обширныя владѣнія Стефана въ Англіи и Нормандіи.

Бароны и духовенство утвердили договоръ, присягнули соблюдать его; миръ, котораго давно желалъ изнуренный междоусобіями народъ, былъ отпразднованъ блестящими торжествами въ Уинчестерѣ и Лондонѣ; Стефанъ усыновилъ Генриха. Черезъ годъ по заключеніи мира король умеръ (25 октября 1154 года) и былъ погребенъ въ основанномъ имъ Феверсгэмскомъ аббатствѣ подлѣ жены и старшаго сына. Черезъ шесть лѣтъ умеръ его сынъ Гильіомъ.

---

2. Династія Плантагенетовъ.

а) Генрихъ II.

1. Генрихъ II и канцлерство Томаса Бекета.

Характеръ и политика Генриха II.

Генрихъ II,, основатель знаменитой династіи Плантагенетовъ, вступилъ на англійскій престолъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ; ему шелъ тогда только еще 24-й годъ. Онъ былъ коронованъ 19 декабря 1154 года въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ Тебальдомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ. По своимъ талантамъ и твердости характера онъ былъ государь не менѣе замѣчательный, чѣмъ его современникъ Фридрихъ Барбаросса. Мастеръ владѣть орудіемъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ составлять обширные политическіе и военные планы, твердо стремился къ ихъ осуществленію; при всей кажущейся уступчивости былъ непреклоненъ въ своихъ замыслахъ, имѣлъ очень большіе правительственные таланты, любилъ искусство и науку; но при всемъ своемъ умѣ онъ часто поддавался порывамъ страстей, портившимъ его планы: онъ былъ очень горячаго темперамента и безпощаденъ въ своемъ эгоизмѣ; ему даже казалось, что не для чего и стараться сдерживать страсти, онъ полагалъ, что ихъ нельзя преодолѣть. Расточительный на милости къ тѣмъ, которые пріобрѣли его расположеніе, онъ былъ безпощаденъ къ противникамъ, никогда не забывалъ и не про-

щалъ обиды. — На блестящемъ придворномъ съѣздѣ вельможи присягнули Генриху, онъ далъ обѣщаніе соблюдать законы королевства, охранять права поддаппыхъ и свободу церкви и сталъ принимать мѣры для возстановленія порядка и безопасности страны. Иноземные наемники Гильіома Ипрскаго и другихъ военачальниковъ, бывшіе ужасомъ народа, должны были удалиться изъ Англіи; вельможи, захватившіе во время междоусобія много государственныхъ имѣній, принуждены были возратить ихъ королю, сдать ему или разрушить свои замки; вѣроломный епископъ уинчестерскій Генрихъ находилъ свое положеніе опаснымъ, въ 1155 году уѣхалъ съ своими сокровищами изъ Англіи и прожилъ семь лѣтъ въ клюнійскомъ аббатствѣ; графъ Ширихъ эссекскій, въ неудачномъ походѣ въ Уэльзъ бросившій на землю королевское знамя и воскликнувшій, что король убитъ, былъ преданъ суду рыцарей по обвиненію въ трусости и предательствѣ; рыцари рѣшили, что онъ долженъ доказать свою невинность судебнымъ поединкомъ и, побѣжденный на немъ, онъ кончилъ свою жизнь въ монастырѣ.

Борьба Генриха съ затрудненіями.

Англійскіе вельможи скоро убѣдились, что новый король—человѣкъ твердой воли, и стали повиноваться ему. Онъ получилъ возможность заняться внѣшними дѣлами, представлявшими много затрудненій. Мы уже говорили, что женитьба на Элеонорѣ доставила Генриху очень обширныя владѣнія въ югозападной Франціи. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того (въ 1166 году) онъ женилъ своего сына Готфрида на Констанціи, наслѣдницѣ графства бретанскаго; такимъ образомъ и эта страна поступила подъ его власть. Но огромныя владѣнія Генриха не составляли одного прочнаго цѣлаго, не были соединены между собою однимъ центральнымъ управленіемъ, общими законами. Каждая область имѣла свои особенные законы и права; мѣстные владѣтели и очень многіе города пользовались очень большою самостоятельностью; мѣстные интересы преобладали у нихъ надъ желаніемъ содѣйствовать общимъ государственнымъ планамъ короля, и такимъ образомъ размѣръ его могущества далеко не соотвѣтствовалъ обширности его владѣній. Вельможи Англіи и западной Франціи признавали его своимъ господиномъ, съѣзжались къ его двору на праздники; но когда онъ требовалъ у нихъ военной помощи, то встрѣчалъ много затрудненій. Король французскій былъ сюзереномъ герцога норманскаго, графа анжуйскаго, герцога аквитанскаго, и его ленныя права связывали руки англійскому королю, какъ владѣтелю этихъ областей. Непокорные бароны французскихъ его владѣній апеллировали отъ его требованій къ суду короля французскаго. Король шотландскій былъ леннымъ владѣтелемъ англійскихъ графствъ, сосѣднихъ съ Шотландіей, и англійскому королю было трудно принуждать этого вассала къ повиновенію; его отношенія къ шотландскому королю походили на отношенія французскаго короля къ нему. Успѣш-

по вести войны за границами государства было очень затруднительно при постоянныхъ набѣгахъ хищныхъ полудикихъ жителей Уэльза на западныя части Англіи. Генрихъ очень ясно понималъ свое положеніе и старался улучшить его. Храбрый воинъ и хорошій полководецъ, онъ однакоже предпочиталъ сраженіямъ переговоры и хитрости. Онъ былъ неразборчивъ на средства для достиженія своей цѣли. На личномъ свиданіи съ Малькольмомъ въ Честерѣ онъ устроилъ очень выгодную для себя сдѣлку съ нимъ. Въ правленіе Стефана шотландскій король овладѣлъ крѣпостями Ньюкеслемъ, Бэмборо, Карлейлемъ; онѣ служили сильными опорами его владычеству надъ сѣверными графствами нортомберлэндскимъ, комберлэндскимъ, уэстморлэндскимъ; Генрихъ убѣдилъ его уступить эти крѣпости, давъ ему за то въ ленное владѣніе графство гонтингдонское. Относительно уэльзскихъ горцевъ Генрихъ II держался политики Генриха I; строилъ по границѣ замки, отдавалъ ихъ надежнымъ и храбрымъ вельможамъ съ обязанностью отражать набѣги уэльзскихъ князей. Нѣсколько разъ онъ водилъ войско въ уэльзскія горы и мстилъ туземнымъ князьямъ за ихъ нападенія свирѣпымъ уродованіемъ ихъ захваченныхъ въ плѣнъ сыновей и дочерей: выкалывалъ глаза этимъ юношамъ, дѣвушкамъ, малюткамъ, отрѣзывалъ посы имъ. Онъ уже думалъ о завоеваніи Ирландіи и, вопользовавшись тѣмъ, что папою сдѣлался англичанинъ (единственный англичанинъ, бывшій папою) Адріанъ IV, выпросилъ у своего соотечественника буллу, дававшую англійскому королю папское благословеніе на завоеваніе Ирландіи «для блага римской церкви». Но еще не пришло время англичанамъ овладѣть Ирландіей. Всего затруднительнѣе было для Генриха отношеніе къ королю французскому. Людовикъ VII самъ хотѣлъ развода съ Элеонорою, которую обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, но очень горевалъ о томъ, что лишился ея прекрасныхъ и богатыхъ владѣній; потому постоянно помогалъ противникамъ Генриха, старался ослабить его.

Отношеніе Генриха къ королю французскому.

Дѣдъ Элеоноры, герцогъ пуатускійи к витанскій Вильгельмъ IX, человѣкъ расточительный, заложилъ городъ Тулузу и его область графу сенъ-жильскому. Генрихъ Плантагенетъ потребовалъ, чтобы потомокъ этого графа, Ремонъ V, возвратилъ ему Тулузу и ея область. Въ спорѣ Ремона съ Генрихомъ объ этомъ Людовикъ VII принялъ сторону Ремона. Генрихъ рѣшился возстановить наслѣдственныя права своей жены силою оружія, дозволилъ англійскимъ вассаламъ откупаться отъ участія въ походѣ взносомъ денежнаго вознагражденія, которое называлось щитовой податью, scutagium, и на эти деньги собралъ много наемниковъ; кромѣ того къ нему привели отряды войскъ король шотландскій Малькольмъ, графъ барселонскій и прованскій Раймундъ Беренгарій и многіе вельможи; онъ подступилъ къ Тулузѣ; графъ сенъ-жильскій и король французскій, на сестрѣ котораго былъ онъ женатъ, защищали этотъ городъ. Походъ Генриха кончился тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончались тогдашніе походы; онъ разрушилъ нѣсколько замковъ, долго стоялъ подъ Тулузою, но не могъ взять ее и заключилъ миръ, по которому та и другая воюющая сторона сохранили свои прежнія владѣнія. Миръ англійскаго короля съ французскимъ былъ непроченъ, и непріязнь между ними усилилась, когда Людовикъ по смерти

второй жены вступилъ въ бракъ съ Аделью, сестрою графа Тибо блуасскаго, бывшаго врагомъ Генриха.

Политическая дѣятельность Томаса Бекета.

Въ походѣ на Тулузу оказалъ большія услуги Генриху канцлеръ его, Томасъ Бекетъ, сынъ зажиточнаго лондонскаго гражданина. Говорятъ, что онъ далъ Генриху совѣтъ брать съ вассаловъ деньги за освобожденіе отъ похода; а когда войско отступало отъ Тулузы, онъ прикрывалъ переходъ его черезъ Гаронну, укрѣпилъ взятый Генрихомъ городъ Кагоръ и потомъ защищалъ его отъ непріятеля. Всѣмъ этимъ онъ пріобрѣлъ большое довѣріе короля, который находилъ очень полезнымъ помощникомъ себѣ человѣка, соединявшаго рыцарскую храбрость и правительственные таланты съ ученостью, нужной для управленія церковными и судебными дѣлами. Король осыпалъ его почестями, давалъ ему большіе доходы, съ удовольствіемъ видѣлъ, что этотъ прелатъ затмеваетъ всѣхъ вельможъ роскошью, ѣздитъ на соколиную и псовую охоту съ блестящей свитой; что на его пирахъ подаются изысканнѣйшія кушанья и самыя дорогія вина въ золотой и серебряной посудѣ; что каждый день толпятся въ его дворцѣ вельможи; что въ своихъ поѣздкахъ онъ изумляетъ великолѣпіемъ и щедростью.

Мы говорили о великолѣпіи свиты, съ которой ѣхалъ Томасъ Бекетъ въ Парижъ сватать малютку-дочь Людовика VII за шестилѣтняго сына Генриха VII (стр 347). Когда онъ въѣзжалъ въ Парижъ, передъ нимъ шли группами 250 мальчиковъ, пѣвшихъ народныя пѣсни, восемь тяжело нагруженныхъ телѣгъ и двѣнадцать вьючныхъ лошадей везли его кухонныя и комнатныя принадлежности, утварь его капеллы и подарки французскому двору; за нимъ ѣхала его духовная свита, рыцари, пажи, сокольники, другіе слуги. Но уже и во время блестящей пышности Томаса Бекета было замѣтно въ немъ аскетическое направленіе: не рѣдко бывало, что среди пирующихъ гостей онъ сидѣлъ, почти не участвуя въ ѣдѣ, и вставалъ изъ-за роскошнаго стола, не дотронувшись до вина.

Назначеніе Томаса Бекета архіепископомъ кентерберійскимъ 1162. 18 апрѣля 1161.

Молодой король очень уважалъ своего даровитаго и усерднаго слугу; часто являлся неожиданнымъ гостемъ на его пиры, приглашалъ его съ собою на охоту, рѣшалъ дѣла по его совѣту, поручалъ ему исполненіе своихъ рѣшеній, сдѣлалъ своимъ канцлеромъ. Когда умеръ Тебальдъ, архіепископъ кентерберійскій, король захотѣлъ назначить своего канцлера архіепископомъ кентерберійскимъ, первымъ сановникомъ англійской церкви; Генриху казалось, что Бекетъ будетъ управлять ею по его волѣ. Дѣло затянулось: духовенство не желало имѣть Бекета своимъ правителемъ, а король былъ занятъ войною, и кентерберійская каѳедра цѣлый годъ оставалась вакантной. Наконецъ духовенство принуждено было уступить требованію короля. Томасъ былъ выбранъ архіепископомъ кентерберійскимъ. Онъ имѣлъ тогда 43 года. Это было во время борьбы Александра III съ Викторомъ IV за папскій престолъ (VI, 637). Короли французскій и англійскій признавали папою Александра III; когда онъ приплылъ во

Францію и тулузскій соборъ провозгласилъ его законнымъ папою; оба эти короли пріѣхали заявить ему свое уваженіе: въ беррійскомъ замкѣ Шатору они оба привѣтствовали папу, шли по бокамъ его коня, держа поводья. Александръ охотно устранилъ всѣ каноническія возраженія, на основаніи которыхъ англійское духовенство сопротивлялось выбору Томаса Бекета, и когда Джонъ Сользберійскій пріѣхалъ извѣстить папу о его выборѣ на кентерберійскую каѳедру, Александръ немедленно утвердилъ его въ санѣ.

---

2. Кларендонскія конституціи.

Перемѣна отношеній Томаса Бекета къ королю.

Сдѣлавшись архіепископомъ кентерберійскимъ, Томасъ Бекетъ совершенно измѣнилъ свой образъ жизни и характеръ своей оффиціальной дѣятельности. Прежде только проницательные люди могли замѣчать въ немъ аскетическое направленіе; теперь оно проявилось формальнымъ образомъ. На столъ архіепископа подавались только немногія и самыя простыя кушанья; онъ почти вовсе не пилъ вина; разговаривалъ онъ только объ ученыхъ вопросахъ и церковныхъ дѣлахъ; къ обѣду приглашалъ уже не вельможъ, а нищихъ; отбросилъ всякую пышность; расходовалъ деньги не на роскошь, а на милостыню. Молва говорила, что подъ архіепископскимъ облаченіемъ онъ носитъ одежду простого монаха, изнуряетъ свою плоть молитвою, постомъ, бичеваньемъ. Прежнее веселье было изгнано изъ его обстановки; онъ отбросилъ прежнюю снисходительность къ еретикамъ, прежній индифферентизмъ въ религіозныхъ вопросахъ, сталъ горячимъ защитникомъ ученія римской церкви. Народъ считалъ его святымъ.

Отношенія англійской церкви къ королю.

Говорятъ, что Томасъ Бекетъ нѣсколько времени отказывался принять архіепископскій санъ. Хорошо зная короля, онъ предвидѣлъ борьбу между нимъ и папою: тѣ притязанія на владычество надъ церковью, какія заявлялъ Александръ III, были несовмѣстны съ отношеніями англійской церкви къ королю. Вильгельмъ Завоеватель поставилъ англійское духовенство въ безусловную зависимость отъ королевской власти, и его преемники продолжали держать его въ полномъ подчиненіи себѣ. Мы говорили, что Вильгельмъ Завоеватель круто устранилъ попытки Григорія VII вмѣшиваться въ англійскія церковныя дѣла; онъ не допускалъ никакихъ самостоятельныхъ учрежденій въ своемъ государствѣ, требовалъ, чтобы все въ Англіи повиновалось ему. Его преемники слѣдовали тому же принципу: Вильгельмъ Рыжій и Генрихъ I назначали епископовъ по своему произволу; Вильгельмъ Завоеватель конфисковалъ почти всѣ владѣнія, принад-

лежавшія церкви при англосаксонскихъ короляхъ и, давая имѣнія своимъ новымъ епископамъ-норманамъ, ставилъ этихъ сановниковъ въ положеніе вассаловъ: они были обязаны давать ему такую же присягу на вѣрность, какъ свѣтскіе вельможи. Выборы церковныхъ сановниковъ были пустою формальностью: духовенство было принуждено давать голоса тому кандидату, котораго предлагалъ король; а часто не была соблюдаема и эта формальность: король прямо назначалъ епископомъ того человѣка, котораго хотѣлъ. Мы видѣли также, что короли часто оставляли епископскія должности на долгое время вакантными, чтобы брать себѣ доходы ихъ. Англійскіе епископы были вполнѣ подчинены королю. При такомъ положеніи дѣлъ для короля не составляло особенной важности то, что не былъ отмѣненъ англосаксонскій законъ, по которому лица духовнаго званія были подсудны только церковнымъ трибуналамъ, не подсудны свѣтскимъ: король одинаково считался верховнымъ господиномъ тѣхъ и другихъ трибуналовъ, тѣ и другіе судили по однимъ законамъ (по англосаксонскому обычному праву); при томъ епископъ часто присутствовалъ въ судѣ графства, въ судѣ сотни часто присутствовалъ архидіаконъ; такимъ образомъ, въ судебной практикѣ сформировались обычаи, при которыхъ столкновенія между церковными и свѣтскими трибуналами возникали рѣдко, а возникнувъ, легко были устраняемы. Этотъ порядокъ дѣлъ, основанный на полномъ подчиненіи всего въ государствѣ королю, расшатался во время междоусобій при Стефанѣ: духовные и свѣтскіе бароны стали непокорны королю въ церковныхъ трибуналахъ; стало входить въ употребленіе каноническое право, вытѣсняя изъ нихъ старые законы. Томасъ Бекетъ зналъ, что Генрихъ Плантагенетъ непреклонно хочетъ возстановить неограниченную власть короля, подчинить ей все въ государствѣ, подавить всякое ослушаніе. Бекету была хорошо извѣстна неутомимая дѣятельность, съ какою Генрихъ занимается всѣмъ происходящимъ въ государствѣ. Король постоянно разъѣзжалъ по всѣмъ частямъ своихъ владѣній; часто случалось, что онъ въ одинъ годъ успѣвалъ побывать и на Гароннѣ, и на Сенѣ, и на Темзѣ, и на западѣ, на сѣверѣ Англіи. Никто лучше Бекета не зналъ, какъ властолюбивъ и упоренъ Генрихъ, совѣтовавшійся съ нимъ обо всемъ. Онъ понималъ, что король даетъ ему кентерберійскую каѳедру не по одному расположенію къ нему, но и по политическому разсчету, надѣется имѣть въ архіепископѣ такого же покорнаго и усерднаго слугу, какого имѣлъ въ канцлерѣ. Натурально было, что Бекетъ опасался принять архіепископскую должность: онъ предвидѣлъ, что ему скоро придется вести борьбу противъ системы, усерднѣйшимъ служителемъ которой былъ онъ, и что въ этой борьбѣ король одолѣетъ; Бекетъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ, что не имѣетъ той твердости воли, какая нужна архіепископу кентерберійскому; сознавалъ ли это самъ онъ или нѣтъ,

но мы видимъ, что въ борьбѣ съ королемъ онъ не выказалъ той силы характера, какой обладали другіе борцы за права церкви.

Если дѣйствительно Томасъ Бекетъ колебался принять санъ, то скоро борьба его въ душѣ кончилась. Въ началѣ 1163 года онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Саутэмптонѣ. Король выказывалъ къ нему прежнее расположеніе; ихъ бесѣды были продолжительны; они разстались дружески. Вскорѣ послѣ того новый архіепископъ сложилъ съ себя должность канцлера, возвратилъ королю всѣ замки, какіе были даны ему въ ленное владѣніе; этимъ прекратились всѣ его колебанія, онъ поставилъ цѣлью своей жизни борьбу за владычество церкви. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его свиданіи съ королемъ, Александръ III созвалъ соборъ въ Турѣ и прислалъ приглашеніе архіепископу кентерберійскому. Эта внимательность папы польстила гордости Бекета, и если онъ еще колебался до той поры, то теперь проникся признательностью къ Александру и сталъ усерднымъ приверженцемъ его притязаній на владычество надъ государями. Цѣлью собора было прекращеніе спора о томъ, кто законный папа, Александръ или Викторъ, и возстановленіе свободы церкви. Подъ этими словами скрывалось стремленіе къ владычеству папы надъ государями, заявленное Григоріемъ VII и одушевлявшее Александра, принужденнаго Фридрихомъ Барбароссой бѣжать изъ Италіи. Александръ хотѣлъ, чтобъ англійское духовенство помогало ему въ этомъ, т. е. безусловно подчинилось папской куріи. Завоеваніе Англіи норманами отняло прежнюю самостоятельность у анлійской церкви, но она еще оставалась не вполнѣ подвластна папѣ, потому что находилась въ полной зависимости отъ короля. Александръ хотѣлъ, чтобъ она сдѣлалась независима отъ короля и помогала папѣ подчинить королевскую власть папскому престолу.

Іерархическія цѣли Бекета.

Май 1163.

Воротясь изъ Тура, Томасъ Бекетъ потребовалъ, чтобы возвращены были кентерберійской каѳедрѣ замки, принадлежавшіе прежде ей, и отказался платить въ королевскую казну подать съ церковныхъ земель (подать составляла два шиллинга съ гейда, т. е. съ полнаго тягловаго участка, имѣвшаго среднимъ числомъ 35 или 40 десятинъ). Это было совершенно сообразно съ постановленіями папскаго собора. Король разсердился. Еще досаднѣе ему было то, что англійское духовенство стало заявлять притязанія на неподвластность общимъ законамъ королевства, и церковные трибуналы, которымъ были подвѣдомственны дѣла о преступленіяхъ лицъ духовнаго званія, судили ихъ такъ снисходительно, что это было похоже на полную безнаказанность преступленій и ослабляло свѣтскую власть. По каноническому праву лицо духовнаго сословія не могло быть подвергаемо ни смертной казни, ни тѣлесному наказанію. Томасъ Бекетъ велѣлъ духовнымъ трибуналамъ судить уголовныя дѣла по каноническому праву; результатомъ было то, что лица духовнаго сословія могли совершать преступленія, не подвергаясь такимъ наказаніямъ, какъ міряне. За тѣ преступленія, за которыя мірянъ казнили, они были наказываемы только денежными штрафами, лишеніемъ сана, церковнымъ покаяніемъ или обязательствомъ отправиться на поклоненіе въ какое-нибудь святое

Церковный судъ.

мѣсто. При тогдашнихъ нравахъ это было безнаказанностью и возбуждало къ преступленіямъ. Говорятъ, что съ начала правленія Генриха II до ссоры его съ Томасомъ Бекетомъ было совершено въ Англіи лицами духовнаго званія болѣе ста убійствъ. Произошелъ, наконецъ, такой случай: каноникъ, убившій рыцаря, былъ оправданъ духовнымъ судомъ; королевскій судья хотѣлъ произвести новое слѣдствіе объ этомъ убійствѣ; Томасъ Бекетъ не допустилъ этого, вызвалъ обвиняемаго къ своему собственному архіепископскому суду; этотъ судъ приговорилъ убійцу къ лишенію доходовъ отъ его должности на два года.

Борьба съ королемъ.

Генриху пришлось бы отказаться отъ надежды установить порядокъ и спокойствіе въ государствѣ, если бъ онъ оставилъ дѣла въ этомъ положеніи; королю необходимо было съ точностью опредѣлить предѣлы власти духовнаго суда; безъ того Англія подвергалась бы смутамъ отъ притязаній духовенства на независимость отъ государственныхъ законовъ. Эти притязанія послѣ турскаго собора стали очень рѣзки. Король хотѣлъ упрочить и расширить свою власть, держать англійскую церковь въ полномъ подчиненіи государю, какъ это и было прежде. Томасъ Бекетъ все яснѣе и яснѣе выказывалъ себя сторонникомъ понятій Григорія VII, который говорилъ, что царство Божіе составляетъ исключительно римская церковь, что она для исполненія возложенныхъ Богомъ на нее обязанностей должна быть независима ни отъ какой свѣтской власти, должна образовать плотную, замкнутую корпорацію, находящуюся въ полномъ подчиненіи папѣ и епископамъ, что лица духовнаго сословія своимъ рукоположеніемъ въ духовное званіе освобождаются отъ подвластности государству. Король ссылался на старые національные законы и на права королевской власти, пользовался споромъ антипапы съ папою, чтобъ отвергать притязанія Александра III. Томасъ Бекетъ ссылался на преданія кентерберійской архіепископской каѳедры, на согласіе своихъ дѣйствій съ понятіями всего католическаго духовенства, на постановленія соборовъ и непреклонно стремился поставить англійское духовенство въ независимость отъ королевскихъ судовъ сообразно принципамъ римской церкви и канонического права. Безнаказанность преступленій, совершаемыхъ лицами духовнаго званія, дѣйствовала на духовенство развращающимъ образомъ; порочность и наглость его давала королю оружіе противъ него: народу казалось, что духовенство добивается неподвластности свѣтскому суду лишь для того, чтобы безъ стыда и страха развратничать и буйствовать. Совѣтники короля говорили ему, что законы, вводимые папою, поглотятъ всѣ королевскія права, уничтожатъ національные англійскіе законы, обратятъ Англію въ папское государство. Онъ, употребляя свое любимое выраженіе, сказалъ, что клянется очами Божіими не терпѣть такого беззаконія.

Генрихъ принялся за дѣло осторожно: онъ созвалъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ на совѣщаніе въ Уэстминстеръ. Тутъ находился и То-

мась Бекетъ. Въ засѣданіи 1 октября (1163 года) король предложилъ ограничить кругъ вѣдомства духовныхъ судовъ слѣдующимъ правиломъ: духовный судъ, нашедши лицо духовнаго званія виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи, лишаетъ это лицо духовнаго сана и передаетъ его свѣтской власти для наказанія по закону. Джильбертъ Фоліотъ, епископъ лондонскій, человѣкъ благочестивый, не сочувствовавшій притязаніямъ папъ на владычество надъ государями, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что и въ государствѣ, и въ церкви смѣшаны духовные элементы съ мірскими, что должно устранить государство отъ власти надъ духовными дѣлами, а церковь отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, что короли черезъ помазаніе на царство получаютъ освященіе, что лица духовнаго званія всетаки граждане, а королевская власть освящена Богомъ, потому нѣтъ нарушенія правъ духовенства въ томъ, чтобы человѣкъ духовнаго званія, обвиняемый въ преступленіи, подлежалъ суду помазанника Божія. Томасъ Бекетъ отвѣчалъ, что эти понятія противны постановленіямъ святой церкви и божественному закону, упрекалъ епископа лондонскаго въ трусости и раболѣпствѣ, склонилъ большинство духовныхъ сановниковъ объявить, что они обязаны охранять права духовенства и церкви. Король предложилъ, чтобы собраніе дало обѣщаніе соблюдать англійскіе законы и обычаи въ томъ видѣ, какой имѣли они при Генрихѣ I. Епископы смутились: они не отважились отвергнуть обычное англійское право, не рѣшились отвѣчать королю безусловнымъ отказомъ. Послѣ краткаго совѣщанія между собою они объявили, что обязываются соблюдать старые обычаи, „но безъ нарушенія правъ святой церкви“. Эта оговорка не понравилась королю: онъ ушелъ, произнося угрозы. Епископы разошлись испуганные. Генрихъ былъ не такой человѣкъ, чтобы бросить дѣло при первой неудачѣ. Притомъ не всѣ епископы были согласны съ Томасомъ Бекетомъ; нѣкоторые присоединились къ его мнѣнію только по нежеланію ослушаться своего духовнаго начальника. Король хотѣлъ соединить въ одну партію преданныхъ ему прелатовъ и личныхъ враговъ архіепископа кентеберійскаго, важнѣйшими изъ которыхъ были Роджеръ, архіепископъ йоркскій, Джильбертъ, епископъ лондонскій, и Кларенбельдъ, аббатъ августинскаго монастыря, человѣкъ порочной жизни. Полезнымъ помощникомъ короля въ этомъ дѣлѣ былъ Арну Лизьё, придворный, пользовавшійся большимъ довѣріемъ короля, попавшій въ немилость къ нему и желавшій вновь пріобрѣсти его расположеніе. Многіе приверженцы Бекета покинули его. Филиппъ Омонъ, аббатъ одного изъ французскихъ монастырей, пріѣхавшій въ Англію, сказалъ ему, что папа, жившій тогда въ Сансѣ, очень недоволенъ его ссорою съ королемъ, и совѣтовалъ ему примириться съ Генрихомъ. Томасъ Бекетъ упалъ духомъ и въ январѣ 1164 года на свиданіи съ королемъ въ Вудстокѣ обѣщался „добросовѣстно“ соблюдать старые обычаи. Но скоро онъ раскаялся въ своей слабости. Напрасно онъ хотѣлъ успокоить свою совѣсть тонкими подразличеніями разныхъ оттѣнковъ смысла сказанныхъ имъ словъ (какъ это дѣлалось въ схоластическихъ трактатахъ); король и дворъ считали его вудстокское обѣщаніе отреченіемъ отъ уэстминстерской оговорки, и король рѣшилъ дать формальную законную силу старымъ обычаямъ, соблюдать которые обѣщался архіепископъ кентерберійскій. Генрихъ пригласилъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ собраться къ нему въ Кларендонъ, королевскій сельскій дворецъ въ графствѣ уильтширскомъ близъ города Сользбери. Онъ хотѣлъ, чтобъ на этомъ съѣздѣ вельможи и епископы дали формальное утвержденіе (рекогницію) старымъ обычаямъ. Томасъ Бекетъ просилъ совѣта у папы и получилъ бреве, повелѣвавшее ему не давать никакихъ обязательствъ, несогласныхъ съ правами римской церкви, и разрѣшавшее его отъ исполненія обязательства, если имъ дано обязательство

Начало ссоры короля съ Томасомъ Бекетомъ.

Кодификація обычнаго права.

подобнаго рода. На кларендонскомъ сеймѣ Бекетъ отвѣчалъ отказомъ на требованіе повторить данное имъ въ Виндзорѣ обѣщаніе соблюдать старые обычаи. Король былъ приведенъ въ ярость его отступничествомъ отъ прежняго обѣщанія и гнѣвно кричалъ, что будетъ вторымъ Сауломъ для духовенства, если оно не покорится его волѣ. Многіе прелаты въ ужасѣ бѣжали. Королевскіе уполномоченные объявили, что не признавать старыхъ обычаевъ значитъ отнимать корону у короля. Нѣсколько епископовъ, свѣтскихъ вельможъ и тампліэровъ подошли къ Томасу Бекету, спокойно остававшемуся на своемъ мѣстѣ, и умоляли его сжалиться надъ духовенствомъ, уступить королю. Твердость снова покинула Бекета; подумавъ нѣсколько времени, онъ подошелъ къ королю и далъ ему „свое епископское слово“ „добросовѣстно соблюдать старые государственные законы“. Но при этомъ онъ успокоилъ свою совѣсть тѣмъ, что въ мысляхъ прибавилъ къ обѣщанію оговорку о неприкосновенности правъ церкви (сдѣлалъ, какъ это называлось, „мысленную резерваціо“, считавшуюся по казуистикѣ римскихъ богослововъ равносильной формально высказанному ограниченію обѣщанія). Когда онъ далъ требуемое обѣщаніе, произнесли такое же обѣщаніе остальные епископы. Но актъ, называвшійся изложеніемъ старыхъ обычаевъ и принятый епископами, заключалъ въ себѣ много выраженій недостаточно опредѣлительныхъ, допускавшихъ разныя истолкованія. Это черезъ нѣсколько времени дало имъ возможность возобновить споръ. Кодификація старыхъ обычаевъ, утвержденная рекогниціею духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, получила черезъ это силу такъ называемаго статутнаго закона, то есть формально установленнаго государственнаго закона.

Конецъ января 1164.

Кларендонскія конституціи.

Актъ, принятый на кларендонскомъ сеймѣ, называется шестнадцатью кларендонскими конституціями. Главною цѣлью ихъ было уничтожить независимость духовенства отъ короля, подчинить духовныхъ сановниковъ королю точно такъ же, какъ были подчинены ему свѣтскіе вельможи, установить точное разграниченіе вѣдомства церковныхъ судовъ отъ вѣдомства свѣтскихъ, предовратить столкновенія между ними.

Кларендонскія конституціи постановляли: лица духовнаго званія, обвиняемыя въ тяжкихъ преступленіяхъ, подлежатъ суду свѣтскихъ трибуналовъ; церковь не имѣетъ права ограждать ихъ отъ наказанія; апеллировать отъ приговоровъ свѣтскихъ судовъ они могутъ только къ королю; выборы духовныхъ сановниковъ производятся только съ согласія короля, нуждаются въ его утвержденіи; онъ даетъ инвеституру духовному сановнику, то есть этотъ сановникъ вступаетъ въ отправленіе своей должности только съ королевскаго утвержденія и получаетъ въ свое завѣдованіе принадлежащія его церкви имѣнія только черезъ пожалованіе ихъ ему королевскою инвеституроо; это пожалованіе возлагаетъ на него всѣ тѣ обязанности относительно короля, какія лежатъ на свѣтскихъ вассалахъ; доходы вакантныхъ епископствъ и аббатствъ поступаютъ въ королевскую казну; королевскіе вассалы не могутъ быть подвергаемы отлученію отъ церкви безъ согласія короля; епископы не могутъ выѣзжать за границы королевства иначе, какъ съ разрѣшенія короля и подъ условіемъ обязательства не дѣлать за-границею ничего во вредъ королю и государству; сыновья людей, подвластныхъ господамъ (то есть, людей несвободныхъ), не могутъ быть принимаемы въ духовное званіе иначе, какъ съ согласія господъ.

Томасъ Бекетъ принимаетъ кларендонскія конституціи.

Томасъ Бекетъ не могъ отрицать того, что кларендонскія конституціи, написанныя опытными юристами по старымъ обычаямъ, дѣйствительно составляютъ изложеніе обычнаго права, существовавшаго при англосаксонскихъ и норманскихъ корояхъ,—того самаго права, соблюдать которое онъ обѣщался. Потому, послѣ нѣкотораго коле-

банія, онъ принялъ этотъ актъ и засвидѣтельствовалъ свое согласіе на него приложеніемъ архіепископской печати. Впослѣдствіи времени клерикальная партія, запутывая факты, излагала ходъ дѣла на кларендонскомъ сеймѣ въ сбивчивомъ видѣ, затумашивавшемъ истину; но никакими искаженіями фактовъ она не могла очистить Томаса Бекета отъ упрека въ слабости или двоедушіи. Принявъ кларендонскія конституціи, онъ послѣ того держалъ себя такъ, что очевидно выказывалъ сознаніе въ своей неправотѣ. Онъ ѣхалъ изъ Кларендона домой молча, погруженный въ раздумье; одинъ изъ его спутниковъ хотѣлъ прервать тяжелое молчаніе ободрительными словами; онъ отвѣчалъ, что взошелъ на архіепископскую каѳедру, какъ заболѣпный царедворецъ, недостойный ея, и сдѣлался предателемъ церкви. По пріѣздѣ въ Кентербери, онъ мучился раскаяніемъ; обратился къ папѣ съ просьбою о совѣтѣ и до полученія отвѣта воздерживался отъ совершенія богослужебныхъ дѣйствій, заперся отъ людей и сорокъ дней жилъ какъ грѣшникъ, осудившій себя на отшельничество. Наконецъ пришелъ отвѣтъ папы, успокоившій его: Александръ говорилъ, что онъ невиненъ, потому что Господь взираетъ не на поступокъ, а на волю сдѣлавшаго поступокъ, и повелѣвалъ ему совершать богослуженіе; онъ снова сталъ служить литургію.

Намѣреніе Томаса Бекета бѣжать изъ Англіи.

Но скоро его совѣсть была смущена новыми сомнѣніями. Король отправилъ съ двумя послами къ папѣ кларендонскія постановленія; папа отказалъ имъ въ утвержденіи, а между тѣмъ Генрихъ ужь обнародовалъ ихъ, какъ государственный законъ. Томасъ Бекетъ не хотѣлъ вновь подвергаться гнѣву короля, не хотѣлъ и повиноваться закону, отвергнутому папою. Онъ вздумалъ бѣжать изъ Англіи. Джонъ Сользберійскій, бѣжавшій отъ гнѣва короля во Францію, долженъ былъ заготовить пріютъ тамъ для Томаса Бекета. Но противный вѣтеръ задержалъ отплытіе Томаса изъ Англіи. Онъ попросилъ у короля свиданія. Генрихъ дозволилъ ему пріѣхать въ Вудстокъ, гдѣ жилъ тогда; но зная о его попыткѣ бѣжать, принялъ его холодно и съ насмѣшками. Томасъ Бекетъ не зналъ, какъ ему держать себя, и продолжалъ мучиться совѣстью. Наконецъ произошелъ случай, прекратившій его колебаніе.

Преданіе Томаса Бекета суду 1164.

Одинъ изъ финансовыхъ сановниковъ короля заявилъ Томасу Бекету, что онъ долженъ возвратить въ распоряженіе короля участокъ земли, неправильно захваченный во владѣніе кентерберійской каѳедры. Архіепископъ не согласился; финансовый сановникъ передалъ дѣло на рѣшеніе королевскаго суда. Судъ потребовалъ Томаса Бекета къ отвѣту. Бекетъ не отвергалъ, что судъ имѣетъ право рѣшить это дѣло, но отказался лично явиться къ суду, прислалъ вмѣсто себя уполномоченныхъ и оправдывалъ себя отъ обвиненія финансоваго сановника, ссылаясь на ошибку въ формѣ дѣйствій его. Отказъ Томаса Бекета явиться въ судъ былъ заявленъ 14 сентября (1164 года). Король увидѣлъ въ этомъ отказѣ нарушеніе ленныхъ обязанностей, собралъ въ Нортэмптонскій замокъ епископовъ, графовъ и бароновъ, предалъ Томаса Бекета суду этого сейма. Бекетъ явился 8 октября на судъ сейма и былъ найденъ виновнымъ. Сеймъ постановилъ, что архіепископъ кентерберійскій нарушилъ свои обязанности королевскаго вассала отказомъ явиться въ королевскій судъ и тѣмъ поставилъ себя внѣ закона,

такъ что король можетъ поступить съ нимъ по своему благоусмотрѣнію, а сеймъ, постановляющій теперь приговоръ о немъ, осуждаетъ его быть лишеннымъ движимаго имущества или въ замѣнъ того уплатить 500 фунтовъ штрафа. Епископы хотѣли уклониться отъ участія въ этомъ приговорѣ, но бароны сказали, что они должны заявить свое согласіе или несогласіе; король обратился къ нимъ съ гнѣвными словами, они оробѣли и присоединились къ мнѣнію бароновъ. Генрихъ, епископъ винчестерскій, объявилъ Бекету приговоръ сейма. Король потребовалъ, чтобы кромѣ штрафа, наложеннаго сеймомъ, Бекетъ уплатилъ 300 фунтовъ, которые, бывши канцлеромъ, взялъ у короля подъ залогъ двухъ замковъ. Томасъ Бекетъ отвѣчалъ, что употребилъ эти триста фунтовъ на постройку укрѣпленій королевскихъ замковъ, но обѣщался уплатить эти деньги и представилъ поруки въ томъ, что уплатитъ ихъ. Онъ надѣялся смягчить гнѣвъ короля своею уступчивостью. На слѣдующій день (9 октября) Генрихъ потребовалъ уплаты другихъ займовъ, сдѣланныхъ у него Томасомъ Бекетомъ, и грозилъ подвергнуть его аресту, если онъ не представитъ порукъ въ уплату. Бекетъ сказалъ, что эти деньги были даны ему королемъ не въ ссуду, а въ подарокъ, но обѣщался возвратить ихъ и представилъ порукъ въ уплатѣ. Генрихъ пошелъ дальше; онъ хотѣлъ запугать все духовенство суровымъ наказаніемъ архіепископа кентерберійскаго. На слѣдующій день, въ субботу, 10 октября король потребовалъ, чтобы Бекетъ отдалъ отчетъ въ управленіи доходами вакантныхъ епископствъ, аббатствъ, баронскихъ и другихъ леновъ, которыми завѣдовалъ онъ, когда былъ канцлеромъ. Сумма, въ расходованіи которой долженъ былъ онъ отдать отчетъ, простиралась до 30,000 марокъ. Всѣ видѣли, что король хочетъ безпощадно преслѣдовать Бекета. Онъ отвѣчалъ, что, когда слагалъ съ себя должность канцлера, то самъ король освободилъ его отъ всякой

Судъ надъ Бекетомъ за его дѣйствія по должности канцлера.

отвѣтственности по его завѣдованію канцлерствомъ; Генрихъ, епископъ винчестерскій, просилъ короля удовлетвориться тою суммою, которую могъ бы уплатить Бекетъ, не требовать съ него суммы, уплата которой невозможна. Король оставался неумолимъ, согласился лишь на то, чтобъ епископы и аббаты составили особое засѣданіе, на которомъ Томасъ Бекетъ посовѣтовался бы съ ними, какъ ему поступить. Это засѣданіе духовныхъ сановниковъ не привело ни къ какому опредѣленному результату. Слѣдующій день былъ воскресенье; въ понедѣльникъ Томасъ Бекетъ чувствовалъ себя больнымъ, дѣло было отложено до вторника, 13 октября. По городу ходили странные слухи; молва говорила, что король хочетъ низложить архіепископа кентерберійскаго, бросить его въ темницу или даже казнить его. Робкіе люди совѣтовали Томасу Бекету покориться, отдать себя на волю короля, смягчить этимъ его гнѣвъ.

Томасъ Бекетъ апеллируетъ къ папѣ.

Но Бекетъ уже принялъ рѣшеніе быть твердымъ. Онъ сурово порицалъ прелатовъ за ихъ робость, запретилъ имъ участвовать въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ сейма о немъ, велѣлъ имъ отлучить отъ церкви тѣхъ бароновъ, которые отважатся поднять на него руку. Прелаты ушли отъ Бекета смущенные, не отваживаясь на сопротивленіе королю. Бекетъ отслужилъ литургію съ молебномъ въ память первомученика Стефана. Этотъ молебенъ начинался словами псалма: „Возстаютъ цари земли и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ Помазанника Его“ (псал. II, 2). Отслуживъ молебенъ, Бекетъ въ архіепископскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, пошелъ въ залъ сейма. Бароны встрѣтили его упреками, называли клятвопреступникомъ, измѣнникомъ королю. Онъ сохранялъ спокойствіе. На вопросъ, отдастъ-ли онъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по должности канцлера и представитъ ли порукъ, онъ отвѣчалъ, что по своей ленной присягѣ онъ обязанъ быть вѣрнымъ и покорнымъ королю, своему земному

господину, но лишь настолько, насколько это не нарушаетъ его обязанности повиновенія Богу и не противно достоинству епископскаго сана; что при своемъ посвященіи въ архіепископскій санъ онъ былъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности по своему завѣдованію должностью канцлера, что онъ не можетъ представить порукъ по дѣлу, не имѣющему никакой связи съ дѣломъ, по которому былъ онъ вызванъ къ суду; онъ кончилъ рѣчь заявленіемъ, что апеллируетъ къ папѣ и отдаетъ себя и кентерберійскую каѳедру подъ защиту апостола Петра и охрану Божію.

Сеймъ объявляетъ Томаса Бекета виновнымъ въ измѣнѣ королю.

Апелляція къ папѣ была формальнымъ нарушеніемъ кларендонскихъ конституцій. Бароны взволновались, въ залѣ поднялся оглушительный шумъ, раздавались голоса, требовавшіе, чтобы Томасъ Бекетъ былъ отведенъ въ темницу, былъ осужденъ на смерть. Онъ сидѣлъ спокойно, устремивъ взглядъ на крестъ. Король находился въ сосѣдней залѣ; ему доложили, что архіепископъ кентерберійскій апеллируетъ къ папѣ; онъ сказалъ, что человѣкъ, такъ дерзко нарушающій кларендонскія конституціи, соблюдать которыя самъ присягнулъ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ нарушеніи вассальскихъ обязанностей, и что приговоръ, который будетъ постановленъ надъ нимъ, должны объявить ему епископы. Епископы стали говорить королю, что архіепископъ кентерберійскій — глава англійской церкви, что онъ запретилъ имъ принимать участіе въ судѣ надъ нимъ, что, если они теперь будутъ засѣдать въ сеймѣ, который судитъ его, то будутъ виновны въ нарушеніи церковной дисциплины и въ непокорности папѣ, къ которому апеллировалъ архіепископъ. Но король не хотѣлъ принимать этихъ отговорокъ; епископы нашли способъ отклонить отъ себя его гнѣвъ. Они прислали Гиларія, епископа чичестерскаго, сказать отъ имени всѣхъ ихъ королю, что они перестаютъ признавать своимъ духовнымъ главою Томаса Бекета, запретившаго имъ исполнять ихъ ленныя обязанности, принуждавшаго ихъ нарушить присягу вассальской вѣрности, и будутъ просить папу объ освобожденіи ихъ отъ повиновенія человѣку, измѣнившему своей присягѣ. Они сѣли въ залѣ сейма отдѣльно отъ бароновъ и сидѣли молча, не участвуя въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ сейма. Такимъ образомъ, судьями по дѣлу объ архіепископѣ кентерберійскомъ остались только свѣтскіе бароны. Они рѣшили, что Томасъ Бекетъ виновенъ въ нарушеніи своихъ вассальскихъ обязанностей, и поручили Роберту, графу лесстерскому, объявить этотъ приговоръ Томасу Бекету. Какъ только началъ графъ лесстерскій читать приговоръ, Томасъ Бекетъ всталъ и сказалъ, что онъ своею властью архіепископа кентерберійскаго воспрещаетъ сейму постановлять судебный приговоръ о немъ, что онъ апеллировалъ къ папѣ и не признаетъ никакого мірского суда надъ собою; сказавъ это, онъ спокойно пошелъ къ дверямъ зала, опираясь на посохъ съ изображеніемъ креста. Вслѣдъ ему закричали: „измѣнникъ, клятвопреступникъ!» Онъ остановился и сказалъ: „Если бъ я могъ носить оружіе, я съумѣлъ бы очистить себя отъ упрека въ измѣнѣ“. Когда онъ вышелъ на улицу, народъ, толпившійся передъ воротами, упалъ на колѣна и просилъ его благословенія. Онъ сѣлъ на копя и поѣхалъ съ своею свитою въ Андреевскій монастырь, тамъ вошелъ въ церковь, поставилъ свой крестъ у престола придѣла, посвященнаго Богоматери, потомъ сѣлъ въ послѣдній разъ обѣдать съ своими спутниками; во время обѣда былъ читаемъ разсказъ Кассіодора о гоненіи на Либерія; по окончаніи обѣда онъ пошелъ въ церковь, сказавъ, что проведетъ тамъ ночь одинъ.

Бѣгство Томаса Бекета во Францію.

Передъ тѣмъ временемъ Томасъ Бекетъ просилъ у короля охранной граматы для отъѣзда изъ Англіи; Генрихъ отказалъ ему; это заста-

вило Бекета полагать, что король хочетъ арестовать его. Ночь была темная, бурная; онъ воспользовался этимъ. Посверхъ своего архіепископскаго паллія онъ надѣлъ мантію простого монаха и съ тремя спутниками поѣхалъ изъ Нортэмптона. Гербертъ Босгэмъ, вѣрный приверженецъ его, поскакалъ въ Кентербери взять тамъ денегъ, а самъ Бекетъ поѣхалъ въ Линкольнъ, чтобы оттуда пробраться къ южному берегу и уплыть изъ Англіи. Дѣйствительно, ему надобно было бѣжать: онъ подвергался опасности быть арестованнымъ и низложеннымъ. Біографы его прославляютъ это бѣгство. Въ одеждѣ простого монаха онъ, подъ именемъ Христіана, пріѣхалъ въ Семпрингэмскій женскій монастырь; оттуда проѣхалъ въ келью одного отшельника и пустился вдоль приморья по направленію къ Кенту; дни проводилъ онъ въ монастыряхъ и отшелническихъ кельяхъ, ѣхалъ только ночью. Близъ Кентербери онъ едва не былъ арестованъ; укрывался недѣлю въ Истри, по сосѣдству съ Кентербери, пробрался наконецъ въ Сандвичъ; въ ночь съ 1 на 2 ноября отплылъ въ старой лодкѣ во Фландрію, вышелъ тамъ на песчаный берегъ, долго шелъ по песку, такъ что совершенно изнурился; наконецъ привели ему лошадь, и онъ, утомленный, пріѣхалъ въ Гравелингенъ.

Томасъ Бекетъ во Франціи.

Кажется, Генрихъ не мѣшалъ бѣгству Томаса Бекета; вѣроятно, король былъ даже радъ, что избавляется отъ неудобства подвергать наказанію перваго саповника англійской церкви. Но Генрихъ принялъ мѣры для противодѣйствія жалобамъ Томаса Бекета папѣ. Въ ту же ночь, какъ поплылъ изъ Англіи Бекетъ, приплыли во Францію послы, отправленные королемъ къ папѣ, жившему въ Сансѣ. Посольство составляли Роджеръ, архіепископъ йоркскій, епископы лондонскій и чичестерскій и нѣсколько бароновъ. Они везли письма Генриха къ графу фландрскому и королю французскому, которыхъ король англійскій просилъ не давать пріюта бывшему архіепископу кентерберійскому. Король французскій, прочитавъ письмо, обратилъ вниманіе на слово „бывшій“, спросилъ пословъ, кто же имѣлъ право низложить архіепископа, и сказалъ, что не совмѣстно было бы съ честью короля французскаго отказать въ пріютѣ просящему защиты. Вслѣдъ за послами Генриха пріѣхали къ Людовику послы Томаса Бекета, остановившагося въ Суассонѣ до полученія отвѣта короля французскаго. Однимъ изъ этихъ пословъ былъ Гербертъ Босгэмъ. Людовикъ принялъ ихъ очень дружелюбно.

---

3. Томасъ Бекетъ въ изгнаніи.

Отношеніе папы къ Томасу Бекету.

Александру была очень непріятна ссора Томаса Бекета въ Генрихомъ. Душою папа былъ вполнѣ на сторонѣ Бекета, но опасался разсердить короля англійскаго, который въ случаѣ досады могъ перейдти на сторону антипапы; это было бы тѣмъ опаснѣе для Александра, что дѣйствія Генриха были одобрены почти всѣми англійскими

епископами, и самъ архіепископъ йоркскій горячо поддерживалъ короля. Александръ получалъ изъ Англіи подать, называвшуюся денаріемъ Петра, и много другихъ доходовъ; разсердивъ Генриха, онъ лишился-бъ ихъ. Притомъ нѣкоторые изъ кардиналовъ порицали сопротивленіе Томаса Бекета королю, который выказывалъ себя набожнымъ сыномъ церкви; они говорили, что архіепископу кентерберійскому слѣдовало бы держать себя уступчивѣе. Но Александръ всетаки принялъ Томаса Бекета подъ свое покровительство. Послы Генриха просили папу, чтобъ онъ убѣдилъ Бекета возвратиться, и отправилъ въ Англію легата съ неограниченнымъ полномочіемъ изслѣдовать и рѣшить дѣло по обвиненіямъ противъ архіепископа кентенберійскаго. Папа отвѣчалъ, что прежде всего онъ долженъ поговорить съ архіепископомъ кентерберійскимъ. Послы отклоняли папу отъ намѣренія видѣться съ нимъ; Александръ не поддался ихъ убѣжденіямъ, и они вернулись въ Англію. Черезъ четыре дня по ихъ отъѣздѣ пріѣхалъ въ Сансъ Томасъ Бекетъ со свитою, состоявшею изъ 300 всадниковъ. Папа оказалъ ему очень почетный пріемъ. Въ разговорѣ наединѣ съ папою Бекетъ разъяснилъ ему значеніе кларендонскихъ постановленій; Александръ вознегодовалъ на короля за нихъ и сказалъ Бекету, что онъ поступалъ очень дурно, выражая свое согласіе на эти законы, противорѣчащіе каноническому праву. Послѣ того Александръ созвалъ кардиналовъ на совѣщаніе; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы знаемъ, были на сторонѣ короля и рѣзко осуждали упрямство Бекета. Но папа объявилъ, что Бекетъ совершенно правъ, обѣщалъ ему свою поддержку, возвратилъ ему архіепископскій санъ, который онъ, по пріѣздѣ въ Сансъ, сложилъ съ себя и предоставилъ въ распоряженіе папы. Бекетъ отправился въ цистерціанскій монастырь въ Понтиньи, который папа назначилъ убѣжищемъ для него. Онъ велъ тамъ отшельническую жизнь, дѣлилъ время между изученіемъ римскаго права, другими учеными занятіями, молитвою и суровыми подвигами аскетизма.

Преслѣдованіе сторонниковъ Бекета.

Въ далекую отъ Англіи отшельническую келью Бекета доносились стоны приверженцевъ, страдавшихъ за него. Послы Генриха, возвратившись около Рождества, доложили королю объ отвѣтѣ папы; онъ пришелъ въ ярость и принялъ очень крутыя мѣры: велѣлъ брать въ казну доходы кентерберійской каѳедры, поручилъ завѣдованіе имѣніями ея мірянину Рандольфу Броку, запретилъ подъ угрозою заключенія въ темницу всякія сношенія съ Бекетомъ, запретилъ подъ тою же угрозою апелляцію къ папѣ безъ королевскаго разрѣшенія, безпощадно прогналъ изъ Англіи родныхъ и сторонниковъ Томаса Бекета вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, конфисковалъ ихъ имущества, и они скитались нищими по чужимъ землямъ. Всѣ, подозрѣваемые въ сочувствіи Бекету, были лишаемы должностей. Но въ Англіи было очень велико число людей, находившихъ Бекета правымъ, продолжавшихъ считать его главою англійской церкви, молившихся о его возвращеніи на каѳедру.

Жизнь Бекета въ Понтиньи 1165—1166.

Бекету пришлось долго жить въ бургонскомъ цистерціанскомъ аббатствѣ. Обстоятельства расположились очень невыгодно для него. Мы знаемъ, что въ это время Райнальдъ, архіепископъ кёльнскій, склонялъ нѣмецкое духовенство возстать противъ Александра III, что вюрцбургскій сеймъ принялъ рѣшенія, враждебныя Александру, что на этомъ сеймѣ присутствовали послы англійскаго короля (VI, 649). Если бы Генрихъ призналъ папою Пасхалія III, это было бы очень тяжелымъ ударомъ для Александра. Притомъ борьба съ императоромъ поглощала все вниманіе Александра; ему недосугъ было заниматься дѣломъ Томаса Бекета; онъ уѣхалъ изъ Франціи въ Римъ, принужденъ былъ бѣжать оттуда въ Беневентъ, жилъ далеко отъ герцогства бургонскаго. Томасъ Бекетъ жаловался, что Александръ не помогаетъ ему, страдающему за свою преданность папской власти; но не могъ добиться отъ Александра ничего, кромѣ осторожныхъ просьбъ, на которыя король англійскій не обращалъ вниманія. Бекетъ пытался самъ вступиться за своихъ преслѣдуемыхъ родныхъ и друзей, три раза писалъ англійскому королю то умоляющимъ, то угрожающимъ тономъ; король не удостоилъ его никакого отвѣта и велѣлъ своему придворному судьѣ, Ричарду Льюси, преслѣдовать сторонниковъ Бекета строже прежняго. Бекетъ просилъ Матильду ходатайствовать за него, но она одобряла распоряженія сына; притомъ она скоро умерла. Джонъ Сользберійскій упрашивалъ короля французскаго вступиться за Бекета; но Людовикъ VII, въ началѣ оказавшій расположеніе къ Бекету, дѣйствовалъ тогда такъ лишь по политическому разсчету: онъ воевалъ тогда съ Генрихомъ; теперь онъ примирился съ англійскимъ королемъ и не имѣлъ разсчета покровительствовать Бекету. Суровость Генриха раздражила Бекета; онъ жаждалъ мщенія, со злобой говорилъ о людяхъ, „преклоняющихъ колѣна передъ Вааломъ“. Ему не страшно было то, чего боялся Александъ, опасавшійся, что Генрихъ перейдетъ на сторону Пасхалія III, который купитъ его поддержку признаніемъ законной силы за кларендонскими постановленіями. Бекетъ зналъ, что англійскіе вельможи и епископы враждебны Пасхалію и что король едва ли можетъ одолѣть ихъ сопротивленіе, если захочетъ признать папою Пасхалія. Вѣроятно, Генрихъ и не имѣлъ серьезнаго намѣренія сдѣлать это, а только пугалъ Александра Пасхаліемъ, чтобы держать его въ своихъ рукахъ.

Томасъ Бекетъ отлучаетъ отъ церкви похитителей достоянія кентерберійской каѳедры 1166.

Александръ поступалъ очень осторожно: онъ не могъ прямо отказывать Томасу Бекету въ своемъ покровительствѣ, разрѣшилъ ему угрожать отлученіемъ отъ церкви „святотатцамъ“, если они не возвратятъ захваченныя ими имѣнія и доходы кентерберійской каѳедры; далъ ему санъ легата; тѣмъ и ограничилось его покровительство Бекету; раздражать Генриха онъ не хотѣлъ, но Бекетъ принудилъ его дѣйствовать рѣшительнѣе. Весной (1166 года) около праздника Троицы Бекетъ пріѣхалъ въ Везле; три дня и три ночи молился передъ иконами Богоматери и святыхъ угодниковъ Божіихъ, потомъ произнесъ въ наполненной народомъ церкви рѣчь, въ которой объявилъ незаконными и недѣйствительными кларендонскія конституціи, провозгласилъ отлученными отъ церкви составителя этихъ конституцій, придворнаго судью, Ричарда де Льюси и его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, королевскихъ пословъ на вюрцбургскомъ сеймѣ, и всѣхъ похитившихъ достояніе Христово, имущество кентерберійской каѳедры, объявилъ лишенными сана: Жослена, епископа сользберійскаго и Джона, ординатора оксфордскаго (т. е. управляющаго имуществами оксфордской епархіи), и въ заключеніе рѣчи произнесъ воззваніе, обращенное къ самому королю, требуя, чтобъ онъ покаялся, и угрожая отлученіемъ и интердиктомъ въ случаѣ его упорства.

Переговоры.

Генрихъ въ это время созвалъ епископовъ и вельможъ своихъ француз-

скихъ владѣній на сеймъ въ Шинонъ. Услышавъ объ отлученіяхъ и угрозахъ, произнесенныхъ Бекетомъ въ Везлé, онъ пришелъ въ ярость и обратился къ засѣдавшимъ на сеймѣ съ упреками въ томъ, что они не поддерживаютъ своего сюзерена съ должнымъ усердіемъ. Арну Лизьё и Джильбертъ Фоліотъ, епископъ лондонскій, убѣдили норманское и англійское духовенство обратиться къ папѣ съ просьбой о низложеніи Бекета. Фридрихъ Барбаросса готовился тогда идти въ Италію, чтобы привести тамъ въ исполненіе рѣшенія вюрцбургскаго сейма. Положеніе Александра III было очень опасно; онъ не могъ раздражать короля англійскаго, норманское и англійское духовенство покровительствомъ Бекету, поступившему на перекоръ его совѣтамъ. Епископъ лондонскій прислалъ отъ имени англійскаго духовенства письмо къ папѣ; онъ говорилъ о поступкѣ Томаса Бекета въ сильныхъ выраженіяхъ, доказывалъ юридическими доводами противозаконность отлученій и угрозъ, произнесенныхъ Бекетомъ; тонъ письма былъ суровый, въ немъ высказывалась антипатія епископа лондонскаго къ характеру Бекета, нарушавшаго церковные законы своимъ роскошнымъ образомъ жизни въ годы канцлерства и оскорблявшаго людей своимъ высокомѣріемъ по полученіи архіепископскаго сана. Бекетъ написалъ возраженіе на апелляцію англійскаго духовенства. Основываясь на понятіяхъ Григорія VII объ отношеніяхъ церкви къ государству, онъ говорилъ, что эта апелляція—мятежъ противъ церковнаго порядка, установленнаго Христомъ, то есть противъ самого Христа. Раздраженный тѣмъ, что король сталъ еще суровѣе прежняго преслѣдовать его приверженцевъ, онъ 24 іюня (1166 года) провозгласилъ отлученными отъ церкви довольно многихъ другихъ исполнителей королевской воли, кромѣ тѣхъ, которыхъ уже называлъ по именамъ въ первомъ отлученіи. Противники Бекета сильнѣе прежняго убѣждали папу лишить его своего покровительства и вступить въ соглашеніе съ королемъ. Они отправили въ Римъ посольство, главою котораго былъ Джонъ оксфордскій, отлученный отъ церкви Бекетомъ; послы привезли съ собою много денегъ для подкупа римской куріи. Генрихъ написалъ архіепископу кёльнскому, что это посольство—послѣдняя попытка его примириться съ Александромъ, что, если она окажется напрасна, то въ Англіи будетъ признанъ папою Пасхалій. Это письмо было обнародовано. Генрихъ едва ли въ самомъ дѣлѣ думалъ признать папою Пасхалія; вѣроятно онъ только пугалъ Александра. Англійскіе послы между тѣмъ дѣйствовали на римскую курію деньгами, обольщали Александра обѣщаніями и достигли своей цѣли. Александръ снялъ съ Джона оксфордскаго отлученіе отъ церкви и назначилъ двухъ легатовъ для личныхъ переговоровъ съ Генрихомъ, уполномочилъ ихъ заключить миръ съ нимъ. Однимъ изъ этихъ легатовъ былъ Гульельмо, епископъ павійскій, человѣкъ преданный Генриху. Джонъ оксфордскій съ восторгомъ поѣхалъ сообщить королю объ успѣхѣ посольства; при дворѣ Генриха стали говорить, что Бекетъ будетъ низложенъ папою; но между тѣмъ въ Римъ пріѣхали послы Бекета и объяснили Александру, что своею уступчивостью онъ подрываетъ авторитетъ церкви; этотъ доводъ произвелъ сильное впечатлѣніе на папу; Александръ сталъ успокоивать Бекета; говорилъ, что легаты отправлены только для примиренія короля съ нимъ, что не было и рѣчи о низложеніи его или объ ослабленіи его архіепископской власти, что было бы полезно только то, еслибъ онъ самъ добровольно сложилъ съ себя санъ на нѣкоторое время; король удовлетворился-бъ этимъ и не сталъ бы противиться тому, чтобъ онъ снова занялъ архіепископскую каѳедру. Двоедушничая передъ королемъ, Александръ двоедушничалъ и передъ Бекетомъ: давая Бекету успокоительныя увѣренія, онъ въ то же время снялъ отлученіе съ нѣкоторыхъ изъ подвергнутыхъ имъ этому наказанію и обѣщался снять отлученіе съ

другихъ, а въ письмѣ къ Людовику VII туманными выраженіями говорилъ о своемъ намѣреніи прекратить ссору Бекета съ Генрихомъ, назначивъ Бекета примасомъ французской церкви.

Возвратившись во Францію, послы Бекета уже не нашли его въ Понтиньи. Генрихъ требовалъ отъ цистерціанцевъ, чтобъ они прогнали Бекета изъ своего монастыря, угрожая прогнать всѣхъ монаховъ ихъ ордена изъ своихъ владѣній, если воля его не будетъ исполнена. Цистерціанцы попросили Бекета избавить ихъ отъ затруднительнаго положенія, уѣхать отъ нихъ. Онъ сказалъ: „Господь, питающій птицъ небесныхъ и одѣвающій красотою полевыя лиліи, не покинетъ меня и моихъ“, простился съ понтиньискими монахами и, сопровождаемый другими англійскими изгнанниками, поѣхалъ въ Сансъ, въ монастырь святого Колумба. Число изгнанниковъ, сопровождавшихъ его, простиралось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; король французскій доставилъ имъ удобства жизни въ монастырѣ Колумба.

Неудача попытокъ примиренія.

Надежды англійскихъ короля и епископовъ на то, что папа низложитъ Бекета, оказались напрасны. Легаты, пріѣхавъ къ Генриху, не говорили о низложеніи Бекета, а склоняли короля примириться съ нимъ. Доводы, переданные папѣ послами Бекета, произвели, какъ мы говорили, сильное впечатлѣніе на Александра; онъ далъ легатамъ новую инструкцію, которой отнималъ у нихъ полномочіе низложить Бекета. На свиданіи съ Бекетомъ въ Жизорѣ (18 ноября 1167 года) они говорили ему, что положеніе папы очень затруднительно, что императоръ поддерживаетъ Пасхалія, что поэтому нельзя раздражать короля англійскаго, напоминали Бекету о томъ, какъ милостивъ былъ къ нему Генрихъ въ прежніе годы; но всѣ ихъ убѣжденія остались напрасны: Бекетъ не согласился сложить съ себя санъ, не согласился и дать обѣщаніе, что будетъ соблюдать старые обычаи (т. е. кларендонскія конституціи, представлявшія сводъ старыхъ обычаевъ). Легаты отправились къ Генриху, жившему тогда въ одномъ изъ замковъ близъ Кана (Caen, въ Нормандіи) 27 ноября, и отдавъ ему отчетъ о безуспѣшности своихъ переговоровъ съ Бекетомъ, признались, что не имѣютъ полномочія низложить архіепископа кентерберійскаго. Генрихъ пришелъ въ ярость, кричалъ, ругался; черезъ три дня наконецъ овладѣлъ собою и отпустилъ легатовъ милостиво съ увѣреніями въ своей преданности папѣ. Должно было ожидать, что Бекетъ провозгласитъ новыя отлученія и низложенія; потому англійское и норманское духовенство снова апеллировало противъ его власти, передавая дѣло на рѣшеніе папѣ. Александръ, жившій тогда въ Беневентѣ, принужденъ былъ заняться дѣломъ, отъ котораго, вѣроятно, желалъ бы уклониться. Вѣроятно, онъ очень досадовалъ на упрямаго архіепископа, безпрестанно отправлявшаго къ нему пословъ и письма, и на окружавшую Бекета толпу англійскихъ изгнанниковъ, пріѣзжавшихъ въ Беневентъ, имѣвшихъ тамъ гостинницы и постоянныхъ агентовъ: Александру, при его борьбѣ съ императоромъ и антипапою, было очень тяжело впутываться въ дѣло, ставившее его въ дурныя отношенія къ англійскому королю. Но владычество надъ церковью, къ которому стремился Александръ, дѣлало необходимостью для него защищать Бекета; онъ хорошо понималъ, что подорвалъ бы папскую власть, если бъ отдалъ Бекета на произволъ короля англійскаго. Послы Генриха предлагали Александру, чтобы онъ перемѣстилъ Бекета на какую-нибудь архіепископскую каѳедру во Франціи и назначилъ архіепископомъ кентерберійскимъ кардинала-легата Гульельмо Павійскаго; они очень хлопотали объ этомъ, не жалѣли денегъ, пріобрѣтали себѣ союзниковъ всяческими интригами; оба легата и многіе другіе кардиналы поддерживали ихъ. Генрихъ склонялъ своего родственника, короля сицилійскаго, дѣйствовать на папу въ томъ же смыслѣ. И всетаки Александръ не согласился избавить Генриха отъ Беке-

Ходъ дѣла въ Беневентѣ 1168.

та этимъ, по видимому, очень удобнымъ способомъ. Интересы папскаго владычества надъ церковью не допускали того, и хотя послы Бекета, не имѣя денегъ, могли дѣйствовать только просьбами, Александръ не могъ высвободиться изъ-подъ вліянія ихъ разсужденій объ интересахъ церкви. Послы Генриха добились только того, что папа отстрочилъ рѣшеніе дѣла; въ маѣ 1168 года онъ отправилъ двухъ картезіанскихъ монаховъ объявить объ этомъ Генриху и Бекету.

Отстрочка рѣшенія.

Изъ писемъ, въ которыхъ папа говоритъ объ отсрочкѣ рѣшенія, ясно, что курія оставалась при своей прежней мысли, что дѣло должно быть покончено примиреніемъ Генриха съ Бекетомъ; но она дѣйствовала очень хитро: въ письмѣ къ Генриху выставляется, что примиреніе будетъ очень выгодно для него; по письму къ Бекету, вся выгода будетъ на сторонѣ Бекета. Королю папа писалъ, что не дозволитъ Бекету отлучить короля отъ церкви или наложить интердиктъ на его королевство; въ папскомъ бреве къ Томасу говорится, что должно въ очень скоромъ времени ожидать примиренія короля съ нимъ и возвращенія ему кентерберійской каѳедры; но что, если этого не будетъ, то папа возвратитъ ему право отлучить короля отъ церкви и наложить интердиктъ на королевство.

Разсчетъ папской куріи былъ составленъ очень ловко, но всетаки оказался неудаченъ. Передъ тѣмъ временемъ происходили попытки возстанія въ южной части французскихъ владѣній Генриха; король французскій поддерживалъ инсургентовъ, и должно было полагать, что это поведетъ къ войнѣ между Людовикомъ и Генрихомъ. Они оба хотѣли предовратить ее и условились съѣхаться на свиданіе въ Ла-Ферте́-Бернаръ, пригласить и Томаса Бекета на это свиданіе. Оно было назначено въ іюлѣ (1168 года). Но, получивъ папское письмо, Генрихъ перетолковалъ всѣ темныя выраженія въ такомъ смыслѣ, какъ нравилось ему думать, и сталъ торжествующимъ тономъ говорить, что теперь у Томаса Бекета отнята власть и останется отнята, пока будетъ угодно ему, Генриху; онъ прибавлялъ къ этому насмѣшки надъ продажностью кардиналовъ; говорилъ, что деньги имѣютъ всемогущую силу надъ папскою куріею. Онъ разсудилъ, что ему теперь не нужно свиданіе съ Томасомъ Бекетомъ, не нужно свиданіе съ королемъ французскимъ и, когда Людовикъ въ назначенный срокъ пріѣхалъ въ Ла-Ферте-Бернаръ, онъ не нашелъ тамъ Генриха. Англійскіе изгнанники подняли крикъ о вѣроломствѣ его. Французское духовенство вознегодовало на него; Бекетъ написалъ папѣ рѣзкимъ тономъ, что отказался отъ всѣхъ удобствъ жизни, подвергъ себя тяжкимъ страданіямъ въ интересахъ могущества и чести папскаго престола, пожертвовалъ всѣми земными благами, обрекъ себя на бѣдствія для огражденія достоянія Христова. Король и королева французскіе высказали папѣ раздраженнымъ тономъ свое негодованіе на то, что онъ слишкомъ благосклоненъ къ ихъ противнику. Александръ сталъ успокоивать Людовика и его супругу, французское духовенство и англійскихъ изгнанниковъ; отозвалъ изъ Франціи своихъ легатовъ и, по отъѣздѣ этихъ особенныхъ уполномоченныхъ, возвратилъ власть легата Томасу Бекету.

Результаты дипломатическихъ хитростей папской куріи.

Ходъ политическихъ дѣлъ благопріятствовалъ успѣху хлопотъ Александра. Война между королями французскимъ и англійскимъ длилась нѣсколько мѣсяцевъ, много было опустошено нивъ, много селеній сожжено; но скоро противники увидѣли безполезность вражды и условились съѣхаться въ замкѣ Монмиралѣ для заключенія мира. На

Монмиральскій конгрессъ 1169.

этомъ свиданіи (6 января 1169 года) они дѣйствительно примирились. Генрихъ обѣщался исполнять свои обязанности вассала, какъ владѣтель французскихъ областей; сыновья его, Генрихъ, правитель Анжу и Мена, и Ричардъ, правитель Пуату, присягнули на вѣрность королю французскому. При этомъ случаѣ короли условились и о томъ, чтобы покончить между собою ссору изъ-за Томаса Бекета. Генрихъ сказалъ, что, когда Бекетъ смиренной просьбой о прощеніи покажетъ свое вѣрноподданническое повиновеніе, то онъ возвратитъ ему каѳедру и всѣ почести. Людовикъ пригласилъ Бекета пріѣхать въ Монмираль; Бекетъ пріѣхалъ, сталъ на колѣна передъ Генрихомъ, сказалъ, что своими ошибками виноватъ въ смутахъ, которымъ подверглась англійская церковь. Должно было полагать, что ссора кончена. Генрихъ протянулъ руку Бекету и поднялъ его съ колѣнъ, но на вопросъ Генриха, будетъ-ли онъ свято уважать старые обычаи королевства, какъ уважали всѣ его предмѣстники на архіепископской каѳедрѣ, Бекетъ отвѣчалъ съ прежнею оговоркою, что будетъ уважать ихъ, насколько то согласно съ уваженіемъ къ славѣ Божіей. Генрихъ вспыхнулъ, сталъ рѣзко говорить о высокомѣріи, неблагодарности Бекета. Собраніе разошлось. Вечеромъ Бекетъ возвратился въ монастырь святого Колумба. Даже находившіеся тамъ англійскіе изгнанники были раздражены его упрямствомъ, помѣшавшимъ возвращенію ихъ въ отечество на прежнія должности, принуждавшему вести прежнюю, бѣдственную, нищенскую жизнь. Были возобновлены попытки примирить Генриха съ Бекетомъ; король даже согласился подвергнуть кларендонскія конституціи пересмотру, требовалъ только, чтобы Бекетъ обѣщался безъ всякихъ оговорокъ соблюдать государственные законы. Но Бекетъ никакъ не хотѣлъ отказаться отъ оговорки, что будетъ соблюдать ихъ, лишь насколько то непротивно славѣ Божіей и правамъ духовнаго сословія.

Желаніе папы уклониться отъ рѣшенія дѣла.

Уже пятый годъ длилось дѣло, волновавшее всю западную Европу. Послы Генриха въ Беневентѣ всѣческими способами старались добиться того, чтобы папа низложилъ Бекета или перемѣстилъ его съ кентерберійской каѳедры на какую-нибудь французскую. Они подкупали даже ломбардцевъ и римскихъ вельможъ поддерживать желаніе англійскаго короля. Но Александръ упорно отсрочивалъ рѣшеніе дѣла, постоянно посылалъ уполномоченныхъ хлопотать о примиреніи Генриха съ Бекетомъ и удерживать Бекета отъ новаго провозглашенія его противниковъ отлученными отъ церкви.

Бекетъ отлучаетъ отъ церкви епископовъ: лондонскаго и сользберійскаго.

Третье посольство Александра ѣхало хлопотать о примиреніи, когда Бекетъ уничтожилъ возможность примиренія новымъ рѣшительнымъ поступкомъ. На вербное воскресеніе (13 апрѣля) 1169 года онъ въ Клервосскомъ аббатствѣ снова провозгласилъ отлученными отъ церкви всѣхъ «святотатцевъ» и въ числѣ тѣхъ, которыхъ перечислялъ по именамъ, назвалъ епископовъ лондонскаго и сользберійскаго. Онъ не

остановился даже передъ тѣмъ соображеніемъ, что епископъ сользберійскій былъ принятъ Александромъ подъ особенную защиту папскаго престола. Одинъ изъ находившихся въ изгнаніи англійскихъ монаховъ, Беренгарій, пробрался въ Лондонъ, переодѣтый прошелъ въ день Вознесенія мимо сторожей въ храмъ Апостола Павла, наполненный народомъ, провозгласилъ отлученіе отъ церкви, произнесенное архіепископомъ кентерберійскимъ надъ епископомъ лондонскимъ, и исчезъ въ толпѣ. Епископъ лондонскій пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою ученость, набожность и чистую нравственность, потому отлученіе его отъ церкви возбудило сильное неудовольствіе; даже между каноніками кентерберійской каѳедры многіе порицали своего архіепископа. Генрихъ, жившій тогда въ южной Франціи, послалъ папѣ письмо, въ которомъ рѣзко жаловался на «новое нарушеніе правъ своей короны» въ такое время, когда апелляція къ папѣ должна была бы защищать Англію отъ произвола Бекета.

Новыя попытки папской куріи примирить Генриха съ Бекетомъ. 1169—1170.

Постулокъ Бекета возбудилъ неудовольствіе въ папской куріи. Отлученіе было произнесено въ то время, когда ѣхали къ Генриху два новые легата папы, Граціано и Вивіано, было явнымъ неуваженіемъ къ нимъ и папѣ. Легаты сняли отлученіе съ нѣкоторыхъ изъ подвергнутыхъ ему Бекетомъ, обѣщали скоро снять и съ другихъ; видя ихъ доброжелательство, Генрихъ сталъ склоняться на ихъ убѣжденія, чтобъ онъ примирился съ Бекетомъ. Но онъ былъ человѣкъ очень раздражительнаго характера; Бекетъ былъ властолюбивъ и упрямъ, потому примиреніе было очень трудно. Переговоры легатовъ съ ними оставались напрасны. Граціано съ досадой уѣхалъ въ Италію; было устроено свиданіе (18 ноября 1169) на Монмартрѣ между Бекетомъ и Генрихомъ, ѣздившимъ на богомолье въ Сенъ-Дени; французскій король, присутствовавшій на свиданьѣ, убѣждалъ ихъ примириться, но и ему не удалось устроить это. Генрихъ воспретилъ своимъ подданнымъ всякія сношенія съ Бекетомъ и его изгнанными приверженцами; гоненіе на оставшихся въ Англіи друзей ихъ усилилось. Но возникли обстоятельства, которыя привели къ наружному примиренію между Генрихомъ и Бекетомъ. Приверженцы Бекета убѣдились, что не добьются отъ Александра рѣшенія дѣла въ ихъ пользу. Въ апрѣлѣ 1170 года папа снялъ отлученіе съ епископовъ лондонскаго и сользберійскаго. Приверженцы Бекета кричали, что это «вторичное распятіе Христа», «вторичное отпущеніе Варавы», что намѣстникъ Христовъ нарушаетъ законъ Христа. Черезъ два мѣсяца (14 іюня) архіепископъ йоркскій, по порученію короля, короновалъ въ Лондонѣ его сына, не обращая вниманія на протестъ Бекета, говорившаго, что право коронованія принадлежитъ исключительно архіепископу кентерберійскому.

Порученіе короновать наслѣдника престола, данное Генрихомъ архіепископу йоркскому, принявшему кларендонскія конституціи, было заявле-

ніемъ, что король никогда не согласится допустить въ Англіи папскую теорію независимости духовенства отъ государя. Это раздражило папскую курію. Генрихъ велѣлъ короновать только своего сына, а жена сына, дочь Людовика VII, была оставлена въ Канѣ (Caen) у королевы Элеоноры; то, что не была коронована она вмѣстѣ съ мужемъ, было принято французскимъ дворомъ за обиду Людовику VII, покровителю Бекета. Папская курія могла разсчитывать, что раздраженный король французскій готовъ защищать папу отъ Генриха оружіемъ. Курія рѣшилась требовать отъ Генриха, чтобъ онъ примирился съ Бекетомъ.

---

4. Возвращеніе Бекета въ Англію. Убійство его.

Примиреніе 1170.

Человѣкъ умный, Генрихъ понялъ, что обстоятельства измѣнились во вредъ ему. При папскомъ дворѣ говорили, что съ нимъ надобно поступить, какъ съ Фридрихомъ Барбароссой. Александръ далъ легатамъ буллу, заключавшую въ себѣ угрозы противъ Генриха, и уполномочивъ ихъ обнародовать ее, если они найдутъ это нужнымъ «для устрашенія врага». Генрихъ разсудилъ, что ему опасно будетъ раздражать папу, и рѣшился уступить. Та цѣль, которую имѣлъ онъ, начиная борьбу съ Бекетомъ, была уже достигнута порученіемъ архіепископу йоркскому короновать наслѣдника престола: этотъ актъ былъ заявленіемъ ненарушимости кларендонскихъ конституцій. При дипломатической ловкости Генриха, ему не трудно было устранить грозившія ему опасности. Онъ разсѣялъ досаду короля французскаго любезными увѣреніями въ своей дружбѣ, сталъ оказывать почетъ его дочери, обѣщалъ ей, что она будетъ коронована; на личномъ свиданіи съ Людовикомъ были дружелюбно разрѣшены всѣ спорные вопросы, и Генрихъ обѣщался Людовику примириться съ Бекетомъ.

22 іюля 1170.

Было устроено свиданіе между ними на лугу близъ Тура. Генрихъ и Бекетъ любезно подошли другъ къ другу, обмѣнялись увѣреніями во взаимномъ уваженіи, стали разговаривать дружески. Генрихъ, положивъ руку на стремя архіепископа, сказалъ: «будемъ впередъ, какъ прежде, друзьями, предадимъ забвенію всѣ непріятности» и попросилъ Бекета оказать ему въ присутствіи всѣхъ, стоящихъ тутъ, обычные знаки почтенія; Бекетъ отвѣчалъ, что проситъ короля снова возвратить свою милость ему и его друзьямъ, дать имъ миръ и безопасность, возвратить имъ ихъ имѣнія, возстановить честь кентерберійской каѳедры порученіемъ ему короновать паслѣдника престола, обѣщалъ оказывать почтеніе и повиновеніе ему.

Взаимное недовѣріе.

Но не смотря на то, что устроили торжественное заявленіе своего примиренія, Генрихъ и Бекетъ сохранили прежнее недовѣріе одинъ къ другому. Король отказался дать Бекету лобзаніе мира, сказалъ,

что это сдѣлаетъ его сынъ по возвращеніи архіепископа въ Англію. Не могли согласиться между собою король съ Бекетомъ и въ томъ, какія земли и какое движимое имущество должны быть возвращены кентерберійской каѳедрѣ. Потому Бекетъ медлилъ отъѣздомъ въ Англію, выставляя предлогомъ отсрочки надобность въ долгихъ приготовленіяхъ путешествія и необходимость сдѣлать визиты людямъ, покровительствовавшимъ ему, чтобы поблагодарить ихъ. Кромѣ недовѣрія къ Генриху онъ медлилъ отъѣздомъ и потому, что дожидался отъ папы буллы, которая дастъ ему полномочія подвергать церковнымъ наказаніямъ всѣхъ нарушившихъ священныя права кентерберійской каѳедры. Въ сентябрѣ Генрихъ, жившій въ Нормандіи, очень опасно занемогъ; этимъ снова замедлился отъѣздъ Бекета. По выздоровленіи Генрихъ казался сдѣлавшимся мягче прежняго. Онъ написалъ сыну, что примирился съ Бекетомъ «какъ желалъ», велѣлъ возвратить Бекету и его приверженцамъ всѣ земли, какими они владѣли до своего изгнанія; въ октябрѣ два раза бесѣдовалъ съ Бекетомъ; впрочемъ, всетаки не хотѣлъ дать ему лобызаніе мира. 9-го и 13 декабря.
Наконецъ Бекетъ назначилъ время своего отъѣзда въ Англію. Джонъ Сользберійскій поѣхалъ раньше его подготовить хорошій пріемъ для него и нашелъ, что мнѣнія англичанъ о Бекетѣ очень не одинаковы: нѣкоторые встрѣчали Іоанна съ восторгомъ, какъ «ангела Божія, уготовляющата путь для грядущаго Мессіи»; но Рандольфъ Брокъ, завѣдывавшій доходами кентерберійской каѳедры, сказалъ: «Я устрою дѣло такъ, что Томасъ не долго будетъ ѣсть хлѣбъ въ Англіи», а вожди партіи враждебной Бекету, архіепископы йоркскій и епископы лондонскій и сользберскій, готовились къ новой борьбѣ.

Возвращеніе Бекета въ Англію.

Въ день всѣхъ святыхъ (1 ноября) Томасъ Бекетъ выѣхалъ наконецъ изъ Санса. Онъ получилъ отъ Александра граматы, дававшія ему власть папскаго легата и предоставлявшія на его произволъ судьбу его противниковъ: онъ былъ уполномоченъ налагать всѣ, какія заблагоразсудитъ, церковныя наказанія на всѣхъ виновныхъ, кромѣ короля и членовъ королевскаго семейства. Въ концѣ ноября онъ вышелъ на англійскій берегъ. Англичане предвидѣли, что онъ привезъ имъ новыя смуты. Онъ уже показалъ имъ, чего они должны ждать: передъ своимъ пріѣздомъ онъ прислалъ выпрошенныя имъ у папы граматы, устранявшія отъ должности архіепископа йоркскаго, отлучавшія отъ церкви Джильберта, епископа лондонскаго, и Жослена, епископа сользберійскаго. Неудовольствіе, возбужденное этимъ, было такъ велико, что онъ не отважился плыть въ Дувръ, опасаясь подвергнуться тамъ нападенію, и поплылъ въ Сандвичъ, гавань, принадлежавшую кентерберійской каѳедрѣ. Изъ Сандвича онъ поѣхалъ въ Кентербери; городъ былъ украшенъ, народъ и духовенство встрѣтили архіепископа пѣніемъ и музыкой. Но противники смотрѣли за нимъ зорко, старались мѣшать каждому его дѣйствію, говорили: 1 декабря 1170.

«Не съ миромъ онъ возвратился, а съ огнемъ и мечомъ; въ своей надменности онъ хотѣлъ сдѣлать своихъ братьевъ епископовъ подножіемъ ногъ своихъ.» Рандольфъ Брокъ и его помощники преднамѣренно раздражали Бекета всяческими обидами, а отлученные архіепископъ и епископы поѣхали къ королю, жившему тогда въ замкѣ Бюрѣ (въ Нормандіи близъ Байё), яркими красками описали ему высокомѣріе и самовластіе Бекета. Пока онъ живъ, говорили они, король не будетъ имѣть спокойствія въ государствѣ. Генрихъ задрожалъ отъ ярости и сталъ ругать «негодяя, который ѣстъ его хлѣбъ и теперь топчетъ его ногами, котораго онъ осыпалъ благодѣяніями, и который за это платитъ насмѣшками надъ нимъ и его домомъ»; онъ кончилъ словами: «Какихъ жалкихъ трусовъ кормлю я! Неужели жь нѣтъ между ними ни одного, который отомстилъ бы за мой позоръ этому подлому монаху?»

Четыре рыцаря ѣдутъ въ Кентербери.

Эти слова, сказанныя королемъ при всемъ дворѣ, были, по тогдашнимъ понятіямъ о вѣрности ленному господину, вызовомъ вассаловъ на убійство Бекета. Скоро дворъ узналъ, что четыре знатные рыцаря тайно уѣхали разными дорогами въ Англію. Это были: Реджинальдъ Физъ-Орсъ (Fitz Urse), Гюгъ Морвиль, богатый нортомберлэндскій рыцарь, бывшій судьею въ своемъ графствѣ, Уильямъ Траси и Ричардъ Брито. Они были извѣстны за людей очень рѣзкаго характера. Король понялъ, зачѣмъ они поѣхали, испугался, послалъ гонцовъ воротить ихъ. Но было поздно: они уже вышли на англійскій берегъ, одни въ Дуврѣ, другіе въ Уинчельси. Они съѣхались въ одномъ изъ замковъ кентерберійской каѳедры, Сольтвудѣ; тамъ былъ Рандольфъ Брокъ; онъ принялъ ихъ любезно и, если у нихъ еще было колебаніе въ мысляхъ, оно было прекращено разговоромъ съ Брокомъ.

Бекетъ отлучаетъ отъ церкви Рандольфа Брока.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Кентербери, Бекетъ отправился въ Вудстокъ принести увѣреніе въ преданности наслѣднику престола, жившему тамъ. Онъ велъ съ собою трехъ прекрасныхъ коней въ подарокъ сыну короля. Близъ Лондона встрѣтилъ его большой почетный конвой и проводилъ въ столицу. Онъ остановился въ предмѣстьи Лондона, Сауторкѣ, у епископа уинчестерскаго, Генриха. Наслѣдникъ престола прислалъ туда сказать ему, что не желаетъ видѣть его. Раздраженный, онъ поѣхалъ назадъ въ Кентербери; насмѣшки, которыми тамъ его встрѣтили, усилили его озлобленіе. Въ день Рождества на литургіи онъ произнесъ проповѣдь на текстъ: «миръ людямъ, желающимъ мира.» Проповѣдь была наполнена рѣзкими выраженіями; онъ кончилъ ее повтореніемъ отлученія тѣхъ, кого уже отлучилъ прежде, отлученіемъ Рандольфа Брока и нѣсколькихъ другихъ лицъ, произнесеніемъ проклятія всѣмъ, посѣвающимъ вражду между нимъ и королемъ и, какъ это дѣлалось при произнесеніи проклятія, бросилъ зажженую свѣчу, бывшую въ рукѣ у него.

Приготовленія къ убійству.

Это было за четыре дня до пріѣзда рыцарей въ Сольтвудъ. Понятно, какимъ тономъ говорилъ съ ними о Томасѣ Бекетѣ Рандольфъ Брокъ. Они, погасивъ свѣчи, разговаривали всю ночь съ 28 на 29 декабря; на разсвѣтѣ поѣхали въ Кентербери, остановились у Кларембальда, аббата августинскаго монастыря, врага Бекета, и сдѣлали распоряженія, надобныя для ихъ дѣла,—велѣли мэру города объявить отъ имени короля, что воспрещается оказывать помощь Томасу Бекету, въ пятомъ часу вечера сѣли на коней и поѣхали въ архіепископскій дворецъ. Бекетъ, пообѣдавъ, ушелъ съ нѣсколькими друзьями изъ столовой въ свою комнату; они послали сказать ему, что пріѣхали къ нему съ порученіемъ отъ короля. Онъ велѣлъ пригласить ихъ въ его комнату. Они вошли и, не здороваясь, подступили къ нему близко; Реджинальдъ Физъ-Орсъ отъ имени короля высказалъ Бекету обвиненіе въ намѣреніи отнять корону у наслѣдника престола, потребовалъ, чтобы онъ далъ присягу на вѣрность сыну короля и снялъ отлученіе съ архіепископа йоркскаго и двухъ епископовъ, короновавшихъ наслѣдника престола. Бекетъ отвѣчалъ, что онъ окажетъ должную честь королю и наслѣднику престола, но по обязанности примаса церкви будетъ охранять права, данныя ей божественнымъ основателемъ ея, что отлученія нарушителей закона церкви произнесены надъ ними отъ имени папы и не могутъ быть сняты съ нихъ, пока они не принесутъ покаянія. Обмѣнъ словъ продолжался и быстро принялъ очень горячій характеръ. Реджинальдъ и его товарищи стремительно пошли черезъ залъ; вышедши изъ дверей дворца, закричали пріѣхавшимъ съ ними къ дворцу вооруженнымъ людямъ: «воины короля! беритесь за мечи!» Ихъ воины стали у дверей дворца и не впускали въ него прислугу архіепископа, а сами они потаенной лѣстницей вернулись во дворецъ и пошли опять къ комнатѣ архіепископа. Ихъ велъ Рандольфъ Брокъ. Дверь комнаты была заперта; они стали выбивать ее; она затрещала подъ ихъ ударами. Монахи, бывшіе при архіепископѣ, схватили его за руки и силою повели черезъ боковую дверь корридора въ церковь, гдѣ тогда начиналась вечерня. Всѣ бывшіе тамъ перепугались; монахи, которые привели Бекета, хотѣли запереть двери церкви; онъ запретилъ это, сказавъ, что не должно дѣлать домъ Божій крѣпостью. Реджинальдъ Физъ-Орсъ съ плотническимъ топоромъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой, и три его спутника вбѣжали въ церковь, закричали: «Гдѣ архіепископъ, гдѣ измѣнникъ?»—«Я здѣсь, Реджинальдъ», воскликнулъ Бекетъ: «но не измѣнникъ я, а служитель Божій». Онъ пошелъ со ступеней амвона на встрѣчу рыцарямъ. Они невольно отступили. Онъ сталъ между пилястромъ и капеллой святого Бенедикта. Рыцари закричали, чтобъ онъ снялъ отлученіе съ подвергнутыхъ этому наказанію. Онъ отвѣчалъ: «Не сниму отлученія ни съ кого прежде, чѣмъ онъ покается».—«Такъ—умри!» воскликнулъ Реджинальдъ и бро-

Убійство Томаса Бекета 29 декабря 1171.

сился съ своими товарищами на Бекета. Они хотѣли вытащить его изъ церкви, но онъ всѣми своими силами сопротивлялся. Траси выхватилъ мечъ; Бекетъ опрокинулъ его; Реджинальдъ нанесъ Бекету ударъ, но лезвіе лишь скользнуло по шапкѣ Бекета, сорвало ее и сдѣлало только легкій порѣзъ на головѣ. Траси всталъ и тоже бросился на архіепископа. Подъ ударами двухъ нападающихъ, Бекетъ наклонилъ голову, предавая себя смерти. Монахи разбѣжались и попрятались; убѣжалъ и Джонъ Сользберійскій. Только одинъ монахъ остался подлѣ Бекета и прикрывалъ его своимъ тѣломъ отъ ударовъ; первую рану получилъ этотъ монахъ, Эдуардъ Гримъ; потомъ удары стали попадать въ шею и голову Бекета. Облитый кровью, онъ упалъ на колѣна, сложилъ руки на груди крестомъ, сказалъ прерывающимся голосомъ: «Господи! Въ руки твои предаю духъ мой» и упалъ лицомъ на полъ; тогда ударилъ его по головѣ Ричардъ Брито съ такою силою, что мечъ, разрубивъ черепъ, сломился о мраморный полъ. Гью Гарси Моклеркъ поставилъ ногу на шею умирающему, ударилъ мечомъ въ широкую рану, прорубая ее глубже; мозгъ брызнулъ по полу. «Измѣнникъ убитъ; уѣдемъ!» воскликнули убійцы и побѣжали изъ церкви. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ поднялась буря, разразилась гроза при грохотѣ грома. Рыцари пробѣжали по галлереѣ во дворецъ, пересмотрѣли бумаги архіепископа, разыскивая папское бреве и письма, чтобъ отдать ихъ королю; взяли изъ взломанныхъ шкатулокъ и ящиковъ золото, серебро, дорогія вещи, взяли и дорогую одежду, забрали хорошихъ лошадей и уѣхали съ этой добычей.

Похороны Бекета.

Весь городъ былъ въ ужасѣ. Монахи заперлись и только на слѣдующій день утромъ рѣшились пойдти въ церковь, поднять и положить въ гробъ тѣло убитаго архіепископа. На лицѣ у него была лишь одна небольшая рана, черты остались не искажены, выраженіе лица было спокойное, какъ будто онъ не убитъ, а заснулъ. Монахи перенесли тѣло къ главному алтарю, сняли окровавленную одежду, чтобы замѣнить ее чистымъ облаченіемъ и съ изумленіемъ увидѣли, что подъ бѣльемъ Бекетъ носилъ власяницу, увидѣли слѣды того, что онъ подвергалъ себя бичеванію. Они рыдали, опустились на колѣна и стали молиться убитому архіепископу, называя его святымъ. Они надѣли на него то облаченіе, которое было на немъ при его рукоположеніи въ архіепископскій санъ. Рандольфъ Брокъ не дозволилъ похоронить его рядомъ съ гробницами прежнихъ архіепископовъ, сказавъ, что «слѣдовало бы повѣсить его гнить на висѣлицѣ или бросить на съѣденье хищнымъ птицамъ». Монахи похоронили его въ старинномъ склепѣ подъ церковью. Народъ толпами шелъ молиться мученику; была собрана его кровь, и каждая капля ея хранилась, какъ святыня. Молва стала говорить о чудесахъ, совершаемыхъ святымъ Томасомъ кентерберійскимъ.

5. Примиреніе Генриха съ церковью.

Впечатлѣніе, произведенное убійствомъ Бекета.

Вѣсть объ убійствѣ архіепископа кентерберійскаго въ соборномъ храмѣ произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣ народы западной церкви. День смерти Томаса кентерберійскаго сталъ національнымъ англійскимъ праздникомъ въ память святого. На цѣлый годъ было прекращено богослуженіе въ кентерберійскомъ соборномъ храмѣ. Одежда была снята съ престоловъ храма, распятія, стоявшія въ немъ, были покрыты завѣсами. Наконецъ 21 декабря слѣдующаго (1171) года соборный храмъ былъ вновь освященъ, и богослуженіе въ немъ возобновилось.—Услышавъ объ убійствѣ Бекета, Генрихъ понялъ, что это дѣло падетъ на него тяжелымъ ударомъ. И, дѣйствительно, всѣ считали его виновникомъ убійства. Три дня и три ночи онъ провелъ въ Аржанскомъ замкѣ, молясь и подвергая себя самоистязаніямъ аскетизма; нѣсколько недѣль при дворѣ его владычествовала печаль, соблюдался глубокій трауръ. Король не ѣздилъ на охоту, не занимался государственными дѣлами; онъ видѣлъ, что опасенія его исполнялись, что убійствомъ Томаса Бекета нанесенъ очень тяжелый ударъ не только лично ему, но и королевской власти. Приверженцы Бекета уподобляли святого мученика Спасителю, говорили, что онъ подвергнутъ смерти рабами тиранна за то, что хотѣлъ возвратить грѣховный міръ на путь истинный; молва разсказывала о чудесахъ, совершаемыхъ имъ; благочестивые люди вслѣдъ за приверженцами Бекета громко говорили о тираннѣ, стремящемся разрушить установленный Богомъ порядокъ, о злодѣѣ, показывающемъ своими преступленіями, что владычество дано ему сатаною. Народъ повторялъ пророчество, что корона Генриха сокрушится, что сынъ возстанетъ на отца, что явится изъ рода убійцы мститель за убитаго. Отъ папы требовали, чтобъ онъ обнажилъ мечъ Христовъ и не оставилъ неотмщенной невинную кровь святого, чтобъ онъ отлучилъ преступнаго короля отъ церкви, наложилъ интердиктъ на Англію. Король французскій поддерживалъ это требованіе, громко высказываемое французскимъ духовенствомъ. Генрихъ видѣлъ, что долженъ смирить свою гордость. Услышавъ объ убійствѣ Бекета, онъ немедленно отправилъ нѣсколькихъ норманскихъ и англійскихъ епископовъ послами къ папѣ, чтобъ они объяснили Александру его невиновность въ этомъ злодѣйствѣ, отвратили отъ него отлученіе, интердиктъ отъ Англіи. Порученіе пословъ было трудное. Съ большими задержками и опасностями проѣхавъ черезъ среднюю Италію, занятую нѣмецкими войсками и проникнувъ наконецъ въ Тускулъ, гдѣ была тогда резиденція папы, они нашли, что всѣ двери заперты для нихъ. Александръ былъ повергнутъ смертью Бекета въ глубокую печаль, упрекалъ себя въ томъ, что своими колебаніями далъ дойдти дѣлу до такой развязки,

Дѣйствія папской куріи 1171.

находилъ, что часть вины въ смерти Бекета лежитъ на немъ самомъ. Друзья Бекета своими горячими словами увеличивали печаль папы. Всѣ ожидали, что въ страстной четвергъ, когда на богослуженіи произносится проклятіе врагамъ церкви, папа провозгласитъ Генриха отлученнымъ. Кардиналы, преданные Генриху, напрасно упрашивали папу принять пословъ его; Александръ не хотѣлъ дать имъ аудіенціи, но мало по малу онъ смягчился: онъ понялъ, наконецъ, какъ надобно дѣйствовать, чтобъ извлечь выгоду для церкви изъ убійства Бекета. Императоръ поддерживалъ антипапу Каликста III, готовился къ походу въ Италію, надѣялся подавить ломбардцевъ и низвергнуть ихъ союзника, Александра. Томасъ Бекетъ былъ усерднымъ приверженцемъ Александра. Онъ считался теперь мученикомъ, святымъ; авторитетъ Александра упрочился тѣмъ, что этотъ святой признавалъ его законнымъ папою. Папская курія разсчитала, что воспользоваться смертью Бекета для доставленія церкви побѣды надъ англійскимъ королемъ, для уничтоженія кларендонскихъ конституцій будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ подвергать отлученію смиряющагося передъ церковью Генриха и, раздраживъ его, возбудить къ ожесточенному сопротивленію, сдѣлать всѣхъ, повинующихся англійскому королю, врагами церкви. Друзья Генриха при папскомъ дворѣ хлопотали за него тѣмъ усерднѣе, что получили богатые подарки. Они старались утвердить папу въ мысляхъ, что примиреніе съ Генрихомъ будетъ для церкви выгоднѣе разрыва съ нимъ. Папа дозволилъ англійскимъ посламъ явиться къ нему и ловко воспользовался робостью Генриха. Онъ грозилъ его посламъ; они, зная, какъ упалъ духомъ Генрихъ, согласились сдѣлать уступки, на которыя не были уполномочены, и съ клятвами увѣрили Александра, что король готовъ безусловно покориться папской власти, лично дастъ присягу повиноваться ей. Добившись этого, Александръ пересталъ грозить отлученіемъ Генриха отъ церкви. Послы короля поѣхали къ нему обратно; вслѣдъ за ними папа отправилъ двухъ легатовъ съ порученіемъ возстановить спокойствіе въ англійской церкви. Король остался безнаказаннымъ; церковному наказанію подверглись только убійцы и люди, помогавшіе имъ: на нихъ было наложено проклятіе, отъ котораго они должны были освободить себя тяжкими подвигами покаянія. Король не вмѣшивался въ церковный судъ надъ ними и тѣмъ избавилъ себя отъ надобности предать ихъ свѣтскому суду.

25 марта 1171.

Судьба убійцъ. Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ убійцъ Бекета, знаемъ, что они жили нѣсколько времени въ Нортомберлэндѣ и что всѣ чуждались ихъ; но король, кажется, поддерживалъ сношенія съ ними. Говорятъ, что они поѣхали на богомолье въ Римъ, изъ Рима въ Іерусалимъ и умерли тамъ. Разсказы о томъ, что они погибли ужасною смертью—пустые вымыслы. О Гью Морвилѣ мы знаемъ, что въ началѣ слѣдующаго вѣка онъ былъ еще живъ и спокойно жилъ въ Англіи.

Прекращеніе борьбы Генриха съ церковью.

Приверженцы Бекета надѣялись, что легаты дадутъ имъ торжество надъ противниками, но увидѣли, что ошибались. Генрихъ, чтобъ уклониться отъ непріятностей, еще до пріѣзда легатовъ отправился на войну въ Ирландію, велѣлъ строго стеречь англійскіе берега и не допускать никакихъ папскихъ граматъ въ Англію безъ его разрѣшенія. Архіепископъ йоркскій и епископы лондонскій и сользберійскій дали клятву, что они невиновны въ убійствѣ Бекета, выставили свидѣтелей, подтвердившихъ, что они дѣйствительно невиновны въ ней; они разъяснили легатамъ, что не должно порицать ихъ ни за принятіе кларендонскихъ конституцій, ни за то, что они короновали наслѣдника престола; легаты 6 декабря (1171 года) сняли съ нихъ отлученіе, а 1 мая (1172 года) возвратили имъ ихъ каѳедры. Только одно удовольствіе себѣ получили друзья Бекета: возвратившись изъ Ирландіи, Генрихъ согласился исполнить обрядъ покаянія, какой былъ надобенъ, по тогдашнему обычаю, для полнаго примиренія съ церковью. Эта церемонія была исполнена 21 мая 1172 года въ каѳедральномъ соборѣ норманскаго города Кана. Генрихъ, ставъ на колѣна передъ евангеліемъ, далъ клятву, что не повелѣвалъ и не желалъ убійства архіепископа кентерберійскаго, сказалъ, что готовъ исполнить требованія папы. Легатъ поднялъ его съ колѣнъ и 30 мая. далъ ему лобзаніе мира. Черезъ нѣсколько дней въ канскомъ соборѣ Генрихъ повторилъ обѣщаніе исполнить требованія папы; ему былъ врученъ актъ, излагавшій ихъ; онъ подтвердилъ, что будетъ исполнять ихъ; наслѣдникъ престола далъ такое же обѣщаніе. Требованія папы состояли въ слѣдующемъ: король будетъ неизмѣнно признавать Александра папою (т. е. не перейдетъ на сторону антипапы); будетъ давать деньги на содержаніе 200 всадниковъ въ Палестинѣ; самъ отправится въ крестовый походъ и пробудетъ въ этой экспедиціи три года; онъ отмѣнитъ кларендонскія конституціи; предоставитъ свободу апеллировать къ суду папы и возвратитъ кентерберійской каѳедрѣ всѣ ея владѣнія.

Уступки, сдѣланныя Генрихомъ, были важны; но скоро оказалось, что онъ ни мало не думаетъ стѣсняться ими въ своемъ полновластіи надъ англійскою церковью. Обѣщаніе отмѣнить кларендонскія конституціи легко было истолковать въ такомъ смыслѣ, что теряло всякую важность: король обѣщался отмѣнить кларендонскія конституціи, а не старые обычаи англійскаго королевства. Потому онъ продолжалъ самовластно назначать епископовъ, брать себѣ доходы вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, брать присягу вассальной вѣрности отъ новыхъ епископовъ и, какъ жаловались друзья Бекета, отбиралъ имѣнье у церквей. Правда, были исполняемы формальности, по которымъ могло казаться, будто англійская церковь пріобрѣла независимость отъ короля; но это были пустыя формальности; такъ, напримѣръ, сынъ короля былъ во второй разъ коронованъ; это означало, что первая коронація была сдѣлана неправильно (при второй коронаціи была коронована и его супруга Маргарета). Король обѣщался предоставить свободу выборамъ новаго архіепископа кентерберійскаго и

выборамъ епископовъ на вакантныя каоедры; но когда были обнародованы имена избранныхъ церковныхъ сановниковъ, то оказалось, что выборы тоже были пустою формальностью: выбраны были люди, которые во время борьбы съ Бекетомъ стояли на сторонѣ короля, а нѣкоторые изъ нихъ считались даже соучастниками въ убійствѣ Бекета. Генрихъ не вмѣшался въ выборы прямо; по формѣ они были произведены свободно; но повѣренные короля сообщали избирателямъ, кого желаетъ онъ видѣть избраннымъ, а его желаніе было законъ. — Совѣщанія о томъ, кого выбрать архіепископомъ, тянулись довольно долго; наконецъ 3 іюня 1173 года былъ выбранъ тотъ кандидатъ, которому покровительствовалъ Генрихъ; это былъ Ричардъ, пріоръ одного изъ дуврскихъ монастырей. Посвященіе его въ санъ задержалось на очень долгое время, потому что старшій сынъ короля, Генрихъ, поднялъ возстаніе противъ отца и противился возведенію Ричарда на каѳедру. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ричардъ отправился къ папѣ въ Ананьи; Александръ самъ рукоположилъ его 7 апрѣля 1174 года. Новый архіепископъ кентерберійскій былъ человѣкъ ничтожный.

Причисленіе Томаса Бекета къ лику святыхъ 1173.

Пока тянулось дѣло о выборѣ преемника Томасу Бекету, убитый архіепископъ былъ провозглашенъ святымъ. Къ папѣ были отправляемы доклады о чудесахъ, совершаемыхъ Томасомъ Бекетомъ, между прочимъ и о томъ, что молитвою мученика были исцѣлены люди, страдавшіе неизлечимыми недугами; на основаніи этихъ докладовъ папа 12 марта 1173 года канонизировалъ Бекета. Народное вѣрованіе рѣшило этотъ вопросъ раньше папы, онъ только провозгласилъ то, что уже было рѣшено англичанами. День кончины мученика, 29 декабря, сталъ праздникомъ почитанія его памяти. Народная молва быстро создавала легенды, возвышавшія святость мученика до такой степени, что скоро стали уподоблять его жизнь жизни Спасителя, исторію его мученичества сдѣлали какъ будто повтореніемъ страданій Христа. Къ его гробницѣ шли толпы богомольцевъ; тамъ совершались новыя чудеса; тамъ получалось очищеніе душъ отъ грѣховъ. Городъ Кентербери сталъ для англичанъ чѣмъ-то подобнымъ Іерусалиму. Дары вѣрующихъ составляли громадныя суммы. Самъ король отправился на поклоненіе гробу мученика, молился святому о ходатайствѣ за него передъ Богомъ. Это пилигримство короля еще болѣе возвысило уваженіе народа къ святому архіепископу. Томасъ Кентерберійскій сталъ покровителемъ англійской націи. Людовикъ VII въ августѣ 1179 года пріѣхалъ въ Кентербери пріобрѣсти богатыми дарами и молитвою ходатайство святого Томаса передъ Богомъ объ исцѣленіи сына своего отъ тяжкой болѣзни.

---

6. Экспедиція Генриха въ Ирландію.

Поводъ и цѣль нападенія.

Было нѣсколько разныхъ мотивовъ нападенія Генриха на Ирландію. Андріанъ IV, англичанинъ, сдѣлавшійся папою, далъ черезъ своего друга, знаменитаго ученаго Джона Сользберійскаго, пріѣзжав-

шаго посломъ къ нему отъ англійскаго короля, разрѣшеніе Генриху овладѣть Ирландіею и прислалъ ему, какъ символъ инвеституры, перстень, украшенный дорогимъ смарагдомъ. Папа считалъ себя имѣющимъ право распоряжаться Ирландіею, на основаніи ученія римской куріи, что «всѣ острова христіанскаго міра составляютъ собственность апостольскаго престола». На этомъ основаніи онъ далъ Ирландію Генриху, какъ сюзеренъ вассалу, съ обязательствомъ, чтобы Генрихъ уважалъ права церкви и платилъ папѣ со всякаго дома въ Ирландіи денарій апостола Петра. Цѣлью завоеванія выставлялось исправленіе нравственности и церковнаго устройства ирландцевъ. Генрихъ постоянно думалъ о завоеваніи Ирландіи, но другія дѣла пятнадцать лѣтъ не давали ему досуга для этого. По убійствѣ Томаса Бекета онъ искалъ случая удалиться на нѣсколько времени изъ своихъ французскихъ и англійскихъ владѣній, чтобъ уклониться отъ перваго взрыва негодованія на злодѣйство, и радъ былъ предлогу начать войну, которая должна была доставить ему новое государство и съ тѣмъ вмѣстѣ смягчить гнѣвъ папы, будучи благочестивымъ подвигомъ на пользу и славу римской церкви. Гоэнштауфены совершали тогда походы въ святую землю; Генрихъ Левъ налагалъ иго христіанскаго владычества на вендовъ по Эльбѣ и по южному берегу Балтійскаго моря; короли сѣверной Испаніи ходили на мавровъ; надобно было и Генриху прославить себя заслугами католической церкви. Правда, въ Ирландіи не было ни мусульманъ, ни язычниковъ; тамъ еще въ V вѣкѣ проповѣдовалъ христіанство святой Патрикъ, и теперь ужь съ очень даннаго времени всѣ ирландцы были христіане; но въ ихъ богослуженіи оставались нѣкоторые старые молитвы и обряды, уже замѣненные другими въ римской церкви. У нихъ еще были женатые люди въ числѣ священниковъ; въ іерархическомъ устройствѣ и въ монастырскихъ уставахъ были нѣкоторыя національныя особенности. Правда, за нѣсколько времени до вступленія Генриха на престолъ ирландская церковь уже вошла въ довольно близкія отношенія къ папѣ; архіепископъ армагскій Малахія ѣздилъ въ Римъ, получилъ архіепископскій паллій отъ папы; получали паллій отъ папы и его преемники. Но еще оставалось въ ирландской церкви довольно много отличій отъ римской. Такимъ образомъ, Адріанъ IV и Александръ III имѣли прямой интересъ въ томъ, чтобы король англійскій завоевалъ Ирландію. Это должно было быть покореніемъ ирландской церкви римскому престолу; она была съ папской точки зрѣнія схизматическая; надобно было смирить ее, подчинить правителю католическаго міра.

Быть ирландскаго народа.

Ирландія, которую жители ея называли Эриномъ (Erin, Ириномъ) была до того времени мало извѣстна остальной Европѣ, и прежняя ея исторія остается въ туманѣ. По берегамъ Ирландіи идутъ горы, не очень высокія; ихъ выступы и устья рѣкъ образуютъ много гаваней;

внутри острова большія пространства заняты озерами и болотами, между которыхъ лежатъ плодородныя нивы и превосходные луга. Населеніе острова было кельтское и, при отсутствіи сношеній съ другими народами, сохраняло свои національныя особенности, исчезнувшія у кельтскихъ племенъ континентальной Европы. Ирландцы имѣли всѣ тѣ черты характера, которыя находилъ Цезарь у галловъ: рыцарская храбрость, любовь къ странствованіямъ и приключеніямъ, неспособность создавать у себя прочныя государственныя учрежденія, привычка къ племеннымъ междоусобіямъ соединялись у нихъ съ обычаемъ кровомщенія, съ отвращеніемъ отъ упорнаго труда, любовью къ пѣнію и веселымъ пирамъ. При своей раздробленности на мелкія племена, при непрерывныхъ междоусобіяхъ, ирландцы, не смотря на удобное для сохраненія независимости географическое положеніе своего острова, подпали подъ владычество иноземцевъ. Скандинавскіе викинги, грабившіе всѣ берега и острова сѣверныхъ и западныхъ морей, дѣлали высадки и на берегу Ирландіи; поселенія ихъ тамъ быстро росли, и скоро всѣ тѣ части острова, доступъ къ которымъ удобенъ воинамъ, ходящимъ съ береговъ въ глубину страны, были покорены «восточными людьми», какъ называли ирландцы норманновъ (V, 661). Но и эти буйные воины не могли основать въ Ирландіи прочныхъ государствъ, потому что слишкомъ любили бродячую жизнь и разбойническія приключенія. Исторія ихъ въ Ирландіи мало извѣстна; въ сагахъ сохранилось много разсказовъ объ ихъ подвигахъ тамъ; но факты затемнены въ этихъ преданіяхъ вымыслами. Около того времени, какъ французскіе норманны завоевали Англію, Ирландія была раздѣлена на четыре королевства: Ольстеръ, Лейнстеръ, Коннотъ и Монстеръ. Они постоянно воевали между собою. Одною изъ причинъ междоусобій была борьба между королями за санъ старшаго короля, такъ называемаго короля Тары. Скандинавы почти всѣ утратили свою національность, приняли языкъ и обычаи кельтскихъ туземцевъ. По берегамъ скандинавскія поселенія сохранили нѣкоторую независимость, и жители ихъ занимались мореплаваніемъ и торговлею, но они или подвергались постояннымъ нападеніямъ туземныхъ королей или платили дань имъ. Ирландскіе короли и родоначальники правили своими подданными по обычаямъ патріархальнаго деспотизма. Отъ непрерывныхъ междоусобій нравы огрубѣли; тѣ сѣмена образованности, какія могли существовать прежде, были подавлены привычкою къ буйству. Такимъ образомъ, Адріанъ IV, отдавая Ирландію въ ленное владѣніе Генриху, могъ говорить, что поручаетъ ему искоренить пороки ирландцевъ.

Англійскія поселенія 1169—1171.

Въ то время какъ Генрихъ II вступилъ на англійскій престолъ, въ Лейнстерѣ царствовалъ король Діармайтъ, безсовѣстный тиранъ. Онъ велъ непрерывныя войны съ другими туземными владѣтелями и отнялъ у О'Руарка, князя брефнійскаго, жену Деворгиллу. Нако-

нецъ онъ подвергся бѣдѣ. Родерикъ О'Конноръ сталъ королемъ Тары; многочисленные враги Діармайта соединились съ О'Коннором, сожгли его столицу Ферес; онъ бѣжалъ въ Англію. Генрихъ былъ тогда 1166.
въ Гіэни. Діармайтъ поѣхалъ туда, присягнулъ на подданство ему и получилъ отъ него дозволеніе набрать въ Англіи воиновъ для завоеванія королевства, изъ котораго былъ прогнанъ врагами. Вернувшись въ Англію, Діармайтъ обратился съ своими предложеніями къ англійскимъ рыцарямъ пограничныхъ съ Уэльзомъ областей, людямъ храбрымъ и алчнымъ до добычи. Между ними нашлось много охотниковъ плыть съ нимъ въ Ирландію; вождями ихъ были Робертъ Физъ-Стефенъ (Stephen, Стивенъ) и Морисъ Физъ-Джерардъ, братья по матери. Въ 1169 году они укрѣпились на ирландскомъ берегу въ замкѣ Уэксфордѣ, заманили въ засаду и истребили войско Дональда, князя оссорійскаго. Но главнымъ союзникомъ Діармайта былъ другой англійскій вельможа, Ричардъ, графъ клерскій, хитрый и отважный воинъ, получившій названіе Крѣпколукаго, Strongbow. Король конфисковалъ его имѣнья; онъ хотѣлъ вознаградить этотъ убытокъ завоеваніями. Передовой отрядъ, посланный имъ, вышелъ на берегъ близъ Уотерфорда, взялъ приступомъ этотъ городъ, захватилъ въ плѣнъ 60 знатныхъ ирландцевъ и бросилъ ихъ со скалы въ море. Въ августѣ 1170 года Ричардъ взялъ Дублинъ; послѣдній датскій князь Гаскульфъ уплылъ за море. Ричардъ женился на Эвѣ, дочери Діармайта; въ слѣдующемъ (1171) году тесть умеръ, и Ричардъ сталъ королемъ лейнстерскимъ. Гаскульфъ нашелъ себѣ союзника въ норвежскомъ королѣ Оркадскихъ острововъ, приплылъ прогнать Ричарда, но былъ имъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Потомъ Ричардъ нанесъ тяжелыя пораженія О'Коннору и О'Руарку.

Успѣхи Ричарда Стронгбо возбудили зависть въ королѣ англійскомъ; Экспедиція
онъ запретилъ своимъ подданнымъ всякія сношенія съ Ричардомъ и Генриха 1171.
его товарищами. Стронгбо пріѣхалъ къ Генриху въ Ньюнгэмъ, призналъ свои ирландскія владѣнія леномъ англійскаго короля и возвратилъ себѣ его благосклонность. Генрихъ собралъ флотъ въ Мильфордской гавани, поплылъ въ Ирландію, вышелъ на берегъ близъ Уотерфорда; въ этомъ городѣ Ричардъ Стронгбо присягнулъ на вѣрность ему, какъ король лейнстерскій. Примѣру Ричарда послѣдовали Октября 1171.
князья коркскій, лимерикскій, оссорійскій и другіе родоначальники монстерскаго королевства. Родерикъ О'Конноръ, король коннотскій, не захотѣлъ лично явиться къ Генриху и присягнуть на вѣрность ему, но принялъ егоословъ и не спорилъ противъ того, что онъ называлъ себя леннымъ господиномъ коннотскаго королевства. Только Ольстеръ остался независимъ. Съ покореніемъ ирландскихъ областей было введено въ нихъ церковное преобразованіе. На соборѣ ирландскихъ епископовъ въ Кашелѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа 6 ноября.
лисморскаго, получившаго санъ папскаго легата, было рѣшено ввести

въ Ирландіи римскія формы крещенія и бракосочетанія и вообще принять богослуженіе въ томъ видѣ, какой имѣло оно въ Англіи. Генрихъ и папа присвоили ирландскимъ епископамъ ту власть надъ духовенствомъ ихъ епархіи, какую имѣли въ своихъ епархіяхъ епископы другихъ католическихъ земель; въ Ирландіи была введена десятинная подать въ пользу духовенства. Ирландскіе епископы признали англійскаго короля леннымъ господиномъ Ирландіи. Онъ установилъ въ пользу папы подать, называвшуюся денаріемъ апостола Петра, и отправилъ къ Александру посла съ извѣщеніемъ о своихъ распоряженіяхъ въ Ирландіи. Александръ утвердилъ ихъ.

Характеръ завоеванія Ирландіи.

Такъ начались завоеванія англичанъ въ Ирландіи. Англійскій король основывалъ свое право владычествовать на томъ, что она отдана ему папою. Точно такъ испанскіе короли впослѣдствіи времени оправдывали завоеваніе Америки. Разумѣется, папа не имѣлъ никакого права распоряжаться Ирландіей, но Генриху не было заботы объ этомъ, ему былъ нуженъ только какой нибудь предлогъ для войны. Несправедливое нападеніе на Ирландію принесло много бѣдъ Англіи. Ирландцы возненавидѣли англичанъ. Генрихъ II построилъ себѣ въ Дублинѣ у церкви апостола Андрея дворецъ (впрочемъ не каменный, а деревянный). На Рождество съѣхались туда новые ирландскіе вассалы, присягнули на вѣрность ему; онъ роздалъ вождямъ покорявшихъ Ирландію англійскихъ отрядовъ тѣ города и области, которыя покорили они или надѣялись покорить; подчинилъ Ирландію дѣйствію англійскихъ законовъ и власти англійскихъ государственныхъ учрежденій, въ частности вѣдомству англійскаго казначейскаго суда и англійскаго канцлера. Онъ вызывалъ въ Ирландію колонистовъ изъ Бристоля и другихъ англійскихъ городовъ. Но цѣлыя столѣтія послѣ того англійскій языкъ и англійскіе законы существовали только въ Дублинѣ и его окрестностяхъ; во всей остальной Ирландіи сохранило силу ирландское обычное право, такъ называемое брегонское право, Brehon Law. Какъ только уѣхалъ изъ Ирландіи
1172. Генрихъ, тамъ повсюду поднялись возстанія противъ иноземнаго ига. Папа и Генрихъ говорили, что завоеваніе Ирландіи будетъ имѣть послѣдствіемъ смягченіе ирландскихъ нравовъ; само собой разумѣется, что вышло наоборотъ: прежнія племенныя междоусобія замѣнились болѣе ожесточенными войнами съ англичанами, и нравы ирландцевъ стали грубѣе прежняго. Англичане, остававшіеся въ Ирландіи, сражались за свое владычество надъ нею очень храбро, но были оттѣснены къ восточному берегу Лейнстера, и подъ властью англійскаго короля остались только Дублинъ и графства митское, кильдерское и лоутское. Эта приморская часть Лейнстера стала называться «область, огороженная тыномъ» или просто «Тынъ», Pale. Генрихъ убѣдился въ невозможности поддержать свое прямое владычество надъ остальной Ирландіей и въ октябрѣ 1175 года заключилъ миръ, по кото-

рому призналъ Родерика О'Коннора королемъ всей Ирландіи, кромѣ этой приморской части Лейнстера. О'Конноръ обязался платить ему дань, но рѣдко исполнялъ обѣщаніе. Договоръ съ О'Коннoромъ былъ подписанъ въ Уиндзорѣ, потому называется уиндзорскимъ миромъ. Онъ не установилъ спокойствія въ Ирландіи; поселившіеся тамъ англійскіе вельможи не слушали приказаній Генриха, вели непрерывныя войны съ ирландцами. Въ 1185 году намѣстникъ Генриха въ Ирландіи, храбрый воинъ, Гью-де-Леси былъ коварно убитъ; многіе другіе англійскіе вельможи имѣли ту же судьбу. Генрихъ отдалъ Ирландію въ управленіе своему младшему сыну Джону; далъ ему титулъ короля ирландскаго. Это не произвело перемѣны въ положеніи дѣлъ. Джонъ, занятый интригами и мятежами противъ отца, долго не ѣхалъ въ Ирландію. Когда наконецъ пріѣхалъ туда, принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ирландскіе князья и англійскіе вельможи признавали на словахъ его власть, продолжая драться между собою. Англійскіе бароны переселялись въ Ирландію, но скоро принимали кельтскіе обычаи, переставали повиноваться англійскому королю, а потомки ихъ принимали кельтскій языкъ и образъ жизни, перемѣняли даже свои англійскія фамиліи на ирландскія. Эти англичане, превратившіеся въ ирландцевъ, упорно сопротивлялись распоряженію англійскаго владычества въ Ирландіи, и англійскіе короли принуждены были воевать съ ними. Не разъ случалось, что англичане были оттѣсняемы за стѣны приморскихъ крѣпостей, и власть англійскаго короля въ Ирландіи казалась уничтоженной, но города Дублинъ, Коркъ, Уотерфордъ, Лимерикъ были прочными опорными пунктами англичанъ въ Ирландіи, служили базисами для новыхъ походовъ, и черезъ нѣсколько времени англичане вновь овладѣли болѣе или менѣе значительной частью восточной Ирландіи. Города, принадлежавшіе имъ тамъ, получили самоуправленіе; въ нѣкоторыхъ было принято англійское городское право, въ другихъ, населенныхъ колонистами изъ Фландріи, фландрское.

---

7. Мятежи сыновей Генриха. Покаяніе его. Законодательная дѣятельность въ его правленіе.

Ссоры Генриха съ женою и сыновьями.

Приверженцы Томаса Бекета предсказывали, что явится мститель за него изъ рода самого Генриха. Это пророчество сбылось. По возвращеніи изъ Ирландіи, Генрихъ, какъ мы говорили, примирился съ церковью. Ремонъ, графъ тулузскій, долго отказывавшійся признать себя вассаломъ англійскаго короля и воевавшій съ нимъ, присягнулъ на вѣрность ему, какъ своему сюзерену. Казалось, что теперь

царствованіе Генриха будетъ спокойно; но поднялась новая гроза. Старшій сынъ короля, принцъ Генрихъ, котораго онъ, по тогдашнему обычаю, велѣлъ короновать въ королевскій санъ, чтобъ упрочить за нимъ наслѣдіе престола, поссорился съ отцомъ и уѣхалъ въ Парижъ къ своему тестю. Молодой человѣкъ досадовалъ на то, что отецъ оставляетъ его королемъ только по названію, не даетъ ему въ управленіе какую-нибудь большую долю государства. Королева Элеонора возбуждала недовольнаго сына взяться за оружіе, потому что была раздражена противъ Генриха: онъ развратничалъ, осыпалъ почестями своихъ любовницъ, унижалъ жену, доходилъ въ своемъ пренебреженіи къ ней до грубыхъ обидъ. Король французскій тоже раздражалъ своего зятя противъ отца. Могущество англійскаго короля было опасно для Франціи; еслибъ онъ отдалъ часть своихъ французскихъ владѣній старшему сыну, зятю короля французскаго, опасность уменьшилась бы. Второй и третій сыновья Генриха, Ричардъ и Гомфри, тоже требовали, чтобъ отецъ отдалъ имъ части своихъ французскихъ владѣній. Въ 1173 году принцъ Генрихъ поѣхалъ съ женою въ Парижъ; тамъ въ разговорахъ съ тестемъ онъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать противъ отца оружіемъ. Отецъ пригласилъ его пріѣхать на семейный праздникъ: англійскій король сосваталъ за своего четвертаго сына Джона, бывшаго тогда шестилѣтнимъ ребенкомъ, богатую невѣсту, дочь Гюмбера графа моріенскаго, наслѣдницу его владѣній (графство моріенское—значительная часть той области, которая впослѣдствіи соединилась подъ властью графовъ савойскихъ). Обрученіе праздновалось въ овернскомъ городѣ Монферратѣ. Принцъ Генрихъ поѣхалъ на праздникъ, но въ мартѣ бѣжалъ изъ отцовскихъ владѣній и поселился въ Сенъ-Дени. Король французскій созвалъ сеймъ, объявилъ зятя королемъ сѣверной части французскихъ владѣній короля англійскаго. Принцъ Генрихъ вызвалъ къ себѣ въ Парижъ своихъ братьевъ Ричарда и Гомфри; Элеонора хотѣла бѣжать къ сыновьямъ, переодѣлась въ мужское платье, но была на пути въ Парижъ узнана и арестована.—Мятежъ распространился и въ Англіи: графы лесстерскій, дербійскій, честерскій, Гью Бигодъ и нѣкоторые другіе англійскіе вельможи приняли сторону принца Генриха. Онъ обѣщалъ Вильгельму, королю шотландскому, Нортомберлэндъ до рѣки Тейна, а брату Вильгельма, Давиду, Комберлэндъ; они стали помогать ему.

Война Генриха съ сыновьями 1173, 1174.

Опустошительная война свирѣпствовала и во французскихъ владѣніяхъ англійскаго короля, и въ Англіи. Генрихъ II, по примѣру Стефана, взялъ на свою службу нидерландскихъ наемныхъ воиновъ, называвшихся брабансонами. Начальствуя этими храбрыми грабителями, Гью де Леси, Вильгельмъ Арондель и другіе опытные полководцы короля англійскаго успѣшно сражались съ французскими и норманскими рыцарями, которыхъ водили противъ нихъ Филиппъ,

графъ фландрскій, Гью, графъ честерскій, и самъ король французскій. Французы осадили крѣпость Вернель, но были отбиты и потерпѣли другое пораженіе въ Бретани у Доля; около ста бретонскихъ и норманскихъ рыцарей были тутъ взяты въ плѣнъ; въ числѣ ихъ находился графъ честерскій. Въ Англіи дѣла инсургентовъ приняли тоже дурной оборотъ: въ сентябрѣ графъ лесстерскій пошелъ съ фламандскими наемниками къ богатому Бери-Сентъ-Эдмондскому монастырю, опустошая все на пути, но былъ разбитъ королевскими войсками и взятъ въ плѣнъ; попала въ плѣнъ вмѣстѣ съ мужемъ и графиня лесстерская, при которой была масса дорогихъ уборовъ. Король шотландскій и его братъ, опустошавшіе сѣверную часть Англіи, были прогнаны полководцами короля англійскаго: Ричардомъ де Льюси и Реджинальдомъ Корнуэльскимъ. Побѣдители вошли въ южную Шотландію и стали опустошать ее. Генрихъ II просилъ свиданія у Людовика VII; они съѣхались 25 сентября въ Жизорѣ; Генрихъ соглашался сдѣлать большія уступки своимъ сыновьямъ, просилъ посредничества папы, но переговоры разстроились. Зимою военныя дѣйствія пріостановились; весною возобновились въ новою силою. Въ іюнѣ (1174 года) принцъ Генрихъ съ многими французскими баронами, съ графомъ фландрскимъ и его наемниками поплыли въ Англію, а король шотландскій снова вторгся въ сѣверную часть ея. 26 августа 1173.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Генрихъ II рѣшился на поступокъ, какого отъ него не ждали. Приверженцы Томаса Бекета говорили, что война—наказаніе за убійство святого архіепископа. Генрихъ вздумалъ показать, что и онъ раздѣляетъ уваженіе народа къ прославленному чудесами мученику, поплылъ въ Англію и пошелъ пѣшкомъ въ Кентербери. Джильбертъ, епископъ лондонскій, произнесъ 12 іюля въ соборномъ храмѣ проповѣдь о благодатномъ дѣйствіи покаянія. Выслушавъ его, король, босой, въ одеждѣ кающагося грѣшника сошелъ въ склепъ, гдѣ покоилось тѣло мученика, подвергъ себя у его гробницы бичеванію и провелъ тамъ ночь въ молитвѣ и слезахъ. На другой день (13 іюля) онъ выслушалъ литургію, поклонился мощамъ святыхъ, далъ богатые подарки церкви, получилъ флаконъ съ кровью святого Томаса и разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, поѣхалъ въ Лондонъ и былъ принятъ народомъ съ криками восторга. Покаяніе Генриха. 1174.

Святой Томасъ очевидно примирился съ покаявшимся грѣшникомъ и благословилъ его оружіе: въ тотъ самый день, когда король пошелъ изъ склепа въ храмъ слушать литургію, Ренуфъ де Бланвиль нанесъ полное пораженіе шотландцамъ при Альнвикѣ и взялъ въ плѣнъ ихъ короля. Вскорѣ послѣ того покорился Гью Бигодъ, городъ Лесстеръ отворилъ ворота королю, сдался и лесстерскій замокъ; приверженцы графа лесстерскаго положили оружіе; всѣ противники короля смирились, и въ августѣ онъ уже могъ возвратиться въ Нор- Побѣды короля 1174—1175.

мандію. Онъ взялъ съ собою плѣннаго короля шотландскаго. Съ брабансонами и отрядомъ уэльзскихъ стрѣльцовъ онъ пошелъ къ Руану, осажденному французами и норманскими инсургентами. Людовикъ и его союзники оробѣли, сожгли осадныя машины и ночью
14 августа. отступили. Подданные обоихъ королей были изнурены опустошительной войной, требовали мира; короли снова съѣхались въ Жизорѣ и 8 сентября примирились. Мятежные сыновья пріѣхали къ отцу, упали на колѣна, просили прощенія, освободили своихъ приверженцевъ отъ присяги повиновенія имъ и должны были удовольствоваться тѣми замками и доходами, какіе дала имъ милость отца. Плѣнный король шотландскій призналъ Шотландію леномъ англійскаго короля; далъ присягу на вѣрность ему и братъ шотландскаго короля Давидъ, какъ владѣтель леновъ въ Англіи; духовные и свѣтскіе шотландскіе вельможи поручились за то, что ихъ король будетъ вѣрнымъ вассаломъ короля англійскаго; шотландская церковь была подчинена митрополитской власти архіепископа йоркскаго, въ замкахъ Роксборѣ, Джедборгѣ, Бервикѣ, Стирлингѣ и эдинбургской цитадели были поставлены англійскіе гарнизоны. По заключеніи мира на этихъ условіяхъ, плѣнный король шотландскій получилъ свободу. Еще никогда Шотландія не бывала въ такой зависимости
Законы и судопроизводство. отъ Англіи. Возвративъ миръ своему государству, Генрихъ II съ своимъ старшимъ сыномъ Генрихомъ поѣхалъ снова поклониться гробу Томаса и потомъ занялся внутренними дѣлами королевства. Законы, установленные въ его царствованіе, прославили его имя; при немъ было положено основаніе тому судебному устройству, которое развивалось впослѣдствіи. Самъ Генрихъ не былъ ни человѣкомъ разсудительнымъ, ни справедливымъ государемъ, и въ порывахъ ярости подвергалъ людей свирѣпымъ наказаніямъ; но у него доставало ума имѣть своими совѣтниками людей талантливыхъ и знающихъ законы, и они улучшали юридическія учрежденія Англіи.

Законы объ охотѣ. Конечно, нельзя назвать полезными для народа законы Генриха II, относившіеся къ охраненію дикихъ звѣрей въ рощахъ королевской охоты; особые трибуналы судили людей, убивавшихъ этихъ животныхъ для защиты своихъ нивъ и стадъ отъ нихъ; наказанія за эти преступленія были жестоки. Но полезны были законы, установленные на портемитонскомъ сеймѣ въ 1176 году для охраненія спокойствія въ государствѣ, для улучшенія судопроизводства и для обороны страны. На основаніи стараго закона, называвшагося кларендонскимъ ассизомъ (постановленіемъ), было рѣшено, что въ каждомъ изъ шести судебныхъ округовъ, на которые дѣлилась Англія, будутъ отправлять правосудіе три „объѣзжающіе округъ
Объѣзды судей и присяжные. судьи“. Власть этихъ судей простиралась и на администрацію. Они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы подданные—знатные ли, или незнатные,—повиновались государю, приводить къ присягѣ на вѣрность ему, наблюдать за исполненіемъ правилъ о военной повинности, за постройкою и ремонтомъ военныхъ кораблей, охранять интересы казны, брать въ казенное управленіе лены, остающіеся безъ наслѣдниковъ, контролировать

сборщиковъ податей. Въ уголовныхъ дѣлахъ они были предсѣдателями суда, а приговоръ произносили 12 человѣкъ изъ сосѣднихъ жителей рыцарскаго или вообще свободнаго сословія; по гражданскимъ дѣламъ, и въ частности, по тяжбамъ о наслѣдствѣ они также были предсѣдателями, а рѣшеніе произносили присяжные. Число дѣлъ, въ которыхъ допускаются судебный поединокъ и ордаліи, было уменьшено. Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій дѣйствуютъ до сихъ поръ. Они не были нововведеніями; основаніями для нихъ служили старые законы; но они дали опредѣленность обычаямъ, остававшимся прежде сбивчивыми. Давая королевское утвержденіе обычному праву, Генрихъ достигалъ той цѣли, чтобы королевская власть пріобрѣла законодательное значеніе и чтобы народъ привыкъ считать королевскую волю источникомъ всего законнаго порядка въ государствѣ. Въ 1178 и 1179 годахъ были уменьшены размѣры судейскихъ объѣздовъ и число судейскихъ округовъ; но эти измѣненія касались подробностей, а не сущности дѣла. Судъ присяжныхъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ сталъ, благодаря нортемптонскимъ постановленіямъ, основной формой англійскаго судопроизводства. Въ составленіи этихъ законовъ, вѣроятно, принималъ важное участіе Ренуфъ де Гланвиль, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, написавшій трактатъ о законахъ Англіи. Онъ и другіе хорошіе юристы, бывшіе помощниками Генриха II по управленію внутренними дѣлами государства: верховный судья Ричардъ де Льюси, епископы Ричардъ Ильчестерскій, Джонъ Оксфордскій, Годфри Ридель, казначей Фицъ-Нейджель преобразовали устройство англійскаго государства; раньше того оно было военной монархіей, теперь управленіе получило характеръ законности. Прежній королевскій совѣтъ, curia regis, состоялъ изъ бароновъ, которыхъ король созывалъ, когда считалъ надобнымъ; изъ этого собранія стали теперь выдѣляться особыя учрежденія, сдѣлавшіяся основами новаго судебнаго и административнаго порядка дѣлъ. Собраніе бароновъ, созываемыхъ граматами (writs) короля, посылаемыми къ нимъ, сдѣлалось органомъ законодательства; изъ этого собранія развился впослѣдствіи времени парламентъ. Для завѣдованія администраціею и судопроизводствомъ Генрихъ составилъ особый, менѣе многочисленный, постоянный совѣтъ, членами котораго назначалъ опытныхъ дѣловыхъ людей, духовныхъ и мірянъ. Отдѣленіями этого постояннаго королевскаго совѣта были верховные трибуналы; канцелярскій судъ, предсѣдателемъ котораго былъ канцлеръ; судъ казначества, подъ предсѣдательствомъ государственнаго казначея и судъ королевской скамьи, Court of king's Bench, предсѣдателемъ котораго былъ верховный судья. Судъ королевской скамьи (т. е. судъ королевской палаты) былъ по основному своему характеру судъ по уголовнымъ дѣламъ. Судъ казначейства назывался судомъ шахматницы, Exchequer Court, потому что столъ, за которымъ засѣдали судьи, былъ покрытъ клѣтчатымъ сукномъ, напоминавшимъ шахматницу, exchequer; это названіе до сихъ поръ удержалось за нимъ. Помощниками судей были шерифы графствъ и всѣ областные сановники, имѣвшіе своею обязанностью охраненіе порядка въ государствѣ и интересовъ казны. Этими учрежденіями было положено начало правильному устройству законодательной дѣятельности, судопроизводства и администраціи. Спорные вопросы церковнаго права были разрѣшены договорами съ папскими легатами. Стремясь возвысить могущество папской власти, Александръ III находилъ, что дипломатическою сговорчивостью вѣрнѣе можно достичь этой цѣли, чѣмъ упорствомъ въ рѣзко формулированныхъ требованіяхъ. Генрихъ II выказалъ свою покорность церкви покаяніемъ въ кентерберійскомъ соборномъ храмѣ; Александръ III разсудилъ, что этого достаточно, и сдѣлался уступчивъ. Онъ получилъ благо-

Королевскій совѣтъ и сановники.

Церковные законы. Конкордатъ.

даря этому ту выгоду, что король дозволилъ ему посылать въ Англію легатовъ и черезъ нихъ принимать прямое участіе въ управленіи англійскими церковными дѣлами. Римская курія справедливо разсчитывала, что посредствомъ легатовъ она мало по малу уничтожитъ всякую самостоятельность англійской церкви и всѣ особенности ея, совершенно подчинитъ ее себѣ, потому согласилась допустить подсудность англійскаго духовенства по нѣкоторымъ дѣламъ свѣтскимъ трибуналамъ, отбросить то рѣзкое требованіе совершенной неподвластности духовенства свѣтскому лицу, которое упрямо поддерживалъ Томасъ Бекетъ. Взамѣнъ этой уступки король съ своей стороны сдѣлалъ ту уступку, что допустилъ присутствіе епископа при судѣ надъ обвиняемыми въ убійствѣ лицъ духовнаго званія; такимъ образомъ, было для духовенства обезпечено строгое изслѣдованіе этихъ преступленій, а такъ какъ судъ надъ ними былъ свѣтскій, то осужденные подвергались уголовному наказанію, то есть смертной казни. Прежде эти дѣла судили епископы, которые по каноническому праву не могли произносить смертныхъ приговоровъ, и наказаніе за убійство лицъ духовнаго званія ограничивалось церковнымъ покаяніемъ. Очевидно, что церковь гораздо больше выиграла, чѣмъ проиграла, отъ миролюбиваго рѣшенія спорныхъ вопросовъ конкордатомъ. Король согласился, чтобы аббатъ кентеберійскаго Троицкаго монастыря, Кларембальдъ, былъ за свои пороки и преступленія лишенъ сана; взамѣнъ того и папа сдѣлалъ угожденіе королю: утвердилъ его распоряженіе, чтобы шотландская церковь была подчинена власти Роджера, архіепископа йоркскаго, усерднаго слуги Генриха. Вильгельмъ, король шотландскій, не хотѣлъ допустить власти англійскаго архіепископа надъ церковными дѣлами своего государства; но папа дозволилъ Роджеру дѣйствовать противъ короля шотландскаго отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ. Шотландскій король покорился. Своей успѣшною дѣятельностью по управленію внутренними дѣлами государства Генрихъ II пріобрѣлъ такую славу, что короли кастильскій и наваррскій, долго воевавшіе между собою за область, лежащую на границѣ ихъ королевствъ, отдали свой споръ на третейскій судъ короля англійскаго и подчинились его рѣшенію.

---

8. Послѣднее время царствованія Генриха II.

Генрихъ II и его семейство.

Генрихъ могъ съ удовольствіемъ думать объ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ имъ: онъ вышелъ изъ борьбы съ церковью безъ большихъ потерь для своей власти, подавилъ вельможъ, принудилъ ихъ отдать ему замки, прославился законодательной дѣятельностью. У него было нѣсколько человѣкъ дѣтей; будущность династіи Плантагенетовъ казалась обезпеченной. Старшій сынъ его Генрихъ былъ храбрый рыцарь, привлекавшій къ себѣ людей любезностью; его дочь Матильда, жена Генриха Льва, была женщина благороднаго характера, образованная, и, подобно второму своему брату Ричарду, любила пѣніе и поэзію; Гомфри, третій сынъ короля, женившійся на Констанціи, дочери-наслѣдницѣ Конана, герцога бретанскаго, и сдѣлавшійся государемъ довольно большой области, былъ такой же храб-

рый рыцарь, какъ и старшіе братья; другая дочь Генриха, Элеонора, была женою Альфонса IX, короля кастильскаго, а младшая сестра ея, Іоанна, поѣхала на Пасху 1176 года въ Сицилію къ своему жениху, королю Вильгельму II. Младшій сынъ Генриха Іоаннъ, любимецъ отца, долженъ былъ пріобрѣсти громадное состояніе: отецъ сначала хотѣлъ помолвить его съ дочерью графа моріенскаго, потомъ оставилъ эту мысль и нашелъ ему очень богатую невѣсту, дочь-наслѣдницу графа глосстерскаго. Генрихъ съумѣлъ хорошо устроить и судьбу своего побочнаго сына Гомфри, матерью котораго была Розамонда Клиффордъ: отецъ назначилъ его епископомъ линкольскимъ и сдѣлалъ канцлеромъ. Отношенія къ Франціи улучшились, когда умеръ Людовикъ VII: его сынъ, Филиппъ, вступилъ 1180.
въ дружбу съ Генрихомъ, къ большой досадѣ своихъ родныхъ и въ особенности честолюбиваго графа фландрскаго; молодой французскій король уважалъ Генриха II и старался дѣйствовать по его правиламъ.

Но надъ головой Генриха II снова собрались тучи. Мы говорили Ссора Генриха
(VI стр. 678), что его зять Генрихъ Левъ, прогнанный Фридрихомъ съ сыновьями
Барбароссой изъ Германіи, пріѣхалъ съ женой и сыновьями въ Нор- 1182—1183.
мандію. Они поселились въ замкѣ Аржантонѣ; король англійскій просилъ императора смягчить наказаніе его зятю, несчастіемъ котораго былъ опечаленъ. Но еще большее горе принесъ ему раздоръ между его сыновьями, въ который впутался и самъ онъ. Ричардъ Львиное Сердце жилъ въ южной Франціи, воевалъ съ баронами, отличался на турнирахъ, имѣлъ множество любовныхъ приключеній, проводилъ время въ обществѣ трубадуровъ; человѣкъ буйный и самонадѣянный, онъ съ ранней молодости держалъ себя дерзко и обращался съ старшимъ братомъ такъ надменно, что возбудилъ въ немъ вражду къ себѣ. Старшій братъ, уже коронованный отцомъ, считалъ себя имѣющимъ право на почтительность отъ братьевъ и жаловался отцу на дерзости Ричарда; отецъ велѣлъ Ричарду присягнуть на вѣрность старшему брату; Ричардъ надменно отвѣчалъ, что не присягнетъ, потому что онъ нисколько не ниже своего брата и имѣетъ право наслѣдовать родовыя владѣнія матери. Послѣ того вражда между Ричардомъ и старшимъ братомъ усилилась, они совершенно перессорились изъ-за владѣнія нѣкоторыми замками; Ричардъ взялся за оружіе; пуатускіе вельможи не любили Ричарда за его высокомѣріе, деспотизмъ и развратъ, потому почти всѣ стали на сторону старшаго брата; Гомфри тоже принялъ сторону старшаго брата (теперь третій сынъ короля былъ взрослымъ юношей, отецъ еще въ 1178 г. возвелъ его въ санъ рыцаря). Вельможи враждебные Ричарду съѣхались на свиданье съ его братьями въ Лиможѣ и поклялись дѣйствовать противъ Ричарда единодушно. Бертранъ де-Борнъ 1183.
слагалъ пламенныя сирвенты, возбуждавшія къ твердой борьбѣ противъ ненавистнаго Ричарда. Враги были многочисленны и одолѣли

Ричарда, хотя онъ оборонялся очень храбро. Отцу стало жаль Ричарда, онъ потребовалъ, чтобы Генрихъ и Гомфри примирились съ братомъ; они на словахъ исполнили приказаніе отца, но втайнѣ продолжали возбуждать инсургентовъ къ продолженію войны. Когда король самъ пріѣхалъ въ свои южныя владѣнія и хотѣлъ войдти въ Лиможъ, передъ нимъ заперли ворота и встрѣтили его градомъ стрѣлъ. Сынъ короля Генрихъ внезапно занемогъ и, чувствуя приближеніе смерти, выказалъ раскаяніе, просилъ прощенія у отца. Отецъ въ знакъ своей любви послалъ ему перстень съ своей руки. Генрихъ цаловалъ перстень. Онъ умеръ 11 іюня 1183 г. въ мѣстечкѣ Марселѣ (Marcel, въ области Керси). Онъ пользовался всеобщею любовью, поэты прославляли его храбрость и благородный характеръ. По его смерти инсургенты ослабѣли, Лиможъ послѣ упорной обороны принужденъ былъ сдаться; королевскія войска брали земли инсургентовъ, Гомфри и его союзники покорились. Бертранъ де Борнъ просилъ прощенія у короля; король простилъ знаменитаго поэта и возвратилъ ему замокъ Отафоръ, отнятый у него Ричардомъ.

Послѣдніе годы правленія Генриха.

Обрадованный возстановленіемъ мира, Генрихъ освободилъ королеву Элеонору, которую десять лѣтъ держалъ подъ строгой стражей, и дозволилъ ей пріѣхать въ Нормандію. Фридрихъ Барбаросса дозволилъ Генриху Льву возвратиться въ Германію (VI, 682). Казалось, что старость Генриха II пройдетъ спокойно; но онъ подвергся новымъ семейнымъ огорченіямъ. Онъ хотѣлъ отдать Аквитанію и Ирландію своему младшему сыну, Іоанну. Это возбудило неудовольствіе въ Ричардѣ, который былъ теперь наслѣдникомъ англійскаго престола и хотѣлъ, чтобы эти земли перешли подъ его власть по смерти отца. Гомфри тоже досадовалъ на отца и окончательно разсердился, когда отецъ не захотѣлъ отдать ему графство анжуйское, котораго онъ требовалъ. Раздраженный отказомъ, Гомфри поѣхалъ къ Филиппу, который уже возвратился къ враждебной королю англійскому политикѣ своего отца. При содѣйствіи короля французскаго Гомфри сталъ готовиться къ вторженію въ Нормандію, но заболѣлъ и умеръ
1186. въ Парижѣ. Не задолго предъ смертью мужа Констанція родила сына, который былъ названъ Артюромъ. Филиппъ и Генрихъ оба хотѣли быть опекунами малютки; споръ изъ-за опеки увеличилъ взаимную вражду. Но около этого времени Іерусалимъ былъ взятъ мусульманами. Мы говорили, что извѣстіе объ этомъ произвело очень сильное впечатлѣніе въ Англіи и Франціи, что вельможи и рыцари этихъ странъ стали готовиться къ новому крестовому походу, что были установлены налоги для покрытія издержекъ экспедиціи, что папа велѣлъ духовенству платить десятинную подать для снаряженія кораблей и воиновъ. Казалось, что война, которую начали вести между собой короли французскій и англійскій, будетъ прекращена ими для участія въ крестовомъ походѣ. Они дѣйствительно заключили миръ.

оба обѣщались отправиться въ Палестину. Но миръ былъ непродолженъ. Ричардъ началъ войну съ Ремономъ, графомъ тулузскимъ; она охватила и занадъ и востокъ южной Франціи; короли англійскій и французскій вмѣшались въ нее. Филиппъ двинулъ войско въ Берри и въ нормандскую область Вексенъ. Генрихъ, бывшій тогда въ Англіи, собралъ войско, нанялъ уэльзскихъ стрѣлковъ, переплылъ каналъ и вторгся во владѣнія короля французскаго. Начались переговоры, короли съѣхались на свиданіе подъ жизорскимъ вязомъ (въ августѣ 1188), но не могли примириться. Англичане расположились на этомъ свиданіи въ тѣни вяза, а французамъ пришлось стоять подъ солнечнымъ зноемъ; англичане смѣялись надъ этимъ; Филиппъ такъ разсердился на ихъ шутки, что когда англичане уѣхали, онъ велѣлъ срубить вѣковой, великолѣпный вязъ. Война шла неудачно для Генриха. Ричардъ разсердился на отца, который не дозволялъ ему жениться на французской принцессѣ Алисѣ и, какъ говорили, самъ хотѣлъ жениться на ней; кромѣ того Ричардъ предполагалъ, что отецъ хочетъ назначить наслѣдникомъ престола, своего любимца, младшаго сына. На свиданіи съ отцомъ Ричардъ потребовалъ, чтобы король формально призналъ его наслѣдникомъ престола; Генрихъ не согласился на это; Ричардъ уѣхалъ къ Филиппу. Король французскій, какъ сюзеренъ французскихъ владѣній Генриха, объявилъ, что отнимаетъ эти лены у мятежнаго вассала и отдаетъ ихъ Ричарду. Ричардъ присягнулъ на вѣрность французскому королю. Многіе бароны перешли на сторону мятежника. Генрихъ ушелъ въ Сомюръ и весною, собравъ большое войско, возобновилъ войну. Но счастье не благопріятствовало ему. Лѣтомъ Ле-Мансъ, Туръ, Сомюръ были взяты французами. Бретонцы были на сторонѣ враговъ Генриха; войска его разсѣялись. Даже Іоаннъ измѣнилъ ему. Дряхлый старикъ упалъ духомъ, ушелъ въ Шинонъ и заключилъ миръ. По шинонскому трактату онъ призналъ короля французскаго сюзереномъ своихъ владѣній во Франціи и обязался заплатить ему 20.000 марокъ серебра за возвращеніе своихъ областей, занятыхъ его войсками. Кромѣ того, Генрихъ велѣлъ вельможамъ всѣхъ своихъ владѣній присягнуть Ричарду, какъ наслѣднику престола; освободилъ Алису, которую держалъ подъ стражей, передалъ невѣсту сына пяти рыцарямъ, принявшимъ ее подъ свою охрану, и далъ прощеніе баронамъ, помогавшимъ Ричарду. Когда королю былъ поданъ списокъ мятежниковъ, которымъ долженъ онъ дать прощеніе, онъ увидѣлъ, что первымъ въ этомъ спискѣ стоитъ имя его любимца, Іоанна. Въ порывѣ ярости онъ проклялъ Іоанна и Ричарда. Старикъ былъ раненъ на войнѣ; отъ волненія, съ нимъ сдѣлалась лихорадка, раны загноились, и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ Шинонѣ. У постели умирающаго стоялъ только побочный сынъ его, Гомфри. Получивъ извѣстіе о смерти отца, Ричардъ пріѣхалъ въ Шинонъ и съ немно-

1189.

6 іюля 1189.

гими своими спутниками проводилъ умершаго отца въ женскій монастырь Фонтевро, гдѣ была приготовлена могила.

Характеръ Генриха.

Генрихъ II былъ средняго роста, черты лица его были правильныя, взглядъ повелительный. Русые волоса его уже начинали въ послѣдніе годы сѣдѣть и стали жидки; тогда онъ сталъ носить искусственные волоса; кругловатые глаза его при спокойномъ настроеніи были ласковы, но когда онъ приходилъ въ ярость,—а это бывало съ нимъ часто,—они сверкали страшнымъ огнемъ. Отъ природы онъ былъ расположенъ къ тучности, но предотвращалъ ее діэтой и сильнымъ моціономъ. Онъ былъ очень дѣятеленъ. Страстно любя охоту, онъ часто безъ отдыха скакалъ съ утра до ночи по полямъ и лѣсамъ, и руки его загрубѣли отъ охотничьяго оружія. Въ церкви, которую онъ посѣщалъ каждый день, и при занятіяхъ дѣлами онъ стоялъ; сидѣлъ онъ только за обѣдомъ, за которымъ не любилъ оставаться долго. Умъ его былъ чрезвычайно подвижный и въ трудѣ онъ былъ неутомимъ. Большую часть дня онъ занимался дѣлами; часы отдыха любилъ проводить съ духовными сановниками, преданными ему, и предлагалъ имъ остроумные или дѣльные вопросы; интересовался онъ и литературой. Онъ понималъ нѣсколько языковъ, и кромѣ своего роднаго французскаго умѣлъ говорить на латинскомъ. Онъ выражался изящно и былъ краснорѣчивъ; память у него была очень сильная. Въ семейной жизни онъ имѣлъ много непріятностей, но виноватъ въ нихъ былъ самъ. Женившись на Элеонорѣ только по разсчету, онъ обращался съ ней очень дурно; она мстила ему, возбуждая сыновей противъ отца. Изъ его любовницъ особенно знаменита Розамонда Клиффордъ. Она родила королю двухъ сыновей, Вильгельма Длинношпагаго и Гомфри, бывшаго впослѣдствіи канцлеромъ; они оба воспитывались вмѣстѣ съ законными дѣтьми короля. О Розамондѣ, прославляемой поэтами, возникло много фантастическихъ разсказовъ; къ числу ихъ принадлежатъ и преданія о преслѣдованіяхъ, какимъ она подвергалась отъ королевы.

Торговля. Литература.

Генрихъ далъ обѣтъ отправиться въ крестовый походъ и умеръ, готовясь къ нему. Онъ уже успѣлъ собрать много денегъ для этой экспедиціи; умирая, онъ завѣщалъ ихъ тампліэрамъ, іоаннитамъ и воинамъ, которые отправятся въ Палестину.—При обширности владѣній англійскаго короля и при родственныхъ связяхъ Генриха II съ многими другими государями, мореплаваніе и торговля его подданныхъ получили большой размѣръ; онъ покровительствовалъ этимъ занятіямъ, давалъ льготы и привилегіи купцамъ, разсчитывая, что его доходы увеличатся отъ развитія торговли. По корыстолюбію онъ покровительствовалъ и евреямъ, съ которыхъ бралъ большія подати. Лондонъ въ его время былъ уже очень большимъ торговымъ городомъ, въ который съѣзжалось много иностранцевъ. Знаменитѣйшіе ученые и поэты того времени были приближенными Генриха II. Мы уже говорили о Джонѣ Сользберійскомъ, хорошемъ юристѣ, историкѣ, славившемся богословской и философской ученостью. Его письма—важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о борьбѣ Генриха съ церковью. Король

назначилъ его епископомъ шартрскимъ. Онъ умеръ въ 1180 году. Его ученикъ Пьеръ Блуасскій, хорошо знакомый съ дѣлами другихъ государствъ, былъ секретаремъ Генриха и ловко защищалъ его политику. Мы уже говорили о другихъ современникахъ Генриха, юристѣ Ранольфѣ де Гланвилѣ, историкахъ, Бенедиктѣ Питербороскомъ и Уильямѣ Ньюберійскомъ. Знаменитыми писателями того времени были также судья Уольтеръ Мепсъ и Джиральдъ де Барри; оба они были уроженцы Уэльза; въ ихъ произведеніяхъ перепутываются исторія и выдумки; это общій характеръ уэльзской литературы. При дворѣ англійскихъ королей господствовалъ французскій языкъ, и находили покровительство себѣ трубадуры. Подобно своимъ предкамъ, Генрихъ II и его вельможи, потомки норманскихъ завоевателей, презирали языкъ побѣжденныхъ англосаксовъ.

b) Ричардъ I.

Правленіе Генриха II имѣетъ важное значеніе въ англійской исторіи; десятилѣтнее царствованіе его сына, Ричарда, не ознаменовано ничѣмъ полезнымъ для Англіи. Избалованный любимецъ матери, Ричардъ не имѣлъ отцовскихъ правительственныхъ талантовъ. Онъ выросъ въ южной Франціи, былъ чуждъ Англіи и едва-ли провелъ въ ней половину года изъ десяти лѣтъ своего царствованія. Ему нравилась южная часть его французскихъ владѣній, гдѣ раздавались пѣсни и шли непрерывныя драки. О мирныхъ дѣлахъ, о благосостояніи народа у него не было заботы, онъ любилъ только военные подвиги, пиры и пѣсни. Онъ удалилъ отъ себя совѣтниковъ своего отца, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, Ранольфа де Гланвиля подвергъ денежнымъ взысканіямъ. Короновавшись въ Уэстмистерскомъ аббатствѣ 3 сентября 1189 г., онъ ограбилъ лондонскихъ евреевъ (VI, 708). Изъ Лондона гоненіе на нихъ распространилось по всей Англіи, длилось нѣсколько мѣсяцевъ; народъ убивалъ евреевъ, жегъ ихъ дома. Многіе изъ нихъ убивали женъ, дѣтей, себя, чтобы спастись отъ мученій, или сами зажигали свои дома и погибали въ пламени. Грабители и убійцы оставались безнаказанны, дѣлясь добычей съ королемъ, которому нужны были деньги для крестоваго похода, бывшаго тогда единственной мыслью его. Чтобы собрать какъ можно больше денегъ на эту экспедицію, онъ продавалъ церковныя и гражданскія должности, титулы, всяческія льготы и милости. Побочный братъ его Гомфри купилъ себѣ санъ архіепископа йоркскаго; Гью, епископъ доргэмскій, купилъ себѣ управленіе графствомъ нортомберлэндскимъ за 10,000 фунтовъ. Ричардъ продавалъ все. По увѣренію современниковъ, онъ однажды сказалъ: «Если бы нашелся покупщикъ, я продалъ бы Лондонъ». Важнѣйшее пріобрѣтеніе своего отца, сюзеренную власть надъ королемъ шотландскимъ, онъ продалъ за 10.000 марокъ и въ придачу уступилъ королю шотландскому крѣпости Роксборо и Бервикъ. Этими способами онъ собралъ громадную массу денегъ и потомъ легкомысленно растратилъ ее въ своей экспе-

Характеръ правленія Ричарда.

диціи. Онъ дѣйствовалъ только по увлеченіямъ страстей и капризамъ. Алчно собирая деньги, онъ съ безразсудной щедростію дарилъ ихъ своимъ любимцамъ; временами былъ очень щедръ и къ роднымъ: своему брату Іоанну онъ далъ шесть графствъ и дѣлалъ очень много подарковъ матери.

Англія по отъѣздѣ Ричарда въ крестовый походъ.

Назначивъ канцлера и великаго судью Уильяма, епископа элійскаго, своимъ намѣстникомъ въ Англіи и комендантомъ Тоуэра, Ричардъ отправился въ свои французскія владѣнія и, заключивъ союзъ съ королемъ французскимъ, поплылъ въ іюнѣ слѣдующаго (1190) года въ Палестину. Мы разсказывали о его экспедиціи (VI, 708). Уильямъ элійскій, котораго папа назначилъ своимъ легатомъ въ Англіи, держалъ себя надменно и деспотически. Онъ былъ простолюдинъ по происхожденію, родственники его были землепашцы въ Нормандіи, но теперь онъ жилъ съ королевскимъ великолѣпіемъ, выдавалъ своихъ родственницъ за вельможъ, женилъ родственниковъ на дочеряхъ вельможъ. Во всей Англіи только одинъ человѣкъ не хотѣлъ подчиняться ему — Іоаннъ, младшій братъ короля: они поссорились по вопросу о томъ, кто наслѣдуетъ Ричарду, если онъ погибнетъ въ крестовомъ походѣ. Іоаннъ принималъ мѣры, чтобъ овладѣть престоломъ въ случаѣ смерти старшаго брата; Уильямъ элійскій полагалъ, что наслѣдникомъ престола Ричарда долженъ быть Артюръ Бретанскій, сынъ умершаго старшаго брата Іоанна. Самъ по себѣ Іоаннъ не пользовался расположеніемъ англичанъ; но по ненависти къ деспотичному намѣстнику многіе вельможи приняли его сторону. При помощи архіепископа йоркскаго, епископа Гью доргемскаго и лондонскихъ гражданъ Іоаннъ одолѣлъ Уильяма элійскаго, принудилъ его сдать Тоуэръ и другія крѣпости. Преслѣдуемый пасмѣшками и подвергаясь опасности быть убитымъ, Уильямъ бѣжалъ изъ Англіи и обратился къ папѣ съ просьбой о защитѣ. Іоаннъ назначилъ канцлеромъ архіепископа руанскаго, смѣнилъ судей и другихъ сановниковъ, бывшихъ на сторонѣ Уильяма, былъ признанъ намѣстникомъ Ричарда и наслѣдникомъ престола. За согласіе на это онъ освободилъ вельможъ отъ нѣкоторыхъ стѣсненій въ распоряженіи ихъ ленами и увеличилъ права Лондона, получившаго еще при Генрихѣ II самоуправленіе.

1192.

Вскорѣ послѣ этого въ Англіи было получено извѣстіе, что Ричардъ захваченъ и отданъ подъ стражу въ Германіи. Іоаннъ вздумалъ воспользоваться этимъ и заключилъ союзъ съ королемъ французскимъ, чтобы при его содѣйствіи овладѣть всѣми частями отцовскаго государства. Въ Англіи и во французскихъ владѣніяхъ англійскаго короля началось междоусобіе. Элеонора успѣла удержать Англію въ вѣрности Ричарду, но король французскій, убѣждавшій императора не освобождать Ричарда, овладѣлъ при помощи измѣнниковъ Жизоромъ, покорилъ Омаль, Вексенскую область и всю восточную часть Нормандіи до Діэппа. Онъ даже подступилъ къ Руану, но граждане нормандской столицы, оставшіеся вѣрными Ричарду, отразили французское войско. Мы уже говорили о тѣхъ обсто-

1193.

ятельствахъ, по которымъ Ричардъ долго былъ удерживаемъ въ плѣну, и о тяжелыхъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ наконецъ освобожденъ. Іоаннъ и Филиппъ всячески убѣждали императора задерживать его въ плѣну; Элеонора не щадила никакихъ усилій для его освобожденія. Для уплаты громадной суммы выкупа надобно было установить тяжелые налоги; вельможи и духовенство выказали при этомъ большое усердіе къ королю, безъ ропота платили новые тяжелые налоги и дѣлали много добровольныхъ пожертвованій. Гомбертъ, новый архіепископъ кентерберійскій, хорошій юристъ, ученикъ Гланвиля, помогалъ Элеонорѣ въ заботахъ о выкупѣ Ричарда. Папа тоже хлопоталъ объ его освобожденіи, по своей обязанности быть покровителемъ крестоносцевъ. 1194.

Правленіе Ричарда по возвращеніи изъ плѣна.

Въ мартѣ 1194 года Ричардъ возвратился въ Англію; народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Іоаннъ, предлагавшій императору большія деньги за то, чтобъ онъ продолжалъ держать Ричарда въ плѣну, уѣхалъ въ Нормандію, думая при содѣйствіи Филиппа удержать подъ своей властью французскія области англійскаго государства. Англійскіе замки, въ которыхъ стояли гарнизоны Іоанна, принуждены были сдаться. Бароны, собравшіеся въ Ноттингэмѣ, объявили (2 апрѣля) Іоанна лишеннымъ всѣхъ его владѣній въ Англіи. Ричардъ готовился къ войнѣ съ королемъ французскимъ, установилъ налоги и продавалъ должности, собирая деньги для похода. Архіепископъ кентерберійскій 17 апрѣля снова короновалъ его (въ Уинчестерѣ). Онъ возвратилъ должность канцлера Уильяму элійскому, который во время его плѣна очень усердно защищалъ его интересы. Собравъ англійскихъ вассаловъ, нанявъ уэльзскихъ стрѣлковъ и брабантскихъ волонтеровъ, Ричардъ поплылъ въ Нормандію. Мятежные вельможи упали духомъ при его появленіи, Іоаннъ бросился къ ногамъ брата, и по просьбѣ Элеоноры Ричардъ простилъ его. Англійскій король сталъ совершать на войнѣ съ королемъ французскимъ такіе же геройскіе подвиги, какъ въ Палестинѣ. «Возвратилось прекрасное время», пѣлъ Бертранъ-де-Борнъ: «Снова штурмуются стѣны, заковываются въ цѣпи враги, поле пестрѣетъ разноцвѣтными палатками, развѣваются знамена, трещатъ копья, звенятъ шлемы и щиты». Всѣ англійскія владѣнія во Франціи отъ Сены до Гаронны были охвачены войной. Ричардъ давалъ битвы въ полѣ, разрушалъ замки, осаждалъ города. Отъ времени до времени было заключаемо перемиріе, но скоро война возобновлялась. Въ большей части сраженій побѣда оставалась за Ричардомъ. Филиппъ однажды былъ взятъ въ плѣнъ, въ другой разъ онъ едва не утонулъ, переходя черезъ рѣку Эпту: подъ тяжестью латниковъ мостъ подломился, и много воиновъ погибло. Смерть императора Генриха VI внушила Ричарду желаніе вмѣшаться въ нѣмецкія дѣла, и война съ Франціей потеряла для него интересъ. Онъ сталъ помогать своему племяннику Оттону въ борьбѣ съ Филиппомъ Швабскимъ и при посредничествѣ папскихъ легатовъ заключилъ миръ съ королемъ французскимъ. Въ январѣ 1199 года они съѣхались на сви-

даніе. Вскорѣ послѣ того Ричардъ началъ войну съ Гидомаромъ, графомъ лиможскимъ. При осадѣ Шалю онъ былъ тяжело раненъ стрѣлою въ лѣвое плечо и черезъ нѣсколько дней умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ. Элеонора, жившая въ Фонтевро, пріѣхала къ умирающему сыну. Онъ былъ бездѣтенъ и сказалъ матери, что назначаетъ своимъ наслѣдникомъ Іоанна. Онъ умеръ 6 апрѣля 1199, на 42 году жизни, и былъ похороненъ въ Фонтевро у ногъ отца. Госельмъ Феди, одинъ изъ знаменитѣйшихъ трубадуровъ того времени (стр. 362), посвятилъ его памяти прекрасную пѣсню.

Характеръ Ричарда.

Ричардъ былъ высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, имѣлъ свѣтлорусые волоса, былъ отважный воинъ, одаренный необыкновенной физической силой, покровитель пѣвцовъ и поэтовъ, любившій проводить время въ ихъ обществѣ, щедро награждавшій ихъ; онъ окружалъ себя роскошью, имѣлъ временами порывы великодушія; словомъ, въ немъ соединились всѣ пороки и достоинства рыцаря. Его имя осталось окружено романтическимъ блескомъ, и англичане долго вспоминали о немъ съ любовью, хотя онъ не заботился о благѣ Англіи и рѣдко бывалъ въ ней. У него былъ природный умъ, и преданіе сохранило довольно много удачныхъ выраженій его. Однажды проповѣдникъ покаянія убѣждалъ Ричарда разстаться съ его тремя дочерьми, надменностью, алчностью и расточительностью; онъ сказалъ: «Хорошо, я отдамъ надменность тампліэрамъ, алчность цистерціанцамъ, расточительность прелатамъ».

Развитіе Лондона.

Правленіе Ричарда было тяжело народу. Онъ былъ совершенно не разборчивъ на средства добывать деньги. Но при немъ упрочились нѣкоторыя изъ учрежденій его отца, напримѣръ, объѣзды судей по округамъ. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и развитію городовъ, расширилъ права Уинчестера, Бристоля, Портсмута, Норвича, Кольчестера и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; ограничилъ такъ называемое береговое право, помогалъ развитію торговли Англіи съ Фландріей, сѣверной Германіей и въ особенности съ Кёльномъ. При немъ чрезвычайно увеличилось могущество Лондона, граждане котораго ввели у себя самоуправленіе по образцу фландрскихъ и сѣвернофранцузскихъ городовъ; епископы и бароны дали
616. клятву охранять свободу Лондона, и населеніе города возросло до такой степени, что простолюдины отважились на борьбу съ привилегированнымъ сословіемъ старыхъ гражданъ, шумно требовали расширенія своихъ правъ и уменьшенія городскихъ налоговъ. Демагогическая дѣятельность Физъ-Осберта Длиннобородаго, ѣздившаго съ Ричардомъ въ Палестину, и по возвращеніи оттуда поднявшаго массу лондонскаго населенія противъ верховнаго судьи Гомберта и лондонскихъ рыцарей, имѣла уже тотъ характеръ, какой мы находимъ въ демократическихъ возстаніяхъ слѣдующаго столѣтія. Физъ-Осбертъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ мучительной казни: его привязали къ хвосту лошади, и она тащила его по
Апрѣль 1196. улицамъ Лондона до Тейборна; тамъ были повѣшены онъ и девять его товарищей. Народъ долго вспоминалъ о немъ съ любовью.

c) Англія при Іоаннѣ.

1. Потеря владѣній во Франціи.

По праву рожденія государемъ Англіи и французскихъ владѣній англійскаго короля слѣдовало быть Артюру Бретанскому, сыну Годфри; Ричардъ, когда былъ въ Сициліи, положительно призналъ его наслѣдникомъ короны; но ни въ Англіи, ни въ одной изъ частей владѣній англійскаго короля еще не установился твердый порядокъ престолонаслѣдія; французскія владѣнія англійскаго короля не были соединены никакими общими законами; ихъ сюзеренъ, король французскій, могъ говорить, что вопросъ о престолонаслѣдіи въ нихъ подлежитъ его рѣшенію; народы, подвластные Плантагенетамъ, еще жили каждый по своимъ особымъ законамъ. На престолъ былъ возведенъ по завѣщанію Ричарда и по вліянію Элеоноры Іоаннъ, графъ мортанскій, котораго отецъ называлъ Безземельнымъ, хотя далъ ему обширныя имѣнія. Сановники присягнули на вѣрность ему; онъ захватилъ королевскую казну, хранившуюся въ Шинонѣ, созвалъ въ Руанѣ нормандскій сеймъ и 25 апрѣля 1199 году былъ провозглашенъ герцогомъ нормандскимъ. Въ Англіи тоже не встрѣтилъ онъ почти никакого сопротивленія. Онъ клятвенно обѣщался англійскимъ баронамъ свято уважать ихъ права, оставить неприкосновенными ихъ владѣнія; они утвердили его наслѣдственное право формальнымъ выборомъ и присягнули на вѣрность ему. Въ день Вознесенья (27 мая) онъ короновался въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ. Не такъ легко было ему вступить во владѣніе Бретанью и англійскими землями въ южной Франціи. Бретанскіе бароны объявили, что по старому обычаю власть принадлежитъ сыну старшаго брата. Филиппъ II Августъ, король французскій, согласился съ ними, пригласилъ Артюра въ Парижъ, возвелъ юношу въ санъ рыцаря, принялъ отъ него ленную присягу, какъ отъ государя Бретани, Анжу, Мена, Турени и Пуату. Такимъ образомъ, Іоанну приходилось отказаться отъ этихъ областей или воевать. Онъ хотѣлъ воевать; въ Ле-Мансѣ и Анжерѣ произошли военныя столкновенія. Эта война могла принять очень обширный размѣръ, слившись съ войной между претендентами на нѣмецкій престолъ; Іоаннъ принялъ сторону своего родственника Оттона IV, а король французскій сторону Филиппа Швабскаго. Но король французскій разсчиталъ, что втянуться въ войну будетъ опасно для него при недовольствѣ его подданныхъ, тяготившихся интердиктомъ, наложеннымъ на королевство по его винѣ. Потому онъ предпочелъ соглашеніе съ Іоанномъ, устранявшее войну и оставлявшее ему свободу возобновить ее при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. На личномъ свиданіи королей французскаго и англійскаго, было рѣ-

Провозглашеніе Іоанна королемъ 1199.

Отношенія къ Франціи 1200.

22 мая 1200. шено, что Іоаннъ отдастъ свою племянницу, Бланку Кастильскую, за Людовика, сына Филиппа Августа; уплатитъ Филиппу довольно большую сумму и не будетъ вмѣшиваться въ войну нѣмецкихъ претендентовъ; а король французскій заставитъ Артюра признать Бретань леномъ англійскаго короля и присягнуть на вѣрность ему.

Новый бракъ Іоанна.

Условія міра были невыгодны для Іоанна. Однимъ изъ мотивовъ его согласія на нихъ было опасеніе подвергнуться отлученію отъ церкви, подобно Филиппу Августу и по такому же дѣлу. Іоаннъ былъ женатъ на Гадвизѣ, дочери-наслѣдницѣ графа глосстерскаго. Проживъ съ нею 12 лѣтъ, онъ прогналъ ее, чтобы жениться на красавицѣ Изабеллѣ, дочери графа Эмара ангулемскаго, уже помолвленной съ Гюгомъ, графомъ ламаршскимъ. Предлогомъ для развода съ Гадвизой онъ выставилъ близкое родство съ ней. Архіепископъ бордосскій произнесъ рѣшеніе о разводѣ: а Гомбертъ, архіепископъ кентерберійскій, повѣнчалъ Іоанна и Изабеллу (8 октября 1200). Иннокентій III строго охранялъ святость брака; должно было полагать, что онъ возстанетъ противъ развода Іоанна съ Гадвизой и объявитъ женитьбу его на Изабеллѣ противузаконной.

Убійство Артюра.

Примирившись, короли французскій и англійскій оставались непріязненны другъ къ другу въ душѣ. Филиппъ Августъ сдѣлалъ великолѣпный пріемъ Іоанну и Изабеллѣ, посѣтившимъ его въ Парижѣ; но втайнѣ поддерживалъ возстаніе, поднятое графомъ Гюгомъ ламаршскимъ, у котораго Іоаннъ отнялъ невѣсту; многіе недовольные пуатусскіе вельможи приняли участіе въ мятежѣ. Король французскій, какъ сюзеренъ герцога нормандскаго, объявилъ недѣйствительной присягу на вѣрность ему, данную Артюромъ, и юноша присоединился къ инсургентамъ. Онъ и его союзники осадили замокъ Мирбо, въ которомъ лежала больная королева Элеонора. Мартенъ Альге, вождь фландрскихъ и брабантскихъ наемниковъ Іоанна, неожиданно напалъ на осаждающихъ, нанесъ имъ пораженіе, взялъ въ плѣнъ Артюра,
1 августа 1202. Гюга, Годефруа Люзиньяна и болѣе двухъ сотъ вельможъ и знатныхъ рыцарей. Они, закованные въ цѣпи, были отвезены въ темницы нормандскихъ и англійскихъ замковъ. Многіе изъ нихъ были чрезъ нѣсколько времени освобождены въ обмѣнъ за плѣнныхъ вельможъ англійскаго короля, или выкуплены; но многіе погибли въ темницахъ. Говорятъ, что въ замкѣ Корфъ-Кеслѣ (въ графствѣ дорсетскомъ) двадцать два плѣнника были уморены голодомъ. Іоаннъ нашелъ надобнымъ покончить съ Артюромъ. Бретанскіе вельможи собирались энергически сражаться за освобожденіе своего государя; Филиппъ Августъ, какъ сюзеренъ французскихъ владѣній Іоанна, принялъ на себя власть судьи по жалобамъ на него инсургентовъ, рѣшилъ, что они правы, собралъ войско, пошелъ усмирять своего непокорнаго вассала, вторгся въ Нормандію, взялъ много городовъ и замковъ. Іоаннъ, забывавшій о дѣлахъ въ веселостяхъ, которыми забавлялъ себя и свою новую жену, не принялъ никакихъ мѣръ

обороны. Многіе англійскіе и нормандскіе рыцари покинули его въ негодованіи на эту безсмысленную трату времени. Должно было полагать, что возстаніе охватитъ всѣ французскія владѣнія Іоанна, что Филиппъ Августъ отниметъ у него Нормандію. Въ злодѣйской душѣ Іоанна явилась мысль избавиться отъ племянника, котораго называли законнымъ государемъ своимъ инсургенты. Артюръ жилъ въ темницѣ фалезскаго замка подъ стражей Гюбера де-Бурга, который держалъ его окованнаго тремя цѣпями. Іоаннъ велѣлъ привезти его въ Руанъ, и онъ былъ убитъ тамъ. Извѣстія о томъ, какимъ именно образомъ было произведено убійство, прикрашены вымысломъ, такъ что трудно найдти въ нихъ достовѣрныя черты. 1203.

Разсказъ о смерти Артюра таковъ: начальникъ и стражи Фалезскаго замка сжалились надъ Артюромъ, скрыли его отъ убійцъ, посланныхъ Іоанномъ, и распустили молву, что онъ умеръ отъ раны; черезъ нѣсколько времени король узналъ, что Артюръ остался живъ, велѣлъ привезти его въ Руанъ и убить. Легенда прибавляетъ ужасающія подробности: Іоаннъ въ темную ночь сѣлъ на лодку, приплылъ въ Руанскую темницу, велѣлъ привести племянника, вонзилъ мечъ въ грудь ему, потомъ въ високъ, взялъ тѣло въ лодку и бросилъ въ рѣку въ трехъ льё ниже Руана.

Убійство Артюра дало королю французскому благовидный предлогъ продолжать войну, отвергая всякія предложенія о мирѣ. Онъ выставлялъ себя мстителемъ за убійство. Судъ франдузскихъ пэровъ, созванный Филиппомъ Августомъ въ Парижѣ, послалъ Іоанну требованіе явиться къ отвѣту; онъ разумѣется не явился; судъ пэровъ объявилъ его виновнымъ въ убійствѣ и постановилъ приговоръ, что онъ лишается всѣхъ леновъ во Франціи. Владычество англійскаго короля надъ этими областями поколебалось. Французскія войска взяли замокъ Гальяръ, города Канъ (Caen), Кутансъ, Байё, Льзьё, Авраншъ. Нормандскіе вельможи, оставленные безъ поддержки легкомысленнымъ Іоанномъ, безпечно пировавшимъ, покорились послѣ храброй обороны французскому королю и признали его своимъ государемъ. Іоаннъ уѣхалъ въ Англію. Граждане Руана, всегда сохранявшіе непзмѣнную вѣрность нормандскимъ герцогамъ, просили помощи у него; но англійскіе вельможи и рыцари не имѣли охоты сражаться за Іоанна, презираемаго ими развратника и убійцу. Не получая поддержки изъ Англіи, Руанъ принужденъ былъ сдаться. Покореніемъ столицы была рѣшена судьба герцогства нормандскаго; оно стало владѣніемъ французскаго короля. Филиппъ Августъ овладѣваетъ Нормандіей 1204.

Изъ Нормандіи войска Филиппа Августа пошли въ другія французскія владѣнія Плантагенетовъ. Тамъ инсургенты уже одолѣвали сторонниковъ Іоанна, потому французскій король овладѣлъ этими землями безъ труда. Бертранъ де Борнъ Младшій выражалъ въ своихъ пѣсняхъ горькую печаль о томъ, что прекрасное наслѣдіе храбраго короля Ричарда достается врагу, по трусости его преемника. Покореніе областей по Луарѣ 1205.

Лѣтомъ 1205 года Гюберъ де Бургъ сдалъ французамъ Шинонъ; послѣ того энергическій, умный Филиппъ Августъ быстро овладѣлъ Анжу, Меномъ, Туренью, всѣми землями между Луарой и Гаронной. Іоаннъ, желая свалить свой стыдъ на другихъ, обвинилъ норманд-скихъ вельможъ въ измѣнѣ, конфисковалъ ихъ владѣнія въ Англіи и роздалъ своимъ приверженцамъ,

Настроеніе англійскихъ вельможъ.

Но число его приверженцевъ было невелико. Англійскіе вельможи не могли имѣть привязанности къ королю, вступившему на престолъ не вполнѣ законнымъ образомъ, утратившему свои французскія владѣнія, лишенному всякихъ хорошихъ качествъ, алчному, жестокому, вѣроломному, трусливому. Во время французской войны уже были проявленія ослушанія, показывавшія, что прежнія крѣпкія связи ленной монархіи ослабѣли, что вельможи поняли противуположность своихъ интересовъ выгодамъ королевской власти. Открытаго возстанія еще не было, но господствовало недовольство. И когда возникла ссора между безхарактернымъ королемъ и энергическимъ, умнымъ Иннокентіемъ III, то очевидно было, что папа восторжествуетъ надъ королемъ, ненавистнымъ для подданныхъ.

---

2. Ссора Иннокентія съ Іоанномъ.

Дѣло о выборѣ архіепископа кентерберій-скаго. 1205.

Архіепископскимъ храмомъ кентерберійской епархіи была соборная церковь Троицкаго монастыря; монахи утверждали, что имъ принадлежитъ право избирать архіепископа; это право оспоривали у нихъ епископы кентерберійской митрополіи, оспоривалъ и король. Когда умеръ внезапной смертью во время поѣздки архіепископъ Гомбертъ (12 іюля 1205), младшіе члены соборнаго капитула рѣшили поскорѣе выбрать новаго архіепископа, чтобы ни король, ни епископы не успѣли вмѣшаться въ это дѣло. Не дождавшись даже похоронъ умершаго, они собрались ночью и выбрали архіепископомъ Реджинальда, бывшаго помощникомъ пріора ихъ монастыря. Они не испрашивали позволенія короля, какъ требовалъ обычай; тѣмъ менѣе было соблюдено то обыкновеніе, что выборы служили только формальностью, провозглашавшей архіепископомъ предложеннаго королемъ кандидата. Они хотѣли держать дѣло въ секретѣ, пока изъ Рима прійдетъ утвержденіе Реджинальду. Онъ самъ поѣхалъ къ папѣ просить себѣ утвержденія. Но вышедши на фландрскій берегъ, онъ нарушилъ клятву молчать о своемъ выборѣ, сталъ хвалиться, что будетъ архіепископомъ кентерберійскимъ. По пріѣздѣ въ Римъ, онъ держалъ себя такъ, какъ будто уже получилъ архіепископскій санъ. Его болтливость испортила все дѣло. Когда разнеслась по Англіи

молва о выборѣ Реджинальда, старшіе члены кентерберійскаго капитула испугались, ожидая и себѣ наказанія отъ короля за самовольство младшихъ, и отправили къ Іоанну пословъ узнать его мнѣніе. Въ назначеніи пословъ участвовали даже нѣкоторые изъ младшихъ канониковъ, выбравшихъ Реджинальда. Капитулъ надѣялся выпросить у короля согласіе на то, чтобы архіепископомъ былъ Реджинальдъ. Но Іоаннъ рекомендовалъ капитулу выбрать Джона Грея, епископа норвичскаго. Большинство канониковъ покорилось и выбрало Джона. Король далъ ему инвеституру на управленіе имѣньями архіепископской каѳедры и сообщилъ о его выборѣ папѣ, прибавляя, что не допуститъ никакого другого кандидата. Но и выборъ Джона былъ сдѣланъ съ нарушеніемъ обычая. Три предшедствовавшіе архіепископа были избираемы епископами кентерберійской митрополіи вмѣстѣ съ капитуломъ Троицкаго монастыря и съ согласія короля. На основаніи этихъ предшествовавшихъ примѣровъ епископы требовали себѣ участія въ выборѣ и отправили въ Римъ жалобу на нарушеніе ихъ права.

Рѣшеніе Папы.

Такимъ образомъ, въ Римѣ явились представители трехъ партій, споривщихъ между собой; каждая просила папскаго рѣшенія въ ея пользу. Иннокентій III разсудилъ, что изъ ихъ спора можно извлечь большую выгоду для папской власти. Онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ подчинить римскому престолу англійскую церковь и сталъ дѣйствовать по той же системѣ, какой держался относительно борьбы между Оттономъ и Филиппомъ Швабскимъ: отлагалъ заявленіе своего мнѣнія, выжидая, пока настанетъ такое время, когда его голосъ можетъ получить рѣшительное значеніе. Онъ принялъ представителей всѣхъ трехъ партій, спокойно выслушалъ ихъ доводы и сказалъ, что надобно прислать къ нему новыхъ уполномоченныхъ съ подлинными документами, необходимыми для того, чтобы курія постановила правильное рѣшеніе. Его требованіе было исполнено. Кентерберійскій капитулъ выбралъ 15 депутатовъ и отправилъ ихъ въ Римъ; король отправилъ пословъ, которымъ далъ большія деньги для подкуповъ; епископы также послали депутатовъ защищать ихъ право на участіе въ выборѣ архіепископа. Послѣ долгихъ размышленій Иннокентій нашелъ способъ дѣйствія, казавшійся ему очень хорошимъ для захвата владычества надъ англійской церковью: онъ объявилъ, что епископы не имѣютъ права участвовать въ выборѣ, что оно принадлежитъ исключительно капитулу, но что выборъ Реджинальда производенъ неправильно, что неправиленъ и выборъ Джона Грея. Устраняя епископовъ, онъ разсчитывалъ пріобрѣсти благодарность капитула; выборъ Реджинальда онъ отвергъ для того, чтобъ угодить королю, а выборъ Джона Грея для того, чтобы устранить вліяніе короля на выборъ. Постановивъ такой приговоръ, онъ велѣлъ находившимся въ Римѣ депутатамъ капитула сдѣлать новый

выборъ. Капитулъ, отправляя ихъ въ Римъ, предвидѣлъ возможность этого и взялъ съ нихъ клятву не исполнять требованія папы, если онъ поручитъ имъ выбрать архіепископа. Они говорили папѣ, что по старымъ обычаямъ необходимо согласіе короля. Иннокентій отвѣчалъ, что ихъ возраженія напрасны: когда выборъ производится при папской куріи, то согласіе короля не нужно, говорилъ онъ и предложилъ депутатамъ капитула выбрать Стефана Лангтона. Это былъ англичанинъ знатной фамиліи, учившійся вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, хорошій богословъ, образованный человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ за чистоту своихъ нравовъ и незадолго передъ тѣмъ получившій санъ кардинала. Одинъ изъ депутатовъ капитула Плеясъ (Илія) Брэндфильдъ протестовалъ противъ принужденія; всѣ остальные повиновались папѣ и выбрали Лангтона. Послы короля протестовали противъ нарушенія его права. Иннокентій отправилъ къ Іоанну письмо, въ которомъ заклиналъ его «честью Божіею и ходатайствомъ святого Томаса» принять въ королевскую милость избраннаго архіепископа, урожденца Англіи, вѣрнаго приверженца короля. Капитулу кентерберійской митрополіи онъ написалъ, какое великое благо доставилъ ему своимъ рѣшеніемъ, и увѣщевалъ канониковъ жить единодушно, держась правилъ ихъ святого архіепископа Томаса.

Рукоположеніе Лангтона въ архіепископскій санъ 1207.

Король страшно разсердился, называлъ депутатовъ капитула вѣроломными мятежниками и написалъ папѣ грознымъ тономъ, что никогда не признаетъ примасомъ Англіи человѣка чужого ему, долго жившаго въ Парижѣ у его враговъ, что съумѣетъ охранить свое право, и, что если Иннокентій заупрямится, то онъ прервetъ сношенія съ Римомъ. Папа отвѣчалъ мягко, въ примирительномъ духѣ, но рукоположилъ Лангтона въ архіепископскій санъ и собственными руками надѣлъ на него паллій. Это было 17 іюля 1207 года и совпадало съ перемѣною политики Иннокентія по нѣмецкимъ дѣламъ (стр. 23); прежде союзъ съ Оттономъ вынуждалъ его быть уступчивымъ къ Іоанну, дядѣ Оттона, посылавшему деньги на военные расходы племянника; потому Иннокентій воздерживался отъ ссоры съ Іоанномъ за разводъ съ первой женой и за новую женитьбу, слабо поддерживалъ просьбы Беренгаріи, вдовы Ричарда, о томъ, чтобы Іоаннъ выдалъ ей завѣщанную мужемъ вдовью часть, молча смотрѣлъ на вмѣшательства Іоанна въ церковныя дѣла; теперь онъ рѣшился признать королемъ Филиппа Швабскаго, и ему не было нужды щадить Іоанна. Онъ хотѣлъ подчинить Англію папской власти и показать Іоанну, нарушителю правъ церкви, что гнѣвъ папы можетъ сильно повредить ему.

Крутыя дѣйствія Іоанна 1208.

Король былъ раздраженъ извѣстіемъ о рукоположеніи Лангтона, хотѣлъ отомстить за эту дерзость и запугать папу. Онъ запретилъ пріѣздъ въ Англію тѣмъ четырнадцати депутатамъ, которые избрали Лангтона, послалъ въ Кентербери отрядъ войска прогнать изъ Троиц-

каго монастыря всѣхъ другихъ членовъ капитула и даже простыхъ монаховъ, даже послушниковъ, какъ соучастниковъ поступка депутатовъ, поручилъ брабантскимъ купцамъ управленіе землями кентерберійской каѳедры, далъ этимъ управителямъ отряды войска. Прогнанные изъ Троицкаго монастыря семьдесятъ монаховъ и сто послушниковъ уѣхали во Фландрію, нашли себѣ пріютъ въ аббатствѣ св. Бертина и сосѣднихъ монастыряхъ. Иннокентій писалъ посланія къ духовенству и вельможамъ Англіи, увѣщевая ихъ непоколебимо служить Господу; поручилъ епископамъ лондонскому, элійскому и уорстерскому дѣлать увѣщанія королю, и если онъ останется упоренъ, то наложить интердиктъ на Англію, прибавлялъ, что если и это средство останется безуспѣшнымъ, то онъ «поступитъ съ королемъ какъ врачъ съ больнымъ». Епископы, на которыхъ папа возложилъ порученіе сдѣлать увѣщаніе королю, пришли къ Іоанну, со слезами умоляли прекратить преслѣдованіе кентерберійскихъ монаховъ и допустить Лангтона къ отправленію должности. Онъ гнѣвно прервалъ ихъ ру- Января 1208.
гательствами на папу и кардиналовъ и сказалъ, что клянется «зубами Божьими»—это было одно изъ его любимыхъ выраженій—прогнать къ панѣ всѣхъ епископовъ, если на Англію наложенъ будетъ интердиктъ, прогнать все духовенство, конфисковать церковныя имѣнія, а если въ Англію покажутся легаты папы, то пусть берегутъ свои глаза и носы, чтобы не уѣхать изъ Англіи безъ нихъ. Онъ кончилъ обращеніемъ къ своимъ тремъ собесѣдникамъ епископамъ, что пусть они поскорѣе уходятъ, если имъ мила жизнь.

Послѣ такой сцены, епископамъ, приходившимъ увѣщевать Іоанна, Интердиктъ.
не оставалось ничего, кромѣ какъ исполнить повелѣніе папы объ интердиктѣ. Они 24 марта (1208 года) объявили, что по порученію святѣйшаго отца налагаютъ на Англію интердиктъ, и бѣжали изъ королевства. Во всей Англіи были заперты церкви, замолкли колокола, прекратилось совершеніе всѣхъ таинствъ кромѣ крещенія рождающихся и причащенія умирающихъ; умершіе были безъ похоронnаго обряда опускаемы въ могилы, вырытыя за оградами кладбищъ. въ землѣ, не освященной церковнымъ благословеніемъ. Вслѣдъ за епископами, провозгласившими интердиктъ, бѣжали нѣкоторые другіе; Іоаннъ конфисковалъ ихъ имѣнія, бросалъ въ темницы ихъ родныхъ, отдавалъ подъ управленіе мірянъ владѣнія епископствъ, аббатствъ, другія бенефиціи, преслѣдовалъ священниковъ и монаховъ. На сторонѣ короля остались только три епископа: норвичскій, доргэмскій и уинчестерскій. Набожные люди рѣзко порицали ихъ; были сложены насмѣшливыя пѣсни о нихъ. Преслѣдуя духовенство, король сталъ тѣснить и вельможъ, которыхъ подозрѣвалъ въ сочувствіи къ гонимымъ. У многихъ изъ нихъ онъ взялъ сыновей или родныхъ въ заложники вѣрности. Но при всей суровости своихъ мѣръ Іоаннъ выказывалъ трусость. Въ первомъ порывѣ озлобленія, онъ далъ по-

милованіе человѣку, убившему священника, сказавъ, что этотъ осужденный избавилъ его отъ врага; но черезъ нѣсколько времени онъ обнародовалъ распоряженіе вѣшать всякаго, оскорбившаго словомъ или дѣломъ лицо духовнаго званія. Онъ вступилъ въ переговоры съ папой и съ Лангтономъ, жившимъ въ Понтиньи (въ томъ монастырѣ, гдѣ жилъ Томасъ Бекетъ). Но такой папа, какъ Иннокентій III, не могъ примириться съ королемъ иначе, какъ при совершенной покорности его. Цистерціанскіе монахи, имѣвшіе старинную привилегію совершать богослуженіе въ странахъ, подвергнутыхъ интердикту, стали совершать его въ Англіи; узнавъ объ этомъ, Иннокентій потребовалъ въ Римъ всѣхъ нарушителей интердикта. Онъ отлучилъ отъ церкви Фулька де Кантелюпа и Реджинальда Корнгилля, которымъ Іоаннъ поручилъ управленіе имуществами кентерберійской каѳедры, обнародовалъ грамату, въ которой назначалъ королю трехмѣсячный срокъ для раскаянія; это грозное воззваніе кончалось словами: «Смотри, лукъ натянутъ; бѣги отъ стрѣлы, чтобы она не нанесла тебѣ тяжелую рану, которая никогда не исцѣлится». Іоаннъ оставался упоренъ, не отдавалъ вдовѣ своего брата, Беренгаріи, назначенныя ей мужемъ имѣнія, хотя папа требовалъ теперь этого. Когда повый епископъ линкольнскій призналъ архіепископомъ Лангтона, Іоаннъ отнялъ у него епископскіе доходы. Папа исполнилъ свою угрозу; онъ поручилъ тѣмъ тремъ епископамъ, которые наложили интердиктъ на

Отлученіе короля отъ церкви 1209.

Англію, объявить англійскому народу, что король отлучается отъ церкви. Это порученіе трудно было исполнить, потому что Іоаннъ поставилъ стражу во всѣхъ пристаняхъ Англіи, а тѣ духовные, которые оставались въ королевствѣ, «молчали, какъ нѣмыя собаки, отъ страха не смѣющія лаять». Но всетаки извѣстіе объ отлученіи короля распространилось въ Англіи; люди сообщали объ этомъ другъ другу шопотомъ при встрѣчѣ на улицахъ и на дорогѣ.

Іоаннъ понималъ, что онъ окруженъ большими опасностями; онъ хотѣлъ развлечъ себя отъ мысли о нихъ и дать народной молвѣ другое занятіе, предпринявъ походы, какъ отецъ его въ подобныхъ обстоятельствахъ совершилъ экспедицію въ Ирландію. Онъ не могъ и думать о томъ, чтобы овладѣть отнятыми у него французскими областями, и вздумалъ сдѣлать походъ въ Шотландію. Когда онъ съ большимъ войскомъ явился на шотландскія границы, Вильгельмъ, не отважившись сопротивляться, призналъ себя вассаломъ англійскаго короля, обязался заплатить большую сумму денегъ, послалъ обѣихъ своихъ дочерей жить при дворѣ англійской королевы, отдалъ въ заложники сыновей знатнѣйшихъ вельможъ. Наслѣдникъ шотландскаго престола Александръ черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Лондонъ; Іоаннъ принялъ его любезно и возвелъ въ санъ рыцаря.

Походы Іоанна 1210—1211.

Походъ въ Шотландію.

Одобренный удачей шотландскаго похода, Іоаннъ предпринялъ экспедицію въ Ирландію, чтобы напомнить туземнымъ князьямъ и посе-

лившимся въ Ирландіи англійскимъ вельможамъ объ ихъ вассальныхъ обязанностяхъ. Къ нему въ Дублинъ пріѣхали болѣе двадцати ирландскихъ королей и князей заявить преданность своему сюзерену. Отлученіе отъ церкви ни произвело никакого дѣйствія въ Ирландіи. Могущественная фамилія де-Леси принуждена была покориться королю и отдать ему Лимерикъ. Іоаннъ свирѣпо отмстилъ семейству Уильяма Броза, одного изъ вельможъ области, пограничной съ Уэльзомъ. Брозъ отказался отдать своихъ сыновей въ заложники Іоанну и бѣжалъ въ Ирландію. Это было давно, но Іоаннъ продолжалъ злиться на него, захватилъ его жену и дѣтей, велѣлъ отвезти въ Виндзоръ и уморить голодомъ. Въ августѣ король возвратился въ Англію. оставивъ своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи епископа норвичскаго, своего любимца, котораго предполагалъ сдѣлать архіепископомъ кентерберійскимъ.

Экспедиція въ Ирландію 1210.

Король покорилъ островъ Мэнъ, служившій пріютомъ для кельтскихъ и скандинавскихъ морскихъ разбойниковъ. У подошвы Сноудана явились къ нему и дали заложниковъ уэльзскіе князья, въ томъ числѣ и важнѣйшій изъ нихъ Левеллинъ апъ-Джоруэртъ, женатый на одной изъ побочныхъ дочерей Іоанна. Казалось, что Іоаннъ походитъ на отца военной предпріимчивостью; но больше походилъ онъ на него вспыльчивостью и свирѣпостью. Черезъ нѣсколько времени горцы Уэльза, нарушивъ клятву покорности, сдѣлали набѣгъ на сосѣднія англійскія земли; Іоаннъ велѣлъ передъ своими глазами повѣсить ихъ заложниковъ, двадцать восемь человѣкъ.

Покореніе Мэна, походъ въ Уэльзъ. Левеллинъ апъ-Джоруэртъ.

Мы видимъ, что, поссорившись съ папой, Іоаннъ отбросилъ свою прежнюю безпечность, сталъ дѣйствовать энергически. Казалось, что онъ хочетъ важными успѣхами пріобрѣсти славу, которая заставила бы народъ уважать его. Мы уже говорили, что онъ посылалъ много денегъ своему племяннику Оттону IV, и когда Оттонъ получилъ въ Римѣ императорскую корону, Іоаннъ могъ говорить, что тотъ очень много обязанъ своимъ торжествомъ содѣйствію дяди. Но вскорѣ послѣ того, Оттонъ былъ отлученъ отъ церкви своимъ прежнимъ покровителемъ, Иннокентіемъ III. Можно было полагать, что это поведетъ къ изгнанію папы изъ Рима, что Иннокентій принужденъ будетъ смириться передъ императоромъ и прекратить борьбу съ его дядей. Но Иннокентій III одолѣлъ ихъ обоихъ.

Помощь Іоанна Оттону IV. 1211.

Французскія владѣнія были утрачены Іоанномъ, онъ владычествовалъ только надъ Англіей. Въ ней прочность монархическаго порядка была подорвана его жестокостью и произволомъ. Непрерывная надобность исполнять военную службу въ продолжительной борьбѣ съ французскимъ королемъ и обременительные налоги произвели всеобщее неудовольствіе между вельможами. Во время уэльзскаго похода уже были открыты слѣды обширнаго заговора, имѣвшаго своимъ центромъ сѣверную часть Англіи и опиравшагося на шотландцевъ.

Деспотизмъ Іоанна. Недовольство народа.

При всей строгости, съ какой охранялись границы, извѣстіе объ отлученіи короля проникло въ Англію. Опасеніе погубить сыновей и другихъ родныхъ, бывшихъ заложниками у короля, удерживало многихъ бароновъ отъ возстанія; но всѣ были озлоблены на Іоанна, и нуженъ былъ только поводъ, чтобы вспыхнулъ общій взрывъ мятежа. Другія сословія были раздражены не менѣе бароновъ. Іоаннъ постоянно дѣлалъ поборы съ монастырей, бралъ въ казну доходы вакантныхъ епископствъ и другихъ церковныхъ должностей, грабилъ всѣ сословія; онъ постоянно принуждалъ евреевъ откупаться отъ грабежа и всетаки продолжалъ грабить ихъ. Въ памяти народа долго сохранялся разсказъ о томъ, какъ Іоаннъ вынудилъ богатаго бристольскаго еврея отдать ему спрятанныя сокровища; онъ велѣлъ каждый день вырывать по зубу у этого еврея; черезъ семь дней еврей откупился отъ мученія, отдавъ 10.000 марокъ. Говорятъ, что Іоаннъ награбилъ себѣ 60.000 марокъ съ евреевъ. Вся страна волновалась. Въ Йоркширѣ отшельникъ, питавшійся только хлѣбомъ и считавшійся пророкомъ, предсказалъ, что на Вознесенье слѣдующаго года Іоаннъ уже не будетъ королемъ. Іоаннъ велѣлъ запереть его въ темницу; тѣмъ тверже народъ сталъ вѣрить его пророчеству.

Приготовленія Филиппа Августа къ нападенію на Англію 1212—1213.

Въ 1212 году Стефанъ Лангтонъ и епископы лондонскій и элійскій поѣхали въ Римъ, описали папѣ самыми яркими красками тиранство Іоанна. Знатнѣйшіе англійскіе вельможи скитались по чужимъ землямъ нищими; ихъ сыновья, бывшіе заложниками у Іоанна, умирали на висѣлицахъ или отъ голода; ихъ жены и дочери были отданы на поруганіе воинамъ Іоанна, — такъ говорили папѣ Лангтонъ и его спутники. Иннокентій нашелъ, что настало время нанести Іоанну рѣшительный ударъ. Обстоятельства были благопріятны для этого. Кліэнтъ Иннокентія, Фридрихъ II, отправился въ Германію отнять корону у отлученнаго отъ церкви Оттона; другой родственникъ Іоанна, Ремонъ, графъ тулузскій, отлученный отъ церкви, былъ близокъ къ паденію. Папская власть находилась на высотѣ своего могущества: изъ рядовъ свѣтскихъ государей выступали бойцы за ученіе о владычествѣ папы надъ всѣми государями. Филиппъ II Августъ, король французскій, былъ готовъ принять на себя относительно Іоанна ту роль, какую принялъ на себя Фридрихъ II относительно племянника Іоанна. Филиппъ Августъ уже примирился тогда съ церковью; онъ былъ человѣкъ честолюбивый; отнявъ у Іоанна половину владѣній, онъ легко могъ поддаться влеченію отнять и другую половину; это казалось дѣломъ незатруднительнымъ. Англійскіе вельможи были расположены покинуть Іоанна. Уэльзскій князь Левеллинъ вошелъ въ соглашеніе съ папой, началъ войну противъ Іоанна и просилъ покровительства Филиппа Августа. Многочисленные англійскіе изгнанники, нашедшіе себѣ пріютъ во Франціи, горѣли желаніемъ идти подъ знаменемъ французскаго короля противъ тиранна. Въ самой

Англіи многіе вельможи были готовы присоединиться къ Филиппу Августу. Разсчитавъ шансы успѣха, представляемые такимъ положеніемъ дѣлъ, Иннокентій посовѣтовался съ кардиналами и, получивъ ихъ формальное одобреніе, объявилъ Іоанна лишеннымъ престола, освободилъ его подданныхъ отъ присяги въ вѣрности ему и предложилъ французскому королю корону Англіи и соединенную съ ней ирландскую корону. Филиппъ Августъ принялъ предложеніе папы и радостно сталъ готовиться къ крестовому походу, который долженъ былъ доставить ему благословеніе церкви и новое королевство. Онъ собралъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ на сеймъ въ Суассонѣ, и всѣ они 8 апрѣля 1213 года одобрили его намѣреніе, обѣщали свое содѣйствіе. Только Фердинандъ, принцъ португальской династіи, женившійся на дочери-наслѣдницѣ греческаго императора Бодуэна и сдѣлавшійся государемъ ея родовыхъ владѣній, Фландріи и Геннегау, отказалъ французскому королю въ своемъ содѣйствіи; онъ требовалъ, чтобы Филиппъ возвратилъ ему города Эръ и Сентъ-Омеръ, отнятые у него сыномъ Филиппа Людовикомъ, и, получивъ отказъ, уѣхалъ раздраженный. Онъ рѣшился вступить въ союзъ съ Іоанномъ и Оттономъ, чтобы при ихъ помощи отмстить Филиппу. Союзъ былъ заключенъ при посредничествѣ Рено Даммартена, графа булонскаго, храбраго рыцаря, любившаго воевать.—Весной 1213 года весь сѣверовостокъ Европы готовился къ войнѣ. Отъ Кёльна до Уэльза и Шотландіи повсюду собирались и двигались войска. Іоаннъ и Оттонъ хотѣли обороняться общими силами; герцогъ брабантскій остался вѣренъ Оттону, и потому былъ подобно ему отлученъ отъ церкви. Братъ Оттона, пфальцграфъ Генрихъ, получивъ большія суммы отъ своего дяди Іоанна, набиралъ наемниковъ и союзниковъ. Въ Дуврѣ и другихъ гаваняхъ южнаго берега Англіи стояли эскадры, ожидая войска, чтобы перевезти ихъ въ Нормандію; шерифы суровымъ насиліемъ набирали воиновъ. Филиппъ стоялъ съ войсками на нормандскомъ берегу въ готовности отражать нашествіе. Еще никогда не собиралось такихъ многочисленныхъ войскъ на англійскомъ и французскомъ берегахъ Канала. У Іоанна было не меньше воиновъ, чѣмъ у Филиппа, но настроеніе ихъ было не таково, какъ во французскомъ войскѣ. Французы съ нетерпѣніемъ ждали начала войны, которая, какъ они были увѣрены, кончится присоединеніемъ Англіи къ ихъ государству; многочисленные англійскіе изгнанники еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ желали ускорить свое возвращеніе на родину. А у воиновъ, собравшихся около Дувра, владычествовало недовольство, и многіе ждали только появленія французовъ на англійскомъ берегу, чтобы присоединиться къ нимъ.

Приготовленія къ войнѣ 1213.

Но межъ тѣмъ какъ Европа ожидала рѣшенія борьбы силою оружія, Іоаннъ уже вступилъ въ переговоры съ папой. Онъ выказывалъ себя отважнымъ, но въ душѣ былъ трусъ. Всѣ замѣчали, что онъ

Іоаннъ покоряется папѣ. 1213.

оробѣлъ. Изъ разговоровъ съ его послами Иннокентій увидѣлъ, что онъ боится войны, и разсудилъ дать ему миръ на такихъ условіяхъ, по которымъ онъ за сохраненіе своего престола безусловно покорился бы папской власти. Отправляя епископовъ обнародовать въ сѣверозападной Европѣ буллу о низложеніи Іоанна, Иннокентій послалъ съ ними человѣка, занимавшаго очень невысокую церковную должность, субдіакона Пандольфа, котораго лично зналъ Іоаннъ.—Иннокентій далъ субдіакону тайное порученіе сообщить Іоанну условія, на которыхъ согласенъ снять съ него отлученіе. Планъ папы вполнѣ удался. Пандольфъ въ сопровожденіи одного изъ тампліэровъ пріѣхалъ къ Іоанну въ Дувръ, объяснилъ ему, что при неудовольствіи вельможъ и духовенства на него война будетъ имѣть гибельную для него развязку; Іоаннъ совершенно упалъ духомъ и жадно схватился за средство спасенія, предложенное ему уполномоченнымъ Иннокентія,
13 мая 1213. поклялся на Евангеліи, что покоряется приговору папы, и представилъ шестнадцать вельможъ поруками за исполненіе клятвы его. Мы говорили, какъ унизителенъ для короля и государства былъ этотъ договоръ (стр. 42). Іоаннъ призналъ Стефана Лангтона архіепископомъ кентерберійскимъ, возвратилъ должности и имѣнія изгнаннымъ или бѣжавшимъ епископамъ и другимъ духовнымъ сановникамъ, уплатилъ имъ полное вознагражденіе за убытки, отмѣнилъ всѣ стѣснительныя мѣры, принятыя во время борьбы съ церковью, и въ собраніи вельможъ 15 мая призналъ англійскую корону леномъ папы, подписалъ грамату, которой обязывался, какъ вассалъ папы, платить ему тысячу марокъ серебра дани, заставилъ всѣхъ членовъ королевскаго совѣта подписать этотъ документъ и произнесъ вассальскую присягу вѣрности папѣ. Въ замѣнъ того Пандольфъ отъ имени Иннокентія объявилъ: «Такъ-какъ король, отдавъ себя и королевство подъ власть папы, сдѣлался новымъ человѣкомъ, то подъ страхомъ отлученія отъ церкви повелѣвается всѣмъ графамъ и баронамъ помогать ему противъ Франціи и всѣхъ внѣшнихъ враговъ, жить съ нимъ въ христіанскомъ согласіи и защищать его съ опасностью жизни». Пандольфъ поѣхалъ во Францію объявить Филиппу, чтобъ онъ отложилъ нападеніе на Англію до полученія новыхъ инструкцій папы; изъ Франціи поѣхалъ въ Римъ отдать папѣ отчетъ о блестящемъ исполненіи своего порученія. Іоаннъ отпраздновалъ свое спасеніе постыдной казнью пророка, лживо предсказавшаго, что онъ до Воз-
Снятіе отлученія съ Іоанна. несенія лишится короны, послалъ флотъ и войско въ устье Шельды на помощь своему союзнику, графу фландрскому, противъ короля французскаго, который напалъ на Фландрію и уже подступилъ къ Генту. Англійскій флотъ захватилъ большую часть французскихъ судовъ, стоявшихъ въ гавани города Дамме съ провіантомъ для войска. Но французы покорили Ипръ, Брюгге, Гентъ, Лилль, овладѣли всею Фландріею, опустошивъ ее огнемъ и мечомъ. Филиппъ Августъ вовсе

не хотѣлъ быть орудіемъ папы; онъ сдѣлалъ затраты на приготовленія къ войнѣ, хотѣлъ вознаградить себя за нихъ добычей и завоеваніями, потому, не обращая вниманія на запрещеніе Иннокентія, продолжалъ войну. Іоаннъ, покорившись папѣ, не разорвалъ союзъ съ Оттономъ и нидерландскими князьями, но воображалъ, что папа, лучше нежели его союзники, защититъ его отъ французскаго короля, потому исполнялъ обѣщанія, данныя Иннокентію, и выказывалъ себя усерднымъ сыномъ церкви. Когда Лангтонъ и бѣжавшіе или изгнанные епископы и монахи приплыли въ Дувръ, онъ пріѣхалъ встрѣтить ихъ, сталъ при толпѣ народа на колѣна предъ новымъ архіепископомъ кентерберійскимъ и попросилъ его благословенія. Послѣ того былъ совершенъ въ уинчестерскомъ каѳедральномъ соборѣ торжественный обрядъ снятія отлученія съ короля; онъ обѣщался усердно охранять церковь, править государствомъ по добрымъ законамъ короля Эдуарда и другихъ своихъ предшественниковъ, давать справедливый судъ всѣмъ подданнымъ; по произнесеніи этого обѣщанія, онъ былъ принятъ въ лоно церкви. Онъ возвратилъ духовнымъ сановникамъ конфискованныя имѣнія и сдѣлалъ распоряженіе объ оцѣнкѣ убытка, понесеннаго ихъ владѣльцами, которые должны были получить полное вознагражденіе. 20 іюля.

3. Великая Хартія.

Іоаннъ воображалъ, что покорностью папѣ избавится отъ своихъ затрудненій. Филиппъ отнялъ у него всѣ владѣнія во Франціи; онъ самъ отрекся отъ чести и независимости, признавъ себя вассаломъ папы, но надѣялся при содѣйствіи Иннокентія остаться полновластнымъ господиномъ англійскаго народа. Папскій легатъ сообщилъ французскому королю повелѣніе Иннокентія прекратить войну противъ Іоанна и объявилъ англійскимъ вельможамъ, что папа повелѣваетъ имъ быть покорными королю. Полагая, что власть его въ Англіи ограждена этимъ отъ всѣхъ опасностей, Іоаннъ велѣлъ войску, собранному въ Дуврѣ и Портсмутѣ садиться на корабли; онъ хотѣлъ плыть во Францію, возвратить себѣ владѣнія, отнятыя у него Филиппомъ. Но его приказаніе встрѣтило рѣшительный отпоръ. Бароны сѣверной Англіи отказались плыть съ нимъ во Францію. Онъ съ своими наемниками хотѣлъ идти на нихъ, но архіепископъ Лангтонъ, патріотъ, человѣкъ англосаксонскаго происхожденія, сказалъ ему, что если онъ безъ разрѣщенія сейма начнетъ войну противъ вассаловъ, это будетъ нарушеніемъ законовъ. Черезъ нѣсколько недѣль бароны и духовные сановники собрались въ Лондонѣ въ храмѣ апо- Волненіе въ Англіи.

25 августа. стола Павла. Лангтонъ прочелъ имъ грамату присяги, какую давали при вступленіи на престолъ англійскіе короли до Генриха II и которая съ того времени не была требуема отъ королей. Въ ней перечислялись права церкви и вельможъ, которыя долженъ оставлять неприкосновенными король. Вельможи поклялись защищать свои права, не щадя своей жизни. Такимъ образомъ, они подъ вліяніемъ архіепископа Лангтона заключили между собой союзъ для ограниченія королевской власти и охраненія законнаго порядка, какой по національному преданію существовалъ при англосаксонскихъ корояхъ и былъ признаваемъ нормандскими королями до Генриха II.

Иннокентій принимаетъ Іоанна подъ свою защиту 1214. Но Иннокентій вовсе не желалъ теперь, чтобы власть Іоанна встрѣчала себѣ въ Англіи сопротивленіе. Король англійскій призналъ папу своимъ сюзереномъ, платилъ ему дань, потому былъ для него милѣе англійскихъ вельможъ и духовенства. Папскій легатъ, пріѣхавшій въ Англію со свитой 50 рыцарей, былъ встрѣченъ королемъ очень почтительно, Іоаннъ назначалъ на церковныя должности предлагаемыхъ легатомъ кандидатовъ. Легатъ по инструкціямъ папы убѣждалъ духовенство и вельможъ повиноваться королю. Сумма вознагражденія возвратившимся изгнанникамъ была послѣ долгихъ споровъ принята королемъ. Папа утвердилъ этотъ счетъ и снялъ интердиктъ съ Англіи (2 іюля 1214).

Военныя неудачи 1214. Пользуясь въ Англіи покровительствомъ папы, Іоаннъ оставался союзникомъ Ремона, графа тулузскаго, и Оттона IV, отлученныхъ отъ церкви. Онъ надѣялся, усмиривъ своихъ противниковъ въ Англіи при помощи папы, возвратить себѣ при помощи Ремона и Оттона прежнія англійскія владѣнія во Франціи. Назначивъ своимъ намѣстникомъ въ Англіи епископа уинчестерскаго Пьера де Роша, получившаго незадолго передъ тѣмъ (въ октябрѣ) должность верховнаго судьи (по смерти прежняго верховнаго судьи Гомфри Физъ-Питера, графа эссекскаго), Іоаннъ въ февралѣ 1214 года поплылъ къ Ла-Ро-шели съ частью флота и войска, большинство котораго составляли наемники, а его побочный братъ Уильянъ Длинношпагій, графъ сользберійскій, долженъ былъ съ остальнымъ войскомъ плыть въ Нидерланды и соединиться съ Оттономъ. Война въ началѣ шла удачно. Старые враги Іоанна, графы маршскій и эскій (d' Eu) и Годфруа Люзиньянъ принуждены были въ маѣ присягнуть на вѣрность ему; англичане одерживали успѣхи въ Анжу и Бретани, принудили сдаться Анжеръ и въ іюнѣ въ сраженіи близъ Нанта взяли въ плѣнъ графа Робера Дрёскаго (Dreux), родственника Филиппа Августа; вмѣстѣ съ Робером они захватили въ плѣнъ 25 вельможъ. Но скоро счастіе измѣнило Іоанну. Французскія войска собрались въ Шинонѣ; сынъ Филиппа Людовикъ повелъ ихъ на англійскаго короля, и въ первой половинѣ іюля Іоаннъ былъ принужденъ торопливо, съ большими потерями отступить въ Ла-Рошель. Вскорѣ послѣ того онъ услышалъ о пора-

женіи Оттона при Бувинѣ; это разрушило всѣ его надежды. Сынъ французскаго короля держалъ въ повиновеніи землю по Луарѣ, а самъ король съ большимъ войскомъ, въ которомъ было много рыцарей, пошелъ во Фландрію, гдѣ собрались противники его и Фридриха II. Для Филиппа Августа очень было выгодно, что Іоаннъ съ главной частью англійскаго войска находится далеко; силы его противниковъ во Фландріи были еще велики и, еслибъ Іоаннъ находился тамъ, борьба была бы тяжела для французскаго короля. Мы уже говорили о томъ, какія послѣдствія для Германіи имѣла битва при Бувинѣ, въ которой французскіе рыцари подъ личнымъ начальствомъ короля одержали блистательную побѣду надъ Оттономъ и его союзниками (стр. 39). Но и для Англіи, король которой далъ деньги и войска Оттону, пораженье при Бувинѣ имѣло очень важныя послѣдствія. Множество вельможъ, въ томъ числѣ графы сользберійскій и знаменитый исполинской силой Рено Булонскій, были, подобно графу фландрскому, взяты въ плѣнъ и брошены въ темницы; другіе скитались бѣглецами, пробираясь къ пристанямъ для отъѣзда въ Англію. Іоаннъ отказался отъ всякихъ мыслей о завоеваніяхъ и торопливо заключилъ миръ съ королемъ французскимъ. По трактату, подписанному въ Шинонѣ 18 сентября, онъ призналъ своего противника государемъ всѣхъ владѣній во Франціи, принадлежавшихъ прежде Плантагенетамъ. У англійскаго короля остались во Франціи лишь городъ Ла-Рошель и нѣсколько замковъ.

Битва при Бувинѣ 27 іюля 1214.

Озлобленный неудачей, Іоаннъ въ октябрѣ возвратился въ Англію. Передъ началомъ войны многіе бароны сѣверной Англіи отказались сопровождать короля во Францію. Отказались и нѣкоторые вельможи другихъ частей государства. Король потребовалъ теперь отъ нихъ денежнаго вознагражденія за то, что они не участвовали въ походѣ. Они собрались въ Бери-Сентъ-Эдмондсѣ на совѣщаніе о средствахъ прекратить самовластіе короля и возстановить старые законы. Условившись между собой въ способѣ дѣйствій, они поклялись держаться единодушно. Эсташъ де Веси, руководитель движенія, поѣхалъ въ Римъ объяснить папѣ, сюзерену короля, справедливость дѣла, предпринимаемаго баронами, и просить его одобренія. На Рождество вельможи въ полномъ вооруженіи пріѣхали въ Лондонъ, явились къ королю, жившему тогда въ Темпель-Гоузѣ, и на основаніи найденной архіепископомъ Лангтономъ старой граматы потребовали, чтобъ Іоаннъ отказался отъ противузаконнаго самовластія и, въ частности, отъ принужденія вельможъ участвовать въ заграничныхъ войнахъ, отмѣнилъ обременительные налоги, выслалъ изъ королевства иноземныхъ наемниковъ, не раздавалъ леновъ иноземцамъ и подтвердилъ законы Эдуарда, соблюдать которые самъ клялся въ Уинчестерѣ. Іоаннъ испугался, не смѣлъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, не хотѣлъ и покориться требованіямъ бароновъ. Они не соглашались ни на какія уступки; онъ старался затянуть дѣло, сказалъ, что дол-

Бароны требуютъ прекращенія тиранніи.

женъ разсмотрѣть ихъ требованія и дастъ имъ отвѣтъ на Пасху. Онъ представилъ поручителей въ томъ, что на Пасху удовлетворитъ всѣмъ законнымъ желаніямъ бароновъ. Они согласились на эту отсрочку.

Іоаннъ и папа противятся требованіямъ бароновъ. 1215.

Іоаннъ воспользовался отсрочкой, чтобы подготовиться къ войнѣ съ баронами. Онъ поставилъ по крѣпостямъ отряды наемниковъ, склонялъ папу и духовенство поддерживать его; съ этой цѣлью онъ 15 января 1215 года далъ духовенству грамату, которой предоставлялъ ему свободу выборовъ на церковныя должности, и въ день Срѣтенія (2 февраля) принялъ крестъ изъ рукъ епископа лондонскаго, чтобы поставить себя подъ защиту церкви, подъ покровительствомъ которой находились крестоносцы. Онъ полагалъ, что этимъ пріобрѣтетъ расположеніе духовенства и папы. Иннокентій дѣйствительно сталъ защищать его. Покорность Іоанна была такъ выгодна для римской церкви, что Иннокентій отбросилъ свою досаду на союзъ Іоанна съ Оттономъ и другими отлученными отъ церкви государями; предать это забвенію было тѣмъ легче для папы, что, послѣ битвы при Бувинѣ, Оттонъ и его нидерландскіе союзники перестали быть опасными врагами. Иннокентій объявилъ англійскимъ вельможамъ, что порицаетъ ихъ непокрность королю, велѣлъ имъ уплатить вознагражденіе за отказъ отъ экспедиціи во Францію, отказаться отъ своей коалиціи противъ короля, угрожалъ за ослушаніе отлученіемъ отъ церкви. Но большинство англійскаго духовенства осталось на сторонѣ бароновъ; архіепископъ Лангтонъ непоколебимо защищалъ справедливость ихъ требованій, не слушая упрековъ папы. Іоаннъ хотѣлъ съ его стороны отлученія непокорныхъ отъ церкви; онъ отвѣчалъ, что ему лучше, нежели королю, извѣстно истинное мнѣніе папы. Онъ дѣйствовалъ, какъ патріотъ, англичанинъ.

Возстаніе бароновъ 1215.

На Пасху вельможи сѣверной Англіи и довольно многіе бароны другихъ частей королевства собрались въ Брэкли (между Оксфордомъ и Нортемптономъ), чтобы рѣшительными мѣрами вынудить у короля подтвержденіе ихъ правъ. Съ ними было около 2.000 рыцарей и очень большое число воиновъ. Іоаннъ предлагалъ имъ предоставить рѣшеніе папѣ или третейскому суду, предсѣдателемъ котораго былъ бы папа. Они не могли отдать свои требованія на судъ человѣка, непріятнаго имъ. Іоаннъ хотѣлъ затянуть дѣло неопредѣленными обѣщаніями; они не вѣрили словамъ безхарактернаго и коварнаго притѣснителя, остались непреклонны въ своихъ требованіяхъ. Правильнымъ военнымъ строемъ, съ развернутыми знаменами они повели свои отряды овладѣвать замками, въ которыхъ были поставлены иноземные наемники Іоанна; на пути къ нимъ присоединялись новые союзники. Они формально отказали въ повиновеніи королю и называли себя воинами Бога и святой церкви. Въ маѣ они подступили къ стѣнамъ Нортемптона; въ ихъ станъ пріѣхали послы изъ Лондона съ извѣщеніемъ, что лондонскіе граждане готовы помогать имъ. Они

послали въ Лондонъ отрядъ войска, граждане присоединились къ нему; приверженцы короля бѣжали. Линкольнъ и многіе другіе города приняли сторону инсургентовъ. Платежъ податей въ казну прекратился, королевскіе правители не находили нигдѣ повиновенія себѣ; королевскіе суды должны были прекратить свои засѣданія.

Король съ своими приверженцами заперся въ виндзорскомъ замкѣ. Онъ увидѣлъ себя въ необходимости поѣхать на свиданіе съ баронами, заключить договоръ съ ними. Королевскій маршалъ, графъ Пемброкъ, явился извѣстить объ этомъ бароновъ. Они расположились станомъ на берегу Темзы, близъ Виндзора, на Раннимидскомъ лугу. Король съ своими приверженцами и духовными сановниками пріѣхалъ туда, и 15 іюня былъ заключенъ договоръ, извѣстный подъ названіемъ Великой Хартіи, Magna Charta. Онъ на нѣсколько столѣтій остался основаніемъ правъ англійскаго народа, кореннымъ закономъ государственнаго устройства. Великая Хартія постановила, что выборы на церковныя должности свободны, опредѣлила ленныя отношенія между королемъ и вассалами, поставила торговлю и самоуправленіе городовъ подъ охрану законовъ, улучшила порядокъ судопроизводства, положила основаніе, на которомъ возникъ парламентъ. Въ ней старыя англосаксонскія права личной свободы соединены съ феодальными учрежденіями нормандскаго государства; такимъ образомъ, она устранила противуположность между массой туземнаго населенія и потомками завоевателей. Благодаря ей, оба эти класса составили одну націю. Хартія сдѣлалась фундаментомъ, на которомъ было возведено величественное зданіе свободнаго государственнаго устройства Англіи. Король и бароны подписали Великую Хартію и присягнули соблюдать ее. Была провозглашена всеобщая амнистія, и былъ учрежденъ комитетъ, состоящій изъ 25 бароновъ, избранныхъ своими товарищами; этотъ комитетъ долженъ былъ охранять неприкосновенность Великой Хартіи и принимать военныя мѣры въ случаяхъ ея нарушенія.

Раннимидскій договоръ 15 іюня 1215.

Великая хартія отличается отъ другихъ средневѣковыхъ льготныхъ граматъ тѣмъ, что опредѣляетъ права не одного сословія, а всѣхъ классовъ общества и такимъ образомъ соединяетъ ихъ въ одну націю; она—конституція, охватывающая весь англійскій народъ. Она устраняетъ злоупотребленія королевской власти, возстановляя старые обычаи, и создаетъ новыя учрежденія, ограждающія націю отъ возвращенія прежнихъ беззаконій. Она ставитъ народныя права подъ охрану присяги, даваемой королемъ и вельможами. Вожди возстанія желали бы, чтобы король пополнилъ свою присягу обязательствомъ не испрашивать отъ папы освобожденія отъ принятой на себя присяги, и чтобы духовные сановники поручились за него; но они достигли только того, что онъ въ общихъ выраженіяхъ далъ обѣщаніе не испрашивать ни у кого освобожденія отъ данной присяги.—

Значеніе Великой Хартіи.

1. Король уже давно призналъ папу своимъ леннымъ господиномъ, потому англійская церковь казалась безопасной отъ его самовластія, и духовенство удовольствовалось тѣмъ, что онъ вновь утвердилъ свободу выборовъ на церковныя должности, которую уже раньше того предоставилъ англійской

Церковь.

Вельможи и судопроизводство.

церкви.—2. Но вельможи находили надобнымъ обезпечить свои имѣнья отъ незаконныхъ налоговъ, устранить незаконныя требованія военной службы отъ нихъ, обезпечить правосудіе, оградить свою личную свободу отъ произвола. Потому былъ опредѣленъ размѣръ пошлины, получаемой королемъ при переходѣ лена отъ умершаго владѣльца къ наслѣднику, были установлены правила, обезпечивавшія отъ расхищенія имущества сиротъ, опекуномъ которыхъ былъ король, воспрещавшія ему пользоваться правами опекуна для принужденія дочерей и вдовъ вассаловъ выходить за вассаловъ, рекомендуемыхъ имъ. Были также установлены правила, ограждавшія должниковъ отъ алчности еврейскихъ ростовщиковъ и другихъ кредиторовъ. Было опредѣлено, что вассалы только въ трехъ случаяхъ могутъ быть облагаемы податью, которая называлась пособіемъ (auxilium); это были три случая, опредѣленные старыми обычаями: выкупъ короля изъ плѣна, праздникъ по случаю возведенія его старшаго сына въ санъ рыцаря, выдача старшей дочери его замужъ. Была отнята у короля власть произвольно требовать денежной платы взамѣнъ вассальской военной службы, или требовать службы долѣе нормальнаго срока; если была необходимость въ томъ или другомъ, то король обязывался предлагать дѣло на разсмотрѣніе сейму, commune consilium; на этотъ сеймъ духовные и свѣтскіе вельможи были приглашаемы особыми королевскими граматами (writ), адресуемыми къ каждому изъ нихъ, а вассалы менѣе важные были приглашаемы черезъ шерифовъ. Были также установлены правила для предотвращенія произвольныхъ арестовъ, промедленія въ судопроизводствѣ и несправедливаго суда; главнымъ средствомъ къ тому было постановленіе, что приговоръ долженъ быть произносимъ присяжными, что безъ нихъ судья не можетъ рѣшать дѣло, и что судьями должны быть назначаемы люди, знающіе законъ и добросовѣстные. Другими улучшеніями судопроизводства были правила, постановлявшія, что нельзя объявлять подсудимаго виновнымъ иначе, какъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, и что свободный человѣкъ подлежитъ только суду равныхъ ему, что только они могутъ назначать заключеніе въ темницу, конфискацію, или смертную казнь. Для того, чтобы не было промедленія въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ и чтобы судъ во всѣхъ частяхъ королевства былъ одинаковъ, было установлено, что члены верховнаго суда четыре раза въ годъ должны объѣзжать всѣ графства и судить при содѣйствіи четырехъ рыцарей, живущихъ въ графствѣ. Было опредѣлено, что верховный судъ будетъ имѣть своей постоянной резиденціей Уинчестеръ. Была ограничена судебная власть завѣдующихъ королевскими лѣсами, имѣвшая прежде слишкомъ широкій размѣръ, и для контроля надъ дѣйствіями королевскихъ лѣсничихъ былъ утвержденъ въ каждомъ графствѣ судъ двѣнадцати присяжныхъ рыцарскаго сословія.—3. Города сильно помогли успѣху возстанія вельможъ, и въ особенности важно было содѣйствіе Лондона. Потому горожане пріобрѣли гарантіи, ограждавшія ихъ самоуправленіе и благосостояніе: было установлено, что торговля должна быть свободна, были опредѣлены нормальныя мѣры и вѣсъ, отмѣнены произвольныя пошлины и задержки провоза товаровъ по рѣкамъ. Король часто бралъ съ торговцевъ незаконныя и слишкомъ большія подати, давалъ торговыя привилегіи своимъ любимцамъ; теперь было постановлено, что купцы могутъ свободно пріѣзжать и уѣзжать моремъ, свободно разъѣзжать по Англіи и торговать повсюду. Кромѣ всего этого, король обѣщался освободить всѣхъ заложниковъ, возвратить вельможамъ отнятыя у нихъ имѣнья и наложенныя на нихъ произвольныя денежныя взысканія, устранить иноземцевъ отъ должностей, удалить изъ королевства иноземныхъ наемниковъ и ихъ начальниковъ, дать Александру, королю шотландскому, и уэльзскому князю Левел-

Города.

лину всѣ тѣ гарантіи правъ, какія далъ англійскимъ вельможамъ, союзниками которыхъ были они. Но важнѣйшимъ обезпеченіемъ неприкосновенности установленнаго Великой хартіей законнаго порядка было учрежденіе комитета охранителей этой хартіи. Онъ состоялъ изъ 25 бароновъ, однимъ изъ которыхъ былъ лордъ-мэръ Лондона. Въ случаѣ нарушенія закона королемъ, этотъ комитетъ имѣлъ власть посылать четырехъ своихъ членовъ къ королю или верховному судьѣ съ требованіемъ, чтобы незаконная мѣра была отмѣнена; въ случаѣ отказа, комитетъ имѣлъ право призывать вассаловъ къ вооруженному сопротивленію. Король говорилъ въ Великой Хартіи: „и эти бароны со всѣмъ народомъ имѣютъ право принуждать насъ (меня) къ повиновенію всѣми зависящими отъ нихъ средствами, какъ-то: взятіемъ нашихъ (моихъ) замковъ, земель, имуществъ и другими способами, и дѣйствовать такъ, пока будетъ отмѣнено по ихъ желанію противозаконіе, но безъ личнаго вреда нашей особѣ, нашей королевѣ и нашимъ дѣтямъ; а по исполненіи ихъ требованія, они должны повиноваться намъ (мнѣ), какъ прежде„.

„Великая Хартія содержитъ въ себѣ гораздо меньше формальныхъ правилъ конституціоннаго порядка, чѣмъ искали въ ней многіе ученые“, говоритъ Гнейстъ: „но она уже заключаетъ въ себѣ всѣ основныя черты англійскаго конституціоннаго устройства“. Нормандскіе вельможи должны были сдѣлать выборъ между Англіей и континентомъ. Они не могли въ Англіи защищаться отъ короля, запершись въ своихъ замкахъ, потому что укрѣпленія ихъ замковъ были разрушены. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности былъ безсиленъ противъ короля, потому они для устраненія деспотизма соединились между собой, вступили въ союзъ съ духовенствомъ, возбудили сочувствіе къ себѣ въ народѣ и должны были вытребовать огражденіе правъ не для себя только, но для всего народа, и основаніемъ законнаго порядка сдѣлали личную свободу и одинаковость покровительства законовъ для личности и имущества людей всѣхъ сословій. Уже нѣсколько поколѣній деспотизмъ королей и тяжесть государственныхъ повинностей лежала обременительнѣе всего на вельможахъ; это пріучило ихъ сочувствовать бѣдствіямъ народа, и они поняли, что должны стать вождями его въ борьбѣ за права. Такимъ образомъ, Великая Хартія стала залогомъ примиренія между сословіями. Воспоминаніе о томъ, что права, данныя ею, были пріобрѣтены для народа вельможами, поддерживало въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ согласіе между всѣми классами общества, а вельможи, вспоминая о происхожденіи Великой Хартіи, видѣли, что аристократія не можетъ пріобрѣсти и сохранить права иначе, какъ заботливостью о свободѣ низшихъ сословій.

„Великая Хартія еще не требуетъ непосредственнаго участія націи въ государственномъ управленіи, она только ставитъ законные предѣлы власти короля и узаконяетъ въ случаяхъ крайности временное устраненіе короля отъ управленія до отмѣны противузаконныхъ его распоряженій.“

---

4. Послѣднее время царствованія Іоанна.

Король проситъ защиты у папы.

Іоаннъ возвратился въ Уиндзоръ съ озлобленіемъ въ душѣ: унизиться передъ папой не было для него большой непріятностью, но тяжело было ему выносить, что бароны ограничили его власть. Онъ сидѣлъ въ своемъ замкѣ молчаливый, чуждаясь людей, думая о мще-

ніи. Бароны между тѣмъ выбрали изъ своей среды комитетъ 25 охранителей законнаго порядка; эти уполномоченные наблюдали за исполненіемъ обѣщаній, данныхъ Іоанномъ. Они составляли правительственную коммиссію, независимую отъ короля. Народъ присягнулъ повиноваться ей. Замыслы Іоанна стали обнаруживаться. Вмѣсто того, чтобъ отослать иноземныхъ наемниковъ изъ государства, онъ увеличивалъ число ихъ, вербуя во Фландріи и Брабантѣ новыхъ наемниковъ; вмѣсто того, чтобъ удалить съ должностей иноземцевъ, занимавшихъ всѣ важнѣйшія правительственныя мѣста, онъ вызывалъ приверженцевъ своей династіи изъ прежнихъ своихъ французскихъ владѣній. Но больше всего надѣялся онъ на папу. Иннокентій III съ самаго начала ссоры между баронами и королемъ принялъ, какъ мы говорили, сторону Іоанна. При переговорахъ на Роннимидскомъ полѣ бароны не могли добиться того, чтобъ Іоаннъ обязался не просить папу объ освобожденіи его отъ присяги соблюдать Великую Хартію и чтобы папскій легатъ Пандольфъ и англійскіе епископы поручились за вѣрность короля присягѣ. Онъ отправилъ къ папѣ, какъ своему сюзерену, извѣщеніе о ходѣ событій и протестъ противъ вынужденныхъ у него уступокъ. Выслушавъ отъ королевскихъ пословъ изложеніе содержанія Великой Хартіи, Иннокентій гнѣвно воскликнулъ: «Или англійскіе бароны хотятъ свергнуть съ престола своего короля, принявшаго крестъ и поставившаго себя подъ покровительство апостольскаго престола? Клянусь святымъ Петромъ, такое оскорбленіе не пройдетъ безнаказанно!» По власти сюзерена и на основаніи словъ священнаго писанія: «я поставилъ тебя надъ народами и царствами», Иннокентій немедленно отправилъ къ англійскимъ баронамъ посланіе, въ которомъ рѣзко предавалъ осужденію Великую Хартію, и подъ страхомъ отлученія отъ церкви воспрещалъ приводить ее въ исполненіе.

Возстаніе бароновъ. Союзъ ихъ съ королемъ французскимъ 1215—1216.

Этимъ былъ данъ лозунгъ къ открытой войнѣ. Бароны собрались около Оксфорда и Нортемптона и обратились къ французскому королю съ просьбой о помощи противъ Іоанна, чьи иноземные наемники составляли многочисленное войско. Бароны объявили Филиппу Августу, что готовы признать англійскимъ королемъ его наслѣдника, Людовика, женатаго на племянницѣ Іоанна, Бланкѣ Кастильской. Дѣло было такъ заманчиво, что Филиппъ Августъ принялъ ихъ предложеніе, не поцеремонившись нарушить перемиріе, заключенное на пять лѣтъ съ Іоанномъ. Филиппъ Августъ, Людовикъ и англійскіе бароны поклялись не измѣнять другъ другу, Людовикъ сталъ готовиться къ экспедиціи въ Англію, гдѣ уже началась война. Бароны овладѣли Рочестеромъ и поставили въ немъ гарнизонъ подъ начальствомъ храбраго Уильяма Обиньи. Наемники короля осадили Рочестеръ; голодъ принудилъ гарнизомъ сдаться. Іоаннъ разрушилъ Рочестеръ, заперъ въ темницы 140 плѣнныхъ рыцарей и ихъ оруженосцевъ.

Покровительство папы увеличивало увѣренность Іоанна въ побѣдѣ. Иннокентій велѣлъ провозгласить во всѣхъ церквахъ Англіи, что противники короля отлучаются отъ церкви, устранилъ отъ должности архіепископа Лангтона за его союзъ съ мятежными баронами, воспретилъ королю французскому и его сыну всякія военныя дѣйствія противъ Іоанна и, наперекоръ желанію йоркскаго капитула, назначилъ за деньги архіепископомъ йоркскимъ прелата, долго бывшаго королевскимъ канцлеромъ. Въ январѣ 1216 года Іоаннъ пошелъ на сѣверъ подавить мятежъ въ самомъ центрѣ его; король не сомнѣвался въ побѣдѣ. Пылающія села, опустошенныя нивы и разграбленные замки показывали путь, по которому прошли наемники Іоанна. Онъ сжегъ Бервикъ, Роксборгъ, Дёнбаръ, раздавалъ имѣнья противниковъ своимъ любимцамъ. Точно такъ же опустошали южную часть Англіи Уильямъ Длинношпагій, а Савари де Молеонъ восточныя графства. Народъ бѣжалъ изъ своихъ жилищъ; наемники Іоанна не щадили и тѣхъ, кто искалъ пріюта въ церквахъ. Въ мартѣ королевскія войска взяли Кольчестеръ. Лондонъ сопротивлялся Іоанну. Папа провозгласилъ новое отлученіе членовъ правительственнаго совѣта, ихъ помощниковъ и городскихъ правителей Лондона.

Весною ходъ дѣлъ измѣнился. Филиппъ Августъ и его сынъ пренебрегли запрещеніемъ папы. Людовикъ, не встрѣчая сопротивленія со стороны Іоанна, переплылъ море и 21 мая вышелъ на островъ Танетъ предъ устьемъ Темзы, оттуда переправился въ Кентъ, вступилъ въ Кентербери, въ Рочестеръ и 2 іюня при радостныхъ крикахъ народа вошелъ въ Лондонъ. Онъ обѣщалъ гражданамъ охранять ихъ добрые законы, возвратить имъ имущество, отнятое Іоанномъ; они присягнули на вѣрность ему. Бароны ободрились; повсюду появились ихъ отряды, рыцари сходились подъ ихъ знамена, они шли на соединеніе съ Людовикомъ. Самъ Уильямъ Длинношпагій перешелъ на ихъ сторону и 14 іюня отворилъ имъ ворота своего замка Сользбери. Положеніе Іоанна стало очень дурно; но онъ выказывалъ отвагу, принималъ мѣры для защиты многочисленныхъ замковъ, по которымъ разставилъ свои гарнизоны, давалъ обѣщанія, старался возбудить англійскій патріотизмъ противъ иноземнаго претендента на престолъ. Папа усердно помогалъ ему. Иннокентій убѣждалъ Людовика въ несправедливости предпринимаемой имъ войны; увидѣвъ безполезность своихъ запрещеній, папа предалъ непокорнаго принца отлученію отъ церкви и велѣлъ своему новому легату Гуалѣ объявить буллу объ этомъ въ Англіи. Людовикъ въ оправданіе свое говорилъ, что онъ приглашенъ баронами на престолъ, что онъ тоже Плантагенетъ. Почти всѣ англійскіе епископы были на сторонѣ бароновъ, потому отлученіе Людовика отъ церкви не произвело большого вліянія на дѣла. Людовикъ продолжалъ войну; Іоаннъ старался мѣшать его соединенію съ баронами сѣверныхъ и центральныхъ

Высадка Людовика въ Англію 1216.

графствъ; но онъ постоянно одерживалъ успѣхи, и по смерти Иннокентія III (умершаго 16 іюля) французская партія въ Англіи стала совершенно одолѣвать Іоанна. Людовикъ получилъ извѣстіе о смерти Иннокентія подъ Дувромъ, въ которомъ заперся Гомбертъ де Боргъ. Новый папа Гонорій III остался вѣренъ политикѣ Иннокентія, но не имѣлъ ни его энергіи, ни его ума. Людовикъ продолжалъ осаду Дувра, увѣренный въ побѣдѣ. Осенью умеръ Іоаннъ. Переправляясь черезъ заливъ Фэсдейкъ-Уошъ, онъ былъ застигнутъ неожиданно сильнымъ приливомъ, часть его обоза была унесена моремъ; на погибшихъ возахъ находилась его казна; онъ былъ такъ испуганъ и огорченъ, что съ нимъ сдѣлалась лихорадка. Пріѣхавъ 12 октября больной въ Свейнсгевдское аббатство, онъ наѣлся персиковъ и пилъ молодой сидръ, болѣзнь усилилась; онъ велѣлъ нести себя на носилкахъ въ Ньюоркъ и 19 октября умеръ тамъ. Ему было тогда 49 лѣтъ.

Характеръ Іоанна.

Современники говорятъ мало хорошаго объ Іоаннѣ. Онъ былъ низкаго роста, некрасивъ, не имѣлъ рыцарской отваги; отъ обжорства и пьянства онъ рано ожирѣлъ. Онъ велъ развратную жизнь. Кромѣ шести законныхъ дѣтей отъ Изабеллы Ангулемской у него было много побочныхъ сыновей и дочерей. Въ обвиненіяхъ бароновъ противъ него постоянно говорится о томъ, что онъ насиловалъ знатныхъ дѣвушекъ и дамъ, находившихся у него заложницами. Его жена Изабелла имѣла много любовныхъ приключеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Іоанна она возвратилась на родину въ Пуату и вышла за молодого графа маршскаго и люзиньянскаго, сына своего прежняго жениха. Іоаннъ велѣлъ убить или самъ убилъ племянника, утратилъ владѣнія во Франціи, унизился передъ папой, грабилъ вельможъ и народъ, раздавалъ награбленное иноземнымъ любимцамъ и наемникамъ;—понятно, что онъ оставилъ черную память о себѣ въ народѣ. Названіе „Безземельный“, данное ему въ шутку отцомъ, стало въ концѣ его жизни фактически вѣрнымъ. Только одно было хорошо для англичанъ во время его правленія: союзъ съ нидерландцами и съ нѣмецкими городами, поддерживавшими Оттона, въ особенности съ Кёльномъ и Бременомъ, благопріятствовалъ развитію англійской торговли; благодаря тому, приморскіе города и въ особенности Лондонъ становились многолюднѣй прежняго и богатѣли.

d) Генрихъ III. Борьба за установленіе законнаго порядка.

1. Малолѣтство Генриха III.

Перемѣна въ настроеніи умовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ Іоанна въ уорстерскомъ соборѣ приверженцы династіи Плантагенетовъ короновали его девятилѣтняго сына Генриха въ Глостерскомъ аббатствѣ. Король-ребенокъ произнесъ обычную королевскую присягу, присягнулъ въ вѣрности папѣ, какъ своему сюзерену, и кардиналъ-легатъ Гуала возложилъ
28 октября. на него корону. Управленіе дѣлами перешло въ руки людей разсудительныхъ, легата Гуалы и государственнаго маршала Пемброка (Уильяма, графа пемброкскаго), сохранявшаго непоколебимую вѣрность

Іоанну и постоянно старавшагося примирить бароновъ съ королемъ. Пемброкъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ Великой Хартіи; важнѣйшая была та, что онъ выбросилъ изъ нея статью, учреждавшую комитетъ охранителей законнаго порядка, выбросилъ также правило, что король не можетъ безъ согласія государственнаго сейма требомать отъ вассаловъ денежныхъ взносовъ взамѣнъ личной военной службы. Король-ребенокъ присягнулъ соблюдать Великую Хартію, въ этомъ измѣненномъ видѣ, и Пемброкъ, какъ регентъ королевства, сталъ убѣждать бароновъ заключить миръ, удовольствовавшись этой королевской присягой. Настроеніе умовъ быстро измѣнилось. Нѣкоторые изъ могущественнѣйшихъ бароновъ перешли на сторону Генриха. Англичане уже давно были недовольны французами, окружавшими Людовика. Вельможи досадовали, что онъ раздаетъ лены французамъ. Адамъ Мелёнъ, умирая, сказалъ англійскимъ вельможамъ, что Людовикъ считаетъ мятежниками бароновъ, возставшихъ противъ Іоанна, и когда упрочитъ за собою власть, то изгонитъ ихъ изъ Англіи, какъ предателей.

Возстаніе бароновъ съ самаго начала не нравилось многимъ англичанамъ. Паули приводитъ изъ старой хроники латинскіе стихи, говорящіе: «Англія совершенно перевернула порядокъ дѣлъ на свѣтѣ, такъ что дивится этому всякій, кто слышитъ: голова не должна быть украшеніемъ тѣла; народъ будетъ править своимъ королемъ».

Число приверженцевъ Генриха быстро росло. Въ началѣ новаго (1217) года Людовикъ вызвалъ изъ Франціи новыя войска, получилъ оттуда запасы оружія, снова подступилъ къ Дувру, осаду котораго прекращалъ на зимнее время. Но его англійскіе союзники потерпѣли 20 мая тяжелое пораженіе подъ Линкольномъ; войска Пемброка, взявшія въ плѣнъ 300 рыцарей и бароновъ, ворвались въ городъ, разграбили его; женщины и дѣти бросались въ лодки, чтобъ уплыть за рѣку: переполненныя лодки тонули. Побѣда, одержанная на востокѣ, такъ ободрила сторонниковъ Генриха, что они стали энергически дѣйствовать и на югѣ. Французская эскадра, состоявшая изъ 60 кораблей, поплыла изъ Калè въ устье Темзы; англійская королевская эскадра встрѣтила ее 24 августа и, хотя состояла только изъ 40 кораблей, одержала побѣду, захватила въ плѣнъ почти всѣ непріятельскіе корабли. Начальникъ французскаго флота Эсташъ, прозванный монахомъ, знаменитый пиратъ, много лѣтъ грабившій англійскіе берега, былъ казненъ. Пемброкъ велѣлъ носить его голову изъ города въ городъ. Людовикъ увидѣлъ себя въ невозможности продолжать борьбу, заключилъ съ Пемброкомъ и легатомъ договоръ, по которому было обѣщано оставить неприкосновенными имѣнья и личныя права его приверженцевъ. Онъ освободилъ ихъ отъ присяги, данной ему, и сталъ готовиться къ отъѣзду; легатъ снялъ съ него отлученіе; Пемброкъ далъ ему 10.000 марокъ

Побѣда сторонниковъ Генриха.

11 сентября. 1217.

и онъ уплылъ изъ Англіи. Плѣнные были освобождены, нѣкоторые за выкупъ, другіе безъ выкупа; Пемброкъ дѣйствовалъ въ примирительномъ духѣ, и скоро спокойствіе возстановилось во всемъ государствѣ.

Успокоеніе Англіи. Новая коронація Генриха.

Отлученные отъ церкви папой духовные сановники выразили раскаяніе и получили прощеніе. Король шотландскій, князь уэльскій и князь острова Мэна присоединились къ трактату, заключенному Людовикомъ съ Пемброкомъ. Пемброкъ сдѣлалъ въ Великой Хартіи новыя перемѣны, относившіяся въ особенности къ порядку судопроизводства, къ законамъ о лѣсахъ и къ правиламъ объ охраненіи внутренняго спокойствія; прежніе противники Великой Хартіи примирились съ нею, въ этомъ передѣланномъ ея видѣ, и она пріобрѣла прочность. Гонорій III, человѣкъ умѣреннаго образа мыслей, помогалъ Пемброку въ его заботахъ объ успокоеніи государства: когда началась въ Англіи война, Иннокентій задержалъ въ Римѣ Стефана Лангтона; Гонорій въ 1219 году отпустилъ его, и онъ снова вступилъ въ свою должность архіепископа кентерберійскаго. Легать Гуала, воспитывавшій молодого короля и внушившій ему преданность церкви, возвратился въ Италію, почувствовавъ упадокъ силъ; Гонорій назначилъ на его мѣсто легатомъ въ Англію Пандольфа, человѣка алчнаго и властолюбиваго, но хорошо знакомаго съ англійскими дѣлами и дѣйствовавшаго, подобно Гуалѣ, въ примирительномъ духѣ. Пемброкъ умеръ въ 1219 году; править государствомъ сталъ Гомбертъ де Боргъ, занявшій его должность верховнаго судьи. При посредничествѣ папы былъ заключенъ въ Лондонѣ миръ между Франціей и Англіей. Многіе воинственные рыцари отправились участвовать въ походѣ, который предприняли тогда палестинскіе христіане въ Египетъ; ихъ отъѣздъ помогъ успокоенію Англіи. На Троицу (17 мая) 1220 года было устроено въ Уэстминстерѣ великолѣпное торжество новаго коронованія Генриха; теперь корону на него возложилъ архіепископъ кентерберійскій; король положилъ первый камень въ основаніе новаго великолѣпнаго зданія Уэстминстерскаго аббатства. Англійскій народъ радостно праздновалъ эту вторую коронацію Генриха, въ надеждѣ, что начинается время мира и благосостоянія. Черезъ нѣсколько недѣль (7 іюля) было отпраздновано въ Кентербери другое торжество, казавшееся символомъ окончательнаго примиренія всѣхъ прежнихъ ссоръ: при стеченіи множества народа архіепископъ перенесъ мощи святого мученика Томаса изъ подземнаго склепа въ украшенную золотомъ и дорогими камнями раку за главнымъ престоломъ каѳедральнаго собора.

Возобновленіе раздоровъ.

Но спокойствіе было непрочно. Буря прекратилась, но море еще продолжало волноваться. Не всѣ вожди партій были довольны исходомъ борьбы. Многіе принимали участіе въ возстаніи по нечистымъ мотивамъ, по личнымъ интересамъ, или буйству характера; такимъ людямъ непріятно было подчиняться закону. Іоаннъ призвалъ въ Англію множество иноземныхъ авантюристовъ, наградилъ ихъ ленами; они теперь были принуждаемы возвратить эти имѣнья прежнимъ владѣльцамъ; понятно, что они были озлоблены. Во многихъ возбуждало неудовольствіе могущество легата Пандольфа, вызвавшаго въ Англію своихъ родныхъ и друзей, обогащавшаго ихъ англійскими землями и деньгами; возбуждалъ большое неудовольствіе и Гомбертъ

де Боргъ безпощадной суровостью, съ какой вѣшалъ нарушителей спокойствія. Изъ этихъ разнородныхъ элементовъ составлялись толпы инсургентовъ, возобновлявшихъ прежнія междоусобія. Воинственные горцы Уэльза, дававшіе у себя пріютъ всѣмъ бѣжавшимъ изъ Англіи, помогали мятежникамъ сосѣднихъ графствъ.

Фокъ де Броотъ.

Особенной дерзостью отличался между этими авантюристами нормандецъ Фокъ де Броотъ. Іоаннъ наградилъ его за храбрость и преданность нѣсколькими замками; женившись на Маргаретѣ, вдовѣ Бодуэна, графа девонширскаго и уайтскаго, онъ пріобрѣлъ ея большія владѣнія. Когда у него потребовали, чтобы онъ возвратилъ замки, данные ему Іоанномъ, онъ отказался, вступилъ въ союзъ съ графомъ Альбемарлемъ, человѣкомъ коварнымъ, съ интриганомъ Пьеромъ де Рошемъ, любимцемъ Іоанна, давшаго ему уинчестерскую каѳедру, съ буйнымъ графомъ честерскимъ, вызвалъ къ себѣ изъ Нормандіи братьевъ, родныхъ, авантюристовъ, и долго сопротивлялся правительству. Наконецъ, послѣ отчаянной обороны, его замокъ Бедфордъ былъ принужденъ сдаться войску, при которомъ находился самъ король; его братъ и 83 другіе сподвижника были осуждены на смерть и повѣшены. Онъ покорился; жизнь его пощадили, но отняли у него всѣ имѣнья, и онъ былъ выгнанъ изъ Англіи такимъ же бѣднякомъ, какимъ пріѣхалъ въ нее. Онъ отправился въ Римъ, выставилъ папѣ Гомберта де Борга и архіепископа Стефана Лангтона людьми, злоумышляющими противъ римскаго престола, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Англію, но на пути туда умеръ. 1224.

Война съ Франціей 1224—1226.

Воинственные вельможи получили себѣ пріятное занятіе, когда, по смерти Филиппа Августа, взошелъ на французскій престолъ его сынъ, Людовикъ VIII, непримиримый врагъ Плантагентовъ, и повелъ войско отнять у нихъ послѣднія владѣнія, остававшіяся между Луарой и Гаронной. Онъ быстро взялъ Ніоръ, Сенъ-Жанъ д' Анжели, Ла-Рошель, овладѣлъ всѣмъ Пуату. Англійское правительство вступило черезъ Энгельбрехта, архіепископа кёльнскаго, въ переговоры съ Гоэнштауфенами, желая породниться съ ними и получить ихъ помощь. Генрихъ III потратилъ на это много денегъ. Энгельбрехтъ умеръ, а Фридрихъ II былъ занятъ итальянскими дѣлами, и планъ англійскаго правительства, какъ мы говорили, разстроился (стр. 122). Но въ самой Англіи возникло патріотическое воодушевленіе. Король 11 февраля 1225 года возобновилъ присягу соблюдать Великую Хартію, королевскій совѣтъ также далъ эту клятву, и государственный сеймъ установилъ для покрытія военныхъ расходовъ налогъ, составлявшій пятнадцатую долю доходовъ съ имѣній (по этому своему размѣру налогъ назывался quinta decima). Кромѣ того съ евреевъ была взята подать, составившая 5.000 марокъ. Такимъ образомъ, правительство получило средства собрать многочисленное войско и большой флотъ; главнокомандующимъ былъ назначенъ шестнадцатилѣтній братъ короля, Ричардъ, графъ корнуэльскій; помощниками Ричарда были его дядя Гью, графъ сользберійскій, и другіе опытные военачальники. Лѣто 1224 г.

Войско на 300 корабляхъ поплыло къ устью Гаронны, защитило Бордо и Гасконь отъ французскаго короля.

Гью Сользберійскій въ концѣ года больной возвратился въ Англію и скоро умеръ. Онъ былъ сынъ Розамонды Клиффордъ, вѣрный приверженецъ Іоанна и знаменитъ, какъ строитель великолѣпнаго сользберійскаго собора. Честолюбивый Пьеръ, графъ бретанскій, и отлученный отъ церкви графъ Ремонъ тулузскій, помогали Ричарду и военачальникамъ, руководившимъ его дѣйствіями; но англичане едва ли защитили бы свои владѣнія въ южной Франціи отъ французовъ, если бы энергическій Людовикъ VIII не умеръ 8 ноября 1226 года (въ Монпансье, отъ лихорадки). Ему было только еще 37 лѣтъ. Могущественные вассалы французскаго короля хотѣли воспользоваться малолѣтствомъ Людовика IX, и возвратить себѣ независимость, отнятую у нихъ Филиппомъ Августомъ. Это поставило опекуншу сына, вдовствующую королеву Бланку, умную женщину, въ необходимость заключить миръ съ англійскимъ королемъ, чтобы лишить вассаловъ поддержки его и предотвратить распаденіе королевства. Она должна была спѣшить, потому что уже начинались измѣны. Савари де Молеонъ, правитель Ла-Рошели, признавшій своимъ государемъ Людовика VIII, перешелъ на сторону англійскаго короля и сдалъ ему свою важную крѣпость, бывшую ключомъ къ Пуату. Регентша заключила съ Генрихомъ III миръ, по
1226. которому оставила за нимъ Пуату и Гасконь. Около этого времени онъ достигъ совершеннолѣтія и съ согласія государственнаго сейма принялъ правленіе въ свои руки. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ возобновлялъ войну съ королемъ французскимъ, пытаясь возвратить себѣ другія французскія владѣнія своихъ предковъ; но постоянно терпѣлъ неудачи и послѣ непродолжительной войны заключалъ миръ, не сдѣлавъ никакихъ пріобрѣтеній. Онъ былъ бездаренъ и лишенъ отваги, потому всѣ жертвы, приносимыя Англіей для этихъ войнъ, оставались напрасны. Мать Людовика IX Бланка и потомъ самъ Людовикъ IX удержали за королевствомъ французскимъ всѣ завоеванія Филиппа Августа въ западной Франціи, а по трактату, заключенному въ Бордо, послѣ новой неудачной войны, въ 1243 году, англійскій король долженъ былъ уступить французскому Пуату и островъ Ré.

---

2. Внутреннее управленіе.

Мятежи вельможъ. Генрихъ III былъ человѣкъ бездарный и на всю жизнь оставался въ зависимости отъ своихъ приближенныхъ. По его провозглашеніи совершеннолѣтнимъ, Англіею продолжалъ править верховный судья Гомбертъ де Боргъ, получившій санъ графа кентскаго; человѣкъ твердаго характера, суровый деспотъ, онъ владычествовалъ надъ безхарактернымъ королемъ, который боялся его и, при всемъ желаніи освободиться, покорялся его сильной волѣ.

Въ прежніе годы нѣсколько стѣснялъ самовластіе Гомберта легатъ Пандольфъ; но въ 1221 году онъ уѣхалъ изъ Англіи, и Гомбертъ

сталъ полнымъ владыкой государства; его возростающій деспотизмъ возбуждалъ недовольство духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ; они постоянно подымали мятежи. Это была такая же борьба феодализма съ монархической системой, какая происходила тогда во Франціи и въ другихъ западныхъ странахъ. Въ Германіи областные государи одолѣли центральное правительство, и королевство распалось; во Франціи короли подавили своихъ противниковъ, и упрочилась монархическая власть; въ Англіи борьба вельможъ противъ короля привела къ установленію конституціоннаго правленія, дала торжество принцамъ Великой Хартіи, оградила права націи. Было бы слишкомъ длинно разсказывать здѣсь войны вельможъ между собою и съ королемъ, описывать осады замковъ въ самой Англіи, походы англичанъ въ горы Уэльза, въ которыхъ неутомимый Левеллинъ и его сыновья, презирая отлученіе отъ церкви, отбивали нападенія графа Пемброка (сына покойнаго регента), другихъ пограничныхъ бароновъ и королевскихъ войскъ; утомительно было бы разсказывать и о битвахъ на шотландской границѣ и въ болотахъ Ирландіи. Но для развитія государственной жизни Англіи, эти войны имѣли довольно большое значеніе. Онѣ ослабляли партикуляризмъ англійскихъ бароновъ, соединяли потомковъ норманновъ съ кореннымъ населеніемъ Англіи, помогали укорениться во всѣхъ классахъ общества убѣжденію, что общее благо требуетъ упроченія основъ Великой Хартіи, и она мало-по малу сдѣлалась твердымъ оплотомъ законности и національнаго благосостоянія.

Низверженіе Гомберта 1232.

Гомбертъ де Боргъ энергически старался держать вельможъ въ повиновеніи центральной власти, но, какъ мы говорили, навлекъ на себя ненависть, и враги убѣждали короля отнять у него власть. Генрихъ долго отвергалъ всѣ внушенія, враждебныя усердному его слугѣ. Но наконецъ Пьеръ де Рошъ, по возвращеніи изъ крестоваго похода, въ который сопровождалъ Фридриха II, поколебалъ довѣріе Генриха къ Гомберту: угощая короля въ своемъ дворцѣ, мстительный епископъ уинчестерскій убѣдилъ его, что Гомбертъ своимъ самовластіемъ унижаетъ авторитетъ короля. Генрихъ пришелъ въ ярость, отрѣшилъ Гомберта отъ должности верховнаго судьи, отдалъ ее французу изъ Пуату, Пьеру Риво, считавшемуся сыномъ архіепископа уинчестерскаго. Новый верховный судья и Пьеръ де Рошъ окружили короля своими приверженцами и раздавали имъ должности. Враги попавшаго въ немилость Гомберта выступили съ обвиненіями противъ него; былъ составленъ обвинительный актъ, перечислявшій множество его произвольныхъ дѣйствій. Безхарактерный король сдѣлался послушнымъ орудіемъ преслѣдователей Гомберта. По обвиненіямъ въ дѣйствіяхъ, происходившихъ при Іоаннѣ, Гомбертъ сослался на грамату, которой этотъ король освобождалъ его отъ всякой освѣтственности за его распоряженія. Эту грамату объявили недѣйствительной и предали

Гомберта суду, какъ измѣнника (т, е. измѣнника обязанностямъ, государственнаго преступника). Гомбертъ бѣжалъ въ Капеллу. Около нея поставили стражу, голодомъ принудили его отдаться въ руки агентовъ правительства, заковали въ цѣпи, бросили въ Тоуэръ. Приведенный на судъ, состоявшій изъ его враговъ, онъ отказался защищать себя, былъ осужденъ на смерть, обратился къ королю съ просьбой о помилованіи. Генрихъ избавилъ его отъ казни, но лишилъ всѣхъ леновъ и сослалъ въ замокъ Дивейзизъ подъ стражу графовъ корнуэльскаго, пемброкскаго и линкольнскаго.

Иноземные фавориты.

Новый любимецъ короля, Пьеръ де Рошъ, пригласилъ изъ Пуату и Бретани цѣлыя толпы авантюристовъ; говорятъ, что ихъ было до 2.000 человѣкъ. Они образовали вооруженную свиту короля, но собственно служили Пьеру де Рошу. Онъ назначалъ ихъ шерифами, начальниками замковъ, управителями леновъ. Эта масса иноземцевъ отдѣлила короля отъ народа, и, руководимый своими новыми дурными совѣтниками, Генрихъ III пошелъ отцовской дорогой. Онъ хотѣлъ возстановить ту неограниченную власть, какую захватилъ въ Англіи Вильгельмъ Завоеватель и сохраняли слѣдующіе нормандскіе короли. Патріоты, какъ напримѣръ, Джильбертъ Бассетъ, Ричардъ Сивардъ, объявлялись мятежниками, ихъ имѣнья отдавались креатурамъ Пьера де Роша.

Возстаніе англійскихъ вельможъ подъ предводительствомъ графа пемброкскаго 1233—1234.

Но любовь англичанъ къ законному порядку была уже такъ прочна, что разрушить его было невозможно. Ричардъ Пемброкъ (то есть графъ пемброкскій), сынъ умершаго маршала и регента, храбрый патріотъ, имѣвшій большія владѣнія въ Англіи и въ Ирландіи, собралъ недовольныхъ и преслѣдуемыхъ, освободилъ Гомберта де Борга, бѣжавшаго изъ замка Дивейзиза въ церковь, но и въ ней подвергавшагося опасности быть убитымъ, подбивалъ вельможъ и народъ возстать противъ королевскихъ приближенныхъ, которыхъ называлъ онъ измѣнниками, возбуждающими короля нарушать законы. Генрихъ III призвалъ наемниковъ изъ Фландріи и Пуату и въ сопровожденіи Пьера де Роша, его сына, или какъ онъ называлъ, племянника, Пьера Ривò, графовъ норфолькскаго и сользберійскаго, пошелъ на Пемброка. Но этотъ отважный полководецъ бился искусно, и англійскій народъ съ восторгомъ видѣлъ въ немъ своего національнаго героя. Междоусобіе имѣло такой же ожесточенный характеръ, какъ и при Іоаннѣ. Наемники Генриха опустошали нивы, жгли селенія, рѣзали безоружныхъ. Дѣлались и попытки примиренія, но оставались напрасны. Король созвалъ сеймъ въ Оксфордѣ, приглашая возставшихъ бароновъ съѣхаться туда, участвовать въ немъ; они отказались и объявили, что изберутъ новаго короля, если Генрихъ не удалитъ отъ себя Пьера де Роша и другихъ пуатускихъ своихъ любимцевъ. Черезъ нѣсколько времени Эдмондъ, архіепископъ кентерберійскій, бывшій, подобно большинству духовенства, приверженцемъ Великой Хар-

1233.

тіи, успѣлъ разъяснить королю положеніе дѣлъ. На совѣщаніи въ Уэстмистерѣ онъ высказалъ Генриху правду суровымъ тономъ и угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви, если онъ не перестанетъ поступать противузаконно. Генрихъ обѣщалъ удалить отъ себя коварныхъ совѣтниковъ. Но Пемброкъ не дожилъ до примиренія. Пьеръ де Рошъ призвалъ ирландцевъ къ оружію, они напали на владѣнія Пемброка. Отважный воинъ, онъ съ небольшимъ отрядомъ отправился въ Ирландію и въ сраженіи съ ирландцами, далеко превосходившими его отрядъ числомъ, получилъ рану; врачъ его былъ неискусенъ или подкупленъ врагами, и онъ умеръ (16 апрѣля 1234 года). Лѣтописцы говорятъ, что, при извѣстіи о его смерти, Генрихъ плакалъ «какъ Давидъ о смерти Саула и Іонаѳана». Очень скоро по смерти Ричарда Пемброка, его братъ и наслѣдникъ Джильбертъ, Гомбертъ де Боргъ, Сивардъ, Бассетъ и другіе вожди инсургентовъ примирились съ королемъ. Онъ возвратилъ имъ имѣнія и должности. Мая 1234. Пьеръ де Рошъ и его сторонники были удалены, отставлены отъ должностей и подвергнуты денежнымъ взысканіямъ за свои противузаконные поступки.

Пьеръ де Рошъ и его племянникъ или сынъ поѣхали въ Италію и помогали папѣ въ войнѣ съ Фридрихомъ II. Черезъ годъ Пьеръ де Рошъ возвратился въ Уинчестеръ на свою епископскую каѳедру. Онъ умеръ 9 іюля 1239 года и оставилъ по себѣ огромныя богатства. Черезъ нѣсколько времени по примиреніи короля съ баронами, императоръ Фридрихъ II сосваталъ его младшую сестру Изабеллу; мы говорили о томъ, какъ великолѣпно была отпразднована эта свадьба въ Вормсѣ (стр. 139). Въ началѣ слѣдующаго года Генрихъ женился на Элеонорѣ, второй дочери графа Ремона Беранже, провансскаго, старшая дочь котораго была за французскимъ королемъ. Свадьба была отпразднована въ Кентербери, потомъ королеву съ большимъ великолѣпіемъ короновали въ Уэстминстерѣ. Вслѣдъ за этими праздниками былъ собранъ въ мертонскомъ пріорствѣ сеймъ, на которомъ Великая Хартія была пополнена нѣкоторыми постановленіями, касавшимися леннаго права. 23 января 1236.

---

3. Поборы римской куріи въ Англіи. Оппозиція имъ.

Причиной возстанія былъ деспотизмъ иноземныхъ любимцевъ Генриха; другимъ источникомъ угнетенія англійскаго народа была тѣсная связь королевства съ Римомъ. Съ той поры какъ Іоаннъ призналъ папу своимъ сюзереномъ, римская курія считала Англію своей нивой, плодами которой она можетъ по произволу пользоваться для своихъ возростающихъ надобностей. Кромѣ ленной дани и подати, называвшейся денаріемъ Петра, папская казна получала изъ Англіи Эксплуатація Англіи папой.

большія суммы денегъ отъ налоговъ, установляемыхъ подъ предлогомъ снаряженія крестовыхъ походовъ, и отъ произвольныхъ поборовъ, дѣлаемыхъ папскими легатами, разъѣзжавшими по королевству въ сопровожденіи ростовщиковъ. Великая Хартія установляла свободу выборовъ на церковныя должности, но папа не обращалъ на это вниманія, его легаты торговали вакантными епископствами и аббатствами.

По смерти Стефана Лангтона (умершаго 9 іюля 1228 года), папа собственной властью назначилъ новаго архіепископа кентерберійскаго. Черезъ два года этотъ архіепископъ (Ричардъ) умеръ. Григорій IX три раза отказывалъ въ утвержденіи людямъ, которыхъ одного за другимъ избиралъ капитулъ; наконецъ папа самовластно назначилъ архіепископомъ Эдмонда
1230. Сользберійскаго. Капитулъ и епископы молча покорились.

Распоряжаясь такъ произвольно должностью перваго сановника англійской церкви, папа, разумѣется, еще меньше церемонился относительно другихъ церковныхъ должностей. Въ Англію толпами ѣхали назначаемые на нихъ иноземцы, въ особенности итальянцы, набирали всяческими притѣсненіями деньги и черезъ нѣсколько лѣтъ уѣзжали доживать свой вѣкъ въ роскоши на родинѣ. Гонорій уже требовалъ, чтобы въ каждой епархіи были предоставлены ему доходы двухъ богатѣйшихъ пребендъ, а въ каждомъ аббатствѣ доходы двухъ монаховъ. При Григоріи IX папскіе поборы увеличились до такой степени, что въ 1231 году англійскіе вельможи и духовные сановники составили союзъ для сопротивленія занятію церковныхъ должностей иноземцами, захвату нѣсколькихъ должностей въ однѣ руки и безчисленнымъ притѣсненіямъ папскихъ легатовъ, добывавшихъ деньги всяческими средствами. Бывали случаи, что англичане нападали на папскихъ легатовъ, били, даже убивали ихъ, топтали буллы ногами, грабили кассы папскихъ агентовъ, грабили магазины, въ которыхъ былъ сложенъ собранный ими хлѣбъ для десятинной подати. Римъ былъ рынокъ, въ которомъ за деньги продавалось все. Кто имѣлъ дѣло съ римской куріей, долженъ былъ давать взятки кардиналамъ и папскимъ родственникамъ.

Возростающее вліяніе иноземцевъ.

Борьба папы съ императоромъ, примирить которыхъ напрасно старался возвращавшійся чрезъ Италію изъ крестоваго похода Ричардъ Корнуэльскій (стр. 160), дѣлала необходимостью для папы имѣть много денегъ, и соразмѣрно его надобностямъ возростали его поборы въ Англіи. Въ то же время увеличивалось вліяніе другихъ иноземцевъ. У королевы Элеоноры было много братьевъ, нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Англію, пріобрѣли большую силу при дворѣ; безхарактерный мужъ ихъ сестры расточительно давалъ имъ помѣстья и деньги; они нажили несмѣтныя богатства. Съ ними пріѣхали толпы провансальскихъ авантюристовъ, окружили короля, внушали ему недовѣріе къ баронамъ, выпрашивали у него лены, доходы, прибыльныя должности. Англійскіе вельможи были устранены отъ короля, Гомбертъ-де Боргъ умиралъ въ немилости, а кругомъ короля толпились его родственники съ своими иноземными рыцарями, возбуждали въ немъ тщеславіе, льстили его природной склонности къ роскоши и расточительности, дѣлали его чуждымъ

народу. Къ партіи родственниковъ королевы принадлежали тогда и Ричардъ Корнуэльскій, женившійся на Санчѣ, младшей сестрѣ ея, и Симонъ Монфоръ, третій сынъ Симона, вождя крестоваго похода противъ альбигойцевъ, женившійся на сестрѣ короля Элеонорѣ и получившій графство лесстерское. Число вліятельныхъ иноземцевъ при дворѣ увеличилось пріѣздомъ четырехъ сыновей королевы Изабеллы отъ ея второго брака съ графомъ ла-маршскимъ; съ ними пріѣхала въ Англію новая толпа французовъ искать богатствъ и высокихъ должностей. Папскіе легаты и другіе агенты дѣйствовали заодно съ французами, обогащались на счетъ англійскаго народа, интересы котораго были чужды имъ. Итальянскіе прелаты, родственники королевы, французскіе вельможи и рыцари жадно хватали англійскія богатства; они получали все отъ милости короля, потому ихъ выгода требовала стараться о расширеніи его власти, о подавленіи правъ англійскихъ бароновъ; ихъ интересы совпадали съ стремленіемъ Генриха къ неограниченной власти. Союзъ римской куріи и французскихъ пришельцевъ съ королемъ былъ проченъ.

Легатъ Оттонъ и другой уполномоченный папы Піэро Рубео не отступали ни передъ какими средствами собирать въ Англіи деньги для возроставшихъ надобностей папской казны; усерднѣйшими агентами ихъ были монахи нищенствующихъ орденовъ, проникшихъ и въ Англію вести борьбу съ противниками папскаго владычества и римской догматики. Легатъ подъ разными названіями и предлогами облагалъ податями англійское духовенство, продавалъ отпущеніе церковныхъ наказаній, освобождалъ отъ обѣтовъ, рѣшалъ процессы по дѣламъ, подлежавшимъ церковному суду, бралъ деньги за назначеніе на вакантныя церковныя должности. По праву такъ называемой провизіи, папа и легатъ отдавали богатѣйшія пребенды иноземцамъ, обязывавшимся платить папѣ часть дохода или покупавшимъ себѣ эти должности уплатой денегъ впередъ. Право мѣстныхъ вельможъ назначать священниковъ въ церкви, находящіяся подъ ихъ покровительствомъ (такъ называемое патронатство), было оставляемо въ пренебреженіи. Англичане говорили, что легатъ Оттонъ, уѣзжая, увезъ изъ Англіи больше денегъ, чѣмъ сколько осталось въ ней. Мансель, любимецъ короля, имѣлъ, какъ говорятъ, 18.000 марокъ дохода отъ пребендъ,—такое громадное число ихъ было пожаловано ему Генрихомъ. Когда архіепископъ кентерберійскій Эдмондъ, человѣкъ святой жизни, отправившійся въ Римъ, умеръ на пути туда во Франціи, Генрихъ вытребовалъ, чтобъ архіепископомъ кентерберійскимъ былъ выбранъ одинъ изъ дядей королевы, Бонифацій Савойскій, который обратилъ доходы своей каѳедры на пособіе своимъ савойскимъ родственникамъ, воевавшимъ съ сосѣдами. Папская курія дѣйствовала такъ ловко, что обольстила даже епископа линкольнскаго, знаменитаго ученаго Гростета, искренняго патріота, противника провизій и соединенія нѣсколькихъ пребендъ въ однѣхъ рукахъ: онъ вѣрилъ, что поборы легата въ Англіи нужны для блага церкви, и помогалъ грабежу. Отправясь въ Римъ присутствовать на соборѣ и отвезти папѣ собранныя въ Англіи деньги, легатъ Оттонъ попался въ плѣнъ императору (стр. 159). При Иннокентіѣ IV поборы въ Англіи еще болѣе усилились: ему нужны были огромныя деньги на борьбу съ Фридрихомъ II. Поселившись въ Ліонѣ, онъ не имѣлъ собственныхъ доходовъ, вполнѣ зависѣлъ отъ денежныхъ полученій изъ чу-

жихъ земель. Искусный интриганть и финансистъ, онъ ловко пользовался положеніемъ дѣлъ въ Англіи, непрерывно находя предлоги брать деньги съ англійской церкви, присвоивалъ себѣ доходы вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, бралъ половину доходовъ съ бенефицій, на которыя назначалъ собственною властью черезъ, такъ называемую, „отдачу въ завѣдываніе,“ in commendam, присвоивалъ себѣ половину имущества умершихъ духовныхъ сановниковъ, не оставившихъ завѣщанія. Поборы были тѣмъ обременительнѣе, что взиманіе денегъ поручалось итальянскимъ ростовщикамъ, извлекавшимъ изъ этого дѣла большіе доходы для себя. На ліонскомъ соборѣ англійскіе епископы съ горечью упрекали папу въ томъ, что онъ отдалъ множество англійскихъ бенефицій итальянцамъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не живетъ въ Англіи; епископы говорили, что эти итальянцы получаютъ изъ Англіи 60.000 марокъ ежегоднаго дохода. Но всѣ жалобы англійскихъ вельможъ и духовенства оставались напрасны: Иннокентію нужны были деньги, а на средства онъ былъ неразборчивъ; неудовольствіе безхарактернаго и тщеславнаго Генриха онъ смягчалъ льстивыми обѣщаніями и тѣмъ, что не мѣшалъ ему въ случаяхъ нужды брать деньги у англійскаго духовенства. Такъ напримѣръ, подъ предлогомъ крестоваго похода, Генрихъ съ согласія папы обложилъ англійское духовенство десятинной податью; Иннокентій выторговалъ себѣ у короля часть этихъ денегъ.

Возростающее значеніе парламента.

Дѣла получили наконецъ оборотъ, непріятный окружавшимъ Генрихъ иноземцамъ. Король часто имѣлъ недостатокъ въ деньгахъ. Расточительность пышнаго двора поглощала большія суммы; лены, дѣлавшіеся вакантными, не приносили доходовъ казнѣ, потому что были тотчасъ раздаваемы французскимъ фаворитамъ; большихъ денегъ стоили походы на непокорныхъ уэльскихъ князей и войны въ Гаскони, послѣдней области, остававшейся у англійскаго короля во Франціи: ее надобно было защищать отъ Альфонса Кастильскаго. Потому король часто бывалъ принужденъ созывать государственный сеймъ, который въ то время уже получилъ названіе парламента. Королю необходимо было просить у него пособій. Онъ обращался съ денежными требованіями и къ многолюднымъ городамъ и къ торговымъ корпораціямъ. Удовлетворять его надобностямъ было обременительно; однакожь обыкновенно ему давали деньги, которыхъ онъ просилъ, но давали только въ замѣнъ за расширеніе правъ. Города и торговыя корпораціи покупали себѣ самоуправленіе и привилегіи; духовные и свѣтскіе вельможи пополняли Великую Хартію новыми гарантіями. Такимъ образомъ, въ Англіи упрочился конституціонный порядокъ. Въ первой редакціи Великой Хартіи только относительно нѣкоторыхъ опредѣленныхъ налоговъ было сказано, что король не можетъ установлять ихъ безъ согласія сейма; но скоро вошло въ законъ то, что вообще всѣ налоги должны быть взимаемы не иначе, какъ съ согласія парламента. Когда король просилъ установленія налоговъ, парламентъ соглашался на просьбу лишь подъ условіемъ, чтобы король исполнилъ его требованія; ораторы перечисляли и порицали дурныя дѣйствія правительства, парламентъ вынуждалъ короля отмѣнять про-

тивузаконныя распоряженія. Англійская конституція вырабатывалась посредствомъ договоровъ короля съ народомъ; они заключали между собою компромиссы, которые имѣли своимъ основаніемъ обычное государственное право, но видоизмѣняли его сообразно новому положенію дѣлъ.

Въ 1254 году англійскій король велъ войну съ баскамя; она кончилась договоромъ, по которому старшій сынъ Генриха Эдуардъ получилъ отъ отца въ свое управленіе Гасконь и женился на сестрѣ Альфонса Кастильскаго, Элеонорѣ.

Переговоры папы съ Генрихомъ о назначеніи принца Эдмонда королемъ сицилійскимъ.

Папское правительство вздумало упрочить за собой поддержку англійскаго короля возбужденіемъ въ немъ династическаго честолюбія. Этотъ планъ римской куріи сталъ причиною новыхъ поборовъ съ англійскаго народа. Мы говорили, что папа предложилъ назначить Эдмонда, второго сына Генриха, королемъ сицилійскимъ, и что Генрихъ израсходовалъ громадныя суммы на доставленіе этой короны Эдмонду. Мы говорили также о томъ, что братъ Генриха, Ричардъ, владѣтель графства корнуэльскаго, получавшій очень большіе доходы съ оловянныхъ рудниковъ этой области, употребилъ громадныя суммы на пріобрѣтеніе себѣ сана короля нѣмецкаго. Расходы па эти дѣла требовали денегъ, далеко превышавшихъ средства Генриха и Ричарда, и всѣ сословія англійскаго народа были обременены невыносимыми податями на покрытіе издержекъ (стр. 255, 271). Казалось, что Англія перестала быть свободнымъ государствомъ, употребляющимъ свои силы на достиженіе цѣлей нужныхъ ему самому, что она существуетъ лишь для удовлетворенія денежныхъ надобностей папы и династическаго честолюбія Генриха.

1257—1258.

Генрихъ III не жалѣлъ никакихъ расходовъ для пріобрѣтенія сицилійскаго королевства своему второму сыну. Онъ обязался уплатить папѣ его издержки на войну въ Апуліи, составлявшія 135.541 марку стерлинговъ; Александръ IV поручилъ итальянскимъ купцамъ принять эти деньги изъ англійской казны; но въ тѣ времена не возможно было собрать такую огромную сумму. Англійскій король выпрашивалъ деньги у городовъ, у духовенства, грабилъ евреевъ и ростовщиковъ, дѣлалъ займы; но все это доставляло лишь маленькія доли того, что обѣщался онъ уплатить папѣ; агенты Александра IV неотступно требовали дальнѣйшихъ уплатъ. Кромѣ того Генриху были нужны деньги на походы въ Уэльзъ и Шотландію. Ричардъ Корнуэльскій, прежде помогавшій брату, посылалъ теперь свои деньги въ Германію алчнымъ нѣмецкимъ князьямъ; въ Англіи былъ неурожай и свирѣпствовалъ голодъ.

Оксфордскія постановленія 1258.

Въ это бѣдственное время былъ сдѣланъ важный шагъ къ улучшенію государственнаго устройства Англіи. Тѣснимый папскими агентами, требовавшими денегъ, пугаемый угрозами отлученія отъ церкви, Генрихъ созвалъ въ Уэстминстеръ парламентъ, представилъ баронамъ своего сына Эдмонда, одѣтаго въ неаполитанскій костюмъ, про-

славилъ папу за честь, какую доставилъ онъ Эдмону пожалованіемъ сицилійской короны, и просилъ пособія для уплаты денегъ, обѣщанныхъ папѣ. Бароны, уже давно находившіе, что тѣсный союзъ между папой и королемъ, «обдираетъ Англію, какъ зерно между двумя жерновами», рѣзко высказали порицаніе тому, что король хлопочетъ о доставленіи своему сыну слишкомъ шаткаго престола, и тому, что онъ заключилъ договоръ съ папой, не испросивъ ихъ согласія, жаловались на тиранію и требовали отмѣны незаконныхъ распоряженій. Конечно, рѣчи бароновъ не нравились королю, но ему необходимо было пособіе парламента, потому онъ черезъ нѣсколько времени
Іюнь 1258. опять созвалъ бароновъ въ Оксфордъ. Оппозиція ихъ ему выказалась сильнѣе прежняго. Парламентъ потребовалъ, чтобъ учрежденъ былъ новый комитетъ, предоставляя королю назначить тоже 12 членовъ. Король согласился. Назначенные членами комитета 24 духовные и свѣтскіе пэры выбрали правительственный совѣтъ изъ 15 вельможъ и епископовъ; большинство въ совѣтѣ составляли противники короля. Правительственный совѣтъ пополнилъ прежніе законы новыми постановленіями, такъ называемыми оксфордскими провизіями, и занялся возстановленіемъ законнаго порядка. Генрихъ, совершенно устраненный отъ управленія государствомъ, принужденъ былъ соглашаться на все. Правительственныя должности были отданы патріотамъ. Было рѣшено, что комитетъ 24 уполномоченныхъ парламента будетъ собираться три раза въ годъ для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ, что королевскіе замки должны быть отняты у иноземцевъ и что нарушеніе оксфордскихъ провизій должно быть наказываемо смертной казнію и конфискаціей.

Изгнаніе иноземныхъ фаворитовъ Генриха 1258.

Король, члены совѣта и новые сановники присягнули соблюдать оксфордскія провизіи. Бароны, вождемъ которыхъ былъ Симонъ Монфоръ, графъ лесстерскій, мужъ сестры короля, собрали войска отнять замки у иноземныхъ комендантовъ, не хотѣвшихъ повиноваться правительственному совѣту. Взявъ съ собой Генриха, бароны въ іюнѣ подступили къ уинчестерскому замку, въ которомъ собрались ихъ противники. Трусливый Генрихъ исполнялъ приказанія бароновъ, они обнародовали отъ его имени прокламацію, объявлявшую его иноземныхъ родственниковъ и любимцевъ мятежниками; сопротивленіе было невозможно. Иноземные вельможи сдали замки, сложили съ себя должности и въ срединѣ іюля уплыли съ своими рыцарями изъ Англіи. Разумѣется, они были озлоблены; говорятъ, что передъ отъѣздомъ они пытались отравить бароновъ. Они уплыли въ Пуату; бароны отъ имени Генриха и его старшаго сына Эдуарда послали приказанія преслѣдовать ихъ и тамъ. Графъ лесстерскій и его друзья заняли королевскіе замки своими войсками, роздали своимъ сторонникамъ должности, отнятыя у иноземцевъ.

Англійскій народъ радовался своему избавленію отъ ига иноземцевъ. Лондонскіе граждане усердно поддерживали бароновъ и новый государственный порядокъ; за это городу Лондону были даны большія торговыя привилегіи и были отмѣнены лежавшіе на немъ тяжелые налоги. Шерифы и низшіе администраторы при владычествѣ иноземцевъ были исполнителями противузаконныхъ распоряженій и сами дѣлали много притѣсненій народу своихъ графствъ. Теперь и эти беззаконія были отмѣнены, сельское населеніе было ограждено новыми правилами отъ возвращенія прежняго деспотизма. Потомки норманновъ и англосаксы дѣйствовали вмѣстѣ; формальнымъ проявленіемъ этого было то, что прокламація, требовавшая отъ всѣхъ присяги соблюдать оксфордскія провизіи, была обнародована не на одномъ французскомъ языкѣ, но также и на англосаксонскомъ. Генрихъ объявлялъ въ ней, что признаетъ законными всѣ распоряженія, какія сдѣланы и будутъ сдѣланы комитетомъ 24 бароновъ и назначеннымъ ими правительственнымъ совѣтомъ, что всѣ англичане должны помогать исполненію оксфордскихъ провизій, что неповинующіеся имъ будутъ признаваемы врагами государства. Отношенія Генриха къ баронамъ.

Эта прокламація, формально заявлявшая, что управленіе государствомъ принадлежитъ уже не королю, а уполномоченнымъ парламента и назначенному ими совѣту, обозначаетъ собою начало конституціоннаго управленія государственными дѣлами. Англія, бывшая добычей завоевателей и потомъ иноземныхъ авантюристовъ, упрочила теперь свою самостоятельность. Когда англійскій король утратилъ почти всѣ свои владѣнія во Франціи, англичане пришли къ убѣжденію, что ихъ родина должна быть государствомъ совершенно отдѣльнымъ отъ континентальныхъ земель, и не захотѣли терпѣть, чтобъ иноземцы правили ими и обогащались на ихъ счетъ. Потому англосаксонское населеніе и низшее духовенство, то есть тѣ сословія, которыя наболѣе страдали отъ владычества иноземцевъ, очень усердно поддерживали бароновъ. Прежнія несогласія между потомками норманновъ и англосаксами уменьшились или вовсе сгладились; тѣ и другіе должны были теперь защищать общіе интересы противъ общаго врага. Духовенство стало подъ охрану бароновъ, чтобы не быть безпомощной жертвой грабежа римской куріи. Симонъ Монфоръ сдѣлался національнымъ героемъ, бойцомъ за массу народа, охраняемую баронами, вождемъ которыхъ былъ онъ. Патріотическая партія.

Робертъ Гростетъ, при всей своей преданности римской церкви, оставался до самой смерти приверженцемъ Симона Монфора.

Между духовенствомъ ходило тогда латинское политическое стихотвореніе, строгими діалектическими выводами доказывавшее, что законы выше короля: „Воля Божія постановила, чтобы король желалъ только хорошаго, уклонялся отъ дурного, и чтобы слуги его помогали ему въ этомъ. Онъ долженъ совѣтоваться съ парламентомъ, который хорошо знаетъ законы: уроженцы страны лучше иноземцевъ знаютъ законы и обычаи своей родины, передаваемые отъ отца сыну“. Бароны дѣйствовали сообразно этимъ понятіямъ народа: въ мартѣ слѣдующаго (1259) года соотвѣтственно оксфордскимъ провизіямъ двѣнадцать представителей бароновъ съѣхались

на совѣщаніе съ правительственнымъ совѣтомъ и постановили, что всѣ права, пріобрѣтенныя вельможами, распространяются на ихъ вассаловъ и подданныхъ. Ричардъ Корнуэльскій, находившійся въ Германіи, возвратился незадолго передъ тѣмъ въ Англію собрать денегъ для новыхъ подарковъ нѣмецкимъ князьямъ. Когда онъ приплылъ къ берегу, его остановили и потребовали, чтобъ онъ, не сходя съ корабля, присягнулъ на евангеліи, что одобряетъ всѣ новыя постановленія и будетъ помогать баронамъ въ поддержаніи повиновенія имъ; только когда онъ далъ эту присягу, ему позволили выйдти на берегъ.

Генрихъ проситъ помощи у короля французскаго и папы 1259—1261.

Королю было несносно участіе бароновъ въ управленіи государствомъ. Ему обидно было, что на всѣ свои правительственныя распоряженія онъ долженъ просить ихъ согласія, но еще больше онъ огорчался тѣмъ, что поставлены были границы его расходамъ на пышную обстановку и на пиры. Онъ страстно желалъ освободиться отъ опеки и надѣялся получить помощь отъ короля французскаго и отъ папы. Въ маѣ 1259 года онъ заключилъ съ Людовикомъ IX договоръ, по которому король французскій обѣщался помогать ему деньгами, а онъ въ замѣнъ того отказался отъ своихъ притязаній на Анжу, Менъ, Турень, Пуату и призналъ короля французскаго сюзереномъ возвращенныхъ ему аквитанскихъ городовъ. Онъ разсудилъ самъ поѣхать въ Парижъ. Ему пришлось просить дозволенія у правительственнаго совѣта; оно было дано; онъ прожилъ полгода у короля французскаго въ Луврѣ и Сенъ-Дени, склоняя своего хозяина помочь ему. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ помощи у папы. Александръ IV былъ очень недоволенъ новымъ порядкомъ дѣлъ въ Англіи, потому что ему перестали посылать деньги оттуда; бароны прогнали его уполномоченныхъ, занимавшихся поборами для него, и вообще не признавали его сюзеренныхъ правъ. Онъ охотно согласился на просьбу Генриха о поддержкѣ и въ апрѣлѣ 1261 года обнародовалъ буллу, предававшую осужденію вынужденныя у короля уступки и освобождавшую его отъ данной имъ присяги соблюдать новые законы.

Борьба Генриха съ конституціонной партіей 1262—1263.

Генрихъ сталъ принимать мѣры для возвращенія себѣ утраченной власти, смѣнилъ верховнаго судью и хранителя государственной печати, обнародовалъ воззваніе къ народу, давая заманчивыя обѣщанія, набралъ на свою службу иноземныхъ наемниковъ, заложилъ во Франціи знаки королевскаго сана, имѣвшіе большую цѣнность, добылъ такимъ образомъ денегъ на содержаніе своихъ наемниковъ; новый папа Урбанъ IV подтвердилъ буллу своего предмѣстника. Приготовясь къ войнѣ, Генрихъ пригласилъ бароновъ съѣхаться къ нему для переговоровъ, обѣщая имъ амнистію. Но они не захотѣли отказаться отъ пріобрѣтенныхъ правъ. Генрихъ, взявъ съ собой королеву, снова поѣхалъ во Францію просить помощи Людовика. Пользуясь его отъѣздомъ, Монфоръ, при содѣйствіи молодыхъ вельможъ и рыцарей, восторженно преданныхъ своему вождю, человѣку великаго ума, сдѣлалъ распоряженія, давшія окончательное торжество національному

дѣлу. Королевскія войска были тогда на войнѣ съ горцами Уэльза. Монфоръ прогналъ изъ Англіи тѣхъ иноземныхъ любимцевъ Генриха, которые еще оставались въ ней, занялъ войсками ихъ замки, роздалъ ихъ должности людямъ своей партіи. Народъ изгналъ изъ Англіи всѣхъ, не умѣвшихъ говорить по-англійски, и пѣлъ пѣсни въ славу Монфора, своего защитника. Король возвратился въ Англію, но уже не могъ поправить дѣла. Лондонскій народъ встрѣтилъ королеву Элеонору ругательствами и камнями. Король такъ испугался этого взрыва ненависти, что спрятался за стѣнами уиндзорскаго замка. Симонъ Монфоръ ввелъ войско въ лондонскій тоуэръ и сталъ править государствомъ.

Битва при Льюисѣ.

Генрихъ передалъ свои жалобы на бароновъ королю французскому и просилъ его быть третейскимъ судьей; Людовикъ IX объявилъ оксфордскія провизіи нарушающими права королевской власти; Урбанъ IV въ январѣ 1264 года обнародовалъ буллу, предававшую осужденію новые законы. Но приговоры Людовика и папы не произвели никакого дѣйствія на англійскій народъ: Симонъ Монфоръ и его друзья сказали, что король французскій и папа судятъ пристрастно, и взялись за оружіе на защиту конституціоннаго порядка противъ Генриха и его сына Эдуарда, храбраго рыцаря. Война вспыхнула по всему пространству отъ шотландской границы и уэльзскихъ горъ до Лондона и городовъ южнаго берега. Лондонъ и другіе города были на сторонѣ Монфора. Королевское войско одержало побѣду при Нортэмптонѣ; пятнадцать бароновъ, имѣвшихъ свои знамена (то есть имѣвшихъ право содержать особые отъ королевскаго войска отряды), были взяты въ плѣнъ; въ числѣ ихъ находился сынъ Симона Монфора; кромѣ этихъ бароновъ было захвачено въ плѣнъ 40 другихъ вельможъ. Люди горячаго характера взяли верхъ въ Лондонѣ, привлекли на свою сторону простолюдиновъ, опустошили владѣнія приверженцевъ короля въ окрестностяхъ города, ограбили евреевъ, вообще дѣлали въ Лондонѣ много буйствъ. Гарнизонъ Рочестера разбилъ небольшой отрядъ инсургентовъ, осадившій этотъ замокъ; королевскіе воины изувѣчили попавшихся имъ въ плѣнъ противниковъ. Наконецъ войска короля и Симона Монфора сошлись у Льюиса, укрѣпленнаго аббатства, находившагося въ графствѣ соссекскомъ. Бароны предлагали положить оружіе и уплатить вознагражденіе владѣльцамъ опустошенныхъ имѣній, если король обѣщается соблюдать оксфордскія провизіи; онъ по внушенію Ричарда и Эдуарда отвергъ это предложеніе, и 14 мая войска вступили въ битву подъ Льюисомъ. У воиновъ Симона Монфора отличительнымъ знакомъ былъ бѣлый крестъ, нашитый на спинѣ и груди. Битва была очень кровопролитна. Эдуардъ стремительно бросился на пѣхоту, состоявшую изъ горожанъ; рыцари его закололи очень много людей, но онъ погнался за бѣгущей пѣхотой, ускакалъ далеко; Монфоръ, ис-

кусный полководецъ, атаковалъ въ это время главныя силы короля и одержалъ блестящую побѣду. Самъ король, братъ его Ричардъ, многіе англійскіе и шотландскіе вельможи были взяты въ плѣнъ, многіе другіе были убиты; уцѣлѣвшіе разсѣялись. Воротясь изъ погони, Эдуардъ нашелъ поле сраженія во власти враговъ и ускакалъ въ сосѣдній замокъ. Король, думавшій только о томъ, чтобы получить свободу, согласился на договоръ, по которому оксфордскія провизіи сохранили силу закона, право занимать должности было предоставлено исключительно уроженцамъ Англіи, и были опредѣлены границы расходовъ двора. Эдуардъ былъ переданъ Симону Монфору, какъ заложникъ за вѣрность отца договору; бароны держали его подъ надзоромъ.

---

4. Послѣднее время царствованія Генриха III.

Правленіе Симона Монфора.

Симонъ Монфоръ, графъ лесстерскій, былъ провозглашенъ протекторомъ (регентомъ) Англіи. Плѣнные были освобождены, было объявлено возстановленіе мира, всѣ положили оружіе, парламентъ установилъ новыя гарантіи свободы. Но королева Элеонора и вожди королевской партіи, бѣжавшіе за границу, всячески хлопотали о томъ, чтобы при помощи короля французскаго и папы возстановить произвольную власть короля и отмстить ея противникамъ. Они собрали во Фландріи наемниковъ. Вожди національной партіи не пугались угрозъ, не пустили въ Англію папскаго легата, кардинала-епископа сабинскаго, Гвидо; буллы, отлучавшія отъ церкви Симона Монфора и всѣхъ, ограничившихъ права королевской власти, были взяты изъ рукъ легата духовными сановниками, которымъ было поручено это отъ правительства, и остались не обнародованы въ Англіи. Гвидо поѣхалъ назадъ въ Римъ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ избранъ на папскій престолъ и принялъ имя Климента IV.

Введеніе парламентской формы правленія 1265.

Симонъ Монфоръ справедливо полагалъ, что сильнѣйшимъ оплотомъ противъ иноземныхъ интригъ должно быть согласіе между всѣми классами въ защитѣ общихъ интересовъ, и что по этому должно дать какъ можно болѣе широкій базисъ дѣлу національной свободы. Этому убѣжденію Симона Монфора Англія обязана тѣмъ, что возникъ парламентъ въ томъ смыслѣ слова, какой имѣетъ оно теперь. Созывая государственный сеймъ, собранный въ Лондонѣ 28 января 1265 года, Симонъ Монфоръ пригласилъ къ участію въ немъ кромѣ епископовъ, аббатовъ, графовъ и бароновъ, другой классъ людей: онъ послалъ приглашенія, чтобы изъ каждаго графства были присланы два депутата свободныхъ землевладѣльцевъ, и точно такъ же пригла-

силъ по два депутата отъ Лондона, отъ пяти другихъ главныхъ приморскихъ городовъ, отъ Линкольна, Йорка и другихъ значительныхъ городовъ, населеніе которыхъ было предано національному дѣлу. Онъ хорошо зналъ государственное устройство арагонскаго королевства, и, быть можетъ, мысль о приглашеніи депутатовъ отъ городовъ была возбуждена въ немъ тѣмъ, что въ арагонскомъ сеймѣ участвовали депутаты горожанъ. Прелаты, бароны и депутаты общинъ Англіи заключили въ мартѣ договоръ съ королемъ и наслѣдникомъ престола. Генрихъ и Эдуардъ признали Великую Хартію основнымъ неприкосновеннымъ закономъ англійскаго государства и утвердили своимъ согласіемъ законы, ограждавшіе Англію отъ всякаго иноземнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла. Этотъ договоръ былъ прочтенъ народу въ большомъ залѣ уэстминстерскаго дворца, и девять епископовъ со свѣчами въ рукахъ произнесли отлученіе отъ церкви всѣмъ тѣмъ, кто нарушитъ его. Списки этого документа были посланы шерифамъ графствъ съ повелѣніемъ два раза въ годъ читать его народу.

Человѣкъ энергическаго характера, Симонъ Монфоръ, разумѣется, имѣлъ завистниковъ и противниковъ въ собственномъ станѣ; такъ бываетъ всегда. Джильбертъ Клеръ, графъ глосстерскій, наслѣдовалъ отъ своего отца нелюбовь къ Монфору, родившемуся не въ Англіи, и сталъ душою заговора, имѣвшаго цѣлью освободить короля и наслѣдника престола изъ-подъ власти графа лесстерскаго и его партіи. Монфоръ принималъ строгія мѣры для предотвращенія непріятельскихъ высадокъ на англійскіе берега и внутреннихъ попытокъ реакціи; это увеличивало число его враговъ. Нѣкоторые изъ отважнѣйшихъ вельможъ, какъ напримѣръ, Джонъ Гиффардъ и одинъ изъ бароновъ, охранявшихъ уэльзскую границу, Роджеръ Мортимеръ, перешли на сторону его противниковъ. При ихъ помощи Эдуардъ уѣхалъ во время турнира отъ стражи, наблюдавшей за нимъ; приверженцы короля и другіе враги Монфора сгруппировались около наслѣдника престола, они собирались на рѣкѣ Савернѣ въ графствѣ глосстерскомъ и въ городахъ Шрузбери, Уорстерѣ и Честерѣ. Графъ лесстерскій выказалъ въ этомъ опасномъ положеніи обыкновенную свою энергію и дѣйствовалъ очень искусно. Сынъ его съ лондонской милиціей пошелъ на западъ, а онъ сталъ созывать своихъ прежнихъ сподвижниковъ и заключилъ союзъ съ Уэльзомъ. Но Эдуардъ научился отъ него военному искусству, неожиданно напалъ на его сына при замкѣ Кенильуортѣ, разбилъ лондонскую милицію, взялъ много плѣнныхъ и 4 августа нанесъ близъ аббатства Ивзгема рѣшительное пораженіе самому графу лесстерскому. Защитникъ свободы Англіи сражался какъ левъ, но былъ побѣжденъ численнымъ превосходствомъ враговъ. Онъ былъ убитъ; подлѣ него былъ убитъ и младшій сынъ его, Генрихъ, также сражавшійся очень

Битва при Ивзгэмѣ 1265.

28 мая.

1 августа.

храбро; вмѣстѣ съ ними пали на полѣ сраженія другіе важнѣйшіе вожди національной партіи, 160 бароновъ и знатныхъ рыцарей. Уцѣлѣвшіе были взяты въ плѣнъ. Передъ битвой народъ предчувствовалъ пораженіе, предвѣстіями котораго были для него ужасныя грозы и явленіе кометы. Рыцари Эдуарда нашли на полѣ сраженія короля, котораго графъ лесстерскій взялъ съ собою въ походъ; они повели его къ своему войску при звукахъ военной музыки. Убитому графу лесстерскому отрубили голову, изрубили въ куски тѣло его, носили ихъ съ насмѣшками по рядамъ войска. Ивзгемскіе монахи взяли изувѣченные остатки тѣла и похоронили подъ алтаремъ своей церкви, стараясь скрыть похороны отъ побѣдителей. Народъ съ любовію чтилъ память графа лесстерскаго, и долго пѣлись въ Англіи пѣсни, прославлявшія его.

Характеръ Монфора.

Симонъ Монфоръ, графъ лесстерскій, былъ не свободенъ отъ честолюбія и отъ эгоистическихъ стремленій, но главнымъ мотивомъ его дѣйствій была любовь къ англійскоку народу и свободѣ. Человѣкъ проницательнаго ума, онъ соединилъ на общее дѣло всѣхъ, имѣвшихъ какой нибудь интересъ защищать свободу, и создалъ великое учрежденіе, ставшее основной силой государственнаго развитія Англіи,—парламентъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ наслѣдовалъ отъ отца набожность, ѣздилъ въ Палестину и оставался преданъ церкви, хотя былъ отлученъ отъ нея папой. Онъ и его приверженцы считали свое дѣло правымъ и святымъ и носили на себѣ, какъ девизъ своей партіи, знакъ креста.

Реакція.

Ивзгемская битва возстановила поколебавшееся могущество королевской власти. Побѣдители жаждали мщенія. Всѣ сторонники Симона Монфора были объявлены мятежниками, имѣнья ихъ были конфискованы и розданы приверженцамъ короля. Во всѣхъ графствахъ шерифами были назначены усердные исполнители реакціонныхъ мѣръ. Всѣ постановленія и распоряженія, принятыя послѣ льюисской битвы, были объявлены неимѣющими силы; всѣ граматы, обнародованныя королемъ со времени взятія его въ плѣнъ, были отмѣнены. Лондонъ принужденъ былъ сдаться безъ всякихъ условій, уплатить убытки, понесенные приверженцами короля, имущество вождей-гражданъ было конфисковано, самоуправленіе отнято у города. Графиня лесстерская съ своими сыновьями бѣжала во Францію просить у Людовика защиты отъ мщенія брата и суровости папы, а королева Элеонора въ сопровожденіи легата Оттобони съ торжествомъ возвратилась въ Уиндзоръ. Легатъ привезъ буллы, освящавшія папскимъ благословеніемъ реакціонныя мѣры и предававшія новому осужденію всѣ распоряженія національной партіи; епископы, стоявшіе на сторонѣ бароновъ, были наказываемы папой. Старшій сынъ графа лесстерскаго, находившійся въ плѣну, не получалъ помилованія; Ричардъ Корнуэльскій напрасно просилъ за него; графъ глосстерскій склонилъ короля отвергнуть просьбу брата за племянника, и юноша увидѣлъ

себя вынужденнымъ бѣжать. Онъ съ своимъ братомъ Гюи поѣхалъ въ Италію, и тамъ, какъ мы говорили, убилъ Генриха, сына Ричарда, въ отмщеніе за своего отца, хотя этотъ принцъ Генрихъ былъ вовсе невиновенъ въ смерти графа лесстерскаго (стр. 289). Друзья графа лесстерскаго собрались въ Кенильуортѣ, дѣлали изъ этого замка набѣги и нѣсколько мѣсяцевъ отбивались отъ нападеній. Они были отлучены отъ церкви, но презирали это; одинъ изъ нихъ, магистръ Филиппъ, въ насмѣшку надъ папой надѣлъ кардинальское облаченіе, взошелъ на стѣну и провозгласилъ, что отлучаетъ отъ церкви короля и легата. По всей Англіи шла ожесточенная борьба. Вельможи и духовные сановники, объявленные мятежниками, вели партизанскую войну; королевскія войска опустошали владѣнія ихъ. Правительство поняло наконецъ, что пора прекратить эти бѣдствія, возстановить спокойствіе. Сеймъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, созванный королемъ, потребовалъ, чтобы реакціонныя мѣры были смягчены, чтобы король присягнулъ соблюдать Великую Хартію, чтобы конфискованныя имѣнія были возвращены сторонникамъ графа лесстерскаго и наказаніе ихъ было ограничено наложеніемъ денежныхъ штрафовъ. Король согласился на все. Инсургенты сдали Кенильуортъ и положили оружіе. Правительство приняло эту примирительную политику подъ вліяніемъ графа глосстерскаго; онъ выступилъ защитникомъ свободы и національныхъ правъ, когда погибъ графъ лесстерскій, зависть къ которому сдѣлала его врагомъ національной партіи. Но въ нѣкоторыхъ областяхъ междоусобіе продолжалось. На востокѣ убѣжищемъ для инсургентовъ служилъ замокъ Эли. Лондонскіе граждане постоянно волновались, грозно требуя, чтобы возвращено имъ было самоуправленіе. Наконецъ, въ іюнѣ 1267 года при посредничествѣ легата и графа глосстерскаго заключенъ былъ договоръ, успокоившій государство. Прежнія права народа были возстановлены, инсургенты, объявленные мятежниками, получили амнистію, правительство возвратило имъ имѣнья и титулы, за убытки было назначено вознагражденіе. Князь уэльзскій присоединился къ этому договору. Народъ сталъ отдыхать отъ бѣдствій, молодые люди знатнаго сословія праздновали примиреніе турнирами.

Анархія и примиреніе 1265—1267.

Главной заботой короля было теперь устранить денежныя затрудненія въ дворцовомъ и государственномъ хозяйствѣ. Самъ папа видѣлъ необходимость облегчить для него это дѣло, уменьшилъ свои требованія и предоставилъ королю на три года десятинную подать съ церковныхъ имѣній. Духовенство послѣ нѣкотораго сопротивленія подчинилось этому налогу, получивъ отъ легата обѣщаніе, что папская курія прекратитъ свои притѣсненія. Наслѣдникъ престола, другой сынъ короля, двоюродный братъ ихъ, графъ глосстерскій и 120 молодыхъ вельможъ приняли обѣтъ отправиться въ крестовый походъ. Давъ имъ благословеніе, легатъ въ іюнѣ 1268 года уѣхалъ изъ Англіи. Сборы ихъ въ экспедицію длились три года; они отправились наконецъ въ святую землю, но не пріобрѣли тамъ важныхъ

Состояніе Англіи въ послѣднее время царствованія Генриха.

успѣховъ (стр. 326). Въ послѣдніе годы своего правленія старикъ король усердно заботился о правосудіи, о введеніи порядка въ правительственномъ хозяйствѣ, о смягченіи развившейся отъ междоусобій привычки къ буйствамъ. Онъ соблюдалъ Великую Хартію, принималъ постановленія парламента, пополнявшія и улучшавшія этотъ основной законъ; государственныя должности замѣщались исключительно англичанами, людьми добросовѣстными, знающими законы; король созывалъ парламентъ по установленнымъ срокамъ. Правда, это собраніе состояло теперь только изъ прелатовъ и бароновъ; депутаты городовъ и графствъ не были приглашаемы; но нація терпѣливо выносила ограниченіе своихъ правъ, будучи увѣрена, что необходимость скоро заставитъ правительство возвратить ей участіе въ парламентѣ. Судъ производился законнымъ порядкомъ при участіи присяжныхъ, мѣстное самоуправленіе развивалось, въ массѣ народа укрѣплялось сознаніе своихъ правъ. Сводъ англійскихъ законовъ, составленный Брактономъ, показываетъ, что со времени Гланвиля англійская юриспруденція сдѣлала большіе успѣхи. Судебный поединокъ и ордаліи были вытѣснены изъ употребленія правильнымъ юридическимъ разборомъ дѣлъ.

Смерть Генриха III. Характеръ его.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти своего брата, Ричарда Корнуэльскаго, короля нѣмецкаго, Генрихъ III предсѣдательствовалъ въ Норвичѣ на судебномъ разборѣ дѣла о ссорѣ между монахами и горожанами, при которой была сожжена каѳедральная церковь. Это былъ послѣдній актъ его правительственной дѣятельности. Онъ, изнуренный и больной, поѣхалъ изъ Норвича въ Уэстминстеръ и умеръ тамъ 20 ноября 1272 года. Онъ былъ погребенъ въ великолѣпномъ Уэстминстерскомъ аббатствѣ, прекрасномъ памятникѣ его продолжительнаго царствованія. Генрихъ III былъ набожный человѣкъ, уважавшій духовенство, соблюдавшій въ своей частной жизни правила нравственности, хорошій семьянинъ; но по слабости характера и ума былъ неспособенъ держать себя самостоятельно, постоянно находился въ зависимости отъ приближенныхъ, подчинялся льстецамъ, поступая всегда по чужимъ совѣтамъ, безпрестанно мѣнялъ свои рѣшенія, былъ расточителенъ. Народъ изнемогалъ подъ тяжестью налоговъ, а онъ тратилъ деньги на безразсудную роскошь и на пустыя честолюбивыя предпріятія; онъ часто попадалъ въ такія денежныя затрудненія, что закладывалъ коронные дорогіе уборы и дѣлалъ займы у ростовщиковъ, а между тѣмъ тратилъ громадныя суммы на доставленіе сицилійской короны своему второму сыну и на пособіе своему брату, покупавшему титулъ нѣмецкаго короля подарками нѣмецкимъ князьямъ.

Результаты его правленія.

Царствованіе Генриха III было бѣдственно для англійскаго народа, но имѣло и нѣкоторые хорошіе результаты, произведенные впрочемъ ходомъ событій, а не дѣятельностію короля. Среди междоусобій было положено основаніе свободному государственному устройству Англіи; торговля съ Нидерландами, Германіей, Италіей получила большое развитіе. Лондонъ уже сталъ тогда всемірнымъ рынкомъ, на которомъ обмѣнивались своими товарами всѣ народы отъ Нордкапа до южнаго края Сициліи. Мы говорили о томъ, какіе обширные торговые обороты вела лондонская факторія

Торговля.

Ганзы, называвшаяся Стальнымъ Дворомъ (стр. 212). Такую же факторію имѣли въ Лондонѣ торговцы Брюгге, Ипра и другихъ фландрскихъ городовъ. Англія вела большую торговлю съ южной Франціей, Испаніей, итальянскими приморскими городами; родственныя связи династій помогали этому. Въ Англію приходило много кораблей изъ гаваней Балтійскаго моря. Самостоятельность городовъ развилась во время междоусобій. Симонъ Монфоръ далъ имъ участіе въ управленіи государственными дѣлами; они пріобрѣли себѣ корпоративныя права; граждане сплотились въ цехи; купечество богатѣло отъ вывоза шерсти, шкуръ, олова, вело большую торговлю драгоцѣнными металлами; входилъ въ употребленіе каменный уголь. Благодаря сношеніямъ съ чужими землями, развивалась любовь къ искусству; этому много содѣйствовали итальянскіе духовные сановники, которыхъ тогда много пріѣзжало въ Англію. Роскошь и расточительность короля была тяжела для націи, но вела къ улучшенію ювелирнаго дѣла и другихъ подобныхъ искусствъ. Одежда и домашняя обстановка стали изящнѣе прежняго. Построеніе великолѣпнаго Уэстминстерскаго аббатства, длившееся 50 лѣтъ, улучшило архитектуру и скульптуру, содѣйствовало развитію эстетическаго чувства. Важные успѣхи были достигнуты и въ разработкѣ англійскаго языка, въ литературной дѣятельности на немъ. До Генриха III высшее общество говорило норманскимъ нарѣчіемъ французскаго языка, презирало англосаксонскій; теперь при сближеніи сословій, при единодушной дѣятельности ихъ для достиженія общаго блага, эти два языка стали сливаться, изъ ихъ сочетанія сталъ возникать англійскій языкъ. Дворъ и бароны продолжали слушать миистрелей, декламировавшихъ французско-бретанскія поэмы объ Артурѣ и его рыцаряхъ, пѣвшихъ французскія лирическія пѣсни, но въ низшихъ слояхъ дворянства и у горожанъ развивалась любовь къ англосаксонской поэзіи. Поэма о Брутѣ была переведена на англосаксонскій языкъ Лаямономъ, священникомъ мѣстечка Ирли (на берегу Северна); форма стиховъ этого перевода старая, англосаксонская, они имѣютъ аллитерацію. Политическія волненія порождали пѣсни на народномъ языкѣ. Епископъ Гростетъ всегда имѣлъ въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ арфиста и часто слушалъ его игру, вѣруя, что музыка прогоняетъ бѣса; вѣроятно, эта музыка была не рыцарская, а народная англосаксонская. Въ огромной риѳмованной хроникѣ Роберта Глосстерскаго, принадлежащей концу XIII вѣка и разсказывающей по лѣтописямъ Гомфри Монмаутскаго и Уильяма Момзберійскаго исторію Англіи до смерти Генриха III, мы уже видимъ сліяніе французскаго языка съ англосаксонскимъ, такъ что эту поэму можно считать написанной на возникающемъ, еще не выработавшемся англійскомъ языкѣ, въ которомъ преобладаетъ англосаксонскій элементъ. Около того времени начали появляться и прозаическія лѣтописи на народномъ языкѣ (стр. 416, 423).

Языкъ и литература.

e) Англія при Эдуардѣ I, Эдуардѣ II и Эдуардѣ III.

1. Царствованіе Эдуарда I. Покореніе Уэльза.

Когда умеръ Генрихъ III, наслѣдникъ престола Эдуардъ, возвращавшійся изъ Палестины, гостилъ въ Сициліи у Карла Анжуйскаго. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти отца ему было сообщено, что бароны и духовные сановники, желая предотвратить всякія волненія, поспѣшно собрались, провозгласили его королемъ по праву наслѣдства

Возвращеніе Эдуарда 1273.

и по прежнему рѣшенію государственнаго сейма, дали присягу повиноваться ему и охранять спокойствіе государства. Поэтому онъ не видѣлъ надобности торопиться возвращеніемъ на родину, поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Италію и Францію, навѣстилъ Григорія X, съ которымъ познакомился въ Палестинѣ, до выбора его въ папскій санъ (стр. 289), заѣхалъ въ Падую побесѣдовать съ профессорами знаменитаго университета, побывалъ въ великолѣпномъ Миланѣ, веселился по пути черезъ Бургундію и на блестящемъ турнирѣ побѣдилъ славившагося силой графа шалонскаго. Этотъ знаменитый турниръ происходилъ въ іюнѣ 1273 года. Молва о рыцарскихъ подвигахъ молодого короля нравилась англійскимъ вельможамъ, и многіе изъ нихъ поѣхали во Францію встрѣтить и съ почетомъ сопровождать его на родину. Онъ проѣхалъ въ Парижъ, вошелъ въ дружбу съ Филиппомъ III, принялъ мѣры для защиты своихъ владѣній въ южной Франціи отъ нападеній воинственнаго Гастона, графа беарнскаго, пріѣхавъ во Францію, возстановилъ дружескія отношенія и прерывавшуюся ссорой торговлю Англіи съ ней (въ маѣ 1274 года); наконецъ 19 августа приплылъ въ Англію и черезъ нѣсколько дней короновался въ Уэстминстерѣ; коронаціонный праздникъ былъ такъ великолѣпенъ, что народъ очень долго вспоминалъ о немъ.

Эдуардъ возвращаетъ коронѣ розданныя отцомъ его имѣнья.

Англичане скоро увидѣли, что новый король очень энергичный правитель. Онъ далъ присягу сохранять неприкосновенными всѣ права, пріобрѣтенныя націей; но принялъ мѣры для возвращенія коронѣ имѣній, которыя были розданы его расточительнымъ отцомъ, потребовалъ документовъ отъ вельможъ, получившихъ эти подарки, подвергъ разбору справедливость данныхъ имъ пожалованій и требовалъ, чтобы вассалы съ точностью исполняли свои ленныя обязанности. Судьи объѣзжали королевство, разсматривая граматы, по которымъ были пожалованы имѣнья, объявляли многія изъ пожалованій недѣйствительными; король съ неумолимой строгостью отнималъ неправильно полученные лены. Но для соблюденія законнаго порядка судьи дѣйствовали съ участіемъ присяжныхъ. Эдуардъ издалъ законъ, воспрещавшій церкви пріобрѣтеніе новыхъ поземельныхъ владѣній. Духовенство очень досадовало на это, папа сердился, но не рѣшался ссориться съ королемъ, который бился ужь за христіанство въ Палестинѣ и обѣщался (быть можетъ и дѣйствительно думалъ) снова отправиться въ крестовый походъ. Эдуардъ часто не высылалъ папѣ ленную дань, удерживалъ у себя и подать, называвшуюся денаріемъ Петра; но папа находилъ надобнымъ молча терпѣть это. Эдуардъ возстановилъ всѣ прежніе налоги, и такъ называемые добровольные подарки, платежъ которыхъ прекратился во время междоусобій, сталъ собирать такъ называемую щитовую подать за увольненіе вассаловъ отъ исполненія военной повинности, ввелъ чеканку полновѣсной монеты взамѣнъ прежнихъ обрѣзанныхъ, низкопроб-

ныхъ или слишкомъ легкихъ монетъ, которыхъ явилось множество въ годы смутъ. Поддѣлкой монеты занимались больше христіанъ евреи; Эдуардъ подвергъ ихъ тяжелымъ притѣсненіямъ и наконецъ, (въ 1290 году) выгналъ изъ Англіи всѣхъ людей еврейской религіи; число этихъ несчастныхъ простиралось до 16.500 человѣкъ. Говорятъ, что главной гонительницей ихъ была королева-мать, въ чьи руки шли отнимаемыя у евреевъ деньги. Черезъ годъ она умерла (въ Эмзберійскомъ монастырѣ); огромное богатство, набранное ею, поступило въ королевскую казну.

Планы завоеваній.

Конфискація множества имѣній производила сильное неудовольствіе въ духовныхъ и свѣтскихъ вельможахъ; королю угрожала опасность, что они произведутъ возстаніе; онъ рѣшился отвлечь отважныхъ людей отъ мыслей о внутреннихъ дѣлахъ походами для завоеваній. Прежде всего хотѣлъ онъ покорить тѣ части великобританскаго острова, которыя оставались независимы. Онъ съумѣлъ возбудить національное честолюбіе и стать народнымъ героемъ англичанъ. Въ мятежахъ вельможъ противъ Генриха III принималъ очень дѣятельное участіе уэльскій князь Левеллинъ II. Помогая Симону Монфору, онъ при тайной поддержкѣ короля французскаго овладѣлъ англійскими замками по уэльской границѣ и свергъ съ себя власть анлійскаго короля. Онъ былъ обрученъ съ дочерью Симона Монфора Элеонорой. Красивый и сильный рыцарь, отважный и хитрый, онъ

Покореніе Левеллина 1276—1278.

былъ послѣднимъ блестящимъ представителемъ кельтской независимости; барды, примѣняя къ нему древнее пророчество уэльскихъ преданій, обѣщали ему корону Брута, основателя кельтскаго королевства въ Британіи (стр. 368). Онъ не разсчиталъ, что обстоятельства перемѣнились, что въ англичанахъ пробудилось національное чувство, что прекратились ихъ раздоры, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ свои успѣхи; воображая, что можетъ выдержать войну съ Эдуардомъ, не являлся по его вызовамъ на съѣзды бароновъ; раздраженный тѣмъ, что англійскій король задержалъ его невѣсту, онъ возобновилъ нападеніе на сосѣднія англійскія земли, опустошилъ владѣнія графа Роджера Мортимера. Король и парламентъ 12 ноября 1276 года объявили его мятежникомъ, духовенство возобновило отлученіе отъ церкви, которому онъ былъ подвергнутъ въ прежніе годы. Война была непродолжительна. Королевское войско собралось въ Честерѣ, проложило себѣ путь черезъ густые лѣса въ Уэльзъ, англійскій флотъ блокировалъ Уэльзъ съ моря; Левеллинъ ушелъ въ горы, но не могъ оборониться и тамъ; у подошвы Снодона явился къ Эдуарду и принялъ тежелыя условія, на которыхъ король далъ ему миръ. За нимъ остались лишь небольшая часть Уэльза и островъ Энгельси. Часть княжества уэльскаго была присоединена къ Англіи; денбійскую область получилъ братъ Левеллина, Давидъ, служившій съ своими воинами Эдуарду. Англійскій король отмѣнилъ

денежное взысканіе, которому сначала подвергъ Левеллина, и отдалъ ему невѣсту.

Погибель уэльской династіи.

Левеллинъ не хотѣлъ выносить своего униженія, склонилъ Давида на свою сторону, снова взялся за оружіе и при помощи брата одержалъ у Конуэ побѣду: много англійскихъ рыцарей утонуло; Левеллинъ пошелъ на югъ, гдѣ собралъ войско Эдмондъ Мортимеръ, вступилъ съ нимъ въ битву при Кардиганѣ и былъ убитъ (11 декабря 1282 года). Мартимеръ послалъ его голову Эдуарду, который въ насмѣшку надъ пророчествами бардовъ велѣлъ надѣть на нее серебряную корону и нести ее на копьѣ по Лондону въ Тоуэръ, тамъ выставить на стѣнѣ и увѣнчать плющемъ. Давидъ скрывался нѣсколько времени въ ущельяхъ; наконецъ сами уэльскіе горцы выдали его, онъ былъ привезенъ въ Шрузбери. Судъ приговорилъ его къ смерти; привязавъ его къ хвосту лошади, погнали ее по улицамъ города, къ мѣсту казни. Отрубленную голову Давида выставили на стѣнѣ Тоуэра подлѣ головы брата, а тѣло его разрубили на четыре части и послали ихъ въ четыре другіе города повѣсить на стѣнахъ. Жена Левеллина умерла отъ родовъ; малютка, дочь Левеллина, была отправлена подъ стражу въ Семпрингэмскій монастырь; потомъ ее постригли въ монахини и держали подъ стражей до самой смерти. Уэльзская династія прекратилась. Въ числѣ сокровищъ Левеллина, взятыхъ Эдуардомъ, находились корона ко-

1283.

роля Артура и частица Животворящаго креста,—такъ по крайней мѣрѣ говорила молва объ этихъ вещахъ. Частицу животворящаго креста Эдуардъ отдалъ въ Уэстминстерское аббатство. Съ этого времени Уэльзъ сталъ принадлежать къ англійскому королевству. Родоначальники присягнули на вѣрность англійскому государю, страна была раздѣлена на графства и сотни, какъ Англія; для обузданія буйства были введены въ Уэльзѣ англійскіе уголовные законы; относительно гражданскихъ законовъ не было сдѣлано никакихъ перемѣнъ, англичане оставили въ неприкосновенномъ уваженіи обычное право народа. Черезъ нѣсколько времени королева, жившая въ карнарвонскомъ замкѣ, родила сына; онъ былъ названъ по имени отца Эдуардомъ; отецъ далъ ему титулъ принца уэльзскаго; съ той поры установился обычай давать этотъ титулъ старшему сыну короля, наслѣднику престола.

Присоединеніе Уэльза къ Англіи 1284.

25 апрѣля 1285.

Подавленіе возстаній 1287—1295.

Когда король надолго уѣхалъ въ южную Францію, назначивъ намѣстникомъ своего двоюроднаго брата, Эдмонда Корнуэльскаго, человѣка слабаго характера, уэльзскій народъ, раздраженный введеніемъ англійскихъ уголовныхъ законовъ, поднялъ возстаніе. Вождемъ инсургентовъ былъ владѣтель южной части Уэльза Рисъ апъ-Мередитъ, помогавшій англичанамъ въ войнѣ съ Левеллиномъ. Нѣсколько времени онъ оборонялся въ ущельяхъ родныхъ горъ; но когда собралось государственное ополченіе, Джильбертъ, графъ глосстерскій, проникъ въ горы, и Рисъ апъ-Мередитъ принужденъ былъ бѣжать въ Ирландію. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился въ Уэльзъ,

но былъ взятъ въ плѣнъ, привезенъ въ Йоркъ и преданъ смерти, какъ мятежникъ. Два другіе родоначальника, называвшіе себя потомками династіи Левеллина и поднявшіе возстаніе, тоже погибли: Эдуардъ разбилъ ихъ при Конуэ, взялъ въ плѣнъ и наказалъ смертью, какъ мятежниковъ. Англійская власть упрочилась въ Уэльзѣ, число переселенцевъ изъ Англіи стало возростать тамъ. Уэльзскій языкъ сохранился въ употребленіи у простолюдиновъ, но поэзія бардовъ стала падать.—Эдуардъ, долго остававшійся на континентѣ, принималъ участіе въ переговорахъ разныхъ королей и другихъ государей, воевавшихъ между собой и желавшихъ примириться; ему хотѣлось быть третейскимъ судьей раздоровъ, волновавшихъ Фландрію, Испанію, Сицилію, другія государства. Возвратясь въ Англію, онъ строго наказалъ судей и бароновъ, нарушавшихъ законъ, и возстановилъ спокойствіе въ государствѣ. 1295.

---

2. Покореніе Шотландіи.

Около того времени, какъ послѣдніе остатки христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ были завоеваны мусульманами и въ западной Европѣ исчезли мысли о новомъ крестовомъ походѣ, Эдуардъ приступилъ къ исполненію давняго своего намѣренія покорить Шотландію, такъ чтобы весь островъ находился подъ властью англійскаго короля. До той поры жители суровыхъ горъ сѣверной Шотландіи, покрытыхъ густыми дубовыми лѣсами, рѣдко обращали на себя вниманіе лѣтописцевъ. Въ IV томѣ мы говорили о войнахъ римлянъ съ дикими каледонцами. Мы знаемъ объ этихъ хищникахъ только то, что они дѣлали грабительскіе набѣги на сосѣднюю часть Англіи. Въ шотландскихъ народныхъ преданіяхъ упоминаются многіе короли и военачальники, но имена ихъ болѣе принадлежатъ вымыслу, чѣмъ исторіи. Шотландскій лѣтописецъ Бьюкананъ разсказываетъ по народнымъ преданіямъ о королевской династіи, основателемъ которой былъ Фергосъ I, перечисляетъ 40 королей, его потомковъ, царствовавшихъ въ Шотландіи до появленія англосаксовъ въ Англіи, говоритъ объ ихъ войнахъ съ римлянами и британцами; въ этихъ народныхъ разсказахъ очень много геройскихъ подвиговъ и занимательныхъ приключеній, но всѣ они—поэтическіе вымыслы. Населеніе Шотландіи состояло изъ двухъ главныхъ племенъ, пиктовъ и ско́товъ; они то соединялись, то дрались между собою и принадлежали, подобно ирландцамъ, къ кельтской народности, которая до сихъ поръ удержалась въ сѣверной Шотландіи. Языкъ этихъ уцѣлѣвшихъ шотландскихъ кельтовъ называется геильскимъ, gaelic, то есть гаэльскимъ, кельтскимъ. По народнымъ разсказамъ, когда римляне вывели свои войска изъ Британніи, шотландскіе дикари своими грабежами принудили британцевъ призвать англовъ и саксовъ для отраженія ихъ на- Обзоръ прежней исторіи Шотландіи.

бѣговъ. Преданіе говоритъ, что британскій король Евгеній былъ убитъ въ сраженіи съ шотландскими хищниками. Четыре столѣтія пикты и ско́ты сражались съ германскими племенами, мало-по-малу овладѣвавшими Британніею. На берегахъ Твида было очень много сраженій; англосаксы одолѣли: въ половинѣ IX вѣка король Кеннетъ II побѣдилъ пиктовъ, короновался въ Сконѣ королемъ шотландскимъ, и почти вся южная Шотландія отъ Чевіотскихъ до Грампіанскихъ горъ была заселена англосаксами. Въ южно-шотландскомъ нарѣчіи англійскаго языка сохранилось много англосаксонскихъ словъ и выраженій, исчезнувшихъ въ самой Англіи. Покоренные германцами кельты южной Шотландіи приняли христіанство. Князь ско̀товъ Айданъ, жившій въ VII вѣкѣ и коронованный святымъ Колумбомъ, несомнѣнно былъ кельтъ; но вскорѣ послѣ того шотландская династія приняла повидимому англосаксонскую національность, породнившись съ англосаксонскими королями Англіи. Король шотландскій Малькольмъ III, царствовавшій во время завоеванія Англіи норманнами, былъ, какъ мы знаемъ, близкій родственникъ англосаксонской династіи (V, стр. 705). Въ IX и X столѣтіяхъ, когда датчане нападали на Британнію и основывали въ ней государства, ихъ соплеменники дѣлали то же самое по берегамъ и островамъ Шотландіи. Подобно англійскому острову Мэну, Гебридскіе, Оркадскіе, Шетлэндскіе острова были завоеваны скандинавскими князьками, предводителями морскихъ разбойниковъ; обогащаясь грабежомъ, эти князьки, по возвращеніи съ морскихъ разбоевъ, пировали и слушали своихъ пѣвцовъ.

Ленная система и кланы.

Такимъ образомъ Вильгельмъ Завоеватель нашелъ въ южной части Шотландіи элементы, изъ которыхъ легко могъ построить ленную систему. Земля между англійской границей и Грампіанскими горами вошла въ составъ государства Вильгельма Завоевателя и его сыновей. Воинственные бароны южной Шотландіи, часто сражавшіеся въ XII и XIII столѣтіяхъ съ баронами сѣверной Англіи, были ихъ соплеменники и точно такіе же феодальные владѣтели. Только въ горной, сѣверной Шотландіи сохранилось старое кельтское общественное устройство, основою котораго былъ кланъ (племя). Правителемъ клана былъ родоначальникъ, и власть его была наслѣдственная; всѣ члены клана считались родственниками его; власть его надъ ними была патріархальная; онъ былъ ихъ судья и военачальникъ. Члены клана повиновались ему по племенной привычкѣ, внушавшей имъ родственную привязанность къ нему; они сходились подъ его знамя по добровольному влеченію держаться за одно съ ними; ихъ и его интересы были общіе. Родоначальники клановъ упорно защищали свою независимость отъ феодальнаго короля южной Шотландіи.

Отношеніе шотландскихъ королей къ англійскимъ.

Отношенія шотландскихъ королей къ англійскимъ были неопредѣленныя и шаткія. Шотландскій король имѣлъ въ графствахъ сѣверной Англіи лены; по этимъ ленамъ онъ былъ вассалъ англійскаго

короля, присягалъ на вѣрность ему, былъ обязанъ приводить воиновъ подъ его знамя и вообще исполнять всѣ ленныя повинности, лежавшія на другихъ вассалахъ. Мы видѣли, что шотландскія войска часто находились въ составѣ англійскихъ войскъ, помогали имъ въ битвахъ. Но Плантагенеты заявляли временами притязанія на болѣе широкую власть надъ шотландскими королями, требовали, чтобъ и сама Шотландія была подчинена ихъ сюзеренной власти. Мы видѣли, что Генрихъ II дѣйствительно подчинилъ себѣ Шотландію въ свѣтскихъ дѣлахъ, а въ церковныхъ архіепископу йоркскому. Но только государь твердаго характера могъ держать Шотландію въ этой зависимости, ненавистной патріотизму ея народа. Ричардъ I съ рыцарскимъ легкомысліемъ отказался за деньги отъ своей сюзеренной власти надъ Шотландіей, призналъ ея короля Вильгельма Льва независимымъ государемъ (стр. 519). Сдѣлавшись независимы, какъ владѣтели самой Шотландіи, короли ея перестали исполнять и тѣ обязанности, какія лежали на нихъ, какъ на владѣтеляхъ англійскихъ леновъ, и во время междоусобій при Іоаннѣ и Генрихѣ III сражались въ рядахъ инсургентовъ, желая обезпечить свою независимость. Англосаксонская оппозиція самовластію норманско-французской династіи и вліянію иноземцевъ на англійскія дѣла всегда находила поддержку себѣ у шотландскихъ вельможъ. Но до полнаго отторженія Шотландіи отъ Англіи дѣло никогда не доходило, потому что между династіями и вельможескими фамиліями этихъ государствъ было очень много родственныхъ связей; короли и бароны Шотландіи послѣ ссоръ постоянно мирились съ англійскими своими родственниками. Мы говорили, что сынъ Вильгельма Завоевателя женился на дочери шотландскаго короля; это было важнымъ шагомъ къ примиренію между ихъ королевствами; преемникъ Вильгельма Льва, Александръ II, женился на сестрѣ Генриха III, а преемникъ его, Александръ III, на дочери Генриха.

Война Александра III съ норвежцами.

Александръ III еще при жизни Генриха расширилъ свои владѣнія. Князья морскихъ разбойниковъ, поселившихся на Мэнѣ и Гебридскихъ островахъ, подвергались нападеніямъ шотландскихъ бароновъ, поступавшихъ съ ними безпощадно; они просили защиты у Гакона, короля норвежскаго, своего леннаго господина. Въ 1263 году онъ приплылъ защитить своихъ вассаловъ, побѣдилъ шотландцевъ на морѣ, прогналъ ихъ съ Гебридскихъ острововъ, сдѣлалъ высадку на шотландскій берегъ, но потерпѣлъ тяжелое пораженіе и принужденъ былъ вернуться на Гебридскіе острова. Онъ былъ уже старикъ; во время войны занемогъ, приплылъ на Гебридскіе острова больной и зимою умеръ тамъ (15 декабря 1264 года). Его сынъ Магнусъ заключилъ съ Александромъ договоръ, по которому за 4.000 марокъ единовременнаго вознагражденія и 100 марокъ ежегодной платы передалъ шотландскому королю свои права верховной власти надъ

1266. Мэномъ и Гебридскими островами. Для упроченія дружбы Александръ обручилъ свою дочь, Маргарету, съ сыномъ норвежскаго короля, Эрикомъ. Женихъ и невѣста были тогда дѣтьми; когда они подросли, то были повѣнчаны.

Правленіе Александра III по заключеніи мира съ Магнусомъ.

По заключеніи мира, Александръ III спокойно правилъ королевствомъ двадцать лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ храбрый и добрый, но не особенно даровитый. Съ братомъ своей жены, Эдуардомъ, онъ старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ, присягнулъ на вѣрность ему, какъ владѣтель леновъ въ Англіи, и въ сентябрѣ 1278 года, пріѣхавъ въ Лондонъ, произнесъ въ Уэстминстерѣ, въ собраніи парламента, клятву быть вѣрнымъ вассаломъ своего леннаго господина, короля Эдуарда, служа ему противъ всѣхъ его враговъ. Эту клятву онъ далъ, какъ владѣтель англійскихъ леновъ, а не какъ шотландскій король; но Эдуардъ желалъ, чтобъ и Шотландія была подчинена его ленной власти, какъ была нѣсколько времени подчинена Генриху II. Обстоятельства помогли осуществленію его замысла. У Маргареты, жены Александра III, было трое дѣтей, но всѣ они умерли раньше отца: старшій сынъ умеръ еще ребенкомъ; дочь Маргарета, посланная въ 1281 году въ Норвегію и повѣнчанная тамъ съ Эрикомъ, умерла отъ первыхъ родовъ (9 апрѣля 1283 года); вскорѣ послѣ того умеръ ея второй братъ, Александръ, человѣкъ слабаго здоровья, не имѣвшій дѣтей. Мать ихъ, Маргарета, умерла за долго до нихъ (въ 1275 году). Оставшись бездѣтнымъ, Александръ III женился на Жолетѣ, дочери графа дрёсскаго (de Dreux). Ему хотѣлось имѣть дѣтей. Черезъ полгода послѣ свадьбы онъ въ темную ночь ѣхалъ верхомъ къ женѣ, жившей тогда въ Инверкитингѣ, упалъ съ лошадью съ приморской скалы и разбился до смерти (19 марта 1286 года). Его смерть была великимъ бѣдствіемъ для Шотландіи. Регентство, состоявшее изъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, приняло на себя управленіе королевствомъ и рѣшило привезти въ Шотландію внуку Александра, дочь норвежскаго короля Маргарету, бывшую тогда еще ребенкомъ. Эдуардъ хотѣлъ женить на ней своего сына, когда онъ подростетъ. Но на пути въ Шотландію семилѣтняя «норвежская дѣвушка,» какъ ее называли шотландцы, умерла на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ.

Сентябрь 1290.

Претенденты на шотландскій престолъ. Вмѣшательство Эдуарда въ шотландскія дѣла.

Эдуардъ былъ тогда на охотѣ съ сѣверной части Англіи. Узнавъ о неожиданной смерти Маргареты, онъ разсудилъ, что можетъ извлечь большую выгоду изъ спора за престолъ между родственниками шотландской династіи; онъ хотѣлъ дѣйствовать такъ, чтобы Шотландія стала въ ленную зависимость отъ англійскаго короля. Онъ немедленно пошелъ бы съ войскомъ въ Шотландію, еслибъ не задержала его болѣзнь жены, Элеоноры Кастильской. Королева была очень опасно больна и лежала въ Линкольнѣ; онъ любилъ жену и остался при ней. Она умерла. Въ это время была уже зима. Похо-

ронивъ жену съ большими почестями въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ у ногъ Генриха III, Эдуардъ въ маѣ 1291 года созвалъ парламентъ въ Норгэмѣ и пригласилъ пріѣхать туда претендентовъ на шотландскую корону и важнѣйшихъ шотландскихъ вельможъ. Претендентовъ было девять человѣкъ. Эдуардъ предложилъ на разсмотрѣніе парламента записку, въ которой съ сылками на документы и хроники доказывалось, что короли англійскіе издавна были ленными господами шотландскаго королевства и, принявъ на себя власть судьи по вопросу о правахъ претендентовъ, потребовалъ, чтобъ они признали его леннымъ господиномъ Шотландіи. Послѣ нѣкотораго колебанія всѣ они исполнили его требованіе. Тогда собраніе духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ обоихъ королевствъ, состоявшее изъ 104 членовъ, занялось разборомъ правъ претендентовъ. Наиболѣе основательны были притязанія двухъ изъ нихъ, Роберта Бруса Каррикскаго и Джона Беліоля Галлоуэскаго. До рѣшенія дѣла управленіе Шотландіей было поручено регентству, членовъ котораго назначилъ Эдуардъ.

Провозглашеніе Джона Беліоля королемъ шотландскимъ 1292.

Въ началѣ августа Эдуардъ поѣхалъ въ Эдинбургъ. По пути туда вельможи и города Шотландіи встрѣчали его, какъ леннаго господина своего королевсва; въ Эдинбургѣ правители и граждане присягнули ему. Собраніе англійскихъ и шотландскихъ вельможъ засѣдало между тѣмъ въ Бервикскомъ замкѣ, рязсматривая права претендентовъ, число которыхъ возросло до двѣнадцати. Почти всѣ они основывали свои притязанія на происхожденіи отъ кололевской династіи по женской линіи. Беліоль былъ внукъ старшей дочери короля Давида, Брусъ сынъ второй дочери, Джонъ Гастингсъ потомокъ третьей. Только Джонъ Коминъ Барденакскій основывалъ свои права на происхожденіи отъ стариннаго кельтскаго короля Дональда Макъ-Донкана. Однимъ изъ претендентовъ былъ и Флоренсъ, графъ голландскій, потомокъ сестры Вильгельма Льва. Скоро выборъ сталъ колебаться только между Беліолемъ и Брусомъ. Былъ проектъ раздѣлить Шотландію между ними; но собраніе отвергло эту мысль и послѣ долгихъ совѣщаній рѣшило на основаніи англонорманскаго права въ пользу Беліоля, который казался человѣкомъ болѣе расположеннымъ удовлетворить всѣмъ притязаніямъ Эдуарда. Онъ въ Норгэмѣ присягнулъ на вѣрность Эдуарду, какъ ленному господину королевства шотландскаго, чрезъ нѣсколько дней былъ по старинному шотландскому обычаю коронованъ въ Сконѣ на каменномъ престолѣ, и въ Ньюкеслѣ повторилъ на торжественномъ обрядѣ присягу вассальской вѣрности королю англійскому. Эдуардъ распоряжался шотландскимъ престоломъ, какъ будто вакантнымъ англійскимъ графствомъ. При торжественной присягѣ Джона Беліоля было признано за Эдуардомъ право быть судьею по жалобамъ шотландцевъ на ихъ короля. Соотвѣтственно этому Эдуардъ сталъ требовать шотландскаго короля къ отвѣту по его спо-

Ноябрь 1292.

рамъ съ подданными и отдавалъ эти дѣла на рѣшеніе вѣрховнаго англійскаго суда.

Возстаніе шотландцевъ 1293—1294.

Такимъ образомъ Эдуардъ сдѣлалъ шотландскаго короля своимъ вассаломъ. Шотландцы не могли вынести такого униженія, и скоро обстоятельства показались имъ благопріятны для возстановленія ихъ независимости. У Эдуарда началась опасная война съ Филиппомъ IV, желавшимъ отнять англійскія владѣнія въ южной Франціи; Эдуарду нужно было очень много денегъ на содержаніе нѣмецкихъ и нидерландскихъ наемниковъ и на пособія союзникамъ; онъ требовалъ отъ парламента установленія тяжелыхъ налоговъ; это возбудило сильное неудовольствіе въ Англіи; оно увеличивалось тѣмъ, что война остановила торговлю Англіи съ континентомъ. Ободряемый Кэминомъ и другими патріотами, Беліоль вступилъ въ союзъ съ Филиппомъ IV, надѣясь при его помощи свергнуть англійское иго. Посредникомъ между шотландскимъ и французскимъ королями служилъ англійскій вельможа Томасъ Тюрбервиль, имѣвшій владѣнія по сосѣдству съ границей Уэльза. Этотъ измѣнникъ, которому была обѣщана большая награда, обязался доставить французамъ возможность дѣлать высадки на берега Англіи, Уэльза и Шотландіи. Казалось, что для Англіи возобновятся тѣ бѣдствія, какимъ она подвергалась при Іоаннѣ. Эдуардъ употребилъ очень много денегъ на пріобрѣтеніе себѣ союзниковъ въ Германіи, но не получилъ отъ нихъ помощи: Адольфъ Нассаускій, бывшій тогда королемъ нѣмецкимъ, взявъ у него деньги, употребилъ ихъ на свои собственныя надобности; графъ Гюи Фландрскій, раздраженный вмѣшательствомъ Филиппа въ его ссору съ городомъ Гентомъ, искренно хотѣлъ помогать Эдуарду, обручилъ свою дочь съ сыномъ англійскаго короля; но Филиппъ заманилъ его вмѣстѣ съ дочерью въ Парижъ и задержалъ тамъ подъ стражей. Третій союзникъ Эдуарда, Флоренсъ, графъ голландскій, былъ (27 іюня 1296 года) убитъ вельможами, составившими противъ него заговоръ; сынъ его былъ еще ребенокъ; въ Голландіи началось междоусобіе, помѣшавшее ей помогать Эдуарду. Архіепископъ кельнскій и другіе рейнскіе князья были заняты своими собственными дѣлами. Новый папа Бонифацій VIII пытался примирить Филиппа съ Эдуардомъ, отправилъ къ нимъ легатовъ; Филиппъ, увѣренный въ побѣдѣ, отвергъ ихъ посредничество.

Война въ Шотландіи и въ южной Франціи 1296—1297.

Эдуардъ при всей затруднительности своего положенія не упалъ духомъ. Перехваченное письмо раскрыло ему измѣну Тюрбервиля. Предатель былъ схваченъ, привязанъ къ лошадиному хвосту, лошадь погнали къ висѣлицѣ и повѣсили измученнаго измѣнника. Король шотландскій отвѣчалъ отказомъ на требованіе Эдуарда прислать войско для войны съ французами и отдать пограничныя крѣпости; шотландцы ограбили англійскихъ купцовъ въ бервикской гавани и наперекоръ приказанію Эдуарда дружески принимали французскіе и

фландрскіе корабли. Эдуардъ весною 1296 года собралъ въ Ньюкеслѣ 4.000 рыцарей и 30.000 человѣкъ пѣхоты и пошелъ въ Шотландію, а графы Эдмондъ ланкастерскій и Гью линкольнскій съ большимъ флотомъ и значительнымъ войскомъ поплыли въ устье Жиронды защищать Гасконь отъ французовъ. Эдуардъ взялъ Бервикъ и сильно укрѣпилъ его. Шотландское войско вошло въ Комберлэндъ, опустошало его и осадило Карлейль; городъ храбро оборонялся. Эдуардъ прошелъ въ Шотландію, подступилъ къ Дёнбару; узнавъ объ этомъ, шотландцы сняли осаду съ Карлейля и пошли противъ Эдуарда. Подъ Дёнбаромъ произошла 27 апрѣля большая битва. Шотландцы потерпѣли тяжелое пораженіе; 10.000 ихъ легли на полѣ битвы; графы Ментитъ, Атоль, Россъ, сынъ графа Комина, болѣе 80 бароновъ и другихъ вельможъ были отведены плѣнниками въ англійскіе замки. Эдуардъ энергически воспользовался своей побѣдой; получивъ подкрѣпленія изъ Уэльза и Ирландіи, онъ овладѣлъ Эдинбургомъ, пошелъ къ Стирлингу и Перту. Джонъ Беліоль покорился ему и унизилъ себя трусливыми оправданіями; говорилъ, что сталъ преступникомъ противъ своего господина, англійскаго короля, по совѣту злыхъ людей и собственному неразумію, что, сознавая свою вину, отдаетъ ему корону и государство. Эдуардъ, уничтожая остатки шотландскихъ войскъ, двинулся на сѣверъ, прошелъ по горной Шотландіи отъ Абердина и Банфа до Эльгина. Вельможи и духовенство вновь присягнули на вѣрность ему. Джонъ Беліоль былъ отправленъ жить подъ стражей въ лондонскомъ Тоуэрѣ. Всѣ тѣ шотландскіе вельможи, вѣрность которыхъ казалась Эдуарду сомнительна, были отправлены въ англійскіе замки; сконскій камень, на которомъ короновались шотландскіе короли, получая, по народному мнѣнію, собственно черезъ это королевскій санъ, былъ отвезенъ, какъ трофей побѣды, въ Уэстминстерское аббатство, гдѣ остается и теперь. Эдуардъ назначилъ правителемъ Шотландіи англичанина Уоренна, графа соррейскаго. Финансами Шотландіи сталъ завѣдовать судъ казначейства, устроенный на подобіе англійскаго, о законахъ и правительственныхъ дѣлахъ Шотландіи сталъ совѣщаться парламентъ, подобный англійскому.—Но въ Гаскони англичане терпѣли неудачи. Пошедши освободить осажденный французами замокъ Бельгардъ, они раздѣлились на два отряда, были разбиты и разсѣяны; многіе вельможи попали въ плѣнъ. Филиппъ отнялъ у англичанъ всѣ ихъ владѣнія во Франціи, кромѣ Байонны и нѣсколькихъ замковъ. Февраль 1297.

3. Возстаніе Уоллеса. Развитіе конституціоннаго правленія въ Англіи.

Побѣда Уоллеса при Стирлингѣ 1297.

Англичане потерпѣли пораженіе въ Гаскони; англійскіе вельможи и духовенство роптали на обременительность налоговъ и на требованіе военной службы въ походахъ заграницей; это пробудило въ шотландцахъ надежду возстановить свою независимость. Суровость англійскихъ судей и администраторовъ возбуждала ненависть во всемъ шотландскомъ народѣ. Тысячи людей были прогнаны или бѣжали изъ своихъ жилищъ, скитались по горамъ и лѣсамъ, ждали только вождя, чтобы броситься на иноземныхъ притѣснителей. Вождь нашелся. Это былъ Уильямъ Уоллесъ, урожденецъ береговъ Клейда, сынъ небогатаго рыцаря, молодой человѣкъ исполинскаго роста и желѣзной силы, искусный стрѣлокъ, отважный, даровитый, привѣтливый и добрый, страстно ненавидѣвшій англичанъ, умѣвшій внушать соотечественникамъ привязанность къ себѣ. Онъ сошелъ съ горъ, собралъ изгнанниковъ и храбрыхъ простолюдиновъ, началъ партизанскую войну съ англичанами. Черезъ нѣсколько времени къ нему присоединился очень знатный вельможа Уильямъ Дугласъ, потомъ примкнули нѣкоторые другіе вельможи, наконецъ поднялъ оружіе противъ англичанъ Робертъ Брусъ, младшій внукъ того Бруса, который былъ претендентомъ на шотландскій престолъ. Воины Каррика и Аннанделя, родовыхъ владѣній фамиліи Брусовъ, пошли съ Робертомъ. Возстаніе приняло довольно большой размѣръ. Правитель Шотландіи Уоренъ и Перси, графъ нортомберлэдскій, повели на инсургентовъ 1.000 всадниковъ и 50.000 человѣкъ пѣхоты, подошли къ заливу Форту (Forth), на сѣверномъ берегу котораго стояли шотландцы. Когда англичане приблизились къ Стирлингу, шотландскіе вельможи оробѣли и вступили въ переговоры съ непріятелемъ. Но Уоллесъ требовалъ продолженія войны, отвергалъ всякія уступки. Англичане пошли черезъ мостъ къ Стирлингу. Давъ половинѣ ихъ войска перейдти, Уоллесъ стремительно бросился на нее съ холма изъ-за лѣса; англичане, застигнутые въ расплохъ его нападеніемъ, смутились, и
Сентября 1297. онъ нанесъ имъ тяжелое пораженіе; 100 всадниковъ и 5.000 пѣшихъ воиновъ были убиты, въ числѣ ихъ находился ненавистный шотландцамъ казначей Гью Крессингэмъ. Англичане поспѣшно отступили за Твидъ, преслѣдуемые Уоллесомъ; въ октябрѣ онъ вошелъ въ Нортомберлэндъ, сталъ опустошать огнемъ и мечомъ эту область.

Примиреніе съ королемъ французскимъ.

Эдуардъ былъ тогда во Фландріи; онъ съ своими союзниками хотѣлъ идти оттуда въ сѣверную Францію; услышавъ о пораженіи англичанъ у Стирлинга, онъ былъ сильно опечаленъ; еще больше смутила его горячая оппозиція парламента, собравшагося въ Уэстминстерѣ. Онъ увидѣлъ, что не въ состояніи одновременно вести войну съ французами и шотландцами. Положеніе его во Фландріи

было опасно, потому что французскій король имѣлъ въ Нидерландахъ больше союзниковъ, чѣмъ онъ, а нѣмецкіе князья, на содѣйствіе которыхъ разсчитывалъ онъ, не пришли на помощь ему; притомъ онъ больше дорожилъ покореніемъ Шотландіи, чѣмъ борьбою за Гасконь, потому рѣшился заключить миръ съ Филиппомъ IV, чтобъ обратить всѣ свои силы противъ шотландцевъ. Французскій король желалъ мира, былъ оскорбленъ надменностью папскихъ легатовъ, требовавшихъ, чтобъ онъ и Эдуардъ отдали свой споръ на рѣшеніе папы, предвидѣлъ ссору съ папой и предпочелъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Эдуардомъ. Переговоры затянулись, и миръ былъ заключенъ очень не скоро; но Филиппъ и Эдуардъ съ самаго начала переговоровъ заключили перемиріе; по истеченіи срока оно возобновлялось; пользуясь имъ, Эдуардъ примирился съ парламентомъ и пошелъ въ Шотландію.

Обремепительность налоговъ. Оппозиція парламента.

Расходы, какихъ требовали войны съ французами и шотландцами, далеко превышали доходы короля; Эдуардъ принужденъ былъ просить пособія у своихъ подданныхъ; но еще чаще онъ не испрашивалъ пособія законнымъ порядкомъ, а дѣйствовалъ суровыми насиліями. Всѣ сословія были обременены тяжелыми налогами. Король принуждалъ вельможъ ходить съ нимъ въ далекія земли или платить щитовую подать за освобожденіе отъ походовъ; постоянно бралъ налоги съ епископствъ и аббатствъ, установилъ тяжелыя пошлины съ вывоза шерсти и другихъ товаровъ; часто требовалъ десятой, восьмой, даже пятой доли доходовъ отъ людей всѣхъ сословій; оцѣнка доходовъ производилась посредствомъ притѣснительныхъ розысковъ. Въ началѣ парламентъ и народъ охотно давали деньги королю: войны съ Уэльзомъ и Шотландіей соотвѣтствовали желаніямъ націи, она одобряла стремленіе короля соединить весь островъ подъ англійской властью. Когда король при войнѣ съ Уэльзомъ потребовалъ новыхъ жертвъ для охраненія береговъ, говоря, что противъ общихъ опасностей должно бороться общими силами и всѣ должны вмѣстѣ нести тяжести дѣлъ, которыя касаются всѣхъ, то парламентъ съ патріотическимъ усердіемъ далъ ему все, чего онъ потребовалъ. Охотно помогала ему нація и въ дѣлѣ завоеванія Шотландіи. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ и увѣренный въ согласіи парламента, король созывалъ его чаще, нежели дѣлалось прежде; чтобы возбудить въ націи живое сочувствіе къ своимъ планамъ, онъ, по примѣру Монфора, сталъ приглашать въ парламентъ депутатовъ отъ свободныхъ землевладѣльцевъ и отъ городовъ. Онъ совѣтовался съ парламентомъ не только о призывахъ вассаловъ къ походу и объ установленіи налоговъ, но и объ улучшеніи государственныхъ учрежденій, о законодательныхъ мѣрахъ. Отношенія народа къ нему перемѣнились, когда началась война во Франціи и Фландріи: она требовала очень много жертвъ и сильно вредила торговлѣ, потому была непопулярна. Эдуардъ при отцѣ былъ правителемъ Гаскони, жилъ тамъ весело, забавляясь турнирами, полюбилъ эту страну, потому очень горячо убѣждалъ англійскихъ вельможъ защищать ее, помогать ему въ борьбѣ съ Филиппомъ IV, который, какъ онъ говорилъ, „хочетъ истребить съ земли англійскій языкъ;“ но настроеніе англичанъ становилось все неблагопріятнѣй къ этой войнѣ. Бароны говорили, что не обязаны участвовать въ походахъ за границу, и отказывались платить щитовую подать. Духовенство, отъ котораго Эдуардъ въ особенности часто и много требовалъ денегъ, сопротивлялось взиманію этихъ произвольныхъ сборовъ,

ссылаясь на то, что Бонифацій VIII запретилъ брать подати съ церковныхъ имуществъ безъ разрѣшенія папы. Оппозиція усиливалась. Эдуардъ хотѣлъ брать насиліемъ то, въ чемъ отказывалъ ему парламентъ; сурово требовалъ отъ коронныхъ вассаловъ и ихъ подвассаловъ участія во фландрской войнѣ, грозилъ духовенству лишить его судебной охраны, отнять у него лены, самовластно бралъ все надобное для войны, дѣйствуя по правилу, что интересы государства должны быть защищаемы на государственныя средства; но его насильственныя дѣйствія только утверждали націю въ мысли о необходимости оградить права народа отъ произвола; при всей своей энергіи и хитрости, Эдуардъ не могъ остановить развитія конституціоннаго правленія въ Англіи.

Развитіе парламентскаго правленія 1297.

Потребовавъ новыхъ пожертвованій на фландрскую войну, Эдуардъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и со стороны духовенства, вождемъ котораго выступилъ архіепископъ кентеберійскій, Робертъ Уинчельси, и со стороны вельможъ. Предводителями оппозиціи вельможъ были первые королевскіе сановники, маршалъ Роджеръ Бигодъ, графъ норфолькскій, и коннетабль, графъ герифордскій. Депутаты графствъ и городовъ были на сторонѣ оппозиціи. Король велѣлъ набирать воиновъ силой; насильственный наборъ встрѣтилъ сопротивленіе. Рыцари взялись за оружіе и собирались подъ знамена могущественныхъ вельможъ. Оппозиція составила записку, перечислявшую притѣсненія, требовала, чтобъ они были немедленно отмѣнены и чтобы возстановлена была неприкосновенность правъ народа. Эдуардъ былъ очень раздраженъ непокорностью бароновъ, и чтобъ уклониться отъ ихъ требованія, поспѣшно уплылъ во Фландрію, угрожая поступать какъ съ мятежниками съ тѣми, кто будетъ отказываться отъ уплаты налоговъ. Но какъ только уплылъ онъ съ войскомъ изъ Англіи, вожди оппозиціи пришли въ совѣтъ, которому король поручилъ управлять государствомъ отъ имени его сына, назначеннаго намѣстникомъ. Около того же времени Уоллесъ разбилъ англичанъ при Стирлингѣ и вторгся въ Нортомберлэндъ. Наслѣдный принцъ и правительственный совѣтъ должны были успокоить волненія въ Англіи, чтобы можно было вести войско на врага; потому удовлетворили требованіямъ бароновъ, назначили собраніе парламента, обѣщались, что по прошествіи надобности будетъ прекращено взиманіе податей, установленныхъ для войны. Въ октябрѣ 1297 года собрался въ Уэстминстерѣ парламентъ. Графы норфолькскій и герифордскій поставили у воротъ города отряды своихъ воиновъ для охраненія парламента отъ насилія со стороны правительства. Парламентъ принялъ въ дополненіе къ Великой Хартіи законъ, говорившій, что безъ согласія націи (то есть парламента) не могутъ быть взимаемы ни съ духовенства, ни съ мірянъ никакія подати, кромѣ старыхъ законныхъ, и не могутъ быть взимаемы таможенныя пошлины ни съ шерсти, ни съ другихъ предметовъ вывоза. Этотъ статутъ отнималъ у короля власть по собственному усмотрѣнію установлять налоги. Прежде короли дѣлали это; Эдуарду было очень непріятно согласиться на то, что онъ не имѣетъ права брать съ народа деньги безъ разрѣшенія парламента; но положеніе дѣлъ было такъ затруднительно для короля, что онъ не имѣлъ возможности вступить въ борьбу съ баронами: Уоллесъ правилъ Шотландіей, принялъ титулъ намѣстника шотландскаго короля, созывалъ парламенты, вся Шотландія исполняла его распоряженія. Потому Эдуардъ, находившійся тогда въ Гентѣ, далъ свое согласіе на всѣ постановленія парламента. Это обрадовало англичанъ; они прониклись патріотизмомъ, парламентъ далъ королю денежное пособіе на войну съ шотландцами; бароны и рыцари стали собираться подъ королевское знамя.

Покореніе Шотландіи 1298.

Когда Эдуардъ возвратился въ Англію, онъ нашелъ уже собравшимся большое войско, въ которомъ было много конныхъ латниковъ, и весной (1298 года) повелъ его на сѣверъ. Въ Йоркѣ король созвалъ военный совѣтъ; на этомъ совѣщаніи графы норфолькскій, герифордскій и другіе бароны потребовали, чтобъ онъ здѣсь на англійской землѣ повторилъ обѣщаніе соблюдать законы, данные имъ во Фландріи. Ему показалось обидно требованіе, предъявляемое на походѣ вооруженными военачальниками. Но онъ не хотѣлъ раздражать ихъ отказомъ и предложилъ баронамъ удовлетвориться тѣмъ, что четыре его совѣтника дадутъ отъ его имени присягу въ твердости его намѣренія соблюдать законы; онъ обѣщалъ, что по окончаніи похода самъ присягнетъ соблюдать ихъ. Бароны удовольствовались этимъ, и войско пошло въ Шотландію. Въ іюлѣ оно встрѣтилось съ врагами у Фалькирка (близъ Стирлинга). Уоллесъ выбралъ хорошую позицію для своей пѣхоты. Конницы у него было очень мало, потому что вельможи завидовали, мало помогали ему, даже и та конница, какая была у него, не хотѣла сражаться и при самомъ началѣ боя обратилась въ бѣгство; это было сдѣлано такъ рано, что не могло быть объясняемо трусостью, должно было предполагать измѣну. Шотландская пѣхота, поставленная плотными рядами, оборонялась очень храбро, и англичанамъ было трудно проломить строй этихъ крѣпкихъ вошновъ, горизонтально державшихъ свои копья; но англійскіе стрѣлки привели ихъ строй въ нѣкоторый безпорядокъ, въ немъ образовались разрывы, англійская конница бросилать въ нихъ, и шотландцы потерпѣли полное пораженіе. Говорятъ, что ихъ было убито 20.000 человѣкъ, а потеря королевскаго войска была очень незначительна. Уоллесъ не могъ держаться противъ англичанъ послѣ этого пораженія и уѣхалъ во Францію. Но и Эдуардъ не могъ вполнѣ воспользоваться своей побѣдой: по недостатку съѣстныхъ припасовъ и постояннымъ раздорамъ съ вельможами онъ принужденъ былъ уйдти изъ Шотландіи, не принявъ мѣръ для упроченія своего владычества надъ ней. Преобладающее вліяніе въ Шотландіи перешло къ фамиліи Коминовъ, рѣшительныхъ противниковъ Уоллеса, вступившихъ въ сношенія съ Робертомъ Брусомъ, помогавшимъ Эдуарду. Они и архіепископъ сентъ-андрусскій составили правительственный совѣтъ, завѣдовавшій дѣлами Шотландіи, но не получившій формальнаго утвержденія отъ Эдуарда.

Эдуардъ вновь даетъ присягу соблюдать Великую Хартію 1299.

Эдуардъ былъ обязанъ завоеваніемъ Шотландіи содѣйствію бароновъ; потому они имѣли право ожидать, что онъ исполнитъ данное имъ обѣщаніе. Но ему не хотѣлось отказаться отъ власти произвольно установлять налоги. Великимъ постомъ слѣдующаго (1299) года парламентъ, собравшійся въ Лондонѣ, требовалъ, чтобы король далъ обѣщанную присягу; онъ спорилъ, хотѣлъ вставить въ присягу оговорку, что отказывается отъ власти установ-

лять подати, лишь на сколько этотъ отказъ не вредитъ правамъ короны. Въ Лондонѣ поднялось волненіе, распространилось по всей Англіи; Эдуардъ увидѣлъ себя въ необходимости уступить: миръ съ Франціей еще не былъ заключенъ, и надобно было снова вести войско въ Шотландію для упроченія власти надъ нею; король зналъ, что вельможи не будутъ помогать ему, если онъ не исполнитъ ихъ требованій, смирилъ свою гордость, покорился неотвратимому, присягнулъ соблюдать постановленія Великой Хартіи и другіе законы, ограждающіе свободу англійскаго народа. Эта важная уступка Эдуарда парламенту примирила націю съ нимъ. Правда, онъ принялъ на себя обѣщаніе соблюдать Великую Хартію, вынужденный къ тому обстоятельствами, но принялъ по свободному своему рѣшенію, а не подъ страхомъ какого нибудь насилія со стороны народа; потому Великая Хартія получила значеніе договора, добровольно заключеннаго королемъ съ націей.

---

4. Новый походъ Эдуарда въ Шотландію. Смерть его.

Эдуардъ отвергаетъ посредничество папы.

Примиреніе съ народомъ немедленно принесло большія выгоды Эдуарду. Бонифацій VIII, имѣвшій, подобно Григорію VII и Иннокентію III, притязанія становиться судьей въ ссорахъ между христіанскими народами и ужь пытавшійся взять на себя эту роль въ войнѣ англійскаго короля съ французскимъ, желалъ вмѣшаться въ борьбу Эдуарда съ шотландцами, утверждая, что ленный господинъ королевства шотландскаго не англійскій король, а папа. Отрицая права, которыя Эдуардъ выводилъ изъ старыхъ документовъ и своихъ договоровъ съ шотландцами, Бонифацій требовалъ освобожденія Беліоля и объявлялъ продолженіе войны со стороны Эдуарда нарушеніемъ своихъ ленныхъ правъ. Эдуардъ самъ былъ виноватъ въ этой дерзости папы, потому что принялъ его посредничество въ своемъ спорѣ съ королемъ французскимъ за Гасконь. Теперь онъ уже заключилъ съ королемъ французскимъ миръ (въ августѣ 1299 года въ Шартрѣ), и они условились породниться для упроченія дружбы; но Филиппъ IV всетаки горячо заступался за шотландцевъ и, отвергнувъ посредничество папы въ своей войнѣ съ Эдуардомъ, теперь поддерживалъ вмѣшательство Бонифація въ войну Эдуарда съ шотландцами. Эдуардъ былъ въ Шотландіи и стоялъ подъ Карлаверокомъ, когда ему было сообщено притязаніе папы, быть судьею между нимъ и шотландцами. Онъ отвѣчалъ, что долженъ посовѣтоваться съ парламентомъ. Это было въ 1300 году; Эдуардъ созвалъ парламентъ въ Линкольнѣ въ январѣ 1301 года, обѣщалъ отмѣнить притѣсненія,

какимъ подвергались поселяне для охраны дикихъ животныхъ въ лѣсахъ королевской охоты, согласился удовлетворить другимъ жалобамъ парламента, представилъ ему составленную опытными юристами записку о ленной власти англійскаго короля надъ Шотландіею и просилъ рѣшить, основательны ли его притязанія на ленную власть надъ этимъ королевствомъ. Парламентъ рѣшилъ, что Эдуардъ правъ, вполнѣ одобрилъ его дѣйствія относительно Шотландіи. Англійскіе бароны отправили къ папѣ письмо, въ которомъ защищали ленную власть англійскаго короля надъ Шотландіей и отвергали всякое притязаніе папы вмѣшаться въ это дѣло, какъ нарушеніе правъ англійскаго короля. Этотъ документъ былъ 21 февраля 1301 года подписанъ 104 англійскими баронами. Въ прежнія времена англійскіе короли просили помощи папы противъ своихъ бароновъ. Эдуардъ противупоставлялъ притязаніямъ папы волю бароновъ, какъ представителей націи: въ концѣ своего письма они говорили Бонифанію, что никогда не потерпятъ вмѣшательства папы въ англійскія дѣла, нарушающаго свободу и обычное право Англіи.

Сильный своимъ согласіемъ съ націею, король продолжалъ войну противъ шотландцевъ, не обращая вниманія на папу. Бонифацій началъ борьбу съ Филиппомъ IV и уже не имѣлъ досуга заниматься шотландскими дѣлами. Поссорившись съ папой, Филиппъ IV желалъ поддержать Эдуарда, потому не только предоставилъ шотландцевъ на его произволъ, но даже возвратилъ Гіэнь и Гасконь, какъ французскіе лены, англійскому королю, съ которымъ породнился двумя свадьбами: Эдуардъ женился на сестрѣ Филиппа, Маргеритѣ, а старшій сынъ Эдуарда былъ помолвленъ съ дочерью Филиппа, Изабеллой. Передъ тѣмъ временемъ шотландцы одержали надъ отрядомъ англійскаго войска побѣду при Рослинскомъ аббатствѣ (24 февраля 1303 года). Но окончательно примирившись съ Филиппомъ, Эдуардъ повелъ въ Шотландію всѣ свои силы и, легко одолѣвая сопротивленіе, прошелъ всю страну до сѣверной горной части. Коминъ, Грегэмъ, Стьюартъ и другіе вожди національной партіи просили мира, Эдуардъ обѣщалъ оставить за ними ихъ владѣнія; они признали его королемъ (въ февралѣ 1304 года) и уплатили наложенные Эдуардомъ штрафы. Только Уоллесъ, національный герой, возвратившійся изъ Франціи, не покорился Эдуарду, ушелъ съ небольшимъ числомъ отважныхъ воиновъ въ горы и велъ партизанскую войну. Народъ чрезвычайно любилъ его; къ нему шли новые сподвижники изъ простолюдиновъ. Послѣдній оплотъ возстанія, Стирлингъ, послѣ отчаянной обороны сдался безъ всякихъ условій на волю Эдуарда, и ему оставалось теперь только уничтожить Уоллеса. Онъ назначилъ большую денежную награду за голову этого врага, и нашлись между шотландскими вельможами люди, обольстившіеся деньгами. Англичане были приведены предателями къ тому убѣжищу, въ которое Уоллесъ пріѣхалъ

Война съ Уоллесомъ. Казнь его.

Лѣто 1303.

на свиданіе съ любимой дѣвушкой; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и
Августъ 1305. отправленъ въ Лондонъ. Его провезли по улицамъ столицы, надѣвъ ему на голову лавровый вѣнокъ въ насмѣшку надъ его несчастьемъ. Эдуардъ часто бывалъ великодушенъ къ побѣжденнымъ врагамъ, но съ Уоллесомъ онъ поступилъ, какъ безжалостный тиранъ. Была назначена особая коммиссія судить его; она приговорила его къ смерти. какъ мятежника, убійцу и поджигателя; его привязали къ хвосту лошади, она волокла его по улицамъ на Смитфильдское поле; тамъ повѣсили его. Потомъ мертвому отрубили голову, взоткнули ее на шестъ и поставили на Лондонскомъ мосту. Тѣло разрубили на четыре части, послали ихъ въ Ньюкесль, Бервикъ, Пертъ и Абердинъ и повѣсили надъ воротами этихъ городовъ.

Возстаніе Роберта Бруса 1306.

Еслибы Шотландія осталась спокойна подъ англійскимъ игомъ, то вѣроятно Эдуардъ принялъ бы мѣры къ подавленію свободы въ самой Англіи. Папа Климентъ V, урожденецъ Аквитаніи, бывшій архіепископъ бордосскій, человѣкъ одинаково близкій къ Плантагенетамъ и Капетингамъ, казался не чуждъ мысли держать себя съ Эдуардомъ по примѣру того, какъ Иннокентій III поступалъ во время ссоры Іоанна съ баронами. Самъ Эдуардъ обратился къ его содѣйствію. Англійскому королю трудно было отвыкать отъ прежняго самовластія; онъ желалъ, чтобы Климентъ помогъ ему освободиться отъ контроля парламента. Съ одобренія папы онъ облагалъ духовенство податями безъ разрѣшенія парламента; дѣлалъ иногда такіе поборы и съ другихъ сословій, вообще нарушалъ Великую Хартію. Но возобновленіе возстанія въ Шотландіи избавило англичанъ отъ вооруженной борьбы за сохраненіе законнаго порядка. Робертъ, сынъ бывшаго претендента Роберта Бруса, наслѣдовавшій ему въ 1304 году во владѣніи Аннанделемъ, хитрый и отважный человѣкъ, не отказался отъ надежды пріобрѣсти шотландскую корону. Онъ былъ въ лѣтахъ полной физической силы, ему было только 32 года. Въ разговорѣ съ Джономъ Комином онъ неосторожно высказалъ свою тайную мысль. Комин сообщилъ королю о его намѣреніи. Онъ, раздраженный предатель-
29 января 1306. ствомъ, закололъ Джона Комина кинжаломъ на свиданіи въ церкви Домфризскаго францисканскаго монастыря; дядя Джона, Робертъ Комин, бросившійся на помощь племяннику, былъ убитъ однимъ изъ товарищей Бруса. Овладѣвъ замкомъ Домфризомъ, Робертъ Брусъ провозгласилъ себя защитникомъ шотландской независимости. Вся Шотландія возстала; англійскіе правители и судьи были прогнаны; вельможи, духовенство, народъ признали своимъ вождемъ отважнаго потомка національной династіи. Въ мартѣ вельможи собрались въ Сконъ; епископы глэсгоскій и сентъ-андрузскій короновали Роберта Бруса королемъ шотландскимъ. Эдуардъ былъ приведенъ въ ярость извѣстіемъ о новомъ возстаніи. На праздникѣ въ Уэстминстерѣ по случаю возведенія сына короля и многихъ молодыхъ вельможъ въ

санъ рыцаря, Эуардъ публично произнесъ клятву отомстить за убійство Комина. По желанію англійскаго короля папа отлучилъ отъ церкви Бруса, объявилъ устраненными отъ должностей епископовъ, короновавшихъ его. Эдуардъ былъ уже пожилой человѣкъ, изнуренный прежними походами, больной, но сѣлъ на коня и повелъ войско въ Шотландію. Пока онъ шелъ, возстаніе было уже подавлено. Шотландскій намѣстникъ Эдуарда, Эмаръ Валенсъ, графъ пемброкскій, разбилъ шотландцевъ 26 іюня у Метвенскаго лѣса; Робертъ Брусъ бѣжалъ, его приверженцы были захвачены въ плѣнъ; Эдуарду оставалось только мстить, и онъ мстилъ съ такой свирѣпостью, что обезславилъ свое имя. Робертъ успѣлъ спастись отъ погони; шотландскіе барды сложили пѣсни объ удивительныхъ случаяхъ, избавлявшихъ его отъ погибели. Дѣйствительно, онъ подвергался множеству опасностей, но уплылъ черезъ Ломондское озеро, пробрался черезъ аргейльскія горы на полуостровъ Кентейръ и уплылъ на сѣверный берегъ Ирландіи. Его братъ Нигель (Нейджель) Брусъ былъ схваченъ; Эдуардъ велѣлъ казнить плѣнника и разрубить на куски его тѣло. Родственникъ Роберта Кристоферъ Сетонъ былъ казненъ въ Домфризѣ; Симонъ Фрэзеръ, сподвижникъ Роберта, славившійся подобно ему геройствомъ, былъ преданъ въ Лондонѣ такой же мучительной смерти, какъ Уоллесъ. Графъ Атоль, глава одной изъ знатнѣйшихъ вельможескихъ фамилій Шотландіи, былъ повѣшенъ на висѣлицѣ вышиной въ 50 футовъ. Въ темницахъ англійскихъ замковъ томилось множество шотландскихъ вельможъ и знатныхъ дамъ; въ числѣ ихъ находились жена и сестры Роберта Бруса. Графиня бьюканская (Buchan), выказавшая горячій патріотизмъ при коронованіи Роберта Бруса, была заперта въ маленькую переносную темничную келью, сбитую изъ брусьевъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ (такія темничныя кельи назывались клѣтками). Эдуардъ роздалъ англичанамъ конфискованныя владѣнія бѣжавшихъ или плѣнныхъ шотландскихъ вельможъ. Генрихъ Перси получилъ графство каррикское, родовое владѣніе Брусовъ.

Казнь инсургентовъ.

На шотландскій народъ было наложено тяжелое иго, но оно не подавило національнаго чувства. Весною Робертъ Брусъ возвратился въ Шотландію возобновить войну. Эдуардъ лежалъ больной въ своемъ станѣ у Ланеркоста и чувствовалъ приближеніе смерти. Изгнанники собрались къ Роберту и начали партизанскую войну. Собравъ послѣднія силы, Эдуардъ выступилъ въ походъ; онъ сидѣлъ на конѣ; утомленный труднымъ переѣздомъ, остановился отдохнуть въ селеньѣ у шотландской границы неподалеку отъ Карлейля и умеръ тамъ 7 іюля 1307 года.

Смерть Эдуарда 1307.

Англійскіе лѣтописцы прославляютъ Эдуарда I. Его наружность производила очень хорошее впечатлѣніе: онъ былъ высокаго роста, оставался

Характеръ Эдуарда.

строенъ и въ старости, сидѣлъ на конѣ прямой какъ пальма, не уступалъ никому ловкостью на турнирахъ и на охотѣ, храбростью на войнѣ, отважно бросался въ опасности; современники восхваляютъ его государственный умъ, его краснорѣчіе, любезность и веселость въ обращеніи, соединенную съ умѣньемъ сохранять царственное величіе, превозносятъ его любовь къ семейству, вѣрность друзьямъ. Но любимцемъ англійскаго народа сталъ онъ собственно потому, что въ его царствованіе развилось конституціонное правленіе и упрочились законныя формы суда. Законы, изданные при Эдуардѣ I, охватывали всѣ стороны общественной жизни. Ему было тяжело отказываться отъ многихъ важныхъ прерогативъ прежней королевской власти, но онъ понималъ духъ времени и всегда кончалъ тѣмъ, что дѣлалъ необходимыя уступки. Съ неудовольствіемъ, но по видимому добровольно допускалъ онъ превращеніе феодальной монархіи, которой произвольно правили его предшественники, въ конституціонное государство, въ которомъ королевская власть была подчинена парламенту; благодаря этой благоразумной уступчивости, онъ достигъ того, что нація стала считать интересы короля тожественными съ интересами государства. Человѣкъ религіозный, ходившій въ молодости на войну съ невѣрными и до конца жизни сохранившій горячую симпатію къ судьбѣ христіанъ въ Палестинѣ, онъ однако же твердо охранялъ права и честь Англіи отъ притязаній папы. Онъ энергически заботился объ уничтоженіи морского разбоя и о безопасности торговли. Лондонъ при немъ сдѣлался средоточіемъ обширныхъ торговыхъ дѣлъ, началъ становиться всемірнымъ центромъ. Главными предметами вывоза изъ Англіи были шерсть, шкуры, металлы. Эдуардъ не построилъ такихъ великолѣпныхъ зданій, какъ Уэстминстерское аббатство, построенное его отцомъ, но покровительствовалъ искусствамъ и наукѣ, выказывалъ расположеніе оксфордскому и кембриджскому университетамъ, давалъ имъ большія суммы и обширныя имѣнья. Въ его царствованіе доживалъ свою старость великій дѣятель науки Роджеръ Бэконъ, который за свои глубокія знанія по естественнымъ наукамъ считался волшебникомъ, а за свой просвѣщенный образъ мыслей былъ осужденъ духовенствомъ, какъ еретикъ, и много лѣтъ оставался заточеннымъ въ монастырской темницѣ (стр. 423); Роджеръ Бэконъ умеръ 11 іюня 1294 года. Вообще въ царствованіе Эдуарда I замѣтно сильное пробужденіе умственныхъ силъ, стремившихся разорвать цѣпи средневѣкового стѣсненія. Въ государственной жизни пріобрѣли политическое значеніе города, въ поэзіи проявляется оппозиція рыцарской эпопеѣ и придворной лирикѣ; поэты слагали пѣсни въ народномъ духѣ, писали аллегорическія сатиры. Въ одной изъ англійскихъ сатирическихъ поэмъ того времени тонъ изобличенія злоупотребленій власти и пороковъ высшихъ сословій напоминаетъ поэму о Рейнеке Лисицѣ.

---

5. Царствованіе Эдуарда II.

Вліяніе Гевстона.

Эдуардъ I поставилъ важнѣйшей цѣлью своей дѣятельности покореніе Шотландіи. Есть преданіе, будто, умирая, онъ велѣлъ рыцарямъ, чтобъ они, когда пойдутъ на врага, несли съ собой его тѣло, (вѣроятно это черта, заимствованная изъ романсовъ о Сидѣ). Его сынъ, наслѣдовавшій корону 23-лѣтнимъ юношей, не имѣлъ ни ма-

лѣйшей искры мужества и дарованій отца, имя котораго носилъ. Подобно отцу, Эдуардъ II былъ высокій, стройный, красивый мужчина, но характеръ у него былъ слабый, робкій; онъ предпочиталъ войнѣ придворную роскошь, пиры и развратъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать походъ на шотладцевъ, онъ поспѣшилъ въ Лондонъ блистать тамъ великолѣпіемъ и наградить подарками, титулами, должностями своихъ любимцевъ. Самымъ вліятельнымъ изъ его фаворитовъ былъ гасконскій рыцарь незнатной и небогатой фамиліи, Пьеръ (Питеръ) Гевстонъ, съ ранней молодости ставшій неразлучнымъ пріятелемъ принца, очаровавшій ето своей ловкой угодливостью и льстивостью. Еще не былъ перенесенъ въ Уэстминстерское абатство гранитный саркофагъ, въ которомъ было положено тѣло отца, а сынъ уже отдалъ надменному иноземцу богатое графство корнуэльское, женилъ его на дочери своей сестры, графини глосстерской, осыпалъ другими чрезвычайно щедрыми наградами. Въ началѣ слѣдующаго года, отправляясь во Францію, за своей невѣстой Изабеллой, Эдуардъ II назначилъ Гевстона правителемъ Англіи въ свое отсутствіе. Само собою разумѣется, что англійскіе вельможи возненавидѣли иноземца, захватившаго въ свои руки короля и государство, а онъ сталъ высокомѣренъ до безразсудства. Человѣкъ очень тщеславный, онъ хотѣлъ превосходить всѣхъ вельможъ своей роскошью, оскорблялъ знатнѣйшихъ изъ нихъ насмѣшками и сплетнями, сомохвально выставлялъ на показъ свою власть надъ королемъ.

24 января 1308.

Англійскіе вельможи не хотѣли выносить такого позора. Многіе изъ нихъ заключили между собою договоръ принудить короля къ тому, чтобъ онъ удалилъ наглаго фаворита, и поклялись не измѣнять другъ другу. Они говорили: «Если король поступаетъ во вредъ своему сану, то его вѣрные подданные обязаны по присягѣ, данной ему, возвратить его къ благоразумію». Эдуардъ не отважился воспротивиться ихъ требованію; уступка имъ была тѣмъ неотвратимѣе, что изъ Шотландіи приходили дурныя вѣсти: Робертъ Брусъ тѣснилъ тамъ англичанъ, заключилъ союзъ съ королемъ французскимъ, и должно было опасаться, что скоро онъ возстановитъ независимость своей родины. Итакъ, Эдуардъ уступилъ баронамъ, но всетаки не сдѣлалъ того, чего хотѣли они: онъ удалилъ отъ себя Гевстона, но не изгналъ его изъ королевства, какъ требовали бароны, а назначилъ намѣстникомъ въ Ирландію и самъ проводилъ его до Бристоля. Лѣтомъ слѣдующаго (1309) года, Гевстонъ возвратился въ Англію; безхарактерный Эдуардъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, осыпалъ новыми милостями, и его вліяніе на государственныя дѣла стало сильнѣе прежняго. Бароны и духовные сановники взволновались, грозно потребовали прекращенія постыднаго произвола. Въ мартѣ 1310 года Эдуардъ принужденъ былъ согласиться на ихъ требованіе, чтобы учрежденъ былъ комитетъ для содѣйствія королю въ управленіи дѣ-

Оппозиція вельможъ. Пораженія англичанъ въ Шотландіи 1309—1311.

лами и для устраненія безпорядка въ государственномъ хозяйствѣ. Этотъ комитетъ былъ составленъ изъ 21 члена по выбору бароновъ и духовныхъ сановниковъ. Большинство членовъ были бароны, остальные были выбраны изъ духовныхъ сановниковъ. Эдуардъ хотѣлъ ускользнуть изъ-подъ власти правительственнаго комитета, отправившись на войну съ шотландцами (въ февралѣ 1311 года); но ему не удалось пріобрѣсти успѣховъ, которые возвратили-бъ ему уваженіе народа: бароны не желали участвовать въ походѣ, которымъ распоряжался Гевстонъ, сопровождавшій короля. Брусъ благоразумно уклонялся отъ рѣшительной битвы; Эдуардъ не могъ принудить его къ ней и вынужденъ былъ отступить; Робертъ Брусъ при содѣйствіи Дугласовъ, фамилія которыхъ прославилась подвигами въ этой войнѣ, овладѣлъ всей Шотландіей, оттѣснилъ Эдуарда за шотландскую границу, сталъ осаждать Пертъ, Эдинбургъ, Стирлингъ и другія крѣпости, въ которыхъ оставались англійскіе гарнизоны.

Ограниченіе королевской власти 1311.

Эдуардъ былъ безсиленъ продолжать борьбу съ Робертомъ Брусомъ. Казна его была пуста, англичане были не расположены дать ему денегъ, у него не было средствъ набрать иноземныхъ наемниковъ, англичане не хотѣли идти подъ его знамена. Парламентъ, пользуясь безпомощнымъ положеніемъ, въ какое поставилъ себя Эдуардъ безразсудствами и пороками, рѣшилъ ограничить королевскую власть, оградить націю отъ произвола, упрочить свободу народа.

Постановленія бароновъ.

Въ концѣ 1311 года парламентъ, собравшійся въ Лондонѣ, принялъ по предложенію правительственнаго комитета рядъ рѣшеній, ограничивавшихъ королевскую власть. Онъ возобновилъ воспрещеніе взимать налоги, не утвержденные парламентомъ, воспретилъ произвольные денежные штрафы, уничтожилъ вредившія англійской торговлѣ пошлины съ вывоза шерсти и шкуръ, отнялъ у королевскихъ любимцевъ имѣнья, пожалованныя королемъ, объявилъ, что король не можетъ жаловать коронныхъ земель безъ согласія парламента; постановилъ, что король не можетъ безъ разрѣшенія парламента вести войну или уѣзжать за границу, что назначенія на государственныя должности должны быть предлагаемы на утвержденіе парламента, что всѣ должностныя лица при вступленіи въ должность должны давать присягу на вѣрность Великой Хартіи, что жалобы на дѣйствія должностныхъ лицъ подлежатъ суду коммиссіи, назначаемой парламентомъ. Кромѣ того, парламентъ требовалъ, чтобы король согласился смягчить законы, охранявшіе дикихъ животныхъ въ королевскихъ лѣсахъ. Парламентъ требовалъ также улучшеній въ судопроизводствѣ и ограниченія власти короля отмѣнять наказанія, постановленныя судомъ. Но самымъ важнымъ требованіемъ было то, чтобы король обязался ежегодно созывать парламентъ. Къ этимъ рѣшеніямъ была присоединена записка, перечислявшая противузаконные поступки Гевстона; она требовала, чтобъ онъ навсегда былъ изгнанъ изъ всѣхъ владѣній англійской короны, чтобъ удалены были отъ двора его другъ, французскій вельможа, Генрихъ Бомонъ (Бьюмонтъ) и его сестра, Лэди Веси, и чтобъ у нихъ были отобраны коронныя имѣнья, пожалованныя королемъ.

Рѣшенія, принятыя парламентомъ по предложенію комитета распорядителей (или правителей, ordainers), очень сильно ограничивали королевскую власть; но слабый, робкій Эдуардъ согласился на нихъ, и они были обнародованы шерифами по всему государству. Гевстонъ нашелъ надобнымъ удалиться на нѣкоторое время изъ королевства; съ рекомендательными письмами короля онъ отправился во Фландрію. Король очень горевалъ о разлукѣ съ нимъ и тяготился зависимостью отъ комитета распорядителей. Потому Гевстонъ черезъ два мѣсяца тайно возвратился въ Англію; Эдуардъ снова сталъ поступать по совѣтамъ своего любимца, отправился въ Йоркъ, чтобъ избавиться отъ надзора правительственнаго комитета, и началъ готовиться къ борьбѣ съ нимъ. Раздраженные вѣроломствомъ Эдуарда, бароны снова собрались въ Лондонѣ; вождями ихъ были Томасъ, графъ ланкастерскій, и Робертъ Уинчельси, архіепископъ кентерберійскій. Въ храмѣ Св. Павла они поклялись дѣйствовать единодушно, объявили, что государство не будетъ пользоваться спокойствіемъ, пока остается въ Англіи Гевстонъ, рѣшили, что графы поѣдутъ въ свои области и призовутъ рыцарей и народъ къ оружію для возстановленія законнаго порядка. Душою дѣла былъ графъ ланкастерскій, богатѣйшій землевладѣлецъ Англіи, близкій родственникъ королей французскаго и англійскаго. Онъ былъ сынъ Эдмонда, брата Эдуарда I (того Эдмонда, которому отецъ Генрихъ III желалъ доставить сицилійскую корону). Его мать, жена Эдмонда, была Бланка Артуасская, внука Людовика VIII. Отъ отца онъ наслѣдовалъ кромѣ графства ланкастерскаго, графства лесстерское и дербійское, бывшіе ленами Симона Монфора, а черезъ женитьбу на дочери-наслѣдницѣ Генриха де Леси, онъ былъ наслѣдникомъ графствъ линкольнскаго и сользберійскаго. Его тесть, бывшій прежде усерднымъ приверженцемъ короля, говорилъ ему теперь, что дѣло бароновъ — святое народное дѣло, и что онъ обязанъ выступить на защиту правъ націи, помочь баронамъ въ дѣлѣ избавленія страны отъ владычества иноземца.— Дѣйствительно, для возстановленія законнаго порядка необходимо было устранить Гевстона отъ короля. Не имѣя силы биться съ баронами въ открытомъ полѣ, Гевстонъ заперся въ Скарборо, крѣпкомъ замкѣ на морскомъ берегу въ графствѣ нортомберлэндскомъ. Графъ пемброкскій осадилъ этотъ замокъ, не слушая запрещенія короля, и принудилъ Гевстона сдаться на капитуляцію. Графъ пемброкскій обѣщалъ Гевстону, что будетъ держать его въ своемъ замкѣ Уоллингфордѣ и охранять его жизнь до рѣшенія его судьбы парламентомъ. Но Гью, графъ уорвикскій, ожесточенный врагъ Гевстона, ворвался ночью съ отрядомъ вооруженныхъ людей въ Уоллингфордъ и увелъ плѣнника въ свой замокъ. Тамъ онъ и три другіе графа образовали изъ себя судъ, приговорили Гевстона къ смерти; графъ ланкастер-

Томасъ, графъ ланкастерскій. Смерть Гевстона 1312.

скій велѣлъ отвезти его въ одно изъ своихъ владѣній и отрубить
19 іюня 1312. ему голову.

Безсиліе короля.

Эдуардъ пришелъ въ ярость при извѣстіи о казни своего любимца; онъ былъ безсиленъ отмстить могущественнымъ вельможамъ, но постоянно думалъ наказать ихъ при первой возможности. Друзья Гевстона, Гью Спенсеръ, Бьюмонтъ и другіе поддерживали въ Эдуардѣ эту мысль. Смерть Гевстона уничтожила въ нѣкоторыхъ вельможахъ опасеніе, что возстановится самовластіе, они примирились съ королемъ; въ числѣ ихъ находился могущественный графъ глосстерскій. Такимъ образомъ, комитетъ распорядителей ослабѣлъ. Но Эдуардъ былъ такъ робокъ и безхарактеренъ, что все еще не могъ бороться съ нимъ. Потому постановленія, принятыя въ 1311 году, не были отмѣнены; но комитетъ распорядителей не имѣлъ теперь силы строго требовать ихъ исполненія.

Битва при Баннокборнѣ 1314.

Между тѣмъ Робертъ Брусъ при содѣйствіи Дугласа, Морре и другихъ шотландскихъ вельможъ овладѣлъ крѣпостями и упрочилъ свою власть этими успѣхами. Эдуардъ рѣшился наконецъ предпринять походъ въ Шотландію; онъ надѣялся, что національное чувство и жажда славы прекратятъ раздоры въ Англіи, приведутъ сопротивлявшихся ему бароновъ подъ королевское знамя. Вожди оппозиціи, графы ланкастерскій, соррейскій, аронделъскій и уорвикскій отказались участвовать въ походѣ, потому что король не испросилъ на него согласія парламента. Но всетаки собралось къ Эдуарду болѣе 100.000 воиновъ. Еще никогда не было видано въ Англіи такого многочисленнаго войска. Эдуардъ повелъ его въ Шотландію. Войско Роберта Бруса было гораздо слабѣе числомъ; но въ болотистой мѣстности у ручья Баннокборна шотландцы одержали полную
24 іюня 1314. побѣду. Графъ глосстерскій, знаменитый военачальникъ Клиффордъ и болѣе 200 другихъ вельможъ были убиты. Самъ Эдуардъ едва спасся. Шотландцы были обязаны побѣдой военному таланту Роберта Бруса; она окончательно упрочила его престолъ. Эдуардъ взялъ съ собою въ походъ кармелитскаго монаха Бастона, считавшагося очень хорошимъ поэтомъ; король англійскій хотѣлъ, чтобы Бастонъ прославилъ своими пѣснями побѣды, которыя одержитъ онъ. Бастонъ попался въ плѣнъ, и Робертъ Брусъ заставилъ его сложить пѣсню въ славу побѣды шотландцевъ. Послѣдній укрѣпленный городъ, остававшійся у англичанъ въ Шотландіи, Стирлингъ, сдался Роберту Брусу, и шотландцы подступили къ пограничнымъ англійскимъ крѣпостямъ.

Возстаніе въ Ирландіи 1315—1318.

Пораженіе англійскаго короля при Баннокборнѣ ободрило ирландцевъ. Они вступили въ сношенія съ шотландцами; союзъ былъ заключенъ тѣмъ легче, что горные шотландцы были соплеменники ирландцевъ. Робертъ Брусъ послалъ въ Ольстеръ своего брата Эдуарда, человѣка честолюбиваго и храбраго. Ирландцы взялись за оружіе. При помощи шотландцевъ они могли бы вполнѣ освободиться отъ англійскаго ига, если бы князья ихъ

не ссорились между собою; но при ихъ раздорахъ англійскій военачальникъ Роджеръ Мортимеръ Уигморскій, могущественный вельможа, имѣвшій обширныя владѣнія на уэльзской границѣ и хорошее войско, состоявшее изъ его вассаловъ, успѣшно велъ войну съ инсургентами. Эдуардъ Брусъ былъ убитъ 14 октября 1318 года; отрубленная голова его была послана къ англійскому королю; тѣло его было разрублено на нѣсколько частей; эти куски были повѣшены на стѣнахъ ирландскихъ городовъ. Но ирландцы продолжали сопротивляться; партизанская война много лѣтъ опустошала Ирландію.

Борьба Эдуарда II съ баронами 1318—1320.

Англія сильно пострадала отъ пораженія при Баннокборнѣ. Дугласъ Черный и другіе вожди шотландцевъ дѣлали набѣги на сѣверныя графства. Нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ и моръ скота произвели во всемъ королевствѣ ужасный голодъ. Толпы нищихъ бродили по Англіи; разбойничьи шайки грабили по дорогамъ; владычествовала анархія; общественный порядокъ казался близкимъ къ паденію. Борьба короля съ баронами возобновилась. Вождь оппозиціи, графъ ланкастерскій, стремился возстановить парламентское управленіе; Эдуардъ надѣялся при содѣйствіи папы захватить произвольную власть. Чтобы не созывать парламента, онъ выпрашивалъ у духовенства и городовъ такъ называемые добровольные подарки и дѣлалъ займы. Онъ и графъ ланкастерскій обвиняли другъ друга въ тайныхъ сношеніяхъ съ Робертомъ Брусомъ. Папскіе легаты напрасно старались примирить англичанъ съ шотландцами, англійскаго короля съ баронами. Робертъ Брусъ, раздраженный тѣмъ, что Эдуардъ не хотѣлъ признавать за нимъ королевскаго титула, прервалъ переговоры, пошелъ въ сѣверную Англію, взялъ Бервикъ и нѣсколько замковъ въ графствѣ йоркскомъ; папа отлучилъ его отъ церкви, онъ пренебрегалъ этимъ. Переговоры Эдуарда съ графомъ ланкастерскимъ тоже разстроились. Въ октябрѣ 1318 года король согласился принять условія, предложенныя оппозиціей, но онѣ были такъ унизительны, что примиреніе не могло быть прочнымъ. Эдуардъ обѣщался соблюдать всѣ постановленія комитета распорядителей, удалить отъ себя прежнихъ совѣтниковъ, не дѣлать ничего безъ утвержденія назначенной баронами коммиссіи, состоявшей изъ двухъ епископовъ и трехъ бароновъ; эта коммиссія постоянно находилась при немъ и контролировала всѣ его дѣйствія. Онъ надѣялся, что этими уступками пріобрѣтетъ себѣ помощь бароновъ для новаго похода въ Шотландію. Онъ собралъ войско и въ 1319 году двинулся на шотландцевъ, осадилъ Бервикъ; но зять Роберта, Уольтеръ Стьюартъ, начальствовавшій въ этой крѣпости, храбро оборонялся. Эдуардъ былъ принужденъ отступить. Робертъ Брусъ, Дугласъ и Морре снова вошли въ сѣверную Англію и опустошали ее. Они разрушили или сожгли 84 города и большія селенія. Народъ сѣверной Англіи въ отчаяньи требовалъ мира, но было заключено только перемиріе на два года.

Гью Спенсеръ.

Графъ ланкастерскій держалъ себя въ шотландскомъ походѣ такъ двусмысленно, что Эдуардъ обвинялъ его въ сношеніяхъ съ Робертомъ Брусомъ. Вражда между нимъ и Эдуардомъ усилилась, когда король совершенно подчинился вліянію своего любимца Гью Спенсера и его отца. Женившись на дочери-наслѣдницѣ графа глосстерскаго, Гью Спенсеръ пріобрѣлъ обширныя владѣнія на уэльзской границѣ; Эдуардъ назначилъ его лордомъ-каммергеромъ, онъ сталъ самовластвовать, прикрываясь именемъ короля, какъ прежде Гевстонъ. Нуженъ былъ лишь какой-нибудь случайный поводъ, чтобы раздраженные бароны взялись за оружіе. Поводомъ послужила алчность королевскаго фаворита: онъ хотѣлъ выпросить себѣ у короля лены, сосѣдніе съ его владѣніями. Графъ герифордскій, Мортимеры, Джонъ Мобре и другіе вельможи западной Англіи не хотѣли допустить этого увеличенія могущества королевскаго фаворита и въ іюнѣ 1321 года вступили въ коалицію съ графомъ ланкастерскимъ; они обѣщались другъ другу не примиряться съ королемъ, пока не захватятъ въ плѣнъ, или не прогонятъ изъ Англіи Гью Спенсера и его отца, собрали войско, пошли въ Лондонъ, прочли королю въ засѣданіи парламента записку, перечислявшую преступленія Гью Спенсера и его отца, потребовали, чтобъ оба они были навсегда изгнаны изъ королевства. Трусливый и безхарактерный Эдуардъ согласился на все.

Подавленіе оппозиціи. Смерть графа ланкастерскаго.

Рѣзкость, съ какою поступили графъ ланкастерскій и его союзники, произвела перемѣну въ настроеніи народа. Духовенство громко порицало ихъ дерзость. Графы кентскій, пемброкскій, ричмондскій, арондельскій объявили, что дали свое согласіе на изгнаніе Спенсеровъ, только вынужденные къ тому угрозами; низшее дворянство и горожане стали опасаться, что бароны захватятъ всю власть въ государствѣ. Неосторожный поступокъ одного изъ вельможъ возбудилъ негодованіе народа: одинъ изъ союзниковъ графа ланкастерскаго не пустилъ въ свой замокъ королеву, ѣхавшую въ Кентербери и желавшую отдохнуть. Король воспользовался этимъ случаемъ, пошелъ къ замку оскорбителя королевы, овладѣлъ замкомъ, строго наказалъ сопротивлявшійся гарнизонъ, вызвалъ Спенсеровъ въ Англію, собралъ войско и пошелъ въ западную Англію подавить коалицію бароновъ (владѣнія графа ланкастерскаго и его союзниковъ находились бо́льшею частью въ занадной Англіи). Мортимеры и нѣкоторые другіе вожди оппозиціи послѣ упорной обороны явились къ Эдуарду въ Шрузбери съ заявленіемъ покорности. Другіе ушли къ графу ланкастерскому и вступили въ переговоры съ вождями шотландскихъ вельможъ Джемсомъ Дугласомъ и Рандольфомъ Морре. Они обѣщались поддерживать право Роберта Бруса на шотландскую корону, шотландцы обѣщались не дѣлать завоеваній въ Англіи. Но Эдуардъ, собравшій большое войско, быстро пошелъ въ графство йоркское, гдѣ сосредоточили свои силы англійскіе инсургенты. Гаркле, привер-

женецъ Эдуарда, начальствовавшій гарнизономъ крѣпости Карлейля, искуснымъ движеніемъ завлекъ англійскихъ инсургентовъ въ сраженіе при Боробриджѣ на берегу Оузы. Не дождавшись своихъ шотланскихъ союзниковъ, они увидѣли себя въ такомъ безвыходномъ положеніи, что сдались. Въ числѣ плѣнниковъ находились графъ ланкастерскій, Клиффордъ, Мобре и около ста другихъ знатныхъ людей. Король пришелъ въ восторгъ отъ извѣстія объ этомъ и подвергъ своихъ противниковъ безпощадному мщенію. Онъ предалъ ихъ суду, членами котораго назначилъ дружившихъ ему бароновъ. Эти усердные слуги короля объявили графа ланкастерскаго и важнѣйшихъ друзей его виновными въ мятежническомъ союзѣ съ шотландцами и приговорили ихъ къ смерти. По закону казнь мятежниковъ была соединена съ мучительнымъ униженіемъ: мятежника привязывали къ хвосту лошади; она тащила его къ висѣлицѣ. Это было исполнено надъ Клиффордомъ, Мобре, другими баронами; нѣкоторые изъ нихъ были преданы смерти въ Понтефрактѣ, другіе въ Йоркѣ. Но совѣтники Эдуарда разсудили, что народъ подвергъ бы короля сильному порицанію, если бъ графъ ланкастерскій, близкій родственникъ королевской династіи, былъ преданъ позорной смерти; надобно было казнить его тѣмъ способомъ, который не считался унизительнымъ. Потому было рѣшено отрубить ему голову. Такъ погибъ могущественный вельможа, владѣтель пяти графствъ. Томасъ, графъ ланкастерскій, не былъ особенно даровитымъ полководцемъ или государственнымъ человѣкомъ, не былъ одаренъ геройской твердостью характера; но онъ былъ защитникъ правъ народа; англичане долго чтили намять его, какъ мученика, погибшаго за народъ. Владѣнія казненныхъ были конфискованы и тотчасъ же розданы любимцамъ короля. Эдуардъ снова предоставилъ Гью Спенсеру полнѣйшій произволъ; молодой человѣкъ буйствовалъ, развратничалъ; дѣлами управлялъ его отецъ, сдѣланный графомъ уинчестерскимъ и получившій много новыхъ леновъ. 16 марта 1322.

Подавивъ возстаніе, король созвалъ парламентъ въ Йоркъ. Это собраніе приверженцевъ Эдуарда и совершенно запуганныхъ людей отмѣнило постановленія комитета распорядителей. Для того, чтобъ не могли повторяться такіе случаи, какими пользовалась оппозиція въ прежнія времена, йоркскій парламентъ постановилъ, что никакія соглашенія короля съ вооруженными баронами не имѣютъ законной силы, что совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ должны быть ведены исключительно въ засѣданіяхъ парламента, и силу закона имѣютъ только постановленія, принятыя королемъ въ парламентѣ съ одобренія духовныхъ сановниковъ, бароновъ и депутатовъ общинъ королевства (то есть депутатовъ отъ графствъ и городовъ). Непосредственной цѣлью этого постановленія было отнять у бароновъ возможность принуждать короля къ принятію ихъ требованій; но оно

Установленіе новыхъ законовъ. Май 1322

было важнымъ шагомъ къ упроченію парламентской формы правленія. Думая обезпечить свое владычество, Спенсеры и друзья ихъ на самомъ дѣлѣ ограничили власть короля, отъ имени котораго правили государствомъ, и мало-по-малу вошло въ обычай, что король долженъ править только по согласію съ вельможами и депутатами общинъ.

Неудачи Эдуарда. Возобновленіе волненій въ Англіи 1323.

Но законный порядокъ управленья государствомъ установился нескоро. Свирѣпая казнь графа ланкастерскаго и его союзниковъ не принесла пользы Эдуарду. Онъ пошелъ въ Шотландію, но потерпѣлъ тамъ неудачи и принужденъ былъ отступить. Гаркле, котораго за побѣду надъ графомъ ланкастерскимъ король сдѣлалъ графомъ карлейльскимъ, вступилъ въ измѣнническія сношенія съ Робертомъ Брусомъ; впрочемъ его измѣна была узнана и его повѣсили. Мортимеръ, находившійся подъ стражей въ Тоуэрѣ, бѣжалъ изъ темницы; это было бы невозможно, если-бъ у него не было сильныхъ друзей; и стало ясно, что запуганная оппозиція не уничтожена. Произволъ и жестокость озлобленнаго Эдуарда, самовластіе Спенсеровъ возбуждали ропотъ; неудовольствіе увеличивалось тѣмъ, что подверглись преслѣдованію епископы и вельможи, которыхъ Спенсеры подозрѣвали въ сочувствіи друзьямъ графа ланкастерскаго и въ содѣйствіи бѣгству Мортимера; особенно порицалъ народъ короля за гоненіе на Орельтона (Orleton), епископа герифордскаго. Внутри государства не было законнаго порядка; во внѣшнихъ дѣлахъ правительство подвергалось пораженіямъ: потерявъ власть надъ Шотландіей, Эдуардъ запутался въ войну съ королемъ французскимъ; она пошла очень дурно.

Война съ Франціей 1325.

Новый король французскій Карлъ IV при своемъ вступленіи на престолъ потребовалъ, чтобъ Эдуардъ пріѣхалъ къ нему лично дать ленную присягу на вѣрность, какъ вассалъ французскаго короля по своему владѣнію Гіэнью и Гасконью. Эдуардъ не согласился на это. Карлъ сталъ помогать тѣмъ вельможамъ Гіэни, которые хотѣли перейдти изъ англійскаго подданства во французское, и овладѣлъ англійскими областями на Гароннѣ. Эдуардъ и Спенсеры въ досадѣ на это стали оскорблять королеву Изабеллу, сестру Карла, и находившихся при ней французскихъ вельможъ и дамъ. Эдуардъ уменьшилъ выдачу денегъ на содержаніе жены и выгналъ изъ Англіи ея французскую свиту. Она была глубоко оскорблена, но скрыла свою досаду, обращалась съ мужемъ любезно, убѣждала его позволить ей ѣхать въ Парижъ, говорила, что, если онъ отпуститъ ее, она помиритъ его съ своимъ братомъ. Онъ отпустилъ ее, и въ іюнѣ 1325 года она при содѣйствіи папскаго легата дѣйствительно заключила съ братомъ договоръ: Карлъ обѣщался возвратить Эдуарду всю Гіэнь, удержавъ за собой только ажанскую область; Изабелла отъ имени мужа обѣщалась, что онъ пріѣдетъ въ Бове́ лично дать присягу королю французскому. Но Спенсеры не отпускали Эдуарда во Францію,

Отъѣздъ Изабеллы во Францію.

опасаясь, что Изабелла пріобрѣтетъ вліяніе на мужа и устранитъ ихъ. По ихъ внушенію, король вмѣсто того, чтобы поѣхать самъ для принесенія присяги по сану герцога гіэнскаго, передалъ свои владѣнія въ южной Франціи сыну, бывшему въ то время 13 лѣтнимъ мальчикомъ, и послалъ его присягнуть на вѣрность Карлу. Изабелла удержала сына при себѣ и съ мѣсяца на мѣсяцъ отлагала возвращеніе въ Англію.

Мортимеръ, бѣжавшій изъ Тоуэра, жилъ при французскомъ дворѣ; онъ пріобрѣлъ полное довѣріе Изабеллы; черезъ него она вошла въ сношенія съ недовольными англійскими вельможами. Эдуардъ писалъ письма къ женѣ, отправлялъ пословъ съ просьбами, чтобъ она возвратилась. Она объявила, что пока Гью Спенсеръ стоитъ между нею и мужемъ, она не можетъ жить при мужѣ спокойно и должна носить трауръ, какъ вдова. Убѣждалъ ее вернуться въ Англію и самъ папа; оказалось напраснымъ и это. Въ Англіи была молва, что королева живетъ въ любовной связи съ Мортимеромъ; но масса англичанъ всетаки склонялась на ея сторону по ненависти къ невыносимому самовластію Спенсеровъ. Даже люди, бывшіе усердными приверженцами короля, какъ напримѣръ, епископы уинчестерскій и норвичскій, и Генрихъ Бьюмонтъ, графъ ричмондскій, вошли въ тайныя сношенія съ королевой. Спенсеры начали жестоко преслѣдовать ея приверженцевъ и готовились къ войнѣ съ Франціей. Это заставило королеву принять рѣшительныя мѣры. Она знала, что англичане готовы къ возстанію, пріобрѣла содѣйствіе графа голландскаго, обѣщавшись женить своего сына на его дочери, приняла на свою службу его брата Жана, графа геннегаускаго, искуснаго полководца, набрала наемниковъ и въ сентябрѣ 1326 года поплыла въ Англію. Король хотѣлъ отразить ее отъ берега, созывалъ войско, снарядилъ флотъ; но воины и матросы по ненависти къ Спенсерамъ не хотѣли мѣшать высадкѣ королевы. Изабелла, имѣвшая при себѣ сына, вышла съ Мортимеромъ, графомъ ричмондскимъ и другими приверженцами на англійскій берегъ у Гарвича (въ графствѣ соффолькскомъ); вельможи и епископы поѣхали къ ней. Присоединились къ ней даже братья короля. Города и торговыя корпораціи помогали ей деньгами. Эдуардъ скоро увидѣлъ себя въ отчаянномъ положеніи. Его просьба о помощи была отвергнута гражданами Лондона; онъ въ сопровожденіи Гью Спенсера и канцлера Бальдока уѣхалъ на западъ. Изабелла съ сыномъ вступила въ столицу при радостныхъ привѣтствіяхъ народа. Чернь убила епископа экситерскаго, одного изъ ненавистныхъ прислужниковъ Эдуарда, и взоткнувъ на шестъ его голову, носила ее по улицамъ. Изабелла съ сыномъ и съ Эдмондомъ, графомъ кентскимъ, старшимъ изъ братьевъ короля, пошла на западъ избавить мужа отъ его преступныхъ совѣтниковъ, освободить государство и церковь, какъ говорила объ этомъ ея прокла-

Возвращеніе Изабеллы въ Англію 1326.

Низверженіе Спенсеровъ.

мація къ народу. На пути войско ея росло съ каждымъ днемъ. Отецъ Гью Спенсера, графъ уинчестерскій, 90 лѣтній старикъ, былъ схваченъ раздраженною толпою въ Бристолѣ; его подвергли страш-
26 октября. нымъ мученіямъ, повѣсили, изрубили на куски его тѣло. Король съ Гью Спенсеромъ и Бальдокомъ бѣжалъ въ Уэльзъ, хотѣлъ уплыть въ Ирландію. Но бури мѣшали отъѣзду. Король и его спутники прятались въ Гламорганѣ, но скоро были найдены и отвезены подъ стражу въ разные замки. Изабелла и ея сторонники начали дѣло мщенія. Эдмондъ, графъ аронделъскій, женившійся на сестрѣ Гью Спенсера, и два другіе вельможи были повѣшены. Бальдока привезли въ Лондонъ; толпа народа бросилась на него, избила его такъ, что черезъ нѣсколько недѣль онъ умеръ. Гью Спенсеръ и его другъ Симонъ Ридингъ были повѣшены на висѣлицы въ 50 футовъ вышиной. Потомъ отрубили голову Гью Спенсеру и выставили ее на стѣнѣ Тоуэра.

Низложеніе короля 1327. Королева созвала парламентъ. Онъ собрался въ Уэстминстерѣ 7 января (1327 года) и началъ совѣщаться о томъ, какъ устроить порядокъ въ государствѣ. Рѣшеніе было принято впередъ, совѣщаніе было только формой. Былъ прочтенъ обвинительный актъ, перечислявшій преступленія короля. Парламентъ объявилъ короля низложеннымъ, объявилъ его сына королемъ. Сынъ, называвшійся тоже Эдуардомъ, сказалъ, что не можетъ принять корону безъ согласія отца. Парламентъ отправилъ депутацію въ Кенильуортъ, гдѣ находился подъ стражей Эдуардъ II. Члены депутаціи были избраны изъ всѣхъ четырехъ сословій, составлявшихъ парламентъ (изъ епископовъ, бароновъ, депутатовъ графствъ и депутатовъ городовъ). Главой посольства былъ назначенъ Орельтонъ, епископъ герифордскій, ожесточенный врагъ низложеннаго короля. Несчастный Эдуардъ вышелъ въ траурной одеждѣ къ посольству; увидѣвъ Орельтона, онъ упалъ безъ чувствъ. Когда онъ оправился отъ обморока, ему былъ прочтенъ приговоръ парламента, перечислявшій его преступленія. Ему сказали, что если онъ не отречется отъ престола, его дѣти будутъ лишены наслѣдства, корона будетъ отдана другой фамиліи; онъ оробѣлъ, отвѣчалъ, что покорится волѣ народа и отречется отъ престола въ пользу сына. Посольство возвратилось съ этимъ извѣстіемъ въ Уэстминстеръ; Эдуардъ III былъ провозглашенъ королемъ англійскимъ и принялъ корону. Эдуардъ II прожилъ
24 января. Смерть Эдуарда II. послѣ своего низложенія только восемь мѣсяцевъ. Жена безжалостно отказывалась принимать его просьбы; его содержали очень сурово,
27 сентября 1327. перевозили изъ замка въ замокъ; наконецъ въ замкѣ Беркли два сторожа, приставленные къ нему, убили его мучительнымъ образомъ. Они совершили злодѣйство такъ, чтобы на тѣлѣ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ насилія; только искаженныя черты лица показывали, что несчастный умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ. На

сколько виновны были въ этомъ преступленіи королева или Мортимеръ, мы не знаемъ. Ни одинъ изъ англійскихъ королей не подвергался въ свое царствованіе такимъ оскорбленіямъ, какъ Эдуардъ II, и ни одинъ не погибъ такою мучительною смертью.

---

6. Первые годы царствованія Эдуарда III.

По коронованіи Эдуарда III, парламентъ постановилъ рядъ рѣшеній, отмѣнявшихъ противузаконныя распоряженія, сдѣланныя отъ имени Эдуарда II его любимцами и прислужниками ихъ. Приговоръ, произнесенный надъ Томасомъ, графомъ ланкастерскимъ, былъ объявленъ незаконнымъ, и конфискованныя владѣнія его были отданы законному наслѣднику, брату его Генриху; точно такъ же были объявлены незаконными всѣ другіе приговоры надъ друзьями Томаса ланкастерскаго и другими противниками Спенсеровъ. Правительство вступило въ переговоры объ окончательномъ мирѣ съ Франціей. Побѣдители не забыли своихъ выгодъ. Роджеръ Мортимеръ, любовникъ Изабеллы, былъ сдѣланъ графомъ марчскимъ (то есть правителемъ области, пограничной съ Уэльзомъ и называвшейся Маркой, March); Жаку Геннегаускому было назначено большое жалованье; Изабелла взяла себѣ много имѣній и сокровищъ. Англійское войско было двинуто противъ Дугласа и графовъ морескаго и марскаго, снова вторгнувшихся въ сѣверную Англію; но вожди его ссорились между собой и терпѣли неудачи въ сраженіяхъ съ шотландцами, привычными къ войнѣ и перенесенію всѣческихъ лишеній. Изабелла и Мортимеръ разсудили, что лучше будетъ примириться съ Робертомъ Брусомъ, и въ мартѣ 1328 года англійскій парламентъ, созванный въ Нортемптонѣ, утвердилъ договоръ, по которому Эдуардъ III отказался отъ притязаній на ленную власть надъ Шотландіей, призналъ ее независимымъ государствомъ, а Роберта Бруса, «своего возлюбленнаго союзника и друга», королемъ шотландскимъ. Для скрѣпленія дружбы было условлено, что сынъ Роберта, Давидъ, женится на сестрѣ Эдуарда, Іоаннѣ. Само собою понятно, что согласіе Эдуарда III на отреченіе отъ ленной власти надъ Шотландіей было не дѣломъ его личной воли: онъ не имѣлъ еще никакого вліянія на дѣла, государствомъ правили отъ его имени Изабелла и Мортимеръ. Знаки королевскаго сана, увезенные дѣдомъ молодого короля, Эдуардомъ I, изъ Шотландіи, были переданы Роберту Брусу. Но граждане Лондона не дозволили увезти тотъ каменный престолъ, на которомъ короновались прежніе шотландскіе короли.

Миръ съ Шотландіей.

Смерть Роберта Бруса 1329.

Такимъ образомъ Робертъ Брусъ достигъ цѣли своихъ усилій. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ, оставивъ шотландцамъ совѣты о томъ, какъ они должны защищать свою независимость отъ англичанъ. Эти совѣты, называющіеся завѣщаніемъ добраго короля Роберта, пользовались большимъ уваженіемъ и были переложены въ латинскіе стихи. Робертъ Брусъ былъ похороненъ въ Донфермлейнѣ, и надъ его гробомъ въ церкви былъ поставленъ мраморный памятникъ. Но сердце его шотландцы должны были по его желанію отправить въ Іерусалимъ; исполнить это было поручено храброму его сподвижнику Джемсу Дугласу. На пути Дугласъ остановился въ южной Испаніи, чтобы принять участіе въ походѣ короля кастильскаго противъ мавровъ, и былъ убитъ въ сраженіи подъ Гранадой. Сердце Роберта Бруса было отвезено обратно въ Шотландію и погребено въ Мельрозскомъ аббатствѣ. Сынъ Роберта Давидъ былъ коронованъ въ Сконѣ 24 ноября 1331 года; ему было тогда только 8 лѣтъ; управленіе государствомъ до его совершеннолѣтія было поручено Рандольфу, графу мореского; въ слѣдующемъ году этотъ регентъ умеръ; шотландскіе вельможи назначили регентомъ графа Дональда марскаго.

Надменность Мортимера. Низверженіе его 1330.

Судьба Гевстона и Гью Спенсера не послужила предостереженіемъ для Мортимера. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Изабеллы, онъ устранялъ другихъ вельможъ отъ короля, нарушалъ права парламента и держалъ себя очень надменно. Онъ давалъ блестящіе турниры, великолѣпные праздники и, когда ѣхалъ по Лондону оффиціальнымъ образомъ, былъ окруженъ военной свитой. Друзья его получили богатые лены. Самовластіе, роскошь и высокомѣріе его оскорбляли народъ и вельможъ. Составился заговоръ противъ него и Изабеллы. Въ народѣ была распространена молва, что Эдуардъ II живъ. Мортимеръ видѣлъ, что готовится возстаніе, и хотѣлъ запугать своихъ противниковъ. Вождь оппозиціи, дядя короля, Эдмондъ, графъ кентскій, былъ арестованъ, осужденъ на смерть, какъ заговорщикъ, и казненъ 21 марта 1330 года; его владѣнія были конфискованы, жена и дѣти его брошены въ темницу. Но этой жестокостью Мортимеръ только ускорилъ свое паденіе. Эдуардъ III чувствовалъ себя теперь уже солиднымъ человѣкомъ: онъ былъ женатъ, у него родился сынъ (получившій тоже имя Эдуарда); онъ находилъ, что ему пора взять правленіе въ свои руки. Лордъ Уильямъ Монтегью раскрылъ ему интриги его матери и Мортимера; при содѣйствіи Монтегью онъ на съѣздѣ
Октябрь 1330. бароновъ въ Ноттингэмѣ, при свиданіи во дворцѣ, арестовалъ Мортимера и двухъ его друзей. Они были отправлены въ Тоуэръ. Созванному въ Уэстминстерѣ суду пэровъ былъ прочтенъ обвинительный актъ, перечислявшій преступленія Мортимера; пэры приговорили его къ смерти, и 29 ноября онъ былъ повѣшенъ на Тейборнскомъ холмѣ въ Лондонѣ. Его друзья, подозрѣваемые въ убійствѣ Эдуарда II, были повѣшены или бѣжали за границу. Изабелла была сослана въ одно изъ своихъ имѣній Рейзингсъ и жила тамъ, устраненная отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Епископъ Орельтонъ былъ подвергнутъ суду, но съумѣлъ избавиться отъ наказанія. Наслѣдни-

камъ Спенсеровъ и графовъ аронделъскаго и кентскаго были возвращены титулы и конфискованныя имѣнья. Въ послѣдствіи времени Эдуардъ III возвратилъ имѣнья и титулы наслѣдникамъ Мортимера.

Правленіе Беліоля 1332.

Въ Англіи возстановилось согласіе между королемъ и націею, какимъ давно ужь не пользовалась эта страна. Парламентъ, въ которомъ кромѣ бароновъ и духовныхъ сановниковъ засѣдали депутаты графствъ и городовъ, получилъ сильное вліяніе на государственныя дѣла. Король не установлялъ налоговъ, не издавалъ законовъ безъ его утвержденія, не дѣйствовалъ и въ иностранной политикѣ иначе, какъ съ его согласія. Англичане считали постыднымъ для себя договоръ, заключенный Изабеллой и Мортимеромъ съ Робертомъ Брусомъ. Эдуардъ III желалъ уничтожить его и возстановить ленную власть англійскаго короля надъ Шотландіей. Обстоятельства благопріятствовали этому. Нѣкоторые англійскіе вельможи, потерявшіе свои лены въ Шотландіи, не получали за нихъ вознагражденія, обѣщаннаго трактатомъ, и задумали произвести переворотъ въ Шотландіи. Сынъ взятаго англичанами въ плѣнъ Джона Беліоля, Эдуардъ, заявлялъ притязанія на шотландскую корону. Англійскіе бароны, желавшіе получить вознагражденіе за свои лены, вошли въ сношенія съ нимъ и съ фамиліею Коминовъ. Давидъ Брусъ былъ ребенокъ; графъ Дональдъ марскій, управлявшій Шотландіею, былъ человѣкъ бездарный. Заговорщики думали, что легко будетъ низвергнуть Давида, возвести на престолъ Эдуарда Беліоля, собрали войско, вошли въ Шотландію, разбили шотландцевъ; Эдуардъ Беліоль вступилъ въ Пертъ, короновался 4 октября 1332 года и призналъ себя вассаломъ англійскаго короля.

Побѣда при Галифонъ-Гиллѣ 1333.

Но быстрые успѣхи англійскихъ бароновъ и Эдуарда Беліоля оказались непрочны. Національная партія собрала новое войско, назначила регентомъ храбраго полководца Арчибальда Дугласа; онъ прогналъ Беліоля и его союзниковъ и преслѣдовалъ ихъ за шотландскую границу. Эдуардъ объявилъ вторженіе Дугласа въ сѣверныя графства Англіи нарушеніемъ нортемптонскаго мира, парламентъ одобрилъ мнѣніе короля, далъ ему денегъ на войну для отнятія Бервика у шотландцевъ и возстановленія власти англійскаго короля надъ Шотландіею. Въ маѣ (1333 года) Эдуардъ пошелъ въ Нортомберлендъ, взявъ съ собой Беліоля. Въ кровопролитной битвѣ (18 іюля) при Голидонъ Гиллѣ, англичане отмстили за банноборнское пораженіе. Регентъ Дугласъ, графы росскій, леннокскій, каррикскій, сотерлэндскій, множество шотландскихъ бароновъ и рыцарей легли на полѣ битвы; число убитыхъ воиновъ ихъ простиралось до 30.000 человѣкъ. Крѣпость Бервикъ сдалась. Въ ней поселились англійскіе купцы и ремесленники; сосѣднія земли были розданы англійскимъ вельможамъ. Эдуардъ пошелъ въ Шотландію; Давидъ и его жена Іоанна бѣжали въ Нормандію; всѣ города и замки южной Шотландіи

отъ Домфриза и Роксборга до Фортскаго залива покорились Эдуарду.
1334. Онъ назначилъ королемъ Шотландіи Беліоля, какъ своего вассала. Но лишь только возвратился онъ въ Англію, шотландская національная партія взялась за оружіе; вожди ея, графъ мореской и Уильямъ Дугласъ лиддисдельскій, побочный сынъ Джемза Дугласа, прогнали Беліоля и возобновили союзъ Шотландіи съ Франціей.

Новая война съ Шотландіей 1335—1337. На границѣ Англіи съ Шотландіей возобновилась опустошительная война и длилась три года; то англичане, то шотландцы подвигались впередъ, брали замки, увозили добычу, уводили плѣнныхъ; съ обѣихъ сторонъ было совершено много отважныхъ подвиговъ. При осадѣ Донбара англичанами сражались женщины подъ начальствомъ графини марской и оборонялись такъ храбро, что англичане вынуждены были со стыдомъ отступить. Рѣшительнаго перевѣса не достигли ни англичане, ни шотландцы; Эдуардъ и Беліоль не успѣли покорить Шотландію; Давидъ Брусъ и его сторонники отбивались отъ нихъ, но прогнать ихъ не могли.

---

7. Развитіе парламентскаго правленія въ Англіи.

Война съ Франціей 1338. Король французскій помогалъ шотландцамъ, и ссора Эдуарда съ нимъ усилилась до такой степени, что должно было ожидать войны. Эдуардъ III желалъ ея. Онъ заявилъ, что французскій престолъ долженъ принадлежать ему, какъ сыну Изабеллы, дочери Филиппа IV. сыновья котораго умерли, не оставивъ по себѣ сыновей. Онъ вступилъ въ союзъ съ государями Нидерландовъ и сѣверозападной Германіи; составилась какъ при Іоаннѣ коалиція, охватывавшая всю страну отъ устій Рейна до Кельна. Государи, бывшіе по нѣкоторымъ частямъ своихъ владѣній вассалами французскаго короля, какъ напримѣръ, графъ фландрскій и герцогъ брабантскій, нашли неудобнымъ сами выступить врагами Франціи; но города ихъ владѣній по разсчету торговыхъ выгодъ заключили договоры съ Англіей и признали Эдуарда королемъ французскимъ. На блестящемъ кобленцскомъ сеймѣ Эдуардъ старался привлечь къ участію въ войнѣ и короля нѣмецкаго Людвига Баварскаго. Парламентъ, въ которомъ постоянно росло значеніе депутатовъ графствъ и городовъ, одобрялъ намѣреніе Эдуарда защищать оружіемъ свое право на французскій престолъ и щедро давалъ ему деньги на войну съ Франціей. Сочувствіе парламента этой войнѣ объясняется тѣмъ, что масса англичанъ считала французовъ врагами величія англійской націи. Притомъ англичане полагали, что французскій король, помогавшій шотландцамъ, готовится къ нападенію на Англію. Французскіе корабли крейсировали по Ламаншу, высматривали на англійскомъ берегу удобныя для вы-

садки мѣста. Эдуардъ очень искусно дѣйствовалъ на патріотизмъ англичанъ. Его сановники читали по всей Англіи прокламаціи, въ которыхъ король перечислялъ обиды, уже много лѣтъ наносимыя ему Филиппомъ IV, поддерживающимъ шотландскихъ мятежниковъ, отнявшимъ у него французскій престолъ, готовящимся завоевать его владѣнія въ южной Франціи. Онъ достигъ своей цѣли; самъ парламентъ предложилъ ему начать войну съ Франціей, отвергнуть посредничество, которое хочетъ принять на себя папа; а когда Эдуардъ объявилъ войну, парламентъ не жалѣлъ денегъ на расходы. Духовенство согласилось три года давать королю десятую долю дохода съ своихъ владѣній, землевладѣльцы свѣтскаго сословія дали пятнадцатую долю своихъ доходовъ, города двѣ десятыхъ доли. Вельможи охотно шли сами подъ королевское знамя, вели своихъ вассаловъ. Торговыя корпораціи нѣмцевъ, фламандцевъ и ломбардцевъ въ Англіи давали Эдуарду огромныя суммы взаймы, разсчитывая, что его благосклонность вознаградитъ ихъ за эти услуги расширеніемъ ихъ привилегій.

Развитіе патріотизма и благосостоянія.

Патріотизмъ англичанъ достигъ большой горячности. Народъ, довольный уваженіемъ короля къ закону, чувствовалъ себя сильнымъ, и усердно помогая войнѣ съ Франціей, упрочивалъ свою свободу и законный порядокъ. Какъ въ сраженіяхъ единодушно бились вельможи и простолюдины, такъ и въ парламентѣ тѣ и другіе помнили, что должны помогать другъ другу въ охраненіи своихъ правъ. Депутаты графствъ и городовъ уже пріобрѣли себѣ право рѣшать вмѣстѣ съ вельможами вопросы о налогахъ и всѣ другія важныя дѣла; теперь сословія, совѣщавшіяся всѣ вмѣстѣ, нашли болѣе удобную форму своей парламентской дѣятельности: они мирно раздѣлились на два собранія; бароны и прелаты составили палату пэровъ, а депутаты графствъ и городовъ палату общинъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ парламентскаго правленья, развилась при Эдуардѣ III и другая основная сила могущества англійской націи, торговля и промышленность. Война требовала большихъ расходовъ; прежніе королевскіе доходы были недостаточны для нихъ; Эдуарду было необходимо заботиться объ увеличеніи своихъ денежныхъ средствъ. Онъ раздавалъ привилегіи иноземнымъ торговымъ корпораціямъ, имѣвшимъ факторіи въ Лондонѣ и другихъ англійскихъ городахъ, покровительствовалъ основанію новыхъ факторій; иноземные купцы платили ему за это подати, давали деньги взаймы. Такимъ образомъ торговля оставалась большею частью въ рукахъ иноземцевъ, главнымъ образомъ нидерландцевъ и ганзейцевъ, но англичане получали отъ нея такія огромныя выгоды, что Англія уже возбуждала своимъ богатствомъ удивленіе остальной Европы. Эдуардъ покровительствовалъ вывозу шерсти и кожъ, продажа которыхъ была очень важнымъ источникомъ дохода землевладѣльцевъ; таможенныя пошлины съ вывоза ихъ давали ему большія

суммы. Прежде англійская шерсть переработывалась въ ткани за границей, и сукно, сдѣланное изъ нея, привозилось въ Англію; желая удержать въ Англіи деньги, платившіяся за суконныя ткани, Эдуардъ покровительствовалъ переселенію фландрскихъ и брабантскихъ суконщиковъ въ Англію. Проводя много времени на материкѣ для войны съ французами, онъ видѣлъ, что нидерландцы получаютъ отъ своихъ суконныхъ фабрикъ большія выгоды и хотѣлъ доставить эти выгоды англичанамъ. При немъ началась выдѣлка суконъ въ Англіи. Предубѣжденіе противъ иноземцевъ ослабѣвало у англичанъ, число иноземныхъ купцовъ и фабрикантовъ, поселявшихся въ Англіи, увеличивалось. Такимъ образомъ Эдуардъ III, желая прославлять себя побѣдами, содѣйствовалъ развитію источниковъ національнаго богатства и упроченію парламентскаго правленья. Ему необходима была поддержка горожанъ, потому вліяніе ихъ на государственныя дѣла росло, и значеніе палаты общинъ возвышалось. Депутаты городовъ говорили въ парламентѣ очень скромнымъ языкомъ, называли свою палату «бѣдными и простодушными общинами», обращались съ почтительными просьбами къ «славному, трижды милостивому своему королю и господину», но ихъ просьбы были очень широки и настойчивы; они не соглашались давать денегъ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія, никогда не забывали интересовъ городского сословія, сильно возставали противъ произвола администраторовъ и духовныхъ сановниковъ. Эдуардъ находилъ надобнымъ поступать по ихъ желанію, и его правленіе получило отъ того демократическій характеръ.

Возростающее значеніе парламента.

Подобно Эдуарду I, Эдуардъ III желалъ править государствомъ самовластно. Но ужь и Эдуардъ I принужденъ былъ подчиняться парламенту. Внукъ его, постоянно имѣя надобность въ денежныхъ пособіяхъ для войны, еще чаще бывалъ принужденъ покупать согласіе парламента на новые налоги новыми уступками. Въ 1340 году парламентъ далъ ему на два года „девятый снопъ, девятое руно и девятаго ягненка“. Но подати, взимаемыя натурой, нельзя было собирать и обращать въ деньги такъ быстро, какъ нужно было для войны. Этому замедленію Эдуардъ приписывалъ неуспѣхъ своего похода къ Турне. Онъ подозрѣвалъ, что сборщики податей обманываютъ его, винилъ ихъ въ дурномъ оборотѣ своего похода; неожиданно возвратился въ Англію, устьемъ Темзы, пошелъ въ Тоуэръ; увидѣлъ, что эта цитадель охраняется небрежно, разсердился еще сильнѣй, велѣлъ арестовать верховнаго судью и другихъ правителей, назначилъ строгое слѣдствіе надъ ними, отдалъ ихъ должности другимъ. Въ особенности сердился онъ на Джона Стратфорта, архіепископа кентерберійскаго, бывшаго президентомъ правительственнаго совѣта. Джонъ Стратфортъ написалъ ему рѣзкимъ тономъ записку о противузаконности произвольныхъ арестовъ. Раздраженіе короля стало еще сильнѣе; онъ подвергъ Джона Стратфорта и другихъ прежнихъ членовъ совѣта обвиненію въ государственной измѣнѣ; но парламентъ не согласился признать ихъ виновными. Архіепископъ требовалъ освобожденія себѣ для участія въ засѣданіяхъ парламента; Эдуардъ нѣсколько дней удерживалъ его насиліемъ, наконецъ принужденъ былъ дозволить ему засѣдать въ парламентѣ. Неудовольствіе

Апрѣль 1341.

парламента на самовластіе короля было такъ сильно, что, вмѣсто ожидаемаго торжества, Эдуардъ потерпѣлъ пораженіе. Для предотвращенія беззаконій, послѣднимъ и рѣзкимъ примѣромъ которыхъ былъ произвольный арестъ сановниковъ, парламентъ постановилъ, что пэръ подлежитъ только суду пэровъ, что всѣ сановники должны приносить присягу на соблюденіе Великой Хартіи, что при началѣ каждой парламентской сессіи всѣ высшіе сановники подаютъ королю просьбы объ отставкѣ, и утверждаются вновь въ своихъ должностяхъ только по разсмотрѣніи и одобреніи ихъ дѣйствій палатою пэровъ, которой отдаютъ они отчетъ во всѣхъ своихъ должностныхъ поступкахъ. Гордому и деспотичному Эдуарду было очень тяжело согласиться на такое ограниченіе королевской власти, но обстоятельства вынуждали его покориться. Онъ пытался протестовать; парламентъ остался непреклоненъ, и онъ принялъ установленные парламентомъ законы. Прежніе англійскіе короли получали отъ папъ разрѣшеніе отказываться отъ исполненія обѣщаній, данныхъ вельможамъ. Но у Эдуарда не было и этого средства оправдывать вѣроломство: папа жилъ теперь въ Авиньонѣ и находился въ полной зависимости отъ короля французскаго. Вмѣсто того, чтобы поддерживать Эдуарда въ борьбѣ съ парламентомъ, онъ дѣйствовалъ такъ, что англійскій король былъ принужденъ опираться на парламентъ для борьбы съ папской куріей. Въ 1344 году парламентъ по желанію Эдуарда постановилъ рѣшеніе, отвергавшее вмѣшательство папы въ его дѣла съ королемъ французскимъ.—Въ послѣдующее время парламентъ еще сильнѣе подчинилъ Эдуарда своей волѣ.

Успѣхи Эдуарда во внѣшнихъ дѣлахъ 1346, 1347.

Согласившись править государствомъ сообразно требованіямъ парламента, Эдуардъ достигъ своей цѣли: народный энтузіазмъ пробудился, вывелъ короля изъ его тяжелаго положенія, далъ ему изумительныя побѣды. Военныя дѣла Эдуарда и въ началѣ 1345 года шли дурно: надежда на помощь нѣмецкихъ князей давно исчезла; союзникъ Іоанна Якобъ Артевельде, вождь демократической партіи, правившій Гентомъ, былъ убитъ при возстаніи, возбужденномъ агентами графа фландрскаго и короля французскаго; Давидъ Брусъ пріѣхалъ изъ Франціи въ Шотландію, былъ съ восторгомъ встрѣченъ шотландцами, они провозгласили его королемъ; французскія войска собрались въ Артуа; у Эдуарда не было денегъ; онъ уже заложилъ королевскіе дорогіе уборы, отдалъ таможенныя пошлины нѣмецкимъ купцамъ въ уплату сдѣланныхъ у нихъ займовъ; долги его возросли до такой степени, что итальянскіе банкиры, по векселямъ которыхъ онъ не могъ производить уплаты, прекратили свои взносы. Но въ слѣдующемъ году положеніе Эдуарда было уже совершенно иное. Парламентъ, удовлетворенный его уступками по дѣламъ внутренняго управленія, вотировалъ налоги, давшіе очень много денегъ; кредитъ англійскаго правительства возстановился; англійское войско, главную силу котораго составляли простолюдины, пѣшіе воины, одержало при Креси блистательную побѣду надъ французскимъ войскомъ, въ которомъ преобладали надъ пѣхотой рыцари, конные латники; Давидъ Брусъ, пошедшій въ сѣверную Англію, былъ разбитъ при Невильскроссѣ (близъ Доргэма) Генри Перси и архіепи-

скопомъ йоркскимъ (17 октября 1346 года). Шотландскій король, хвалившійся, что войдетъ въ Лондонъ, дѣйствительно вступилъ въ него, но плѣнникомъ, и былъ отведенъ въ Тоуэръ; Дугласъ Лиддисдельскій, графы фейфскій, ментитскій и нѣкоторые другіе вожди патріотической партіи были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ королемъ; болѣе ста шотландскихъ вельможъ, въ томъ числѣ графы мореской и сотерлэндскій легли на полѣ битвы, число убитыхъ воиновъ ихъ было болѣе 15.000 человѣкъ. Робертъ Стюартъ, вернувшійся съ небольшими остатками войска въ Шотландію, принялъ на себя санъ намѣстника плѣннаго короля; но вся Шотландія до Фортскаго залива снова была занята англичанами и признала власть Эдуарда Беліоля, вассала англійскаго короля. Фруассаръ говоритъ, что Филиппа, жена Эдуарда III, присутствовала при невильзкросской битвѣ и одушевляла воиновъ своими рѣчами; но кажется, это романическая прикраса. Въ августѣ слѣдующаго (1347) года сдался англичанамъ послѣ очень храброй обороны сильно укрѣпленный портовой городъ Кале. Эдуардъ былъ теперь на верху славы и могущества. Вѣроятно, около этого времени онъ учредилъ орденъ подвязки, остающійся до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ высокихъ въ цѣлой Европѣ. При англійскомъ дворѣ была рыцарская корпорація, учрежденная въ подражаніе обществу рыцарей Круглаго стола Артура; она была теперь обращена въ корпорацію рыцарей ордена подвязки; есть разсказъ, что поводомъ къ этому послужилъ случай съ графинею сользберійской, любовницей короля, подвязка которой упала при танцахъ на балѣ; этимъ анекдотомъ объясняютъ девизъ ордена «Да будетъ стыдно думающему объ этомъ дурно», Hony soit qui mal y pense.

Въ Бретани, гдѣ шла война за престолъ, англійская партія одержала верхъ. Тотъ претендентъ, который былъ враждебенъ Эдуарду, племянникъ короля французскаго, Карлъ, графъ блуасскій, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Тоуэръ. Англійская нація привыкала считать себя очень могущественной. Испанскіе моряки, пользуясь тѣмъ, что англійскій и французскій флоты были заняты войной, стали разбойничать; Эдуардъ, выведенный ими изъ терпѣнія, поплылъ противъ нихъ лѣтомъ 1350 года, разбилъ въ упорномъ сраженіи флотъ короля кастильскаго, покровительствовавшаго имъ, захватилъ въ плѣнъ 24 испанскіе корабля. Кастильскій король оробѣлъ и просилъ мира.

Шотландскія дѣла 1355—1357.

Наслѣдникъ Филиппа IV Іоаннъ въ первые годы своего правленія не воевалъ съ Эдуардомъ; они вели переговоры при посредничествѣ папы. Эдуардъ хотѣлъ во время перемирія съ Франціей окончательно подчинить себѣ Шотландію. Вассалъ его Эдуардъ Беліоль былъ бездѣтный старикъ и во всемъ повиновался ему. Но патріотическая партія, признававшая Роберта Стюарта намѣстникомъ плѣннаго Давида Бруса, оставалась еще сильна, и весь шотландскій на-

родъ сочувствовалъ ей. Эдуардъ III хотѣлъ подкупить и запугать своихъ шотландскихъ противниковъ. Графъ ментитскій, находившійся въ плѣну у него, былъ преданъ суду, какъ мошенникъ, и казненъ. Давидъ Брусъ, человѣкъ бездарный и безхарактерный, преданный грубымъ порокамъ, согласился признать себя вассаломъ англійскаго короля, далъ ему заложниковъ своей вѣрности, обѣщался заплатить выкупъ. Дугласъ Лиддисдельскій, отважный боецъ за независимость родины, обольстился обѣщаніями Эдуарда. Англійскій король освободилъ и послалъ въ Шотландію Давида Бруса и Дугласа, чтобъ они склонили вождей національной партіи признать его леннымъ господиномъ шотландскаго королевства. Но деньги и обѣщанія французскаго короля разстроили это дѣло. Графъ Уильямъ, племянникъ національнаго героя Джемза Дугласа и глава фамиліи Дугласовъ, возвратился изъ Франціи, гдѣ съ дѣтства жилъ въ изгнаніи, убилъ Дугласа Лиддисдельскаго и сталъ вождемъ національной партіи. Давидъ возвратился въ Лондонъ; шотландцы перешли англійскую границу и овладѣли Бервикомъ. Война съ Франціей около этого времени возобновилась, но англійская нація выказала и теперь такой же патріотизмъ, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, и дала королю средства одолѣть обоихъ враговъ. Англичане взяли Бервикъ, вступили въ Шотландію. Давидъ Беліоль согласился передать шотландскую корону Эдуарду, подкупившему его обѣщаніемъ давать ему большое содержаніе. Но Уильямъ Дугласъ и другіе патріоты не признали этого договора; укрывшись за болотами и горами сѣверной Шотландіи, они выжидали удобнаго случая возобновить наступательныя дѣйствія. Скоро однако же увидѣли они безнадежность своего положенія. Англичане одержали блистательную побѣду при Пуатье и взяли въ плѣнъ короля французскаго. За свое освобожденіе онъ обѣщался заплатить громадный выкупъ; Франція не имѣла денегъ помогать шотландцамъ; они упали духомъ. Эдуардъ предпочелъ мирное согласіе войнѣ съ ними. При безхарактерности Давида Бруса онъ надѣялся, что если возстановитъ власть этого короля, то будетъ имѣть въ немъ послушное орудіе для управленія Шотландіей, и мало по-малу она привыкнетъ повиноваться ему. Онъ вступилъ въ переговоры съ шотландскими вельможами, они собрались въ Эдинбургѣ и заключили съ нимъ договоръ, по которому Эдуардъ обѣщался отпустить Давида Бруса въ Шотландію и признать его королемъ, а шотландцы обѣщались заплатить за освобожденіе своего короля 100.000 марокъ, уплата которыхъ была разсрочена на десять лѣтъ. Бездарный и развратный Давидъ Брусъ, жена котораго не хотѣла жить съ нимъ, возвратился въ Шотландію и сдѣлался королемъ ея по имени. Обѣднѣвшая страна была не въ состояніи своевременно дѣлать обѣщанные взносы выкупа; это давало Эдуарду формальный предлогъ вынуждать шотландцевъ къ повиновенію ему; пока они

Ноябрь 1355.

1356.

1357.

слушались, онъ былъ снисходителенъ къ нимъ; при малѣйшемъ ослушаніи онъ грозилъ войной за неисполненіе условій договора.

Нѣсколько лѣтъ держался миръ между Англіей и Шотландіей. Эдуардъ старался въ это время показать шотландцамъ, что тѣсныя сношенія съ Англіей выгодны для нихъ: давъ имъ участіе въ англійской торговлѣ, помогалъ развитію промышленности у нихъ; дозволилъ имъ воспитывать дѣтей въ англійскихъ школахъ; снисходительно терпѣлъ ихъ неисправность въ платежѣ выкупа за освобожденіе короля; выказывалъ любезность шотландскому королю; жена Давида Бруса, сестра Эдуарда, хотя и разошлась съ мужемъ, оставалась покровительницей его и много помогла установленію дружбы между нимъ и Эдуардомъ. Она умерла въ 1362 году, но и по ея смерти Эдуардъ поступалъ съ Давидомъ Брусомъ доброжелательно. Онъ старался пріучить шотландцевъ къ миру съ англичанами, но не успѣлъ одолѣть ихъ нерасположеніе къ соединенію съ Англіей. Давидъ Брусъ, истощившій свои силы развратомъ и не имѣвшій дѣтей, предложилъ въ 1363 году на собраніи вельможъ въ Сконѣ назначить наслѣдникомъ шотландскаго престола Ліонеля, третьяго сына Эдуарда. Вельможи рѣзко отвергли эту мысль; они съ негодованіемъ кричали: „Мы никогда не согласимся, чтобы надъ нами царствовалъ англичанинъ! Развѣ напрасно лилась кровь нашихъ предковъ?“ Давидъ Брусъ отказался отъ своего предложенія. Нѣсколько разъ онъ возобновлялъ его, но постоянно встрѣчалъ такое же упорное сопротивленіе. Миръ съ Англіей оставался не нарушеннымъ; Давидъ исполнялъ обязанности вассала и вообще выказывалъ преданность Эдуарду; но шотландскіе вельможи досадовали на него за это, и онъ имѣлъ мало вліянія на нихъ; они оставались расположены къ союзу съ французами.—Любовница Давида, Катерина Мортимеръ, ѣхавшая по лѣсу, была убита; молва говорила, что убійца ея—графъ ангосскій; онъ остался безнаказаннымъ; изъ этого одного мы видимъ, какъ мало силы имѣлъ Давидъ. По смерти первой жены Давидъ женился на Маргаритѣ Логи, дочери незнатнаго рыцаря; черезъ нѣсколько времени развелся съ ней; эта женитьба и потомъ ссора съ женой окончательно унизили Давида во мнѣніи вельможъ. Они оставляли его королемъ только по уваженію къ памяти его отца. Онъ умеръ въ 1371 году. Съ нимъ прекратилась династія Брусовъ. Преемникомъ его сдѣлался сынъ дочери Роберта Бруса, Робертъ Стюартъ, бывшій регентомъ во время плѣна Давида.

Послѣдніе годы царствованія Эдуарда III.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда III Англія имѣла много неудачъ во внѣшнихъ дѣлахъ и страдала отъ безпорядковъ. Всѣ завоеванія, сдѣланныя Эдуардомъ въ Франціи, были утрачены; англійская партія въ Кастиліи была побѣждена. Въ Англіи народъ и парламентъ были сильно недовольны людьми, овладѣвшими довѣріемъ короля, жаловались на обременительность налоговъ, на безпорядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, на то, что королевствомъ управляетъ отъ имени короля любовница его Алиса Перрерсъ, женщина надменная и алчная. Но при всемъ своемъ неудовольствіи парламентъ помнилъ, что по существеннымъ интересамъ націи Эдуардъ III дѣйствовалъ сообразно съ желаніемъ народа и остается вѣренъ прежней политикѣ; потому мятяжей не было. Въ самомъ концѣ правленія Эдуарда единодушіе народа съ королемъ выказалось въ энергическомъ

сопротивленіи требованіямъ папы: оскорбленные высокомѣріемъ римской куріи, король и парламентъ формальнымъ образомъ разорвали тѣ унизительныя отношенія, въ какія поставилъ Англію Іоаннъ, признавшій себя вассаломъ папы. На это рѣшеніе парламента имѣла вліяніе дѣятельность Джона Уиклифа, о которой мы будемъ говорить послѣ. Старшій сынъ короля, знаменитый воинъ, побѣдитель въ битвѣ при Пуатье, Черный принцъ, получившій смертельную болѣзнь въ испанскомъ походѣ, умеръ 8 іюня 1376 года. Старикъ отецъ былъ такъ опечаленъ его смертью, что совершенно одряхлѣлъ. Онъ пережилъ старшаго сына только однимъ годомъ и умеръ 21 іюня 1377 г. Королемъ сталъ сынъ Чернаго принца, Ричардъ II. десятилѣтній ребенокъ, все царствованіе котораго было непрерывнымъ рядомъ смутъ и бѣдствій. Онѣ заставляли англичанъ жалѣть о временахъ Эдуарда III; это много содѣйствовало тому, что память Эдуарда прославляется англійскими лѣтописцами. При безхарактерномъ Ричардѣ II сложилось глубокое уваженіе къ его дѣду, храброму воину, даровитому правителю, при которомъ развилось парламентское правленіе, Англія обогатилась торговлей и промышленностью, были одержаны блестящія побѣды, и англійскій народъ проникся гордымъ сознаніемъ своего могущества.

С. Исторія Франціи до начала войны за наслѣдство престола.

1. Возростаніе могущества французскихъ королей при Филиппѣ II и Людовикѣ VIII.

Коронованіе Филиппа II. Смерть Людовика VII.

Въ разсказѣ объ исторіи Англіи мы должны были довольно много говорить и о французскихъ дѣлахъ. Связный разсказъ нашъ объ исторіи Франціи былъ доведенъ въ VI томѣ до царствованія Людовика VII (стр. 588), кромѣ того мы разсказывали о его крестовомъ походѣ (стр. 714). Ракскавывая исторію Англіи, мы говорили о войнахъ, бывшихъ результатомъ развода Людовика VII съ Элеонорой, которая вышла за сильнаго французскаго феодальнаго владѣтеля, сдѣлавшагося королемъ англійскимъ и получившаго черезъ женитьбу на ней огромныя владѣнія въ югозападной Франціи; мы разсказывали о борьбѣ Людовика VII съ этимъ могущественнымъ соперникомъ и объ участіи французскаго короля въ междоусобіяхъ, которыя возбуждала Элеонора, поссорившись съ Генрихомъ II и возстановляя своихъ сыновей противъ отца.—Второю женою Людовика VII была Констанція, принцесса кастильская. У нихъ родилось нѣсколько до-

черей; король молился, чтобы Богъ далъ ему и сына; молитвы его были услышаны: въ 1165 году Констанція родила сына, который былъ названъ Филиппомъ. Подростая, наслѣдникъ престола выказывалъ большую ловкость въ военныхъ играхъ и блестящій умъ. Когда онъ достигъ 15 лѣтъ, Людовикъ выразилъ вельможамъ намѣреніе короновать сына; они одобрили это. Передъ коронаціей принцъ занемогъ; король отправился въ Кентербери просить заступничества святого Томаса, которому давалъ пріютъ у себя во время его изгнанія. Святой оказался признателенъ къ своему бывшему покровителю: возвращаясь изъ Кентербери, король услышалъ, что Филиппъ выздоровѣлъ. Коронація была совершена въ Реймсѣ 2 ноября 1179 года; молодой король поклялся уважать духовенство, охранять спокойствіе въ государствѣ, быть справедливымъ судьей. Коронаціонный праздникъ былъ великолѣпенъ, но Людовикъ не могъ присутствовать на этомъ торжествѣ: вскорѣ по возвращеніи изъ поѣздки въ Кентербери онъ былъ пораженъ апоплексіей, и 18 сентября слѣдующаго (1180) года умеръ. За пять мѣсяцевъ передъ смертью отца Филиппъ женился на Изабеллѣ (Елизаветѣ, принцессѣ геннегауской).

Филиппъ II Августъ 1180—1223. Характеръ и литика его.

Филиппъ II, которому современники дали названіе Августа (расширителя государства), былъ замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ Капетинговъ. Въ началѣ своего правленія молодой король взялъ образцомъ себѣ Генриха II, увлекшись уваженіемъ къ нему за энергію, съ какой подавлялъ онъ оппозицію духовенства и вельможъ; Филиппъ заключилъ союзъ съ государемъ, подражать которому желалъ. Но скоро онъ увидѣлъ, что интересы ихъ противуположны, что французскій король необходимо долженъ поставить своей цѣлью отнятіе французскихъ владѣній у англійскаго короля. Руководясь этимъ убѣжденіемъ, Филиппъ скоро возвратился къ той политикѣ, которой держался его отецъ, сталъ требовать отъ Генриха II вассальской покорности въ управленіи французскими областями и пользовался всякимъ случаемъ вредить ему. Мы видѣли, что Филиппъ умѣлъ извлечь себѣ большія выгоды изъ раздоровъ между Генрихомъ и его сыновьями. При началѣ царствованія Филиппа Августа, Генрихъ II имѣлъ больше могущества во Франціи, чѣмъ король французскій. Надѣясь на поддержку англійскаго короля, не хотѣли повиноваться королю французскому и другіе вассалы. Не только владѣтели областей по Гароннѣ и Луарѣ, но и графы фландрскій, геннегаускій, герцогъ брабантскій, часто сражались въ рядахъ враговъ своего сюзерена, короля французскаго. Ленная связь во французскомъ королевствѣ была съ давняго времени слаба; присяга вассала на вѣрность ленному господину давно обратилась въ пустую формальность; но мысль о ленной власти французскаго короля надъ его вассалами сохранилась въ памяти народа, и крестовые походы содѣйствовали нѣкоторому возстановленію его правъ. Особенно замѣтно проявилось это въ Нор-

мандіи и въ другихъ французскихъ областяхъ, бывшихъ центрами, изъ которыхъ выходили массы крестоносцевъ и въ которыхъ рыцарство получило особенно сильное значеніе. Формы феодальныхъ отношеній, завѣщанныя обычаемъ, сохранялись тамъ съ большою точностью. Французскій король не могъ допустить, чтобы герцогъ нормандскій и аквитанскій нарушалъ эти формы по своей гордости саномъ короля англійскаго. Въ этомъ лежала причина частыхъ войнъ между ними. Король англійскій считалъ унизительнымъ для себя становиться на колѣна передъ королемъ французскимъ. Понятія о ленныхъ обязанностяхъ были неопредѣленны; потому постоянно возникали споры о томъ, обязанъ или не обязанъ вассалъ исполнять то или другое требованіе сюзерена. При громадномъ могуществѣ англійскаго короля споры легко превращались въ войны, и когда война замѣнялась миромъ, трактатъ обыкновенно рѣшалъ только тотъ частный вопросъ, по которому вспыхнула война, а другія отношенія между королемъ французскимъ и владѣтелемъ французскихъ областей, королемъ англійскимъ, оставались по прежнему не разъяснены. Филиппъ Августъ хотѣлъ прекратить эту неопредѣленность. Человѣкъ умный и энергическій, онъ ловко пользовался слабостями противниковъ, а настроеніе умовъ было благопріятно ему, потому онъ достигъ большого успѣха. Рыцари были тогда проникнуты идеями поэмъ о Карлѣ Великомъ, котораго французы считали французомъ. Филиппъ Августъ имѣлъ опору себѣ въ этихъ прикрашенныхъ поэзіей воспоминаніяхъ о французскомъ государѣ, которому повиновались народы въ долинахъ Пиреней и на берегахъ Мааса и Шельды. Поэзія имѣла тогда большую силу надъ людьми. Филиппъ Августъ хотѣлъ, чтобы французскій король пріобрѣлъ то могущество, какое принадлежало Карлу Великому. Онъ былъ еще очень молодъ, но рано пріобрѣлъ дѣловую опытность, былъ храбръ, любилъ пышность, но умѣлъ быть бережливымъ, былъ одаренъ всѣми качествами, надобными для успѣха въ задуманномъ дѣлѣ. Очень полезно было ему то, что онъ держался правила не запутываться одновременно въ разныя дѣла и не браться самому за то, что могутъ исполнить въ его пользу другіе. Есть значительная доля правды въ поэтической характеристикѣ его, говорящей, что онъ былъ страшенъ какъ левъ, быстръ какъ орелъ, но кротко поступалъ по возстановленіи мира. Человѣкъ очень энергическій, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ очень разсудителенъ.

Отношеніе Филиппа къ Ричарду и къ Іоанну.

Черезъ десять лѣтъ, по вступленіи Филиппа на престолъ, умерла его жена (15 марта 1190). Вскорѣ по ея смерти, онъ вмѣстѣ съ Ричардомъ предпринялъ крестовый походъ. Но ему было досадно видѣть, что Ричардъ затмеваетъ его блескомъ своихъ рыцарскихъ подвиговъ. Подъ предлогомъ болѣзни онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Палестины. На третій день Рождества (27 декабря) 1191 года онъ былъ уже опять во Франціи. Во время его отсутствія государствомъ упра-

вляли его мать и дядя Гильіомъ, архіепископъ реймсскій. Онъ нашелъ дѣла въ порядкѣ, и скоро ему представился случай пріобрѣсти большія выгоды. Графъ фландрскій, человѣкъ безпокойнаго характера, дѣлавшій много досадъ ему, умеръ въ Палестинѣ во время осады Акки. Филиппъ Августъ захватилъ часть его владѣній. Ричардъ, возвращаясь изъ Палестины, былъ арестованъ въ Германіи; это дало Филиппу Августу надежду сдѣлать пріобрѣтеніе еще болѣе важное. Мы говорили, что братъ Ричарда Іоаннъ хотѣлъ овладѣть англійскимъ престоломъ и старался мѣшать освобожденію Ричарда; Филиппъ дѣйствовалъ заодно съ Іоанномъ и разсчитывалъ получить отъ него за это Нормандію. Но Ричардъ добился свободы; надежды Іоанна и Филиппа рушились: послѣ опустошительной войны, длившейся нѣсколько лѣтъ, король французскій принужденъ былъ заключить миръ, по которому Ричардъ сохранилъ всѣ свои владѣнія во Франціи. Пока этотъ храбрый государь оставался живъ, король французскій остерегался нарушать миръ, но по его смерти очень легко захватилъ большую часть англійскихъ владѣній во Франціи. Іоаннъ вступилъ на англійскій престолъ; многіе находили, что законный наслѣдникъ не онъ, третій братъ Ричарда, а сынъ второго брата. Притомъ онъ принялъ на себя управленіе Нормандіей, не испросивъ согласія французскаго короля и не давъ присяги на вѣрность ему; Филиппъ Августъ воспользовался этими предлогами и сталъ готовиться къ войнѣ. Іоаннъ оробѣлъ; Филиппъ Августъ охотно согласился примириться съ нимъ, потому что не любилъ начинать новаго дѣла, не покончивъ прежняго, а ссора съ Иннокентіемъ III поставила его въ очень затруднительное положеніе: онъ былъ отлученъ отъ церкви, на его королевство былъ наложенъ интердиктъ; онъ хотѣлъ выпутаться изъ этихъ непріятностей и ужь потомъ обратить свои силы на завоеваніе англійскихъ областей во Франціи.

Разводъ съ Ингеборгой. Ссора съ папой

По возвращеніи изъ Палестины, Филиппъ женился на дочери датскаго короля Ингеборгѣ, очень красивой и скромной дѣвушкѣ. Быть можетъ, онъ руководился политическимъ разсчетомъ: братъ Ингеборги, Кнудъ VI, былъ въ родствѣ съ англійской династіей, и женившись на его сестрѣ, Филиппъ Августъ могъ надѣяться, что отклонитъ его отъ союза съ Англіей; но быть можетъ, разсчетъ Филиппа Августа былъ не столько политическій, сколько денежный: Ингеборга имѣла очень богатое приданое. Невѣста въ

1193. сопровожденіи большой свиты пріѣхала въ Амьенъ, свадьба была отпразднована тамъ, но вслѣдъ за свадьбой король сталъ выказывать отвращеніе отъ жены; причина этого не извѣстна; народъ не зналъ, какъ понять такую странность, и объяснялъ ее волшебствомъ: молва говорила, что король заколдованъ какими-то врагами. Филиппъ Августъ объявилъ, что не хочетъ признавать Ингеборгу своей женой. Была составлена фальшивая таблица родства, по которой оказывалось, что бракъ Филиппа съ Ингеборгой нарушаетъ каноническіе законы. На этомъ основаніи дядя короля, архіепископъ реймсскій, и нѣкоторые епископы постановили приговоръ о расторженіи брака. Филиппъ Августъ велѣлъ Ингеборгѣ уѣхать на родину; она

не согласилась; онъ заперъ ее въ Бореперскій женскій монастырь и держалъ тамъ въ очень суровомъ заточеніи. Король датскій обратился къ папѣ Целестину III съ жалобой; Целестинъ вступился за Ингеборгу; но Филиппъ Августъ не согласился даже облегчить суровость ея заточенія. Онъ искалъ себѣ другую невѣсту, сваталъ дочь пфальцграфа Конрада; она отвергла его предложеніе (VI, 735). Онъ сталъ сватать Агнесу, дочь герцога меранскаго, и повѣнчался съ нею, хотя папа объявилъ разводъ съ Ингеборгой недѣйствительнымъ. Жалобы датскаго короля папѣ нѣсколько лѣтъ оставались напрасны; но когда Филиппъ вступилъ въ союзъ съ Гоэнштауфенами, Иннокентій III вступился за Ингеборгу, потребовалъ, чтобы Филиппъ отослалъ Агнесу изъ Франціи, возвратилъ Ингеборгѣ права королевы. Филиппъ не повиновался; легатъ Иннокентія провозгласилъ на дижонскомъ и вьеннскомъ соборахъ, что Франція подвергается интердикту. Король разсердился, прогналъ епископовъ и священниковъ, повиновавшихся интердикту, конфисковалъ ихъ доходы, заперъ Ингеборгу въ Этанскомъ замкѣ, велѣлъ стражѣ обращаться съ ней суровѣе прежняго. Изгнаніе священниковъ, соблюдавшихъ интердиктъ, разумѣется, не возстановило совершенія богослужебныхъ обрядовъ: некому было исполнять ихъ; народъ печалился, началось глухое волненіе; оно усиливалось тѣмъ, что вельможи и народъ были обременены налогами. Папа грозилъ королю отлученіемъ отъ церкви. Филиппъ отправилъ посольство въ Римъ. Иннокентій требовалъ, чтобы король удалилъ Агнесу, возвратилъ права королевы Ингеборгѣ, а прогнаннымъ прелатамъ ихъ должности; безъ того Иннокентій не хотѣлъ отмѣнить интердикта. Филиппъ разсердился больше прежняго, говорилъ, что счастливъ Саладдинъ, не имѣющій надъ собою папы, созвалъ собраніе вельможъ и духовныхъ сановниковъ; Агнеса пришла съ нимъ въ это собраніе; она была блѣдна, изнурена печалью; вельможи сожалѣли о ней, но всетаки говорили, что должно исполнить требованіе папы. Было ясно, что нація недовольна упорствомъ Филиппа; онъ побоялся возстановлять ее противъ себя и покорился папѣ, обѣщалъ возвратить Ингеборгу во дворецъ, оказывать ей почести, какихъ въ правѣ требовать она по сану королевы. Новый легатъ Оттавіано, искусный дипломатъ, снялъ съ Франціи интердиктъ. Церкви отворились, народъ былъ въ восторгѣ. Но покорность Филиппа была притворная. Правда, онъ удалилъ Агнесу изъ дворца, но продолжалъ жить съ ней, какъ съ женой, а Ингеборгу держалъ подъ строгимъ надзоромъ. Онъ просилъ развода съ Ингеборгой, но Суассонскій соборъ, созванный имъ для этого, объявилъ, что нѣтъ законныхъ причинъ для расторженія брака короля съ Ингеборгой. Вскорѣ послѣ этого Агнеса умерла, но Филиппъ продолжалъ чуждаться Ингеборги и только уже въ 1213 году возвратилъ ее во дворецъ послѣ 17 лѣтняго темничнаго заключенія въ Этанскомъ замкѣ. Народъ радовался прекращенію бѣдствій королевы. Но дѣти Агнесы были объявлены дѣтьми отъ законнаго брака.

Іюнь 1196.

1200.

1201.

Покореніе французскихъ владѣній англійскаго короля 1203—1206.

За непріятности по своимъ семейнымъ дѣламъ и за необходимость унизиться передъ папой Филиппъ нашелъ себѣ вознагражденіе въ успѣхахъ своей политики, а французское имя было въ это время прославлено блестящими подвигами на Востокѣ: византійская имперія была тогда завоевана при содѣйствіи венеціанцевъ французскими крестоносцами, и вассалъ Филиппа взошелъ на престолъ Константина Великаго; а убійство Артюра бретанскаго дядей его Іоанномъ доставило Филиппу предлогъ отнять у англійскаго короля его владѣ-

нія во Франціи. Феодальная система вообще была вредна королямъ, но на этотъ разъ французскій король извлекъ громадную пользу себѣ изъ феодальныхъ отношеній. Онъ потребовалъ, чтобъ Іоаннъ явился къ отвѣту въ Парижъ передъ верховнымъ лепнымъ судомъ, состоявшимъ изъ пэровъ королевства французскаго. Іоаннъ отвѣчалъ, что, имѣя королевскій санъ, онъ не можетъ признать надъ собой суда пэровъ. Они объявили, что онъ виновенъ въ нарушеніи обязанностей вассала и потому лишается всѣхъ своихъ владѣній во Франціи, леновъ короля французскаго, который имѣетъ право отнять ихъ у непокорнаго вассала. Это было проявленіемъ національнаго чувства, желавшаго, чтобы всѣ французскія области объединились. Основаніемъ самостоятельности феодальныхъ владѣтелей, говоритъ Ранке, было племенное различіе населенія разныхъ частей королевства; каждое племя желало сохранить независимость, потому поддерживало своего областного правителя противъ короля, котораго считало человѣкомъ другого племени; но положеніе дѣлъ въ западной Франціи было теперь не таково: западныя области были соединены подъ властью человѣка для нихъ чужого. Убійство Артюра произвело волненіе въ Бретани: она хотѣла защитить свою независимость противъ притязаній англійскаго короля. Филиппъ видѣлъ, что не только бретонцы, но и французскіе подданные англійскаго короля будутъ рады возможности свергнуть съ себя власть Іоанна, и поклялся всѣми святыми исполнить приговоръ пэровъ возвратить французской коронѣ лены, которыми владѣли англійскіе короли. Папа хотѣлъ вмѣшаться въ это дѣло; Филиппъ отвергъ его посредничество, отвѣчавъ, что ленныя дѣла не подлежатъ суду папы; французскіе вельможи одобрили этотъ отвѣтъ. Филиппъ двинулъ войска во французскія владѣнія англійскаго короля, и, какъ мы говорили, присоединилъ ихъ къ своему государству, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія. Въ два года онъ отнялъ у Іоанна Нормандію и области по Луарѣ. Бретань признала его своимъ сюзереномъ. Графы и бароны Нормандіи и луарскихъ областей объявили себя непосредственными вассалами его; нѣкоторые изъ нихъ были принуждены къ этому силой, большинство добровольно перешло изъ-подъ власти англійскаго короля подъ власть французскаго. Филиппъ пріобрѣлъ такое могущество, какого не имѣли французскіе короли со времени первыхъ Каролинговъ. Онъ сталъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ владыкою вассаловъ—отъ Гаронны до устья Шельды. Королевская казна обогатилась новыми доходами. Многіе лены были взяты подъ непосредственную власть короля или были розданы усерднымъ его приверженцамъ, благодаря тому, что прежніе владѣльцы ихъ удалились въ Англію, гдѣ имѣли главныя свои владѣнія; особенно много такихъ леновъ было въ Нормандіи, вельможи которой считали своимъ отечествомъ Англію. Главной цѣлью политики французскихъ королей съ

этого времени стало упроченіе владычества надъ областями, которыя Филиппъ отнялъ у англійскаго короля. Французскій народъ находилъ эту политику соотвѣтствующей своимъ интересамъ; она пользовалась сочувствіемъ и въ Нормандіи и въ областяхъ по Луарѣ: жители этихъ земель были французы и по языку, и по историческимъ воспоминаніямъ имѣли привязанность къ французскимъ королямъ.

Упроченіе власти Филиппа въ земляхъ, отнятыхъ у короля англійскаго.

Покорить и удержать подъ своею властью обширныя области, принадлежавшія англійскому королю, было бы трудно Филиппу, еслибъ Іоаннъ не былъ въ очень тяжкомъ положеніи. Англійскій король велъ борьбу съ папой и своими баронами, не имѣлъ возможности защищать свои французскія владѣнія; благодаря тому, Филиппъ имѣлъ время упрочить за собою симпатію ихъ вельможъ и городовъ милостивыми распоряженіями и введеніемъ хорошихъ законовъ. Только на сѣверѣ оставалась сильна партія приверженцевъ Англіи. Запутанныя отношенія феодальныхъ владѣтелей этихъ земель, бывшихъ вассалами и французскаго короля и нѣмецкаго, ослабляли тамъ національное чувство; притомъ англійскіе короли издавна были защитниками независимости этихъ династій отъ притязаній французскихъ королей на владычество надъ ними. Графы фландрскій и булонскій были, какъ мы знаемъ, усердными союзниками Іоанна и Оттона въ войнѣ съ королемъ французскимъ, кончившейся пораженіемъ Оттона при Бувинѣ. Филиппъ одержалъ побѣду въ этой рѣшительной битвѣ, благодаря усердію, съ какимъ помогали ему французскіе бароны и города. Послѣдствія побѣды были очень важны. Она упрочила принадлежность бывшихъ англійскихъ владѣній французскому королевству и одушевила французовъ патріотической гордостью. Слава Франціи стала во мнѣніи французовъ соединена съ мыслью о французскомъ королѣ. Кромѣ того побѣда при Бувинѣ заставила папу примириться съ Филиппомъ. Иннокентій III удовлетворился тѣмъ, что Филиппъ по смерти Агнесы пересталъ притѣснять Ингеборгу. Прежде папа вступался за Іоанна, унижавшагося передъ нимъ, запрещалъ Филиппу войну противъ англійскаго короля; но побѣда при Бувинѣ доставила торжество Фридриху II, находившемуся тогда подъ покровительствомъ папы; Иннокентій III не могъ не чувствовать признательности къ французскому королю, который оказалъ ему такую сильную помощь въ борьбѣ съ Оттономъ. Возвращаясь въ Парижъ послѣ бувинской битвы, Филиппъ встрѣчалъ по всему пути восторженный пріемъ; это проявленіе національнаго энтузіазма показывало, что французскому королю не страшны никакіе враги; Иннокентій III понялъ свое безсиліе вредить ему. Города и селенья были украшаемы гирляндами цвѣтовъ и тканями, всѣ жители выходили процессіей на встрѣчу возвращающемуся королю. Онъ построилъ въ память бувинской битвы аббатство Побѣды, Abbaye de la Victoire (близъ Санли). Филиппъ Августъ обвелъ Парижъ стѣнами, украсилъ

его церквами и дворцами, и онъ тогда считался уже однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Европы. Съ парижскими школами едвали равнялись тогда какія-нибудь другія. Съ той поры Парижъ сталъ центромъ государственной жизни Франціи. Сынъ Филиппа Августа при поддержкѣ отца хотѣлъ овладѣть Англіей; отецъ помогалъ въ этомъ наслѣднику своего престола, но на словахъ порицалъ его экспедицію. Филиппу Августу было выгодно, чтобы междоусобія въ Англіи длились, онъ пріобрѣталъ этимъ время упрочить свою власть во французскихъ земляхъ, отнятыхъ у англійскаго короля.

Завоеванія на югѣ.

До сихъ поръ юговостокъ Франціи имѣлъ очень мало связи съ французскимъ королевствомъ. Теперь Филиппу представился случай установить тамъ свое владычество. Эту возможность дали ему

1214. крестовые походы на альбигойцевъ. Провозглашая Симона Монфора владѣтелемъ графства тулузскаго, папа вовсе не желалъ подчинять эту богатую землю королю французскому; онъ воображалъ, что основываетъ тамъ государство, которое будетъ находиться въ ленной зависимости отъ римскаго престола, будетъ доставлять папамъ большіе доходы, которое будетъ служить опорой для ихъ политики во французскихъ земляхъ. Но буйные крестоносцы Монфора оказались неспособными основать прочное государство; они умѣли только грабить, убивать и разрушать. Монфоръ былъ принужденъ просить помощи у короля французскаго, призналъ его своимъ леннымъ господиномъ, раздавалъ замки и области вельможамъ сѣверной Франціи, чтобъ имѣть въ нихъ поддержку своей власти. По смерти Симона Монфора его сынъ и наслѣдникъ Амори не могъ держаться безъ помощи французскаго короля. Симонъ Монфоръ умеръ въ 1218 году, а въ 1219 году папа уже просилъ короля французскаго защитить Амори отъ еретиковъ, одолѣвавшихъ его. Сынъ Филиппа Людовикъ, раздосадовавшій папу своей экспедиціей въ Англію, пріобрѣлъ теперь себѣ его признательность походомъ противъ еретиковъ юговосточной Франціи. Филиппъ Августъ умеръ 14 іюля 1223 года. Людовикъ VIII, сдѣлавшись королемъ, повелъ въ широкомъ размѣрѣ войну,

Людовикъ VIII 1223—1226. которую началъ, будучи наслѣдникомъ престола. Амори видѣлъ, что не можетъ сохранить за собой государство, основанное отцомъ, и уступилъ всѣ свои права на графство тулузское Людовику VIII. Король предложилъ это дѣло на рѣшеніе свѣтскихъ вельможъ и духовныхъ сановниковъ; собраніе, состоявшее изъ 25 вельможъ и 17

1224. архіепископовъ и епископовъ, посовѣтовало ему принять предложеніе Амори, обѣщало поддерживать его, и онъ повелъ войско присоединить къ своему королевству владѣнія графа тулузскаго и другихъ еретиковъ, полученныя Симономъ Монфоромъ отъ папы. Черезъ два года Людовикъ VIII умеръ (8 ноября 1226 года); война продолжалась по его смерти; она кончилась, какъ мы говорили, присоедине-

ніемъ владѣній графа тулузскаго и его вассаловъ къ французскому королевству.

Ремонъ Тулузскій въ 1230 году принужденъ былъ заключить миръ, по которому отдалъ королю французскому лучшую часть своихъ владѣній и покорился церкви на такихъ тяжелыхъ и унизительныхъ условіяхъ, что одинъ изъ лѣтописцевъ говоритъ: Если бы графъ тулузскій былъ взятъ въ плѣнъ, то могъ бы купить себѣ свободу дешевле. Онъ отдалъ двѣ трети своихъ земель королю французскому, и непосредственныя владѣнія короля простирались теперь до Средиземнаго моря. Графу тулузскому была оставлена въ пожизненное владѣніе только третья доля его прежняго государства. Наслѣдницею графа была дочь; онъ принужденъ былъ отдать ее за Альфонса Пуатускаго, брата французскаго короля; въ случаѣ прекращенія потомства этой династіи государство ея должно было перейдти подъ непосредственную власть короля французскаго; довольно скоро это и случилось такъ.

2. Царствованіе Людовика IX.

Людовикъ IX 1226—1270. Регентство Бланки.

При заключеніи мира съ графомъ тулузскимъ король былъ еще только 12-ти лѣтнимъ ребенкомъ; государствомъ правила его мать Бланка, женщина твердаго характера, суровая, щедро награждавшая друзей, страстно ненавидѣвшая противниковъ. Она была дочь короля кастильскаго и англійской принцессы; Людовикъ VIII заявлялъ притязанія на англійскій престолъ, какъ ея мужъ. Она нѣжно любила сына, и когда онъ былъ уже немолодымъ человѣкомъ, она все еще владычествовала надъ нимъ, благодаря энергіи своего характера. По смерти мужа она захватила регентство и стала править дѣлами такъ искусно и твердо, что быстро усмирила феодальныхъ владѣльцевъ, думавшихъ возстановить свою независимость. Затрудненія, съ которыми должна была бороться Бланка, были велики. Мы говорили, что Людовикъ VIII, по вступленіи на престолъ, хотѣлъ отнять послѣднія владѣнія, какія сохранялъ англійскій король во Франціи; предлогомъ къ войнѣ Людовикъ выставилъ то, что англійскій король въ противность лондонскому договору не освободилъ плѣнныхъ французовъ безъ выкупа, требовалъ большихъ суммъ за ихъ освобожденіе. Когда Людовикъ VIII на походѣ противъ графа тулузскаго умеръ (въ Монпансье), весь югъ Франціи былъ охваченъ войной или приготовленіями къ войнѣ. Англичане готовились защищать области по Гароннѣ, остававшіяся во владѣніи англійскаго короля; въ другихъ областяхъ, не задолго передъ тѣмъ отнятыхъ у него, оставалось много людей, преданныхъ прежней династіи. Всѣ недовольные, всѣ, у кого Филиппъ Августъ отнялъ имѣнья или права, желали воспользоваться малолѣтствомъ короля, надѣясь, что женщина не будетъ въ состояніи бороться съ ними. Въ Бре-

тани, Нормандіи, въ областяхъ по Луарѣ составились заговоры; вельможи этихъ земель желали возстановить власть англійскаго короля и надѣялись, что Генрихъ III пришлетъ флотъ и войско на помощь имъ. Графъ шотландскій Тибо, знаменитый труверъ, былъ восторженнымъ поклонникомъ Бланки, рыцарски защищалъ права ея и молодого короля; но другіе шотландскіе владѣтели возстали противъ Бланки, и въ этой области свирѣпствовало междоусобіе. Юго-восточная часть Франціи страдала отъ нападеній королевскихъ войскъ на графа тулузскаго. Но благодаря своему уму и твердому характеру, Бланка восторжествовала. При содѣйствіи папскихъ легатовъ она заключила миръ съ нѣкоторыми изъ возставшихъ феодальныхъ владѣтелей, возбудила патріотизмъ въ нѣкоторыхъ другихъ, пріобрѣла усердную поддержку ихъ; горожане были приверженцами королевской власти. Мятежные феодальные владѣтели дѣйствовали безъ общаго плана, каждый изъ нихъ руководился только личными разсчетами, и мало-по-малу Бланка одолѣла ихъ, возстановила спокойствіе въ государствѣ. Чтобъ упрочить порядокъ, она считала надобнымъ какъ можно скорѣе провозгласить сына совершеннолѣтнимъ и короновать его. Достигнувъ совершеннолѣтія и принявъ на себя управленіе, Людовикъ IX нашелъ государство уже успокоеннымъ. Королевская власть была такъ сильна, что феодальные владѣльцы видѣли невозможность сопротивляться ей. Людовикъ IX правилъ дѣлами благоразумно; человѣкъ справедливый, искренно благочестивый, онъ пріобрѣлъ себѣ очень большое уваженіе; подданные довѣряли ему, любили его, и завоеванія, сдѣланныя его дѣдомъ, отцомъ и матерью, были упрочены его справедливымъ управленіемъ. Населеніе южныхъ областей считало его своимъ защитникомъ отъ свирѣпостей инквизиціи; въ сѣверныхъ областяхъ понимали, что только королевская власть охраняетъ народъ отъ междоусобій феодальныхъ владѣтелей. Французскіе вельможи отказались отъ прежней своей привычки составлять коалиціи противъ короля, призывать иноземцевъ на помощь себѣ противъ него; потерявъ надежду на успѣхъ возстаній, они нашли другія поприща для своихъ военныхъ приключеній. Очень многіе изъ нихъ отправлялись за Пиренеи на борьбу съ невѣрными, получали лены въ областяхъ, отнятыхъ у мусульманъ при ихъ помощи, и наслаждались пѣснями, прославлявшими ихъ подвиги. Очень многіе другіе ѣхали въ Грецію, въ Палестину пріобрѣтать себѣ благословеніе церкви и обширныя владѣнія. Самъ Людовикъ два раза отправлялся на войну съ невѣрными. Когда Карлъ Анжуйскій, владѣвшій Провансомъ, пошелъ отнять королевство сицилійское у Гоэнштауфеновъ, французскимъ рыцарямъ и вельможамъ открылось широкое поле для пріобрѣтенія славы, добычи, владѣній. Когда французская принцесса стала англійскою королевой, многіе вельможи южныхъ и западныхъ областей

Востановленіе порядка во Франціи.

Франціи отправились получать должности, денежныя награды, лены отъ Генриха III. Такимъ образомъ въ сосѣднихъ съ Франціею странахъ французскіе рыцари и вельможи совершали военные подвиги, а въ самой Франціи владычествовало такое спокойствіе, что даже въ годы крестоваго похода короля въ Египетъ и Палестину тишина въ его королевствѣ не нарушалась. Мать Людовика правила государствомъ въ отсутствіе сына, не встрѣчая сопротивленія. Современники дивились тому, что спокойный, скромный человѣкъ, заботящійся о спасеніи своей души больше, чѣмъ о государственныхъ дѣлахъ, удерживаетъ въ повиновеніи себѣ воинственныхъ вассаловъ.

Характеръ Людовика IX.

Главной причиной того, что спокойствіе владычествовало во Франціи, было уваженіе Людовика къ совѣтамъ матери. Она дала ему хорошее воспитаніе, защитила его права, и принявъ управленіе въ свои руки, онъ продолжалъ оставаться очень послушнымъ сыномъ, совѣтовался съ матерью по всякому важному дѣлу, такъ что она имѣла очень большое вліяніе на управленіе государствомъ, а въ отсутствіе сына была регентшей. Благодаря скромному характеру Людовика, уму и энергіи Бланки, благосостояніе и могущество французскаго королевства возростало, и въ послѣднее время своего сорокалѣтняго царствованія Людовикъ IX былъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ европейскихъ государей. Нѣмецкіе короли, носившіе титулъ римскихъ императоровъ, истощали свои силы войнами въ Италіи; они и противники ихъ, папы, искали дружбы и помощи Людовика IX. Онъ, заслужившій славу правосуднаго государя и защитника церкви отъ невѣрныхъ, строгій къ самому себѣ, снисходительный къ другимъ, уважающій чужія права, занималъ положеніе третейскаго судьи въ спорахъ между другими государями. Англичане и нидерландцы отдавали на его рѣшеніе свои споры. Онъ склонялъ, какъ мы говорили, папу къ примиренію съ Фридрихомъ II. Онъ былъ человѣкъ очень благочестивый, усердно исполнялъ заповѣди церкви, очень много молился, постился; бывалъ въ церкви каждый день по нѣсколько разъ, исповѣдовался очень часто, давалъ церкви щедрые подарки, обращался съ лицами духовнаго званія очень почтительно; но при всей своей набожности не жертвовалъ притязаніямъ церкви правами свѣтской власти, и забота о душевномъ спасеніи не заставляла его забывать интересы государства; онъ не допускалъ папу вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Онъ сурово преслѣдовалъ еретиковъ и считалъ первой своей обязанностью искоренять враговъ церкви, но фанатизмъ не совершенно заглушалъ въ немъ человѣческое чувство: онъ до нѣкоторой степени обуздывалъ свирѣпость инквизиторовъ. Его образъ жизни былъ безукоризненный; онъ умѣлъ держать себя съ достоинствомъ, не былъ лишенъ политическихъ дарованій, поступалъ благоразумно; подданные уважали и любили его; онъ былъ образцомъ государя, царствующаго «Божіею милостію». Онъ пріобрѣлъ

репутацію святости, ореолъ которой остался за его династіей. Съ его царствованія совершенно исчезаютъ воспоминанія о томъ, что санъ короля давался выборомъ вельможъ; право избирать короля ослабѣвало во Франціи уже съ очень давняго времени, но оно еще помнилось до Людовика IX. Послѣ него короли вступали на престолъ уже исключительно по праву наслѣдства, стали, по нынѣшнему выраженію, легитимными королями. Государь скромнаго характера, заботливый о правосудіи, Людовикъ часто собиралъ вельможъ, любилъ совѣтоваться съ ними, посвящалъ ихъ въ правила своей политики, внушалъ имъ любовь къ правосудію; но эти совѣщанія не ослабляли, а упрочивали монархическую власть. Людовикъ говорилъ въ собраніяхъ вэльможъ такъ благоразумно, что слушающіе проникались уваженіемъ не только къ характеру его, но и къ уму. Очень благопріятствовало упроченію королевской власти то, что могущественнѣйшіе изъ феодальныхъ владѣтелей были родственники Людовика IX: — герцоги бургонскій, бретанскій, графы артуасскій, анжуйскій, пуатускій, тулузскій принадлежали къ королевской династіи; такимъ обазомъ король былъ для нихъ главою фамиліи. Братъ Людовика, Карлъ Анжуйскій, женился на дочери Ремона Беранже, графа прованскаго; когда она наслѣдовала отцу, Провансъ тоже сталъ фамильнымъ владѣніемъ династіи Капетинговъ.

Упроченіе королевской власти договорами.

Волненія, начавшіяся по смерти Людовика VIII и усмиренныя Бланкой, возобновлялись въ первые годы по достиженіи совершеннолѣтія Людовикомъ IX. Англійскій король хотѣлъ возвратить себѣ владѣнія, принадлежавшія его предкамъ во Франціи; онъ имѣлъ много приверженцевъ между вельможами и рыцарями Пуату, Анжу, Бретани, другихъ бывшихъ англійскихъ земель. Нѣсколько разъ вспыхивали опустошительныя войны на берегахъ Гаронны, въ окрестностяхъ Ла-Рошели и Пуатье; первое сраженіе, въ которомъ бился Людовикъ IX, происходило при мостѣ черезъ Шаранту у Тальбура; Людовикъ одержалъ въ немъ блистательную побѣду. У береговъ аквитанскаго залива было много сраженій между англійскими и французскими кораблями. Но Людовикъ искусно усмирялъ мятежи; потому англичане не могли пріобрѣсти успѣховъ; онъ выказывалъ снисходительность къ побѣжденнымъ инсургентамъ, они вѣрили его обѣщаніямъ забыть ихъ вины и становились послушными подданными. Междоусобія, происходившія въ Англіи, не дозволяли англійскому правительству вести войну во Франціи энергично. Генрихъ III попалъ, наконецъ, въ такое затруднительное положеніе, что просилъ своего родственника, короля французскаго, о посредничествѣ, о защитѣ. Совѣтники Людовика полагали, что онъ долженъ воспользоваться безсиліемъ англійскаго короля и овладѣть герцогствомъ аквитанскимъ, изъ-за котораго много разъ воевали французскіе короли съ англійскими, и въ которомъ владычествовала анархія. Но Людовикъ предпочиталъ миръ завоева-

ніямъ и, на перекоръ мнѣнію своихъ совѣтниковъ, желанію французскихъ вельможъ и народа, заключилъ съ Генрихомъ договоръ, по которому возвратилъ англійскому королю отнятыя у него части Гіэни и Гаскони, земли по Шарантѣ и Дордоньѣ, Перигоръ, Лимузенъ, Сентонжъ, а Генрихъ отказался отъ притязаній на Нормандію, Турень, Анжу, Менъ, Пуату и призналъ французскаго короля сюзереномъ своихъ владѣній во Франціи (стр. 554). Теперь можно было имѣть увѣренность, что Нормандія останется навсегда владѣніемъ французскаго короля. Эта область, Иль-де-Франсъ, графство вермандуасское и Артуа составляли главную основу могущества короля французскаго. Вскорѣ по заключеніи мира, Генрихъ III пріѣхалъ въ Парижъ дать присягу на вѣрность королю французскому, какъ владѣтель французскихъ областей, прожилъ полгода въ Сенъ Дени и въ Луврѣ; онъ могъ теперь лично видѣть, какимъ блескомъ могущества окруженъ французскій король, какъ многочисленны вассалы, постоянно готовые идти на войну подъ его знаменемъ, и какъ преданъ французскій народъ своему королю. Очевидно было, что борьба съ такимъ могущественнымъ сюзереномъ не возможна для вассала. Май 1259.

За нѣсколько лѣтъ передъ своей экспедиціей въ Египетъ, Людовикъ заключилъ договоръ съ графинею маконской; не имѣя наслѣдниковъ, она согласилась на присоединеніе ея графства къ владѣніямъ короля французскаго. Раньше того, еще во время войны съ Ремономъ Тулузскимъ, его союзникъ Транкавель отказался отъ правъ на Безьé, Каркассону и другія наслѣдственныя свои владѣнія, получивъ за то большое жалованье. Іаковъ I, король арагонскій, заключилъ съ Людовикомъ договоръ, которымъ были прекращены споры о границахъ, ленныхъ отношеніяхъ и другихъ вопросахъ, служившихъ прежде поводами къ войнамъ.

Установленіе точныхъ отношеній между королемъ французскимъ и его вассалами.

Параллельно возростанію внѣшняго могущества короля французскаго шло развитіе монархическаго порядка во внутреннемъ устройствѣ края. Феодальные владѣтели сохраняли свои права, но сила короля стала такъ велика, что онъ уже не могъ считаться только первымъ между равными, какъ это было прежде; они должны были сознавать, что онъ владыка ихъ. Религіозныя идеи, дававшія тогда освященіе всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, благопріятствовали развитію монархической власти. Какъ на небесахъ Спаситель, Царь небесный, окруженъ двѣнадцатью апостолами, помогающими ему въ управленіи царствомъ Божіимъ; какъ идеалъ государей, Карлъ Великій, былъ окруженъ двѣнадцатью паладинами, такъ и французскій король окружилъ себя двѣнадцатью вѣрными помощниками, духовными и свѣтскими пэрами, раздѣляющими его заботы объ охраненіи порядка въ государствѣ, наблюдающими за исполненіемъ его повелѣній. По установившимся тогда понятіямъ король французскій не могъ быть ни чьимъ вассаломъ, и всѣ ленныя права феодальныхъ владѣ-

телей во Франціи считались происходящими отъ его пожалованія. По прежнимъ феодальнымъ понятіямъ быть вассаломъ не считалось унизительнымъ ни для кого; многіе государи, будучи сюзеренами своихъ вассаловъ, были по нѣкоторымъ своимъ владѣніямъ вассалами другихъ государей; кто бы ни былъ владѣтель лена, на немъ лежали обязанности вассала относительно сюзерена этого лена; никакой санъ не освобождалъ его отъ вассальства. Но во Франціи положеніе вассала считалось несовмѣстнымъ съ королевскимъ саномъ. Всѣ лены, переходившіе во владѣніе французскаго короля, освобождались отъ ленныхъ отношеній къ ихъ прежнему сюзерену. Такимъ образомъ, король мало-по-малу сталъ выше феодальныхъ отношеній. Пэры Франціи теперь были «равные» только между собою; понятіе о равенствѣ не примѣнялось къ королю; рѣшенія суда пэровъ имѣли законную силу только по одобреніи ихъ королемъ; и какъ бы ни было мало число пэровъ, участвовавшихъ въ составленіи рѣшенія, всякое рѣшеніе по леннымъ дѣламъ, постановленное ими вмѣстѣ съ королемъ, имѣло силу закона для всего королевства.

1. Королевскіе сановники.

Отъ періода Каролинговъ сохранились во время Капетинговъ нѣкоторыя придворныя и государственныя должности. Коннетабль былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ; его помощниками были маршалы. Дѣла, сосредоточивавшіяся прежде въ рукахъ майордома, были раздѣлены теперь на два вѣдомства, изъ которыхъ однимъ завѣдовалъ сенешаль, другимъ каммергеръ (шамбельянъ). Эти сановники имѣли громадную власть, которая должна была скоро оказаться несовмѣстной съ полновластіемъ, какого достигъ король. Потому короли XIII и XIV столѣтій стремились отмѣнить эти должности или распредѣлить обязанности и права каждой изъ нихъ между нѣсколькими сановниками. Такимъ образомъ завѣдованіе гражданскимъ судопроизводствомъ, охраненіе общественнаго спокойствія, взиманіе королевскихъ доходовъ было поручено окружнымъ администраторамъ, которые назывались бальи и прево. Только канцлеръ или хранитель печати сохранилъ прежнее положеніе. Эту должность обыкновенно занималъ не міряннинъ, а прелатъ. Вообще, прежніе государственные сановники, должности которыхъ обыкновенно были наслѣдственны, были замѣнены толпою придворныхъ.

2. Развитіе городовъ.

Парижъ.

Уже во времена Людовика IX Парижъ былъ центромъ общественной жизни французскаго королевства; туда съѣзжались вельможи, тамъ король безпрестанно давалъ праздники, турниры, пиры съ музыкой, пѣніемъ, всяческими веселостями. Тамъ толпились жонглёры, акробаты, фокусники. Прославляя Парижъ, говорили уже во времена Филиппа Августа, что улицы этого города вымощены камнемъ, что онъ защищенъ громадными стѣнами, окружность которыхъ очень велика, что для продажи товаровъ тамъ построены рынки, обведенные стѣнами; вообще, вся западная Европа дивилась великолѣпію французскаго королевскаго двора. Первоначально резиденція короля находилась на островѣ Сены, но потомъ короли переселились въ луврскій дворецъ, построенный Филиппомъ Августомъ на правомъ берегу рѣки. Латинскій константинопольскій императоръ Бодуэнъ II подарилъ Людовику IX терновый вѣнецъ, о которомъ вѣрили, что это вѣнецъ, бывшій на Спасителѣ; Людовикъ для храненія святыни построилъ подлѣ королевскаго дворца на островѣ Сены „Святую капеллу“, одно изъ превосходнѣйшихъ созданій готической архитектуры. Домъ для призрѣнія

больныхъ и слѣпыхъ, построенный также Людовикомъ IX, былъ громаденъ. Мы уже говорили, что крестовые походы содѣйствовали развитію городовъ, расширенію торговли, промышленности, благосостоянія, образованности горожанъ; что отъ этого росло у горожанъ и стремленіе къ свободѣ; мы говорили также, что французскіе короли съ очень давняго времени поняли общность своихъ выгодъ съ интересами городовъ, потому давали городамъ права и привилегіи (VI, 552). Жуанвиль разсказываетъ, что Людовикъ IX въ старости любилъ припоминать, какъ въ 1227 году напали на него у Монлери возмутившіеся вельможи, какъ въ Парижѣ раздался набатъ, граждане выбѣжали на помощь своему королю и спасли его. Корпорація парижскихъ купцовъ получила отъ Филиппа Августа большія права, пріобрѣла сильное вліяніе на государственныя дѣла; она имѣла собственный судъ; купеческій старшина, prévôt des marchands, былъ до конца среднихъ вѣковъ правителемъ города Парижа. Орлеанъ и другіе города, находившіеся подъ непосредственной властью короля, тоже получали очень важныя права, пользовались большими льготами. Людовикъ IX постановилъ, что распоряженія о податяхъ, пошлинахъ, о монетной системѣ во владѣніяхъ короля должны быть принимаемы не иначе, какъ съ одобренія городскихъ депутатовъ; что для завѣдыванія городскимъ имуществомъ и для правильной раскладки податей, въ частности, подушной и съ тѣмъ вмѣстѣ имущественной подати, называвшейся taille, должны быть избираемы городскимъ обществомъ честные и уважаемые люди изъ числа гражданъ. Онъ поручилъ умному и дѣльному человѣку, Буалеву (Boisleve; по нынѣшней формѣ имени, Буало, Boileau), улучшить судопроизводство въ Парижѣ и составить своды юридическихъ обычаевъ парижскихъ цеховыхъ корпорацій. Онъ облегчилъ формы освобожденія крѣпостныхъ людей и правила о поселеніи отпущенниковъ въ городахъ. Его крестовый походъ въ Египетъ и Палестину оживилъ морскую торговлю Франціи: изъ Монпелье, Марсели, Нарбонны, Эгъ-Морта ходили корабли съ продовольствіемъ для крестоносцевъ, привозили съ Востока пряности, благовонія, другіе дорогіе товары. Тулуза, Безье, Реймсъ, Бове, Руанъ имѣли такія обширныя суконныя фабрики, что соперничали въ этой отрасли промышленности съ фландрскими городами. Въ Труа бывали каждый годъ двѣ ярмарки, на которыя съѣзжались купцы со всей западной Европы, собиралось множество евреевъ и ломбардцевъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались тогда банкирскія операціи. Но вексельныя дѣла казались Людовику IX противными религіи; онъ раздѣлялъ господствовавшее въ римской церкви мнѣніе, что брать проценты дѣло грѣховное; потому часто подвергалъ евреевъ суровому преслѣдованію. Вообще, французскіе короли часто конфисковали имущество евреевъ и прогоняли ихъ изъ Франціи; но обойдтись безъ нихъ было нельзя, и каждый разъ они скоро опять возвращались.

3. Отношеніе королей къ церкви.

Подчиняя себѣ феодальныхъ владѣтелей, французскіе короли держали и духовенство въ строгомъ повиновеніи. Въ особенности Филиппъ Августъ принималъ мѣры для подавленія притязаній церкви. Подобно Генриху II, онъ сурово требовалъ, чтобы духовные сановники подчинялись свѣтскому суду, исполняли свои ленныя обязанности, уважали патронатъ свѣтскихъ владѣтелей (право землевладѣльца назначать священниковъ въ своихъ владѣніяхъ). По дѣлу о разводѣ съ Ингеборгой онъ былъ принужденъ покориться рѣшенію папы, но не допускалъ папу вмѣшиваться въ ленныя дѣла. Овладѣвъ англійскими областями во Франціи, онъ актомъ рекогниціи (торжественнаго провозглашенія въ собраніи вельможъ) далъ силу закона обычнымъ правамъ свѣтскихъ владѣтелей распоряжаться церковными дѣлами въ ихъ областяхъ и принудилъ духовенство соблюдать эти обычаи, имѣв-

шіе такой же характеръ, какъ Кларендонскія конституціи Генриха II (стр. 480). По акту рекогниціи всѣ мірскія дѣла лицъ духовнаго званія подлежали суду королевскихъ трибуналовъ или ленныхъ господъ. При переходѣ имѣній мірянъ въ собственность церкви покупкой или полученіемъ въ даръ, король бралъ пошлину, называвшуюся амортизаціей; онъ настойчиво требовалъ сполій (поступленія доходовъ съ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ въ казну); съ такою же строгостью онъ требовалъ, чтобъ епископскія резиденціи и аббатства доставляли содержаніе ему и его свитѣ, когда онъ останавливается въ нихъ на пути; освобожденіе отъ этихъ повинностей онъ давалъ не иначе, какъ за выкупъ. Тѣхъ же правилъ держался внукъ его Людовикъ IX, который при всей своей набожности не былъ безусловнымъ покровителемъ духовенства и папы. Когда Иннокентій IV, поселившись въ Ліонѣ, сталъ требовать податей съ французскаго духовенства, Людовикъ твердо защищалъ права галликанской церкви. Король не хотѣлъ ссориться съ папой, прямо запрещая ему борьбу съ Фридрихомъ II, но не мѣшалъ французскимъ феодальнымъ владѣтелямъ заключить между собою союзъ противъ вмѣшательства духовенства въ мірскія дѣла, и не противился военнымъ мѣрамъ, которыми они обуздывали эти притязанія; папа сердился, грозилъ отлученіемъ отъ церкви; но французы не обращали на это вниманія. Видя, что папа продолжаетъ притѣснять французское духовенство, Людовикъ IX въ мартѣ 1269 года обнародовалъ постановленіе, называющееся Прагматическою санкціей. Оно подтверждало права судебной власти духовенства въ границахъ, предоставленныхъ ей обычаемъ, подтверждало всѣ права и льготы, данныя епископскимъ каѳедрамъ и аббатствамъ прежними королями; но ограждало независимость французской церкви отъ папы, повелѣвая, чтобы церковныя должности были замѣщаемы свободными выборами мѣстнаго духовенства по французскому обычаю и по правиламъ соборовъ, запрещая симонію и всякія нарушенія каноническихъ законовъ при назначеніи на духовныя должности, опредѣляя, что папа не можетъ требовать отъ французскаго духовенства никакихъ платежей безъ согласія короля и французской церкви. Правила, установленныя Прагматическою санкціей, были пополнены и расширены королевскими юристами и администраторами; такимъ образомъ, она дѣйствительно оградила французскую церковь отъ притязаній папы. Другому государю было бы трудно принудить папу подчиниться такому закону; но римская курія не отважилась сопротивляться Людовику IX, жизнь котораго была безукоризненна, а благочестіе стояло выше всякихъ сомнѣній; борьба съ такимъ государемъ подорвала бы авторитетъ римской куріи, и папа принужденъ былъ признать Прагматическую санкцію.

4. Судопроизводство.

Бланка и ея сынъ съумѣли сохранить и расширить права, пріобрѣтенныя королевской властью при Филиппѣ Августѣ. Они улучшили судопроизводство и увеличили размѣръ королевской судебной власти. Многіе ученые говорили, что Бланка ввела во Франціи римское право; извѣстіе лѣтописей объ этомъ должно понимать въ томъ смыслѣ, что во время регентства Бланки стало очень замѣтно вліяніе библейскихъ понятій о царской власти и Юстиніанова кодекса на мнѣнія французскихъ юристовъ и рѣшенія трибуналовъ, что подъ этимъ вліяніемъ стало упрочиваться ученіе о неограниченности королевской власти. Придворный королевскій судъ при Филиппѣ Августѣ уже сталъ считаться верховнымъ трибуналомъ Франціи; значеніе этого суда возросло при Людовикѣ IX, благодаря всеобщему довѣрію къ королю, ставившему справедливость высшей обязанностью государя. Иноземцы отдавали свои споры на рѣшеніе Людовику IX; тѣмъ авторитетнѣе были его судебные приговоры для французовъ. Онъ отмѣ-

нилъ въ своихъ владѣніяхъ судебный поединокъ и умѣлъ такъ хорошо прекращать ссоры между феодальными владѣтелями, что мало-по-малу вовсе исчезли ихъ междоусобія. Судебная власть короля такъ расширилась при Людовикѣ IX, что въ половинѣ XIII вѣка парижскій парламентъ — трибуналъ, состоявшій изъ пэровъ Франціи и юристовъ,—сдѣлался верховнымъ судомъ для всѣхъ французскихъ областей. Феодальные владѣтели еще сохраняли судебную власть надъ своими подданными, но парижскій парламентъ, судъ короля, верховнаго сюзерена, сдѣлался во мнѣніи французовъ высшимъ апелляціоннымъ трибуналомъ для всей Франціи, и къ нему обращались люди всѣхъ областей, недовольные рѣшеніями своихъ мѣстныхъ судовъ. Областные владѣтели увидѣли себя въ необходимости признать контроль королевскаго суда надъ ихъ трибуналами; а это означало, что и административная власть ихъ подчинена власти короля. Суды феодальныхъ владѣтелей стали на одну линію съ окружными и городскими королевскими судами, которыми завѣдовали въ непосредственныхъ владѣніяхъ короля его сановники, называвшіеся бальи и превò.

Парижскій парламентъ произошелъ изъ суда пэровъ: санъ пэра принадлежалъ могущественнѣйшимъ феодальнымъ владѣтелямъ и нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ; вмѣстѣ съ ними засѣдали нѣкоторые изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ; когда король присоединилъ юристовъ къ числу членовъ этого трибунала, то юристы сначала были только совѣтниками пэровъ, сохранявшихъ за собою преобладаніе; но мало-по-малу юристы пріобрѣли господство въ парижскомъ парламентѣ. Большинство ихъ были люди, занимавшіе духовныя должности, но они дѣйствовали не по церковнымъ понятіямъ, а по юридическимъ. При Людовикѣ IX рѣшенія парижскаго парламента ужь имѣли силу закона для всѣхъ французскихъ областей, и всѣ ленныя дѣла подлежали вѣдомству парижскаго парламента. Судебные поединки и междоусобныя войны были замѣнены правильнымъ судебнымъ процессомъ; парижскій парламентъ судилъ на основаніи документовъ, присяги, свидѣтельскихъ показаній по обычному французскому праву; но пользовался римскимъ правомъ, какъ субсидіарнымъ (вспомогательнымъ), то есть, примѣнялъ его къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, по которымъ не находилъ точныхъ рѣшеній въ обычномъ правѣ. Приговоры парижскаго парламента были постановляемы письменно; прежнія рѣшенія служили нормой для послѣдующихъ; такимъ образомъ, рѣшенія парижскаго парламента мало-по-малу получили законодательную силу. Размѣръ юридическихъ знаній, необходимыхъ для судьи, постоянно увеличивался: пэры не имѣли и не хотѣли пріобрѣтать ихъ; потому стали тяготиться обязанностью судей и уклоняться отъ нея, предоставили юристамъ трудное дѣло составленія приговоровъ. Дѣятельность этихъ юристовъ, или какъ они тогда назывались, легистовъ, очень сильно помогала расширенію королевской власти при Людовикѣ IX. Мы уже говорили, что много содѣйствовали этому и любовь Людовика IX къ справедливости. Онъ требовалъ отъ своихъ судей, чтобъ они охраняли и чужія права точно такъ же, какъ и его собственныя, уважали обычное право, не брали подарковъ; часто онъ самъ занимался отправленіемъ суда, вообще зорко слѣдилъ за дѣятельностью своихъ судей и по временамъ посылалъ „слѣдователей“ (ревизоровъ) для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ окружныхъ королевскихъ судахъ. Онъ такъ уважалъ обычное право, что предоставилъ руанскому парламенту полную самостоятельность, желая охранить обычное нормандское право отъ всякихъ стѣсненій. При немъ былъ составленъ юристомъ, имя котораго неизвѣстно намъ, сводъ законовъ обычнаго права, называющійся „постановленіями Людовика Святого“ Establissements de St. Louis. Къ обычному

Парижскій парламентъ.

Постановленія Людовика Святого.

праву въ этомъ сводѣ присоединены законы, изданные при немъ. Изученіе „постановленій Людовика Святого“ показываетъ, что римское право уже получило тогда очень сильное вліяніе на французскіе законы. Формальнымъ образомъ этотъ сборникъ имѣлъ силу закона только для непосредственныхъ владѣній короля; но областные владѣтели или добровольно вводили его въ своихъ областяхъ, или въ случаяхъ надобности заключать какіе нибудь договоры съ королемъ принимали на себя обязанность ввести его. Своими „Постановленіями“ Людовикъ далъ законный порядокъ своему королевству, говоритъ Жуанвиль, и доставилъ каждому безопасность. Такимъ образомъ король, который былъ полнѣйшимъ представителемъ средневѣковыхъ понятій, подорвалъ средневѣковыя учрежденія во Франціи. Запрещеніе войнъ между областными владѣтелями и судебнаго поединка уничтожало самую основу средневѣкового устройства; расширеніе королевской власти разрушало феодальную систему; точнымъ перечисленіемъ правъ короля и національной церкви Людовикъ IX положилъ прочный оплотъ противъ притязаній папы. Римская церковь давно старалась прекратить междоусобія и уничтожить судебный поединокъ; но это не удалось ей и было сдѣлано уже только расширившейся королевской властью.

Состояніе образованности въ XIII столѣтіи.

Мы видѣли множество фактовъ, показывающихъ, что Франція въ XIII столѣтіи была передовой страною. Парижъ былъ центромъ философской и богословской учености для всей западной Европы; изъ всѣхъ западныхъ земель сходились туда молодые люди учиться схоластической философіи. Парижскій университетъ имѣлъ очень большія права; ему были подарены громадныя зданія, большіе денежные капиталы, обширныя помѣстья, на доходы съ которыхъ онъ содержалъ коллегіи. Эти коллегіи были зданія, въ которыхъ жили на полномъ содержаніи университета студенты. Особенную знаменитость пріобрѣла коллегія, основанная капелланомъ Людовика IX Робером̀ъ Сорбономъ, уроженцемъ шампанскаго мѣстечка Сорбона, и названная въ честь его Сорбонною. Она была назначена исключительно для богослововъ, и по ея знаменитости богословскій факультетъ парижскаго университета сталъ называться Сорбонной. Въ XIII вѣкѣ были основаны въ Орлеанѣ, Монпелье и Тулузѣ высшія школы, получившія отъ папы право называться университетами. По нѣкоторымъ отрослямъ знаній онѣ пріобрѣли такую же знаменитость, какъ и парижскій университетъ. Тулузская высшая школа, на содержаніе которой обязался по парижскому миру давать большую сумму Ремонъ VII, предназначена была служить памятникомъ торжества католической церкви надъ альбигойской ересью, потому профессорами въ ней были почти исключительно доминиканцы. Впрочемъ и во всѣхъ университетахъ большинство каѳедръ занимали монахи, главнымъ образомъ доминиканцы и францисканцы. Винценцій (Венсанъ) Бовесскій, знаменитый составитель огромной энциклопедіи и авторъ трактата о воспитаніи королевскихъ дѣтей, написаннаго по порученію Маргариты, супруги Людовика IX, былъ тоже доминиканецъ. Дуранти Безьерскій, написавшій юридическое зерцало, сводъ свѣтскаго и каноническаго права, далеко превосходящій своимъ достоинствомъ юридическій отдѣлъ энциклопедіи Венсана Бовесскаго, находился на службѣ при папской куріи, потомъ былъ епископомъ мандскимъ (Mende). Французское вліяніе владычествовало надъ рыцарскою поэзіею въ Германіи, Италіи, Англіи, Нидерландахъ; французскій языкъ вошелъ въ большое употребленіе у нидерландцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ; англійское высшее общество еще продолжало говорить на немъ, а техническій языкъ рыцарства и вообще военнаго дѣла у всѣхъ западныхъ народовъ заимствовалъ множество выраженій изъ языка Франціи, родины рыцарства.

3. Франція въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка.

а) Филиппъ III и начало царствованія Филиппа IV.

Филиппъ III. 1270—1275.

Въ станѣ подъ Тунисомъ чувствуя приближеніе смерти, Людовикъ IX призвалъ къ себѣ старшаго сына, Филиппа, и давалъ ему хорошіе совѣты. Самымъ лучшимъ было бы то, если бы Людовикъ внушилъ сыну желаніе жить по правиламъ отца: любить Бога, охранять справедливость, исполнять христіанскія заповѣди, быть осмотрительнымъ въ выборѣ приближенныхъ и сановниковъ, уважать церковь, избѣгать ссоры съ ней, покровительствовать духовенству. Филиппъ III, храбрый воинъ, получившій названіе Смѣлаго, слѣдовалъ примѣру отца въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, но не въ выборѣ своихъ совѣтниковъ. Онъ перевезъ тѣла отца, брата и своей жены во Францію, похоронилъ ихъ въ Сенъ-Денисскомъ аббатствѣ, короновался въ Реймсѣ и занялся исполненіемъ своей мысли присоединить къ непосредственнымъ владѣніямъ короны тѣ лены своихъ родныхъ, которые сдѣлались выморочными или вообще вакантными. Ему удалось это; онъ присоединилъ къ королевскимъ владѣніямъ графство Валуа, оставшееся вакантнымъ по смерти его брата Жана Тристана, графства Пуату и Овернь, принадлежавшія его дядѣ Альфонсу; черезъ нѣсколько времени умерла Жанна Тулузская, онъ присоединилъ ея богатыя владѣнія къ французскому королевству. Дядя его Карлъ Неаполитанскій требовалъ себѣ это наслѣдство, но парижскій парламентъ объявилъ притязанія Карла неосновательными. Вообще въ приговорахъ парижскаго парламента стала все рѣшительнѣе высказываться мысль, что королю французскому должны принадлежать всѣ области Франціи; парижскіе юристы руководились въ этомъ принципами римскаго права, не признававшаго никакихъ властей независимыхъ отъ императора, права котораго эти юристы переносили на короля. По своему желанію дѣлать пріятное папѣ, Филиппъ добровольно уступилъ ему въ 1274 году графство венессенское. Не имѣя такого усердія къ распространенію христіанства, какъ Людовикъ IX, Филиппъ однако же былъ очень благочестивъ; правда, онъ не исполнилъ обѣта предпринять крестовый походъ, не слушалъ никакихъ убѣжденій папы по этому дѣлу, но усердіемъ молиться онъ не уступалъ отцу.

Черезъ нѣсколько времени Филиппъ усмирилъ непокорнаго графа фуасскаго, принудилъ его принять королевскіе гарнизоны въ его пиренейскіе замки, отдать подъ королевское управленіе все графство. Но впослѣдствіи графъ снискалъ признательность короля своей вѣрной службой и храбры-

ми подвигами, согласился признать себя вассаломъ его, и тогда Филиппъ возвратилъ ему графство. Мы уже говорили о томъ, что Филиппъ отвергъ требованія Эдуарда I, желавшаго, чтобъ ему были возвращены владѣнія предковъ въ южной Франціи.

Пьеръ де ла Броссъ.

Во всемъ этомъ Филиппъ III держался наслѣдственной политики Капетинговъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ увеличивать непосредственныя владѣнія короля. Менѣе благоразуменъ былъ онъ въ выборѣ своихъ приближенныхъ. Простолюдинъ, уроженецъ Турены, Пьеръ де ла Броссъ, занимавшій мелкія должности при Людовикѣ IX, съумѣлъ вкрасться въ такое довѣріе у Филиппа, что получилъ санъ камергера, и король во всемъ слушался совѣтовъ этого льстеца. Вельможи негодовали на владычество человѣка низкаго происхожденія и при томъ гнуснаго интригана; онъ былъ такъ безсовѣстенъ, что клеветалъ королю на королеву, находя его ссору съ женой дѣломъ для себя выгоднымъ. Франціи угрожала опасность подвергнуться междоусобію. Но королевѣ удалось низвергнуть Пьера де ла Бросса. Онъ былъ преданъ суду королевскихъ вассаловъ по обвиненію въ сношеніяхъ съ врагами королевства, осужденъ на смерть и повѣшенъ.

1276.

Испанскія дѣла. 1284—1285.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Филиппъ вовлекся въ войну съ Испаніей. Мы говорили, что онъ вступился за права своихъ племянниковъ противъ Санчо, младшаго брата ихъ отца (стран. 439). Кромѣ того, онъ сталъ защищать королеву наваррскую и ея дочь Іоанну, прогнанныхъ вельможами и бѣжавшихъ во Францію (королева наваррская была принцесса династіи графовъ шампанскихъ). Онъ послалъ за Пиренеи два войска; его полководцы взяли Памплону, покорили всю Наварру. Черезъ нѣсколько времени онъ долженъ былъ вывести свои войска оттуда, но женивъ своего сына, называвшагося тоже Филиппомъ, на Іоаннѣ, пріобрѣлъ своей династіи право наслѣдовать ея владѣнія: королевство наваррское и графства шампанское и брискоe (Brie). Къ войнѣ съ Кастиліей и Наваррой прибавилась война съ Арагоніей; ссора съ нею произошла изъ за того, что король арагонскій Петръ III принялъ приглашеніе сицилійцевъ и вступилъ въ войну съ дядей Филиппа, Карломъ Анжуйскимъ, власть котораго свергла съ себя Сицилія. Карлъ не щадилъ никакихъ усилій отнять Сицилію у Петра; папа помогалъ Карлу. Французскій король и его вельможи считали обязанностью чести защищать права Карла. Многіе французскіе вельможи отправились сражаться за Карла. Филиппъ послалъ войско въ Арагонію. Папа отлучилъ Петра отъ церкви и предложилъ второму сыну короля французскаго Арагонію, какъ папскій ленъ; Филиппъ сначала колебался согласиться на принятіе опаснаго подарка, предлагаемаго папой его сыну; но вельможи, у которыхъ просилъ онъ совѣта, сказали, что согласиться на предложеніе папы будетъ выгодно для государства и

королевской династіи; ободренный этимъ, Филиппъ сталъ дѣятельно готовиться къ войнѣ и въ апрѣлѣ 1285 года пошелъ съ большимъ войскомъ на югъ въ сопровожденіи королевы, взявшей съ собою много дамъ. Это было нѣчто подобное походамъ на альбигойцевъ: монахи нищенствующихъ орденовъ проповѣдовали священную войну, давали благословеніе церкви идущимъ на нее. При содѣйствіи Іакова, брата короля арагонскаго, бывшаго во враждѣ съ нимъ, Филиппъ безъ труда прошелъ по Руссильіону; монахи сосѣднихъ монастырей, знавшіе мѣстность, провели его черезъ Пиренеи; онъ осадилъ Херону; городъ храбро оборонялся, но въ сентябрѣ принужденъ былъ сдаться. Флотъ Филиппа, состоявшій изъ 150 французскихъ, генуэзскихъ и прованссскихъ галеръ, крейсировалъ по Средиземному морю; но искусный сицилійскій адмиралъ Руджеро Лорія разбилъ его, взялъ много кораблей въ плѣнъ; а войско Филиппа страдало отъ болѣзней и голода, такъ что принуждено было вернуться въ Руссильіонъ. Отступленіе черезъ Пиренеи было очень тяжело и стоило жизни множеству людей. Самъ король получилъ смертельную болѣзнь, съ трудомъ доѣхалъ до Перпиньяна и умеръ тамъ (5 октября 1285). Военныя дѣйствія почти совершенно прекратились по его смерти. Преемникъ его поссорился съ папой. Въ пиренейскихъ долинахъ продолжали биться мелкіе отряды, но схватки ихъ были ничтожны. Французы бросили мысль завоевать Арагонію.

Результаты правленія Филиппа III.

Въ пятнадцатилѣтнее царствованіе Филиппа III владѣнія французскаго короля увеличились пріобрѣтеніемъ обширныхъ областей на югѣ и западѣ, а монархическая власть возвышалась, благодаря упроченію авторитета королевскаго придворнаго суда, введенію римскаго права и возростанію могущества городовъ, усердно поддерживавшихъ короля въ борьбѣ съ областными феодальными владѣльцами. При Филиппѣ III сословіе адвокатовъ пріобрѣло прочную организацію, и люди не-дворянскаго происхожденія получили право владѣть ленами. Позднѣйшіе писатели говорятъ, что Филиппъ III сталъ жаловать дворянство простолюдинамъ, чего не дѣлали прежніе короли; если это правда, то онъ пріобрѣталъ себѣ въ новопожалованныхъ дворянахъ союзниковъ противъ старой аристократіи. Для новопріобрѣтенныхъ южныхъ областей былъ учрежденъ особый парламентъ (верховный судъ) въ Тулузѣ. По этому примѣру были потомъ учреждаемы парламенты въ другихъ пріобрѣтаемыхъ королемъ областяхъ. Эти верховные трибуналы служили надежными опорами королевской власти.

Филиппъ IV, 1285—1314.

Филиппъ IV, получившій названіе Прекраснаго, наслѣдовалъ отцу, будучи 17 лѣтнимъ юношей, но по уму человѣкомъ уже опытнымъ; хитрый и энергичный, совершенно неразборчивый на средства, онъ коварствомъ и деспотизмомъ довершилъ начатое Филиппомъ II; съ предпріимчивостью юноши онъ брался за отважныя дѣла и велъ ихъ съ разсудительностью пожилого человѣка. Людовикъ Святой ставилъ

задачею своей жизни примѣненіе заповѣдей христіанства къ государственнымъ дѣламъ; мысли его внука были направлены исключительно на подчиненіе всего въ государствѣ волѣ короля и на увеличеніе владѣній. Филиппъ IV давалъ полный просторъ своимъ страстямъ, дѣйствовалъ по разсчетамъ безсовѣстнаго эгоизма; но находилъ выгоднымъ для себя заботиться объ упроченіи общественнаго порядка, и для ослабленія феодальныхъ владѣтелей, покровительствовалъ стремленію городовъ къ свободѣ; онъ подорвалъ феодальную систему и отнялъ ореолъ величія у папы. Въ его царствованіе были завоеваны мусульманами послѣдніе остатки христіанскихъ владѣній въ Сиріи; онъ не дѣлалъ ничего для защиты погибавшихъ въ Азіи единовѣрцевъ и соплеменниковъ; обѣщавшись предпринять крестовый походъ, онъ сдѣлалъ это лишь для того, чтобы брать съ духовенства десятину подъ предлогомъ приготовленій къ экспедиціи въ Палестину. Впрочемъ тогда уже не было ни у кого во Франціи охоты отправляться въ крестовый походъ: французы находили, что достаточно пострадали отъ прежняго усердія къ войнѣ съ невѣрными: Сирія была залита кровью французовъ; сокровища, привозимыя ими туда, только возбуждали алчность мусульманъ и всѣ достались въ добычу невѣрнымъ; кромѣ славы геройскихъ подвиговъ, французы не пріобрѣли ничего отъ крестовыхъ походовъ и не имѣли теперь желанія возобновлять ихъ, избрали для своей дѣятельности другія цѣли, болѣе близкія. Филиппъ IV понималъ духъ своего вѣка, разрушалъ обветшалое зданіе средневѣкового феодальнаго и теократическаго устройства.

Отношенія Филиппа IV къ Англіи.

Самолюбію молодого короля казалось нестерпимо то, что часть Франціи еще остается въ рукахъ вассала, который только на словахъ признаетъ короля французскаго своимъ сюзереномъ, а на самомъ дѣлѣ никогда не исполнялъ ленныхъ обязанностей и часто даже воевалъ съ французскимъ королемъ. Филиппъ хотѣлъ отнять французскія области у этого вассала, опаснаго своимъ могуществомъ. Еще не пришло время для полнаго осуществленія такой трудной задачи, но Филиппъ успѣлъ ослабить могущество англійскаго короля во Франціи, отнялъ у него часть владѣній, подготовилъ своимъ преемникамъ завоеваніе остальныхъ. Мы уже говорили о войнѣ, начавшейся ссорами англійскихъ и французскихъ торговцевъ въ Ламаншѣ и Бискайскомъ заливѣ; взаимное раздраженіе росло отъ этихъ морскихъ битвъ и привело къ войнѣ французскаго короля съ англійскимъ. Она вспыхнула въ то время, когда Эдуардъ I былъ занятъ покореніемъ Шотландіи; онъ хотѣлъ опираться на коалицію враждебныхъ французскому королю нидерландскихъ государей и князей сѣверозападной Германіи; они опасались честолюбія Филиппа IV и дѣйствительно вступили въ союзъ съ Эдуардомъ. Филиппъ сталъ помогать шотландцамъ и старался возбуждать мятежи въ Англіи. Приготовившись къ

войнѣ, Филиппъ нашелъ предлогъ начать ее. Онъ потребовалъ, чтобъ Эдуардъ пріѣхалъ лично присягнуть на вѣрность ему, какъ владѣтель французскихъ леновъ. Эдуардъ отказался пріѣхать въ Парижъ; Филиппъ двинулъ войско въ Гіэнь, овладѣлъ ею, и хотя у Эдуарда было много союзниковъ, но они плохо помогали ему; французскій король, дѣйствуя умно и твердо, успѣлъ въ три года разрушить составленную Эдуардомъ коалицію, принудилъ или убѣдилъ многихъ нидерландскихъ и нѣмецкихъ противниковъ своихъ примириться съ нимъ. 1294—1297.

Дѣйствія Филиппа противъ Коалиціи.

Нѣмецкій король, Адольфъ Нассаускій, взявъ у Эдуарда деньги на войну противъ короля французскаго, употребилъ ихъ на другія дѣла, которыя считалъ болѣе выгодными для себя. Графъ бургундскій Оттонъ IV заключилъ съ Филиппомъ договоръ, по которому обѣщался отдать свою дочь-наслѣдницу за сына короля французскаго, назначилъ въ приданое ей графство бургундское, хотя оно считалось нѣмецкимъ леномъ, и немедленно передалъ его въ управленіе Филиппу. Графъ бретанскій призналъ себя вассаломъ Филиппа, согласившагося дать ему санъ герцога и французскаго пэра и уменьшить число тѣхъ случаевъ, въ которыхъ королевскій придворный судъ принималъ апелляціи бретанцевъ на ихъ графа. Для упроченія союза было условлено, что Филиппъ отдастъ свою племянницу за внука графа бретанскаго. Англичане винили Филиппа въ нарушеніи обѣщаній; но онъ, не смущаясь упреками, удерживалъ въ своихъ рукахъ тѣ земли по Гароннѣ, которыми овладѣлъ. Эдуардъ съ графомъ Гюи фландрскимъ и другими нидерландскими владѣтелями пошелъ во Францію, но французы остались побѣдителями въ сраженіяхъ при Коминѣ и Фюрнѣ; во фландрскихъ городахъ большинство населенія было на сторонѣ Филиппа, и благодаря тому, онъ овладѣлъ Лиллемъ, Куртрѐ и Брюгге. 1297.

Миръ.

Эти успѣхи Филиппа разсѣяли надежды его противниковъ. Мятежи шотландцевъ и недовольство англійскихъ бароновъ принуждали Эдуарда возвратиться въ Англію; онъ желалъ примириться съ французскимъ королемъ, хотя бы на тяжелыхъ условіяхъ; радостно принялъ посредничество папы; заключилъ съ Филиппомъ перемиріе и поѣхалъ въ Англію. чтобъ идти оттуда на шотландцевъ. Пользуясь перемиріемъ съ нимъ, Филиппъ напалъ на графа фландрскаго; покинутый англичанами, графъ сдался Карлу Валуа, начальствовавшему войсками Филиппа, и вмѣстѣ съ двумя старшими своими сыновьями былъ отправленъ плѣнникомъ въ Парижъ. Филиппъ объявилъ его мятежникомъ, отнялъ у него графство фландрское, какъ французскій ленъ, и присоединилъ къ своему королевству. Фландрскіе города, получивъ отъ него подтвержденіе своихъ правъ, признали его власть. Незадолго передъ тѣмъ Филиппъ на личномъ свиданіи помирился съ Альбрехтомъ, королемъ нѣмецкимъ, отдалъ свою сестру Бланку за его сына Рудольфа, и онъ согласился на присоединеніе графства бургундскаго къ Франціи. Потомъ Филиппъ заключилъ миръ съ Эдуардомъ и тоже породнился съ нимъ, какъ мы уже говорили. Западная часть Фран- 1300.

ціи на югѣ отъ Гаронны еще осталась во владѣніи короля англійскаго, но Филиппъ удержалъ за собою нѣкоторыя изъ прежнихъ его владѣній во Франціи, и онъ формально призналъ себя вассаломъ короля французскаго.

b) Борьба Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII.

Начало ссоры. Булла Clericis laicos.

Король французскій одержалъ большіе успѣхи, благодаря своему уму и храбрости войска; но война стоила тяжелыхъ жертвъ народу. Дворянство было утомлено непрерывными походами, длившимися нѣсколько лѣтъ: города были обременены налогами (между прочимъ въ 1292 году была введена подушная и вмѣстѣ имущественная подать taille, которую народъ назвалъ «дурной податью» maltote); съ духовенства король требовалъ суммы, составлявшей пятидесятую часть цѣнности всего движимаго и недвижимаго имущества церкви, оставлялъ незамѣщенными вакантныя церковныя должности, чтобы брать въ казну ихъ доходы; нѣсколько разъ онъ чеканилъ монету уменьшеннаго вѣса или низкой пробы. Духовенство жаловалось папѣ, получавшему жалобы и отъ англійскаго духовенства на притѣсненія Эдуарда. Бонифацій VIII, занимавшій тогда папскій престолъ, былъ человѣкъ очень гордый. При въѣздѣ въ Римъ его сопровождали два короля (стр. 296), это увеличило его надменность; онъ хотѣлъ владычествовать надъ народами въ духѣ Григорія VII и Иннокентія III; ему было досадно, что могущество королей ростетъ, что они сурово подчиняютъ духовенство своей власти; онъ хотѣлъ прекратить это. Во время войны французскаго короля съ англійскимъ онъ заявлялъ притязанія быть судьею спора между ними. Эдуардъ, находившійся въ затруднительномъ положеніи, принялъ его посредничество. Но Филиппъ, дѣла котораго шли успѣшно, не хотѣлъ отказываться отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, принялъ за обиду себѣ повелительный тонъ Бонифація, отвѣчалъ, что ленныя дѣла не подлежатъ рѣшенію папы и что вообще ни въ какихъ мірскихъ дѣлахъ французскій король не подвластенъ ни чьему суду, что потому онъ можетъ принять Бонифація посредникомъ лишь какъ частнаго человѣка, а не какъ папу. Раздраженный Бонифацій рѣшился вступиться за французское духовенство, жаловавшееся ему на обременительные налоги и на другія притѣсненія Филиппа, и въ февралѣ 1296 обнародовалъ буллу Clericis laicos. Въ ней онъ съ горечью говорилъ, что міряне враждебны духовенству, что они, превышая свою власть, берутъ себѣ церковныя имѣнья и доходы, объявлялъ, что подвергаетъ отлученію отъ церкви тѣхъ государей, которые безъ согласія папы налагаютъ подати на духовенство, и тѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые будутъ платить такіе налоги. Иннокентій III провозглашалъ нѣчто по-

добное; Бонифацій, повторяя его мысль, давалъ ей болѣе рѣзкую форму. Въ буллѣ не былъ названъ никто по имени, но было ясно, что угроза обращена противъ короля французскаго (Эдуардъ, тоже облагавшій духовенство произвольными поборами, принялъ посредничество папы, потому Бонифацій сердился только на Филиппа). Король французскій вскорѣ послѣ того воспретилъ вывозить изъ Франціи Августъ 1296. безъ разрѣшенія короля монету, золотыя или серебряныя вещи или другія дорогія драгоцѣнности. Главной цѣлью Филиппа было, кажется, не мщеніе папѣ, а прекращеніе вывоза золота и серебра въ Англію и Фландрію; но и на Бонифаціѣ его распоряженіе отразилось тяжело: оно останавливало доходы, получаемые имъ изъ Франціи; онъ обнародовалъ буллу Ineffabilis amor, въ которой обращался прямо къ французскому королю, говорилъ ему, что если запрещеніе вывоза распространяется на предметы, посылаемые духовными лицами, то оно нарушаетъ права церкви, и смягчалъ свою прежнюю буллу примирительнымъ истолкованіемъ ея выраженій. Филиппъ отвѣчалъ, что по примѣру своихъ предковъ готовъ слѣдовать предписаніямъ папы во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ мірскаго управленія не можетъ подчиняться никому. Твердость короля запугала Бонифація, находившагося тогда въ ожесточенной ссорѣ съ Колоннами (стр. 298); архіепископъ реймсскій и другіе сановники французской церкви совѣтовали ему быть осторожнымъ; онъ видѣлъ, что даже во французскомъ духовенствѣ не найдетъ поддержки себѣ, потому, не отмѣняя формальнымъ образомъ буллу Clericis laicos, обнародовалъ въ іюлѣ 1297 такое объясненіе ея, которымъ фактически она почти совершенно отмѣнялась относительно французскаго короля. Ужь давно папы искали покровительства королей французскихъ; Бонифацій помнилъ, что оно нужно ему, и не хотѣлъ ссориться съ Филиппомъ. Изъ его поступковъ очевидно, что онъ желалъ смягчить гнѣвъ Филиппа, просить его помощи противъ своихъ итальянскихъ враговъ; онъ причислилъ къ лику святыхъ Людовика IX, дѣда Филиппа, и предлагалъ быть посредникомъ между Филиппомъ и Эдуардомъ не по сану папы, а только въ качествѣ человѣка, уполномоченнаго на это Филиппомъ. Въ этомъ качествѣ онъ былъ допущенъ Филиппомъ къ посредничеству, а Эдуардъ уже раньше того принялъ его посредничество. Съ братомъ Филиппа, Карломъ Валуа, и съ французской партіей въ Неаполѣ Бонифацій держалъ себя очень предупредительно (стр. 299). Филиппъ выказывалъ ему признательность за эти любезности, дозволяя вывозить изъ Франціи доходы, которые слѣдовало получить папѣ отъ французскаго духовенства. Папа рѣшилъ споръ между Филиппомъ и Эдуардомъ въ пользу Филиппа (27 іюня 1298). Постановивъ это рѣшеніе, какъ третейскій судья, выбранный королями французскимъ и англійскимъ, Бонифацій потомъ утвердилъ его уже въ качествѣ папы и объявилъ, что тотъ изъ королей, который

не подчинится ему, навлечетъ на себя церковное наказаніе; это конечно было превышеніемъ даннаго ему полномочія, но приговоръ былъ въ пользу Филиппа, потому угроза была направлена противъ Эдуарда.

Возобновленіе ссоры Филиппа съ Бонифаціемъ.

Но возникали обстоятельства, которыя вели къ возобновленію ссоры съ Филиппомъ. Человѣкъ отъ природы надменный, Бонифацій сталъ еще высокомѣрнѣе прежняго, ободренный успѣхомъ юбилейнаго торжества 1300 года. На этомъ юбилеѣ онъ являлся облеченный кромѣ знаковъ папскаго сана въ знаки сана императорскаго; одинъ изъ кардиналовъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ, что папа, какъ намѣстникъ Христа, верховный владыка и въ церковныхъ и въ мірскихъ дѣлахъ, что потому церковь обязана поражать и церковнымъ и мірскимъ мечомъ людей, противящихся соединенной въ рукахъ папы духовной и мірской власти. Въ числѣ областей, присоединенныхъ къ непосредственнымъ владѣніямъ французскаго короля, находился нарбоннскій округъ. Архіепископъ нарбоннскій жаловался, что королевскіе сановники отняли у него ленную власть надъ нѣкоторыми вассалами его каѳедры и вообще дѣлаютъ обиды ему. Бонифацій послалъ по этому дѣлу легатомъ во Францію епископа
1301. памьерскаго, Бернара Сессе, человѣка высокомѣрнаго и ужь имѣвшаго ссоры съ Филиппомъ. Говорятъ, будто Бернаръ сказалъ королю, что папа имѣетъ неограниченную власть надъ всѣми государями, и угрожалъ ему интердиктомъ, если онъ не освободитъ графа фландрскаго; мы не знаемъ, съ точностью ли переданы слова Бернара, дѣйствительно ли они были такъ рѣзки; но достовѣрно то, что онъ дѣйствовалъ высокомѣрно и безразсудно, раздражилъ Филиппа слишкомъ горячими словами и требованіемъ, чтобы французскій король запретилъ своимъ трибуналамъ судить дѣла о церковныхъ имуществахъ. Филиппъ отправилъ въ Памье и въ графство тулузское двухъ членовъ своего совѣта собрать улики для обвиненія епископа памьерскаго въ непокорности королю; улики были найдены, Филиппъ велѣлъ арестовать легата, какъ епископа памьерскаго, и сослалъ его подъ стражу въ Санли. Папа вознегодовалъ. Филиппъ требовалъ, чтобъ онъ низложилъ епископа памьерскаго (это было для того, чтобы предать его свѣтскому суду). Бонифацій
5 декабря 1301. отвѣчалъ на это требованіемъ, чтобы король немедленно отпустилъ епископа памьерскаго въ Римъ, возвратилъ памьерской каѳедрѣ конфискованныя имущества и впередъ воздерживался отъ нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ духовенства. Не довольствуясь этимъ, Бонифацій отнялъ у короля прежнее разрѣшеніе брать налоги съ французскаго духовенства и обнародовалъ приглашеніе французскимъ прелатамъ, докторамъ богословія и другимъ церковнымъ сановникамъ пріѣхать къ 1 ноября слѣдующаго года въ Римъ на соборъ, «чтобы принять рѣшенія, надобныя для славы Бога и апо-

стольскаго престола, для охраненія католической вѣры и церковной свободы, для исправленія короля и государственнаго устройства, для устраненія злоупотребленій и для введенія хорошаго управленія во французскомъ государствѣ». Сдѣлавъ это распоряженіе, Бонифацій отправилъ къ королю гнѣвное посланіе, въ которомъ увѣдомлялъ его о созваніи собора, перечислялъ взводимыя на него обвиненія и требовалъ, чтобъ онъ прислалъ на соборъ уполномоченныхъ защищать его. Бонифацій говорилъ въ этомъ посланіи, что Богъ поставилъ папу надъ королями и народами исторгать и расточать, строить и насаждать отъ имени Божія, потому Филиппъ не долженъ думать, что не имѣетъ надъ собой никого высшаго, не подвластенъ главѣ церкви; онъ долженъ удалить отъ себя дурныхъ совѣтниковъ, внушающихъ ему такія мысли.

Созваніе государственнаго сейма 1302.

Филиппъ освободилъ епископа памьерскаго, но передалъ свой споръ съ папой на рѣшеніе націи. Онъ зналъ, что во всѣхъ сословіяхъ чувство національной чести и независимости сильнѣе уваженія къ папѣ. Папская булла была 11 февраля 1302 публично сожжена въ Парижѣ въ присутствіи короля, вельможъ и множества народа, а 8 апрѣля въ храмѣ Парижской Богоматери собрался государственный сеймъ; кромѣ вельможъ и духовныхъ сановниковъ на немъ присутствовали депутаты городовъ. Канцлеръ Пьеръ Флоттъ изложилъ собранію надменныя притязанія папы, упреки и клеветы его на короля, но въ подтвержденіе своихъ словъ прочелъ не подлинную буллу, Ausculta fili, а подложную, составленную въ самомъ Парижѣ (эта поддѣльная булла цитируется подъ названіемъ Deum time). Въ ней еще рѣзче, чѣмъ въ подлинной буллѣ говорилось о подвластности короля папѣ не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Прочитавъ ее, Флоттъ перечислялъ поборы, которымъ подвергаетъ папа французскую церковь, самовластные поступки, какими нарушаетъ онъ права ея и независимость французской націи, и просилъ сеймъ дать точный и рѣшительный отвѣтъ, можетъ ли король разсчитывать на его поддержку, если приметъ мѣры для огражденія чести и независимости государства и для избавленія французской церкви отъ нарушенія ея правъ. Вельможи и депутаты городовъ послѣ непродолжительнаго совѣщанія отвѣчали, что готовы поддерживать короля, не щадя своего имущества и жизни; духовенство послѣ нѣкотораго колебанія объявило, что и оно будетъ помогать королю въ защитѣ чести и правъ государства и короны. Оно просило у короля разрѣшенія ѣхать въ Римъ на соборъ по приглашенію папы; король отказалъ въ разрѣшеніи.

Оффиціальная полемика.

Вельможи и депутаты городовъ сообщили рѣшеніе государственнаго сейма кардиналамъ, присоединивъ къ извѣщенію о немъ рѣзкое порицаніе самовластія папы и заявленіе, что будутъ твердо сопротивляться этому противозаконію. Духовенство сообщило рѣшеніе сейма самому папѣ съ

просьбой освободить французскихъ духовныхъ сановниковъ отъ приглашенія въ Римъ на соборъ и прекратить ссору съ королемъ. Сохранился документъ, имѣющій форму письма короля къ папѣ; онъ начинается словами: „пусть знаетъ величайшее твое сумасбродство sciat maxima tua fatuitas“. Король называетъ въ немъ Бонифація „занимающимъ мѣсто папы“, то есть не папой, а только присвоившимъ себѣ санъ папы, и самымъ рѣзкимъ тономъ говоритъ ему, что онъ находится въ безумнѣйшемъ заблужденіи, если полагаетъ, что французскій король подвластенъ кому нибудь въ мірскихъ дѣлахъ. Этотъ документъ вѣроятно только проектъ письма и остался не отправленъ къ папѣ. Одинъ изъ юристовъ короля, Пьеръ Дюбуа, писалъ тогда по порученію Филиппа много такихъ памфлетовъ. Но ужь и тѣ документы, которые несомнѣнно были отправлены къ папѣ, дѣлали примиреніе невозможнымъ. Кардиналы обнародовали актъ, оправдывавшій дѣйствія папы и называвшій мѣрою кротости приглашеніе французскихъ духовныхъ сановниковъ на соборъ для совѣщанія о дѣлахъ ихъ родины. Папа отправилъ французскому духовенству отвѣтъ, въ которомъ упрекалъ его за то, что оно молча выслушало неразумныя, еретическія рѣчи канцлера; въ засѣданіи коллегіи кардиналовъ, въ которое были приглашены послы французскаго сейма, Бонифацій объявилъ, что никогда не утверждалъ, будто бы французскій король обязанъ признавать свое государство леномъ папскаго престола, но что король подвластенъ ему, какъ человѣкъ, подверженный грѣхамъ по общему свойству грѣховной человѣческой природы, и что въ этомъ смыслѣ всѣ мірскія власти подчинены церкви; что если Филиппъ не образумится и не откажется отъ своего дурного начинанія, то онъ, хотя и съ печалью въ сердцѣ, низложитъ его съ престола, какъ безразсуднаго сына. На просьбу французскаго духовенства объ освобожденіи отъ призыва на соборъ Бонифацій отвѣчалъ, что не можетъ отмѣнить сдѣланнаго приглашенія.

Булла Unam sanctam.

Рѣзкіе отвѣты папы не запугали короля, и хитрость Бонифація не обманула его. Мысль, что онъ подлежитъ суду папы только по дѣламъ о грѣхахъ, отличалась лишь формой отъ прежняго притязанія Бонифація на свѣтскую власть надъ королями: всѣ тѣ правительственныя дѣйствія Филиппа, которыми былъ недоволенъ папа, могли быть названы съ церковной точки зрѣнія грѣхами. Соборъ французскаго духовенства въ Римѣ, созываемый Бонифаціемъ, имѣлъ значеніе церковнаго суда надъ королемъ; Бонифацій хотѣлъ, чтобы французское духовенство подъ его предсѣдательствомъ постановило судебный приговоръ о низложеніи короля. Филиппъ не могъ допустить такого собранія; онъ запретилъ французскимъ прелатамъ ѣхать въ Римъ. Почти всѣ они покорились волѣ короля; поѣхали лишь немногіе; онъ конфисковалъ ихъ имѣнья. Раздраженный наказаніемъ своихъ послушныхъ слугъ, Бонифацій на римскомъ (латеранскомъ)
Ноябрь 1302. соборѣ обнародовалъ знаменитую буллу Unam sanctam, въ которой сообразно идеямъ Григорія VII и Иннокентія III присвоилъ римскому епископу, намѣстнику Христа на землѣ, свѣтскую власть надъ государями.

Бонифацій говоритъ въ этой буллѣ, что папѣ принадлежатъ и мірской мечъ и духовный; духовнымъ мечомъ онъ дѣйствуетъ черезъ епископовъ

и другихъ лицъ духовнаго званія, а мірской мечъ онъ поручаетъ королямъ и рыцарямъ, чтобъ они защищали церковь по его повелѣніямъ. Цитатой изъ библіи „Я поставилъ тебя надъ народами и царствами“ онъ доказываетъ, что папѣ принадлежитъ право назначать и судить государей, а самъ папа подлежитъ только суду Божію. Кто отрицаетъ это ученіе, тотъ подобно манихеямъ признаетъ вмѣсто Единаго Бога два начала. Каждый, кто бы ни былъ онъ, долженъ повиноваться папѣ; безъ того невозможно спасти душу. Это были старыя ученія папскаго каноническаго права; на основаніи ихъ папы вели борьбу съ Гоэнштауфенами. Тогда эта теорія восторжествовала, теперь, столкнувшись съ практическимъ государственнымъ правомъ націи, поддерживавшей своего короля, она разбилась въ прахъ.

Филиппъ и Бонифацій готовятся къ борьбѣ 1303.

Но и папа и король медлили начать рѣшительную борьбу. Филиппъ въ январѣ 1303 снова совѣщался съ прелатами и вельможами о томъ, какія мѣры принять для обороны отъ папы. Въ февралѣ пріѣхалъ къ нему новый легатъ, изложилъ причины неудовольствія папы, предложилъ условія мира. Филиппъ отвѣчалъ мягкимъ тономъ, сказалъ, что желаетъ по примѣру своихъ предковъ жить въ согласіи съ папой, но для этого папа долженъ отказаться отъ всякихъ нарушеній правъ французскаго короля и народа; выразилъ готовность принять посредничество герцоговъ бургонскаго и бретанскаго, но предварительнымъ условіемъ переговоровъ о примиреніи поставилъ то, чтобы папа отмѣнилъ всѣ непріязненныя ему мѣры и, въ частности, то распоряженіе, которымъ созывалъ соборъ. Бонифацій требовалъ, чтобы король покорился ему. Такимъ образомъ поѣздка легата повела только къ усиленію вражды. Парижскіе юристы, совѣтники короля, Гильіомъ Ногаре, бывшій прежде профессоромъ въ Монпелье, а теперь занимавшій должность канцлера, и его помощники Гильіомъ Плазіанъ и Ангерранъ Мариньи, сформировавшіе себѣ понятіе о неограниченной власти короля по римскому праву, ободряли Филиппа, и по ихъ внушеніямъ онъ дѣйствовалъ твердо. На новомъ собраніи духовенства и вельможъ въ Луврѣ 12 марта 1303 Ногаре выступилъ обвинителемъ папы и прочелъ записку, перечислявшую его преступленія. Готовясь къ борьбѣ между собой, Филиппъ и папа примирились съ другими своими врагами: Филиппъ заключилъ миръ съ Англіей, папа съ Альбрехтомъ, королемъ нѣмецкимъ. Филиппъ давалъ обѣщанія королевскихъ милостей французскимъ прелатамъ и вельможамъ; папа въ угожденіе Альбрехту объявилъ недѣйствительными тѣ договоры, по которымъ признали себя вассалами французскаго короля областные владѣтели бургундскаго королевства, принадлежавшаго прежде къ нѣмецкому государству; въ досаду Филиппу Бонифацій призналъ королемъ сицилійскимъ Фридриха, врага родственной Филиппу неаполитанской династіи. Воображая, что достаточно оградилъ свою безопасность этими союзами, Бонифацій объявилъ, что отлучаетъ Филиппа отъ церкви; предлогомъ къ отлученію онъ вы-

Мартъ—май 1303.

ставилъ то, что Филиппъ запретилъ французскимъ прелатамъ ѣхать на соборъ въ Римъ. Кардиналы-легаты поѣхали во Францію обнародовать буллу объ отлученіи короля. Но Филиппъ былъ практичнѣе и сильнѣе Гоэнштауфеновъ: онъ выступилъ противъ папы не съ фантастическими притязаніями на владычество надъ Италіей, а съ реальными правами короля, поддерживаемаго своимъ народомъ. Онъ вновь собралъ въ Луврѣ прелатовъ, вельможъ и юристовъ; это собраніе совѣщалось два дня (13 и 14 іюня). Графы эврёсскій, дрёсскій (Dreux) и сенъ-польскій и Гильомъ Плазіанъ произнесли рѣчи, обвиняя папу въ ереси, въ другихъ преступленіяхъ и въ гнусныхъ порокахъ, доказывали, что Бонифація нельзя признавать папой, потому что отреченіе его предмѣстника Целестина V было вынужденное, должно считаться недѣйствительнымъ, слѣдовательно и выборъ Бонифація не дѣйствителенъ (стр. 296). Они говорили, что такъ какъ Бонифацій овладѣлъ папскимъ престоломъ противозаконно, то Филиппъ обязанъ защищать церковь отъ угнетенія и пригласить другихъ государей позаботиться о собраніи вселенскаго собора. Черезъ нѣсколько дней (24 іюня) народъ по приглашенію короля собрался въ саду луврскаго дворца; ему былъ прочтенъ протестъ короля противъ дѣйствій папы съ апелляціей къ вселенскому собору; парижане одобрили дѣйствія короля, и уполномоченные его поѣхали по всѣмъ французскимъ областямъ, приглашая населеніе заявить согласіе съ постановленіями, принятыми въ луврскомъ собраніи. Въ югозападныхъ областяхъ были собраны провинціальные сеймы; въ другихъ частяхъ королевства уполномоченные Филиппа созывали въ каждомъ городѣ, въ каждомъ большомъ селеніи мѣстныхъ жителей. Всѣ эти собранія одобряли рѣшенія парижанъ, высказавшихся на луврскомъ собраніи въ пользу короля. У духовенства была отнята возможность съѣхаться въ одно сословное собраніе, на которомъ оно могло бы выказать хотя слабое сочувствіе папѣ: будучи призываемы небольшими группами въ мѣстныя собранія мірянъ, лица духовнаго сословія по необходимости соглашались съ народомъ. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ угрозъ и насилій; но какъ бы то ни было, Филиппъ достигъ своей цѣли: почти никто не отважился защищать папу, вся Франція высказалась въ пользу короля. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ было прислано Филиппу болѣе 700 заявленій готовности помогать ему; эти одобрительные адресы шли изъ всѣхъ частей государства, отъ людей всѣхъ сословій. Бонифацій, 80 лѣтній старикъ, все еще оставался горячъ до безразсудства и не отступилъ передъ рѣшительной борьбой. У него уже была приготовлена булла, освобождавшая французскій народъ отъ присяги, данной Филиппу, объявлявшая Филиппа лишеннымъ престола, угрожавшая отлученіемъ отъ церкви всѣмъ непокорнымъ повелѣнію папы. Бонифацій воображалъ себя имѣющимъ силу бороться съ французскимъ королемъ, но

не удалось ему даже и прочесть свою буллу въ каѳедральномъ соборѣ города Ананьи.

Нѣмецкіе императоры ходили съ войсками противъ папъ; у Филиппа IV не было возможности вести войско въ Римъ: въ Италіи не было городовъ, признававшихъ его своимъ государемъ. Онъ просилъ короля неаполитанскаго послать войско противъ Бонифація, король отказался; римляне тоже не выказали охоты поступить по совѣту Филиппа, убѣждавшаго ихъ «освободить церковь, угнетенную тиранномъ-еретикомъ». Но гибеллины римской области, завидовавшіе обогащавшимся Гаэтани, родственникамъ папы, охотно помогали королю французскому. Кардиналъ Шарра Колонна, бѣжавшій съ своими друзьями во Францію, нашедшій себѣ благосклонный пріемъ у Филиппа и возбуждавшій его безпощадно дѣйствовать противъ Бонифація, отправился вмѣстѣ съ Ногарѐ въ Тоскану, остановился въ замкѣ Стаджѣ (Staggia близъ Сіэны); онъ и Ногарѐ говорили, что имѣютъ отъ короля порученіе вести съ папой переговоры о мирѣ. Филиппъ далъ имъ векселя на флорентинскій банкирскій домъ Перуцци; они не жалѣли денегъ, пріобрѣтали себѣ приверженцевъ между вельможами и рыцарями римской области, набирали отрядъ наемниковъ. Возстановить вельможъ римской области противъ папы было нетрудно: они и безъ чужого внушенія уже ненавидѣли его за безсовѣстный непотизмъ. Онъ отнялъ имѣнья у Колоннъ и роздалъ ихъ своимъ родственникамъ; особенно много далъ Піэро Гаэтани. Точно такъ же онъ отдалъ своимъ родственникамъ многіе замки династій Франджипани, Анибальди и другихъ вельможъ, такъ что Гаэтани стали владѣтелями всего приморья Лаціума, и лены ихъ простирались отъ Субіако въ сабинской области до Казерты и Фунди въ неаполитанскомъ королевствѣ. Римскіе вельможи охотно обѣщались помогать Ногарѐ; вождемъ ихъ былъ давній врагъ папы, Райнальдо Супино. Они надѣялись, низвергнувъ папу, отнять имѣнья у его родственниковъ. Бонифацій имѣлъ много враговъ и въ коллегіи кардиналовъ; даже въ родномъ его городѣ Ананьи нашлись люди, ненавидѣвшіе его. Такимъ образомъ Ногарѐ нашелъ себѣ союзниковъ между приближенными Бонифація и гражданами того мѣста, въ которомъ жилъ онъ тогда. Заговорщики собрались въ Скульколѣ и съ отрядомъ нѣсколькихъ сотъ воиновъ пошли ночью съ 7 на 8 сентября къ Ананьи; соумышленники отворили имъ ворота города, и на разсвѣтѣ они пошли по улицамъ съ крикомъ: «Смерть Бонифацію! Да здравствуетъ Филиппъ!» Родственники и друзья Бонифація заперлись въ соборной церкви и примыкавшемъ къ ней дворцѣ папы и храбро оборонялись. Бонифацій вступилъ въ переговоры. Шарра Колонна и Ногарѐ требовали, чтобъ онъ призналъ себя обязаннымъ подчиниться суду собора, который созоветъ Филиппъ, и чтобъ онъ немедленно возвратилъ Колоннамъ ихъ владѣнія. Онъ нашелъ эти условія унизительными и от-

Арестованіе папы.

вергъ ихъ. Враги стали штурмовать дворецъ и соборную церковь, защитники папы были убиты или захвачены въ плѣнъ, кардиналы бѣжали, заговорщики съ обнаженными мечами ворвались во дворецъ. Бонифацій ожидалъ ихъ, надѣвъ папское облаченіе, и сидѣлъ на папскомъ престолѣ, сжимая въ дрожащихъ рукахъ золотой крестъ и эмблему папской власти, ключи. Враги осыпали его ругательствами и угрозами, Ногарѐ сказалъ, что закуетъ его въ цѣпи и повезетъ въ Ліонъ, гдѣ соберется соборъ и низложитъ его. Онъ выслушивалъ обиды съ величественнымъ спокойствіемъ, которое произвело впечатлѣніе на самихъ оскорбителей. Они заперли его въ одной изъ комнатъ дворца. Ихъ наемники грабили дворецъ и дома родственниковъ папы. Бонифацій оставался во власти враговъ три дня. Гражданамъ Ананьи стало жаль его; отовсюду сходились вооруженные поселяне; граждане присоединились къ нимъ, прогнали противниковъ папы, освободили его. Онъ простилъ раскаявшимся гражданамъ Ананьи, поѣхалъ въ Римъ; тамъ встрѣтили его съ почестями; онъ хотѣлъ созвать вселенскій соборъ и низложить Филиппа, какъ Иннокентій IV на ліонскомъ соборѣ низложилъ Фридриха II. Но оскорбленія, какимъ подвергся онъ въ Ананьи, подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ уже не былъ способенъ поступать энергически; ему воображалось, что онъ окруженъ измѣнниками; при горячности своего темперамента онъ поддавался неудержимымъ припадкамъ страха, ярости, печали; здоровье старика не выдержало этихъ волненій; онъ впалъ въ бредъ; говорили, что онъ сошелъ съ ума; съ нимъ сдѣлалась сильная лихорадка, и 11 октября онъ умеръ. Говорятъ, что въ послѣднее время онъ запирался одинъ въ своей комнатѣ, не хотѣлъ принимать пищи, бился головой объ стѣны; при немъ не было никого, когда онъ умеръ; вошедши къ нему, увидѣли его мертвымъ на постелѣ.—Онъ былъ человѣкъ безпощаднаго эгоизма, деспотическаго характера, алчный и тщеславный. Униженіе, которому подвергся онъ въ Ананьи, было тяжелымъ ударомъ для папскаго авторитета: оно разрушило прежнее благоговѣніе народовъ къ папскому сану. Соединеніе свѣтской власти съ духовной въ рукахъ папы сдѣлалось невозможностью. Современники возвратились къ старымъ понятіямъ о независимости свѣтской власти отъ духовной, къ тому образу мыслей, который выказывается въ поэмѣ Данте.

Смерть Бонифація; Характеръ его.

с) Климентъ V. Развитіе политическаго значенія горожанъ во Франціи. Погибель ордена тампліэровъ.

Бенедиктъ XI 1303—1304.

Папы одолѣли Гоэнштауфеновъ, но эта побѣда оказалась гибельной для нихъ самихъ: борьба съ гибеллинами истощила ихъ силы. Преемникъ Бонифація VIII, принявшій имя Бенедикта XI, видѣлъ

себя совершенно безпомощнымъ. Онъ былъ вѣрный приверженецъ Бонифація VIII, выказалъ мужество при нападеніи Ногарѐ и Шарры Колонны на папскій дворецъ въ Ананьи; но не могъ наказать оскорбителей своего покойнаго друга. Онъ принужденъ былъ возвратить Колоннамъ ихъ имѣнья, снялъ съ нихъ отлученіе отъ церкви, не далъ церковнаго прощенія только Шаррѐ Колоннѣ. Въ декабрѣ пріѣхало посольство Филиппа IV, передало Бенедикту его увѣреніе, что онъ ни мало не виновенъ въ нападеніи на Бонифація VIII; Бенедиктъ принужденъ былъ принять это за правду, отмѣнилъ всѣ распоряженія Бонифація, сдѣланныя во вредъ Филиппу. Онъ желалъ примириться съ французскимъ королемъ, предотвратить созваніе собора, которымъ угрожалъ Филиппъ; но своей уступчивостью только показалъ всѣмъ, что времена папскаго могущества миновали. Въ Римѣ были сильны противники папскаго правленія. Бенедиктъ испугался волненій въ своей столицѣ и уѣхалъ въ Перуджію. Тамъ онъ ободрился, отлучилъ отъ церкви Ногаре, Шарру Колонну, Райнальдо Супино и нѣкоторыхъ другихъ соучастниковъ нападенія на Бонифація VIII. Они разсердились, хотѣли отмстить ему, но не успѣли: черезъ три недѣли по ихъ отлученіи онъ умеръ. Онъ изнемогъ подъ угнетающимъ сознаніемъ своего безсилія. Послѣ него нѣсколько десятковъ лѣтъ папскій престолъ занимали французы.

Май 1304.

7 іюня.

Въ Римѣ и во всей римской Кампаньѣ шла ожесточенная война между Колоннами и Гаэтани, родственниками Бонифація; на сторонѣ Гаэтани были Орсини, давніе враги Колоннъ. Кардиналы совѣщались между тѣмъ въ Перуджіи о выборѣ новаго папы. Они дѣлились на двѣ партіи, итальянскую и французскую; силы той и другой были равны; борьба была продолжительна; наконецъ, французская партія перехитрила итальянскую: приверженцы Бонифація подали голосъ за Бертрана дю Гота (du Goth; по сѣверно-французской передѣлкѣ звуковъ, д'Агу, d'Agout), архіепископа бордосскаго. Онъ былъ горячій сторонникъ Бонифація, противникъ Филиппа, но теперь уже былъ подкупленъ обѣщаніями его; французская партія, получивъ отъ него слово исполнять волю Филиппа, присоединила свои голоса къ голосамъ приверженцевъ Бонифація, и Бертранъ дю Готъ оказался выбраннымъ всѣми кардиналами. Онъ не поѣхалъ въ Италію. Получивъ извѣщеніе о своемъ выборѣ и принявъ имя Климента V, онъ пригласилъ кардиналовъ пріѣхать въ Ліонъ и былъ рукоположенъ тамъ въ папскій санъ. На этой церемоніи присутствовали король французскій, его братъ Карлъ Валуа и множество французскихъ вельможъ. Во время коронаціоннаго торжества обрушилась стѣна зданія и задавила двѣнадцать вельможъ; въ смятеніи пропалъ драгоцѣннѣйшій камень изъ королевскаго убора; въ этомъ видѣли дурное предзнаменованіе. Климентъ во все свое правленіе оставался орудіемъ Филиппа IV, исполняя тѣ унизительныя обязательства, которыми ку-

Климентъ V. Перенесеніе папской резиденціи въ Авиньонѣ.

5 іюня 1305.

пилъ себѣ папскій санъ. Онъ боялся ѣхать въ Римъ, гдѣ шла
1309. еще борьба вельможъ, жилъ то въ Ліонѣ, то въ Бордо, поселился наконецъ въ Авиньіонѣ, который остался тогда подъ властью графовъ провансскихъ, сдѣлавшихся королями неаполитанскими. Коллегія кардиналовъ наполнилась французами, они избирали въ папскій санъ только такихъ людей, которые были послушными слугами королей французскихъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ папы оставались исполнителями приказаній французскихъ королей, которые распоряжались черезъ нихъ церковными дѣлами въ другихъ государствахъ. Папская курія была однимъ изъ административныхъ вѣдомствъ, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ король французскій.

Договоръ Бертрана дю Гота съ Филиппомъ IV.

Говорятъ, что когда французская партія на конклавѣ въ Перуджіи извѣстила Филиппа о томъ, какой оборотъ дастъ она выбору папы, онъ пригласилъ Бертрана дю Гота на свиданіе въ лѣсу близъ Сентъ-Анжели и предложилъ ему папскую корону, если онъ приметъ шесть условій; честолюбивый архіепископъ согласился на все и поклялся на св. Дарахъ исполнять обѣщанное. Первыя пять условій состояли, какъ говорятъ, въ томъ, чтобы снято было отлученіе съ короля и его приверженцевъ, возвращены были имѣнья Колоннамъ, дана была королю на пять лѣтъ десятинная подать съ церковныхъ имѣній во Франціи, и были преданы формальному осужденію дѣйствія Бонифація противъ короля; о шестомъ условіи король, какъ говорятъ, сказалъ только, что сообщитъ его впослѣдствіи. Нѣкоторые ученые сомнѣвались въ достовѣрности этого разсказа; очень можетъ быть, что дѣло происходило какъ нибудь иначе, но поступки Климента заставляютъ думать, что онъ дѣйствительно обязался исполнить требованія Филиппа. Новый папа снялъ отлученіе съ Филиппа и Ногарѐ, назначилъ коммиссію для судебнаго изслѣдованія законности дѣйствій Бонифація, потомъ упрашивалъ Филиппа согласиться на прекращеніе этого дѣла и большими уступками королю избавился отъ надобности произнести формальное осужденіе дѣйствій одного изъ своихъ предмѣстниковъ. Уничтоженіе ордена тампліэровъ было, какъ полагали французы, шестымъ условіемъ, разговоръ о которомъ отложилъ Филиппъ до удобнаго времени. Климентъ вообще былъ усерднымъ слугой честолюбія Филиппа. Вскорѣ послѣ того, какъ
1305. онъ сталъ папой, умерла Іоанна, супруга Филиппа, наслѣдница королевства наваррскаго и графства шампанскаго; Климентъ помогалъ Филиппу отдать эти земли во власть Людовика, старшаго сына его и умершей королевы.

Неудачи Филиппа.

Въ борьбѣ съ папой Филиппъ IV остался побѣдителемъ, но потерпѣлъ неудачу въ своемъ замыслѣ овладѣть Фландріей. Мы видимъ изъ этого, что межъ тѣмъ какъ могущество церкви падало, сила горожанъ росла. Факторы средневѣковой исторіи, іерархія и феодализмъ, ослабѣвали, наступило время владычества монархическаго принципа и развитія городовъ. Филиппъ IV покорилъ Фландрію и, чтобы держать ее въ строгомъ повиновеніи, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ ней графа Жака шатильіонскаго, человѣка суроваго, руководителемъ котораго былъ канцлеръ Пьеръ Флоттъ, юристъ, проникнутый идеями Юстиніанова кодекса, потому приверженецъ прин-

ципа неограниченности королевской власти. Во фландрскихъ городахъ поселилось много французовъ; зажиточные люди и городскіе правители почти всѣ принадлежали къ партіи приверженцевъ французскаго короля или, какъ ихъ называли, лиліардовъ. Но масса горожанъ оставалась предана плѣнному графу и желала стать подъ покровительство Англіи. Въ 1301 году начались въ Брюгге волненія, правители города арестовали вождей народной партіи, главнымъ изъ которыхъ былъ старшина цеха суконщиковъ, Питеръ Конунгъ, 60 лѣтній старикъ, человѣкъ очень краснорѣчивый. Простолюдины освободили ихъ и помогли имъ бѣжать. Жакъ Шатильіонскій считалъ надобнымъ наказать горожанъ за это самоуправство, наложилъ на виновныхъ большіе денежные штрафы, сломалъ городскую стѣну, построилъ цитадель для обузданія мятежниковъ. Неудовольствіе народа увеличилось, и вожди партіи враждебной французскому владычеству пріобрѣли надежду свергнуть иноземное иго. Питеръ Конунгъ и его товарищи вступили въ сношенія съ насынками плѣннаго графа, Жаномъ и Гюи Дампьерами; къ нимъ присоединились многіе другіе вельможи, собрали войско, пришли въ Брюгге и при содѣйствіи массы населенія овладѣли городомъ. Французамъ не было пощады; народъ узнавалъ ихъ по выговору: когда попадался толпѣ подозрительный человѣкъ, ему велѣли произнести слова Schild en Vriend; кто не могъ хорошо произнести ихъ, того убивали какъ француза. Главную силу враждебной французамъ толпы составляли мясники, суконщики и другіе ткачи. Народъ убилъ 1.200 французскихъ рыцарей и болѣе 2.000 пѣшихъ французскихъ воиновъ. Графъ шатильіонскій и Флоттъ едва успѣли спастись бѣгствомъ. Французы и ихъ сторонники были прогнаны изъ всей Фландріи. Подъ французской властью остались лишь Гентъ, Куртре и немногіе другіе города. Управленіе Фландріей перешло въ руки Питера Конунга и старшинъ цеховъ. Филиппъ собралъ большое войско; оно подъ начальствомъ Робера Артуасскаго пошло во Фландрію наказать мятежниковъ. Фландрскіе горожане встрѣтили его при Куртре; французскіе стрѣлки дѣйствовали такъ успѣшно, что плохо обученные, плохо вооруженные горожане начали отступать. Но французскіе рыцари не хотѣли, чтобы честь побѣды была приписана стрѣлкамъ; побѣдителями мятежныхъ простолюдиновъ слѣдовало быть, по мнѣнію рыцарей, не простолюдинамъ, а дворянамъ; они помчалились топтать мятежниковъ копытами своихъ коней,—но въ горячности атаки поскакали черезъ свою пѣхоту; ряды ея разстроились, фламандцы ободрились и заняли крѣпкую позицію за болотистымъ рвомъ; французскіе рыцари мчались такъ стремительно, что передніе ряды ихъ были столкнуты напоромъ заднихъ въ ровъ; фламандцы своими длинными копьями кололи увязнувшихъ въ болотѣ рыцарей. Гюи Дампьеръ и Вильгельмъ, графъ юлихскій, начальствовавшіе крыльями фламандскаго войска, перешли ровъ, на-

Изгнаніе французскаго войска изъ Брюгге 1302.

Май 1302.

Битва при Куртре 11 іюля 1302.

пали на французовъ съ фланговъ, и битва кончилась полнымъ пораженіемъ французскаго войска. Подъ копьями фламандскихъ ремесленниковъ пали Роберъ Артуасскій, Жакъ Шатильіонскій, коннетабль Рауль де Нель, канцлеръ Флоттъ, много другихъ вельможъ, до 6.000 рыцарей, и еще гораздо большее число пѣшихъ воиновъ. Тысячи паръ шпоръ, снятыхъ съ убитыхъ французскихъ рыцарей, были сложены въ мастрихтской церкви, какъ трофеи побѣды. Французы были выгнаны изъ Гента, Куртре и другихъ фландрскихъ городовъ, въ которыхъ держались до той поры; вмѣстѣ съ ними бѣжали и лиліарды.

Приготовленія Филиппа къ новому походу.

Филиппъ IV не могъ оставить не отмщеннымъ такой позоръ. Онъ сталъ чеканить монету низкой пробы, дѣлалъ насильственные займы, установилъ новые налоги, собиралъ деньги всяческими притѣсненіями и снаряжалъ на нихъ новое войско. Но побѣда при Куртре́ дала фламандцамъ увѣренность въ своихъ силахъ; они ожидали врага на границѣ. Мѣстность была неудобна для наступательныхъ дѣйствій, притомъ началась осень; французы, наученные опытомъ, не хотѣли дѣйствовать опрометчиво, нашли, что вступить въ рѣшительную битву было бы неблагоразумно. Король послалъ плѣннаго графа къ его подданнымъ склонять ихъ къ миру; фламандцы отвергли предложенія, которыя дѣлалъ имъ Филиппъ; графъ, вѣрный данному слову, возвратился въ плѣнъ. Филиппъ не хотѣлъ отказаться отъ Фландріи, которую ужь привыкъ считать своимъ владѣніемъ. Заключивъ миръ съ Англіей и одолѣвъ папу, онъ могъ обратить всѣ свои силы на сѣверъ и сталъ готовиться къ новому походу; требовалъ отъ своихъ подданныхъ новыхъ денежныхъ пособій, чеканилъ дурную монету, созывалъ вассаловъ, набиралъ наемниковъ. Въ южныхъ областяхъ, гдѣ еще не упрочилась привычка повиноваться французскому королю, ропотъ на притѣсненія сталъ переходить въ мятежи; но Филиппъ успокоилъ ихъ льстивыми обѣщаніями и нѣкоторыми дѣйствительными льготами. Онъ нѣсколько обуздалъ свирѣпость инквизиціи, произвелъ улучшенія въ судопроизводствѣ и администраціи, далъ южнымъ городамъ новыя права, расширилъ кругъ вѣдомства тулузскаго парламента, обѣщался отмѣнить обременительные налоги, требовать которыхъ теперь вынуждаютъ его военныя надобности, говорилъ онъ, и которыхъ онъ вовсе не хочетъ дѣлать постоянными. Южныя провинціи успокоились. Смерть бездѣтнаго графа ангулемскаго и ламаршскаго доставила ему новыя области. Онъ собралъ 12.000 всадниковъ и болѣе 50.000 человѣкъ пѣхоты и повелъ ихъ во Фландрію, а французскіе и нанятые королемъ генуэзскіе корабли поплыли въ Ламаншъ. Фламандцы рѣшились скорѣе умереть на полѣ битвы, чѣмъ отдаться въ рабство, и подъ начальствомъ своихъ вельможъ пошли на встрѣчу французамъ. Въ упорномъ сраженіи при Монсъ-анъ-Пюэллѣ (между Лиллемъ и Дуэ)

Битва при Монсъ-анъ-Пюэллѣ и заключеніе мира 1304.

18 августа фламандцы, стоявшіе за кольцомъ, составленнымъ изъ телѣгъ, отразили атаку и разстроили французское войско, но потомъ были опрокинуты; однако-жь они не потеряли мужества и, отступивъ въ Лилль, оборонялись такъ храбро, что король по совѣту своихъ военачальниковъ заключилъ миръ съ ними. Онъ соглашался возвратить Фландрію графу Гюи и его сыновьямъ, оставивъ за собою только ту часть этой страны, которая лежала на правомъ берегу рѣки Лиса и въ которой находились города Лилль, Дуэ, Бетюнъ; онъ говорилъ, что удерживаетъ эту область лишь какъ залогъ до уплаты выкупа за освобожденіе плѣннаго графа, а получивъ уплату возвратитъ ее. Но не сдержалъ слова и оставилъ ее навсегда за собой. Графъ Гюи умеръ въ Парижѣ до освобожденія изъ плѣна.—Итакъ Филиппъ, одолѣвшій папу и феодальныхъ владѣтелей, не могъ одолѣть фландрскихъ горожанъ; изъ этого мы видимъ, какого могущества уже достигли тогда нидерландскіе города. Уступки, сдѣланныя Филиппу фламандцами, были слишкомъ недостаточнымъ вознагражденіемъ за громадный уронъ войска и огромные расходы короля на войну; неудача отразилась и другимъ еще болѣе тяжелымъ для него результатомъ въ его собственныхъ владѣніяхъ. Французы съ завистью смотрѣли на благосостояніе фландрскихъ горожанъ: жены ремесленниковъ одѣвались тамъ лучше благородныхъ французскихъ дамъ. Французскіе горожане поняли, что источникъ благосостоянія фламандцевъ—свобода. Они спрашивали себя, почему жь не пользуются такой же свободой и французскіе города, и стали стремиться къ пріобрѣтенію самоуправленія. Чеканка дурной монеты, тяжелые налоги, лежавшіе главнымъ образомъ на горожанахъ, стѣсненіе торговли таможенными и рыночными пошлинами, деспотизмъ и алчность сборщиковъ податей и другія притѣсненія усиливали недовольство французскихъ горожанъ. Въ Парижѣ и въ южныхъ городахъ начались волненія; дѣло часто доходило до мятежей, для подавленія которыхъ нужны были битвы на улицахъ. При одномъ изъ мятежей въ Парижѣ народъ разрушилъ богатые дома Этьена Барбетта, завѣдовавшаго чеканкой монеты. Это были симптомы новыхъ стремленій массы народа, проникнувшейся желаніемъ разрушить феодальное устройство и освободиться отъ деспотизма. Филиппъ сурово наказывалъ мятежные города.

Результаты мира.

Деспотизмъ и алчность Филиппа съ особенной яркостью проявились въ гнусномъ и свирѣпомъ коварствѣ, съ какимъ онъ захватилъ себѣ богатства ордена тампліэровъ. Королевская казна была истощена походами на фламандцевъ; король продолжалъ нуждаться въ деньгахъ и по заключеніи мира съ ними; онъ думалъ поправить свои денежныя дѣла, ограбивъ евреевъ; въ іюнѣ 1306 года онъ добылъ этимъ способомъ большія суммы, но и онѣ были недостаточны для устраненія его денежныхъ затрудненій; увеличивать налоги было нельзя

Орденъ тампліэровъ.

ему, потому что всѣ сословія роптали; онъ рѣшился исполнить мысль, которую по всей вѣроятности давно имѣлъ, завладѣть имѣньями и сокровищами ордена тампліэровъ. Этотъ орденъ былъ очень богатъ. Тампліэры прославились храбрыми подвигами въ битвахъ противъ мусульманъ, получили огромныя имѣнья въ западной Европѣ, принадлежали большею частью къ знатнымъ фамиліямъ, пользовались расположеніемъ папы, пріобрѣли себѣ множество привилегій. Они возбуждали своими богатствами зависть въ духовенствѣ, говорившемъ, что земли и доходы, данные имъ, отняты у него. Орденъ тампліэровъ образовалъ какъ будто особое государство, независимое отъ королей, во владѣніяхъ которыхъ лежали его имѣнья, потому и короли подобно епископамъ стали непріязненны ему. Когда мусульмане отняли у христіанъ всѣ владѣнія въ Палестинѣ, исчезла надобность, которая служила важнѣйшимъ оправданіемъ привилегій и богатствъ ордена тампліэровъ: война ихъ съ невѣрными въ Палестинѣ прекратилась. Уже раньше того многіе рыцари ихъ ордена постоянно жили въ своихъ европейскихъ замкахъ; уже и тогда говорили, что тампліэры предпочитаютъ спокойное наслажденіе роскошью войнѣ съ невѣрными, уже тогда ходила молва, что они—тайные мусульмане, что у нихъ есть таинственные обряды, что они занимаются чародѣйствомъ, молятся идоламъ. Послѣ паденія Акки, которую тампліэры защищали съ обыкновенной своей блестящей храбростью, они, покинувъ Палестину, поселились на Кипрѣ. Гросмейстеромъ ордена былъ тогда Жакъ Моле́, уроженецъ графства бургундскаго (Франшъ-Конте), человѣкъ знатной фамиліи. Нѣмецкій орденъ пріобрѣлъ себѣ новую арену дѣятельности въ прибалтійскихъ земляхъ; іоанниты скоро нашли себѣ дѣло, соотвѣтствовавшее предназначенію ихъ ордена: они поселились на Родосѣ и стали вести войну съ мусульманами. У тампліэровъ не было никакого подобнаго занятія на востокѣ; по всей вѣроятности, они думали возвратиться въ западную Европу, праздно наслаждаться роскошью въ своихъ замкахъ. Думали ль они объ этомъ или нѣтъ, но Жакъ Моле́ принялъ приглашеніе Климента V, который неожиданно выразилъ желаніе, чтобъ онъ и его помощники по управленію дѣлами ордена пріѣхали во Францію для совѣщаній о новомъ крестовомъ походѣ. Это было въ іюнѣ 1306 года. Жакъ Моле съ 60 рыцарями, составлявшими конвентъ (правительственный совѣтъ) ордена, поплылъ во Францію. Онъ взялъ съ собой казну ордена, состоявшую изъ 150.000 золотыхъ монетъ и такого количества серебряныхъ, которое равнялось цѣлымъ десяти вьюкамъ. Эта казна была положена въ парижскомъ дворцѣ тампліэровъ, Тамплѣ. Моле и сопровождавшіе его рыцари поселилились и сами въ этомъ дворцѣ.

Орденъ тампліэровъ пріобрѣлъ во Франціи такое положеніе, что если бы гросмейстеръ

и конвентъ переселились туда, то могли бы нѣсколько стѣснять свободу дѣйствій короля. Тампліэры имѣли очень много владѣній во Франціи, особенно на югѣ; казна ихъ казалась неистощимой; орденъ имѣлъ свою самостоятельную политику, не соотвѣтствовавшую стремленію Филиппа къ пріобрѣтенію неограниченной власти. Число имѣній, жертвуемыхъ ордену, было очень велико; мотивомъ пожертвованій была на словахъ забота о душевномъ спасеніи; на самомъ дѣлѣ жертвователи желали только пріобрѣсти себѣ покровительство ордена. Съ этой цѣлью и вельможи и свободные поселяне передавали ему часть своихъ земель или даже всѣ свои земли, то-есть дѣлались вассалами ордена, возвращавшаго эти земли жертвователямъ, какъ орденскіе лены. Ремесленники, не имѣвшіе земель, присягали на вѣрность ордену и обѣщались платить ему небольшую дань «для своей пользы и для отвращенія будущихъ опасностей», какъ выражаются объ этомъ сами они въ своихъ письменныхъ обязательствахъ. «Подъ опасностями» тутъ должно понимать произвольныя притѣсненія мѣстныхъ королевскихъ правителей и въ особенности произвольныя распоряженія самого короля; ремесленники цѣлыми массами отдавались подъ покровительство ордена тампліэровъ, чтобъ уклониться отъ обременительныхъ налоговъ, какіе непрерывно установлялъ Филиппъ IV. Даже подданные церкви искали покровительства тампліэровъ; духовные сановники жаловались королю, что орденъ беретъ ихъ подданныхъ подъ свою защиту, и Филиппъ IV запретилъ тампліэрамъ принимать подданныхъ церкви подъ покровительство ордена.

Причины ненависти Филиппа къ тампліэрамъ.

Филиппъ хотѣлъ уничтожить орденъ тампліэровъ для того, чтобъ овладѣть ихъ богатствами; но кромѣ алчности, у него былъ и другой мотивъ желать погибели имъ; онъ былъ озлобленъ на нихъ. При его борьбѣ съ Бонифаціемъ они стояли на сторонѣ папы; выдавая замужъ свою дочь Изабеллу, онъ сдѣлалъ заемъ у нихъ, они требовали возвращенія этой ссуды; они помогали изгнанію французовъ изъ Сициліи. Въ 1304 году парижане, выведенные изъ терпѣнія новымъ ухудшеніемъ монеты, подняли мятежъ; тампліэры участвовали въ его возбужденіи, досадуя на убытокъ, сдѣланный имъ порчею монеты; король принужденъ былъ бѣжать во дворецъ тампліэровъ отъ народа, ярость котораго угрожала его жизни; тампліэры спасли его, но онъ не могъ простить имъ участія въ униженіи, которому подвергся. Мы уже говорили, что ихъ привилегіи, богатства, родственныя связи съ вельможами давали имъ независимое положеніе, стѣснявшее произволъ королевской администраціи. Но алчность всетаки была главнымъ побужденіемъ Филиппа къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нихъ: онъ полагалъ, что, завладѣвъ ихъ сокровищами, онъ выпутается изъ своихъ денежныхъ затрудненій.

Арестованіе тампліэровъ. 1307.

Чтобъ уничтожить орденъ тампліэровъ, Филиппу необходимо было содѣйствіе папы. Климентъ V при всей своей покорности волѣ короля не могъ принять участіе въ гоненіи на тампліэровъ иначе, какъ получивъ какое нибудь оправданіе своимъ поступкамъ; оправданіемъ ему могли служить только какія нибудь нравственныя или религіозныя обвиненія противъ ордена. О нравственности тампліэровъ, объ ихъ невѣрности христіанству давно ходила молва; Филиппъ обрадовался, нашедши двухъ свидѣтелей, которые подтвердили ее

своими показаніями. Скенъ Флессіанъ (Squin de Flexian) уроженецъ города Безье, бывшій комтуромъ ордена тампліэровъ въ Монфоконѣ (то есть администраторомъ имѣній ордена въ монфоконской области), исключенный изъ членовъ ордена за плутовство и разные гнусные поступки и приговоренный къ вѣчному заточенію въ темницу, уговорился съ негодяемъ, который сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ тулузской темницѣ, флорентинцемъ Ноффодеи, пріобрѣсти помилованіе и награду, услуживъ королю доносомъ на безнравственность тампліэровъ и на отступничество ихъ отъ христіанства. Бывшій комтуръ попросилъ себѣ аудіэнціи у короля. Филиппъ велѣлъ привести его къ себѣ; онъ сказалъ королю, что въ орденѣ тампліэровъ владычествуютъ гнусные пороки, что тампліэры совершаютъ несогласные съ христіанской религіей обряды, что при поступленіи въ орденъ тампліэровъ каждый, принимаемый въ него, даетъ клятву участвовать въ этихъ порочныхъ и безбожныхъ дѣлахъ и скрывать ихъ въ тайнѣ. Флессіанъ составилъ записку о порокахъ и преступленіяхъ тампліэровъ; они были соединены подъ десять рубрикъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: отреченіе отъ Христа, поклоненіе идолу Баффомету и противуестественные пороки. Король требовалъ, чтобы папа началъ преслѣдованіе тампліэровъ на основаніи этого доноса; папа не согласился; король, имѣвшій усерднымъ помощникомъ своего канцлера Гильіома Ногаре, обошелся и безъ содѣйствія папы; онъ разослалъ областнымъ правителямъ циркулярное предписаніе внезапно окружить жилища тампліэровъ рано утромъ 13 октября (1307 года), арестовать ихъ и секвестровать всѣ ихъ имущества. Это распоряженіе простиралось на всѣхъ тампліэровъ во всѣхъ владѣніяхъ Филиппа. Оно было исполнено съ точностью. Въ Парижѣ было арестовано 140 тампліэровъ, въ томъ числѣ гройсмейстеръ Жакъ Моле и многіе изъ другихъ сановниковъ ордена. Были арестованы тампліэры и во всѣхъ областяхъ, находившихся подъ властью Филиппа. Онъ обнародовалъ манифесты, въ которыхъ оправдывалъ свое распоряженіе ересями и другими преступленіями тампліэровъ. Духовникъ Филиппа доминиканецъ Гильіомъ Эмберъ (Imbert) началъ судебное слѣдствіе противъ нихъ. Парижскій университетъ протестовалъ противъ суда, нарушающаго каноническіе законы; дѣйствительно процессъ былъ начатъ противузаконно: орденъ тампліэровъ былъ церковнымъ учрежденіемъ и ужь по одному этому подлежалъ только церковному суду; притомъ ему были даны особыя привилегіи, освобождавшія его отъ подвластности и всякому церковному суду, кромѣ папскаго; такимъ образомъ только папа имѣлъ право назначить судебное слѣдствіе надъ орденомъ тампліэровъ. Но Филиппъ не стѣснялся никакими привилегіями и законами. Тампліэровъ при допросахъ подвергали пыткамъ; благодаря этому получали отъ многихъ изъ нихъ всяческія признанія, какихъ требовали; ссылаясь на при-

знанія самихъ тампліэровъ, Филиппъ убѣждалъ и другихъ государей подвергнуть преслѣдованію орденъ, виновный въ гнусныхъ преступленіяхъ; онъ склонялъ къ этому испанскихъ королей, сицилійскаго короля, англійскаго короля. Доминиканцы, завидовавшіе богатству и знатности тампліэровъ, ненавидѣвшіе ихъ за просвѣщенный образъ мыслей, усердно исполняли свою обязанность инквизиторовъ.

Филиппъ принуждаетъ Климента принять участіе въ преслѣдованіи тампліэровъ 1307—1308.

Папа находился въ затрудненіи; онъ еще не рѣшилъ въ своихъ мысляхъ, какъ далеко надобно ему пойдти въ содѣйствіи своекорыстному плану Филиппа, старался сдержать горячность слѣдователей, замедлить ходъ слѣдствія; требовалъ, чтобы дѣло было передано въ римскую курію. Но Филиппъ заставилъ Климента V дѣйствовать по его желанію. Королевскіе агенты отправляли папѣ просьбы съ подложными подписями; въ этихъ мнимыхъ заявленіяхъ народнаго чувства говорилось, что папа долженъ избавить французовъ отъ еретиковъ, измѣнниковъ христіанству. Филиппъ напоминалъ Клименту о тѣхъ обѣщаніяхъ, какія далъ онъ передъ полученіемъ папскаго сана и въ особенности о томъ, что онъ обѣщался предать Бонифація осужденію; король неотступно требовалъ, чтобъ это обѣщаніе было исполнено; онъ называлъ промедленіе папы измѣной церкви, защитникомъ которой выставлялъ себя. Климентъ былъ въ полной зависимости отъ Филиппа, не могъ вырваться изъ его сѣтей, сталъ соучастникомъ юридическаго злодѣйства, унизилъ папскій санъ, сдѣлавшись помощникомъ палачей. Въ ноябрѣ (1307 года) онъ отправилъ Эдуарду II буллу, въ которой говорилъ, что всѣ обвиненія противъ тампліэровъ, слышанныя его возлюбленнымъ сыномъ, Филиппомъ, основаны на истинѣ, убѣждалъ англійскаго короля арестовать тампліэровъ въ его владѣніяхъ и конфисковать ихъ имущества. Эдуардъ послѣдовалъ предложенію папы, разослалъ тайныя запечатанныя повелѣнія по своимъ владѣніямъ; въ Англіи, Уельзѣ, Ирландіи всѣ тампліэры были, какъ во Франціи, схвачены и брошены въ темницы въ одинъ день (7 января 1308); но судебное слѣдствіе производилось менѣе жестоко, чѣмъ во Франціи. Въ маѣ 1308 Филиппъ созвалъ государственный сеймъ въ Туръ; собранію были прочтены признанія тампліэровъ, на основаніи ихъ сеймъ одобрилъ дѣйствіякороля и отъ имени французскаго народа постановилъ, что процессъ слѣдуетъ продолжать. Получивъ эту поддержку, Филиппъ отправился въ Пуатье на свиданіе съ папой и настойчиво возобновилъ свои требованія. Онъ уже имѣлъ новый замыселъ: передъ тѣмъ временемъ былъ убитъ Альбрехтъ, король нѣмецкій, и Филиппъ задумалъ или самъ сдѣлаться нѣмецкимъ королемъ, или доставить нѣмецкую корону своему брату, Карлу Валуа. Ему было надобно много денегъ на покупку голосовъ курфирстовъ, и тѣмъ жаднѣе желалъ онъ овладѣть сокровищами тампліэровъ. Климентъ, вообще боявшійся Филиппа, теперь больше обыкновеннаго робѣлъ передъ нимъ, потому что тайно противодѣйствовалъ въ Гер-

маніи его интригамъ, опасался, что это раскроется и навлечетъ на него сильный гнѣвъ Филиппа; потому сдѣлалъ новую уступку ему по дѣлу тампліэровъ и 12 августа обнародовалъ буллу (Faciens misericordiam), въ которой, обращаясь ко всѣмъ государямъ и духовнымъ сановникамъ, повторялъ, что допросами тампліэровъ несомнѣнно подтверждены ихъ преступленія, потому онъ поручаетъ всѣмъ правителямъ подвергнуть суду тампліэровъ, находящихся въ ихъ земляхъ, и отлучитъ отъ церкви тѣхъ, кто не исполнитъ этой обязанности.

Юридическія убійства въ 1309—1310.

Въ исполненіе папской буллы были повсюду арестованы тампліэры и учреждены слѣдственныя коммиссіи, допрашивавшія ихъ по приложенному къ буллѣ списку 127 вопросовъ. Главный процессъ производился въ Парижѣ. Число тампліэровъ, содержавшихся въ парижскихъ темницахъ, дошло до 544 человѣкъ. Слѣдствіе производила коммиссія, состоявшая изъ французскихъ прелатовъ, назначенныхъ папой. Процессъ длился уже нѣсколько мѣсяцевъ; но слѣдователи, бывшіе въ то же время и судьями, не находили возможности постановить приговоръ, потому что подсудимые отрекались отъ всѣхъ своихъ прежнихъ показаній противъ себя и ордена, объявляя ихъ вынужденными пыткой, лживыми. Филиппъ не нашелъ надобнымъ дожидаться приговора папской коммиссіи. Онъ созвалъ въ Сансѣ областной соборъ подъ предсѣдательствомъ епископа Филиппа Мариньи (брата министра Ангеррана Мариньи); суду этого собора были преданы 45 тампліэровъ; онъ объявилъ ихъ виновными въ возвращеніи къ ереси, отъ которой отреклись они, и Филиппъ 12 мая 1310 года сжегъ этихъ тампліэровъ на кострахъ передъ аббатствомъ св. Антонія (въ Сентъ - Антуанскомъ предмѣстьи Парижа). Вскорѣ послѣ того было сожжено еще восемь тампліэровъ на томъ же мѣстѣ и десять тампліэровъ въ Реймсѣ. Эти казни были нарушеніемъ судебныхъ правъ папской коммиссіи; она пріостановила на нѣкоторое время свою дѣятельность, а нѣкоторые изъ членовъ ея совершенно отказались отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ. Въ концѣ года она возобновила свои засѣданія, выслушала свидѣтелей, закончила слѣдствіе и отослала акты его папѣ, созвавшему вселенскій соборъ католической церкви для рѣшенія судьбы ордена тампліэровъ. Мѣстомъ собора была назначена Вьенна. Нѣсколько тампліэровъ были отвезены къ папѣ; коммиссія, составленная имъ изъ кардиналовъ, подвергла ихъ новымъ допросамъ въ присутствіи самого папы; при допросахъ не было употребляемо ни пытокъ, ни насилій. Коммиссія держала себя съ подсудимыми кротко. Ихъ показанія не оставили никакого сомнѣнія въ виновности ордена, подтвердили въ существенныхъ чертахъ результаты, полученные парижскимъ и другими процессами. Спасти орденъ, какъ того желалъ и сначала надѣялся папа, оказалось невозможнымъ. Но осужденіе ордена наносило тяжелый

ударъ римской церкви, покровительствовавшей ему; потому папа долго не хотѣлъ предать осужденію тампліэровъ. Въ октябрѣ 1311 года собрался вьеннскій соборъ, засѣданія его продолжались всю зиму. Вьеннскій соборъ 1311—1312. Папа, кардиналы, епископы придумывали разныя средства предотвратить формальное осужденіе ордена тампліэровъ: нѣкоторые полагали присоединить его къ іоаннитскому ордену, другіе думали, что достаточно будетъ преобразовать его уставъ и объявить членовъ его обязанными жить на Кипрѣ и вести войну съ невѣрными въ Сиріи. Но въ февралѣ (1312 года) король самъ пріѣхалъ во Вьенну и снова потребовалъ, чтобы произведено было слѣдствіе по его обвиненіямъ противъ Бонифація и чтобъ этотъ папа былъ преданъ осужденію. Угрозы Филиппа запугали Климента и соборъ; провозгласить Бонифація VIII еретикомъ значило бы нанести католической церкви ударъ болѣе тяжелый, нежели тотъ стыдъ, какому подвергало ее осужденіе ордена тампліэровъ; чтобъ отвратить отъ церкви болѣе тяжелое пораженіе, Климентъ уступилъ желанію короля по дѣлу тампліэровъ. Буллой Vox in excelso audita est папа въ робкихъ выраженіяхъ объ- 2 мая 1312. явилъ христіанскимъ народамъ, что орденъ тампліэровъ уничтожается «по заботливости» главы церкви о ея благѣ, а не «по судебному приговору», и постановилъ, что владѣнія этого ордена за исключеніемъ находящихся въ Испаніи передаются іоаннитамъ. Но распоряженіе объ имуществахъ ордена было исполнено лишь отчасти. Филиппъ IV удержалъ за собою владѣнія, принадлежавшія тампліэрамъ во Франціи. Въ Англіи и въ другихъ государствахъ часть ихъ перешла не къ іоаннитамъ, а въ руки мірянъ.

Разборъ обвиненій противъ тампліэровъ.

Орденъ тампліэровъ, два вѣка бывшій опорой и славою христіанства въ Палестинѣ, палъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ орденъ іезуитовъ, не безъ собственной вины, но по приговору, произнесенному съ нарушеніемъ законныхъ формъ суда. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тампліэры часто жертвовали интересами христіанства своей выгодѣ, входили съ сарацинами въ сношенія, которыя могли быть называемы измѣною христіанской вѣрѣ; вѣроятно многіе рыцари ихъ ордена предавались разврату; вообще, ихъ мысли были несогласны съ ученіемъ римской церкви; нѣкоторые изъ нихъ, подобно тампліэру въ „Наѳанѣ Мудромъ“ Лессинга, „возвышались надъ споромъ между религіями“; по актамъ, которые изданы теперь, и въ особенности по протоколамъ допросовъ, дѣланныхъ тампліэрамъ въ присутствіи самого папы, несомнѣнно даже то, что принятіе въ члены ордена соединено было иногда съ гадкими обрядами, съ богохульствомъ и церемоніями, напоминавшими идолопоклонство, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ ордена отъ принимаемаго въ нихъ требовали поруганія надъ христіанскими обрядами. Правда, булла объ уничтоженіи ордена тампліэровъ говоритъ о мотивахъ этого рѣшенія папы туманными выраженіями, заставляющими думать, что оно было произнесено не на основаніи законныхъ юридическихъ уликъ, а лишь по соображенію, что польза церкви требуетъ прекратить еретичество и порочность ордена. Но по актамъ процесса и по разъясненію ихъ сличеніемъ съ нашими свѣдѣніями о ересяхъ XIII вѣка, новѣйшіе изслѣдователи нашли возможность опредѣлить содержаніе

тайнаго ученія тампліэровъ. Среда, въ которой дѣйствовали тампліэры, мало по малу отвлекла ихъ отъ католическихъ вѣрованій. Александръ III далъ рыцарямъ право имѣть своими духовниками священниковъ, состоявшихъ при ихъ орденѣ; начальство ордена постановило, что рыцари не могутъ исповѣдываться ни у какихъ другихъ священниковъ, кромѣ своихъ; это освободило орденъ отъ всякаго контроля церкви. По ходу дѣлъ въ Палестинѣ орденъ былъ принужденъ держаться своей особенной политики, скоро привыкъ руководиться только своими выгодами и считать дозволительными всѣ средства къ достиженію своихъ цѣлей. Онъ пріобрѣталъ этимъ большіе успѣхи; они укрѣпляли въ немъ расположеніе къ такому выгодному образу дѣйствій. Онъ имѣлъ очень много владѣній въ южной Франціи, въ составѣ его находилось очень много провансальцевъ; это внесло въ него понятія, родственныя альбигойской ереси; при своей замкнутости и независимости онъ имѣлъ полную возможность уклоняться отъ вѣрности католической догматикѣ и въ немъ развилось еретическое направленіе. Альбигойскія войны ослабили связь ордена съ католической церковью. Погибель христіанскихъ владѣній въ Малой Азіи произвела очень тяжелое впечатлѣніе на орденъ, прославившійся подвигами въ борьбѣ за ихъ охраненіе. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ орденъ, оставаясь по внѣшности вѣренъ своему назначенію, принялъ около 1220 года, около времени неудачнаго похода сирійскихъ христіанъ въ Египетъ, тайное ученіе, имѣвшее большое сходство съ альбигойскою ересью. Каждый, посвящаемый въ это ученіе, давалъ клятву скрывать его отъ непосвященныхъ. Измѣнивъ своему назначенію, тампліэры предались роскоши. Они сражались съ мусульманами, лишь когда можно было разсчитывать на богатую добычу или на завоеванія. За исключеніемъ этихъ не очень частыхъ случаевъ орденъ жилъ въ мирѣ и дружбѣ съ мусульманами, дозволялъ имъ въ своихъ замкахъ свободно совершать мусульманское богослуженіе; рыцари были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ мусульманами. При развитіи свободнаго образа мыслей по религіознымъ вопросамъ, у тампліэровъ развилась склонность къ неприличнымъ обрядамъ, напоминавшимъ ересь, называвшуюся люциферіанской; въ этихъ обрядахъ было нѣчто, подобное идолослуженію. Смутные слухи объ уклоненіяхъ тампліэровъ отъ ученія католической церкви и объ ихъ таинственныхъ обрядахъ проникли въ народъ, разрослись, и такимъ образомъ понемногу сложилась молва, обвинявшая тампліэровъ въ идолопоклонствѣ и гнусномъ развратѣ. Филиппъ воспользовался ею, чтобъ овладѣть богатствами ордена и при помощи раболѣпнаго папы погубилъ тампліэровъ, попавшихся въ его руки. Въ другихъ государствахъ тампліэровъ не жгли, какъ во Франціи, удовольствовались тѣмъ, что захватили ихъ имущества и долго держали ихъ въ темницахъ. Только родственная Филиппу неаполитанская династія подвергла ихъ кровавому мщенію въ наказаніе за то, что они помогали отпаденію Сициліи отъ неаполитанскаго королевства.

Сожженіе Жака Молэ 1313.

Свирѣпости, совершаемыя Филиппомъ въ Парижѣ, зъкончились сценой, увеличившей ужасъ Европы. Гросмейстеръ Жакъ Молэ и четыре другіе высшіе сановники ордена были осуждены на вѣчное заточеніе въ темницу. Этотъ приговоръ былъ прочтенъ имъ 17 марта 1313 года на площади передъ храмомъ Парижской Богоматери при безчисленномъ множествѣ народа. Выслушавъ приговоръ, гросмейстеръ объявилъ лживыми тѣ признанія, какія были прочтены народу, какъ сдѣланныя имъ, и сказалъ, что орденъ повиненъ въ преступленіяхъ,

за которыя осужденъ. Одинъ изъ четырехъ сановниковъ ордена, Гюи Овернскій, подтвердилъ слова гросмейстера. Филиппъ и его сановники осудили на смерть гросмейстера и Гюи Овернскаго, какъ еретиковъ, которые, отрекшись отъ ереси, снова впали въ нее; на слѣдующій день они оба на той же площади были сожжены медленнымъ огнемъ. Взошедши на костеръ, Молѐ громко сказалъ, что заслуживаетъ смерти, потому что въ страданіяхъ пытки онъ по любви къ жизни согласился произнести лживыя обвиненія ордена въ порокахъ и преступленіяхъ. Эти его слова и страдальческая смерть произвели глубокое впечатлѣніе на народъ; Молѐ сталъ во мнѣніи французовъ мученикомъ, и пепелъ его тѣла хранили, какъ святыню. Молва говорила, что онъ съ костра призывалъ папу и Филиппа на судъ съ нимъ передъ Богомъ. Папа и король оба умерли вскорѣ послѣ сожженія Молѐ, и народъ находилъ, что смерть ихъ—судъ Божій надъ ними. Судьба тампліэровъ по уничтоженіи ордена ихъ была въ разныхъ государствахъ неодинакова. Многіе изъ нихъ умерли въ темницѣ, многіе бѣжали и погибли въ бѣдствіяхъ скитальческой жизни; но многіе были приняты въ другіе рыцарскіе ордена или въ монахи. Въ Арагоніи, Кастиліи, Португаліи они были приняты въ испанскіе рыцарскіе ордена, учрежденные для войны съ маврами. Во Франціи имущества тампліэровъ были конфискованы королемъ, который отдалъ городамъ довольно многіе изъ ихъ городскихъ домовъ; но укрѣпленный дворецъ тампліэровъ въ Парижѣ оставилъ за собой. Народная молва говорила, что въ могильномъ склепѣ тампліэровъ каждый годъ въ ночь уничтоженія ихъ ордена является призракъ въ бѣлой мантіи съ краснымъ крестомъ и спрашиваетъ, кто будетъ сражаться за освобожденіе гроба Господня; изъ могилъ слышится отвѣтъ: «Никто! никто!»

Заключеніе.

d) Смерть Филиппа IV; результаты его правленія.

Около того времени, какъ захватилъ владѣнія и сокровища тампліэровъ, Филиппъ овладѣлъ большимъ богатымъ городомъ Ліономъ, который составлялъ нѣкогда часть бургундскаго королевства, присоединеннаго къ нѣмецкому; но при Гоэнштауфенахъ пріобрѣлъ такую независимость, что Иннокентій IV переселился въ него для веденія борьбы съ Фридрихомъ II. Бургундское королевство въ это время уже не повиновалось нѣмецкому королю, и власть его надъ Ліономъ была только историческимъ воспоминаніемъ. Но довольно сильна оставалась власть ліонскаго архіепископа надъ городомъ, бывшимъ его резиденціей. Въ послѣднее время сила горожанъ значительно возросла, у нихъ начались бурные споры съ архіепископомъ; Филиппъ IV воспользовался этимъ и овладѣлъ городомъ. Филиппъ III уже принялъ на себя права судьи въ спорахъ горожанъ съ архіепископомъ,

Покореніе Ліона 1313.

и Ліонъ отдался подъ его покровительство. Когда вспыхнула новая ссора, Филиппу IV было предоставлено рѣшить ее; онъ подчинилъ городъ своей власти. Архіепископъ былъ принужденъ согласиться на договоръ, отнимавшій отъ него почти всю прежнюю власть; правителемъ Ліона сталъ сенешаль, назначенный королемъ; ліонская область была присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ короля французскаго.

1313.

Смерть Филиппа IV 29 ноября 1314.

Молва говорила, что гросмейстеръ ордена тампліэровъ призвалъ Филиппа на судъ Божій; народъ видѣлъ исполненіе этого призыва въ томъ, что король вскорѣ по сожженіи Молè сталъ страдать изнурительной болѣзнью, которой не могли понять врачи, и умеръ отъ нея на 46 году жизни (въ Фонтенбло, 29 ноября 1314). Передъ смертью онъ имѣлъ униженіе видѣть, что честь его семейства запятнана постыдными процессами. Жены трехъ его сыновей были преданы суду по обвиненію въ измѣнѣ мужьямъ; двѣ изъ трехъ были объявлены виновными и заперты въ темницы. Судъ рѣшилъ, что любовники обольстили ихъ посредствомъ волшебства. Обольстители были преданы мучительной казни; множество людей было обвинено въ содѣйствіи и казнено.

Характеръ Филиппа; результаты его правленія.

Филиппъ IV былъ государь очень энергичный и достигъ той цѣли, къ которой стремилась династія Капетинговъ: почти всѣ французскія области покорились владычеству короля, непосредственныя владѣнія его сдѣлались очень обширны, областные государи повиновались его безпощадному деспотизму. Филиппа должно считать истиннымъ основателемъ французской монархіи. Присоединеніемъ ліонской области, составлявшей часть бургундскаго королевства, покореніемъ англійскихъ владѣній и присоединеніемъ южной чести Фландріи, онъ проложилъ пути, идя которыми его преемники объединили подъ своей властью всѣ земли, имѣвшія французское населеніе. Онъ принудилъ церковь и феодальныхъ владѣтелей повиноваться повелѣніямъ короля, подавилъ въ своемъ государствѣ всѣ независимыя отъ короля власти, и съ его времени французскіе короли стали неограниченными господами Франціи.

Внутренняя политика.

Феодальные владѣльцы.

Филиппъ IV ловко находилъ средства ослаблять привилегированныя сословія и, безпощадно пользуясь всякимъ благопріятнымъ случаемъ, поработилъ ихъ волѣ короля. Мы уже говорили, что онъ бралъ церковные доходы на свои надобности; безцеремонно подавлялъ онъ и феодальныхъ владѣтелей; онъ требовалъ отъ королевскихъ вассаловъ военной службы въ размѣрѣ болѣе широкомъ, чѣмъ было установлено обычаемъ; часто онъ обращался съ призывами на службу прямо къ подвассаламъ, не спрашивая согласія ихъ ленныхъ господъ. Во время фландрской войны онъ запретилъ турниры, чтобы рыцари не отвлекались ими отъ участія въ походѣ. Онъ чеканилъ монету низкой пробы, отбиралъ хорошую монету, которую чеканили вассалы; выпускать хорошую монету и брать взамѣнъ ея дурную было убыточно для нихъ, а король винилъ ихъ въ томъ, что

они чеканятъ дурную монету, отдавалъ ихъ монетные дворы подъ надзоръ своихъ чиновниковъ; они отказывались отъ права, становившагося для нихъ источникомъ непріятностей и убытковъ. Такимъ образомъ порчею монеты онъ достигалъ двухъ цѣлей: обогащалъ свою казну и дѣлалъ право чеканить монету королевской привилегіей. Давая права дворянства простолюдинамъ, онъ унижалъ и ослаблялъ старую аристократію. Онъ давалъ по своему произволу даже высшій аристократическій титулъ „герцога и пэра“. Приглашая на государственные сеймы городскихъ депутатовъ, онъ ослабилъ вліяніе духовенства и вельможъ на государственныя дѣла. Онъ назначалъ на правительственныя и судебныя должности юристовъ, или какъ назывались они тогда во Франціи, легистовъ. Прежде юристами были люди духовнаго сословія, теперь возникло особое сословіе мірянъ, изучившихъ законы; эти легисты заняли средину между военнымъ дворянствомъ и духовенствомъ; самостоятельной силы они не имѣли, находились въ полной зависимости отъ короля, потому всячески помогали расширенію королевской власти. Черезъ нихъ Филиппъ IV подорвалъ патримоніальную (вотчинную судебную) власть землевладѣльцевъ, подорвалъ патронатъ (право землевладѣльца назначать священниковъ и администраторовъ), подчинилъ вотчинную власть вельможъ королевскому суду. Парижскій парлаленть пріобрѣлъ, какъ мы видѣли, большое значеніе еще при Людовикѣ Святомъ, ужь сталъ тогда апелляціоннымъ судомъ для всего королевства. Его значеніе сильно возросло при Филиппѣ IV, который пользовался имъ, какъ политическимъ орудіемъ для подавленія областныхъ владѣтелей. Филиппъ IV постановилъ, что парижскій парламентъ и два другіе существовавшіе тогда парламента, руанскій и труасскій, должны имѣть каждый годъ по двѣ сессіи (два періода засѣданій); онъ увеличилъ число членовъ парижскаго парламента, назначилъ на эти должности легистовъ; для ускоренія хода дѣлъ раздѣлилъ парижскій парламентъ на двѣ палаты апелляціонную и слѣдственную (chambre des requêtes, палату, производящую дѣла по „докладамъ“, жалобамъ на вельможъ или на низшіе трибуналы, и chambre des enquêtes); для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ обѣ палаты соединялись въ общее присутствіе. Люди, вполнѣ зависимые отъ короля и притомъ проникнувшіеся ученіемъ Юстиніанова кодекса о неограниченной власти монарха, легисты усердно помогали королю подавлять духовенство и феодальныхъ владѣтелей. Къ этому сословію безпощадныхъ исполнителей королевской воли принадлежали Ногаре, Флоттъ, Плазіанъ. Парижскій университетъ также пользовался покровительствомъ короля. Іоанна, жена Филиппа IV, основала наваррскій коллегіумъ, Collége de Navarre.

Юристы и парламенты.

Такимъ образомъ при Филиппѣ IV развилась неограниченная власть короля, и государственное устройство получило характеръ, противоположный средневѣковой раздробленности: королевская администрація охватила всѣ стороны общественной жизни; администраторы, назначаемые королемъ, стали безусловно завѣдовать государственными доходами; королевскія повелѣнія установляли границы, которыхъ не должны превышать издержки подданныхъ на наряды и пиры; король разрѣшалъ и запрещалъ вывозъ золота и серебра, установлялъ правила по ввозу и вывозу всякихъ товаровъ; его агенты вмѣшивались во всяческія дѣла, говорили въ случаяхъ надобности о естественной свободѣ человѣка, объ отмѣнѣ крѣпостного права. Филиппъ IV умеръ только черезъ 40 лѣтъ послѣ кончины своего дѣда, Людовика IX; но

Неограниченная власть короля.

въ эти 40 лѣтъ государственная жизнь Франціи получила совершенно новый характеръ.

---

4. Исторія Франціи отъ смерти Филиппа IV до начала англійскихъ войнъ.

Положеніе дѣлъ по смерти Филиппа IV.

Идеи, возникающія въ умахъ людей и стремящіяся осуществиться раньше, нежели настанетъ возможность того, подобны растеніямъ, появляющимся на солнечные лучи слишкомъ рано и погибающимъ отъ мороза. Филиппъ IV опередилъ свой вѣкъ: онъ хотѣлъ превратить феодальное государство въ неограниченную монархію, подчинить всю общественную жизнь волѣ короля и шелъ къ своей цѣли, не отступая ни передъ какими средствами. Но онъ умеръ, не кончивъ начатаго; изъ трехъ его сыновей, царствовавшихъ по нѣскольку лѣтъ одинъ послѣ другого, ни одинъ не былъ способенъ продолжать отцовскаго дѣла. Ихъ царствованія, взятыя всѣ три вмѣстѣ, продолжались только четырнадцать лѣтъ, такъ что одинъ архіепископъ короновалъ всѣхъ трехъ одного за другимъ. Недолгіе годы ихъ царствованій представляютъ рядъ мятежей, которыми было разрушено почти все устройство, созданное Филиппомъ IV, ослаблена монархическая власть; единство государства стало вновь распадаться.

Оппозиція.

Въ послѣднее время жизни Филиппа IV уже проявлялись признаки того, что возникаетъ сильная оппозиція, что феодальные владѣтели задумываютъ борьбу противъ подавляющей ихъ неограниченной власти короля. На сѣверѣ и на востокѣ они вступили между собою въ союзъ и пригласили владѣтелей остальной Франціи присоединиться къ нимъ, вмѣстѣ съ ними представить королю жалобу на нарушеніе ихъ правъ, требовать отмѣны притѣсненій. По смерти Филиппа энергія этого движенія увеличилась. Феодальные владѣтели протестовали противъ апелляціи отъ ихъ суда къ парижскому парламенту, противъ призыва ихъ вассаловъ на военную службу непосредственными повелѣніями короля помимо ихъ согласія. Шампанскіе бароны говорили, что не обязаны ходить въ заграничныя войны; пикардскіе владѣтели требовали, чтобы возвращено имъ было право безъ королевскаго разрѣшенія защищаться отъ нападеній. Преемникъ Филиппа IV, старшій сынъ его Людовикъ X, имѣвшій тогда только 25 лѣтъ и любившій роскошныя наслажденія больше серьезныхъ занятій, былъ неспособенъ держать областныхъ владѣтелей въ повиновеніи. Онъ былъ безпеченъ; дѣлами отъ его имени управлялъ его дядя, Карлъ Валуа. Безхарактерный и беззаботный новый король пожертвовалъ ненависти феодальныхъ владѣтелей слугами, исполнявшими деспотическія жела-

Людовикъ X 1314—1316.

Преслѣдованіе совѣтниковъ Филиппа IV.

нія его отца. Канцлеръ Пьеръ Латильи, епископъ шалонскій, получилъ отставку и былъ преданъ суду; должность канцлера была отдана одному изъ придворныхъ Карла Валуа. Королевскій адвокатъ парижскаго парламента (представитель требованій короля въ засѣданіяхъ парламента) Рауль Прель былъ брошенъ въ темницу, имѣнье его было конфисковано. Но въ особенности ненавидѣли феодалы Ангеррана Мариньи, безъ совѣта котораго Филиппъ IV не дѣлалъ ничего важнаго. Лѣтописцы называютъ его помощникомъ короля, правителемъ государства; ему, Ногаре и Плазіану приписывались всѣ деспотическіе поступки Филиппа IV. Онъ былъ преданъ суду особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ короля; его обвиняли въ расхищеніи казенныхъ денегъ и многихъ другихъ преступленіяхъ. Но всѣ его дѣйствія происходили по приказанію Филиппа, потому никакъ нельзя было приговорить его къ смерти по этимъ обвиненіямъ, и чтобы постановить смертный приговоръ, его обвинили въ чародѣйствѣ. Онъ былъ повѣшенъ въ Монфоконѣ, 30 апрѣля 1315. Его помощники были удалены отъ должностей, подвергнуты пыткамъ, приговорены къ тюремному заключенію. Прежде предлогами для юридическихъ убійствъ брали ереси, теперь выбрали сношенія съ нечистыми духами—чародѣйство.

Возстановленіе правъ вельможъ.

Отдавъ совѣтниковъ своего отца въ жертву ненависти феодаловъ, Людовикъ обѣщалъ областнымъ владѣтелямъ, что возстановитъ ихъ ленныя и судебныя права, будетъ чеканить такую монету, какая была при Людовикѣ IX, отмѣнитъ обременительныя подати, введенныя Филиппомъ IV, не будетъ произвольно требовать денежныхъ штрафовъ, прекратитъ другія денежныя притѣсненія, ограничитъ произволъ королевской администраціи, возстановитъ прежній законный порядокъ.

Людовикъ измѣняетъ обѣщаніямъ.

Но не смотря на всѣ обѣщанія и уступки феодаламъ, Людовикъ не возстановилъ стараго порядка. Горожане были враждебны феодаламъ; Людовикъ долженъ былъ сообразоваться съ ихъ желаніями, потому что нуждался въ деньгахъ. Во Франціи точно такъ же, какъ въ Англіи, денежныя затрудненія королей часто давали городамъ и торговымъ корпораціямъ возможность пріобрѣтать права и привилегіи. Надобностью въ деньгахъ объясняется и знаменитое постановленіе Людовика X объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, живущихъ на королевскихъ земляхъ. Оно говоритъ, что по естественному праву каждый франкъ (французъ) родится свободнымъ, и потому король возвращаетъ свободу крѣпостнымъ поселянамъ своихъ имѣній. Сущность дѣла для Людовика состояла въ томъ, что за освобожденіе онъ получалъ деньги. Онъ прямо говоритъ, что тѣ, кто по неразумію или незнанію не захотятъ получить свободу, насильственно получаютъ ее и платятъ выкупъ. Но всетаки это освобожденіе было великимъ шагомъ впередъ. Поселяне, живущіе на королевскихъ земляхъ, стали свободными людьми; крѣпостные поселяне феодальныхъ

владѣльцевъ захотѣли быть свободными, какъ они. Непосредственнымъ слѣдствіемъ освобожденія крѣпостныхъ поселянъ короля было то, что очень многіе изъ нихъ перешли жить въ города и сила городского сословія возросла.

Смерть Людовика X.

Людовикъ сталъ готовиться къ походу на сѣверъ, желая покорить фландрскіе города, которымъ принужденъ былъ возвратить независимость его отецъ. Но кромѣ того онъ занимался приготовленіемъ къ свадьбѣ. Онъ заперъ въ темницу и убилъ свою первую жену, Маргарету, принцессу бургонскую, чтобы жениться на Клеменціи, дочери короля неаполитанскаго. Въ августѣ 1315 года была отпразднована свадьба (въ Сенъ Лié близъ Труа), потомъ была отпразднована коронація, и наконецъ Людовикъ пошелъ съ большимъ войскомъ къ Куртрѐ. Но недостатокъ провіанта, котораго нельзя было заготовить по случаю неурожая, и осеннія непогоды отняли возможность пріобрѣсти серьезные успѣхи. Въ войскѣ была огромная смертность; пришлось вернуться назадъ; самъ король вскорѣ по возвращеніи занемогъ лихорадкой; она такъ изнурила его, что въ слѣдующемъ году
4 іюля 1316. онъ умеръ. У него была дочь отъ перваго брака, Іоанна; вторая жена осталась по смерти мужа беременной.

Рѣшеніе вопроса о наслѣдствѣ престола.

Братъ Людовика Филиппъ, графъ пуатускій, жилъ тогда въ Ліонѣ по случаю выбора новаго папы: кардиналы уже два года оставляли папскій престолъ вакантнымъ; Филиппъ убѣждалъ ихъ прекратить споры. Получивъ извѣстіе о смерти старшаго брата, онъ поспѣшилъ въ Парижъ. Вельможи, находившіеся тамъ, признали его регентомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Клеменція родила сына, но малютка очень скоро умеръ. Дядя Филиппа, младшій братъ его, братъ убитой Маргареты, герцогъ бургонскій Оттонъ IV и нѣкоторые другіе феодальные владѣтели защищали права Іоанны, дочери Людовика. Они говорили, что нѣтъ закона, воспрещающаго наслѣдованіе престола дочерью короля, не имѣющею братьевъ; они ссылались на то, что въ Наваррѣ и во всѣхъ французскихъ ленныхъ владѣніяхъ дочери наслѣдуютъ отцамъ, не имѣющимъ сыновей. Но большинство феодальныхъ владѣтелей, созванныхъ Филиппомъ въ Реймсъ, признали его королемъ; преданный ему архіепископъ реймсскій немедленно короновалъ его (9 января 1317). Государственный сеймъ, созванный въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Парижѣ, призналъ Филиппа законнымъ королемъ и при содѣйствіи юристовъ парижскаго университета составилъ законъ, объявлявшій, что женщины не наслѣдуютъ французскаго престола. Папа Іоаннъ XXII безъ всякаго колебанія призналъ Филиппа королемъ. Такимъ образомъ узурпація была превращена въ законное право и былъ установленъ неслыханный до того времени законъ о престолонаслѣдіи. Понятіе о королѣ было съ самаго начала среднихъ вѣковъ сеодинено съ понятіемъ о верховномъ военачальникѣ; вѣроятно эта связь понятій и послужила основаніемъ рѣше-

нія, что женщина не можетъ наслѣдовать престолъ. Оправданіемъ для новаго закона служила ссылка на старый законъ салійскихъ франковъ, говорившій, что женщина не можетъ наслѣдовать отцовскаго участка земли; но онъ относился только къ частной собственности и примѣненіе его къ престолонаслѣдію было несправедливо. На основаніи этого салійскаго закона государственный сеймъ объявилъ женщинъ не имѣющими права наслѣдовать французскій престолъ; это нововведеніе повлекло за собою продолжительныя войны. Но оно доставило Франціи ту выгоду, что устранило отъ французскаго престола потомство принцессъ, вышедшихъ за иноземныхъ государей; такимъ образомъ, французскими королями были исключительно люди, родившіеся и воспитавшіеся во Франціи, чистые французы.

Члены королевской династіи сначала протестовали противъ новаго закона, но скоро примирились съ нимъ. Іоанна была впослѣдствіи выдана за графа Филиппа эврёскаго, получила богатое приданое и право наслѣдовать послѣ короля Наварру, Шампань и Бри, если у него не будетъ сыновей. По прекращеніи старшей линіи Капетинговъ она дѣйствительно получила Наварру; въ 1329 году она и ея мужъ короновались въ Памплонѣ. Но Шампань и Бри были присоединены къ непосредственнымъ владѣніямъ королей младшей линіи Капетинговъ.

Филиппъ V Длинный возвратился къ политикѣ своего отца, но дѣйствовалъ произвольно и жестоко. Его царствованіе было непродолжительно, но въ эти немногіе годы былъ сдѣланъ рядъ распоряженій, показывающихъ, что король и его совѣтники были люди умные. Филиппъ конфисковалъ много имѣній, перешедшихъ изъ королевскаго владѣнія къ вельможамъ; объявилъ коронныя имѣнья не отчуждаемыми, постановилъ, что дѣйствительными должны считаться только тѣ пожалованія, которыя дѣлаются королемъ въ присутствіи правительственнаго совѣта. Этимъ была ограждена цѣлость имѣній, доходы съ которыхъ служили главнымъ источникомъ покрытія королевскихъ расходовъ. Филиппъ дѣятельно заботился о развитіи городовъ, улучшеніи судопроизводства и администраціи. Подобно отцу, онъ часто созывалъ государственный сеймъ, въ которомъ довольно важное значеніе получили депутаты городовъ; онъ слѣдовалъ отцовской политикѣ и въ томъ, что покровительствовалъ расширенію власти парижскаго парламента, и въ томъ, что стремился сдѣлать чеканку монеты привилегіею короля. Онъ издалъ правила, ограничивавшія число и роскошь турниpовъ, воспретилъ областнымъ владѣтелямъ вести войны между собою, запретилъ имъ строить замки, облегчилъ выкупъ крѣпостныхъ поселянъ, вообще покровительствовалъ ихъ освобожденію, расширялъ права городовъ, заботился о томъ, чтобы горожане формировали у себя милицію, отрядами которыхъ начальствовали королевскіе офицеры, назначалъ надежныхъ людей на административныя и финансовыя должности въ провинціяхъ, увели-

Филиппъ V 1316—1322.

чилъ число членовъ парижскаго парламента, заботился объ улучшеніи формъ судопроизводства. Онъ исключилъ изъ парламента прелатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что церковныя занятія не оставляютъ имъ достаточнаго времени для судебныхъ. Истинной цѣлью этого распоряженія было отнять у парламента феодальный и клерикальный характеръ, сдѣлать его послушнымъ орудіемъ королевской воли. Устраненіе духовныхъ лицъ изъ парламента имѣло своимъ результатомъ вокникновеніе сословія свѣтскихъ судей и администраторовъ, находившихся въ полной зависимости отъ короля.

Вмѣсто духовныхъ и свѣтскихъ пэровъ судьями въ парижскомъ парламентѣ сдѣлались юристы, поставившіе главной своей задачей расширеніе королевской власти. Они имѣли особую должностную одежду, называвшуюся robe, „платье“; потому ихъ самихъ называли gens de robe. Это „платье“ было мантія, опушенная горностаемъ. Скоро представился случай, показавшій, какъ безпощадно будутъ новые судьи обуздывать самоуправство вельможъ. Могущественный феодальный владѣтель одной изъ областей у подошвы Перенейскихъ горъ Жорданъ де Лилль, женатый на племянницѣ папы, былъ за самоуправство приговоренъ парижскимъ парламентомъ къ смерти. Ни родство съ папой, ни другія сильныя связи не спасли его; онъ былъ привязанъ къ хвосту лошади, его протащили по улицамъ къ мѣсту казни и повѣсили.

Смерть Филиппа V. 1320.

По распоряженіямъ Филиппа V мы видимъ, что онъ былъ человѣкъ энергическій. Внутреннее управленіе его было успѣшно; онъ пріобрѣлъ большую удачу и во внѣшихъ дѣлахъ: заключилъ съ графомъ фландрскимъ миръ, по которому спорные фландрскіе города остались за Франціей, а внукъ графа Робера, Людовикъ Неверскій, женился на дочери короля. Но казалось, что проклятіе тампліэровъ тяготѣетъ надъ родомъ Филиппа IV. Второй сынъ его, подобно старшему, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Филиппъ V дѣятельно занимался дѣлами, никто не ожидалъ его смерти; онъ принималъ мѣры для обузданія безчинства изувѣровъ, называвшихся пасторелями (pastorels, pastoureaux); это были толпы поселянъ, ходившія процессіями по всему королевству, буйствовавшія, грабившія. Въ южной Франціи подвергались свирѣпому гоненію евреи и такъ называемые прокаженные,—несчастные люди, которыхъ народъ считалъ отравителями колодезей и ручьевъ; король былъ озабоченъ и этимъ дѣломъ. Онъ казался здоровымъ; но 3 января 1322 года внезапно умеръ. Безпорядки, которыхъ не успѣлъ прекратить онъ, были подавлены областными правителями, но не скоро и съ большимъ трудомъ.

Карлъ IV. 1322—1328.

По закону, установленному при вступленіи на престолъ Филиппа V, дочь его была устранена отъ наслѣдованія короны, и королемъ былъ признанъ младшій братъ его, Карлъ IV, чрезвычайно походившій на отца и характеромъ и лицомъ, и подобно отцу получившій названіе Прекраснаго. Оставаясь вѣренъ правиламъ отца и старшихъ

братьевъ въ дѣлахъ внутренней политики, онъ однако жь мало занимался ими: онъ любилъ воевать. Людовикъ Неверскій, сдѣлавшись графомъ фландрскимъ, былъ усерднымъ приверженцемъ своего родственника, короля французскаго; подданнымъ казалось, что онъ жертвуетъ фландрскими интересами для французскихъ; во Фландріи поднялись мятежи; Карлъ вступился за графа и возстановилъ его власть. Обольстившись надеждой пріобрѣсти нѣмецкую корону, Карлъ вступилъ въ союзъ съ противниками Людвига Баварскаго, герцогами австрійскими и папой, убѣждалъ курфирстовъ избрать королемъ его. Пользуясь мятежами въ Англіи при Эдуардѣ II, какъ мы говорили, отнималъ одно за другимъ владѣнія англійскаго короля въ герцогствѣ гіэнскомъ (стр. 588); эти интриги и войны требовали большихъ расходовъ. Карлъ установлялъ обременительные налоги, чеканилъ дурную монету; это возбуждало ропотъ въ народѣ.

Прекращеніе старшей линіи Капетинговъ.

Карлъ IV умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, 1 февраля 1328 года. У него была дочь, и жена его осталась беременной. По его завѣщанію регентомъ сталъ двоюродный братъ его, Филиппъ, сынъ Карла Валуа (умершаго въ 1325 году); черезъ три мѣсяца по смерти мужа королева родила дочь. Такимъ образомъ, по установленному при вступленіи на престолъ Филиппа V закону, исключавшему дочерей отъ престолопаслѣдія, королемъ былъ провозглашенъ ближайшій родственникъ старшей линіи Капетинговъ, сынъ Карла Валуа. Эдуардъ III заявлялъ притязанія на французскій престолъ, какъ сынъ Изабеллы, дочери Филиппа III; но французскій государственный сеймъ объявилъ его притязанія неосновательными. Такимъ образомъ, на французскій престолъ вступила династія Валуа, младшая линія династіи Капетинговъ. Не задолго передъ тѣмъ получила очень высокое положеніе третья отросль королевской династіи, фамилія Бурбоновъ, происходившая отъ младшаго сына Людовика IX. Сынъ этого младшаго сына женился на наслѣдницѣ владѣтеля бурбонской области; Карлъ IV далъ этому владѣнію титулъ герцогства и возвелъ новаго герцога бурбонскаго въ званіе пэра. Старшая линія Капетинговъ царствовала 344 года. Многіе изъ королей этой династіи были очень даровитыми правителями. Французская нація возникла вмѣстѣ съ нею и достигла при ней великаго могущества. Теперь управленіе Франціей перешло къ младшей линіи Капетинговъ, которой надобно было защищать право на престолъ, данное ей новымъ закономъ.

Филиппъ VI 1328—1350.

Династія Валуа во многомъ отступила отъ той политики, которой держались Филиппъ IV и его сыновья. Новый король Филиппъ VI былъ, подобно своему отцу Карлу Валуа, защитникомъ феодальныхъ владѣтелей; онъ сохранилъ расположеніе къ нимъ и по вступленіи на престолъ. Вельможи радовались, видя, что владычество юристовъ падаетъ; доказательствомъ тому служило, что Филиппъ послѣ великолѣпнаго коронаціоннаго праздника въ Реймсѣ отдалъ Реми, совѣт-

ника Карла IV, на мщеніе его врагамъ, какъ Людовикъ X пожертвовалъ Ангерраномъ. Реми былъ казненъ. Филиппъ VI далъ вельможамъ и другое доказательство своей благосклонности: онъ сталъ защищать ихъ отъ кредиторовъ, съ которыми не могли они расплатиться. Граждане Брюгге и Ипра прогнали изъ Фландріи графа Людовика и многихъ вельможъ. Новый король французскій собралъ войско противъ простолюдиновъ, оскорблявшихъ своего графа и аристократію. Французскіе вельможи и рыцари охотно пошли съ королемъ отмстить за обиду своему сословію; многіе иноземные владѣтели присоединились къ войску короля французскаго: подъ его знаменемъ шли графы голландскій, геннегаускій, савойскій. Филиппъ одержалъ при Касселѣ блистательную побѣду, возстановилъ власть Людовика, отдалъ мятежные города на мщеніе ему и возвратившимся фландрскимъ вельможамъ; мщеніе было свирѣпо. Результаты этого похода были бѣдственны для французскаго королевства. Фландрскіе города возненавидѣли французскаго короля и стали искать себѣ защиты отъ него у короля англійскаго; политическая связь ихъ съ Англіей была тѣмъ прочнѣе, что поддерживалась торговыми выгодами; фландрскіе фабриканты получали шерсть и кожи изъ Англіи.

Дворъ Филиппа VI.

Мужчина въ полномъ цвѣтѣ силъ, Филиппъ VI десять лѣтъ наслаждался роскошью, восхищалъ вельможъ пирами и щедрыми подарками. При его дворѣ толпились графы и бароны, съѣзжавшіеся отовсюду на турниры; великолѣпіе праздниковъ привлекало къ двору Филиппа даже иноземныхъ королей: у него бывали въ гостяхъ Іоаннъ, король богемскій, Іаковъ, король майоркскій, (балеарскій), Давидъ Брусъ, шотландскій, и новый король наваррскій Филиппъ Эвре (стр. 651). Эдуардъ III, запутавшись въ шотландскія дѣла, нуждался въ дружбѣ короля французскаго, потому пріѣхалъ въ Амьенъ присягнуть на вѣрность ему, какъ владѣтель Гіэни. Казалось, что феодальный порядокъ возстановляется во Франціи; Филиппъ и его вельможи совѣщались даже о крестовомъ походѣ, хотѣли, какъ слѣдуетъ рыцарямъ, отнять святую землю у невѣрныхъ. Папа былъ въ восторгѣ, велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ, далъ Филиппу на шесть лѣтъ десятинную подать съ церковныхъ имѣній во Франціи. Но рыцарскія фантазіи Филиппа VI были разсѣяны разразившимися надъ Франціею бѣдствіями: началась война съ англичанами, о которой мы будемъ разсказывать въ слѣдующемъ томѣ, поднялись мятежи. Капетинги основали обширное королевство, казавшееся прочнымъ; внѣшняя связь между его частями была дѣйствительно крѣпка; но населеніе разныхъ областей еще не слилось въ одну націю. Въ Англіи вельможи, духовенство и масса народа были соединены общей привязанностью къ свободному государственному устройству, созданному общими ихъ усиліями. Національное единство охватывало тамъ всѣ стороны общественной жизни; всѣ сословія были охраняемы оди-

наковыми законами, общимъ судомъ; простолюдины, подобно вельможамъ и рыцарямъ, умѣли владѣть оружіемъ, составляли одно войско съ ними. Во Франціи было не то: короли заботились только о расширеніи своей власти, о подавленіи феодальныхъ владѣтелей; военная организація оставалась прежняя, основанная на ленной службѣ вассаловъ сюзерену; наемнаго войска у французскихъ королей не было, потому что для тѣхъ войнъ, какія вели они, достаточны были войска, приводимыя имъ храбрыми вассалами. Отъ горожанъ французскіе короли требовали денегъ на войну, а не военной службы, и рады были, что города откупались отъ нея. Поддержка со стороны горожанъ казалась нужна королямъ не въ походахъ, а только въ государственномъ сеймѣ, на которомъ ихъ депутаты вообще подавали голосъ за короля противъ вельможъ. Когда началась великая война съ Англіей, королевская власть во Франціи была уже близка къ неограниченному самовластію, но военное устройство государства оставалось еще старое, феодальное. Въ войскѣ англійскаго короля потомки норманскихъ рыцарей имѣли за собою привычную къ военному дѣлу массу простолюдиновъ; французскій король выводилъ противъ этого національнаго войска старое рыцарское войско своихъ вассаловъ.

D. ГЕРМАНІЯ ПОСЛѢ МЕЖДУЦАРСТВІЯ.

Литература. Обзоръ источниковъ нѣмецкой исторіи послѣ междуцарствія сдѣланъ Ваттенбахомъ и Лоренцомъ (Ottokar Lorenz, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des XIII Jahrhunderts, 2 изд. 2 тома, Berlin, 1876—1877. Съ второй половины XIII вѣка исторіографія мало по малу переходитъ изъ рукъ духовенства въ руки мірянъ; нѣкоторые изъ историковъ-мірянъ были знатные люди, но большинство ихъ—горожане. Вообще они теряютъ изъ виду общую національную точку зрѣнія, каждый пишетъ лишь о дѣлахъ своей области; такъ и слѣдовало тому быть при распаденіи Германіи на государства, почти независимыя отъ центральнаго правительства. По литературному достоинству, историческіе труды этого времени хуже прежнихъ; но вѣрнѣе и живѣе ихъ обрисовываютъ характеръ быта.—Изъ многочисленныхъ лѣтописей второй половины XIII вѣка особенно важны: лѣтопись Германа, аббата нижнеальтайхскаго; онъ написалъ продолженіе хроникъ Эккегарда и Оттона Фрейзингскаго; его работа идетъ съ 1256 до 1273 года; другой монахъ того же аббатства продолжалъ ее до 1291 года.—Очень важна лѣтопись монаха Фюрстернбергскаго монастыря, разсказывающаго исторію герцоговъ баварскихъ съ 1273 до 1326 года.—Рядъ лѣтописцевъ горожанъ начинается Элленгардомъ Страсбургскимъ; превосходная лѣтопись его идетъ съ 1218 до 1297 года. Риѳмованная хроника Оттокара Штирійскаго очень добросовѣстна въ разсказѣ о дѣлахъ, хорошо извѣстныхъ автору, но легковѣрно повторяетъ пустыя сказки. Хроника Іоганна Винтертурскаго (Vidoturanus), идущая до 1348 года, очень важный источникъ по исторіи войнъ швабскихъ городовъ съ князьями и вельможами. Въ XIV вѣкѣ было много горожанъ, записывавшихъ событія; изъ нихъ первыми были страсбургскіе граждане Фрпче Клозенеръ и Якобъ Твингеръ Кёнигсгофенскій. Собраніе этихъ хроникъ издаетъ теперь мюнхенская историческая коммиссія.—О походѣ Генриха VII въ Италію разсказываютъ итальянскіе лѣтописцы Альбертино Муссато (De gestis Heinrici VII libri XVI), Николай Бутринтскій (Relatio de Heinrici VII itinere italico) и Джованни

Чермената (въ своей миланской лѣтописи). Акты и письма, относящіяся къ исторіи Генриха VII, собраны Дённигесомъ (Acta Heinrici VII, 2 тома, Berlin, 1839) и Бонани (Acta Heinrici VII, 2 тома, Флоренція, 1878).—Важное значеніе для исторіи имѣютъ и народныя пѣсни. Онѣ собраны Лиліенкрономъ: Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom XIII bis zum XVI Jahrhundert, 4 тома, Leipzig, 1865—1867.—Изъ новѣйшихъ трудовъ назовемъ: Lorenz, Deutsche Geshichte im XIII und XIV Jahrhundert, 2 тома, Wien, 1863—1867; его же König Ottokar II von Böhmen und seine Zeit, Wien, 1866; Kopp, Geschichte von der Wiederherstellung und dem Vertall des Heiligen römischen Reichs (по другому заглавію: Geschichte der eidgenössischen Bünde, 5 томовъ, Berlin, 1858—1871; Lichnowsky Geschichte des Hauses Habsburg, Wien, 1837; Buchner, Geschichte von Baiern; Hausser, Geschichte von Pfalz; Bühlau—Flathe Geschichte von Sachsen; Stenzel, Geschichte von Preussen; Droysen, Geschichte der preussischen Politik; Stälin, Württenbergische Geshichte. Изъ монографій, назовемъ: Weech, Kaiser Ludwig der Baier und König Johann von Böhmen, München, 1860; Werunsky, Karl IV und seine Zeit, Prag, 1880; Klöden, Die Mark Brandenburg unter Karl IV, Berlin, 1847 u Diplomatische Geschichte des falschen Waldemar, 4 тома, 1844—1845; Nerger, Die goldene Bulle, 1878; Schirrmacher, die Entstehung des Kurtürstenkollegiums, Berlin, 1884; Müller, Die Kämpfe Ludwigs des Baiers mit der römischen Kurie, 2 тома, Tübingen, 1879—1880.—По исторіи возникновенія швейцарскаго союза: Tschudi, Chronicon Helveticum; Blumer, Staats—und Rechstgeschichte der schweizer Demokratien, St. Gallen, 2 тома, 1850—1852; Häusser, Die Sage von Tell, Heidelberg, 1840; Rocholtz, Tell und Gessler, Heilbronn, 1877; Huber, Die Waldstätte Uri, Schwyz, Unterwalden, 1861; Liebenau, Die geschichtlichen Ursachen der Entstehung einer Sweizerischen Eidgenossenschaft, Luzern, 1857; Hagen, Die Politik Rudolfs von Habsburg und Albrecht I, Frankfurt, 1857; Lorenz, Leopold III und die Schweizerbünde, Wien, 1860.

---

1. Избраніе Рудольфа Габсбургскаго; положеніе новаго нѣмецкаго короля.

Состояніе нѣмецкаго государства.

Въ Англіи и во Франціи короли одолѣвали феодальныхъ владѣтелей, всѣ сословія объединялись въ цѣлое, связанное общими законами и участіемъ въ государственномъ управленіи; въ Германіи королевская власть, ослабленная борьбою съ папами, впала въ безсиліе. Духовные и свѣтскіе владѣтели областей сдѣлались почти совершенно независимыми государями; королевскій санъ сталъ только почетнымъ титуломъ, не дававшимъ почти никакой дѣйствительной власти; нѣмецкое королевство превратилось въ федерацію областныхъ государей.—Анархія, терзавшая Германію въ годы такъ называемаго междуцарствія, была такъ тяжела, что возникло общее стремленіе возстановить въ нѣмецкомъ королевствѣ законный порядокъ, избрать такого короля, который былъ бы способенъ удовлетворить этой потребности. Григорій X нашелъ надобнымъ содѣйствовать исполненію этой мысли. Французское вліяніе въ Италіи достигло такой силы, что казалось опаснымъ папѣ. По смерти Ричарда Корнуэльскаго ко-

роль французскій Филиппъ III выступилъ кандидатомъ на полученіе нѣмецкой короны. Если бъ онъ успѣлъ пріобрѣсти ее, папа не имѣлъ бы никакой возможности избавиться отъ порабощенія имъ. Потому Григорій X убѣждалъ нѣмецкихъ князей поспѣшить выборомъ короля, пугая ихъ тѣмъ, что если они промедлятъ, то онъ по совѣщанію съ кардиналами самъ назначитъ нѣмецкаго короля.

Курфирсты.

Рейнскіе князья, голоса которыхъ обыкновенно рѣшали выборъ короля, уже совѣщались между собою объ этомъ дѣлѣ, когда вмѣшался въ него папа. Вернеръ Эппенштейнъ, архіепископъ майнцскій, заключилъ 17 января 1273 договоръ съ герцогомъ баварскимъ, пфальцграфомъ рейнскимъ Людвигомъ I. Они условились дѣйствовать единодушно. Архіепископы трирскій и кельнскій, ссорившіеся съ пфальцграфомъ, примирились съ нимъ при посредничествѣ Фридриха III, бургграфа нюренбергскаго, и присоединились къ договору его съ архіепископомъ майнцскимъ. Рейнскіе города объявили, что будутъ признавать королемъ того, кого выберутъ эти князья. Уже довольно давно сформировалось мнѣніе, что хотя всѣ князья имѣютъ нѣкоторое право участвовать въ выборѣ короля, но особенно важны голоса семи изъ нихъ: архіепископовъ майнцскаго, кельнскаго и трирскаго, пфальцграфа рейнскаго, герцога саксонскаго, маркграфа бранденбургскаго и короля богемскаго, если онъ нѣмецъ. Это преимущество семи князей надъ другими не основывалось ни на какомъ законѣ; не было и фактовъ, которыми опредѣлительно подтверждалось бы оно, но оно соотвѣтствовало общему ходу дѣлъ на выборахъ, бывшихъ въ недавнія времена. Теперь очень важно было достичь согласія всѣхъ вліятельныхъ князей на одну кандидатуру, и тѣмъ болѣе необходимымъ казалось единодушіе семи князей, голоса которыхъ считались особенно важными. Забота о согласіи между этими семью князьями такъ занимала умы, что заслоняла собой мысль о правахъ другихъ князей участвовать въ выборѣ; объ участіи народа въ немъ совершенно забывали всѣ. Такимъ образомъ установилось теперь мнѣніе, что выборъ производятъ семь князей, что коллегія ихъ имѣетъ право участвовать въ управленіи королевствомъ; что распоряженія короля по государственнымъ дѣламъ получаютъ законную силу только съ согласія семи князей, избирающихъ его; акты, которыми утверждали они его распоряженія, получили названіе граматъ о согласіи, Willebriefe.

„Саксонское Зерцало“ уже говоритъ, что князья, занимающіе высшія государственныя должности, reichsämter, имѣютъ привилегію избирать короля; римская курія признавала за ними эту привилегію. По прежнимъ нѣмецкимъ понятіямъ выборъ, сдѣланный ими, имѣлъ только то значеніе, что они рекомендуютъ своего кандидата собранію всѣхъ нѣмецкихъ князей, одобреніе которыхъ даетъ этому кандидату санъ короля. Но мало по малу забывалась надобность въ утвержденіи кандидата собраніемъ

всѣхъ нѣмецкихъ князей, и предварительный выборъ его коллегіею семи „избирающихъ князей“, курфирстовъ, получилъ характеръ окончательнаго выбора. Эта перемѣна въ порядкѣ выбора была установлена совѣщаніями, предшествовавшими выбору короля въ 1273 году.—Есть извѣстіе, что осенью 1272 года Энгельбертъ, архіепископъ кёльнскій, ѣздилъ въ Богемію и формально предлагалъ нѣмецкую корону Оттокару, но что Оттокаръ по совѣту чешскаго сейма отказался отъ нея. Это—сказка; Энгельбертъ могъ пріѣхать тогда къ Оттокару, могъ совѣщаться съ нимъ о способахъ возстановить порядокъ въ Германіи; но не могло быть того, чтобъ онъ предлагалъ Оттокару корону.

Избраніе Рудольфа.

Союзъ рейнскихъ князей былъ основою, на которой возстановился порядокъ въ Германіи. Они должны были рѣшить, кого выбрать. Этотъ вопросъ былъ очень затруднителенъ. Оттокаръ соединилъ подъ своею властью всю юговосточную Германію и желалъ, чтобы продолжалась анархія, пользуясь которой онъ могъ сдѣлать новыя пріобрѣтенія и наконецъ взять себѣ нѣмецкую корону. Опасно было раздражать такого могущественнаго государя, но нельзя было выбрать нѣмецкимъ королемъ славянина. Притомъ князья не хотѣли имѣть королемъ человѣка, имѣющаго большое личное могущество; имъ былъ нуженъ такой король, который могъ бы прекратить междоусобія и грабежи, но не такой сильный, чтобы могъ отнять у князей захваченныя ими права верховной власти или помѣшать развитію ихъ могущества. Курфирсты хотѣли, чтобъ онъ далъ имъ обѣщаніе уважать ихъ права, предоставилъ имъ участіе въ управленіи государствомъ. Потому союзники Людвига Баварскаго устранили мысль даже о томъ, чтобъ избрать его: онъ былъ сильнѣе, чѣмъ желали они. Впрочемъ, кажется, и самъ Людвигъ не хотѣлъ быть королемъ. Съ того времени какъ онъ въ припадкѣ ярости казнилъ свою жену Марію Брабантскую (стр. 273), онъ мучился совѣстью и часто впадалъ въ мрачное настроеніе души, какого не зналъ прежде. Наконецъ курфирсты согласились между собою выбрать графа Рудольфа Габсбургскаго, который имѣлъ довольно обширныя владѣнія въ Швейцаріи и въ Эльзасѣ и былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ между второстепенными князьями, но не могъ быть опасенъ, потому что его владѣнія были разбросаны между чужими землями, не составляли одной массы. Онъ былъ извѣстенъ храбростью и разсудительностью, потому должно было надѣяться, что онъ съумѣетъ охранять законный порядокъ. Были и другія обстоятельства, склонявшія въ его пользу. Паломники и купцы, шедшіе черезъ Альпы, обыкновенно просили у него охраны на этомъ опасномъ пути, и онъ пріобрѣлъ большую извѣстность хорошимъ исполненіемъ этой рыцарской обязанности. Вернеръ, архіепископъ майнцскій, при своей поѣздкѣ въ Римъ за палліемъ самъ испыталъ, какъ заботливо охраняетъ онъ ѣдущихъ черезъ Альпы, и остался благодаренъ ему за эту услугу. Былъ онъ извѣстенъ и своимъ благочестіемъ. Хвалили также справедливость

его и готовность защищать поселянъ отъ обидъ со стороны вельможъ. Потому, когда Фридрихъ, бургграфъ нюрнбергскій, принимавшій самое дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ, результатомъ которыхъ былъ союзъ рейнскихъ курфирстовъ, предложилъ имъ выбрать графа габсбургскаго, на сестрѣ котораго, Елисаветѣ, онъ былъ женатъ, то архіепископъ майнцскій горячо поддержалъ эту кандидатуру. Пфальцграфа Людвига Фридрихъ склонилъ въ пользу Рудольфа обѣщаніемъ, что Рудольфъ отдастъ за него одну изъ своихъ дочерей. Согласившись между собою подать голоса за Рудольфа, пфальцграфъ и рейнскіе архіепископы условились съѣхаться съ другими курфирстами въ сентябрѣ во Франкфуртѣ. Герцогъ Альбрехтъ саксонскій и маркграфъ бранденбургскій тоже согласились подать свои голоса за Рудольфа, получивъ обѣщаніе, что онъ сдѣлаетъ ихъ своими зятьями. Оставался вопросъ, кому принадлежитъ седьмой голосъ. «Саксонское Зерцало» и папскія граматы называли седьмымъ курфирстомъ герцога (или короля) богемскаго. Но пфальцграфъ утверждалъ, что седьмой голосъ принадлежитъ владѣтелю герцогства баварскаго; другіе курфирсты приняли это мнѣніе. Владѣніе герцогствомъ баварскимъ было теперь раздѣлено между двумя братьями; курфирсты рѣшили, что седьмой голосъ подадутъ они оба по соглашенію между собой. Постановивъ это, шесть курфирстовъ уполномочили пфальцграфа рейнскаго заявить отъ имени всей коллегіи курфирстовъ, кто избирается королемъ. Онъ объявилъ, что избирается Рудольфъ, графъ габсбургскій. Объ Альфонсѣ Кастильскомъ, который продолжалъ называть себя нѣмецкимъ королемъ, римскимъ императоромъ, не было и рѣчи, какъ будто онъ вовсе не существуетъ.—Оттокаръ протестовалъ противъ того, что не дали голоса ему; папа впослѣдствіи тоже призналъ, что седьмой голосъ принадлежитъ королю богемскому. 29 сентября 1273.

Габсбургскій родъ.

Была составлена генеалогія, производившая графовъ габсбургскихъ отъ герцоговъ лотарингскихъ. Она фантастична. Достовѣрныя свѣдѣнія наши объ этомъ родѣ начинаются со времени графа Гунтрама, жившаго при Оттонѣ Великомъ. Его владѣнія лежали на Аарѣ и Рейсѣ (въ Швейцаріи). Подъ его покровительство поступили многіе свободные люди сосѣднихъ мѣстностей, такъ что онъ и его сынъ Конрадъ правили значительною частью ааргауской области. Оба они были люди суровые, и многіе поступали въ подданство ихъ по принужденію. Въ XI вѣкѣ одинъ изъ ихъ потомковъ Вернеръ былъ епископомъ страсбургскимъ; онъ построилъ монастырь въ Мури, а подлѣ монастыря на берегу Аара на горѣ, называвшейся Вюцельской, Wützelberg, замокъ, который названъ Габсбургомъ (замокъ былъ построенъ для охраненія его имущества, habe, потому то и былъ названъ „замкомъ охраны имущества“ Habsburg). Въ междоусобіяхъ при Генрихѣ II Канцелинъ (Конрадъ) и Радебото, графы габсбургскіе, сражались въ войскахъ императора; при Конрадѣ II они участвовали въ возстаніи Эрнста, герцога швабскаго, но императоръ простилъ ихъ. При Генрихѣ IV графъ Вернеръ габсбургскій былъ на сторонѣ Рудольфа Швабскаго,

но остался безнаказаннымъ послѣ его погибели. Графъ Альбрехтъ III пріобрѣлъ большія владѣнія женитьбой на Идѣ, графинѣ нфуллендорфской и брегенцской, мать которой была сестра Вельфа, Генриха Гордаго; онъ получилъ названіе Богатый. Онъ первый изъ графовъ габсбургскихъ называется въ документахъ ландграфомъ верхнеэльзасскимъ. Императоръ Фридрихъ I, которому усердно служилъ онъ, наградилъ его титулами и большими имѣньями. Его сынъ Рудольфъ, вѣрный приверженецъ Оттона IV, былъ женатъ на Агнесѣ Штауфенъ (то есть Гоэнштауфенъ). У нихъ было два сына Альбрехтъ и Рудольфъ, раздѣлившіе по смерти отца (около 1232 года) фамильныя владѣнія. Старшій братъ, Альбрехтъ Мудрый, получилъ коренныя имѣнья своего рода: замокъ Габсбургъ, почти всѣ отцовскія имѣнья въ ааргауской и цюрихской областяхъ, въ Эльзасѣ, города Майенбергъ, Бремгартенъ и прочіе. Рудольфъ, младшій братъ, получилъ отцовскія владѣнія и права въ Швицѣ, Зарненѣ, Штансѣ, Буоксѣ, Земпахъ, замокъ Виллизау, Меггегорнъ, землю около Рамефлюгскаго холма, на которомъ онъ построилъ новый замокъ Габсбургъ, кромѣ того въ Эльзасѣ половину замка Липбурга и въ Брейсгау Лауфенбургъ. Права и доходы по должности ландграфа эльзасскаго остались въ общемъ владѣніи братьевъ. Графъ Альбрехтъ былъ гибеллинъ, а Рудольфъ принялъ сторону Вельфовъ. Такимъ образомъ фамилія сохраняла свои владѣнія, которая бы изъ враждующихъ сторонъ ни побѣдила. Альбрехтъ былъ женатъ на Гейльвигѣ, дочери Ульриха, графа кибургскаго. У нихъ было трое сыновей; старшій былъ Рудольфъ, сдѣлавшійся королемъ нѣмецкимъ; младшіе умерли раньше этого выбора. Сестра Рудольфа, Елисавета, была выдана за Фридриха, бургграфа нюрнбергскаго.

Жизнь Рудольфа до избранія его королемъ.

Рудольфъ родился 1 мая 1218, воспріемникомъ его былъ и далъ ему имя Рудольфа императоръ Фридрихъ II. Отецъ Рудольфа въ 1238 году отправился съ Ричардомъ Корнуэльскимъ въ крестовый походъ и погибъ въ немъ. Сыновья стали сообща управлять отцовскими владѣніями. Въ 1241 Рудольфъ ходилъ съ императоромъ въ Италію; вскорѣ послѣ того онъ женился на Гертрудѣ, дочери Буркгардта, графа гоэнбергскаго и гейгерлохскаго; въ приданое за ней онъ получилъ Вильскую долину (Wylerthal) въ Эльзасѣ и замокъ Ортенбургъ. Онъ имѣлъ много ссоръ съ сосѣдями, такъ что почти непрерывно воевалъ. Онъ разрушилъ замокъ одного изъ своихъ враговъ, Гуго Туффенштейна, но вслѣдъ за тѣмъ поссорился съ братомъ отца, графомъ Рудольфомъ лауфенбургскимъ, и братомъ матери, графомъ кибургскимъ, Гартманомъ. Они опустошали владѣнія одинъ у другого. Рудольфъ побѣдилъ обоихъ дядей. Въ 1249 году Рудольфъ и второй его братъ Альбрехтъ, бывшій каноникомъ капитуловъ страсбургскаго и базельскаго, основали городъ Вальдсгутъ. Рудольфъ стоялъ на сторонѣ Гоэнштауфеновъ, былъ за это отлученъ отъ церкви, но скоро отлученіе было снято съ него. Черезъ нѣсколько времени, ведя войну съ епископомъ базельскимъ, онъ сжегъ одно изъ предмѣстій Базеля; сгорѣлъ и монастырь, находившійся тамъ; за это онъ снова былъ отлученъ отъ церкви. Но и въ этотъ разъ отлученіе было скоро снято съ него. Прежде онъ былъ сторонникомъ Гоэнштауфеновъ, теперь, когда взяли верхъ Вельфы, онъ перешелъ на ихъ сторону. Вообще онъ руководился не политическими убѣжденіями, а только разсчетомъ своей выгоды; всѣ свои войны онъ велъ для увеличенія своихъ владѣній. Искренней преданности къ Гоэнштауфенамъ онъ не имѣлъ, когда сражался за нихъ; и теперь не сталъ искреннимъ приверженцемъ Вельфовъ, принявъ ихъ сторону по разсчету, что ихъ партія одолѣетъ. Онъ даже оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Конрадиномъ, только не хотѣлъ рисковать своими владѣніями, защищая погибающее дѣло. Около того же времени онъ совершенно примирился съ своими родственника-

1242.

ми младшей линіи Габсбурговъ и съ Гартманомъ, графомъ кибургскимъ. Этотъ графъ, не имѣвшій сыновей, призналъ своимъ леннымъ господиномъ епископа страсбургскаго по акту леннаго подданства; наслѣдницей его была назначена дочь, графиня Анна. Въ то время графъ кибургскій воевалъ съ Рудольфомъ, теперь онъ хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ; но епископъ не соглашался возвратить ему грамату, которой онъ выдалъ свои владѣнія подъ ленную власть церкви; епископъ надѣялся, что графиня Анна отдастъ ихъ не по формѣ только, а на самомъ дѣлѣ въ собственность церкви. Рудольфъ рѣшился принудить епископа выдать этотъ актъ. Епископъ воевалъ съ городомъ Страсбургомъ; Рудольфъ сталъ помогать городу Страсбургу. Онъ, страсбургская милиція и союзные съ нимъ или Страсбургомъ вельможи разбивали войска епископа страсбургскаго. Прежній епископъ всетаки упрямствовалъ, но въ 1263 году умеръ; новый епископъ заключилъ миръ и возвратилъ графу кибургскому грамату объ отдачѣ его владѣній подъ власть страсбургской каѳедры. Въ 1264 году Гартманъ умеръ, и Рудольфъ наслѣдовалъ его владѣнія: графство кибургское, городъ Аарау, окрестности этого города, нѣкоторые другіе сосѣдніе города, должность королевскаго намѣстника въ ландграфствѣ тургаускомъ и прочее. Теперь Рудольфъ Габсбургскій сталъ могущественнѣйшимъ владѣтелемъ въ Швабіи и верхней Бургундіи; только графъ савойскій могъ считаться равнымъ ему по силѣ; всѣ другіе князья далеко кругомъ были гораздо слабѣе его. Владѣнія или намѣстническая власть его простирались отъ Сенъ-Готара до Шварцвальда, отъ Боденскаго озера до Вогезскихъ горъ. (Мы видимъ, какъ несправедливо судятъ тѣ, кто, на основаніи презрительнаго выраженія о Рудольфѣ въ письмѣ Оттокара къ папѣ, говоритъ о выборѣ „бѣднаго“ графа Габсбургскаго. Изъ сосѣднихъ второстепенныхъ князей не было ни одного могущественнѣе его). Вельможи, непріязненные Рудольфу, были встревожены увеличеніемъ его владѣній и начали войну съ нимъ. Вождемъ ихъ былъ Луитольдъ Регенсбергскій, племянникъ покойнаго графа кибургскаго. Городъ Цюрихъ, оскорбленный Луитольдомъ, принялъ сторону Рудольфа. Война была продолжительна. Однимъ изъ враговъ Рудольфа былъ епископъ базельскій; Рудольфъ и союзникъ его аббатъ санктъ-галленскій такъ опустошили владѣнія епископа, что принудили его дать имъ большую сумму за прекращеніе войны. Новая война съ епископомъ базельскимъ шла такъ успѣшно, что Рудольфъ надѣялся получить отъ епископа должность „защитника“, фохта, то-есть, администратора владѣній его каѳедры. Городъ Базель помогалъ Рудольфу. Опустошая владѣнія епископа, Рудольфъ дошелъ до самаго Базеля и стоялъ подъ этимъ городомъ, когда Фридрихъ Нюрнбергскій извѣстилъ его, что онъ выбранъ королемъ. Онъ немедленно заключилъ миръ.

Характеръ Рудольфа.

Изъ всѣхъ дѣйствій Рудольфа до избранія его королемъ мы видимъ, что онъ былъ человѣкъ неутомимо дѣятельный, думавшій только о своей выгодѣ, ставившій себѣ только такія задачи, которыя были удобоисполнимы, и зорко замѣчавшій, изъ чего можно извлечь пользу себѣ. Онъ никогда не предпринималъ войнъ безъ вѣрнаго разсчета, потому постоянно имѣлъ удачу. Онъ былъ очень хитръ и, когда не могъ побѣдить противника открытымъ боемъ, наносилъ ему вредъ ловко исполняемыми военными обманами. Однажды епископъ базельскій характеризовалъ его такими словами: «Сиди крѣпче, Господи Боже, на твоемъ престолѣ, а то графъ габсбургскій столкнетъ

тебя». Но всѣ современники хвалятъ его храбрость и благочестіе. Онъ былъ гораздо выше средняго роста, сухощавъ, носъ у него былъ орлиный, взглядъ сверкающій. Онъ былъ бережливъ, но когда видѣлъ надобность, не жалѣлъ денегъ на великолѣпіе.

Коронованіе. Узнавъ о своемъ избраніи, Рудольфъ немедленно поѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ находились курфирсты, обѣщалъ уплатить имъ всѣ расходы выбора и коронованія; они отправились съ нимъ въ Майнцъ, оттуда, сопровождаемые множествомъ народа, въ Аахенъ. Архіепископъ кельнскій короновалъ тамъ 24 октября 1273 Рудольфа и его супругу Гертруду. Съ коронаціоннымъ праздникомъ были соединены двѣ помолвки дочерей новаго короля: Матильда была обручена съ Людвигомъ Баварскимъ, Агнеса съ Альбрехтомъ Саксонскимъ. Король подтверждалъ прежнія права князей, награждалъ ихъ новыми. Онъ сдѣлалъ распоряженіе розыскивать,—какія изъ королевскихъ имѣній расхищены, хотѣлъ возвратить ихъ во владѣніе короны; но кажется, это распоряженіе осталось безуспѣшнымъ. Прежніе короли роздали почти всѣ коронныя имѣнья, такъ что немногія, доставшіяся въ распоряженіе Рудольфа, почти нисколько не увеличивали его силу. Опорой власти его служили только личныя его владѣнія; они были велики, и онъ заботливо искалъ случаевъ увеличить ихъ.

Отношенія Рудольфа къ папѣ. Рудольфу казалось, что для него очень важно будетъ пріобрѣсти поддержку папы. Онъ написалъ Григорію X, что курфирсты избрали его единогласно, хотя онъ не искалъ королевскаго сана, что онъ проситъ папу признать его выборъ и дать ему императорскую корону. Оттокаръ, находившійся въ дружбѣ съ папой и протестовавшій противъ выбора Рудольфа, хотѣлъ возстановить Григорія противъ него, писалъ папѣ, что выборъ былъ произведенъ неправильно, что у него противозаконно былъ отнятъ курфирстскій голосъ, что «бѣдный» графъ, «желающій промѣнять нищенскую суму на императорскую корону», безсиленъ защитить церковь. Брунонъ, епископъ ольмюцскій, помогавшій Оттокару въ управленіи дѣлами, послалъ папѣ умно составленную записку, въ которой доказывалъ, что при упадкѣ королевской власти въ Германіи единственной опорой церкви въ нѣмецкихъ и сосѣднихъ съ ними земляхъ остается богемскій король. Брунонъ яркими красками описывалъ разстройство церковныхъ и государственныхъ дѣлъ въ Германіи, доказывалъ необходимость выбрать королемъ могущественнѣйшаго государя, говорилъ, что курфирсты выбрали Рудольфа по эгоистическимъ разсчетамъ, желая имѣть безсильнаго короля, который не могъ бы ни въ чемъ мѣшать ихъ произволу. Но Рудольфъ и его совѣтники хорошо понимали, чѣмъ можно подѣйствовать на папу. Человѣкъ разсудительный, Рудольфъ смотрѣлъ на отношенія нѣмецкаго короля къ папѣ не съ той точки зрѣнія, какъ Гоэнштауфены, не мечталъ владычествовать надъ Италіей и былъ готовъ на всѣ уступки, какихъ требовали папы отъ Гоэнштауфеновъ.

Его послы увѣряли Григорія въ его преданности, обѣщались, что онъ будетъ исполнять всѣ желанія папы; Григорій разсудилъ, что такой король будетъ полезенъ ему. Канцлеръ Рудольфа утвердилъ отъ его имени всѣ граматы Оттона IV, Фридриха II и другихъ императоровъ, признававшія папу государемъ римской области и другихъ владѣній римской каѳедры. Выраженія этихъ граматъ о размѣрахъ папскихъ владѣній были неопредѣленны; притомъ папская курія имѣла подложные списки ихъ; такимъ образомъ на нихъ можно было основывать всяческія притязанія, какія угодно. Получивъ увѣреніе, что Рудольфъ подтверждаетъ ихъ, Григорій далъ формальную аудіэнцію его посламъ, то-есть заявилъ, что расположенъ признать его выборъ правильнымъ. Послы отъ имени Рудольфа заключили конкордатъ, по которому онъ отказывался отъ императорскихъ правъ надъ Римомъ и вообще надъ Италіей, отъ всякихъ притязаній на Сицилію. Онъ выражалъ готовность не только утвердить личной клятвой всѣ уступки, какихъ требовали прежніе папы отъ нѣмецкихъ королей, но и склонить нѣмецкихъ князей къ согласію на эти уступки. Григорій призналъ его нѣмецкимъ королемъ и пригласилъ пріѣхать въ Римъ для полученія императорской коропы, а Оттокару отвѣчалъ совѣтомъ покориться новому королю нѣмецкому. Оттокаръ медлилъ признать выборъ Рудольфа; онъ хотѣлъ, чтобы Рудольфъ предварительно призналъ его законнымъ государемъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ нѣмецкихъ земель; Григорій разорвалъ дружескія отношенія съ нимъ. На свиданіи съ Альфонсомъ Кастильскимъ въ Бокерѣ Григорій убѣдилъ его отказаться отъ притязаній на нѣмецкую корону; такъ разсказываютъ нѣмецкіе лѣтописцы; но вѣроятнѣе дѣло ограничилось тѣмъ, что Альфонсъ обѣщался не предпринимать никакихъ мѣръ, враждебныхъ Рудольфу. Оттокаръ хотѣлъ запугать папу, вступивъ въ сношенія съ Карломъ Сицилійскимъ и съ ломбардскими городами, но Григорій остался другомъ Рудольфа; возвращаясь въ Римъ изъ поѣздки во Францію, папа видѣлся съ Рудольфомъ въ Лозаннѣ, подтвердилъ свое обѣщаніе дать ему императорскую корону, а Рудольфъ обѣщался предпринять крестовый походъ.—Такимъ образомъ Григорій X безъ малѣйшихъ усилій получилъ все то, чего добивались отъ нѣмецкихъ королей прежніе папы; Рудольфъ и нѣмецкіе князья признали, что право располагать императорской короной принадлежитъ папѣ. Но если Григорій полагалъ, что Рудольфъ расположенъ оказать какія-нибудь важныя услуги римской церкви для полученія императорскаго сана, то скоро увидѣлъ, что ошибался. Рудольфъ не гонялся за фантастическими почестями и находилъ, что императорская корона не стоитъ тѣхъ издержекъ, какихъ потребовалъ бы походъ въ Римъ для ея полученія. Отправляться въ крестовый походъ онъ безъ сомнѣнія никогда и не думалъ; но, кажется, получилъ часть дохода отъ десятины съ церковныхъ имѣній на расходы

Іюнь 1275.

Октябрь.

этой экспедиціи. Папа напрасно звалъ его въ Римъ; онъ отправлялъ своихъ пословъ, обѣщалъ пріѣхать, но не ѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени Григорій умеръ, и прекратилась рѣчь о крестовомъ походѣ.

---

2. Война Рудольфа съ Оттокаромъ.

Отношенія Оттокара къ Германіи.

Въ переговорахъ съ Григоріемъ Рудольфъ не касался вопроса объ австрійскихъ земляхъ, совершенно устраняя папу отъ дѣла о нихъ. Онъ съ самого выбора твердо рѣшился возстановить власть нѣмецкаго короля надъ ними. Первымъ шагомъ къ тому былъ союзъ, заключенный Рудольфомъ, весной 1274 года, въ Гагенау съ архіепископомъ зальцбургскимъ и епископами регенсбургскимъ и пассаускимъ, врагами Оттокара. Они и Рудольфъ обѣщались дѣйствовать единодушно противъ всѣхъ враговъ нѣмецкаго государства. Было ясно, что они задумали войну съ Оттокаромъ. Король богемскій нашелъ союзника себѣ въ Генрихѣ, герцогѣ баварскомъ, который постоянно ссорился съ своимъ братомъ Людвигомъ и сердился на увеличеніе его силы. Въ октябрѣ 1274 на свиданіи въ Пискѣ Генрихъ и Оттокаръ условились помогать другъ другу.

Нюрнбергскій сеймъ, ноябрь 1274.

Рудольфъ созвалъ въ ноябрѣ сеймъ въ Нюрнбергъ. Лишь немногіе изъ свѣтскихъ князей пріѣхали туда; въ числѣ ихъ находились Людвигъ Баварскій и бургграфъ Фридрихъ Нюрнбергскій; большинство собравшихся составляли южнонѣмецкіе духовные князья. Открывая засѣданія сейма (11 ноября), Рудольфъ предложилъ вопросъ: кто судья, если нѣмецкій король жалуется на князя, противозаконно присвоившаго себѣ нѣмецкія земли, или чѣмъ нибудь инымъ нарушившаго права нѣмецкаго короля и нѣмецкаго государства. Всѣ члены собранія единогласно отвѣчали, что по старому обычаю судья въ этомъ случаѣ пфальцграфъ рейнскій. Людвигъ, герцогъ баварскій и пфальцграфъ рейнскій, сѣлъ на судейское кресло и постановилъ приговоръ: нѣмецкому королю должны принадлежать всѣ владѣнія, принадлежавшія Фридриху II до отлученія его отъ церкви, и въ распоряженіе нѣмецкаго короля должны поступить всѣ лены, сдѣлавшіеся вакантными или самовластно захваченные кѣмъ-нибудь съ того времени; кто, самовольно вступивъ во владѣніе леномъ, пропустилъ годъ сѡ днемъ, не прося утвержденія во владѣніи, тотъ лишился права на этотъ ленъ (годъ сѡ днемъ былъ срокомъ для юридическихъ заявленій по нѣмецкому обычному праву). Сеймъ одобрилъ этотъ приговоръ. Королю богемскому былъ отправленъ вызовъ явиться до истеченія девяти-недѣльнаго срока къ суду пфальцграфа въ Вюрцбургъ. Онъ оставилъ вызовъ безъ вниманія. Ему была дана отсрочка

до слѣдующаго мая, когда долженъ былъ собраться новый сеймъ въ Аугсбургѣ. Рудольфъ между тѣмъ пріобрѣталъ себѣ союзниковъ въ южной Германіи, назначилъ 27 февраля 1275 Филиппа, бывшаго архіепископа зальцбургскаго, герцогомъ каринтійскимъ и крайнскимъ. Впрочемъ онъ далъ этотъ титулъ Филиппу лишь для того, чтобы пользоваться его именемъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Оттокара. Овладѣвъ Каринтіей, Крайной и соединенной съ ними виндской маркой, король не предоставилъ ему никакой власти тамъ.

Аугсбургскій сеймъ, май 1275.

На аугсбургскій сеймъ пріѣхали, кромѣ пфальцграфа Людвига, почти только одни мелкіе князья южной Германіи; но прислали своихъ уполномоченныхъ Оттокаръ и Генрихъ Баварскій. Вернгартъ, епископъ зекаускій, представитель Оттокара, говорилъ, что избраніе Рудольфа произведено незаконно, потому что былъ отнятъ голосъ у коболя богемскаго и переданъ герцогамъ баварскимъ. Сеймъ отвергъ этотъ протестъ. Оттокаръ не хотѣлъ признать Рудольфа королемъ, потому былъ объявленъ мятежникомъ, у котораго должны быть отняты лены (австрійскія земли) и отданы въ распоряженіе королю. Бургграфъ нюрнбергскій былъ посланъ къ Оттокару требовать возвращенія этихъ леновъ, обѣщалъ, что Рудольфъ утвердитъ его во владѣніи наслѣдственными землями (Богеміей и Моравіей), если онъ добровольно отдастъ королю австрійскія земли. Оттокаръ отвергъ это предложеніе. Итакъ Рудольфъ долженъ былъ воевать съ нимъ; но еще не находилъ себя достаточно сильнымъ начать войну, хотѣлъ прежде упрочить свою власть въ Германіи, пріобрѣсти себѣ больше союзниковъ между нѣмецкими князьями, отвлечь Генриха Баварскаго отъ союза съ Оттокаромъ и примирить съ братомъ.

Генрихъ Баварскій переходитъ на сторону Рудольфа.

Рудольфу удалось помирить Генриха съ Людвигомъ; миръ между ними былъ заключенъ 29 мая 1276. Рудольфъ обѣщался отдать свою дочь Катарину за Оттона, сына Генриха, а въ приданое дочери обѣщалъ дать Верхнюю Австрію.

Положеніе Рудольфа въ Германіи.

Возстановить порядокъ въ Германіи было дѣло трудное. Князья привыкли держать себя какъ независимые государи, и мудрено было соединить ихъ на общее дѣло, притомъ на такое дѣло, которое должно было доставить пользу только самому Рудольфу и его династіи. Раздробленность власти была особенно велика въ западной и юго-западной частяхъ Германіи. Многіе изъ швабскихъ князей вели войну съ новымъ королемъ. Маркграфъ Рудольфъ баденскій былъ побѣжденъ только послѣ упорной обороны. Но и онъ и другіе швабскіе князья оставались враждебны королю. Надобно было смягчать ихъ непріязнь ласковостью и пріобрѣтать опору противъ нихъ покровительствомъ городамъ. Такъ и дѣлалъ новый король.

1. Западная Германія, Швабія.

Нѣмецкіе города.

Рудольфъ подтверждалъ прежнія права южно-нѣмецкихъ городовъ, давалъ имъ новыя, обѣщался не отдавать ихъ въ залогъ. Граматой отъ 20

сентября 1274 онѣ постановилъ, что королевскіе города не могутъ быть отдаваемы подъ власть князей и неотъемлемо сохраняютъ самоуправленіе. Но съ нѣкоторыми городами Рудольфъ ссорился, потому что подати, которыя платили они королю, были обременительны, и граждане хотѣли избавиться отъ этой тяжести. Рудольфу пришлось усмирять мятежи во Франкфуртѣ, Оппенгеймѣ и нѣкоторыхъ другихъ королевскихъ (имперскихъ, свободныхъ) городахъ. Кельнъ и Майнцъ вели борьбу противъ своихъ архіепископовъ; Рудольфу была необходима дружба этихъ курфирстовъ, и онъ избѣгалъ ссоръ съ ними; но когда находилъ возможнымъ, онъ вступался за горожанъ. Граждане Кельна разбили и взяли въ плѣнъ своего архіепископа; подверглись за это интердикту; онъ лежалъ на нихъ четыре года (стр. 258) Рудольфъ вступился за нихъ. Борьба продолжалась и при новомъ архіепископѣ Зигфридѣ. Наконецъ онъ примирился съ королемъ. Вступать во вражду съ архіепископомъ майнцскимъ Вернеромъ Рудольфъ не рѣшился, подтвердилъ эдиктъ, обнародованный Фридрихомъ II въ 1232 году, ограничивавшій права епископскихъ городовъ, но сколько могъ покровительствовалъ Майнцу.

Маркграфство баденское.

Около этого времени было основано маркграфство баденское. Сынъ герцога церингенскаго Германа Святого, Германъ II, во второй половинѣ XI вѣка наслѣдовалъ отъ своей матери замокъ Баденъ, отъ отца гохбергскія владѣнія въ Брейсгау. Его потомки, имѣвшіе тоже имя Германовъ, были усердными приверженцами Гоэнштауфеновъ. Старшій сынъ Германа V, Германъ VI, женившись на наслѣдницѣ герцогства австрійскаго Гертрудѣ, получилъ ея владѣнія; сынъ его Фридрихъ Баденскій былъ казненъ Конрадиномъ въ Неаполѣ. Младшій братъ Германа VI, Рудольфъ, наслѣдовалъ родовыя владѣнія въ югозападномъ углу Германіи и во время междуцарствій захватилъ много имперскихъ леновъ, какъ дѣлали и другіе сосѣдніе князья. Рудольфъ Габсбургскій, сдѣлавшись королемъ, потребовалъ возвращенія захваченныхъ леновъ; маркграфъ Рудольфъ присоединился къ союзу швабскихъ князей, рѣшившихся сопротивляться этому требованію. Король пошелъ въ Швабію, бралъ города непокорныхъ князей; они смирились. Король, желавшій скорѣе покончить это дѣло, чтобъ обратить свои силы на войну съ Оттокаромъ, возвратилъ смирившимся швабскимъ князьямъ, въ томъ числѣ и маркграфу Рудольфу, отнятые у нихъ города. Владѣнія маркграфа состояли изъ разбросанныхъ клочковъ. При послѣдующихъ войнахъ швабскихъ князей съ Рудольфомъ Габсбургскимъ маркграфъ мало по малу успѣлъ овладѣть округами, въ которыхъ лежали эти клочки, и соединилъ всѣ ихъ въ округленную массу; потому его можно назвать истиннымъ основателемъ маркграфства баденскаго.

2. Сѣверная Германія.

У новаго короля было много приверженцевъ между южнонѣмецкими князьями; въ сѣверной Германіи онъ не имѣлъ усердныхъ друзей. Герцогство саксонское было тогда раздроблено на нѣсколько владѣній между разными линіями герцогской династіи. По смерти Альбрехта I (въ 1260 году) верхнюю Саксонію получилъ сынъ его Альбрехтъ, женившійся на одной изъ дочерей Рудольфа Габсбургскаго; изъ всѣхъ сѣверно-нѣмецкихъ князей онъ одинъ поддерживалъ Рудольфа. Братъ Альбрехта II, Іоаннъ, получилъ нижнюю Саксонію, столицею которой былъ Лауэнбургъ. Братъ Альбрехта I, Генрихъ Жирный, владѣвшій ангальтскими землями, умеръ въ 1257 году. Его владѣнія такъ же распались на два государства. Старшій сынъ его, Бернгардъ, получилъ Берн-

Саксонія.

бургъ, другой, Зигфридъ, получилъ Цербстъ. Всѣ эти четыре саксонскіе владѣтели постоянно ссорились между собой.

Могущество маркграфовъ бранденбургскихъ постоянно возростало. Они были родственники Оттокара и поддерживали его. Герцогство брауншвейгское въ 1267 году раздѣлили между собою два сына герцога Оттона. Альбрехтъ получилъ Брауншвейгъ, Вольфенбюттель, Геттингенъ; Іоанну достались Люнебургъ, Ганноверъ, Целле.—По прекращеніи прежней династіи ландграфовъ Тюрингія перешла во владѣніе маркграфа Генриха мейсенскаго; онъ отдалъ своему старшему сыну Альбрехту это ландграфство и область, называвшуюся пфальцграфствомъ саксонскимъ, а младшему сыну, Дитриху, ландграфство ландсбергское. Эти государи воевали между собою, захватывали имперскіе лены и были приверженцами Оттокара.

Бранденбургъ.

Тюрингія.

Альбрехтъ Медвѣдь расширилъ маркграфство бранденбургское завоеваніемъ сосѣднихъ вендскихъ земель, приглашалъ въ свое владѣніе канонистовъ изъ Фландріи и Нидерландовъ и перенесъ свою резиденцію изъ Штендаля въ Бранденбургъ. Онъ умеръ въ 1170 году. Его преемники были, подобно ему, люди даровитые и храбрые, расширяли свое государство и пріобрѣли почти неограниченную власть. По правамъ, пожалованнымъ отъ нѣмецкихъ королей, маркграфъ бранденбургскій былъ высшимъ и единственнымъ правителемъ, верховнымъ судьею, верховнымъ военачальникомъ и леннымъ господиномъ всей земли бранденбургскаго государства. Старшій сынъ Альбрехта Медвѣдя, Оттонъ I, наслѣдовалъ Бранденбургъ, а младшій, Бернгардтъ, область, называвшуюся герцогствомъ саксонскимъ; она состояла изъ виттенбергскаго округа и лауэнбургской равнины. Такимъ образомъ имя Саксоніи было перенесено съ коренныхъ саксонскихъ земель на область, отнятую Альбрехтомъ Медвѣдемъ у вендовъ. На майнцскомъ сеймѣ 1182 года Оттонъ исполнялъ въ первый разъ должность великаго имперскаго казначея (или каммергера), которая и осталась за маркграфами бранденбургскими. Сынъ Оттона I, Оттонъ II, человѣкъ слабый и очень набожный, отдалъ западную часть маркграфства бранденбургскаго, Старую марку, Altmark, подъ ленную власть архіепископа магдебургскаго съ условіемъ, что она однако же останется во владѣніи его рода. Наслѣдовавшій ему братъ, Альбрехтъ II, велъ войну съ архіепископомъ магдебургскимъ, чтобъ освободить Старую марку отъ ленной зависимости, былъ приверженцемъ Оттона IV и только по смерти его помирился съ Фридрихомъ II; полагаютъ, что онъ основалъ Берлинъ. Его сыновья, Іоаннъ I и Оттонъ, III правили государствомъ вмѣстѣ, вели много войнъ съ сосѣдями и вообще имѣли удачу въ нихъ. Въ 1240 году они разбили при Гладигау архіепископа магдебургскаго, и онъ отказался отъ ленной власти надъ Старой маркой. Они были приверженцами Фридриха II; въ награду за то онъ далъ имъ ленную власть надъ померанскими князьями: разумѣется это было лишь предоставленіе права имъ покорить померанскихъ князей. Они пошли войной на Вратислава, герцога деммінскаго, и Барнима, герцога штеттинскаго; померанскіе герцоги принуждены были признать ихъ власть надъ старгардской областью и укерской маркой. Въ 1250 году они отняли у Болеслава, герцога нижнесилезскаго, области лебусскую и штернбергскую и основали Франкфуртъ на Одерѣ. Но еще важнѣе было завоеваніе области за Одеромъ, называвшейся тогда Славіей. Они разбили поляковъ на Вартѣ, построили въ 1257 году городъ Ландсбергъ и потомъ постоянно

Маркграфы бранденбургскіе.

Оттонъ I 1170—1184.

Оттонъ II 1184—1206.

Альбрехтъ II 1206—1221.

Іоаннъ I 1221—1266.

Оттонъ III 1221—1267.

раздвигали свои владѣнія на востокъ, призывали въ опустошенныя завоеванныя земли нѣмецкихъ колонистовъ; строили селенія и города. Въ ихъ общее правленіе, длившееся болѣе 45 лѣтъ, маркграфство бранденбургское достигло такого могущества, что получило права курфиршества. По смерти ихъ оно раздѣлилось на два государства. Однимъ правила династія Іоанна, другимъ династія Оттона. Но весь ихъ родъ оставался единодушенъ. Санъ маркграфа имѣли сынъ Іоанна I, Оттонъ IV, и сынъ Оттона III, Оттонъ V. Многочисленныя линіи ангальтской династіи почти всѣ въ концѣ XIII вѣка вымерли, и владѣнія ихъ достались племяннику Оттона IV, Вальдемару, маркграфу и курфирсту бранденбургскому. Онъ былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ князей своего времени, любилъ воевать и роскошничать. По смерти его настали для Бранденбурга тяжелыя времена.

Вальдемаръ † 1319.

а) Маркграфство мейсенское.

Императоръ Лотаръ далъ маркграфство мейсенское и другія нѣмецкія владѣнія по Эльбѣ и Салѣ графу Конраду веттинскому (VI, 573). Онъ воевалъ съ ободритами и своими нѣмецкими сосѣдями, призвалъ въ свои земли нѣмецкихъ колонистовъ и въ старости пошелъ въ монахи, раздѣливъ свои владѣнія между пятью сыновьями. Маркграфство мейсенское онъ отдалъ старшему сыну, Оттону,—при которомъ были открыты богатые фрейбергскіе рудники. Оттонъ получалъ отъ нихъ большіе доходы и потому былъ прозванъ Богатымъ. Раздѣливъ свои владѣнія между сыновьями подъ условіемъ повиноваться ему, онъ подалъ этимъ поводъ къ междоусобіямъ. Старшій сынъ его, Альбрехтъ, возмутился, желая отнять владѣнія у младшаго брата, Дитриха, взялъ отца въ плѣнъ и держалъ его подъ стражей, овладѣлъ отцовской казной и продолжалъ войну съ братомъ. Мы говорили о томъ, чѣмъ она кончилась: Тюрингіей овладѣлъ императоръ Генрихъ VI (VI, 739). Онъ скоро умеръ, въ Германіи начались раздоры; пользуясь ими, маркграфъ Дитрихъ при помощи своего тестя Германа, ландграфа тюрингскаго, возстановилъ свою власть надъ Мейсеномъ и присоединилъ къ нему нижній Лаузицъ. Дитриху наслѣдовалъ его сынъ Генрихъ Свѣтлый, бывшій тогда трехлѣтнимъ ребенкомъ. Опекуномъ былъ дядя Генриха Людовикъ, ландграфъ тюрингскій. Достигнувъ совершеннолѣтія, Генрихъ велъ много войнъ и, при обрученіи своего сына Альбрехта съ дочерью императора Фридриха II, Маргаритой, получилъ плейсенскую область въ залогъ за уплату обѣщанныхъ въ приданое ей 10.000 марокъ. Еще важнѣе было то, что онъ пріобрѣлъ по наслѣдству ландграфство тюрингское. Императоръ Конрадъ II подарилъ родственнику своей жены Гизелы, Людвигу Бородатому, большую ненаселенную мѣстность близъ тюрингскаго лѣса. Людвигъ получилъ нѣкоторыя другія владѣнія по наслѣдству, пріобрѣлъ довольно много земель покупкой; его сынъ Людвигъ Прыгунъ построилъ близъ Эйзенаха замокъ Вартбургъ, сдѣлавшійся резиденціей тюрингской династіи. Сынъ Людвига Прыгуна, Людвигъ, женившись на Гедвигѣ, графинѣ гуденсбергской, получилъ большія владѣнія въ Гессенѣ. Императоръ Лотаръ далъ ему санъ ландграфа тюрингскаго съ правами герцогской власти надъ сосѣдними вельможами. Его сынъ, Людвигъ II, получилъ названіе Желѣзнаго за суровость, съ какою подавлялъ своеволіе вельможъ. Поддерживая Фридриха Барбароссу въ войнѣ съ Генрихомъ Львомъ, онъ получилъ новыя владѣнія, такъ что онъ и его потомки Людвигъ III (1172—1190), Германъ (1190—1216), Людвигъ IV (1216—1227) и Генрихъ Распе (1227—1247) принадлежали къ могущественнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ князей. Генрихъ Распе былъ, какъ мы знаемъ, выбранъ въ санъ короля нѣмецкаго врагами Фридриха II. Смертью Генриха Распе прекратилась мужская линія тюрингской династіи, и родственникъ его Генрихъ Свѣтлый мейсенскій, которому было обѣщано его наслѣдство Фридрихомъ II, занялъ Тюрингію. Но дочь Людвига IV, Софія, жена герцога Генриха II брабантска-

Конрадъ Веттинскій † 1157.

Оттонъ Богатый † 1190.

Альбрехтъ † 1195.

Дитрихъ † 1221.

Генрихъ Свѣтлый 1221—1288.

b) Тюрингія и Гессенъ.

Людвигъ Бородатый † 1056

Людвигъ Прыгунъ 1056—1123.

Ландграфъ Людвигъ I 1123—1140.

Людвигъ II Желѣзный 1142—1172.

Генрихъ Распе 1227—1247.

1249.

го, заявила, что наслѣдство должно принадлежать ей и ея сыну Генриху Дитятѣ. Ея войска заняли Гессенъ. Война длилась пятнадцать лѣтъ, наконецъ въ 1265 году была прекращена миромъ, по которому Тюрингія осталась соединена съ маркграфствомъ мейсенскимъ, а сынъ Софіи, Генрихъ, получилъ Гессенъ. Черезъ нѣсколько времени Генриху Гессенскому былъ данъ титулъ ландграфа. Сынъ Генриха Свѣтлаго, Альбрехтъ Невѣжда, воевалъ сначала съ отцомъ и братомъ Дитрихомъ, какъ мы уже говорили, а потомъ съ своими сыновьями.

Альбрехтъ Невѣжда 1288—1314.

Сынъ Альбрехта Медвѣдя, Бернгардтъ, помогавшій Фридриху Барбароссѣ въ войнѣ съ Генрихомъ Львомъ, получилъ восточную часть Саксоніи съ титуломъ герцога саксонскаго; но графы и епископы восточной Саксоніи были поставлены подъ непосредственную власть короля нѣмецкаго, то есть получили независимость отъ герцога, потому Бернгардтъ не былъ могущественнымъ государемъ. Впрочемъ онъ нѣсколько расширилъ свои владѣнія на сѣверъ и востокъ. Резиденціей своей онъ сдѣлалъ замокъ Виттенбергъ. Старшій сынъ его, Альбрехтъ I, получилъ герцогство саксонское и впослѣдствіи пріобрѣлъ Лауэнбургъ и Нордальбингію, а младшій сынъ Бернгарда Генрихъ Жирный, наслѣдовалъ родовыя ангальтскія владѣнія. Старшій сынъ Альбрехта I, Альбрехтъ II, наслѣдовалъ виттенбергскія земли, а младшій, Іоаннъ, лауэнбургскія. Оба они назывались герцогами саксонскими. Альбрехтъ II женился на одной изъ дочерей Рудольфа Габсбургскаго. При сынѣ Альбрехта II, Рудольфѣ, начался между виттенберской и лауэнбургской линіями герцогскаго рода споръ о томъ, которой изъ нихъ принадлежитъ санъ герцога саксонскаго. Онъ былъ прекращенъ уже только золотой буллой императора Карла. Въ первой половинѣ XV вѣка виттенбергская линія ангальтскаго (или асканскаго) рода прекратилась, и ея владѣнія перешли къ маркграфу мейсенскому, Фридриху Воинственному.

c) Герцогство Саксонское.

Бернгардтъ Ангальтскій † 1211.

Альбрехтъ I 1211—1260.

Альбрехтъ II 1260—1298.

Рудольфъ I 1298—1356.

Исторія областныхъ династій, разсказанная нами, свидѣтельствуетъ, что князья за-долго до Рудольфа стали государями почти совершенно независимыми отъ короля; возстановить королевскую власть въ прежнемъ ея видѣ было невозможно; человѣкъ умный, Рудольфъ понималъ это и хотѣлъ найдти новую основу для упроченія могущества своей династіи; такою основой могли служить только владѣнія, принадлежащія самой династіи. Стремленіе возстановить санъ герцога швабскаго и взять его въ наслѣдственное владѣніе повело бы къ борьбѣ съ наслѣдникомъ владѣній Гоэнштауфеновъ, Людвигомъ Баварскимъ, сильнѣйшимъ союзникомъ Рудольфа. Но на юговостокѣ были земли, которыя Рудольфъ могъ взять себѣ, не раздражая никого изъ нѣмецкихъ князей; это были владѣнія, захваченныя Оттокаромъ. Рудольфъ съ самаго избранія своего рѣшилъ отнять ихъ у него и пріобрѣталъ себѣ союзниковъ для этого дѣла. Усерднѣйшимъ агентомъ его былъ архіепископъ зальцбургскій Фридрихъ.

Цѣли Рудольфа Габсбургскаго.

Архіепископъ зальцбургскій склонилъ сосѣднихъ епископовъ помогать Рудольфу; между каринтійскими и штирійскими вельможами нашлось много желавшихъ свергнуть власть Оттокара. Правитель Штиріи, Милота Дѣдичъ (Дидицъ), замѣтилъ, что готовится мятежъ, поставилъ въ штирійскихъ крѣпостяхъ чешскіе гарнизоны; но этимъ только увеличилъ вражду къ Оттокару. Гартнейдъ Вильдонъ пріѣхалъ къ Рудольфу съ просьбой отъ

Партія Рудольфа въ австрійскихъ земляхъ.

имени штирійскихъ вельможъ, чтобы король защитилъ ихъ. Рудольфъ былъ очень радъ этому приглашенію. Штирійскій намѣстникъ зорко стерегъ границы и бралъ у вельможъ заложниковъ вѣрности. Въ 1275 году началась партизанская война между войсками Оттокара и архіепископа зальцбургскаго. Многіе церковные сановники въ австрійскихъ земляхъ были приверженцами Оттокара, щедраго къ церкви; были преданы ему и австрійскіе города, въ особенности Вѣна, бургомистръ которой Пальтрамъ, человѣкъ мужественный, былъ вѣрнымъ приверженцемъ его, но въ самой Богеміи многіе вельможи были враждебны Оттокару. Одинъ изъ нихъ, Ризенбургъ, уже раньше пытался поднять возстаніе противъ него. Въ 1276 возсталъ противъ Оттокара весь родъ Витковицей (Розенберговъ). При самомъ дворѣ короля чехи ссорились съ нѣмцами, которымъ покровительствовалъ онъ. Мы видѣли, что Оттокаръ былъ человѣкъ энергичный; но теперь, кажется, онъ уже утратилъ прежнюю твердость характера. Архіепископъ зальцбургскій настойчиво просилъ Рудольфа поскорѣе начать войну; но Рудольфъ держалъ себя очень осторожно. Собственныхъ войскъ у него было мало; не было и денегъ. Союзниками его были только южнонѣмецкіе князья; отъ другихъ онъ не могъ ожидать помощи. Онъ дѣятельно заботился возбудить усердіе къ своему дѣлу по крайней мѣрѣ въ южнонѣмецкихъ князьяхъ и пріобрѣлъ горячихъ приверженцевъ въ графахъ тирольскихъ, обѣщавъ Мейнгарду Тирольскому герцогство каринтійское и женивъ на его дочери, Елисаветѣ, своего старшаго сына, Альбрехта. Патріархъ аквилейскій Раймондо делла Торре опасался Оттокара. Рудольфъ примирилъ его съ графомъ гёрцскимъ, и оба они стали союзниками Рудольфа. Итакъ австрійскія владѣнія Оттокара были окружены врагами, вельможи этихъ земель были готовы возстать противъ него, и владычество его должно было рушиться отъ перваго сильнаго удара.

Возстаніе въ Австріи 1276.

Рудольфъ 24 іюня 1276 года провозгласилъ Оттокара мятежникомъ и отъ имени нѣмецкаго сейма объявилъ войну ему. Архіепископъ зальцбургскій отлучилъ Оттокара отъ церкви; монахи нищенствующихъ орденовъ ходили изъ города въ городъ, призывая къ войнѣ съ нимъ. Архіепископъ зальцбургскій совѣтовалъ Рудольфу идти съ главными силами въ Богемію къ Эгеру и говорилъ, что, когда Оттокаръ соберетъ всѣ свои войска туда для отраженія нашествія, австрійскія земли отложатся отъ него. Но южно-нѣмецкіе князья взялись за оружіе раньше, чѣмъ Рудольфъ началъ походъ. Мейнгардъ Тирольскій вошелъ въ Каринтію, графъ гёрцскій въ Крайну. Намѣстникъ Оттокара въ Крайнѣ Шенкъ фонъ Габспахъ сильно отбивался отъ графа гёрцскаго. Мейнгардъ, назначенный намѣстникомъ нѣмецкаго короля въ австрійскихъ земляхъ, пошелъ изъ Каринтіи въ Штирію. Услышавъ о его приближеніи, многіе штирійскіе вельможи собрались въ монастырѣ Рейнѣ и 19 сентября объявили, что они какъ вассалы нѣмецкаго короля будутъ служить Рудольфу и что кто измѣнитъ присягѣ, которую теперь даютъ они, будетъ подвергнутъ смертной казни. Сопротивленіе было невозможно. Милота и почти всѣ чешскіе коменданты крѣпостей ушли изъ Штиріи, услышавъ, что Рудольфъ идетъ туда берегомъ Дуная. Владычество Оттокара въ Каринтіи и Штиріи рушилось.

Походъ Рудольфа.

Оттокаръ спокойно ожидалъ нападенія Рудольфа на Богемію; собралъ войска у Тепеля и беззаботно охотился, хорошо зная, что у нѣмецкаго короля нѣтъ силъ достаточныхъ для серьезной наступательной войны въ Богеміи. Рудольфъ и самъ разсудилъ, что его силы недостаточны для этого, перемѣнилъ планъ похода. Изъ могущественныхъ князей ему помогалъ одинъ Людвигъ Баварскій. Усердными приверженцами его были только южно-нѣмецкіе мелкіе владѣтели и рыцари. Услышавъ объ успѣхѣ своихъ союзниковъ въ Каринтіи, удачномъ возстаніи въ Штиріи, Рудольфъ пошелъ берегомъ Дуная черезъ Баварію въ Австрію. Въ Регенсбургѣ пріѣхалъ къ нему Генрихъ Баварскій; Рудольфъ обѣщалъ отдать за его сына одну изъ своихъ дочерей и въ залогъ уплаты условленнаго приданаго дать ему западную часть герцогства австрійскаго до рѣки Энса. Изъ Регенсбурга Рудольфъ быстро пошелъ внизъ по правому берегу Дуная и 18 октября сталъ подъ Вѣной. Городъ былъ сильно укрѣпленъ и упорно оборонялся. Оттокаръ пришелъ на помощь Вѣнѣ и сталъ по лѣвому берегу Дуная. Рудольфъ не допускалъ его переправиться на южный берегъ и освободить Вѣну, но и самъ не могъ переправиться на сѣверный берегъ. Осада Вѣны длилась пять недѣль; городъ принужденъ былъ сдаться.

Взятіе Вѣны.

Миръ.

Большинство князей, находившихся при Рудольфѣ, совѣтовали ему прекратить войну, дальнѣйшій ходъ которой не обѣщалъ вѣрнаго успѣха. Въ томъ же смыслѣ говорилъ Оттокару епископъ ольмюцскій. Союзники Оттокара, герцогъ Генрихъ бреславльскій и маркграфъ бранденбургскій, оставили его почти безъ всякой поддержки; въ Венгріи многіе вельможи склоняли своего короля вступить въ союзъ съ Рудольфомъ. Возможность нападенія венгровъ пугала Оттокара. Онъ разсудилъ пожертвовать австрійскими землями, чтобъ отвратить опасность отъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній Богеміи и Моравіи. По взятіи Вѣны Рудольфъ сталъ готовиться къ переходу черезъ Дунай. Но епископъ ольмюцскій пріѣхалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Оттокаръ желаетъ примириться. Съ той и съ другой стороны были назначены посредники, уполномоченные опредѣлить условія мира. Рудольфъ выбралъ своими уполномоченными герцога Людвига и епископа вюрцбургскаго; Оттокаръ—маркграфа бранденбургскаго и епископа ольмюцскаго. Они въ станѣ Рудольфа подъ Вѣной подписали 21 ноября (1276 года) условія мира.

Оттокаръ отказался отъ всякихъ правъ на Австрію, Штирію, Каринтію, Крайну; призналъ Богемію и Моравію ленами нѣмецкаго королевства. Рудольфъ обѣщался оставить неприкосновенными всѣ права Вѣны. Было условлено, что сынъ Рудольфа, Гартманъ, женится на дочери Оттокара, Кунигундѣ, а сынъ Оттокара, Венцель, на дочери Рудольфа, Гутѣ, которой отецъ дастъ въ Австріи на лѣвомъ берегу Дуная такія владѣнія, доходъ съ которыхъ простирался бы до 4000 марокъ; эти владѣнія Рудольфъ со временемъ выкупитъ за условленную сумму. (Оговорка, сдѣланная лишь для прикрытія

того, что сыну Оттокара возвращается значительная часть герцогства австрійскаго). Въ договоръ было включено и примиреніе венгерскаго короля съ Оттокаромъ. Въ слѣдующемъ году Рудольфъ помолвилъ свою дочь, Клеменцію, съ Андреемъ, братомъ Владислава, короля венгерскаго, и на свиданіи съ Владиславомъ заключилъ союзъ съ нимъ. Рудольфъ разсчиталъ, что этотъ союзъ будетъ очень полезенъ ему въ случаѣ возобновленія войны съ Оттокаромъ.

Австрійскія дѣла по заключеніи мира 1267.

Миръ не былъ проченъ; онъ походилъ на перемиріе, которое бойцы заключили только для того, чтобы собраться съ силами для возобновленія борьбы. Оттокаръ старался мѣшать упроченію власти Рудольфа въ австрійскихъ земляхъ. Рудольфъ старался увеличить число своихъ союзниковъ.

По вступленіи въ Вѣну Рудольфъ объявилъ, что правильныя судебныя рѣшенія, постановленныя въ правленіе Оттокара, остаются неприкосновенными, но насильственныя дѣйствія его или его намѣстниковъ будутъ отмѣнены. Рудольфъ смягчилъ запрещеніе строить замки, изданное Оттокаромъ и сильно раздражившее австрійскихъ вельможъ, отмѣнилъ налоги, введенные Оттокаромъ, возвратилъ прежнія права городамъ, рыночнымъ и другимъ корпораціямъ.

Возобновленіе войны.

Скоро Оттокаръ и Рудольфъ снова взялись за оружіе. Оттокаръ хотѣлъ оставить свои войска въ той части герцогства австрійскаго, которую Рудольфъ назначилъ служить залогомъ въ уплатѣ приданаго, обѣщаннаго имъ Гутѣ. Рудольфъ говорилъ, что до свадьбы эта область должна оставаться въ его владѣніи. Оттокаръ не отказался отъ своего требованія, Рудольфъ послалъ войско въ Моравію. Войска Оттокара стали дѣлать нападенія на австрійскія земли. Оттокаръ находилъ невыгодными для себя условія брака его дочери, Кунигунды, съ сыномъ Рудольфа и отдалъ Кунигунду въ монастырь. Рудольфъ по праву леннаго господина сталъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Богеміи, запретилъ Оттокару наказывать богемскихъ вельможъ, перешедшихъ во время войны на сторону нѣмецкаго короля. Буркграфъ Фридрихъ и епископъ ольмюцскій успѣли вновь примирить богемскаго короля съ нѣмецкимъ. Но Оттокаръ ненавидѣлъ Рудольфа, отнявшаго у него нѣмецкія земли, хотѣлъ свергнуть съ себя вассальную зависимость отъ нѣмецкаго короля.

Война 1278 года.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, что война была неизбѣжна. Говорятъ, что королева Кунигунда, жена Оттокара, возбуждала къ ней мужа, который впрочемъ и безъ постороннихъ внушеній не могъ бы не сдѣлать новой попытки возстановить свое могущество. Обстоятельства казались благопріятны этому. Рудольфъ распустилъ отряды, присланные ему нѣмецкими князьями, находился въ большомъ финансовомъ затрудненіи, возбудилъ опасенія нѣмецкихъ князей тѣмъ, что отдалъ сыну герцогство австрійское: габсбургская династія пріобрѣтала черезъ это такую силу, что могла придать королевскому сану власть стѣснительную для князей. Генрихъ Баварскій, получив-

шій отъ Рудольфа обѣщаніе, что приданымъ за его женой будетъ верхняя Австрія, увидѣлъ себя обманутымъ и сталъ враждебенъ тестю. Герцогъ Людвигъ обнаруживалъ недовѣріе къ Рудольфу, которому прежде усердно помогалъ; архіепископы майнцскій и кельнскій тоже стали чуждаться Рудольфа. Князья сѣверной Германіи по прежнему не обращали вниманія на нѣмецкаго короля. Оттокару безъ сомнѣнія было извѣстно все это. Онъ подавилъ сопротивлявшихся ему богемскихъ вельможъ, готовился къ войнѣ, искалъ себѣ союзниковъ между нѣмецкими князьями. Архіепископъ кельнскій, герцогъ баварскій Генрихъ, маркграфы мейсенскій и бранденбургскій, ландграфы тюрингскіе были на его сторонѣ. Генрихъ, герцогъ бреславльскій, примирился при его посредничествѣ съ другими силезскими герцогами и сталъ его другомъ. Польскіе князья обѣщали помогать ему противъ нѣмецкаго короля, общаго врага всѣхъ славянъ. Оттокаръ возбуждалъ австрійскихъ вельможъ противъ Рудольфа; недовольныхъ было много, они готовились къ возстанію. Граждане Вѣны желали, чтобъ ихъ городъ пріобрѣлъ независимость, и надѣялись, что Оттокаръ поможетъ имъ свергнуть власть новаго герцога австрійскаго. Вождемъ этой партіи былъ Пальтрамъ, остававшійся вѣнскимъ бургомистромъ. Но эти замыслы были узнаны Рудольфомъ. Глава вельможъ, готовившихся къ возстанію, Генрихъ Кунрингъ, былъ арестованъ и уличенъ въ измѣнѣ. Пальтрамъ и его сыновья бѣжали. Чтобы примирить гражданъ Вѣны съ властью своей династіи, Рудольфъ подтвердилъ льготную грамату, данную Вѣнѣ Фридрихомъ II. Попытки возстанія въ Австріи показали Рудольфу онасность его положенія. Оттокаръ по возможности скрывалъ свои приготовленія къ войнѣ, а тѣ распоряженія, которыхъ нельзя было скрыть, объяснялъ намѣреніемъ воевать съ королемъ венгерскимъ. Дѣйствительно, онъ и Владиславъ были во враждѣ между собой; но Рудольфъ понялъ, что Оттокаръ готовится къ походу въ Австрію и принялъ мѣры обороны. Архіепископъ зальцбургскій и графъ Мейнгардъ тирольскій были усердными союзниками его. Изъ западной Германіи привели ему войска только епископъ базельскій и бургграфъ нюрнбернскій. Въ родовыхъ владѣніяхъ Рудольфа собиралъ вассаловъ графъ Альбрехтъ; но они не могли прійдти на помощь Рудольфу во́ время. Король венгерскій прислалъ ему вспомогательный отрядъ; но всетаки онъ имѣлъ гораздо меньше войска, чѣмъ Оттокаръ.

Битва на Мархскомъ полѣ 26 августа 1278.

Около Троицы начались стычки на границѣ; чешскій отрядъ ворвался въ Австрію, но былъ прогнанъ венгерской конницей Рудольфа. Оттокаръ съ главными силами выступилъ изъ Праги 27 іюня; въ Брюннѣ присоединились къ нему войска нѣмецкихъ и польскихъ его союзниковъ. Онъ пошелъ по Мархскому полю. Масса войска его была такъ велика, что оказался недостатокъ въ продовольствіи для воиновъ и въ кормѣ для лошадей. Войско ослабѣло и стало роптать. Рудольфъ

и его войско были бодры духомъ и увѣрены въ побѣдѣ. Говорятъ, этому отчасти содѣйствовалъ сонъ, видѣнный Рудольфомъ: ему снилось, что орелъ послѣ упорнаго боя побѣдилъ льва. Онъ противъ ожиданія Оттокара перешелъ (14 августа) Дунай и расположился укрѣпленнымъ станомъ у Мархека; потомъ двинулся вверхъ по Моравѣ къ Дюрнкруту. Между этимъ мѣстечкомъ и Йеденспейгеномъ на обширной равнинѣ, удобной для дѣйствія тяжелой конницы, стоялъ станомъ Оттокаръ. Ручей Вейденбахъ раздѣлялъ войска. Богемское войско стояло шестью отрядами; Оттокаръ съ тяжелой чешской конницей и отборными саксонскими и тюрингскими войсками занималъ центръ; по сторонамъ его расположились баварцы, моравне, силезцы, поляки; въ арьергардѣ находился Милота. Войско Рудольфа было раздѣлено на четыре отряда: средину занимали венгры, которыми начальствовали Матіасъ Трипцинъ и графъ Шильпергъ; передній отрядъ составляли австрійцы, задній—войска нѣмецкихъ князей; куманская конница была расположена такъ, чтобы ей было свободно броситься на непріятелей съ фланговъ; въ арьергардѣ стояла тяжелая конница подъ начальствомъ Ульриха Капеллера. На одеждѣ воиновъ Рудольфа были нашиты кресты; боевымъ крикомъ и для христіанъ и для язычниковъ кумановъ было назначено восклицаніе «Христосъ». На разсвѣтѣ 26 августа 1278 нѣмецкіе и австрійскіе воины Рудольфа приготовились къ битвѣ исповѣдью и причащеніемъ; монахи одушевляли ихъ проповѣдями. Битву началъ бургграфъ нюрнбергскій. Первый ворвался въ непріятельскіе ряды швабскій рыцарь Генрихъ Шерлинъ; боевую пѣсню первый началъ базельскій рыцарь Рудольфъ цу Рейнъ. Отряды, приведенные нѣмецкими князьями, одолѣвали, но въ другихъ мѣстахъ успѣхъ битвы колебался, а австрійцы были оттѣснены врагами, нѣмецкій король бился тутъ. Тюрингскій рыцарь, узнавшій его по высокому росту, бросился на него и сбилъ его съ коня. Тургаускій рыцарь Рамевагъ защитилъ упавшаго и помогъ ему сѣсть на другого коня. Видя, что австрійцы отступаютъ, Ульрихъ Капеллеръ стремительно помчался съ своей свѣжей тяжелой конницей на утомленныхъ враговъ и остановилъ ихъ. Нѣмецкій король возстановилъ порядокъ въ своемъ австрійскомъ отрядѣ и возобновилъ битву. Побѣда повсюду склонилась на его сторону. Оттокаръ прикрывалъ отступленіе, бился впереди всѣхъ своихъ рыцарей. Имперскія войска своимъ натискомъ довершили побѣду; одинъ изъ швабскихъ воиновъ громко закричалъ «бѣгутъ»! Этотъ крикъ окончательно смутилъ воиновъ Оттокара, они обратились въ бѣгство. Къ концу вечера побѣжденное войско разсѣялось въ бѣгствѣ. Куманскіе всадники рубили бѣгущихъ, тысячи ихъ утонули въ Моравѣ.

Смерть Оттокара.

Оттокаръ бился впереди всѣхъ, прикрывая отступленіе; когда войско его разсѣялось, онъ съ небольшой свитой продолжалъ биться, удерживая преслѣдующихъ, сражался безтрепетно, пока упалъ уби-

тый. Кто нанесъ ему смертельный ударъ, осталось неизвѣстно. Разъяренные воины Рудольфа кололи и рубили убитаго, изувѣчили его и ограбили. Въ нѣмецкихъ хроникахъ мы читаемъ сожалѣнія о смерти «короля изъ богемской земли, бывшаго львомъ по мужеству, благороднымъ орломъ по великодушію». Враги винили его въ чрезмѣрномъ честолюбіи, но и они признавали рыцарскую храбрость и возвышенность души погибшаго короля богемскаго.

Побѣда на Мархскомъ полѣ на нѣсколько столѣтій опредѣлила ходъ исторіи нѣмецкаго народа. Она создала могущество габсбургской династіи. Значеніе битвы на Мархскомъ полѣ.

---

3. Основаніе могущества габсбургской династіи.

Рудольфъ ловко и твердо воспользовался побѣдою и упрочилъ за своей династіей обширныя наслѣдственныя владѣнія. Преемникомъ Оттокара въ Богеміи и Моравіи былъ его сынъ, Венцель (Вацлавъ, Вѣнцеславъ), еще не достигшій совершеннолѣтія. Рудольфъ убѣдилъ буйныя толпы венгровъ возвратиться на родину, пошелъ въ Моравію, объявилъ, что оставитъ ее подъ своимъ управленіемъ, какъ залогъ уплаты военныхъ издержекъ, но возвратитъ ее Венцелю, по достиженіи имъ совершеннолѣтія; мораване подчинились управленію Рудольфа. Богемскіе вельможи раздѣлились на враждебныя партіи; вождемъ одной изъ нихъ былъ Розенбергъ, женившійся впослѣдствіи на вдовѣ Оттокара, Кунигундѣ; онъ и его приверженцы хотѣли, чтобъ она была признана регентшей, и надѣялись достичь этого при содѣйствіи Рудольфа. Другая партія хотѣла, чтобы регентомъ былъ признанъ Оттонъ Длинный, маркграфъ бранденбургскій, племянникъ Оттокара; она была враждебна Рудольфу и готовилась возобновить войну. Оттонъ, храбрый рыцарь, двинулся съ бранденбургской конницей на встрѣчу Рудольфу, многіе чехи присоединились къ нему, онъ дошелъ до Коллина. Войско Рудольфа стояло по сосѣдству при Седлецѣ (Седльцѣ). Но вмѣсто битвы дѣло кончилось договоромъ, по которому Рудольфъ призналъ Оттона регентомъ на пятилѣтній срокъ и условился съ нимъ о трехъ свадьбахъ: было предположено женить Венцеля на дочери Рудольфа, Гутѣ, а сестру Венцеля, Агнесу, повѣнчать съ сыномъ Рудольфа, имѣвшимъ отцовское имя Рудольфъ. Другую свою дочь, Гедвигу, Рудольфъ обѣщалъ выдать за младшаго брата маркграфа (имя этого младшаго брата было тоже Оттонъ). Маркграфъ бранденбургскій былъ человѣкъ алчный и буйный; своими притѣсненіями онъ возбуждалъ волненія въ Богеміи, увезъ Венцеля въ свое маркграфство, держалъ его въ плѣну и отпустилъ наконецъ въ Богемію, только взявъ за это очень большую сумму.

Послѣдствія битвы на Мархскомъ полѣ. 1. Богемія и Моравія.

Маркграфъ Оттонъ грабилъ монастыри, преслѣдовалъ духовенство, опустошалъ Богемію; его нельзя назвать представителемъ нѣмецкаго владычества надъ этой страной; напротивъ, онъ считался вождемъ національной чешской партіи; но его деспотизмъ сдѣлалъ нѣмецкое имя ненавистнымъ въ Богеміи. Со времени Генриха VII въ Богеміи владычествовали нѣмцы, но національной вражды между этими приближенными королей и чехами почти вовсе не было; теперь началась борьба чеховъ съ нѣмцами. Маркграфъ Оттонъ одолѣлъ партію королевы Кунигунды, держалъ саму королеву подъ стражей; она бѣжала въ Троппау. Волненія, возбуждаемыя въ Богеміи деспотизмомъ Оттона, принудили Рудольфа собрать войско, чтобы прогнать его. Осенью 1280 года Рудольфъ пошелъ въ Богемію; Оттонъ бѣжалъ, передавъ правленіе епископу пражскому и наслѣдственному каммергеру Дипольду Ризенбергу, но не отказался формальнымъ образомъ отъ опеки надъ Венцелемъ, а держалъ его у себя въ плѣну. Моравскіе города опасались богемскаго правительства, въ которомъ преобладалъ аристократическій характеръ, потому искали покровительства Рудольфа; многіе моравскіе вельможи были тоже его приверженцами. Онъ утвердилъ льготныя граматы городовъ и раздѣлилъ Моравію на два намѣстничества; правителемъ одного онъ назначилъ епископа ольмюцскаго, управленіе другимъ поручилъ епископу базельскому. Моравія пользовалась спокойствіемъ, и въ ней развивалось благосостояніе. Венцель достигъ совершеннолѣтія въ 1283 году; опека Рудольфа надъ Моравіей прекратилась, онъ возвратилъ это маркграфство подъ управленіе богемскаго короля, но постановилъ, что оно должно считаться особымъ отъ Богеміи государствомъ, находящимся, какъ и Богемія, въ непосредственномъ ленномъ отношеніи къ нѣмецкому королю.

Австрійскія земли.

Оставивъ чешскому королю его наслѣдственныя земли Богемію и Моравію, Рудольфъ твердо рѣшился упрочить за своей династіей владѣніе герцогствомъ австрійскимъ, Штиріей, Крайной и виндской маркой. Онъ награждалъ своихъ приверженцевъ въ этихъ земляхъ, назначилъ королевскимъ намѣстникомъ въ нихъ своего сына Альбрехта. Генрихъ Баварскій при послѣднемъ походѣ Рудольфа противъ Оттокара держалъ себя непріязненно, потерялъ черезъ это возможность требовать, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое прежнее обѣщаніе отдать ему верхнюю Австрію. Король объявилъ ему, что прощаетъ его, и отдалъ, какъ обѣщался, свою дочь, Катарину, за его сына Оттона; онъ былъ радъ и этому. Онъ и Людвигъ отдали на рѣшеніе короля свой споръ. Такимъ образомъ было ясно, что герцоги баварскіе не будутъ мѣшать упроченію власти Габсбургской династіи въ земляхъ, отнятыхъ у Оттокара. Въ герцогствѣ австрійскомъ и въ Штиріи Рудольфъ не встрѣчалъ оппозиціи. Труднѣе было ему установить свою власть надъ Каринтіей. Бывшій архіепископъ зальцбургскій Филиппъ, продолжавшій носить данный ему Рудольфомъ титулъ герцога каринтійскаго, умеръ въ 1279 году; но Рудольфъ нашелъ надобнымъ уважить притязанія своего усерднаго союзника графа Мейнгарда, управлявшаго Каринтіей, и рѣшился отказаться на нѣкоторое время отъ этой области, назначилъ герцогомъ ея Мейндгарда, взявъ себѣ только тѣ земли, которыя принадлежали Бабенбергамъ; имперскимъ намѣ-

стникомъ въ нихъ онъ назначилъ своего сына, Альбрехта. Кончивъ эти дѣла, онъ сталъ готовиться къ объѣзду по нѣмецкому королевству, чтобы личнымъ присутствіемъ возстановить уваженіе къ власти короля въ тѣхъ областяхъ, князья которыхъ пренебрегали ею; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ на личныхъ свиданіяхъ склонять нѣмецкихъ князей къ согласію на то, чтобъ Австрія и Штирія были отданы въ наслѣдственное владѣніе его сыновямъ, Альбрехту и Рудольфу.

Смерть Анны и Гартмана.

Въ началѣ 1281 года умерла супруга Рудольфа королева Анна, а въ концѣ года утонулъ второй сынъ его, Гартманъ, 18-лѣтній юноша, веселый и даровитый, которому отецъ предполагалъ передать нѣмецкую корону. Онъ плылъ въ лодкѣ по Рейну, лодка натолкнулась на сукъ дерева, опрокинулась, и всѣ бывшіе на ней погибли.—Въ концѣ слѣдующаго года, при съѣздѣ князей на Рождество ко двору короля въ Аугсбургѣ, была составлена грамата, по которой «съ свободнаго согласія князей, имѣющихъ голосъ при избраніи короля», Австрія, Штирія, Крайна и виндская марка отдавались въ наслѣдственное ленное владѣніе сыновьямъ Рудольфа, Альбрехту и Рудольфу, но съ тѣмъ, что эти земли принадлежатъ и всѣмъ линіямъ габсбургской династіи. Такимъ образомъ она получила обширное наслѣдственное государство и сохраняла могущество даже въ случаѣ перехода королевской короны въ другую династію.

27 декабря 1282.

Рудольфъ велъ переговоры съ курфирстами о передачѣ отнятыхъ у Оттокара земель сыновьямъ его, дѣлалъ каждому курфирсту уступки, получилъ согласіе каждаго и только тогда пригласилъ нѣмецкихъ князей на рождественскій съѣздъ въ Аугсбургъ. Каринтійскіе князья не пріѣхали, пріѣхалъ только правитель Каринтіи графъ Мейнгардъ и держалъ себя такъ, что Рудольфъ отказался отъ мысли отдать сыновьямъ Каринтію, отдалъ это герцогство ему. Назначеніе двухъ человѣкъ владѣтелями одного государства, какъ сдѣлалъ Рудольфъ относительно Австріи, представлялось дѣломъ страннымъ, и многіе возражали противъ этого. Потому Рудольфъ 1 іюня 1283 года обнародовалъ фамильный законъ, Hausgesetz, по которому правительственная власть въ Австріи, Штиріи, Крайнѣ и виндской маркѣ предоставлялась исключительно Альбрехту и его потомству по мужской линіи, но за братомъ Альбрехта, Рудольфомъ, и его потомствомъ сохранялось право наслѣдованія.

---

4. Послѣдніе годы правленія Рудольфа.

Заботы Рудольфа объ установленіи спокойствія въ Германіи.

Достигнувъ своей цѣли въ Австріи, Рудольфъ занялся приведеніемъ въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ нѣмецкаго государства; повсюду въ Германіи шли междоусобія, главной причиной которыхъ была сословная борьба. Князья хотѣли быть полными государями своихъ владѣній. Дворяне, имѣвшіе земли въ ихъ областяхъ, защищали свою

независимость. Города охраняли или расширяли свои права, хотѣли подчиняться только королю, а не областнымъ государямъ. Другимъ источникомъ войнъ были семейныя ссоры династій: княжества дѣлились между сыновьями прежняго князя, братья воевали между собой. Рудольфъ хотѣлъ прекратить это. Пока онъ былъ занятъ австрійскими дѣлами, нѣкоторые рейнскіе князья заключили между собой союзы для охраненія мира; города присоединялись къ союзамъ князей, чтобъ имѣть защиту противъ сосѣднихъ вельможъ, но покупали эту охрану, жертвуя частью своей независимости. Рудольфъ понималъ, что надежнѣйшими союзниками короля будутъ города, интересы которыхъ требуютъ сильной центральной власти. По пріѣздѣ въ Регенсбургъ (въ іюнѣ 1291) онъ запретилъ на три съ половиной года всякія междоусобія въ Баваріи, поручилъ охраненіе мира въ ней герцогамъ баварскимъ и епископу регенсбургскому. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ обнародовалъ такое же распоряженіе относительно Франконіи. Въ Швабіи и на Рейнѣ онъ не могъ сдѣлать этого, потому что тамъ князья и вельможи не согласились бы уважать его распоряженія. Но повсюду онъ насколько было возможно заботился о прекращеніи междоусобій.

Власть короля была слишкомъ слаба для охраненія мира; исполненіе своихъ распоряженій о немъ Рудольфъ поручалъ сильнымъ областнымъ князьямъ. Но вообще говоря, его заботы о прекращеніи междоусобій имѣли мало успѣха.

Положеніе городовъ.

Расширеніе власти областныхъ государей было опасно городамъ и свободнымъ сельскимъ общинамъ. Они покупали у короля подтвержденіе своихъ правъ, но эти граматы были слишкомъ слабой защитой отъ притязаній князей. Въ самихъ городахъ шла борьба массы простолюдиновъ противъ высшаго городского сословія, въ чьихъ рукахъ находилось управленіе. Политика Рудольфа относительно городовъ была шаткая; вообще онъ покровительствовалъ самоуправленію городовъ, дань которыхъ была однимъ изъ главныхъ источниковъ королевскаго дохода. Но давая граматы городамъ, онъ обыкновенно дѣлалъ оговорку, что не предоставляетъ имъ никакихъ правъ, нарушающихъ права прелатовъ, подъ властью которыхъ находились они прежде.

Рыцари-грабители.

При постоянныхъ междоусобіяхъ сформировалось особое сословіе воиновъ, служившихъ по найму князьямъ, а въ мирное время занимавшихся грабежомъ беззащитнаго сосѣдняго населенія и проѣзжихъ купцовъ. Король не имѣлъ силы прекратить эти грабежи: вожди разбойническихъ шаекъ были вельможи или рыцари, имѣвшіе замки на скалахъ; въ этихъ замкахъ ихъ отряды были безопасны; князья, обязанностью которыхъ было бы обуздать грабителей, щадили ихъ, потому что очень часто имѣли надобность въ ихъ службѣ. Рудольфъ самъ ходилъ противъ рыцарей-грабителей въ Швабію и Тюрингію, возлагалъ на князей обязанность охранять проѣзжихъ купцовъ отъ нихъ, платить вознагражденіе купцамъ за товары, отнятые хищниками; давая купцамъ конвой, князья получали за это плату съ нихъ.

Королевская власть была такъ слаба, что возстановить порядокъ въ государствѣ Рудольфъ не могъ иначе, какъ при содѣйствіи кня-

зей. Чтобы пріобрѣсти его, онъ принужденъ былъ утверждать за ними новыя права верховной власти, придавать законность ихъ фактическому полновластію. Курфирсты и другіе могущественные областные государи не допустили его придать королевской власти такой размѣръ, который былъ бы стѣснителенъ для нихъ. Такимъ образомъ всѣ его заботы о возстановленіи государственнаго единства остались напрасны, и единственнымъ серьезнымъ результатомъ его правленія было то, что онъ основалъ могущественное государство для своей династіи. Центральное правительство въ Германіи было только призракомъ; потому исторія Германіи въ это время лишь исторія областныхъ нѣмецкихъ государствъ. Отношенія Рудольфа къ князьямъ.

Могущественнѣйшимъ государемъ въ южной Германіи былъ Людвигъ Суровый, герцогъ баварскій и пфальцграфъ рейнскій, другъ Рудольфа, который называлъ его «непоколебимѣйшей опорой своей власти». Третьей женой Людвига была Мехтильда, дочь Рудольфа; она родила ему двухъ сыновей, Рудольфа и Людвига, который впослѣдствіи былъ нѣмецкимъ королемъ. Герцогъ Людвигъ помирился съ своимъ братомъ Генрихомъ, но они остались въ душѣ врагами и черезъ нѣсколько лѣтъ возобновили войну между собой. Она прерывалась на время договорами, но скоро снова вспыхивала. Бавaрія и Пфальцы.

Рейнскіе курфирсты, вообще бывшіе противниками королей, пріобрѣли почти полную верховную власть въ своихъ владѣніяхъ. Вельможи воевали съ ними, стараясь сохранить свою независимость. Во времена Рудольфа особенно страшенъ былъ мелкимъ сосѣднимъ князьямъ энергическій архіепископъ кельнскій, Зигфридъ. Они въ 1277 году заключили между собою союзъ противъ него, онъ вступилъ въ союзъ съ архіепископомъ трирскимъ для общей защиты «противъ всѣхъ враговъ». Рудольфъ увидѣлъ въ этомъ опасность для себя, пошелъ на Зигфрида (въ августѣ 1282 года), бралъ одинъ за другимъ его замки; въ сентябрѣ Зигфридъ покорился, далъ обѣщаніе уважать королевскую власть. Но когда Рудольфъ ушелъ съ Рейна, Зигфридъ возобновилъ войну съ сосѣдами. Въ то же время шла война между архіепископомъ майнцскимъ и ландграфомъ гессенскимъ. Рейнскіе курфирсты.

Зигфридъ нашелъ себѣ много союзниковъ и пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла нижне-рейнскихъ областей, но потерпѣлъ тяжелую неудачу, вмѣшавшись въ брабантскую войну. По смерти Вальрама IV, герцога лимбургскаго, за его наслѣдство поднялся споръ между его дочерью Эрменгардой, женой графа гельдернскаго, и племянникомъ его, графомъ Адольфомъ бергскимъ. Рудольфъ призналъ наслѣдницей графства лимбургскаго Эрменгарду. По смерти ея наслѣдовалъ ей мужъ. Графъ бергскій продалъ свои притязанія на графство лимбургское герцогу Жану брабантскому, герою турниpовъ и знаменитому поэту. Зигфридъ Кельнскій принялъ сторону мужа Эрменгарды. Весною 1288 герцогъ брабантскій вошелъ во владѣнія архіепископа Брабантская война 1288.

кельнскаго. Граждане города Кельна, ненавидѣвшіе алчнаго и жестокаго архіепископа, возстали противъ него, послали свое войско на помощь герцогу. Онъ осадилъ Воринген, архіепископскую крѣпость, стоявшую между Кельномъ и Нейсомъ. Зигфридъ пошелъ освободить свою крѣпость; у него было больше конницы, чѣмъ у герцога, но меньше пѣхоты. Въ сраженіи подъ Воринге номъ 5 іюля (1288 года) герцогъ брабантскій одержалъ полную побѣду. Архіепископъ Зигфридъ, графъ гельдерпскій и союзники ихъ, графы Адольфъ нассауссій, Валентинъ изенбургскій, многіе другіе князья и вельможи были взяты въ плѣнъ. Графъ Генрихъ люцельбургскій, отецъ императора Генриха VII, былъ убитъ въ сраженіи.

Послѣдствія побѣды герцога брабантскаго.

Послѣдствія воринген ской битвы были очень важны. Въ маѣ слѣдующаго (1289) года Зигфридъ былъ отпущенъ изъ плѣна, заплативъ 12.000 марокъ выкупа, уступивъ значительную часть своихъ владѣній и обязавшись не вмѣшиваться въ нидерландскія дѣла. Архіепископы майнцскій и трирскій, опасаясь подвергнуться такимъ же бѣдамъ отъ своихъ враговъ, нашли надобнымъ вступить въ союзъ между собою и съ освободившимся архіепископомъ кельнскимъ для общей обороны, и всѣ трое обратились къ папѣ съ просьбой о защитѣ. Папа освободилъ Зигфрида отъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній, уполномочилъ архіепископовъ майнцскаго и трирскаго помогать ему въ дѣлѣ возвращенія кельнской каѳедрѣ отнятыхъ у него владѣній. Зигфридъ отлучилъ кельнскихъ гражданъ отъ церкви и наложилъ интердиктъ на Кельнъ. Городъ оставался семь лѣтъ подъ этимъ наказаніемъ.

Тѣсный союзъ трехъ рейнскихъ архіепископовъ казался опасенъ Рудольфу; потому король вступилъ въ дружескія сношенія съ ихъ нидерландскими врагами, признавъ герцога брабантскаго законнымъ владѣтелемъ графства лимбургскаго. Но рейнскіе архіепископы, дѣйствуя единодушно, сохранили такое могущество, что власть короля въ нѣмецкихъ нижнерейнскихъ областяхъ осталась ничтожна.

Королевская власть Рудольфа была очень слаба. Нѣмецкое государство оставалось лишеннымъ могущества и славы; тѣмъ сильнѣе отдавался народъ воспоминаніямъ о прежнемъ блескѣ своего имени; онъ съ любовью вспоминалъ о славныхъ императорахъ Гоэнштауфенскаго рода и горячо желалъ возвращенія ихъ временъ. Изъ этихъ мыслей возникли мечты о томъ, что императоръ Фридрихъ не умеръ, что онъ возвратится (стр. 192 и 193), и наконецъ надежда на его возвращеніе породила молву, что онъ возвратился. Фигуры двухъ Фридриховъ уже слились въ воспоминаніяхъ народа въ одинъ образъ. Нашлись обманщики, пользовавшіеся легковѣріемъ простяковъ, и одинъ за другимъ стали являться императоры Фридрихи.

Въ Любекѣ простолюдины враждовали съ городской аристократіей и городскимъ совѣтомъ, ея органомъ; кромѣ того, городъ ссорился съ епископомъ, подвергся интердикту; при этомъ взволнованномъ состояніи умовъ явился въ 1284 году человѣкъ, выдававшій себя за императора Фридриха. Онъ нашелъ много приверженцевъ. Но членъ городского совѣта, Генрихъ Стенекъ, вступивши въ разговоръ съ нимъ, разоблачилъ его шарлатанство; народъ изкинулъ обманщика; его предали суду, приговорили къ смерти, зашили въ мѣшокъ и бросили въ рѣку. — Низшее городское сословіе повсюду вело тогда борьбу съ городской аристократіей и повсюду епископскіе города были въ ссорѣ съ своими епископами или архіепископами. Такъ напримѣръ бременцы много лѣтъ вели борьбу съ архіепископомъ Гизельбертомъ; въ Эрфуртѣ вождемъ массы горожанъ былъ Фольрадъ Готскій. Въ Любекѣ.

Гораздо опаснѣе, чѣмъ въ Любекѣ, были результаты народнаго легковѣрія на Рейнѣ. Въ окрестностяхъ Кольмара назвалъ себя императоромъ Фридрихомъ монахъ Генрихъ, жившій передъ тѣмъ временемъ въ отшельничествѣ; нѣсколько ниже Кольмара на Рейнѣ явился другой императоръ Фридрихъ, кузнецъ Тиле Колупъ; оба имѣли нѣкоторый успѣхъ; но обоихъ затмилъ блескомъ своихъ подвиговъ человѣкъ, о которомъ очень долго не могли разузнать, кто онъ; уже только впослѣдствіи открылось, что истинное имя его было Дитрихъ Гольцшу. Онъ игралъ свою императорскую роль нѣсколько лѣтъ; находилъ приверженцевъ себѣ по всему Рейну и особенно блистательный успѣхъ имѣлъ въ Нейсѣ. Легковѣрный народъ разсказывалъ о немъ много удивительныхъ вещей, видѣлъ въ немъ избавителя отъ бѣдствій. Зигфридъ, архіепископъ кельнскій, щадилъ его для того, чтобы дѣлать досаду Рудольфу. Онъ дошелъ до такого высокаго мнѣнія о себѣ, что послалъ Рудольфу требованіе явиться на судъ къ его престолу. Фризы были тогда въ войнѣ противъ сосѣднихъ князей; этотъ императоръ Фридрихъ вошелъ въ сношенія съ ними и послалъ графу голландскому запрещеніе нападать на свободный фризійскій народъ. Число приверженцевъ шарлатана росло. Серьезной причиной его успѣха было то, что нѣкоторые города находились тогда во враждѣ съ Рудольфомъ. Въ іюнѣ 1285 Рудольфъ потребовалъ съ городовъ уплаты налога, равнявшагося тридцатой долѣ доходовъ горожанъ. Кольмаръ, Гагенау, Вецларъ, Франкфуртъ отказались платить этотъ налогъ, Рудольфъ повелъ на нихъ войско. Императоръ Фридрихъ, жившій въ Нейсѣ, пріѣхалъ въ Вецларъ, разсчитывая извлечь себѣ пользу изъ раздраженія гражданъ, думавшихъ обороняться. Рудольфъ осаждалъ Кольмаръ; услышавъ о появленіи самозванца въ Вецларѣ, помирился съ кольмарцами и пошелъ къ Вецлару. Въ одно время съ нимъ подошелъ туда и архіепископъ кельнскій. Вецларцы оробѣли, городской совѣтъ поспѣшилъ примириться съ королемъ, согласился уплатить налогъ. Рудольфъ за эту уступку подтвердилъ всѣ прежнія права города. Самозванецъ былъ выданъ Рудольфу, признался въ обманѣ, былъ преданъ суду, какъ еретикъ и чародѣй и, за эти преступленія, сожженъ на кострѣ (въ іюлѣ 1285). Сопротивлявшіеся города были покорены Рудольфомъ; за привязанность Нейса къ Лже-Фридриху король отдалъ этотъ городъ подъ власть архіепископа Зигфрида. Всѣ приверженцы обманщика были подвергнуты наказанію. Черезъ десять лѣтъ по смерти Дитриха Гольцшу явился новый Фридрихъ, пріобрѣлъ много приверженцевъ себѣ въ Эслингенѣ и окрестностяхъ этого города. Являлись императоры Фридрихи и послѣ, особенно во время борьбы Людвига Баварскаго съ папой. Молва о томъ, что императоръ Фридрихъ живъ и возвратился, порождала новые обманы очень долго. Послѣдній Фридрихъ, бѣдный портной изъ Лангензальцы, явился въ 1546 году. На Рейнѣ. (Дитрихъ Гольцшу).

Швабскія дѣла.

Рудольфу очень хотѣлось возстановить санъ герцога швабскаго и отдать это герцогство своей династіи. Но швабскіе князья не допустили бы этого; они уже слишкомъ привыкли къ независимости. Между собой они часто воевали, но противъ общаго поработителя возстали бы единодушно. Понимая это, Рудольфъ и не пытался возстановить санъ герцога швабскаго, а только старался пріобрѣтать союзниковъ себѣ между швабскими князьями. Усерднѣйшими сторонниками его были Гоэнцоллерны нюрнбергской линіи этого рода и графы Гоэнцоллернъ-Гоэнбергскіе, сестра которыхъ была женою Рудольфа. Опаснѣйшимъ противникомъ ихъ и Рудольфа былъ графъ Эбергардъ Свѣтлый вюртембергскій. Отецъ Эбергарда Ульрихъ купилъ владѣнія бездѣтнаго графа урахскаго; пріобрѣтеніемъ ихъ значительно увеличилось могущество графовъ вюртембергскихъ. Эбергардъ много лѣтъ велъ войну съ друзьями Рудольфа. Король увидѣлъ, что не одолѣетъ своихъ швабскихъ противниковъ, и примирился съ ними (въ 1287 году).

Отношенія Рудольфа къ герцогству бургонскому.

Рудольфу хотѣлось возстановить власть нѣмецкаго короля въ земляхъ, составлявшихъ королевство бургундское, и первымъ шагомъ къ тому должно было, по его мысли, быть пріобрѣтеніе личнаго вліянія надъ той частью бургундскаго королевства, которая была однимъ изъ французскихъ леновъ и называлась герцогствомъ бургонскимъ. Средствомъ къ тому онъ выбралъ женитьбу. Ему было тогда ужь болѣе шестидесяти лѣтъ, но онъ сталъ сватать сестру герцога Робера бургонскаго, Изабеллу, очень молоденькую и красивую дѣвушку. Свадьба устроилась весною 1284 года. Но если не удалось Рудольфу возстановить королевскую власть въ нѣмецкихъ областяхъ, то разумѣется еще меньше могло исполниться его желаніе возстановить ее въ земляхъ, имѣвшихъ французское населеніе. По своимъ родовымъ владѣніямъ, сосѣднимъ съ Савоіей, Рудольфъ имѣлъ довольно сильныя связи въ этой области; но и въ ней не пріобрѣлъ большого вліянія.

Походъ противъ графа савойскаго.

Габсбурги издавна были враждебны графамъ савойскимъ; причиной вражды былъ споръ за полученное Габсбургами наслѣдство графовъ кибургскихъ, на которое заявляла притязанія савойская династія. Весною 1283 года Рудольфъ пошелъ въ ту часть владѣній графа савойскаго, которая находилась въ нынѣшней французской Швейцаріи; Филиппъ, графъ савойскій, оборонялся храбро, и Рудольфъ достигъ лишь небольшихъ земельныхъ пріобрѣтеній. Кромѣ того Филиппъ согласился заплатить ему 2000 марокъ серебра.

Племянники Филиппа, графа савойскаго, Амадей и Людовикъ, еще при жизни его воевали между собою за наслѣдство, продолжали войну по его смерти, но скоро помирились при посредничествѣ королей англійскаго и французскаго. Они раздѣлили между собою савойскія владѣнія; договоръ о раздѣлѣ былъ поставленъ подъ гарантію англійскаго и французскаго королей. О нѣмецкомъ королѣ въ немъ вовсе и не упоминалось.— Вліяніе Франціи въ бургундскихъ земляхъ возростало. Могущественный городъ Бернъ былъ одной изъ опоръ противниковъ Рудольфа. Въ 1268 году Бернъ

формально отказался признавать его власть, заключилъ союзъ съ Фрейбургомъ (Швейцарскимъ), съ Оттономъ, пфальцграфомъ бургундскимъ (то есть, владѣтелемъ области, которая впослѣдствіи называлась Франшъ-Конте) и съ графомъ савойскимъ. Рудольфъ пошелъ къ Берну съ большимъ войскомъ, упорно велъ осаду города, принужденъ былъ отступить, потомъ осадилъ Бернъ второй разъ и снова потерпѣлъ неудачу. Въ Лотарингіи французское вліяніе тоже усилилось; Туль уже находился подъ покровительствомъ французскаго короля. Безансонъ отложился отъ повиновенія нѣмецкому королю и отдался подъ власть пфальцграцу Оттону, вождю всѣхъ противниковъ нѣмецкаго короля въ бургундскихъ земляхъ. Рудольфъ собралъ большое войско, объявилъ Оттона мятежникомъ и въ іюлѣ 1289 года осадилъ Безансонъ. Граждане отбивали его приступы; пфальцграфъ Оттонъ отрѣзалъ подвозъ провіанта къ нѣмецкому войску, оно терпѣло голодъ; въ сентябрѣ Оттонъ примирился съ Рудольфомъ, призналъ себя вассаломъ его; но Рудольфъ увидѣлъ, что его мысль о возстановленіи нѣмецкой власти въ бургундскихъ земляхъ несбыточна, и отказался отъ нея.

Успѣшнѣе были заботы Рудольфа о возстановленіи королевской власти въ сѣверной Германіи. Непрерывныя войны маркграфовъ бранденбургскихъ съ ихъ сосѣдами повели къ тому, что въ 1283 году герцогъ саксонскій Іоаннъ, померанскій князь Богиславъ, герцоги мекленбургскіе, графы шверинскіе, Любекъ, Висмаръ и многіе другіе сѣверные города заключили между собою союзъ на 10 лѣтъ для охраненія мира. Къ нему присоединились герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій, архіепископъ бременскій, Эрикъ король датскій. Этотъ союзъ побѣдилъ Эрика, короля норвежскаго, грабившаго ганзейскіе корабли на Балтійскомъ морѣ, принудилъ его заключить съ ганзейскими городами миръ, предоставить прежнія привилегіи ихъ торговлѣ. Но невозможно было прекратить междоусобій и на сѣверѣ, какъ на югѣ. Герцогъ Альбрехтъ саксонскій, имперскій намѣстникъ (викарій), воевалъ съ Оттономъ Люнебургскимъ; мекленбургскіе герцоги воевали между собой; маркграфы бранденбургскіе постоянно воевали съ сосѣдами, стараясь расширить свои владѣнія; герцогъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскій много лѣтъ воевалъ съ архіепископомъ майнцскимъ. Рудольфъ неутомимо хлопоталъ о прекращеніи этихъ междоусобій и наконецъ успѣлъ примирить Альбрехта Саксонскаго съ Оттономъ Люнебургскимъ. За Оттона онъ выдалъ свою внуку, дочь пфальцграфа Людвига. Этотъ бракъ нѣсколько увеличилъ его вліяніе въ сѣверной Германіи.

Сѣверная Германія.

31 октября 1285.

Еще ожесточеннѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, были междоусобія въ Тюрингіи. Ландграфъ Альбрехтъ Невѣжда, принудившій свою жену Маргарету, дочь Фридриха, бѣжать отъ его жестокости (стран. 287) и женившійся на своей любовницѣ Кунигундѣ Эйзенбергъ, поссорился съ своими законными сыновьями, Фридрихомъ и Дитрихомъ (или Дицманомъ). Главной причиной ссоры было то, что онъ оказывалъ своему побочному сыну, Альбрехту (Апицу), предпочтеніе передъ ними. Они взялись за оружіе; въ 1281 году онъ по-

Тюрингія.

бѣдилъ ихъ, взялъ Фридриха въ плѣнъ и держалъ его въ темницѣ. Черезъ нѣсколько времени умеръ братъ Альбрехта Дитрихъ, маркграфъ ландсбергскій. Это повело къ новой войнѣ: Альбрехтъ хотѣлъ ограбить его сына, Фридриха Зайку; изъ-за грабежа сыновья Альбрехта снова стали воевать съ отцомъ. Смерть маркграфа мейсенскаго, Генриха Свѣтлаго (15 февраля 1288), расширила размѣръ междоусобія. Ландграфъ Альбрехтъ, бывшій теперь ужь въ союзѣ съ племянникомъ своимъ Фридрихомъ Зайкой, хотѣлъ овладѣть наслѣдствомъ Генриха Свѣтлаго; сыновья Альбрехта хотѣли удержать это наслѣдство за собой. Война велась съ такой свирѣпостью, которая была почти безпримѣрна даже въ тѣ ужасныя времена. Старикъ наконецъ былъ взятъ въ плѣнъ сыновьями и 1 января 1289 года заключилъ съ ними договоръ, по которому уступилъ имъ значительную часть наслѣдства Генриха Свѣтлаго. Но въ Тюрингіи продолжались раздоры. Для прекращенія ихъ Рудольфъ пригласилъ нѣмецкихъ князей съѣхаться къ нему въ Эрфуртъ на Рождество 1289 года. Давно не бывало такого блестящаго сейма. По пріѣздѣ въ Тюрингію Рудольфъ подвергъ строгому суду вельможъ и рыцарей, пользовавшихся междоусобіями въ этой области для грабежа сосѣдовъ. Онъ разрушилъ множество замковъ знатныхъ разбойниковъ и казнилъ 29 человѣкъ изъ нихъ. Эрфуртскій сеймъ раздѣлилъ государство на округи; въ каждомъ округѣ одинъ изъ могущественнѣйшихъ князей былъ назначенъ главнокомандующимъ войскъ, собираемыхъ для возстановленія тишины. Это учрежденіе было зародышемъ, изъ котораго впослѣдствіи развилось прочное раздѣленіе Германіи на округи. Рудольфъ успѣлъ примирить архіепископа майнцскаго съ герцогомъ брауншвейгскимъ, Альбрехта Брауншвейгскаго съ Фридрихомъ Мейсенскимъ. Королевская власть получила нѣкоторую силу; сопротивленія Рудольфу не было.

Эрфуртскіе сеймы.

Но будущность габсбургскаго дома еще не была прочна. Усмиренные противники ждали только смерти старика Рудольфа, чтобы возобновить борьбу, а правленіе Альбрехта въ Австріи встрѣчало довольно много сопротивленія. Новый архіепископъ зальцбургскій, Рудольфъ Гоэнекъ, велъ съ нимъ споръ о пограничныхъ округахъ. Намѣстникъ Альбрехта въ Штиріи Генрихъ, аббатъ адмонтскій, раздражалъ штирійскихъ вельможъ своимъ деспотизмомъ. Герцогство каринтійское фактически находилось во владѣніи Мейнгарда, графа тирольскаго, который съ 1283 года назывался герцогомъ Каринтіи, Крайны и виндской марки. Но епископскими ленами въ Каринтіи владѣлъ герцогъ Альбрехтъ, а Крайна и виндская марка были отданы отцомъ ему и его брату. Изъ этого возникали споры, кончившіеся въ 1285 году тѣмъ, что Каринтія была признана наслѣдственнымъ владѣніемъ Мейнгарда, епископскіе лены въ ней отданы ему, Альбрехтъ получилъ Крайну и виндскую марку. Австрійскіе и штирійскіе вельможи

Правленіе Альбрехта въ Австріи.

Герцогство каринтійское.

роптали на то, что Альбрехтъ нарушаетъ ихъ права, раздаетъ всѣ должности швабамъ. Въ Вѣнѣ тоже было сильное неудовольствіе; граждане требовали, чтобъ она была признана имперскимъ городомъ, то есть получила независимость отъ областного государя, была подчинена только королю. Рудольфъ во время войны съ Оттокаромъ далъ Вѣнѣ права имперскаго города, подтвердилъ въ 1278 году, но потомъ отмѣнилъ эту грамату. Альбрехтъ правилъ Вѣною самовластно и не хотѣлъ дать утвержденія даже прежнимъ правамъ города. Ссора дошла до вооруженнаго столкновенія; наконецъ въ февралѣ 1288 года Вѣна покорилась Альбрехту; но оставалась непріязненна ему, и онъ не утверждалъ привилегій города.

Война съ архіепископомъ зальцбургскимъ.

Ссора Альбрехта съ архіепископомъ зальцбургскимъ дошла въ концѣ 1288 года до войны. Альбрехтъ опустошалъ владѣнія архіепископа, принудилъ его покориться, а въ 1290 году Рудольфъ, какъ третейскій судья, постановилъ рѣшеніе по спорнымъ вопросамъ.

Венгерскія дѣла.

Вниманіе Альбрехта было тогда занято венгерскими дѣлами. При Владиславѣ Венгрія волновалась мятежами. Дѣтей у него не было; его жена, имѣвшая сильное вліяніе на мужа, хотѣла передать корону своему родственнику, принцу царствовавшей въ Неаполѣ анжуйской династіи; папская курія поддерживала королеву; національная партія, вождемъ которой былъ Лодомерій, архіепископъ гранскій, имѣла своимъ кандидатомъ Андрея Эсте, потомка арпадской династіи. Онъ пришелъ съ войскомъ въ Венгрію, былъ взятъ въ плѣнъ графомъ Иваномъ Гюссингомъ, бѣжалъ изъ-подъ стражи, но попался во власть Альбрехта, который хотя и былъ въ дружбѣ съ Владиславомъ, желалъ извлечь себѣ пользу изъ венгерскихъ раздоровъ. Могущественные графы Гюссинги, владѣнія которыхъ лежали по австрійской границѣ, казались опасны и Альбрехту, какъ Владиславу. Альбрехтъ началъ войну съ ними, иногда терпѣлъ неудачи, но вообще одолѣвалъ Гюссинговъ, покорилъ большое пространство земли по Нейзидельскому и Балатонскому озерамъ, и хотѣлъ присоединить эту землю къ Австріи. Владиславъ не противился его намѣренію и вѣроятно радовался тому, что уменьшается могущество графовъ Гюссинговъ. Куманскій воинъ, ревность котораго возбудилъ Владиславъ своимъ волокитствомъ, убилъ его (10 іюля 1290). Андрей Эсте, услышавъ о смерти короля, бѣжалъ изъ Вѣны, въ которой жилъ подъ стражей. Архіепископъ гранскій сталъ помогать ему; приняли его сторону и графы Гюссинги, надѣясь возвратить свои потерянныя владѣнія, если онъ станетъ королемъ. Альбрехтъ просилъ помощи нѣмецкаго королевства. Рудольфъ обѣщалъ ее и назначилъ Альбрехта королемъ венгерскимъ (21 августа 1290). Бела IV призналъ себя вассаломъ Фридриха II; изъ этого Рудольфъ выводилъ, что нѣмецкій король можетъ располагать венгерскимъ престоломъ. Но Рудольфъ не хотѣлъ самъ воевать съ венграми и, конечно, не надѣялся доставить сыну венгерскую корону; онъ провозгласилъ Альбрехта королемъ венгерскимъ лишь для того, чтобы пугать этимъ титуломъ венгровъ и легче добиться отъ нихъ согласія на присоединеніе къ Австріи земель, завоеванныхъ Альбрехтомъ. Король неаполитанскій Карлъ II объявилъ королемъ венгерскимъ своего сына Карла Мартелла и короновалъ его въ Неаполѣ (8 сентября). Но ни Карлъ Мартеллъ, ни Альбрехтъ не были страшны Андрею: выразивъ полное согласіе съ желаніями національной партіи и давъ грамату, подтверждавшую права вельможъ и народа, онъ пріобрѣлъ себѣ со-

чувствіе венгровъ и былъ по всему государству признанъ королемъ. Явился самозванецъ, называвшій себя братомъ Владислава; ему помогали поляки, но Андрей безъ труда прогналъ его. Новый венгерскій король не хотѣлъ уступать Альбрехту пограничные комитаты. Зимою 1290 началась война; лѣтомъ она получила рѣшительный оборотъ: венгры подавили австрійцевъ своей многочисленностью, прогнали ихъ къ Вѣнѣ. Альбрехтъ видѣлъ, что не можетъ разсчитывать на поддержку нѣмецкаго государства, и нѣмецкія дѣла поглотили все его вниманіе, потому онъ помирился съ венграми, отказался отъ своихъ завоеваній; Андрей далъ амнистію его приверженцамъ и предоставилъ большія привилегіи австрійскимъ купцамъ. На пресбургскомъ свиданіи Андрей и Альбрехтъ заключили между собою союзъ, и Андрей сталъ помогать Альбрехту въ его войнахъ.

28 августа 1291.

Богемскія дѣла.

Зять Рудольфа, Вѣнцеславъ II, былъ безхарактерный молодой человѣкъ. Богемія сильно страдала отъ мятежей. Рудольфъ въ апрѣлѣ 1284 провозгласилъ, что всѣ междоусобія должны прекратиться въ ней. Завиша Розенбергъ, за котораго вышла Кунигунда, мать короля, поддерживалъ спокойствіе въ государствѣ. Но въ 1287 году онъ былъ внезапно удаленъ отъ двора; раздраженный, онъ хотѣлъ овладѣть Моравіей, но былъ взятъ въ плѣнъ; Николай, герцогъ троппаускій, побочный сынъ Оттокара, велѣлъ казнить его.—Въ февралѣ 1289 года Рудольфъ призналъ за королемъ богемскимъ право быть курфирстомъ и утвердилъ сдѣлку, по которой Фридрихъ, маркграфъ мейсенскій, уступилъ свои владѣнія Вѣнцеславу, обѣщавшемуся платить Фридриху 4.500 марокъ ежегоднаго содержанія. Присоединеніе Мейсена къ Богеміи усилило нѣмецкую партію въ богемскомъ государствѣ. Еще могущественнѣе стало оно, когда сыновья Владислава Опольскаго, раздѣливъ между собою отцовскія владѣнія, признали себя вассалами чешскаго короля. Чехи отняли у поляковъ Краковъ и Сендоміръ. По смерти Генриха, герцога бреславльскаго, Рудольфъ отдалъ его владѣнія, какъ имперскій ленъ, Вѣнцеславу. Все это упрочило дружбу богемскаго короля съ габсбургскимъ домомъ, который впослѣдствіи извлекъ огромныя выгоды изъ своего родства съ богемской династіей.

Заботы Рудольфа объ избраніи сына королемъ.

Рудольфъ очень желалъ, чтобы нѣмецкая корона стала наслѣдственной въ его родѣ, но достичь этого было очень трудно. Герцоги Людвигъ баварскій и Альбрехтъ саксонскій были расположены поддерживать желанія короля. Онъ надѣялся, что нѣмецкіе князья согласятся избрать королемъ его второго сына, Рудольфа; но въ маѣ 1290 принцъ Рудольфъ умеръ. Смерть его разстроила планъ отца. Старшій сынъ короля, Альбрехтъ, не пользовался любовью нѣмецкихъ князей, и на франкфуртскомъ сеймѣ они 10 мая 1291 года отвѣчали отказомъ на просьбу отца о выборѣ Альбрехта королемъ. Неутомимая энергія не покидала Рудольфа до самой смерти. Онъ занемогъ въ Гермерсгеймѣ; поѣхалъ оттуда въ Шпейеръ веселый и повидимому оправившійся отъ болѣзни; но въ Шпейерѣ умеръ (15 іюля 1291 года). Репутація его возросла по его смерти, и въ воспоминаніяхъ потомковъ онъ пріобрѣлъ популярность, какой не имѣлъ у современниковъ.

Смерть Рудольфа.

Характеръ правленія Рудольфа.

Энергическія усилія Рудольфа возстановить королевскую власть и спокойствіе въ Германіи имѣли мало успѣха. Нѣмецкіе князья уже пріобрѣли такую прочную самостоятельность, что объединеніе госу-

дарства въ прежней формѣ стало невозможнымъ. Силы Рудольфа были не велики, и онъ стремился только къ тому, что соотвѣтствовало ихъ размѣру. Онъ даже не хотѣлъ идти въ Италію для пріобрѣтенія императорской короны. Главною цѣлью своей королевской дѣятельности онъ поставилъ пріобрѣтеніе большихъ наслѣдственныхъ владѣній своему дому; этой цѣли онъ достигъ; основаніе австрійскаго государства подъ властью габсбургской династіи было важнѣйшимъ дѣломъ его правленія.

---

5. Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ Австрійскій.

Избраніе короля.

Рудольфъ постоянно думалъ доставить корону своему роду, но первоначально онъ предназначалъ ее не старшему своему сыну, Альбрехту, управлявшему австрійскими герцогствами, а второму его брату. Когда оба младшіе сына Рудольфа умерли, онъ сталъ хлопотать въ пользу Альбрехта. Но этотъ энергическій человѣкъ, находившійся тогда въ полномъ развитіи силъ, не пользовался, какъ мы говорили, расположеніемъ нѣмецкихъ князей, опасавшихся его деспотическаго характера. Потому они отвергли предложеніе Рудольфа выбрать его королемъ. Но всетаки онъ могъ по смерти отца имѣть увѣренность, что будетъ выбранъ. Пфальцграфъ Людвигъ, управлявшій королевствомъ до выбора новаго короля, обѣщалъ ему свой голосъ; курфирсты богемскій, бранденбургскій и саксонскій были женаты на его сестрахъ. Однакоже онъ обманулся въ разсчетѣ получить большинство голосовъ. Только пфальцграфъ Людвигъ остался на его сторонѣ; курфирсты бранденбургскій и саксонскій присоединились къ мнѣнію короля богемскаго, который не желалъ выбора Альбрехта, потому что былъ въ ссорѣ съ нимъ за приданое своей жены и опасался его могущества. Духовные курфирсты были единодушны въ рѣшеніи отклонить выборъ Альбрехта: имъ хотѣлось выбрать такого короля, при которомъ государствомъ управляла бы коллегія курфирстовъ. Архіепископы майнцскій и кельнскій полагали, что для этой цѣли хорошо будетъ выбрать Адольфа, графа нассаускаго, династія котораго была слаба. Архіепископъ майнцскій Гергардъ Эппенштейнъ, вѣроятно, первый задумалъ сдѣлать Адольфа королемъ; Зигфридъ кельнскій зналъ его храбрость, имѣлъ его своимъ союзникомъ и согласился на его кандидатуру. Адольфъ принялъ тѣ условія, на которыхъ предложилъ ему корону архіепископъ майнцскій, обѣщался предоставить коллегіи курфирстовъ всѣ тѣ права, какихъ желалъ для нея архіепископъ майнцскій, а ему самому, архіепископу, предоставить управленіе дѣлами этой коллегіи, по его сану имперскаго канцлера. Архіе-

пископъ кельнскій хотѣлъ покорить сосѣднихъ князей; Адольфъ обѣщался помогать ему въ этомъ,—согласился исполнить и всѣ желанія архіепископа трирскаго. Курфирсты собрались во Франкфуртѣ. Благодаря единодушію трехъ духовныхъ курфирстовъ, Адольфъ былъ выбранъ (5 мая 1292), и когда архіепископъ майнцскій провозгласилъ имя избраннаго, то, вѣроятно, многіе изъ князей и вельможъ удивились, что королемъ сталъ такой незначительный князь.

Графы нассаускіе.

Графы лауренбургскіе были въ XI вѣкѣ довольно важными князьями въ мѣстности, между Майномъ, Ланомъ и Рейномъ, гдѣ лежали ихъ владѣнія. Около половины XII вѣка графъ лауренбургскій построилъ замокъ Нассау; онъ и его потомки стали называться по имени этой резиденціи графами нассаускими. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Генриха II, его сыновья Вальрамъ II и Оттонъ раздѣлили между собою графство, которымъ прежде правили вмѣстѣ; Оттонъ взялъ себѣ землю на правомъ берегу Лана, гдѣ находились городъ Зигенъ и замокъ Дилленбургъ, а Вальрамъ землю на лѣвомъ берегу, гдѣ находился Висбаденъ. Замки Нассау и Лауренбургъ остались въ общемъ владѣніи. Адольфъ былъ сынъ Вальрама.

Декабрь 1255.

Адольфъ Нассаускій.

Владѣтель маленькой области, Адольфъ Нассаускій служилъ по найму другимъ князьямъ и въ особенности часто архіепископу кельнскому. Онъ былъ храбрый воинъ, красивый мужчина средняго роста, очень сильный; кромѣ храбрости, онъ былъ извѣстенъ прямодушіемъ; хвалили и его образованность: онъ умѣлъ читать и писать, понималъ по-латини и по-французски. Подобно всей нассауской фамиліи, онъ былъ человѣкъ благочестивый. Старшій братъ его, Дитеръ, пошелъ по слабости здоровья въ монахи и былъ впослѣдствіи архіепископомъ трирскимъ. Адольфъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, но у него не было силъ, надобныхъ для королевскаго сана; потому выборъ его оказался вреденъ для Германіи.

Коронованіе Адольфа.

Адольфу нужно было спѣшить упроченіемъ дружбы своихъ приверженцевъ, потому что Альбрехтъ уже стоялъ съ войскомъ на Рейнѣ. Новый король обѣщалъ Вѣнцеславу признать его права на австрійскія земли и Мейсенъ, обѣщался женить своего сына, Рупрехта, на его дочери, Агнесѣ; Вѣнцеславъ обѣщалъ дать за дочерью 10.000 марокъ, Адольфъ далъ ему много имперскихъ леновъ. По своемъ выборѣ Адольфъ подтвердилъ тѣ обѣщанія, какія далъ курфирстамъ прежде. Онъ раздавалъ лены и права; отдавалъ въ залогъ имперскія имѣнья и доходы, чтобы получить войска, чтобъ идти на Альбрехта, который все время стоялъ на Рейнѣ бездѣйственно. Въ октябрѣ Адольфъ двинулся на него, покинутый своими приверженцами, Альбрехтъ не отважился на борьбу и покорился.

Политика Адольфа.

Рейнскіе курфирсты ошиблись въ надеждѣ, что Адольфъ будетъ послушнымъ орудіемъ ихъ воли. Онъ сталъ дѣйствовать совершенно не такъ, какъ обѣщался, искалъ себѣ опоры въ мелкихъ князьяхъ, вошелъ въ дружбу съ врагами архіепископа кельнскаго, въ особен-

ности съ герцогомъ брабантскимъ. Но главными опорами его стали герцоги баварскіе, Оттонъ Нижнебаварскій и новый герцогъ верхнебаварскій, пфальцграфъ рейнскій Рудольфъ, сынъ Людвига, умершаго 1 февраля 1294. Адольфъ выдалъ за Рудольфа свою дочь, Матильду. Духовные архіепископы досадовали на самостоятельность Адольфа, но еще не вступали въ явную ссору съ нимъ.

Тюрингскія дѣла.

Черезъ два года по своемъ избраніи Адольфъ находилъ себя уже достаточно сильнымъ для того, чтобы предпринять дѣло большого размѣра. Мы говорили о междоусобіяхъ тюрингской династіи. Маркграфъ мейсенскій Фридрихъ умеръ 16 августа 1291. У него не было дѣтей; за его наслѣдство возобновили войну между собой Альбрехтъ, ландграфъ тюрингскій, и сыновья Альбрехта. Сыновья одолѣвали отца; онъ заключилъ договоръ, по которому назначилъ Тюрингію въ наслѣдство старшему изъ нихъ, Дитриху Укушенному. Подробностей объ этомъ дѣлѣ мы не знаемъ, но за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Альбрехтъ уже велъ переговоры съ Адольфомъ, продалъ ему свои права на Мейсенъ. Кромѣ этой сдѣлки Адольфъ выставлялъ другое основаніе своего права овладѣть Мейсеномъ: онъ говорилъ, что можетъ располагать этой областью, какъ вакантнымъ леномъ. Союзные съ нимъ князья прислали ему войска; взявъ деньги у короля англійскаго съ обѣщаніемъ идти противъ короля французскаго, Адольфъ набралъ на нихъ наемниковъ; имѣя, такимъ образомъ, сильное войско, онъ въ сентябрѣ 1294 пошелъ въ Тюрингію; сыновья Альбрехта упорно оборонялись, но въ слѣдующемъ году онъ прогналъ ихъ. Все это дѣло очень темно; можно полагать, что Альбрехтъ купилъ у Адольфа право наслѣдовать Тюрингію. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ современныя извѣстія. Альбрехтъ взялъ Мейсенъ въ непосредственное свое управленіе. Успѣхъ, одержанный имъ, былъ очень важенъ; но уже составлялась сильная коалиція противъ него. Архіепископъ майнцскій и другіе духовные курфирсты, враждебные королю, пріобрѣли много союзниковъ и послѣ второго тюрингскаго похода противники Адольфа начали готовиться къ борьбѣ.

Непримиримый врагъ Адольфа Альбрехтъ вступилъ въ переговоры съ врагомъ его, Филиппомъ, королемъ французскимъ, дочь котораго сваталъ за своего сына, Рудольфа. Французскіе историки говорятъ, что Альбрехтъ обѣщался отдать Филиппу всѣ нѣмецкія земли на западномъ берегу Рейна. Но въ первые годы правленія Адольфа у Альбрехта были дѣла, не допускавшія его воевать съ королемъ. Архіепископъ зальцбургскій и Оттонъ, герцогъ баварскій, были врагами Альбрехта. Австрійскіе и штирійскіе вельможи негодовали на своего герцога за деспотизмъ и чрезмѣрныя денежныя требованія. Штирійскіе вельможи возстали. Архіепископъ зальцбургскій и Оттонъ Баварскій помогали имъ. Альбрехтъ одержалъ довольно большія побѣды надъ инсургентами, но нѣмецкія дѣла и мятежи въ его швабскихъ владѣніяхъ заставляли его идти на Рейнъ; чтобъ успокоить штирійскихъ вельможъ, онъ утвердилъ ихъ прежнія права и на Троицу 1293 года

1292.

они примирились съ нимъ. Адольфъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ врагами Альбрехта, архіепископомъ зальцбургскимъ и австрійскими вельможами. Вѣнцеславъ, король богемскій, также поддерживалъ австрійскихъ вельможъ. Они потребовали отъ Альбрехта подтвержденіе всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и взялись за оружіе; но у нихъ не было общаго плана дѣйствій; Альбрехтъ легко подавилъ ихъ возстаніе. Въ ноябрѣ 1295, когда онъ былъ тяжело боленъ, вспыхнула война между нимъ и архіепископомъ зальцбургскимъ. Она шла вяло, и въ сентябрѣ 1297 года былъ заключенъ миръ. Прежніе враги вступили въ союзъ противъ Адольфа. Вѣнцеславъ Богемскій получилъ довольно важныя уступки отъ Адольфа, но потерявъ надежду овладѣть Мейсеномъ, вошелъ въ сношенія съ Альбрехтомъ. По всему было видно, что Альбрехтъ и Адольфъ готовятся къ войнѣ.

Война за нѣмецкую корону.

Исходъ войны зависѣлъ въ значительной степени отъ того, какъ будутъ держать себя рейнскіе курфирсты, которымъ Рудольфъ былъ обязанъ короной. Гергардъ, архіепископъ майнцскій, обманувшись въ надеждѣ управлять дѣлами при Адольфѣ, сердился на него, но пфальцграфъ Рудольфъ былъ его другомъ. Въ февралѣ 1298 съѣхались въ Вѣнѣ къ Альбрехту король богемскій, Германъ, маркграфъ бранденбургскій, Альбрехтъ, герцогъ саксонскій, и другіе враги Адольфа. Они условились между собой въ планѣ дѣйствій, и архіепископъ майнцскій пригласилъ курфистровъ собраться 1 мая во Франкфуртѣ для разбора ссоры между Адольфомъ и Альбрехтомъ, которымъ онъ вызвалъ явиться на этотъ съѣздъ. Альберхтъ въ мартѣ пошелъ къ Франкфурту съ войскомъ; Адольфъ сталъ близъ Ульма, чтобы не пустить его туда. Альбрехтъ не отважился напасть на Адольфа въ крѣпкой позиціи, занятой имъ, повернулъ къ югу, чтобъ идти къ Франкфурту другой дорогой вдоль Рейна. Но Адольфъ занялъ замокъ Брейзахъ, отрѣзалъ Альбрехту и этотъ путь. Альбрехтъ не явился во Франфуртъ къ назначенному сроку; архіепископъ майнцскій отложилъ разборъ дѣла до 15 іюня. Адольфъ тратилъ время на мелкіе походы въ Эльзасѣ, Альбрехтъ успѣлъ пройдти въ Майнцъ. Узнавъ,

Низложеніе Адольфа.

что онъ идетъ туда, Адольфъ погнался за нимъ, но въ это время противники короля, собравшіеся въ Майнцѣ, уже приняли рѣшительную мѣру. На собраніи курфирстовъ въ Майнцѣ лично присутствовалъ, кромѣ архіепископа, и герцогъ Альбрехтъ саксонскій; курфирсты кельнскій, богемскій и пфальцграфъ Людвигъ прислали уполномоченныхъ. На совѣщаніи 23 іюня они объявили, что низлагаютъ Адольфа. Въ прокламаціи, составленной апхіепископомъ майнцскимъ, перечислялись причины низложенія: Адольфъ не явился къ суду курфирстовъ, возбудилъ междоусобную войну, оскорбляетъ церковь, нарушаетъ права князей. По прочтеніи этого акта герцогъ Альбрехтъ саксонскій объявилъ, что онъ, пфальцграфъ Людвигъ, король богемскій и архіепископъ кельнскій избираютъ королемъ Альбрехта, герцога австрійскаго. Архіепископъ майнцскій не одобрялъ ихъ торопливости.

Битва при Гелльсгеймѣ 2 іюля 1298.

Адольфъ полагалъ, что его противникъ хочетъ уклоняться отъ битвы; Альбрехтъ пошелъ на югъ, Адольфъ принялъ это за отступленіе и рѣшился остановить его, хотя имѣлъ при себѣ только часть своихъ войскъ. Онъ пошелъ на встрѣчу Альбрехту къ Гелльгейму; Альбрехтъ стоялъ по сосѣдству въ крѣпкой позиціи; Адольфъ вѣроятно полагалъ, что и противникъ его, какъ онъ, имѣетъ при себѣ только часть своихъ войскъ, и пошелъ въ атаку тремя отрядами: впереди были герцоги баварскіе, Рудольфъ и Оттонъ съ баварцами и франконцами; вторымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нижнерейнскихъ и швабскихъ войскъ, начальствовалъ самъ Адольфъ; послѣдній отрядъ составляли войска Эльзаса и другихъ верхнерейнскихъ областей. Войско Альбрехта стояло также тремя отрядами. Переднимъ начальствовалъ герцогъ каринтійскій, славившійся отвагой; во второмъ были австрійцы, венгры и чехи подъ начальствомъ самого Альбрехта; въ третьемъ швабы, франконцы и эльзасцы. Главную силу Адольфа составляла тяжеловооруженная рыцарская конница. У Альбрехта было много стрѣлковъ и легкой пѣхоты, вооруженной мечами, приспособленными къ тому, чтобъ ими можно было не только рубить, но и колоть; тактика этой пѣхоты состояла въ томъ, чтобы колоть мечами коней тяжелой кавалеріи. Съ разсвѣтомъ утра 2 іюля баварцы пошли на отрядъ герцога каринтійскаго; по плану, составленному передъ битвой, онъ медленно отступалъ, заманивая непріятеля въ невыгодную для тяжелой конницы мѣстность; заманивъ, остановился; Альбрехтъ пошелъ на помощь ему; они опрокинули баварцевъ; начался общій бой; онъ былъ упоренъ и походилъ на безчисленное множество поединковъ. Іюльскій день былъ зноенъ. Знаменоносецъ Альбрехта, Оттонъ Оксенштейнъ, задохнулся отъ зноя въ своемъ тяжеломъ вооруженіи, конь скакалъ съ нимъ уже умершимъ; въ рукахъ его оставалось стиснутымъ знамя. Адольфъ бился, какъ слѣдуетъ биться храброму рыцарю. Конь упалъ подъ нимъ; онъ былъ оглушенъ ударомъ о землю, снялъ шлемъ, чтобы перевести духъ, снова поскакалъ въ бой и былъ убитъ. Молва говорила, что герцогъ Альбрехтъ нанесъ ему тяжелый ударъ мечомъ по передней части головы, а графъ Штольценбергъ убилъ его. Смертью короля была рѣшена битва. Баварскіе герцоги прекратили сраженіе и повели свои войска въ Вормсъ. Другіе отряды войскъ Адольфа еще продолжали сражаться и потерпѣли полное пораженіе. Побѣдители взяли множество плѣнныхъ, въ числѣ ихъ находился сынъ Адольфа, Рупрехтъ, храбро бившійся подлѣ отца. Тѣло Адольфа было погребено въ Розентальскомъ монастырѣ.

Выборъ короля.

Архіепископъ майнцскій пересталъ спорить противъ выбора Альбрехта, но требовалъ отъ него такихъ же уступокъ, какія были сдѣланы Адольфомъ. Альбрехтъ оказался очень сговорчивымъ, обѣщалъ предоставить архіепископу майнцскому большое вліяніе на дѣла по

сану канцлера королевства нѣмецкаго, сдѣлалъ уступки курфирстамъ трирскому и кельнскому. Послѣ того курфирсты съѣхались во Франкфуртѣ и 27 іюля 1298 года вновь выбрали Альбрехта королемъ (прежній выборъ считался неправильнымъ, потому что былъ сдѣланъ безъ соблюденія обычныхъ формальностей). Попытка архіепископа майнцскаго дать управленіе Германіей собранію курфирстовъ и сдѣлать короля исполнителемъ рѣшеній этой коллегіи оказалась неудобной: Адольфъ Нассаускій не слушался коллегіи курфирстовъ, и центральное правительство оставалось безсильнымъ при королѣ, не имѣющемъ могущественнаго наслѣдственнаго государства. Потому теперь мысль объ избраніи была отброшена, и корона была отдана могущественнѣйшему изъ нѣмецкихъ князей.

Начало правленія Альбрехта.

Должно было ожидать, что Германія будетъ пользоваться спокойствіемъ, но эта надежда не оправдалась. Альбрехтъ оказывалъ уваженіе волѣ курфирстовъ, только пока не упрочилась за нимъ королевская власть. Увидѣвъ, что у него нѣтъ соперниковъ, онъ сталъ дѣйствовать деспотически. На блестящемъ нюрнбергскомъ сеймѣ онъ 21 ноября 1298 года отдалъ Австрію, Штирію, Крайну и виндскую марку въ наслѣдственное владѣніе своимъ сыновьямъ, Фридриху и Леопольду.

Отношенія Альбрехта къ королю французскому.

Задумывая борьбу противъ Адольфа, Альбрехтъ, какъ мы говорили, вступилъ въ дружескія сношенія съ королемъ французскимъ. Общность интересовъ упрочила ихъ союзъ. Альбрехтъ долженъ былъ ожидать враждебныхъ дѣйствій противъ него отъ Бонифація VIII, съ которымъ былъ во враждѣ Филиппъ IV. Бонифацій видѣлъ по прежнимъ поступкамъ Альбрехта, что онъ не будетъ покорнымъ сыномъ церкви, потому не согласился признать его королемъ и отпустилъ его пословъ

Августъ 1299.

съ надменнымъ отвѣтомъ. Филиппъ и Альбрехтъ условились назначить третейскій судъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ о границахъ и породниться между собой: Сынъ Альбрехта, Рудольфъ, былъ обрученъ съ сестрою Филиппа, Бланкой, одинъ изъ сыновей Филиппа— съ одною изъ дочерей Альбрехта. Въ декабрѣ 1299 короли французскій и нѣмецкій съѣхались на личное свиданіе въ Катрво (между Тулемъ и Вокулёромъ). Это свиданіе дало поводъ къ проявленію неудовольствія рейнскихъ архіепископовъ на Альбрехта. Филиппъ требовалъ отъ курфирстовъ обѣщанія, что они изберутъ его будущаго зятя, Рудольфа, королемъ римскимъ, когда Альбрехтъ получитъ императорскую корону. Рейнскіе архіепископы увидѣли въ этомъ намѣреніе Альбрехта сдѣлать санъ нѣмецкаго короля наслѣдственнымъ въ своемъ потомствѣ, съ негодованіемъ отвергли желаніе Филиппа, подсказанное ему, какъ они полагали, Альбрехтомъ, и выразили негодованіе на уступчивость Альбрехта по вопросамъ о границахъ между французскимъ и нѣмецкимъ королевствами. Архіепископъ майнцскій говорилъ, что никогда не согласится, чтобы при жизни короля былъ

выбранъ будущій король. Онъ воображалъ себя имѣющимъ силу располагать нѣмецкой короной; есть анекдотъ, говорящій, что онъ, хлопнувъ по своей охотничьей сумкѣ, сказалъ: въ ней сидитъ еще много королей (эти слова были, какъ говорятъ, произнесены на нюрнбергскомъ сеймѣ по поводу требованія Альбрехта, чтобъ отмѣнены были пошлины съ судоходства по Рейну, дававшія много денегъ рейнскимъ архіепископамъ). Въ слѣдующемъ году Рудольфъ женился на дочери Филиппа.—Рейнскіе курфирсты искали союзниковъ для борьбы противъ Альбрехта, могущество котораго росло и который нашелъ новое поле для своего властолюбія въ Голландіи.

Голландскія дѣла.

Внукъ римскаго короля Вильгельма, Іоаннъ, графъ голландскій и зеландскій и владѣтель Фрисландіи, внезапно умеръ за обѣдомъ 29 октября 1299. Онъ былъ бездѣтенъ. Жанъ Авенъ, графъ геннегаускій, сынъ Аделанды, сестры короля Вильгельма, заявилъ права на наслѣдство своего умершаго родственника и просилъ Альбрехта утвердить его во владѣніи этими областями, имперскими ленами. Французская партія поддерживала Жана Авена. Нѣмецко-англійская партія, вождями которой были Жанъ II, герцогъ брабантскій, и Рено, графъ гельдернскій, была на сторонѣ претендента Гюи Дампьерра, графа фландрскаго. Альбрехтъ задумалъ воспользоваться этимъ споромъ и захватить въ свои руки владѣнія умершаго графа голландскаго, какъ лены, оставшіеся вакантными. Эти области были уже заняты графомъ геннегаускимъ; Альбрехтъ потребовалъ, чтобы онѣ были отданы въ управленіе ему. Жанъ Авенъ не повиновался. Альбрехтъ послалъ ему вызовъ къ суду сейма; онъ не поѣхалъ. Альбрехтъ 7 іюля 1300 года съ согласія курфирстовъ объявилъ, что Жанъ Авенъ не имѣетъ права наслѣдовать леновъ, бывшихъ во владѣніи графа голландскаго, что эти лены остались безъ наслѣдниковъ, потому поступаютъ въ распоряженіе короля. (По нѣмецкому ленному праву женщины не наслѣдовали леновъ, т. е., Аделанда не была наслѣдницей своего брата Вильгельма, и внукъ ея, Жанъ Авенъ, не имѣлъ права наслѣдовать внуку ея брата). Въ августѣ Альбрехтъ пошелъ овладѣть землями умершаго графа голландскаго. Но обстоятельства измѣнились во вредъ ему: французы овладѣли Фландріей; архіепископъ кельнскій вступилъ въ переговоры съ графомъ геннегаускимъ; Рено, графъ гельдернскій, перешелъ на сторону графа геннегаускаго. Такимъ образомъ, нѣмецкая партія въ Нидерландахъ исчезла. Походъ Альбрехта былъ неудаченъ; другія дѣла отвлекли его отъ продолженія этой войны. Графъ Жанъ Авенъ остался владѣтелемъ Голландіи, Зеландіи и Фрисландіи.

Борьба съ рейнскими курфирстами.

Мы говорили, что рейнскіе архіепископы досадовали на Альбрехта; они уже говорили, что должно низложить его. Пфальцграфъ Рудольфъ раздѣлялъ ихъ досаду. Вѣнцеславъ Богемскій перешелъ на ихъ сторону. Неудача Альбрехта въ голландскомъ походѣ ободрила ихъ. Рейнскіе архіепископы, пфальцграфъ и король богемскій съѣхались въ Геймбахѣ (на Рейнѣ) и 14 октября 1300 года заключили между собою союзъ «противъ герцога Альбрехта австрійскаго, называющаго себя королемъ нѣмецкимъ». Альбрехтъ искалъ опоры себѣ въ горожанахъ. Отмѣна пошлинъ, которой требовалъ онъ на нюрнбергскомъ сеймѣ, совпадала съ интересами городовъ, и они стали усердно помо-

гать королю, въ надеждѣ избавиться при его содѣйствіи отъ обременительныхъ налоговъ и пошлинъ. Альбрехтъ повторялъ теперь, что хочетъ отмѣнить ихъ, давалъ горожанамъ право прогонять сборщиковъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Кромѣ того онъ объявилъ, что вассалы курфирстовъ освобождаются отъ присяги на вѣрность имъ, могутъ поступать въ непосредственные вассалы короля (то есть пріобрѣтать почти полную независимость). Эти распоряженія показываютъ въ Альбрехтѣ человѣка умнаго. Въ концѣ мая 1301 онъ собралъ въ Шпейерѣ свои войска, въ числѣ которыхъ находился сильный отрядъ, присланный ему королемъ французскимъ; онъ двинулся на пфальцграфа рейнскаго и въ два мѣсяца принудилъ его покориться; потомъ пошелъ на архіепископа майнцскаго, осадилъ Бингенъ; въ этой крѣпости находился многочисленный гарнизонъ; но послѣ осады, длившейся два мѣсяца, король овладѣлъ Бингеномъ. Онъ опустошилъ цвѣтущія рейнскія земли архіепископа майнцскаго, и въ мартѣ слѣдующаго (1302) года архіепископъ покорился. Таможни на Рейнѣ были уничтожены; Бингенъ и другія крѣпости архіепископа майнцскаго остались заняты войсками Альбрехта. Осенью покорились курфирсты кельнскій и трирскій. Внутреннія таможни были уничтожены и въ ихъ владѣніяхъ. Граждане Кельна были освобождены отъ пошлинъ, установленныхъ архіепископомъ. Альбрехтъ былъ обязанъ своими успѣхами усердію, съ какимъ помогали ему города. Онъ наградилъ ихъ за усердіе.

Отношенія Альбрехта къ Бонифацію VIII.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Альбрехтъ не выказывалъ такой энергіи, какъ во внутреннихъ. Бонифацій VIII, поссорившись съ Филиппомъ, желалъ сблизиться съ Альбрехтомъ, и нѣмецкій король былъ радъ получить отъ папы признаніе въ санѣ, отправилъ къ Бонифацію смиренное письмо, а черезъ нѣсколько времени призналъ законными
17 іюля 1303. надменныя притязанія папы: утвердилъ всѣ уступки, какія сдѣлалъ римской куріи его отецъ, обѣщался всѣми своими силами сражаться съ врагами папы, назначать въ Ломбардіи и Тосканѣ королевскими намѣстниками только людей пріятныхъ папѣ (но формально отказаться отъ имперскихъ правъ на Тоскану не согласился), далъ обѣщаніе, что ни одинъ изъ его сыновей не будетъ выбранъ нѣмецкимъ королемъ безъ разрѣшенія папы. Бонифацій съ своей стороны призналъ Альбрехта нѣмецкимъ королемъ. Уступки, сдѣланныя Альбрехтомъ папѣ, не имѣли почти никакого фактическаго значенія, ихъ должно считать пустыми обѣщаніями хитреца упрямцу; но всетаки они были унизительны. Быть можетъ Альбрехтъ надѣялся, что при содѣйствіи папы убѣдитъ курфирстовъ выбрать его сына королемъ. Но они были такъ враждебны ему, что вѣроятность этого была слаба. Тѣмъ дѣятельнѣе Альбрехтъ увеличивалъ покупками и договорами наслѣдственныя владѣнія своей династіи.

Богемскія и венгерскія дѣла.

Въ Венгріи произошли событія, обратившія вниманіе Альбрехта на востокъ, имѣвшія большое значеніе и для всей Германіи. Андрей III (сынъ венеціанки и потому называющійся Венеціанцемъ), послѣдній потомокъ Арпада, умеръ 14-го января 1301. Папа, называвшій себя леннымъ господиномъ Венгріи, короновалъ венгерскимъ королемъ принца анжуйской (неаполитанской) династіи, Карла Роберта, сына Карла Мартелла. Матерью Карла Роберта была Клеменція, сестра Альбрехта, потому нѣмецкій король былъ расположенъ поддерживать этого претендента. Но венгры не хотѣли имѣть королемъ иноземца и предложили корону родственнику династіи Арпада, королю богемскому Вѣнцеславу II. Самъ онъ отказался принять корону, но предложилъ венграмъ выбрать его сына, Вѣнцеслава III. Венгры согласились, и 27 августа 1301 Вѣнцеславъ III былъ коронованъ въ Штульвейсенбургѣ. Бонифацій объявилъ, что рѣшеніе спора между Карломъ Робертомъ и Вѣнцеславомъ принадлежитъ ему; венгры возражали, что онъ не имѣетъ на это никакого права, но онъ все-таки объявилъ, что законный король Венгріи Карлъ Робертъ и обратился къ Альбрехту съ порученіемъ 31 іюля 1302.
привести этотъ приговоръ въ исполненіе силой оружія. Альбрехту казалось опаснымъ соединеніе Венгріи съ Богеміей; притомъ король богемскій былъ его врагомъ, потому онъ охотно принялъ порученіе папы, сталъ собирать войска для похода въ Венгрію. Между тѣмъ дѣла тамъ измѣнились въ пользу Карла Роберта. Вѣнцеславъ III былъ безразсудный юноша, раздражалъ венгровъ своимъ распутствомъ; большинство венгерскихъ вельможъ перешло на сторону Карла Реберта. Но все-таки Альбрехтъ, пошедшій осенью 1304 года въ Венгрію, не одержалъ большихъ успѣховъ. Венгерскіе сторонники Карла Роберта мало помогали Альбрехту, богемскій король собралъ большое войско; осада Куттенберга не удалась Альбрехту, онъ принужденъ былъ вернуться. Вѣнцеславъ III пріобрѣлъ союзниковъ себѣ въ герцогѣ карнтійскомъ и графѣ Эдуардѣ вюртембергскомъ, которому было непріятно расширеніе владѣній габсбургской династіи въ Швабіи. Въ іюнѣ 1305 года Вѣнцеславъ II умеръ, королемъ богемскимъ сталъ Вѣнцеславъ III; онъ предпочелъ спокойную власть надъ одною Богеміею тяжелой войнѣ за венгерскій престолъ и въ августѣ заключилъ миръ съ Карломъ Робертомъ, котораго призналъ королемъ венгерскимъ. Черезъ годъ послѣ того счастье дало Альбрехту неожиданную возможность пріобрѣсти своей династіи богемскую корону. Тюрингскій рыцарь Конрадъ Боденштейнъ 4 августа 1306 года убилъ Вѣнцеслава III; династія Пржемыслидовъ прекратилась. Альбрехтъ собралъ войско, чтобы овладѣть Богеміею, которая была дана ему, какъ имперскій ленъ его отцомъ. Теперь онъ отдалъ ее своему сыну Рудольфу. При безпечномъ Вѣнцеславѣ III Богеміею правилъ герцогъ Генрихъ карнтійскій; покойный король назначилъ его регентомъ, онъ хотѣлъ отразить Альбрехта, но не могъ; Альбрехтъ вошелъ въ Прагу, давалъ деньги и обѣщанія чешскимъ вельможамъ; они въ октябрѣ избрали Рудольфа королемъ. Для упроченія его власти, Альбрехтъ женилъ его на вдовѣ Вѣнцеслава II, польской принцессѣ Елисаветѣ. Австрію и Штирію Альбрехтъ отдалъ младшему сыну, Фридриху. Было постановлено, что по прекращеніи одной изъ этихъ линій габсбургскаго дома ей наслѣдуетъ другая.

Мейсенскія и тюрингскія дѣла.

Нѣсколько лѣтъ Альбрехтъ не могъ продолжать дѣло, начатое въ Тюрингіи его предмѣстникомъ; другія дѣла отвлекали его отъ этого; теперь одолѣвъ своихъ противниковъ, онъ занялся Тюрингіей. По смерти Адольфа Фридрихъ и Дицманъ овладѣли ею; теперь Эйзенахъ и нѣкоторые другіе города объявили, что считаютъ своимъ господи-

номъ короля нѣмецкаго, и ландграфъ Альбрехтъ сдалъ ему Вартбургъ. Онъ овладѣлъ Лаузицемъ, Мейсеномъ, плейсенской областью. Но масса населенія оставалась вѣрна Фридриху и Дицману; при Луккѣ (близъ Альтенбурга) они 31 мая 1307 разбили Фридриха Нюрнбергскаго, командовавшаго войсками короля. Въ Тюрингіи долго оставалась поговорка «Будетъ съ тобой, какъ съ швабами у Лукки» Королевскія войска были прогнаны изъ Тюрингіи. Дицманъ вскорѣ послѣ того умеръ, Фридрихъ остался владѣтелемъ Тюрингіи и Мейсена. Его преемники, Фридрихъ Серьезный и Фридрихъ Строгій, увеличили свое государство новыми пріобрѣтеніями.

Война съ Генрихомъ Каринтійскимъ.

Чехи не любили Рудольфа, котораго Альбрехтъ сдѣлалъ ихъ королемъ; онъ умеръ 4 іюля 1307, и народная ненависть противъ нѣмцевъ проявилась въ полной силѣ. Чехи призвали герцога каринтійскаго Генриха, мужа Анны, дочери Вѣнцеслава II, провозгласили его королемъ, и 15 августа онъ короновался въ Прагѣ. Альбрехтъ пошелъ въ Богемію, опустошалъ ее, но опять потерпѣлъ неудачу при осадѣ Куттенберга. Ушедши изъ Богеміи, онъ готовился возобновить съ болѣе многочисленымъ войскомъ нападеніе въ слѣдующемъ году.

Смерть Альбрехта.

Но раньше, чѣмъ собралъ войско для завоеванія Богеміи, Альбрехтъ погибъ. Его братъ Рудольфъ, умершій раньше отца, былъ женатъ на дочери Оттокара, Агнесѣ, у нихъ былъ сынъ Іоаннъ, воспитывавшійся при богемскомъ дворѣ. Отношенія между Прагой и Вѣной были враждебны; Іоаннъ съ дѣтства проникся ненавистью къ Альбрехту. Когда племяннику было 14 лѣтъ, Альбрехтъ взялъ его къ своему двору, воспитывалъ вмѣстѣ съ своими сыновьми; но юноша чувствовалъ себя обиженнымъ: онъ думалъ, что имѣетъ право получить часть владѣній дѣда; быть можетъ онъ по смерти Вѣнцеслава III полагалъ, что богемскій престолъ долженъ быть отданъ ему. Хотѣлъ ли Альбрехтъ дать племяннику что нибудь, мы не знаемъ, но пока все еще не давалъ ничего. Кажется, дядя считалъ его еще неспособнымъ къ управленію государствомъ. Всѣмъ было извѣстно, что Іоаннъ озлобленъ противъ дяди; враги Альбрехта воспользовались этимъ чувствомъ юноши. Говорятъ, что архіепископъ майнцскій Петръ Айхшпальтеръ возбуждалъ Іоанна противъ дяди; вѣроятно, въ томъ же смыслѣ дѣйствовали другіе противники Альбрехта, герцоги нижнебаварскіе, Стефанъ и Оттонъ, Генрихъ Каринтійскій, Эбергардъ, графъ вюртембергскій. Весною 1308 года король жилъ въ своихъ швабскихъ земляхъ. Іоаннъ находился при немъ. Говорятъ, что племянникъ снова просилъ тогда дядю дать ему владѣніе, и Альбрехтъ отвѣчалъ, что займется этимъ дѣломъ по окончаніи богемской войны. Іоаннъ ожесточился. Альбрехтъ поѣхалъ къ женѣ въ Рейнфельденъ. Съ нимъ ѣхали Іоаннъ и три соумышленника юноши, рѣшившагося отмстить дядѣ: Эшенбахъ, Пальмъ и Вартъ. Надобно было переѣзжать черезъ Рейсъ. Они при переѣздѣ съумѣли отдѣлить

короля отъ его свиты, такъ, что онъ одинъ выѣхалъ съ ними на другой берегъ; они бросились ни него и убили его. Первый ударъ нанесъ Пальмъ; говорятъ, что Альбрехтъ, не имѣвшій подозрѣній противъ Іоанна, вскрикнулъ при этомъ ударѣ: «Милый племянникъ, помоги»!

Мщеніе.

Убійцъ и ихъ родныхъ постигло страшное мщеніе. Братъ Альбрехта, Леопольдъ, взялъ приступомъ замки, принадлежавшіе убійцамъ, и зарѣзалъ всѣхъ, кого нашелъ тамъ. Жена Альбрехта, Елизавета, и дочь его Агнеса, королева венгерская, казнили сотни людей, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи убійству. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Альбрехтъ, былъ выстроенъ монастырь Кенигсфельдъ, Агнеса поселилась въ немъ и оставалась до самой смерти. Въ слѣдующемъ году новый король Генрихъ объявилъ всѣхъ соучастниковъ убійства осужденными на смерть. Вартъ пробирался въ Авиньіонъ просить у папы отпущенія грѣха, былъ на дорогѣ схваченъ и казненъ. Эшенбахъ и Пальмъ скрылись въ монастыри и остались тамъ въ безвѣстности. Іоаннъ, прозванный отцеубійцей (parricida), бѣжалъ въ Италію, поступилъ въ монахи, и когда Генрихъ пришелъ въ Геную. Іоаннъ бросился къ его ногамъ, прося прощенія. Генрихъ отказался простить его; что съ нимъ было послѣ, мы не знаемъ.

Характеръ Альбрехта.

Большинство историковъ говоритъ объ Альбрехтѣ дурно. Сужденія лѣтописцевъ о немъ суровы; они были монахи, а онъ усмирилъ рейнскихъ архіепископовъ, долго не подчинялся папѣ, бралъ подати съ духовенства, противился расширенію церковныхъ имѣній, защищалъ евреевъ отъ фанатизма монаховъ и черни. Другой источникъ дурного мнѣнія о немъ—поэтическое преданіе, выставляющее его притѣснителемъ швейцарцевъ. Мы привыкли читать, что Альбрехтъ былъ жестокій тиранъ, что на лицѣ его, обезображенномъ потерею глаза, выражалась холодная суровость, что онъ палъ жертвой своей несправедливости къ племяннику. Но факты, разсказанные нами, заставляютъ видѣть въ немъ энергическаго, умнаго и справедливаго государя. Онъ былъ послѣдній король, державшій князей въ повиновеніи, защищавшій города отъ нихъ, поддерживавшій въ Германіи порядокъ. Подобно отцу, онъ думалъ больше всего объ увеличеніи владѣній габсбургской династіи. Этимъ онъ навлекъ на себя упрекъ въ алчности. Онъ упрочилъ за своимъ родомъ пріобрѣтенія, сдѣланныя Рудольфомъ.—Отъ своей жены Елизаветы, дочери графа тирольскаго, онъ имѣлъ 21 дитя. Изъ нихъ кромѣ Рудольфа, бывшаго королемъ богемскимъ, важныя роли въ исторіи играли Фридрихъ, Леопольдъ и Альбрехтъ Мудрый.

6. Генрихъ VII.

а) Положеніе новаго короля.

Выборъ короля. Еще никогда не являлось столько искателей нѣмецкой короны, какъ по смерти Альбрехта. Сынъ его Фридрихъ, получившій названіе Прекраснаго, былъ однимъ изъ нихъ; но нѣмецкіе князья опасались алчности и властолюбія габсбургской династіи. Соперниками Фридриха были герцоги верхне-баварскій и нижнебаварскій, маркграфъ бранденбургскій, графы ангальтскій и вюртембергскій, ландграфъ тюрингскій Фридрихъ; Филиппъ IV, король французскій, хотѣлъ доставить нѣмецкую корону своему брату, Карлу Валуа; агентомъ его былъ архіепископъ кельнскій.

Только курфирсты майнцскій и трирскій были согласны между собой въ томъ, кого выбрать. Ихъ кандидатомъ былъ братъ архіепископа трирскаго, Генрихъ, графъ люксембургскій. Въ октябрѣ маркграфъ бранденбургскій, герцогъ саксонскій и герцоги баварскіе, имѣвшіе курфиршескій голосъ по сану пфальцграфовъ рейнскихъ, съѣхались въ Боннѣ поговорить между собою о томъ, который изъ кандидатовъ имѣетъ болѣе шансовъ успѣха. На ихъ совѣщаніи имя Генриха Люксембургскаго вовсе и не упоминалось. Архіепископъ майнцскій пригласилъ курфирстовъ собраться для выбора короля въ Ренсе (близъ Кобленца) 22 ноября. Мѣстомъ выбора былъ назначенъ такъ называемый королевскій престолъ, Königsstuhl.

Ренсскій Королевскій престолъ. Неподалеку отъ Кобленца, противъ устья Лана, была на холмѣ подъ вѣковыми орѣховыми деревьями старинная каменная эстрада, на которой сходились рейнскіе князья для совѣщаній о выборѣ короля и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. По старинному обычаю, нѣмцы любили совѣщаться подъ открытымъ небомъ. Этотъ холмъ былъ выбранъ для совѣщаній потому, что находился на границѣ между рейнскими курфиршествами: майнцскимъ, трирскимъ, кельнскимъ и пфальцскимъ. Та мѣстность называлась Ренсе, а эстрада получила названіе Королевскаго престола; она лежала на девяти колоннахъ, соединенныхъ стрѣльчатыми арками; окружность ея составляла 40 локтей.

При тайномъ совѣщаніи курфирстовъ на Королевскомъ престолѣ, архіепископы майнцскій и трирскій подали голосъ за Генриха Люксембургскаго; курфирстъ бранденбургскій и пфальцграфъ сказали, что присоединяются къ нимъ; такимъ образомъ Генрихъ получилъ большинство голосовъ; другіе курфирсты, застигнутые врасплохъ этимъ соглашеніемъ, отказались отъ своихъ кандидатовъ и подали голоса тоже за графа люксембургскаго (Генрихъ, король богемскій, не былъ допущенъ къ участію въ выборѣ). Новый король былъ 6 января 1309 года коронованъ въ Ахенѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обязанъ своею короной дипломатическому искусству архіепископа майнцскаго, съумѣвшаго пріобрѣсти ему голосъ Пфальца и голосъ

Бранденбурга. Въ благодарность рейнскимъ курфирстамъ, онъ дозволилъ имъ возстановить на Рейнѣ таможенные сборы, отмѣненные Альбрехтомъ.—Наслѣдственныя владѣнія Генриха Люксембургскаго были не велики, потому онъ сначала не имѣлъ важнаго вліянія на государственныя дѣла. Воспитанный при французскомъ дворѣ, онъ по своимъ понятіямъ былъ чуждъ нѣмецкому народу. Человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и очень честолюбивый, онъ составилъ себѣ фантастическіе планы, какихъ не имѣли его предмѣстники, люди практичные. Онъ хотѣлъ возстановить прежній блескъ императорскаго могущества. Обстоятельства не допускали этого, и онъ истощилъ послѣднія силы королевскаго сана въ безуспѣшной борьбѣ за пріобрѣтеніе владычества надъ Италіей.

Люксембургская династія.

Основателемъ люксембургской династіи былъ графъ Зигфридъ, построивший большой замокъ Люцельбургъ на крутой скалѣ у рѣки Эльзы въ арденнской области. Люксембургъ—видоизмѣненная форма названія Люцельбургъ. Зигфридъ умеръ въ 999 году. По прекращеніи мужской линіи его потомства, графомъ люцельбургскимъ сдѣлался потомокъ его по женской линіи, графъ Генрихъ намюрскій, и правилъ обоими графствами 60 лѣтъ. Сыновей у Генриха не было, была только дочь Эрмезинда. По его смерти (въ 1196 году), графомъ люцельбургскимъ сдѣлался мужъ Эрмезинды, графъ Тибо барскій, а графство намюрское перешло подъ власть Бодуэна IV, графа геннегаускаго. По смерти перваго мужа Эрмезинда вышла за Вальрама III, герцога лимбургскаго. Она правила графствомъ люцельбургскимъ сама, была государыня энергическая и умная. Ея сынъ отъ второго брака, Генрихъ II, наслѣдовалъ Люксембургъ по ея смерти (въ 1247 году). Графство лежало на французской границѣ и подчинилось вліянію французской образованности: почти всѣ государственные акты писались на французскомъ языкѣ; французскій король рѣшалъ споры Генриха II съ сосѣдами. Генриху II наслѣдовалъ старшій сынъ, Генрихъ III. Онъ былъ, какъ мы говорили, убитъ въ сраженіи при Воринgenѣ (стр. 680). У него осталось трое сыновей и три дочери; старшій сынъ, Генрихъ IV, наслѣдовалъ отцу; другой сынъ, Бальдуинъ, сдѣлался архіепископомъ трирскимъ. Въ 1292 году Генрихъ IV женился на Маргаретѣ, дочери герцога брабантскаго. Еще до своего избранія въ нѣмецкіе короли онъ уже пріобрѣлъ хорошую извѣстность въ Германіи своей храбростью, справедливостью, привѣтливостью, набожностью. Арденнская область была покрыта лѣсами, въ которыхъ всегда находили себѣ пріютъ разбойничьи шайки. Но въ правленіе Генриха IV купцы съ вьюками дорогихъ товаровъ безопасно ѣздили по графству люксембургскому; такъ запугалъ онъ разбойниковъ своимъ строгимъ правосудіемъ. Онъ былъ человѣкъ по тогдашнимъ понятіямъ очень образованный; хорошо говорилъ по-латини и по-нѣмецки, но роднымъ его языкомъ былъ французскій. Онъ помогалъ королю французскому въ войнѣ съ англичанами. Одинъ изъ современниковъ, видѣвшій Генриха въ Италіи, говоритъ, что онъ былъ средняго роста, стройнаго и крѣпкаго сложенія, что волоса у него были рыжеватые, что лѣвый глазъ у него былъ нѣсколько косой.

1136.

Правленіе Генриха.

Первою заботой новаго короля было возстановленіе порядка въ Германіи. Дѣлая обычный королевскій объѣздъ по государству, онъ повсюду старался примирять ссоры, давалъ подтвержденіе прежнимъ

правамъ. Онъ отправилъ въ Авиньіонъ къ папѣ посольство просить утвержденія въ санѣ. Нѣмцы уже привыкли считать нѣмецкую корону папскимъ леномъ. Климентъ V призналъ Генриха нѣмецкимъ королемъ и обѣщалъ ему императорскую корону. На шпейерскій сеймъ въ августѣ пріѣхалъ Фридрихъ Австрійскій и заявилъ свою преданность королю. Въ габсбургскихъ владѣніяхъ происходили мятежи, потому Фридрихъ отказался отъ мысли о нѣмецкой коронѣ.

Пріобрѣтеніе богемской короны.

Счастье скоро дало новому королю случай пріобрѣсти обширное государство въ наслѣдственное владѣніе своей династіи. Генрихъ Каринтійскій получилъ санъ короля богемскаго, Фридрихъ Австрійскій отказался отъ притязаній на богемскую корону; герцоги ниже-баварскіе и маркграфъ мейсенскій были союзниками короля богемскаго; но всетаки онъ не могъ упрочить свою власть. Его мейсенскіе наемники буйствовали, раздражили чеховъ, большинство вельможъ обратились къ новому нѣмецкому королю съ приглашеніемъ прійдти въ Богемію и прогнать герцога каринтійскаго. Они хотѣли отдать богемскій престолъ тому князю, который будетъ мужемъ Елисаветы, сестры послѣдняго національнаго короля, бѣжавшей въ Германію отъ преслѣдованій Генриха Каринтійскаго. Король нѣмецкій охотно принялъ предложеніе чешскихъ вельможъ; они взялись за оружіе, собрались въ Прагѣ, объявили Генриха Каринтійскаго лишеннымъ престола и постановили предложить женитьбу на Елисаветѣ и богемскій престолъ сыну короля нѣмецкаго, Іоанну, 14 лѣтнему юношѣ. Это было 29 іюня 1310. Въ іюлѣ на франкфуртскомъ сеймѣ король и нѣмецкіе князья объявили Генриха Каринтійскаго лишеннымъ не только королевства богемскаго, но и герцогства каринтійскаго. Было рѣшено, что Іоаннъ женится на Елисаветѣ и получитъ богемскую корону. Іоаннъ и Елисавета были повѣнчаны въ Шпейерѣ, Генрихъ возвелъ сына въ санъ короля богемскаго.

Но еще надобно было отнять Богемію у герцога каринтійскаго. Сынъ Фридриха Укушеннаго привелъ ему отрядъ мейсенскаго войска, и онъ овладѣлъ Прагой. Нѣмецкое войско, при которомъ находился Іоаннъ, пошло въ Богемію, при помощи чешскихъ приверженцевъ Іоанна, взяло
Декабрь 1310. приступомъ Прагу, Герцогъ каринтійскій ушелъ въ свои наслѣдственныя владѣнія, Каринтію и Тироль. Чехи присягнули новому королю, и въ Богеміи наконецъ возстановилось спокойствіе.

Приготовленія Генриха къ итальянскому походу.

Нѣмецкія дѣла менѣе интересовали Генриха Люксембургскаго, чѣмъ походъ въ Римъ для полученія императорской короны. Онъ не повелъ самъ войско въ Богемію, оставилъ Фридриха Укушеннаго владѣть Тюрингіей, не захотѣлъ воспользоваться мятежами въ австрійскихъ земляхъ, которыми легко было бы ему овладѣть, не захотѣлъ наказать маркграфа мейсенскаго и тюрингскаго за то, что онъ помогалъ герцогу каринтійскому противъ Іоанна. Пріобрѣтеніе императорской короны было для Генриха важнѣе всего этого. Чтобы получить по-

мощь нѣмецкихъ князей для похода въ Италію, онъ жаловалъ имъ новыя права верховной власти, отдавалъ имъ въ залогъ или въ ленное владѣніе королевскія земли, отдавалъ въ залогъ доходы съ имперскихъ городовъ, то есть отнималъ у этихъ городовъ самоуправленіе, подчинялъ ихъ власти областныхъ государей. Въ угожденіе князьямъ онъ воспретилъ принимать ихъ подданныхъ въ число горожанъ.

b) Походъ Генриха въ Италію.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

По юридической формѣ, Ломбардія и Тоскана еще оставались принадлежащими къ нѣмецкому государству; но послѣ погибели Гоэнштауфеновъ нѣмецкіе короли не заявляли фактически никакихъ притязаній на власть въ этихъ земляхъ. Положеніе дѣлъ, установившееся тамъ, было таково, что всякая попытка нѣмецкаго короля подчинить себѣ хотя бы только Ломбардію должна была остаться неудачной. Города стали богаты, благодаря развитію промышленности; владычество въ нихъ было отнято у привилегированныхъ сословій, перешло въ руки массы горожанъ. Чтобъ упрочить порядокъ въ своемъ городѣ, жители поручали управленіе дѣлами на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь вельможѣ, пользовавшемуся военной славой и любовью народа; этотъ «капитанъ», то-есть главнокомандующій и съ тѣмъ вмѣстѣ правитель города, легко захватывалъ въ свои руки неограниченную власть, и демократическая форма правленія, сохраняясь на словахъ, замѣнялась въ дѣйствительности тиранніей. Эти деспоты вообще желали дать своей узурпаціи характеръ законной власти и находили способъ для этого въ томъ, что получали утвержденіе отъ нѣмецкаго короля, считавшагося на словахъ верховнымъ леннымъ господиномъ Ломбардіи и Тосканы; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, нѣмецкіе короли охотно продавали итальянскимъ деспотамъ титулъ императорскихъ намѣстниковъ (викаріевъ). Таковъ былъ ходъ дѣлъ во многихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ послѣ погибели Гоэнштауфеновъ. Мысль о принадлежности къ нѣмецкому государству, объ императорской власти еще не исчезла въ Италіи. Еще повсюду боролись между собою гвельфы и гибеллины; эти названія перестали соотвѣтствовать характеру споровъ между политическими партіями, но оставались названіями партій. Непрерывныя междоусобія въ Италіи будутъ казаться намъ напрасными, безсмысленными, если мы забудемъ, что повсюду въ Италіи еще оставались люди, желавшіе возстановленія нѣмецкой власти надъ Италіей; большинство населенія стремилось подавить эту партію; она надѣялась захватить владычество въ свои руки и во многихъ мѣстностяхъ достигала успѣха. Этой противоположностью стремленій объясняется непрерывность и ожесточенность междоусобій въ сѣверной и средней

Италіи. Гибеллины жаждали возстановленія императорской власти надъ Италіей *).

Мы разсказали исторію Италіи до начала XIV вѣка. Черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи мира съ королемъ сицилійскимъ (стр. 294), Карлъ II умеръ; королемъ неаполитанскимъ сталъ второй его сынъ, Робертъ, человѣкъ умный, а сынъ умершаго старшаго его сына, Карла Мартелла, Карлъ Робертъ былъ королемъ венгерскимъ. Анжуйская династія покровительствовала гвельфамъ; гибеллины искали поддержки себѣ у короля сицилійскаго Фридриха, сына дочери Манфреда. Климентъ V не поѣхалъ въ Италію, остался, какъ мы говорили, во Франціи. Епископская церковь папы, старая латеранская базилика, около этого времени сгорѣла; народъ видѣлъ въ томъ предзнаменованіе бѣдствій. Въ 1308 году римскіе гражданіе установили у себя демократическое правленіе и назначили капитана. Но вельможи, дѣлившіеся на партіи, продолжали свои междоусобія; въ римской области и въ самомъ Римѣ владычествовала анархія. Вождями одной изъ вельможескихъ партій были Колонны, вождями другой Орсини. Отряды ихъ наемниковъ ходили по всѣмъ дорогамъ, грабили купцовъ и богомольцевъ. Въ средней и сѣверной Италіи повсюду шли на улицахъ городовъ схватки между гвельфами и гибеллинами. Кромѣ того города воевали съ сосѣдними феодальными владѣтелями, и вообще эти владѣтели одолѣвали, пріобрѣтали деспотическую власть, покупали себѣ то отъ папы, то отъ нѣмецкаго короля титулъ викаріевъ.—Въ Тосканѣ образовался подъ преобладаніемъ Флоренціи союзъ городовъ для поддерживанія національной независимости. Только Пиза и Ареццо оставались на сторонѣ гибеллиновъ. Въ Ломбардіи главою конфедераціи гвельфскихъ городовъ былъ Миланъ; къ ней принадлежали Новара, Лоди, Верчелли, Асти, Кремона. Но сильна была и гибеллинская конфедерація, къ которой принадлежали Верона, Мантуя, Тревизо, Парма, Піаченца, Редджо, Модена, Брешія. Притомъ капитаны, назначаемые народомъ и захватывавшіе себѣ деспотическую власть, давали ей, какъ мы говорили, видъ законности, испрашивая утвержденія у короля, и становились его приверженцами. Въ каждомъ городѣ мы постоянно находимъ, что противники господствующей партіи изгнаны и что эти изгнанники готовы помогать всякому врагу своего города, чтобы возвратиться и захватить власть въ немъ. Гвельфы, подобно гибеллинамъ, были готовы помогать императору, лишь бы онъ обѣщалъ имъ побѣду надъ врагами.

Тоскана.

Ломбардія.

Переговоры Генриха съ итальянцами.

Извѣстіе о намѣреніи Генриха идти въ Италію взволновало всю страну. Гибеллины были увѣрены, что Генрихъ побѣдитъ ихъ противниковъ, и торжествовали. Данте, изгнанный изъ Флоренціи (стр. 299), высказалъ эту надежду пламенными словами: «Вотъ приближается желанное время, явились предвѣстія отрады; новый день начинаетъ сіять; является на востокѣ утренняя заря, разгоняющая мракъ долгаго бѣдствія. Радуйся, Италія, скоро будутъ завидовать

---

*) Это чувство высказываетъ Данте въ VI пѣснѣ «Чистилища». Онъ горько упрекаетъ Рудольфа Габсбургскаго и Альбрехта за то, что они оставили безъ своей хозяйской заботы садъ своей имперіи, Италію. По мнѣнію Данте, ихъ удерживала за Альпами алчность. По его словамъ, «Римъ горько плачетъ день и ночь, призывая своего цезаря».

тебѣ всѣ страны; твой женихъ, радость своего времени, слава твоего народа, благочестивый Арриго (Генрихъ), готовится идти на бракъ съ тобой. Изсуши, о прекраснѣйшая изъ дѣвъ, твои слезы и отложи видъ твоей печали». Многіе, надѣявшіеся возвратить себѣ утраченную власть или опасавшіеся потерять пріобрѣтенную, отправляли пословъ къ нѣмецкому королю. Въ Шпейерѣ къ Генриху явилось посольство Маттео Висконти, который владычествовалъ въ Миланѣ, но въ 1302 году былъ низвергнутъ своими противниками Делла Торре при содѣйствіи сосѣдовъ, и жилъ теперь въ своемъ родовомъ владѣніи у Гардскаго озера. Глава его противниковъ, Гвидо делла Торре, тоже отправилъ пословъ къ Генриху. Многіе изгнанные ломбардскіе аристократы сами пріѣхали къ королю. Они говорили, что итальянцы съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія своего законнаго государя, что покорить портивниковъ будетъ легко; Генрихъ вѣрилъ этому. Самъ папа просилъ его идти въ Италію, возстановить тамъ спокойствіе. Генрихъ объявилъ нѣмецкимъ князьямъ, что рѣшился идти въ Римъ, они одобрили походъ.

Войско Генриха.

Онъ поѣхалъ въ Лозанну, гдѣ собирались войска; бо́льшую часть ихъ привели родственники и личные друзья его; сильные нѣмецкіе князья не хотѣли помогать королю въ его безразсудномъ предпріятіи. Главнымъ помощникомъ Генриха были его братья, Бальдуинъ и Вальрамъ, графъ Амадей V савойскій, женатый на сестрѣ жены Генриха. двоюродные братья короля, графы намюрскіе, графъ Гюи фландрскій; многіе лотарингскіе и бургундскіе вельможи и рыцари тоже шли съ нимъ въ Италію, между ними особенно славился мужествомъ швабскій графъ Вернеръ Гомбергъ, знаменитый миннезингеръ. Изъ нѣмецкихъ князей его сопровождалъ Леопольдъ Габсбургскій; собралось къ нему много нѣмецкихъ авантюристовъ, надѣявшихся обогатиться въ Италіи, пріобрѣсти владѣнія тамъ. Многіе нѣмецкіе города прислали отряды своихъ наемниковъ. Но всетаки войско было невелико; въ немъ едва ли насчитывалось 1000 рыцарей и 1000 стрѣлковъ; общее число воиновъ едва ли было больше 5000. Короля сопровождали многіе изъ нѣмецкихъ епископовъ; сопровождалъ его и Николай, епископъ бутринтскій, хорошій дипломатъ, написавшій исторію этого похода.

Вступленіе въ Ломбардію.

Осенью 1310 года Генрихъ двинулся въ Италію черезъ покрытый снѣгомъ и льдомъ монъ-сенисскій проходъ. Въ день всѣхъ святыхъ (1 ноября) онъ пришелъ въ Туринъ; туда съѣхались послы гвельфовъ и гибеллиновъ. Генрихъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Туринѣ Никколо̀ Салимбени, сіэнскаго аристократа, развратника и мота, съумѣвшаго вкрасться въ довѣріе къ нему. Изъ вождей гвельфской партіи въ Туринъ пріѣхали Филиппоне Лангоско, графъ ломеллинскій, Симоне Аввокати, Антоніо Физирага; Лангоско былъ главою гфельфовъ въ Павіи, Аввокати въ Верчелли, Физирага въ Лоди. Но

Гвидо делла Торре не захотѣлъ явиться къ нѣмецкому королю. Генрихъ держалъ себя осторожно, не выказывалъ предпочтенія гибеллинамъ передъ гвельфами, говорилъ, что хочетъ только примирить враждующія партіи, возстановить спокойствіе въ Италіи. Изгнанные аристократы присоединялись къ Генриху, нѣкоторые итальянскіе владѣтели привели ему свои отряды. Число воиновъ его значительно возросло. Но при всей своей осторожности, онъ не могъ обмануть гвельфовъ: они знали, что онъ врагъ ихъ. Флорентинцы не отправляли къ нему пословъ и опасались, что ихъ враги восторжествуютъ при помощи иноземцевъ. Генрихъ 11 ноября вступилъ въ Асти, богатый піэмонтскій городъ. Жители его отворили ворота государю, шедшему съ большимъ войскомъ; но были въ сношеніяхъ съ Робертомъ Неаполитанскимъ и очень неохотно подчинились власти нѣмецкаго короля. Гвельфы уже видѣли факты, доказывавшіе, что онъ врагъ ихъ. Маттео Висконти пріѣхалъ къ Генриху въ Асти, пробравшись переодѣтый черезъ области, въ которыхъ владычествовали гфельфы. Генрихъ радостно встрѣтилъ главу миланскихъ гибеллиновъ. Висконти примирился съ Кассоне, изгнаннымъ архіепископомъ миланскимъ, находившимся при Генрихѣ. Кассоне былъ родственникъ Гвидо делла Торре; но ненавидѣлъ его, потому вступилъ въ союзъ съ Висконти, который далъ Кассоне очень большія обѣщанія.

Верона, Пиза, Модена прислали Генриху заявленія преданности; къ нему явилось многочисленное посольство отъ римлянъ съ приглашеніемъ идти въ Римъ и короноваться. Людовикъ Савойскій, приверженецъ Генриха, былъ назначенъ римскимъ сенаторомъ. Все это поддерживало въ Генрихѣ мечты объ успѣхѣ похода. Но Гвидо делла Торре не ѣхалъ къ нему; Филиппоне Лангоско, графъ ломеллинскій, держался въ сторонѣ и зорко слѣдилъ за движеніями войска его. Это могло показать Генриху, что ломбардскіе гвельфы готовятся къ борьбѣ съ нимъ. Быть можетъ онъ понималъ, что ему опасно идти въ Ломбардію; онъ цѣлый мѣсяцъ простоялъ въ Асти; но возбуждаемый гибеллинами, двинулся 12 декабря на Миланъ. Замокъ Виджевано былъ сданъ ему измѣной. Гульельмо Бруссати, господствовавшій въ Новарѣ, отворилъ ему ея ворота. Гвидо делла Торре оробѣлъ и отправилъ къ приближающемуся Генриху посольство съ заявленіемъ преданности.

Вступленіе Генриха въ Миланъ.

Нѣмецкое войско въ боевомъ порядкѣ вступило 23 декабря въ Миланъ. Вельможи и граждане блестящей процессіей вышли на встрѣчу Генриху; Гвидо делла Торре сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна передъ королемъ, поцѣловалъ ногу его. Но Генрихъ опасался обмана и нападенія, потому держалъ свое войско готовымъ къ бою. Онъ пригласилъ Маттео Висконти, Гвидо делла Торре и ихъ родныхъ видѣться и переговорить при немъ, убѣждалъ ихъ примириться. Они сказали другъ другу, что примиряются. На Крещеніе, 6 января 1311, нѣмецкій король въ присутствіи блестящихъ посольствъ изъ всѣхъ

ломбардскихъ городовъ короновался въ соборномъ храмѣ св. Амвросія. Казалось, что Ломбардія примиряется съ владычествомъ нѣмецкаго короля, на голову котораго архіепископъ Кассоне возложилъ ломбардскую желѣзную корону. Но въ Миланѣ владычествовало неудовольствіе: Генрихъ требовалъ денегъ на жалованье своему войску, передѣлывалъ устройство миланскаго управленія, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Миланѣ Никколо Боспиньіоре; этотъ правитель дѣйствовалъ деспотически. Генрихъ назначалъ намѣстниковъ и въ другіе ломбардскіе города; требовалъ, чтобы вліятельнѣйшіе люди Ломбардіи сопровождали его въ Римъ, то-есть хотѣлъ держать ихъ при себѣ заложниками покорности ломбардцевъ. Было ясно, что онъ рѣшился захватить произвольную власть надъ Ломбардіей.

Возстаніе миланцевъ.

Не только Делла Торре, но и Висконти негодовали на то, что владычество надъ Миланомъ перешло въ руки сѣверныхъ варваровъ, и оба составляли умыслы обмануть Генриха. Маттео Висконти былъ мастеръ притворяться; онъ хотѣлъ воспользоваться могуществомъ Генриха для того, чтобы низвергнуть Делла Торре, и съ этой цѣлью подстрекнулъ своего соперника поднять возстаніе противъ нѣмцевъ, обѣщаясь помогать ему. Онъ съумѣлъ обольстить Гвидо делла Торре. Франческино, сынъ Гвидо, и хитрый Галеаццо Висконти, сынъ Маттео, сходились по порученію отцовъ на тайные переговоры и условились призвать народъ къ оружію. Но нѣмцы узнали обо этомъ планѣ; быть можетъ самъ Маттео сообщилъ имъ о немъ. Они стали въ боевомъ порядкѣ по улицамъ Милана. Гвидо делла Торре и его родственники побуждали народъ къ возстанію. Та часть города, гдѣ находился дворецъ Делла Торре, называвшійся Обширнымъ, Vasto, взволновалась. Народъ толпился, кричалъ; знатные молодые люди скакали на коняхъ въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ. Группы пожилыхъ гражданъ стояли съ заржавленнымъ оружіемъ подъ знаменами своихъ цеховъ; колокола били набатъ. Передъ дворцомъ Делла Торре начался бой; нѣмцы одолѣли; много миланцевъ было убито; сыновья старика Гвидо мужественно сражались, но принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ; самъ онъ лежалъ больной: нѣмцы ворвались во дворецъ; вѣрный другъ увелъ больного тайнымъ ходомъ; нѣмцы ограбили дворецъ; много досталось имъ тутъ великолѣпныхъ одеждъ, дорогого оружія, драгоцѣнной посуды, всякихъ сокровищъ. Хитрецъ Маттео торжествовалъ: коварный разсчетъ его вполнѣ удался. Онъ не принималъ участія въ возстаніи, увѣрилъ короля въ своей вѣрности; когда нѣмцы одолѣли, Галеаццо привелъ къ нимъ своихъ воиновъ и вмѣстѣ съ ними преслѣдовалъ побѣжденныхъ. Гвидо делла Торре бѣжалъ изъ Милана; онъ и его сыновья были объявлены мятежниками. Генрихъ конфисковалъ ихъ владѣнія, осудилъ ихъ на смертную казнь; великолѣпный дворецъ ихъ былъ разрушенъ до основанія. Но Маттео Висконти увидѣлъ себя обманувшимся въ разсчетѣ. Быть можетъ Генрихъ находилъ неблагоразумнымъ принуждать миланцевъ къ повиновенію ненавистному деспотизму Висконти; быть можетъ онъ не довѣрялъ Маттео Висконти и его сыну; какъ бы то ни было, но нѣмецкій король велѣлъ Маттео Висконти, его сыну Галеаццо, архіепископу Кассоне и его братьямъ удалиться изъ Милана. Король объявилъ миланцамъ, что прощаетъ имъ мятежъ, и передѣлалъ ихъ городскія учрежденія сообразно своей выгодѣ.

12 февраля.

Возстаніе Кремоны и Брешіи.

Вскорѣ по подавленіи возстанія въ Миланѣ начались возстанія въ другихъ ломбардскихъ городахъ. Гвельфы взялись за оружіе въ Кремѣ, Лоди, Кремонѣ, Брешіи, Комо, нѣсколькихъ другихъ городахъ, прогнали гибеллиновъ, отказали въ повиновеніи нѣмецкому королю. Но Генрихъ повелъ на нихъ свои войска, и всѣ возставшіе города смирились, кромѣ двухъ, Кремоны и Брешіи. Гвидо делла Торре пріѣхалъ въ Кремону; могущественнѣйшая фамилія Кавалькабо соединилась съ нимъ; граждане были раздражены тѣмъ, что Генрихъ требовалъ денегъ; потому Гвидо делла Торре легко склонилъ ихъ взяться за оружіе; они прогнали намѣстника, назначеннаго Генрихомъ, и возвратившихся въ городъ гибеллиновъ. Генрихъ провозгласилъ кремонцевъ мятежниками, объявилъ, что все ихъ имущество конфискуется, а сами они будутъ преданы казни; съ тѣмъ вмѣстѣ они были отлучены отъ церкви. Генрихъ требовалъ отъ всѣхъ ломбардскихъ городовъ присылки войска для похода на Кремону, набиралъ наемниковъ. Онъ праздновалъ пасху въ Павіи (изъ Милана онъ уѣхалъ потому, что этотъ городъ еще оставался отлученъ отъ церкви и праздновать пасху въ немъ было нельзя). Маттео Висконти пріѣхалъ въ Павію, Генрихъ возвратилъ ему прежнюю благосклонность, послалъ его въ Миланъ подъ охраной нѣмецкаго отряда, назначилъ его начальникомъ войска, отправляемаго миланцами помогать королю въ усмиреніи Кремоны. Когда Генрихъ, опустошая все на пути, пошелъ черезъ Лоди къ Кремонѣ, горожане оробѣли, вожди гвельфовъ бѣжали въ Брешію, кремонцы послали Генриху ключи своего города, и когда онъ подошелъ, они вышли къ нему навстрѣчу босые съ веревками на шеѣ, упали на колѣна, просили пощады. Онъ
20 апрѣля. велѣлъ разрушить стѣны Кремоны, отнялъ у нея всѣ права и часть городскихъ земель, наложилъ на гражданъ контрибуцію въ 100.000 золотыхъ монетъ, объявилъ бѣжавшихъ гвельфовъ осужденными на смерть, бросилъ въ темницы множество простолюдиновъ и многихъ вельможъ. Эта жестокость увеличила ненависть ломбардцевъ къ Генриху.

События въ Падуѣ и Виченцѣ.

Граждане Падуи вступили въ переговоры съ Генрихомъ, но его требованія были очень тяжелы, и въ особенности онъ требовалъ очень много денегъ. Граждане колебались—покориться ли ему или сопротивляться. Но въ это время могуществу ихъ города былъ нанесенъ тяжелый ударъ: Виченца давно была подвластна Падуѣ; изгнанный падуанцами виченцскій вельможа Сигонфредо Ганцера склонилъ своихъ согражданъ отложиться отъ Падуи. Генрихъ былъ обрадованъ этимъ и послалъ Аймо, епископа женевскаго, съ отрядомъ конницы на помощь Виченцѣ. Къ епископу присоединились веронскіе вельможи Делла Скала; Виченца 15 апрѣля отворила ему ворота; падуанскій гарнизонъ, находившійся въ городѣ, былъ побѣжденъ; Генрихъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Виченцѣ пизанскаго вельможу Ванни Цено. Делла Скала, владычествовавшій въ Веронѣ, Буонакосси, владычествовавшій въ Мантуѣ, Риццардо да Каминно, владычествовавшій въ Тревизо, были приверженцами Генриха; онъ назначилъ ихъ своими намѣстниками. Такимъ образомъ, его партія имѣла преобладаніе въ сѣверовосточной части Италіи. Генуя, флотъ которой господствовалъ на морѣ по западному берегу Италіи, признала власть Генриха и обѣщалась прислать ему эскадру.

Тоскана.

Но враги Генриха были могущественны. Робертъ, король неаполитанскій, дѣятельно убѣждалъ гвельфовъ соединиться на общую оборону противъ нѣмецкаго владычества. Онъ былъ намѣстникомъ папы во владѣніяхъ римской каѳедры и главою союза тосканскихъ городовъ. Флоренція не могла рѣшиться на энергическія мѣры. Флорен-

тинцы давали деньги врагамъ Генриха, но сами робѣли вступить въ открытую борьбу съ нимъ. Другіе тосканскіе города слѣдовали примѣру своей столицы и держались робко. Только Болонья готовилась непреклонно обороняться отъ нѣмцевъ. Генриху должно было рѣшить вопросъ,—идти ли ему въ Римъ для полученія императорской короны, или раньше того слѣдуетъ вполнѣ покорить Ломбардію. Данте убѣждалъ его идти на Римъ и говорилъ: «Когда ты, наслѣдникъ Цезаря Августа, сошелъ съ Апеннинъ, прекратились долгіе вздохи, осохли потоки слезъ, и надежда на лучшее время озарила Италію, какъ будто взошло милое людямъ солнце. Но мы дивимся тому, что ты выказалъ такую медлительность; хотя ты и недалеко отъ насъ, хотя ты и стоишь побѣдителемъ въ долинѣ По, но ты забываешь Тоскану и покидаешь ее безъ помощи; или ты думаешь, что, оставаясь въ Ломбардіи, убьешь ядовитую гидру отсѣченіемъ ея головъ? Чтобъ искоренить дерево, недостаточно отрубать вѣтви; оно будетъ пускать новыя вѣтви, и онѣ будутъ зеленѣть, пока остается цѣлъ питающій ихъ корень».

Но Генрихъ не послушалъ совѣта немедленно идти черезъ Тоскану въ Римъ; онъ не хотѣлъ оставлять непокорныхъ городовъ въ тылу у себя и считалъ необходимымъ покорить Брешію. Когда Генрихъ пришелъ въ Италію, въ Брешіи еще оставалась довольно сильная гибеллинская партія, вождемъ которой былъ Маттео Мадджи. Вождемъ гвельфовъ сталъ возвращенный Генрихомъ изъ продолжительнаго изгнанія Тебальдо Бруссати. Борьба скоро перешла въ вооруженный бой на улицахъ города; гибеллины были побѣждены, бѣжали или были брошены въ темницы. Бѣжавшіе просили защиты у Генриха; онъ потребовалъ, чтобъ имъ было дозволено возвратиться; болонцы не согласились на это. Онъ послалъ своего брата Вальрама и Амадея, графа савойскаго, съ войскомъ на Брешію. Тебальдо по ихъ требованію освободилъ брошенныхъ въ темницы гибеллиновъ; но отказался сдать городъ. Тосканскіе гвельфы обѣщали помогать Болоньѣ. Гвидо делла Торре разъѣзжалъ по средней Италіи, возбуждая противниковъ нѣмецкаго владычества быть твердыми; притомъ жестокость, съ какою Генрихъ наказалъ Кремону, отнимала у болонцевъ надежду на пощаду. Они рѣшились обороняться по примѣру, показанному ихъ предками во времена Фридриха II.—Въ началѣ мая Генрихъ пошелъ изъ Кремоны на Брешію. Къ войску его присоединились гибеллины и отряды, вытребованные у ломбардскихъ городовъ, потому силы его были велики. Но Брешія была сильно укрѣплена, граждане ея сражались мужественно и взять ее было трудно. Управлявшій защитою города Тебальдо не дожилъ до конца борьбы. Поѣхавъ за городъ для осмотра укрѣпленій съ наружной стороны, онъ былъ застигнутъ неожиданнымъ нападеніемъ нѣмцевъ и послѣ храброй обороны раненный былъ взятъ въ плѣнъ.

Осада Брешіи.

Генрихъ велѣлъ привязать его къ хвосту лошади и четвертовать. Нѣмцы называли его измѣнникомъ, но онъ былъ храбрый защитникъ свободы своего родного города. Въ отмщеніе за его смерть граждане Брешіи предали мучительной казни нѣсколько плѣнныхъ.

Недѣля шла за недѣлей, осажденные отбивали всѣ приступы. Много воиновъ Генриха погибало въ бою или отъ болѣзней, порождаемыхъ зноемъ. Братъ короля, Вальрамъ, вышедшій безъ латъ ночью принять участіе въ сраженіи, былъ убитъ стрѣлой. По просьбѣ Генриха папа прислалъ легатовъ склонять осажденныхъ покориться. Граждане Брешіи отвергли ихъ убѣжденія; судьба Кремоны показывала, чего должны ожидать покоряющіеся Генриху.

Покореніе Брешіи.

Генрихъ сдѣлалъ приступъ всѣми своими войсками; онъ былъ отбитъ; лѣтній зной и производимыя имъ заразительныя болѣзни уменьшали число воиновъ Генриха, дисциплина войска ослабѣла. Итальянскіе союзники Генриха теряли терпѣніе, не видя конца трудной осады. Леопольдъ Австрійскій и многіе другіе нѣмцы ушли. Положеніе Генриха было затруднительно; но граждане Брешіи были изнурены сраженіями, страдали отъ голода. Такимъ образомъ и они и Генрихъ приняли наконецъ совѣты легатовъ примириться. Кардиналъ Лука Фіэско, генуэзскій вельможа, обѣщалъ гражданамъ, что король поступитъ съ ними милостиво; они покорились. Черезъ четыре мѣсяца, послѣ начала осады, графы Гюи фландрскій и Амадей савойскій вошли въ городъ, отворившій имъ ворота (19 сентября 1311). Генрихъ велѣлъ разрушить часть стѣны; когда проломъ былъ сдѣланъ, Генрихъ въѣхалъ въ городъ по развалинамъ стѣны, какъ поклялся во время осады. Онъ велѣлъ разрушить всѣ укрѣпленія Брешіи, отнялъ у нея часть области, наложилъ на гражданъ контрибуцію, взялъ у нихъ заложниковъ и назначилъ своимъ намѣстникомъ суроваго Галеотто Маласпину. Черезъ нѣсколько времени гвельфы, собравшіеся въ Казале Маддже подошли къ Брешіи, но были отбиты Маласпиной. Генрихъ пошелъ изъ Брешіи дальше. Онъ взялъ съ собой ворота Брешіи въ Римъ, какъ трофей побѣды. Онъ полагалъ, что тылъ его теперь безопасенъ: вся Ломбардія повиновалась ему; Венеція прислала ему подарки и заявленія преданности; въ Падуѣ на дворцѣ городского совѣта были потсавлены императорскіе гербы. Но гвельфы негодовали на Генриха. Онъ назначалъ своими намѣстниками гибеллиновъ—Делла Скалу въ Веронѣ, Пассарино Буонакосси въ Мантуѣ, Маттео Висконти въ Миланѣ; но были недовольны имъ и гибеллины; потому что, не довѣряя имъ, онъ давалъ нѣкоторыя должности гвельфамъ. Флорентинцы и Робертъ Неаполитанскій ободряли гвельфовъ ломбардскихъ обѣщаніями помощи. Папа втайнѣ оставался врагомъ Генриха и черезъ своихъ агентовъ возбуждалъ итальянцевъ противъ него.

Генрихъ 2 октября пошелъ отъ Брешіи черезъ Кремону и Піаченцу въ Павію, куда должны были прислать депутатовъ ломбардскіе города. Своимъ намѣстникомъ въ Павіи, Новарѣ и Верчелли онъ назначилъ Филиппа, князя ахайскаго, племянника Амадея, графа савойскаго; это былъ человѣкъ безхарактерный, и вся власть въ его намѣстничествѣ оставалась въ рукахъ Филиппоне Лангоско, вождя гвельфовъ. Депутаты ломбардскихъ городовъ собрались въ Павіи, но у Генриха оставалось мало войска, такъ что онъ не былъ страшенъ. Онъ нуждался въ деньгахъ, требовалъ обременительныхъ налоговъ; обѣщаніямъ его никто не вѣрилъ, вообще онъ игралъ на сеймѣ жалкую роль. Въ неудовольствіи онъ ушелъ изъ Павіи. Пока онъ былъ тамъ, умеръ его вѣрнѣйшій союзникъ, графъ Гюи фландрскій и намюрскій, получившій смертельную болѣзнь подъ Брешіей. Павія еще оставалась отлучена отъ церкви, потому тѣло графа фландрскаго было привезено для погребенія въ Тортону. Изъ Павіи Генрихъ пошелъ въ Геную; войско его, уже малочисленное, быстро уменьшалось на этомъ пути: ломбардскіе вельможи уходили домой, многіе нѣмцы также ушли на родину. Генрихъ не могъ не понимать, что походъ его по Ломбардіи остался въ сущности безуспѣшенъ. Въ ломбардскихъ городахъ владычествовали мѣстные вельможи, мало повиновавшіеся его намѣстникамъ и ему. Онъ назначилъ вмѣсто графа савойскаго общимъ намѣстникомъ въ Ломбардіи графа Вернера Гомберга, человѣка безпощадной суровости; въ Ломбардіи было нѣсколько гибеллинскихъ городовъ; войска ихъ служили опорой власти Вернера. Онъ дѣйствовалъ свирѣпо, нѣмцы восхищались этимъ, имя его было прославляемо въ Германіи. Осенью Генрихъ пришелъ въ Геную; онъ направился туда потому, что не надѣялся пробиться къ Риму черезъ Тоскану: флорентинцы и ихъ союзники собрали войско для его отраженія.

Павійскій сеймъ, октябрь 1311.

Когда Генрихъ приблизился къ Тосканѣ, Флоренція, Болонья, Лукка, Сіэна и сосѣдніе города возобновили свой прежній союзъ, набрали наемниковъ и поставили войско на границѣ. Посланникъ Генриха, Николло, епископъ бутринтскій, оставившій намъ очень живой разсказъ о событіяхъ итальянскаго похода, на пути своемъ черезъ Тоскану, повсюду видѣлъ готовность къ твердому сопротивленію нѣмцамъ. Даже люди, которымъ Генрихъ оказывалъ милости, отложились отъ него, какъ напримѣръ, Гиберто Корреджо, котораго онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Реджо. Болонья и Флоренція отвергли предложенія Генриха. Только пріѣхавъ въ гибеллинскій городъ Ареццо, послы его нашли хорошій пріемъ себѣ; епископъ пустилъ ихъ въ свой замокъ Чивителлу; они потребовали къ себѣ депутатовъ отъ тосканскихъ городовъ; довольно многіе города прислали депутатовъ, пріѣхали довольно многіе сосѣдніе вельможи, увѣряли въ своей преданности королю. Послы объявили мятежными тѣ города, которые не прислали депутатовъ. Но преданность городовъ, заявлявшихъ свою вѣрность королю, была притворная, и когда послы возвратились весною къ Генриху, партія его въ Тосканѣ была очень слаба. Онъ объявилъ флорентинцевъ мятежниками, грозилъ имъ строжайшими наказаніями; но это не произвело на нихъ никакого дѣйствія.

Тосканскія дѣла.

Генуэзцы приняли Генриха съ большими почестями. У него было мало войска, и могущественный городъ безнаказанно могъ не впустить

Генрихъ въ Генуѣ, октябрь 1311—февраль 1312.

его въ свои ворота; но генуэзцы выказали большую преданность ему, назначили его на 20 лѣтъ правителемъ своего города, единодушно присягнули безусловно повиноваться ему. Онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Генуѣ тосканскаго гибеллина, Угуччоне Фадджуолу, и старался примирить враждовавшія между собою партіи. Во главѣ одной изъ нихъ стояли Доріи, во главѣ другой Спинолы. Вражда между этими вельможескими фамиліями была наслѣдственная; но уступая убѣжденіямъ короля, онѣ примирились. Въ декабрѣ умерла жена Генриха; въ Генуѣ явился къ нему несчастный, одѣтый въ монашеское платье, Іоаннъ Парриципда, убійца своего дяди Альбрехта, и умолялъ короля о прощеніи. Генрихъ сурово отказалъ ему въ просьбѣ, и мы не знаемъ, что было съ нимъ дальше. Пиза, всегда бывшая гибеллинскимъ городомъ, прислала королю приглашеніе посѣтить ее. Генрихъ принялъ пизанское посольство очень любезно и послѣдовалъ приглашенію тѣмъ охотнѣй, что жизнь въ Генуѣ начинала становиться непріятной для него: онъ требовалъ отъ генуэзцевъ денегъ; дружба съ нимъ вовлекла генуэзцевъ въ войну съ другими итальянскими городами, вредившую ихъ торговлѣ; они стали тяготиться своими отношеніями къ Генриху.

Дѣйствія Роберта Неаполитанскаго.

Робертъ велъ съ Генрихомъ переговоры о женитьбѣ своего сына или брата на его дочери, но въ то же время посылалъ своихъ наемниковъ на помощь тосканцамъ и отправилъ своего брата, Іоанна Ахайскаго (или Калабрійскаго) съ отрядомъ 400 рыцарей въ Римъ. (При каждомъ рыцарѣ находилось нѣсколько воиновъ; эта группа, главою которой былъ рыцарь, называлась копье). Генрихъ воображалъ, что неаполитанскій отрядъ посланъ въ Римъ для оказанія почести ему торжественной встрѣчей при его въѣздѣ; на самомъ дѣлѣ Іоаннъ Ахайскій пришелъ помогать Орсини, вождямъ гвельфовъ, и затруднить коронацію Генриха. Нѣмецкій король, увлекаясь своими мечтами, не понималъ хитрой политики Роберта, считалъ его своимъ другомъ и потому не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта посламъ Фридриха Сицилійскаго, предлагавшало ему союзъ противъ Роберта.

Переѣздъ Генриха въ Пизу.

Февраль 1312.

Число воиновъ Генриха уменьшалось, вельможи покидали его, генуэзцы тяготились имъ, онъ увидѣлъ, что пора ему удалиться изъ Генуи. Съ неболшимъ числомъ вельможъ и воиновъ, остававшихся при немъ, и съ кардиналами, присланными папой короновать его, онъ сѣлъ на корабли и поплылъ въ Пизу, чтобъ оттуда идти въ Римъ короноваться. Погода была дурная, плаваніе было продолжительно. Бѣлые, изгнанные изъ Тосканы и Романьи гвельфами, радостно встрѣтили Генриха въ Пизѣ; граждане оказали хорошій пріемъ ему. Но онъ сталъ захватывать ихъ богатства, самовластно передѣлывать правительственныя учрежденія; они разсердились, онъ сталъ держать себя смирно, чтобы не оттолкнуть ихъ отъ себя. Въ Пизѣ Генрихъ объявилъ мятежниками Гиберта Корреджо и его сторонниковъ, произнесъ такой же приговоръ надъ Флоренціей, Луккой, Сіэной, Пармой, Реджо.

Въ Пизу собралось много тосканскихъ Бѣлыхъ (то есть гибеллиновъ); граждане Пизы были гибеллины; Генрихъ проникся увѣренностью въ своихъ силахъ и рѣшился идти въ Римъ, хотя Іоаннъ Ахайскій и Орсини брали тамъ перевѣсъ въ битвахъ на улицахъ съ приверженцами нѣмецкаго короля—Колоннами и сенаторомъ Людовикомъ Савойскимъ. Нѣмецкій король отправилъ пословъ въ Неаполь для переговоровъ о бракѣ его дочери съ сыномъ Роберта, послалъ въ Римъ Пандольфо Савелли и епископа бутринтскаго приготовить встрѣчу для него. Черезъ нѣсколько времени онъ въ сопровожденіи кардиналовъ и тосканскихъ изгнанниковъ двинулся въ Римъ; при немъ находились отряды пизанцевъ и генуэзцевъ, составлявшіе почетный конвой его. Когда онъ подходилъ къ Риму, епископъ бутринтскій привезъ ему извѣстія очень непріятныя, объяснилъ королю, что напрасно онъ воображалъ Іоанна Ахайскаго своимъ другомъ, что Іоаннъ будетъ противиться его коронованію. Генрихъ продолжалъ идти къ Риму; съ нимъ было довольно большое число нѣмецкихъ и итальянскихъ рыцарей; противники не отважились на битву съ нимъ передъ стѣнами города, и 7 мая онъ вступилъ въ Римъ, прошелъ въ Латеранскій дворецъ. Но замокъ св. Ангела и Леоновъ городъ были заняты его врагами, ему былъ запертъ путь въ храмъ Петра, гдѣ по обычаю должно было совершиться коронованіе. Прошло довольно много времени въ битвахъ на улицахъ. Флорентійцы прислали на помощь Іоанну отрядъ подъ начальствомъ Бетто Пацци; Робертъ прислалъ ему своего маршала дона Діэго съ отрядомъ каталонцевъ; онъ упорно оборонялся въ Капитоліѣ и укрѣпленныхъ дворцахъ собственно такъ называемаго города Рима (то-есть города на лѣвомъ берегу Тибра въ противоположность Леонову городу, находящемуся на правомъ берегу). Послѣ нѣсколькихъ упорныхъ сраженій Генрихъ овладѣлъ Капитоліемъ; но пошедши штурмовать Леоновъ городъ, воины Генриха потерпѣли страшное пораженіе. Много вельможъ его было убито. Теперь только понялъ Генрихъ, что Робертъ Неаполитанскій обманывалъ его. Въ отвѣтъ на предложеніе Генриха выдать свою дочь за сына Роберта, король неаполитанскій поставилъ условіями брака то, чтобъ его сынъ былъ назначенъ намѣстникомъ Генриха въ Тосканѣ, а самъ онъ намѣстникомъ въ Ломбардіи. Генрихъ разсердился, папскіе легаты старались примирить его съ Робертомъ, но напрасно.

Походъ въ Римъ.

Битва въ Римѣ, май 1312.

Генриху хотѣлось короноваться въ храмѣ Петра по примѣру прежнихъ императоровъ, но онъ убѣдился, что не пробьется туда, и съ огорченіемъ въ душѣ рѣшился короноваться въ Латеранѣ. Римляне, желая избавиться отъ дракъ на улицахъ, заставили уполномоченныхъ папой кардиналовъ согласиться на это; папа прислалъ разрѣшеніе короновать императора не въ храмѣ Петра, а въ латеранскомъ соборѣ Іоанна Предтечи. Генрихъ обѣщался не заявлять никакихъ притязаній на власть надъ Римомъ, подтвердилъ всѣ уступки, сдѣланныя

Коронованіе Генриха 22 іюля 1312.

папамъ прежними императорами. Кардиналы короновали его въ латеранскомъ соборѣ.

Выступленіе Генриха изъ Рима.

Генрихъ заключилъ наконецъ союзъ съ Фридрихомъ Сицилійскимъ; онъ обручилъ свою дочь Беатрису съ Петромъ, старшимъ сыномъ Фридриха, и назначилъ сицилійскаго короля императорскимъ адмираломъ на итальянскихъ моряхъ; Фридрихъ обѣщался давать ему по 50.000 золотыхъ монетъ въ годъ на войну съ общими врагами.— Положеніе Генриха въ Римѣ не улучшилось послѣ коронаціи. Іоаннъ Ахайскій продолжалъ занимать Леоновъ городъ. Нѣмцы, находившіеся при Генрихѣ, желали возвратиться на родину, утомились битвами въ Римѣ, боялись лихорадки, развивающейся лѣтомъ въ римской области. Людовикъ Савойскій и владѣтель области, называвшейся Дофинѐ, уѣхали отъ Генриха. Римскіе сторонники императора умоляли его не покидать ихъ на мщеніе врагамъ; его фантазерству очень нравилась мысль сдѣлать Римъ своей резиденціей. Но отвага и сила его противниковъ росла, онъ увидѣлъ невозможность удержаться въ Римѣ и, оставивъ тамъ отрядъ для защиты своихъ приверженцевъ, выступилъ 20 іюля по дорогѣ въ Тиволи.

Ломбардскія дѣла 1312.

Въ Ломбардіи между тѣмъ происходили событія, дававшія намѣстнику Генриха, графу Гомбергу, много случаевъ выказывать свою храбрость и суровость, но свидѣтельствовавшія, что власть, захваченная Генрихомъ, очень шатка. Гомбергъ созвалъ въ Лоди депутатовъ городовъ, повиновавшихся Генриху, выслушалъ ихъ желанія и назначилъ своимъ помощникомъ Маттео Висконти, который по разсчету выгодъ былъ усерднымъ приверженцемъ нѣмецкаго короля. Совѣты Висконти были необходимы Гомбергу; хитрый старикъ руководилъ политическими и военными дѣйствіями намѣстника.

Кремонскіе гвельфы подъ начальствомъ Гульельмо Кавалькабо овладѣли стоявшимъ на Ольіо городомъ Сончино. Военныя дѣйствія Гомберга начались походомъ на этотъ городъ; онъ взялъ его приступомъ и свирѣпо рѣзалъ людей на улицахъ. Гульельмо былъ убитъ. Гвельфы были опечалены; но эта побѣда не упрочила нѣмецкаго владычества надъ Ломбардіей. Городъ Асти былъ раздраженъ притѣсненіями королевскихъ правителей и фамиліи Кастелли, владычествовавшей надъ согражданами подъ охраной нѣмцевъ. Народъ возсталъ, прогналъ нѣмцевъ и гибеллиновъ, сталъ помогать Гюгу де Во, маршалу неаполитанскаго короля. Графъ Лангоско, бывшій фактически владыкой Павіи, поссорился съ королевскимъ намѣстникомъ въ этомъ городѣ, Филиппомъ Ахайскимъ, и отложился отъ Генриха. Войска Маттео Висконти, графа Гомберга и Филиппа Ахайскаго опустошали павійскую область. Филиппъ Ахайскій поссорился съ графомъ Гомбергомъ, и дѣло дошло до того, что они бились между собой на улицахъ Верчелли. Черезъ нѣсколько времени (въ августѣ 1312) графъ Лангоско овладѣлъ Верчелли. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (въ февралѣ) отложилась отъ Генриха Падуя. Герардо Энцола, бывшій королевскимъ намѣстникомъ въ этомъ городѣ, пересталъ называться намѣстникомъ, принялъ санъ подесты, то есть правителя, избраннаго гражданами. Канграндe делла Скала, владѣтель Вероны, королевскій намѣстникъ въ Виченцѣ,

пошелъ на Падую. Гоццелино Каммино, сдѣлавшійся по смерти своего брата Риццардо владѣтелемъ Тревизо, Фельтре и Беллуно, помогалъ падуанцамъ. Франческо Эсте, владѣтель Феррары, тоже принялъ ихъ сторону. (Но лѣтомъ онъ былъ убитъ). Союзниками Конгранде были Буонакосси, владѣтели Мантуи. Графъ Гомбергъ тоже опустошалъ падуанскую область. Намѣстникъ Генриха въ Моденѣ Франческо Мирандола воевалъ съ Болоньей и Редджо и попался въ плѣнъ; владѣтелемъ Мантуи сталъ Пассарино Буонакосси.

Въ концѣ 1312 года умеръ старикъ Гвидо делла Торре, печалившійся о томъ, что остаются напрасны его усилія пріобрѣсти прежнее могущество. Въ Тосканѣ тоже шли междоусобія, Пиза воевала съ Флоренціей, Перуджія съ Сполето; вельможи называли себя гвельфами или гибеллинами, но дѣйствовали только по разсчетамъ фамильныхъ выгодъ. Графъ Гомбергъ безпощадно опустошалъ Ломбардію. но никакими свирѣпостями не могъ возстановить нѣмецкаго владычества надъ ней.

Генрихъ нѣсколько времени стоялъ въ Тиволи; изнуренные воины его отдыхали, онъ ждалъ отъ папы утвержденія въ санѣ императора. Рудольфъ Баварскій и нѣкоторые другіе нѣмецкіе князья ушли отъ него; малочисленное войско его стало слабѣе прежняго. Онъ пошелъ опять въ Римъ, оставилъ тамъ 400 копій для защиты своихъ сторонниковъ и пошелъ черезъ Витербо въ Тоскану, опустошивъ перуджійскую область, пошелъ во флорентійскую. Онъ встрѣчалъ мало сопротивленія. При его приближеніи замки сдавались ему. Въ Анчизѣ (на берегу Арно) стояло флорентійское войско; тутъ были кромѣ гражданъ и наемники; Генрихъ сдѣлалъ обходъ и направился къ Флоренціи. Каталонскіе наемники и блестящіе молодые граждане Флоренціи напали на тылъ его войска, но послѣ упорнаго сраженія были отбиты. Флорентинцы рѣшились твердо обороняться. Генрихъ сжегъ селенія въ окрестностяхъ Флоренціи, раскинулъ станъ въ Санъ-Сальви подъ стѣнами ея. Флорентинцы и вспомогательные отряды, пришедшіе къ нимъ изъ другихъ тосканскихъ городовъ, стояли на стѣнахъ. Генрихъ видѣлъ, что укрѣпленія города сильны, защитники ихъ мужественны, понималъ, что борьба будетъ трудна ему; притомъ тяжело занемогъ; но оставался непоколебимъ въ намѣреніи покорить Флоренцію. Осажденные дѣлали вылазки, тѣснили его такъ, что онъ былъ вынужденъ покинуть свой станъ, перейдти на другой берегъ Арно. Войско его 1 ноября переправилось черезъ разлившуюся рѣку у Санъ-Кашано, въ восьми итальянскихъ миляхъ отъ Флоренціи; онъ сталъ еще безпощаднѣе прежняго опустошать флорентинскую область. Это длилось нѣсколько недѣль. Голодъ и болѣзни принудили его наконецъ уйдти. Въ январѣ 1313 года онъ отступилъ на зимнія квартиры въ гибеллинскій замокъ Подджибонцы, стоявшій въ центрѣ Тосканы.

Походъ Генриха изъ Тиволи.

Сентябрь.

Зима въ Монте-Имперіале.

На развалинахъ сожженнаго гвельфами города подъ замкомъ была построена крѣпость Монте-Имперіале; прежніе жители, прогнанные гвельфами, собрались туда, и кругомъ императорскаго дворца возникъ новый городъ. Генрихъ награждалъ своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ, далъ графу Амадею савойскому городъ и графство Асти, Генриху фландрскому городъ Лоди, возобновилъ приговоръ, объявлявшій Флоренцію и другіе непокорные тосканскіе города лишенными покровительства законовъ, послалъ Роберту Неаполитанскому вызовъ явиться къ его суду. Разумѣется, все это были пустыя громкія слова. Голодъ и болѣзни появились и въ новомъ станѣ Генриха; онъ оставилъ въ построенной имъ крѣпости гарнизонъ и въ мартѣ 1313 года ушелъ въ Пизу, неизмѣнно преданный нѣмецкому королю гибеллинскій городъ.

Упадокъ власти Генриха въ Италіи.

Повсюду оказывалось, что итальянскій походъ Генриха кончится полной неудачей. Но онъ упорствовалъ въ своей мечтѣ покорить Италію. Когда онъ ушелъ изъ Рима, тамъ началась борьба между массой горожанъ и вельможами. Демократы побѣдили, выгнали изъ Рима и Колоннъ и Орсини; правителемъ города сталъ Орлотти, вождь демократической партіи. Она послала императору приглашеніе поселиться въ Римѣ. Но простолюдины скоро были побѣждены соединенными силами вельможъ. Орлотти былъ въ цѣпяхъ брошенъ въ темницу, Колонны и Орсини вошли въ Капитолій, Римъ сталъ повиноваться Роберту Неаполитанскому. Тосканская лига, тѣснимая императоромъ, отдалась подъ покровительство короля неаполитанскаго. Асти, Алессандрія, Павія, нѣкоторые другіе ломбардскіе города признали его уполномоченныхъ своими правителями. Графъ Гомбергъ, Маттео Висконти, его родственники, маркграфъ монферратскій, при всѣхъ своихъ успѣяхъ, не могли поддержать власть императора надъ Ломбардіей. Падуанцы продолжали борьбу противъ Кангранде делла Скала. Гоццелино, союзникъ Кангранде, былъ прогнанъ изъ Тревизо. Наемники Роберта Неаполитанскаго вошли въ Феррару; онъ провозгласилъ себя правителемъ ея въ санѣ намѣстника папы. Парма и Кремона приняли его покровительство. Когда Генрихъ шелъ изъ Монте-Имперіале въ Пизу, казалось, что власть его въ Италіи окончательно падаетъ; но счастье на нѣсколько времени повернулось въ его пользу.

Нѣмецкія дѣла.

Изъ Германіи Генрихъ не могъ ждать сильной помощи себѣ. Нѣмцы съ любопытствомъ слушали разсказы объ отважныхъ подвигахъ императора, о храбрости воиновъ его; но у немногихъ была охота отправляться къ нему въ Италію; у князей было достаточно своихъ войнъ. Вальдемаръ, маркграфъ бранденбургскій, воевалъ съ ганзейскимъ городомъ Ростокомъ и съ ландграфомъ тюрингскимъ Фридрихомъ, который хотѣлъ овладѣть всѣми своими родовыми землями. Власть Іоанна въ Богеміи была еще такъ шатка, что онъ не могъ

посылать войскъ отцу. Онъ усмирилъ моравскихъ вельможъ, но Генрихъ Каринтійскій оставался опасенъ ему. Герцоги австрійскіе продолжали воевать съ герцогами баварскими. Никому не было досуга идти къ императору въ Италію. Генрихъ, овдовѣвъ, сталъ сватать дочь покойнаго короля Альбрехта, Катарину, чтобы пріобрѣсти поддержку габсбургской династіи. Австрійскіе герцоги были рады родству съ нимъ и отправили невѣсту въ Италію.

Положеніе Генриха въ Пизѣ.

Генрихъ пришелъ въ Пизу, неизмѣнно вѣрную нѣмцамъ. Но при всемъ своемъ усердіи граждане ея тяготились убыточной дружбой императора. Генрихъ обнародовалъ законы о томъ, какіе поступки должны быть признаваемы мятежомъ и какому наказанію подлежатъ мятежники. Эти законы были составлены такъ, чтобъ оправдать крутыя мѣры, какія хотѣлъ принять Генрихъ противъ главнаго своего врага, короля неаполитанскаго. Онъ 25 апрѣля объявилъ Роберта мятежникомъ, лишеннымъ престола, возобновилъ прежній приговоръ надъ Флоренціей, объявилъ мятежными городами Павію, Падую, Асти, подвергъ тому же приговору многіе другіе города, многихъ итальянскихъ владѣтелей, искалъ себѣ союзниковъ въ Италіи, просилъ войскъ у нѣмецкихъ князей. Робертъ, имѣя сильный флотъ, вредилъ торговлѣ гибеллинскихъ городовъ. По желанію Генриха пизанцы снарядили эскадру, венеціанцы и генуэзцы обѣщали прислать корабли, Фридрихъ Сицилійскій собралъ флотъ. Маршалъ императора, Генрихъ Фландрскій, сильно тѣснилъ Сіэну и Лукку. Разнесся слухъ, что король богемскій съ ломбардскими гибеллинами и нѣмецкими рыцарями идетъ на помощь отцу. Встревоженные этой молвой, флорентинцы отдали свой городъ подъ власть Роберта, другіе тосканскіе города послѣдовали ихъ примѣру. Угрозы Филиппа Прекраснаго принудили папу выступить врагомъ Генриха за его войну съ Робертомъ, родственникомъ короля французскаго. Климентъ обнародовалъ буллу, запрещавшую Генриху нападать на Роберта, вассала римской каѳедры. Императоръ отвѣчалъ, что не хочетъ нарушать правъ римской церкви, долженъ только защищать права римской имперіи.

Приготовленія къ походу на Роберта.

Черезъ Альпы шли войска къ Генриху; особенно много шло къ нему чеховъ и австрійцевъ. Фридрихъ Сицилійскій готовился напасть на Роберта съ моря и сдѣлать высадку въ его королевство. Въ Ломбардіи Маттео Висконти и его родственники одерживали успѣхи, овладѣли Піаченцей, взяли въ плѣнъ Альберто Скотто, вождя піаченцскихъ гвельфовъ и Антоніо Физпрагу, владѣтеля Лоди. Ломбардская лига собрала свои войска, чтобъ отнять Піаченцу у Маттео. Но сынъ его Галеаццо Висконти, императорскій намѣстникъ въ Піаченцѣ, нанесъ кровопролитное пораженіе гвельфамъ подъ стѣнами этого города (10 августа). Вождь гвельфской лиги, Филиппоне Лангоско, былъ взятъ въ плѣнъ Висконти, своими наслѣдственными врагами. Генрихъ, графъ гёрцскій, пришелъ помогать Канграндe въ войнѣ съ

падуанцами и опустошалъ тревизскую марку, пока лѣтній зной не принудилъ его уйдти въ горы. Въ Калабріи и Апуліи Фридрихъ Сицилійскій, называвшій себя великимъ адмираломъ нѣмецкой имперіи, тѣснилъ Роберта. Дѣла Генриха получали хорошій оборотъ, онъ могъ надѣяться на побѣду.

Смерть императора.

Изъ Германіи ѣхала къ императору невѣста; но невѣста не нашла жениха живымъ. Генрихъ 8 августа выступилъ изъ Пизы; онъ былъ печаленъ и боленъ. Онъ направлялся къ Риму, но не могъ взять Сіэну. Его мучила сильная лихорадка, когда онъ отступилъ отъ стѣнъ этого города. Его понесли на носилкахъ въ Буонконвенто, мѣстечко неподалеку отъ Сіэны; тамъ онъ причастился и въ тотъ же день (24 августа 1313) умеръ. Его причащалъ Бернардино, монахъ доминиканскаго монастыря Монтепульчано, сосѣдняго съ Буонконвенто. Молва говорила, что Бернардино далъ ему ядъ въ святомъ причащеніи. Нѣкоторые историки вѣрятъ этому обвиненію; истина неизвѣстна намъ, но по всей вѣроятности Генрихъ умеръ просто отъ лихорадки, которая губила въ Италіи столько нѣмцевъ.—Генрихъ не понималъ своего времени, увлекался идеями исчезнувшей старины, потерпѣлъ полную неудачу въ стремленіи къ недостижимой цѣли; но Данте прославляетъ Арриго: Беатриче показываетъ поэту въ раю данный Арриго престолъ съ короной.

Послѣдствія смерти Генриха.

По смерти Генриха войско его разошлось, нѣмцы понесли въ Германію тѣло императора, и на первое время гробъ его былъ поставленъ въ соборномъ храмѣ гибеллинскаго города Пизы. Гвельфы радовались смерти Генриха, гибеллины печалились, лишившись своего защитника. Фридрихъ Сицилійскій возвратился въ свое королевство защищать его отъ нападеній Роберта. Іоаннъ Богемскій, спускавшійся съ Альпъ, вернулся въ свое государство. Графъ Гомбергъ, утомленный безуспѣшной войной и поссорившійся съ гибеллинами, возвратился въ Германію. Климентъ V объявилъ недѣйствительнымъ приговоръ, произнесенный Генрихомъ надъ королемъ неаполитанскимъ и назначилъ Роберта своимъ намѣстникомъ во всѣхъ владѣніяхъ римской каѳедры.

Междоусобія въ Италіи.

Междоусобія въ Италіи продолжались. Гибеллинскіе тираны удержали за собою власть, полученную отъ Генриха. Маттео Висконти, которому помогалъ отрядъ нѣмцевъ подъ начальствомъ графа сарбрюкенскаго, удачно сражался съ ломбардскими гвельфами, которымъ помогалъ Робертъ Неаполитанскій. Миланъ, Павія, Комо, Піаченца, Тортона, Бергамо покорились Маттео, и онъ сталъ основателемъ могущественной династіи. Кангранде делла Скала удержался въ Вичепцѣ. Падуей послѣ ожесточенной борьбы овладѣли Каррары. Въ Тосканѣ гвельфы потерпѣли тяжелую неудачу. Пизанцы назначили своимъ правителемъ знаменитаго полководца Угуччоне Фадджуолу, императорскаго намѣстника въ Генуѣ. При помощи честолюбца Каструччо Интерминелли, уроженца Лукки, Угуччоне овладѣлъ гвельфскимъ городомъ Луккой и назначилъ правителемъ тамъ

своего сына, Франческо. Робертъ, послѣ неудачной экспедиціи въ Сицилію послалъ въ Тоскану на помощь гвельфамъ своего брата Филиппа, князя тарантскаго (тарентскаго). У Филиппа было большое войско. Тосканскіе и ломбардскіе гвельфы присоединились къ нему. Графы Монтефельтре, Сантафіоре, Тарлати, усердные гибеллины, присоединились къ Угуччоне. Рѣшительная битва произошла въ низовьѣ Арно, въ ніэвольской долинѣ, гдѣ Учуччоне осаждалъ замокъ Монтекатини. Войско гвельфовъ было блестящее, но у нихъ не было дисциплины. Угуччоне держалъ свое войско въ строгомъ порядкѣ. Сраженіе было очень упорно, но плотные ряды гибеллиновъ сломили безпорядочныя толпы гвельфовъ; убитыхъ было много и у гибеллиновъ, но гораздо больше была потеря гвельфовъ. Число погибшихъ гвельфовъ простиралось до 10.000 человѣкъ пѣхоты. Были убиты Франческо, сынъ Угуччоне, и Карлотто, сынъ Филиппа Тарентскаго. Замки Монтесоммано и Монтекатини сдались побѣдителю. Блестящая побѣда ободрила гибеллиновъ всей средней и сѣверной Италіи. Но Каструччо Интерминелли и другіе могущественные люди, завидовавшіе Угуччоне, подорвали довѣріе къ нему. Народъ возсталъ противъ него, онъ былъ прогнанъ(въ апрѣлѣ 1316) и нашелъ пріютъ себѣ вмѣстѣ съ Данте при дворѣ Канграндe.

Битва при Монтекатини 29 августа 1315.

Гибеллины торжествовали; преемнику Генриха было бы легко покорить власти нѣмецкаго короля сѣверную и среднюю Италію. Но въ Германіи шло междоусобіе; два короля боролись за престолъ и нѣмецкая власть надъ Италіей пала навсегда; гвельфскія или гибеллинскія династіи, упрочившія свою власть, становились независимыми государями въ своихъ владѣніяхъ.

c) Культура Италіи въ XIV вѣкѣ.

Литература предмета. Кромѣ обширныхъ трудовъ по исторіи итальянской литературы, написанныхъ Тирабоски и Женгенѐ (Tiraboschi, Storia della litteraturo italiana; Ginguené, Histoire litéraire d'Italie), мы пользовались слѣдующими книгами: Ruth, Geschichte der italienischen Poesie, 2 тома, Leipzig, 1844; его же, Studien zu Dante Alighieri, Tübingen, 1853; Wegele, Dante Alighieris Leben und Werke, 2 изд., lena, 1865; Grieben, Dante Alighieri, Köln, 1865; Kannegiesser, Dante Alighieris prosaische Schriften, 2 тома, Leipzig, 1845; Förster, Das Neue Leben von Dante. Мы также пользовались введеніями и примѣчаніями къ переводамъ «Божественной комеіди» Филалетеса, Витте и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Изъ изслѣдованій о Петраркѣ назовемъ: Körting, Petrarcas Leben und Werke, Leipzig, 1878. Въ очеркѣ флорентійской исторіографіи мы пользовались статьею Гервинуса (въ собраніи его Historische Schriften, Frankfurt, 1883) и прекрасными критическими изслѣдованіями Шеффера-Бойхорста (Scheffer-Boichorst, Florentiner Studien, Leipzig, 1874).

Общее состояніе образованности въ Италіи.

Смерть Генриха VII разрушила всѣ надежды Данте, и онъ посвятилъ всѣ свои силы поэтической дѣятельности. Результатомъ ея была «Божественная комедія», величественная поэма, въ которой отразились всѣ стороны жизни того времени. Въ Италіи шла ожесточенная борьба партій; въ городахъ часто происходили битвы на улицахъ; войны между государствами были непрерывны; но эти бѣдствія были не такъ велики, какъ можетъ казаться намъ, живущимъ въ спокой-

ное время. Промышленность и торговля развивалась; онѣ достигли громадныхъ размѣровъ въ могущественныхъ республикахъ сѣверной и средней Италіи, въ Генуѣ, Венеціи, Миланѣ, Пизѣ, Флоренціи. Мануфактурная промышленность была очень разнообразна: выдѣлывались въ огромномъ количествѣ шерстяныя и шелковыя ткани, серебряныя и золотыя издѣлія, изящная стеклянная посуда.—Наука и искусства также развивались. Въ Падуѣ и Болоньѣ были старые, знаменитые юридическіе университеты; послѣ нихъ были основаны высшія школы во Флоренціи, Луккѣ, Феррарѣ, Моденѣ, Верчелли, Піаченцѣ, Римѣ, Неаполѣ; архитектура, ваяніе и живопись достигли большого развитія (стр. 351). Итальянскіе города удивляли иноземцевъ своимъ великолѣпіемъ. Вельможи переселились въ города (VI, 629); они слились съ богатыми оптовыми торговцами, банкирами, промышленниками; изъ этого сліянія сформировалась городская аристократія; масса горожанъ была соединена въ цехи, временами повиновалась аристократіи, временами боролась съ ней, проникаясь сознаніемъ своихъ силъ, требовала себѣ участія въ управленіи государственными дѣлами. Городскіе аристократы жили въ укрѣпленныхъ дворцахъ, подобныхъ цитаделямъ; изъ этихъ фамилій выходили вожди партій и полководцы, нерѣдко становившіеся владыками своихъ городовъ. Громадность и великолѣпіе вельможескихъ дворцовъ свидѣтельствовали о могуществѣ и богатствѣ фамилій, которымъ принадлежали они, общественныя зданія показывали могущество и богатство городовъ: великолѣпны были церкви, дворцы городскихъ совѣтовъ; рынки и площади были украшены произведеніями искусствъ. Высокое развитіе итальянской образованности выказалось въ поэзіи: въ это время Данте создалъ «Божественную комедію».

Провансальская поэзія въ Италіи.

Данте Алигьери родился во Флоренціи въ 1265, за годъ до беневентской битвы. Во всей Италіи владычествовала тогда провансальская поэзія; при блестящемъ палермскомъ дворѣ, во дворцахъ Аццо Эсте и Маласпинъ (владѣтелей Луниджанъ), при дворахъ владѣтелей Вероны и Тревизо, въ резиденціи маркграфа монферратскаго, въ роскошныхъ домахъ генуэзскихъ, флорентійскихъ, пизанскихъ, луккскихъ, феррарскихъ патриціевъ звучали пѣсни трубадуровъ.

Сорделло.

Сорделло, чей величавый образъ видитъ Данте въ чистилищѣ, жилъ при дворѣ Эццелино Романо; кажется, любовная связь съ сестрою Эццелино была причиной погибели этого знаменитаго трубадура. Провансальскій языкъ былъ общимъ языкомъ испанскихъ и итальянскихъ поэтовъ.

Чулло д'Алькамо.

Чулло д'Алькамо, котораго итальянцы называютъ основателемъ своей національной поэзіи, принадлежалъ все еще къ числу провансальскихъ трубадуровъ; разница его отъ нихъ состояла только въ томъ, что онъ вносилъ въ свои канцоны разные элементы итальянскихъ нарѣчій.

Брунетто Латини.

Эти нарѣчія были тогда еще очень близки къ провансальскому. Флорентинскій государственный человѣкъ и ученый Брунетто Латини, учитель Данте, послѣ пораженія гвельфовъ при Монтаперто (стр. 246), долго жившій въ Парижѣ, написалъ свою энциклопедію на французскомъ языкѣ, а поэму Tesoretto на итальянскомъ, но по французскимъ образцамъ. Эта поэма имѣетъ дидактическое содержаніе, облеченное въ аллегорическую форму.

Національное направленіе въ итальянской поэзіи.

Но въ годы молодости Данте ужь возникала въ средней Италіи, особенно во Флоренціи, національная поэзія, стремившаяся освободиться отъ провансальскихъ формъ и пріобрѣсти самостоятельное содержаніе. Рыцарство, бывшее источникомъ провансальской поэзіи, не проникало въ итальянскіе нравы такъ глубоко и прочно, какъ во французскіе; потому и поэзія трубадуровъ оставалась въ Италіи чужеземнымъ растеніемъ, которое могло процвѣтать, только пока на почвѣ не явились родные всходы; когда съ паденіемъ Гоэнштауфеновъ упало въ Италіи рыцарство, увяла и поэзія трубадуровъ. Въ общественной жизни развилось стремленіе къ независимости отъ иноземнаго владычества; вмѣстѣ съ этимъ и чужеземная дворская поэзія замѣнилась національной, самобытной по формѣ, по содержанію, по языку. Новый языкъ, выработавшійся изъ латинскаго, сталъ литературнымъ. Національная поэзія, имѣвшая своей родиной Тоскану, была еще не совершенно свободна отъ провансальскихъ привычекъ; въ ней еще остается много искусственной экзальтаціи, вымышленныя чувства еще преобладаютъ надъ дѣйствительными, провансальскія формы еще сохраняются; но содержаніе пѣсенъ уже серьезнѣе провансальскаго, въ немъ замѣтно вліяніе римской древности, поэты имѣютъ больше реальныхъ знаній, чѣмъ трубадуры, болѣе научное направленіе мыслей. Поэзія перестаетъ быть только развлеченіемъ высшаго общества, становится учительницей нравственности.

Гвиничелли † 1275.

Это облагороженіе поэзіи замѣтно уже у Гвидо Гвиничелли, родившагося въ Болоньѣ, но принадлежавшаго къ тосканской школѣ. Въ его пѣсняхъ нѣтъ легкомыслія трубадуровъ, онѣ имѣютъ нравственное направленіе и религіозный оттѣнокъ. Вмѣсто игры понятіями у него находимъ теплоту чувства. Брунетто Латини изложилъ свои поэтическія поученія въ аллегорической формѣ, внесъ въ свою поэму всю ученость своего времени, ввелъ въ нее элементы древней римской поэзіи; это придаетъ ей такое сходство съ „Божественной комедіей“, что ея вліяніе на поэму Данте очевидно. Впрочемъ и самъ Данте говоритъ о Брунетто Латини съ признательностью. Брунетто старался распространять въ итальянскомъ обществѣ ученыя свѣдѣнія и примѣнять древнюю науку къ потребностямъ современной жизни. Онъ былъ учителемъ флорентійцевъ въ политическихъ наукахъ. Улучшеніе содержанія поэзіи замѣтно и у другихъ флорентійскихъ поэтовъ временъ молодости Данте, у Лапо Ганни, Чино ди Пистойя и въ особенности у Гвидо Кавальканти, образованнаго вельможи, одареннаго блестящимъ краснорѣчіемъ. Много содѣйствовалъ улучшенію поэзіи Казелла, безъ сомнѣнія имѣвшій большое вліяніе на Данте.

Гвидо Кальваканти.

Современники говорятъ, что Гвидо Кальваканти улучшилъ языкъ и форму поэзіи, обогатилъ лирику новыми темами. Онъ былъ очень друженъ съ Данте. Современники восхищались его канцоной, въ которой онъ посредствомъ схоластическаго анализа понятій изслѣдуетъ сущность любви. Но болѣе серьезное право на славу пріобрѣлъ онъ тѣмъ, что ввелъ въ поэзію правдивое изображеніе дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ чувствъ, и философскій элементъ. Онъ считался эпикурейцемъ и вольнодумцемъ. Онъ былъ пятнадцатью годами старше Данте и твердостью своего характера, вѣроятно, поддерживалъ во время общихъ бѣдствій мужество въ своемъ другѣ, склонномъ къ унынію.

Исторіографія.

Исторіографія получила въ Тосканѣ такую же самостоятельность, какъ и поэзія: образованные свѣтскіе люди замѣнили монаховъ лѣтописцевъ, стали писать на родномъ языкѣ. Вскорѣ послѣ того какъ Жуанвиль во Франціи, Муntанеръ въ Каталоніи написали свои мемуары и ввели въ исторіографію народный языкъ (стр. 412), Джованни Виллани, бывшій нѣсколькими годами моложе Данте, началъ свой безсмертный историче-

скій трудъ; съ наивной болтливостью Геродота и съ многословіемъ провансальскихъ романистовъ онъ разсказываетъ въ своей хроникѣ исторію Флоренціи до 1345 года; въ разсказъ о флорентійскихъ дѣлахъ у него введена исторія всей Италіи, внесены эпизоды изъ исторіи другихъ странъ. Его братъ Маттео продолжалъ въ томъ же духѣ его хронику до 1363 года. Филиппо, сынъ Маттео, дополнилъ трудъ дяди и отца „Біографіями знаменитыхъ флорентійцевъ“. Джованни и Маттео Виллани были люди разсудительныхъ мнѣній, чуждые фантазерства Данте, смотрѣли на событія съ точки зрѣнія интересовъ промышленности, торговли, мирнаго благосостоянія. Когда партія простолюдиновъ (popolani) пріобрѣла преобладаніе во Флоренціи, политическое искусство прежнихъ гвельфовъ стало падать. Слѣды этого упадка видны у Донато Веллути, современника Джованни Виллани. Въ хроникѣ Веллути съ мелочной важностью разсказываются ничтожныя интриги и дипломатическіе переговоры. У позднѣйшихъ лѣтописцевъ, Буонинсеньи, Горо Дати, Морелли, энергическій патріотизмъ замѣняется національнымъ тщеславіемъ; частные интересы для нихъ важнѣе общихъ; они расположены забывать о современныхъ событіяхъ, увлекаясь разсказами о старинѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи исторіографія поднялась изъ своего упадка: Джино Капони и Джованни Кавальканти пишутъ въ духѣ истиннаго патріотизма, высказываютъ широкія политическія понятія.

Малеспини † 1281.

Отцомъ итальянской исторіографіи на родномъ языкѣ считался Рикордано Малеспини. Но теперь Шефферъ-Бойхорстомъ доказано, что «Флорентійская исторія», которую приписывали Малеспини, поддѣлка, составленная на основаніи хроники Виллани. Шефферъ-Бойхорстъ считаетъ поддѣлкой и флорентійскую хронику, которая приписывалась Дино Компаньи; итальянскіе ученые возражали Бойхорсту; но доводы ихъ слабы.—Такимъ образомъ, авторъ первой флорентійской исторіи на родномъ языкѣ—Джованни Виллани. По поводу итальянскихъ событій, онъ говоритъ и о восточныхъ, о французскихъ, объ англійскихъ.—Онъ былъ гвельфъ, демократъ, потому судитъ о Данте строго, называетъ его человѣкомъ тщеславнымъ, упрямымъ и неуживчивымъ.—По полнотѣ разсказа хроника Виллани похожа на повѣсть; благодаря тому она была очень популярна. Джованни Виллани былъ государственный человѣкъ, бывалъ въ Римѣ, Неаполѣ, во Франціи, Фландріи, обладалъ всей ученостью своего времени, былъ честный партіотъ, человѣкъ миролюбивый. Онъ очень много говоритъ о финансахъ Флоренціи. Маттео Виллани, продолжатель его труда, походилъ на него честностью и патріотизмомъ. Маттео жалуется на упадокъ гражданскихъ добродѣтелей, на преобладаніе простолюдиновъ, на то, что въ ихъ неопытныхъ рукахъ государственныя дѣла идутъ плохо. Первой причиной упадка онъ считаетъ ужасную чуму 1348 года, когда смерть множества людей сосредоточила громадныя богатства въ однѣхъ рукахъ. Эта мысль была не лишена справедливости, какъ видимъ изъ хроники Донато Веллути, который принадлежалъ къ старинной фамиліи, чрезвычайно разбогатѣвшей послѣ чумы, но держался демократической партіи, занималъ важныя должности, часто бывалъ посланникомъ. Онъ, какъ мы говорили, съ важностью разсказываетъ о своихъ мелочныхъ дипломатическихъ переговорахъ, такъ что очевидна ограниченность понятій флорентійскихъ правителей того времени; они занимались только надобностями текущаго дня, не думая о будущемъ, дѣйствовали мелкими, недостаточными средствами и слишкомъ надѣялись на то, что при единодушіи гражданъ и возростающемъ богатствѣ Флоренціи всегда могутъ найдти способы удовлетворить всякой надобности, какая представится.—Съ Буонинсеньи исчезаютъ во флорентійской исторіографіи широкія историческія и политическія понятія. У Буонинсеньи нѣтъ ни таланта разскащика, какъ у Виллани, ни простодушія, какое часто находимъ у Веллути. Онъ излагаетъ мѣры правительства и разсказываетъ, какъ судили о нихъ люди разныхъ партій, но своего мнѣнія не имѣетъ. Пріятное впечатлѣніе въ его хроникѣ производитъ горячій патрі-

Компаньи † 1323.

Джованни Виллани. † 1348.

Маттео Виллани † 1364.

Донато Веллути.

Буонинсеньи.

отизмъ.—Горо Дати, знаменитый ученый, поэтъ и государственный человѣкъ, написалъ исторію Флоренціи въ формѣ разговора. Основныя черты разсказа у него правдивы, но одѣты въ ребяческую форму разговорнаго пустословія. Онъ честенъ, разсудителенъ, но превозноситъ все во Флоренціи: мужчинъ, женщинъ, праздники, мѣстность города; кругозоръ его очень узокъ. Онъ поклонникъ старины. Подобно ему, превозноситъ старину Морелли, разсказъ котораго добросовѣстенъ, но отрывоченъ, безпорядоченъ, плохъ. Впрочемъ, онъ хорошо понимаетъ жизнь и людей, дѣлаетъ много разсудительныхъ замѣчаній, хвалитъ честность и скромность.—Обширная хроника Коппо Стефани, служащая продолженіемъ труда Маттео Виллани, важна по богатству свѣдѣній, но написана плохо.

Горо Дати.

Морелли.

Коппо Стефани.

Таковъ былъ характеръ образованности во Флоренціи, когда началъ свою великую дѣятельность Данте. Подобно своему современнику Джованни Виллани, онъ, опечаленный раздорами настоящаго, сожалѣлъ о прошломъ, когда владычествовали въ Италіи императоры. Данте прославляетъ своего предка Каччагвиду, который участвовалъ въ крестовомъ походѣ Конрада III, былъ возведенъ въ рыцари самимъ королемъ и геройски умеръ въ битвѣ съ сарацинами („Рай“ XV, 88). Тогда было гораздо лучше, нежели теперь, когда Италія подобна кораблю безъ руля въ жестокую бурю; она не царица странъ, а домъ позора („Чистилище“ VI, 76). Когда Данте, учившійся юриспруденціи въ Болоньѣ и Падуѣ, возвратился въ родной городъ и принялъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, во Флоренціи господствовали гвельфы, къ партіи которыхъ принадлежало и его семейство. Но простолюдины, сплотившіеся въ цехи, уже требовали владычества себѣ. Кто хотѣлъ имѣть политическое значеніе, долженъ былъ записаться въ какой нибудь цехъ. Потому Данте поступилъ въ цехъ врачей и аптекарей. Онъ сражался въ кровопролитной битвѣ при Кампальдино, въ которой флорентійцы разбили гражданъ гибеллинскаго города Ареццо и гибеллиновъ, изгнанныхъ изъ Флоренціи. Гордясь побѣдой, вожди гвельфской партіи, люди знатныхъ фамилій, стали высокомѣрны; это произвело раздоры. Старшины (пріоры) цеховъ одержали верхъ надъ аристократами (впрочемъ вождемъ демократовъ былъ вельможа Джано делла Белла). Побѣдители устранили аристократовъ (грандовъ) отъ всѣхъ должностей. Это произвело новые раздоры. Въ 1294 году Джано Белла былъ изгнанъ. Флоренція дѣлилась тогда на двѣ партіи. Гвельфы, остававшіеся твердыми въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, назывались Черными; Бѣлые сблизились съ гибеллинами. Между этими партіями шла ожесточенная борьба.—Въ XXX пѣснѣ „Чистилища“ Беатриче упрекаетъ Данте въ уклоненіи съ прямого пути, въ увлеченіи призраками; потому должно полагать, что Данте нѣсколько времени велъ безпорядочную жизнь.—Беатриче, какъ говорятъ, была дочь флорентійскаго гражданина Фолько Портинари, которую Данте мелькомъ видѣлъ, когда она была очень молодой дѣвушкой; она вышла за Симоне Барди и умерла въ молодости. Эта дѣйствительная Беатриче не имѣетъ кромѣ имени ничего общаго съ тою Беатриче, которая является въ „Божественной комедіи“ путеводительницей Данте по раю. Вѣроятно любовь къ Беатриче не имѣла никакого значенія въ дѣйствительной жизни Данте, получила важность лишь какъ вымыселъ его старости; вѣроятно его фантазія придала серьезность мимолетному впечатлѣнію молодости. Беатриче „Божественной комедіи“—отголосокъ поэзіи трубадуровъ, воспѣвавшей фантастическую любовь къ вымышленной дамѣ сердца. Около того времени, когда Данте, по его словамъ, былъ влюбленъ въ Беатриче, онъ женился на Джеммѣ Манельто, родственницѣ Донати, вождей гвельфской партіи. Говорятъ, что бракъ Данте былъ несчастенъ: но это не основано ни на чемъ, кромѣ того, что у него нѣтъ упоминаній о женѣ. Онъ имѣлъ нѣсколько сыновей; дочь его была монахиней въ Равеннѣ.

Данте 1265—1321.

1289.

«Новая жизнь» Въ послѣднее десятилѣтіе XIII вѣка борьба партій во Флоренціи достигла страшнаго ожесточенія. Битвы на улицахъ были обыкновенными случаями. Одолѣвали то Черные, то Бѣлые. Данте и его другъ Гвидо Кавальканти принадлежали къ Бѣлымъ. Донати были вождями Черныхъ. Данте пришелъ къ убѣжденію, что спасти Италію можетъ только возстановленіе власти императоровъ, эта мысль стала основной его идеей. Онъ почувствовалъ себя будто очнувшимся отъ тяжелаго бреда. Его политическая жизнь получила твердую цѣль. Съ этимъ переворотомъ убѣжденій совпала смерть Беатриче, идеализированной молодой дѣвушки, которую любилъ онъ въ юности. Мысль о возстановленіи римской имперіи и мысль о Беатриче слились у него въ одинъ идеалъ; символическимъ выраженіемъ сочетанія ихъ явилась „Новая жизнь“, произведеніе, написанное на тосканскомъ нарѣчіи и посвященное Гвидо Кавальканти.

«Новая жизнь», Vita Nuova,—рядъ сонетовъ и канцонъ, сопровождаемыхъ комментаріемъ, написаннымъ прозой. Эти лирическія пьесы—идеализированные разсказы изъ жизни Данте. Онѣ—пѣсни любви; но любовь въ нихъ получаетъ аллегорическій, мистическій смыслъ, подъ вліяніемъ платоновскихъ идей и христіанскаго ученія. Подъ оболочкой мистики и схоластики, «Новая Жизнь» прославляетъ ожидаемое поэтомъ возстановленіе римской имперіи, истиннаго царства Божія на землѣ.

Римскій юбилей 1300 года. Начало новаго столѣтія составило важную эпоху въ жизни Данте. Бонифацій VIII буллой отъ 22 февраля 1300 года обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто въ теченіе этого года посѣтитъ римскія базилики Петра и Павла. Въ Римъ пошли отовсюду громадныя массы богомольцевъ. Говорятъ, что каждый день входили и выходили черезъ римскія ворота и мосты до 30.000 пилигримовъ. Улицы города были наполнены толпами народа. Въ числѣ богомольцевъ былъ, кажется, и Данте. Пасхой этого года начинается „Божественная комедія“.—Очень можетъ быть, что впечатлѣніе, произведенное на Данте юбилеемъ, содѣйствовало возникновенію мысли о поэмѣ, въ которой, какъ въ процессіи, мѣняются передъ нами лицо за лицомъ. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что юбилей имѣлъ связь съ началомъ литературнаго труда другого флорентинца, Джованни Виллани, въ „Хроникѣ“ котораго читаемъ: „Въ 1300 году, возвратившись изъ Рима, я началъ писать эту книгу во славу Бога и Іоанна Предтечи“—покровителя Флоренціи—„и въ честь нашему городу Флоренціи“.

Посольство и изгнаніе Данте. Флорентинская республика переживала тогда опасный кризисъ. Вражда между партіями дошла до такого ожесточенія, что пріоры, однимъ изъ которыхъ былъ Данте, нашли необходимымъ изгнать нѣкоторыхъ вождей партій,—въ томъ числѣ Корсо Донати, вождя Черныхъ, и Гвидо Кавальканти, вождя Бѣлыхъ. Черезъ нѣсколько времени Кавальканти получилъ разрѣшеніе возвратиться, потому что заболѣлъ въ болотистой Сарцанѣ, гдѣ жилъ въ изгнаніи. Черные жаловались на пристрастіе; негодовали въ особенности на Данте, вліянію котораго приписывали милость, полученную его другомъ. Вскорѣ Кавальканти умеръ; но это не уменьшило вражды Черныхъ къ Данте. Корсо Донати поѣхалъ въ Римъ, дѣйствовать тамъ въ пользу своей партіи. Во Флоренціи между тѣмъ продолжались волненія. Папа объявилъ, что Карлъ Валуа пойдетъ успокоить ихъ. Это возбудило въ Бѣлыхъ опасеніе за независимость Флоренціи. Они отправили въ Римъ посольство протестовать противъ похода Карла Валуа. Главою посольства былъ Данте. Оно не имѣло успѣха (стр. 299). Карлъ Валуа вступилъ во Флоренцію; съ нимъ возвратились Корсо Донати и другіе изгнанные Черные, подвергли Бѣлыхъ преслѣдованію. Данте, еще остававшійся въ Римѣ, и многіе другіе

Январь 1302. Черные были осуждены на изгнаніе. Данте никогда не могъ простить

папскому правительству того, что оно отдало Флоренцію во власть Черныхъ; и въ особенности онъ ненавидѣлъ Бонифація VIII; онъ говорилъ, что въ Римѣ „каждый день продаютъ Христа“. Ему пришлось испытать то, что говоритъ у него Беатриче: „Ты покинешь все милое тебѣ; ты узнаешь, какъ солонъ чужой хлѣбъ, какъ тяжело ходить по чужимъ лѣстницамъ“. Онъ и его товарищи отправились въ Ареццо; кажется, они хотѣли собрать тамъ отрядъ войска, идти на Флоренцію. Но подеста города Ареццо запретилъ имъ враждебныя дѣйствія противъ Флоренціи. Данте и его товарищи были изгнаны только на два года. Но Черные, конфисковавшіе ихъ имущества, противились ихъ возвращенію. Въ іюлѣ 1304 они сдѣлали нападеніе на Флоренцію, были отбиты и осуждены на пожизненное изгнаніе. Всю остальную жизнь Данте провелъ изгнанникомъ, тоскуя по родинѣ. Онъ нашелъ себѣ пріютъ сначала въ Луниджанѣ у маркграфа Морелли Маласпины, потомъ въ Казертинской долинѣ, въ верховьѣ Арно, у Гвидо Сальватико. Онъ ѣздилъ посланникомъ своей партіи въ Верону къ Бартоломео делла Скала, главѣ могущественной гибеллинской династіи, овладѣвшей почти всѣми областями, принадлежавшими Эццелино. Около этого времени (въ 1308 году) умерли отъ чумы во Флоренціи жена и два младшіе сына Данте. Незадолго передъ тѣмъ, при посредничествѣ папскаго легата, изгнанники вели въ Муджелло переговоры съ Черными; Данте участвовалъ въ этомъ конгрессѣ; Бѣлые держали себя неблагоразумно, переговоры разстроились. Въ негодованіи на безразсудство своей партіи, Данте устранился отъ нея, остался друженъ только съ поэтомъ Чино ди Пистойя, тоже гибеллиномъ, жившимъ въ изгнаніи.

«Пиръ».

Есть извѣстія, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего изгнанія Данте поѣхалъ въ Парижъ и долго жилъ тамъ; но они не достовѣрны. Вѣроятно между 1306 и 1310 годами написалъ онъ «Пиръ», il Convito, произведеніе и по формѣ и по содержанію родственное «Новой жизни». Это рядъ четырнадцати канцонъ и комментарій къ первымъ тремъ. Канцоны—кушанья, которыми онъ угощаетъ друзей, а комментарій—хлѣбъ для этого пира. Данте хотѣлъ написать комментарій ко всѣмъ 14 канцонамъ, но эта работа осталась не кончена; быть можетъ, онъ бросилъ ее при извѣстіи, что Генрихъ VII идетъ въ Италію. Данте хотѣлъ показать, что его канцоны имѣютъ смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ кажется людямъ, останавливающимся на буквальномъ значеніи словъ; съ этой цѣлью онъ набираетъ груды ученыхъ объясненій; значеніе аллегоріи въ «Новой жизни» ясно; въ «Пирѣ» оно затуманено схоластикой. Та красавица, donna gentilissima, о которой говорятъ канцоны «Новой жизни», сохраняетъ характеръ женщины, Беатриче; donna gentile канцонъ «Пира»—абстрактное понятіе, олицетвореніе разума, аристотелевскаго понятія о нравственности, превращающагося въ божественную мудрость, которая озаряетъ все своимъ сіяніемъ. Трудно рѣшить, въ чемъ состояла цѣль «Пира» Данте. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, онъ хотѣлъ популяризировать ученыя свѣдѣнія, написать для людей, не знающихъ латинскаго языка, нѣчто въ родѣ энциклопедіи; по мнѣнію другихъ, онъ хотѣлъ прикрыть изложеніе своихъ политическихъ мнѣній схоластической ученостью.

«О народномъ языкѣ».

Нѣкоторую связь съ «Пиромъ» имѣетъ латинскій трактатъ «О народномъ языкѣ,» De vulgari eloquio. Данте доказываетъ въ немъ, что ученые напрасно презираютъ итальянскій языкъ, что онъ лучше другихъ новыхъ европейскихъ языковъ; разсматривая происхожденіе итальянскихъ нарѣчій, онъ находилъ доводы въ пользу своихъ понятій о выработкѣ литературнаго языка. Кромѣ того, онъ излагаетъ правила для разныхъ отраслей новой поэзіи. Этотъ трактатъ остался тоже неконченнымъ. Политическія убѣжденія Данте отражаются и въ немъ: какъ всему въ Италіи, такъ и языку сильно повредило паденіе императорской власти, говоритъ Данте; если бы существовалъ императорскій дворъ, и если бъ при немъ говорили на итальянскомъ языкѣ, еслибъ онъ былъ сдѣланъ языкомъ правительства и судопроизводства, онъ быстро улучшился бы; народ-

ный языкъ, подобно благосостоянію народа, нуждается въ возстановленіи императорской власти. Римское нарѣчіе Данте находитъ очень дурнымъ; но и тосканское не можетъ быть признано за образцовое; никакое нарѣчіе не должно служить исключительной основой литературнаго языка; онъ долженъ имѣть такой характеръ, чтобы всѣ итальянцы находили его своимъ общимъ языкомъ.

Политическія убѣжденія Данте.

Политическія убѣжденія въ годы изгнанія Данте получили мистическій характеръ, и когда Генрихъ Люксембургскій пошелъ въ Италію, Данте мечталъ о томъ, что императоръ будетъ владыкой вселенной. Гибеллины, какъ мы знаемъ, ждали Генриха съ увѣренностью въ побѣдѣ. Данте писалъ латинскія посланія, въ которыхъ библейскимъ языкомъ привѣтствовалъ „спасителя Италіи“, какъ второго Моисея, убѣждалъ его идти въ Тоскану, предвѣщалъ его мщеніе своему невѣрному родному городу, предсказывалъ Флоренціи судьбу Сагунта. Пророческій тонъ этихъ посланій производилъ сильное внечатлѣніе. Политическія мысли Данте, подобно воспоминаніямъ его о Беатриче, приняли религіозное направленіе. Знаменитый трактатъ „о монархіи“, написанный Данте во время итальянскаго похода Генриха, служитъ изложеніемъ этой фантастичной политики поэта. Онъ написанъ на латинскомъ языкѣ. Данте доказываетъ, что всемірная монархія необходима для блага человѣчества; эта монархія—имперія римскаго народа; онъ передалъ свою власть императору; такимъ образомъ, императоръ получаетъ свою власть вовсе не отъ папы; имперія основана раньше, чѣмъ римская церковь; она освящена самимъ Богомъ, и вѣчное существованіе ея установлено божественною волей. Когда нѣтъ императора, человѣчество уклоняется отъ истиннаго пути, разрушается царство Божіе на землѣ. Императоръ, по теоріи Данте, такой же владыка всѣхъ народовъ, какъ папа по теоріи Григорія VII, которую пытался осуществить Бонифаціи VIII. Этотъ фантастическій императоръ, резиденціею котораго долженъ быть Римъ,—верховный повелитель народовъ, съ отеческой любовью правящій ими, охраняющій порядокъ, спокойствіе, справедливость и свободу.

«О монархіи».

Дѣятельность Данте по смерти Генриха VII.

Но надежды гибеллиновъ не сбылись; Генрихъ неожиданно умеръ, и положеніе ихъ стало хуже прежняго. Чино ди Пистойя, сопровождавшій Генриха въ Римъ, написалъ двѣ пѣсни скорби о его смерти; мы ужь говорили о томъ, какъ прославлялъ память Генриха Данте, для котораго смерть его была личнымъ несчастіемъ: флорентійцы, оскорбленные тѣмъ, что Данте совѣтовалъ Генриху подвергнуть Флоренцію разрушенію, возобновили въ болѣе рѣзкой формѣ приговоръ, осуждавшій врага родины на вѣчное изгнаніе. Данте сталъ приверженцемъ вождя пизанскихъ и луккскихъ гибеллиновъ, Угуччоне Фаччолы; Людвигъ Баварскій, сдѣлавшись королемъ нѣмецкимъ, поддерживалъ Фаччолу, и при помощи флорентійскихъ Бѣлыхъ онъ разбилъ подъ Монтекатини полководца тосканскихъ гвельфовъ, Роберта Неаполитанскаго (стр. 717) Данте жилъ тогда въ Луккѣ и горевалъ о томъ, что Людвигъ не идетъ въ Римъ, что столица имперіи остается печальной вдовой. Черезъ годъ послѣ побѣды при Монтекатини, Фаччола лишился владычества надъ Пизой и Луккой; флорентійцы избавились отъ опаснѣйшаго своего врага; люди умѣреннаго образа мыслей убѣдили ихъ дать амнистію изгнанникамъ, хлопотали и за Данте, добились того, что было рѣшено: дозволить ему возвратиться, если онъ заплатитъ штрафъ и формально заявитъ раскаяніе. Гордый поэтъ отвѣчалъ письмомъ къ флорентійскому правительству, что не подвергнетъ себя такому униженію, и отправился къ Канграндe делла Скала, властителю Вероны, единственному гибеллину, сохранившему свое могущество.

Послѣдніе годы жизни Данте.

Дворъ Канграндe делла Скала былъ пріютомъ многихъ изгнанныхъ приверженцевъ императора. Тамъ нашелъ прибѣжище себѣ и старшій

сынъ поэта, юристъ Піэтро, поселился при его дворѣ и Фаччола. Данте надѣялся теперь исключительно на Кангранде, воображалъ, что онъ будетъ спасителемъ Италіи, то-есть истребитъ гвельфовъ. Но эта надежда не сбылась. Проживъ у Кангранде четыре года, Данте отправился въ Равенну по приглашенію графа Гвидо Новелло Поленты, владычествовавшаго въ этомъ городѣ. Онъ надѣялся, что флорентійцы по уваженію къ его поэтической славѣ попросятъ его возвратиться на родину и „украсятъ лавровымъ вѣнкомъ на берегу Арно сѣдые волоса, бывшіе тамъ русыми“. Онъ не дождался этого и умеръ изгнанникомъ въ Равеннѣ 21 сентября 1321; ему было тогда 56 лѣтъ и 4 мѣсяца. Онъ до конца остался вѣрнымъ своему идеалу бойцомъ за изчезнувшій порядокъ дѣлъ, за фантомъ, ставшій ужь непонятнымъ для его современниковъ. Гвидо Новелла, племянникъ Франчески ди Римини, прославленной имъ, и Остазіо, преемникъ Гвидо Новелло, хранили его прахъ, какъ сокровище, не согласились отдать его гробъ флорентійцамъ, желавшимъ, чтобы великій поэтъ имѣлъ могилу въ родномъ городѣ. Легатъ Іоанна XXII требовалъ по порученію папы, чтобы ему выдано было для сожженія тѣло „проклятаго волшебника, хулителя папъ, распространителя еретическихъ мнѣній“. Понятно, что легатъ получилъ отказъ.—Въ Равеннѣ Данте докончилъ свою „Божественную комедію“, Commedia Divina, надъ которой работалъ съ юбилейнаго года. Первыя двѣ части ея „Адъ“ и „Чистилище“ были извѣстны публикѣ еще до переселенія его въ Равенну; третью часть, „Рай“ онъ послалъ изъ Равенны въ Верону къ Кангранде, съ письмомъ, въ которомъ посвящаетъ ее своему покровителю. Въ этой великой поэмѣ, сдѣлавшей своего автора отцомъ итальянской поэзіи, соединены и вполнѣ развиты мысли и чувства, которыя были порознь изложены въ прежнихъ его произведеніяхъ; съ геніальной силой онъ высказалъ въ ней свои воспоминанія о любви, свои религіозныя и политическія убѣжденія, связалъ все это въ одну систему и создалъ твореніе, дивное по благозвучію языка, по изяществу художественной формы и по глубокомыслію содержанія, охватывающему высшіе вопросы человѣческаго мышленія. Поэма имѣетъ видъ разсказа о путешествіи Данте по тремъ царствамъ загробной жизни, аду, чистилищу и раю; они нерѣдко были изображаемы въ прежней средневѣковой поэзіи, особенно въ религіозныхъ драмахъ. Данте передаетъ то, что видѣлъ въ этихъ царствахъ и слышалъ отъ умершихъ, которыхъ находилъ тамъ; присоединяетъ къ своему разсказу о нихъ воспоминанія изъ собственной жизни; а въ основаніи всего разсказа лежитъ у него теорія политическаго и религіознаго устройства, необходимаго для того, чтобы люди могли исполнить свое предназначеніе въ земной жизни и чтобы эта жизнь была подготовкою къ пріобрѣтенію райскаго блаженства; теорія Данте состоитъ въ томъ, что всѣ бѣдствія человѣчества произошли отъ стремленія папъ къ мірскому владычеству и паденія императорской власти, что для спасенія людей въ здѣшней и загробной жизни необходимо возстановленіе имперіи, возвращеніе папъ къ исполненію ихъ духовныхъ обязанностей.

«Божественная Комедія».

Развитію силъ поэтическаго генія Данте очень много способствовала его общественная дѣятельность: подобно греческимъ и римскимъ писателямъ, онъ воспитался въ школѣ жизни, пріобрѣлъ богатый запасъ опыта, служа государству: политическая жизнь тяжкими испытаніями укрѣпила и очистила силы его души. Онъ съ молодости участвовалъ въ войнахъ и политическихъ дѣлахъ Флоренціи; но съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ усердно занимался чтеніемъ; его произведенія показываютъ удивительную обширность его знаній по всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Важнѣе всего однако жь была для его развитія политическая дѣятельность; она составляетъ основу его великой поэмы, она дала историческій и эпиче-

скій матеріалъ для этого творенія; въ ней пріобрѣлъ онъ свои понятія объ отношеніяхъ между государями и народами, церковью и государствомъ, правахъ и обязанностяхъ людей разныхъ сословій; она разширила его умственный горизонтъ. Въ «Божественной Комедіи» эти понятія облечены поэтической формой; систематичнѣе изложены они въ его трактатѣ «О монархіи», составляющемъ одно изъ главныхъ пособій для разъясненія его поэмы; другимъ пособіемъ для этого служатъ его письма. Въ хаосѣ междоусобій и мятежей Данте находилъ установленіе императорской власти единственнымъ средствомъ спасенія Италіи отъ военнаго опустошенія, отъ деспотизма церкви и свирѣпыхъ мелкихъ тирановъ; ему казалось, что только императоръ можетъ объединить Италію, дать ей могущество, хорошіе законы и свободу; императоръ воображался ему владыкою вселенной, стоящимъ выше всѣхъ государей и сословій, потому свободнымъ отъ всякихъ пристрастій, заботящимся лишь о всеобщемъ благѣ; другой сплой, создающей благо народовъ, будетъ, по мнѣнію Данте, церковь, когда она будетъ устранена отъ всякаго вмѣшательства въ мірскія дѣла, ограничится только заботами о душевномъ спасеніи людей. Эту основную идею Данте облекъ мистической формой во вкусѣ своего времени, выразилъ длиннымъ рядомъ величественныхъ образовъ, встрѣчающихся ему въ путешествіи по аду, чистилищу и раю. Онъ полагаетъ, что должны быть два правителя человѣческой жизни, отвѣтственные только передъ Богомъ, императоръ, создающій земное счастіе людей мудрыми учрежденіями, устроенными по ученіямъ философовъ, и папа, ведущій людей по христіанскому ученію къ истинной вѣрѣ и добродѣтели, дѣлающій ихъ достойными небеснаго блаженства. Потому Данте избралъ себѣ два символическіе образа, ведущіе его въ поэтическомъ путешествіи; одинъ изъ нихъ Виргилій, прославляющій въ своей эпопеѣ римскую имперію и Августа, перваго императора, описывающій и подземное царство въ разсказѣ о нисхожденіи Энея въ адъ; другой образъ, ведущій его,—Беатриче, олицетвореніе его юношеской любви, служащее символомъ божественной любви и откровенной Богомъ вѣры. Виргилій ведетъ своего ученика Данте въ той части его пути, которая относится къ земнымъ дѣламъ, показываетъ ему въ аду печальныя послѣдствія сопротивленія божественному порядку, тиранства, мятежа, алчности, всѣхъ грѣховъ, мѣшающихъ мирному развитію рода человѣческаго. Въ чистилищѣ Данте видитъ дѣйствія благодати, которую церковь получила отъ Бога и посредствомъ которой она возвращаетъ на путь истинной жизни людей, не совершенно испорченныхъ, а подвергавшихся лишь временному увлеченію страстями. На вершинѣ горы очищенія, въ земномъ раю, Виргилій передаетъ Данте новой путеводительницѣ, Беатриче; Данте видѣлъ символическую исторію церкви до его времени; въ ней много дурного; Беатриче утѣшаетъ его увѣреніемъ, что скоро явится избавитель, который возстановитъ законный порядокъ; Данте съ своей руководительницей возносится влеченіемъ души на небо, возлетаетъ по небесному раю съ планеты на планету, черезъ сферу неподвижныхъ звѣздъ, и видитъ въ славѣ блаженства тѣхъ людей, которые въ земной своей жизни содѣйствовали развитію мірского и духовнаго счастія рода человѣческаго; это — мудрые законодатели, великіе императоры и государственные люди, отцы церкви, богословы, мученики, бойцы за вѣру; наконецъ онъ видитъ сонмъ блаженныхъ, окружающихъ Тріединаго Бога, и восторженно изображаетъ идеалъ духовнаго и мірского устройства, осуществленіе котораго желалъ бы видѣть на землѣ, за который боролся всю жизнь всѣми силами души своей.

Данте назвалъ свою Эпопею „комедіею“; это слово означало „поэма, написанная не на латинскомъ, а на народномъ языкѣ“; слово „божественная“ прибавлено къ названію поэмы уваженіемъ потомства. Каждая часть поэмы состоитъ изъ 33 пѣсень; первая пѣснь служитъ введеніемъ; такимъ образомъ, поэма состоитъ изъ 100 пѣсень. Она написана терцинами, — строфами изъ трехъ стиховъ, съ тройными риѳмами, переходящими изъ одной строфы въ другую. „Адъ“ раздѣленъ на девять круговъ; „Чистилище“ тоже имѣетъ девять отдѣленій: передній дворъ, семь террассъ и, на верху Горы очищенія, земной рай. Небесный рай состоитъ изъ девяти вращающихся сферъ, надъ которыми высится неподвижный Эмпирей, гдѣ

находится престолъ Божій. „Божественная комедія“ соединяетъ въ себѣ элементы эпоса, драмы и дидактической поэмы; она—произведеніе совершенно оригинальное по формѣ, и художественное достоинство ея очень высоко. По выраженію самого Данте, въ ея созданіи участвовали небо и земля. Она быстро сдѣлалась любимымъ чтеніемъ итальянцевъ; всѣ восхищались ею. Изданія ея безчисленны. Было написано множество комментаріевъ къ ней; великіе философы и богословы трудились надъ разъясненіемъ темныхъ мѣстъ, которыхъ въ ней очень много; темнота происходитъ частью отъ того, что Данте вложилъ въ свою поэму всю ученость среднихъ вѣковъ, наполнилъ ее глубокомысленными мистическими и схоластическими афоризмами; другая причина темноты—множество краткихъ упоминаній о современныхъ событіяхъ и лицахъ; очень затемненъ смыслъ многихъ мѣстъ и тѣмъ, что мысли облечены съ аллегорическую форму. Итальянцы справедливо гордятся „Божественной комедіей“; ей много обязана итальянская поэзія своей славой у другихъ народовъ. Послѣдующія поколѣнія видѣли въ Данте великаго патріота, твореніе котораго отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, ихъ національную жизнь.

Вліяніе Данте на итальянскую литературу.

Съ появленіемъ поэмы Данте начался въ Италіи новый періодъ литературы, длившійся болѣе двухъ столѣтій. «Божественная комедія» прекратила владычество латинскаго языка въ литературѣ, вытѣснила изъ нея другія итальянскія нарѣчія, установила національный языкъ. Въ итальянской поэзіи долго оставались видны слѣды вліянія провансальской поэзіи, но Данте указалъ итальянскимъ писателямъ на римскихъ; итальянская литература получила отъ него направленіе, по которому непзмѣнно пошла: Виргилій является руководителемъ Данте по аду и чистилищу. Петрарка былъ восторженный поклонникъ Виргилія, подражалъ римскимъ писателямъ; подъ его вліяніемъ итальянцы стали усердно изучать классическую литературу.

Петрарка 1304—1374.

Отецъ Петрарки былъ изгнанъ изъ Флоренціи вмѣстѣ съ Данте. Петрарка родился въ Ареццо 20 іюля 1304 года. Отецъ его съ своимъ семействомъ долго жилъ въ Анчизѣ, неподалеку отъ Флоренціи; но смерти Генриха VII потерялъ надежду возвратиться въ родной городъ и отправился въ Авиньіонъ, искать себѣ службы при папскомъ дворѣ. Петрарка учился въ Авиньіонѣ и Карпантра, потомъ въ Монпелье и Болоньѣ. Отецъ хотѣлъ, чтобъ онъ былъ юристомъ; но юридическія знанія казались слишкомъ сухи пылкому юношѣ; когда смерть отца (въ 1326 году) освободила его отъ принужденія, онъ сталъ заниматься изученіемъ классиковъ. Около того же времени сталъ онъ писать эротическія пѣсни въ духѣ провансальской поэзіи, любовью къ которой проникся въ странѣ, бывшей родиной ея. Чтобъ имѣть средства къ жизни и досугъ для ученыхъ и поэтическихъ трудовъ, онъ поступилъ въ духовное званіе, хотя оно вовсе не соотвѣтствовало его склонностямъ: онъ любилъ свѣтское веселье, былъ страстный поклонникъ женщинъ. Впрочемъ, общественное мнѣніе не стѣсняло тогда духовенство въ этомъ отношеніи, а при папскомъ дворѣ нравы были очень свободные. Петрарка велъ веселую жизнь. Славу у потомства онъ пріобрѣлъ не латинскими учеными трактатами, имѣвшими большое значеніе для современниковъ, не „Африкою“, поэмой о третьей пунической войнѣ, и другими латинскими стихотвореніями, за которыя былъ увѣнчанъ въ Капитоліѣ, а сонетами о Лаурѣ, которые до сихъ поръ остаются для итальянцевъ

дивными образцами мелодическаго языка. Ученые не могли рѣшить, кто была та Лаура, которую тридцать лѣтъ воспѣвалъ Петрарка и смерть которой оплакивалъ онъ; по мнѣнію однихъ, она была дѣвушка; по изслѣдованіямъ другихъ — жена Гюга де Сада, мать нѣсколькихъ дѣтей; нѣкоторые полагаютъ, что она — не дѣйствительное, а идеальное лицо. Несогласны между собой ученые и въ томъ, считать ли пѣсни Петрарки о Лаурѣ выраженіями дѣйствительнаго чувства, отголосками фактическихъ отношеній, или произведеніями поэтическаго вымысла. У провансальскихъ поэтовъ воображеніе играло очень большую роль въ любовныхъ пѣсняхъ; возможно, что и Лаура Петрарки — лицо вымышленное, являющееся то женщиной, то олицетвореніемъ поэтической славы (лавроваго вѣнка, лавра). Какъ бы то ни было, но пѣсни Петрарки о Лаурѣ нѣсколько вѣковъ оставались предметомъ восхищенія итальянцевъ и провансальцевъ; много поклонниковъ и поклонницъ его посѣщало ту мѣстность у Воклюзскаго фонтана, въ которой воспѣвалъ онъ свою любовь къ Лаурѣ.

Пѣсни Петрарки—лучшее созданіе средневѣковой лирики. Тема всѣхъ этихъ сонетовъ и канцонъ одна и та же; но въ нихъ высказываются всѣ фазисы, проходимые чувствомъ любви, потому въ нихъ гораздо меньше однообразія, чѣмъ можно было бъ ожидать при одинаковости темы. Въ пѣсняхъ перваго періода выражается юношеская пылкость чувства; потомъ поэтъ груститъ, что вѣрность милой правиламъ скромности не дозволяетъ ей отвѣчать любовью на его любовь; во второмъ періодѣ у него присоединяются къ этой грусти упреки собственной совѣсти; онъ хочетъ угасить огонь страсти, пылающей въ его душѣ; но только увеличиваетъ силу своихъ страданій; жалобныя пѣсни его разносятся по долинѣ. Въ третьемъ періодѣ изображается борьба между страстью и гордостью, стыдящеюся рабства; любовь остается побѣдительницей, сохраняетъ свою силу и по смерти Лауры.—Кромѣ сонетовъ и канцонъ, Петрарка написалъ на итальянскомъ языкѣ большую поэму, «Тріумфы»; она—подражаніе «Божественной комедіи»; въ ней разсказывается рядъ видѣній, аллегорически изображающихъ могущество любви, цѣломудрія, смерти, славы, времени, божества; въ нихъ слишкомъ много изысканности; они по своему художественному достоинству гораздо ниже пѣсень о Лаурѣ.

Петрарка очень долго оставался образцомъ для итальянскихъ лирическихъ поэтовъ. Онъ сдѣлалъ сонетъ любимою формой итальянской лирики. Подражаніе Петраркѣ придало итальянской лирической поэзіи монотонный характеръ, мѣшало ея развитію. — Менѣе сильно было вліяніе его латинскихъ произведеній, важнѣйшія изъ которыхъ: „Письма къ друзьямъ“, „Біографія знаменитыхъ римлянъ“ отъ Ромула до Цезаря, и „Философскіе трактаты“, написанные въ духѣ трактатовъ Цицерона, который былъ послѣ Виргилія самымъ любимымъ его авторомъ; но въ нихъ больше реторическихъ прикрасъ, чѣмъ у Цицерона; въ слогѣ Петрарки отразилось вліяніе латинскихъ писателей временъ имперіи. Въ характерѣ Петрарки были слабости, навлекшія на него много порицаній: онъ былъ льстецъ, былъ тщеславенъ, хватался за все, угождалъ всѣмъ сильнымъ людямъ. Но онъ восторженно любилъ римскую литературу, своими похвалами ей и своимъ примѣромъ сильно содѣйствовалъ возрожденію наукъ; возбуждалъ патріотизмъ; вообще, имѣлъ громадное и благотворное вліяніе на умственный прогрессъ Италіи. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ прелестной мѣстности Эвганейскихъ горъ близъ селенія Арквы (Arquá), неподалеку отъ Падуи. Онъ умеръ среди своихъ литературныхъ занятій 19 іюля 1374.

Боккаччіо 1313—1375.

Петрарка имѣлъ очень сильное вліяніе на развитіе третьяго великаго писателя XIV вѣка, создателя итальянской прозы, Джованни Боккаччіо. Семейство его происходило изъ флорентинскаго мѣстечка Чертальдо, переселилось во Флоренцію, получило тамъ право гражданства. Джованни на

всю жизнь сохранилъ любовь къ Чертальдо и часто называлъ себя Чертальдцемъ. Онъ родился въ 1313 году. Онъ былъ побочный сынъ. Отецъ, бывшій купцомъ, далъ ему хорошее воспитаніе во Флоренціи и послалъ его въ Парижъ заниматься практическимъ изученіемъ торговаго дѣла. Но у юноши было пылкое воображеніе, онъ скучалъ заниматься торговлей; отецъ велѣлъ ему учиться юриспруденціи; по принужденію онъ занимался ею нѣсколько лѣтъ, но и это было ему скучно. Онъ съ любовью изучалъ римскую литературу, научился въ Неаполѣ греческому языку, важность котораго доказывалъ Петрарка. Сдѣлавшись самостоятельнымъ человѣкомъ, Боккаччіо занялся исключительно наукой и поэзіей. Слава Петрарки увлекала его къ подражанію. Подобно Петраркѣ, онъ собиралъ книги, самъ переписывалъ для себя тѣ, которыхъ не могъ купить; подобно Петраркѣ, писалъ латинскіе и итальянскіе стихи, латинскіе трактаты о генеалогіи боговъ, о древней географіи, о знаменитыхъ женщинахъ. Онъ очень высоко цѣнилъ „Божественную комедію“, написалъ біографію Данте; по его убѣжденію флорентійцы учредили каѳедру для лекцій о „Божественной комедіи“; онъ самъ былъ первымъ профессоромъ ея и читалъ лекціи объ „Адѣ“. — Большое вліяніе на поэтическую дѣятельность Боккаччіо имѣло его знакомство съ Маріей, побочной дочерью Роберта, короля неаполитанскаго. Она была жена вельможи, красавица, женщина очень образованная и милаго характера. Любовь къ ней отвлекла Боккаччіо отъ пошлыхъ удовольствій, облагородила его мысли; ея вниманіе возбуждало его поэтическую дѣятельность. Онъ прославляетъ ее подъ именемъ Фіаметты въ знаменитомъ романѣ, съ глубокой вѣрностью описывающемъ чувства и мысли влюбленнаго. Заглавіемъ романа служитъ имя героини. Въ честь ея написано и другое его произведеніе, „Филокопо“, романъ во вкусѣ французскихъ рыцарскихъ поэмъ. Онъ посвятилъ Маріи свои поэмы „Тезенда“ и „Филострато“, написанныя октавами (изобрѣтатель этой строфы — онъ). Въ его поэмахъ смѣшаны классическіе элементы съ романическими, имена древнихъ боговъ съ идеями рыцарскихъ временъ; но описанія въ нихъ вѣрны природѣ, живы и ярки; въ этомъ отношеніи Боккаччіо выше Петрарки“, въ поэзіи котораго преобладаетъ искусственность и мало энергіи; въ поэмахъ Боккаччіо больше матеріаловъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, чѣмъ въ произведеніяхъ его друга, которому подражалъ онъ. — Боккаччіо долго жилъ въ Неаполѣ при роскошномъ дворѣ королевы Іоанны; потомъ исполнялъ порученія флорентійскаго правительства, бывалъ нѣсколько разъ посломъ. Въ Неаполѣ онъ участвовалъ во всѣхъ веселостяхъ высшаго общества и вообще любилъ развлеченія; но никогда не покидалъ ученыхъ и поэтическихъ занятій. Съ неутомимымъ усердіемъ онъ розыскивалъ произведенія древней литературы, похороненныя въ монастырскихъ библіотекахъ, возбуждалъ образованныхъ людей къ изученію ихъ. По его убѣжденію во Флоренціи была учреждена каѳедра греческаго языка, на которой читались лекціи о Гомерѣ и Платонѣ. Въ старости онъ сожалѣлъ о легкомысліи и соблазнительности содержанія своихъ поэтическихъ произведеній, сталъ заниматься богословіемъ, впалъ въ мистицизмъ, пошелъ въ монахи. Послѣднее время его жизни было омрачено смертью Петрарки. Онъ умеръ черезъ полтора года послѣ своего друга (21 декабря 1375). — Онъ раздѣлялъ всѣ хорошія и дурныя качества современнаго ему общества и очень ярко изображалъ его жизнь, то насмѣшливо, то серьезно. Его произведенія дышатъ знойной страстностью. Число ихъ велико. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы ужь упоминали, онъ написалъ аллегорическую поэму Ninfale Fiesolano, сатирическую поэму Corbaccio или Il Labirinto d'amore (онъ высказываетъ въ ней свою досаду на вдову, которая отвергла его любовь); написалъ пастушескую поэму Ameto, въ которой перемѣшиваются проза и стихи.

Но самое знаменитое его произведеніе „Декамеронъ“, il Decamerone, сборникъ разсказовъ (новеллъ) очень разнообразнаго содержанія: есть между ними трогательные, трагическіе, есть шутливые до неприличія; но всѣ они очень живы.

Новеллы «Декамерона» вставлены въ разсказъ о томъ, какъ общество, состоявшее изъ десяти родныхъ или близкихъ знакомыхъ, удалилось изъ Флоренціи отъ ужасной чумы 1348 года въ прелестную виллу, находившуюся въ двухъ миляхъ отъ города. Общество состояло изъ семи дѣвушекъ, красивыхъ, образованныхъ, и трехъ молодыхъ людей. Боккаччіо превосходно описываетъ виллу и жизнь ихъ на ней. Эти десять родныхъ и друзей избираютъ себѣ каждый день королеву или короля; всѣ поочередно занимаютъ эту должность; королева или король назначаетъ другимъ ихъ обязанности; общая цѣль всѣхъ должностей—заботы о томъ, чтобы время шло пріятно. День проходитъ въ домашнихъ занятіяхъ и въ разныхъ развлеченіяхъ; любовь и дружба дѣлаютъ радостными всѣхъ. По вечерамъ общество собирается въ саду; всѣ должны поочередно разсказать что нибудь.—Введеніемъ къ этимъ разсказамъ служитъ знаменитое описаніе чумы во Флоренціи, чрезвычайно живое и вѣрное дѣйствительности. Талантъ разскащика у Боккаччіо очень велпкъ, богатство его воображенія неистощимо. Разсказы, какъ мы говорили, очень разнообразны по содержанію. Нѣкоторые ихъ нихъ обрисовываютъ жизнь величественными чертами, другіе даютъ уроки житейскаго благоразумія, третьи осмѣиваютъ пороки, въ особенности безнравственность духовенства: эти сатирическіе разсказы послужили темами для назидательныхъ разсужденій Петрарки.—Матеріаломъ для разсказовъ Боккаччіо часто беретъ историческія событія, упоминанія о которыхъ мы находимъ у историковъ того времени; другіе разсказы онъ беретъ изъ провансальскихъ балладъ и легендъ; нѣкоторые изобрѣтаетъ самъ; но и на чужіе онъ кладетъ печать своего генія, передаетъ ихъ съ такой художественной прелестью, что они становятся его собственнымъ достояньемъ.

---

7. Людвигъ Баварскій.

а) Борьба Людвига Баварскаго съ Фридрихомъ Австрійскимъ.

Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Неожиданная смерть Генриха VII взволновала Германію. Князья, шедшіе къ императору въ Италію, вернулись домой, потому что должно было ожидать междоусобій. Габсбургская династія хотѣла возвратить себѣ корону, которая два раза была отнята у нея. Изъ пяти сыновей императора Альбрехта, два старшіе, Фридрихъ Прекрасный и Леопольдъ, были молодые люди, честолюбивые и отважные. Еще при жизни Генриха, они искали себѣ союзниковъ. Пфальцграфъ Рудольфъ, врагъ своего брата, Людвига Верхнебаварскаго, маркграфы Генрихъ и Вальдемаръ бранденбургскіе, герцогъ Рудольфъ саксенъ-виттенбергскій, герцогъ Генрихъ каринтійскій, не покидавшій своихъ притязаній на Богемію, обѣщались помогать Габсбургамъ. Согласился дѣйствовать въ ихъ пользу и архіепископъ кельнскій, Генрихъ, которому они обѣщали большую сумму денегъ. Но сильны были и противники габсбургскаго дома. Люксембургская партія, агентами кото-

рой были архіепископы Бальдуинъ трирскій и Петръ майнцскій, думала выбрать нѣмецкимъ королемъ Іоанна, короля богемскаго; но онъ былъ неопытный юноша, притомъ, свѣтскіе курфирсты не хотѣли допускать наслѣдственности короны, потому противники Габсбурговъ выставили своимъ кандидатомъ Людвига Баварскаго.

Династія Виттельсбаховъ

Династія Виттельсбаховъ имѣла теперь обширныя владѣнія, но раздѣлила ихъ на части, государи которыхъ постоянно ссорились между собой. По смерти послѣдняго пфальцграфа вельфской династіи Генриха, Фридрихъ II отдалъ Пфальцъ герцогу баварскому, Людвигу I. Сыновья его сына, Оттона Свѣтлаго, умершаго въ 1253 году, раздѣлили между собою родовыя владѣнія: Людвигъ II, Суровый, взялъ себѣ верхнюю Баварію (области регенсбургскую, мюнхенскую и проч.) и Пфальцъ, а Генрихъ нижнюю Баварію, главными городами которой были Штраубингъ и Ландсгутъ. Сыновья Людвига Суроваго, Рудольфъ I и Людвигъ, послѣ долгой войны согласились въ 1313 году владѣть отцовскимъ наслѣдствомъ нераздѣльно. Въ нижней Баваріи по смерти Оттона (въ 1312 году) государями стали его три малолѣтніе сына, опекуномъ которыхъ отецъ назначилъ Людвига Верхнебаварскаго. Вельможи не хотѣли, чтобъ онъ правилъ государствомъ, просили помощи у Фридриха Прекраснаго. Началась война. Людвигъ, на сторонѣ котораго были нижнебаварскіе города, разбилъ 9 ноября 1313 года при Гаммельсдорфѣ Фридриха и нижнебаварскихъ вельможъ. Фридрихъ отказался отъ притязаній на опеку. Побѣда при Гаммельсдорфѣ была вѣроятно причиной того, что противники Габсбурговъ выставили своимъ кандидатомъ Людвига, доказавшаго свое могущество и военное искуство.

Выборы.

Противники Габсбурговъ, склонившіе на свою сторону прежняго союзника ихъ, Вальдемара Бранденбургскаго, собрались 20 октября 1314 года во Франкфуртѣ и провозгласили королемъ Людвига Баварскаго. За него подали голоса четыре курфирста: майнцскій, трирскій, бранденбургскій, богемскій. Наканунѣ въ Саксенгаузенѣ (близъ Франкфурта) три другіе курфирста (кельнскій, пфальцскій, саксонскій) выбрали Фридриха Австрійскаго. Онъ былъ коронованъ въ Боннѣ, Людвигъ въ Аахенѣ.

Война за престолъ.

Соперники начали войну за корону. Она длилась много лѣтъ, но ограничивалась южной Германіей. Князья сѣверной Германіи не интересовались тѣмъ, кто останется королемъ. Рейнскіе архіепископы, получивъ деньги отъ кандидатовъ, за которыхъ хлопотали, тоже перестали интересоваться ихъ борьбой. Король богемскій былъ занятъ войной съ своими вельможами, которые были раздражены владычествомъ нѣмецкихъ придворныхъ его и алчностью ихъ. Габсбурги были гораздо сильнѣе Людвига и были единодушны, а старшій братъ Людвига, Рудольфъ, продолжалъ воевать съ нимъ; потому Фридрихъ скоро одолѣлъ бы Людвига, если бы не поддерживали его имперскіе города, дававшіе ему деньги, посылавшіе ему свои отряды опытныхъ воиновъ. Вельможи были на сторонѣ Габсбурговъ.

Въ 1316 году Людвигъ одолѣлъ старшаго брата; Рудольфъ отдалъ ему всѣ свои владѣнія, онъ обѣщался давать опредѣленную сумму въ возвагражденіе за уступку ихъ.

Рудольфъ уѣхалъ къ Габсбургамъ и въ 1319 году умеръ. Возстаніе швейцарцевъ мѣшало Габсбургамъ обратить всѣ силы на войну съ Людвигомъ. Борьба за престолъ длилась восемь лѣтъ; большихъ битвъ не было, но постоянно происходили мелкія стычки разрозненныхъ отрядовъ, ходившихъ по австрійскимъ и баварскимъ землямъ и занимавшихся грабежомъ.

Битва при Мюльдорфѣ 28 сентября 1322.

Наконецъ обѣ стороны утомились грабежомъ, не дававшимъ никакихъ прочныхъ успѣховъ ни той, ни другой партіи; стали собирать всѣ свои силы для рѣшительной битвы. Братъ Фридриха, Леопольдъ, набиралъ войска въ родовыхъ владѣніяхъ своей династіи, Фридрихъ въ австрійскихъ земляхъ. Карлъ Робертъ, король венгерскій, прислалъ Фридриху многочисленный отрядъ кумановъ. Людвигу прислали войска Іоаннъ Богемскій, архіепископъ трирскій, нижнебаварскіе герцоги, имперскіе города. Битва произошла на берегу Инна у Мюльдорфа. Леопольдъ, шедшій къ брату, но отвлеченный походомъ противъ Гильіома Монфора, не успѣлъ во время присоединиться къ войску Фридриха. Маршалъ (главнокомандующій) Фридриха, Дитрихъ Пилихторфъ совѣтовалъ ему подождать брата; онъ не послушался и принялъ битву. Войскомъ Людвига начальствовалъ Іоаннъ, король богемскій; самъ Людвигъ сталъ вдали отъ мѣста боя. Оно было на лугу, близъ Ампфинга. Вначалѣ побѣда склонялась на сторону Фридриха, сражавшагося очень храбро; чехи и баварцы уже отступали; но Фридрихъ IV, бургграфъ нюрнбергскій, бросился съ свѣжимъ отрядомъ конницы на утомленныхъ австрійцевъ; они не выдержали натиска, обратились въ бѣгство. Побѣда Людвига была полная. Самъ Фридрихъ былъ взятъ въ плѣнъ. Людвигъ послалъ его въ замокъ Трауснищъ.

Преданіе о Швеппермапѣ.

Народное преданіе впослѣдствіи приписывало побѣду при Мюльдорфѣ военному искусству Зигфрида Швеппермана, начальника войска нюрнбергскихъ гражданъ. Извѣстенъ разсказъ, что утомленные побѣдители не имѣли чѣмъ утолить голодъ; для Людвига и его свиты нашлось нѣсколько яицъ; онъ роздалъ каждому и взялъ себѣ по одному, а Швеппермапу подалъ два со словами „всѣмъ по одному, а храброму Швеппермапу два“. Эти слова были написаны на памятникѣ Швеппермана (въ Кастелѣ). Но въ современныхъ извѣстіяхъ мы находимъ о Швеппермапѣ только то, что онъ участвовалъ въ битвѣ при Гаммельсдорфѣ; о его участіи въ битвѣ при Мюльдорфѣ нѣтъ упомпнаній; потому народный разсказъ о его великой заслугѣ въ ней должно считать вымысломъ преданія.

Людвигъ отдаетъ Бранденбургъ своему старшему сыну.

Побѣда при Мюльдорфѣ сильно возвысила авторитетъ Людвига въ Германіи, хотя не прекратила войны, которая черезъ нѣсколько времени даже приняла размѣръ большій прежняго; потому что въ нее вмѣшались иноземцы и между прочимъ папа. За нѣсколько времени передъ этимъ сраженіемъ Людвигу представился блестящій случай увеличить могущество своей династіи, какъ сдѣлали его предмѣстники, Рудольфъ Габсбургскій и Генрихъ Люксембургскій. Послѣдніе пред-

ставители асканской династіи маркграфовъ браденбургскихъ, Вальдемаръ и его двоюродный братъ Генрихъ Ландсбергскій, умерли бездѣтными (Вальдемаръ 24 августа 1319 года, Генрихъ въ іюлѣ 1320). Бранденбургъ сталъ вакантнымъ леномъ. Людвигъ, находясь тогда въ очень тяжеломъ положеніи, обѣщалъ отдать эту область Іоанну, королю богемскому, и дѣйствительно отдалъ ему часть Верхняго Лаузица, принадлежавшаго къ маркграфству бранденбургскому. Но желаніе отдать этотъ важный ленъ своему сыну было такъ сильно въ Людвигѣ, что онъ нарушилъ обѣщаніе, данное Іоанну, которому былъ обязанъ побѣдой. Въ январѣ 1323 года онъ обручилъ свою дочь, Мехтильду, съ малолѣтнимъ сыномъ Фридриха II Мейсенскаго и Тюрингскаго, Фридрихомъ Укушеннымъ. Это было тяжелой обидой королю богемскому, дочь котораго была помолвлена раньше того съ сыномъ Людвига; но король нѣмецкій уже рѣшился отдать Бранденбургъ сыну и хотѣлъ пріобрѣсти дружбу сосѣда. Король богемскій скоро послѣ мюльдорфской битвы могъ уже ясно видѣть, какой благодарности долженъ ждать онъ отъ Людвига. Нѣмецкій король на нюрнбергскомъ сеймѣ въ мартѣ 1323 года объявилъ, что отдаетъ маркграфство бранденбургское своему старшему сыну, Людвигу; сеймъ согласился, и 24 іюня 1324 года король нѣмецкій обнародовалъ грамату, назначавшую его сына маркграфомъ.

Папа досадовалъ на Людвига, возбудилъ противъ него короля польскаго, Владислава Локетка; въ началѣ 1326 года поляки и литовцы вторглись въ Бранденбургъ, страшно опустошили эту область. Но другихъ результатовъ не имѣла эта интрига папы. Бранденбургъ остался во владѣніи баварской династіи. Она истощала эту область для пріобрѣтенія средствъ на другія свои предпріятія, раздавала маркграфскіе лены и доходы для пріобрѣтенія приверженцевъ, продавала въ Бранденбургѣ все, что могла.

Іоаннъ сильно разсердился на Людвига и примирился съ Габсбургами, Французы и папа постоянно раздражали Іоанна противъ Людвига, но онъ не хотѣлъ совершенно разорвать прежнія отношенія къ нему. Честолюбивый, но безхарактерный человѣкъ, блестящій рыцарь, предпочитавшій веселости французскаго двора и мелкія войны на Рейнѣ съ сосѣдами своихъ родовыхъ люксембургскихъ владѣній серьезному занятію богемскими дѣлами, и даже мало жившій въ Богеміи, Іоаннъ не пользовался любовью въ своемъ королевствѣ, потому опасался рѣшительной ссоры съ Людвигомъ.

b) Возникновеніе швейцарскаго союза.

Мы говорили, что силы Габсбурговъ были отвлекаемы отъ борьбы съ Людвигомъ Баварскимъ войною съ швейцарцами. Возникновеніе швейцарскаго союза, начавшаго тогда формироваться, затемнено вымыслами народнаго преданія.

Горные кантоны.

Долины и горы у озера Четырехъ кантоновъ (Швицкаго озера), суровыя и безплодныя, долго оставались невоздѣланы и пустынны. Первыми поселенцами тамъ были алеманны. Въ то время, съ котораго начинаются точныя наши свѣдѣнія о трехъ кантонахъ, заключившихъ между собою договоръ о союзѣ, юридическое положеніе ихъ населенія было очень неодинаково. Въ Ури почти вся земля принадлежала знатнымъ фамиліямъ или аббатствамъ; особенно обширны были владѣнія аббатства Цюрихскаго; поселяне были крѣпостными или, если сохраняли личную свободу, то должны были платить оброкъ, ходить на барщину. Въ Швицѣ большая часть земли находилась въ собственности свободныхъ поселянъ, не имѣвшихъ надъ собою никакого господина; но и въ этомъ кантонѣ имѣли большія владѣнія монастыри, важнѣйшими изъ которыхъ были Эйнзидельнъ, Энгельбергъ, Мури; въ Унтервальденѣ, раздѣленномъ горами на двѣ части, Верхній и Нижній Вальденъ, свободные поселяне были гораздо малочисленнѣй крѣпостныхъ. Впрочемъ разница между свободными людьми, не подвластными никому, кромѣ короля, и господскими людьми, жившими на чужой землѣ и подвластными ея владѣльцу, утратила свою прежнюю рѣзкость. Многіе свободные поселяне поступили въ подданство монастырей или вельможъ и рыцарей, покупая себѣ покровительство ихъ тѣмъ, что признавали себя обязанными платить имъ дань; такимъ образомъ возникло сословіе людей лично свободныхъ, но платившихъ оброкъ или отправлявшихъ натуральныя повинности своимъ покровителямъ. Обязанности этихъ сельскихъ вассаловъ относительно ихъ ленныхъ господъ были опредѣлены обычаемъ; документы, въ которыхъ перечислялись эти обязанности, назывались „правами господскаго двора“, Hofrecht. Первыя такія граматы были составлены монастырями. Права монастырскихъ подданныхъ мало по малу расширялись; эти поселяне могли располагать своими участками по своей волѣ, дарить, отдавать въ залогъ, продавать ихъ. Господинъ—то-есть монастырь, вельможа, или рыцарь—былъ судьей своихъ подданныхъ по дѣламъ второстепенной важности, (имѣлъ, такъ называемую, низшую юрисдикцію). Свою судебную власть онъ обыкновенно передавалъ управителю (meier, villicus или kellerer, cellarius). Судъ производился подъ предсѣдательствомъ господина или его управителя на „судебномъ дворѣ“, Dinghot, по старому нѣмецкому обычаю въ собраніи всѣхъ поселянъ. Высшій судъ, то-есть, судъ по уголовнымъ дѣламъ принадлежалъ въ прежнія времена графу, предсѣдательствовавшему въ судебномъ собраніи всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ; судьи были собственно они, графъ былъ только предсѣдатель суда. Три горные кантона или лѣсные округа, Waldstädte, какъ назывались Ури, Швицъ и Унтервальденъ, принадлежали отчасти графству ааргаускому. Владѣтелями этихъ графствъ были Габсбурги; имѣнья многихъ монастырей были изъяты отъ власти графовъ, потому она была сама по себѣ слаба; но съ тѣмъ вмѣстѣ Габсбурги были фохтами (свѣтскими администраторами) владѣній Мурійскаго и нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ монастырей; это давало имъ очень большую силу въ обоихъ графствахъ. Они стремились подчинить своей фохтской администраціи и свободныхъ поселянъ, отчасти успѣли въ этомъ, и въ половинѣ XIII вѣка большинство свободныхъ поселянъ въ Швицѣ, Ури, Унтервальденѣ были подвластны Габсбургамъ не только какъ графамъ, но и какъ фохтамъ; а власть фохта была подобна власти феодальнаго господина. Своимъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ Габсбурги были обязаны болѣе всего тому, что санъ герцога швабскаго обыкновенно принадлежалъ королю, а король, занятый широкими предпріятіями, не обращалъ вниманія на мелкія дѣла швабскихъ владѣтелей, и они поступали какъ хотѣли.

Отношенія горныхъ кантоновъ къ Габсбургамъ.

Горные кантоны въ царствованіе Фридриха II.

Сынъ Фридриха II, Генрихъ, взялъ Ури изъ-подъ управленія Рудольфа, графа габсбургскаго, подъ свое непосредственное управленіе (26 мая 1231). Это было большимъ облегченіемъ для свободныхъ поселянъ Ури, избавило ихъ отъ опасности быть обращенными въ подданныхъ графа габсбургскаго. Свободные поселяне Швица пожелали получить такое же облегченіе и отправилиословъ съ просьбой объ этомъ къ императору Фридриху II, находившемуся тогда въ Италіи. Онъ (въ декабрѣ 1240) далъ имъ льготную грамату, по которой принималъ ихъ подъ непосредственное покровительство (то-есть управленіе) короля и обѣщался никогда не отчуждать ихъ изъ-подъ принадлежности къ непосредственнымъ имперскимъ владѣніямъ. Это распоряженіе Фридриха было произвольнымъ нарушеніемъ правъ графа габсбургскаго. Графъ, подобно большинству сосѣднихъ феодальныхъ владѣтелей, былъ приверженцемъ папы, противникомъ императора, и обратился къ папѣ съ жалобой; папа угрожалъ отлученіемъ отъ церкви свободнымъ поселянамъ Швица и Зарнена, надъ которыми графъ имѣлъ наслѣдственныя права; они не послушались требованія папы, не возвратились подъ власть графа. Но черезъ нѣсколько времени мы видимъ, что они снова находятся подъ властью графа габсбургскаго. Тотъ графъ Рудольфъ, который жаловался на нихъ папѣ, умеръ въ 1249 году. Въ 1273 сынъ его Эбергардъ продалъ своему двоюродному брату Рудольфу (королю) много владѣній въ Швейцаріи; въ числѣ этихъ владѣній находились Швицъ и двѣ другія мѣстности горныхъ кантоновъ, Штанцъ и Буоксъ.

Горные кантоны при королѣ Рудольфѣ.

Во время междуцарствія свободные поселяне Ури обращались въ своихъ тяжбахъ къ суду Рудольфа (будущаго короля). Мы читаемъ, что онъ тогда „по просьбѣ и совѣщанію поселянъ“ производилъ судъ въ Ури подъ липой у селенія Альторфа. Судейская власть его въ Ури не была основана на его санѣ графа цюрихскаго, потому что Ури былъ изъятъ отъ графскаго суда, подвластенъ только королю; Рудольфъ разбиралъ тяжбы жителей этого округа, лишь какъ третейскій судья, добровольно избранный ими. Въ Ури даже былъ представитель королевской власти, ландамманъ (королевскій окружный правитель). Но льготная грамата, данная Фридрихомъ Швицу, не была утверждена слѣдующими королями; эта область снова считалась принадлежащей графу габсбургскому. Впрочемъ она пользовалась довольно независимымъ положеніемъ. Ландамманъ въ Швицѣ, какъ и въ Ури, назначался обыкновенно изъ числа мѣстныхъ жителей.

Время правленія Адольфа.

Междоусобія, начавшіяся по смерти Рудольфа, угрожали опасностями и населенію горныхъ частей нынѣшней Швейцаріи. Жители Ури, Швица и нижней части Унтервальдена заключили между собою 1 августа 1291 года союзъ, по которому клятвенно обѣщались помогать другъ другу противъ каждаго, кто захотѣлъ бы дѣлать вредъ имъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ союзъ имѣлъ цѣлью совершенное освобожденіе горныхъ кантоновъ отъ власти графовъ габсбургскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ 16 октября того-же года поселяне Швица и Ури заключили съ городомъ Цюрихомъ союзъ на три года для общей обороны противъ всякаго врага. Въ этомъ актѣ говорилось: „Каждый долженъ служить своему господину по обычаю, какъ было до нынѣшняго короля, и по закону: а если господинъ захочетъ принудить его къ чему нибудь кромѣ этого, то союзники должны защищать его“. Но Альбрехтъ распоряжался въ сосѣднихъ областяхъ такъ сурово и былъ такъ силенъ, что горные кантоны и Цюрихъ оробѣли. Кажется, что жители Швица скоро по заключеніи этихъ договоровъ снова признали надъ собою власть Габсбурговъ. Когда началась война между Альбрехтомъ и Адольфомъ, горнымъ кантонамъ представился случай достичь своей цѣли. Адольфъ охотно далъ Швицу и Ури граматы, освобождавшія ихъ отъ власти его соперника, Альбрехта.

Правленіе Альбрехта.

Битва при Гёльгеймѣ возстановила прежнія отношенія. Альбрехтъ, сдѣлавшись королемъ, вступился за монастыри горныхъ кантоновъ, сталъ требовать, чтобъ ихъ подданные повиновались имъ. Хотѣлъ ли онъ подчинить своей фохтской власти свободныхъ поселянъ Ури, или хотѣлъ довольствоваться своими королевскими правами надъ ними, мы не знаемъ. Мы не видимъ, чтобъ онъ посылалъ въ Ури фохтами людей чужихъ мѣстному населенію. Но не далъ онъ и граматъ, которыми подтверждалось бы, что Швицъ и Ури не подвластны никому кромѣ короля.

Правленіе Генриха VII.

Когда погибъ Альбрехтъ и королемъ сдѣлался Генрихъ VII, жители горныхъ кантоновъ просили подтвержденія своей непосредственной зависимости отъ короля, то-есть, освобожденія отъ власти графовъ габсбургскихъ. Генрихъ VII 3 іюня 1309 года утвердилъ граматы, данныя Швицу и Ури Фридрихомъ II и Адольфомъ. Унтервальденъ тоже сталъ считаться областью, находящейся подъ непосредственной властью короля, и получилъ подтвержденіе всѣхъ правъ, данныхъ ему прежними королями. Такимъ образомъ, горные кантоны достигли своей цѣли. Габсбурги были тогда въ такомъ тяжеломъ положеніи, что не могли дѣйствовать оружіемъ для возстановленія отнятой у нихъ графской власти. Но потомъ, помирившись съ Генрихомъ, Леопольдъ Габсбургскій сталъ просить у него возвращенія прежнихъ правъ и владѣній своей династіи въ горныхъ кантонахъ. Генрихъ, которому оказалъ онъ важныя услуги въ итальянскомъ походѣ, обѣщался разобрать это дѣло и возстановить права Габсбурговъ. Іоаннъ Богемскій, будучи намѣстникомъ отца въ Германіи, далъ такое же обѣщаніе. Но смерть императора измѣнила положеніе дѣлъ.

Время борьбы между Фридрихомъ и Людвигомъ.

Во время междуцарствія населеніе Швица дало волю своей ненависти къ монастырямъ. Поселяне ночью напали на Эйнзидельнскій монастырь и ограбили его. Это осталось безнаказаннымъ. Когда вспыхнула война между Фридрихомъ и Людвигомъ, жители горныхъ кантоновъ хорошо поняли, что отъ ея исхода зависитъ ихъ судьба и что они должны поддерживать Людвига. Онъ былъ радъ, что въ центрѣ габсбургскихъ земель нашлись союзники ему, и ободрялъ ихъ дѣйствовать отважно. Они приняли мѣры обороны, укрѣпили проходы

Битва при Моргартенѣ 15 ноября 1315

черезъ ущелья, которыми долженъ былъ идти Леопольдъ, готовившійся къ нападенію на нихъ. Онъ пошелъ къ Швицу, твердо увѣренный, что разгонитъ поселянъ, а графъ Оттонъ Штрасбергъ, габсбургскій фохтъ въ Бургундіи, долженъ былъ идти черезъ Брюнигъ въ Унтервальденъ. Когда Леопольдъ съ своими конными латниками шелъ узкимъ проходомъ между озеромъ Эгери и горою Моргартеномъ, поселяне, занявшіе позиціи на горѣ, стали сваливать камни и бревна на латниковъ, не ожидавшихъ нападенія; застигнутые врасплохъ, латники смѣшались; ноги лошадей скользили по каменистому, покрытому гололедицей косогору; поселяне бросились на нихъ сверху, конница Леопольда не выдержала натиска, обратилась въ бѣгство; поселяне загнали ее къ самому озеру; много рыцарей было убито бу-

лавами и алелбардами сильныхъ поселянъ, многіе утонули въ озерѣ. Говорятъ, что въ моргартенской тѣснинѣ погибло 1500 рыцарей. Свобода горныхъ кантоновъ была упрочена этой блестящей побѣдой. Силы Габсбурговъ были поглощены войною съ Людвигомъ; возобновить попытку покоренія горныхъ кантоновъ было невозможно Леопольду. Три горные кантона заключили между собою 9 декабря 1315 года въ Брунненѣ вѣчный союзъ. Герцоги габсбургскіе 19 іюля 1318 года заключили съ союзомъ горныхъ кантоновъ перемиріе, по которому были признаны ихъ частныя владѣльческія права на принадлежащія имъ имѣнія, но не была признана за ними графская власть. Поселяне хотѣли достичь того, чтобы Габсбурги считались только землевладѣльцами, имѣющими право пользоваться доходами съ своихъ владѣній, но не имѣющими никакой правительственной власти, и чтобы за населеніемъ было признано право освободиться отъ всякихъ платежей землевладѣльцамъ посредствомъ выкупа. Король Людвигъ 29 марта 1315 года подтвердилъ всѣ граматы, данныя жителямъ трехъ горныхъ кантоновъ прежними королями; желаніе поселянъ было этимъ исполнено: графы габсбургскіе лишились правительственныхъ правъ, сохранили только право на доходы съ своихъ земель. Такимъ образомъ, населеніе горныхъ кантоновъ стало фактически независимо; подвластность королю, при его безсиліи, была только номинальная. Но герцоги австрійскіе хотѣли возстановить свои правительственныя права; опасность, грозившая поселянамъ горныхъ кантоновъ со стороны Габсбурговъ, предохраняла союзъ отъ распаденія и расширяла его присоединеніемъ новыхъ членовъ.

Упроченіе союза.

Такова достовѣрная исторія возникновенія швейцарскаго союза. Но потомки поселянъ, основавшихъ его, гордясь своею свободою, облекли дѣйствительныя событія поэтическими вымыслами; въ особенности распространено было то преданіе, которое сообщаетъ намъ Эгидей Чуди въ своей „Швейцарской хроникѣ“, написанной имъ около половины XVI вѣка. Онъ разсказываетъ такъ: жители горныхъ кантоновъ были съ самыхъ давнихъ временъ люди свободные, независимые. Они добровольно подчинились нѣмецкому королю съ тѣмъ, чтобъ онъ охранялъ ихъ права. Если онъ не исполнялъ своей обязанности, они могли отложиться отъ его власти; онъ не исполнилъ своей обязанности, рѣшивъ противъ жителей Швица ихъ тяжбу съ Эйнзидельнскимъ монастыремъ. Три горные кантона заключили союзъ для общей обороны и положили возобновлять его черезъ каждыя 10 лѣтъ. Часто они выбирали изъ сосѣднихъ вельможъ покровителя, который защищалъ бы ихъ права и судилъ бы тяжбы между ними. Такимъ выборнымъ покровителемъ былъ Рудольфъ, графъ габсбургскій, который и по выборѣ своемъ въ королевскій санъ остался доброжелателенъ къ нимъ. Но его сынъ, Альбрехтъ, хотѣлъ подчинить свободные кантоны непосредственной власти габсбургскаго рода; поселяне противились этому, и онъ послалъ двухъ королевскихъ фохтовъ поработить свободный народъ. Одного фохта, Германа Геслера Кюснахскаго, онъ послалъ поработить Ури и Швицъ, а другого, Берингера Ландербергскаго, поработить Унтервальденъ. Они угнетали народъ, насиловали женъ и дочерей поселянъ;

Основаніе швейцарскаго союза по легендѣ.

одинъ изъ нихъ ослѣпилъ старика Мельхталя; все это довело народъ до отчаянія, и наконецъ жестокіе поступки Геслера съ Теллемъ произвели взрывъ. Мужественные люди трехъ кантоновъ подъ предводительствомъ Вальтера Фюрста, Арнольда фонъ Мельхталя и Вернера Штауффахера сошлись въ 1307 году въ ночное время на берегу озера въ пустынной мѣстности, называвшейся Рютли, и возобновили прежній свой союзъ. Геслеръ былъ застрѣленъ Теллемъ въ ущельѣ, которымъ идетъ дорога близъ Кюснахта; въ ночь на новый годъ поселяне взяли замки, въ которыхъ стояли воины фохтовъ, и прогнали Беринтера. Альбрехтъ готовился идти на поселянъ, чтобы наказать ихъ, но былъ убитъ своимъ племянникомъ, и новый король Генрихъ Люксембургскій призналъ свободу швейцарцевъ.

Преданіе о Теллѣ.

Преданіе сдѣлало стрѣлка Телля представителемъ дѣла свободы и прославило его геройство. Оно разсказывается у Чуди такимъ образомъ: «Послѣ того въ воскресеніе 18 декабря честный поселянинъ кантона Ури, Вильгельмъ Телль, который тоже былъ тайно членомъ союза, проходилъ мимо шляпы, поставленной въ Альторфѣ Геслеромъ и не оказалъ ей почтенія, какъ велѣлъ ландфохтъ; это было передано ландфохту. Итакъ утромъ послѣ того въ понедѣльникъ призываетъ онъ Телля къ себѣ, спрашиваетъ его сердито, почему онъ не повиновался его приказаніямъ и королю и въ пренебреженіе ему не оказалъ почтенія шляпѣ. Телль далъ отвѣтъ: господинъ, это случилось невзначай, а не изъ пренебреженія; простите мнѣ это: если бъ я былъ уменъ, но не назывался бы Телль; прошу милости, этого больше не случится. А Телль былъ хорошій стрѣлокъ, какого лучше едва ли можно было найдти, и у него были красивыя дѣти, которыхъ онъ любилъ; за ними послалъ ландфохтъ и сказалъ: Телль, которое изъ этихъ дѣтей тебѣ самое милое? Телль отвѣчалъ: Господинъ, они мнѣ всѣ одинаково милы. Тогда сказалъ ландфохтъ: Ну, Телль, ты хорошій стрѣлокъ, какъ я слышу; теперь тебѣ надобно будетъ показать искусство передо мной и сострѣлить одному изъ твоихъ дѣтей яблоко съ головы, постарайся попасть прямо въ яблоко, потому что если не попадешь въ него съ перваго выстрѣла, это будетъ стоить тебѣ жизни. Телль испугался, просилъ ландфохта именемъ Божіимъ, чтобъ онъ освободилъ его отъ выстрѣла, потому что не натурально стрѣлять въ свое милое дитя, и лучше онъ умретъ. Ландфохтъ сказалъ: Ты долженъ сдѣлать это, или умрете и ты и ребенокъ. Телль увидѣлъ, что надобно это сдѣлать, попросилъ Бога въ душѣ сохранить его и милаго его ребенка, взялъ свой самострѣлъ, натянулъ его, наложилъ стрѣлу и воткнулъ еще стрѣлу въ колчанъ сзади; и ландфохтъ ребенку, которому было не больше шести лѣтъ, самъ положилъ яблоко на голову. И сострѣлилъ Телль ребенку яблоко съ маковки головы такъ, что не поранилъ ребенка. И когда выстрѣлъ былъ сдѣланъ, удивился ландфохтъ мастерской стрѣльбѣ, похвалилъ Телля за искусство и спросилъ его, что это значитъ, что онъ воткнулъ еще одну стрѣлу въ колчанъ сзади. А Телль испугался и подумалъ, что вопросъ означаетъ недоброе, но хотѣлъ отвѣчать за это дѣло ловко и сказалъ: это такая у стрѣлковъ привычка. Ландфохтъ замѣтилъ, что Телль у него увернулся, и сказалъ: Телль, теперь скажи мнѣ безъ страха правду, а не бойся себѣ ничего за то, будь увѣренъ въ своей жизни; потому что данный тобой отвѣтъ я не принимаю; это должно значить что-нибудь другое. Тогда сказалъ Вильгельмъ Телль: Ну, господинъ, когда вы увѣрили меня въ моей жизни, то я вамъ скажу настоящую правду, что мое истинное намѣреніе было, если бы я попалъ въ моего ребенка, то я васъ застрѣлилъ бы другою стрѣлою и безъ сомнѣнія въ васъ не промахнулся бы. Услышавъ это, ландфохтъ сказалъ: Ну, хорошо, Телль, я увѣрилъ тебя въ твоей жизни, это я тебѣ сдержу, но такъ какъ я узналъ твое злое намѣреніе противъ меня, то я велю отвезти тебя въ одно мѣсто и тамъ запру тебя, такъ что ты никогда не увидишь ни солнца, ни мѣсяца, чтобъ я былъ отъ тебя безопасенъ. Съ этими словами онъ велѣлъ своимъ слугамъ взять его и связаннаго отвезти во Флюэленъ. Также и самъ поѣхалъ съ ними и тоже взялъ съ собой стрѣлковый инструментъ Телля, колчанъ, стрѣлы и самострѣлъ, хотѣлъ это оставить у себя. Итакъ сѣлъ ландфохтъ съ слугами и связаннымъ Теллемъ въ лодку, хотѣлъ плыть въ Брунненъ и потомъ

отвезти Телля посуху черезъ Швицъ въ свой замокъ въ Кюснахтъ и тамъ оставить его на всю жизнь въ темной тюремной башнѣ. Стрѣлковый инструментъ Телля былъ положенъ въ лодкѣ на настилкѣ у руля. Когда же они поплыли по озеру и доплыли до Аксенскаго угла, сдѣлалъ Богъ, что поднялась такая ужасная свирѣпая буря, что всѣ они думали, что жалостно утонутъ. А Телль былъ сильный человѣкъ и опытный на водѣ, потому одинъ изъ слугъ сказалъ ландфохту: Вы видите вашу и нашу бѣду и опасность нашей жизни, въ какой мы находимся, и что лодочники испугались и править не умѣютъ, а Телль сильный человѣкъ и умѣетъ править, надобно теперь въ бѣдѣ воспользоваться имъ. Итакъ онъ былъ развязанъ, сталъ къ рулю и правилъ хорошо, только посматривалъ все время на стрѣлковый инструментъ, который лежалъ подлѣ него, и на удобство выпрыгнуть; и когда онъ приблизился къ одной плитѣ (которая съ того времени сохранила имя Теллевой плиты и построена на ней часовня), вздумалось ему, что онъ можетъ выпрыгнуть тутъ и убѣжать; онъ закричалъ гребцамъ, чтобъ они плыли осторожно, пока обойдутъ за эти плиты, потому что тогда они пройдутъ самое злое мѣсто, и когда онъ подошелъ къ плитамъ, давнулъ онъ задъ лодки крѣпко къ плитамъ (какъ онъ былъ сильный человѣкъ), схватилъ свой инструментъ и выпрыгнулъ на плиты, оттолкнулъ лодку сильно отъ себя, такъ что она поплыла и повернулась по озеру, а Телль побѣжалъ черезъ Морзахъ по швицкой землѣ до горы на дорогѣ между Артомъ и Кюснахтомъ, гдѣ дорога идетъ ущельемъ; тамъ легъ онъ, спрятавшись, потому что зналъ, что ландфохтъ тамъ поѣдетъ въ Кюснахтъ, въ свой замокъ; ландфохтъ и его слуги съ большой опасностью и трудомъ приплыли по озеру въ Брунненъ, потомъ поѣхали на коняхъ черезъ швицкую землю, и когда они приблизились къ сказанному ущелью, услышалъ онъ всякіе замыслы ландфохта противъ него, а онъ натянулъ свой самострѣлъ и пострѣлилъ ландфохта стрѣлой, такъ что онъ упалъ съ лошади и въ тотъ же часъ былъ мертвъ».

Критика.

Такова легенда о Теллѣ въ своей извѣстнѣйшей и разработаннѣйшей формѣ. Давно возникли сомнѣнія въ достовѣрности этого разсказа. Факты говорятъ противъ него: ни одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ не упоминаетъ о Теллѣ ни однимъ словомъ; первые упоминающіе о немъ—люцернскій лѣтописецъ Мельхіоръ Руссъ, написавшій свою швейцарскую хронику въ концѣ XV вѣка и авторъ „Бѣлой зарненской книги“, хроники, написанной нѣсколькими годами раньше. Въ слѣдующемъ столѣтіи Петерманъ Эттерлинъ, Чуди и другіе лѣтописцы передаютъ народное сказаніе въ формѣ уже болѣе развитой и прикрашенной. Есть пѣсни о Теллѣ; но ни одна изъ нихъ не старше конца XV вѣка. Имена лицъ, обстоятельства времени и мѣста не одинаковы въ разныхъ изложеніяхъ легенды, ходъ дѣла въ нихъ тоже не одинаковъ; сличая эти разницы, мы видимъ, что преданіе постепенно развивалось. Выстрѣлъ Телля въ предметъ, положенный на голову сына, очевидно заимствованъ изъ старой сказки, тотъ же самый эпизодъ мы встрѣчаемъ въ другихъ народныхъ преданіяхъ. Такъ напримѣръ, Саксонъ Грамматикъ разсказываетъ то же самое о датчанинѣ Токо (или Пальматоке); въ норвежскихъ, англійскихъ, исландскихъ разсказахъ о герояхъ встрѣчается тотъ же самый эпизодъ. Кажется, что это была общая германская легенда. Розыски въ архивахъ дали новыя причины сомнѣваться въ достовѣрности легенды о Теллѣ. Въ Ури не нашлось фамиліи Телль. Часовни, называющіяся теллевскими, построены въ тѣ времена, когда легенда о Теллѣ перешла изъ хроникъ въ народъ. Оказались подложными тѣ документы, въ которыхъ упоминается о Теллѣ раньше конца XV вѣка. (Извѣстнѣйшіе изъ этихъ подложныхъ документовъ: актъ, свидѣтельствующій, что на собраніи гражданъ Ури въ 1388 году 114 человѣкъ подъ присягой показали, что они лично знали Телля; актъ 1387 года, говорящій, что ландамманъ и народъ Альторфа рѣшили сохранить еже-

годный крестный ходъ въ Штейненъ, установленный ихъ предками въ 1307 году, и постановили, что при этомъ должна быть произносима проповѣдь въ Бюргленѣ, гдѣ стоитъ домъ освободителя Вильгельма Телля).— Такимъ образомъ народный разсказъ объ основаніи швейцарскаго союза, противорѣчащій достовѣрнымъ фактамъ, долженъ быть признанъ вымысломъ народной фантазіи, а легенда о Теллѣ возникла вѣроятно книжнымъ путемъ черезъ перенесеніе разсказа Саксона Грамматика о датчанинѣ Токо въ народный разсказъ объ основаніи швейцарскаго союза.

c) Борьба Людвига Баварскаго съ папой.

Отношенія папы къ нѣмецкимъ дѣламъ

Борьба за престолъ не кончилась взятіемъ Фридриха въ плѣнъ; братъ его, герцогъ Леопольдъ, руководившій его поступками, оставался не побѣжденъ и хотѣлъ мстить. Папа Іоаннъ XXII сталъ помогать Леопольду. Сынъ кагорскаго ремесленника, Іоаннъ съумѣлъ пріобрѣсти милость короля неаполитанскаго; этотъ покровитель сдѣлалъ его епископомъ фрежюсскимъ и авиньонскимъ, а по смерти Климента V доставилъ ему папскій престолъ (въ 1316 году). Іоаннъ былъ небольшого роста, дуренъ собой, но уменъ, хитеръ, опытенъ въ дѣлахъ. Онъ былъ роболѣпнымъ слугой королей неаполитанскаго и французскаго. Климентъ V уже говорилъ, что клятва, даваемая императоромъ при коронованіи, ставитъ его въ отношенія вассала къ папѣ; Генрихъ VII протестовалъ противъ этого притязанія. Нѣмецкіе и итальянскіе юристы поддерживали Генриха. Но въ августѣ 1312 года Климентъ всетаки сдѣлалъ такое распоряженіе, какъ будто папа—ленный господинъ римской имперіи. Онъ назначилъ Роберта неаполитанскаго императорскимъ викаріемъ въ Италіи. Новый папа заявлялъ такія же притязанія, пользуясь борьбою двухъ претендентовъ за нѣмецкій престолъ. Ни тотъ ни другой не хотѣли ссориться съ папой и оставляли высокомѣрныя притязанія Іоанна XXII безъ возраженій.

Итальянскія дѣла.

Итальянцы видѣли, что Іоаннъ XXII—слуга короля неаполитанскаго, стремящагося подчинить себѣ всю Италію. Маттео Висконти принималъ мѣры удержать за собою владычество въ Миланѣ, Піаченцѣ, Бергамо, Кремонѣ, Павіи и другихъ городахъ, которые присоединилъ онъ къ своему миланскому государству. Король неаполитанскій началъ войну съ Маттео Висконти. Папа отлучилъ отъ церкви всю фамилію Висконти и ея приверженцевъ, велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ противъ отлученныхъ. Фридрихъ Австрійскій, воображавшій, что пріобрѣтетъ большую пользу себѣ отъ покровительства папы, послалъ въ мартѣ 1322 своего брата Генриха съ 2.000 всадниковъ противъ Маттео Висконти; но скоро понялъ, что безрасудно воевать съ приверженцемъ нѣмецкой партіи въ Италіи, что дружба папы ненадежна, отозвалъ отрядъ Генриха назадъ и отправилъ уполномоченныхъ принять присягу ленной вѣрности отъ

городовъ, подвластныхъ Висконти. Старикъ Маттео умеръ 24 іюня 1322, оставивъ основанное его умомъ могущественное государство своимъ пятерымъ сыновьямъ, старшій изъ которыхъ, Галеаццо, былъ тоже человѣкъ умный. Наслѣдовавъ отцовскую власть, Галеаццо отправилъ пословъ къ Людвигу Баварскому съ просьбой прислать помощь ему, защищающему права нѣмецкаго государя въ Италіи противъ папы и короля неаполитанскаго. Людвигъ, взявшій въ плѣнъ Фридриха и считавшій своею обязанностью поддерживать права королевской власти въ Италіи, послалъ въ Ломбардію графа Марштеттена съ отрядомъ конницы. Въ іюлѣ Марштеттенъ и Галеаццо прогнали неаполитанское и папское войско, подступавшее къ Милану. Марштеттенъ принялъ на себя управленіе Миланомъ, какъ намѣстникъ нѣмецкаго короля.

Борьба папы противъ Людвига Баварскаго.

Іоаннъ дѣйствовалъ противъ Людвига Баварскаго враждебно, потому что такъ велѣлъ ему король французскій, Карлъ IV, думавшій сдѣлаться королемъ нѣмецкимъ, какъ думалъ объ этомъ уже его отецъ. Карлъ IV былъ женатъ на Маріи, сестрѣ короля богемскаго, потому могъ разсчитывать на его поддержку. Габсбургская партія, казалось, тоже расположена помогать французскому королю. Папа 8 октября 1323 объявилъ, что Людвигъ, принявшій на себя санъ короля нѣмецкаго безъ утвержденія папы, долженъ сложить его и ожидать папскаго рѣшенія. Іоаннъ назначилъ Людвигу три мѣсяца срока для исполненія этого требованія. Людвигъ отправилъ въ Авиньіонъ посольство просить папу о продолженіи срока, но съ тѣмъ 18 декабря. вмѣстѣ на нюрнбергскомъ сеймѣ заявилъ протестъ противъ притязанія папы, будто бы король, избранный курфирстами, нуждается въ папскомъ утвержденіи. Нѣмцы были недовольны притязаніями и поборами папы; францискапцы, находившіеся тогда въ ссорѣ съ папой и доминиканцами, поддерживали Людвига Баварскаго. Срокъ, назначенный папой, прошелъ; Людвигъ не исполнилъ его требованія. Іоаннъ 23 марта 1324 отлучилъ Людвига отъ церкви; Людвигъ отвѣчалъ на это манифестомъ, разъяснявшимъ вредъ, приносимый Германіи властолюбіемъ папы, и апеллировалъ отъ папской буллы къ вселенскому собору. Іоаннъ 11 іюля объявилъ Людвига низложеннымъ, а приверженцевъ его отлученными отъ церкви.

Политика нѣмецкихъ князей.

Эти дѣйствія папы служили для французскаго короля подготовкою къ полученію нѣмецкой короны. Герцогъ Леопольдъ, напрасно добивавшійся отъ Людвига освобожденія брата, принялъ въ озлобленіи на него сторону короля французскаго. На свиданіи съ Карломъ IV въ іюлѣ 1324 въ Барѣ на Обѣ онъ обѣщалъ подать при выборѣ короля голосъ за него и помогать ему противъ Людвига; Карлъ за это обѣщалъ ему большую единовременную награду и ежегодную плату. Но курфирсты опасались, что король французскій, получивъ нѣмецкую корону, подчинитъ ихъ себѣ. Потому духовные курфирсты

Договоры Людвига съ Габсбургами.

на свиданіи съ послами Карла IV и папы въ Ренсе рѣшительно отказались подать голосъ за Карла. Борьба папы съ Людвигомъ продолжалась. Людвигъ разсудилъ, что долженъ сдѣлать уступку Леопольду, требовавшему освобожденія брата, и 13 марта 1325 заключилъ въ Трауснищѣ съ Фридрихомъ договоръ, по которому Фридрихъ отказался отъ нѣмецкой короны и обѣщался, что всѣ Габсбурги будутъ помогать Людвигу; на этихъ условіяхъ Людвигъ освободилъ Фридриха изъ плѣна; къ трактату была прибавлена оговорка, что если братья Фридриха не согласятся помогать Людвигу, то Фридрихъ возвратится въ плѣнъ. Леопольдъ отвергъ трауснищкій договоръ, и Фридрихъ возвратился въ плѣнъ. Людвигъ проникся уваженіемъ къ его вѣрности слову, сталъ обращаться съ нимъ, какъ съ другомъ; они жили въ однѣхъ комнатахъ, обѣдали вмѣстѣ и 5 сентября (1325 года) заключили новый договоръ, по которому постановили, что будутъ оба вмѣстѣ управлять королевствомъ, какъ братья, и ни одинъ не будетъ присвоивать себѣ никакихъ преимуществъ надъ другимъ. Нѣмецкіе князья, и въ особенности курфирсты, объявили этотъ договоръ противузаконнымъ. Людвигъ и Фридрихъ заключили 7 января слѣдующаго (1326) года третій договоръ, по которому условились, что когда Людвигъ пойдетъ въ Италію получить императорскую корону, то съ нимъ пойдетъ Леопольдъ, а Фридрихъ будетъ управлять королевствомъ въ его отсутствіе. Вскорѣ послѣ того умеръ Леопольдъ (28 февраля 1326). Фридрихъ не имѣлъ той энергіи, какой былъ одаренъ братъ, усердно защищавшій его интересы, и по смерти Леопольда утратилъ всякое значеніе за границами габсбургскихъ владѣній. Онъ продолжалъ носить титулъ нѣмецкаго короля, но не вмѣшивался въ дѣла Германіи, занимаясь исключительно дѣлами своихъ наслѣдственныхъ земель. Онъ умеръ 13 января 1330 года.

d) Походъ Людвига въ Италію.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Гибеллины непренывно просили Людвига прійдти на помощь имъ. Ихъ положеніе было теперь тяжело. Незадолго передъ тѣмъ оно было хорошо. Основаніе могущественнаго государства Маттео Висконти дало имъ перевѣсъ надъ гвельфами въ Ломбардіи. Каструччо Кастракани, происходившій изъ луккской династіи Интерминелли, разбилъ флорентійцевъ и другихъ тосканскихъ гвельфовъ при Монтекатини, а потомъ (въ сентябрѣ 1325) при Альтопашо и сталъ неограниченнымъ владыкой Лукки. Но вскорѣ послѣ того дѣла гибеллиновъ получили другой оборотъ. Флорентійцы послѣ пораженія при Альтопашо передали на 10 лѣтъ управленіе своимъ городомъ сыну
Январь 1326. Роберта, короля неаполитанскаго, Карлу, герцогу калабрійскому. Гибеллины были не въ силахъ выдержать борьбу съ королемъ неаполитанскимъ и объявили Людвигу Баварскому, что перестануть при-

знавать его своимъ государемъ, если онъ не придетъ защитить ихъ отъ Роберта. Леопольдъ въ это время умеръ; Людвигъ не опасался Фридриха, видѣлъ свое положеніе въ Германіи упроченнымъ, потому рѣшился идти въ Италію. Нѣмецкіе князья не имѣли охоты помогать ему въ этомъ походѣ, собственныя силы его были истощены войною съ Фридрихомъ и Леопольдомъ; потому онъ не могъ собрать большое войско для похода въ Италію; но силы гибеллиновъ были велики и можно было разсчитывать, что когда они соберутся подъ его начальство, то онъ одолѣетъ гвельфовъ.

Людвигъ поѣхалъ въ Тріэнтъ, куда по его приглашенію съѣхались вожди гибеллиновъ. Отправляясь туда, онъ еще, быть можетъ, не имѣлъ твердаго намѣренія идти въ Италію, Но, увидѣвъ, какъ многочисленны и сильны итальянскіе владѣтели, готовые помогать ему, онъ увлекся надеждой одержать въ Италіи такіе успѣхи, которые возвысятъ его могущество въ Германіи, отнимутъ у папы силу вредить ему. На тріэнтскій съѣздъ пріѣхали Канграндe делла Скала веронскій, Пассерино мантуанскій, маркграфы Эсте феррарскіе, Висконти, другіе итальянскіе владѣтели, депутаты гибеллинскихъ городовъ. Наградивъ усердіе гибеллинскихъ владѣтелей предоставленіемъ имъ правъ императорскихъ намѣстниковъ, Людвигъ обнародовалъ на тріэнтскомъ сеймѣ актъ, обвинявшій Іоанна XXII въ ереси и объявлявшій его недостойнымъ занимать папскій престолъ. Начало похода, декабрь 1326.

Въ борьбѣ съ папой усердно помогали Людвигу миноріты (францисканцы). Они говорили, что Христосъ и апостолы не имѣли собственности, потому не должны имѣть ее и преемники ихъ; это возбудило въ папѣ и во всемъ высшемъ духовенствѣ ненависть къ францисканскому ордену. Доминиканцы были помощниками папы въ борьбѣ съ ними. Папа объявилъ еретиками всѣхъ тѣхъ, кто требуетъ, чтобы церковь отказалась отъ всякой собственности. Францисканцы стали на сторону Людвига. Знаменитые францисканскіе богословы и юристы Микаэле Чезенскій, Уильямъ Оккамъ, Бонаграція Бергамскій, Убертино Казальскій, Марсиліо Раймондини Падуанскій, Джованни Яндуно Перуджійскій, Ульрихъ Гофмайеръ, секретарь Людвига, писали трактаты и прокламаціи противъ притязаній папы, обвинительные акты Людвига противъ него, отвѣты его на папскія буллы. Въ знаменитѣйшемъ изъ этихъ актовъ «Защитникъ мира» Defensor pacis, написанномъ Марсиліо и Яндуно, послѣдовательно и рѣзко развиваются принципы, по которымъ папская система подвергается тяжелому осужденію, притязаніе папъ на власть надъ императоромъ и королями называется неосновательнымъ высокомѣріемъ, доказывается, что даже въ духовныхъ дѣлахъ власть папы ограничивается предѣлами, опредѣляемыми независимостью епископовъ и властью соборовъ. Еще больше, чѣмъ своими учеными сочиненіями, францисканцы помогали Людвигу проповѣдями и вліяні- Миноріты.

емъ на народъ черезъ исповѣдь. Они были аскеты, жили въ нищетѣ, потому народъ имѣлъ больше уваженія къ нимъ, чѣмъ къ доминиканцамъ, защищавшимъ папу. Буллы противъ Людвига производили въ Германіи очень мало впечатлѣнія; одною изъ причинъ безуспѣшности ихъ была защита Людвига францисканцами.

Дѣйствія папы. На обвинительный актъ, прочтенный въ Тріэнтѣ, папа отвѣчалъ буллой 3 апрѣля 1327 года. Онъ говорилъ въ ней, что Людвигъ незаконно принялъ на себя санъ римскаго короля, помогалъ миланскимъ и феррарскимъ еретикамъ и другимъ врагамъ церкви, что онъ хочетъ низвергнуть папскій престолъ, что потому онъ вновь отлучается отъ церкви, объявляется лишеннымъ всѣхъ своихъ владѣній, что его подданные освобождаются отъ присяги, данной ему. Людвигъ дѣйствовалъ, не обращая вниманія на проклятіе папы.

Людовикъ въ Миланѣ 1327. Въ половинѣ марта Людвигъ выступилъ изъ Тріэнта, «бѣдный и алчный, съ небольшой свитой: при немъ не было и шестисотъ всадниковъ», говоритъ Виллани. Бергамо и Комо приняли его съ восторгомъ. Римляне прогнали сторонниковъ Роберта и прислали Людвигу приглашеніе идти въ Римъ. Онъ подошелъ къ Милану; Галеаццо Висконти встрѣтилъ его съ почетомъ; на Троицу (31 мая) онъ короновался желѣзною ломбардскою короной. Но дружба его съ Висконти скоро поколебалась. Сыновья Маттео ссорились между собою, младшіе братья были недовольны властолюбивымъ Галеаццо; въ особенности непріязненъ былъ ему одинъ изъ братьевъ, храбрый воинъ Марко Висконти. Кажется, что Галеаццо былъ обвиненъ передъ Людвигомъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ папскими легатами; по другимъ извѣстіямъ, Людвигъ требовалъ отъ него такихъ громадныхъ суммъ, которыхъ не могъ онъ уплатить. Какъ бы то ни было, но вначалѣ іюля Людвигъ велѣлъ схватить Галеаццо и двухъ его братьевъ Луккино и Джованни, и отвезти ихъ въ Монцу въ ужасныя темницы, незадолго передъ тѣмъ построенныя Галеаццо. Нѣмцу Рейшаху было поручено держать арестованныхъ подъ суровой стражей. Людвигъ передалъ управленіе Миланомъ комитету 24 миланскихъ вельможъ и назначилъ своимъ намѣстникомъ въ этомъ городѣ графа Гильіома Монфора. Марко Висконти и другіе гибеллины, возбуждавшіе Людвига противъ Галеаццо, были очень недовольны тѣмъ, что власть не отдана имъ. Деспотическій поступокъ съ Висконти впослѣдствіи сильно повредилъ Людвигу.

Походъ въ Римъ. Августъ. Къ Людвигу пришло довольно много нѣмцевъ, примкнуло много итальянцевъ; такимъ образомъ онъ выступилъ изъ Милана съ большимъ войскомъ. Онъ шелъ не встрѣчая сопротивленія. Кардиналъ Бертрано, начальствовавшій папскими наемниками въ Ломбардіи, держалъ себя такъ осторожно или робко, что нѣкоторые винили его въ измѣнѣ. Въ Орчи (близъ Брешіи) вожди гибеллиновъ снова собрались на сеймъ; Людвигъ объяснилъ имъ причины низверженія Висконти,

показалъ измѣнническія письма Галеаццо къ легатамъ; «нѣкоторые считаютъ эти письма подлинными, другіе подложными», говоритъ Виллани. Вожди гибеллиновъ, стремившіеся сдѣлаться независимыми государями, вѣроятно были очень недовольны отнятіемъ власти у Висконти, стали опасаться за самихъ себя; но наемники Канграпде, Пассерино и Эсте остались при войскѣ короля въ дальнѣйшемъ походѣ. Каструччо Кастракани, владѣтель Лукки, вышелъ на встрѣчу Людвигу. Пиза вѣроятно по воспоминанію объ обременительности посѣщенія, сдѣланнаго ей Генрихомъ VII, предлагала Людвигу 60.000 золотыхъ монетъ за то, чтобъ онъ не вступалъ въ ея область. Но ему казалось необходимымъ овладѣть этимъ приморскимъ городомъ; онъ при содѣйствіи Каструччо осадилъ Пизу. Пизанцы оборонялись болѣе мѣсяца, наконецъ въ октябрѣ согласились принять короля въ свой городъ, заплатить ему сумму, какую предлагали прежде, дозволить изгнанникамъ возвратиться. Онъ обѣщался не измѣнять учрежденій Пизы и не брать Каструччо въ городъ (пизанцы вѣроятно опасались, что онъ отдастъ ихъ подъ власть этому деспоту). Людвигъ плохо исполнилъ свои обѣщанія. Каструччо получилъ награду за свое усердіе: онъ владѣлъ Луккой, Пистойей, Луни, только какъ намѣстникъ короля; Людвигъ отдалъ ему эти города въ наслѣдственное владѣніе. Напасть на Флоренцію Людвигъ не отважился и пошелъ мимо этого города дальше въ Римъ.

Римляне были недовольны тѣмъ, что папа живетъ не въ ихъ городѣ; они теряли отъ этого много доходовъ. Римскіе вельможи досадовали на то, что должны повиноваться Роберту. Граждане взялись за оружіе подъ предводительствомъ Шарры Колонны и послѣ кровопролитной битвы на улицахъ прогнали сторонниковъ Роберта, установили у себя республиканское правленіе, главные сановники котораго назывались народными трибунами и президентомъ котораго былъ назначенъ Шарра Колонна съ титуломъ капитана (главнокомандующаго). Людовикъ былъ тогда въ Миланѣ. Они послали приглашеніе ему, какъ мы говорили. По пути, черезъ Тоскану въ Витербо, къ нему присоединялись нѣмцы, приходившіе изъ Германіи, и сосѣдніе гибеллины. Сильнымъ помощникомъ его былъ Каструччо. Гибеллинскіе города, лежавшіе по пути, доставляли содержаніе войску. Людвигъ шелъ быстро и 7-го января 1328 вступилъ въ Римъ; граждане радостно привѣтствовали его. Черезъ 10 дней (17 января) онъ и его супруга Маргарета были коронованы. Миропомазаніе совершали епископы венеціанскій и алерійскій (отлученные папой отъ церкви). Короны на Людвига и Маргарету возложили правители города Рима. Людвигъ разсудилъ, что пришло теперь время отмстить папѣ, объявившему его отлученнымъ отъ церкви и низложеннымъ. Онъ обнародовалъ законъ, говорившій, что каждый виновный въ ереси или мятежѣ можетъ быть судимъ законными судьями безъ соблюденія обыч-

Настроеніе Римлянъ.

Людвигъ въ Римѣ.

14 апрѣля 1328.

ныхъ формъ. Черезъ четыре дня (18 апрѣля) онъ на Капитоліѣ въ присутствіи правителей города, францисканцевъ и многихъ духовныхъ сановниковъ провозгласилъ, что Іаковъ Кагорскій, называющій себя папою Іоанномъ XXII, объявляется виновнымъ въ симоніи, ереси и мятежѣ и за эти преступленія лишается папскаго сана. Далѣе Людвигъ постановилъ, что папа долженъ имѣть свою резидедцію въ Римѣ и не можетъ безъ дозволенія римскаго народа и духовенства отлучиться изъ города на разстояніе болѣе двухъ дней пути. На мѣсто низложеннаго Іоанна XXII папою былъ назначенъ францискаНецъ Піэро Райналуччи, славившійся чистотою нравовъ и ученостью и принявшій имя Николая V.

12 мая.

Ошибки Людвига.

Этимъ кончились успѣхи Людвига; отчасти по неблагопріятности обстоятельствъ, отчасти по его собственной винѣ побѣдоносный походъ его въ Римъ кончился жалкой неудачей. Низверженіе Висконти возстановило противъ Людвига многихъ вождей гибеллинской партіи; теперь онъ поссорился съ Каструччо, содѣйствію котораго былъ въ значительной степени обязанъ своими успѣхами. Каструччо просилъ, чтобы Людвигъ отдалъ ему Пизу и освободилъ арестованныхъ Висконти, друзей его. Людвигъ отвѣчалъ ему отказомъ; онъ разсердился и ушелъ подъ предлогомъ надобности отнять у флорентійцевъ Пистойю, которой овладѣли они. Людвигъ увидѣлъ свою ошибку, исполнилъ желаніе Каструччо, освободилъ Висконти (25 марта), назначилъ Каструччо императорскимъ намѣстникомъ въ Пизѣ (29 мая), но Каструччо остался раздраженъ на него.

Отступленіе Людвига изъ Рима.

Удаленіе Каструччо ослабило Людвига. Притомъ онъ нуждался въ деньгахъ: гибеллинскіе города перестали присылать ему ихъ. Робертъ занялъ пограничныя мѣстности и отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Римъ. Римляне были раздражены насиліями бѣдныхъ, алчныхъ и буйныхъ нѣмцевъ. Людвигу пришлось бросить мысль о нападеніи на Неаполь и думать объ отступленіи изъ Рима. Въ началѣ августа онъ пошелъ оттуда, римляне провожали нѣмцевъ насмѣшками, бросали въ нихъ камнями. Николай V удалился съ своимъ императоромъ. Римскій народъ перешелъ на сторону гвельфовъ, принялъ неаполитанскій гарнизонъ, и народное собраніе объявило уничтоженными всѣ распоряженія Людвига, велѣло публично сжечь его эдикты.

Обратный путь Людвига.

Людвигу не пришлось вступать въ борьбу съ Каструччо; этотъ деспотъ умеръ 3 сентября (1328 года). Людвигъ отмстилъ его сыновьямъ, отнялъ у нихъ значительную часть владѣній, которыя самъ далъ ихъ роду въ наслѣдственную собственность. Пизанцы прогнали сыновей Каструччо и съ радостью отворили свои ворота императору. Граждане Лукки купили у него возстановленіе своей свободы. По примѣру Каструччо отложились отъ Людвига многіе другіе гибеллинскіе владѣтели. Маркграфы Эсте примирились съ папой; примирились

и Висконти. Галеаццо умеръ вскорѣ послѣ своего освобожденія. Людвигъ назначилъ на отцовскую должность его сына, Аццо, чтобы возвратить себѣ расположеніе раздосадованныхъ гибеллинскихъ владѣтелей; но Аццо не могъ простить Людвигу обидъ, искалъ случаевъ отмстить ему, примирился съ папой. Пиза была утомлена обременительными расходами на содержаніе императорской свиты и войска. При всѣхъ поборахъ съ итальянцевъ Людвигъ не имѣлъ денегъ на жалованье наемникамъ, они толпами покидали его. Такимъ образомъ онъ былъ принужденъ идти изъ Пизы дальше на сѣверъ. Онъ хотѣлъ наказать Аццо за отступничество, осадилъ Миланъ, потерпѣлъ жалкую неудачу и принужденъ былъ заключить договоръ, по которому назначилъ Аццо императорскимъ намѣстникомъ въ Миланѣ, получивъ отъ него за это нѣсколько денегъ (23 сентября 1329). Презираемый итальянцами, покинутый нѣмецкими наемниками, Людвигъ къ концу года возвратился безъ денегъ и войска въ Германію.

Возвращеніе Людвига въ Германію.

Всѣ его мечты о покореніи Италіи и объ укрѣпленіи своей власти надъ Германіей пріобрѣтеніемъ императорской короны оказались пустыми. Онъ вернулся въ Германію какъ бѣглецъ. Его папа Николай V доѣхалъ съ нимъ до Пизы, отдался подъ покровительство новаго правителя Пизы, графа Бонифаціо Новелло Доноратико. Черезъ нѣсколько времени Доноратико примирился съ Іоанномъ XXII; тогда Николай отказался отъ папскаго титула, упалъ къ ногамъ Іоанна, выражая раскаяніе въ своемъ грѣхѣ, и былъ принятъ въ лоно церкви. 1330.

e) Правленіе Людвига въ Германіи.

Во время итальянскаго похода Людвига, папа возбуждалъ противъ него нѣмецкихъ князей. Архіепископъ майнцскій и нѣкоторые другіе курфирсты говорили, что надобно выбрать другого короля; но Бальдуинъ, архіепископъ трирскій, и Іоаннъ, король богемскій, не допустили этого.

Нѣмецкія дѣла въ отсутствіе Людвига.

Могущественнѣйшими династіями были тогда Люксембургская и Габсбургская. Къ счастью Людвига онѣ враждовали между собой, и потому каждая изъ нихъ искала расположенія короля. Во время итальянскаго похода Людвига Іоаннъ Богемскій велъ жизнь странствующаго рыцаря, сражался съ герцогомъ австрійскимъ, съ пруссами и литовцами, съ мелкими князьями на Рейнѣ. Ссоры съ Габсбургами покончились договоромъ 9 мая 1330 года; послѣ того Іоаннъ сталъ хлопотать о примиреніи папы съ императоромъ. Но Іоаннъ XXII оставался упрямъ, не хотѣлъ признать Людвига королемъ, возобновилъ свой приговоръ о его низложеніи, требовалъ выбора новаго короля. Герцоги австрійскіе едва не поссорились съ Людвигомъ изъза эльзасскаго города Кольмара, въ которомъ приверженцы императора взяли верхъ надъ сторонниками габсбургской династіи. Оттонъ

Отношенія Людвига къ люксембургской и габсбургской династіямъ.

Австрійскій осадилъ Кольмаръ, Людвигъ пошелъ освободить городъ отъ осады; но Іоаннъ Богемскій убѣдилъ императора и Оттона помириться. По договору, заключенному въ Гагенау въ августѣ 1330, герцоги австрійскіе признали Людвига королемъ, обѣщались помогать ему противъ всѣхъ враговъ. Онъ обѣщалъ заплатить имъ 20.000 марокъ вознагражденія и отдалъ въ залогъ нѣсколько имперскихъ городовъ.

Каринтійско-тирольскія дѣла.

Генрихъ, герцогъ каринтійскій и графъ тирольскій, воевавшій съ Іоанномъ за богемскую корону, давно помирился съ нимъ. Старикъ Генрихъ вздумалъ сватать сестру Іоанна, Марію, молоденькую дѣвушку; она отказала ему, тогда онъ сталъ сватать тетку Іоанна, Беатрису Брабантскую. Пользуясь этимъ, Іоаннъ 1324 года склонилъ его отказаться отъ притязаній на богемскій престолъ и обѣщался заплатить ему за это 40.000 марокъ серебра. Старикъ не получилъ ни этихъ денегъ, ни руки Беатрисы Брабантской, но остался друженъ съ Іоанномъ. Черезъ нѣсколько времени онъ женился на Беатрисѣ Савойской. Это былъ третій бракъ его, оставшійся бездѣтнымъ. Отъ второй жены онъ имѣлъ двухъ дочерей. Старшая, Адельгейда, была больная и слабоумная, младшая, Маргарета Маульташъ, была наслѣдницей отцовскихъ владѣній; король богемскій въ 1330 году сосваталъ ее за своего сына, Іоанна Генриха. Генриху Тирольскому было дано отъ императора право завѣщать владѣнія дочери и ея мужу, но испросивъ особое императорское утвержденіе акту, которымъ это будетъ сдѣлано; потому Іоаннъ долженъ былъ поддерживать дружбу съ императоромъ, чтобы Людвигъ утвердилъ его сына наслѣдникомъ владѣній Генриха.

Походъ Іоанна Богемскаго въ Италію. Сентябрь 1330

Женивъ Іоанна Генриха на наслѣдницѣ Каринтіи и Тироля, король богемскій отправился въ Италію, мечтая пріобрѣсти тамъ блистательные успѣхи. Послѣ постыднаго отступленія Людвига, король неаполитанскій и кардиналъ-легатъ Бертрано Подджето, главнокомандующій войскъ папы, одолѣвали гибеллиновъ. Людовикъ не имѣлъ возможности думать о новомъ походѣ въ Италію; Іоаннъ Богемскій вообразилъ, что можетъ пріобрѣсти тамъ себѣ новое государство. Онъ пошелъ туда съ большимъ войскомъ, гиббеллины радостно встрѣчали его. Императору, спрашивавшему о цѣли похода, онъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ не во вредъ императорскимъ правамъ и нѣмецкому государству, а въ интересахъ Германіи. Успѣхи его вначалѣ были эффектны: Брешія, Бергамо, Комо, Парма, Кремона, Павія, Редджо, Модена, Лукка покорились ему; самый Миланъ призналъ его своимъ покровителемъ; но нѣмецкія дѣла принудили его вернуться домой; въ іюнѣ 1331 года онъ ушелъ изъ Италіи, оставивъ тамъ своего сына, Карла.

Декабрь 1330. Мартъ 1331.

Ссора Людвига съ Іоанномъ.

Императоръ сердился на походъ Іоанна, державшаго себя въ Италіи императорскимъ намѣстникомъ, считалъ опаснымъ присоединеніе Каринтіи и Тироля къ богемскому государству. Герцоги австрійскіе тоже находили это опаснымъ для себя, потому онъ сблизился съ ними,

и 26 ноября 1330 года былъ заключенъ тайный договоръ, по которому герцоги австрійскіе соглашались, чтобы послѣ смерти Генриха Людвигъ взялъ себѣ Тироль, а онъ отдавалъ имъ Каринтію. Въ апрѣлѣ 1331 года Людвигъ на нюрнбергскомъ сеймѣ порицалъ самовластіе короля богемскаго. Положеніе императора въ Германіи было теперь прочно, и онъ сталъ готовиться къ новому походу въ Италію. Іоаннъ побоялся оставаться тамъ, пріѣхалъ смягчить досаду императора и на свиданіи съ нимъ въ іюнѣ 1331 года успѣлъ въ этомъ. Императоръ и онъ условились дѣйствовать въ Италіи заодно. Онъ поѣхалъ въ Богемію, на которую напали австрійцы, венгры и поляки, прогналъ австрійцевъ и венгровъ, заключилъ перемиріе съ королемъ польскимъ и отправился въ Парижъ и въ Авиньіонъ мирить папу съ императоромъ. Папскія буллы не вредили Людвигу, но все-таки онъ желалъ примиренія съ церковью и предлагалъ черезъ короля богем- Октябрь 1331.
скаго большія уступки папѣ, написалъ ему собственноручное письмо. Упрямый смарикъ оставался непреклоненъ въ своей враждѣ къ Людвигу, и всѣ хлопоты Іоанна были напрасны.

Планы Іоанна относительно Италіи.

Эта неудача не повредила дружбѣ Іоанна съ Людвигомъ; они 23 августа 1332 года заключили новый договоръ о союзѣ и условились, что сынъ императора, Людвигъ, получившій отъ отца вакантное маркграфство бранденбургское, женится на дочери Іоанна Аннѣ; король богемскій обѣщался держать ломбардскіе города въ повиновеніи императору, не отдавать ихъ въ залогъ ни королю французскому, ни папѣ, а императоръ предоставилъ ему свободу дѣйствій въ Италіи. Но тамъ дѣла получили оборотъ невыгодный для Іоанна: онъ дѣйствовалъ деспотически, строилъ цитадели въ городахъ, отдавшихся подъ его покровительство, выказывалъ этимъ намѣреніе поработить ихъ, обременялъ ихъ налогами; сановники его были алчны; воины буйствовали и грабили; все это такъ раздражило ломбардцевъ, что гибеллины соединились противъ него съ гвельфами. Карлъ, остававшійся намѣстникомъ отца въ Италіи, разбилъ войска новой итальянской лиги при Санъ-Феличе (29 ноября 1333), но лига оставалась сильнѣе его; Брешія, Бергамо, Навара, Павія и другіе города, прогнавшіе передъ тѣмъ временемъ нѣмцевъ, удержали свою независимость. Въ февралѣ 1332 года пришелъ въ Италію самъ Іоаннъ, но не могъ поправить дѣла, терпѣлъ неудачи, былъ разбитъ 14 апрѣля при Феррарѣ, былъ вынужденъ заключить перемиріе и удалился изъ Италіи, взявъ насиліемъ большія суммы съ городовъ, остававшихся подъ его властью и заложивъ нѣкоторые изъ нихъ мѣстнымъ владѣтелямъ; такъ напримѣръ, Лукку и Парму онъ заложилъ Росси, Редджо заложилъ Тальяни, Модену заложилъ Пильи.

Іоаннъ вернулся изъ Италіи въ Германію вѣроятно потому, что воображалъ, будто бы Людвигъ согласится отказаться отъ нѣмецкой короны и она достанется ему или его сыну, Карлу. Онъ давно велъ переговоры и

Дѣло объ отреченіи Людовика отъ короны.

интриги въ надеждѣ добиться этого. Подробности дѣла остаются темны для насъ; ясно только то, что Людвигъ тяготился ссорой съ папою, а папа упрямо требовалъ, чтобъ онъ сложилъ съ себя корону. Іоаннъ надѣялся, что король французскій, Филиппъ IV, будетъ поддерживать его: онъ женилъ своего старшаго сына Карла на сестрѣ Филиппа, Бланкѣ, велъ переговоры о томъ, чтобы наслѣдникъ французскаго престола женился на его дочери, Гутѣ, и обѣщался, что если онъ или его сынъ Карлъ получитъ нѣмецкую корону, то будутъ признаны принадлежащими Франціи всѣ области нѣмецкаго государства, захваченныя французскими королями. О своихъ притязаніяхъ на нѣмецкую корону Іоаннъ молчалъ, выставляя кандидатомъ своего зятя, герцога нижнебаварскаго, Генриха II. Людвигъ выказалъ расположеніе сложить съ себя корону; Іоаннъ сталъ вести переговоры съ курфирстами. Генрихъ нижнебаварскій обратился къ рейнскимъ городамъ съ требованіемъ, чтобъ они присягнули на вѣрность ему, говорилъ имъ, что Людвигъ отказался отъ короны, и курфирсты согласились отдать ее ему. Рейнскіе города отправили къ Людвигуословъ спросить, дѣйствительно ли онъ хочетъ отказаться отъ короны. Онъ (въ іюлѣ 1334) отвѣчалъ на это циркуляромъ, въ которомъ говорилъ, что вовсе не былъ намѣренъ сложить съ себя корону, а велъ переговоры только о выборѣ преемника ему. Вообще это дѣло остается, какъ мы говорили, темнымъ. Людвигъ сталъ грозить, что созоветъ вселенскій соборъ, который низложитъ Іоанна XXII. Разумѣется эта угроза осталась неисполнена. Іоаннъ XXII умеръ 4 декабря 1334 года; ему было тогда уже девяносто лѣтъ. Продажею церковныхъ должностей и всяческими поборами съ духовенства онъ собралъ въ свое двадцатилѣтнее управленіе церковью громадныя богатства; говорятъ, что онъ оставилъ своимъ родственникамъ 17 милліоновъ золотыхъ монетъ (золотыхъ флориновъ, то-есть дукатовъ, червонцевъ) и что въ папскомъ казначействѣ хранилось серебряной посуды и драгоцѣнныхъ камней на 7 милліоновъ золотыхъ флориновъ.

Война за наслѣдство Генриха Каринтійскаго.

Генрихъ Каринтійскій умеръ 2 апрѣля 1335; Людвигъ и герцоги австрійскіе возобновили 2 мая свой прежній договоръ, по которому габсбургскіе герцоги брали себѣ Каринтію, Крайну и ту часть Тироля, которая принадлежитъ къ бассейну рѣки Адидже, а императоръ бралъ себѣ остальной Тироль (бассейнъ Инна). Они обѣщали другъ другу помощь противъ Іоанна Богемскаго, который требовалъ наслѣдства Генриха Каринтійскаго для его дочери, Маргареты Маульташъ, и своего сына, женатато на ней. Крайна присягнула герцогамъ австрійскимъ; каринтійскій и тирольскій сеймы протестовали противъ самовластнаго распоряженія императора и герцоговъ австрійскихъ; но Іоаннъ лежалъ тогда въ Парижѣ, раненый на турнирѣ; помощи отъ юга нельзя было ожидать, потому и они покорились. Наконецъ Іоаннъ возвратился въ Прагу, сталъ готовиться къ войнѣ, заключилъ миръ съ королемъ польскимъ, оборонительный и наступательный союзъ съ Карломъ, королемъ венгерскимъ, и чтобы выиграть время для своихъ военныхъ приготовленій велъ переговоры съ противниками. Людвигъ заключилъ съ нимъ перемиріе на девять мѣсяцевъ (16 сентября 1335). Онъ послалъ своего сына Карла въ Тироль принять управленіе этой страной отъ имени законной наслѣдницы, потому его противники рѣшили напасть на него, не дожидаясь конца перемирія, но онъ предупредилъ ихъ, вошелъ въ Австрію самъ; войско его было многочисленно, у него были кромѣ чеховъ
Февраль 1336. венгры и отряды другихъ союзниковъ. Генрихъ Оттонъ торопливо отступалъ. Но онъ и теперь, какъ всегда, нуждался въ деньгахъ, потому не могъ энергически продолжать военныя дѣйствія; притомъ венгры ушли отъ него. Императоръ между тѣмъ собралъ войско, соединился съ герцогами австрійскими, не соглашавшимися уступить ему нѣкоторые замки, и

въ досадѣ отступилъ. Герцоги австрійскіе заключили съ Іоанномъ миръ, по которому признали Маргарету законной владѣтельницей Тироля и обѣщались защищать ее отъ нападеній императора; за это Іоаннъ уступилъ имъ Каринтію, Крайну и виндскую марку. Маргарета и ея мужъ протестовали противъ уступки части ея наслѣдственныхъ владѣній, но не могли сдѣлать ничего. Людвигъ не получилъ никакой выгоды отъ своей интриги, а только перессорился съ герцогами австрійскими и королемъ богемскимъ.

Отношеніе Людвига къ королямъ французскому и англійскому.

Людвигу очень хотѣлось примириться съ церковью. Папа Бенедиктъ VII былъ человѣкъ миролюбивый и желалъ освободиться изъ-подъ власти французскаго короля. Людвигъ отправлялъ къ нему посольства, но переговоры оставались напрасны, потому что французскій король запрещалъ Бенедикту мириться. Людвигъ увидѣлъ, что надобно пріобрѣсти дружбу французскаго короля; Филиппъ IV не отказывался отъ его предложеній, потому что ожидалъ нападенія короля англійскаго.

Эдуардъ III, готовясь къ нападенію на Францію, искалъ себя союзниковъ, вступилъ въ переговоры между прочимъ и съ Людвигомъ. Филиппъ IV узналъ о переговорахъ Людвига съ Эдуардомъ, увидѣлъ, что Людвигъ хочетъ обманывать его, и снова сталъ мѣшать примиренію папы съ императоромъ. Эдуардъ обѣщалъ Людвигу деньги, потому что императоръ, подобно другимъ нѣмецкимъ князьямъ, имѣлъ влеченіе къ союзу съ королемъ англійскимъ; но долго колебался, желая примириться съ папой. Наконецъ въ іюлѣ 1333 года онъ заключилъ съ Эдуардомъ договоръ, по которому обязался за 300.000 флориновъ (червонцевъ) послать Эдуарду 2.000 копій (2.000 рыцарей и около 10.000 другихъ воиновъ) на войну съ Франціей и оставить ихъ на войнѣ до ноября. Многіе нѣмецкіе князья, въ томъ числѣ герцоги австрійскіе, были расположены помогать Эдуарду. Только Іоаннъ Богемскій оставался непоколебимымъ союзникомъ короля французскаго.

Кобленцскій сеймъ. Сентябрь 1338.

Союзъ Людвига съ Эдуардомъ былъ упроченъ личнымъ свиданіемъ на блестящемъ сеймѣ въ Кобленцѣ. Императоръ принялъ на себя роль судьи спора между королями французскимъ и англійскимъ, объявилъ, что Филиппъ Валуа противозаконно присвоилъ себѣ французскую корону, провозгласилъ его врагомъ нѣмецкаго королевства за то, что онъ занялъ Камбрѐ и другіе города, принадлежащіе этому государству; провозгласивъ это, Людвигъ назначилъ Эдуарда III намѣстникомъ короля нѣмецкаго въ областяхъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу Рейна, то-есть далъ Эдуарду право требовать войскъ отъ князей и городовъ этихъ областей. Но въ то же время продолжалъ переговоры съ королемъ французскимъ и папой.

Настроеніе умовъ въ Германіи.

Нѣмцы видѣли, что папа - только орудіе французскаго короля и негодовали на обиды, какія наноситъ онъ императору. Въ особенности раздражены были противъ папы горожане. Нѣмецкіе князья тоже находили, что притязанія папы владычествовать надъ нѣмецкимъ королемъ обидны для нихъ, и въ частности курфирсты не могли

допустить, чтобы выборъ нѣмецкаго короля, сдѣланный ими, считался нуждающимся въ папскомъ утвержденіи. Такимъ образомъ, нѣмцы были расположены принять крутыя мѣры противъ притязаній папы.

Съѣздъ курфирстовъ въ Ренсѣ.

Въ мартѣ 1338 собрались въ Шпейерѣ довольно многіе епископы майнцской митрополіи и отправили къ папѣ письмо, въ которомъ просили его прекратить гибельную ссору. Около того же времени имперскіе города отправили ему такое же письмо. Обѣ эти просьбы остались напрасны. Тогда курфирсты приняли рѣшеніе, имѣющее большую важность въ исторіи нѣмецкаго государственнаго права. Всѣ они, кромѣ Іоанна Богемскаго, преданнаго королю французскому, съѣхались въ Оберланштейнѣ и 15 іюля поклялись охранять права нѣмецкаго государства. На слѣдующій день, 16 іюля, они близъ селенія Ренсе подписали актъ, извѣстный подъ названіемъ перваго соглашенія нѣмецкихъ курфирстовъ; въ немъ курфирсты объявляли, что они соединились «на защиту почестей, правъ, свободъ, и обычаевъ государства и своей княжеской чести избирателей короля», что «по закону и старинѣ обычай королевства таковъ, что когда кто избранъ большинствомъ князей избирателей въ санъ римскаго короля, онъ не нуждается въ утвержденіи апостольскаго престола для управленія имуществами и правами государства и для ношенія королевскаго титула». Послѣ того собрались на сеймъ во Франкфуртъ нѣмецкіе князья и депутаты имперскихъ городовъ. Давно не было такого многочисленнаго съѣзда на сеймъ. Людвигъ изложилъ собранію, какія мѣры принималъ онъ для примиренія съ папой. Духовные и свѣтскіе князья объявили, что если ссора съ папой не прекращается, то не императоръ виноватъ въ этомъ, что поступки папы противузаконны, что буллы объ отлученіи и объ интердиктѣ, обнародованныя папой, не должны быть исполняемы. Сеймъ подтвердилъ постановленіе съѣзда курфирстовъ и прибавилъ, что выборъ, сдѣланный курфирстами, даетъ также и право на императорскій титулъ. Сообразно рѣшеніямъ сейма былъ 8 августа обнародованъ императоромъ законъ, говорившій: «по совѣту и согласію курфирстовъ и чиновъ государства мы объявляемъ, что императорскій санъ происходитъ непосредственно и единственно отъ Бога; что избранный всѣми курфирстами или большинствомъ ихъ немедленно и исключительно по выбору ихъ становится королемъ и императоромъ, слѣдовательно, не нуждается въ признаніи и утвержденіи отъ апостольскаго престола». Императорскіе манифесты, составленные очень основательно, опровергали съ рѣзкой логикой притязанія и приговоры папы.

Франкфуртскій сеймъ.

Значеніе этихъ рѣшеній.

Рѣшенія, принятыя въ Ренсе и во Франкфуртѣ, оградили честь нѣмецкаго государства. Духовенство согласилось съ міранами въ необходимости отвергнуть притязанія папы. Одинъ изъ итальянскихъ писателей того времени говоритъ, что въ Германіи былъ даже планъ

отдѣлить нѣмецкую церковь отъ папскаго престола, учредить нѣмецкій патріархатъ. Было объявлено, что не должно признавать отлученіе отъ церкви, не должно соблюдать интердиктъ, богослуженіе возобновилось. Тѣ духовныя лица, которыя не повиновались этому приказанію, были строго наказываемы. Но Людвигъ былъ не такой человѣкъ, чтобы дѣйствовать послѣдовательно, твердо. Скоро онъ пересталъ исполнять принятыя сеймомъ рѣшенія, и нѣмецкая нація въ негодованіи перестала поддерживать его.

f) Послѣднее время правленія Людвига.

Единодушіе короля, князей и націи, проявившееся на франкфуртскомъ сеймѣ, произвело свое дѣйствіе на ходъ событій. Единственный курфирстъ, остававшійся враждебнымъ императору, Іоаннъ Богемскій примирился съ нимъ и въ мартѣ слѣдующаго года присягнулъ на вѣрность Людвигу, призналъ всѣ свои владѣнія ленами нѣмецкаго короля, обѣщался помогать ему противъ всѣхъ враговъ, даже и противъ папы. Людвигъ утвердилъ Іоанна Генриха, сына богемскаго короля, въ ленномъ владѣніи Тиролемъ. Но одержавъ такой рѣшительный успѣхъ, Людвигъ продолжалъ вести себя безхарактерно, и результаты патріотическаго одушевленія націи исчезли. Онъ возобновилъ переговоры съ королемъ французскимъ и папой. Его предложенія по прежнему были отвергаемы. Дѣйствія Людвига послѣ франкфуртскаго сейма.

Въ сентябрѣ Эдуардъ началъ походъ, подошелъ къ Камбре; этотъ городъ, принадлежавшій къ нѣмецкому королевству, но отдавшійся подъ покровительство французскаго короля, не отворилъ воротъ Эдуарду. Людвигъ объявилъ его мятежнымъ за сопротивленіе намѣстнику нѣмецкаго короля, но не помогалъ Эдуарду. Черезъ годъ Эдуардъ заключилъ перемиріе съ Филиппомъ (25 сентября 1340). Людвигъ совершенно отступилъ отъ союза съ нимъ, заключилъ миръ съ Филиппомъ, призналъ его законнымъ государемъ всѣхъ нѣмецкихъ земель, которыми овладѣлъ онъ, обѣщался отнять у Эдуарда санъ своего намѣстника (въ январѣ 1341), потомъ уполномочилъ французскаго короля вести за него переговоры съ папой. Но Филиппъ только хотѣлъ отвлечь его отъ союза съ Эдуардомъ и, достигнувъ этого, не имѣлъ интереса прекращать его ссору съ папой; она была выгодна для французскаго короля, державшаго папу въ своихъ рукахъ.

Людвигъ не помогалъ Эдуарду отчасти потому, что желалъ примиренія съ папой, а для этого нуждался въ дружбѣ Филиппа; но отчасти и потому, что былъ занятъ другимъ дѣломъ, болѣе близкимъ и важнымъ. Генрихъ II, герцогъ нижнебаварскій, постоянно ссорившійся съ Людвигомъ, умеръ 1 сентября 1339. Въ концѣ слѣдующаго года (20 декабря 1340) умеръ и его малолѣтній сынъ, Іоаннъ. Нижнебаварская линія Виттельсбаховъ прекратилась, нижнебаварскій сеймъ выбралъ своимъ государемъ Людвига, купившаго себѣ выборъ боль- Соединеніе баварскихъ удѣловъ въ одно государство. Январь 1341.

Январь 1341. шими уступками и не посовѣстившагося нарушить права своихъ пфальцскихъ племянниковъ, которымъ по павійскому договору самъ предоставилъ право на полученіе части наслѣдства тѣхъ владѣній баварской династіи, государи которыхъ не будутъ имѣть потомства. Такимъ образомъ, владѣнія Людвига значительно увеличились.

Павійскій договоръ. Павійскій договоръ Людвига съ другими членами династіи Виттельсбаховъ былъ заключенъ во время его итальянскаго похода, 4 августа 1339. Братъ Людвига, Рудольфъ, тогда уже умеръ; у него остались сыновья; Людвигъ отдалъ имъ рейнскій Пфальцъ и ту часть сѣверной Баваріи, которая стала называться Верхнимъ Пфальцомъ. Курфиртскій голосъ долженъ былъ принадлежать старшему въ этой (верхнебаварской) линіи Виттельсбаховъ. Въ случаѣ прекращенія нижнебаварской линіи, Людвигъ обѣщался раздѣлить это наслѣдство съ племянниками.

Пріобрѣтеніе Тироля. Вскорѣ послѣ того какъ Людвигъ соединилъ подъ своею властью всю Баварію (кромѣ верхняго Пфальца), представился ему случай сдѣлать новое пріобрѣтеніе. Іоаннъ Генрихъ, король богемскій, жилъ въ ссорѣ съ своею женою, Маргаретою Маульташъ. Тирольскіе вельможи были недовольны его притѣснительнымъ правленіемъ. Такимъ образомъ, составился замыселъ прогнать богемцевъ изъ Тироля и женить на Маргаретѣ Людвига Бранденбургскаго, овдовѣвшаго незадолго передъ тѣмъ. Возвращаясь съ охоты въ свою резиденцію, замокъ
2 января 1341. Тироль, Іоаннъ Генрихъ нашелъ ворота запертыми, а своихъ придворныхъ выгнанными изъ замка. Черезъ три мѣсяца Маргарета повѣнчалась съ Людвигомъ Бранденбургскимъ (10 февраля 1342), хотя прежній бракъ ея не былъ расторгнутъ церковной властью. Отецъ утвердилъ Людвига Бранденбургскаго, какъ мужа Маргареты, въ ленномъ владѣніи графствомъ тирольскимъ и герцогствомъ каринтійскимъ (Маргарета не отказывалась отъ своихъ правъ на Каринтію). Жадность, съ какою императоръ захватывалъ земли во владѣніе своей династіи, возбудила опасенія Габсбурговъ и люксембургскаго дома. Іоаннъ, король богемскій, хотя былъ уже слѣпой и передалъ управленіе Богеміей своему старшему сыну, Карлу (11 іюня 1341), пріѣхалъ въ Вѣну къ Альбрехту Хромому (или Мудрому); они рѣзко протестовали противъ произвола императора. Самовластіе Людвига раздражало и другихъ князей. Они справедливо полагали, что императоръ хочетъ сдѣлать корону наслѣдственной въ своемъ родѣ; жадность его угрожала всѣмъ; онъ имѣлъ намѣреніе возстановить санъ герцога швабскаго и отдать Швабію своему сыну, Стефану.

Новые переговоры императора съ папой. Вѣроятно у нѣмецкихъ князей возобновился тогда замыселъ выбрать другого короля. Во всякомъ случаѣ едва ли мы ошибемся, предположивъ, что ихъ неудовольствіе побудило Людвига возобновить переговоры съ папой. Папскій престолъ занималъ тогда Климентъ VI, бывшій воспитателемъ Карла Богемскаго и епископомъ руанскимъ, усердный приверженецъ люк-
Сентябрь 1343. сембургской династіи и короля французскаго. Людвигъ подписалъ состав-

ленныя папой условія примиренія, заключавшія въ себѣ между прочимъ то, что онъ сложитъ императорскій титулъ и обѣщается не ходить въ Италію; но даже и это униженіе осталось напраснымъ. Климентъ прислалъ ему новыя условія примиренія; папа требовалъ, чтобы Людвигъ отказался отъ всякихъ правъ на Италію, обязался не издавать въ Германіи никакихъ законовъ безъ разрѣшенія папы, остановилъ дѣйствіе изданныхъ законовъ до утвержденія ихъ папой, чтобъ онъ отнялъ должности у тѣхъ епископовъ и аббатовъ, которыхъ назначилъ своею властью, чтобъ онъ освободилъ нѣмецкихъ князей отъ присяги, данной ими ему, и самъ помогъ папѣ взять съ нихъ обѣщаніе, что они будутъ помогать папѣ противъ него, если онъ нарушитъ эти обязательства.

Франкфуртскій сеймъ.

Принять такія условія Людвигъ не могъ; притомъ онъ видѣлъ, что папа не хочетъ мириться съ нимъ, потому объявилъ, что не имѣетъ права принять требованія папы безъ согласія сейма, и въ сентябрѣ 1344 созвалъ сеймъ во Франкфуртъ. Князья рѣшили, что требованія папы вредны нѣмецкому государству, потому должны быть отвергнуты; депутаты городовъ согласились съ мнѣніемъ князей. Но никакого формальнаго постановленія сеймъ не сдѣлалъ. Черезъ недѣлю курфирсты съѣхались въ Ренсе и объявили, что папскія требованія противны правамъ и обычаямъ нѣмецкаго государства. Но и курфирсты и другіе князья вступались только за интересы нѣмецкаго государства, а не за Людвига, которымъ они были недовольны. Они уже думали выбрать другого короля; наибольшіе шансы имѣлъ старшій сынъ Іоанна Богемскаго, Карлъ. Пять курфирстовъ уже согласились тогда между собою выбрать его королемъ.

Отношенія Людвига къ люксембургской династіи.

Но было еще рано исполнить это намѣреніе. Люксембургская династія была занята своими дѣлами. Въ началѣ 1345 года старикъ король съ сыномъ Карломъ и многими князьями отправился въ походъ противъ язычниковъ литовцевъ, потомъ воевалъ съ герцогомъ швейдницскимъ, съ королемъ польскимъ Казиміромъ и другими сосѣдами. Только помирившись съ ними, Люксембурги могли обратить свои усилія на пріобрѣтеніе нѣмецкой короны. Людвигъ, убѣдившись въ безполезности уступокъ папѣ, разорвалъ переговоры съ нимъ и сблизился съ королемъ англійскимъ. Онъ пріобрѣлъ тогда Голландію; потому его союзъ съ Эдуардомъ угрожалъ большей опасностью Франціи; но онъ не могъ дѣйствовать противъ нея, потому что руки у него были связаны ссорой съ Люксембургами. Онъ желалъ примириться съ ними, предлагалъ въ вознагражденіе за Тироль отдать Богеміи Лаузицъ и заплатить 20.000 марокъ серебра. Но переговоры разстроились, и люксембургская партія стала дѣйствовать рѣшительно.

Мартъ 1346.

Голландское наслѣдство.

Въ сентябрѣ 1345 тогда Вильгельмъ IV, графъ голландскій, былъ убитъ въ войнѣ съ восточными фризами; мужская линія голландской династіи прекратилась; наслѣдницею убитаго графа была старшая сестра, Маргарета, жена Людвига. Императоръ, какъ ленный господинъ Голландіи, отдалъ ей все наслѣдство брата (15 января 1346). Голландскій сеймъ призналъ ее государыней. Но Эдуардъ III, мужъ другой сестры убитаго графа, требовалъ часть наслѣдства себѣ и поссорился съ Людвигомъ.

Исторія Голландіи.

При Каролингахъ графская династія, владѣвшая землями у Зёйдерзе и Нѣмецкаго моря, расширила свои владѣнія, пользуясь слабостью королевской власти, и дѣлала завоеванія въ землѣ фризовъ, свободныхъ поселянъ.

Диркъ III † 1003.

Диркъ (Дитрихъ) III сталъ собирать пошлины на Мерве, въ той мѣстности, гдѣ послѣ былъ построенъ Дордрехтъ, заставилъ епископа утрехтскаго отказаться отъ притязаній на эту часть приморья и упрочилъ тѣмъ самостоятельность Голландіи. Его преемники мужественно защищали свою независимость отъ епископа утрехтскаго и императоровъ франконской династіи, покровительствовавшихъ епископу. Была опасность, что Голландію покоритъ могущественый герцогъ лотарингскій, Готфридъ Горбатый; но онъ былъ убитъ (VI, 226), и Голландія осталась независима. Вдова графа Флоренса II, Петронелла Саксонская, сестра императора Лотара, правившая Голландіей по смерти мужа, вступила въ союзъ съ графомъ фландрскимъ, чтобы при его содѣйствіи свергнуть власть нѣмецкаго короля. Ея сынъ,

Флоренсъ III † 1190.

Флоренсъ III, съ трудомъ защищалъ свою независимость отъ графа фландрскаго, который былъ сильнѣе его. Фламандцы завидовали морскому могуществу голландцевъ и хотѣли пріобрѣсти право безпошлиннаго плаванія по низовьямъ Мааса, Шельды и по Ваалю. Флоренсъ III участвовалъ въ третьемъ крестовомъ походѣ и умеръ въ Антіохіи. По смерти его сына

Диркъ VII † 1203.

Дирка VII, независимость Голландіи подверглась новой опасности: вдова Дирка, Адельгейда Клевская, хотѣла отдать Голландію своему зятю, графу

Вильгельмъ I † 1223.

лосскому (Loos), вассалу епископа утрехтскаго. Но братъ Дирка Вильгельмъ (Виллемъ), опираясь на народъ, желавшій сохранить свою независимость, овладѣлъ Голландіей и сохранилъ ея самостоятельность. Во время войнъ французовъ съ англичанами онъ былъ взятъ въ плѣнъ при Бувинѣ. Папа отлучилъ его отъ церкви, но кончилось тѣмъ, что онъ удержалъ за собой

Вильгельмъ II † 1256.

власть. Внукомъ его былъ графъ Вильгельмъ II, котораго противники Фридриха II выбрали королемъ нѣмецкимъ. Маргарета Фландрская требовала, чтобъ онъ призналъ ея леномъ ту часть Зеландіи, которая лежитъ на западъ отъ Шельды; онъ велъ съ ней за это войну и защитилъ независимость этой части своихъ владѣній. Но вскорѣ по своемъ избраніи въ санъ короля нѣмецкаго онъ, какъ мы говорили, былъ убитъ въ походѣ противъ западныхъ фризовъ въ сѣверной Голландіи (стр. 204). Продолжи-

Флоренсъ V † 1296.

тельное правленіе его сына Флоренса V было выгодно для Голландіи. Онъ освободилъ всю Зеландію изъ-подъ ленной зависимости отъ Фландріи, помогалъ гражданамъ Утрехта въ ихъ борьбѣ противъ сосѣднихъ князей, побѣдилъ въ двухъ битвахъ западныхъ фризовъ, постоянно бывшихъ врагами графовъ голландскихъ; по примѣру своего родственника, Эдуарда I, онъ давалъ городамъ самоуправленіе, старался подчинить себѣ вельможъ. Вмѣстѣ съ графомъ фландрскимъ онъ принялъ сторону французовъ въ ихъ войнѣ съ Эдуардомъ I; ободряемые Эдуардомъ, вельможи составили про-

Іоаннъ I † 1299.

тивъ него заговоръ и убили его (стр. 570). Сынъ Флоренса, Іоаннъ I, былъ черезъ два года убитъ при мятежѣ народа. Мужская линія голландской династіи прекратилась, и графомъ голландскимъ сталъ сынъ сестры Виль-

Іоаннъ II † 1304.

гельма II, Жанъ Авенъ, графъ геннегаускій, на сторонѣ котораго былъ народъ. Гюи, графъ фландрскій, отнялъ у него почти всю Голландію и Зеландію; въ его владѣніи оставались только Дордрехтъ и Гарлемъ въ Голландіи и Зирикзе въ Зеландіи. Фламандцы осаждали Зирикзе. Нитте Гамстеде, побочный сынъ Флоренса V, приплылъ въ рыбацкой лодкѣ къ гарлемскому берегу, вышелъ на дюны, народъ сошелся къ нему и при боевомъ крикѣ, „Голландія! Голландія!“ фламандцы были въ одну недѣлю прогнаны изъ всей Голландіи. Послѣ упорнаго морского сра-

Вильгельмъ III † 1337.

женія они были принуждены уйдти отъ Зирикзе, и храбрый сынъ Іоанна II, Вильгельмъ III, сталъ по смерти отца государемъ Голландіи, уже осво-

божденной отъ враговъ. По примѣру отца, онъ опирался на народъ. Онъ призвалъ къ участію въ сеймѣ депутатовъ городовъ, установлялъ налоги только съ ихъ соглашенія; они, когда находили надобнымъ, принимали „просьбы“ графа о пособіи ему налогами. Судъ феодальныхъ землевладѣльцевъ былъ замѣненъ графскимъ судомъ. Вообще Вильгельмъ III былъ умный и энергическій правитель. Воспользовавшись раздорами утрехтскаго капитула, онъ подчинилъ епископство утрехтское своей власти, такъ что выборъ епископа сталъ зависѣть отъ него. Западные фризы, свободные поселяне, признали его своимъ покровителемъ съ тѣмъ чтобъ онъ защищалъ ихъ отъ сосѣднихъ князей. Онъ выдалъ свою дочь, Филиппу, за Эдуарда III; родство съ англійскимъ королемъ увеличило его значеніе въ европейскихъ дѣлахъ. Онъ поддерживалъ своего зятя, Людвига Баварскаго. Его называли „княземъ князей“. Народъ долго вспоминалъ о немъ съ благодарностью. Его сынъ Вильгельмъ IV былъ тоже человѣкъ храбрый, но не имѣлъ такого ума, какъ отецъ, потому не имѣлъ и такихъ удачъ. Въ войнѣ между Филиппомъ IV и Эдуардомъ III за французскій престолъ онъ держалъ себя такъ перѣшительно, что оба короля сердились на него. Потомъ онъ ходилъ воевать съ язычниками литовцами, воевалъ съ епископомъ утрехтскимъ и фризами, пытавшимися свергнуть съ себя власть графа голландскаго, и погибъ въ походѣ на фризовъ. Съ нимъ прекратилась мужская линія геннегауской династіи. Императоръ Людвигъ отдалъ его владѣнія, какъ вакантные лены, его сестрѣ, Маргаретѣ, на которой былъ женатъ. Вельможи и народъ, любившіе геннегаускую династію, охотно признали власть Маргареты. Но при ней начались для Голландіи тяжелыя времена. Возвратившись по смерти мужа въ Голландію, она принуждена была начать войну съ своимъ сыномъ, Вильгельмомъ V, который не отдавалъ матери графство геннегауское, назначенное на вдовью часть ей (графомъ голландскимъ былъ ея сынъ; она была только наслѣдницей своего брата, по праву которой получилъ наслѣдство дяди сынъ ея). Народъ раздѣлился на двѣ партіи; приверженцы Вильгельма, получившіе названіе партіи трески, поддерживали его стремленіе усилить центральную власть, ограничить самостоятельность городовъ и цеховъ; сторонники Маргареты, называвшіеся крючками (Hoeks, то есть крючками для ловли трески), хотѣли поддержать общинныя и корпоративныя учрежденія, были защитниками и правъ личной свободы. Война была продолжительна, изнурила обѣ партіи; тогда былъ заключенъ миръ, по которому Маргарета получила графство геннегауское, а Вильгельмъ удержалъ за собою остальное наслѣдство. Маргарета умерла въ 1355; черезъ два года Вильгельмъ сошелъ съ ума, такъ что пришлось запереть его. Онъ на всю жизнь остался лишеннымъ разсудка. Междоусобіе возобновилось по вопросу о томъ, кому поручить управленіе государствомъ за больного Вильгельма. Партія трески хотѣла назначить правительницей жену Вильгельма, Маргарету ланкастерскую; Крючки хотѣли сдѣлать регентомъ (рувартомъ „охранителемъ спокойствія“) герцога баварскаго Альбрехта, брата Вильгельма. Крючки побѣдили, Альбрехтъ сталъ рувартомъ, а по смерти Вильгельма (въ 1389 году) графомъ голландскимъ. Нѣсколько времени въ государствѣ поддерживалось спокойствіе; опираясь на партію крючковъ, Альбрехтъ старался удовлетворить и партію трески реформами въ городскомъ управленіи. Но потомъ подъ вліяніемъ своей любовницы, Аделанды Польгестъ, онъ сталъ предпочитать сторонниковъ трески крючкамъ. Они составили заговоръ, убили Аделанду. Виновные въ убійствѣ бѣжали, Альбрехтъ отдалъ на разграбленіе ихъ замки; его сынъ, подозрѣваемый въ соучастничествѣ съ заговорщиками, бѣжалъ во Францію. Черезъ нѣсколько времени Альбрехтъ дозволилъ бѣжавшимъ возвратиться; ему хотѣлось примирить партіи, чтобы соединен-

Вильгельмъ IV † 1345.

Вильгельмъ V † 1389.

Герцогъ Альбрехтъ † 1401.

ными силами ихъ покорить фризовъ, дѣлавшихъ набѣги на Голландію во время междоусобія. Онъ славился какъ покровитель поэтовъ. Сынъ его,

Вильгельмъ VI † 1417.

Вильгельмъ VI, упрочилъ графскую власть успѣшными войнами съ непокорными вельможами. По смерти послѣдняго вождя ихъ, Яна Аркеля, прекратилось всякое серьезное сопротивленіе вельможъ графамъ. У Вильгельма не было сыновей, онъ имѣлъ только одну дочь, Якобею; она была замужемъ за Дофиномъ французскимъ; онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, какъ полагали, отъ отравы. Это было въ послѣдній годъ жизни отца Якобеи; она возвратилась въ Голландію и вышла за Жана, герцога брабантскаго. Когда отецъ умеръ, крючки признали ее графиней голландской; но честолюбивый дядя, Іоаннъ Баварскій, началъ войну съ ней за наслѣдство. При помощи партіи трески онъ сдѣлался правителемъ всего государства и получилъ право принять титулъ графа голландскаго по смерти Якобеи; но она не признала этого договора сейма съ Альбрехтомъ и защищала свои права. Бросивъ своего мужа, герцога брабантскаго, она вышла за Гомфри, герцога глосстерскаго, сына Генриха IV. Ее поддерживали крючки, и оплотомъ ея былъ городъ Лейденъ. Іоаннъ побѣдилъ ее, но черезъ нѣсколько времени умеръ отъ отравы. Междоусобіе возобновилось. Іоаннъ назначилъ наслѣдникомъ своего ближайшаго родственника Филиппа, герцога бургундскаго (бургонскаго). Онъ началъ войну съ Якобеей, которая уже развелась съ герцогомъ глосстерскимъ и вступила въ тайный бракъ съ голландскимъ вельможей Борселеномъ. Она была осаждена въ Монсѣ, взята въ плѣнъ. Іоаннъ держалъ ее подъ стражей въ Гентѣ, она бѣжала и при помощи крючковъ возобновила войну. Но она утратила уваженіе народа и не могла удержаться противъ герцога бургонскаго и партіи трески; потому въ 1428 году признала Филиппа правителемъ Голландіи и Зеландіи; за ней осталось только графство геннегауское. По смерти ея и оно было присоединено къ владѣніямъ Филиппа. Исторія Голландіи съ этого времени сливается съ исторіей герцогства бургонскаго. Филиппъ человѣкъ умный, убѣдилъ партіи примириться, и Голландія стала пользоваться спокойствіемъ.

Іоаннъ Баварскій † 1424.

Выборъ Карла королемъ.

Люксембурги давно задумали, какъ мы говорили, отнять престолъ у Людвига. Когда они разсудили, что это стало возможно, они воспользовались враждою папы къ императору, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ. Климентъ VI въ собраніи кардиналовъ 13 апрѣля 1346 года предалъ Людвига церковному проклятію, объявилъ его лишеннымъ всѣхъ владѣній и предложилъ курфирстамъ избрать новаго короля. Карлъ, старшій сынъ короля богемскаго, носившій титулъ маркграфа моравскаго, далъ 22 апрѣля обѣщаніе, что если онъ будетъ избранъ римскимъ королемъ, то подтвердитъ всѣ уступки, сдѣланныя римскому престолу прежними нѣмецкими королями и императорами, объявитъ недѣйствительными всѣ распоряженія Людвига, порицаемыя папой; что онъ не пойдетъ въ Римъ безъ разрѣшенія папы, и когда получитъ императорскую корону, то уйдетъ изъ Рима въ самый день коронованія; что онъ не будетъ вмѣшиваться въ итальянскія дѣла, предоставитъ рѣшенію папы всѣ споры между нѣмецкимъ и французскимъ королевствами. Пять курфирстовъ (три рейнскіе архіепископа, Іоаннъ Богемскій и Рудольфъ I, герцогъ саксенъ-

виттенбергскій) съѣхались въ Репсе и 11 іюля (1346 года) избрали Карла, маркграфа моравскаго, королемъ нѣмецкимъ.

Но выборъ Карла не пользовался сочувствіемъ большинства князей и народа. Городъ Аахенъ не впустилъ его въ свои ворота для коронованія. Имперскіе города приняли сторону Людвига. Ихъ депутаты собрались въ Шпейерѣ и объявили выборъ короля противозаконнымъ и недѣйствительнымъ. Положеніе Людвига осталось по прежнему прочно. Большинство князей поддерживало его. Новый король и его отецъ уѣхали изъ Германіи къ Филиппу, пошли съ нимъ на короля англійскаго и въ сраженіи при Креси (26 августа 1346) Іоаннъ былъ убитъ. Онъ былъ слѣпой, но поѣхалъ въ битву: два рыцаря держали его коня за поводья, и онъ велѣлъ направлять его въ то мѣсто, гдѣ шелъ жаркій бой. Онъ былъ храбрый рыцарь и человѣкъ очень предпріимчивый, но непостоянный; потому при всей своей хитрости не достигалъ никакихъ успѣховъ. По своей національности онъ былъ французъ, интересы Германіи были чужды ему.

Смерть Іоанна. Сентябрь 1346.

Карлъ былъ раненъ въ сраженіи при Креси; оправившись отъ ранъ, онъ 26 ноября короновался въ Боннѣ. Онъ старался склонить на свою сторону Альбрехта, герцога австрійскаго, который по смерти своего брата Оттона и обоихъ сыновей Оттона сталъ государемъ всѣхъ габсбургскихъ владѣній; но Альбрехтъ, человѣкъ разсудительный, не признавалъ Карла королемъ. Весною 1347 года войска Людвига и Карла сошлись въ Тиролѣ; но никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій не произошло тамъ. На Рейнѣ архіепископы Генрихъ майнцскій и Бальдуинъ трирскій едва отбивались отъ сосѣднихъ свѣтскихъ князей, оставшихся вѣрными Людвигу. Междоусобіе могло тянуться долго, но было прекращено смертью Людвига: онъ отправился на медвѣжью охоту въ окрестностяхъ Мюнхена и внезапно умеръ отъ апоплексическаго удара (11 октября 1347).

Смерть Людвига Баварскаго.

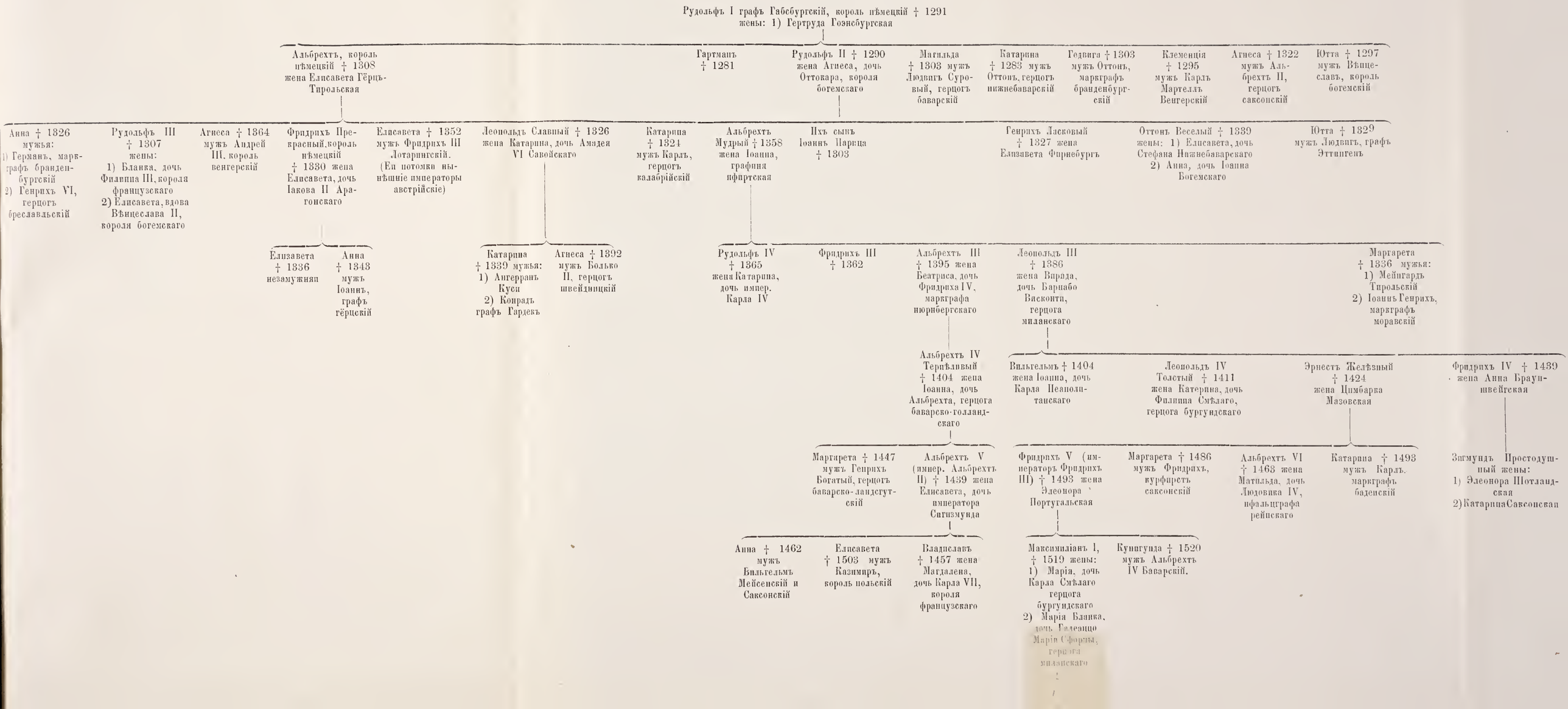
Царствованіе Людвига Баварскаго началось и кончилось междоусобіемъ, и все оно прошло въ борьбѣ, тяжелой для него; онъ не имѣлъ силъ, нужныхъ для нея. Понятія его были узкія; онъ страдалъ душой отъ проклятій папы, потому дѣйствовалъ нерѣшительно, постоянно просилъ милости у папы и однако же умеръ, не получивъ ея. Собственныя его владѣнія составляли государство менѣе сильное, чѣмъ сосѣднія съ нимъ; а королевскій санъ давалъ очень мало силы носящему его. Въ постоянномъ желаніи увеличить владѣнія своей династіи, онъ былъ неразборчивъ на средства, но и въ этомъ не достигъ прочныхъ успѣховъ. Одну большую заслугу должно признать за нимъ: онъ покровительствовалъ нѣмецкимъ городамъ. Они платили ему за это неизмѣнной преданностью. Въ частности онъ поддерживалъ городскихъ простолюдиновъ, ремесленниковъ, противъ господствовавшаго въ городахъ сословія патриціевъ; и простолюдины, по-

Характеръ правленія Людвига.

всюду боровшіеся тогда съ городской аристократіей, были горячо преданы ему. По мѣрѣ своихъ силъ, онъ содѣйствовалъ развитію благосостоянія и могущества нѣмецкихъ городовъ. Это составляетъ неоспоримую славу его правленія, которое не представляетъ никакихъ блестящихъ дѣлъ, ни дипломатическихъ, ни военныхъ.

Родословная таблица Габсбурговъ

(по Voigtel, Stammtafeln, herausgegeben von Cohn).



Родословная таблица Виттельсбаховъ.

Оттонъ I, первый герцогъ баварскій династіи Виттельсбаховъ † 1183

Людвигъ I, герцогъ баварскій, пфальцграфъ рейнскій † 1231

Оттонъ II, Свѣтлый † 1253

- Людвигъ II Суровый, курфистъ пфальцскій, герцогъ верхнебаварскій † 1294
  - Рудольфъ I Заика, пфальцграфъ рейнскій, герцогъ верхнебаварскій † 1319 (родоначальникъ пфальцской линіи)
  - Людвигъ IV императоръ † 1347 (родоначальникъ баварской линіи)
- Генрихъ I, герцогъ нижнебаварскій † 1290
  - Оттонъ III † 1312
    - Генрихъ III Натернбергскій † 1333.
  - Людвигъ III † 1296
  - Стефанъ † 1310
    - Генрихъ II † 1339
      - Іоаннъ † 1340
    - Оттонъ IV † 1334

Пфальцская линія

Рудольфъ I Заика, пфальцграфъ рейнскій, герцогъ верхнебаварскій † 1319

- Адольфъ Простодушный † 1327
  - Рупрехтъ II † 1398
    - Рупрехтъ III, король римскій † 1410
      - Рупрехтъ Пипанъ † 1397
      - Людвигъ III Бородатый †1436, курфирстъ пфальцскій
        - Людвигъ IV Кроткій † 1449
        - Фридрихъ I Побѣдоносный † 1476
      - Іоаннъ † 1443, пфальцграфъ неймарктскій
      - Стефанъ † 1459, пфальцграфъ зиммернскій и цвейбрюкенскій
        - Фридрихъ † 1480, пфальцграфъ зиммернскій
        - Людвигъ Черный † 1489, пфальцграфъ цвейбрюкенскій (предокъ всѣхъ послѣдующихъ пфальцграфовъ и королей баварскихъ
      - Оттонъ I † 1461, пфальцграфъ мосбахскій
- Рудольфъ II Слѣпой † 1353
  - Анна † 1352, жена императора Карла IV
- Рупрехтъ I † 1390

Баварская линія.

Людвигъ IV, императоръ † 1347

- Людвигъ V, маркграфъ бранденбургскій, герцогъ верхнебаварскій † 1361
  - Мейнгардъ, герцогъ верхнебаварскій, графъ тирольскій † 1363
- Стефанъ I герцогъ, (нижнебаварскій) ландсгудскій † 1375
  - Стефанъ II ингольштадскій † 1413
    - Людвигъ VII Бородатый † 1447
      - Людвигъ VIII Горбатый † 1445
  - Фридрихъ Ландсгутскій † 1393
    - Генрихъ Богатый † 1450
      - Людвигъ IX Богатый † 1479
        - Генрихъ Богатый † 1503
  - Іоаннъ Мюнхенскій † 1397
    - Эрнстъ † 1438
      - Альбрехтъ III Благочестивый
        - Іоаннъ Мюнхенскій † 1463
        - Зигмундъ, герцогъ дахаускій † 1501
        - Альбрехтъ IV Мудрый, герцогъ всей Баваріи † 1508.
          - Вильгельмъ IV Мюнхенскій † 1550.
            - Альбрехтъ V, герцогъ всей Баваріи † 1579.
              - Вильгельмъ V † 1626.
                - Максимиліанъ, курфистъ баварскій.
          - Людовикъ X ландсгутскій † 1545.
- Людвигъ VI Римскій, маркграфъ бранденбургскій † 1366
- Вильгельмъ I, герцогъ(нижнебаварскій) штраубингскій, графъ голландскій † 1377
  - Вильгельмъ, графъ голландскій † 1417
  - Альбрехтъ I, герцогъ(нижнебаварскій) штраубингскій, графъ голландскій † 1404
    - Альбрехтъ штраубингскій † 1399
- Оттонъ IV, маркграфъ бранденбургскій † 1379

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Напечатано.	Вмѣсто.
134	Компанью.	Кампанью.

Куно-Фишера. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. И. Рассадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціуса. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Вселовскаго* и *М. Корсакъ.* М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Левитова. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.

Лессинга, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. И. Рассадина.* М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша.* М 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева.* М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Всесловской.* М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія, т. I. Ц. 6 р., т. V. Ц. 3 р. 50 к. М. 1887 г. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.*

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша.* М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Ольденберга, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго М. 1884 г. Ц. 2 р.

Огарева, Н. Стихотворенія. М. 1863 г. Ц. 50 к.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина.* М. 1882 г. Цѣна 2 р.

Рѣшетникова, Ѳ. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Ѳ. Г. Мишенка.* М. 1879 г. Цѣна 10 р.

Сурикова, И. З. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотв., изданіе 3-е, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тикнора. Исторія испанской литературы. Т. I и II. Пер. *Н. И. Стороженко.* М. 1886 г. Ц. 6 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.

— Титъ Ливій. Критическ. изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Финлея. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко.* Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фойгта, Г. Возрожденiе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1884 г. Т. I и II. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскiя катакомбы и памятники первоначальнаго христiанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

Шекспира. Полное собранiе драматическихъ сочиненiй. Пер. *П. Кетчера.* 9 частей. Ц. 10 р.

Шмидта, Карла. Исторiя педагогики, изложенная во всемiрно-историческомъ развитiи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданiя, дополненнаго и исправленнаго *В. Лангe*, пер. *Э. Циммермана.* Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ), М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 16 р.

LRBMr'17

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: APR 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 470 682 8